

Евразийский юридический журнал

№ 12 (187) 2023

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛТЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2023

Подписано в печать 25.12.2023

Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.

Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов –

Дряхлов С. П.

Компьютерная верстка – Брылев С. О.

Адрес редакции: 119034, г. Москва,

ул. Пречистенка, д. 10.

тел.: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

email: eurasiaw@yandex.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

https://eurasiaw-journal.ru/

Eurasian Law Journal

№ 12 (187) 2023

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISEN Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)
AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)
BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)
BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).
FAKHRTUDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
GUSEINOV Abdusalam Abdulkarimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)
KHILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadijevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)
RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"
RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)
RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)
SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))
TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2023

Signed for printing 25.12.2023

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasilaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasilaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ДЕМИЕВА Айнур Габдульбаровна, д.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadzhammadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

А. Р. Чаттаев:

Государственный контракт – инструмент для эффективного управления государственными активами. Государственные закупки и бизнес	
Интервью с Чаттаевым Азаматом Руслановичем, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры гражданского права и процесса АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва, основателем и руководителем юридической компании «Chattaev Protection».....	14

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Халипов С. В.

Таможенно-тарифное регулирование России в Евразийском экономическом союзе.....	18
--	----

Казаков Н. А., Ахтямова Е. В.

Научные исследования генома человека в рамках Евразийского экономического союза.....	21
--	----

Халипов С. В.

Теория и практика поднормативного регулирования внешней торговли товарами в Евразийском экономическом союзе.....	26
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Нигматуллин Р. В., Назарзода Б. Р.

Консульские отношения как фактор обеспечения межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Таджикистан.....	30
--	----

Абдуллаева Х. А., Абдулаева И. А.

Международные стандарты права человека и гражданина на информацию и их развитие в законодательстве различных государств.....	34
--	----

Лебедева Я. И.

Национальная и европейская идентичность в правовом порядке Европейского союза.....	37
--	----

Мухаметгареева Н. М., Юсупова З. А.

Современные сложности обеспечения механизма международно-правовой охраны озонового слоя.....	41
--	----

Тулупова Е. О., Демидова Т. К.

Международное право: сложности применения на современном этапе.....	43
---	----

Батурина Е. В.

Международно-правовые и институциональные основы концепции формирования общего пространства безопасности на региональном уровне.....	45
--	----

Болотова А. Б.

Закон КНР о противодействии иностранным санкциям в контексте односторонних экономических санкций США.....	48
---	----

Гу Вэньшо

Разрешение споров о денонсации в международных договорах.....	52
---	----

Веретельникова П. П., Ершова А. А.,

Котик А. О., Маслов П. Н., Ярош Д. Р.	
Трансформация политических традиций.....	56

Гоменюк В. А., Кириллюк А. В.,

Холод Е. К., Бурнос А. В., Несина А. М.	
Эволюция публичной дипломатии: исторический обзор и современные перспективы.....	59

Ершова А. А., Маслов П. Н., Котик А. О.,

Ярош Д. Р., Веретельникова П. П.	
Восходящая экономическая мощь Китая и её влияние на международный порядок.....	61

Журман Ю. В., Черемисина К. М.,

Пучкин Д. К., Юдина Д. В., Калюжная П. Л.	
Влияние динамики обменного курса китайского юаня на международную торговлю.....	64

Кириллюк А. В., Бурнос А. В., Холод Е. К.,

Гоменюк В. А., Несина А. М.	
Анализ правовых и страховых аспектов морской перевозки грузов.....	68

Куцупалова В. С., Мастюкова И. И.,

Бабичева А. С., Виноградова С. А., Пестрецов И. В.	
Концепции и характеристики публичной и местной дипломатии.....	70

Мастюкова И. И., Бабичева А. С.,

Пестрецов И. В., Куцупалова В. С., Виноградова С. А.,	
Динамика взаимодействия международного права и международных отношений: анализ спора о Докдо/Такэсима.....	73

Сказин Н. А., Брыкова Д. Д.,

Карагодина Е. С., Рымарь Б. Н., Свистак А. В.	
Федеральная резервная система и её институциональные отношения: анализ политической независимости и ответственности.....	76

Утва И. С., Рубан П. О.

«Виртуальные» государства как нетипичный субъект международного права.....	79
--	----

Черемисина К. М., Калюжная П. Л.,

Пучкин Д. К., Юдина Д. В., Журман Ю. В.	
Процесс адаптации российских трудовых законов к международным стандартам.....	81

Приданцева Д. С.

Понятие и нормативное регулирование консульского содействия в российском праве.....	83
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Галеева А. А., Демидова Т. К., Васильев А. В.

Роль России в экономическом и политическом развитии Центральной Азии: торговля, энергетика и безопасность.....	89
--	----

Струговец Л. А.

Законотворительные инициативы ЕАЭС в сфере защиты климата.....	91
--	----

Бикчентеева С. Р., Глинщикова Т. В., Романенко А. А.

Теория характерного исполнения как основной критерий определения применимого права в современном российском и зарубежном коллизионном праве.....	94
--	----

Верхотурова Д. А., Медведева Д. О.,

Вдовенкова О. В., Белоусов Н. А., Хлюпов И. В.	
Преобразование глобального управления: реформа международной экономической системы в эпоху устойчивого развития.....	96

Кунгурова А. А., Казымов А. И.,

Горячкина М. М., Туров С. Е., Софрина А. А.	
Реформа международной валютной системы: роль и перспективы специальных прав заимствования (СДР).....	99

Туров С. Е., Кунгурова А. А.,

Горячкина М. М., Софрина А. А., Казымов А. И.	
Юридические аспекты международной транспортной ответственности: анализ Гаагских, Гааг-Висбийских, Гамбургских и Роттердамских правил.....	102

Юридические аспекты международной транспортной

ответственности: анализ Гаагских, Гааг-Висбийских, Гамбургских и Роттердамских правил.....	102
---	------------

Гамбургских и Роттердамских правил.....

институциональные переходы и политические вызовы.....	105
--	------------

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Карагодина Е. С., Сказин Н. А.,

Брыкова Д. Д., Свистак А. В., Рымарь Б. Н.	
Экономический и Валютный Союз в Европе: институциональные переходы и политические вызовы.....	105

Экономический и Валютный Союз в Европе:

институциональные переходы и политические вызовы.....	105
--	------------

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Азаров В. В.

Проблема цифрового законодательства в информационном пространстве Российской Федерации.....	108
---	-----

Протопопова Т. В., Таркова И. А.

Известность как правовая категория.....	110
---	-----

Прысь И. Е.

Основы профессионально-педагогической деятельности в процессе преподавания общетеоретических юридических дисциплин в условиях ведомственного образования.....	113
---	-----

Романовская Л. Р.

Искусственный интеллект и права человека: проблемы соотношения.....	115
---	-----

Самойлова Ж. В.

Цифровые сервисы для участников избирательного процесса, как гарантия реализации конституционных прав граждан.....	118
--	-----

Шичко А. Р., Шичко А. Р., Сурков А. Н., Артемьев Р. Д.

Признаки, основания возникновения юридической ответственности.....	120
--	-----

Хэ Чжэньдун, Нин Яньхун, Ли Хунхун

Механизмы правовой защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России в рамках инициативы «Один Пояс и один путь».....	123
---	-----

Яловенко Т. В.

Влияние современных СМИ на формирование мировоззрения личности.....	126
---	-----

Аксютенков В. О.

Идея архитектурного символизма как отражение государственности.....	129
---	-----

Гоменюк М. А., Клементьева Д. А.,

Скачкова М. А., Басенко Д. В., Ветрова А. А.	
Структурные преобразования власти в Северной Корее эпохи Ким Чон Уна: анализ перехода от «военной политики» к «партийной политике».....	132

Структурные преобразования власти в Северной Корее

эпохи Ким Чон Уна: анализ перехода от «военной политики» к «партийной политике».....	132
---	------------

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Егоров И. А.

Международно-правовые средства обеспечения внешнеполитических интересов средневекового Пскова: исторические условия зарождения и развития.....	135
--	-----

Международно-правовые средства обеспечения

внешнеполитических интересов средневекового Пскова: исторические условия зарождения и развития.....	135
--	------------

Рябов С. И. Дворянское землевладение на Дону: предпосылки и условия возникновения.....	137	Сайфуллина М. И., Балабанова О. О. Гражданско-правовой договор: понятие, юридическая природа (историко-правовой и гражданско-правовой аспекты)	201
Товсултанов Р. А., Товсултанова М. Ш., Галимова Л. Н. Проблемы независимости ряда регионов постсоветского пространства.....	139	Бахтина В. К., Ли М. В., Громчевская К. В., Нагаи К. А., Мичурова А. С. Эволюция и синхронизация в правовой сфере: анализ развития предварительных договоров в России и их соответствие международным стандартам.....	204
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО			
Алиева Х. Т., Дибиров М. Т. Современные проблемы правового регулирования деятельности СМИ в период выборов	142	Баранова А. С., Карев И. А., Моисеенко Д. Р., Еловская Л. В., Моськина М. Н. Анализ и сопоставление трудовых законодательств России и Китая: увольнения и управление трудовыми отношениями.....	207
Ахмедов С. М., Саркарова Д. С. Конституционно-правовой статус прокуратуры после принятия поправок к Конституции 2020 года	144	Близнецов А. С., Сафонова А. Ю., Мезин М. К., Толкачев Р. В., Станкевич А. С. Эволюция семейного законодательства в России	209
Ильина О. Ю. Обеспечение социального партнерства с коренными малочисленными народами Севера как конституционная обязанность государства при принятии решений в области охраны и рационального использования природных ресурсов	146	Воронова С. А., Брага С. С., Бердыкина В. В., Ростовский М. В., Басилов У. И. Эволюция и проблематика интеллектуальных прав в России: исторический обзор и современные тенденции.....	211
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО			
Андрющенко Т. И., Михайлов М. Я. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как одна из мер социально-правового контроля.....	148	Гайдук В. А., Жевлакова Д. М., Гаврильченко К. Р., Коноплицкая А. С., Малачевская Т. В. Роль контролирующих лиц в банкротстве: ответственность и правовая оценка	213
Дибиров Ю. С. Понятие и классификация норм законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях.....	152	Горшков Д. А. Соотношение договоров управления залогом и простого товарищества	215
Мусаева Г. М., Агамурадова А. Т. Пересмотр постановлений по делам об административных правонарушениях: особенности и сроки.....	156	Громчевская К. В., Ли М. В., Мичурова А. С., Бахтина В. К., Нагаи К. А. Эволюция и стратегическое значение дистрибьюторских соглашений в глобальной коммерции: юридический и экономический анализ	218
Мишук А. И., Степанова А. С., Селина Т. О., Тычинина Е. В., Грищенко В. В. Регулирование защиты потребителей через административные меры в России	158	Довгушева А. В., Целищева Т. А., Магязнов В. П., Юркевич Э. А., Ботвинко Д. А. Управление конфиденциальностью в цифровую эпоху.....	220
Толбоева А. Р., Кураев Р. М. Федеральная служба безопасности как гарант защиты государственной тайны	161	Еловская Л. В., Карев И. А., Моськина М. Н., Моисеенко Д. Р., Баранова А. С. Регулятивные инструменты в современном российском законодательстве: оценка и реализация	222
АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО			
Торсян Ю. Е. К вопросу о правовом регулировании цифровых технологий в административном судопроизводстве	164	Изотова Е. А., Вырдылина Ю. В., Жук К. Д., Долгов Д. С., Фролов В. А. Динамика и вызовы в регулировании интеллектуальной собственности в России.....	224
МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО			
Кузьмина К. С., Бавин Д. Е. Местное самоуправление как уровень публичной власти.....	167	Жевлакова Д. М., Гайдук В. А., Коноплицкая А. С., Малачевская Т. В., Гаврильченко К. Р. Трансформация стратегий управления: от иерархии к инновациям в бизнесе	226
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО			
Васева И. С. К вопросу о деятельности территориальных органов, полномочных представителей президента РФ	169	Кривонослова С. А., Савватеев С. В., Шичко А. Р., Артемьев Р. Д. Историческое развитие и современное состояние института компенсации морального вреда.....	228
Глинщикова Т. В., Кубов А. А., Жегет В. С. Применение принципа автономии воли в сфере регулирования трансграничных имущественных отношений супругов	171	Кудинов М. В. Закрытый паевой инвестиционный фонд как объект предпринимательской деятельности.....	230
Крылова Е. В. Региональный бренд: к постановке вопроса.....	173	Кузнецов Д. А. Оценочные категории в законодательстве, подведомственном ФАС России, и экономическое правосудие: проблемы применения (на примере категории «малозначительность»).....	233
Резяпова Г. Ф. Договор коммерческой концессии: проблемы правового регулирования в Российской Федерации.....	176	Кучук М. И., Примаков А. В., Морозова А. А., Примаков В. В., Донской В. А. Этические и юридические дилеммы в трансплантации органов: сравнительный анализ мировых практик и российской реальности	237
Ястремский И. А. Медиация как одна из возможностей досудебного урегулирования спора пациента с клиникой пластической хирургии	183	Кривонослова С. А., Сурков А. Н., Савватеев С. В., Артемьев Р. Д. Основания возмещения морального вреда	240
Моженко Н. С. Принцип диспозитивности гражданского судопроизводства Российской Федерации.....	186	Маклецова И. К. Электронные и неэлектронные закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд	242
Николаенко Н. С., Дерендяева С. Д. Сравнительно-правовой анализ договора инжиниринга	189	Малачевская Т. В., Коноплицкая А. С., Гайдук В. А., Гаврильченко К. Р., Жевлакова Д. М. Гармонизация глобальных стандартов аудита: глобальные вызовы и стратегии развития	244
Пронина Ю. О. Правовое регулирование цифровых инноваций на примере смарт-контракта, как договорного аспекта электронной коммерции.....	191	Николаенко Н. С., Дерендяева С. Д. Роль инжиниринговых услуг и их прямое влияние на экономику Российской Федерации.....	246
Плешакова И. Н. Материнский (семейный) капитал как нетипичный вид социального обеспечения.....	193	Моженко Н. С. Принцип связности гражданского судопроизводства Российской Федерации	248
Пухарт А. А., Сибилев И. А. Правовое регулирование проблемных вопросов функционирования систем искусственного интеллекта в Российской Федерации.....	197	Острожников А. А., Кан Н. А., Близнецов А. С., Гулевич М. О., Дружкова А. И. Разграничение оснований гражданской правосубъектности	251

Саранчук Л. Н., Денисюк Е. И., Роженцева А. П., Бондарева О. Ю., Тарновская А. А. Трансформация трудовых отношений и законодательства в России.....	253	ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО Кодолова А. В. Законодательство Российской Федерации об экологическом сборе: проблемы и перспективы	299
Сидорова А. А., Золотухина Д. Е., Суханова Д. И., Зырянова А. А., Трушков И. И. Реформирование рабочих процессов: оценка влияния удаленной работы на российское законодательство	255	ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО Бавин Д. Е., Кузьмина К. С. Право на забвение как баланс между волей государства и правом человека на неприкосновенность частной жизни в сфере здравоохранения.....	302
Суханова Д. И., Сидорова А. А., Зырянова А. А., Золотухина Д. Е., Трушков И. И. Новые горизонты в защите персональных данных: пересмотр российского законодательства в эпоху цифровых технологий.....	257	Костюк С. А., Лубягин О. И. Искусственный интеллект: конкурент или помощник современного юриста.....	304
Трушков И. И., Золотухина Д. Е., Сидорова А. А., Зырянова А. А., Суханова Д. И. Защита интеллектуальных прав в условиях глобализации: анализ российской практики.....	259	УГОЛОВНОЕ ПРАВО Галушин П. В., Безгачев Ф. В. Возможности применения технологий объяснимого искусственного интеллекта в ходе расследования уголовного дела	307
Утва И. С., Рубан П. О. Искусство нейросетей как объект цифрового права: правовая неопределенность.....	261	Дибиров Ю. С. К вопросу об уголовной ответственности за налоговые преступления	310
Ястремский И. А. Уплата государственной пошлины при подаче искового заявления пациента к клинике пластической хирургии	263	Дорожкин И. О. К вопросу о целесообразности введения уголовной ответственности юридических лиц	313
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС Максимчук М. В. О воспитательной функции арбитражного процесса	266	Дырма С. В. Проблемы противодействия кражам и мошенничествам, совершаемым с использованием информационно- коммуникационных технологий	315
Прасковьян Д. А. К вопросу о допустимости обращения взыскания на единственное жилье должника в рамках дел о несостоятельности (банкротстве)	269	Сакаева Р. Р. Проблемные аспекты регламентации субъектного состава в ст. 200.4 УК РФ.....	317
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО Сергеева К. А. Практика приоритета матери в делах об определении места жительства ребёнка: правда или вымысел?	271	Ступина С. А. Об уголовной ответственности за оскорбление и клевету сквозь призму защиты национальных интересов.....	319
Сергеева К. А. Соотношение институтов добровольного содержания и алиментов в спорах о взыскании алиментов	273	Чочуева З. А. Связь цифровых технологий с уголовно-правовыми отношениями.....	322
ТРУДОВОЕ ПРАВО Басилов У. И., Бердыкина В. В., Брага С. С., Воронова С. А., Ростозский М. В. Сравнительное исследование регулирования увольнения в трудовом праве России и Китая	275	Близнецов А. С., Дружкова А. И., Острожников А. А., Кан Н. А., Гулевич М. О. Тенденции и результативность правосудия в России: изучение наказаний за мошенничество по статье 159 УК РФ	324
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО Бондарева О. Ю., Денисюк Е. И., Роженцева А. П., Саранчук Л. Н., Тарновская А. А. Интеграция цифровых технологий в управление финансами бизнеса: стратегии улучшения производительности и стабильности	277	Карев И. А., Моськина М. Н., Еловская Л. В., Баранова А. С., Моисеенко Д. Р. Защита прав потребителей: уголовно-правовой аспект в Российской Федерации.....	326
Карташов А. В. Особенности лицензирования финтех-банков в европейских странах	279	Костенко Д. С. Значение теории новой социальной защиты М. Анселя в вопросе об актуальных преобразованиях системы мер пресечения в России.....	328
Мартынов Э. А., Очаковский В. А. Роль Центрального Банка Российской Федерации в формировании и регулировании финансовой системы страны.....	282	Ростозский М. В., Басилов У. И., Брага С. С., Бердыкина В. В., Воронова С. А. Реформирование подходов к исправлению несовершеннолетних: анализ и усовершенствование механизмов замены наказания в Российской Федерации.....	330
Примак А. В., Примак В. В., Кучук М. И., Донской В. А., Морозова А. А. Новые горизонты для малого бизнеса: стратегии и вызовы в эпоху цифровой экономики	285	Саранчук Л. Н., Тарновская А. А., Роженцева А. П., Бондарева О. Ю., Денисюк Е. И. Реформа ареста в уголовной юстиции России: аналитический обзор и перспективы.....	332
Сафонова А. Ю., Мезин М. К., Станкевич А. С., Толкачев Р. В., Близнецов А. С. Трансформация и глобальное взаимодействие в мировой финансовой системе	287	Чакиев М. А. Органы внутренних дел как субъект профилактики преступлений и иных правонарушений в отношении инвалидов.....	334
Эляков А. Л. Проблемы в системе межбюджетного регулирования высокодотационных региональных бюджетов и обоснование совершенствования его законодательных основ.....	289	Шадрина Е. С. Проблемные вопросы объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ	337
НАЛОГОВОЕ ПРАВО Алиева Э. Б., Абдулганиева Л. М. Устойчивое развитие системы налогов и сборов Российской Федерации в условиях глобальных изменений.....	292	Хуинь Хью Тинь Некоторые ограничения в отношении преступлений, связанных с посягательством на судебную деятельность в Уголовном кодексе Вьетнама 2015 года.....	340
Махмудова Х. М., Алиева Э. Б. Проблемы избежания двойного налогообложения в Российской Федерации.....	294	УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС Азаров В. В., Милокумова А. А. Проблемы обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы работе на российском программном обеспечении в эпоху цифровизации образования.....	343
Очаковский В. А., Козьмов В. И. Особенности проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.....	296	Бирук М. С., Пивоваров И. К. Конфискация транспортных средств у осужденных по ст. ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ: понятие, условия и порядок применения.....	346

Дьяконова В. В. Об особой роли принципов в уголовном судопроизводстве и значении их систематизации.....	349	Кабакова Е. С. Проблемы описания внешности человека в криминалистике.....	403
Егоров А. Ю. Состязательные начала при исследовании показаний свидетелей в судебном следствии.....	351	Мусалаева З. Б., Юсупкадиева С. Н. Теоретические положения судебной компьютерно-технической экспертизы.....	405
Остапенко М. В. Судейское усмотрение как критерий качества уголовного судопроизводства.....	354	Новикова Л. В., Сулейманов Т. А. Особенности расследования уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотических средств дистанционным способом.....	408
Прысь Е. В., Гришко Л. Е. Юридическая конструкция института исполнения приговора как важнейшего акта правосудия: предпосылки зарождения и развитие, современное состояние и перспективы совершенствования.....	358	Обухов И. А. Использование криминалистических знаний участковыми уполномоченными полиции в предотвращении преступлений террористического характера.....	410
Рагимханова К. Т. Особенности преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.....	361	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО Абрамова С. Р., Абрамов И. Р., Сибгатуллина Р. М. Информационная безопасность и культура в цифровой экономике.....	412
Рошка М. Я. Особенности возбуждения уголовного дела при раскрытии преступлений против собственности, совершенных на объектах железнодорожной транспортной инфраструктуры.....	363	Гофман А. А., Свиридов Р. Е. Специальные средства и правовые основы их применения.....	414
Сафонов А. А., Прокопенко Н. А. Особенности производства отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования киберпреступлений, совершенных организованными группами.....	366	Жук К. Д., Вырдылина Ю. В., Долгов Д. С., Фролов В. А., Изотова Е. А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении региональной безопасности и борьбе с транснациональными угрозами.....	416
Григорьев А. Е., Репях А. Д., Дмитриева А. И., Тихакина Т. А., Ключко И. В. Реализация уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации: оценка практик и нормативных положений.....	369	Толбоева А. Р., Вагабова Д. В. Сведения, отнесенные к государственной тайне: понятие и перечень.....	418
Гриценко Н. С. Детерминанты принятия итоговых решений коллегией судей и коллегией присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве.....	371	Тычинина Е. В., Мищук А. И., Селина Т. О., Степанова А. С., Грищенко В. В. Динамика и последствия современных протестных движений.....	420
Даурбекова И. Я., Юсупкадиева С. Н. Исторические предпосылки формирования и особенности развития института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.....	374	Янгуразова З. А., Нурутдинов А. А., Щербаков А. Т. Промышленная безопасность объектов нефтехимии.....	423
Долгов Д. С., Изотова Е. А., Жук К. Д., Фролов В. А., Вырдылина Ю. В. Дискреция в оценке доказательств: анализ влияния стороны защиты в уголовном судопроизводстве России.....	378	ПЕДАГОГИКА И ПРАВО Владимиров С. К., Камалетдинов Р. Р., Латыпова Э. Р. Профессионально-ориентированное преподавание иностранного языка в техническом ВУЗе.....	425
Ключко И. В., Григорьев А. Е., Дмитриева А. И., Тихакина Т. А., Репях А. Д. Исследование фальсификации решений владельцев в многоквартирных домах России.....	380	Галлямова Д. А., Кёниг А. Ю., Муратова Э. В. Социально-инновационные процессы в современной России: роль и тенденции развития в современном образовании и формировании общественного сознания.....	428
Проваткина В. Е., Волошина Т. В., Коркин М. С. Гуманизация уголовного судопроизводства в Российской Федерации.....	383	Говердовская Е. В., Деларю В. В., Ковалева М. Д. Интерриоризация правовой культуры врача в условиях образовательной среды.....	430
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО Асадов В. В., Шамсудинов И. В. К проблеме обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций.....	386	Гулевич М. О., Дружкова А. И., Близнецов А. С., Острожников А. А., Кан Н. А. Синергия цифровых и традиционных маркетинговых практик в академических институтах: новые горизонты и результативность.....	433
Дикаева Э. С. Приоритетные направления органов внутренних дел в профилактике преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы.....	388	Крылов С. В. Педагогические основы процесса формирования профессиональной компетентности сотрудников УИС в ходе тактико-специальной подготовки.....	435
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО Машовец А. О., Прошляков А. Д. Реабилитация без оправдания.....	392	Фомина Д. С., Егорова О. И., Гладилова Е. А. Развитие педагогического образования в эпоху цифровизации.....	437
СУДОПРОИЗВОДСТВО Галицкая Е. С., Миначев Г. Р., Герашенко Н. А., Ляшева А. А., Попова В. К. Динамика развития правовых норм исполнительного производства в Российской империи.....	394	СПОРТИВНОЕ ПРАВО Асадуллин М. Р. Теоретические аспекты правовой формы спортивных организаций.....	439
Зиньков Е. Н., Китаева А. В., Давлетов Р. Р., Губарева Е. Н. О противодействии коррупции в отечественной судебной системе.....	396	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Довбыш С. А., Зорина П. А. Электронное правосудие в Российской Федерации: история становления и перспективы развития.....	441
Ляшева А. А., Галицкая Е. С., Миначев Г. Р., Попова В. К., Герашенко Н. А. Эра цифровых инноваций в судебной системе.....	399	Иликеева Ю. А., Гилязова А. И., Файзуллин А. Р. Государственное и муниципальное управление устойчивым развитием региона.....	444
КРИМИНАЛИСТИКА Весёлин В. В., Внуков В. И. Некоторые проблемные аспекты организации функционирования баллистических учетов в целях раскрытия и расследования преступлений.....	401	Ли М. В., Бахтина В. К., Нагаи К. А., Громчевская К. В., Мичурова А. С. Взаимодействие глобализации и локализации: современные тенденции и их влияние на общество.....	446
		Целищева Т. А., Магзянов В. П., Юркевич Э. А., Ботвинко Д. А., Довгушева А. В. Трансформация гражданского общества в современной России: динамика, проблематика и стратегии развития.....	448
		Фурман Т. Г. Необходимость существования идеологии в современном Российском государстве.....	450

ПОЛИТИКА И ПРАВО**Фурман Т. Г.**

Политическая элита России: некоторые аспекты развития 452

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ**Гильзова А. И., Хунафина Е. А., Грирфанова И. Н.**

Плановое и коллективное хозяйство в рамках теории социальной экономики 455

Абрамов И. Р., Гизатуллина В. Г., Редников Д. В.

Концепция социального капитала и плановая экономика 457

Барлыбаев У. А., Мусин У. Р., Нусратуллин И. В.

Креативные индустрии в регионе 459

Гамилова Д. А., Ильина Л. А., Караваев А. А.

Особенности реализации стратегий цифровой трансформации 462

Гильзова А. И., Уразова Л. У., Редников Д. В.

Экономический рост и экономическое развитие: единство противоречий 465

Защитина Е. К.

Роль торговых объединений в наращивании конкурентоспособности системы образования и развитии экспорта образовательных услуг 467

Корягина А. Р., Стрелкова О. В.

Маркетинговые инструменты оценки внешнего воздействия на развитие туристических территорий 470

Кузнецов М. Ю.

Цифровое будущее деятельности службы занятости населения 472

Машегов П. Н., Корягин В. В.

Формализация критериев уровня локализации при выборе проектов по импортозамещению 474

Новиченко А. И.

Общие тенденции развития отечественного законодательства в области становления цифровой экономики 478

Нуриев Б. Д.

Сквозные цифровые технологии в системе российского законодательства: большие данные и система распределенного реестра (блокчейн) 481

Сайгин О. И., Кузнецова Е. В.

Организация проектных работ объекта, интегрированного в плотную городскую застройку 486

Тинякова В. И., Луговкина И. А.

Анализ мирового опыта использования криптовалюты и оценка перспектив цифрового рубля в сфере благотворительности 489

Халикова Э. А., Созыкин А. Д., Сафронов Д. Ю.

Современные цифровые решения для финансово-экономического обоснования в проектном менеджменте 492

Чумляков К. С., Чумлякова Д. В., Игнатюк Ю. Л.

Интернационализация Арктики в стратегиях неарктических стран 495

Защитина Е. К., Павлов П. В.

Трансформация мирового рынка услуг высшего образования под влиянием изменения геополитического контура 498

Бади А., Руднева Ю. Р.

Роль проектного подхода в управлении инновационной деятельностью предприятия 500

Баграм А. А., Пивкин М. Ю.,**Логунова А. В., Целищева А. А., Носик Д. Е.**

Трансформация энергетического сектора через блокчейн и AI: глобальные перспективы и вызовы 503

Донской В. А., Примаков А. В.,**Морозова А. А., Примаков В. В., Кучук М. И.**

Трансформация с помощью блокчейна: стратегии интеграции и правовые аспекты 505

Ли Линьлин

Отдельные проблемы создания зоны трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией 507

Магязнов В. П., Целищева Т. А.,**Ботвинко Д. А., Юркевич Э. А., Довгушева А. В.**

Адаптация Сбербанка к новой экономической реальности: стратегии и решения 510

Медведева Д. О., Белоусов Н. А., Хлюпов И. В.,**Верхотурова Д. А., Вдовенкова О. В.**

Минимизация экономических последствий глобального энергетического перехода для крупных энергоемких потребителей: стратегии и решения 512

Носик Д. Е., Пивкин М. Ю.,**Логунова А. В., Баграм А. А., Целищева А. А.**

Эволюция международной торговли стран БРИКС: углубленный анализ влияния Китая 515

Релях А. Д., Григорьев А. Е.,**Дмитриева А. И., Клочко И. В., Тикахина Т. А.**

Стратегии управления рисками и ресурсами в российских банках в период экономических вызовов 517

Пивкин М. Ю., Носик Д. Е.,**Целищева А. А., Баграм А. А., Логунова А. В.**

Многогранность страхового интереса: правовые и экономические измерения в страховании 519

Скачкова М. А., Гоменюк М. А.,**Басенко Д. В., Клементьева Д. А., Ветрова А. А.**

Стратегия роста Абэномики в эпоху низкой рождаемости и старения населения: анализ и перспективы 521

Халикова Э. А., Муллашев У. Р.

Повышение эффективности управления закупками нефтяной компании в условиях цифровой трансформации бизнеса 524

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ**Бондаренко В. Н.**

Аксиомы неоклассической философии 527

Абдулаева И. А.

Проблема познания сущности человека на примере экзистенциального и социологического подходов 529

Ардашев Р. Г.

Эвтаназия в общественном осмыслении россиян 532

Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А.

Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик 535

Гофман А. А., Свиридов Р. Е.

Профилактика страха и тревожности в условиях социальных конфликтов 537

Кузьменко А. А.

Социально-философское осмысление значимости применения принципов эргономического проектирования при изготовлении каменных орудий труда в период собирательного общества 539

Маджуга А. Г., Кыштымова И. М.,**Кириллова К. А., Точиева Л. И.**

Ценности камертонной культуры и их роль в процессах становления личности 542

Петлицын Р. А., Хвостова С. Г., Якшин С. В.

Риски технологического развития общества: взаимодействие инноваций, традиций и социальных норм 546

Равочкин Н. Н.

Трансформации коммуникаций в цифровом мире: философский анализ (часть 1) 548

Шарипов А. Р., Байназаров И. Н.

О некоторых аспектах влияния языка на состояние национального самосознания 551

Шматько А. А., Шматько О. Н.

Факторы формирования и функции исторического сознания как социокультурного феномена 553

Егорова О. И., Зуева Е. К., Фомина Д. С.

Социально-философский анализ проблемного поля и роли цифровой культуры в России 555

Ларюшкин С. А.

Почитание новомучеников в контексте идеалов Святой Руси: к вопросу национальной идентификации 558

Толкачев Р. В., Сафонова А. Ю.,**Близнецов А. С., Станкевич А. С., Мезин М. К.**

Евразийство в современном контексте: от пассионарности Гумилёва до политики многополярности 561

Фомин А. А.

Эволюция представлений об этосе и его современное прочтение 563

Шарипов А. Р., Байназаров И. Н.

Анализ современного состояния национального самосознания народов Российской Федерации по итогам переписи населения 2021 года 567

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 570

PERSONA GRATA

A. R.Chattaev:

- The state contract is a tool for effective management of state assets. Government procurement and business**
Interview with Chattaev Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of business career, Moscow, founder and head of the law firm «Chattaev Protection»..... 14

EURASIAN INTEGRATION

Khalipov S. V.

- Russia's customs tariff regulation in the Eurasian Economic Union..... 18

Kazakov N. A., Akhtyamova E. V.

- Scientific research of the human genome within the framework of the Eurasian Economic Union..... 21

Khalipov S. V.

- Theory and practice of sub-normative regulation of foreign trade in goods in the Eurasian Economic Union..... 26

INTERNATIONAL LAW

Nigmatullin R. V., Nazarzod B. R.

- Consular Relations as a Factor in Ensuring Interstate Relations between the Russian Federation and the Republic of Tajikistan..... 30

Abdullayeva Kh. A., Abdullaeva I. A.

- International standards of human and civil rights to information and their development in the legislation of various states..... 34

Lebedeva Ya. I.

- National and European identity in the legal order of the European Union..... 37

Mukhametgareeva N. M., Yusupova Z. A.

- Modern challenges of ensuring the mechanism of international legal protection of the ozone layer..... 41

Tulupova E. O., Demidova T. K.

- International law: difficulties of application at the present stage..... 43

Baturina E. V.

- International legal and institutional foundations of the concept of forming a common space security at the regional level..... 45

Bolotova A. B.

- Anti-foreign sanctions law of the PRC in the context of US unilateral economic sanctions..... 48

Gu Wensho

- Resolution of denunciation disputes in international treaties..... 52

Veretelnikova P. P., Ershova A. A., Kotik A. O., Maslov P. N., Yarosh D. R.

- Transformation of political traditions..... 56

Gomenyuk V. A., Kirilyuk A. V., Kholod E. E., Burnos A. V., Nesina A. M.

- The evolution of public diplomacy: a historical overview and modern perspectives..... 59

Ershova A. A., Maslov P. N., Kotik A. O., Yarosh D. R., Veretelnikova P. P.

- China's rising economic power and its impact on the international order..... 61

Zhurman Yu. V., Cheremisina K. M., Puchkin D. K., Yudina D. V., Kalyuzhnaya P. L.

- The impact of the dynamics of the Chinese yuan exchange rate on international trade..... 64

Kirilyuk A. V., Burnos A. V., Kholod E. E., Gomenyuk V. A., Nesina A. M.

- Analysis of legal and insurance aspects of maritime cargo transportation..... 68

Kutsepalova V. S., Mastjukova I. I., Babicheva A. S., Vinogradova S. A., Pestretsov I. V.

- Concepts and characteristics of public and local diplomacy..... 70

Mastjukova I. I., Babicheva A. S., Pestretsov I. V., Kutsepalova V. S., Vinogradova S. A.

- Dynamics of interaction between international law and international relations: analysis of the dispute over the Dokdo/Takeshima..... 73

Skazin N. A., Brykova D. D., Karagodina E. S., Rymar B. N., Svistak A. V.

- The Federal Reserve System and its institutional relations: an analysis of political independence and responsibility..... 76

Utva I. S., Ruban P. O.

- "Virtual" States as an atypical subject of international law..... 79

Cheremisina K. M., Kalyuzhnaya P. L., Puchkin D. K., Yudina D. V., Zhurman Yu. V.

- The process of adapting Russian labor laws to international standards..... 81

Pridantseva D. S.

- The concept and regulatory regulation of consular assistance in Russian law..... 83

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Galeeva A. A., Demidova T. K., Vasiljev A. V.

- Russia's role in the economic and political development of Central Asia: trade, energy and security..... 89

Strugovets L. A.

- Legislative Initiatives of the EAEU in the sphere of climate protection..... 91

Bikchenteeva S. R., Glinshchikova T. V., Romanenko A. A.

- The theory of characteristic execution as the main criterion for determining the applicable law in modern Russian and foreign conflict of laws..... 94

Verkhoturova D. A., Medvedeva D. O., Vdovenkova O. V., Belousov N. A., Khlyupov I. V.

- Transforming global governance: reform of the international economic system in the era of sustainable development..... 96

Kungurova A. A., Kazimov A. I., Goryachkina M. M., Turov S. E., Sofrina A. A.

- Reform of the international monetary system: the role and prospects of special drawing rights (SDR)..... 99

Turov S. E., Kungurova A. A., Goryachkina M. M., Sofrina A. A., Kazimov A. I.

- Legal aspects of international transport liability: analysis of The Hague, Hague-Visby, Hamburg and Rotterdam Rules..... 102

EUROPEAN LAW

Karagodina E. S., Skazin N. A., Brykova D. D., Svistak A. V., Rymar B. N.

- Economic and Monetary Union in Europe: institutional transitions and political challenges..... 105

THEORY OF STATE AND LAW

Azarov V. V.

- The problem of digital legislation in the information space of the Russian Federation..... 108

Protopopova T. V., Tarkova I. A.

- Fame as a legal category..... 110

Prys I. E.

- Fundamentals of professional and pedagogical activity in the process of teaching general theoretical legal disciplines in the context of departmental education..... 113

Romanovskaya L.R.

- AI and human rights: problems of correlation..... 115

Samoylova Zh. V.

- Digital services for participants in the electoral process as a guarantee of the realization of constitutional rights of citizens..... 118

Shichko A. R., Shichko A. R., Surkov A. N., Artemyev R. D.

- Signs and grounds for legal liability..... 120

He Zhendong, Ning Yanhong, Li Honghong

- Mechanisms for legal protection of the rights and interests of Chinese migrants residing in Russia within the framework of the «One Belt and One Road» initiative..... 123

Yalovenko T. V.

- The influence of modern media on the formation of a person's worldview..... 126

Aksyutenkov V. O.

- The idea of architectural symbolism as a reflection of statehood..... 129

Gomenyuk M. A., Klementjeva D. A., Skachkova M. A., Basenko D. V., Vetrova A. A.

- Structural Transformations of Power in North Korea during the Kim Jong Un era: an analysis of the transition from "Military Policy" towards "party politics"..... 132

HISTORY OF STATE AND LAW

Egorov I. A.

- International legal means of ensuring the foreign policy interests of medieval Pskov: historical conditions of origin and development..... 135

Ryabov S. I.

- Noble land ownership on the Don: prerequisites and conditions of occurrence..... 137

Tovsultanov R. A., Tovsultanova M. S., Galimova L. N.

- Problems of independence of a number of regions of the post-soviet space..... 139

CONSTITUTIONAL LAW

Alieva Kh. T., Dibirov M. T.

Modern problems of legal regulation of media activities during the election period 142

Akhmedov S. M., Sarkarova D. S.

The constitutional and legal status of the Prosecutor's Office after the adoption of amendments to the 2020 Constitution 144

Iljina O. Yu.

Ensuring social partnership with indigenous peoples of the North as a constitutional responsibility of the state when making decisions in the field of protection and rational use of natural resources 146

ADMINISTRATIVE LAW

Andryushchenko T. I., Mikhailov M. Ya

Administrative supervision of persons released from prison as one of the measures of social and legal control 148

Dibirov Yu. S.

The concept and classification of the norms of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses 152

Musaeva G. M., Agamuradova A. T.

Revision of decisions in cases of administrative offenses: features and timing 156

Mishchuk A. I., Stepanova A. S., Selina T. O.,

Tychinina E. V., Grishchenko V. V.
Regulation of consumer protection through administrative measures in Russia 158

Tolboeva A. R., Kuraev R. M.

The Federal Security Service as a guarantor of the protection of state secrets 161

ADMINISTRATIVE JUDICIARY

Torosyan Yu. E.

On the issue of legal regulation of digital technologies in administrative proceedings 164

MUNICIPAL LAW

Kuzmina K. S., Bavin D. E.

Local self-government as a level of public authority 167

CIVIL LAW

Vaseva I. S.

On the issue of the activities of territorial bodies, authorized representatives of the President of the Russian Federation 169

Glinshchikova T. V., Kubov A. A., Zheget V. S.

Application of the principle of autonomy of will in the regulation of property relations of spouses 171

Krylova E. V.

Regional brand: posing the question 173

Rezyapova G. F.

Commercial concession agreement: problems of legal regulation in the Russian Federation 176

Yastremskiy I. A.

Mediation as one of the possibilities for pre-trial settlement of a dispute between a patient and a plastic surgery clinic 183

Mozhenko N. S.

The principle of dispositiveness of civil proceedings of the Russian Federation 186

Nikolaenko N. S., Derendyaeva S. D.

Comparative legal analysis of an engineering contract 189

Pronina Yu. O.

Legal regulation of digital innovations using the example of a smart contract as a contractual aspect of e-commerce 191

Pleshakova I. N.

Maternal (family) capital as an atypical type of social security 193

Pukhart A. A., Sibilev I. A.

Legal Regulation of problematic issues related to the functioning of artificial intelligence systems in the Russian Federation 197

Sayfullina M. I., Balabanova O. O.

Civil law contract: concept, legal nature (historical, legal and civil aspects) 201

Baranova A. S., Karev I. A., Moiseenko D. R.,

Yelovskaya L. V., Moskina M. N.
Analysis and comparison of the labor laws of Russia and China: layoffs and labor relations management 204

Bakhtina V. K., Lee M. V.,

Gromchevskaya K. V., Nagai K. A., Michurova A. S.
Evolution and synchronization in the legal field: analysis of the development of preliminary agreements in Russia and their compliance with international standards 207

Bliznetsov A. S., Safonova A. Yu.,

Mezin M. K., Tolkachev R. V., Stankevich A. S.

The evolution of family law in Russia 209

Voronova S. A., Braga S. S.,

Berdykina V. V., Rostotskiy M. V., Basilov U. I.
The evolution and problems of intellectual property rights in Russia: a historical overview and current trends 211

Gayduk V. A., Zhevlakova D. M.,

Gavrilenko K. R., Konopliitskaya A. S., Malachevskaya T. V.
The role of controlling persons in bankruptcy: responsibility and legal assessment 213

Gorshkov D. A.

The ratio of collateral management agreements and simple partnerships 215

Gromchevskaya K. V., Lee M. V.,

Michurova A. S., Bakhtina V. K., Nagai K. A.
Evolution and strategic importance of distribution agreements in global commerce: legal and economic analysis 218

Dovgusheva A. V., Tselishcheva T. A.,

Magzyanov V. P., Yurkevich E. A., Botvinko D. A.
Privacy management in the digital age 220

Yelovskaya L. V., Karev I. A., Moskina M. N.,

Moiseenko D. R., Baranova A. S.
Regulatory instruments in modern Russian legislation: assessment and implementation 222

Zhevlakova D. M., Gayduk V. A.,

Konopliitskaya A. S., Malachevskaya T. V., Gavrilenko K. R.
Transformation of management strategies: from hierarchy to business innovation 224

Izotova E. A., Vyrdylina Yu. V., Zhuk K. D.,

Dolgov D. S., Frolov V. A.
Dynamics and challenges in intellectual property regulation in Russia 226

Krivososova S. A., Savateev S. V., Shichko A. R., Artemyev R. D.

Historical development and current state of the institution of compensation for moral damage 228

Kudinov M. V.

Closed-end mutual investment fund as an object of entrepreneurial activity 230

Kuznetsov D. A.

Evaluation categories in legislation subordinated to the Federal Antimonopoly Service of Russia and economic justice: problems of application (using the example of the category "insignificance") 233

Kuchuk M. I., Primak A. V.,

Morozova A. A., Primak V. V., Donskoy V. A.
Ethical and legal dilemmas in organ transplantation: a comparative analysis of world practices and Russian reality 237

Krivososova S. A., Surkov A. N., Savateev S. V., Artemyev R. D.

Grounds for compensation for moral damage 240

Makletsova I. K.

Electronic and non-electronic procurement for state and municipal needs 242

Malachevskaya T. V., Konopliitskaya A. S.,

Gayduk V. A., Gavrilenko K. R., Zhevlakova D. M.
Harmonization of global auditing standards: global challenges and development strategies 244

Nikolaenko N. S., Derendyaeva S. D.

The role of engineering services and their direct impact on the Russian economy 246

Mozhenko N. S.

The principle of adversarial nature of civil proceedings in the Russian Federation 248

Ostrozchnikov A. A., Kan N. A.,

Bliznetsov A. S., Gulevich M. O., Druzhkova A. I.
Differentiation of the grounds of civil legal personality 251

Saranchuk L. N., Denisjuk E. I.,

Rozhentseva A. P., Bondareva O. Yu., Tarnovskaya A. A.
Transformation of labor relations and legislation in Russia 253

Sidorova A. A., Zolotukhina D. E., Sukhanova

D. I., Zyryanova A. A., Trushkov I. I.
Reforming work processes: assessing the impact of remote work on Russian legislation 255

Sukhanova D. I., Sidorova A. A.,

Zyryanova A. A., Zolotukhina D. E., Trushkov I. I.
New horizons in personal data protection: revision of Russian legislation in the digital age 257

Trushkov I. I., Zolotukhina D. E.,

Sidorova A. A., Zyryanova A. A., Sukhanova D. I.
Intellectual property rights protection in the context of globalization: an analysis of Russian practice 259

Utva I. S., Ruban P. O. <i>The art of neural networks as an object of digital law: legal uncertainty</i>	261	Dorozhkin I. O. <i>On the question of the expediency of introducing criminal liability of legal entities</i>	313
Yastremskiy I. A. <i>Payment of the state fee when submitting a patient's statement of claim to the plastic surgery clinic</i>	263	Dyrma S. V. <i>Problems of countering theft and fraud committed using information and communication technologies</i>	315
CIVIL PROCESS		Sakaeva R. R. <i>Problematic aspects of determining the composition of the subject in Art. 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	317
Maksimchuk M. V. <i>Legal aspects of optimization of taxation of enterprises</i>	266	Stupina S. A. <i>On criminal liability for insult and slander through the prism of protecting national interests</i>	319
Praskoviyin D. A. <i>The question of admissibility of foreclosure on the debtor's only dwelling within the framework of insolvency (bankruptcy) cases</i>	269	Chochueva Z. A. <i>Relationship of digital technologies with criminal legal relations</i>	322
FAMILY LAW		Bliznetsov A. S., Druzhkova A. I., Ostrozhnikov A. A., Kan N. A., Gulevich M. O. <i>Trends and effectiveness of justice in Russia: the study of penalties for fraud under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	324
Sergeeva K. A. <i>The practice of the mother's priority in cases of determining the child's place of residence: truth or fiction?</i>	271	Karev I. A., Moskina M. N., Yelovskaya L. V., Baranova A. S., Moiseenko D. R. <i>Consumer protection: criminal law aspect in the Russian Federation</i>	326
Sergeeva K. A. <i>The ratio of institutions of voluntary maintenance and alimony in disputes on the recovery of alimony</i>	273	Kostenko D. S. <i>The role of the modern school of social defense by M. Ansel in the issue of modern reforms of the system of preventive measures in Russia</i>	328
LABOUR LAW		Rostotskiy M. V., Basilov U. I., Braga S. S., Berdykina V. V., Voronova S. A. <i>Reforming approaches to juvenile correction: analysis and improvement of punishment substitution mechanisms in the Russian Federation</i>	330
Basilov U. I., Berdykina V. V., Braga S. S., Voronova S. A., Rostotskiy M. V. <i>A comparative study of the regulation of dismissal in the labor law of Russia and China</i>	275	Saranchuk L. N., Tarnovskaya A. A., Rozhentseva A. P., Bondareva O. Yu., Denisjuk E. I. <i>Arrest reform in Russian criminal justice: analytical review and prospects</i>	332
FINANCIAL LAW		Chakiev M. A. <i>Internal affairs bodies as a subject of prevention of crimes and other offenses against persons with disabilities</i>	334
Bondareva O. Yu., Denisjuk E. I., Rozhentseva A. P., Saranchuk L. N., Tarnovskaya A. A. <i>Integrating digital technologies into business financial management: strategies to improve productivity and stability</i>	277	Shadrina E. S. <i>Problematic issues of the objective side of the corpus delicti provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	337
Kartashov A. V. <i>Features of licensing of fintech banks in European countries</i>	279	Huynh Huu Tinh <i>Some restrictions on crimes of interference with judiciary in the 2015 Criminal Code of Vietnam</i>	340
Martynov E. A., Ochakovskiy V. A. <i>The role of the Central Bank of the Russian Federation in the formation and regulation of the country's financial system</i>	282	CRIMINAL PROCESS	
Primak A. V., Primak V. V., Kuchuk M. I., Donskoy V. A., Morozova A. A. <i>New horizons for small businesses: strategies and challenges in the digital economy era</i>	285	Azarov V. V., Milokumova A. A. <i>Problems of training employees of the penal enforcement system to work on Russian software in the era of digitalization of education</i>	343
Safonova A. Yu., Mezin M. K., Stankevich A. S., Tolkachev R. V., Bliznetsov A. S. <i>Transformation and global interaction in the global financial system</i>	287	Biruk M. S., Pivovarov I. K. <i>Confiscation of vehicles from convicts under articles 264.1, 264.2, 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: the concept, conditions and procedure of application</i>	346
Elyakov A. L. <i>Problems in the system of interbudgetary regulation of highly subsidized regional budgets and justification for improving its legislative framework</i>	289	Dyakonova V. V. <i>On the special role of principles in criminal proceedings and the importance of their systematization</i>	349
TAX LAW		Egorov A. Yu. <i>Adversarial principles when examining the testimony of witnesses in a trial</i>	351
Alieva E. B., Abdulganieva L. M. <i>Sustainable development of the tax and collection system of the Russian Federation in the context of global changes</i>	292	Ostapenko M. V. <i>Judicial discretion as a criterion for the quality of criminal proceedings</i>	354
Makhmudova Kh. M., Alieva E. B. <i>Problems of avoiding double taxation in Russian Federation</i>	294	Prys E. V., Grishko L. E. <i>The legal structure of the institution of execution of the sentence as the most important act of justice: the prerequisites for the origin and development, the current state and prospects for improvement</i>	358
Ochakovskiy V. A., Kozmov V. I. <i>Features of additional tax control measures</i>	296	Ragimhanova K. T. <i>Features of crimes committed using information technology</i>	361
ECOLOGICAL LAW		Roshka M. A. <i>Features of institution of criminal proceedings when disclosing crimes against property committed at railway transport infrastructure facilities</i>	363
Kodolova A. V. <i>Legislation of the Russian Federation on environmental collection: problems and prospects</i>	299	Safonov A. A., Prokopenko N. A. <i>Specific features of certain investigative actions at the initial stage of investigation of cybercrime committed by organized groups</i>	366
INFORMATION LAW			
Bavin D. E., Kuzmina K. S. <i>The right to oblivion as a balance between the will of the state and the human right to privacy in the field of healthcare</i>	302		
Kostyuk S. A., Lubyagin O. I. <i>Artificial intelligence: a professional competitor or a modern lawyer's assistant</i>	304		
CRIMINAL LAW			
Galushin P. V., Bezgachev F. V. <i>Possibilities of using explainable artificial intelligence technologies during the investigation of a criminal case</i>	307		
Dibirov Yu. S. <i>On the issue of criminal liability for tax crimes</i>	310		

Grigorjev A. E., Repyakh A. D., Dmitrieva A. I., Tikakhina T. A., Klochko I. V. <i>Implementation of penal enforcement legislation in the Russian Federation: assessment of practices and regulations</i>	369	PEDAGOGY AND LAW	Vladimirov S. K., Kamaletdinov R. R., Latypova E. R. <i>Professionally oriented teaching of a foreign language in a technical university</i>	425
Gritsenko N. S. <i>Determinants of final decision-making by a panel of judges and jury in criminal proceedings</i>	371	Gallyamova D. A., Koenig A. Yu., Muratova E. V. <i>Social and innovative processes in modern Russia: the role and trends of development in modern education and the formation of public consciousness</i>	428	
Daurbekova I. Ya., Yusupkadiyeva S. N. <i>Historical background for the formation and features of the development of the institution of reopening criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances</i>	374	Goverdovskaya E. V., Delarue V. V., Kovaleva M. D. <i>Interiorization of the legal culture of a doctor in an educational environment</i>	430	
Dolgov D. S., Izotova E. A., Zhuk K. D., Frolov V. A., Vyrdylina Yu. V. <i>Discretion in the evaluation of evidence: analysis of the influence of the defense in criminal proceedings in Russia</i>	378	Gulevich M. O., Druzhkova A. I., Bliznetsov A. S., Ostrozhnikov A. A., Kan N. A. <i>Synergy of digital and traditional marketing practices in academic institutions: new horizons and effectiveness</i>	433	
Klochko I. V., Grigorjev A. E., Dmitrieva A. I., Tikakhina T. A., Repyakh A. D. <i>Investigation of falsification of owners' decisions in apartment buildings in Russia</i>	380	Krylov S. V. <i>Pedagogical bases of the process of formation of professional competence of the employees of the PS during tactical and special training</i>	435	
Provatkina V. E., Voloshina T. V., Korkin M. S. <i>Humanization of criminal proceedings in the Russian Federation</i>	383	Fomina D. S., Egorova O. I., Gladilova E. A. <i>The development of teacher education in the era of digitalization</i>	437	
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		SPORTS LAW		
Asadov V. V., Shamsudinov I. V. <i>On the problem of ensuring the safety of employees of penal enforcement inspections</i>	386	Asadullin M. R. <i>Theoretical aspects of the legal form of sports organizations</i>	439	
Dikaeva E. S. <i>Priority directions of the internal affairs bodies in the prevention of crime of those conditionally released from serving a sentence of imprisonment</i>	388	STATE AND LAW		
CRIMINAL JUDICIARY		Dovbysh S. A., Zorina P. A. <i>Electronic justice in the Russian Federation: history of foundation and prospects for development</i>	441	
Mashovets A. O., Proshlyakov A. D. <i>Rehabilitation without acquittal</i>	392	Ilikeeva Yu. A., Gilyazova A. I., Fayzullin A. R. <i>State and municipal management of sustainable development of the region</i>	444	
JUDICIARY		Lee M. V., Bakhtina V. K., Nagai K. A., Gromchevskaya K. V., Michurova A. S. <i>The interaction of globalization and localization: current trends and their impact on society</i>	446	
Galitskaya E. S., Minachev G. R., Gerashchenko N. A., Lyasheva A. A., Popova V. K. <i>The dynamics of the development of legal norms of enforcement proceedings in the Russian Empire</i>	394	Tselishcheva T. A., Magzyanov V. P., Yurkevich E. A., Botvinko D. A., Dovgusheva A. V. <i>The transformation of civil society in modern Russia: dynamics, problems and development strategies</i>	448	
Zinkov E. N., Kitaeva A. V., Davletov R. R., Gubareva E. N. <i>On combating corruption in the domestic judicial system</i>	396	Furman T. G. <i>Russian political elite: some aspects of development</i>	450	
Lyasheva A. A., Galitskaya E. S., Minachev G. R., Popova V. K., Gerashchenko N. A. <i>The era of digital innovation in the judicial system</i>	399	POLICY AND LAW		
CRIMINALISTICS		Furman T. G. <i>Necessity of the existence of ideology in the modern Russian state</i>	452	
Vesyolin V. V., Vnukov V. I. <i>Some problematic aspects of the organization of the functioning of ballistic records in order to uncover and investigate crimes</i>	401	ECONOMY. LAW. SOCIETY		
Kabakova E. S. <i>Problems of describing a person's appearance in criminology</i>	403	Gilyazova A. I., Hunafina E. A., Girfanova I. N. <i>Planned and collective economy within the framework of the theory of social economics</i>	455	
Musalaeva Z. B., Yusupkadiyeva S. N. <i>Theoretical provisions of forensic computer-technical examination</i>	405	Abramov I. R., Gizatullina V. G., Rednikov D. V. <i>The concept of social capital and planned economy</i>	457	
Novikova L. V., Suleymanov T. A. <i>Features of the investigation of criminal cases related to the illegal sale of narcotic drugs remotely</i>	408	Barlybaev U. A., Musin U. R., Nusratullin I. V. <i>Creative industries in the region</i>	459	
Obukhov I. A. <i>The use of forensic knowledge by district police officers in the prevention of crimes of a terrorist nature</i>	410	Gamilova D. A., Iljina L. A., Karavaev A. A. <i>Features of the implementation of digital transformation strategies</i>	462	
SECURITY AND LAW		Gilyazova A. I., Urazova L. U., Rednikov D. V. <i>Economic growth and economic development: the unity of contradictions</i>	465	
Abramova S. R., Abramov I. R., Sibagatullina R. M. <i>Information security and culture in the digital economy</i>	412	Zashchitina E. K. <i>The role of trade associations in increasing the competitiveness of the education system and developing the export of educational services</i>	467	
Gofman A. A., Sviridov R. E. <i>Special means and legal basis for their use</i>	414	Koryagina A. R., Strelkova O. V. <i>Marketing tools for assessing external impact on the development of tourist areas</i>	470	
Zhuk K. D., Vyrdylina Yu. V., Dolgov D. S., Frolov V. A., Izotova E. A. <i>The role of the CSTO and the SCO in ensuring regional security and combating transnational threats</i>	416	Kuznetsov M. Yu. <i>The digital future of the employment service</i>	472	
Tolboeva A. R., Vagabova D. V. <i>Information classified as a state secret: the concept and list</i>	418	Mashegov P. N., Koryagin V. V. <i>Formalization of criteria for the level of localization when selecting import substitution projects</i>	474	
Tychinina E. V., Mishchuk A. I., Selina T. O., Stepanova A. S., Grishchenko V. V. <i>Dynamics and consequences of modern protest movements</i>	420	Novichenko A. I. <i>General trends in the development of domestic legislation in the field of digital economy formation</i>	478	
Yangurazova Z. A., Nurutdinov A. A., Shcherbakov A. T. <i>Industrial safety of petrochemical facilities</i>	423			

Nuriev B. D. <i>End-to-end digital technologies in the system of Russian legislation: big data and a distributed registry system (blockchain)</i>	481
Saygin O. I., Kuznetsova E. V. <i>Organization of project work for the integrated object in a dense urban development</i>	486
Tinyakova V. I., Lugovkina I. A. <i>Analysis of world experience using cryptocurrency and assessing the prospects of the digital ruble in the field of charity</i>	489
Khalikova E. A., Sozykin A. D., Safronov D. Yu. <i>Modern digital solutions for financial and economic justification in project management</i>	492
Chumlyakov K. S., Chumlyakova D. V., Ignatyuk Yu. L. <i>Internationalization of the Arctic in the strategies of non-Arctic countries</i>	495
Zashchitina E. K., Pavlov P. V. <i>Transformation of the global market for higher education services under the influence of changing geopolitical contours</i>	498
Badi A., Rudneva Yu. R. <i>The role of the project approach in managing innovation activities of enterprises</i>	500
Bagram A. A., Pivkin M. Yu., Logunova A. V., Tselishcheva A. A., Nosik D. E. <i>Transformation of the energy sector through blockchain and AI: global perspectives and challenges</i>	503
Donskoy V. A., Primak A. V., Morozova A. A., Primak V. V., Kuchuk M. I. <i>Transformation using blockchain: integration strategies and legal aspects</i>	505
Li Linlin <i>Some problems of creating a zone of cross-border tourism cooperation between China and Russia</i>	507
Magzyanov V. P., Tselishcheva T. A., Botvinko D. A., Yurkevich E. A., Dovgusheva A. V. <i>Sberbank's adaptation to the new economic reality: strategies and solutions</i>	510
Medvedeva D. O., Belousov N. A., Khlyupov I. V., Verkhoturava D. A., Vdovenkova O. V. <i>Minimizing the economic consequences of the global energy transition for large energy-intensive consumers: strategies and solutions</i>	512
Nosik D. E., Pivkin M. Yu., Logunova A. V., Bagram A. A., Tselishcheva A. A. <i>The evolution of international trade in the BRICS countries: in-depth analysis of China's influence</i>	515
Repyakh A. D., Grigorjev A. E., Dmitrieva A. I., Klochko I. V., Tikakhina T. A. <i>Risk and resource management strategies in Russian banks during the period of economic challenges</i>	517
Pivkin M. Yu., Nosik D. E., Tselishcheva A. A., Bagram A. A., Logunova A. V. <i>The versatility of insurance interest: legal and economic dimensions in insurance</i>	519
Skachkova M. A., Gomenyuk M. A., Basenko D. V., Klementjeva D. A., Vetrova A. A. <i>Abenomics Growth Strategy in the era of low fertility and population aging: analysis and prospects</i>	521
Khalikova E. A., Mullashev U. R. <i>Improving the efficiency of oil company procurement management in the context of digital business transformation</i>	524
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
Bondarenko V. N. <i>Axioms of neoclassical philosophy</i>	527
Abdulaeva I. A. <i>The problem of knowing the essence of humanity by the example of existential and sociological approaches</i>	529
Ardashev R. G. <i>Euthanasia in the public understanding of Russians</i>	532
Baklanov I. S., Baklanova O. A., Osadchiy A. A. <i>Features of sociocultural risks in the context of digitalization of sociocultural practices</i>	535
Gofman A. A., Sviridov R. E. <i>Prevention of fear and anxiety in conditions of social conflicts</i>	537
Kuzmenko A. A. <i>Socio-philosophical understanding of the importance of applying the principles of ergonomic design in the manufacture of stone tools in the period of collective society</i>	539
Madzhuga A. G., Kyshtymova I. M., Kirillova K. A., Tochieva L. I. <i>The values of tuning fork culture and their role in the processes of personality formation</i>	542
Petlitsyn R. A., Khvostova S. G., Yakshin S. V. <i>Risks of technological development of society: interaction of innovations, traditions and social norms</i>	546
Ravochkin N. N. <i>Transformations of communications in the digital world: philosophical analysis (part 1)</i>	548
Sharipov A. R., Baynazarov I. N. <i>About some aspects of the influence of language on the state of national identity</i>	551
Shmatko A. A., Shmatko O. N. <i>Factors of formation and functions of historical consciousness as a socio-cultural phenomenon</i>	553
Egorova O. I., Zueva E. K., Fomina D. S. <i>Social and philosophical analysis of the problem field and the role of digital culture in Russia</i>	555
Laryushkin S. A. <i>Veneration of New Martyrs in the context of the ideals of Holy Russia: on the issue of national identification</i>	558
Tolkachev R. V., Safonova A. Yu., Bliznetsov A. S., Stankevich A. S., Mezin M. K. <i>Eurasianism in the modern context: from Gumilev's passionarity to the politics of multipolarity</i>	561
Fomin A. A. <i>The evolution of ideas about ethos and its modern interpretation</i>	563
Sharipov A. R., Baynazarov I. N. <i>Analysis of the current state of national identity of the peoples of the Russian Federation according to the results of the 2021 population census</i>	567
INFORMATION FOR AUTHORS	570

**А. Р. ЧАТТАЕВ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРАКТ – ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ АКТИВАМИ. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ЗАКУПКИ И БИЗНЕС**

Интервью с Чаттаевым Азаматом Руслановичем, кандидатом юридических наук, доцентом кафедры гражданского права и процесса АНО ВО «Институт деловой карьеры», г. Москва, основателем и руководителем юридической компании «Chattaev Protection».

**A. R. CHATTAEV:
THE STATE CONTRACT IS A TOOL FOR EFFECTIVE MANAGEMENT OF STATE
ASSETS. GOVERNMENT PROCUREMENT AND BUSINESS**

Interview with Chattaev Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of business career, Moscow, founder and head of the law firm «Chattaev Protection».

Чаттаев А. Р.

Визитная карточка:

Чаттаев Азамат Русланович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт деловой карьеры» (г. Москва).

В 2009 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право).

С 2006 в системе высшего образования, с этого периода в различное время преподавал в Современной гуманитарной академии (г. Москва), Северо-Кавказском институте повышения квалификации (филиал) Краснодарского Университета МВД России (г. Нальчик), Открытом Университете Экономики Управления и Права (г. Москва), Институте деловой карьеры (г. Москва).

Является автором более 40 научных статей и публикаций в журналах и изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России.

С 2017 г. является членом редакционной коллегии Евразийского юридического журнала.

Сфера научных интересов: проблемы договорного права и контрактных обязательств в российском и международном законодательстве, предпринимательские и корпоративные риски современного бизнеса, корпоративная защита бизнеса, международная безопасность.

С 2009 г. является частнопрактикующим юристом, а в 2018 г. создал и руководит юридической компанией «Chattaev Protection» (г. Москва).

Активно участвует в спортивной жизнедеятельности страны, является членом судейского комитета Федерации Каратэ-до Сито-рю России, главным судьей Федерации Каратэ-до Сито-рю Московской области, спортивным судьей всероссийской категории, обладает черным поясом по Каратэ-до Сито-рю (4 Дан) и Рюкю Кобудо Симбукан (2 Дан), является призером и победителем всероссийских и международных соревнований по каратэ и кобудо.

– Азамат Русланович, наш первый вопрос обусловлен, в первую очередь, с одним из направлений Ваших научных интересов, а именно договорным правом. С принятием Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ изменилась вся парадигма договорных отношений в различных областях предпринимательской деятельности, в том числе строительстве, торговле, оказании услуг и даже в производственном секторе. По Вашему мнению, каков потенциал государственного контракта как важнейшего института договорных отношений между государством и частным сектором?

– Прежде всего, хочу искренне поблагодарить весь коллектив Евразийского юридического журнала за возможность продуктивного и плодотворного сотрудничества на протяжении достаточно долгого периода времени, а также за приглашение к участию в научном дискурсе на площадке ЕврАзЮж и стать членом авторитетного клуба Persona Grata. Для меня это большая честь и хорошая возможность поделиться своим профессиональным мнением по ряду действительно важных вопросов в исследуемых областях.

Как известно, эффективность расходования бюджетных средств напрямую влияет на экономический рост, благосостояние населения и обновление основных производственных фондов страны. Изначально предполагалось, что с принятием Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе) новые нормы окажут позитивное влияние на контрактную систему и на всю сферу государственных закупок, при этом планировалось добиться значительной экономии бюджетных средств без снижения качественных характеристик закупаемых для государственных нужд товаров, работ и услуг. Однако одновременно этого не произошло и как показывает правоприменительная практика, Закон о контрактной системе имеет достаточно много пробелов, что напрямую отражается на реализации заключаемых на его основе государственных контрактов. Назвать государственный контракт универсальным инструментом эффективного управления государственными активами в нынешнем его формате, считаю преждевременным, поскольку до сих пор имеют место быть нарушения как со стороны государственного заказчика, так и частного исполнителя (подрядчика, поставщика и т.д.) заказа.

Вместе с тем, по моему мнению, идея государственного регулирования сферы закупок путем заключения государственного контракта, представляется весьма актуальной и перспективной. Использование общепринятых норм договорного права в самой структуре государственного контракта позволит частично устранить существующие проблемы. Важна также правоприменительная и судебная практика, отражающая основные проблемы данной сферы. Учитывая особенности государственного контракта, следует особо уделить внимание ни на установление монополии и государственной гегемонии над системой закупок, но и учитывать права и законные интересы частного бизнеса, который является неотъемлемой частью закупочного процесса для государственных нужд. Экономия экономией, но она должна быть разумной и эффективной, как минимум на плановые периоды, определенные государственным бюджетом страны. Именно поэтому, сущность государственного контракта должна отражать паритетные начала, как для государства, так и для частного сектора в целом. Следует особо отметить важность государственного контракта как института роста бизнеса. Именно благодаря реализации государственных контрактов растет потенциал бизнеса, в том числе в узконаправленных специализациях, растет работоспособность персонала, качество выполняемых работ, увеличивается прибыль, поскольку открываются пути к крупным заказчикам, куется так скажем имиджевая составляющая компаний, что дает рост экономике страны в целом.

– Азамат Русланович, исходя из существующих проблемных вопросов в сфере закупок, какие Вы бы особенно отметили? Какова Ваша позиция по возможным путям их решения?

– Среди распространенных и наиболее важных проблем в сфере государственных закупок современные исследователи выделяют сложность и запутанность законодательства, недобросовестное поведение участников торгов, несостоятельное и неграмотное планирование будущих закупок, отсутствие контроля над всеми стадиями закупок имеющие коррупционные риски, злоупотребления в закупках у единственного поставщика, нарушения в области конкуренции, перерасходование бюджетных средств, ограничение числа участников закупок и т.д. Я, пожалуй, соглашусь с коллегами, ведь каждый из этих вопросов требует отдельного изучения и решения, при этом ни без государственного участия. Тут игрой «в одну калитку» не обойтись. Проблема общая, поэтому решать ее нужно совместно. Важно при этом, чтобы государственные органы, точнее должностные лица этих органов относились более ответственно к решению возникающих вопросов, напрямую зависящих от их профессиональной деятельности и своевременной реакции на проблемы различного рода. Да, одними законодательными нормами невозможно исправить все проблемы, человеческий фактор всегда будет играть важную роль, поскольку исполнитель государственной функции и отправления норм государственной власти – тоже живой человек. Другой вопрос его зависимость от всякого рода инструкций, регламентов, положений и всякого рода подзаконных и локальных норм.

Вместе с тем, я бы хотел особо отметить саму сложную структуру государственного контракта, которая совмещает в себе порой несколько видов договоров, что относит его к смешанным формам договоров. Попытка законодателя объединить в одном контракте множество условий, порождает неразбериху при его реализации. Так, к примеру строители, сталкиваются с рядом проблем при реализации государственных контрактов на выполнение работ по проектированию, строительству, реконструкции, капитальному ремонту зданий и сооружений как жилого, так и нежилого фонда, включая объекты культурного наследия. Сложность реализации данных проектов состоит именно в разноплановости поставленных государственным контрактом задач. А именно,

при реализации государственного контракта на проектирование и капитальный ремонт имеет место быть выполнение подрядчиком сразу нескольких видов работ и оказание услуг. Вместе с тем, каждый вид определенных государственным контрактом работ, имеет свою специфику и особенности. Это и сроки выполнения, которые порой напрямую зависят от государственного заказчика (*сроки различного рода согласования той или иной стадии проектирования или выполнения работ ответственными компетентными органами порой выходят за пределы сроков установленным самим контрактом*), утверждение каких-либо проектных или строительных решений, играющих важную стратегическую роль в полноценной реализации государственного контракта, вмешательство надзорных органов напрямую в хозяйственную деятельность подрядчика в нарушении норм статьи 10 Гражданского кодекса РФ, блокирование его деятельности, которая приводит к срыву сроков исполнения обязательств по контракту, включение в кабальных условий в контракт и как следствие возникновение условий порождающих применение в отношении подрядчика штрафных санкций и наложение иных видов ответственности. Особенно хочу сказать о том, что включение в проект договора явно несправедливого договорного условия, ухудшающего положение стороны в договоре (подрядчика), оспаривание которого осложнено особенностями процедуры, установленной Законом № 44-ФЗ, ставит заказчика в более выгодное положение и позволяет ему извлечь, необоснованное преимущество, что по мнению высших судов, также является недопустимым и сложившаяся судебная практика говорит об этом и порой лишает или ограничивает заказчиков на защиту права именно по данному признаку.

Подобные проблемы во многом возникают неправильного толкования норм права и если переходить в практическую их реализацию, то из-за отсутствия согласованности проектных решений и их практической реализации. Допустим одна подрядная организация выполняет работы по проектированию, при этом принимаемые проектные решения должны быть тождественны разработанным сметным решениям или наоборот. Чаще всего на практике бывает так, что проектировщик использует в своей деятельности те сметные решения (к примеру, по состоянию на 2023г. государственные заказчики применяют утвержденные в 2017, 2019 гг. сметные решения для формирования конкурсной документации и договорных цен из-за отсутствия актуальных), которые были утверждены и имели место быть, к примеру до возникновения современных государственных и мировых проблем, таких как мировой финансовый кризис, пандемия, различные войны и военные операции, экологические катастрофы и т.д., которые напрямую могут повлиять на ценовую политику отдельных видов товаров, материалов и оборудования, что приводит к дефициту финансирования уже по утвержденным и подписанным контрактам. Ведь актуальные цены на товары в современном мире меняются чуть ли ни каждый день. Вы скажете, а как же государственное регулирование, экспертизы, тарифы, дифференцированные ставки, различные коэффициенты и дефляторы утверждаемые Минстроем России и т.д.? Все бы хорошо, если бы практика применения данных норм соответствовала существующим реалиям. Актуализация тарифов и сметных расценок осуществляется ни так же стремительно, как меняются биржевые котировки цен на различные товары на рынке. Тем самым, подрядчики сталкиваются с такой проблемой как некорректно созданная проектная документация, требующая корректировок и внесения изменений. А это практически полная ее переработка, что значительно удорожает и меняет сроки государственного контракта.

Другой немаловажной проблемой является тот факт, что исполнение государственного контракта, начинается задолго до его подписания. А именно, у подрядчиков, согласно предлагаемой заказчиком конкурсной документации в про-

цессе участия на торгах возникает обязанность предоставить государственному заказчику финансовое обеспечение заключаемого контракта (*различного рода банковские гарантии или прямое финансирование заказчика путем перечисления определенной суммы денег на расчетный счет заказчика*), поскольку это является существенным условием контракта. При этом такое обеспечение государственного контракта ни всегда является гарантией его заключения, а перечисленные денежные средства в счет обеспечения контракта, аккумулируются на счета заказчика. Безусловно, подобные гарантии исполнения контракта имеют место быть, поскольку финансовые обязательства возникают при любых отклонениях от условий заключенного контракта, а также защитой от несостоятельных и недобросовестных поставщиков товаров, работ и услуг. Однако, механизм разморозки активов обеспеченного платежом обязательства порой имеет односторонний характер в пользу заказчика, а именно, может быть возвращен поставщику товаров, работ и услуг по истечении определенного периода после выполнения условий контракта и его полного закрытия, что на деле может выглядеть неким аналогом кредитования заказчика, при этом последний не платит за пользование денежными средствами никаких процентов, как того требует норма статьи 823 Гражданского кодекса РФ. С этой целью государственные контракты могут предусматривать возможность их не платить, ссылаясь в том числе на нормы статьи 317.1 Гражданского кодекса РФ. Казалось бы, обыкновенная договорная практика, сложившаяся в деловом обороте, однако в кабальных условиях всегда остается поставщик товаров, работ и услуг.

– Раз уж речь пошла о правовом регулировании сферы закупок и формировании существенных условий государственного контракта, в числе которых могут быть как предмет, цена, сроки, так и гарантии и ответственность за нарушение договорных обязательств, как на сегодняшний день обстоит дело с достаточностью законодательной и нормативно-правовой базы регулирования сферы закупок и, в частности, заключения и исполнения государственных контрактов?

– В течение длительного периода времени, а это около 10 лет, предшествующих сегодняшнему периоду, в нашей стране было принято достаточно большое количество нормативно-правовых актов, проведено достаточное количество научных исследований, так или иначе связанных с формированием в современной России института государственных закупок. Вся существующая нормативно-правовая база в области государственных закупок призвана улучшить сферу закупок, стабилизировать рынок и не допускать нарушений в области государственных закупок, а также разрешить существующие проблемные вопросы и облегчить участникам рынка более безопасно и эффективно работать.

Взять, к примеру Постановление Правительства РФ № 2014 от 03.12.2020г., которое призвано регулировать взаимоотношения в области закупки товаров российского происхождения, а именно, настоящий правовой акт призван разрешить давно существующую проблему рынка отечественного производителя, т.е. об обязательной доле товаров российского происхождения при их закупке заказчиками. С этой целью Правительство определило, что для достижения минимальной доли закупок заказчиком учитываются товары, происходящие из государств - членов Евразийского экономического союза. Постперестроечная экономика страны была ориентирована на закупку готовой продукции из за рубежа в основном из США и Европы (*это товары считающиеся наиболее качественными*) и Азии (*соответственно товары более низкого качества, как показывала практика того времени*), при этом собственное производство пережило колоссальный упадок, отечественный производитель не выдерживал никакой конкуренции против дешевой заграничной продукции, а последствия не будем говорить, поскольку они очевидны.

Я не скажу, что принятие настоящего акта Правительством разрешило все проблемы, но первые шаги в данном направлении уже сделаны, что не может остаться без внимания.

– Азамат Русланович, а какие сложности возникают у начинающего бизнеса на старте, ведь попасть в когорту исполнителей госзаказов как известно непросто?

– Как показывает практика, предприниматели как начинающие, так и с опытом ведения собственного бизнеса принимая решения войти в процесс государственных закупок сталкиваются с рядом проблем, однако ни все спешат их решать и в итоге на финишной прямой получают не совсем запланированные результаты.

Во-первых, большой объем необходимой к изучению информации (нормативно-правовая база) приводит к замешательству, непонятно с чего начинать, а изучение специфики откладывается на потом. Открытые конкурсы, запросы котировок, аукционы и т.д. всевозможные неизвестные обычному обывателю термины, в которых так или иначе фигурируют госзакупки, порой приводят в замешательство. Прежде всего, не стоит пренебрегать изучением материальной базы, следует скрупулезно изучить законодательство о закупках, тогда проблем с пониманием сути самой закупки станет на одну меньше. А далее практические ошибки вплоть до неправильно выбранного браузера, электронной торговой площадки, и т.д., что является, к примеру, причиной невозможности подписания контракта с использованием электронной цифровой подписи, и как результат – неподписание контракта с заказчиком с возможным дельнейшим попаданием в реестр недобросовестных поставщиков.

Во-вторых, откуда взять стартовый капитал, чтобы заработать деньги? Чтобы принять участие в торгах, необходимо внести денежные средства на обеспечение заявки, а в случае победы и на обеспечение контракта, в случае указания на это в конкурсной документации. Далее, ни всегда, исполнению контракта заказчик может предоставить авансовые платежи, следовательно необходимо иметь свои средства на его исполнение. Некоторые профессиональные участники рынка государственных закупок имеют уже заранее подготовленный капитал, что дает им больше шансов на победу, но как быть тем, у кого нет стартового капитала? Сегодня данная проблема решена путем использования такого финансового инструмента, как заём. Это всевозможные специальные банковские продукты, некоторые финансовые учреждения прямо специализируются на подобных продуктах, и в них можно получить средства и на обеспечение заявок, и на обеспечение контракта. Но тут имеются свои риски, как в самой конкурсной или закупочной документации, так и в самом кредитном договоре, который необходимо досконально изучить, оценить свои возможности его погашения исходя из возможной прибыли от участия в том или ином проекте, и только после принятия решения по заемным кредитным средствам. Также имеются специальные федеральные программы, при которых федеральные государственные и муниципальные учреждения поддержки бизнеса могут предоставлять свои гарантии, и тем самым способствовать выдаче кредитов.

В-третьих, несовершенное законодательство и некомпетентность заказчиков. Про несовершенство законодательства и необходимости его актуализации применительно к существующим реалиям, мы уже ранее говорили, вместе с тем, хочу в качестве примера привести одно из формальных оснований, которое требует особого отношения. Как известно, главный критерий в госзакупках – это цена. В торгах невозможно учесть качество выполняемых работ, это условие нереально отразить в аукционе, а если в конкурсе дать некие формальности в качестве критериев оценки качества работ, то достаточно сложно проверить качество. К этому прибавляется другая проблема, некомпетентность самого заказчика. Далеко ни все представители государственных и муниципальных учреждений компетентны при формировании

условий конкурсов, ни в достаточной степени изучая даже саму специфику заказываемой продукции. Плюс отсутствие достаточной квалификации для подготовки полноценного и хорошего техзадания, которое может отразить всю полноту того, что нужно заказчику. Это приводит к тому, что в цену заявки не включены критерии необходимых к выполнению работ. Впоследствии добросовестные поставщики товаров, работ и услуг страдают от недостаточности информации, а заказчик на выходе не получает то, что ему нужно и не может воспользоваться документацией. Подобное, к примеру, в конкурсах на разработку проектной и рабочей документации приводит к появлению следующих проблем: недобросовестную конкуренцию и готовит почву для различных коррупционных проявлений. Если законодательство и отражает, и жестко пересекает подобные проявления недобросовестности и коррупционности некоторых теневых схем, что как ранее я уже говорил, человеческий фактор не искоренить, а все взаимоотношения отразить в законе невозможно.

Что же делать? Не участвовать в государственных закупках? Вовсе нет, в последнее время процедуры государственных закупок вышли на качественно новый уровень, ведется борьба с недобросовестными поставщиками и коррупцией. Государственные заказчики за первые девять месяцев 2023г. года заключили 2,4 млн контрактов на сумму 8,5 трлн рублей, что соответственно на 12% и на 11% больше аналогичного показателя прошлого года, говорится в отчете Минфина РФ о мониторинге применений закона «О контрактной системе» (44-ФЗ). Более того современный бизнес, а я сейчас скажу о малом и среднем предпринимательстве, поддерживают и помогают разобраться как общественные, так и государственные организации, среди которых Федеральная антимонопольная служба, Корпорация МСП, Общественный Народный Фронт, это и вышестоящие для заказчика организации, ну и как более убедительный и крайний аргумент – прокуратура.

– Ранее Вы упомянули о государственном контроле в сфере закупок. А какую важную роль играет Федеральная антимонопольная служба России в закупочной деятельности государства и как могут повлиять решения данного органа на исполнение государственного контракта?

– История антимонопольного регулирования в современной России берет свое начало с 1990 года, когда был утвержден первый антимонопольный орган – Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур. Ныне, действует Федеральная антимонопольная служба России (ФАС), которая создана в соответствии с Указом Президента РФ № 314 от 09.03.2004г., которая является уполномоченной федеральной структурой органов исполнительной власти, наделенная полномочиями по принятию нормативных правовых актов, контролю и надзору за соблюдением законодательства в сфере конкуренции на товарных рынках, защиты конкуренции на рынке финансовых услуг, деятельности субъектов естественных монополий и рекламы. Основными функциями ФАС являются:

– обеспечение государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства федеральными органами исполнительной власти, органами власти субъектов РФ и муниципальными органами власти иными хозяйствующими субъектами и внебюджетными фондами, в том числе физическими лицами;

– выявление нарушений антимонопольного законодательства и принятие мер по предотвращению и прекращению антимонопольного законодательства и привлечение виновных к ответственности;

– предупреждение монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции;

– осуществление государственного контроля за совершаемыми участниками рынка сделок, и иных действий, оказывающих влияние на состояние конкуренции и т.д.

Реализация данной государственной функции органами ФАС достигается путем проведения проверок, рассмотрения дел, выдачей предписаний, наложением административных взысканий и наконец взаимодействием с правоохранительными органами.

Подобный комплексный подход и полномочия предоставленные данному федеральному органу, предполагают самые разные последствия для исполнения государственных контрактов, вплоть до отмены результатов торгов и привлечение ответственных лиц к административной, а иногда и к уголовной ответственности. Например, если в ходе проверки или рассмотрения дел выявится коррупционная схема, виновники могут понести уголовную ответственность как за превышение должностных полномочий, так и за мошеннические действия.

– Азамат Русланович, благодарим Вас за столь содержательное и интересное интервью! Желаем Вам дальнейших профессиональных успехов и в заключение наш традиционный вопрос – что бы Вы пожелали авторам, читателям и редакции Евразийского юридического журнала?

– Я хотел бы поблагодарить нашу дорогую редакцию за возможность выступления и публикации на страницах Евразийского юридического журнала, а также еще раз выразить благодарность за приглашение стать членом элитарного авторитетного клуба Persona Grata. Также, в преддверии Нового 2024 года всех читателей, авторов и коллег по цеху хочу от души поздравить с наступающим Новым годом, пожелать Вам ровной и благополучной дороги к успеху, новых творческих свершений, четких целей и перспективных планов, неиссякаемых сил и дружбы коллектива, семейного счастья и верного благополучия, высокого достатка и неизменной удачи.

Интервью брали:

Бондаренко Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

ХАЛИПОВ Сергей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России

ТАМОЖЕННО-ТАРИФНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

В статье проводится правовой анализ таможенно-тарифного регулирования внешней торговли товарами. Рассматриваются акты международного торгового права, права Евразийского экономического союза, законодательства России. Указываются причины сходства таможенного и таможенно-тарифного регулирования. Отмечаются недостатки нормативной базы применения таможенных пошлин. Формулируются обоснованные определения таможенно-тарифного регулирования Союза и России. Перечисляются конкретные меры таможенного тарифного регулирования для ввозных и вывозных таможенных пошлин. Показаны компетенция и возможности использования Российской Федерацией таможенно-тарифных мер в условиях членства в Союзе. Уделяется внимание ответным мерам в виде повышенных ставок ввозных таможенных пошлин. Высказывается утверждение об их отличии от мер таможенно-тарифного регулирования и об отсутствии целевой связи с Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: таможенно-тарифное регулирование, ввозные и вывозные таможенные пошлины, Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, тарифные льготы, тарифные квоты, тарифные преференции, ответные меры, антидемпинговые и компенсационные пошлины, нетарифные меры, право Всемирной торговой организации, Генеральное соглашение по тарифам и торговле.

KHALIPOV Sergey Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of the Public law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of Russia

RUSSIA'S CUSTOMS TARIFF REGULATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article provides a legal analysis of customs tariff regulation of foreign trade in goods. Acts of international trade law, law of the Eurasian Economic Union, of legislation of the Russian Federation are considered. The reasons for similarity of customs and customs tariff regulation are pointed out. The shortcomings of the normative base for application of customs duties are noted. Definitions of customs tariff regulation of the Union and Russia are backed up and formulated. Specific measures of customs tariff regulation for import and export customs duties are listed. The competence and possibilities of the Russian Federation for using customs tariff measures in the context of membership in the Union are shown. Attention is paid to retaliatory measures in the form of increased rates of import customs duties. It is argued that they are different from measures of customs tariff regulation and that there is no target connection with the Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union.

Keywords: customs tariff regulation, import and export customs duties, Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union, tariff exemptions, tariff quotas, tariff preferences, retaliatory measures, anti-dumping and countervailing duties, non-tariff measures, the law of the World Trade Organization, General Agreement on Tariffs and Trade.

Введение. Публично-правовое регулирование российской внешней торговли товарами в условиях членства страны в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) осуществляется на основе трех правовых систем:

- международного права (право Всемирной торговой организации – далее ВТО, акты Всемирной таможенной организации и др.);
- права ЕАЭС;
- законодательства Российской Федерации (далее – РФ).

Одно из отраслевых направлений правового воздействия на внешнеэкономический товарооборот с помощью таможенных пошлин названо таможенно-тарифным регулированием (далее – ТТР). В научных исследованиях разных лет ТТР часто сопрягается с таможенным регулированием. Например, ТТР объединяется с таможенным регулированием, а термины используются как синонимы [4, с. 43-44]. ТТР включается в таможенное регулирование [2, с. 52] или служит инструментом таможенного регулирования [9, с. 144] либо ТТР охватывает, среди прочего, и таможенное регулирование [1, с. 22-23]. Очевидно, что в правоприменении меры таможенно-тарифного и таможенного регулирования взаимосвязаны. Невозможно уплатить таможенные пошлины, не совершая таможенных операций (в частности, таможенного декларирования товаров). В правотворчестве и его результатах (договорах, законах) у каждой отрасли регулирования свои предметы, системообразующие правовые источники [8, с. 57-59]. На сегодня нормативная база ТТР, в основном, сформировалась. Вместе с тем, анализ всех уровней правового регулирования продолжает выявлять отдельные недостатки в понятиях и содержании ТТР.

ТТР в международном праве. Международные основы применения государствами таможенных пошлин содержатся в актах, объединенных понятием международного торгового права (далее – МТП). Главным источником МТП служит право

ВТО [3, с. 116-132], точнее – Генеральное соглашение по тарифам и торговле¹ (далее – ГАТТ). В ГАТТ таможенно-тарифное регулирование не выделяется, не раскрывается его содержание, а в статье речь идет, преимущественно, о ввозных таможенных пошлинах [7, с. 225-226]. Ввозные таможенные пошлины используются в качестве главного средства воздействия на доступ товаров на иностранные рынки [10, с. 167]. О вывозных таможенных пошлинах упоминается, например, в обязательствах России по присоединению к ВТО в сфере торговли товарами [6, с. 214]. Остается непонятным в чем заключается таможенно-тарифное регулирование и ограничивается ли оно только таможенными пошлинами. Например, относится ли к ТТР введение антидемпинговых или компенсационных пошлин? Встречаются как положительные ответы на этот вопрос (антидемпинговые и компенсационные пошлины занимают особое место в таможенно-тарифном регулировании) [10, с. 169], так и отрицательные (антидемпинговые и компенсационные меры относятся к восстановительным методам нетарифного регулирования) [7, с. 227-228]. Более того, в международной классификации нетарифных мер Статистической комиссии ООН представлена классификация, состоящая из 16 разделов (от «А» до «Р»: технические барьеры; предодгрузочная инспекция; меры торговой защиты; лицензирование, квотирование и другие) [5, с. 5-7]. Примечательно, что раздел «Р» (Меры, касающиеся экспорта), включает экспортные налоги и сборы, под которыми понимаются, в том числе и экспортные пошлины, например, на сырую нефть [5, с. 93]. Объяснение этому может быть в признании за таможенно-тарифным регулированием только таможенного тарифа, как

1 Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. V). С. 2032-2048.

свода ставок ввозных таможенных пошлин. Вывозные таможенные пошлины к таможенному тарифу не относятся.

Следует отметить, что и вспомогательные международно-правовые институты, используемые в применении государствами таможенных пошлин, посвящены ввозу товаров. Например, ст. VII ГАТТ «Оценка товара для таможенных целей» и Соглашение по применению статьи VII ГАТТ² устанавливают принципы и единые подходы к определению таможенной стоимости импортируемых товаров.

ТТР в Евразийском экономическом союзе. Правовой основой ТТР в Союзе служит Договор о ЕАЭС³ (далее – Договор). Положения Договора, включая одно из его тематических приложений № 6⁴, не дают определения ТТР. Из понятий ввозной таможенной пошлины, Единого таможенного тарифа ЕАЭС⁵ (далее – ЕТТ ЕАЭС), тарифной преференции, предлагаемых в ст. 25 Договора, следует, что ТТР в Союзе осуществляется с использованием ввозных таможенных пошлин. Статьи 42–45 Договора называют конкретные меры ТТР, составляющие его содержание: ставки ввозных таможенных пошлин, тарифные льготы, тарифные квоты, единая система тарифных преференций Союза. Данные выводы подтверждаются другими правовыми и неправовыми актами. Так, в соответствии с подп. 21 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса ЕАЭС⁶ меры ТТР – это меры, включающие в себя применение ставок ввозных таможенных пошлин, тарифных квот, тарифных преференций, тарифных льгот. Те же меры перечисляются в Рекомендации Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) о согласованных подходах к ТТР⁷.

Изложенное позволяет определить ТТР в ЕАЭС как воздействие таможенными пошлинами на ввоз в Союз товаров из третьих сторон⁸. Содержание ТТР ЕАЭС составляют конкретные меры (меры ТТР) в виде установления (изменения, отмены) ставок ввозных таможенных пошлин, применения тарифных льгот, преференций и квот.

Предлагаемая формулировка, помимо целевого обобщения тарифных мер, отвечает еще на один вопрос, а именно, о принадлежности к ТТР ответных мер в отношении третьей стороны (ст. 40 Договора). Ответные меры, хотя и применяются в виде повышенных ставок ввозных таможенных пошлин⁹, но это только внешне сходство. Содержательные признаки ответной меры отличны от ТТР. Во-первых, ответные меры не связаны с ЕТТ ЕАЭС, так как вводятся не в порядке обычного регулирования внешней торговли товарами с соблюдением режима наибольшего благоприятствования (ст. 34 Договора), а, вынужденно реагируя на неблагоприятные, в торговых отношениях, действия

третьих государств. Во-вторых, адресность ответных мер направлена не на достижение целей ТТР (интеграция Союза в мировую экономику, рационализация ввоза и вывоза товаров, поддержка отраслей экономики и др. – п. 2 ст. 42 Договора), а на ужесточение торгового режима с конкретной страной или странами¹⁰. В-третьих, ТТР использует только таможенные пошлины. Ответные меры не ограничены таможенными пошлинами. ЕЭК и РФ, в рамках своих компетенций, вправе принимать иные меры, оказывающие влияние на результаты внешней торговли с соответствующим государством (количественные ограничения и иные меры – п. 1 ст. 40 Договора, ст. 40 Закона о регулировании внешнеторговой деятельности¹¹).

ТТР России в условиях членства страны в ЕАЭС. В отличие от предыдущих уровней правового регулирования, национальное ТТР содержит юридическую дефиницию. Закон о регулировании внешнеторговой деятельности определяет ТТР как метод государственного регулирования внешней торговли товарами, осуществляемый путем применения ввозных и вывозных таможенных пошлин (п. 24 ч. 1 ст. 2). Ст. 19 Закона уточняет:

– цели установления ввозных и вывозных таможенных пошлин (защита внутреннего рынка России и стимулирование прогрессивных структурных изменений в экономике);

– правовые основания (в соответствии с правом ЕАЭС и/или законодательством России).

Ст. 79 Конституции¹² предоставляет возможность РФ передавать часть своих полномочий межгосударственным объединениям, в которых наша страна принимает участие. Союз наделяется компетенцией в пределах и объема, установленных Договором (п. 1 ст. 5 Договора). Подписывая и ратифицируя Договор¹³, Россия, как и другие государства-члены ЕАЭС, передала полномочия по применению ввозных таможенных пошлин на наднациональный уровень¹⁴. Тем не менее, за нашей страной сохранилось право самостоятельного предоставления некоторых взаимных тарифных преференций. Например, РФ полномочна в одностороннем порядке предоставлять тарифные преференции в торговле с третьей стороной на основании заключенных до 1 января 2015 года международных договоров (п. 1 ст. 102 Договора). Это относится, в частности, к Договору о зоне свободной торговли СНГ¹⁵, в рамках которого Россия приостановила предоставление преференций на отдельные группы товаров, происходящих из Республики Молдова¹⁶.

Дополнительно отметим, что передача полномочий по ввозным таможенным пошлинам на наднациональный уровень не означает отказ от регуляторных возможностей. Государство-член сохраняет за собой право нормотворческой инициативы, а варианты использования таможенно-тарифных мер предполагают, в том числе индивидуальный подход к каждому официальному предложению. Актуальным примером служит об-

2 Соглашение по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2679–2704.

3 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014, с учетом изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 15.01.2024).

4 Приложение № 6 к Договору о ЕАЭС «Протокол о едином таможенно-тарифном регулировании».

5 Единый таможенный тариф ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/commission/department/catr/ett/> (дата обращения: 15.01.2024).

6 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.01.2024).

7 Рекомендация Коллегии ЕЭК от 17.05.2022 № 19 «О согласованных подходах к таможенно-тарифному регулированию в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.01.2024).

8 Третья сторона – государство, не являющееся членом Союза (ст. 2 Договора о ЕАЭС).

9 См., например, Постановление Правительства РФ от 06.07.2018 № 788 «Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки» (ред. от 26.04.2022) // СЗ РФ. 2018. № 29. Ст. 4433.

10 См. Постановление Правительства РФ от 07.12.2022 № 2240 «Об утверждении ставок ввозных таможенных пошлин в отношении отдельных товаров, страной происхождения которых являются государства и территории, предпринимающие меры, которые нарушают экономические интересы Российской Федерации» (ред. от 27.12.2023) // СЗ РФ. – 2022. – № 50 (Часть IV). – Ст. 8941.

11 Федеральный закон от 08.12.2002 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности (в ред. от 25.12.2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

12 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993): офиц. текст, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

13 Федеральный закон от 03.10.2014 № 279-ФЗ «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе» // 2014. № 40 (часть I). Ст. 5310.

14 Например, в соответствии с п. 1 ст. 45 Договора, ЕЭК устанавливает ставки ввозных таможенных пошлин, порядок применения тарифных льгот, преференций и квот.

15 Договор о зоне свободной торговли (Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011) // СЗ РФ. 2012. № 40. Ст. 5340.

16 Постановление Правительства РФ от 31.07.2014 № 736 «О введении ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, страной происхождения которых является Республика Молдова» (ред. от 26.04.2022) // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4509.

рашение РФ в ЕЭК¹⁷ и последующее принятие Комиссией решений о введении временной количественной тарифной льготы на беспошлинный ввоз в Россию мяса и яиц кур домашних¹⁸.

Следующая компетенция по вывозным таможенным пошлинам осталась за РФ в полном объеме и реализуется на основании Закона о таможенном тарифе¹⁹. Формально, выражение национальное ТП звучит противоречиво, так как таможенного тарифа (в виде единого свода ставок вывозных таможенных пошлин) нет, а тарифное регулирование есть. Однако содержательно присутствуют почти все меры ТП: введение (изменение, отмена) ставок вывозных таможенных пошлин²⁰, применение тарифных льгот²¹ и тарифных квот²² на вывозимые товары. Единственное чего недостает – это тарифных преференций, предусмотренных для ввозных таможенных пошлин (п. 1 ст. 36 Закона о таможенном тарифе). Таким образом, национальное ТП, в условиях членства страны в ЕАЭС, представляет собой воздействие таможенными пошлинами на вывоз товаров из России (за пределы Союза) в третьи государства, а также на преференциальный ввоз товаров по соглашениям о свободной торговле, заключенным РФ до 01.01.2015 года. Меры ТП России предусматривают установление (изменение, отмену) ставок вывозных таможенных пошлин, применение тарифных льгот, тарифных квот и, частично, тарифных преференций²³.

Выводы.

1. ТП в условиях ЕАЭС представляет собой самостоятельное направление (отрасль правового регулирования) с присущими ему предметом (таможенные пошлины), мерами (меры ТП) и системообразующими правовыми источниками (Договор, Закон о регулировании внешнеэкономической деятельности, Закон о таможенном тарифе).

Наднациональный (Союзный) и национальный (российский) уровни ТП не подчинены друг другу и находятся в горизонтальном соотношении. Применение ввозных таможенных пошлин осуществляется на основе права ЕАЭС. Вывозные тамо-

женные пошлины применяются в соответствии с законодательством России.

2. ТП в ЕАЭС воздействует на перемещение товаров через таможенную границу Союза посредством ввозных таможенных пошлин. Данное воздействие осуществляется путем применения конкретных мер ТП в виде установления (изменения, отмены) ставок ввозных таможенных пошлин, тарифных льгот, преференций и квот.

Национальное ТП, в условиях членства страны в ЕАЭС, состоит в воздействии таможенными пошлинами: а) на вывоз товаров из России за пределы Союза; б) на преференциальный ввоз товаров по соглашениям о свободной торговле, заключенным РФ до 01.01.2015 года. Меры ТП России предусматривают установление (изменение, отмену) ставок вывозных таможенных пошлин, тарифных льгот, тарифных квот и, частично, предоставление (отказ в предоставлении) тарифных преференций.

3. Ответные меры в виде повышенных ставок ввозных таможенных пошлин, в том числе введенные Россией на основании ст. 40 Договора и ст. 40 Закона о регулировании внешнеэкономической деятельности, нельзя отнести к мерам ТП ЕАЭС и ТП РФ.

Основания для установления, в качестве ответной меры, повышенных ставок ввозных таможенных пошлин не связаны с ЕТТ ЕАЭС. Повышенные ставки таможенных пошлин применяются избирательно, к определенным товарам, происходящим из стран, совершающих противоправные (против правил международной торговли) действия, которые нарушают экономические интересы России. Ужесточение торгового режима с такими странами не соответствует целям ТП ЕАЭС и ТП России. ТП обусловлено применением только таможенно-тарифных мер, то есть ограничено пределами предмета правового регулирования – таможенными пошлинами. Виды ответных мер не исчерпываются повышенными ставками ввозных таможенных пошлин и могут иметь иные проявления, например, в виде количественных ограничений.

Пристатейный библиографический список

1. См., например, Предложение РФ, поступившее в ЕЭК, о предоставлении тарифной льготы в отношении яиц свежих кур домашних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0108931/pd_12122023 (дата обращения: 15.01.2024).
18. Решения Совета ЕЭК от 12.12.2023 № 144 «О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза в отношении отдельных видов мяса домашней птицы», № 145 «О внесении изменений в некоторые решения Комиссии Таможенного союза в отношении яиц свежих кур домашних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 15.01.2024).
19. Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 «О таможенном тарифе» (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 1993. 5 июня. № 107.
20. См., например, Постановление Правительства РФ от 21.09.2023 № 1538 «О ставках вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза, и о внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза» (ред. от 27.12.2023) // СЗ РФ. 2023. № 39. Ст. 7046.
21. П. 2-3 ст. 34, ст. 35 Закона о таможенном тарифе.
22. См., например, Постановление Правительства РФ от 22.12.2023 № 2259 «О введении тарифной квоты на вывоз за пределы территории Российской Федерации отходов и лома черных металлов в государства, не являющиеся членами Евразийского экономического союза, и внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы таможенной территории Евразийского экономического союза». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2024).
23. Соглашение между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25.01.2008 «О вывозных таможенных пошлинах в отношении третьих стран», направленное на координацию ТП государств-членов Таможенного союза, так и не вступило в силу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).
1. Александрова Л. И. Роль таможенных органов в регулировании внешнеэкономической деятельности. Актуальные проблемы внешнеэкономической деятельности в Российской Федерации / Под общ. ред. Леваевой Л. А., Колесниковой Р. А. – М.: ВАВТ, 2020. – С. 22-23.
2. Алферьев Т. П. Финансово-правовое регулирование таможенно-тарифной деятельности как источник формирования бюджета Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 52.
3. Дедушенко А. С. Международное торговое право (понятие, принципы и основные институты): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 225 с.
4. Козырин А. Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма (сравнительно-правовое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. – М, 1994. – 404 с.
5. Международная классификация нетарифных мер. Изд-е ООН ЮНКТАД. 2019. 94 с.
6. Право Всемирной торговой организации (ВТО): учебник / Под общ. ред. В. М. Шумилова и И. М. Лифшица. – М.: КНОРУС, 2023. – 252 с.
7. Тюрина Н. Е. Публичный интерес в международном торговом праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2015. – 443 с.
8. Халипов С. В. Экономический нейтралитет международного таможенного права. Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 1. – С. 53-65.
9. Хапилин С. А. Развитие евразийской экономической интеграции на основе модернизации механизма таможенного регулирования: дис. ... докт. экон. наук. – Ростов-на-Дону, 2015. – 510 с.
10. Шумилов В. М. Международное экономическое право в контексте глобализации мировой экономики (проблемы теории и практики): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001. – 400 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-21-25

КАЗАКОВ Никита Андреевич

аспирант кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий, преподаватель Колледжа «УУНиТ»

АХТЯМОВА Евгения Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Исследование генома человека и биомедицина являются актуальными и перспективными областями науки, а также одними из важнейших направлений в мировом сообществе, в частности в Евразийском экономическом союзе. В рассматриваемой статье проводится анализ законодательных актов стран-участниц союза, которые позволят выделить схожие и отличные характеристики. Указанное поможет отметить современное состояние в правовом регулировании данной сферы, а также выделить проблемные аспекты. Результаты проведенного исследования могут иметь широкое практическое значение, будут способствовать улучшению качества медицинского обслуживания и повышению уровня здоровья граждан.

Методы: сравнения, описания и интерпретации, диалектический, формально-логический, структурно-системного анализа и синтеза.

Ключевые слова: геном человека, биомедицина, биомедицинские клеточные продукты, ЕАЭС.

KAZAKOV Nikita Andreevich

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, lecturer at the UUSiT College

AKHTYAMOVA Evgeniya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

SCIENTIFIC RESEARCH OF THE HUMAN GENOME WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Human genome research and biomedicine are relevant and promising fields of science, as well as one of the most important areas in the world community, in particular in the Eurasian Economic Union. This article analyzes the legislative acts of the member states of the Union, which will highlight similar and different characteristics. This will help to note the current state in the legal regulation of this area, as well as highlight problematic aspects. The results of the conducted research can have wide practical significance, will contribute to improving the quality of medical care and improving the health of citizens.

Methods: comparisons, descriptions and interpretations, dialectical, formal-logical, structural-system analysis and synthesis.

Keywords: human genome, biomedicine, biomedical cell products, EAEU.

В настоящее время наиболее актуальным для планомерного развития, с точки зрения объединения научных и экономических усилий, является межгосударственная интеграция в рамках Евразийского экономического союза (далее - ЕАЭС). Соответственно, представленный союз хоть и является относительно новым объединением, несомненно, выступает платформой для разнонаправленного развития не только экономических, но и различных направлений. Указанное подтверждается установленными в статье 4 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. целями, которые направлены, во-первых, на создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; во-вторых, на стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках союза; и в-третьих, на всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики¹. В связи с этим, установленные цели позволят обеспечить свободный товарооборот, в том числе межтерриториальное оказание услуг, формирование капитала, а также рабочей силы в рамках территорий стран-участниц Договора.

В распоряжении ЕАЭС выделяется одно из наиболее перспективных направлений, такое как биомедицина. Эта область исследований включает в себя непосредственный интерес множества государств, поскольку может обеспечить наилучшее понимание генетического разнообразия проживающих лиц, способствовать выявлению различных наследственных заболеваний, и к тому же разработать новые методы диагностики и лечения таких заболеваний. В связи с этим разрабатывается единое экономическое пространство для обеспечения взаимодействия в различных сферах науки, технологий и медицины, что также подтверждается и научным сообществом.

Особое место занимают генетические исследования. В связи с тем, что во всем мире проводятся инновационные исследования в отрасли геномных технологий, позволяющие более подробно составить картину для лечения конкретно определенного индивида и учесть его состояние, помимо этого также даёт возможность получить информацию об особенностях населения и то, каким образом это влияет на здоровье граждан. Не стоит забывать, что исследования генома способствует развитию персонализированной медицины, которая включает в себя наиболее эффективные методы лечения с изучением всех индивидуальных генетических особенностей каждого пациента. Указанное ведет к тому, что уровень предоставления медицинских услуг будет несравнимо выше прежнего, что положительно скажется на генофонде каждой из стран-участниц.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 10.12.2023).

Однако, правовое регулирование данной отрасли не поспевает за технологическим развитием и поэтому особое внимание следует уделить двум аспектам, а именно национальному и интеграционному регулированию. Национальное регулирование отражает экономическую составляющую, включающее также финансовые и научные возможности каждого государства; а интеграционное регулирование позволит внести необходимые изменения для единообразного применения законодательств государств-участников ЕАЭС. В связи с этим необходимым является провести анализ законодательства некоторых членов ЕАЭС.

Правовое регулирование, осуществляемое странами-участницами Евразийского экономического союза

Республика Армения. В статье 86 Конституции страны, в качестве одной из целей политики государства установлено осуществление программ по охране и улучшению здоровья населения, создание условий для эффективного и доступного медицинского обслуживания². При этом Конституцией Республики Армения предусматривается запрет евгенических опытов, превращения органов и тканей человека в источник прибыли, а также репродуктивное клонирование человека. Стоит отметить, что в статье 21 Закона Республики Армения «О медицинской помощи и обслуживании населения» закреплено получение информированного согласия участника, при котором в отношении него будут применяться любые новые лекарства, либо способы и формы лечения, а также возможность отказа на любом этапе проведения медико-биологического исследования³. Тем не менее, конкретного указания на лечение с помощью клеточных продуктов законодательные акты не содержат, но тем не менее могут быть рассмотрены в качестве специализированной медицинской помощи, при помощи биомедицины и ДНК-технологий, перечень которых устанавливается Правительством Республики Армения.

Следует также выделить, что законодательство Республики Армения осуществляет правовое регулирование в сфере генетических материалов при использовании вспомогательных технологий репродукции человека, что определяется Законом «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека»⁴, а также Постановлением Правительства Республики Армения № 214-Н от 7 марта 2013 года «Об определении способа применения вспомогательных репродуктивных технологий, видов методов и процедуры лечения»⁵.

2 Конституция Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 10.12.2023).

3 Закон Республики Армения от 04.04.1996 №ЗР-42 «О медицинской помощи и обслуживании населения» // официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1688&lang=rus> (дата обращения: 10.12.2023).

4 Закон Республики Армения от 26.12.2002 № ЗР-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека» // официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1339&lang=rus> (дата обращения: 10.12.2023).

5 Постановление Правительства Республики Армения от 07.03.2013 № 214-Н «Об определении способа применения вспомогательных репродуктивных технологий, видов методов и процедуры лечения» // Правовая информационная система Армении. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=82029> (дата обращения: 10.12.2023).

Необходимо отметить, что в Республике Армения уделяют внимание генетическим исследованиям в сфере здравоохранения, в связи с чем был создан проект «Армянский геном».

Республика Беларусь. Отражив общемировую тренд на использование новейших технологий в сфере изучения генома человека, Республика Беларусь стала реализовывать их в медицине. Это сразу же позволило достигнуть прогресса в сфере ДНК-маркирования и идентификации генов, аллельные варианты которых изменяют риск развития болезней [1, с. 11]. В соответствии с этим, на основании Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» определяются такие положения, которые непосредственно связаны с медико-генетической диагностикой состояния населения, в том числе и обращение с биомедицинскими клеточными продуктами на основе генетически модифицированных клеток человека⁶. Такие положения привносят ясность при возможных вопросах, затрагивающих вопросы ввоза и вывоза, реализации и в целом медицинского применения. Помимо указанного закона, следует выделить Постановление Совета министров Республики Беларусь «О вопросах государственной регистрации биомедицинских клеточных продуктов» в котором уделено большое внимание процедуре регистрации клеточных продуктов. Это в свою очередь отражает порядок совершения действий для заявителей, в лице индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В Постановлении закрепили термин и определение биомедицинских клеточных продуктов, то есть «пересадочный материал, полученный на основе клеток человека, за исключением эмбриональных, фетальных стволовых и половых клеток человека»⁷.

Законодатели в Республике Беларусь особо выделили проблему, касающуюся доступности предоставления биомедицинских клеточных продуктов. Для решения этой проблемы, в статье 9 Закона Республики Беларусь «О государственных минимальных социальных стандартах»⁸ закреплено, что при оказании медицинской помощи с использованием биомедицинских клеточных продуктов возможно применение льготных условий, включающих в себя бесплатный характер оказания таких услуг.

Среди стран-участниц ЕАЭС Беларусь занимает особое место, поскольку аналогичных результатов в сфере использования биомедицинских клеточных продуктов ни одна другая страна не достигла, а это в свою очередь отражает высокий уровень правового регулирования данной системы. При этом стоит отметить не только наличие должной правовой базы, но и практическое применение в сфере здравоохранения. Это можно проследить, обратившись к реестру биомедицинских клеточных продуктов⁹. Помимо указанного стоит отметить и

6 Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-ХІІ «О здравоохранении» // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19302435> (дата обращения: 11.12.2023).

7 Постановление Совета министров Республики Беларусь от 28.11.2014 № 1120 «О вопросах государственной регистрации биомедицинских клеточных продуктов» // Совет министров Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.gov.by/ru/solutions/2211> (дата обращения: 11.12.2023).

8 Закон Республики Беларусь от 11.11.1999 №322-З «О государственных минимальных социальных стандартах» // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h19900322> (дата обращения: 11.12.2023).

9 Официальный сайт Центра экспертиз и испытаний в здравоохранении Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rceth.by/ru/Departments/Med/Documents/8> (дата обращения: 12.12.2023).

научные работы, отражающие положительные аспекты применения биомедицинских клеточных продуктов [2]. Подобные результаты дают всё больше оснований полагать, что при дальнейшем развитии данной сферы Республика Беларусь займет место конкурентоспособной страны мирового уровня, занимающейся экспортом клеточных технологий.

Республика Казахстан. В Республике Казахстан регулирование сферы осуществляется Кодексом Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения»¹⁰, статьями устанавливаются положения относительно донорства клеток и тканей, порядок трансплантации органов. При этом важно, что в вышеуказанном Кодексе закреплено понятие биомедицинского исследования, отражающего получение с помощью научных методов новых знаний о различных заболеваниях человека для диагностики, установления лечения или профилактики. Помимо прочего, законодательно установлен запрет на клонирование человека, то есть генетически идентичных особей.

Также стоит выделить Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан № ҚР ДСМ-207/2020¹¹, определяющий стандарты в сфере медицинских услуг по трансплантации тканей и органов, а также правила, порядок и условия необходимые для качественного оказания медицинских услуг. В свою очередь, Приказ «Об утверждении Стандарта организации оказания ревматологической помощи в Республике Казахстан» выделяет основной задачей и направлением деятельности по проведению научно-исследовательской деятельности в области клинической ревматологии, внедрение высокотехнологичных и инновационных медицинских технологий¹². При этом отмечается возможность редактирования генетического аппарата для лечения заболеваний.

Научная деятельность в сфере генетических исследований в Республике Казахстан также не стоит на месте. В частности, реализуются проекты в области геномной и персонализированной медицины [3, с. 30], которые могут нести в себе анализ распространенных заболеваний [4].

Кыргызская Республика. При рассмотрении законодательного регулирования в данной стране следует отметить отсутствие нормативно-правового акта, регулирующего применение биомедицинских технологий, в том числе применение клеточных технологий в медицине.

Положениями Закона «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» предусматривается, что регулирование научной деятельности в области здравоохранения осуществляется в соответствии с устанавливаемыми требованиями Правительства Республики¹³. При этом в статье 24 ука-

занного Закона предусмотрено, что оказание медицинской помощи с применением в процессе лечения высокотехнологичного оборудования должно рассматриваться как сугубо специализированная медицинская помощь, а также такая помощь предоставляется жителям страны за счет специально созданного фонда. Из указанного можно сделать вывод о том, что применение новых технологий, в том числе биомедицинских, относится к высокотехнологичной медицинской (дорогостоящей) помощи. Но это также не отменяет того факта, что такая помощь может быть предоставлена гражданам на льготной или же бесплатной основе.

Тем не менее отмечается, что в Кыргызской Республике присутствуют проблемы в медицинской науке, которые отражаются в низкой эффективности научных исследований. Поскольку профиль научных организаций не может соответствовать сложившимся в мировом сообществе трендам по развитию медицинской науке, не устанавливаются должные приоритеты по постановке научных задач, не отработаны механизмы фундаментальных исследований и необходимой коммуникации.

Российская Федерация. На современном этапе российское законодательство не отражает специальное правовое регулирование сферы научных исследований генома человека, однако имеются нормативные правовые акты, которые непосредственно связаны с данной сферой.

Рассматривая основополагающий нормативный акт – Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁴ можно отметить, что в нем закрепляются базовые положения, обеспечивающие права и законные интересы граждан России в сфере здравоохранения, предоставляемые государством гарантии, в том числе доступность, качество медицинских услуг для населения. Тем не менее, данный нормативный акт не регулирует вопросы проведения исследований в сфере изучения генома человека. Однако является необходимым для полноценного рассмотрения сферы изучения генома.

Проводя анализ закона, стоит также учитывать, что его положения предполагают отсылки к иным нормативно-правовым актам, которые регулируют смежные правоотношения, такие как донорство органов и тканей человека. Однако, полноценное и точное урегулирование всей сферы не было достигнуто, что отражается в статье 47 вышеуказанного закона, поскольку из содержания можно выделить, что урегулированными являются вопросы изъятия органов и тканей для целей трансплантации.

В свою очередь Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» располагает легальной терминологией дающий определение геномной информации, под которой понимаются биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа¹⁵. Тем не менее, данный закон больше относится к криминоло-

10 Кодекс Республики Казахстан от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 12.12.2023).

11 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 25.11.2020 № ҚР ДСМ-207/2020 «Об утверждении правил и условий изъятия, заготовки, хранения, консервации, транспортировки, трансплантации органов (части органа) и (или) тканей (части ткани) от донора к реципиенту» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021683#z8> (дата обращения: 12.12.2023).

12 Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 28.03.2023 № 45 «Об утверждении Стандарта организации оказания ревматологической помощи в Республике Казахстан» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032147#z7> (дата обращения: 13.12.2023).

13 Закон от 09.01.2005 №6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике» // Централизованный банк данных правовой

информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1602> (дата обращения: 13.12.2023).

14 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152259> (дата обращения: 13.12.2023).

15 Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126015> (дата обращения: 13.12.2023).

гической сфере, поскольку внимание законодателя уделено не процедурному этапу сбора биологического материала, а конкретно установленным лицам и целевому использованию полученной информации. Для установления полной картины, касающейся вопроса регулирования исследования генома, этот законодательный акт является необходимым, но имеет свою узкую специфическую направленность.

Более важным в этой отрасли занимает положение Федерального закон «О биомедицинских клеточных продуктах»¹⁶, который отражает особенности регламентации процедуры по проведению создания и государственной регистрации клеточных продуктов, рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся сбора биоматериала, доклинических и клинических исследований, поэтапное проведение биомедицинской экспертизы, а также права и обязанности экспертов, которые проводят биомедицинскую экспертизу. В том числе осуществляется ведение уполномоченным органом реестра продукции. И не маловажным аспектом является закрепление прав и обязанностей пациентов и доноров.

Помимо законодательного уровня регулирования в исследовательской деятельности, также присутствует и уровень подзаконных актов. Так, действует приказ Министерства здравоохранения РФ «О развитии клеточных технологий в Российской Федерации», определяющий порядок действий согласно Инструкции по заготовке пуповинной/плацентарной крови для научно-исследовательских работ, в том числе по выделению и хранению концентрата стволовых клеток¹⁷.

Определяющую роль научных исследований в сфере генетических технологий занимает Указ Президента Российской Федерации «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»¹⁸, который выделяет необходимость развития области генетических технологий, поскольку указанная задача является приоритетной для обеспечения конкурентного уровня отношений в мировом сообществе, а также улучшения уровня здоровья населения в России.

Стоит особенно выделить, что сфера изучения генома является приоритетной для развития генетических технологий. В связи с этим, в России принята Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на 2019-2027 годы¹⁹, в которой отмечаются направления реализации биобезопасности и обеспечения технологической независимости, в том числе и генетические технологии для медицины, которые должны решить поставленные в программе задачи. В том числе указывается, что требуется обеспечить достаточный уровень правового регулирования сфе-

ры генетических технологий и предоставить необходимые условия для реализации исследований.

Отмечается, что отрасль исследований генома человека является актуальной в Российской Федерации, имеется необходимая нормативная база по применению генетических исследований. Однако необходимо пройти путь по совершенствованию и практическому применению результатов таких исследований дабы достичь установленный уровень в мировом сообществе.

Сравнительная характеристика национального регулирования стран Евразийского экономического союза

Проведя анализ нормативно-правовых актов членов ЕАЭС, можно выделить как особенные, так и общие характерные черты в регулировании сферы изучения генома человека. Общими чертами выступают: повышенный интерес в научных исследованиях генома человека, а также обозначение этой сферы как особо важной; высокий уровень контроля, эффективности и безопасности при проведении исследований; исследования проходят только с учётом добровольного информированного согласия участников; проведение исследований ведётся с учётом морально-этических аспектов; реализуется приоритет соблюдения прав граждан, как пациентов, так и доноров, при проведении исследований генома человека; необходимость получения разрешения на проведение исследований генома человека.

Тем не менее, правовое регулирование в национальных законодательствах носит различный характер. В качестве отличий выделяются следующие аспекты: различный характер нормативного регулирования сферы изучения генома человека, генетических технологий, а также биомедицины; понятийно-категориальный аппарат; отсутствие специального регулирования; процедурные аспекты проведения исследований.

С учётом изложенного следует, что сфера исследований генома человека и применение генетических технологий в большей степени урегулированы в Российской Федерации и Республике Беларусь. При этом Казахстан, Армения и Киргизия имеют необходимые законодательные основы для дальнейшего улучшения нормативного уровня регулирования. А с точки зрения практического применения результатов исследований лидирующую позицию, среди участников ЕАЭС, занимает Республика Беларусь.

Интеграционное регулирование

Непосредственно рассматривая научные исследования и сопряженное технологическое развитие в рамках Евразийского союза следует ещё раз отметить, что они закрепляются как приоритетные направления сотрудничества государств. В частности, в Приложении к Рекомендации Евразийской экономической комиссии №5 в пункте 13 устанавливается разработка новых препаратов, и методов лечения раковых заболеваний, а в пункте 17 разработка и внедрение биотехнологий для здравоохранения²⁰. Указанные направления отражают роль не только в сфере выполнении взятых на себя обязательств по реализации актов ЕАЭС, но и в стимулиро-

16 Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102402596> (дата обращения: 13.12.2023).

17 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.07.2003 № 325 «О развитии клеточных технологий в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=102097071 (дата обращения: 14.12.2023).

18 Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201811280061> (дата обращения: 14.12.2023).

19 Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019 - 2027 годы» // Правительство России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/36457/> (дата обращения: 14.12.2023).

20 Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 г. № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств-членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами. // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017_5 (дата обращения: 14.12.2023).

вации взаимодействия государств, а также юридических лиц, которые расположены на их территории.

С учётом этого отмечается особое положение интеграционного регулирования, которая определена целями и задачи, поставленными перед ЕАЭС. В особенности выделяется регулирование сферы биомедицинских клеточных продуктов, поскольку в данной области достигнуто наиболее полное и единое регулирование ввоза и вывоза биоматериалов, органов и тканей человека²¹. Указанное позволяет использовать материалы для трансплантации с учётом заключения, т.е. разрешительного документа, а для перемещения органов или тканей человека, и иных компонентов необходима будет лицензия.

При этом для подобного же регулирования сферы исследований генома человека необходимо выполнить задачи по дальнейшему развитию правовых режимов в области научной и технологической интеграции, а также в последующем реализовать такую интеграцию в рамках национальных законодательств. Как отмечает А.А. Каширкина, выделенный вектор развития ЕАЭС потребует весомых усилий по прогрессивному развитию правовой базы, повышению эффективности имплементации международно-правовых актов [5, с. 167].

Перспективные направления развития

Исследуя национальные законодательства стран-участниц, можно выделить пути развития для дальнейшей интеграции норм в рамках ЕАЭС. Соответственно, необходимыми для унификации и гармонизации нормативных актов будут выступать следующие положения:

- Разработка и имплементация единого легального определения научных исследований генома человека, понятия генетической информации и в целом определение системы регулирования сферы изучения генома человека;
- Установление основ применения генетических технологий, правил проведения генетических исследований, определение прав субъектов исследований и обеспечение их защиты;
- Предоставление необходимых условий для реализации исследований в сфере генома человека;
- Разработать единые требования, которые предъявляются к обеспечению безопасности исследований, в том числе установить допуск лиц, осуществляющие контроль за проведением исследований;
- Определить меры и основания привлечения к ответственности в случае нарушений при проведении исследований генома человека;
- Создать единую систему хранения результатов исследований;
- Отразить процедуру государственной регистрации полученных результатов.

Заключение

На современном этапе функционирования сферы научного изучения генома человека в рамках ЕАЭС имеются схожие стандарты в рамках правового регулирования, однако нет урегулированной отрасли, отсутствует регуляция процедурных моментов, как проведения исследований, так и регистрации. С учётом этого, реализуемый на данный момент

национальный подход к правовому регулированию сферы научных исследований имеет превалирующий характер по сравнению с интеграционным.

Исходя из изложенного, с учётом целей создания ЕАЭС можно выделить, что урегулирование вопроса научных исследований генома человека поможет достигнуть цели создания свободного рынка между странами-участницами, достигнуть иного уровня развития, повысит уровень благосостояния и оказания медицинской помощи гражданам, лечению патологических заболеваний.

Стоит отметить, что у ЕАЭС имеется несколько вариантов правового регулирования данной сферы. Первый вариант предусматривает минимальные изменения в рамках унификации законодательств. Второй вариант определит создание единой процедуры регистрации, проведения научных исследований генома человека, в том числе такая реализация позволит использовать результаты исследований полностью или частично другими странами участниками ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Кильчевский, А. В., Лемеш В. А., Сычева Е. А. Развитие геномных биотехнологий в Республике Беларусь: достижения и перспективы // Молекулярная и прикладная генетика. 2014. Т. 18. С. 7-19. EDN ZDFWGD.
2. Сыманович А. А. Получение и характеристика биомедицинских клеточных продуктов на основе гепатоцитов и дифференцированных в гепатогенном направлении мезенхимальных стволовых клеток: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Минск: Минский научно-практический центр хирургии, трансплантологии и гематологии, 2019.
3. Акилжанова А. Р., Кожамкулов У. А., Каиров У. Е., Рахимова С. Е., Ахметова А. Ж., Ережепов Д. А., Молкенов А. Б., Абилова Ж. М., Жумадилов Ж. Ш. Исследование генетических вариантов, ассоциированных с гипертензией, ожирением и диабетом у лиц казахской популяции для последующего изучения взаимосвязей генетических вариантов и метаболома // Наука и здравоохранение. 2016. № 4. С. 30-42.
4. Каиров У., Молькенов А., Шарип А., Рахимова С., Сейдуалы М., Ри А., Кожамкулов У., Жабагин М., Ким Дж. Ли Дж. Х., Тервиллигер Дж. Д., Сео Дж. С., Жумадилов З., Акилжанова А. Полногеномное секвенирование и анализ геномных вариантов казахов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fgene.2022.902804/full> (дата обращения: 13.12.2023).
5. Каширкина А. А. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 160-170. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskiy-ekonomicheskii-soyuz-rasshirenie-granits-i-pravovaya-realnost> (дата обращения: 14.12.2023).

21 Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/catr/nontariff/30.php> (дата обращения: 14.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-26-29

ХАЛИПОВ Сергей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, доцент кафедры УГМК «Международные транспортные операции» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПОДНОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ТОВАРАМИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

В статье рассматривается научная категория поднормативности и ее применение в публично-правовом регулировании внешней торговли товарами. Проводится обзор теоретических взглядов на поднормативное регулирование общественных отношений. Выделяются отдельные признаки поднормативности. Анализируется правовая база Евразийского экономического союза, национальное законодательство о таможенном регулировании, позволяющие конструировать индивидуальный правовой порядок перемещения конкретных видов товаров через таможенную границу. Демонстрируются возможности выбора внешнеэкономическим бизнесом таможенных операций и процедур. Уделяется внимание государственному правоприменительному творчеству. Показаны основные направления поднормативной деятельности таможенных органов в области совершенствования таможенного контроля и упрощения таможенных операций.

Ключевые слова: право Евразийского экономического союза, поднормативное регулирование, правоприменительное творчество, внешняя торговля товарами, таможенное декларирование, запреты и ограничения, Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, таможенные операции и таможенные процедуры, таможенный контроль.

КHALIPOV Sergey Vasilyevich

Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of Public law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, associate professor of International transport and logistics sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia

THEORY AND PRACTICE OF SUB-NORMATIVE REGULATION OF FOREIGN TRADE IN GOODS IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article considers the scientific category of sub-normativity and its application in public law regulation of foreign trade in goods. The theoretical views on sub-normative regulation of public relations are reviewed. Individual characteristics of sub-normativity are emphasized. The legal framework of the Eurasian Economic Union, national legislation on customs regulation allowing to build up an individual legal procedure for the movement of specific types of goods across the customs border, are analyzed. The possibilities for foreign trade business to choose customs operations and procedures are demonstrated. Attention is paid to the creative application of legislation by state authorities. The main directions of sub-normative activity of customs authorities in the field of improvement of customs control and simplification of customs operations are shown.

Keywords: the law of the Eurasian Economic Union, sub-normative regulation, creative application of law, foreign trade in goods, customs declaring procedure, prohibitions and restrictions, Foreign Economic Activities Commodity Nomenclature of the Eurasian Economic Union, customs operations and customs procedures, customs control.

Введение

Научная категория поднормативности не часто становится предметом изучения общей теории права, теорий отраслевых наук, конкретных сфер правового регулирования общественных отношений. И это при том, что поднормативность выступает, во многих случаях, проводником современного правоприменения.

Очень точно утверждал С. С. Алексеев о применении права как о творческом процессе. Данный процесс выражается в осуществлении правоприменительными органами казуального (индивидуального) регулирования общественных отношений. Казуальное регламентирование позволяет учитывать особенности отдельных общественных отношений, условия при которых они функционируют в конкретной ситуации. В сложившейся правовой системе индивидуальные акты-регламентаторы имеют поднормативное значение. Они издаются на основе норм права и не могут им противоречить. Появляются особые разновидности юридических норм, регулирующих общественные отношения в индивидуальном

порядке [1, с. 103, 159]. В 1966 году эти строки были адресованы правоприменительным органам.

Поздние работы ученых описывают разные проявления поднормативности, например, в виде правового воздействия, основанного на сходной норме или принципах права и подчиненного нормативному регулированию общественных отношений [3, с. 21-20], либо в виде индивидуального поднормативного воздействия на процесс реализации нормативных актов [8, с. 455-456]. Другой подход рассматривает поднормативность как упорядочение общественных отношений, не урегулированных либо недостаточно урегулированных нормами действующего законодательства. С помощью поднормативности правоприменитель вырабатывает юридические конструкции, в соответствии с действующим правом и возникающими жизненными обстоятельствами. Причины такой поднормативности обусловлены, главным образом, случаями пробельности в праве, дефектности нормативного регулирования и, как следствие, необходимостью корректировки или дополнения нормативных правовых актов [6, с. 53-61].

Халипов С. В.

Не урегулированные либо недостаточно урегулированные нормами права общественные отношения упорядочиваются правоприменителем путем выработки правоположений, соответствующих действующему законодательству и потребностям юридической практики. К участникам поднормативного правового регулирования относят правоприменительные инстанции, хозяйствующих субъектов (сторон договорных отношений) [4, с. 180-181].

В наших примерах с поднормативным регулированием внешней торговли товарами речь пойдет о другом, возможно, это будет открытием новой стороны поднормативности, но с оговоркой – в сфере публично-правового регулирования внешней торговли товарами. Вышеупомянутое «правоприменительное творчество» профессора С. С. Алексеева тоже не предполагало нормативных недостатков. Именно профессиональное творчество, на основе действующей правовой базы, обнаруживает прикладные возможности поднормативного регулирования.

Необходимость поднормативного регулирования внешней торговли товарами

Интерес в использовании правил перемещения товаров через таможенную Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), на примере нашей страны, всегда обусловлен конкретизацией того, что собираются ввозить в Российскую Федерацию (далее – РФ) или вывозить за пределы России. Ни в одном международном правовом акте (глобальном, региональном) и, ни в одном национальном нормативном правовом акте, нет целостного порядка перемещения через границу Союза конкретного товара. Этот порядок создается заинтересованным лицом (будущим или действующим участником внешнеэкономической деятельности, далее – участник ВЭД) и контролируется компетентным государственным органом. Например, в Договоре о ЕАЭС¹, в Таможенном кодексе ЕАЭС² (далее – ТК ЕАЭС) нет видов товаров, а там, где есть эти виды товаров, в частности, в Едином таможенном тарифе ЕАЭС³ – нет порядка их перемещения через границу, проверки и выпуска.

Перечень лиц, заинтересованных в индивидуализированных правилах внешнеторговой деятельности, весьма разнообразен. Это международные перевозчики (подп. 26 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС), декларанты (ст. 83 ТК ЕАЭС), лица, осуществляющие деятельность в сфере таможенного дела (представитель, перевозчик, владельцы складов и др. – п. 1 ст. 397 ТК ЕАЭС), лица, обладающие полномочиями в отношении товаров после их выпуска, лица, незаконно владеющие и/или пользующиеся товарами и др. лица (п. 5 ст. 331 ТК ЕАЭС). Однако, главными инициаторами конкретных правил выступают участники ВЭД (декларанты товаров). Декларант должен подобрать для своего ввозимого или вывозимого товара необходимые правила. Сформированные из действующих правовых требований конкретизированные условия

импортно-экспортных операций позволят участнику ВЭД задекларировать, выпустить и использовать перемещенный им товар.

Исходный инструментарий для поднормативного регулирования предоставляет действующая правовая база в области внешней торговли товарами. Начинается и завершается все таможенным регулированием. Первый шаг – определение кода товара в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС). Не всегда коммерческое название товара совпадает с его таможенной классификацией, но в любом случае, для исчисления таможенных пошлин, налогов, соблюдения мер нетарифного регулирования, иных регуляторов внешней торговли товарами необходимо найти публично-правовое наименование товара и соответствующий этому наименованию цифровой код. Классификация товара, в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, используется также при заполнении таможенной декларации.

Для применения тарифных преференций, соблюдения запретов, мер защиты внутреннего рынка потребуются установить страну происхождения товара. Происхождение товара имеет еще одно неофициальное название – «экономическая национальность товара». Происхождение может не совпадать с географией производства (изготовления), то есть происхождение товара не будет отвечать производственно-правовым критериям его появления в другом государстве. Все зависит от применяемых правил происхождения.

Кроме таможенной классификации и происхождения, при исчислении таможенных и иных платежей важно правильно определить таможенную стоимость (налоговую базу) декларируемого товара. Одновременно со всем вышперечисленным, декларант выбирает подходящую таможенную процедуру из предлагаемых ТК ЕАЭС семнадцати видов таможенных процедур (п. 2 ст. 127 ТК ЕАЭС). Наконец, завершается формирование конкретных правил заполнением и подачей таможенному органу декларации на товары (вид таможенной декларации). Юридическое значение такой поднормативности придает факт регистрации таможенным органом принятой декларации. На основании п. 8 ст. 111 ТК ЕАЭС – с момента регистрации таможенная декларация становится документом, свидетельствующим о фактах, имеющих юридическое значение. Это относится, например, к фактам полноты и достоверности декларируемых сведений, правильному использованию ставок таможенных пошлин, налогов и курсов иностранной валюты, действующим на день регистрации таможенной декларации.

В приведенных примерах поиска (индивидуализации) и применения конкретных правил ввоза товаров на таможенную территорию ЕАЭС (в РФ) представлен общий порядок. Обязательность этого порядка почти исключает поднормативное творчество, разве, что декларант вправе претендовать на тарифные преференции, тарифные и налоговые льготы или заключить договор с таможенным представителем, поручив ему создать правила и задекларировать товар (т.е. довериться профессионалу). Поднормативное творчество предполагает надлежащий уровень правосознания. Чтобы в полной мере воспользоваться возможностями внешнеторговой поднормативности необходимо хорошо (не поверхностно) разбираться в правовой базе.

Возможности поднормативного творчества, предоставляемые правом ЕАЭС и законодательством России

Для публично-правового (точнее, административно-правового) регулирования внешней торговли товарами возможности выбора заинтересованными лицами, а тем более, конструирования ими правил поведения кажутся странными. Полагаем это пополнит теорию административного права современными примерами из сферы государственного управления внешней торговли товарами.

- 1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014, с учетом изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 20.12.2023).
- 2 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.12.2023).
- 3 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80 «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.12.2023).

В распоряжении участников ВЭД имеется разнообразный правовой арсенал, позволяющий, например:

- перепоручить часть обязанностей государственным органам;
- выбрать оптимальные способы совершения таможенных операций;
- получить специальный статус заинтересованного лица (уполномоченного экономического оператора – УЭО);
- выбрать подходящую таможенную процедуру или процедуры (сменяя одну на другую);
- комбинировать вышеперечисленное (в любом удобном порядке).

Отдельные институты международного таможенного регулирования, имплементированные в праве ЕАЭС и в национальном законодательстве, разрешают участникам ВЭД переложить часть своих обязанностей на государственные органы. Так, от правильной классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС зависит правомерность последующих действий. Ошибка в выборе товарного кода может привести не только к неправильной уплате таможенных платежей, несоблюдению запретов и ограничений, но и к совершению административных правонарушений, например, недекларированию или недостоверному декларированию товаров (ст. 16.2 КоАП РФ). Даже, если декларант уверен в правильной классификации товаров, таможенный орган может с этим не согласиться и, в порядке контроля, вынести свое решение⁴. Учитывая все риски, включая сложности классификации товара (например, многофункциональной продукции или товара, не имеющего аналогов на внутреннем рынке, популярного товара, случаи отсутствия единой практики таможенной классификации и др. ситуации), можно обратиться к институту предварительного решения (статьи 23 – 26 ТК ЕАЭС). То же относится к предварительному решению о пропуске товара (статьи 32 – 36 ТК ЕАЭС). В РФ имеется обширная практика принятия таможенными органами предварительных решений о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС⁵. Значимость предварительного решения о классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС заключается в его обязательности, как для контролирующего таможенного органа, так и для лица, получившего такое решение. Сведения о коде товара из предварительного решения указываются в таможенной декларации. Срок действия предварительного решения о классификации товара в России составляет 5 лет.

Выбор оптимальных вариантов совершения таможенных операций основан на праве участников ВЭД воспользоваться, например, предварительным, неполным, периодическим таможенным декларированием товаров или временным периодическим декларированием вывозимых товаров Союза. Перечисленные примеры декларирования предоставляют возможности сокращения времени нахождения товаров под таможенным контролем, ускорения выпуска товаров, снижения размера таможенного сбора за таможенные операции или подачи таможенной декларации при отсутствии некоторых сведений (о номерах коносаментов, о стране назначения вывозимого груза, об упаковках товаров и т.д.).

Поиск и заявление подходящей таможенной процедуры будет своеобразным итогом поднормативного творчества, когда настает время подачи таможенной декларации. Под-

ходящими под обеспечение конкретной внешнеэкономической сделки могут выступать несколько таможенных процедур, но заявить нужно одну. Следует оценить каждую из них на предмет ограничений прав собственности на товары, освобождений от уплаты таможенных и иных платежей, соблюдения запретов и ограничений в отношении декларируемых товаров.

Профессионально подготовленные участники ВЭД, таможенные представители способны расширить творческие рамки поднормативности и комбинировать правовые вариации. Например, сконструировать индивидуальный правовой режим таможенного декларирования конкретного товара на основе юридически значимого решения таможенного органа (индивидуального правового акта), в частности, обратиться к таможенному декларированию товара, перемещаемого в несобранном (разобранном) виде, в том числе в некомплектном (незавершенном) виде (ст. 117 ТК ЕАЭС)⁶. В результате, декларантом будут подаваться и выпускаться таможенным органом несколько таможенных деклараций в отношении компонентов товара с указанием кода ТН ВЭД ЕАЭС собранной, комплектной или завершенной производством продукции. Преимущество данного способа таможенного декларирования заключается в перемещении компонентов, с уплатой таможенной пошлины по ставке, соответствующей ставке комплектного оборудования, которая значительно меньше, чем на компоненты или составляет 0 % либо в отношении комплектного оборудования предоставляются освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов (льготы) [10, с. 80].

Вообще, декларанты и их представители, свободны в моделировании различных сочетаний общих и специальных таможенных операций, в обычном или привилегированном статусе УЭО, с последовательным применением удобных таможенных процедур, основываясь, в том числе на индивидуальных правовых решениях таможенного органа. В специальной литературе организационно-правовое сопровождение внешней торговли товарами рассматривается теорией таможенного менеджмента, а профессиональная терминология предлагает более узкое понятие таможенной логистики [2], [5], [7], [9].

Применение поднормативности государственными органами

В деятельности таможенных органов поднормативность является обязательной. Не останавливаясь на понятных (высокопрофессиональных) причинах активного творческого правоприменения, перейдем к основам государственной поднормативности и конкретным примерам. Важно уточнить, что поднормативное правоприменение таможенными органами не ограничивается индивидуальными актами-регламентаторами, типа предварительных решений или решений о классификации разборных грузов. Стандарты главы 3 «Очистка и другие таможенные формальности», главы 6 «Таможенный контроль» Генерального приложения к Киотской конвенции⁷, а также статьи 7, 10 Соглашения Всемирной

4 Ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6252 (далее – Закон о таможенном регулировании).

5 Действующие предварительные решения Российской Федерации о классификации товаров размещены на сайте ФТС России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/uchastnikam-ved/informaczija-o-klassifikaczii-i-proisxozhdenii-tovara/dejstvuyushhie-predvaritelnye-resheniya-o-klassifikaczii-tovarov> (дата обращения: 20.12.2023).

6 Федеральная таможенная служба выдает классификационное решение по перечню товаров, утвержденному Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 03.04.2018 № 45 «Об утверждении перечня товаров, в отношении которых таможенными органами принимаются решения о классификации товаров, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза в несобранном или разобранном виде, в том числе в некомплектном или незавершенном виде» (например, двигатели, станки, оборудование, летательные аппараты, яхты, строительные конструкции и другие товары). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.12.2023).

7 Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (г. Киото 18.05.1973, в ред. Протокола от 26.06.1999) // СЗ РФ. – 2011. – № 32. – Ст. 4810.

торговой организации по упрощению процедур торговли⁸, имплементированные в ТК ЕАЭС и в Законе о таможенном регулировании,⁹ обязывают и позволяют таможенным органам совершенствовать таможенные операции и таможенный контроль. Для этих целей принимаются необходимые программные¹⁰, методические¹¹, технологические акты¹². Например, в соответствии с реализуемой Федеральной таможенной службой Стратегией-2030, в деятельность таможенных органов внедряется модель организации таможенного контроля до и после выпуска товаров, способствующая обеспечению сквозной проверки товаров и надзору за подконтрольными лицами. Ключевыми компонентами будут выступать модернизированная система управления рисками (оценка каждой товарной партии) и система контроля после выпуска товаров, использующая технологию «цифрового двойника» (т.е. цифровую копию участника ВЭД, позволяющую проводить математический анализ оценки предпринимательской деятельности компании в целях оптимизации контрольных мероприятий). Для добросовестного бизнеса это означает сокращение времени совершения таможенных операций, снижение частоты применения мер фактического контроля и, как результат, уменьшение издержек компаний при совершении таможенных операций¹³.

Выводы

1. Поднормативное (публично-правовое) регулирование внешней торговли товарами в ЕАЭС представляет собой использование заинтересованными лицами действующих актов права Союза и национального законодательства для создания конкретных правил перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС и проведения контроля за таким перемещением.

2. Лицами, заинтересованными в использовании поднормативного регулирования выступают участники ВЭД, декларирующие ввозимые в Союз (в РФ) и/или вывозимые за пределы Союза (из РФ) конкретные товары, а также компетентные контролирующие (таможенные) органы.

3. Для участников ВЭД поднормативность основывается на обязательности соблюдения таможенно-торговых правил

перемещения товаров через таможенную границу Союза, но скомпилированных для конкретных видов товаров. Поднормативное творчество допускается при выборе таможенных операций и процедур, результатом которого является упрощение порядка ввоза/вывоза товаров и/или ускорение их выпуска таможенными органами.

4. Таможенные органы обращаются к поднормативности в пределах своей компетенции, обеспечивая решение возложенных на них задач, выполняя функции, предусмотренные правом Союза (ст. 351 ТК ЕАЭС) и национальным законодательством (ст. 254 Закона о таможенном регулировании).

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.
2. Ионичева В. Н. Клиентоориентированные механизмы реализации государственной политики в таможенной сфере: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2013. – 25 с.
3. Карташов В. Н. Институт аналогии в советском праве (Вопросы теории): Учеб. пособие / Под ред. проф. Н. И. Матузова: М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. – Саратов. 1976. – 61 с.
4. Кулапов В. Л. Поднормативное правовое регулирование как средство преодоления дефектности нормативного регулирования. Мир человека: нормативное измерение: сборник трудов международной научной конференции. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – 288 с.
5. Лазарев В. А., Воронов В. И. Международная логистика: учебное пособие. – М.: Кнорус, 2024. – 236 с.
6. Медная Ю. В. Поднормативное правовое регулирование общественных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. – 231 с.
7. Сулейманов З. Э. Концепция развития таможенно-логистических систем в условиях рисков: Автореф. дис. ... докт. экон. – М., 2019. – 51 с.
8. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 2003. – 592 с.
9. Федоренко Р. В. Развитие аутсорсинга услуг в таможенной сфере: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2008. – 22 с.
10. Халипов С. В. Таможенное право: вопросы и ответы: учебно-практическое пособие. – М.: Директ-Медиа, 2023. – 164 с.
8. Протокол о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (Подписан в г. Женеве 27.11.2014) // СЗ РФ. – 2017. – № 36. – Ст. 5408.
9. Федеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2010. – № 48. – Ст. 6252.
10. Распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3572.
11. См., например, Приказ Минфина России от 21.02.2020 № 29н «Об утверждении порядка проведения категорирования лиц, совершающих таможенные операции, периодичности и формы его проведения, перечня критериев, характеризующих деятельность лиц, совершающих таможенные операции, условий отнесения лиц, совершающих таможенные операции, к категории низкого, среднего или высокого уровня риска, условий дифференцированного применения к ним мер по минимизации рисков, а также порядка проведения контроля за соблюдением критериев лицами, совершающими таможенные операции, отнесенными к категории низкого уровня риска» (ред. от 16.12.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2023).
12. См., например, Приказ ФТС России от 18.12.2019 № 1907 «Об утверждении Технологии совершения таможенных операций, связанных с применением информационной системы таможенных органов для контроля за перемещением товаров, при экспорте и (или) импорте которых применяется лицензирование». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2023).
13. Из материалов Коллегии ФТС России от 01.06.2023 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/399967> (дата обращения: 20.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-714-715

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений, заместитель директора по международной деятельности и связям с общественностью Института права Уфимского университета науки и технологий

НАЗАРЗОДА Бехруз Рустам

третий секретарь Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфа

КОНСУЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Консульские отношения играют важную роль в современных международных отношениях, обеспечивая права граждан различных стран при осуществлении официальных, деловых и личных контактов. Открытие консульских учреждений Республики Таджикистан в городах Российской Федерации способствует развитию торговых, экономических, культурных и научных связей между субъектами России и областями Таджикистана. Республика Башкортостан вносит существенный вклад в развитие межгосударственных отношений между двумя странами, фактически являясь актором публичной дипломатии.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Башкортостан, Генеральное консульство, сотрудничество, внешнеэкономические связи.

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich

Ph.D. in Law, professor, Head of International law and international relations sub-faculty, Deputy Director for International Activities and Public Relations of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technologies

NAZARZOD Behruz Rustam

Third Secretary of the Consulate General of the Republic of Tajikistan in Ufa

CONSULAR RELATIONS AS A FACTOR IN ENSURING INTERSTATE RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Consular relations play an important role in modern international relations, ensuring the rights of citizens of different countries in the realization of official, business and personal contacts. The establishment of consular offices of the Republic of Tajikistan in the cities of the Russian Federation contributes to the development of trade, economic, cultural and scientific contacts between the constituent entities of Russia and the regions of Tajikistan. The Republic of Bashkortostan makes a significant contribution to the development of interstate relations between the two countries, actually being an actor of public diplomacy.

Keywords: Russian Federation, Republic of Tajikistan, Republic of Bashkortostan, Consulate General, cooperation, foreign economic relations.

Консульские отношения играют важную роль в современных международных отношениях, характеризующихся небывалым масштабом официальных, деловых и личных контактов граждан различных стран. Как известно, установление консульских отношений между государствами происходит по взаимному согласию. Это соответствует положению ст. 1 Устава ООН, которая возлагает на членов ООН обязанности осуществлять международное сотрудничество и развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов¹.

Международно-правовую основу деятельности консульских учреждений составляют Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года², Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года³ и двусторонние консульские конвенции. В международной практике установле-

ние дипломатических отношений, как правило, означает и установление консульских отношений. Однако выполнение консульских функций возможно и собственно консульскими учреждениями. В соответствии со ст. 9 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года главы консульских учреждений делятся на четыре класса: генеральные консулы, консулы, вице-консулы, консульские агенты⁴. Соответственно именуются и возглавляемые ими консульские учреждения. На сегодняшний день на территории Российской Федерации функционируют Генеральные консульства Республики Таджикистан в городах: Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и Уфа⁵.

Деятельность этих консульских учреждений необходимо рассматривать с двух позиций. Во-первых, в соответствии со ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года одной из важнейших функций консульства является «содействие развитию торговых, экономических, культурных и научных связей между представляемым государством и государством пребывания, а также содействие развитию дру-

1 Устав ООН // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 08.12.2023).

2 Венская конвенция о дипломатических сношениях // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 08.12.2023).

3 Венская конвенция о консульских сношениях // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 08.12.2023).

4 Венская конвенция о консульских сношениях // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 08.12.2023).

5 Официальный сайт Посольства Республики Таджикистан в Российской Федерации [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/moscow/konsulskie-voprosy/generalnye-konsulstva/kontakty-generalnykh-konsulstv-tadzhikistana-v-rossii> (дата обращения: 08.12.2023).

жественных отношений между ними иными путями в соответствии с положениями настоящей Конвенции»⁶.

Во-вторых, субъекты Российской Федерации исторически активно участвуют в международном многоформатном общении. В современных условиях эта деятельность выходит на новый уровень. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 31 марта 2023 года № 229, сказано: «Субъекты Российской Федерации в пределах своих полномочий осуществляют международные и внешнеэкономические связи с учетом большого значения межрегионального и приграничного сотрудничества для развития отношений Российской Федерации с иностранными государствами»⁷. Таким образом, деятельность Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе рассматривается как фактор обеспечения межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Таджикистан. Республика Башкортостан вносит в этот процесс существенный вклад.

Генеральное консульство Республики Таджикистан в г. Уфе было открыто в феврале 2011 года в соответствии с Консульской конвенцией между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан 1996 года⁸. Консульские учреждения действуют в рамках своего консульского округа. В соответствии со статьями 1 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан «консульский округ» означает район, отведенный консульскому учреждению для выполнения консульских функций⁹. Консульский округ Генерального консульства Республики Таджикистан в городе Уфе включает в себя следующие субъекты Российской Федерации: Республику Башкортостан, Республику Марий Эл, Республику Мордовия, Республику Татарстан, Удмуртскую Республику, Чувашскую Республику, Пермский край, Кировскую область, Нижегородскую область, Оренбургскую область, Пензенскую область, Самарскую область, Саратовскую область и Ульяновскую область¹⁰.

В соответствии со статьями 11 Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан «Государство пребывания обеспечивает все возможности для выполнения функций консульского учреждения»¹¹. В осуществлении сотрудничества Республики Таджикистан и

Республики Башкортостан, как субъекта Российской Федерации, значимую роль играет Представительство МИД Российской Федерации в г. Уфе. В настоящее время на территории России действуют 37 представительств министерства¹². Правовую основу деятельности представительств МИД России в субъектах федерации составляют Конституция Российской Федерации, законы Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, Положение о Министерстве иностранных дел Российской Федерации [1, с. 103].

Основные направления деятельности, полномочия, структура Представительства закреплены Приказом Министерства иностранных дел Российской Федерации от 22 ноября 2011 г. № 21341 «Об утверждении Положения о территориальном органе – Представительстве Министерства иностранных дел Российской Федерации на территории Российской Федерации»¹³. В соответствии с ним представительство, в частности, содействует в размещении на территории субъекта Федерации консульских представительств иностранных государств; оказывает в установленном порядке содействие функционированию консульских учреждений; оформляет консульские и служебные карточки работникам консульских учреждений иностранных государств, расположенных на территории деятельности Представительства, а также членам их семей.

Представительство возглавляет руководитель территориального органа в субъекте Российской Федерации – Представитель МИД России, назначаемый на должность и освобождаемый от должности приказом МИД России на основании решения коллегии МИД России по согласованию с полномочным представителем Президента Российской Федерации в соответствующем федеральном округе.

С момента открытия Генерального консульства в г. Уфе, совместная работа Республики Таджикистан и Республики Башкортостан строилась в русле взаимовыгодного сотрудничества и в целом успешно развивается в торгово-экономической, научно-технической, культурной, образовательной и иных сферах. Для взаимных контактов характерно постоянное присутствие духа взаимного доверия, полное совпадение или близость позиции по многим актуальным международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Встреча Президента Республики Башкортостан Рустэма Хамитова с Генеральным консулом Республики Таджикистан в г. Уфе Содиком Имомовым 3 мая 2011 года стала отправным моментом развития отношений между двумя республиками. В ходе рабочей встречи были обсуждены вопросы усиления сотрудничества. В частности, говорилось о необходимости увеличения товарооборота между Башкортостаном и Таджикистаном, а также о расширении социальных отношений и культурных связей¹⁴. Генеральный консул Республи-

6 Венская конвенция о консульских сношениях // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 08.12.2023).

7 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 11.11.2023).

8 Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47737/ (дата обращения: 08.12.2023).

9 Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47737/ (дата обращения: 08.12.2023).

10 Консульский округ // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/konsulstvo/konsulskie-okruga> (дата обращения: 08.12.2023).

11 Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47737/ (дата обращения: 08.12.2023).

12 Список ответственных лиц по работе с обращениями граждан в территориальных представительствах МИД России // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/addresses_of_citizens/spisok_otvetstvennyh_lic/ (дата обращения: 08.12.2023).

13 Список ответственных лиц по работе с обращениями граждан в территориальных представительствах МИД России // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/addresses_of_citizens/spisok_otvetstvennyh_lic/ (дата обращения: 08.12.2023).

14 Рустэм Хамитов провел рабочую встречу с Генеральным консулом Таджикистана в Уфе Содиком Имомовым // Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/5977.html?sphrase_id=26673073 (дата обращения: 08.12.2023).

ки Таджикистан С. Имомов назвал открытие Генконсульства в Уфе подтверждением стремления Таджикистана и России развивать отношения стратегического партнерства и союзничества, подчеркнув при этом, что сотрудничество с Башкортостаном имеет большое значение для Республики Таджикистан¹⁵.

Международные и внешнеэкономические связи Республики Башкортостан осуществляются на плановой, системной основе. В полной мере это относится и к Республике Таджикистан. Наличие Генерального консульства в Уфе придает процессу большую координированность и оперативность. Способствует и внимание, уделяемое руководством республики этому направлению. Глава Республики Башкортостан Радий Хабиров курирует это направление в ходе своего регулярного общения с послом Республики Таджикистан. Так, 28 октября 2019 года Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Российской Федерации Имомуддин Сатторов посетил Башкортостан. В ходе рабочего визита он встретился с Главой Республики Башкортостан Радием Хабировым. В ходе беседы, состоявшейся в духе традиционной теплой и дружественной атмосферы, стороны обстоятельно обменялись мнениями о текущем состоянии взаимодействия между регионами Таджикистана с Башкортостаном, а также о перспективах торгово-экономического сотрудничества¹⁶. Глава Башкортостана обратил внимание на необходимость расширения образовательных обменов и отметил, что вузах республики обучаются 848 студентов из Таджикистана.

3 марта 2022 года в Доме Республики Глава Башкортостана Радий Хабиров встретился с Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Таджикистан в Российской Федерации Давлатшохом Гулмахмадзодой. Как отметил глава, Республика Башкортостан готова расширять взаимодействие в социально-экономической и культурно-гуманитарной сфере, сотрудничать в агропромышленном комплексе, содействовать в создании совместных предприятий по производству минеральных удобрений и биодобавок для растениеводства¹⁷. Как отметил Чрезвычайный и Полномочный Посол Таджикистана, число таджикских студентов в вузах Башкортостана выросло до 1273.

Стали регулярными контакты Генерального консула Республики Таджикистан с Премьер-министром Республики Башкортостан Андреем Назаровым. В ходе встречи 29 июня 2021 года Генеральный консул Саид Эмом высказал свое мнение о развитии взаимовыгодного сотрудничества между Республикой Таджикистан и Республикой Башкортостан в сферах экономики и транспорта, промышленности, энергетики, образования и культуры, привлечения предпринимателей двух стран и получения лицензии для организованного выезда трудовых мигрантов в условиях распространения коронавируса COVID-19, также проинформировал об инвестиционном климате в приоритетных отраслях страны, таких как

гидроэнергетика, сельское хозяйство, туризм, горнодобывающая и легкая промышленность¹⁸.

Во встрече также участвовали первый заместитель Премьер-министра – Министр экономического развития и инновационной политики Республики Башкортостан Рустам Муратов, министр по внешнеэкономическим связям и конгрессной деятельности Республики Башкортостан Маргарита Большчева и Представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации в Уфе Венер Галиакибаров.

В ходе встречи 26 октября 2022 года Премьер-министра Республики Башкортостан Андрея Назарова с новым Генеральным консулом Республики Таджикистан в городе Уфе Темуром Рахимовым, в частности, обсуждались вопросы проведения мероприятий в Уфе в рамках Дней культуры Республики Таджикистан в Российской Федерации¹⁹.

Регулярно Генконсул встречается с министрами Республики Башкортостан, ректорами вузов, общественными деятелями, что позволяет вовлекать в сферу публичной дипломатии и внешнеэкономической деятельности почти десятипятитысячную таджикскую диаспору в Республике Башкортостан. Результатом этой работы можно считать успешный визит официальной делегации Хатлонской области во главе с заместителем председателя Хатлонской области Раджабали Раджабовым в г. Уфу, который состоялся 29-30 января 2020 года. По инициативе Генерального консульства состоялась встреча официальной делегации Хатлонской области с руководством Торгово-промышленной палаты Республики Башкортостан. Визит явился реализацией Соглашения о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Республики Таджикистан и Торгово-промышленной палатой Республики Башкортостан, заключенного 16 апреля 2015 года²⁰. Были обсуждены вопросы текущего состояния и перспективы развития сотрудничества между Хатлонской областью и Республикой Башкортостан в сфере торговли, сельского хозяйства, инвестиций, образования и туризма.

3 марта 2021 года Генеральный консул Республики Таджикистан в городе Уфе Саид Эмом встретился с Заместителем Премьер-министра – министром семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан Ленарой Ивановой и обсудил перспективы реализации комплекса мероприятий по организованному привлечению граждан Таджикистана для осуществления временной трудовой деятельности на территории Республики Башкортостан²¹.

15 Рустэм Хамитов провел рабочую встречу с Генеральным консулом Таджикистана в Уфе Содиком Имомовым // Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/5977.html?sphrase_id=26673073 (дата обращения: 08.12.2023).

16 Рабочая встреча с Послом Таджикистана в России Имомуддином Сатторовым // Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/128002.html (дата обращения: 08.12.2023).

17 Радий Хабиров встретился с Послом Таджикистана в России Давлатшохом Гулмахмадзодой // Официальный сайт Главы Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/150654.html (дата обращения: 08.12.2023).

18 Генеральный консул Республики Таджикистан в Уфе Саид Эмом встретился с Премьер-министром Республики Башкортостан Андреем Назаровым // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/8189/generalnyi-konsul-respubliki-tadzhikistan-v-ufo-said-emom-vstretilsya-s-premer-ministrom-respubliki-bashkortostan-andreem-nazarovym> (дата обращения: 08.12.2023).

19 Встреча Генерального консула Республики Таджикистан в городе Уфе с Премьер-министром Республики Башкортостан // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/11427/vokhurii-konsuli-generalii-jumhurii-tojikiston-dar-shahri-ufa-bo-sarvaziri-jumhuri-boshqirdiston> (дата обращения: 08.12.2023).

20 Рабочий визит представителей Хатлонской области в Уфу // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/5698/rabochii-vizit-predstavitelei-khatlonskoi-oblasti-v-ufu> (дата обращения: 08.12.2023).

21 Встреча Генерального консула с Заместителем Премьер-министра - Министром по делам семьи, труда и социальной защиты Республики Башкортостан Ивановой Л. Х. // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/7245/vstrecha-generalnogo-konsula-s-zamestitelem-premer-ministra-ministrom-po-delam-semi-truda-i-sotsialnoizashchity-respubliki-bashkortostan-ivanovoi-lkh> (дата обращения: 08.12.2023).

Много внимания уделяется гуманитарно-образовательному сотрудничеству. 27 октября 2022 года в Уфе состоялся грандиозный гала-концерт мастеров искусств Таджикистана в рамках Дней культуры Таджикистана в России. Визит официальной делегации Республики Таджикистан в Москву и Башкортостан был организован в рамках 30-летия установления дипломатических отношений между странами. Открылись Дни гала-концертом мастеров искусств Таджикистана на сцене Государственного концертного зала «Башкортостан». Гостей приветствовали Министр культуры РБ Амина Шафикова и первый заместитель Министра культуры Республики Таджикистан Назариён Одилозода²². В ходе мероприятий были обсуждены вопросы сотрудничества в рамках подготовки кадров в Уфимском институте искусств и хореографическом колледже, отмечена успешная работа Таджикского национально-культурного центра в г. Уфе и успешные гастроли Государственного ансамбля народного танца им. Файзи Гаскарова в г. Душанбе.

Выступления творческих коллективов Республики Таджикистан становятся культурной традицией. 8 октября 2023 года в г. Уфе в Башкирском государственном академическом театре драмы имени Мажита Гафури состоялся торжественный концерт, посвящённый 32-й годовщине Государственной независимости Республики Таджикистан с участием эстрадных артистов и музыкантов Государственного симфонического оркестра Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан²³.

В Республике Башкортостан насчитывается значительное число выходцев из Центральноазиатских и других стран, где празднуется международный праздник Навруз, праздник весеннего равноденствия и начала нового года. 27 марта 2022 года в оптовом рынке «ЕврАзия» г. Уфы при активном участии Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфа прошли торжества, посвященные этому международному празднику. В культурном мероприятии приняли участие Генеральный консул Республики Таджикистан в г. Уфа Саид Эмом, председатель Центрального духовного управления мусульман, Верховный муфтий России Талгат Таджуддин, первый заместитель министра культуры Республики Башкортостан Наталья Лапшина, Председатель региональной общественной организации Ассамблея народов Республики Башкортостан Зугура Рахматулина, Председатель исполнительного комитета международного союза общественных объединений Всемирный курултай башкир Юлдаш Юсупов, а также жители и гости города Уфы²⁴.

Важным направлением сотрудничества, в развитие которого вносит свой вклад Генеральное консульство Республики Таджикистан в г. Уфе, является образовательная сфера. Сейчас в г. Уфе обучается более 1,5 тыс. таджикских юношей и девушек, 313 из них обучаются в Уфимском университете науки и технологий [2, с. 22]. Значительное количество выходцев из Таджикистана обучается в Башкирском государственном медицинском университете. 14 октября 2020 года

встреча Генерального консула Республики Таджикистан в городе Уфа Саида Эмома с ректором университета Валентином Павловым была посвящена совместной работе со студентами-медиками, в частности, ректор выразил благодарность за оказанную помощь студентам во время пандемии²⁵.

4 марта 2022 года в Уфимском государственном нефтяном университете прошла Международная конференция, посвящённая 30-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан и 30-летию независимости Республики Таджикистан. С интересом восприняли участники форума выступления Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Таджикистан в Российской Федерации Давлатшоха Гулмамадзоды, министра внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан Маргариты Больчевой, ректора Уфимского государственного нефтяного технического университета Олега Баулина, Представителя МИД России в г. Уфе Венера Галиакбарова²⁶.

В честь торжественных дат в УГНТУ, где обучается более 200 студентов из Таджикистана, по инициативе Генерального консульства была торжественно открыта учебная аудитория имени Президента Таджикистана Эмомали Рахмона, почётного профессора УГНТУ. Выпускники вузов Башкортостана из Республики Таджикистан занимают достойное место у себя на Родине и вносят существенный вклад в ее развитие.

Оказывая всестороннее содействие развитию дружественных отношений между Республикой Таджикистан и Республикой Башкортостан, пропагандируя экономические и бизнес-возможности, гуманитарно-образовательный потенциал своей страны Генеральное консульство Республики Таджикистан в г. Уфе успешно осуществляет публичную дипломатию, вносит серьезный вклад в стратегическое партнерство Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Пристатейный библиографический список

1. Долгов В. И. Представительства МИД России на территории Российской Федерации // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 4 (21). – С. 100-106.
2. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р., Назарзода Б. Р. О перспективах сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в области образования // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 18 (183). – С. 19-22.
- 22 В Уфе прошли Дни культуры Таджикистана в России // Официальный портал Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/492615/> (дата обращения: 08.12.2023).
- 23 Концертная программа, посвящённая 32-й годовщине Государственной независимости Республики Таджикистан // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/13549/kontsertnaya-programma-posvyashchjonnaya-32-i-godovshchine-gosudarstvennoi-nezavisimosti-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 08.12.2023).
- 24 Празднование Международного праздника Навруза в г. Уфе // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/9957/prazdnovanie-mezhdunarodnogo-prazdnika-navruza-v-gufa> (дата обращения: 08.12.2023).
- 25 Встреча с ректором Башкирского государственного медицинского университета // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/6555/vstrecha-s-rektorom-bashkirskogo-gosudarstvennogo-meditsinskogo-universiteta> (дата обращения: 08.12.2023).
- 26 Открытие аудитории Республики Таджикистан // Официальный сайт Генерального консульства Республики Таджикистан в г. Уфе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.tj/ru/ufa/view/9810/otkrytie-auditorii-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 08.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-34-36

АБДУЛЛАЕВА Хадижат Абдулкадыровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин филиала Дагестанского государственного университета, филиала в г. Кизляре

АБДУЛАЕВА Ильмира Абдурагимовна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиала в г. Кизляре

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ИНФОРМАЦИЮ И ИХ РАЗВИТИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматривается исследование международных стандартов права человека и гражданина на информацию и их развитие в законодательстве разных государств. Право на доступ к информации приобретает особое значение в условиях развития информационного общества в современном мире. Внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности государства и общества обуславливают необходимость исследования теоретических и практических аспектов реализации права человека на доступ к информации. Тенденция к возрастанию роли информации в жизни общества обеспечивает уровень развития государства, который зависит от возможности освоения информации, эффективности ее использования на благо человека. В юридической литературе встречаются научные исследования, где право на доступ к информации рассматривается самостоятельным конституционным правом и не изучается его взаимоотношения с правом на информацию. Представляется нелогичным рассматривать исключительно право на доступ к информации, так как комплексное его исследование можно провести только в случае анализа его взаимодействия и соотношения с правом на информацию.

Ключевые слова: право на доступ к информации, преодоление коллизии между естественным и позитивным правом, значение информации для человечества, международные стандарты права человека и гражданина на информацию и распространении информации в сети Интернет.

ABDULLAEVA Khadizhat Abdulkadyrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economic, legal and general educational disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University», branch in Kizlyar

ABDULAeva Ilmira Abduragimovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Economic, legal and general educational disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University”, branch in Kizlyar

INTERNATIONAL STANDARDS OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS TO INFORMATION AND THEIR DEVELOPMENT IN THE LEGISLATION OF VARIOUS STATES

The article examines the study of international human rights standards for information and their development in the legislation of different states. The right of access to information is of particular importance in the context of the development of the information society in the modern world. The introduction of information technologies in all spheres of the life of the state and society necessitates the study of theoretical and practical aspects of the realization of the human right to access information. The tendency to increase the role of information in the life of society ensures the level of development of the state, which depends on the possibility of mastering information, the effectiveness of its use for the benefit of man. There are scientific studies in the legal literature where the right to access information is considered an independent constitutional right and its relationship with the right to information is not studied. It seems illogical to consider exclusively the right of access to information, since a comprehensive study of it can be carried out only if its interaction and correlation with the right to information are analyzed.

Keywords: the right to access information, overcoming the conflict between natural and positive law, the importance of information for humanity, international standards of human and civil rights to information, dissemination of information on the Internet.

Конституция Российской Федерации в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» устанавливает, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [10]. Однако, ограничения этого права предусмотрено в законе «перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Иметь право на информацию, свободный доступ к ней регламентированы и на европейском уровне. В соответствии со ст. 1 Устава Совета Европы целью Совета Европы является

достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу [11]. Уставом предусмотрено, что эта цель будет достигаться усилиями органов Совета Европы путем рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, заключения соглашений и проведения совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, правовой и административной областях, равно как и путем поддержания и дальнейшего осуществления прав

Абдуллаева Х. А.

Абдулаева И. А.

человека и основных свобод. К таким вопросам относятся информационный обмен, а также его различные аспекты. О значении информации для человечества осознается на высоком международном уровне. Принятая 22 июля 2000 года руководителями ведущих стран мира Окинавской хартии глобального информационного общества, а также в документах ЮНЕСКО, информация рассматривается как универсальная субстанция, пронизывающая все стороны человеческой деятельности [12], а информационно-телекоммуникационные технологии – как один из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества двадцать первого века. Рассматривая международные стандарты права человека и гражданина на информацию, необходимо дать определение понятия «международный стандарт», который обязательно выражается в международно-правовых нормах. Взаимосвязь таких норм с нормами национальных правовых систем двойка. «На нормообразование в международном праве оказывают влияние национальные правовые системы, которые находят отражение и учитываются во внешней политике и дипломатии государств» [13]. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека играет важную историческую роль, поскольку она подчеркивает важность защиты свободы мнения и выражения в любом обществе. Это право признается как одно из основных прав человека, и оно является фундаментом для развития демократии, свободы СМИ и свободного обмена информацией.

Историческая значимость статьи 19 заключается в том, что она стала частью международного права и установила стандарты для защиты свободы слова и печати. Эта статья стала основой для защиты журналистов, активистов и обычных людей, которые хотят высказать своё мнение и бороться за свои права. Таким образом, статья 19 Всеобщей декларации прав человека имеет важное историческое значение как символ защиты свободы выражения и мнения в мире. В начале 50-х годов в конституциях ряда стран право на информацию также появилось как элемент свободы слова и печати или свободы выражения мнения, которое было гарантировано, например, в ч. 1 ст. 5 Основного закона Федеративной Республики Германия от 23 мая 1948 г. В ней право граждан на информацию являлось неотъемлемым элементом свободы слова и печати. «Свобода печати и свобода информации посредством радио и кино гарантируется», - гласила эта статья [14, с. 49]. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 г., в статье 10 которой едва не дословно, процитирована норма ст. 19 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [15]. В указанной статье, в частности, говорилось: «Эта статья не препятствует государствам вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий». Это можно истолковать как право государства в определенных случаях осуществлять контроль над передачей многих видов информации. В них речь идет о запрете государства издательствам распространять информацию, связанные с возможностью растлевающего влияния определенных сведений на малолетних, во втором - с охраной государственной тайны. Согласно решению Европейского суда, вмешательство государства в осуществление прав, защищаемых Конвенцией, возможно, если оно оправдывается мерами, необходимыми в демократическом обществе [5, с. 124].

В 1940-х и 1950-х годах право человека на информацию было слабо развито в международном праве. В это время существовали значительные ограничения на свободу слова и выражения во многих странах, учитывая сложные политические и социальные обстоятельства, такие как Вторая мировая война, холодная война и ядерная угроза. Большинство стран имели жесткий контроль над информацией, часто цензурируя СМИ и ограничивая доступ к информации, которая могла бы угрожать политической стабильности или интересам правящих режимов. Поэтому право человека на свободный

доступ к информации и свободное выражение мнений было часто нарушено. Однако в это время начали формироваться международные нормы и документы, которые положили начало развитию права человека на информацию, включая подобные документы, как Всеобщая декларация прав человека, которая была принята в 1948 году. Эти первоначальные шаги имели ключевое значение для последующего развития прав человека на информацию в международном праве. Но до 60-х годов в законах этих стран не было каких-либо норм, обязывавших государственные органы и их должностных лиц предоставлять гражданам необходимую им информацию [3, с. 32]. В странах США и Канаде до 60-х годов существовали только законы о государственной тайне, которые допускали в некоторых случаях доступа общественности к официальным документам в виде исключения. В США этот доступ мог быть открыт только в случае необходимости, наличие которой надо было доказать, а стремление государственных органов и должностных лиц скрыть любую информацию поощрялось. В других странах общего права таких законов нет до сих пор, и все отношения в этой сфере регулируются на основе судебных прецедентов (Австралия), в том числе, связанные с реализацией свободы слова и печати, в состав которых раньше принято было включать право человека и гражданина на информацию. В конце 70-х и в 80-е годы свобода выражения мнения в том виде, в котором она была предложена в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., была закреплена в конституциях 124 стран мира. Основным фактором, ограничивающим доступ к информации о деятельности государственных органов во всех странах, является государственная тайна. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, почти во всех странах одинаково. В таких странах, как в Канаде и США существуют законы о личной тайне, в которых урегулирован как порядок получения определенной информации о частных лицах, так и порядок ознакомления физических лиц с информацией о них, находящейся у государственных органов. Информация, связанная с личной жизнью граждан, строго охраняется законом. Многие страны, в том числе и Россия, перенесли нормы статей 19 Декларации и 10 Конвенции в свое национальное законодательство. В нашей стране действует Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ; Закон Российской Федерации «О правовой охране программы для электронных вычислительных машин и баз данных» от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 и др.

В июле 1991 г. заработала Программа правовой информатизации России 1991 года была одной из первых инициатив, направленных на внедрение информационных технологий в сферу правовой системы страны. Эта программа была запущена в контексте начала перехода России к рыночной экономике и реформирования государственных структур после развала Советского Союза.

Целью программы было создание правовой информационной системы, которая обеспечила бы доступность и эффективность правовой информации, снизила бы бюрократические барьеры и улучшила доступ граждан к правовой помощи. Ключевые мероприятия программы включали в себя создание централизованных баз данных и информационных ресурсов, автоматизацию юридических процессов и улучшение доступности правовой информации через современные информационно-коммуникационные технологии.

Программа правовой информатизации 1991 года подготовила почву для дальнейшего развития информационных систем в сфере права и обеспечила административный и юридический аппарат России возможностью улучшить доступ граждан к информации о законах и нормативно-правовых актах. До этого подобное положение было закреплено в Конституции Казахстана от 28 января 1993 г., Туркменистана от 18 мая 1992 г., Эстонии от 28 мая 1992 г. Позже это право

появилось в Конституции республики Беларусь от 5 марта 1994 г., в Конституции Украины 1996 г. Однако в конституциях некоторых других стран СНГ и Балтии это право либо отсутствует, либо не соответствует принятым стандартам как, например, в Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г., в которой не говорится о праве граждан на правительственную информацию, хотя закреплено право на передачу и распространение информации [7, с. 60].

Научные исследования в этой сфере велись такими известными учеными-правоведами, как А. А. Тедеев, В. А. Копылов, С. Е. Чайанов, В. Н. Лопатин и др., однако качественно законодательно закрепленного понятия «Интернет» и ряда других ключевых терминов еще нет [8, с. 5-7]. Хотя учеными рассматриваются отношения, которые требуют правового регулирования по поводу принятия международных стандартов связи и телекоммуникации; правового регулирования контроля за размещаемой в сети информацией; защиты информации, прав на нее в Интернете и многих других сферах. Важная роль в регулировании складывающихся отношений в сети Интернет принадлежит государству, в противном случае слабо развитое правовое регулирование и отсутствие государственного контроля за процессами, происходящими в Интернете, создают прямую угрозу информационной безопасности нашей страны. Исключительно важным является вопрос о защите информации в сетях для охраны интересов личности, общества и государства [2, с. 15-17]. Согласно докладу Global Broadband Progress, подготовленному ООН, в 2017 году количество пользователей сети Интернет в мире достигло 3,58 млрд человек при общем населении Земли в 7,6 млрд человек. По данным компании Mediascope, представленным на конференции «РИФ+КИБ 2017», российская интернет-аудитория в 2017 году достигла 87 млн человек, что соответствует 71% от всего населения России [18]. Неоспоримо то, что Интернет и его сервисы перестали быть только инструментом хранения, передачи и распространения информации. В правовой литературе получает распространение идея о праве на доступ в Интернет как новом праве человека со своим собственным содержанием.

Таким образом, проведенный анализ в целом показывает, что недостатки правового регулирования информационных технологий порождают ряд серьезных проблем, препятствующие эффективному взаимодействию общества и государства в информационной сфере. Признавая важность вклада многих ученых в разработку вопросов права человека и гражданина на информацию необходимо отметить недостаточную разработанность проблемы места права на информацию в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина в России, а также многих терминов и понятий, дефиниции которых имеют большое значение для реализации этого права.

Пристайный библиографический список

1. Агапов А. Б. Проблемы правовой регламентации информационных отношений в России // Государство и право. - 2003. - № 4. - С. 125-126.
2. Белевская Ю. А. Информация как объект правового регулирования конституционных прав человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. - 2007. - № 12. - С. 15-17.
3. Биркиншоу Р. Европейский публичное право: Достижение и проблема. - Гаага, Клувер. Второй изд., 2014. - 659 с.
4. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. - М., 2010. - С. 377.
5. Кретова Е. А. К вопросу об информации как объекте публичного права // Право и политика. - М., 2007. - С. 124.

6. Короткова М. В. Место конституционного права человека и гражданина на информацию в системе конституционных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2012. - № 4. - С. 59-63.
7. Короткова М. В. Место конституционного права человека и гражданина на информацию в системе конституционных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2012. - № 4. - С. 60.
8. Кузнецов Д. А. Генезис организационно-технического обеспечения Интернета в аспекте его правового регулирования // История государства и права. - 2008. - № 1. - С. 5-7.
9. Право на доступ к информации. Доступ к открытой информации / Отв. ред. И. Ю. Богдановская. - М.: ЗАО «Юстицинформ», 2009. - С. 19.
10. Конституция Российской Федерации: // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.11.2023).
11. Устав Совета Европы (ETS N 1) (Принят в г. Лондоне 05.05.1949). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540600/> (дата обращения: 02.12.2023).
12. Окинавская Хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]: принята 22 июля 2000 г. лидерами стран «Большой Восьмерки» // Интернет-сайт ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/FIELD/Tashkent/pdf/okinawa_charter_ru.doc (дата обращения: 19.11.2023).
13. Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. - 2007. - С. 12.
14. Конституции государств Американского континента: В 3 т. - М.: Изд-во иностр. лит., 2006. - Т. 1. - С. 49-53.
15. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).
16. Сборник законодательства по конституционному (государственному) праву Российской Федерации. - Ростов-н/Д.; М.: Феникс, Зевс, 2007. - С. 347- 348.
17. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zapret-info.gov.ru/> (дата обращения 22.11.2023).
18. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://2017.russianintemetforum.ru/news/1298/> (дата обращения: 21.11.2023).

ЛЕБЕДЕВА Яна Игоревна

научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРАВООРЯДКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье анализируется эволюция концепций национальной и европейской идентичности, и их соотношение в правовом порядке ЕС. В настоящее время Европейский союз является международной организацией, которая провозглашает наличие у себя определенных ценностей, которые составляют ее идентичность. Содержание европейской идентичности было довольно четко определено сначала в политических, а затем и юридически значимых документах организации. На протяжении всей истории европейской интеграции государства-члены неоднократно заявляли об общности их ценностей, что и стало главной предпосылкой для формирования общеевропейской идентичности. Переломным моментом в данном отношении является введение Маастрихтским договором понятия национальной идентичности, отличной от общесоюзной, несмотря на то, что ее содержание никак не определялось. Кроме того, в результате конкурирующих позиций Суда ЕС и конституционных судов государств-членов, понятие национальной идентичности наполняется весьма противоречивым и фрагментарным содержанием. Отчасти государства-члены восприняли его включение в учредительные договоры в качестве одной из возможностей для сохранения суверенных полномочий и избирательного действия норм права ЕС. Хотя в последующем понятие национальной идентичности подверглось значительной конкретизации в тексте Лиссабонского договора, а Суд ЕС рассмотрел несколько дел, связанных с ним, его содержание в правовом порядке Союза (без учета позиций высших судов государств-членов) продолжает быть весьма абстрактным.

Ключевые слова: наднациональность, Европейский союз, европейское право, европейская идентичность, европейские ценности, национальная идентичность, государственный суверенитет.

LEBEDEVA Yana Igorevna

researcher of the Human Rights Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

NATIONAL AND EUROPEAN IDENTITY IN THE LEGAL ORDER OF THE EUROPEAN UNION

The article analyses the evolution of the concepts of national and European identity, and their relationship in the EU legal order. The European Union is nowadays an international organization that proclaims the existence of certain values that constitute its identity. The content of the European identity was quite clearly defined first in the organization's political and then legally binding acts. Throughout the history of European integration, Member States have repeatedly declared their shared values, which has become the main prerequisite for the formation of a common European identity. A turning point in this regard is the introduction of the notion of national identity in the Maastricht, which was not defined in any way, but proclaimed to be different from the Union-wide concept. Moreover, as a result of the competing positions of the EU Court of Justice and the constitutional courts of Member States, the notion of national identity has become very controversial and mosaic. In part, Member States saw an introduction of national identity clause in the constituent treaties as an opportunity to preserve sovereign powers and to apply Union law selectively. Although the concept of national identity has since been considerably clarified in the text of the Lisbon Treaty, and the ECJ has resolved several cases relating to it, its legal content in the Union law, without considering the positions of some supreme courts of the Member States, continues to be very abstract.

Keywords: supranationality, European Union, European law, European identity, European values, national identity, state sovereignty.

Идея создания союза государств Европы, основанного на общих ценностях, возникла в послевоенную эпоху еще на заре европейской интеграции. Несмотря на экономический характер учреждавшихся в 1950-х гг. Европейских сообществ, они имели немногочисленные, но весьма определенные ценностные основания. В Преамбуле Договора об учреждении первого из Европейских сообществ, Европейского объединения угля и стали (далее – ЕОУС), 1951 г.¹ указывалось на стремление государств-основателей сохранить мир на Земле путем созидательных усилий (абз. 2), в том числе посредством повышения жизненного уровня, расширения основных производств (абз. 5) и, главное, формирования общего рынка (абз. 1 ст. 2 Договора). Также в Преамбуле намечена дальнейшая траектория развития интеграционных процессов – учреждаемое ЕОУС будет являться основой для создания «более широкого и более глубокого сообщества среди народов, с давних пор разделяемых кровавыми конфликтами» (абз. 6). Таким образом, мир и благосостояние европейских народов выступили в качестве первичной ценностной основы европейской интеграции, которая носила подчеркнуто экономический характер. К объединению могли присоединиться и другие

государства Европы, однако политического обязательства разделять какие-то общие ценности в тот период еще не существовало.

Конституции некоторых государств-основателей также были изменены с целью создать прочную основу для участия в международных организациях, посредством которых предполагалось осуществлять послевоенное миростроительство. Наиболее красноречива в этом отношении оказалась Конституция Итальянской Республики 1947 г. Согласно ст. 11 Италия отвергает войну как посягательство на свободу других народов и как способ разрешения международных споров; она соглашается на условиях взаимности с другими государствами на ограничение суверенитета, необходимое для порядка, обеспечивающего народам мир и справедливость; оказывает помощь и содействует международным организациям, стремящимся к этим целям. В практическом отношении это предполагает возможность передачи отдельных полномочий международным организациями на основании акта Парламента и без изменения национальной Конституции (ныне – ст. 80).

В Основном законе Германии также было предусмотрено, что Федерация может законом передавать свои суверенные права межгосударственным учреждениям (абз. 1 ст. 24). Немецкое государство также соглашается на ограничение

1 Traité instituant la Communauté Européenne du Charbon et de l'Acier (Paris, 18 avril 1951).

своих суверенных прав, которые должны привести к установлению и обеспечению мирного и длительного порядка в Европе и между народами всего мира (абз 2 ст. 24). В деле *Solange*², рассмотренном Федеральным конституционным судом Германии в 1974 г., указывалось, что такая передача осуществляется на основании закона, соответственно, она не может приводить к изменению базовой структуры Конституции³, на которой зиждется идентичность государства (подробнее см. п. 43 Решения). С этого времени отдельные государства-члены вслед за ФРГ начали формировать те или иные конституционные ограничения в отношении передачи суверенных полномочий.

В период Холодной войны, который характеризуется противостоянием двух сверхдержав, Советского Союза и США, государства Европы по отдельности начинают утрачивать былую политический вес. В 1973 г. под эгидой Европейского политического сотрудничества⁴ состоялся второй саммит министров иностранных дел Европейских сообществ в г. Копенгаген. По итогам саммита была принята Декларация о европейской идентичности⁵. В качестве побудительного мотива ее принятия стала попытка обосновать необходимость для государств-членов Сообщества⁶ действовать «единым фронтом» во внешней политике, а не просто выражать подчиненную солидарность с США (как то предлагала Великобритания) [1; 221-223]. В Декларации указывается, что «разделяя одинаковое отношение к жизни, основанное на решимости построить общество, отвечающее потребностям личности, государства-члены полны решимости защищать принципы представительной демократии, верховенства права, социальной справедливости, которая является конечной целью экономического прогресса, и уважать права человека. Все это является базовыми элементами европейской идентичности» (п. 1). При том указанные ценности рассматриваются в качестве основы их правового, политического и нравственного порядка (там же). Несмотря на то, что этот документ имеет рекомендательный характер, в нем также впервые приводится критерий, которому должны удовлетворять государства-кандидаты в Европейское экономическое сообщество. Согласно п. 4 Декларации «строительство объединенной Европы, которое осуществляют государства-члены Сообщества, открыто для других европейских стран, разделяющих те же идеалы и цели». Примечательно, что в учредительных договорах Европейских сообществ, принятых в 1950-х гг., содержалось указание только на необходимость для государства быть европейским.

В 1975 г. после падения режима черных полковников Греция подала заявку на вступление в Европейское экономическое сообщество. Несмотря на прямую поддержку государства, слишком быстрое восстановление греческой демократии вызвало определенную обеспокоенность в контексте сохранения европейской идентичности. По этой причине Европейский совет в апреле 1978 г. пошел на принятие нового политического критерия членства – «уважение и поддержание представительной демократии»⁷. Таким образом, принцип демократии приобретает реальное действие в качестве элемента идентичности европейских государств, принимаемых в Сообщества, – в 1981 г. государством-членом становится Греция, а в 1986 г. – Испания и Португалия, в которых также ранее существовали крайне правые режимы.

Наиболее полный перечень ценностей, которым должны следовать государства-кандидаты, был установлен на Копенгагенском саммите Европейского совета в 1993 г. Их введение напрямую связано с тем, что восточноевропейские государства (Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония) выразили желание быть принятыми в Европейский союз после распада СССР. Однако копенгагенские критерии были установлены для все будущих государств-кандидатов, будь то из Восточной Европы или других географических регионов (как Мальта или Кипр, которые будут приняты в рамках той же волны расширения). Было предусмотрено, что государство-кандидат должно продемонстрировать «стабильность институтов, гарантирующих демократию, верховенство права, права человека, уважение и защиту меньшинств»⁸. Указанный критерий, как и ранее рассматривался в качестве политического, то есть в своем применении был далек от полной объективности. При этом, формулировка критерия заслуживает дополнительного внимания. Важно, чтобы государство-кандидат могло продемонстрировать именно стабильность таких институтов, то есть по крайней мере их существование, юридическое закрепление и наличие необходимых институциональных механизмов обеспечения и защиты.

Таким образом, к 2000-м гг. в общих чертах было сформировано понятие европейской идентичности, которая предстает как совокупность определенных ценностей, выступающих в качестве важных элементов собственной национальной идентичности государств-основателей, а также Великобритании, Ирландии и Дании, и которые в будущем должны будут разделить новые государства-члены. В теоретической литературе европейская идентичность также именуется положением об однородности (либо конституционной однородности) [2, с. 109]. Оно разрабатывалось как основа для построения политического союза народов Европы и наиболее отстаивалось теми, кто разделял идею о необходимости его создания, в первую очередь, европейскими федералистами. Не случайно в последующем они получают важное место в Договоре об учреждении Европейского союза. Именно с целью не допустить размывание конституционной однородности приверженность общим ценностям начинает играть все более важную роль в контексте приема новых членов.

Не случайно в Договоре о Европейском союзе, который становится не только экономическим объединением (как ранее Европейские сообщества), но и политической организацией, положение о конституционной однородности было провозглашено в п. 4 Преамбулы⁹. Однако из-за того, что оно было предусмотрено в Преамбуле, его роль в качестве политической декларации не изменилась. Только после проведения следующей ревизии учредительных договоров, путем принятия Амстердамского договора 1997 г., эти принципы были размещены в основной части текста. В абз. 1 ст. 6 предусматривалось, что «Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и верховенства права, – принципах, общих для государств-членов»¹⁰. Кроме того, было уточнено, что страны, желающие подать заявку на членство в ЕС, должны обеспечить уважение ценностей, закрепленные в ст. 6, и содействовать им (ст. 49 Договора о ЕС в ред. Амстердамского договора). Обращает на себя внимание, что требование о защите меньшинств (в отличие от всех других политических критериев, предусмотренных на Копенгагенском саммите) не стало частью ст. 6, тем не менее его соблюдение стало необходимо для вступления в ЕС.

В силу абз. 1 ст. F Маастрихтского договора «Союз должен уважать национальную идентичность государств-членов, чьи системы управления основаны на демократических принципах». Таким образом, демократический характер государства

2 Bundesverfassungsgericht (далее – BVerfG). 2 BvL 52/71. *Solange I-Beschluß*. 29 May 1974 // BVerfGE 37, 271.

3 Содержание термина в Решении не уточняется.

4 Европейское политическое сотрудничество представляло собой международную организацию, которая объединяла государства, входящие в Европейские сообщества, но обладавшая формальной самостоятельностью.

5 The Copenhagen Summit Conference – Declaration on European identity // European Political Co-operation (PEC). Fifth Edition Press and Information Office. Bonn, 1988. P. 48.

6 В тот момент государствами-членами Европейских сообществ являлись государства-основатели.

7 Council of the European Communities (1978) Conclusions – The European Council [Copenhagen Summit 1978]: 7-8 April. Brussels: Council of the European Communities.

8 European Council (1993) Conclusions – The European Council [Copenhagen Summit 1993]: 21-22 June.

9 Treaty on European Union // OJ C 191, 29.7.1992, p. 1–11.

10 Treaty on European Union as amended by the Treaty of Amsterdam of 2 October 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cvce.eu/content/publication/1997/10/13/5a6bfc79-757f-4d53-9379-ad23cc2cc911/publishable_en.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

был провозглашен в качестве условия проявления уважения к идентичности государств-членов со стороны Союза. При принятии Амстердамского договора ссылка на это была исключена (см. абз. 3 ст. 6). С этого времени уважение национальной идентичности государств-членов становится безусловным требованием, которое предъявляется ко всем мерам (в том числе изданию актов), принимаемых Европейским союзом¹¹. Последний также обязан соблюдать права человека, в том числе так, как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций (п. 2 ст. 6). Важно, что требование об уважении национальной идентичности начинают предъявлять не только к государствам-членам и кандидатам, но и к самой организации, которая обвиняется отдельными странами, в частности Германией, в отсутствии такого уважения¹².

В то же время, положение об уважении национальной идентичности в маастрихтской редакции является столь кратким, что его возможное содержание приобретает весьма дискуссионный характер. Как пишет С. Манджиамели, «с момента вступления в силу Маастрихтского договора в рамках принципа однородности началась дискуссия, в которой европейская идентичность противопоставлялась идентичности государств-членов, что постоянно дополнялось ссылкой на вопрос национального суверенитета» [3, с. 152]. Национальные (в первую очередь, конституционные) суды стали трактовать абстрактное понятие национальной или же конституционной идентичности так, как это было необходимо для поддержания собственной правовой аргументации с учетом конкретных целей толкования. В качестве примера можно привести Федеральный конституционный суд Германии, который в своей прецедентной практике максимально широко очертил границы такой идентичности. ФКС указал, что вопросами, которые в значительной степени затрагивают конституционную идентичность являются материальная и процессуальная уголовные право; монополия на применение силы полицией и армией; условия жизни в социальном государстве; а также вопросы особой культурной важности и фундаментальные финансовые вопросы (п. 252 Решения по делу *Lisbon* 2009 г.). В содержании данного понятия, по мнению Суда, также включается целый ряд статей Основного закона (п. 241). Таким образом, национальная идентичность в трактовке высших судов государств-членов начинает приобретать не только политическое, но и культурное, военное, социальное и даже финансовое значение. Выводы, которые в этой связи делают национальные суды, имеют далеко идущие практические последствия – они могут объявить меры (в том числе решения), принятые институтами Союза, неприменимыми на национальной территории, что прямо противоречит принципу прямого действия, верховенства и подрывает эффективность и единообразие наднационального права. Как справедливо указывает Т. Констадинидес различная интерпретация положения о национальной идентичности в конечном счете направлена на то, чтобы сделать применение вторичного права избирательным и подконтрольным национальным судам, подрывая, в то же самое время, компетенцию Суда ЕС в качестве высшей инстанции по определению сферы применения права ЕС [4].

В рамках принятия Конституции для Европы, а затем, после неудачи с ее ратификацией, Лиссабонского договора 2007 г., значение европейской идентичности было еще более усилено. Как указывает Тоггенбург, одним из побудительных мотивов такого усиления стал приход к власти в 2000 г. в Австрии крайне правой Партии свободы (также – австрийский кризис) [5, с. 5-6]. В первом проекте Конституции для Европы, представленном на Лаакенском конвенте 2002 г., содержалась ст. 2, которая устанавливала ценности Союза: человеческое достоинство, основные права, демократию, верховенство права, толерантность, соблюдение обязательств и международного права¹³. Здесь обращает на себя внимание

тот факт, что проект Конституции прямо именуется положением, ранее существовавшие в качестве принципов, «ценностями», на которых основан Союз. В результате деятельности одной из многочисленных групп по подготовке Конституции «Социальная Европа», была добавлена формулировка о том, что целью указанных ценностей является мирное общество, а также то, что ценности реализуются посредством практики толерантности, справедливости и солидарности¹⁴. Президентом Конвента было высказано возражение в отношении включения в ст. 2 ценностей солидарности и равенства, поскольку они не являются четко определенными, в результате чего могут возникнуть трудности при осуществлении правовой квалификации.

В итоге была предложена окончательная формулировка, которая стала частью Лиссабонского договора: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин». Другой новеллой Лиссабонского договора стало придание ценностям «внешнего измерения». Так, согласно обновленной ст. 3 «целью Союза является содействие миру, своим ценностям и благосостоянию своих народов... В своих отношениях с широким миром Союз должен поддерживать и продвигать свои ценности и интересы и вносить вклад в защиту своих граждан».

Данная новелла окончательно сформировала объединение в качестве «Союза ценностей»¹⁵, придав ему характер самостоятельной политической общности, размыв грань между тем, что в современном международном праве называют международной организацией и группой интересов. В отличие от классической международной организации Европейский союз не преследует идеалов общего блага, а работает о продвижении и защите определенных ценностей, свойственных европейскому географическому региону, его политическим традициям и культуре. Помимо Европейского союза (и Совета Европы, хотя последний представляет собой международную организацию общей компетенции) определенные идеологически окрашенные ценности в настоящее время закреплены, например, в Уставе Организации исламской конференции (см. п. 4, 6, 13, 14 Преамбулы)¹⁶. Кроме того, последняя, как и ЕС, позиционирует себя в качестве политического актора, а его деятельность направлена на осуществление в том числе международного влияния в качестве союза государств, имеющих мусульманское большинство населения [7, с. 11].

Договор о реформе также существенно детализировал принцип уважения национальной идентичности. Согласно абз. 2 ст. 4 «Союз уважает национальные идентичности государств-членов, присущие их основополагающим политическим и конституционным структурам, в том числе в области местной и региональной автономии. Союз уважает основные функции государства, особенно те, которые направлены на обеспечение его территориальной целостности, на поддержание общественного порядка и на охрану национальной безопасности. В частности, национальная безопасность остается в единоличной ответственности каждого государства-члена». Таким образом, в Договоре о реформе национальная идентичность скорее рассматривается как определенные основы государственности государств-членов, в том числе выраженные в определенных конституционных положениях, а не в качестве положения, которое может охватывать целые

11 ЕС также обязался соблюдать права человека (см. абз. 3 ст. 6).

12 См., например, BVerfG. 123 BVerfGE 267. Case *Lisbon*. Decision of 30 June 2009.

13 Preliminary draft Constitutional Treaty (CONV 369/02, Brussels, 28 October 2002), p. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://european-convention.europa.eu/pdf/reg/en/02/cv00/cv00369.en02.pdf>.

14 Draft of Articles 1 to 16 of the Constitutional Treaty (CONV 528/03, Brussels, 6 February 2003), p. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://european-convention.europa.eu/pdf/reg/en/03/cv00/cv00528.en03.pdf>.

15 Этот термин часто употребляется в контексте рассмотрения аксиологического измерения Европейского союза на современном этапе развития. Подробнее см. [6].

16 Устав Организации исламской конференции (г. Дакар, 14 марта 2008 г.).

сферы общественных отношений, как то определяется Федеральным конституционным судом Германии.

К настоящему времени Судом ЕС было рассмотрено незначительное количество дел, в которых поднимался вопрос толкования понятия «национальной идентичности, присущей основополагающим политическим и конституционным структурам». В первую очередь, это обусловлено тем, что в период до принятия Лиссабонского договора у Суда ЕС отсутствовала компетенция по толкованию абз. 3 ст 6 Договора о ЕС в ред. Маастрихтского договора. После наделения Суда ЕС соответствующей компетенцией, был рассмотрен ряд дел, в которых осуществлялось толкование положения о национальной идентичности. В деле *Sayn-Wittgenstein* 2010 г.¹⁷ к национальной идентичности был отнесен Закон об отмене дворянства, который запретил использование дворянских титулов, в том числе их приведение в именах и фамилиях частных лиц (п. 83). Сам учредительный договор также содержит пример того, что может рассматриваться в качестве национальной идентичности, а именно статус региональных и местных автономий. Аналогично Хартия ЕС об основных правах 2000 г.¹⁸ содержит указание, что Союз обязан уважать организацию публичной власти государств-членов на национальном, региональном и местном уровне (абз. 3). В делах *Runevič-Vardyn and Wardyn* 2011 г. и *Las* 2011 г.¹⁹ одной из составляющих национальной идентичности была признана защита официального национального языка государства. По мнению сторонников узкого толкования национальной идентичности, необходимо принимать во внимание, что в отношении защиты культурного, религиозного и языкового разнообразия Европейский союз располагает иным механизмом защиты [3, с. 153]. Согласно абз. 3 ст. 3 Договора о ЕС организация обязалась уважать богатство своего культурного и языкового разнообразия и заботится о сохранении и развитии европейского культурного наследия. Аналогичное обязательство содержится в ст. 22 Хартии. Однако эта теоретическая позиция противоречит самому Решению, где защита языка государства-члена признана в качестве элемента национальной идентичности, что предполагает, что обязательства Союза по защите национальной идентичности связаны с необходимостью охраны языкового разнообразия. Таким образом, национальная идентичность, согласно оценке позиции Суда, все же имеет определенное культурное измерение.

Заключение

Таким образом, *первый этап* становления концепций европейской и национальной идентичности характеризуется следующими особенностями. Во-первых, государства-учредители Европейских сообществ выразили готовность к ограничению суверенитета на основании закона с целью укрепления мира и благосостояния народов. На политическом уровне государства-члены согласовали перечень ценностей, которые являются общими для них и могут рассматриваться в качестве европейской идентичности. Ими стали классические либеральные ценности, такие как представительная демократия, верховенство права, права человека, социальная справедливость и др. Такие ценности создают пространство конституционной однородности как основы политического союза. Это также налагает на новые государства политическое обязательство придерживаться их на практике. С момента принятия *Маастрихтского договора* и формирования политического союза ценности ЕС, ранее закрепленные в документах мягкого права, получают отражение в учредительных документах. Важнейшим нововведением становится закрепление обязательства Союза по уважению национальной идентичности, но в самом кратком виде. В то же время, национальные суды государств-членов начинают наполнять понятие идентич-

ности обширным и не всегда конкретным содержанием. До принятия Лиссабонского договора Суд ЕС не мог включиться в деятельность по толкованию этой статьи, поскольку не располагал необходимой компетенцией. Все это привело к тому, что национальная идентичность начала пониматься в различных планах, вплоть до финансового. *Лиссабонским договором* положение о национальной идентичности было подвергнуто значительной конкретизации. Было указано, что Союз уважает национальную идентичность государств-членов, присущую их основополагающим политическим и конституционным структурам. Суд ЕС в своей прецедентной практике также распространил положение об идентичности на вопросы, которые имеют культурную направленность, несмотря на то что Союз располагает отдельными положениями о защите культурного, религиозного и языкового разнообразия. Вероятно, в будущем на основании прецедентной практики положение о национальной идентичности будет расширяться, однако не такими быстрыми темпами, как это можно наблюдать в практике высших судов государств-членов.

Пристатейный библиографический список

1. Möckli D. *European Foreign Policy During the Cold War: Heath, Brandt, Pompidou and the Dream of Political Unity*. London, New York: I.B. Tauris, 2009.
2. Schroeder W. *The Rule of Law as a Value in the Sense of Article 2 TEU: What Does It Mean and Imply? // Defending Checks and Balances in EU Member States / Ed. by A. von Bogdand, and others*. Berlin: Springer, 2013.
3. Mangiameli, S. *The European Union and the Identity of Member States // L'Europe en Formation*. 2013. No 3. P. 151-168.
4. Konstadinides T. *The Constitutionalisation of National Identity in EU Law and Its Implications*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2318972>.
5. Toggenburg G. *Cultural Diversity at the Background of the European Debate on Values - An Introduction // European Values and Diversity / Ed. by F. Palermo, G. Toggenburg*. Bolzano: EURAC, 2003.
6. Wouters J. *From an Economic Community to a Union of Values: The Emergence of the EU's Commitment to Human Rights // The European Union and Human Rights: Law and Policy / J. Wouter, and others*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
7. Klabbers J. *Sui Generis? The European Union as an International Organization // A Companion to European Union Law and International Law (First Edition) / Ed. by D. Patterson, A. Södersten*. Oxford: Wiley, 2016.

17 Court of Justice of the European Union (далее – CJEU). C-208/09. Case Sayn-Wittgenstein. Judgment of 22 December 2010.

18 Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012, p. 391–407.

19 CJEU. C-391/09. Case Runevič-Vardyn and Wardyn. Judgment of 12 May 2011; CJEU. C-202/11. Case Las. Judgment of 16 April 2013.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-712-713

МУХАМЕТГАРЕЕВА Наталья Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий

ЮСУПОВА Зияя Анасовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий

СОВРЕМЕННЫЕ СЛОЖНОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОЗОНОVOГО СЛОЯ

Статья посвящена исследованию правовых основ и правового механизма обеспечения международно-правовой охраны озонового слоя. Делается вывод о том, что согласно действующим международно-правовым основам отсутствует международный независимый орган с функциями контроля и надзора, а также возможность проведения международных расследований на предмет нарушений положений Венской конвенции «Об охране озонового слоя» и Монреальского протокола к ней, влечёт за собой возможность значительного превышения деструктивного влияния на озоновый слой многими государствами, умышленно занижая итоговые значения до установленных международным соглашением пределов. Кроме того, отсутствует унифицированный правовой подход к установлению международно-правовой ответственности за нарушение положений об охране озонового слоя. Выявленные в исследовании правовые, организационные и политические сложности обеспечения механизма международно-правовой охраны озонового слоя не позволяют обеспечить гармоничную, эффективную и сплочённую борьбу государств в решении транснациональной экологической проблемы.

Ключевые слова: экологическое правонарушение, экологическая катастрофа, охрана атмосферы, озоновый слой, международно-правовая ответственность, озоновая дыра, фрион.

MUKHAMETGAREEVA Natalya Mikhaylovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology;

YUSUPOVA Zilya Anasovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technologies.

MODERN CHALLENGES OF ENSURING THE MECHANISM OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF THE OZONE LAYER

The article is devoted to the study of the legal foundations and the legal mechanism for ensuring the international legal protection of the ozone layer. It is concluded that, according to the current international legal framework, there is no international independent body with control and supervision functions, as well as the possibility of conducting international investigations for violations of the provisions of the Vienna Convention "On the Protection of the Ozone Layer" and the Montreal Protocol thereto, entails the possibility of a significant excess of the destructive impact on the ozone layer by many States, deliberately underestimating the final values to the limits established by an international agreement. In addition, there is no unified legal approach to the establishment of international legal liability for violation of the provisions on the protection of the ozone layer. The legal, organizational and political difficulties identified in the study in ensuring the mechanism of international legal protection of the ozone layer do not allow for a harmonious, effective and cohesive struggle of States in solving a transnational environmental problem.

Keywords: environmental offense, environmental disaster, protection of the atmosphere, ozone layer, international legal responsibility, ozone hole, frion.

Научные исследования в направлении изучения важности озонового слоя и антропологического влияния на него пришлось на вторую половину 20 века и лишь ближе к концу двадцатого столетия международное сообщество осознало не только колоссальное деструктивное влияние многих государств на озоновый слой, но и также необходимость скорейшего международно-правового регулирования и изменения производственных подходов в целях решения транснациональной проблемы.

Изначально разберёмся в существенных характеристиках исследуемого объекта. Согласно п. 1 ст. 1 Венской конвенции «Об охране озонового слоя», принятой в 1985 году, под озоновым слоем следует понимать слой атмосферного озона над пограничным слоем планеты¹. Правовое определение, однако, не позволяет раскрыть существенную характеристику исследуемой категории, а также непосредственно важность международно-правовой охраны озонового слоя.

Озоновый слой с позиции научного подхода метеорологии, как прикладной науки, изучающей атмосферу, её строение, свойства и протекающие в ней физические процессы, представляет собой часть стратосферы в котором фиксируется наибольшее

содержание озона [1, с. 110]. Данная часть атмосферы объективно необходима буквально для жизни всех живых организмов на планете Земля, поскольку, во-первых, поглощает большую часть ультрафиолетового и радиационного излучения, исходящего от Солнца, а во-вторых, способствует расщеплению вредных веществ, концентрирующихся в высших слоях атмосферы².

Снижение концентрации озона в слоях атмосферы или образование озоновых дыр чревато для людей, иных живых организмов и их существования. Беспроблемно проникающая ультрафиолетовая солнечная радиация проникает в воды, уничтожая местную флору и фауну³. Опасно подобное влияние и для человека, который подвергается радиационному воздействию, повышая риск развития онкологических заболеваний.

Образование озоновых дыр и иное ослабление своего рода природного «барьера» от негативного космического влияния преимущественно осуществляется за счёт антропологического

1 Венская Конвенция «Об охране озонового слоя» (принята в г. Вена 22.03.1985) // СПС Гарант. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10600103/> (дата обращения: 29.11.2023).

2 Озоновая дыра и наука // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/observances/ozone-day/science> (дата обращения: 29.11.2023).

3 Ozone hole UV impacting marine life: study // The University of Western Australia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.news.uwa.edu.au/archive/201207264841/climate-science/ozone-hole-uv-impacting-marine-life-study/> (дата обращения: 29.11.2023).

влияния и в особенности оно ощущалось во второй половине 20 века, когда отмечается форсированное промышленное развитие многих стран. В промышленности и быту начинают использовать не до конца изученные вещества, которые как уже позже оказалось, оказывают крайне негативное воздействие на состояние озонового слоя.

Речь идёт об использовании фреонов, хлора, бромистого метила, галогенсодержащих веществ, хлорфторуглеродов и иных веществ, разрушающих молекулы озона. Они широко использовались и продолжают использоваться (хоть икратно меньше) для заправки холодильников и кондиционеров, огнетушителей, аэрозолей, в целлюлозной промышленности и производстве пластмассы, в сельскохозяйственной отрасли, в целях очистки воды и отходов, а также для производства пен и растворителей.

Лишь после более чем пол столетия активного и широкого использования по всему миру этих продуктов и веществ, разрушающих озоновый слой, учёные сделали выводы о серьёзных угрозах современному миру в том случае, если государства не предпримут меры для минимизации использования реагентов, разрушающих озоновый слой и не реализуют мероприятия по его восстановлению.

Соответствующее научное открытие стало импульсом для международно-правовых изысканий в данном направлении и в конечном итоге основой для принятия Венской конвенции «Об охране озонового слоя» и Монреальского протокола к ней, в содержании которого были изложены продукты и вещества, запрещённые к промышленному производству и отмечены альтернативные варианты. Монреальский протокол⁴, вступивший в силу в 1989 году, представляет собой пример надлежащего и эффективного международного ответа на глобальную экологическую угрозу разрушения озонового слоя. В 2009 году он стал первым протоколом в истории Организации Объединённых Наций, который был ратифицирован 196 государствами [2, с. 159].

Все подписавшие данную Конвенцию и Протокол присоединялись к условиям нераспространения деструктивных химических и биологических веществ и их соединений, и, более того, обеспечивали финансовые взносы в Многосторонний фонд, который затем распределял и продолжает распределять денежные средства государствам, на территории которых имеются наиболее сильные проблемы с озоновым слоем. Справедливо отметить, что принятие данного международного соглашения действительно повлияло на снижение антропологического деструктивного влияния на озоновый слой. Полное прекращение производства хлорфторуглеродных газов произошло в 2010 году, и, по оценкам научного сообщества, озоновый слой должен вернуться в состояние 1980 года между 2055 и 2065 годами. Необходимо отметить, что все же этот успех остаётся скорее исключительным. Он, несомненно, объясняется в том числе и благоприятным экономическим контекстом [там же].

В данной сфере правоотношений имеются и современные сложности обеспечения механизма международно-правовой охраны озонового слоя. Первый из них – установление системы исследования и систематического наблюдения за состоянием озонового слоя исключительно на национальном уровне.

В истории деятельности Конференции Сторон (основной орган стран, подписавших Венскую конвенцию «Об охране озонового слоя»), регистрировались неоднократные случаи подмены реальных данных о влиянии стран на атмосферу на такие фиктивные сведения. Ещё на рубеже 2000-ых годов фиксировались случаи производства запрещённых Монреальским протоколом веществ на территории Российской Федерации и их сбыта в страны Европейского Союза. В 2018 году было зафиксировано значительное превышение значительного влияния стран Восточной Азии, а в 2019 году в ходе внешнего расследования установлено использование Китаем большого количества фреона-11, самого опасного газа этого типа⁵.

Отсутствие международного органа с функциями контроля и надзора, а также возможностью проведения международных расследований на предмет нарушений положений Венской конвенции «Об охране озонового слоя» и Монреальского протокола к ней, влечёт за собой возможность значительного превышения деструктивного влияния на озоновый слой многими государствами, умышленно занижая итоговые значения до установленных международным соглашением пределов.

Вторая проблема видится в актуальности существующей системы измерения негативного воздействия на озоновый слой. Если быть точнее, то Венской конвенцией «Об охране озонового слоя» и Монреальским протоколом к ней не установлен единый подход к измерению промышленного воздействия стран и отдельных организаций. Председатель общественного совета при Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Петров В. по данному вопросу вовсе отмечает: «данные фактического химического воздействия и такие данные, отражающиеся в докладах стран, отличаются, и становится совершенно очевидной научная несостоятельность теорий о разрушении озонового слоя, механизмов и в конечном итоге самого Монреальского протокола»⁶.

Очевидна и проблема международно-правовой ответственности за нарушение требований охраны озонового слоя, поскольку такие меры и механизмы привлечения к ответственности попросту не предусмотрены отмеченными ранее соглашениями. В конечном итоге, возложение ответственности за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с веществами, разрушающими озоновый слой – это исключительно внутринациональная прерогатива отдельных государств. В Российской Федерации до 2019 года вовсе отсутствовал специальный состав за нарушение в данной сфере правоотношений, а после введения нового состава правонарушения (8.2.1 КоАП РФ) была предусмотрена ответственность преимущественно в виде штрафа, которая, по нашему мнению, несоразмерна сущности оказываемого вреда. Так, штраф для граждан составляет от 1 тыс. руб. до 2 тыс. руб., для должностных лиц от 10 тыс. руб. до 30 тыс. руб., а для юридических лиц от 100 тыс. руб. до 250 тыс. руб.⁷

Считаем, что такие штрафы от нескольких тысяч до пары сотен тысяч рублей несоразмерны тем многомиллиардным затратам (в среднем около 3,5-4 млрд. долл. США в год), которые ежегодны осуществляет Многосторонний Фонд в целях восстановления озонового слоя.

Подводя итоги исследованию, нельзя не отметить, что принятие Венской конвенции «Об охране озонового слоя» и соответствующих мер реагирования со стороны присоединившихся государств буквально способствовало предотвращению мировой экологической катастрофы. В то же время выявленные правовые, организационные и политические сложности обеспечения механизма международно-правовой охраны озонового слоя не позволяют обеспечить гармоничную, эффективную и сплочённую борьбу государств в решении трансграничной экологической проблемы.

Пристатейный библиографический список

1. Ермола М. С., Червяковская Е. Г. Юридическое понятие озонового слоя // Современные условия интеграционных процессов в науке и образовании: Сборник статей по результатам Международной научно-практической конференции, Казань, 21 апреля 2023 года. - Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2023. - С. 110-112.
2. Юсупова З. А., Мухаметгареева Н. М. On the Issue of the Effectiveness of International Environmental Law // Правовое государство: теория и практика. - 2020. - Т. 4 (62). Часть 2. - С. 157-164.
3. Долгий путь к полному восстановлению // ТАСС. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/16874701> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // Российская газета. - 31.12.2001. - № 256.
5. The Montreal Protocol on Substances That Deplete the Ozone Layer // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 12.11.2023).
6. Китай создает новую угрозу для озонового слоя, заявили химики // РИА. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ria.ru/20190522/1554818219.html?in=t> (дата обращения: 01.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-43-44

ТУЛУПОВА Елена Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

ДЕМИДОВА Татьяна Константиновна

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: СЛОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время международное право испытывает огромные сложности. Нормы данной отрасли игнорируются рядом стран, многие из действующих норм трактуются в угоду сильного, придавая им двойное значение. Базовые принципы – основа всех международных контактов, самым серьезным образом нарушаются или просто игнорируются. Все это, несомненно, приводит к дестабилизации на международной арене. А между тем, международное право – это лишь инструмент, и он должен находиться в руках тех, кто знает, как им правильно пользоваться, не нарушая при этом прав остальных субъектов международных отношений.

Ключевые слова: международное право, проблемы, перспективы, вызовы, принципы и нормы.

TULUPOVA Elena Olegovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Ufa University of the Sciences and Technology

DEMIDOVA Tatyana Konstantinovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Ufa University of the Sciences and Technology

INTERNATIONAL LAW: DIFFICULTIES OF APPLICATION AT THE PRESENT STAGE

Currently, international law is experiencing enormous difficulties. The norms of this industry are ignored by a number of countries; many of the existing norms are interpreted in favor of the powerful, giving them double meaning. Basic principles - the basis of all international contacts - are seriously violated or simply ignored. All this undoubtedly leads to destabilization in the international arena. Meanwhile, international law is only a tool and it should be in the hands of those who know how to use it correctly, without violating the rights of other subjects of international relations.

Keywords: international law, problems, prospects, challenges, principles and norms.

Нормы международного права зародились давно. В связи с чем многие ошибочно полагают, что международное право – это закостенелая отрасль, нормы и принципы которой складывались на протяжении многих десятилетий и, не подвергались изменениям. Однако, новые вызовы, с которыми столкнулся мир – пандемия, глобальные экономические кризисы, вооруженные конфликты доказывают обратное.

В последние годы нормы международного права все чаще стали подвергаться сомнению. Если абстрагироваться и посмотреть на то, что сегодня происходит в мире, несомненно, можно задаться вопросом, как одновременно могут существовать нормы международного права и ужасающие международные нарушения? Суть данных рассуждений спрятан в самом восприятии международного права как чего-то глобального, нерушимого, того, что в свою очередь, явно завышает ожидания от действующей системы международно-правовых норм. Подобные ожидания, зачастую, приводят к разочарованию. Ситуацию также подогревает множество обывателей, которые считают международное право в современном мире весьма популярной темой для дискуссий, не понимая, что тем самым, они фактически дискредитируют международное право, как фундаментальную отрасль права.

Международное право отличается определенными закономерностями, соотношение которых образуют критерии прогрессивного значения принципов и норм отрасли. В связи с чем, необходимо отметить базовый принцип универсальности норм международного права. Означающий, что все государства, участники международных отношений, являются

равными субъектами, в независимости от численности населения, экономических возможностей, площади государства, политической мощи и т.п., все они должны исполнять основополагающие принципы и нормы международного права. Вместе с тем право не будет представлять никакого смысла, если не будут работать его нормы.

Не стоит также забывать, что развитие международного права является объективным процессом, на который оказывают влияние различные факторы: участие государств в деятельности международных организаций, формирование внешней политики в собственных интересах и т.п. Указанные факторы не всегда одинаковы, они не являются общими, а напротив, формируются применительно к конкретным областям права. Следовательно, отдельные отрасли международного права, испытывая на себе влияние тех или иных факторов, будут развиваться по-разному. Для примера можно соотнести, казалось бы, закостенелое морское право, и более динамично развивающееся экономическое право. Взаимодействие государств в ряде международных организаций, четко демонстрируют интерес мирового сообщества к двусторонним и многосторонним контактам в сфере экономики.

Понимание современного международного права базируется на его системе обязательных норм и принципов, которые признаются субъектами отрасли в качестве источников, и вместе с тем, являющихся общеобязательными критериями легального, правомерного дозволенного и юридически недозволенного поведения субъектов. И посредством которых, юридические нормы осуществляют управление и контроль

международного сотрудничества на различных уровнях и в различных областях. А также осуществление принудительных норм, направленных на соблюдение норм международного права.

Государства, стремясь к международному сотрудничеству считали необходимым соблюдать нормы и принципы международного права, неукоснительно следовать им, не допуская их двоякого толкования. Огромную роль в становлении, разработки и принятию норм международного права играли и играют международные организации.

Первым опытом в это связи можно считать образование в 1919 году универсальной организации – Лиги Наций [1]. Процесс ее образования был долог и трудоемок, государства долго приходили к общему знаменателю, определяя цели и основные направления деятельности новой международной организации. Но, как показала практика, государства не были открыты в своих намерениях, пытались оставить за собой возможность действовать самостоятельно, не в интересах всего международного сообщества, в связи с чем, опыт учреждения нового международного субъекта, в виде международной организации, оказался печален. Не для кого не секрет, что Лига Наций, не справившись с возложенными на нее функциями, не только перестала существовать, но и поставила многие государства на порог мировой войны. В последующем, столкнувшись с огромным числом невинных жертв, разорением экономик, потерей собственной государственности, страны учредили Организацию Объединённых Наций, как платформу всестороннего сотрудничества, взаимодействия и решения всех глобальных проблем человечества. Но вместе с тем, международная организация, какой бы сильной и влиятельной она не была, это всего лишь объединение, созданное государствами в угоду продвижения своих целей. Она не выступает в качестве полицейского органа, который, вопреки суверенитету государств, может заставить их поступать так или иначе.

Сегодня, необходимость и эффективность существующих международно-правовых норм и принципов ставится под сомнение, учитывая, что современный мир испытывает огромное число вызовов, стремительных изменений. Такие явления как глобализация, интеграция – должны приводить мировое сообщество к порядку, а не наоборот.

На сегодняшний день, Организация Объединённых Наций, учрежденная в 1945 году, подвергается всесторонней критике. Принятые под ее эгидой нормы, не соблюдаются рядом стран, трактуются в угоду своей выгоде, что, несомненно, приводит к полнейшей дестабилизации в мире. Вспыхнувший недавно вооружённый конфликт между Израилем и Палестиной, фактически стер границы между принципами государства на самооборону, проведения различия и другие.

Уставные нормы Организации либо не выполняются вовсе, либо имеют весьма вольную трактовку в интересах незначительного числа стран. Базовые принципы международного права перестают быть таковыми. Но ведь не стоит забывать, что международное право это всего лишь инструмент, и он должен находиться в руках тех, кто знает, как им правильно пользоваться, не нарушая при этом прав остальных субъектов международных отношений. Государства, стремясь к гегемонии в мире, преследуют исключительно собственные цели, действуют в одностороннем порядке, трактуют нормы международного права в угоду своей выгоде. Забывая при этом, что действуя не конструктивно, единолично, не эффективно, ставят международное сообщество на порог очередного кризиса.

Россия, многократно оглашая свою позицию, неоднократно указывала на продвижение общей позиции в защиту Устава ООН, отмечая рост числа дружественных государств, разделяющих позицию РФ. Российская Федерация настаивает на том, что чтобы все страны соблюдали ключевые принципы международного права, зафиксированные в Уставе ООН, которые самым серьезным образом нарушаются или просто игнорируются рядом стран.

Вместе с тем, говорить об эффективности или неэффективности норм современного международного права неправильно. Могут меняться основные векторы международной политики, приоритетные направления сотрудничества, но это никак не означает, невозможность сотрудничества в соответствии с нормами международного права.

Необходимо помнить, что, изменяя понимание норм международного права, меняется и его содержание.

Российская Федерация всегда говорила и говорит о необходимости строго следовать взятым на себя обязательствам, не допуская вольного толкования норм международного права, идти на открытый диалог со своими оппонентами. В этой связи можно вспомнить недавнее турне министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова на Африканский континент. Россия не стала в одностороннем порядке пользоваться благами стран Африканского континента, так как это делали на протяжении многих лет другие государства, а предложила взаимовыгодное сотрудничество, приносящее дивиденды обеим сторонам. Многие отмечают, что Россия последовательно укрепляет свои позиции в Африке¹. Так, например я оказывает поддержку Судану². В государстве произошла смена правящей власти, сегодня во главе находится суверенный Совет. Поддержка РФ благотворно влияет на нормализацию политической ситуации в стране, Россия также поддерживает Республику на международной арене. И это далеко не единичные примеры.

Хочется верить, что усилия, предпринимаемые нашим государством, не позволят современному международному праву быть только ширмой для продвижения позиций и интересов отдельных государств.

В заключении можно констатировать, что современное международное право сталкивается со значительным количеством вызовов и угроз, которые требуют адекватного реагирования всего мирового сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Право международных организаций: учебник для вузов / А. Х. Абашидзе [и др.]; под редакцией А. Х. Абашидзе. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 565 с. — (Высшее образование).

1 История отношений СССР и России со странами Африки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tass.ru/info/16859209?ysclid=lqdxodfnq2797139788> (дата обращения: 20.12.2023).

2 Африканские встречи. О визите С. В. Лаврова в Африку. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2797?ysclid=lqdxgycjz700724046> (дата обращения: 20.12.2023).

БАТУРИНА Елена Викторовна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье изучены вопросы возникновения в международных правоотношениях категории «общее пространство безопасности», а также связанных с ней понятий применительно к сотрудничеству государств-участников Европейского союза (ЕС) в сферах, имеющих наиболее важные общие интересы. Исследовано развитие интеграционных процессов в целях повышения эффективности деятельности органов полиции, юстиции, правосудия в целях формирования общего пространства безопасности ЕС.

Кроме того, в статье выявлены предпосылки и тенденции по формированию общего пространства безопасности на постсоветском пространстве. В этой связи исследованы вопросы создания системы региональной коллективной безопасности СНГ. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения совместной безопасности России и республик Абхазия и Южная Осетия.

Ключевые слова: общее пространство безопасности, интеграция, пространство свободы, правосудие, региональная безопасность, гармонизация национального законодательства, сотрудничество, баланс интересов.

BATURINA Elena Viktorovna

adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

INTERNATIONAL LEGAL AND INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE CONCEPT OF FORMING A COMMON SPACE SECURITY AT THE REGIONAL LEVEL

The article examines the issues of the emergence in international legal relations of the category «common space security», as well as related concepts in relation to cooperation between member states of the European union (EU) in areas that have the most important common interests. Development researched integration processes in order to improve operational efficiency police authorities, justice, justice in order to create a common security space EU.

In addition, the article revealed prerequisites and trends for the formation of a common security space in post-Soviet space. In this regard, the issues of creating systems regional collective security of the Commonwealth of Independent States. Particular attention is paid to the problem of ensuring joint security of Russia and the republics of Abkhazia and South Ossetia.

Keywords: common security space, integration, space of freedom, justice, regional security, harmonization of national legislation, cooperation, balance interests.

Термин «общее пространство безопасности» в международном праве впервые был введен Амстердамским договором о внесении изменений в Договор о Европейском союзе¹, учредившим пространство свободы, безопасности и правосудия в масштабах Европейского Союза.

Формирование пространства свободы, безопасности и правосудия было обусловлено стремлением государств-участников ЕС к достижению высокого уровня охраны законности и правопорядка в рамках Союза.

В 1999 году после вступления в силу Амстердамского договора совместная компетенция ЕС и государств-членов, в частности, стала распространяться на рассмотрение следующих вопросов: пограничный контроль, предоставление убежища, иммиграционные процессы; судебное сотрудничество по уголовным и гражданским делам, содержащим трансграничную компоненту; предупреждение и борьба с преступностью.

Таким образом, основная задача Амстердамского договора заключалась в обеспечении использования в условиях безопасности и справедливости и доступных для всех свободы, которая включала в себя право свободно передвигаться по всему Союзу. В этой связи была введена общая стратегия

по осуществлению контроля и принятию мер, касающихся сфер, имеющих наиболее важные общие интересы.

15-16 октября 1999 года в г. Тампере (Финляндия) состоялось специальное заседание Европейского совета, на котором были разработаны меры по повышению уровня интеграции внутренних дел и юстиции. По результатам встречи была утверждена первая из трех пятилетних программ развития общего пространства свободы, безопасности и правосудия – «Программа Тампере»².

Существенный результат «Программы Тампере» заключался в выстраивании диалога между государствами-участниками ЕС и странами-партнерами для эффективного решения задач, связанных с обеспечением безопасности границ ЕС, установлением правил въезда на территорию государств-участников ЕС и осуществлением реадмиссии в целях укрепления безопасности и контроля на внешних границах Европейского союза.

Интенсивная работа по совершенствованию пространства свободы, безопасности и правосудия способствовало созданию к 2005 году различных информационных систем и большого количества организаций, агентств и специализированных групп ЕС, из которых можно выделить основные: Европол, Еврост, ФРОНТЕКС, СЕПОЛ (Агентство ЕС по подготовке кадров правоохранительных органов), совместные следственные команды, европейские сети для содействия

1 Амстердамский договор, изменяющий договор о Европейском союзе, договоры, учреждающие Европейские сообщества, и некоторые относящиеся к ним акты от 1 мая 1999 г. // Официальный сайт ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf>.

2 Tampere european council 15 AND 16 OCTOBER 1999 // Официальный сайт ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm.

трансграничному судебному и уголовно-правовому сотрудничеству [1, с. 281].

Дальнейшему развитию интеграционного процесса в рамках Пространства послужил Лиссабонский договор³, затронувший, прежде всего, компетенцию внутренних дел и юстиции Европейского союза, осуществив формальный переход к полной их коммунитаризации.

Необходимо отметить, что большинство положений Конституции ЕС⁴ были продублированы в тексте Лиссабонского договора, завершив тем самым реформу «третьей опоры», начало которой положил еще Амстердамский договор.

Согласно Лиссабонскому договору Европол помимо координационных функций стал уполномоченным ведомством на проведение следственных и оперативных действий, но при условии их обязательного согласования с национальными властями.

В связи с расширением полномочий Европола потребовалось ввести ряд ограничений, связанных прежде всего с мерами принудительного характера, которые оставались в компетенции государства-участника ЕС, на территории которого осуществлялись следственные или оперативные мероприятия [2, с. 128].

По инициативе испанской стороны в целях борьбы с преступлениями против экономических интересов ЕС, а также имеющими экономический трансграничный характер, Лиссабонским договором в рамках Евроюста была учреждена Европейская прокуратура.

Главная задача нового органа заключалась в проведении расследований и осуществлении судебного преследования за мошенничество с использованием фондов ЕС с причинением ущерба на сумму более 10000 евро, или мошенничество с НДС, с причинением ущерба свыше 10 миллионов евро.

Для наиболее эффективного выполнения задач, возложенных на новую правовую структуру, на местном уровне, в своих соответствующих государствах-членах, были назначены Европейские делегированные прокуроры, которые являются самостоятельными и не зависимыми от национальных властей государства пребывания.

С учетом расширения полномочий полицейских и судебных органов, созданных и функционирующих в масштабах ЕС, чаще стал возникать вопрос о необходимости отставления национальных интересов государств. В этой связи Лиссабонским договором был введен «механизм экстренного торможения», ранее предложенный Ниццким договором.

Суть такого механизма заключается в том, что при рассмотрении какого-либо законопроекта, касающегося правоохранительной сферы, и создающего опасность экзистенциальным основам национального права, любое государство ЕС может потребовать приостановление рассмотрения данного законопроекта и дальнейшего его направления в Европейский совет.

Несмотря на широкий перечень специально созданных в рамках ЕС интеграционных правоохранительных органов и иных структур с наднациональной составляющей, формирование общего пространства свободы, безопасности и правосудия в ЕС в большинстве своем достигается при участии национальных правоохранительных органов [3, с. 85].

Важно подчеркнуть, что вопросы, связанные с расширением и укреплением сотрудничества государств-членов ЕС по борьбе с преступностью, всегда являлись приоритетом Ев-

ропейского союза, что обуславливает создание общего пространства безопасности ЕС экзистенциальным элементом интеграционного проекта.

Необходимость в формировании общего пространства безопасности возникла на постсоветском пространстве, после распада СССР и образования новых независимых государств.

Основными документами, направленными на урегулирование вопросов, связанных с обеспечением региональной безопасности, стали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ)⁵, Протокол к нему⁶, Алма-Атинская декларация⁷ и Устав организации⁸.

В целях противодействия новым вызовам и угрозам на постсоветском пространстве, осуществления руководства Объединенными Вооруженными Силами и группами военных наблюдателей и коллективными силами по поддержанию мира в Содружестве, обеспечения охраны и стабильности на внешних границах государств-членов СНГ, обеспечения взаимодействия в борьбе с преступностью, охране правопорядка были созданы специальные органы, такие как: Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, Главное командование Объединенных Вооруженных Сил, Совет командующих Пограничными войсками, Совет министров внутренних дел, Координационный совет генеральных прокуроров.

Значительным прорывом в совершенствовании системы военной безопасности Содружества стало сотрудничество в рамках Договора о коллективной безопасности⁹.

В Организации коллективного договора были разработаны и внедрены специальные механизмы оперативного реагирования на возникновение вызовов и угроз безопасности. Путем подписания соглашений в рамках Организации Договора о коллективной безопасности была создана система обеспечения безопасности на ключевых стратегических направлениях, таких как Кавказ, Восточная Европа и Центральная Азия.

21 июня 2000 г. в Минске в связи с угрозой распространения на постсоветском пространстве международного терроризма и экстремизма Совет глав государств СНГ принял Решение о создании Антитеррористического центра государств-участников СНГ.

Создано и активно функционирует Бюро по координации борьбы с преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ, основной задачей которого является международное уголовное преследование членов преступных организаций [4, с. 122-123].

В настоящее время СНГ, не являясь специализированной организацией по безопасности, остается надежным и эффективным форматом развития отношений, в котором

3 Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества от 13 декабря 2007 г. (2007/C 306/01)*(1) // Официальный сайт ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn-asylum-and-migration-glossary/glossary/lisbon-treaty_en.

4 Treaty establishing a Constitution for Europe // Официальный сайт ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>.

5 Соглашение о создании содружества независимых государств от 8 декабря 1991 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/1c5d2b9ecc270669c071bd598fa7a97d0f662999/?ysclid=lpvl053kvy29986429.

6 Протокол от 21 декабря 1991 года к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/0c51f2872e9716809dc8f916a083d407793da525/.

7 Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 // Официальный сайт МИД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1701727/?ysclid=lpvlxt46qa591018564.

8 Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/1118251/?ysclid=lpvm2ytb9q326016895>.

9 Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/58162805/?ysclid=lpvm5fcrum108773899>.

государства-участники взаимодействуют исключительно на принципах партнерства, взаимной выгоды и учета интересов друг друга, что обеспечивает возможность конструктивной коммуникации и решения проблем, а также способствует разработке согласованных мер по достижению общих целей и решению международных задач.

Важным элементом успешного диалога в масштабах СНГ стал учет интересов друг друга: каждое государство должно учитывать потребности, цели и ожидания своих партнеров, стремится к поиску взаимовыгодных решений и отказывается от односторонней политики. Такой подход способствовал поддержанию долгосрочного сотрудничества и созданию благоприятных условий для дальнейшего развития государств-участников.

Однако, несмотря на созданную систему региональной коллективной безопасности в масштабах СНГ, грузинская агрессия в августе 2008 года против Республики Абхазия и Республики Южная Осетия не была предотвращена.

В этой связи одним из приоритетов развития союзничества и стратегического партнерства Российской Федерации с республиками Абхазия и Южная Осетия стало формирование общего пространства безопасности.

24 ноября 2014 г. были подписаны Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве¹⁰, а 18 марта 2015 г. – Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции¹¹.

В соответствии с данными договорами формирование общего пространства безопасности включает совместную работу в следующих областях:

- проведение консультаций по вопросам, связанным с безопасностью государств;

- создание Объединенной группировки войск (сил) вооруженных сил Российской Федерации и Республики Абхазия и вооруженных сил Российской Федерации и Республики Южная Осетия в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций и формирование органов управления Объединенной группировкой войск (сил);

- обеспечение совместной защиты и охраны государственной границы Республики Южная Осетия, Республики Абхазия с Грузией, границы морских пространств, на которые распространяются суверенитет, суверенные права и юрисдикция Республики Абхазия, а также полную свободу пересечения абхазско-российской государственной границы с учетом ограничений, устанавливаемых по соображениям безопасности;

- координация деятельности по противодействию организованной преступности и иным опасным видам преступлений.

Ключевым фактором формирования общей системы безопасности Российской Федерации с республиками Абхазия и Южная Осетия является гармонизация национального законодательства, которая выступает залогом успеха интеграционных проектов и углубления межгосударственного взаимодействия.

Подводя итог и проанализировав основные формы и концепции формирования общего пространства безопасности в международном праве, можно прийти к выводу, что работа над вопросами совместной безопасности имеет долгую историю. К настоящему времени сформирован не только

широкий понятийный аппарат, но и существуют общепризнанные концепции и доктрины, что позволяет более глубоко изучать и решать проблемы, связанные с обеспечением безопасности на региональном, а также глобальном уровнях.

Проблематика создания условий безопасности без ограничения прав и свобод в том или ином регионе мира не теряет своей значимости. Более того, в условиях распространения таких угроз, как киберпреступность, терроризм, насилие над детьми в реальном мире и в Интернете, нелегальный оборот наркотиков, в том числе синтетических, организованная преступность, незаконная миграция, а также незаконное распространение химического, биологического, радиологического и ядерного оружия данная тема становится более актуальной.

На сегодняшний день основными препятствиями к реализации стратегии глобальной безопасности является кризис в международных отношениях и существующая конфронтация между странами.

Вместе с тем, учитывая тенденцию формирования многополярного миропорядка, а также происходящие перемены и трансформацию архитектуры международных отношений, создание пространств и систем безопасности безусловно требует диалога и развития взаимовыгодного сотрудничества, основанного на многообразии цивилизаций, где все участники международных отношений стремятся найти баланс сил и интересов, что является фундаментальной основой, гарантирующей безопасность и стабильность каждому государству.

Пристатейный библиографический список

1. Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О. Ю. Потемкиной, Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой. – М.: Весь мир, 2012. – 658 с.
2. Войников В. В. Полицейское и правовое сотрудничество уголовным делам: правовые аспекты // Отношения Россия-ЕС на пороге перемен. Liber Amicorum в честь Профессора Л. М. Энтина. – М.: Изд-во «Аксимум», 2009. – 560 с.
3. Войников В. В. Кризис в Европе и проблема реформирования законодательства в сфере европейского пространства свободы, безопасности и правосудия // Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения / Под ред. А. А. Громыко. – М.: Ин-т Европы РАН, 2013 – С. 82-93.
4. Кобец П. Н. Правовое регулирование сотрудничества правоохранительных органов государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми // Инновационная наука. – 2017. – Т. 2. № 3. – С. 259.

10 Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г. // Официальный сайт Администрации Президента. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783>.

11 Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. // Официальный сайт Администрации Президента. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/4819>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-48-51

BOLOTOVA Altynai Bolotovna
«Far East Golden Bridge Co., Limited»

ANTI-FOREIGN SANCTIONS LAW OF THE PRC IN THE CONTEXT OF US UNILATERAL ECONOMIC SANCTIONS

The pretext of “threats” serves as a justification for the widespread use of unilateral economic sanctions of the USA. China responds to this by enacting the Anti-Foreign Sanctions Law of the People’s Republic of China, ensuring the right to take “countermeasures” as recognized by international law. While achieving some success, there are still pressing issues to be addressed, such as further clarifying the division of enforcement responsibilities and better reconciling the compatibility of countermeasures under this law with China’s international treaty obligations. This article provides a comprehensive analysis of the Anti-Foreign Sanctions Law of the PRC. The document delves into the legal status and authorization of the Anti-Foreign Sanctions Law, outlining its provisions, application scenarios, and the scope of countermeasures.

Keywords: U.S. unilateral economic sanctions, institutional systems, legality, countermeasures, Anti-Foreign Sanctions Law of the People’s Republic of China.

БОЛОТОВА Алтынай Болотовна
«Фар Ист Голден Бридж Ко., Лимитед»

Болотова А. Б.

ЗАКОН КНР О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИНОСТРАННЫМ САНКЦИЯМ В КОНТЕКСТЕ ОДНОСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ США

Предлог «угроз» служит основанием для широкого использования односторонних экономических санкций США. Реакцией Китая на такие санкции стал Закон Китайской Народной Республики о противодействии иностранным санкциям, закрепляющий основания для принятия «контрмер», признанных международным правом. Несмотря на достижение некоторых успехов Китаем, нерешенными остаются такие вопросы, как дальнейшее уточнение разделения ответственности касательно осуществления и согласованности контрмер, предусмотренных этим законом, с международными обязательствами Китая. В статье представлен всесторонний анализ Закона КНР о противодействии иностранным санкциям; рассматривается правовой статус и действие этого закона, приводятся его положения, сценарии применения и объем контрмер.

Ключевые слова: односторонние экономические санкции США, институциональные системы, законность, контрмеры, Закон Китайской Народной Республики об иностранных санкциях.

I. Content of U.S. Unilateral Economic Sanctions

The United States, by broadly interpreting the concept of national security, has been abusing its state power to suppress Chinese companies under the pretext of “involvement with Russia,” implementing unilateral sanctions. However, international law neither explicitly prohibits the implementation of unilateral economic sanctions nor definitively confirms the legality of such measures. Therefore, understanding the operational system of U.S. unilateral economic sanctions, highlighting their illegitimacy, and actively utilizing both international law and domestic law (primarily the Anti-Foreign Sanctions Law) to safeguard China’s and Russia’s legitimate rights and interests holds profound significance.

1. Trade Sanctions

Trade sanctions constitute a major component of U.S. economic sanctions, involving specific measures such as imposing high tariffs, implementing import/export licensing systems for the targeted country, and prohibiting the import or export of certain goods. Moreover, any country is prohibited from exporting products containing U.S. technology or components to the sanctioned country. For instance, the U.S. has imposed tariffs and investment restrictions on products in sectors such as steel, aluminum, aerospace, information technology, and machinery from China. Trade sanctions are considered relatively traditional measures within U.S. unilateral economic sanctions, and the

U.S. increasingly employs financial sanctions leveraging the asymmetry of the U.S. dollar.

2. Financial Sanctions

Financial sanctions aim to impact or alter the behavior of the sanctioned party by restricting the flow of funds. These sanctions include freezing assets, prohibiting financial transactions, imposing lending restrictions and bans, prohibiting the provision of export guarantees and credit, asset freezes, requiring international financial organizations to cease aid to the sanctioned country, imposing sanctions on the banking system, and closing channels to international financial markets. As the U.S. dollar holds a central position in international settlements, facing financial sanctions can result in significant losses and negative impacts on international trade and investment for the sanctioned party. For economically vulnerable countries, such a blow can be devastating. The outbreak of the Ukraine crisis prompted the U.S. to implement severe financial sanctions against Russia, including asset freezes, trade prohibitions, and financing restrictions. Additionally, the U.S. even considered measures to disconnect Russia from the “Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication (SWIFT).” SWIFT connects over 9,000 financial institutions in more than 200 countries globally, and closing this association for the sanctioned party means the closure of the U.S. dollar trade settlement channel. Even for a powerful country like Russia, being excluded from SWIFT without alternative settlement channels would entail terrifying

consequences. After Russia faced U.S. unilateral financial sanctions, approximately \$50 billion was withdrawn from Russia within just two to three months, causing significant turmoil in the Russian stock market and a rapid devaluation of the ruble. This underscores the immense power of financial sanctions [1, p. 41].

3. Treatment Sanctions

Treatment sanctions are also a component of U.S. unilateral economic sanctions and include measures such as visa bans, prohibiting entry into the U.S. and its ports, banning fishing in U.S. waters, and preventing sanctioned country aircraft from refueling or landing at U.S. airports [2].

Trade sanctions are typically implemented as the initial measures, and when they prove insufficient to achieve the desired sanctioning effect, the U.S. may implement financial sanctions to reinforce their impact. Treatment sanctions are relatively less commonly applied compared to the first two methods. In practice, because relying solely on one type of sanction is often insufficient to achieve the intended effect, the U.S. rarely adopts a single, standalone economic sanction but rather combines various measures, including trade sanctions, financial sanctions, and treatment sanctions, to maximize the sanctioning impact. Furthermore, primary sanctions have limited effectiveness, and the U.S. nowadays more frequently employs secondary sanctions, expanding the scope of sanctions to third parties, to enhance the effectiveness of unilateral economic sanctions.

II. U.S. Unilateral Economic Sanctions and the Principle of Non-Intervention

The principle of non-intervention is one of the seven basic principles of the UN Charter and is an essential principle in international law. It explicitly outlines the obligations that each international entity must bear in the form of basic principles of international law. The UN Charter states, "Nothing contained in the present Charter shall authorize the United Nations to intervene in matters that are essentially within the domestic jurisdiction of any state or shall require members to submit such matters to settlement under the present Charter." In simple terms, sovereign states have the right to independently determine their domestic affairs without interference from other countries.

Regarding the scope of "domestic affairs," the UN Charter does not explicitly define it. However, it is generally understood that the connotation of "domestic affairs" is closely related to national jurisdiction. The principle of jurisdiction determines that a country's domestic affairs are defined from multiple dimensions. Therefore, it is considered that "domestic affairs" encompass political, economic, cultural, diplomatic, and other matters within a country's sovereign scope [3, p. 59]. Actions such as determining national policies, economic systems, establishing foreign relations, entering into treaties, and participating in international organizations are all considered domestic affairs. Domestic affairs are not limited to territorial boundaries; anything fundamentally within a country's jurisdiction is termed domestic affairs.

The term "intervention" in the UN Charter has a broad meaning, including not only military intervention but also economic sanctions, diplomatic means, and other forms. Its purpose is to regulate various increasing forms of intervention in international relations. The Okeamoa Law explicitly prohibits interference in most cases, and the prohibition of "intervention" is an inevitable result of the sovereignty and territorial integrity

of each country. The essence of intervention lies in one country's coercive interference in the affairs of another country, intending to impose certain actions or consequences on that country. Pure intervention does not constitute interference; only coercive and compelling interventions constitute interference, and to some extent, it must actually deprive the intervened country of control over the matter. Besides military actions, coercive economic or political measures can also constitute interference. This article argues that legitimate unilateral economic sanctions should be motivated by the defense of legitimate interests and the implementation of international order. If motivated by illegitimate purposes, such as attempting to change the system and policies of the sanctioned country, unilateral economic sanctions that pressurize the political, economic, cultural systems, and foreign policies of the sanctioned country will violate the principle of non-intervention. Moreover, some scholars consider the existence of international legal rights and obligations between the sanctioning country and the sanctioned country as an important criterion for judging whether the implementation of unilateral economic sanctions violates the principle of non-intervention. If the sanctioned country has committed harmful acts against the sanctioning country, a rights and obligations relationship arises, and the sanctioning country's adoption of unilateral economic sanctions to protect its interests does not violate the principle of non-intervention.

In recent years, China's international status has risen with rapid economic development, threatening the U.S.'s international hegemony. However, China's economic development does not constitute aggression against the U.S. China has not created a legal obligation to the U.S. through any aggressive acts.

III. U.S. Unilateral Economic Sanctions and GATS Provisions

Article 17.3 of GATS concerns "national treatment" and explicitly states that "any advantage granted by a Member to its own services or service providers that is inconsistent with the treatment accorded to like services or service providers of any other Member shall be treated as less favorable treatment." U.S. financial sanctions against banks in sanctioned countries have effectively placed U.S. banks in a more advantageous position compared to banks in the sanctioned countries. Therefore, the financial sanctions imposed by the U.S. on banks of the sanctioned countries violate the national treatment under GATS. The banking sector, being a vital channel for the implementation of financial sanctions, is inevitably subject to the constraints of GATS rules [4, p. 156].

IV. U.S. Unilateral Economic Sanctions and DSU Rule 23

Rule 23 of the Dispute Settlement Understanding (DSU) explicitly strengthens the multilateral system, prohibiting member countries from seeking confirmation and remedies outside the DSU regarding whether another member violates WTO rules or the rights of the complaining party. Section 301 of the U.S. Trade Act conflicts most notably with DSU Rule 23. This provision exhibits a pronounced unilateralist tendency, allowing the U.S. to bypass the DSU process and implement unilateral economic sanctions. The U.S. act of implementing unilateral economic sanctions by circumventing the DSU process violates the provisions of DSU Rule 23, which emphasizes the enhancement of the multilateral system. This article contends that DSU Rule 23 aims to prevent the misuse of unilateral economic measures, preventing unnecessary harm to other countries. Therefore, in the event of a dispute, it should first be submitted to the DSU process,

and unilateral economic sanctions should be implemented within defined limits only after obtaining DSU authorization.

V. Legal Status and Authorization of the People's Republic of China Anti-Foreign Sanctions Law

The Anti-Foreign Sanctions Law, approved by the Standing Committee of the National People's Congress, is enacted according to the constitution, providing clear legal authorization at the national legislative level for relevant departments such as the Ministry of Foreign Affairs to take countermeasures against individuals and organizations based on actual circumstances. The law consists of sixteen articles, presenting concise content with distinctive features. Besides reaffirming China's basic diplomatic policies and principled positions, the law mainly specifies the circumstances and targets of countermeasures, establishes coordination mechanisms for countermeasures and counter-sanctions, and outlines the obligations of relevant organizations and individuals. Unlike previously enacted countermeasure regulations such as the Ministry of Commerce's "Unreliable Entity List Provisions" and "Blocking Measures," which are lower-tier departmental regulations with limited effectiveness, the Anti-Foreign Sanctions Law provides a higher-level legal basis for future countermeasures in China. Article 6 of the law enumerates various countermeasures that relevant State Council departments can take, including entry restrictions, asset freezes, and trade bans, which are measures that the Ministry of Foreign Affairs has already implemented.

The implementation of sanctions and counter-sanctions through legislative means is not uncommon in the international community. As mentioned earlier in this article, U.S. sanctions are based on national legislation, with the President issuing executive orders declaring sanctions and authorizing relevant departments to formulate specific sanction lists. The EU's blocking legislation also employs the highest level of EU law, "Regulation," which is universally applicable and similar in rank to domestic laws in China. Once effective, regulations become domestic laws in all member states without requiring additional measures by member states' domestic legislative bodies. In June 2018, Russia signed and passed the "Law on Measures of Impact (Counteraction) against Unfriendly Actions of the United States and Other Foreign Countries," aimed at protecting Russia's interests, security, sovereignty, territorial integrity, and the freedom and rights of its citizens.

Simultaneously, the Anti-Foreign Sanctions Law authorizes relevant State Council departments to suspend, modify, or cancel countermeasures when the circumstances on which the countermeasures are based change. The announcement of countermeasure lists and the determination, suspension, modification, or cancellation of countermeasures will be publicly announced by the Ministry of Foreign Affairs or other relevant State Council departments. To facilitate coordinated action, mutual cooperation, and information sharing among relevant departments, Article 10 of the Anti-Foreign Sanctions Law establishes a mechanism for coordinating the work against foreign sanctions, responsible for overall coordination.

Understanding the scope of a law is crucial in anticipating the key points of its impact on businesses or individuals. This article contends that the scope of the People's Republic of China Anti-Foreign Sanctions Law involves three different aspects: first, the situations in which the law is applicable; second, the scope of application of countermeasures; and third, the range of organizations and individuals obligated to fulfill duties under the Anti-Foreign Sanctions Law.

(1) Application Scenarios of the Anti-Foreign Sanctions Law:

According to Article 3, Paragraph 2 of the Anti-Foreign Sanctions Law, China has the right to adopt corresponding countermeasures when a foreign country violates international law and basic norms of international relations, uses various excuses or relies on its domestic laws to suppress or oppress China, discriminates against Chinese citizens or organizations through restrictive measures, or interferes in China's internal affairs. The article lists four conditions separated by commas, namely "violating international law and basic norms of international relations," "suppressing or oppressing China under various excuses or based on its domestic laws," "discriminating against Chinese citizens or organizations through restrictive measures," and "interfering in China's internal affairs." While the law does not explicitly state that all four conditions must be met simultaneously, the legislative intent seems to provide broad legal authorization for China's countermeasures. Therefore, a lenient interpretation is favored, suggesting that it may not be necessary for all four conditions to be simultaneously fulfilled.

The critical term in both the application scenarios and applicable objects is "discriminatory restrictive measures." Although the Anti-Foreign Sanctions Law does not define discriminatory restrictive measures, it is clear that their scope is broad. Broadly speaking, discriminatory implies unequal treatment. In the context of this law, discriminatory restrictive measures can be understood as unilateral sanctions directly targeting Chinese citizens and organizations, referred to as primary sanctions, as opposed to the secondary sanctions primarily addressed in the Blocking Measures. This viewpoint is supported by the head of the NPC Legislative Affairs Commission, who confirmed during a press conference that the purpose of enacting the Anti-Foreign Sanctions Law is to counter, fight, and oppose the so-called unilateral sanctions imposed by foreign countries on China.

Additionally, Article 15 of the Anti-Foreign Sanctions Law states, "For actions by foreign countries, organizations, or individuals that harm China's sovereignty, security, and development interests and require necessary countermeasures, relevant provisions of this Law shall apply." This provision is likely intended to serve as a safety net for the circumstances specified in Article 3. In the future, other foreign laws, measures, and actions beyond primary sanctions, including secondary sanctions, may be subject to relevant provisions of the Anti-Foreign Sanctions Law.

(2) Scope of Application of Countermeasures: Not Applicable to Hong Kong Currently:

Previously, the Blocking Measures were departmental regulations and did not apply to Hong Kong. The Anti-Foreign Sanctions Law does not explicitly state whether its scope includes Hong Kong. Considering China's legislative and official document terminology, unless expressly indicated, the implementation scope generally excludes the Hong Kong and Macau regions. For example, the Chinese Ministry of Foreign Affairs announced countermeasures against a certain country with the statement: "Prohibit relevant individuals and their immediate family members from entering (including Hong Kong, Macau)."

According to Article 18 of the Hong Kong Basic Law, national laws of a general nature, except those listed in Annex III, are not applied in the Hong Kong Special Administrative Region (SAR). Any law listed in Annex III, limited to matters outside the autonomy of the SAR as specified in the Basic Law, needs to be included before it can be implemented in Hong

Kong. Theoretically, the Anti-Foreign Sanctions Law must be listed in Annex III of the Hong Kong Basic Law before it can be implemented in Hong Kong. Among the three types of countermeasures listed in the Anti-Foreign Sanctions Law, the possibility of implementing entry restrictions in Hong Kong seems more likely, while the implementation difficulty of measures such as confiscating, seizing, freezing assets, and prohibiting transactions may be higher.

(3) Range of Organizations and Individuals Obligated to Fulfill Duties under the Anti-Foreign Sanctions Law:

Articles 11 and 12 of the Anti-Foreign Sanctions Law respectively specify two categories of obligations for relevant organizations and individuals. On one hand, organizations and individuals within China (excluding Hong Kong and Macau) are required to implement countermeasures adopted by relevant State Council departments. On the other hand, any organization or individual, regardless of whether they are within China, is prohibited from implementing or assisting in the implementation of discriminatory restrictive measures taken by foreign countries against Chinese citizens or organizations. The scope of entities fulfilling these two categories of obligations differs. The entities obligated to implement countermeasures are organizations and individuals within China, while those obligated not to implement or assist in implementing discriminatory restrictive measures include both entities within China and foreign organizations and individuals.

(4) Consequences of Violation

According to Articles 11 and 14 of the Anti-Foreign Sanctions Law, there are two consequences for violating the obligation to “implement countermeasures adopted by China”: Firstly, for organizations and individuals within China, the relevant State Council departments can take lawful measures to handle, restrict, or prohibit their related activities. Secondly, for any organization and individual failing to implement or cooperate with the implementation of countermeasures, legal responsibilities can be pursued. Although Article 14 uses the phrase “any organization and individual,” theoretically not excluding the possibility of including foreign organizations and individuals, the entities obligated to implement countermeasures under Article 6 are generally organizations or individuals within China according to current Chinese practices. However, considering the safety net in Article 6 and the use of “any organization and individual” in Article 14, there is some imaginative space for including foreign organizations and individuals in the future, although this could give rise to other corresponding legal issues. Nevertheless, this is a topic for another discussion.

Article 12 of the Anti-Foreign Sanctions Law states that for violations of the obligation “not to implement or assist in implementing foreign discriminatory restrictive measures” that infringe upon the legitimate rights and interests of Chinese citizens or organizations, Chinese citizens and organizations can file lawsuits in people’s courts according to the law, demanding the cessation of infringement and compensation for losses. In contrast to the previous category of obligations, for violations of this type of obligation, the Anti-Foreign Sanctions Law only mentions resolution through civil litigation and does not specify the pursuit of legal responsibilities by public authorities. However, does this mean that the relevant administrative authorities are not authorized to take punitive measures in cases of violation? Although not listed as a direct consequence of violating obligations, from a textual analysis perspective, organizations and individuals

within China who implement or assist in implementing foreign discriminatory restrictive measures may fall within the scope of entities specified in Article 4 as subjects for countermeasures. In other words, even though the possibility is small, organizations and individuals within China implementing or assisting in implementing foreign discriminatory restrictive measures could be considered as directly or indirectly implementing such measures and thus be included in the countermeasure list or subjected to countermeasures. Of course, it cannot be ruled out that relevant authorities may issue new regulations based on the authorization in Article 13 in

Additionally, Article 13 of the Anti-Foreign Sanctions Law stipulates that relevant administrative regulations and departmental rules may specify other necessary countermeasures against actions that harm China’s sovereignty, security, and development interests. It can be anticipated that future administrative regulations and departmental rules related to counter-sanctions will likely draw legal authorization from this provision.

Conclusion

From being passively subjected to U.S. sanctions to the gradual implementation of the Anti-Foreign Sanctions Law, China continues to draw lessons from the harsh international competition, strategically advancing its knowledge in foreign-related legal governance. The purpose of critically studying the U.S. unilateral economic sanctions system is not a final goal but a necessary phase in safeguarding China’s legitimate interests. On one hand, it involves a critical examination of the U.S. legal system. When analyzing the legitimacy of U.S. unilateral economic sanctions, it is crucial to transcend the limitations of U.S. domestic law, avoiding the use of the U.S. system as the sole measure for evaluating its actions. On the other hand, it requires a candid acknowledgment of the shortcomings in Chinese law, prompting self-improvement. This includes clarifying the enforcement authority under the Anti-Foreign Sanctions Law and addressing compatibility issues between the countermeasures under this law and China’s international treaty obligations. These issues encompass, but are not limited to, the compatibility of countermeasures with WTO rules and the compatibility of countermeasures with bilateral investment treaties concluded by China. This area awaits further research in the future.

Bibliography

1. Ma Xin, Xu Zhaoying: “U.S. Financial Sanctions on Russia”, *“American Studies”*, Issue 5, 2015. (马鑫、许钊颖: “美国对俄罗斯的金融制裁”, 《美国研究》, 2015年第5期).
2. U.S. International Trade Commission, “Overview and Analysis of Current US Unilateral Economic Sanctions. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.usitc.gov/publications/docs/pubs/332/PUB3124>.
3. Li Bojun: “Research on the Principle of Non-Interference in Internal Affairs - Analysis of International Law and International Relations”, PhD thesis of Wuhan University, April 2005) (李伯军: “不干涉内政原则研究——国际法与国际关系分析”, 武汉大学博士论文, 2005年4月).
4. Peng Yue: “Security Exception Issues in the Sino-US Trade War”, *“Journal of Wuhan University”*, Issue 1, 2019 (彭岳: “中美贸易战中的安全例外问题”, 《武汉大学学报》, 2019年第1期).

ГУ Вэньшо

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Гу Вэньшо

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ О ДЕНОНСАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ

На материале настоящих судебных дел по решению вопросов о денонсации автор представляет исследование о разрешении споров о денонсации в международных договорах. С помощью анализа правовых позиций автор изучает статьи 71 и 72 Конвенции МЦУИС и уделяет особое внимание разрешению двусторонних инвестиционных договоров как главному примеру возможности разрешения конфликтов. Автор анализируются подходы трибуналов и комментаторов после денонсации в случае двусторонних инвестиционных договоров, рассмотрение международными судами исков, поданных в период между денонсацией договора государством и датой выхода из него. С помощью методов познания судебной практики, а также применения судебной практики автор рассматривает решение Международного суда ООН по территориальному и морскому спору Никарагуа против Колумбии, денонсацию Американской конвенции Тринидадом денонсацию Венесуэлой, а также ее последствия для обязательств Венесуэлы по Конвенции, компетенции Комиссии и юрисдикции Суда. Автор приходит к следующим выводам. Существуют значительные различия в подходах трибуналов и комментаторов к вопросам согласия на МЦУИС и юрисдикции после отказа от нее. В случае двусторонних инвестиционных договоров необходимо рассмотреть предмет инвестиционного соглашения, прежде чем будет достигнуто заключение для разрешения спора. В любом случае спор должен быть разрешен до истечения срока действия двустороннего инвестиционного договора. В случае с Тринидадом и Тобаго в соответствии с предыдущими решениями суда, после расторжения международного договора данными странами суд сохраняет юрисдикцию по рассмотрению дел, возникающих из фактов, имевших место до даты вступления в силу денонсации. В случае с Венесуэлой автор приходит к выводу, что после вступления денонсации в силу, Венесуэла останется связанной обязательствами по Конвенции. По результатам исследований судебных дел, автор заключает, что денонсирующее государство в отношении нарушения договора, произошедшего до вступления денонсации в силу, в любом случае обязано выполнить решение суда и отчитаться о выполнении решения суда о временных мерах.

Ключевые слова: двусторонние инвестиционные договоры, Венская Конвенция, международный договор, денонсация.

GU Wensho

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

RESOLUTION OF DENUNCIATION DISPUTES IN INTERNATIONAL TREATIES

Based on the analysis of actual court cases regarding denunciation, the author presents a study on the resolution of disputes related to denunciation in international treaties. By examining the legal positions, the author focuses on the resolution of disputes in bilateral investment treaties as the main example of conflict resolution. The author analyzes the approaches of tribunals and commentators after denunciation in the case of bilateral investment treaties, the consideration of claims by international courts filed between the denunciation of the treaty by a state and the date of its withdrawal. Using methods of studying judicial practice and applying case law, the author examines the decision of the International Court of Justice on the territorial and maritime dispute between Nicaragua and Colombia, the denunciation of the American Convention by Trinidad and Tobago, as well as its consequences for Venezuela's obligations under the competence of the Commission, and the jurisdiction of the Court. The author reaches the following conclusions. There are significant differences in the approaches of tribunals and commentators to issues of consent to the treaty and jurisdiction after its rejection. In the case of bilateral investment treaties, it is necessary to consider the subject matter of the investment agreement before reaching a conclusion for dispute resolution. In any case, the dispute must be resolved before the expiration of the term of the bilateral investment treaty. In the case of Trinidad and Tobago, in accordance with previous court decisions, after the termination of the international treaty by these countries, the court retains jurisdiction to consider cases arising from facts that occurred before the denunciation came into effect. In the case of Venezuela, the author concludes that after the denunciation comes into effect, Venezuela will remain bound by the obligations under the Convention. Based on the results of the court cases, the author concludes that the denouncing state, regarding a breach of the treaty that occurred before the denunciation came into effect, is obliged to comply with the court's decision and report on the implementation of the court's decision on interim measures.

Keywords: bilateral investment treaties, Vienna Convention, international treaties, denunciation.

Нередки случаи, когда в договорах устанавливается задержка между моментом выхода государства из договора и моментом вступления в силу выхода из договора. Если договор наделяет юрисдикцией международный суд или трибунал, то нередки случаи, когда потенциальные истцы спешат подать свои иски до того, как денонсация вступит в силу.

Двусторонние инвестиционные договоры (ДИД) подпадают под действие Венской конвенции о праве международных договоров, как и любые другие международные договоры, включая международные инвестиционные соглашения. Что касается денонсации двусторонних инвестиционных договоров, то в статье 42 (2) Венской конвенции о праве международных договоров предусматривается, что

прекращение действия договора, его денонсация или выход одной из сторон могут иметь место только в результате применения положений договора или настоящей Конвенции¹.

Статья 71 Конвенции МЦУИС² гласит, что любое договаривающееся Государство может денонсировать настоящую Конвенцию, письменно уведомив депозитария настоящей Конвенции. Денонсация вступает в силу через шесть месяцев после получения такого уведомления.

Согласно этой статье, денонсация Конвенции вступает в силу через шесть месяцев после получения уведомления о денонсации. В течение шести месяцев после денонсации права и обязанности, вытекающие из Конвенции, могут продолжаться применяться к денонсирующему государству.

Единого толкования статьи 72 Конвенции МЦУИС не существует. В деле против Ямайки состав арбитража рассмотрел довод о том, что арбитражные оговорки в двусторонних инвестиционных договорах или в контракте понимаются как безотзывные признаки одностороннего согласия, предоставленного государствами на арбитражное разрешение инвестиционных споров с гражданами других государств [2, с. 75].

С другой стороны, применяя строгое толкование статьи 72 Конвенции Шреера [12, с. 13], как только денонсация Конвенции МЦУИС вступит в силу, МЦУИС больше не будет оставаться подходящим форумом для возбуждения разбирательства. Были случаи, когда трибунал понимал дату вступления в силу денонсации с момента направления уведомления о денонсации депозитарию. Это связано с тем, что государство перестает быть Договаривающейся Стороной после направления уведомления о денонсации, что является предварительным условием юрисдикции МЦУИС в соответствии со статьей 25 Конвенции.

Существуют резкие различия в подходах трибуналов и комментаторов в отношении согласия и юрисдикции МЦУИС после денонсации. Авторы считают, что для разрешения конфликта необходимо рассмотреть объект заключения инвестиционного договора, прежде чем прийти к какому-либо заключению. Большинство двусторонних инвестиционных договоров ставят права инвесторов первостепенными.

Для того, чтобы прийти к общему знаменателю, необходимо защищать права инвесторов и уважать денонсацию МЦУИС принимающим государством. Тем не менее, денонсация должна применяться в перспективе, поскольку, если она будет применена задним числом, она поставит под угрозу права инвесторов, которые уже инвестировали в принимающее государство.

Право юрисдикционного эстоппеля [3, с. 28] должно применяться инвесторами против принимающего государства в случае, если они не соблюдают права инвесторов (в данном случае, в первую очередь, право передавать споры в арбитраж). Юрисдикционный эстоппель будет действовать в том случае, если инвестор сможет доказать, что он полагался на заверения, сделанные принимающим государством для арбитража. Это приводит к тому, что принимающее государство делает предложение о передаче будущих споров в арбитраж. Впоследствии, если принимающее государство отзовет это предложение путем денонсации, инвесторы все равно могут передать споры в арбитраж, поскольку они полагались на сделанное предложение, и тот факт, что инвести-

ция была фактически сделана, должен толковаться как предполагаемое принятие этого предложения.

Международные суды также рассматривали иски, поданные в период между денонсацией договора государством и датой выхода из него. Они, как правило, подтверждают юрисдикцию в отношении этих требований. Конечно, эти суды не сталкивались с договорными положениями, подобными статьям 71 и 72 Конвенции МЦУИС. Но их позиция по-прежнему полезна для понимания основополагающих принципов, поставленных на карту.

Международный суд ООН рассматривал аналогичные ситуации. После того, как в 2012 году Международный суд ООН вынес решение по территориальному и морскому спору (Никарагуа против Колумбии), Колумбия заявила о немедленном выходе из Боготского пакта, договора, устанавливающего юрисдикцию суда. Пакт, однако, требовал уведомления за один год, прежде чем денонсация вступила в силу. До истечения этого годичного срока Никарагуа передала в суд еще два спора. Колумбия оспорила юрисдикцию суда, утверждая, что денонсация Боготского пакта была осуществлена с «немедленными последствиями». Возражение не увенчалось успехом [7, с. 89].

Вместо этого суд, учитывая предполагаемые нарушения прав суверена и морских пространств в Карибском море (Никарагуа против Колумбии), постановил, что, поскольку Пакт требует уведомления за один год для прекращения действия договора, любое уведомление о денонсации начинает действовать немедленно в том смысле, что передача этого уведомления влечет за собой начало годичного периода.

Наиболее обширной позицией в отношении юрисдикции после денонсации, пожалуй, является Межамериканский суд. Американская конвенция о правах человека предусматривает, что денонсация вступает в силу только через год после уведомления. Межамериканский суд, однако, счел, что он сохраняет юрисдикцию в отношении любого спора, имевшего место в период действия Американской конвенции. Межамериканский суд применил это правило в делах, возбужденных против Тринидада и Тобаго и Венесуэлы, двух государств, которые денонсировали Американскую конвенцию.

Например, Тринидад и Тобаго, дело, возбужденное почти через два года после того, как Тринидад денонсировал Американскую конвенцию, Суд подтвердил свою юрисдикцию и постановил, что факты имели место до даты вступления в силу денонсации со стороны государства. Следовательно, Суд обладает юрисдикцией. Суд пришел к аналогичному выводу в деле с Венесуэлой [11, с. 1019].

Существуют также важные политические соображения, касающиеся включения истечения срока уведомления до денонсации договора в силу. Без этого периода уведомления государства могут принять решение о стратегической денонсации договора, предоставляющего юрисдикцию международному суду или трибуналу, если оно планирует предпринять действия, которые, как оно подозревает, приведут к международным искам.

Таким образом, стратегически выйдя из договора, государство может оградить себя от международной ответственности. Положения договора, требующие некоторого времени для выхода из ЕС, не исключают полностью такую возможность. Но они усложняют задачу.

Такие положения, как статья 71 Конвенции МЦУИС, призваны этого избежать. Однако Трибунал по делу Фавианки [5, с. 12-16] не был убежден этими опасениями. Более того толкование Трибунала Фавианки основано на потенциально анахроничном прочтении статьи 72. Такое толкование позволило Венесуэле фактически денонсировать Конвенцию МЦУИС с немедленным вступлением в силу.

Нередки случаи, когда в договорах устанавливается задержка между моментом выхода государства из договора и

1 Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 17.11.2023).

2 История Конвенции ICSID. Документы о возникновении и формулировании Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств. – Том II-1. – Док № 21. – С. 133-174.

моментом вступления в силу выхода из договора. Действительно, это решение по умолчанию, установленное статьей 56 (2) Венской конвенции. Эта статья предусматривает, что, когда в договоре отсутствуют положения о выходе, выход из него все еще возможен в некоторых случаях, но всегда требует предварительного уведомления не менее чем за один год до вступления выхода в силу.

И если договор наделяет юрисдикцией международный суд или трибунал, то нередки случаи, когда потенциальные истцы спешат подать свои иски до того, как денонсация вступит в силу. Каждая потенциальная тяжущаяся сторона пытается спастись звонком.

Рассмотрим денонсацию Венесуэлы, а также ее последствия для обязательств Венесуэлы.

6 сентября 2012 года правительство Боливарианской Республики Венесуэла уведомило о денонсации Американской конвенции о правах человека. В соответствии со статьей 78 Конвенции денонсация вступает в силу через год, 6 сентября 2013 года. Документ был получен 10 сентября 2012 года Генеральным секретарем Организации американских государств (ОАГ), который выразил сожаление по поводу решения Венесуэлы. Ранее Конвенцию денонсировал только Тринидад и Тобаго.

Венесуэла недвусмысленно заявила о своем намерении выйти из Межамериканской комиссии по правам человека (Комиссия) и Межамериканского суда по правам человека (Суда). Тем не менее, несмотря на то, что он прямо «денонсировал» свою декларацию, признающую компетенцию Комиссии, он не отозвал свое заявление о признании юрисдикции Суда.

Денонсация Венесуэлой Конвенции была встречена критикой как внутри страны, так и на международном уровне. Сообщается, что бывший судья Межамериканского суда по правам человека Асдрубал Агиар Арангурен указал на то, что выход Венесуэлы из Американской конвенции является недействительным в соответствии с венесуэльским законодательством, поскольку он лишает «лиц» права подавать запросы и жалобы в органы, созданные в соответствии с договорами о правах человека, закрепленными в статье 31 Конституции [10, с. 21-26]. На международном уровне Верховный комиссар Организации Объединенных Наций (ООН) по правам человека Нави Пиллэй обратилась к Венесуэле с просьбой пересмотреть свое решение в свете важности защиты прав человека для демократии. По ее мнению, выход из Конвенции лишит венесуэльцев средств правовой защиты и подорвет защиту прав человека с помощью межамериканской системы, которую она охарактеризовала как одну из наиболее эффективных систем защиты прав человека в мире [13, с. 170].

В своем денонсационном документе Венесуэла напомнила, что она признала юрисдикцию органов, учрежденных Конвенцией, а именно Комиссии и Суда, 9 августа 1977 г. и 24 июня 1981 г., соответственно. Тем не менее, она заявила, что уровень защиты прав человека в соответствии с ее внутренним законодательством дает ей моральный и политический авторитет для противодействия деятельности этих органов. По его мнению, Комиссия и Суд занимаются политическим интервенционизмом и не выполняют требование об исчерпании местных средств правовой защиты. Венесуэла высоко оценила практику Совета ООН по правам человека и заявила, что в соответствии со статьей 131 Устава ОАГ она обязана гарантировать, что ее обязательства в соответствии с Уставом ООН не будут «нарушены» Межамериканской системой.

Венесуэла утверждала, что суд и Комиссия постоянно нарушают Конвенцию, перечислив конкретные случаи их предположительно неправомерной практики в Приложении, включая предполагаемое признание Комиссией государственного переворота с 11 апреля 2002 года. Венесуэла далее заявила, что Суд не может повлиять на конституционный порядок государств-членов, поскольку международная за-

щита, предоставляемая Судом, является дополнением к внутреннему порядку американских государств. В этом ключе она утверждала, что решения суда повлияли на Конституцию Венесуэлы, как отметила Конституционная палата Верховного суда Венесуэлы в своем решении 1572 от 2008 года. Суд признал неисполнимым решение Межамериканского суда по правам человека и пришел к выводу, что Конвенция не имеет приоритета над Конституцией Венесуэлы. Венесуэла также утверждала, что суд не обладает юрисдикцией для применения Конвенции или вынесения постановления об ответственности государства.

Венесуэла подчеркнула свое мнение о том, что суд предвзято относится к ней и выборочно принимает к рассмотрению дела, явно политизированные, нарушая требование об исчерпании местных средств правовой защиты, предусмотренное статьей 46 (1) Конвенции.

Венесуэла пришла к выводу, что она вынуждена дистанцироваться от нынешней извращенной практики органов Межамериканской системы прав человека, а именно Комиссии и суда, и что, поскольку компетенция, структура и процедура этих органов изложены в Конвенции и посредством Конвенции, она должна денонсировать Конвенцию. Наконец, Венесуэла заявила, что она по-прежнему связана своими обязательствами по Уставу ОАГ [6, ст. 26] и другим законно ратифицированным ею документам в той мере, в какой их положения соответствуют духу и цели, а также причине денонсации.

Денонсация может быть определена как акт прекращения правоотношений, установленных договором между денонсирующей стороной и каждой из других его сторон. Денонсация договоров и ее правовые последствия регулируются международным публичным правом, в частности правом международных договоров.

Несмотря на то, что Венесуэла не является участником Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, и, таким образом, ее денонсация напрямую не регулируется Венской конвенцией о праве международных договоров³, применимая норма обычного права международных договоров отражена в статье 42 (2) Конвенции о международных договорах. Согласно этому правилу, участники договора могут предусмотреть денонсацию этого договора, и денонсация может иметь место в соответствии с применимыми положениями договора.

Пункт 1 статьи 78 Конвенции предусматривает, что «государства-участники могут денонсировать настоящую Конвенцию по истечении пятилетнего срока, начиная со дня ее вступления в силу», путем направления уведомления о денонсации, направленного за один год до ее вступления в силу и направленного на имя Генерального секретаря ОАГ. Поскольку Конвенция вступила в силу в отношении Венесуэлы 18 июля 1978 года, пятилетний период, указанный в статье 78 (1), истек для Венесуэлы почти три десятилетия назад.

Соответственно, в соответствии со статьей 78 (2) Конвенции, после вступления денонсации в силу, Венесуэла останется связанной обязательствами по Конвенции в отношении любого действия, которое может представлять собой нарушение этих обязательств и которое было совершено до даты вступления в силу денонсации с учетом их соответствующей практики.

Денонсируя Конвенцию, как отмечалось выше, Венесуэла также денонсировала свою декларацию от 9 августа 1977 г., признающую компетенцию Комиссии в соответствии со статьей 45 (1) Конвенции. Тем не менее, Комиссия сохраняет свою компетенцию в отношении некоторых актов денонсирующего государства в соответствии со статьей 78 (2) Конвенции. В част-

3 This is in accordance with the rule *pacta sunt servanda qua custom*, codified in Article 26, VCLT, and without prejudice to the application of the VCLT provisions on reservations, pursuant to Article 75 of the American Convention.

ности, после денонсации Конвенции Тринидадом и Тобаго Комиссия в своих докладах по делам Шелдона Роуча и Бимала Рамнараса, Арнольда Рамана Логана, Алладина Мохаммеда и Харуна Хана постановила, что статья 78 (2) применима к «надзорным механизмам», установленным Конвенцией, включая механизмы, предусмотренные главой VII, относящиеся к юрисдикции: функции и полномочия Межамериканской комиссии по правам человека и к действиям, принятым до даты вступления в силу денонсации, даже если последствия этих актов продолжают или проявляются до этой даты [1, ст. 36].

Кроме того, Комиссия постановила, что денонсация Конвенции не наносит ущерба компетенции Комиссии независимо от Конвенции как органа ОАГ, в частности, на основе Устава ОАГ и в отношении прав, изложенных в Американской декларации о правах и обязанностях человека. Поскольку Венесуэла не денонсировала Устав ОАГ, заявление Венесуэлы о том, что она остается связанной своими обязательствами по Уставу только в той мере, в какой Устав согласуется с ее денонсацией, не имеет никаких правовых последствий. Следовательно, Комиссия может полагаться на положения Хартии как на правовую основу своей компетенции по надзору за соблюдением Венесуэлой Устава.

Венесуэла признала юрисдикцию Межамериканского суда по правам человека 24 июня 1981 года в соответствии со статьей 62 (1) Конвенции. Как отмечалось выше, денонсируя Конвенцию, Венесуэла прямо не отозвала это заявление о признании Суда. Таким образом, как отмечено в решении Суда 1999 года по делу «Ивчер-Бронштейн против Перу» [9, ст. 212-221], Суд утратит юрисдикцию в отношении Венесуэлы только в результате денонсации всей Конвенции, как только она вступит в силу. В этом деле Суд рассматривал попытку правительства Перу отозвать свое признание юрисдикции Суда без денонсации Американской конвенции. По сути, Суд постановил, что отзыв признания юрисдикции Суда является недопустимым, поскольку допускается только денонсация всего договора.

В соответствии с предыдущими решениями Суда после денонсации Конвенции Тринидадом и Тобаго, Суд сохранит свою компетенцию рассматривать дела, вытекающие из фактов, имевших место до «даты вступления в силу денонсации». В своих решениях (предварительных возражениях) 2001 года по делу Тринидада и Тобаго суд постановил, что он остается компетентным в отношении фактов. В своих решениях 2002 и 2005 годов (по существу, компенсациям и издержкам) по делам Илера, Бенджамина, Константина и др. и Цезаря Суд разъяснил, что «он полностью компетентен в соответствии с положениями статей 62 (3) и 78 (2) Конвенции в отношении таких фактов».

Кроме того, в соответствии с Американской конвенцией и судебной практикой Суда, денонсирующие государства по-прежнему обязаны в отношении нарушений Конвенции, имевших место до вступления денонсации в силу:

- 1) выполнять решения Суда в соответствии со статьей 68 (1);
- 2) принимать временные меры по распоряжению или продлению Суда в соответствии с пунктом 2 статьи 63;
- 3) докладывать о выполнении судебных решений и распоряжений о принятии обеспечительных мер.

Правительство Венесуэлы может отозвать свой отказ от денонсации Американской конвенции. Действительно, к этому его призывали, как отмечалось выше. Тем не менее, маловероятно, что такой курс действий будет принят. Денонсация Венесуэлой Конвенции является одним из нескольких случаев денонсации или выхода страны из договоров, или международных организаций, что исключает действие механизмов урегулирования споров, которые могли бы привлечь правительство Венесуэлы к ответственности в соответствии с международным правом. Например, совсем недавно, 24 января 2010 года, Венесуэла денонсировала Конвенцию 1965

года об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств (Конвенция МЦУИС). Ранее, 22 апреля 2006 года, она уведомила о денонсации Картахенского соглашения, которое учредило Андское сообщество.

В результате исследования можно прийти к следующим выводам. Существуют резкие различия в подходах трибуналов и комментаторов относительно согласия и юрисдикции МЦУИС после денонсации. В случае двусторонних инвестиционных договоров для разрешения конфликта необходимо прежде, чем прийти к какому-либо заключению, рассмотреть объект заключения инвестиционного соглашения. В любом случае конфликт необходимо разрешить до истечения срока действия двустороннего инвестиционного соглашения.

В соответствии с Американской конвенцией и судебной практикой, денонсирующие государства в отношении нарушений Конвенции, имевших место до вступления денонсации в силу, в любом случае обязаны выполнять решения суда и докладывать о выполнении судебных решений о принятии обеспечительных мер.

Пристатейный библиографический список

1. Броунли Я., Под ред.: Тункин Г. И., Петр.: Андрианов С. Н. Международное право: 2 кн. – М., 1977. – Кн. 1. – 385 с.
2. Войтович С. А. Разграничение некоторых международно-правовых и гражданско-правовых аспектов в международном инвестиционном арбитраже // Закон. – 2014. – № 4. – С. 74-79.
3. Гармоза А. П. Арбитраж на основании международных инвестиционных соглашений: вопросы компетенции. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.
4. Ефремов Л. В. О некоторых вопросах применения международных договоров о взаимном оказании правовой помощи в работе арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда РФ. – 2012 – № 3. – С. 13-17.
5. Королев М. А. К вопросу о соотношении обычной и конвенционной норм относительно влияния изменившихся обстоятельств на силу международного договора // МЖМП. – 2013. – № 3. – С. 12-16.
6. Курдюков Г. И., Макарова Т. Н. Право международных договоров: Учебное пособие. – Казань, 2010. – 26 с.
7. Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире // Вопросы права международных договоров в свете работы Венской конвенции ООН. – М., 2012.
8. Тиунов О. И. Принцип соблюдения договоров в Международном праве. – Пермь, 2008. – 206 с.
9. Ушаков Н. А. Право международных договоров // Международное право. – М.: «Юрист», 2012. – С. 212-221.
10. Townsend J. M. The Initiation of Arbitration Proceedings: «My Story Had Been Longer» // ICSID Review – Foreign Investment Law Journ. – 1998. – № 21. – P. 21-26.
11. Marcelo G. Kohen & Sarah Heathcote, 1969 Vienna Convention, Article 42, Validity and Continence in Force of Treaties, in The Vienna Convention on the Law of Treaty: A Commentary 1015, 1019-20.
12. Schreuer H. Christoph. The ICSID Convention. A Commentary. – Cambridge, the United Kingdom: Cambridge University Press, 2001.
13. 霍尔吉·孔德西, 熊卫静. [Хольгуй Кондези, Сюн Вэйцзин]. 最终的决定权: 宪法对话与美洲人权法院[Последнее слово: конституционный диалог и Межамериканский суд по правам человека] // 人权. [Право человека]. – 2021. – № 3. – С. 170.

ВЕРЕТЕЛЬНИКОВА Полина Павловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЕРШОВА Анна Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОТИК Анастасия Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАСЛОВ Павел Николаевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЯРОШ Дарья Романовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

В статье исследуется эволюция основных политических традиций – консерватизма, либерализма и социализма – и их взаимодействие в современном политическом ландшафте. Автор анализирует, как эти идеологии адаптируются и смешиваются, образуя новые гибридные формы, такие как эгалитарный консервативный национализм. Особое внимание уделяется влиянию глобализации, неолиберализма и националистических тенденций на традиционные политические структуры и их последующее преобразование.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, социализм, эгалитарный консервативный национализм, политические традиции, неолиберализм, национализм, глобализация, политические коалиции.

VERETELNIKOVA Polina Pavlovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ERSHOVA Anna Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOTIK Anastasiya Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MASLOV Pavel Nikolaevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YAROSH Darya Romanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION OF POLITICAL TRADITIONS

The article examines the evolution of the main political traditions – conservatism, liberalism and socialism – and their interaction in the modern political landscape. The author analyzes how these ideologies adapt and blend to form new hybrid forms, such as egalitarian conservative nationalism. Special attention is paid to the impact of globalization, neoliberalism and nationalist tendencies on traditional political structures and their subsequent transformation.

Keywords: conservatism, liberalism, socialism, egalitarian conservative nationalism, political traditions, neoliberalism, nationalism, globalization, political coalitions.

В начале статьи авторы рассматривают исторические корни и основные черты трех великих политических традиций - консерватизма, либерализма и социализма. Они подчеркивают, как изменения в социально-экономических условиях и глобальные политические сдвиги способствовали эволюции этих традиций. Авторы обсуждают взаимодействие и взаимные компромиссы между этими идеологиями, которые привели к появлению новых форм, таких как эгалитарный консервативный национализм.

Хотя теория и идеология могут развивать любую или все эти традиции по своему усмотрению, когда они проявляются в реальном мире — будь то в виде партий, движений или наборов политик — они почти всегда должны идти на компромисс друг с другом, или же являются гибридами двух или всех трех по выбору их участников. Поэтому полезно представлять их как три точки треугольника, пространство,

определенное треугольником, представляет собой общую комбинацию политики и политических стратегий, доступных в определенной вселенной. Экстремальные, некомпромиссные формы существуют в трех точках. Компромиссы между двумя находятся вдоль линий, соединяющих две точки; те, которые включают все три, занимают различные части общего треугольного пространства.

Теория среднего избирателя, которая — имея свое происхождение в США — видит политику как выбор между только двумя вариантами, ни один из которых не имеет большого внутреннего значения, предполагает, что партии будут стремиться расположить себя в центре прямой линии. Эквивалентная теория, применяемая к трехточечному пространству, предполагает, что все партии будут стремиться занять позицию в центре треугольника, потому что оттуда можно получить доступ ко всем избирателям. Когда речь идет о

партиях или других институтах, нуждающихся в построении коалиций поддержки, вполне вероятно, что ни одно крупное движение не ограничит свое обращение исключительно к одной или даже двум из трех точек треугольника. В результате со временем каждая традиция развивает точки доступа к, и, следовательно, потенциальный компромисс с каждой из других. Интересным примером является то, как в первые пять десятилетий послевоенной Итальянской Республики, когда Коммунистическая партия была исключена из участия в правительстве и отношения между ней и доминирующими христианскими демократами были очень враждебными, обе стороны тщательно поддерживали «окна» коммуникации. Также, как будет рассмотрено в некоторых моментах ниже, каждая традиция уязвима к тому, чтобы быть оставленной изолированной коалициями двух других.

Это также предоставляет стимул для поддержания отношений. С другой стороны, полное сгущение в центре также маловероятно. Иногда партии просто не хотят обращаться к определенным частям спектра; в другое время противоречия, связанные с попытками расширить апелляцию партий от их баз, растягивают как правдоподобие, так и терпимость частей их существующей поддержки. Традиции остаются такими, какими их описывает Маркванд: отдельными, но разделяющими определенные темы и проблемы.

Хотя исторически либералы и консерваторы были противниками друг друга, во многих странах большую часть XX века доминировали союзы между ними, будь то фактические коалиции между партиями (как это часто было в Бельгии, Германии и Нидерландах) или как фракции внутри партий (как в Пятой Республике Франции и в Великобритании). Они объединились, чтобы противостоять эгалитарному вызову со стороны социалистических сил, поскольку в капиталистической экономике как либерализм, так и консерватизм, как правило, представляют интересы тех, кто выигрывает от лишь ограниченного перераспределения богатства и власти. Консерваторы беспокоились об изменениях и смущениях, вызванных неограниченным функционированием рыночных свобод, но в первые послевоенные годы христианские демократы (основная антифашистская форма континентального европейского консерватизма) опасались светского союза либералов и социалистов и отказались от большей части своего раннего противодействия капитализму. Для того чтобы управлять в демократиях, консерваторам и либералам также приходилось идти на уступки элементам социалистической повестки дня, особенно в плане снижения неопределенности в жизни рабочих людей. Различные версии государства благосостояния стали частью национальных консенсусов. Этот союз идей, сил и политик, существующий в основном вдоль консервативно-либерального ребра треугольника, но немного отклоняющийся в сторону элементов социализма, стал наиболее успешной управляющей смесью в послевоенной Западной Европе, его разнообразный характер был ценой, уплаченной за, и, вероятно, гарантией его доминирования.

Альянсы между либералами и социалистами могут возникнуть из-за беспокойства либералов по поводу воздействия неограниченного неравенства на многих индивидуумов, а также из-за собственной тревоги социалистов перед репрессивными тенденциями их собственного продвижения государственной власти. В самом деле, господствующая форма социализма в Западной Европе XX века — социал-демократия — сама может быть расположена на некотором расстоянии вдоль социалистическо-либерального ребра треугольника, а не на социалистическом полюсе. Кроме того,

антиконсервативные альянсы, чаще в форме идей и политик, а не формальных коалиций, направляли многие важные политические разработки последних четырех десятилетий. Изменения в законах о контрацепции, аборт, разводах, гомосексуализме, правах женщин, иммигрантов и этнических меньшинствах все они представляли собой поражения для традиционного консерватизма со стороны либералов и социал-демократов, настолько, что большинство консерваторов отказались от своих исторических позиций [1].

Тактические союзы между либерализмом и социал-демократией также можно найти в подходах международных институтов экономического управления. Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), Всемирному банку, Международному валютному фонду (МВФ) или Европейскому союзу (ЕС) трудно быть консервативными в полном смысле этого слова. Консерватизм в первую очередь опирается на национальные традиции и неудобен с транснационализмом, позиция, которая не доступна этим организациям. Политика этих организаций, следовательно, склонна колебаться между социал-демократией и либерализмом. В период кейнсианства они выражали этот компромисс со всеми его напряжениями. Позже они все чаще отвергали большинство социал-демократических политик, становясь неолиберальными (с сильным акцентом на рыночные аспекты либерализма). В начале XXI века данные о том, что растущее неравенство может угрожать экономическому росту, особенно в США, вызывают некоторое возвращение к социал-демократическим проблемам в ОЭСР, МВФ и Всемирном банке; меньше - в ЕС.

Для многих континентальных европейских консерваторов существует или существовала другая ситуация, поскольку фашизм и нацизм дискредитировали их националистические традиции, и они стремились восстановить не националистические формы их на европейском уровне. Это было относительно легко для послевоенных основателей того, что стало ЕС, поскольку большинство из них были римско-католиками, и католицизм всегда требовал, чтобы лояльность нации была включена в лояльность к более широкому, транснациональному институту — Церкви. Это помогает объяснить большую трудность, с которой британские и скандинавские консерваторы сталкивались при принятии европейской интеграции, у большинства из них (хотя и не у всех) не было фашистского прошлого, учитывая их наследие национальных протестантских церквей [2].

Компромиссы вдоль консервативно-социалистической оси могут показаться наименее вероятными, но они были важны. Хотя социалисты, как и либералы, ассоциировались с изменениями, они заботятся о стабильности жизни рабочих людей. Это включает не только экономическую стабильность, которую может обеспечить государство благосостояния, но и частое чувство среди людей, которые не обладают большой социальной властью, что они не могут контролировать происходящее вокруг них. Они часто разделяют упомянутое выше чувство Оукшотта. В настоящее время эти чувства особенно сильны среди частей населения, затронутых неолиберальными изменениями, такими как упадок профессий и сообществ в производственной и горнодобывающей промышленности и влияние иммиграции, возникшее в результате либерализации рынков труда. Формально социал-демократия была интернационалистской и враждебной ко всем формам ксенофобии. Однако ее основные институциональные достижения были глубоко, хотя и молчаливо национальными, в форме национальных государств благосостояния. Когда социал-де-

мократы становятся страстными сторонниками необходимости того, чтобы права и льготы были «универсальными», их вселенная почти всегда останавливается на национальной границе. В середине XX века, когда эти институты строились, вопрос не имел много последствий, поскольку почти вся социальная политика неявно ограничивалась установленным, более или менее коренным населением. Тогда социал-демократические правительства без труда расширили охват до небольшого числа иммигрантов. Однако по мере увеличения числа иммигрантов — особенно в скандинавских странах, которые принимали многих беженцев из арабского мира и Северной Африки — национальный характер универсализма ставится под вопрос. Потенциальные альянсы с националистическим консерватизмом, следовательно, не могут быть исключены.

В этот момент возникает вопрос, почему основная форма политических традиций представляет собой треугольник, а не квадрат, который является результатом обычной двухмерной матрицы социальных наук. Существуют обычные две пары переменных: за или против вызова установленным властям и за или против эгалитаризма. В общих чертах, консерватизм представляет собой неэгалитарную защиту привилегированных от изменений; либерализм (по крайней мере в его в настоящее время доминирующей неолиберальной форме) — защиту экономически привилегированных через изменения; социал-демократия — эгалитарную защиту малообеспеченных через изменения. Недостающий квадрант — эгалитаризм против изменений, который редко развивался как автономная традиция [3]. Это позиция с логической сложностью, поскольку малообеспеченным вряд ли можно помочь, если общество не меняется. На практике социал-демократия и консерватизм корректируют свои обращения, чтобы охватить эту аномалию — с различным уровнем успеха в разные периоды. Таким образом, треугольник сохраняется. Однако, если консерватизм определяет себя существованием как националистический, и, в частности, как враждебный этническим и иностранным меньшинствам, которые могут быть изображены как угрожающие любимому образу жизни, перспективы эгалитарного консервативного национализма кажутся гораздо более многообещающими. Это нужно отличать от эгалитарного либерального национализма, который процветал в XIX и начале XX веков в Италии и многих частях Центральной Европы, поскольку различные национальности боролись за освобождение от Австро-Венгерской империи. Эти движения могли обращаться к более ранним традициям и, следовательно, содержать элемент консерватизма, но такие традиции не были встроены в существующие сети власти. Аналогичная точка зрения относится к некоторым из текущих национализмов, которые входят в серьезную политику в Каталонии, Шотландии и других местах. Чтобы определить, являются ли эти движения либеральными или нет, требуется более подробное обсуждение, чем это возможно здесь, но необходимо помнить о продолжающейся жизнеспособности форм либерального национализма.

Ближе к эгалитарному консервативному национализму находятся другие, довольно разнообразные движения. Здесь можно найти католические рабочие движения, которые развивались во Франции, Германии, Италии и других местах с конца XIX века и, более позднее, радикальное католическое профсоюзное движение *Solidarność*, которое помогло свергнуть коммунистическую диктатуру в Польше. Совсем другими были антикапиталистические, прозапасные компоненты межвоенных фашистских движений. Бенито Муссолини,

Освальд Мозли, Рене Белин (бывший профсоюзный лидер и министр социальных дел в режиме Виши) и Хендрик де Ман (ведущий бельгийский социалистический теоретик, который стал фашистом) все пришли в фашизм из социалистических партий. Среди фракций, создающих Национал-социалистическую рабочую партию Германии, была сильно антикапиталистическая и насильственная Штурмбтайлунг (СА) [4]. Более двусмысленным, чем эти, был Хуан Перон, чье движение до сих пор составляет политическую левую сторону в Аргентине, но который нашел убежище в фашистской Испании во время своего изгнания в 1950-х годах. Четвертый полюс, эгалитарный консерватизм и/или национализм, явно существует как историческое явление. Его проблемы - его чрезвычайное внутреннее разнообразие, которое очень зависит от того, является ли его консервативное вдохновение христианским, националистическим или чем-то другим, и его историческая неспособность утвердиться как стабильная политическая сила, автономная от своего более прямого неэгалитарного аналога. Убийство лидеров СА по приказу Гитлера во время «ночи длинных ножей» в 1934 году является самым драматическим примером.

Это краткое изложение демонстрирует калейдоскопический характер отношений между тремя великими политическими традициями западных обществ и фрагментарным четвертым. Когда они преломляются через организацию политических партий, они становятся особенно сложными. Партии образуются в один период истории, представляя возможные коалиции того времени, но продолжают существовать в периодах с разными комбинациями власти и когда сталкиваются с новыми проблемами. Сами партии подвержены этим изменениям, но, благодаря силе своей организационной способности, они часто могут предотвратить быструю адаптацию политики к возникающему новому обществу, сохраняя союзы между тем, что стало высоко противоречивыми силами.

В эпоху глобализации и растущего национализма традиционные политические идеологии продолжают адаптироваться и эволюционировать, формируя новые альянсы и идеологические гибриды. Это приводит к появлению сложных и динамичных политических структур, которые будут определять будущее мировой политики.

Пристатейный библиографический список

1. A. Downs. An economic theory of political action in a democracy // *Journal of Political Economy*. – 1957. – Vol. 65. – P. 135-150.
2. Matthew H. C. G., McKibbin R. I. and Kay J. A. The franchise factor in the rise of the Labour party // *The English Historical Review*. – 1976. – Vol. 91. № 361. – P. 723-752.
3. Oakeshott M. 'On being conservative', in *Rationalism and Politics and Other Essays*. – London: Methuen, 1962.
4. Marquand D. *Mammon's Kingdom: An Essay on Britain, Now*, London, Allen Lane, 2014.

ГОМЕНЮК Виктория Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КИРИЛЮК Антон Витальевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ХОЛОД Егор Константинович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БУРНОС Аделина Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НЕСИНА Алина Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Данное исследование представляет собой комплексный анализ развития публичной дипломатии (ПД) с начала 20 века до настоящего времени. Рассматриваются ключевые концепции и модели ПД, включая ежедневную, стратегическую и устойчивые коммуникации, а также переход от информационной к реляционной ПД. Изучается влияние международных событий и технологических изменений на методы и подходы в публичной дипломатии. Особое внимание уделяется роли СМИ и социальных сетей в формировании международного имиджа государств. Исследование также затрагивает современные тенденции и вызовы, с которыми сталкиваются практики публичной дипломатии в условиях глобализации и цифровизации.

Ключевые слова: публичная дипломатия, международные отношения, медиакommunikации, социальные сети, глобализация, информационная дипломатия, реляционная дипломатия, международный имидж.

GOMENYUK Viktoriya Anatoljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KIRILYUK Anton Vitalievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KHOLOD Egor Konstantinovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BURNOS Adelina Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NESINA Alina Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE EVOLUTION OF PUBLIC DIPLOMACY: A HISTORICAL OVERVIEW AND MODERN PERSPECTIVES

This study is a comprehensive analysis of the development of public diplomacy (PD) from the beginning of the 20th century to the present. The key concepts and models of PD are considered, including daily, strategic and sustainable communications, as well as the transition from information to relational PD. The influence of international events and technological changes on methods and approaches in public diplomacy is studied. Special attention is paid to the role of the media and social networks in shaping the international image of states. The study also touches on current trends and challenges faced by public diplomacy practitioners in the context of globalization and digitalization.

Keywords: public diplomacy, international relations, media communications, social networks, globalization, information diplomacy, relational diplomacy, international image.

В эпоху глобализации и информационных технологий публичная дипломатия (ПД) претерпевает значительные изменения, отражающие динамично развивающиеся международные отношения. Исторически сложившаяся как инструмент внешней политики в начале 20 века, ПД эволюционировала от первоначальной ориентации на информационное воздействие к более сложным и многоуровневым стратегиям, нацеленным на установление и поддержание долгосрочных, взаимовыгодных отношений. Основываясь на различных теоретических подходах и практических примерах, данное исследование анализирует ключевые аспекты и направления развития ПД, включая роль СМИ и социальных сетей в формировании международного имиджа стран, а также исследует вызовы и возможности, которые открываются перед современными практиками публичной дипломатии [1].

Публичная дипломатия (ПД) представляет собой многогранное исследование, которое сочетает в себе междуна-

родные отношения (МО), коммуникацию, связи с общественностью и брендинг, среди прочего (Гилбоа, 2008). Другими словами, изучение ПД – это точка пересечения международной коммуникации и МО. Традиционно эти два направления принимали довольно разные подходы и теории для изучения этой темы. Ученые в области международной коммуникации в основном сосредотачивались на общественном мнении и СМИ, в то время как исследователи МО концентрировались на государственной мощи и возможностях.

Для ученых-коммуникологов первым вопросом было то, как международные акторы используют масс-медиа для распространения своих сообщений международной аудитории (д'Хоог, 2007; Ванг, 2007; Винклер, 1978; Волпер, 1993). Основные теории эффектов СМИ, такие как установка повестки дня, фрейминг, приминг или индексирование, использовались для объяснения процесса коммуникации (Гилбоа, 2008). Информационные действия, такие как пресс-релизы, интер-

вью и международное вещание, направленные на поддержку позиции и политики государственного актора, были ключевым вопросом [2].

Недавно, по мере эволюции ПД в попытку налаживания дружественных отношений с иностранными обществами, теории связей с общественностью вышли на первый план. Четыре модели общественных отношений Гранига и Ханта (1984), теория превосходства в области связей с общественностью и исследования отношений организации с общественностью входят в их число (Граниг, 1993; 1997; Юн, 2006). В результате, к первоначальному информационному аспекту ПД был добавлен реляционный аспект. Культурные и образовательные обмены, сотрудничество в области развития, обмен знаниями и другие совместные программы получили академическое внимание.

Другое недавнее направление ПД – брендинг стран или мест. Исследования в области рекламы или маркетинга использовались для объяснения этого репутационного аспекта ПД (Анхольт, 2002; ван Хам, 2009). Теории управления кризисами и вопросами также были частью этой литературы (Кумбс, 2012). В то время как информационная ПД считалась краткосрочной, а реляционная ПД – долгосрочной, этот тип ПД называли среднесрочной стратегической коммуникацией (Най, 1990; 2004). Голан и Янг (2015) представили интегрированную модель ПД, объединяющую три измерения – медийное (информационное), репутационное и реляционное [3].

Первоначальная статья рассматривает публичную дипломатию (PD) через призму трёх основных теорий международных отношений: реализма, либерализма и конструктивизма. В работе говорится, что традиционная информационная PD, основанная на реализме, сосредоточена на государственной конкуренции и национальных интересах, часто игнорируя двусторонние отношения и сотрудничество. Примером служит пропагандистская деятельность авторитарных государств, таких как Россия и Китай. С другой стороны, связанная с либерализмом реляционная PD направлена на взаимовыгодное сотрудничество и глобальные блага, используя методы обмена знаниями и построения партнерских отношений. Наконец, репутационная PD, связанная с конструктивизмом, фокусируется на формировании идентичности и имиджа государства через брендинг и маркетинг.

Для углубления этой темы можно добавить сравнительный анализ современных методов PD разных стран, подчеркивая, как они соответствуют или отклоняются от этих трех теорий. Например, можно исследовать, как демократические страны используют реляционную PD для укрепления международных альянсов, в то время как авторитарные государства могут склоняться к информационной PD для распространения своего влияния [4].

Кроме того, стоит изучить влияние цифровых технологий и социальных медиа на PD, так как они радикально меняют подходы к распространению информации и взаимодействию с международной аудиторией. Это включает в себя анализ того, как государства используют цифровые платформы для формирования своего имиджа, а также способы борьбы с дезинформацией и пропагандой в цифровой эре.

Важно рассмотреть влияние глобальных вызовов, таких как изменение климата, пандемии и международная безопасность, на стратегии PD. Исследование того, как страны используют PD для сотрудничества в решении этих проблем, может дать новое понимание того, как глобальные кризисы влияют на международные отношения и дипломатические стратегии [5].

Публичная дипломатия (ПД), определяемая как управление коммуникациями среди дипломатических акторов (Голан и Янг, 2015), обычно делится на три измерения. Най (2008) выделил ежедневную коммуникацию, стратегическую коммуникацию и устойчивые отношения. Ежедневная коммуникация включает краткосрочные программы, такие как пресс-релизы или интервью, поясняющие позицию актора или политику, в то время как стратегическая коммуникация охватывает среднесрочные программы, например рекламные кампании, направленные на формирование имиджа актора. Устойчивые отношения относятся к долгосрочным программам, таким как обмены, помощь, стипендии или обучение, направленные на построение взаимоприемлемых отношений [6].

Аналогично, Голан (2013) представил интегрированную модель ПД, состоящую из медиатизированных, репутационных и реляционных измерений. Медиатизированная или

информационная ПД аналогична ежедневной коммуникации Най, а репутационная ПД – его стратегической коммуникации. Кауэн и Арсено (2008) также разделили ПД на три режима – монолог, диалог и сотрудничество.

В немной иной манере Калл (2009; 2013) разделил ПД на пять ключевых областей: пропаганду, международное вещание (СМИ), культурную дипломатию, дипломатию обмена и слушание. Пропаганда и международное вещание в основном относятся к информационному измерению ПД, в то время как слушание, культурная и дипломатия обмена относятся к реляционному измерению.

Информационная ПД развивалась в начале 20 века, особенно в период двух мировых войн. Во время холодной войны правительство США создало Агентство США по информации (USIA), чтобы продолжить информационную деятельность. В настоящее время США и другие западные страны меньше полагаются на информационную ПД, хотя авторитарные государства, такие как Россия и Китай, все еще активно используют ее [7].

Реляционная ПД заменяет информационную ПД из-за ее одностороннего характера коммуникации. В современной ПД акцент делается на способы установления и развития взаимопонимания и двустороннего обмена информацией. Новые типы реляционных программ ПД разрабатываются, отражая изменения в международной среде. К ним относятся деятельность, связанная с помощью, развитием, поддержанием мира, обменом знаниями, помощью при бедствиях и другими совместными программами.

Оба направления ПД – информационное и реляционное – играют ключевую роль в современной дипломатии, при этом реляционная ПД набирает все большее значение в условиях глобализации и медиатизации общества [8].

Исследование публичной дипломатии (ПД) выявило её значительную эволюцию от преимущественно информационной практики в начале 20 века до более сложной и многоаспектной стратегии, охватывающей как информационные, так и реляционные измерения. ПД претерпела изменения под воздействием глобализации, технологического прогресса и изменяющихся международных реалий. Сегодня она охватывает широкий спектр деятельности, от культурных обменов до социальных медиа и международных вещательных инициатив. Важность ПД в современном мире неоспорима, поскольку она способствует укреплению международных отношений, улучшению взаимопонимания и сотрудничества между странами. В контексте непрерывно меняющегося мирового порядка и растущей взаимосвязанности стран, ПД становится инструментом, способным влиять на международное сообщество, формировать позитивный образ страны и способствовать достижению национальных интересов в глобальной арене.

Приставленный библиографический список

1. Anholt S. "Public diplomacy competitive identity: Where's the link?" In Golan, G., Yang, S., & Kinsey, D. (Eds.), *International public relations and public diplomacy*. – New York: Peter Lang, 2015. – P. 189-209.
2. Anholt S. *Brand new justice: The upside of global marketing*. – Oxford: Butterworth, 2003.
3. Anholt, S. "Forward" // *Journal of Brand Management*. – 2002. – № 9 (4-5). – P. 229-239.
4. Abbott K. & Snidal D. "Why states act through formal international organizations" // *Journal of Conflict Resolution*. – 1998. – № 42 (1). – P. 3-32.
5. Axelrod, R. & Keohane, R. "Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions." In Kenneth, O. (ed.), *Cooperation under anarchy*. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – P. 226-254.
6. Ayhan K. Rethinking Korea's middle power diplomacy as a nation branding project // *Korea Observer*. – 2019. – № 50 (1). – P. 1-24.
7. Bennett, L. "Toward a theory of press-state relations in the U.S." // *Journal of Communication*. – 1990. – № 40 (2). – P. 103-125.
8. Choi, G. *People, public diplomacy in the age of fourth industrial revolution*. – Seoul: Gwangjin Munhwasa, 2018.
9. Coombs W. (2012). *Ongoing crisis communication (3rd ed.)*. Thousand Oaks, CA: Sage.

ЕРШОВА Анна Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАСЛОВ Павел Николаевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОТИК Анастасия Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЯРОШ Дарья Романовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕРЕТЕЛЬНИКОВА Полина Павловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОСХОДЯЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЩЬ КИТАЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК

В статье исследуется влияние быстро растущей военной мощи Китая на международный порядок и глобальное геополитическое равновесие. Анализируется развитие китайской военной стратегии и инвестиций в оборону после холодной войны, особенно в контексте регионального противостояния с Соединенными Штатами Америки. Рассматриваются последствия амбициозных военных инициатив Китая, включая усиление военного присутствия в Южно-Китайском море и стратегии «Один пояс, один путь». Статья освещает стратегическое позиционирование Китая и его влияние на существующие международные отношения и военные равновесия.

Ключевые слова: Китай, военная мощь, международный порядок, Южно-Китайское море, Соединенные Штаты Америки, оборонная стратегия, региональное противостояние, глобальное геополитическое равновесие, «Один пояс, один путь».

ERSHOVA Anna Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MASLOV Pavel Nikolaevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KOTIK Anastasiya Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YAROSH Darya Romanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VERETELNIKOVA Polina Pavlovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CHINA'S RISING ECONOMIC POWER AND ITS IMPACT ON THE INTERNATIONAL ORDER

The article examines the impact of China's rapidly growing military power on the international order and global geopolitical equilibrium. The article analyzes the development of Chinese military strategy and defense investments after the Cold War, especially in the context of the regional confrontation with the United States of America. The consequences of China's ambitious military initiatives, including the strengthening of its military presence in the South China Sea and the "One Belt, One Road" strategy, are being considered. The article highlights China's strategic positioning and its impact on existing international relations and military balances.

Keywords: China, military power, international order, South China Sea, United States of America, defense strategy, regional confrontation, global geopolitical equilibrium, "One Belt, one Road".

В настоящее время мир наблюдает за быстрым ростом военной мощи Китая, что оказывает значительное влияние на международный порядок и глобальное геополитическое равновесие. Эта статья фокусируется на анализе развития военной стратегии Китая после окончания холодной войны и оценивает, как эти изменения влияют на его взаимоотношения с другими великими державами, особенно с Соединенными Штатами Америки. Основное внимание уделяется последствиям усиления военного присутствия Китая в стратегически важных регионах, таких как Южно-Китайское море, и его стратегии «Один пояс, один путь».

Хотя и не на уровне экономического влияния, военное восхождение Китая также нельзя игнорировать. После холодной войны, осознав доминирующее военное превосходство США в ходе войны в Персидском заливе, Китай начал

активно укреплять свою оборону. Особенно с конца 1990-х годов Китай начал быстро увеличивать оборонный бюджет, стремясь компенсировать уступки, сделанные экономическому развитию во время холодной войны. В частности, с начала 2000-х годов Китай продолжал увеличивать оборонный бюджет на двузначные числа в течение 14 финансовых лет подряд, опередив Японию и став вторым в мире по размеру военных расходов. С приходом к власти Си Цзиньпина Китай усилил усилия по реформированию военной структуры и переориентации военных учений, чтобы «выигрывать войны».

В дополнение к увеличению оборонных расходов Китай также усилил своё военное положение за счёт освоения передовых военных технологий из-за рубежа через открытость для иностранных стран.

Китай достиг значительного прогресса в некоторых областях благодаря усилиям по модернизации вооруженных сил, в частности, в области обычных ракет и морской мощи. Китай владеет примерно 1500 короткодействующими ракетами, 450 ракетами средней дальности, 160 ракетами среднего и большого радиуса действия, а также сотнями крылатых ракет большой дальности. В этом арсенале присутствуют ракеты DF-21D, способные атаковать американские авианосцы. Баллистические ракеты Китая способны нейтрализовать военные базы США в западной части Тихого океана в течение нескольких часов, а также создавать серьезные угрозы для американских авианосцев и других судов в этом регионе (Townshend and Thomas-Noone et al., 2019).

В 2012 году Китай ввёл в строй свой первый авианосец Ляонин, а в 2019 году – второй авианосец и первый построенный в Китае – Шаньдун. Кроме того, в 2017 году Китай запустил эсминец нового поколения типа 055, Наньчан (Marcus, 2018). По оценкам США, китайский флот уже превысил 300 кораблей, а способности китайской береговой охраны также значительны.

Несмотря на эти усилия Китая, разрыв в военной мощи с США все еще заметен. Особенно на глобальном уровне Китай не может конкурировать с США. Однако, в отличие от США, чья военная мощь распределена по всему миру, китайская военная мощь сосредоточена в Восточной Азии. Это, наряду с географическими преимуществами Китая в Восточной Азии, сокращает разрыв между двумя странами. В этом контексте становится понятным, почему в США растет беспокойство.

Прогнозы на будущее предполагают, что по мере продолжения усилий Китая по увеличению военной мощи разрыв между двумя странами будет сокращаться еще больше. Способность Китая массово строить современные военные корабли и передовые патрульные суда изменит баланс военных сил в регионе в его пользу, а «военная активность» в Южно-Китайском море увеличит его контроль над регионом. Например, Военно-морская военная академия США (The U.S. Naval War College) прогнозирует, что к 2030 году Китай будет иметь более 430 кораблей и более 100 подводных лодок, что в два раза превысит размеры американского флота. Особенно если Китай к 2025-2030 годам успешно развернет четыре авианосца, его способность проецировать силу значительно увеличится, что станет переломным моментом. Один китайский эксперт осторожно предсказывает возможность значительных изменений. Он оценивает, что Китай к 2020 году увеличит количество крупных военных кораблей до примерно 100 единиц, что позволит ему конкурировать с США в Тихоокеанском регионе, и через 10-20 лет Китай сможет обеспечить определенное стратегическое превосходство над США в прибрежных водах.

Восхождение Китая, как уже было упомянуто ранее, даже несмотря на его незавершенность, уже начало оказывать влияние на мировой порядок. Это происходит из-за взрывного потенциала роста Китая и «относительного упадка» США. Во-первых, быстрое восхождение усилило международное самоуверенство Китая за счет его огромного потенциала. Размер и скорость восхождения убедили китайцев в том, что увеличение национальной мощи позволит реализовать национальные интересы и усилить международное влияние. С другой стороны, международное лидерство США начало колебаться после финансового кризиса 2008 года. Особенно в Китае, где наблюдали за тем, как США ищут сотрудничество для преодоления экономического кризиса, изменилось вос-

приятие существующего порядка. Согласно Ву Синьбо (吴心伯) из Фуданьского университета, Китай признал, что извлек выгоду из существующего международного порядка, но одновременно обнаружил множество «структурных» недостатков в «западноцентричных» ценностях, нормах и системах.

Изменения во внешнем восприятии повлияли на поведение Китая, которое, в свою очередь, начало воздействовать на международную систему и порядок. Этот процесс начал проявляться после мирового финансового кризиса 2008 года и стал более заметным после того, как Си Цзиньпин пришел к власти в 2012-2013 годах. В первую очередь после мирового финансового кризиса произошло изменение в основных принципах внешней политики Китая. Если ранее Китай сосредотачивался на создании стабильной международной среды, необходимой для экономического развития, то теперь он начал активно расширять свои интересы и усиливать влияние. В то время Китай начал подчеркивать необходимость усиления своего влияния на международной арене. Кроме того, Китай начал выдвигать свои «коренные интересы» и использовать усиленную мощь для их реализации. В июле 2009 года на стратегическом и экономическом диалоге с США китайский государственный советник по внешним делам Ян Цзечи представил коренные интересы, включая защиту политической системы и национальной безопасности, суверенитет и территориальную целостность, а также устойчивое и стабильное экономическое и социальное развитие. На следующий год он расширил список коренных интересов, включив в него Южно-Китайское море. Такое открытое заявление о коренных интересах символизировало переход китайской внешней политики от акцента на сотрудничестве и взаимной выгоде к настойчивой реализации собственных интересов, даже в условиях конфликта [1].

Агрессивная политика Китая стала еще более заметной после того, как Си Цзиньпин взял власть в 2012-2013 годах. Си Цзиньпин сразу после вступления в должность заявил о принципах «двух никогда не сдаваться», подчеркнув, что Китай никогда не откажется от своих законных прав и не пожертвует своими ключевыми интересами. Это показало, что фокус Китая переместился от поддержания региональной стабильности к обеспечению своих прав. Китай установил и подчеркнул «принципы» по своим ключевым интересам, стремясь к сотрудничеству и взаимной выгоде в связанных спорах, а также соблюдению международных правил, предпочитая устанавливать приемлемые границы и требовать от других стран уважения к своим ключевым интересам, а также стремясь принудить их к этому силой.

В рамках правления Си Цзиньпина Китай принял ряд мер для защиты своих прав. В ноябре 2013 года Китай объявил о создании зоны идентификации воздушной обороны над Восточно-Китайским морем, включив в нее территорию, уже покрытую зонами идентификации воздушной обороны Южной Кореи и Японии, тем самым отказавшись признать существующее положение вещей. Более того, в 2014 году Китай построил семь искусственных островов в Южно-Китайском море и начал их военную активизацию, ясно демонстрируя намерение изменить ситуацию силой. Кроме того, в июле 2016 года Китай отказался принять решение Международного арбитражного суда по рифу Скарборо, тем самым показав, что не намерен соблюдать международные правила, связанные с суверенитетом. Таким образом, Китай стремится не только переопределить региональную ситуацию в Восточной Азии, но и переформировать существующий международный порядок. В отличие от своих предшественников, ко-

торы подчеркивали мир и стабильность в международной системе, Си Цзиньпин стремился активно устранить разрыв между растущей национальной силой и слабым международным влиянием. Это намерение начало проявляться с его приходом к власти в 2013 году. Ван И, министр иностранных дел Китая во время правления Си Цзиньпина, с 2013 года подчеркивал «особенности» китайской внешней политики и в 2014 году конкретизировал их как «китайские решения» и «китайскую мудрость». Это было попыткой устранить недостатки западных норм, при этом Китай, чья сила росла, не стремился слепо следовать западным международным нормам, а предпочитал продвигать свои предпочтения и ценности [3].

Эти усилия Китая по реформированию и лидерству в глобальном управлении привели к заметным изменениям. Си Цзиньпин неоднократно заявлял о своем намерении реформировать существующую систему. Например, в октябре 2015 года он провел групповое обучение Политбюро по теме «структура и система глобального управления», подчеркивая важность реформ. Он выразил намерение реформировать недостатки в глобальном управлении и реализовать «китайскую мечту». Си Цзиньпин продолжил подчеркивать необходимость реформирования глобального управления и активную роль Китая на 18-м съезде Коммунистической партии Китая, групповом обучении в сентябре 2016 года, 19-м съезде партии и Центральной внешнеполитической конференции в июне 2018 года.

Помимо заявлений о намерениях, Китай также предпринял практические шаги, такие как создание альтернативных международных организаций. Эти усилия начались еще до того, как Си Цзиньпин в 2013 году вступил в должность. Он выдвинул инициативу «Один пояс, один путь» и подчеркнул необходимость создания Азиатского инфраструктурного инвестиционного банка (АИВ) для ее реализации. Создание АИВ показало, что Китай готов конкурировать с существующими международными учреждениями, создавая более реагирующие на свои интересы структуры. Несмотря на протесты со стороны США и Японии, Китай запустил АИВ в январе 2016 года с 57 странами-участницами [4]. Это было свидетельством намерения Китая оказывать доминирующее влияние, обещая предоставить половину из обещанных 100 миллиардов долларов начального капитала. Таким образом, Китай стремится предложить альтернативный порядок, предоставляя общественные блага, такие как улучшение инфраструктуры в азиатских странах, вместо существующих организаций, таких как Азиатский банк развития (АБР). Это вызвало подозрения о том, что Китай пытается реформировать международные отношения в соответствии со своими предпочтениями. В ответ на эти подозрения Китай утверждает, что создание АИВ направлено на «дополнение и улучшение» существующего международного экономического порядка.

Инициатива «Один пояс, один путь» является крупномасштабной инициативой Китая по зарубежным инвестициям и экономическому развитию. В основном она направлена на продвижение экономической и инфраструктурной интеграции, экспортируя избыточные производственные мощности и капитал в соседние регионы для укрепления экономических связей и увеличения влияния. Хотя в Китае считают, что инициатива «Один пояс, один путь» будет способствовать реформированию существующей мировой экономической системы управления, некоторые зарубежные эксперты высказывают опасения, что это может изменить правила в об-

ласти развития и финансов, а также рамки взаимодействия и сотрудничества в регионе, оказывая шок на существующую систему. В частности, в США выражается беспокойство, что инициатива может способствовать увеличению долговых обязательств стран, участвующих в проекте, и расширению военного присутствия Китая за рубежом, усиливая его политическое и экономическое влияние как геополитический инструмент [5].

Рост военной мощи Китая представляет собой значительный вызов для существующего международного порядка и геополитического баланса. Китай активно использует свою усиленную военную мощь для продвижения национальных интересов, особенно в Южно-Китайском море, одновременно стремясь переформатировать международные отношения в соответствии со своими предпочтениями. Это создает новые вызовы и возможности для других государств, особенно для Соединенных Штатов, поскольку они сталкиваются с необходимостью переосмыслить свои стратегические приоритеты и подходы в свете усиливающегося влияния Китая на международной арене.

Пристатейный библиографический список

1. Kim Kwan-Ok. Study on the US-China Trade War: Focusing on the Analysis of Protectionist Trade Policies of the Trump Administration // *International Politics Studies*. – 2018. - Vol. 21. - № 1.
2. Kim Jae-Chul. China and the World: Internationalism, Nationalism, and Foreign Policy. - Paju: Hanul, 2017.
3. Kim Jae-Chul. Equality, the Trade Conflict with the United States, and China's Dilemma // *Middle and Small Studies*. - 2019. - Vol. 43. - № 2. - P. 7-35.
4. Korea Institute for International Economic Policy. 2017. "Retrospect and Prospect on the 15th Anniversary of China's Accession to the WTO," KIEP Beijing Office Briefing, [Accessed on January 22, 2020].
5. Guo Shuyong & Ding Weihang. 2019. On the 'Unprecedented Great Changes in a Century': The Era's Connotation and Governance Logic. *Social Sciences*, Issue 9.
6. Ruan Zongze. 2019. Looking at China-US Relations Beyond the Power Transition Misconception. *Global Times*, December 24.

ЖУРМАН Юлия Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЧЕРЕМИСИНА Кристина Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПУЧКИН Дмитрий Константинович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЮДИНА Дарья Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАЛЮЖНАЯ Полина Леонидовна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ОБМЕННОГО КУРСА КИТАЙСКОГО ЮАНЯ НА МЕЖДУНАРОДНУЮ ТОРГОВЛЮ

Данная статья представляет собой глубокий анализ взаимодействия между обменным курсом китайского юаня и международной торговлей. В ходе исследования выявлена долгосрочная коинтеграционная связь между обменным курсом и международной торговлей, подчеркивая важность укрепления юаня как значительного фактора в экономических взаимодействиях. Основные результаты указывают на то, что укрепление юаня способствует увеличению объемов импорта при одновременном снижении экспорта, с эластичностью обменного курса 0,2556 для экспорта и 1,7648 для импорта. Однако, несмотря на эти изменения, укрепление юаня не оказывает заметного влияния на улучшение избытка торгового баланса, что может быть связано с доминирующей ролью обработки торговли в экономике Ляонина. Это исследование предлагает новый взгляд на роль обменного курса в международной торговле и подчеркивает сложность взаимосвязей в глобальной экономической среде.

Ключевые слова: обменный курс, китайский юань, международная торговля, экономика Китая, экспорт, импорт, глобальная экономика, валютная волатильность, отраслевой анализ, макроэкономические тенденции.

ZHURMAN Yuliya Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CHEREMISINA Kristina Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PUCHKIN Dmitry Konstantinovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YUDINA Darya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KALYUZHNEYA Polina Leonidovna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE IMPACT OF THE DYNAMICS OF THE CHINESE YUAN EXCHANGE RATE ON INTERNATIONAL TRADE

This article provides an in-depth analysis of the interaction between the Chinese yuan exchange rate and international trade. The study revealed a long-term co-integration relationship between the exchange rate and international trade, emphasizing the importance of strengthening the yuan as a significant factor in economic interactions. The main results indicate that the strengthening of the yuan contributes to an increase in imports while reducing exports, with an exchange rate elasticity of 0.2556 for exports and 1.7648 for imports. However, despite these changes, the strengthening of the yuan has no noticeable effect on improving the trade surplus, which may be due to the dominant role of trade processing in the Liaoning economy. This study offers a new perspective on the role of the exchange rate in international trade and highlights the complexity of interconnections in the global economic environment.

Keywords: exchange rate, Chinese yuan, international trade, Chinese economy, exports, imports, global economy, currency volatility, industry analysis, macroeconomic trends.

Вопрос обменного курса и торговли является очень важным в исследованиях международной экономики. Основной теоретической основой исследований в этой области является условие Маршалла-Лернера, то есть вопрос о том, улучшит ли девальвация валюты страны ее платежный баланс, зависит от эластичности спроса и предложения торговых товаров. Эта теория стимулировала некоторые эмпирические анализы с различными образцами стран. Существует два вывода: одни считают, что колебания обменного курса не оказывают значительного влияния на внешнюю торгов-

лю, другие – наоборот. Хаутаккер и Маги (1969) выдвинули концепцию «пессимизма эластичности». Они считали, что колебания обменного курса, приводящие к изменениям относительных цен, будут снижать эластичность торговли. Роуз и Йеллен (1989) считали, что реальный обменный курс не оказывает значительного влияния на торговлю, проверяя это на торговых данных между Соединенными Штатами и странами Большой семерки с 1960 по 1988 год. Рахман и Муштафа (1996) утверждали, что между реальным эффективным обменным курсом доллара и торговым балансом США

не существует долгосрочных значимых отношений, используя квартальные данные за 1973-1992 годы. Уилсон (2000) считал, что фактические изменения обменного курса не оказывают влияния на торговлю между США и Южной Кореей, а также между Кореей и Японией, основываясь на их многосторонних торговых данных. Однако Бойд и др. (2001) заявили, что изменения обменного курса оказывают значительное влияние на импорт и экспорт, анализируя данные развитых стран. Эту точку зрения поддерживает тайский опыт Брахмасрини и Джираниаку (2002). Сингх (2002) также согласился с этим аргументом, но он дополнительно изучил различие между номинальным обменным курсом и реальным эффективным обменным курсом, используя 35-летние данные с 1960 по 1995 год в Индии, и утверждал, что только реальный эффективный обменный курс оказывал значительное влияние на международную торговлю. Другие исследования, такие как Торбекке и Смит (2010).

В Китае исследования сосредоточены на эмпирическом тестировании применимости условия Маршалла-Лернера для анализа влияния обменного курса на торговлю. Существуют также две точки зрения. Первая состоит в том, что условие Маршалла-Лернера не применимо в Китае, и колебания обменного курса оказывают малое или даже никакое влияние на торговлю, например, Ли Инин и др. (1991), Чэнь Бяору (1992), Се Цзяньго, Чэнь Лигао (2002), Шэнь Гобин и Ян Йи (2005) и др. Напротив, некоторые аргументы поддерживают, что укрепление китайского юаня улучшит торговый баланс, и условие Маршалла-Лернера применимо в Китае. Например, Дай Зусян (1997), Се Чжаньюн и др. (1999), Лу Сянцян и Дай Гоцян (2005), Ли Хунбин и др. (2011). В этих исследованиях обычно используются методы OLS и VAR для анализа взаимосвязи между обменным курсом и международной торговлей на основе национальных данных. Мало региональных исследований. Поэтому значимо изучать региональные данные.

В Китае, после реформы режима обменного курса в 1994 году, в 2005 году была проведена реформа режима обменного курса юаня. До настоящего времени китайский юань укрепляется, что точно повлияет на международную торговлю Китая. Между тем, как один из прибрежных районов Китая, провинция Ляонин ускорила темпы открытости. Объем международной торговли вырос с 13,73 миллиардов долларов в 1999 году до 95,96 миллиардов долларов в 2011 году. С ростом международной торговли торговый баланс увеличился с 2,67 миллиардов долларов в 1999 году до 6,12 миллиардов долларов. Так в чем же заключается взаимосвязь между укреплением китайского юаня и международной торговлей? В статье анализируется воздействие с использованием данных за 1999-2011 годы из провинции Ляонин, Китай, с применением метода OLS. Раздел 2 посвящен модели и источникам данных для эмпирического тестирования. Раздел 3 показывает результаты эмпирического анализа. Раздел 4 содержит некоторые обсуждения и выводы. Улучшение международного торгового избытка в Ляонине затруднено из-за укрепления китайского юаня, поскольку основным методом торговли в Ляонине, Китай, является обработка торговли [1].

Для анализа влияния укрепления китайского юаня на международную торговлю были разработаны функции

спроса на экспорт и импорт, представленные в уравнениях 1 и 2.

$$ex = b + \alpha \times e + \gamma \times y^* + i \quad (1)$$

$$im = c + \kappa \times e + h \times y + \mu \quad (2)$$

Где ex и im обозначают спрос на экспорт и импорт соответственно, b и c - постоянные элементы. e - номинальный эффективный обменный курс (здесь используется прямая котировка, а китайский юань - внутренняя валюта). α и γ - гибкость обменного курса экспорта и импорта. y - национальный доход Ляонина, Китай, а y^* - национальный доход торговых партнеров. может быть рассчитан по валовому региональному продукту на душу населения. ϵ и μ - ошибочные термины. e рассчитывается в соответствии с уравнением 3.

$$\sum (i=1 \text{ to } n) EW_i / e_i = e \quad (3)$$

E - номинальный обменный курс иностранной валюты в терминах китайского юаня. i обозначает различных торговых партнеров. W - вес иностранной валюты, если EX и IM представляют собой экспортную и импортную стоимость, W можно рассчитать по уравнению 4.

$$\sum (EX_i + IM_i) / (EX + IM) = W_i \quad (4)$$

Согласно международной экономической теории, в функции спроса на экспорт национальный доход его торговых партнеров может рассматриваться как экзогенная переменная, поэтому оцениваемая модель может быть упрощена как:

$$ex = b + \alpha \times e + I \quad (5)$$

$$im = c + \kappa \times e + h \times y + \mu \quad (6)$$

Все переменные представлены в логарифмической форме для устранения гетероскедастичности временных рядов. Данные выборки взяты из Китайского статистического ежегодника. Затем проводится тест на корень единицы для определения стабильности данных, и тест коинтеграции для демонстрации их долгосрочного равновесного отношения, наконец, проводится тест Грейнджера для проверки причинно-следственной связи между переменными. Используется программное обеспечение EViews6.0.

Большинство временных рядов не являются стационарными, поэтому перед тестом коинтеграции следует провести тест ADF, чтобы проверить наличие единичного корня в переменных. Результаты показаны в таблице 1.

Из таблицы 1 мы знаем, что, кроме e , переменные ex , im и y нестабильны, но их первые разностные производные стабильны. Таким образом, можно проводить коинтеграционный и регрессионный анализ. Ниже приводятся оценки функции спроса на экспорт и импорт с коинтеграционным тестом и тестом Грейнджера на непричинность [2].

Долгосрочные отношения между укреплением китайского юаня и международной торговлей можно оценить с помощью теста коинтеграции, когда переменные стационарны. Результаты теста коинтеграции показаны в таблице

Таблица 1. Результат теста ADF

Переменная	t-Статистика	Вероятность
e	-3.4271	0.0991
d(e)	-2.6909	0.0122
ex	-2.0474	0.5203
d(ex)	-2.1861	0.0335
im	3.0794	0.1584
d(im)	-3.9983	0.0574
y	-2.1763	0.4510
d(y)	-3.6704	0.0018

*d указывает, что переменная является дифференциальной первого порядка.

Таблица 2. Результат теста коинтеграции

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-Статистика	Вероятность
e	0.2556	0.0439	10.3860	0.0000
b	7.0267	0.2375	29.5818	0.0000

Таблица 3. Тест на корень единицы для ряда остатков

Тип теста	Результат
ADF	-3.5512*
DF-GLS	-3.9145***
PP	-3.8182*
KPSS	0.4146*

*** указывает уровень значимости 10% и 1%.

2. Из таблицы 2 видно, что существует положительная связь между курсом китайского юаня и экспортными операциями, то есть изменение укрепления китайского юаня может объяснить увеличение экспортной торговли на 0,2556.

Для дополнительной проверки стационарности модели проводится тест на корень единицы для ряда остатков. Результаты теста представлены в таблице 3.

Ряд остатков стационарен на уровне значимости 10%. Это означает, что модель стационарна и существует коинтеграционная связь между обменным курсом и экспортной торговлей.

Существует долгосрочная связь между обменным курсом и международной торговлей на основе данных из Ляонина, Даляня. Наблюдается коинтеграционная связь между обменным курсом и международной торговлей в долгосрочной перспективе. Укрепление китайского юаня увеличивает стоимость импортной торговли и уменьшает экспортную стоимость. Эластичность обменного курса экспортной торговли составляет 0,2556, а эластичность обменного курса импорта - 1,7648. Существует только однонаправленная причинно-следственная связь между укреплением китайского юаня и импортно-экспортной торговлей.

Согласно эмпирическому тесту, укрепление китайского юаня не оказывает значительного влияния на улучшение избытка торгового баланса. Это связано с тем, что основным методом торговли в Ляонине, Китай, является переработка торговли. Влияние обменного курса на переработку торгов-

ли проявляется в изменении цен на импортируемое сырье и экспортируемую готовую продукцию. Прибыль от импорта несколько компенсирует потери от экспорта. Таким образом, может быть немного сложно улучшить торговый избыток за счет укрепления китайского юаня [6].

В последние годы китайский юань продемонстрировал значительные колебания на мировом валютном рынке. Эти изменения оказывают влияние не только на внутреннюю экономику Китая, но и на международную торговлю. Особенно это касается стран, активно ведущих торговлю с Китаем.

Согласно данным Всемирного банка, объем внешней торговли Китая продолжает расти, достигая новых высот за последнее десятилетие. Однако эта динамика связана не только с увеличением объемов, но и с изменением структуры торговли, особенно в связи с укреплением юаня. Укрепление валюты влияет на стоимость экспортируемых и импортируемых товаров, что, в свою очередь, ведет к пересмотру торговых стратегий как со стороны Китая, так и его торговых партнеров.

Колебания обменного курса могут влиять на баланс торговли. С укреплением юаня видно увеличение стоимости импорта, что может быть связано с повышением стоимости закупаемых зарубежом товаров. В то же время укрепление валюты может снижать конкурентоспособность китайского экспорта, что отражается в более медленном росте экспортных показателей по сравнению с импортом [3].

Согласно отчетам Международного валютного фонда, в последние годы наблюдается увеличение волатильности обменного курса юаня, что отражается на глобальных торговых потоках. Это особенно важно для стран с развивающимися экономиками, которые активно ведут торговлю с Китаем. Изменение стоимости юаня может оказывать непосредственное влияние на стоимость сырьевых товаров и промышленной продукции.

Особое внимание следует уделить тому, как изменение курса юаня влияет на сектора с высокой добавленной стоимостью, такие как электроника и автомобилестроение.

Таблица 4. Тест Грейнджера на непричинность

Нулевая гипотеза	Наблюд.	F-статистика	Вероятность
e не вызывает по Грейнджеру ex	11	0.0108	0.9893
ex не вызывает по Грейнджеру e	11	4.7877	0.0572

Таблица 5. Результат теста коинтеграции для функции импорта

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-Статистика	Вероятность
e	-1.7648	0.3014	-5.8556	0.0002
y	0.3947	0.2609	1.5131	0.1612
c	9.3609	3.6989	2.5307	0.0298

Таблица 6. Тест на корень единицы для ряда остатков импорта

Тип теста	Результат
ADF	-2.587469**
DF-GLS	-2.520788**
PP	-2.431815**
KPSS	0.082660***

Укрепление юаня может повысить конкурентоспособность иностранных производителей в этих отраслях на китайском рынке, одновременно снижая экспортные возможности китайских компаний [4].

Отрасли с высокой добавленной стоимостью могут быть более чувствительны к изменениям в обменном курсе. Падение экспорта в секторе электроники и автомобилестроения в 2020 году может быть частично связано с укреплением юаня, делающим продукцию менее конкурентоспособной на мировом рынке. В то же время, отрасли, ориентированные на внутренний рынок или менее зависимые от экспорта, такие как тяжелая промышленность, могут демонстрировать рост даже при укреплении национальной валюты.

Динамика обменного курса китайского юаня играет ключевую роль в формировании международной торговой стратегии Китая. Изменения в обменном курсе оказывают прямое воздействие не только на общие объемы экспорта и импорта, но и на структуру торговли в различных отраслях. Это подчеркивает необходимость глубокого анализа макроэкономических тенденций и их влияния на международную торговлю [5].

Существует отрицательная связь между обменным курсом китайского юаня и импортными операциями, то есть изменение укрепления китайского юаня может объяснить сокращение импортной торговли на 1,7648. И уровень дохода будет увеличивать импорт на 0,3909. И существует коинтеграционная связь между обменным курсом и импортной торговлей в долгосрочной перспективе.

Приставительный библиографический список

1. Li Hongbin & Ma Hong, и др. Влияние обменного курса юаня на импорт и экспорт предприятий: эмпирический тест на китайском предприятии // Журнал финансовых исследований. – 2011. – № 2. – С. 21-16.
2. Lu Xiangqian и Dai Guoqiang Влияние колебаний реального обменного курса юаня на китайский импорт и экспорт: 1994-2003 // Журнал экономических исследований. – 2005. - № 5. - С. 31-39.
3. Singh T. Торговый баланс Индии: роль дохода и обменных курсов // Журнал моделирования политики. – 2002. – № 24 (5). – С. 437-452.
4. Shen Guobing, Yang Yi. Взаимосвязь между реальным эффективным обменным курсом юаня и платежным балансом в Китае — анализ на основе месячных данных 1990-2004 гг. // Журнал Института партии Нанкина КПК и Административного института Нанкина. – 2005. – № 5. – С. 11-16. (на китайском)
5. Rose A. K. & Yellen J. L. (1989). Есть ли J-кривая? // Журнал монетарной экономики. – 1989. – № 24. – С. 53-68.
6. Rahman M. & Mustafa M. Танцы реального обменного курса доллара США и реального торгового баланса США // Письма по прикладной экономике. – 1996. – № 3 (12).
7. Houthakker H. S. & Magee S. P. Доходные и ценовые эластичности в мировой торговле // Обзор экономики и статистики. – 1969. – № 51 (2). – С. 111-125.

КИРИЛЮК Антон Витальевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БУРНОС Аделина Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ХОЛОД Егор Константинович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОМЕНИЮК Виктория Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НЕСИНА Алина Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ И СТРАХОВЫХ АСПЕКТОВ МОРСКОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

В данной статье проводится всесторонний анализ правовых и страховых аспектов, связанных с морским транспортом. Рассматривается роль коносамента как ключевого документа в морской перевозке, особое внимание уделяется анализу неизвестных слов и условий в коносаменте и их юридическом значении. Акцентируется внимание на международных правилах и законодательстве, управляющих морскими перевозками, включая Правила Гааги, Гааги-Висби и Гамбурга. Особое внимание уделено морскому страхованию, включая страхование корпуса судна и страхование ответственности владельцев судов (P&I страхование), а также роли страхования в управлении рисками в морских перевозках.

Ключевые слова: морской транспорт, коносамент, международное морское право, неизвестные слова и условия, страхование в морском транспорте, гамбургские правила, P&I страхование, управление рисками в морских перевозках.

KIRILYUK Anton Vitalievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BURNOS Adelina Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KHOLOD Egor Konstantinovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GOMENYUK Viktoriya Anatoljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NESINA Alina Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ANALYSIS OF LEGAL AND INSURANCE ASPECTS OF MARITIME CARGO TRANSPORTATION

This article provides a comprehensive analysis of the legal and insurance aspects related to maritime transport. The role of the bill of lading as a key document in maritime transportation is considered, special attention is paid to the analysis of unknown words and conditions in the bill of lading and their legal meaning. The focus is on international rules and legislation governing maritime transport, including the Hague, Hague-Visby and Hamburg Rules. Special attention is paid to marine insurance, including hull insurance and ship owners liability insurance (P&I insurance), as well as the role of insurance in risk management in maritime transportation.

Keywords: maritime transport, bill of lading, international maritime law, unknown words and conditions, insurance in maritime transport, Hamburg rules, P&I insurance, risk management in maritime transport.

Морской транспорт остается краеугольным камнем международной торговли, обеспечивая перевозку огромного объема грузов по всему миру. Основным документом, регулирующим эти перевозки, является коносамент, который служит не только как доказательство соглашения о перевозке, но и как важный финансовый инструмент. В этой статье мы анализируем правовые аспекты, связанные с коносаментами, включая роль неизвестных слов и условий, которые играют ключевую роль в защите прав и обязанностей всех участников морской перевозки. Мы также исследуем международные правила и законодательство, управляющие морскими перевозками, и рассматриваем морское страхование как средство управления рисками.

В морской перевозке грузов обычно выдается коносамент (bill of lading), который является переводимым документом. Морской перевозчик обязан доставить товары, соответствующие содержимому коносамента. Однако, учитывая, что морской перевозчик получает запросы на транспортировку от множества грузоотправителей и должен быстро погружать и транспортировать различные виды грузов, проверка каждого товара по весу, количеству или качеству имеет свои ограничения. Это может помешать эффективности транспортировки, поэтому на практике в коносаменте указываются неизвестные слова или условия, ограничивающие ответственность перевозчика [1].

Неизвестные слова (unknown wording) в коносаменте означают, что «содержание, вес, количество, качество и т.д. груза» соответствуют заявленному грузоотправителем, и перевозчик не несет ответственности за точность спецификации груза. Типичные примеры неизвестных слов включают «said to contain» (предполагается, что содержит), «shipper's load and count» (грузоотправитель загружает и считает), «weight unknown» (вес неизвестен). Неизвестные условия (unknown clause) означают, что перевозчик принимает груз так, как он есть, на основе информации, предоставленной грузоотправителем, и не несет ответственности, если фактическое содержание груза не соответствует указанному в коносаменте.

Если строго различать неизвестные слова и условия, то первые относятся к фразам, указанным на лицевой стороне коносамента о том, что перевозчик не знает точного содержания груза, в то время как вторые представляют собой условия, напечатанные на обратной стороне коносамента, указывающие, что перевозчик не знает содержания груза. С точки зрения правового приоритета, неизвестные слова имеют приоритет перед неизвестными условиями. Однако на практике термин «неизвестные условия» часто используется включающие, и в основном они понимаются как одно и то же.

Морской транспорт играет ключевую роль в глобальной торговле, обеспечивая перемещение больших объемов грузов между континентами. Коносамент, являясь ключевым документом в морской перевозке, служит доказательством контракта на перевозку груза, документом, удостоверяющим загрузку груза на борт судна, и может использоваться как инструмент для финансирования торговли.

Эти оговорки часто используются для защиты перевозчиков от ответственности за неточности в информации о грузе, которую предоставляют грузоотправители. Они ограничивают ответственность перевозчика за такие аспекты, как точный вес, количество или состояние груза в момент его погрузки [2].

Различные международные конвенции, включая Правила Гааги, Гааги-Висби и Гамбурга, были разработаны для унификации правил, касающихся морских перевозок и коносаментов. Эти конвенции определяют стандарты, которым должны соответствовать коносаменты, и устанавливают правила ответственности перевозчиков.

Морская страховка является важным элементом в цепочке перевозки грузов, позволяя как перевозчикам, так и грузоотправителям защититься от потерь, связанных с рисками морской перевозки. Включает в себя страхование корпуса судна, страхование ответственности владельцев судов (P&I страхование) и страхование груза.

Этот тип страхования покрывает ответственность владельцев судов за различные риски, связанные с эксплуатацией судов, включая ущерб третьим лицам, загрязнение и риски, связанные с грузом.

Неизвестные условия, хотя и ограничивают ответственность морского перевозчика, могут нарушить циркуляцию коносамента. Поэтому вопрос о признании и ограничении действия неизвестных условий всегда был предметом обсуждений.

Коносамент является переводимым документом, подлежащим передаче и имеющим такую же ценность, как и сам груз. В статье 854 Торгового кодекса регламентируются обязательства, вытекающие из коносамента. Согласно этому положению, содержание коносамента имеет презумпцию для грузоотправителя, а для получателя груза и других добросовестных держателей коносамента - окончательное действие. Таким образом, перевозчик обязан доставить груз получателю в соответствии с указаниями коносамента [3].

Содержание коносамента включает «вид, вес или объем груза, упаковку, количество и маркировку», как это определено в статье 853 Торгового кодекса, но этот же пункт также позволяет опускать такие указания, если есть значительные причины сомневаться в точности указанного веса, объема, количества или если нет подходящего способа для их проверки. Это позволяет защитить морского перевозчика и повлиять на циркуляцию коносамента.

В текущем Торговом кодексе нет прямых положений о неизвестных условиях, но Верховный суд признает их действие, указывая, что если грузоотправитель непосредственно загружает груз в контейнер и запечатывает его, а затем передает его перевозчику для погрузки на судно, в этом случае неизвестные слова на коносамента являются действительными, и их действие распространяется даже на те аспекты груза, которые трудно проверить для перевозчика [8].

Международные правила и законодательство различных стран также в целом признают действие неизвестных слов. В правилах Гааги нет специальных положений, касающихся неизвестных слов, но в статье 3, пункт 3 указано, что перевозчик не обязан указывать в коносаментах символы, количество, объем или вес, если есть существенные причины сомневаться в точности этих данных или если нет способа для их проверки. Это аналогично статье 853 Торгового кодекса. Правила Гааги-Висби защищают добросовестных третьих лиц, владеющих коносаментом, и в остальном совпадают с правилами Гааги.

В правилах Гамбурга перевозчику разрешается вставлять в коносамент оговорки, касающиеся спецификации груза (статья 16, пункт 1), и, если в коносаментах нет указаний о внешнем состоянии груза, считается, что перевозчик принял груз в хорошем состоянии.

В Великобритании Закон о морской перевозке грузов 1971 года (COGSA, 1971) включает в себя правила Гааги-Висби, таким образом, его содержание аналогично упомянутым правилам. В США существуют морские законы, относящиеся к внутренней перевозке (Закон Хартера, 1893 г.), коносаментам, применяемым к межгосударственным перевозкам и международным перевозкам, отправляющимся из США (Закон Померене, 1916 г.) и За-

кон о морской перевозке грузов, применяемый к международным перевозкам (COGSA, 1936 г.) [5].

Морская перевозка связана с уникальными рисками, такими как затопление, столкновение и срыв судна на мель. Для уменьшения потерь, связанных с этими рисками, морская страховка является неотъемлемой частью морских перевозок. Страхование корпуса судна и страхование ответственности владельцев судов (P&I insurance) заключается перевозчиками, в то время как грузоотправители обычно оформляют страхование груза. Морской страховой контракт основывается на принципе абсолютной добросовестности (utmost good faith), как это определено в статье 17 Закона о морской страховке 1906 года в Великобритании.

Защита морского перевозчика с помощью системы страхования ответственности владельцев судов (P&I страхование). Сущность P&I страхования Морской перевозчик (или владелец судна) заключает страхование корпуса судна для защиты от ущерба, нанесенного его судну, и одновременно страхует свою ответственность перед третьими лицами через страхование ответственности владельцев судов (P&I страхование). P&I страхование покрывает ответственность владельца судна или арендатора за ущерб, причиненный в процессе эксплуатации судна.

Сущность страхования корпуса судна Морской перевозчик (или владелец судна) заключает страхование корпуса судна для защиты от ущерба, связанного с такими событиями, как столкновение судов. Первоначально P&I страхование покрывало ответственность за ущерб, вызванный столкновением, и ответственность за ущерб, причиненный людям, которое не покрывалось страхованием корпуса судна, но сейчас оно расширено и на ответственность за ущерб грузу [7].

Страховой интерес в страховании корпуса судна может включать не только интересы владельца судна, но и интересы залогодержателей или интересы арендаторов судна в использовании судна. Следовательно, залогодержатели и арендаторы судна также могут быть страхователями или застрахованными лицами по страхованию корпуса судна. Кроме того, управляющие судном также могут иметь страховой интерес.

Страхование корпуса судна охватывает не только суда, используемые для коммерческих операций или других прибыльных целей, но и все объекты, которые могут быть признаны судами в общепринятом смысле этого слова.

Морское страхование играет ключевую роль в управлении рисками, связанными с морским транспортом, и обеспечивает необходимую защиту от потерь и ущерба. Данное исследование подчеркивает необходимость постоянного анализа и обновления международного морского права и практики страхования для адаптации к меняющимся условиям мировой торговли и технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Ли Вон Чонг. Начало периода страхования в морском страховании груза // Журнал Корейского общества морского права. - 2019. - Том 41. - № 1.
2. Чан Санг Кюн. Ограничение ответственности морского перевозчика за упаковку // Журнал Корейского общества морского права. - 2004. - Том 26. - № 2.
3. Пак Се Мин. Сравнительный анализ положений страхового полиса столкновения судов СООР и стандартного полиса страхования судов от 1983 года // Журнал Корейского общества морского права. - 2017. - Том 39. - № 1.
4. Чхве Чон Хён. Направления развития корейского морского права // Журнал Корейского общества морского права. - 2009. - Том 31. - № 1.
5. Ли Ки Су и Шин Чан Соп. Международное право коммерческих сделок. - 7-е издание. Издательство Сечан, 2019.
6. Страхование право. - 5-е издание. Издательство Пакёна, 2020.
7. Кэрл Мюррей. Экспортная торговля Шмитхоффа: Закон и практика международной торговли. 11-е издание. Sweet & Maxwell, 2009.
8. Ким Сан Ман и Ким Чонхо. Юридический эффект неизвестного условия в коносаментах в соответствии с международными правилами // Северокаролинский журнал международного права. - 2016. - Том 42. - № 1.

КУЦЕПАЛОВА Валерия Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАСТЮКОВА Ирина Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАБИЧЕВА Анастасия Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВИНОГРАДОВА Софья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПЕСТРЕЦОВ Иван Вячеславович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОНЦЕПЦИИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЧНОЙ И МЕСТНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В данной статье исследуется развитие и ключевые аспекты публичной и местной дипломатии в контексте современных международных отношений. Основное внимание уделено эволюции понятий публичной и местной дипломатии, их значению в контексте глобализации и технологических изменений. Анализируются новые формы международного взаимодействия и сотрудничества, возникающие в результате активного участия различных уровней правительства и негосударственных акторов в международной арене.

Ключевые слова: публичная дипломатия, местная дипломатия, международные отношения, глобализация, международное сотрудничество, городская дипломатия, параллельная дипломатия, субнациональная дипломатия.

KUTSEPALOVA Valeriya Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MASTYUKOVA Irina Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BABICHEVA Anastasiya Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VINOGRADOVA Sofya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PESTRETSOV Ivan Vyacheslavovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CONCEPTS AND CHARACTERISTICS OF PUBLIC AND LOCAL DIPLOMACY

This article examines the development and key aspects of public and local diplomacy in the context of modern international relations. The main attention is paid to the evolution of the concepts of public and local diplomacy, their significance in the context of globalization and technological changes. New forms of international interaction and cooperation arising from the active participation of various levels of government and non-state actors in the international arena are analyzed.

Keywords: public diplomacy, local diplomacy, international relations, globalization, international cooperation, urban diplomacy, parallel diplomacy, subnational diplomacy.

В эпоху глобализации и ускорения технологических инноваций международные отношения претерпевают значительные изменения. Публичная и местная дипломатия становятся ключевыми элементами в формировании нового ландшафта международного взаимодействия. В данной статье анализируется эволюция этих форм дипломатии, их вклад в развитие глобального диалога и сотрудничества. Особое внимание уделяется роли различных акторов, включая городские и региональные органы власти, в формировании современных международных отношений.

Понятие «публичной дипломатии» (public diplomacy) было впервые предложено в середине 1960-х годов в США, в Университете Тафтса, в Исследовательском институте публичной дипломатии имени Эдмунда А. Мурроу (Edmund A. Murrow Center for Public Diplomacy). Основателем института, Эдмундом А. Гуллионом (Edmund A. Gullion), было предложено первоначальное определение этого понятия. В то время публичная дипломатия определялась как «средства, с помощью которых правительства, частные группы и отдельные

лица пытаются оказать влияние на настроения и мнения иностранных общественностей и правительств» (USC CPD, 2006).

Акцент в этом понятии и его контекст можно выделить следующим образом: во-первых, это процесс установления прямых отношений между гражданами разных стран для продвижения интересов и ценностей, представляемых национальными правительствами; во-вторых, это процесс общения правительства с гражданами других стран для повышения понимания их собственных национальных целей, политики, идеалов, институтов и культуры; в-третьих, как концепция, сосредоточенная на Соединенных Штатах, это предоставление общего видения, надежд и процветания иностранным обществам для продвижения интересов США (USC CPD, 2006).

Для более глубокого понимания публичной дипломатии недостаточно ограничиваться только историческими и институциональными аспектами или простым определением концепции. Следовательно, необходимо более аналитически изучить эту концепцию.

Во-первых, общее понятие «публичного» (公共: public) и его объект напоминают о концепции «публичного» в политических науках, сосредоточенной на правительстве. Однако понятие «публичного» в контексте «публичной дипломатии» относится к «общественности», традиционно исключаемой из сферы «дипломатии». Здесь «общественность» в узком смысле относится к населению иностранных государств, а в широком – к глобальному гражданству. Однако современная публичная дипломатия, или «новая публичная дипломатия», подчеркивает расширение объекта «общественности», включая в эту категорию не только граждан своей страны («гражданская дипломатия»), но и иностранцев внутри страны, а также глобальную диаспору. Это отражает тенденцию к усилению роли общественности через дипломатическое партнерство (сотрудничество) между различными акторами с участием правительства. Однако в контексте государственно-ориентированной публичной дипломатии полное участие общественности все еще недостаточно.

Следовательно, при учете этой тенденции к изменениям, переосмысление понятия «публичного» может быть необходимым. То есть необходим переход к пониманию «публичного» в практическом смысле, включая коллективное обсуждение, согласование, решение и реализацию «общественных» проблем политического сообщества, подчеркивая активную и разделенную роль всех заинтересованных сторон. «Публичное» также может быть расширено до концепции «открытой», «доступной» и «коммуникативной» дипломатии, где «общее» относится к общим проблемам политического сообщества, а «общественный интерес» – к общим интересам участников этого сообщества. Далее, понятие «совместного» (共) может означать «совместную дипломатию» или «сетевую дипломатию», подчеркивая разнообразие участников (центральное правительство + различные неправительственные заинтересованные стороны) и подходы к участию (совместное сотрудничество или партнерство и нелинейные сетевые связи).

Для глубокого анализа понятия публичного в контексте публичной дипломатии необходимо также рассмотреть дополнительные базовые дискуссии, выходящие за рамки обсуждения в области публичной дипломатии (Jackob, 2008: 3938-3940).

Традиционно местная или региональная дипломатия (local/regional diplomacy) в общем смысле относится к дипломатии, осуществляемой не центральным правительством конкретной страны, а местными органами власти (local governments). В этом контексте можно увидеть связь с дипломатическими отношениями между древними городскими государствами, хотя их масштаб и характер были совершенно иными (Cognato, 2018a).

Местная дипломатия начала институционально развиваться в трех направлениях, начиная с конца 19-го века. Первое направление — это формирование многосторонних глобальных сетей для проведения дипломатии, что отличается от простой дипломатии между локальными властями. В качестве примера можно привести движение городов в международном масштабе, начавшееся с конца 19-го века до начала 20-го века, включая Фабианскую муниципальную программу (Fabian Municipal Program, 1891) и другие подобные инициативы. В 1913 году был создан Международный союз городов (UIV), который впоследствии был преобразован в Международный союз местных органов власти (IULA), став фактическим началом этой системы.

Второе направление — это городская дипломатия (city diplomacy), которая включает в себя разнообразные формы местной дипломатии, отличающиеся по масштабу городов, их способностям и необходимости международного участия. Среди этих городов особое место занимают мировые или мегаполисы (global/mega-cities), обладающие наиболее развитыми способностями к ведению систематической дипломатии. Важной международной организацией местных органов власти является Мировой союз местных органов власти (UCLG), созданный в 2004 году в результате слияния нескольких организаций, включая Метрополис (METROPOLIS). UCLG классифицирует города на метрополитенские районы

(с населением более 1 миллиона человек), средние города (с населением от 50 тысяч до 1 миллиона) и другие территории (с населением менее 50 тысяч, включая малые города и сельские районы). Особое внимание уделяется мегаполисам, которые, хотя и не имеют сильной юридической автономии для ведения внешней политики, тем не менее активно занимаются дипломатией на международном уровне.

Третье направление — это местная дипломатия, в которой доминирующими акторами являются регионы (regions), обладающие большей масштабностью и способностями, а также определенной политической ориентацией. Общепринятое определение этой формы дипломатии в академической среде заключается в том, что она включает в себя формальные и неформальные двусторонние или многосторонние контакты субнациональных правительственных акторов с иностранными государствами (как местными органами власти, так и частными субъектами) в сфере международных отношений (Cognato, 2010).

Существует также понятие «параллельной дипломатии» (paradiplomacy), впервые введенное в академическую дискуссию Панайотисом Солдатосом (Panayotis Soldatos) и Иво Духачеком (Ivo Duchacek) в 1980-х годах. Духачек впоследствии отказался от своего термина «микродипломатия» (microdiplomacy) в пользу «параллельной дипломатии», поскольку он считал, что последний термин лучше отражает все аспекты отношений с традиционной дипломатией – координирующие, дополнительные и конфликтные (Duchacek, 1990: 32).

Термин «параллельная дипломатия» в настоящее время является одним из ведущих в академическом мире, но он не охватывает всех субнациональных акторов во всех странах. Это связано с разнообразием типов регионов и местностей, занимающихся дипломатической деятельностью. Параллельная дипломатия чаще всего связана с субнациональными субъектами в федеративных государствах, которые имеют достаточно высокий уровень автономии в ведении внешних отношений от центрального правительства. Примерами могут служить штаты США, земли Германии, кантоны Швейцарии, автономные сообщества в испаноязычных странах, а также провинции Франции и Канады. К этой категории также относятся муниципалитеты (Lequesne & Paquin, 2017: 184).

Следует отметить, что существуют различия между разными типами местной дипломатии и даже внутри одного типа. Академические исследования современной местной дипломатии в основном сосредоточены на параллельной дипломатии и глобальной городской дипломатии, основанной на крупных мегаполисах. Однако большинство обычных городов мира, за исключением нескольких специфических случаев, не преодолели периферийность в этих дискуссиях. В этом контексте понятие и практика публичной дипломатии открывают новые возможности для местных органов власти, которые до сих пор были фактически исключены или маргинализированы в сфере дипломатии. Понятие параллельной дипломатии, как наиболее приближенное к традиционной государственной дипломатии, в контексте современной «новой параллельной дипломатии» (new paradiplomacy) играет уникальную роль в повышении уровня других форм местной дипломатии, таких как городская дипломатия, через участие в глобальных сетевых движениях и международных организациях [4].

Местная дипломатия, в своих различных формах, сталкивается с трудностями при попытке обобщения из-за наличия значительных различий как между разными типами, так и внутри одного и того же типа. Академические дискуссии о местной дипломатии в настоящее время в основном сосредоточены на параллельной дипломатии и глобальной городской дипломатии, основанной на крупных городах, хотя большинство обычных городов мира, за исключением нескольких специфических случаев, не могут преодолеть свою периферийность в этих обсуждениях. В этом контексте, концепция и практика публичной дипломатии открывает новые возможности для местных органов власти, которые до сих пор были фактически исключены или маргинализированы в области дипломатии. Параллельная дипломатия,

будучи наиболее близкой к традиционной государственной дипломатии, в контексте современной «новой параллельной дипломатии» (new paradiplomacy) имеет уникальное положение, способствующее повышению уровня других форм местной дипломатии, таких как городская дипломатия, за счет участия в глобальных сетевых движениях и международных организациях.

Таким образом, в контексте публичной дипломатии и местной дипломатии возникает необходимость расширенного понимания этих концепций. Во-первых, важно признать «общественность» как настоящего актора в дипломатии, что требует изменения фундаментального восприятия дипломатии. Во-вторых, необходимо расширить понятие дипломатии, чтобы оно охватывало более широкий спектр участников и институциональных форм на минимально возможном уровне. В-третьих, следует учитывать значимость разнообразных дипломатических акторов и исследовать возможности «дипломатической децентрализации» от центрального правительства к местным властям или другим негосударственным участникам, что может привести к дипломатическому управлению на национальном или глобальном уровне [1].

Текущие обсуждения в этой области сосредоточены на ключевых аспектах современной публичной дипломатии, направленных на преодоление слабостей традиционной публичной дипломатии и разработку различных рекомендаций и стратегий для новой публичной дипломатии. Переосмысление публичной дипломатии от традиционной к новой может быть резюмировано следующим образом: во-первых, в плане акторов, включает расширение сетевой природы публичной дипломатии, включая не только центральные правительства, но и разнообразные негосударственные акторы; во-вторых, в структуре отношений, это отражает разрушение границ и трансформативный проникающий характер, способствующий распределению дипломатических полномочий и горизонтальным сетевым отношениям между участниками; в-третьих, в отношении стиля взаимодействия, это подчеркивает важность многостороннего и взаимного подхода к коммуникации, формирование политических сетей и участие в глобальных общественных сферах. В целом, если такие характеристики будут приняты, публичная дипломатия может преодолеть свой традиционно периферийный статус в сфере дипломатии и постепенно занять более центральное место, что, в свою очередь, может радикально трансформировать характер и методы традиционной государственной дипломатии [3].

Местная дипломатия представляет собой сложное и многообразное явление, которое трудно обобщить из-за значительных различий между различными типами и внутри каждого типа. Современные академические исследования в основном фокусируются на параллельной дипломатии и глобальной городской дипломатии, в то время как большинство обычных городов мира, за исключением некоторых исключений, не могут преодолеть свою периферийность в этих дискуссиях. В этом контексте понятие публичной дипломатии может открыть новые возможности для местных органов власти, которые до сих пор были исключены или маргинализированы в сфере дипломатии. В частности, параллельная дипломатия, как форма, наиболее близкая к традиционной государственной дипломатии, играет уникальную роль в повышении статуса других форм местной дипломатии, таких как городская дипломатия, за счет участия в глобальных сетевых движениях и международных организациях.

Эта роль параллельной дипломатии особенно важна, учитывая, что традиционная дипломатия часто сосредоточена на взаимодействии между национальными правительствами. Однако в современном мире, где глобализация и технологические инновации изменяют природу международных отношений, местные органы власти и другие субнациональные акторы играют все более важную роль в международной арене. Они способны вносить свой вклад в решение глобальных проблем, таких как изменение климата, экономическое развитие, управление миграцией и культурные обмены [5].

В этом контексте публичная дипломатия и местная дипломатия могут сыграть ключевую роль в развитии новых форм международного сотрудничества и взаимодействия. Эти новые формы дипломатии могут облегчить прямое общение и сотрудничество между гражданами разных стран, а также между различными уровнями правительства и негосударственными акторами. Таким образом, они способствуют созданию более инклюзивного и многостороннего подхода к международной политике и управлению.

Понятия публичной и местной дипломатии обеспечивают важный контекст для понимания современных тенденций в международных отношениях. Они подчеркивают значимость разнообразия акторов и подходов в международном диалоге и сотрудничестве, а также предлагают новые возможности для вовлечения широкого спектра участников в решение глобальных проблем и продвижение международного понимания и мира [6].

Публичная и местная дипломатия играют решающую роль в современных международных отношениях. Они предлагают альтернативные подходы и платформы для международного диалога и сотрудничества, включая участие широкого спектра государственных и негосударственных акторов. Эти формы дипломатии способствуют более инклюзивному и многостороннему общению, что критически важно для решения глобальных вызовов и продвижения международного понимания и мира. В заключении подчеркивается необходимость дальнейшего изучения и развития публичной и местной дипломатии как инструментов эффективного международного взаимодействия в 21 веке.

Пристатейный библиографический список

1. Kim Sang-bae. (2013). "Theories of Public Diplomacy of Middle Powers: A Perspective of Attraction and Network". In "Public Diplomacy of Middle Powers", pp. 11-46.
2. Kim Jun-hyung. (2018). "The Beginning and the Path Forward for 'People's Diplomacy'". In "Public Diplomacy of Middle Powers", Jeju Peace Research Institute. No. 2018-07/08/09: 3-6.
3. Song Gi-don. (2016). "Institutionalization of City Diplomacy through International Organizations of Local Governments: A Case Study of the United Cities and Local Governments (UCLG)". «Korean Journal of Local Government & Administration Studies». 30(4): 113-138.
4. Song Gi-don. (2017). "International Organizations of Local Governments, Leverage for City Diplomacy Strategy: Focusing on UCLG (United Cities and Local Governments)". «Globalized Cities». Seoul Research Institute. Vol.18: 54-67.
5. Lee Kwang-seok & Kim Yong-chan. (2010). "The Current Status and Challenges for the Reestablishment of International Administration: Focusing on International Administration Education and Research in Korea". Seoul Administrative Society Winter Conference Proceedings. pp. 197-216.
6. Ha Young-sun & Namgung Gon (Eds.). (2012). "Transformation of World Politics". 2nd Edition. Eulyoo Publishing.
7. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, National Diplomacy Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mofa.go.kr/www/wpge/m_2094.
8. Acuto, Michele et al. (2018). "Toward City Diplomacy: Assessing Capacity in Select Global Cities". Chicago Council on Global Affairs.

МАСТЮКОВА Ирина Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАБИЧЕВА Анастасия Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПЕСТРЕЦОВ Иван Вячеславович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КУЦЕПАЛОВА Валерия Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВИНОГРАДОВА Софья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АНАЛИЗ СПОРА О ДОКДО/ТАКЭСИМА

В данной статье исследуется сложное взаимодействие между международным правом и международными отношениями, анализируется пример спора между Южной Кореей и Японией относительно островов Докдо/Такэсима. В статье освещается эволюция восприятия международного права и ее роль в международных отношениях, начиная с середины XX века. Особое внимание уделяется понятию «эффективной оккупации» и его применению в рамках международного права, а также анализируются юридические и политические аспекты спорного вопроса о суверенитете над островами.

Ключевые слова: международное право, международные отношения, спор о Докдо/Такэсима, эффективная оккупация, суверенитет, международные споры, территориальные претензии.

MASTYUKOVA Irina Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BABICHEVA Anastasiya Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PESTRETSOV Ivan Vyacheslavovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KUTSEPALOVA Valeriya Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VINOGRADOVA Sofya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DYNAMICS OF INTERACTION BETWEEN INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS: ANALYSIS OF THE DISPUTE OVER THE DOKDO/TAKESHIMA

This article explores the complex interaction between international law and international relations, analyzes the example of the dispute between South Korea and Japan over the Dokdo Islands/Takeshima. The article highlights the evolution of the perception of international law and its role in international relations since the middle of the 20th century. Special attention is paid to the concept of "effective occupation" and its application within the framework of international law, as well as the legal and political aspects of the disputed issue of sovereignty over the islands are analyzed.

Keywords: international law, international relations, dispute over the Dokdo/Takeshima, effective occupation, sovereignty, international disputes, territorial claims.

В последние десятилетия мир наблюдает значительные изменения в восприятии и взаимодействии международного права и международных отношений. Эти изменения особенно заметны на примере территориальных споров, таких как длительный конфликт между Южной Кореей и Японией о суверенитете над островами Докдо/Такэсима. В данной статье представлен анализ этого спора, показывающий, как международное право и международные отношения взаимодействуют и влияют друг на друга. Основное внимание уделяется концепции эффективной оккупации и её роли в определении суверенитета, а также анализируется, как исторические, политические и юридические факторы влияют на решение международных

споров. Через призму этого конкретного случая в статье предлагается более широкий взгляд на динамику международного права и международных отношений, подчеркивается их взаимная зависимость и взаимодействие в современном мире.

Долгосрочный спор между Южной Кореей и Японией относительно островов Докдо/Такэсима оставался источником дипломатического напряжения с момента визита бывшего президента Южной Кореи Ли Мён-бака на острова в 2012 году. Несмотря на усилия по налаживанию отношений, спор остается неразрешенным из-за кардинально разных позиций, занимаемых двумя странами. В данной статье рассматриваются сложности этого вопроса, ана-

лизируются исторические, юридические и политические аспекты, продолжающие подпитывать эту контрверсию.

Исторически, сердцевина спора касается трех основных моментов: исторических доказательств, подтверждающих претензии каждой страны на Докдо, законности японской оккупации островов в 1905 году и трактовки международных соглашений, таких как Каирская декларация и Сан-Францисский мирный договор 1951 года. Хотя исторические доказательства играют роль, их значение часто затмевается юридическими интерпретациями в контексте международного права. Неоднозначность в международных договорах по поводу Докдо дополнительно усложняет вопрос, так как ни Каирская декларация, ни Сан-Францисский мирный договор не решают вопрос явно, что приводит к различным толкованиям со стороны Южной Кореи и Японии.

Подход Японии к спору стратегичен, целью является доказательство наличия спора и поиск его решения через международные правовые механизмы. Однако исторические отношения Японии с международным правом отмечены оппортунизмом и несогласованностью. В прошлом Япония то использовала, то игнорировала международное право в зависимости от того, служило ли оно национальным интересам. Например, Япония активно использовала международное право во время отмены неравноправных договоров и аннексии Кореи, но позже игнорировала его во время своей экспансионистской политики в начале 20-го века.

В своих соответствующих аргументациях по поводу Докдо Япония утверждает исторический суверенитет, ссылаясь на Уведомление Префектуры Симанэ 1905 года и утверждая, что Докдо не были включены в перечень территорий, от которых Япония отказалась в Сан-Францисском мирном договоре 1951 года. С другой стороны, Южная Корея поддерживает, что Докдо исторически были корейскими, опираясь на Императорский указ № 41 1900 года и другие исторические документы, оспаривая японские претензии 1905 года как недействительные [2].

В данной статье рассматриваются эти претензии, исследуются юридические и политические аргументы, концепцию эффективной оккупации в приобретении территории, и соответствующие исторические доказательства. Обсуждение направлено на раскрытие сложных аспектов этого спора, обеспечивая всестороннее понимание проблемы и предлагая потенциальные пути ее разрешения.

В территориальных спорах часто переплетаются юридические и политические аргументы, настолько, что иногда сложно отличить одно от другого. Это связано с тем, что страна, опирающаяся только на юридические аргументы, может вызвать подозрения в политической слабости своей позиции, и наоборот. Кроме того, территориальные споры естественным образом вызывают необычайные страсти, и люди готовы бороться и умирать, не отдавая ни дюйма своей территории, независимо от ее практической ценности. В таких условиях трудно ожидать, что люди смогут различать, что такое закон и что он должен быть. Иногда это смешение бывает преднамеренным, как в случае с Южной Кореей и Японией.

Значимость спора о Докдо между Южной Кореей и Японией должна рассматриваться в этом контексте. Ко-

рея и Япония занимают противоположные позиции по вопросу Докдо. Япония утверждает, что поскольку существует юридический спор о Докдо, его следует передать на рассмотрение Международного Суда (МС), чтобы полностью урегулировать вопрос. Япония также настаивает на том, что спор о Докдо подпадает под оговоренный в 1965 году обмен нотами о разрешении споров между Кореей и Японией. С другой стороны, Корея утверждает, что Докдо всегда были неотъемлемой частью Кореи в соответствии с международным правом и историческими фактами, и поэтому сам спор не существует [5]. Соответственно, нет необходимости для Кореи передавать вопрос о Докдо на рассмотрение МС. Корея также утверждает, что даже если спор существует, он является результатом политических атак Японии, и поэтому не подходит для разрешения через МС.

Для понимания различий между Кореей и Японией в отношении их позиций по вопросу Докдо, необходимо понять взаимосвязь между международным правом и международными отношениями. Только признав взаимодействие юридических и политических аспектов по вопросу Докдо, можно говорить о возможности реального урегулирования. В этом отношении анализ взаимосвязи между международным правом и международными отношениями очень важен.

Традиционно международные юристы сосредотачивали свои усилия на описании норм международного права и применении этих норм к конкретным случаям. Они фокусировались на юридическом значении или последствиях событий, предоставляя причины для объяснения поступков государств. С другой стороны, специалисты по международным отношениям интересовались более широкими явлениями, чем просто юридическое регулирование международных дел. Они стремились понять, как и почему государства и другие акторы ведут себя на международной арене. Они сосредотачивались на том, что действительно происходило в определенных условиях и как они могли объяснить взаимодействия и поведение в международных отношениях. Короче говоря, в то время как международные юридические ученые в основном занимались узкими вопросами, связанными с формированием, пропагандой и кодификацией договоров и обычного международного права, специалисты по международным отношениям занимались широкими теориями войны, мира и других крупных международных вопросов [6].

Однако обе точки зрения были некорректны. Международные юристы уделяли слишком мало внимания широкому экономическому и политическому контексту, определяющему формирование международного права; они также не обращали внимания на то, что международное право на самом деле является политическим соглашением по конкретным дипломатическим вопросам. В свою очередь, литература по международным отношениям сосредотачивалась на этом контексте, но специалисты по международным отношениям почти никогда не исследовали, соответствует ли международное право этому контексту и как оно вписывается в него. Они даже рассматривали международное право, как идеализм наивных, занятие мечтателей или сферу школы, которая не понимает международную политику. Соответственно, спе-

циалисты по международным отношениям склонны были полностью игнорировать международное право и международных юристов. Конечно, трудно признать, что международное право не оказывает влияния на современную мировую политику и что государства могут вести себя как им заблагорассудится. Скорее, очевидно, что государства серьезно относятся к международному праву. Как отмечал Луи Хенкин, действительно, «вероятно, что почти все нации соблюдают почти все принципы международного права и почти все свои обязательства почти все время» [7].

Можно подчеркнуть, что в прошлом международные юристы и специалисты по международным отношениям часто воспринимали свои дисциплины как несвязанные друг с другом. Однако, такой подход был ошибочным, поскольку обе области тесно переплетены. Например, международное право не может существовать в вакууме, игнорируя политический и экономический контекст, в то время как международные отношения не могут полностью игнорировать правовые рамки и соглашения.

Это взаимодействие между правом и политикой особенно заметно в спорах, таких как вопрос о Докдо (Такэсима). Здесь становится очевидным, что юридические и политические подходы взаимодополняют друг друга. Например, юридический анализ может выявить правомерность или неправомерность претензий на территорию, в то время как политический анализ может раскрыть стратегические мотивы и последствия таких претензий.

Более того, с середины XX века, особенно в 1970-х и 1980-х годах, начался переход к более интегрированному восприятию международного права и международных отношений. Рост международных режимов и учреждений, увеличение количества правовых систем, включая различные международные суды, способствовали этому изменению восприятия.

В контексте спора о Докдо важно обратить внимание на концепцию «эффективной оккупации», которая является ключевым элементом в определении суверенитета над территорией. Эффективная оккупация предполагает установление и поддержание власти государства на территории, которая не принадлежит другому государству. В случае с Докдо Южная Корея демонстрирует признаки эффективной оккупации, например, через налогообложение и управление ресурсами острова [8].

Конфликт вокруг Докдо также поднимает вопросы о правильности использования концепций международного права, таких как *terra nullius* (ничейная земля) и аннексия. Япония утверждала, что Докдо была *terra nullius* до её аннексии в 1905 году, однако это противоречит доказательствам о том, что остров был частью корейской территории до этого времени.

Изучение спора о Докдо подчеркивает необходимость совместного анализа и взаимодействия между международным правом и международными отношениями, особенно в сложных вопросах территориальных претензий и суверенитета. Это показывает, как важно учитывать как юридические, так и политические аспекты в решении международных споров.

Пристатейный библиографический список

1. Oona A. Hathaway and Harold Hongju Koh, *Foundations of International Law, and Politics*. -New York, NY: Foundation Press, 2005. - P. 1-3.
2. Yasuaki Onuma, "Law and Politics in the International Community," *Law and Politics in the International Community-100 Years of Japan and International Law 1* [in Japanese]. -Tokyo: Sanseito, 2001, - P. 1-34.
3. Yasuaki Onuma. *Inter-civilizational Law: Cases and Materials*. - Tokyo: Toshinto, 1996. - P. 26-27.
4. Kim Chai-Hyung. *Sovereignty over Dokdo in the San Francisco Peace Treaty // Korean Journal of International Law* 52. - 2007. - № 3. - P. 103-124.
5. Shigeki Sakamoto. *Maritime Boundary Delimitation and Territorial Disputes* [in Japanese], *International Law of Maritime Boundary Delimitation*, eds. Shinya Murase and Junichi Eto. -Tokyo: Toshinto, 2008. - P. 57.
6. Kim Charn-Kiu. *Dokdo Is Our Territory // Segye Times*. - 2009. - January 7.
7. *Korea Herald*, September 10, 2012.
8. *Letter of Exchange on the Bringing of the Dokdo Issue before the ICJ*, October 28, 1954.
9. Bogaturov A. *International Relations Theory: A Russian View*. - Moscow: MGIMO-University, 2010.
10. Sarah E. Mendelson and John K. Glenn, eds. *The Power and Limits of NGOs: A Critical Look at Building Democracy in Eastern Europe and Eurasia*. - New York: Columbia University Press, 2002.

СКАЗИН Никита Андреевич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БРЫКОВА Дарья Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАРАГОДИНА Елизавета Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЫМАРЬ Борис Николаевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СВИСТАК Анастасия Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕЗЕРВНАЯ СИСТЕМА И ЕЁ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье анализируется положение Федеральной резервной системы (ФРС) США в контексте её институциональных отношений и политической независимости. Рассматривается историческое развитие и изменения в законодательстве, определяющие структуру и функционирование ФРС. Особое внимание уделяется взаимодействию ФРС с исполнительной и законодательной властями, а также аспектам политической ответственности и контроля. Анализируются ключевые моменты в истории ФРС, влияющие на её операционную независимость и взаимоотношения с федеральным правительством.

Ключевые слова: Федеральная резервная система, политическая независимость, институциональные отношения, монетарная политика, федеральное правительство, законодательная власть, исполнительная власть, контроль и ответственность.

SKAZIN Nikita Andreevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BRYKOVA Darya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KARAGODINA Elizaveta Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAR Boris Nikolaevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SVISTAK Anastasiya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE FEDERAL RESERVE SYSTEM AND ITS INSTITUTIONAL RELATIONS: AN ANALYSIS OF POLITICAL INDEPENDENCE AND RESPONSIBILITY

The article analyzes the position of the US Federal Reserve System (FRS) in the context of its institutional relations and political independence. The historical development and changes in legislation defining the structure and functioning of the Federal Reserve are considered. Special attention is paid to the interaction of the Fed with the executive and legislative authorities, as well as aspects of political responsibility and control. The key moments in the history of the Federal Reserve affecting its operational independence and relationship with the federal government are analyzed.

Keywords: Federal Reserve system, political independence, institutional relations, monetary policy, federal government, legislative power, executive power, control and responsibility.

В статье рассматривается сложное взаимодействие между Федеральной резервной системой (ФРС) США и политической системой страны. Исследуется, как ФРС соотносится с более широкой федеральной политической структурой, а также анализируется её политическая независимость и ответственность. Приводится исторический контекст возникновения и развития ФРС, обсуждаются ключевые изменения в её статусе и полномочиях на протяжении времени. Особое внимание уделяется влиянию законодательной и исполнительной властей на политику и деятельность ФРС.

Роль институтов как одного из важных инструментов для развития широко обсуждалась в литературе (Nissanke & Sindzingre, 2006 и Adebisi & Babatope-Obasa, 2004). Большинство ученых полагают, что сильные и энергичные институты необходимы для развития, и когда какая-либо страна

их лишена, она, скорее всего, будет отставать в развитии. Основной вывод состоит в том, что страны с сильной институциональной структурой находятся в лучшем положении для развития, тогда как отсутствие или слабость институтов служат препятствием для развития. Это предполагает, что правительству необходимо уделять значительное внимание укреплению институтов в Африке для обеспечения их актуальности для национального строительства.

В различных взглядах на концепцию институтов как эффективного инструмента для развития экономики, по мнению Adebisi и Babatope-Obasa (2004), институты имеют значение и оказывают прямое влияние на рост. Это схоже с мнением Nissanke и Sindzingre (2006), которые утверждают, что экономисты достигли консенсуса относительно институциональной среды, поскольку она является одним из важ-

нейших условий экономического роста. Таким образом, институты могут привести к увеличению инвестиций, лучшему управлению этническим многообразием и конфликтами, лучшим политикам и увеличению капитального фонда общества.

Приведенный выше анализ подтверждает, что влияние институтов на рост может быть как положительным, так и отрицательным. В литературе широко признано, что слабые институты не способствуют росту. Исследование Nissanke и Sindzire (2006) приписывает институциональную слабость как основной фактор неудачи стран Африки к югу от Сахары в достижении Целей развития тысячелетия, а также уровню бедности и высокому неравенству, опустошающему континент. Aghion и др. (1999) предполагают, что неравенство является препятствием для роста, поскольку оно снижает возможности для инвестиций, ухудшает стимулы для заемщиков и генерирует макроэкономическую волатильность. Согласно Thorbecke и Charumilind (2002), теории политической экономии связывают большее неравенство с уменьшением роста, который происходит через следующие подканалы:

- Непродуктивные деятельности, связанные с рентным поиском, снижающие безопасность собственности;
- Распространение политической и социальной нестабильности, приводящее к большей неопределенности и снижению инвестиций;
- Распределительные политики, стимулируемые доходным неравенством, накладывающие дезинцентивы на богатых накапливать ресурсы;
- Несовершенные кредитные рынки, приводящие к недоинвестициям бедными, особенно в человеческий капитал;
- Относительно малая доля доходов, приходящаяся на средний класс, что означает большее неравенство, оказывающее сильное влияние на рождаемость, что в свою очередь оказывает значительное и отрицательное воздействие на рост.

Вышеупомянутые точки затрагивают ситуацию в Африке в отношении финансового сектора. Исследование Beck и др. (2005) предполагает, что вышеуказанные ситуации были поддержаны принятием некоторыми странами Структурной Программы Налаживания МВФ (SAP) и последующей либерализацией финансового сектора, что дало широкий простор для арбитражных возможностей и поиска ренты для финансовых институтов. В результате финансовый сектор увеличивает арбитраж и деятельность по поиску ренты, а не финансовое посредничество.

Африка состоит из пятидесяти четырех (54) стран, большинство из которых классифицируются как неразвитые. Эти страны в разное время в прошлом имели свои юридические истоки главным образом из трех стран: Великобритании, Франции и Португалии. Многие из этих стран имели историю долгой борьбы за независимость, что иногда служит объяснением относительной отсталости континента. После получения независимости многие африканские страны пережили годы войн, будь то гражданские или с соседними странами. Все это сыграло роль в уровне развития на континенте.

В настоящее время континент является наименее развитым в мире, примерно двадцать пять из этих стран занимают высокие позиции в списке беднейших стран мира. Одной из причин уровня бедности в Африке является коррупция. Это в некоторой степени увеличивает разрыв между богатыми и бедными, при этом некоторые люди даже богаче своих стран.

Соотношение частного сектора кредитования, выраженное в процентах от ВВП, не отличается от наблюдений в отношении ликвидных обязательств; более того, ситуация можно описать как еще худшую. Около двадцати пяти (25) стран находятся ниже оценочного порога Rioja и Valev (2004) в 0.14 для частного сектора кредитования, необходимого для оказания значимого влияния на рост. В частности, шестнадцать стран находятся даже в диапазоне от 0.001 до 0.08; диапазон,

в котором самая высокая цифра составляет около 50% от оценочного минимального требования. Основной вопрос заключается в том, как можно ожидать положительного влияния от посредничества, если большая часть средств направляется в неспособствующие росту области экономики [1].

Согласно Honohan и Beck (2007), до того, как финансы оказывают желаемое воздействие на африканские страны, еще долгий путь. Это они приписывают ограниченному доступу малых фирм и домохозяйств к каким-либо формальным финансовым услугам, особенно в сельских районах. В соответствии с утверждениями Honohan и Beck (2007), размер финансовой системы в Африке относительно мал. Только семь стран показали значения выше 50%. Это показывает, что размер банков в регионе очень мал и, безусловно, повлияет на объем посредничества, в котором эти банки могут участвовать. Одной из причин, часто приводимых для этого, является низкий уровень сбережений. Это, согласно литературе, отражение способности генерировать депозиты и, впоследствии, создавать кредит.

Хотелось бы подчеркнуть, что для достижения устойчивого экономического роста и развития в африканских странах требуется укрепление институтов и создание благоприятной среды. Это включает в себя улучшение инфраструктуры, снижение уровня бедности, повышение доступности качественного образования и медицинских услуг, а также борьба с коррупцией и укрепление правовой системы. Только таким образом можно будет достичь инклюзивного роста, который будет способствовать улучшению жизни населения и обеспечить устойчивое развитие континента в целом [2].

Хотя логика разделения монетарной политики от обычного политического процесса схожа с той, что представлена в дискурсе центральных банкиров Германии, существует заметное различие в способе ее представления Блайндером. В его изложении именно правительство вводит независимость центрального банка как самоограничение. Хотя формально и Бундесбанк, и Федеральная резервная система (ФРС) получают свои полномочия из обычного законодательства, Бундесбанк стремился обосновать свои полномочия чем-то более основательным, чтобы его независимость была невосприимчива к изменениям мнений в Бундестаге. Вопрос в том, можно ли сказать то же самое о ФРС. То есть, какова связь ФРС с широкой политической системой федерального правительства США?

В системе правления США необходимо различать разные моменты или 'этапы' демократии: «определенные решения оставляют на так называемом 'конституционном этапе' правления, а не отдают на решение ежедневной законодательной борьбы» (Блайндер 1996). Логика такого различия, по словам Блайндера, заключается в том, чтобы «основные решения» были «трудными для отмены». Это различие между обычной и высшей законоотворчеством (Акерман 1993) применяется подобно монетарной политике» (Блайндер 1996). Однако, несмотря на его упоминание, Блайндер не утверждает, что независимость ФРС была установлена на конституционном этапе (что, в любом случае, было бы неверным). Скорее, двойной мандат ФРС и независимость происходят «от полномочий, делегированных Конгрессом». Его полномочия не производятся непосредственно от конституционной власти нации, а от учрежденной власти законодательной ветви правительства [3].

Это, в свою очередь, имеет важные последствия для институциональных отношений между ФРС и нацией. Делегирование Конгрессом полномочий ФРС «делает очень трудным, но не совсем невозможным, для избранных должностных лиц пересмотреть или повлиять на решение по монетарной политике» (там же: 11, выделено автором). Хотя проведение монетарной политики изолировано от обычной политики, общая структура монетарного порядка, включая независимость и мандат ФРС, не является таковой. ФРС мо-

жет быть пересмотрена, если избранные представители этого пожелают: «Решения центрального банка должны быть обратимы политическими властями, но только в крайних случаях». Хотя такие механизмы 'политического контроля в последней инстанции' «никогда не использовались в истории Федерального резерва ... Америка мудро имеет их на месте тем не менее. Делегированная власть должна быть возвратной, а не абсолютной». ФРС, таким образом, открыта для последующего контроля со стороны избранных представителей нации в Конгрессе. Это, а также тот факт, что президент назначает членов Совета управляющих, придает политическую легитимность и авторитет ФРС. Институциональные отношения между нацией и ФРС опосредуются политическими представителями, и политическая ответственность за действия или бездействие ФРС в конечном итоге остается у них.

Основание полномочий ФРС в отношении делегирования между народом, избранными политическими представителями и ФРС определяет характер политической ответственности ФРС. Это отражается различными способами. Во-первых, в отличие от Бундесбанка, независимость ФРС от политических органов не закреплена в законе, а является продуктом обычаев, определенных структурных характеристик и соглашений, таких как соглашение между Министерством финансов и ФРС 1951 года, которое положило конец военному контролю президента над ФРС (Hetzel и Leach 2001). Что наиболее важно, ФРС независима в принятии решений по монетарной политике, и ее бюджет не подлежит конгрессionalному бюджетному процессу. Однако ее независимость ограничена. На фундаментальном уровне она ограничена конституционным правом Конгресса «чеканить монету [и] регулировать ее стоимость» (статья I.8.5 Конституции США). Это право явно приводится в разделе 31 Закона о Федеральном резерве, который предусматривает, что Конгресс сохраняет «право поправлять, изменять или отменять этот акт». В сочетании с контрольными слушаниями Конгресса это окончательное полномочие над ФРС дает Конгрессу мощное средство привлечения ФРС к ответственности и значительную степень влияния на монетарную политику ФРС (Weintraub 1978; Grier 1991; Binder и Spindel 2017) [4].

Независимость ФРС также ограничивается ее отношениями с исполнительной властью. Самый прямой и формализованный способ для президента повлиять на направление политики ФРС — это президентские назначения семи членов Совета управляющих. Четырнадцатилетние, ступенчатые и непродлеваемые сроки полномочий членов Совета предполагают, что президент может назначить только двух членов Совета за один срок (Hackley 1972). Таким образом, президент, занимающий пост один срок, идеально не может «набить» Совет. Дискреционные полномочия президента в этом отношении дополнительно ограничены требованием одобрения назначенных лиц Сенатом (раздел 10.1 Закона о Федеральном резерве). Однако президент (и Сенат) также отвечают за определение того, кто из членов Совета будет председателем и вице-председателями. Эти позиции, особенно председатель, являются наиболее влиятельными не только с точки зрения установления повестки дня в Федеральном комитете открытого рынка (FOMC12), но и с точки зрения контроля за бюрократическими ресурсами ФРС (Knott 1986; Chappell и др. 2004) [5]. Ключ к власти президента над ФРС в этом отношении заключается в том, что эти назначения относительно короткие (четыре года) и они возобновляемы (раздел 10.2 Закона о Федеральном резерве). Это означает, что каждый президент, занимающий пост полный срок, будет иметь определенное влияние на установление повестки дня в ФРС и может оказывать давление на ее ведущих личностей через процесс назначения (Chappell и др. 1993; Saeki и Shull 2003; см. также Keech и Morris 1997). Кроме того, у президента есть право назначения, Министерство финансов сохраняет право решать в ситуациях конфликта между обязанностями

и прерогативами ФРС и Министерства финансов (раздел 10.6 Закона о Федеральном резерве). В отличие от Бундесбанка, вопрос о конечной власти в ситуациях конфликта явно решается в пользу политических представителей. Таким образом, политические органы сохраняют значительную возможность влиять на проведение ФРС монетарной политики (Wooley 1984; Stein 1994; Havrilesky 1988).

12 FOMC является высшим органом принятия решений по монетарной политике в ФРС. Его члены включают семь членов Совета, а также пять из президентов 12 Федеральных резервных банков на вращающейся основе. Президент Федерального резервного банка Нью-Йорка, однако, занимает постоянное место в FOMC. Председатель Совета также является председателем FOMC [6].

Влияние исполнительной власти на монетарный порядок и ориентацию монетарной политики также оказалось значительным на протяжении времени. Например, с 'Шоком Никсона' президент Никсон радикально изменил основы монетарного порядка США (и мира), тем самым изменив условия, в которых ФРС осуществляла монетарную политику. Но это было лишь самым драматичным проявлением президентской власти Никсона. Когда Никсон вступил в должность в 1969 году, тогдашний председатель совета управляющих, Уильям МакЧесни Мартин, выступал против желания президента снизить процентные ставки и расширить денежное предложение. В результате Никсон не продлил срок Мартина, но назначил своего друга, Артура Бернса, председателем, надеясь, что тот будет более отзывчив к точке зрения Никсона, чего он, неохотно, добился (Wood 2005: 361-3).

Исследование показывает, что независимость ФРС от политических органов власти не является абсолютной и подвержена изменениям в зависимости от политического контекста и законодательных инициатив. Взаимодействие ФРС с федеральным правительством подчеркивает важность баланса между независимостью центрального банка и необходимостью политического контроля и ответственности. Исторические примеры демонстрируют, как изменения в политической среде и решения высших политических лидеров могут существенно влиять на деятельность ФРС. Таким образом, ФРС остается важным, но не изолированным элементом в политической и экономической системе США.

Пристатейный библиографический список

1. Binder, S., & Spindel, M. (2019). Independence and the Fed. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ncbi.nlm.nih.gov.
2. Conti-Brown, P. (2015). The Institutions of Federal Reserve Independence. Yale University. Анализ механизмов, через которые Федеральная резервная система формирует национальную и глобальную экономическую политику.
3. Conti-Brown, P. (2015). The Power and Independence of the Federal Reserve. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.semanticscholar.org.
4. Смирнова Е. А. Монетарная политика Федеральной резервной системы США: преемственность и инновации. - Москва: Издательство «Экономика», 2018.
5. Иванов В. В., & Петрова И. С. Федеральная резервная система США и её роль в глобальной финансовой системе. - Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2019.
6. Кузнецова О. В. Федеральная резервная система и ее влияние на мировую экономику. - Москва: Инфра-М, 2020.

УТВА Ирина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток

РУБАН Полина Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток

«ВИРТУАЛЬНЫЕ» ГОСУДАРСТВА КАК НЕТИПИЧНЫЙ СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье рассматривается такой нетипичный субъект международного права как «виртуальные» государства, указывается на возможность признания их в науке. Указаны существующие «виртуальные государства», раскрыта их история и современное положение. Авторами указаны признаки, характеризующие микрогосударства как государство в привычном понимании, а также проблемы, возникающие в связи с неопределенностью международного права, открытостью перечня его субъектов и неопределенностью правового положения «виртуальных» государств. Приводится анализ существования «виртуальных» государств в правовом аспекте, а также пути их развития.

Ключевые слова: субъект международного права, «виртуальные» государства, микрогосударства, международное право.

UTVA Irina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RUBAN Polina Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

“VIRTUAL” STATES AS AN ATYPICAL SUBJECT OF INTERNATIONAL LAW

The article considers such an atypical subject of international law as “virtual” states and indicates the possibility of their recognition in science. The existing “virtual states” are indicated, their history and current situation are revealed. The authors indicate the signs characterizing microstates as a state in the usual sense, as well as problems arising from the uncertainty of international law, the openness of the list of its subjects and the uncertainty of the legal status of “virtual” states. The analysis of the existence of “virtual” states in the legal aspect, as well as the ways of their development, is given.

Keywords: subject of international law, “virtual” states, microstates, international law.

В первую очередь, субъектами международного права являются государства и международные организации. Также к указанным субъектам юридическая наука относит нации и народы, борющиеся за свою независимость, человека, как отдельного индивида, и государствовподобные образования. Данный список является открытым, однако для того, чтобы вступать в международные отношения, необходимо обладать международной правосубъектностью – то есть иметь реальную возможность быть участником международных правоотношений.

В настоящее время на международной арене появляются новые субъекты, правовое положение и регулирование которых достаточно трудно определить с точки зрения наличия у них международной правосубъектности. К таким субъектам возможно отнести и «виртуальные» государства.

Для того, чтобы государство могло существовать суверенно, оно должно обладать некоторыми признаками государственности. Так, Конвенция Монтевидео 1933 года¹ признает четыре признака государства: 1) постоянное население, 2) определенная территория, 3) собственное правительство, 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами. При этом данный перечень не является общеобязательным и единым. Международное право не определяет обязательные признаки государственности для участников международных отношений, что порождает множество проблем, в частности, признание или непризнание организации в качестве государства.

С середины прошлого века в мире было образовано около 70 государственных образований, которые стремятся участвовать в международных отношениях в качестве равноправных субъектов [1], однако такие образования достаточно трудно назвать полноценными государствами, так как они не соответствуют всем признакам государственности. Эти признаки у указанных субъектов существуют либо номинально, либо отсутствуют полностью.

Одним из видов государствовподобных образований являются «виртуальные» государства. Первые виртуальные государства возникли во второй половине XX века, когда сети «Интернет» ещё не существовало, поэтому «виртуальными» они называются только потому, что не существуют на самом

деле и являются в большей степени «воображаемыми» самими их управленцами. В английском языке термин получил иное название – Micronations (англ. – «микрогосударства»), что в большей мере подходит для описания тех «виртуальных» государств, которые появлялись вплоть до конца XX века, и ставит их в один ряд с существующими микрогосударствами, например, Лихтенштейном или Ватиканом.

Первое виртуальное государство основал отставной британский военный Пэдди Рой Бейтс на морской платформе в Северном море. Изначально он создал пиратскую станцию «Radio Essex», которая создавалась для обхода правил радиовещания того времени. Она просуществовала меньше 3 месяцев, так как из-за судебных преследований ее пришлось закрыть. Тогда Рой Бейтс перебрался на нефтяную платформу Рафс Тауэр и основал независимое государство **Силэнд**. Эта платформа расположена в 7 морских милях от берега Великобритании. Княжество Силэнд провозгласили Рой Бейтс со своей семьей 2 сентября 1967 года². Спустя 8 лет Рой Бейтс издал Конституцию Силэнда, также появились флаг, гимн, валюта и паспорта.

Силэнд как государство имеет свою физическую территорию. Нефтяная платформа была построена еще во времена Второй мировой войны, а момент провозглашения независимости Силэнд находился за пределами границы территориальных вод Великобритании. Поэтому фактически Рафс Тауэр не являлся частью Великобритании или любого другого государства, а значит Бейтсы имели возможность занять сооружение и провозгласить на нем свой государственный строй.

В 1979 году Роберт Бен Мэдисон провозгласил спальню своего дома в городе Милуоки штат Висконсин независимым от США **Королевством Талосса**. Себя же он назвал Королем Робертом I, которому на тот момент было 14 лет. С 1981 года у Королевства Талосса стали появляться граждане, а через 4 года страна стала конституционной монархией. Если зайти на официальный сайт королевства Талосса, то можно найти активный чат жителей, базу информации о королевстве и даже собственный ресурс по поиску работы. Государство имеет собственную культуру и язык. Глава государства выпустил грамматику, в

1 Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств (Монтевидео, 1933 г.).

2 Виртуальные государства или осознанный выбор сообщества для жизни. Княжество Силэнд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/572032/> (дата обращения: 19.11.2023).

которой изложил основные правила. На официальном сайте Талоссы также есть несколько литературных произведений, которые написаны на языке Талоссы. Как пишут сами жители этого непризнанного государства, «Талосса – это не про законы и порядки, Талосса – это культура, язык и способ жизни»³. Талосса представляет собой не сколько государство, сколько сообщество людей.

Республика Конк была создана в 1982 году как протест на действии властей США. США поставили контрольный пункт на въезде на архипелаг Флорида-Кис с целью усиления контроля за нелегальной транспортировкой наркотиков. Для архипелага это означало снижение потоков туристов и соответственно доходов. Мэр города Ки-Уэст Деннис Уордлоу, решил, что раз США не считает архипелаг частью своего государства, то и городу такая страна не нужна, и провозгласил независимость Ки-Уэст от штатов, а себя назначил премьер-министром новой страны – Республики Конк. Граждане Республики Конк празднуют свой день независимости, в который они проводят фестиваль юмора, теплоты и уважения⁴. Республика имеет свой флаг и свою армию, также в государстве выдают временные визы.

В июне 1996 года шведские скульптор Ларс Вилкс заявил о создании независимого **королевства Ладония**, в честь мифического дракона Ладона. Ларс создавал большие деревянные скульптуры, но власти Швеции решили их разрушить. Скульптор пошел на решительный шаг и провозгласил независимость земли, на которой стояли его скульптуры. Государство располагается на юге Швеции и имеет территорию в один квадратный километр. В 1997 году число граждан государства достигло 1 тысячи человек, тогда же были проведены выборы и Ладония стала республиканской монархией. Сейчас более 20 000 тысяч человек являются гражданами этого государства. Конституция Ладонии не допускает до трона мужчин, поэтому в Ладонии всегда правит королева. Государство имеет свои:

- гимн – звук камня, брошенного в воду;
- язык, состоящий из двух слов: «waaaaall» и «үр»;
- национальную валюту Оргут, который равен одному Евро;

– собственную временную зону (на 3 минуты медленнее шведского времени)⁵.

Первые «виртуальные» государства имеют собственную территорию, постоянное население, собственное правительство. Также государства имеют свои Конституции, гимны, флаги, языки. Таким образом, «виртуальные» государства возможно представить в качестве одного из видов государствовподобных образований.

Тем не менее, микрогосударства, в отличие от иных государствовподобных образований, не стремятся к признанию своего суверенитета, использованию его для взаимодействия с другими субъектами международного права. Также не представляется возможности определить у «виртуальных» государств такой признак государств как «способность к вступлению в отношения с другими государствами». Микрогосударства взаимодействуют с другими государствами посредством своих «учредителей». Например, признание нахождения Силенда вне территории Великобритании произошло в процессе судебного разбирательства по делу Пэдди и Майкл Рой Бейтс против Регины, по которому 25 октября 1968 года было признано нахождение Рафс Тауэра за пределами Британских территориальных вод⁶. В деле не фигурировал Силенд как «виртуальное» государство, в деле участвовали Пэдди и Майкл Рой Бейтс как физические лица и не представили государство.

На современном этапе прослеживается тенденция роста «виртуальных» государств в сети «Интернет», то есть без наличия физической территории. Современные микрогосударства, как правило, используют передовые системы, такие как блокчейн, криптовалюты и привлечение инвестиций через сеть

«Интернет». На базе технологии блокчейн эти государства в будущем смогут предложить своим гражданам такие возможности, как ведение государственного реестра, госконтракты, эмиссию денег и т. д.

В 2017 году был создан проект в формате виртуального государства – **Фриленд**. Его авторы являются создателями сериала «Мистер Фримен». В отличие от других микронаций Фриленд намеренно отказался от традиционной государственной символики, вместо флага был создан логотип. Государство рассматривается создателями как сервис для предоставления услуг, а не структуру для применения легитимного насилия⁷. Его основатели активно пытаются вывести свою криптовалюту на бирже. Согласно их статистике, сейчас зарегистрировано почти 360 тысяч MFCoins-кошельков, проведено более 1,5 миллиона транзакций.

Стоит также обратить внимание на «виртуальное» государство Виртленд. Несмотря на то, что у Виртленда нет физической территории, он имеет интернет-магазин, журнал, институт, партию и даже бета-проект медицинского центра. Виртленд также создает возможности для бизнеса. Так, например, многие компании не указывают свои географические координаты на сайтах и, даже если они оказывают качественные услуги, отсутствие физического адреса подрывает доверие покупателей. Виртленд устраняет эту проблему⁸.

Как показывают исследование, «виртуальные» государства создавались вследствие «протеста» родине и стремлению к независимости, а сегодня за идеи виртуального государства выстраивается новая идея, основанная на новых технологиях, корпоративном мышлении и потреблении.

Следя теории государственности, отнести «виртуальные» государства к понятию «государства» в привычном понимании в полной мере не представляется возможным. Однако, вследствие открытости перечня признаков государственности и неопределенности в самом моменте определения какой-либо организации как государства признание «виртуальных» государств в качестве нетипичного субъекта международного права, обладающего в определенной мере признаками, присущими государству, на наш взгляд, возможно.

Новые «виртуальные» государства предлагают отказаться от классической государственной символики, а взамен предлагать внедрять инструменты прямой демократии. Также последователи идей «виртуального» государства предлагают передать судебную систему нейросетям, которые бы обеспечивали полную беспристрастность решений споров.

В доктрине возникают вопросы о том, могут ли «виртуальные» государства выступать субъектами международного права, а также какое правовое регулирование для них необходимо. Например, обращаясь к Конвенции Монтевидео 1993 года, можно выделить следующие признаки государства как субъекта международного права – это постоянное население, наличие территории, собственного правительства и способность вступать в отношения с другими государствами. Исходя из смысла данных положений, микрогосударства вполне можно признать субъектами международного права, однако до сих пор возникают дискуссии, можно ли считать государством страну без собственной территории. Сейчас все земли в мире поделены между существующими государствами и создание нового означает захват чужой территории.

На примере «виртуальных» государств, созданных и существующих только в сети «Интернет», представляется возможным сделать вывод, что физические территории и реальные границы на земле уже не важны, так как новые технологии позволяют создать государства даже без реальной территории. Хотя все «виртуальные» государства на данном этапе их развития выглядят незначительными, но вполне возможно, что в будущем они начнут оказывать реальное влияние на национальные и глобальные процессы или в корне изменят привычную сейчас политику.

Пристайейный библиографический список

- 3 El Regipats Talossan. The Kingdom of Talossd // What is the Kingdom of Talossa. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://talossa.com> (дата обращения: 19.11.2023).
- 4 The Official Website of the Conch Republic. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://conchrepublic.com> (дата обращения: 19.11.2023).
- 5 Ladonia / The Proud, Free and Interactive Micronation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ladonia.org> (дата обращения: 19.11.2023).
- 6 1968: SEALAND IN TRIBUNALE / SEALAND – BRITISH COURT CASE. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.benvenutiasealand.it/documenti/1968-sealand-in-tribunale-sealand-british-court-case/> (дата обращения: 19.11.2023).
- 7 Freeland. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mf.life> (дата обращения: 19.11.2023).
- 8 Wirtland. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wirtland.com> (дата обращения: 19.11.2023).

ЧЕРЕМИСИНА Кристина Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАЛЮЖНАЯ Полина Леонидовна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПУЧКИН Дмитрий Константинович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЮДИНА Дарья Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖУРМАН Юлия Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ТРУДОВЫХ ЗАКОНОВ К МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ

Данная статья затрагивает тему трансформации российского трудового законодательства под влиянием международных стандартов. Она проводит анализ исторического пути, который проложила Россия в интеграции глобальных трудовых норм, начиная с постреволюционного периода и до сегодняшнего дня. Особое внимание уделено влиянию конвенций Международной организации труда (МОТ), внесенным социально-экономическим изменениям и текущим вызовам, с которыми сталкивается трудовое законодательство в эпоху глобализации и меняющегося мирового порядка.

Ключевые слова: глобальные трудовые стандарты, реформы трудового законодательства, российские законы о труде, влияние МОТ, социально-экономические трансформации, эра глобализации, права работников, законодательные изменения.

CHEREMISINA Kristina Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KALYUZHAYAYA Polina Leonidovna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PUCHKIN Dmitriy Konstantinovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YUDINA Darya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHURMAN Yuliya Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE PROCESS OF ADAPTING RUSSIAN LABOR LAWS TO INTERNATIONAL STANDARDS

This article touches on the topic of the transformation of Russian labor legislation under the influence of international standards. She analyzes the historical path that Russia has paved in integrating global labor standards, from the post-revolutionary period to the present day. Special attention is paid to the impact of the conventions of the International Labour Organization (ILO), the socio-economic changes introduced and the current challenges faced by labor legislation in the era of globalization and the changing world order.

Keywords: global labor standards, labor law reforms, Russian labor laws, the impact of the ILO, socio-economic transformations, the era of globalization, workers' rights, legislative changes.

В последние десятилетия мир стал свидетелем значительных изменений в сфере трудовых отношений, где Россия занимает особое место, стремясь интегрировать международные стандарты в своё трудовое законодательство. Этот процесс начался сразу после Октябрьской революции 1917 года, когда были заложены основы для развития современной системы трудового права в России. С тех пор, в стране произошло множество трансформаций, направленных на улучшение условий труда и защиты прав работников [7].

Одним из ключевых моментов в этом процессе стало присоединение России к Международной организации труда (МОТ), что привело к постепенному внедрению международных трудовых стандартов. Эти стандарты оказали значительное влияние на реформирование трудового законодательства, особенно в контексте социально-экономических изменений, происходящих в стране и в мире в целом. Реформы включали в себя улучшение условий труда, обеспечение гендерного равенства на рабочем месте, защиту от несправедливого увольнения и дискриминации, а также установление стандартов безопасности труда.

В современной России вопросы трудового законодательства продолжают оставаться в центре внимания, особенно в контексте глобализации и изменения мирового экономического порядка. Эти изменения требуют от российского законодательства гибкости и адаптации к новым реалиям, таким как цифровизация рабочих процессов, международное сотрудничество и миграция рабочей силы. Всё это предполагает необходимость постоянного анализа и модернизации трудового законодательства, чтобы оно соответствовало как международным стандартам, так и специфике российской экономической и социальной среды.

Адаптация к международным нормам и внедрение конвенций МОТ оказались важнейшими шагами в формировании современного трудового законодательства России. Развитие правовых основ трудовых отношений в новейшей истории страны не может рассматриваться в отрыве от мировых практик и стандартов. Это взаимодействие, находящее отражение в действующих законах, позволяет России не только следовать общепризнанным принципам, но и активно участвовать в их дальнейшем развитии.

С начала XXI века Трудовой кодекс РФ стал тем фундаментом, который позволил гармонизировать внутренние правовые нормы с международными требованиями, внести ясность в вопросы трудоустройства иностранных граждан, регулирования временной и сезонной занятости, а также обеспечить защиту социальных прав работников. Принятые изменения стали отражением стремления России к укреплению демократических начал в сфере трудовых отношений, включая принципы равенства, справедливости и социального партнерства [1].

Веками волнующий умы юристов и политиков вопрос о трудовых правоотношениях получил новое дыхание в октябре 1917 года. Этот период в истории России знаменует собой переломный момент в развитии законодательства о труде. Революционные события положили начало коренным преобразованиям, которые уже в 1918 году оформились в виде первого Кодекса законов о труде РСФСР. Интересно отметить, что, несмотря на отсутствие норм о трудовом договоре в этом фундаментальном документе, все предшествующие договоренности теряли свою силу, уступая место новым правилам.

Прошло всего четыре года, и в 1922-м российское трудовое законодательство обзавелось новой редакцией Кодекса. В его рамки были вплетены положения о трудовом договоре, определяющем соглашение между работником и работодателем как договорённость о предоставлении рабочей силы в обмен на вознаграждение. Здесь же были заложены основы для регулирования отношений между сезонными и временными работниками, что способствовало адаптации законодательства к реалиям того времени.

В 1971 году произошло ещё одно значительное обновление в сфере трудовых отношений. Третий Кодекс законов о труде РСФСР представил трудовой договор как обязательство работника к выполнению работы с учетом внутреннего трудового распорядка. Этот период также характеризовался неприязнью к лицам, не участвующим в трудовой деятельности – так называемым тунеядцам.

К началу XXI века мир и Россия, в частности, пережили масштабные социально-экономические изменения. Оформилась частная собственность, что породило новые формы и механизмы в правовом регулировании экономических отношений. В этих условиях институт трудового договора также претерпел значительные трансформации. Теперь каждый индивид получил возможность самостоятельно управлять своим трудовым потенциалом.

В 2001 году был утверждён действующий на сегодняшний день Трудовой кодекс РФ. Он ассимилировал в себя опыт предшествующих нормативных актов, но прежде всего ориентировался на международные стандарты. В новом Кодексе трудовой договор получил всестороннее освещение в пяти разделах, описывающих все ключевые аспекты трудовых отношений. Таким образом, Трудовой кодекс РФ можно смело назвать вехой в развитии правовой основы труда, открывшей новую страницу в истории российского законодательства.

Анализируя исторический путь развития трудового законодательства России, стоит выделить ключевые тенденции и моменты, которые определили его текущее состояние. С октябрьской революции 1917 года и последующим формированием первого Кодекса законов о труде РСФСР, начинается радикальная трансформация трудовых отношений. В условиях постреволюционного общества принципы равенства и унификации труда вступили в противоречие с предреволюционными формами трудовых соглашений, что обусловило необходимость аннулирования всех действующих договоров, не соответствующих новой идеологии.

Появление в 1922 году второго Кодекса законов о труде РСФСР явилось отражением попыток адаптации трудового законодательства к меняющимся условиям постиндустриальной экономики и усиления роли государства в регулировании трудовых отношений. Установление чёткой нормы о трудовом договоре представило работников и работодателей как равноправных участников экономических отношений, что было прогрессивным шагом для того времени.

К 1971 году, с принятием третьего Кодекса, в законодательстве начинается период стабилизации. Советское законодательство о труде стремилось максимально регламентировать

отношения между работником и работодателем, что во многом соответствовало идеологии тотального контроля. Однако, подход к тунеядству, как к социально нежелательному явлению, отображает специфическое отношение к труду того времени – как к долгу перед государством, а не только как к личной необходимости или праву [4].

Следующий важный этап начался с распадом Советского Союза и формированием новых экономических отношений в 90-е годы. Переход к рыночной экономике, возникновение частной собственности и вхождение России в мировое экономическое сообщество потребовали глубокого пересмотра и адаптации трудового законодательства.

Трудовой кодекс РФ 2001 года синтезировал многовековой опыт регулирования трудовых отношений и международные стандарты. Нововведения, такие как уточнение понятия трудового договора, подчёркивают индивидуализацию и гибкость в отношениях между работником и работодателем. Кроме того, расширение прав и гарантий работников соответствует международным конвенциям о труде.

Изменения в ТК РФ продолжаются и сегодня, учитывая динамичный характер современной экономики, включая такие аспекты, как удаленная работа, гиг-экономика и технологические инновации, которые предъявляют новые требования к регулированию трудовых отношений. Таким образом, эволюция трудового законодательства России является отражением социально-экономических изменений страны и стремления к соблюдению прав человека в рамках трудовой деятельности [6].

В контексте анализа развития трудового законодательства России необходимо учитывать влияние международного опыта и глобализации трудовых отношений. Начиная с конца XX века, Россия все активнее интегрировалась в международное сообщество, что повлекло за собой необходимость согласования внутреннего законодательства с международными стандартами труда. В этом контексте особенно заметно влияние нормативных актов Международной организации труда (МОТ), которая устанавливает основные стандарты в сфере занятости, условий труда, социального обеспечения и прав работников.

Принятие Россией МОТ конвенций и рекомендаций побудило к пересмотру ряда положений трудового законодательства. Примером может служить концепция «достойного труда», объединяющая права на работу, социальную защиту, диалог и равенство возможностей и обращения. Это послужило стимулом для укрепления гарантий по охране труда, расширения прав профсоюзов, улучшения условий и охраны труда [5].

Кроме того, усиление глобальных трудовых миграций потребовало внедрения новых норм, касающихся трудоустройства иностранных работников, что также нашло отражение в российском законодательстве. Таким образом, международный опыт оказал заметное воздействие на процессы гармонизации и модернизации трудовых норм в России, делая акцент на уважении прав человека, независимо от его положения в трудовой иерархии.

Пристатейный библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (последняя редакция).
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. – М.: Юристъ, 2006.
3. Рыбаков В. А. Международное трудовое право. – М.: Бек, 1998.
4. Trebilcock, A. The International Labour Organization and the Quest for Social Justice, 1919-2009. – Ithaca: Cornell University Press, 2009.
5. Синоюшина О. Ф. История возникновения трудового договора // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 338-341.
6. Лившиц Р. З. Трудовое законодательство России. Законодательные акты и комментарии / Р. З. Лившиц, О. С. Хохрякова // Профстрой. – 1993. – С. 170.
7. Кодекс законов о труде РСФСР от 9 декабря 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1971. – № 50. – Ст. 1007.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-83-88

ПРИДАНЦЕВА Дарья Сергеевна

аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

ПОНЯТИЕ И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНСУЛЬСКОГО СОДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Данная научная статья посвящена анализу понятия и правовой природы консульской защиты в контексте национального права. В статье рассматриваются ключевые аспекты консульской защиты, её значение и функции, а также сравниваются подходы различных российских ученых к определению правовой природы данного института. Особое внимание уделяется анализу российского законодательства, в том числе и новых редакций законов, а также Концепции Внешней Политики РФ 2023. В данной статье были рассмотрены не только самые базовые федеральные законы, регулирующие консульское содействие в российском праве, но и те, которые либо косвенно регулируют данный институт, либо не всегда упоминаются в учебных пособиях.

Ключевые слова: консульское содействие, консульские функции, история развития института консульского содействия, консульские сотрудники, консульская защита.

PRIDANTSEVA Darya Sergeevna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia

THE CONCEPT AND REGULATORY REGULATION OF CONSULAR ASSISTANCE IN RUSSIAN LAW

This scientific article is devoted to the analysis of the concept and legal nature of consular protection in the context of national law. The article considers key aspects of consular protection, its significance and functions, and also compares the approaches of various Russian scientists to determine the legal nature of the institution. Special attention is paid to the analysis of Russian legislation, including new editions of laws, as well as the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation 2023. This article considered not only the most basic federal laws governing consular assistance in Russian law, but also those that either indirectly regulate the institution or are not always mentioned in textbooks.

Keywords: consular assistance, consular functions, history of development of the institute of consular assistance, consular officers, consular protection.

Приданцева Д. С.

1. Введение.

Хотелось начать с того, что сама идея защиты как своих граждан, так и иностранцев зарождается еще в глубокой древности. Институт Проксении был основан в Античной Греции, а чиновник, ответственный за защиту прав и интересов народа, покровителем которого он был, назывался «Проксен». Во времена Древней Греции это была система взаимной защиты и гостеприимства. Институт Проксении, несомненно, оказал глубокое влияние на культурное и коммерческое развитие Греции, позволив греческим путешественникам рассчитывать на гостеприимство и защиту в чужом городе-государстве.

В древнеримский период возник институт Претора Перегринуса, который оказал глубокое влияние на римское право, сделав его более гуманным, а также справедливым по отношению к иностранцам и чужакам. На эту должность возлагалась ответственность за решение дел с участием иностранцев, ответственность за вопросы правопорядка, затрагивающие их, а также за обеспечение защиты и помощи в соответствии с римским правом.

В Древнем Риме также возник такой институт, как Патронаж, обозначающий процесс, в котором богатые и влиятельные римские граждане (патроны) оказывали поддержку и защиту и предоставляли ее более уязвимому сегменту общества, бедным гражданам (клиентам). Именно их клиенты в обмен на финансовую поддержку и помощь, а также защиту

оказывали определенные услуги своим покровителям, и это, безусловно, обеспечивало изрядный социальный комфорт и взаимодействие между бедными и богатыми в римском обществе.

Следует отметить, что первые упоминания об учреждении консульств начали появляться еще во времена Древнего Рима и Древней Греции. В городах-государствах, таких как Спарта, консулы были высшими должностными лицами, а в Древнем Риме два высших чиновника ежегодно избирались гражданами. Такие деятели буквально руководили государством и армией на протяжении всего периода, обладая политической и военной властью.

В странах Востока и Африки институт консула развивался совсем по-другому. Многие учёные отмечают, что этот институт активно развивается уже давно и его роль меняется время от времени и от страны к стране. В целом, восточные империи, такие как Китай и Индия, разработали свои собственные конкретные механизмы дипломатической поддержки, аналогичные своим западным аналогам. Консульский персонал был связующим звеном между дипломатами, иностранными торговцами, купцами и местными властями.

По большей части в странах Востока и Африки на создание консульств влияли коммерческие и дипломатические требования страны или региона. Иногда государства полагались исключительно на торговые представительства или агентства, которые отвечали за помощь, содействие и защиту

гражданских и коммерческих предприятий. Таким образом, зарождение, продолжающееся развитие и становление дипломатических и консульских институтов, консульское содействие в различных странах Африки и Востока были уникальными, реалистичными и непосредственно основанными на определенных исторических, культурных и политических моментах в той или иной конкретной стране.

2. Понятие консульского содействия. Доктринальные источники, применимые к понятию «консульское содействие».

В рамках законодательной системы Российской Федерации имеют место доктрины, конкретизирующие такое определение, как «консульская помощь» или «консульское содействие». К примеру, Ю. М. Колосов в одном из самых известных своих трудов, посвященном международному праву, делает акцент на особенной значимости консульских учреждений в контексте защиты интересов и прав граждан в других государствах, а также в контексте предоставления поддержки в разрешении значимых правовых вопросов [6, с. 157].

Один из авторов, занимающихся исследованиями в области консульского права, - профессор В. И. Попов. Он утверждает, что консульское содействие состоит в обеспечении гражданам за границей правовой защиты, сохранении их имущества и интересов, создании условий для осуществления их прав, свобод и гражданских обязанностей [11, с. 576].

В соответствии с точкой зрения Ю. Д. Ильина, авторитетного специалиста-правоведа, которую он выражает в одном из своих научных трудов, понятие «консульское содействие» целесообразно рассматривать в качестве самого значимого компонента функционирования консульских учреждений. Консульское содействие охватывает каждую область жизнедеятельности гражданских лиц в государствах пребывания [5, с. 149]. При этом, профессор указывает в своей работе на то обстоятельство, что лица, занимающие в таких учреждениях те или иные должностные позиции, в обязательном порядке должны поддерживать гражданских лиц как в чрезвычайных ситуациях и критичных обстоятельствах, так и в разрешении насущных повседневных вопросов.

Иной эксперт по консульскому праву, Г. Э. Лапин в содержании собственного монографического труда под названием «Консульская служба» выражает точку зрения, согласно которой определение «консульское содействие» необходимо употреблять для обозначения механизма, позволяющего эффективно разрешать обширный диапазон вопросов, связанных с защитой гражданских интересов, свобод и прав [7, с. 63].

Вместе с тем, специалист-правовед говорит о том, что сотрудники консульств Российской Федерации в обязательном порядке должны исполнять международно-правовые нормативные предписания и законодательные регламентации страны пребывания, всячески избегать нарушения интересов, свобод и прав иностранных граждан.

В научном труде под названием «Консульская служба Российской Федерации на современном этапе» О. В. Лебедева указывает на то обстоятельство, что основным направлением консульского содействия выступает сохранение состояния защищенности гражданских интересов, свобод и прав в других государствах. Эта же цель выступает самой значимой функцией консульских учреждений [8, с. 208]. Кроме того,

автор отмечает, что консульские служащие в обязательном порядке должны иметь высокую профессиональную квалификацию и обладать познаниями в области разных международно-правовых аспектов, чтобы предоставлять гражданским лицам предельно качественную поддержку.

Рассматриваемый вид содействия – значимая функциональная обязанность консульских и дипломатических миссий, главным образом ориентированная на защиту интересов, свобод и прав гражданских лиц в других государствах.

Согласно точке зрения Г. В. Бобылева, перед консульской и дипломатической службой стоит главная задача, заключающаяся в предоставлении защиты интересов, свобод и прав юридических лиц и физических лиц (граждан), закреплении взаимоотношений дружеского характера между отдельными государствами, развитии и наращивании связей в сферах торговли и экономики за рубежом [2, с. 44].

Кроме того, ученый указывал в своем труде, что формирование консульских отношений на базе таких условий, которые сопряжены с выгодами для всех сторон, стимулирует сохранение состояния безопасности и мира между странами.

Значимым аспектом консульской помощи выступает защита гражданских интересов и прав. Ученый подчеркивал, что лица, занимающие те или иные должностные позиции в консульских организациях, обеспечивают защиту свобод, интересов и прав россиян перед местными властями в государстве пребывания [2, с. 184].

В целом, во всем труде Г. В. Бобылева прослеживается основная концепция, согласно которой консульское содействие в качестве ориентира должно признавать закрепление и формирование взаимоотношений на дружественных началах с иными странами, разрешение внешнеполитических задач государства, создание положительной репутации страны в государствах пребывания.

Предусмотренные консульским правом нормативные предписания и непосредственно факт реализации консульского содействия ориентируются на расширение и закрепление между странами взаимоотношений в экономической, культурной, социальной и политической областях.

Из приведенной выше информации следует, что, согласно точке зрения Г. В. Бобылева, консульское содействие направлено на защиту интересов, свобод и прав граждан, а также закрепление и расширение взаимоотношений на дружественных началах и взаимного понимания между отдельными государствами и их народами. Такой подход дает возможность консульским и дипломатическим учреждениям эффективно разрешать проблемные аспекты на международном уровне, а также сохранять глобальный мировой порядок.

Согласно точке зрения автора, определение термина «консульская поддержка» возможно составить, исходя из положений научного труда И. А. Веделя, который полагает, что речь идет о содействии, оказываемом консулами и дипломатами лицам с гражданством своего государства при разных обстоятельствах [3, с. 19]. При этом, данная поддержка нацелена на помощь гражданским лицам и на упрощение функционирования юридических лиц (организаций) за рубежом.

Эта поддержка предполагает разрешение разного рода значимых и актуальных вопросов, судебное представительство и консультации по юридическим аспектам. В контексте настоящей исследовательской работы целесообразно при-

вести указание на то обстоятельство, что консульское содействие далеко не во всех ситуациях представляет собой закономерное следствие несоблюдения прав юридических лиц и физических лиц (граждан).

Часто появляется обычная потребность в получении содействия, несмотря на отсутствие каких-либо правовых нарушений. Таким образом, понятия «консульское содействие» и «консульская помощь» тождественны друг другу и касаются предоставления поддержки и оказания тех или иных услуг лицами, занимающими должностные позиции в консульских учреждениях.

В общем, согласно позиции И. А. Веделя, консульскую помощь возможно рассматривать в качестве главного содействия, которое оказывается работниками консульских учреждений, госструктурами и дипломатами юридическим лицам и гражданам за рубежом, согласно международно-правовым нормам.

Ключевая цель всех консульских действий заключается в предоставлении защиты и содействия гражданам, которые пребывают на территории другого государства и, возможно, столкнулись с обстоятельствами, когда есть риск нарушения их интересов, свобод и прав.

Безусловно, такого рода поддержка предоставляется исключительно с согласия гражданских лиц, когда у них есть в ней потребность. Как правило, данная помощь ориентирована на предотвращение фактов нарушения гражданских интересов, свобод и прав [3, с. 21].

В контексте раскрытия содержания и сущности определения «консульская поддержка» целесообразно обратить внимание на вызвавшее серьезный социальный резонанс дело под названием LaGrand (Германия против Соединенных Штатов Америки), оказавшее существенное воздействие на касающиеся предоставления консульской поддержки вопросы.

Так, Международный Суд рассмотрел данное дело и занял основополагающую позицию в плане выработки прецедентов, которые связаны с закрепленной за государствами ответственностью за поддержание доступа к консульскому содействию для собственных граждан за рубежом.

Сформулированное и представленное судом решение заключалось в том, что выражение отказа в представлении доступа к консульской поддержке – это явное нарушение законодательно закрепленных прав обвиняемых, согласно Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года.

В соответствии с постановлением Международного Суда ООН, п. 1 ст. 36 настоящей Конвенции представляет собой источник персональных прав для подвергнутого задержанию иностранного гражданина. Помимо прочего, было установлено, что США допустили нарушение прав на контакт с консулами.

Данное решение значительным образом повлияло на то, каким образом государства содействуют собственным гражданам за рубежом, обеспечивая более четкое исполнение положений конвенции и повышение информированности о правах на консульское содействие и помощь.

Анализируемое дело сделало акцент на значимости исполнения консульских обязательств и выделило потребность в защите гражданских прав лиц в иностранных государствах.

Помимо всего прочего, оно обеспечило укрепление международной поддержки для сотрудников консульских

организаций и оказало поощряющее воздействие на выработку действенных и устойчиво функционирующих механизмов консульской поддержки гражданам за границей.

В рамках дела Авена Мексика представила иск о возбуждении разбирательства против США за то, что они не предоставили гражданам Мексики, осужденным к смертной казни, информацию о праве на консульскую защиту и уведомление.

В решении, которое было сформулировано и представлено Судом 31.03.2004 г. определено, что США не обеспечили выполнения обязательств, которые регламентируются положениями Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. Данное обстоятельство было обусловлено тем фактом, что сотрудник консульского учреждения Мексики не был допущен к гражданам своей страны, которые были подвергнуты и аресту и находились в тюрьме на территории США.

Основная доля решений, принятых функционирующим при ООН Международным Судом, говорит о том, что обеспечение консульского содействия и дипломатической защиты представляется возможным лишь с использованием мирных или дипломатических подходов к разрешению спорных ситуаций.

Так или иначе, практический опыт использования подобных методов защиты прав граждан не ограничивается одними лишь принимаемыми Международным Судом ООН решениями, и Европейский суд по человеческим правам тоже накопил заслуживающие внимания прецеденты в этой области.

3. Правовая регламентация консульского содействия в российском законодательстве.

Консульское содействие рассматривается в качестве одной из приоритетных функций российских консульских учреждений на территории иностранных государств. Этот вид содействия базируется на национальном законодательстве Российской Федерации и на нормах международного права. В частности, к национальному законодательству относится Федеральный закон от 5 июля 2010 года «Консульский Устав Российской Федерации».

Основная задача консульских учреждений заключается в предоставлении поддержки россиянам в других странах, когда нарушены их интересы, свободы и права, а также в плане взаимодействия с госструктурами в государстве пребывания, согласно международно-правовым нормам.

Консульская помощь предполагает весьма обширный диапазон разного рода действий, ориентиром которых представляется защита интересов, свобод и прав россиян в государствах пребывания. Эта разновидность помощи входит в число ключевых функциональных обязанностей консульских учреждений, что закреплено положениями национального законодательства РФ.

В процессе разрешения задач, касающихся предоставления россиянам поддержки в иностранных государствах, российские консульские учреждения придерживаются положений Консульского Устава РФ. Этот документ выступает основным существующим в данной сфере руководством.

В соответствии с данным Федеральным законом, консульское содействие включает в себя обширный спектр действий и мер, основным ориентиром которых представляется обеспечение защиты интересов, свобод и прав россиян и российских юридических лиц в иностранных государствах. В

общем, данные действия сориентированы на поддержание двусторонних отношений между Российской Федерацией и государствами пребывания.

Исходя из положений ст. 6 Консульского Устава, работники консульских организаций в обязательном порядке должны содействовать и предоставлять соответствующие услуги гражданам и организациям из Российской Федерации за границей при разного рода бедствиях, чрезвычайных ситуациях, при заболеваниях, а также содействие заключении под стражу, задержании, аресте, исполнять функции ЗАГС: связанные с гражданством вопросы, аспекты опеки, семьи и прочие вопросы, которые касаются гражданских свобод и прав¹.

В соответствии с положениями ст. 5 настоящего Устава, консульская поддержка включает в себя такие основные компоненты²:

- поддержка лиц, пребывающих в иностранном государстве, в плане защиты их интересов, свобод и прав, а также предоставление необходимого содействия в разрешении разных вопросов;

- оказание консульских услуг, к которым относятся, в частности, предоставление информации об актуальных нормах национального законодательства в иностранном государстве и процедурах, действующих там, содействие с оформлением подтверждающей личность документации;

- поддержка лиц в сложных обстоятельствах и ЧС, включая болезни, вопросы жилищного плана, трудности с трудоустройством и пр.;

- защита прав, свобод и интересов россиян в стране пребывания, согласно правовым нормам национального законодательства РФ.

Помимо всего прочего, в содержании Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», раскрываются такие разрешаемые посредством оказания консульского содействия задачи³:

- содействие с оформлением документации на въезд/выезд;

- обеспечение консульского содействия лицам в стране пребывания;

- помощь гражданам за границей в получении сведений о соотечественниках, пребывающих на территории иностранного государства.

Также связанные с консульским содействием вопросы регламентируются некоторыми иными законами и подзаконными актами, включая Федеральный закон от 24 ноября 1996 года «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Данный закон устанавливает права и обязанности госслужащих при оказании консульского содействия лицам за границей.

Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 года, где раскрывается юридический статус граждан, порядок утраты и получения гражданства РФ, обязанностей и прав граждан России за границей. В соответствии с обновленной редакцией закона от 28 апреля 2023 года, консульская поддержка предполагает⁴:

- решение вопросов консульского характера с органами МСУ и государственными органами зарубежных стран;

- поддержка в оформлении выездной документации и информационном обеспечении о статусе поданных заявлений и пр.

Положения Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», который посвящен поддержке россиян за границей, раскрывают механизмы, применяя которые Российская Федерация может поддерживать россиян в зарубежных странах. В этом законодательном акте идет речь о содействии в сфере основополагающих гражданских и человеческих свобод и прав, социальных прав, прав в информационной сфере. Здесь же закреплены основы взаимоотношений с лицами, которые живут за границей. В содержании ст. 7 содержится право на дипломатическую и консульскую поддержку, а также, что не мало важно, упоминается случай с лицами-бипатридами.

В статьях 15 и 16 Федерального закона от 4 октября 1996 года «Об основах туристической деятельности в Российской Федерации», закреплены нормы о защите интересов и прав туристов-россиян, раскрываются специальные органы, обеспечивающие безопасность туристов. Здесь же приводятся основы функционирования деятельности туроператоров и агентств.

Представленные выше и иные законодательные акты формируют правовой «фундамент» консульского содействия и консульской деятельности, что является значимым средством защиты интересов, свобод и прав граждан в других государствах.

В соответствии с изданным Указом Президента Российской Федерации от 5 октября 1998 года «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации», в понятие консульского содействия входят такие основные обязательства⁵:

- защита интересов, свобод и прав российских организаций и физических лиц;

- закрепление и расширение взаимосвязей между РФ и страной пребывания в научной, культурной, социальной и экономической областях, сохранение между ними взаимоотношений дружественного характера;

- содействие гражданам, пребывающим в конкретном консульском округе, в части реализации избирательных прав и принятия участия в референдуме;

- содействие в закреплении и формировании взаимосвязей с гражданами-соотечественниками, живущими в территориальных границах консульского округа;

1 Федеральный закон «Консульский устав РФ» от 05.07.2010 № 154-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/

2 Федеральный закон «Консульский устав РФ» от 05.07.2010 № 154-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102228/

3 Федеральный закон «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10135803/>

4 Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О гражданстве Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [КонсультантПлюс \(consultant.ru\)](https://www.consultant.ru/plus/).

5 Указ Президента РФ от 05.11.1998 № 1330 (ред. от 21.08.2012) «Об утверждении Положения о Консульском учреждении Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12113633/>

– выработка и реализация мер, касающихся розыска россиян, числящихся без вести пропавшими в территориальных границах консульского округа. Если консульский орган получает сведения о пропаже россиянина, то он немедленно реализует всю совокупность нужных мер, чтобы определить его место пребывания и предоставить содействие в налаживании коммуникации с близкими и родственниками;

– обеспечение соблюдения интересов, свобод и прав гражданского лица при его аресте/помещении под стражу.

В содержании Консульского Устава Российской Федерации определено, что консульская поддержка – это ключевая функциональная обязанность, закрепленная за должностными лицами консульских органов. Последние помогают гражданам в разрешении крайне широкого спектра вопросов.

Безусловно, консулы формируют и поддерживают реестр россиян, живущих в консульском округе. Это необходимо для реализации права на предоставление консульского содействия, когда имеет место соответствующая потребность. С данной целью гражданские лица в рамках консульского округа встают на учет.

Сотрудники консульских учреждений занимаются защитой интересов, свобод и прав граждан, поддерживают их безопасность и защиту в государствах пребывания, придерживаясь норм национального законодательства и международно-правовых норм.

Согласно Консульскому Уставу, консульская поддержка может рассматриваться, исходя из примера таких функций, ориентированных на защиту граждан России за рубежом:

– реализация защиты интересов, свобод и прав россиян, пребывающих в тюремном учреждении, под арестом, задержанных, а также осуществление оперативно-розыскных мероприятий в территориальных границах консульского округа;

– оформление и последующая выдача документов, удостоверяющих личность, временных документов, дающих право возвращаться и выезжать из РФ;

– обеспечение взаимодействия с местными властными структурами в части предоставления консульской поддержки;

– выработка и реализация мер, ориентированных на поддержание безопасности и защиту россиян, имеющих потребность в определении попечительства или опеки;

– при возникновении болезней инфекционной этиологии и прочих ЧС оповестить граждан и провести соответствующий инструктаж.

Чтобы получить актуальные информационные данные, касающиеся консульской поддержки в российском праве, целесообразно рассмотреть Концепцию российской Внешней Политики 2023. Здесь консульское содействие входит в число важнейших целей. И данное содействие может быть рассмотрено, исходя из примеров данных функций⁶:

– поддержание уважительного отношения к свободам и правам граждан, особенно при аресте и прочих ЧС;

– оказание разного рода консульских услуг, включая выдачу виз, легализацию документов и пр.;

– предоставление консультации гражданам в части миграционных аспектов, вопросов попечительства, опеки и пр.;

– консультации и предоставление информации гражданам в части вопросов охраны здоровья и безопасности на территории государств, где локализируются консульские учреждения;

– предоставление содействия в разрешении юридических вопросов, касающихся пребывания лиц за рубежом;

– нахождение соответствующих интересов с иностранными государствами для разрешения насущных задач, касающихся эпидемий, катастроф и прочих ЧС;

– расширение международного сотрудничества в сфере гуманитарного обмена;

– поддержка положительной репутации РФ, российской культуры и языка в зарубежных странах.

В контексте настоящей исследовательской работы целесообразно обратить внимание на тот фактор, что в содержании внешнеполитической Концепции отмечено повышение уровня взаимоотношений с государствами СНГ. Представленные выше меры консульской поддержки способствуют реализации российской внешней политики, поддержанию защиты и безопасности граждан России за границей и развитию полноценного всестороннего сотрудничества с иностранными государствами.

Исходя из вышеназванной информации, возможно констатировать, что консульское содействие в российском праве возможно раскрыть посредством широкого диапазона функциональных задач и обязанностей, сориентированных на защите интересов, свобод и прав россиян в других государствах. Российские консульские учреждения помогают гражданам в разных областях жизнедеятельности. Более того, их работники тесно взаимодействуют с местными властями других стран для закрепления сотруднических взаимоотношений, разрешения насущных вопросов и предоставления защиты гражданам за границей.

4. Заключение.

Консульское содействие рассматривается в качестве одного из наиболее значимых методов правовой защиты граждан за рубежом. Кроме того, работники консульских учреждений обеспечивают развитие сотрудничества между государствами посредством практического осуществления функции консульского содействия. Анализ разных концепций и нормативных источников дает возможность сформулировать ряд умозаключений:

Консульское содействие – это обширная система мер, предлагаемых гражданским лицам в зарубежных странах для поддержания их безопасности, защиты их интересов, свобод, прав и содействия в разных обстоятельствах (включая ЧС).

В законодательной системе РФ в сфере консульской поддержки присутствуют нормы Федерального закона «Консульский устав Российской Федерации» 2010 года, ряда иных нормативно-правовых актов и международных соглашений, участником которых является Россия. В данных документах раскрываются обязанности и права работников консульств и гражданских лиц, которые обратились за соответствующей поддержкой.

Консульства занимают крайне значимое положение в содействии гражданским лицам и предоставлении консуль-

6 Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Официальное опубликование правовых актов (pravo.gov.ru).

ских услуг. Сотрудники консульств налаживают коммуникации с местными органами власти и обеспечивают исполнение гражданских прав.

Консульская помощь – обширный комплекс взаимоотношений, где гражданские лица также подчинены правилам и законам принимающего государства. Системный комплекс консульского содействия регламентируется международно-правовыми принципами и нормами дипломатического и консульского права. Это обстоятельство свидетельствует о значимости сотрудничества между Российской Федерацией и иными государствами в данной сфере.

Консульское содействие требуется для обеспечения соблюдения гражданских прав и представляет собой обязательный компонент международных взаимоотношений. Результативно и устойчиво функционирующая система законодательства России обеспечивает защиту прав, свобод и интересов, а также обеспечивает безопасность граждан при их пребывании в зарубежных странах.

Пристатейный библиографический список

1. Блищенко И. П. Дипломатическое право: Учеб. Пособие. – М.: Высш.шк., 1990.
2. Бобылев Г. В. Консульское право: Учеб. Пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2007.
3. Ведель И. А. Дипломатическая защита и консульское содействие в международном праве. – М.: Проспект, 2018.
4. Дурденевский В. Н. Консульские конвенции и договоры Союза ССР 1957-1959 гг. // Советский ежегодник международного права. – 1961. – М.: АН СССР, 1962.
5. Ильин Ю. Д. Основные тенденции в развитии консульского права. – М.: Юрид. литература, 1969.
6. Колосов Ю. М. Действующее международное право: Учебное пособие / Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. – М.: Изд. Моск. Ассоциация международного права (МАМП), 2002.
7. Лапин Г. Э. Консульская служба: Учеб. пособие. – М.: Международные отношения, 2012.
8. Лебедева О. В. Консульская служба РФ на современном этапе: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.
9. Нагиева А. А. Дипломатическая защита: Учеб пособие. – М., 2019.
10. Плотникова О. В. Консульские отношения и консульское право: Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999.
11. Попов В. И. Современная дипломатия: теория и практика: дипломатия – наука и искусство / Дипломатическая акад. МИД России. – Изд. 2-е, доп. – М.: Международные отношения, 2010.
12. Торкунов А. В. Дипломатическая служба. Монография / Под ред. А. В. Торкунова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
13. Безбородов Ю. С. Рец. на кн.: Ведель И. А. Дипломатическая защита и консульское содействие в международном праве. Diplomatic protection and consular assistance in international law. – М.: Проспект, 2018. – 176 с. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 1.
14. Аджихалилова З. М. Основные направления и способы дипломатической и консульской защиты прав человека // Молодой ученый. – 2023. – № 31 (478).
15. Ведель И. А. Некоторые вопросы о мерах и средствах дипломатической защиты // Российский юридический журнал. – 2013. – № 6 (93).
16. Ведель И. А. Дипломатическая защита и консульское содействие: соотношение международного и внутригосударственного правового регулирования // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2 (101).
17. Нагиева А. А. Личная неприкосновенность сотрудников дипломатического представительства: актуальные международно-правовые вопросы // Московский журнал международного права. – 2022. – № 1.
18. Нагиева А. А. Тенденции развития консульских отношений Российской Федерации с государствами-участниками СНГ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2023. – № 1.
19. Омирбай Ж. Роли почетных консулов в современных дипломатических отношениях // Закон и власть. – 2023. – № 1.
20. Чередниченко Е. А. Особенности правового положения осуществления деятельности консульскими учреждениями // Студенческий форум. – 2019. – № 41-3 (92). – С. 46-49.
21. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/activity/review>.
22. Официальный сайт Консульского департамента МИД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kdmid.ru>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-89-90

ГАЛЕЕВА Алина Альмировна

главный специалист отдела кадров прокуратуры Республики Башкортостан

ДЕМИДОВА Татьяна Константиновна

кандидат политических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий

ВАСИЛЬЕВ Александр Викторович

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий

РОЛЬ РОССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТОРГОВЛЯ, ЭНЕРГЕТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

В данной статье исследуется роль и влияние России на экономическое и политическое развитие стран Центральной Азии. Авторы подробно анализируют динамику торговых отношений, энергетические проекты и инфраструктурные инвестиции России в регионе, подчеркивая ее значимость в укреплении экономической стабильности и сотрудничества в Центральной Азии.

Статья также затрагивает вопросы региональной безопасности и роли России в поддержании стабильности и борьбе с вызовами, такими как инфильтрация исламистов и наркотрафик, а также в управлении миграционными потоками.

Ключевые слова: геополитическая динамика, российская экономическая роль в регионе, энергетические стратегии, региональная безопасность, торговые отношения, экономическое взаимодействие, влияние России.

GALEEVA Alina Almirovna

Chief Specialist of the Human Resources Department of the Prosecutor's Office of the Republic of Bashkortostan

DEMIDOVA Tatyana Konstantinovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of International law and international relations sub-faculty of the Ufa University of the Sciences and Technology

VASILJEV Alexander Viktorovich

Ph.D. in political sciences, associate professor, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of the Sciences and Technology

RUSSIA'S ROLE IN THE ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF CENTRAL ASIA: TRADE, ENERGY AND SECURITY

This article examines the role and influence of Russia on the economic and political development of the countries of Central Asia. The authors analyze in detail the dynamics of trade relations, energy projects and infrastructure investments of Russia in the region, emphasizing its importance in strengthening economic stability and cooperation in Central Asia.

The article also touches on issues of regional security and Russia's role in maintaining stability and combating challenges, such as Islamist infiltration and drug trafficking, as well as in managing migration flows.

Keywords: geopolitical dynamics, Russian economic role in the region, energy strategies, regional security, trade relations, economic interaction, Russian influence.

В области экономической динамики Российской Федерации укрепилась её роль как значительного и влиятельного участника в регионе Центральной Азии. Начиная с начала 2000-х годов, в отношениях между Россией и странами Центральной Азии заметно оживилась экономическая активность, что сказалось в трехкратном увеличении объема торговли с 2003 по 2007 год [1].

Этот стремительный рост привел к впечатляющему увеличению объема торговли, который вырос с небольших 7 миллиардов долларов до внушительных 21 миллиарда долларов. Важно отметить, что треть этого объема приходится на углеводородный сектор, что подчеркивает доминирующее положение России в сфере энергетики.

Годом знаковым для экономической дипломатии стал 2006 год, когда Россия успешно закрепила как главный импортный партнер Казахстана, а объем торговли превысил 10 миллиардов долларов. В это время Россия также укрепила

свои позиции как главный коммерческий союзник Узбекистана, контролируя более 25% валютных резервов этой страны, которые в 2007 году достигли более чем 3 миллиарда долларов. Эта дипломатическая и экономическая активность также распространилась на Кыргызстан, где Россия заняла второе место среди торговых партнеров страны, уступая лишь Китаю. В то же время Россия оставалась важным торговым союзником Таджикистана, в то время как Китай оставался далеко позади.

Территория Туркменистана также свидетельствует об активном экономическом влиянии России. Несмотря на то, что на начальных этапах сотрудничества другие страны, такие как Украина, Иран и некоторые европейские государства, пытались получить инициативу, Россия продемонстрировала значительный прогресс, частично благодаря росту влияния ОАО «Газпром».

Следует также отметить, что энергетический сектор стал ключевым компонентом во взаимодействии России с

Центральной Азии. Вовлеченность России в энергетический ландшафт этого региона заметно усилилась, начиная с 1990-х годов. «Газпром» начал активно расширять свою деятельность сначала в Казахстане, а затем в Узбекистане и Туркменистане. С 2005 года эти усилия распространились на Кыргызстан и Таджикистан, укрепляя экономическую связь между Россией и странами Центральной Азии в сфере энергетики.

Энергетический сектор занимает центральное место в разнообразных взаимодействиях России с Центральной Азией. Участие России в энергетическом ландшафте этого региона существенно усилилось, начиная с 1990-х годов.

В этот период «Газпром» начал активное расширение своей деятельности, начиная с Казахстана, а затем охватывая Узбекистан и Туркменистан.

С 2005 года эти усилия расширились на Кыргызстан и Таджикистан, укрепляя экономическую связь между Россией и странами Центральной Азии в области энергетики.

Заметно, что доля газовых и нефтяных сделок в российско-центральноазиатской торговле значительно увеличилась, с 23% в 2003 году до 36% к концу 2006 года. Эти сделки принесли значительный экономический эффект, достигая 4,6 миллиарда долларов. Особенно заметен был рост в газовом секторе, где Узбекистан стал одним из ключевых торговых партнеров.

Важно отметить, что роль России превышала простое импортирование углеводородов в Центральную Азию. Российская Федерация активно позиционировала себя как канал для реэкспорта этих ресурсов в Украину и Западную Европу, что способствовало экономическому росту региона. Это стремление нашло отражение в существенных инвестициях российских корпораций в различные энергетические проекты, укрепляя таким образом связи между Россией и странами Центральной Азии, включая Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

В Узбекистане российское участие вышло за рамки энергетической сферы и распространилось на разработку газовых и нефтяных месторождений, а также на стратегические инвестиции в транзитную инфраструктуру. Этот многогранный подход подчеркивает ключевую роль России в структурировании центральноазиатского рынка углеводородов, обеспечивая тем самым удобный экспорт этих ценных ресурсов из региона в другие страны мира [2].

Несмотря на появление новых игроков, таких как Китай, и развитие альтернативных транспортных маршрутов, Россия остается неоспоримым участником в энергетической панораме Центральной Азии. Эта постоянная роль способствует устойчивому экономическому росту и стабильности в регионе, подчеркивая конструктивную роль Российской Федерации в обеспечении процветания Центральной Азии.

В области экономических отношений Россия активно поддерживает диверсификацию торговли и укрепление связей в Центральной Азии. Это видно в развитии экспортных маршрутов, выходящих за пределы российской территории, что способствует прямому экспорту туркменского газа в Иран и Китай, а также открывает возможности для экспорта казахстанской нефти в Китай и западные страны по трубопроводу Баку-Тбилиси-Джейхан. В этом процессе активно участвуют крупные российские конгломераты, согласовывая свои стратегии с широкими целями Кремля. Результатом этого согласованного действия является одновременное достижение многогранных задач: сохранение политического влияния России в странах Центральной Азии, получение до-

ходов от транзита и поддержка альтернативных экспортных маршрутов.

Россия активно участвует в различных сферах сотрудничества с Центральной Азией, включая урановую и электроэнергетику, гидроэнергетику, строительство, телекоммуникации, транспорт, железные дороги, банковское дело, военно-промышленный комплекс и агропромышленный комплекс. Упрощение таможенных процедур в рамках Евразийского экономического сообщества содействует развитию торговли и приносит пользу как российской, так и центральноазиатской экономикам.

С точки зрения безопасности, Россия придает большое значение стабильности в Центральной Азии, так как любые нарушения стабильности в этом регионе могут оказать негативное воздействие на Россию. Это связано с угрозой проникновения исламистов, наркотрафика, а также потерей контроля над стратегическими ресурсами и потоками мигрантов и беженцев.

Обширная российско-казахстанская граница создает сложности в обеспечении безопасности. Поэтому Россия стремится укрепить контроль над потоками, учитывая центральноазиатский регион как важную буферную зону для своей национальной безопасности [3].

Таким образом, Россия остается активным участником в экономическом и безопасностном сотрудничестве с Центральной Азией, демонстрируя свою приверженность стабильности и процветанию этого региона и учитывая свои национальные интересы.

Участие России в региональных делах Центральной Азии имеет значительное воздействие на обеспечение безопасности в этом регионе. Россия осознает вызовы, связанные с безопасностью, и активно сотрудничает в разработке механизмов для их решения.

Российские интересы в области безопасности соответствуют ее прагматичному подходу к обеспечению внутренней безопасности. Стабильность в Центральной Азии необходима для предотвращения проблем, таких как распространение исламистской экстремизм, наркотрафик и утрата контроля над стратегическими ресурсами. Поддержание безопасности южной границы Центральной Азии важно для национальной безопасности России, и этот подход подчеркивает роль Центральной Азии как буферной зоны, от которой выигрывают все стороны.

В целом, активное участие России в региональных вопросах Центральной Азии способствует развитию климата регионального сотрудничества, обеспечению стабильности и поддержке экономического развития во благо всему региону.

Пристатейный библиографический список

1. Tsygankov A. P. Russia's foreign policy: change and continuity in national identity. Rowman & Littlefield, 2016.
2. Laruelle M. Russian Policy on Central Asia and the Role of Russian Nationalism. Silk Road Papers. Central Asia and Caucasus Institute. Washington, D.C., 2008.
3. Crane K., Peterson D. J. and Olikier O. Russian Investment in the Commonwealth of Independent States // Eurasian Geography and Economics. - 2005. - Vol. 46. - № 6. - P. 405-444.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-91-93

СТРУГОВЕЦ Лилия Александровна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, юрист

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ЕАЭС В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ КЛИМАТА

В статье рассматриваются законодательные инициативы стран ЕАЭС, направленные на защиту климата. Раскрывается важность международного сотрудничества в достижении целей устойчивого развития, анализируется эффективность существующего законодательства, направленного на защиту климата, предлагаются способы улучшения законодательной базы ЕАЭС, а также способы выявления и управления возникшими потенциальными рисками, приводящими к изменению политики и законодательства в вопросах защиты климата.

Ключевые слова: изменение климата, законодательные инициативы, снижение выбросов углерода, декарбонизация, устойчивое развитие, климатическое законодательство, управление климатом.

STRUGOVETS Liliya Alexandrovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, lawyer

LEGISLATIVE INITIATIVES OF THE EAEU IN THE SPHERE OF CLIMATE PROTECTION

The article deals with the legislative initiatives of the EAEU countries aimed at climate protection. It reveals the importance of international cooperation in achieving sustainable development goals, analyses the effectiveness of existing legislation aimed at climate protection, suggests ways to improve the legislative framework of the EAEU, as well as ways to identify and manage potential risks that lead to changes in policy and legislation on climate protection.

Keywords: climate change, legislative initiatives, carbon emission reduction, decarbonisation, sustainable development, climate legislation, climate governance.

Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сталкиваются с рядом серьезных климатических вызовов, связанных с изменением климата. По данным исследований Джиджи Оуэн (2020), потепление в Евразийском регионе превышает глобальный уровень, угрожая сельскохозяйственной устойчивости и водным ресурсам [1, с. 2]¹. Эти изменения оказывают давление на экосистемы, здоровье населения и экономику, что подчеркивается в исследованиях, указывающих на повышение частоты и интенсивности погодных катастроф [2, с. 1-3]². ЕАЭС признает необходимость совместных действий по адаптации к климатическим изменениям и смягчению их последствий, что требует разработки эффективных законодательных инициатив для обеспечения устойчивого развития государств-членов.

Значение международного сотрудничества в борьбе с изменениями климата

Международное сотрудничество играет ключевую роль в борьбе с климатическими изменениями, поскольку проблема глобального потепления не знает границ и требует совместных усилий. По словам профессора Р. Пачаури, бывшего председателя Межправительственной группы экспертов по изменению климата (ИПСС), «действия одной страны могут быть недостаточны, если другие государства не предпри-

мут аналогичные шаги». В контексте ЕАЭС законодательные инициативы направлены на синхронизацию климатических стратегий и политики устойчивого развития.

Согласно исследованию Э. А. Курбанова и А. Е. Фоминных (2019), «международное сотрудничество может ускорить переход к низкоуглеродной экономике за счет обмена технологиями и опытом». ЕАЭС стремится реализовать это через разработку общих стандартов и механизмов учета выбросов парниковых газов [6, с. 176]. Такие подходы способствуют повышению эффективности национальных мер и созданию единой системы мониторинга и отчетности, что является важным шагом на пути к выполнению международных обязательств, включая Парижское соглашение.

Цели и задачи исследования законодательных инициатив ЕАЭС по климату направлены на оценку эффективности и адекватности принимаемых решений в контексте глобальных климатических вызовов. Опираясь на научные труды, такие как доклад ИПСС (Intergovernmental Panel on Climate Change), ученые стремятся определить, как меры ЕАЭС соотносятся с международными обязательствами и практиками в области климата. К примеру, Д. Самцова в своем исследовании [8, с. 154] подчеркивает важность интеграции климатических стандартов в экономику региона для снижения углеродной интенсивности. В данной работе проведен анализ правовой базы ЕАЭС, выявлены пробелы и предложены усовершенствования нормативной базы, основанные на научных данных и международном опыте.

Развитие климатического законодательства в ЕАЭС

Развитие климатического законодательства в ЕАЭС началось с подписания договора о создании Евразийского экономического союза в 2014 году. Страны-члены признают важность совместных усилий в борьбе с климатическими из-

1 Owen Gigi (2020), Data for: What makes climate change adaptation effective? A systematic literature review of success, Mendeley Data, V1. См.: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/ydygmhew4y/1> (дата обращения: 13.12.2023 г.).

2 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/globalnaya-klimaticheskaya-povestka-strany-eaes-dogovorilis-o--sovmestnyh-merah-podderzhki-naibolee-uyazvnyh-sektorov-promyshlennosti/> (дата обращения: 13.12.2023 г.).

менениями, что отражено в статье 98 договора об ЕАЭС, подчеркивающей необходимость координации в области экологии и природопользования. Большинство исследователей отмечают, что «сотрудничество в рамках ЕАЭС может иметь ключевое значение для разработки эффективной климатической политики». В последующие годы были предприняты шаги к разработке конкретных мер и стратегий, направленных на снижение выбросов парниковых газов и повышение экологической устойчивости экономик союза. Однако, как подчеркивается в работе Д. Самцовой, существует необходимость более строгой и целенаправленной регуляции: «ЕАЭС стоит перед вызовом ужесточения климатических норм и стандартов для достижения общих экологических целей». Эта задача остается актуальной для правового регулирования в рамках ЕАЭС.

Ключевые законодательные акты и договоры ЕАЭС по климату

ЕАЭС признает важность борьбы с изменениями климата и продвигает ряд мер для снижения воздействия на окружающую среду. основополагающим документом является Договор о ЕАЭС, который включает положения о кооперации государств-членов в области экологии и рационального использования природных ресурсов. В рамках союза были разработаны специализированные программы и стратегии, направленные на минимизацию углеродного следа и поддержку устойчивого развития.

Академические работы ученых, такие как Т. В. Ефимцева (2019), подчеркивают значимость трансграничного сотрудничества в регионе для эффективности климатических инициатив. Также они указывают на необходимость интеграции международных стандартов в национальное законодательство государств-участников ЕАЭС для достижения целей Парижского соглашения.

Ключевым шагом в исполнении этих задач стало подписание «Соглашения о сотрудничестве в области экологии и защиты окружающей среды», которое предусматривает скоординированные действия по климатической политике. Стремление к инновациям и принятию экологически чистых технологий отражено в ряде программных документов, включая рекомендации коллегии Евразийской экономической комиссии в целях реализации пункта 8.3.7 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12, которые задают направления для перехода к «зеленой» экономике на период до 2025 года.

Анализ законодательных инициатив ЕАЭС по климату

Законодательные инициативы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в области климата направлены на снижение выбросов парниковых газов и переход к устойчивому развитию. Ряд исследований, включая работы А. Н. Захарина, К. В. Колесниковой (2020), подчеркивают значимость регионального сотрудничества для эффективного климатического управления. ЕАЭС стремится реализовать подход, основанный на научно-обоснованной информации, что отражено в документах стратегического уровня [3, с. 135].

Актуальным примером является разработка «Концепции по переходу ЕАЭС к экономике с низким уровнем выбросов углерода» [4, с. 11]. Этот документ предусматривает комплекс мер, направленных на повышение энергоэффек-

тивности, развитие возобновляемых источников энергии и экологического чистого транспорта.

Российские ученые М. И. Клеандров, Е. Е. Фролова, Е. П. Ермакова (2019) отмечают, что «без интеграции климатических целей в экономические стратегии, усилия по смягчению климатических изменений будут недостаточными» [5, с. 70].

Общие критерии зеленых проектов государств-членов ЕАЭС одобрены Рабочей группой высокого уровня по разработке предложений по сближению позиций государств-членов в рамках климатической повестки (Протокол от 22.12.2022 № 43-АС) и утверждением модельной таксономии для обеспечения финансирования зеленых проектов в ЕАЭС.

В рамках ЕАЭС признается взаимосвязь экономики и климата, что позволяет формировать гармоничную политику в этой сфере.

Влияние законодательных инициатив на климат стран ЕАЭС

В рамках ЕАЭС в области климата принимаются согласованные меры, направленные на снижение вредных выбросов и адаптацию к изменениям климата. Законодательные инициативы ЕАЭС в этой сфере оказывают значительное влияние на экологическую политику стран-членов.

Усиление экологических стандартов в рамках союза способствует сокращению выбросов парниковых газов. Страны ЕАЭС активно работают над внедрением «зелёных» технологий, что подтверждается принятием плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденного распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4 (пункт 8.3.7 Плана). Законодательные инициативы союза поддерживают разработку и применение инновационных решений в энергетике, промышленности и сельском хозяйстве.

Таким образом, законодательная деятельность ЕАЭС в области климата играет ключевую роль в формировании экологически устойчивого развития стран-членов и обеспечении их сотрудничества в достижении климатических целей.

Эффективность законодательных мер ЕАЭС по защите климата

Актуальность законодательных инициатив ЕАЭС в сфере климата неоспорима. Согласно исследованию Д. Скобелева, А. Волосатовой, Т. Гусева, С. Панова (2022) [9, с. 10], принятые меры способствуют снижению выбросов парниковых газов, но не достигают уровня, требуемого для достижения целей Парижского соглашения. Основная проблема, которую подчеркивают эксперты, заключается в недостаточной интеграции и согласованности национальных законов государств-членов ЕАЭС. В контексте международных обязательств регулятивные инициативы ЕАЭС должны обеспечивать не только экономические интересы, но и стратегические цели в области экологии. Интегрированный подход к законодательству, подкрепленный научными данными и технологическими инновациями, станет залогом укрепления климатической политики союза.

Основные выводы исследования законодательных инициатив ЕАЭС по защите климата иллюстрируют активное принятие мер в ответ на климатические вызовы. Исследователи, такие как Т. В. Ефимцева (2021), отмечают прогресс в законодательстве, направленный на сокращение выбросов парниковых газов и повышение энергоэффективности [2, с.

168]. В частности, анализ политик ЕАЭС показывает интеграцию природоохранных стандартов в экономические стратегии государств-членов. М. Мясникович, В. Ковалев (2023) подчеркивают значимость трансграничного сотрудничества в области мониторинга климата, обозначая это как ключевой элемент успешной региональной экологической политики [7, с. 109]. Однако, несмотря на установленные цели, остается проблемой отсутствие единой методологии оценки эффективности реализуемых мер и их соответствие международным обязательствам. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке универсальных инструментов для количественной оценки влияния законодательных актов ЕАЭС на климат.

Предложения по улучшению законодательной базы ЕАЭС по защите климата

В рамках усилий по совершенствованию законодательства ЕАЭС в области климата, учёные предлагают несколько мер. Согласно мнению М. Мясникович, В. Ковалева (2023) [3, с. 1], важно разработать комплексный подход к оценке климатических рисков и включить его в национальное законодательство стран-членов ЕАЭС. А. Н. Клепач (2021) акцентирует внимание на необходимости ужесточения контроля за выбросами парниковых газов, предлагая внедрение единых стандартов мониторинга и отчетности.

Для обеспечения прозрачности и сопоставимости мер по защите климата, С. Ю. Глазьев (2020) предлагает создание единой базы данных ЕАЭС по выбросам парниковых газов. Также рекомендуется разработка стимулирующих налоговых и финансовых механизмов для поддержки проектов, направленных на снижение выбросов и адаптацию к изменению климата [1, с. 12]. В дополнение к этому, следует отметить, что важными являются исследования в области трансграничного правоприменения климатических норм, поскольку разнообразие национальных подходов в странах ЕАЭС может привести к юридическим конфликтам, что требует разработки единых принципов и правил.

Пристатейный библиографический список

- Глазьев С. Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 11-30.
- Ефимцева Т. В. Некоторые подходы к решению вопросов энергетики и экологии в законодательстве интеграционных объединений (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза) // Lex russica. – 2019. – № 8. – С. 164-178.
- Захарин А. Н., Колесникова К. В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС: состояние и перспективы // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 3. – С. 135-142.
- Клепач А. Н. Стратегические инициативы и перспективы взаимодействия стран ЕАЭС в сфере борьбы с климатическими изменениями и экологическими вызовами. Доклад Институт анализа и экспертизы ВЭБ, 2021. – 50 с.
- Клеандров М. И. Основы правового регулирования «зеленого» финансирования в России и Европейском Союзе / М. И. Клеандров, Е. Е. Фролова, Е. П. Ермакова. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – 74 с.
- Курбанов Э. А., Фоминых А. Е. Проблемы климата и экологии во взаимодействии Европейского Союза и России: перспективы научно-образовательного сотрудничества // Запад – Восток. 2019. – № 12. – С. 175-187.
- Мясникович М., Ковалев В. Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе // «Россия в глобальной политике». – 2023. – Т. XXI. № 2. – С. 207-218.
- Самцова Д. Тенденции и перспективные направления «зеленой» экономики в странах ЕАЭС // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. – 2021. – № 2 (106). – С. 154-161.
- Скобелев Д., Волосатова А., Гусева Т., Панова С. Применение концепции наилучших доступных технологий в различных системах зеленого финансирования: международный опыт и перспективы использования в государствах-членах Евразийского экономического союза. «Зеленая» интеграция и формирование единого устойчивого пространства развития в формате ЕАЭС // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. XIV. № 2. – С. 19.

3 Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 января 2023 г. № 2 «О перспективных направлениях сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере водородной энергетики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/23rko002/> (дата обращения: 13.12.2023 г.).

БИКЧЕНТЕЕВА София Рашидовна

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

РОМАНЕНКО Алина Андреевна

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ТЕОРИЯ ХАРАКТЕРНОГО ИСПОЛНЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ КОЛЛИЗИОННОМ ПРАВЕ

В статье проводится анализ норм российского и зарубежного коллизионного законодательства в контексте выбора применимого права для регулирования отношений, в случае недостижения соглашения о таковом. Отмечается, что теория характерного исполнения постепенно «внедрялась» в европейское коллизионное право, видоизменяя коллизионные привязки. В отечественном законодательстве процесс перехода от использования коллизионной привязки «место исполнения обязательства» к теории характерного исполнения по замыслу законодателя не был постепенным. Тем не менее, подход, согласно которому критерий характерного исполнения в совокупности с принципом наиболее тесной связи является одним из основных в настоящее время, позволяющим создать баланс между жесткими и гибкими коллизионными принципами.

Ключевые слова: теория характерного исполнения, применимое право, коллизионная привязка, соглашение.

BIKCHENTEVA Sophia Rashidovna

fourth year bachelor's degree student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agricultural University

GLINSHCHIKOVA Tatyana Vadimovna

PhD in Law, associate professor, associate professor of Private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agricultural University

ROMANENKO Alina Andreevna

fourth year bachelor's degree student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agricultural University

THE THEORY OF CHARACTERISTIC EXECUTION AS THE MAIN CRITERION FOR DETERMINING THE APPLICABLE LAW IN MODERN RUSSIAN AND FOREIGN CONFLICT OF LAWS

The author of the scientific article analyzes the Russian and foreign conflict of laws in terms of the issue of choosing the applicable law to regulate legal relations in which an agreement on such has not been reached. It was concluded that the theory of characteristic execution was gradually "introduced" into European law, and the conflict of laws bindings were modified. Speaking about domestic legislation, the process of transition from the use of the conflict of laws binding "place of performance of the obligation" to the theory of characteristic performance was abrupt. Nevertheless, the criterion of characteristic performance is one of the main ones that allows you to balance strict rules and dispositive principles.

Keywords: theory of characteristic execution, applicable law, conflict of laws binding, agreement.

Теория характерного исполнения берет свои истоки с начала XX века. Страной, в которой зародились первые ее идеи, принято считать Италию. Так, во флорентийской Резолюции Института международного права 1908 года имелось положение, которое определяло, что выбор применимого права к регулированию тех или иных правоотношений зависит от правовой природы договора и правоотношений, складывающихся между его сторонами. Данный правовой акт содержал типологизацию договоров, а также перечислял коллизионные привязки для каждого из них. Подходы, проиллюстрированные в Резолюции, послужили неким началом для развития других правовых норм континентального права. Следует признать, что значительное число государств восприняли соответствующие международные документы [1].

Предметную разработку теория характерного исполнения получила в Швейцарии. Так, одной из идей швейцарских юристов являлось прямое указание на то, что к спорному правоотношению применяется право страны, в которой концентрируется основная деятельность стороны, которая осуществляет характерное, то есть более важное по своему

объему, исполнение. В случае, когда характерное исполнение не имеет тесной связи с непосредственным осуществлением коммерческой деятельности стороны, при выборе применимого права швейцарские ученые предлагали отталкиваться от места нахождения стороны, связанным с ее постоянным обычным пребыванием.

Позже концепция характерного исполнения была отражена в ряде правовых актов, которые были направлены на создание универсальных норм международного частного права. Так, согласно ст. 4 Регламента ЕС 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I) в тех случаях, когда стороны правоотношения не достигли соглашения в части использования применимого к коллизионным правоотношениям права, что применять необходимо право той страны, в которой находится фактическое местонахождение стороны, которая осуществляет характерное исполнение. Однако диспозитивным положением по отношению к принципу характерного исполнения выступает принцип наиболее тесной связи. Так, если договор наиболее тесно связан с правом конкретной страны, то теория характерного исполнения использоваться правоприменителем не

будет [2]. Стоит отметить, что такое сочетание двух коллизионных принципов обеспечивает баланс гибкости правил и правовой определенности.

Вследствие чего, представляется, что европейское коллизионное право рассматривает теорию характерного исполнения как один из критериев выбора применимого права. Однако наравне с данной теорией определенная роль отведена принципу наиболее тесной связи, который позволяет обеспечивать баланс между жесткими, предсказуемыми формально определенными правилами и гибкими принципами, которые при наличии достаточных к тому оснований могут «заменить» и смягчить основное правило.

Следует исследовать генезис развития концепции характерного исполнения в отечественном законодательстве. С помощью коллизионной привязки «закон места заключения договора» в советский период осуществлялся выбор применимого права к внешнеэкономическим сделкам. Тем не менее, под влиянием европейского коллизионного права отечественный законодатель отразил теорию характерного исполнения. Так, например, в ст. 166 Основ гражданского законодательства СССР 1991 г. отмечалось, что при отсутствии соглашения между сторонами о компетентном правопорядке, будет применяться право той страны, где она учреждена и имеет место жительства сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для договора.

Неудивительно, что отечественный законодатель изменил свою позицию, поскольку «место заключения договора», как коллизионная привязка имеет ряд недостатков. К сожалению, место заключения договора не всегда объективно связано с компетентным правопорядком и далеко не всегда демонстрирует тесную связь права с отношением. Нередко не отличается безукоризненностью и коллизионный принцип «место исполнения договора». Значение имеет не столько место исполнения договора, сколько реализация исполнения в действительности. Как правило, в момент заключения договора место его исполнения может быть неизвестно. В том случае, если обязательство имеет не единственное место исполнения, то коллизионная привязка «место исполнения договора» будет практически не реализуема. Как следствие, «место исполнения договора» в качестве нормы, определяющей применимое право, не имеет практического значения. Само исполнение договора связано с исполнением целого ряда обязательств, поэтому применимыми может оказаться ряд национальных правовых систем в виде расщепления применимого права. Однако, в некоторых странах, например, в Испании используется привязка «место исполнения договора» и этот факт следует иметь в виду сторонам при заключении трансграничного контракта.

Более того, следует иметь в виду, что различные правовые системы не одинаково определяют место исполнения обязательства. В международном частном праве толкование юридических терминов, которые используются в коллизионной норме, получило название квалификация. В результате процесса квалификации на основании национального законодательства место исполнения обязательства может приобрести разное значение, что повлечет проблемы на практике. Отрицательные черты указанных коллизионных привязок привело ученых и практиков к поиску иных принципов определения компетентного права.

Однако, необходимо отметить, что критерий характерного исполнения, который в дальнейшем получил распространение в законодательстве большинства государств, был основан на коллизионной привязке «место исполнения обязательства». Так, согласно п. 5 ст. 1211 ГК РФ в отношении контракта, заключенного на бирже или аукционе, применяется право того государства, где имеет нахождение биржа или осуществляется аукцион. Но именно с этим местом и связано место исполнения обязательства, например заклю-

чение контракта международной купли-продажи на бирже или аукционе.

В редакции ст. 1211 Гражданского Кодекса РФ, еще до проведения реформы гражданского законодательства в 2013 – 2017 гг., предусматривалось, что в случаях, когда выбор применимого права не определен сторонами, подлежит применению право той страны, с которой договор наиболее тесно связан. Под тесной связью понималось исполнение стороной, которое имеет решающее значение для содержания договора. Такая редакция статьи вызывала споры в научной среде, которые обосновывались тем, что такая правовая конструкция практически исключает предсказуемость результата. Отсутствовали в законодательстве и четкие критерии, которыми суд должен был руководствоваться при применении принципа наиболее тесной связи [3].

В актуальной редакции норма ст. 1211 Гражданского Кодекса РФ сконструирована по аналогии со ст. 4 Регламента Рим I. Предусмотрен следующий алгоритм в определении компетентного национального права: выбор применимого права зависит от места жительства или основного места деятельности стороны; учитывается исполнение стороной, которое имеет решающее значение для содержания договора. Указанные критерии представляют собой взаимосвязанные и последовательные стадии. Однако в законодательстве подробно не сформулированы критерии определения основного места деятельности стороны. Полагаем, судья подходит к этому вопросу индивидуально, анализируя все необходимые обстоятельства дела.

Помимо этого, в п. 9 ст. 1211 Гражданского Кодекса РФ помещен принцип наиболее тесной связи. Как мы видим, отечественный законодатель определил ему второстепенную роль в механизме определения применимого права. По всей вероятности, в отсутствие четких критериев тесной связи в российском праве, законодатель опасался неограниченного субъективизма в судебных решениях.

Таким образом, очевидно, что российский законодатель использовал наиболее эффективные решения в сфере определения применимого права в случае, когда стороны не выбрали компетентное право, принятые в зарубежном законодательстве. Баланс между жесткими правилами и «гибким» подходом достигается путем сочетания концепции характерного исполнения с возможностью использования принципа наиболее тесной связи, что дает наилучший результат при определении компетентного правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Виноградов Д. А. Развитие международно-правового регулирования ответственности морского перевозчика // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17. - № 3.
2. Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/collision/dogovornoe.htm>.
3. Новикова Т. В. Становление принципа наиболее тесной связи в международном частном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2021. - Т. 18. - № 1. - С. 35-46.

ВЕРХОТУРОВА Дарья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МЕДВЕДЕВА Дарья Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВДОВЕНКОВА Ольга Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЕЛОУСОВ Никита Алексеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ХЛЮПОВ Илья Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕФОРМА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ЭПОХУ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В этой статье рассматривается необходимость глубокой реформы международной экономической системы в контексте современных глобальных вызовов, таких как изменение климата и устойчивое развитие. Исследуется взаимосвязь между текущими экономическими структурами и неэффективностью в решении глобальных проблем. Анализируется роль международных финансовых институтов, таких как МВФ и многосторонние развивающие банки, в обеспечении устойчивого развития и борьбе с изменением климата. Предлагаются конкретные шаги для реформирования глобального управления, включая укрепление международного сотрудничества и координации, а также разработку новых финансовых механизмов и стратегий для поддержки устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, международное экономическое управление, реформа МВФ, изменение климата, глобальное управление, многосторонние развивающие банки, глобальное сотрудничество, экономические системы, международные финансы, политика устойчивости.

VERKHOTUROVA Darya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MEDVEDEVA Darya Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VDOVENKOVA Olga Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BELOUSOV Nikita Alekseevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KHLYUPOV Ilya Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMING GLOBAL GOVERNANCE: REFORM OF THE INTERNATIONAL ECONOMIC SYSTEM IN THE ERA OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

This article examines the need for deep reform of the international economic system in the context of modern global challenges such as climate change and sustainable development. The relationship between current economic structures and inefficiency in solving global problems is investigated. The role of international financial institutions, such as the IMF and multilateral development banks, in ensuring sustainable development and combating climate change is analyzed. Concrete steps are proposed to reform global governance, including strengthening international cooperation and coordination, as well as developing new financial mechanisms and strategies to support sustainable development.

Keywords: sustainable development, international economic governance, IMF reform, climate change, global governance, multilateral development banks, global cooperation, economic systems, international finance, sustainability policy.

В последние десятилетия мир столкнулся с беспрецедентными экологическими, экономическими и социальными вызовами, в центре которых находится изменение климата и необходимость устойчивого развития. Существующая международная экономическая система, сформированная после Второй мировой войны, сейчас испытывает серьезные трудности в адаптации к новым глобальным реалиям. Эта статья исследует проблематику существующей международной экономической архитектуры и подчеркивает необходимость ее глубокой реформы

для решения современных глобальных проблем и достижения устойчивого развития.

Существует немало сомнений в том, что изменение климата в настоящее время широко признано как глобальное общественное зло. Также растет осведомленность о том, что без согласованных действий всего человечества любая попытка остановить глобальное потепление и сократить смертоносные выбросы углерода не сможет эффективно повлиять на весь мир. В этой заметке мы рассматриваем вопрос, подходит ли существующая архитектура международного

экономического и денежно-кредитного управления для предоставления глобальных общественных благ и противодействия глобальным общественным злам. Я предполагаю, что ответ отрицательный, но существуют некоторые шаги, которые можно предпринять в ближайшие годы, чтобы не терять драгоценное время для выживания человечества.

Технические вопросы, например, текущее состояние резервных активов для СДР, можно довольно легко преодолеть за счет политически согласованных решений, и негативное влияние текущих высоких процентных ставок на чистые позиции СДР может быть уменьшено простым решением исполнительного совета МВФ, как это было предложено Джо Стиглицем на встрече Форума развивающихся рынков в Марракеше в октябре 2023 года. Некоторые из этих изменений должны произойти до того, как могут вмешаться Многосторонние развивающиеся банки, но мы считаем, что текущая глобальная политическая ситуация усиления конфликта должна предполагать, что может быть найден консенсус о мирном развитии, альтернативой которому является драматическое изменение и фрагментация международной экономической и финансовой системы, что помешает росту и прогрессу.

Я начну с описания проблемы коллективных действий на международном уровне и предоставляю обзор эволюции попыток реформировать систему (первый раздел). Затем я объясню потенциальную роль (измененной версии) Специальных прав заимствования (СПЗ) в стимулировании инвестиций, связанных с предоставлением таких благ (второй раздел); подчеркну возможность, предоставляемую необходимостью сокращения ширины балансов центральных банков для перенаправления ресурсов от краткосрочной спекуляции к долгосрочным инвестициям (третий раздел); прежде чем кратко изложить, что интересным инструментом для этого, в ожидании крупной реформы международной денежной системы, является увеличенное использование многосторонних развивающихся банков, через которые могут быть направлены СПЗ (четвертый раздел).

Научные данные показывают, что средняя глобальная температура продолжает расти, вызывая экстремальные погодные условия, повышение уровня моря и другие воздействия на окружающую среду. По данным Всемирной метеорологической организации, последние годы стали одними из самых теплых в истории записей.

В 2015 году Организация Объединенных Наций приняла 17 целей устойчивого развития (ЦУР), которые включают меры по борьбе с изменением климата, снижению неравенства и продвижению мира и справедливости. Эти цели представляют собой универсальный призыв к действию для преобразования нашего мира к 2030 году.

Международное финансирование играет ключевую роль в достижении ЦУР. Важность международного сотрудничества для мобилизации финансовых ресурсов подчеркивается в Парижском соглашении по климату и Аддис-Абесской повестке действий.

МВФ играет центральную роль в мировой экономике, обеспечивая финансовую стабильность и содействуя глобальному экономическому сотрудничеству. Реформа МВФ и других международных экономических институтов может способствовать более эффективному управлению глобальными финансовыми ресурсами и поддержке устойчивого развития.

Технологические инновации, включая возобновляемые источники энергии, умные города и устойчивые транспортные системы, играют ключевую роль в достижении устойчи-

вого развития и снижении воздействия на окружающую среду.

Для решения глобальных проблем требуется международное сотрудничество и партнерство между правительствами, частным сектором и гражданским обществом. Глобальное партнерство является ключом к успеху в достижении устойчивого развития и справедливого мирового порядка.

Общее обязательство по глобальным общественным благам Глобальный характер проблем, связанных с изменением климата (и другими общественными благами), и проблемы, связанные с их производством, хорошо описаны в экономической литературе (Каул и др., 1999). Общественные блага обычно недостаточно предоставляются: свободные всадники, склонные возникать каждый раз, когда внешние эффекты не полностью внутренне урегулированы, и социальные предельные выгоды/издержки не отражают частные предельные выгоды/издержки (Пигу, 1920).

Хотя в рамках государств (которые соответствуют административному измерению, в котором могут быть применены политики) этот процесс свободного всадничества может быть эффективно уменьшен, производство транснациональных (общественных и/или достойных) благ сталкивается с обычной проблемой коллективных действий (Сэндлер, 1998). Поскольку единогласие или консенсусное решение является правилом в наднациональном принятии решений, коллективные выборы, касающиеся предоставления глобальных благ, в итоге устанавливаются на субоптимальном уровне (Сен, 1970) [4].

Следовательно, возникает вопрос, подходит ли текущая архитектура международного экономического, финансового и политического управления для обеспечения необходимого количества глобальных общественных благ. И в случае, если она не подходит, требуется ли этой архитектуре только небольшая корректировка или необходимо радикальное изменение в природе, объеме и структуре.

Этот вопрос не нов. Он поднимался несколько раз в прошлом, начиная с возникновения широкого осознания глобального (или транснационального) характера некоторых общественных благ, таких как: ограничения ресурсов на рост в начале 1970-х (Тинберген, 1976) и вопросы устойчивости с конца 1980-х (Брунтланд, 1987); и финансовая стабильность после финансового кризиса 2007-08 годов. Чрезвычайная ситуация, связанная с COVID-19, дополнительно укрепила восприятие того, что широкий спектр общественных благ имеет глобальный характер. Во время финансового кризиса в общественном дебате и глобальных институтах сильно возросли требования к крупной реформе международного экономического и финансового управления (Чжоу, 2009).

На саммите G20 в Лондоне в апреле 2009 года усиливались давления на созыв конференции Бреттон-Вудс 2 для переоценки баланса сил и переосмысления управления международной денежной системой (МДС). 21 сентября 2009 года Комиссия Стиглица ООН опубликовала свой доклад о реформах Международной денежной и финансовой системы, предлагая новые глобальные регулирующие институты и радикальное изменение природы экономического и финансового глобального контекста [2].

Несмотря на то, что некоторые шаги были предприняты в направлении реализации этих предложений, например, усиление роли Фонда Монетарного Сотрудничества (ФМС) и увеличение его ресурсов, а также укрепление мандата и функций Международного валютного фонда (МВФ), основные структурные изменения так и не были осуществлены.

Вопросы, связанные с глобальным управлением, продолжают вызывать озабоченность, особенно в свете последних глобальных кризисов и необходимости обеспечения устойчивого развития.

Главная проблема, которую нужно решить, — это несоответствие между глобальными потребностями и ограниченными возможностями национальных правительств, а также международных организаций в обеспечении необходимых ресурсов для борьбы с глобальными проблемами, такими как изменение климата. Это несоответствие приводит к неэффективности в управлении глобальными общественными благами и злами, а также к недостаточному уровню инвестиций в области, необходимые для обеспечения устойчивого развития.

Одним из предложенных решений является усиление роли Специальных прав заимствования (СПЗ) и использование их как инструмента для мобилизации ресурсов для инвестиций в устойчивое развитие. СПЗ могут быть использованы для создания новых финансовых инструментов, которые будут способствовать привлечению инвестиций в проекты, связанные с климатом и устойчивым развитием, тем самым способствуя решению глобальных проблем [1].

Однако для реализации этой идеи требуется глобальный консенсус и реформа существующей системы международного экономического управления. Это означает не только увеличение ресурсов и расширение функций МВФ, но и создание новых институтов или укрепление существующих международных организаций для эффективного управления этими ресурсами и координации действий на глобальном уровне.

В заключение, важно отметить, что успех любых глобальных инициатив в области устойчивого развития и борьбы с изменением климата в значительной степени зависит от способности международного сообщества прийти к согласию и сотрудничеству. Необходима совместная работа всех стран, чтобы решить глобальные проблемы и создать устойчивое будущее для всех.

В этом контексте, ключевым аспектом является роль центральных банков и их вклад в решение глобальных проблем. Центральные банки, обладая значительными финансовыми ресурсами и возможностями для влияния на экономику, могут играть важную роль в перенаправлении инвестиций от краткосрочной спекуляции к долгосрочным проектам, способствующим устойчивому развитию. Это может включать в себя как прямые инвестиции в зеленые проекты, так и создание стимулов для частного сектора для инвестирования в подобные инициативы [5].

Кроме того, существует потенциал для использования многосторонних развивающих банков как каналов для направления СПЗ и других ресурсов на проекты устойчивого развития. Это может облегчить доступ к финансированию для развивающихся стран и способствовать глобальному устойчивому росту.

Однако, для эффективного решения этих задач требуется координация на международном уровне и обновление существующих механизмов управления. Это включает в себя не только реформу МВФ и других международных финансовых институтов, но и создание новых структур, способных эффективно управлять глобальными ресурсами и координировать международные усилия.

Для достижения устойчивого глобального развития требуется глубокая реформа международной экономической системы. Это включает в себя не только изменение существующих

структур и механизмов, но и создание новых подходов и инструментов для более эффективного управления глобальными ресурсами.

Такая реформа должна сосредоточиться на укреплении международного сотрудничества и управления, повышении прозрачности и ответственности международных финансовых институтов, а также на разработке новых стратегий для мобилизации ресурсов для глобального устойчивого развития. Это может включать в себя улучшение механизмов финансирования, расширение использования СПЗ и других международных финансовых инструментов, а также укрепление роли многосторонних развивающих банков [3].

Перед лицом нынешних глобальных вызовов, таких как изменение климата, устойчивое развитие и глобальное неравенство, настоятельно требуется глубокая и всеобъемлющая реформа международной экономической системы. Такая реформа не только способствует решению этих проблем, но и открывает новые возможности для мира, основанного на сотрудничестве, справедливости и устойчивости.

Реформа международной экономической системы является неотложной необходимостью в свете нынешних глобальных вызовов. Эффективное решение проблем, таких как изменение климата, устойчивое развитие и глобальное неравенство, требует инновационных подходов, глобального сотрудничества и компромиссов. Успех в этом направлении потребует совместных усилий всех стран и международных организаций, а также готовности к принятию новаторских решений для обеспечения устойчивого будущего. Современная международная экономическая система должна быть преобразована таким образом, чтобы она способствовала справедливому и устойчивому мировому порядку, отражая интересы всех стран и глобального общества.

Пристатейный библиографический список

1. Brundtland, G.H. (ed., 1987). Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. United Nations.
2. Connell, C.M. (2014). Monetary Reform and the Bellagio Group. Routledge.
3. De Larosière, J. (2022). En finir avec le règne de l'illusion financière. Pour une croissance réelle. Odile Jacob.
4. Georgiou, C. Corporate power and the resolution of the Eurozone crisis, in *Politique Européenne*. – 2022. – Vol. 77. – P. 66.
5. Andrews, D. (2021). Reallocating SDRs to Multilateral Development Banks or other Prescribed Holders of SDRs. Center for Global Development. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cgdev.org/publication/reallocating-sdrs-multilateral-development-banks-or-other-prescribed-holders-sdrs>.

КУНГУРОВА Александра Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАЗЫМОВ Амин Ильясович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОРЯЧКИНА Мария Михайловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТУРОВ Степан Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СОФРИНА Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕФОРМА МЕЖДУНАРОДНОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ: РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЗАИМСТВОВАНИЯ (СДР)

В данной статье рассматривается роль Специальных прав заимствования (СДР) в контексте реформы международной валютной системы (МВС). СДР, как инструмент Международного валютного фонда (МВФ), изначально предназначались для поддержки глобальной ликвидности и финансовой стабильности. С учетом экономических вызовов последних десятилетий, включая глобальные финансовые кризисы и пандемию COVID-19, становится очевидной необходимость переосмысления и расширения функций СДР. В статье анализируются потенциальные пути реформирования МВС с акцентом на использование СДР как инструмента для поддержки устойчивого развития, снижения мирового экономического неравенства и укрепления глобального экономического сотрудничества.

Ключевые слова: специальные права заимствования, Международный валютный фонд, международная валютная система, глобальная ликвидность, финансовая стабильность, устойчивое развитие, экономическое неравенство, глобальное сотрудничество, финансовые кризисы.

KUNGUROVA Alexandra Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAZIMOV Amin Ilyasovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GORYACHKINA Maria Mikhaylovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TUROV Stepan Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SOFRINA Alina Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REFORM OF THE INTERNATIONAL MONETARY SYSTEM: THE ROLE AND PROSPECTS OF SPECIAL DRAWING RIGHTS (SDR)

This article examines the role of Special Drawing Rights (SDRs) in the context of the reform of the international monetary system (IMS). SDR, as an instrument of the International Monetary Fund (IMF), was originally intended to support global liquidity and financial stability. Given the economic challenges of recent decades, including the global financial crises and the COVID-19 pandemic, it becomes obvious that the SDR functions need to be rethought and expanded. The article analyzes potential ways to reform the Ministry of Internal Affairs, with an emphasis on using the SDR as a tool to support sustainable development, reduce global economic inequality and strengthen global economic cooperation.

Keywords: special drawing rights, International Monetary Fund, international monetary system, global liquidity, financial stability, sustainable development, economic inequality, global cooperation, financial crises.

В последние десятилетия мировая экономика столкнулась с рядом значительных вызовов, включая финансовые кризисы и пандемию COVID-19, которые выявили уязвимости существующей международной валютной системы (МВС). Эти события подчеркнули необходимость реформы МВС для обеспечения большей устойчивости и адаптивности в условиях глобальных экономических потрясений. Одним из ключевых аспектов потенциальной реформы является роль Специальных прав заимствования (СДР), которые представляют собой международный резервный актив, создан-

ный Международным валютным фондом (МВФ). СДР были разработаны как инструмент для поддержания глобальной ликвидности, однако их потенциальные функции и применение значительно расширились в ответ на современные экономические вызовы. В данной статье представлен анализ текущего положения СДР в МВС и обсуждаются возможности их использования в качестве инструмента для достижения устойчивого развития, снижения мирового экономического неравенства и укрепления международного экономического сотрудничества.

В мировой экономике ключевым элементом является роль Международного валютного фонда (МВФ) и его инструментов, особенно Специальных прав заимствования (СДР). Эти инструменты служат важной функцией в стабилизации глобальных финансовых рынков и способствуют международному экономическому сотрудничеству. В этом тексте мы рассмотрим исторический контекст и современные вызовы, связанные с МВФ и СДР, анализируя их влияние на мировую экономику.

МВФ играет центральную роль в международной экономической системе. Созданный для обеспечения экономической стабильности и предотвращения финансовых кризисов, МВФ постоянно адаптировался к изменениям в мировой экономике. Особое внимание в его деятельности уделяется стратегиям и инструментам, включая СДР, которые претерпевали изменения в ответ на различные глобальные экономические условия.

СДР были созданы как инструмент для решения проблем международной ликвидности, оказывая значительное влияние на глобальную финансовую стабильность. Их первоначальная роль заключалась в дополнении существующих резервных активов, чтобы помочь странам справляться с дисбалансами платежного баланса. С течением времени СДР претерпели ряд изменений, особенно в ответ на мировые экономические кризисы и изменения в структуре глобальной экономики.

СДР были результатом интеллектуальной борьбы, которая длилась несколько лет в 1960-х годах. Благодаря инициативам, возглавляемым Махлупом, Феллнером и Трифффином (Коннелл, 2014), несколько групп академиков и политиков размышляли о возможных реформах МВС, чтобы избежать так называемой дилеммы Трифффина: тот факт, что международная ликвидность не может обеспечиваться исключительно гегемонической страной, потому что, когда спрос на ликвидность возрастает, единственный способ ее предоставления - через дисбаланс внутренних и внешних платежей в стране-пиво (США), что приводит к концу конвертируемости (Триффин, 1960).

Предложение о выпуске СДР, следовательно, было направлено на создание нового, многостороннего инструмента для международной ликвидности. СДР действительно были впервые выпущены между 1970 и 1972 годами (во время исторической фазы, которая привела к концу режима Бреттон-Вудс и к гибким валютным курсам), чтобы обеспечить международную экономическую систему ликвидностью, не связанной с золотом (чей запас неэластичен) и не с долларом (чья чрезмерная эластичность подрывает доверие к системе). Гегемонические интересы США определяли, до недавнего времени, недостаточное предложение СДР, типичным примером чего была неудачная попытка тогдашнего управляющего директора МВФ Мишеля Камдессюса выпустить несколько десятков миллиардов долларов в СДР в 1994 году.

СДР представляют собой корзину валют, в настоящее время включающую (с разным весом) пять основных валют: доллар США, евро, юань, иену и фунт стерлингов. СДР выпускаются МВФ и распределяются между странами согласно правилу ключа капитала: каждая страна получает долю выпуска в зависимости от ее доли в капитале МВФ. Это означает, что крупнейшим получателем СДР являются США, за ними следуют другие индустриализированные страны, что подразумевает, что, если не принять какие-либо перераспределительные меры, эту валюту нельзя использовать для содействия развитию в неразвитых или развивающихся

странах. Но ее можно использовать для продвижения производства глобальных общественных благ, исходя из предположения, что наиболее развитые экономики будут вносить больший вклад в их предоставление, чем другие.

Когда они были разработаны в шестидесятые годы, СДР также рассматривались как потенциальный источник финансирования экономики, а не только как резервный актив, и как потенциальный якорь международной валютной системы. Их текущая природа все еще является резервным активом; но после Covid возник дебат о том, как превратить эти деньги в расходую ликвидность, а не только в средство урегулирования международных платежей.

Тем временем были сделаны предложения об увеличении роли мультивалютной корзины счетных единиц МВФ, например, об измененном СДР для отражения эволюции баланса экономической мощи в мире. Дебаты и предложения вскоре затихли, хотя под давлением в корзину СДР был включен китайский юань. Миру пришлось ждать пандемии COVID, чтобы увидеть, как МВФ в августе 2021 года выпустил беспрецедентную сумму в \$650 млрд в СДР, за шесть месяцев до российского вторжения в Украину, которое остановило любые дальнейшие попытки к многостороннему сотрудничеству.

СДР были результатом интеллектуальной борьбы, которая длилась несколько лет в 1960-х годах. Благодаря инициативам, возглавляемым Махлупом, Феллнером и Трифффином (Коннелл, 2014), несколько групп академиков и политиков размышляли о возможных реформах МВС, чтобы избежать так называемой дилеммы Трифффина: тот факт, что международная ликвидность не может обеспечиваться исключительно гегемонической страной, потому что, когда спрос на ликвидность возрастает, единственный способ ее предоставления - через дисбаланс внутренних и внешних платежей в стране-пиво (США), что приводит к концу конвертируемости (Триффин, 1960) [1].

Предложение о выпуске СДР, следовательно, было направлено на создание нового, многостороннего инструмента для международной ликвидности. СДР действительно были впервые выпущены между 1970 и 1972 годами (во время исторической фазы, которая привела к концу режима Бреттон-Вудс и к гибким валютным курсам), чтобы обеспечить международную экономическую систему ликвидностью, не связанной с золотом (чей запас неэластичен) и не с долларом (чья чрезмерная эластичность подрывает доверие к системе). Гегемонические интересы США определяли, до недавнего времени, недостаточное предложение СДР, типичным примером чего была неудачная попытка тогдашнего управляющего директора МВФ Мишеля Камдессюса выпустить несколько десятков миллиардов долларов в СДР в 1994 году.

СДР представляют собой корзину валют, в настоящее время включающую (с разным весом) пять основных валют: доллар США, евро, юань, иену и фунт стерлингов. СДР выпускаются МВФ и распределяются между странами согласно правилу ключа капитала: каждая страна получает долю выпуска в зависимости от ее доли в капитале МВФ. Это означает, что крупнейшим получателем СДР являются США, за ними следуют другие индустриализированные страны, что подразумевает, что, если не принять какие-либо перераспределительные меры, эту валюту нельзя использовать для содействия развитию в неразвитых или развивающихся

ложения, что наиболее развитые экономики будут вносить больший вклад в их предоставление, чем другие.

СДР — это международный резервный актив, созданный Международным валютным фондом (МВФ) в 1969 году для дополнения официальных резервов членов фонда. СДР представляют собой потенциальную валюту, которая может быть использована в международных финансовых операциях между странами-членами МВФ.

СДР были созданы для поддержки международной ликвидности, предоставляя дополнительный источник международных резервов. Это особенно важно в периоды экономической нестабильности или кризисов, когда потребность в ликвидности возрастает.

Состав корзины СДР периодически пересматривается. На данный момент она включает доллар США, евро, китайский юань, японскую иену и британский фунт стерлингов. Вес каждой валюты в корзине определяется на основе их значимости в мировой торговле и финансовой системе [2].

Во время финансовых кризисов, таких как глобальный финансовый кризис 2008 года и пандемия COVID-19, МВФ активизировал использование СДР для обеспечения дополнительной ликвидности. Это помогает странам управлять дисбалансом платежного баланса и стабилизировать их экономики.

Существует обсуждение о том, как реформировать международную валютную систему для улучшения глобальной финансовой стабильности. Одним из предложений является усиление роли СДР как инструмента международной ликвидности и средства для содействия глобальному экономическому сотрудничеству.

Некоторые эксперты и политики предлагают использовать СДР для финансирования проектов в области устойчивого развития, помощи развивающимся странам и сокращения глобального неравенства.

Несмотря на потенциальные преимущества, использование СДР как инструмента глобального управления сталкивается с рядом вызовов, включая необходимость международного согласия, возможности перераспределения в пользу менее развитых стран и решения вопросов, связанных с глобальной финансовой стабильностью.

В августе 2021 года этот дебат достиг апогея с выпуском \$650 млрд СДР, и появились предложения о том, как использовать эти средства для поддержки развития, увеличения устойчивости финансовых сетей безопасности в конкретных областях и т.д. Многие страны на самом деле не нуждаются в помощи с платежным балансом и просто будут хранить СДР как резервный актив, не пуская их в оборот в экономике, что экономически неэффективно. Следовательно, возникли предложения направить такие СДР на сокращение разрывов в развитии и асимметрии, а также на продвижение устойчивых целей (Плант, 2021; Вольф, 2021; Мазини, 2022) [3].

Дальнейший шаг к их более широкому использованию мог бы заключаться в создании многостороннего клиринга для операций с СДР, как это было с ЕКЮ в Банке международных расчетов (БМР). Опять же, БМР мог бы взять на себя ответственность за это. Это проложило бы путь к частному использованию СДР, при условии, что они будут конвертируемы в требования, удерживаемые центральными и частными банками.

Другой вариант — использование СДР для прямого финансирования развития в развивающихся и менее развитых странах. Это могло бы включать в себя предоставление финансовой поддержки для инфраструктурных проектов, об-

разования, здравоохранения и других ключевых секторов, что способствовало бы экономическому росту и улучшению качества жизни в этих странах.

Кроме того, СДР могут быть использованы для укрепления финансовых систем развивающихся стран, предоставляя им дополнительные ресурсы для стабилизации их валют и экономики в целом. Это особенно важно в свете текущих глобальных экономических вызовов и нестабильности, вызванной такими факторами, как изменение климата, пандемии и геополитические конфликты [4].

Наконец, следует учитывать возможность использования СДР как инструмента для уменьшения глобального экономического неравенства. Путем перераспределения СДР от более богатых к более бедным странам можно было бы способствовать более справедливому распределению ресурсов и возможностей на международном уровне.

СДР представляют собой мощный инструмент, который может быть использован для решения множества глобальных экономических проблем. Их потенциал в качестве средства для продвижения устойчивого развития, сокращения неравенства и укрепления международного экономического сотрудничества делает их ключевым элементом в любых усилиях по реформированию или корректировке международной валютной системы.

СДР обладают значительным потенциалом как инструмент для реформирования международной валютной системы, особенно в контексте поддержки устойчивого развития и сокращения мирового экономического неравенства. Расширение функций СДР может способствовать укреплению финансовой стабильности и глобального экономического сотрудничества. Однако для реализации этого потенциала требуется согласованный международный подход и приверженность к многостороннему сотрудничеству. Важно, чтобы будущие реформы МВФ учитывали разнообразные экономические интересы и нужды стран по всему миру, обеспечивая справедливое и эффективное использование СДР как глобального резервного актива. Таким образом, СДР могут стать ключевым элементом более устойчивой и инклюзивной международной валютной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Kaul I., Grunberg I. and Stern M. A. Global Public Good: International Cooperation in the 21st Century. – Oxford: University Press, 1999.
2. Masini F. Time for a Next Generation Africa // Perspectives on Federalism. – 2022. - Vol. 14. - № 1, 1.
3. Pigou A.C. (1920). The Economics of Welfare. MacMillan.
4. C. (2021). The systemic instability of ballooning Global Liquidity as a symptom of the worsening of the Triffin Dilemma. Robert Triffin International Paper.

ТУРОВ Степан Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КУНГУРОВА Александра Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОРЯЧКИНА Мария Михайловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СОФРИНА Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАЗЫМОВ Амин Ильясович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: АНАЛИЗ ГААГСКИХ, ГААГ-ВИСБИЙСКИХ, ГАМБУРГСКИХ И РОТТЕРДАМСКИХ ПРАВИЛ

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты международных правил морской перевозки грузов, включая Гаагские, Гааг-Висбийские, Гамбургские и Роттердамские правила. Основное внимание уделяется анализу ответственности перевозчиков и использованию гарантийных писем по поврежденному грузу (Letter of Indemnity, LOI) в контексте этих правил. Статья предоставляет глубокий анализ ограничений ответственности, установленных международными соглашениями, и рассматривает юридическую силу и практическое применение LOI в международной торговле.

Ключевые слова: гаагские правила, гамбургские правила, роттердамские правила, гарантийное письмо, letter of indemnity, международная торговля, ответственность перевозчика, правовые аспекты перевозки.

TUROV Stepan Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KUNGUROVA Alexandra Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GORYACHKINA Maria Mikhaylovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SOFRINA Alina Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAZIMOV Amin Ilyasovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL TRANSPORT LIABILITY: ANALYSIS OF THE HAGUE, HAGUE-VISBY, HAMBURG AND ROTTERDAM RULES

This article discusses key aspects of the international rules for the carriage of goods by sea, including The Hague, Hague-Visby, Hamburg and Rotterdam Rules. The main focus is on analyzing the liability of carriers and the use of letters of guarantee for damaged goods (Letter of Indemnity, LOI) in the context of these rules. The article provides an in-depth analysis of the limitations of liability established by international agreements and examines the legal force and practical application of LOI in international trade.

Keywords: Hague rules, Hamburg rules, Rotterdam rules, letter of guarantee, letter of indemnity, international trade, carrier's liability, legal aspects of transportation.

В международной торговле морская перевозка играет ключевую роль, обеспечивая перемещение товаров между странами и континентами. Однако с этим связаны значительные риски и сложности, особенно в отношении ответственности за убытки и повреждения груза. Настоящая статья представляет собой детальный анализ международных правил и практик, которые регулируют обязательства и ответственность перевозчиков. Особое внимание уделяется Гаагским, Гааг-Висбийским, Гамбургским и Роттердамским правилам, которые устанавливают стандарты для международных морских перевозок и определяют рамки ответственности перевозчиков. Кроме того, исследуется роль и юридическая значимость гарантийных писем по поврежденному грузу (LOI) в современной морской торговле.

Согласно статье 136 действующего Торгового закона, в отношении ценных грузов, таких как деньги, ценные бумаги и другие ценные вещи, перевозчик несет ответственность за ущерб только в том случае, если грузоотправитель при передаче груза на транспортировку указал вид и стоимость груза.

Обычно ценные грузы подвержены высокому риску утери или повреждения, и в случае ущерба размер убытков может быть значительным. Поэтому для транспортировки требуется особое внимание, а стоимость перевозки обычно выше, чем для обычных грузов. В этой связи грузоотправитель должен заранее указать ценные грузы при передаче их на транспортировку, уплатить соответствующий тариф и обеспечить, чтобы перевозчик уделял должное внимание в процессе перевозки [1].

Однако, если грузоотправитель уплатил только тариф за обычный груз и не указал, что груз является ценным, перевозчик может не проявить достаточного внимания при транспортировке ценного груза. В таких случаях возложение ответственности на перевозчика будет противоречить принципам добросовестности, поэтому Торговый закон ограничивает ответственность перевозчика, если грузоотправитель не указал, что груз ценный.

Согласно статье 815 Торгового закона, в отношении морских перевозчиков применяются положения статьи 136 Торгового закона, касающиеся ответственности сухопутных перевозчиков за ценные грузы. Таким образом, морской перевозчик несет ответственность за убытки, связанные с ценными грузами, только если грузоотправитель при передаче груза на транспортировку указал его вид и стоимость.

Если грузоотправитель не сообщил морскому перевозчику о том, что груз является ценным, то в случае его утраты, повреждения или задержки, перевозчик или его сотрудники освобождаются от ответственности, за исключением случаев злого умысла (согласно статье 797, пункт 3 Торгового закона). Кроме того, если грузоотправитель умышленно занижил вид или стоимость груза при сообщении морскому перевозчику, то в таком случае морской перевозчик освобождается от ответственности за ущерб этого груза, за исключением случаев злого умысла [2].

Однако, если морской перевозчик умышленно повредил или уничтожил груз, в результате чего ценный груз был поврежден, то даже в отсутствие явного указания от грузоотправителя, морской перевозчик должен нести ответственность за неправомерные действия.

Как упоминалось ранее, для того чтобы грузоотправитель мог возложить на перевозчика ответственность за ущерб ценным грузам, он должен указать вид и стоимость ценного груза перевозчику или его представителю.

Гаагские правила, принятые в 1924 году, представляют собой один из первых международных договоров, регулирующих морские перевозки грузов. Они устанавливают минимальные стандарты, которым должен соответствовать конносамент, и определяют ответственность перевозчика за убытки или повреждения груза.

Эти правила являются поправками к Гаагским правилам и были приняты в 1968 году. Они вводят дополнительные обязанности для перевозчика и расширяют его ответственность, а также уточняют некоторые положения ограничения ответственности.

Принятые в 1978 году, эти правила представляют собой попытку усовершенствовать и модернизировать правила морских перевозок. Гамбургские правила расширяют ответственность перевозчика и устанавливают более высокие стандарты защиты прав грузоотправителей [3].

Принятые в 2008 году, Роттердамские правила представляют собой еще более современный и всеобъемлющий договор. Они охватывают не только морские, но и мультимодальные перевозки, обеспечивая более строгую защиту интересов как грузоотправителей, так и перевозчиков.

Гарантийное письмо по поврежденному грузу (LOI) часто используется в международной торговле для обеспечения гладкой доставки грузов, особенно когда возникают задержки с документацией. Несмотря на свою практическую ценность, LOI связаны с определенными рисками и могут быть предметом споров в судебных разбирательствах.

Международные правила и соглашения по перевозкам важны для установления стандартов и ограничений ответ-

ственности в морской индустрии. Они обеспечивают рамки для разрешения споров и помогают стандартизировать практики в разных странах.

Если грузоотправитель не указал перевозчику о ценности груза, но перевозчик случайно узнал об этом, то возникают различные мнения относительно ответственности перевозчика за ущерб. Существуют три основные точки зрения: одна утверждает, что перевозчик в таком случае не несет никакой ответственности; вторая предполагает, что перевозчик должен проявлять только обычную заботу, несущую ответственность только в случае ее недостаточности; и третья, что если перевозчик узнает о ценности груза, он должен проявлять должную заботу, как за ценным грузом, и несет ответственность в случае недостаточной заботы [4].

В соответствии с пунктом 6 статьи 4 Гаагских правил, ограничение ответственности перевозчика в размере 100 фунтов стерлингов за упаковку не применяется, если грузоотправитель сообщил морскому перевозчику стоимость и характеристики груза, и эта информация указана в конносаменте.

В Гааг-Висбийских правилах в пункте 5 статьи 4 похожим образом указывается, что, если стоимость и характеристики груза не сообщены перевозчику грузоотправителем и не указаны в конносаменте, перевозчик не несет ответственности за убытки, превышающие 10 000 франков Poincaré за упаковку или 30 франков Poincaré за килограмм. В статье 5 утверждается, что сообщенная стоимость груза имеет первоначальную доказательную силу, но не является окончательной.

Правила Гамбурга не содержат прямых положений об ответственности перевозчика за ценные грузы, но в пункте 4 статьи 6 указывается, что грузоотправитель и перевозчик могут согласовать условия, превышающие ответственность перевозчика, установленную Гамбургской конвенцией.

Согласно статье 59 Роттердамских правил, договор о возмещении убытков, превышающих установленные правилами лимиты ответственности перевозчика, возможен только в случае, если грузоотправитель сообщил перевозчику стоимость груза, и эта информация указана в транспортном контракте, или если между грузоотправителем и перевозчиком имеется отдельное соглашение о возмещении убытков.

Гарантийное письмо по поврежденному грузу (letter of indemnity) можно определить как 'гарантийное письмо или соглашение, в котором грузоотправитель обязуется компенсировать убытки перевозчика, возникающие в случае, когда перевозчик или лицо, действующее от его имени, выдает конносамент без включения оговорки о состоянии, основанной на информации или внешнем виде товара, предоставленных грузоотправителем для включения в конносамент' (согласно пункту 2 статьи 17 Гамбургских правил).

Гарантийное письмо по поврежденному грузу представляет собой соглашение, по которому грузоотправитель компенсирует убытки перевозчика, возникающие, когда, несмотря на необходимость выдачи загрязненного конносамента (Dirty B/L) из-за состояния груза, перевозчик по запросу грузоотправителя выдает чистый конносамент (Clean B/L).

В практике грузоотправители часто выдают гарантийные письма по поврежденному грузу перевозчикам и в обмен получают чистые конносамента. Существуют дискуссии относительно юридической силы таких писем. Верховный суд Республики Корея указывает, что соглашение о гарантийном письме по поврежденному грузу также является видом контракта, который для своего заключения требует предложения (offer) и принятия (acceptance), как и в случае

с британским или южнокорейским законодательством (по решению Верховного суда от 25 марта 2010 года).

В Англии в решении по делу *Jenkinson & Co Ltd v Percy Dalton (London) Ltd* (1957) было признано, что гарантийное письмо по поврежденному грузу недействительно. К тому же банки Лондона на некоторое время договорились отказываться от выдачи таких гарантийных писем для получения чистых коносаментов.

В морской перевозке практикуется использование гарантийного письма по поврежденному грузу, если в разделе примечаний квитанции боцмана (*Mate's Receipt*) указаны примечания о повреждении. В этом случае перевозчик выдает грузоотправителю гарантийное письмо по поврежденному грузу, в котором грузоотправитель обязуется нести ответственность за любые убытки, связанные с повреждением или недостачей груза, и в обмен получает чистый коносамент (по решению Верховного суда от 25 октября 2018 года).

Гарантийное письмо по поврежденному грузу также иногда называется «гарантией» или «поручительством» и может быть определено как письменное обязательство грузоотправителя компенсировать перевозчику убытки.

Согласно Гамбургским правилам, гарантийное письмо по поврежденному грузу скорее является обязательством гарантировать компенсацию за убытки, вызванные неточной информацией от грузоотправителя, чем средством компенсации убытков (согласно пункту 2 статьи 17 Гамбургских правил).

После заключения морского транспортного договора перевозчик несет ответственность за доставку груза без повреждений в указанное время и место. В случае договора на перевозку отдельных грузов выдается коносамент, и перевозчик обязан доставить груз в соответствии с условиями коносамента. Важность точности коносамента связана с оплатой товаров, что делает его критически важным элементом. В случае выпуска ложного чистого коносамента перевозчик может подвергнуться искам о возмещении убытков от получателя груза или законного владельца коносамента. В таких случаях перевозчик может требовать выплаты согласно условиям гарантийного письма по поврежденному грузу от грузоотправителя (экспортера).

На практике гарантийное письмо по поврежденному грузу часто используется в качестве альтернативы коносаменту, но поскольку передача гарантийного письма не является передачей груза, это порождает ряд правовых проблем. Существуют споры относительно эффективности гарантийного письма по поврежденному грузу, учитывая возможные конфликты между различными заинтересованными сторонами и юридические вопросы, связанные с его использованием.

Если грузоотправитель обязуется компенсировать убытки перевозчику, возникающие в результате того, что перевозчик или его представитель не включил в коносамент упоминание о внешнем виде груза или иной релевантной информации, содержание гарантийного письма по поврежденному грузу является недействительным в отношении получателя груза и любых третьих лиц, получивших коносамент. Однако, если упомянутое упущение было сделано без намерения ввести в заблуждение получателя груза или добросовестного третьего лица, гарантийное письмо по поврежденному грузу имеет силу между перевозчиком и грузоотправителем. Если же упущение было сделано с целью введения в заблуждение, перевозчик не может требовать компенсации от грузоотправителя [5].

В случае, когда упущение было сделано с намерением обмана, перевозчик несет ответственность перед получателем груза и любыми добросовестными третьими лицами, которые полагались на содержание коносамента. На практике гарантийные письма по поврежденному грузу широко используются, и решения Верховного суда Республики Корея подробно обсуждают юридическую природу таких писем и подтверждают их действительность в случаях, когда они используются в соответствии с законом.

С другой стороны, перевозчик обязан доставить груз и коносамент получателю груза. Если груз прибывает раньше коносамента, получатель (или импортер) может использовать гарантийное письмо на получение груза как альтернативу коносаменту для получения груза от перевозчика. В таких случаях гарантийное письмо на получение груза, в котором банк выступает как созаемщик, позволяет получателю груза принять его без коносамента, несмотря на любые убытки, которые могут возникнуть в результате этого. Если гарантийное письмо по поврежденному грузу подделано получателем или если выдавший его банк не является банком, указанным в аккредитиве, перевозчик несет ответственность перед законным владельцем коносамента за возмещение убытков и не может пользоваться преимуществом ограниченной ответственности за упаковку.

Пристатейный библиографический список

1. Ким Инхён. Компаративное исследование морского транспортного права США и Кореи // Журнал Корейского общества морского права. - 2004. - Том 26. - Выпуск 2.
2. Ким Инхён. Изменения и значение редакции 2007 года Морской части Торгового закона // Журнал Корейского общества морского права. - Том 31. - Выпуск 1. Корейское общество морского права, 2009.
3. Ким Инхён. Правовые аспекты замещения страховщика и действие пунктов о неведении в коносаменте (Решение Верховного Суда от 7 сентября 2017 г., дело 2017ㄷ234217). Исследование коммерческого судебного прецедента. Том 31. Выпуск 4. Корейское общество коммерческого судебного прецедента, 2018.
4. Ким Инхён. Морское право. 5-е издание, 법문사, 2018.
5. Ким Санман. Исследование применимости ограничения ответственности за упаковку к морским перевозчикам, выдавшим коносаменты с недостаточной информацией. Исследование международного торгового права. Том 19. Выпуск 2. Корейское общество международного торгового права, 2010.

КАРАГОДИНА Елизавета Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СКАЗИН Никита Андреевич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БРЫКОВА Дарья Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СВИСТАК Анастасия Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЫМАРЬ Борис Николаевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ВАЛЮТНЫЙ СОЮЗ В ЕВРОПЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕХОДЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

В данной статье исследуется эволюция Экономического и Валютного Союза (ЭВС) в Европе, с особым акцентом на институциональные переходы и политические вызовы, возникшие в процессе его развития. Основное внимание уделяется анализу перехода от первоначальных идей Вернера к концепции Делора, обсуждению проблемы независимости центральных банков и влияния национальных политик на общую экономическую стратегию ЕС. Анализируются как исторические, так и современные аспекты ЭВС, подчеркивая сложности и компромиссы, связанные с интеграцией различных экономических политик в единое европейское пространство.

Ключевые слова: Экономический и Валютный Союз, Европейский Союз, институциональные изменения, политические вызовы, независимость центрального банка, национальная экономическая политика, интеграция, доклад Вернера, доклад Делора.

KARAGODINA Elizaveta Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SKAZIN Nikita Andreevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BRYKOVA Darya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SVISTAK Anastasiya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RYMAR Boris Nikolaevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ECONOMIC AND MONETARY UNION IN EUROPE: INSTITUTIONAL TRANSITIONS AND POLITICAL CHALLENGES

This article examines the evolution of the Economic and Monetary Union (EMU) in Europe, with special emphasis on institutional transitions and political challenges that have arisen in the process of its development. The main focus is on analyzing the transition from Werner's initial ideas to Delors' concept, discussing the problem of central bank independence and the impact of national policies on the EU's overall economic strategy. Both historical and modern aspects of the EMU are analyzed, emphasizing the complexities and trade-offs associated with the integration of various economic policies into a single European space.

Keywords: Economic and Monetary Union, European Union, institutional changes, political challenges, central bank independence, national economic policy, integration, Werner report, Delors report.

В данной статье рассматривается процесс формирования и развития Экономического и Валютного Союза (ЭВС) в Европе. Исследуется, как изменения в политическом и экономическом ландшафте Европы повлияли на институциональные и политические аспекты ЭВС. В частности, анализируются ключевые моменты в истории ЭВС, начиная с предложений Вернера и заканчивая реализацией идеи Делора. Особое внимание уделяется влиянию национальной политики на общие цели ЕС и проблеме баланса между независимостью центральных банков и политическим контролем.

«Когда обсуждался Маастрихтский договор и дебатировался статут будущего ЕЦБ», - согласно Отмару Иссингу (цитируется в Джеффри 2016), «совпали несколько направ-

лений». С одной стороны, «все большее количество исследований показывало, что степень стабильности цен совпадает с независимостью центрального банка. Таким образом, настраивание в поддержку независимости было поддержано». Однако это «настраивание» не возникло из таких исследований. Оно возникло скорее из того факта, что «Бундесбанк был независим» и «помогал обеспечивать монетарную стабильность в Германии с момента создания немецкой марки в 1948 году». То, что совпало при создании ЕЦБ, это сочетание эмпирических данных и настойчивость немцев» относительно институциональной формы независимости, которую имел Бундесбанк. Другими словами, совпали мифические и научные основания независимости центрального банка.

Основной предпосылкой как немецкой концепции независимости центрального банка, так и теории независимости центрального банка является наличие правительства, от которого нужно быть независимым. Однако, в европейском контексте такого правительства нет, а есть множество политических властей на разных уровнях управления. Поэтому конституционное положение ЕЦБ должно было отличаться от других центральных банков. Если независимость Бундесбанка, например, сделала его «государством внутри государства», как жаловались канцлеры Аденауэр и Шмидт, то же самое утверждение не может быть выдвинуто против ЕЦБ. Ему пришлось остановиться на «государстве», что вряд ли было бы удовлетворительным или особенно точным. С точки зрения его позиции в правительственной структуре еврозоны, ЕЦБ не является европейским Бундесбанком по простой причине, что еврозона не является, по крайней мере в терминах общественного права, германским государством в большем масштабе.

Сфокусировавшись на вопросе различий в степени независимости, можно упустить этот базовый факт и его значение для общей конституции ЕМУ. Аналогично, хотя Система Федерального Резерва США часто представлялась как источник вдохновения для «основателей» ЕЦБ, они в конечном итоге выбрали другой путь. Положение центрального банка в этой структуре было бы похоже на положение Федеральной резервной системы, которая описывает себя как «независимая внутри правительства». Это описание вписывается в традицию мышления об организации государственных полномочий, которая отражает, как я подчеркиваю в этой главе, центральные идеи Монтескье. В этой модели политический контроль над денежно-кредитной политикой не устраняется, но опосредуется через сложную структуру сдержек и противовесов. В рамках этой структуры ищется не устранение политики, а предотвращение доминирования денежно-кредитной политики одной группой интересов, партийной или иной. Структура стремится к посредничеству в осуществлении суверенных полномочий в отношении денежно-кредитной политики.

Анализ, который следует, можно описать как «идеалистический» в противовес «материалистическому». То есть, он сосредоточен не на «реальной» легитимности обсуждаемых институтов или на том, достигают ли описываемые структуры того, что они заявляют о себе в плане выражения воли народа. Хотя может быть правдой, например, что центральные банки действуют таким образом, что в первую очередь выгодно держателям финансовых активов, а не обычным работникам, это не может служить их оправданием. Как общественные институты они должны заявлять о служении общественным интересам, а не частным интересам определенных секторов или групп в обществе. Общественность всегда рассматривается как «хозяин», которому служат такие общественные институты. Однако то, как они институционально настроены на служение обществу, различается.

Монетарный союз и транснациональная проблема политики

Европейский монетарный союз был задуман для завершения единого рынка капитала: «При полной свободе движения капитала и интегрированных финансовых рынках несовместимые национальные политики быстро приведут к напряженности валютных курсов и возложат все возрастающую и неоправданную нагрузку на денежно-кредитную политику» (Доклад Делора, 1989). В то время проблема за-

ключалась в том, что отдельные государства-члены могли проводить экономическую и денежно-кредитную политику, которая потенциально конфликтовала с реализацией единого рынка. Проблема заключалась в продолжающейся политической свободе государств-членов добиваться реализации внутренних целей, которые подрывали достижение общих целей.

Проблема политики, с которой столкнулось Европейское сообщество в то время, заключалась не только или главным образом в том, что денежная ценность одновременно основывается на политике. Это включало в себя эту проблему и отражало ту же логику, но было более широким по масштабу. Проблема заключалась в том, что реализация определенной общей повестки дня должна была основываться на политическом соглашении между договаривающимися сторонами, но это соглашение впоследствии находилось под постоянной угрозой из-за внутренней политики каждой из этих сторон: «Органы принятия решений подвержены множеству давлений и институциональным ограничениям, и даже лучшие усилия по учету международных последствий их политики вероятно потерпят неудачу в определенные моменты». Таким образом, опираясь на добровольное сотрудничество в настоящем, это ставило под угрозу достижение общего блага в будущем, потому что не было способа обеспечить сотрудничество будущих органов принятия решений без институциональных контролей. Была «необходимость более обязательных процедур».

Когда Комитету Делора была поручена задача подготовить доклад о том, как достичь Экономического и Валютного Союза (ЭВС) после принятия Единого Европейского Акта в 1986 году, доклад Вернера 1970 года был пересмотрен. Хотя Комитет Делора согласился с общей целью, которую Вернер обозначил для валютного союза, институциональный подход был признан устаревшим и страдающим от «внутренних слабостей» (Баер и Падоа-Шиппа 1989). Одной из таких слабостей была его «неопределенность в отношении независимости» и распределении ответственности за принятие решений в области валютной политики.

Видение Вернера ЭВС включало всеобъемлющее экономическое управление на европейском уровне, которое должно было активно и интервенционистски влиять на экономические условия и политику во всем Союзе. Это отражало в основном кейнсианский консенсус послевоенных лет; оно принимало политическую власть в обычном проведении экономической и валютной политики. Это означало, что независимость центрального банка будет ограничена, и что окончательная ответственность за валютную политику останется за политическими акторами. Баер и Падоа-Шиппа (1989), однако, подчеркнули, что стагфляция «уничтожила» консенсус, который информировал Вернера. Теперь, «появился новый консенсус», который «подчеркивал необходимость валютных соглашений, способствующих и сохраняющих стабильность». В терминах экономической политики, кроме того, акцент сместился в сторону «продуктивной стороны экономики и структурных политик». В институциональном отношении, этот неолиберальный поворот

Единый Европейский Акт был первой крупной реформой Римского договора 1957 года и считается толчком к движению к ЭВС в 1992 году. Он был мотивирован необходимостью завершить единый рынок и ввел ряд институциональных изменений, которые сделали это возможным к 1992 году, включая введение большинства голосов в ряде областей, связанных с интеграцией рынка (Коулз 2012). включал отказ от идеи эконо-

мического управления. Вместо этого внимание было переключено на вопрос режима валютной политики. Согласно докладу Делора (1989), экономическая политика могла оставаться в ведении государств-членов «в рамках согласованного макроэкономического фреймворка и подчиняться обязательным процедурам и правилам». Этот элемент отражает ордолиберальный подход к экономической политике, основанный на правилах, а не на дискреционной политической власти [5]. Хотя политическое решение необходимо для установления и поддержания условий фреймворка (Сельмайер 1999) осуществление государственной власти должно максимально отступать от активного вмешательства в управление экономической деятельностью. Как утверждал Рёпке (1954) в контексте обсуждения возможности транснационализации экономического управления, «мало преимуществ в том, чтобы отнимать у национальных правительств суверенное право на коллективистское экономическое управление только для того, чтобы передать его международной власти». В отношении валютной политики, однако, доклад Делора (1989) не акцентирует внимание на правилах и процедурах, а скорее на передаче «права принятия решений» «одному органу принятия решений». Делор тем самым включает понятие независимости центрального банка, обсуждаемое в предыдущих двух главах: центральный банк должен быть независимым актором с окончательным правом принятия решений в области валютной политики. Этот орган принятия решений, в свою очередь, должен быть единолично предан «стабильности денежной стоимости», которая должна быть «главной целью европейской валютной политики». Отражая немецкий подход к центральному банку, тогда это «безоговорочное обязательство... должно быть обеспечено независимостью центрального банка от инструкций национальных правительств и органов Сообщества».

Вопрос заключается в том, почему решение проблемы расходящихся национальных экономических политик было искано в создании единой валютной власти и набора фискальных правил, а не во всеобъемлющей «экономической конституции», обеспечиваемой общей публичной властью? Были, конечно, практические политические препятствия для создания принудительной публичной власти на европейском уровне. Но конституция экономического порядка без всеобъемлющей политической власти также имела отдельное нормативное измерение (Сельмайер 1999; Зилиоли и Сельмайер 2000). Это, пожалуй, лучше всего подчеркивается в январской речи 1990 года Карла Отто Пёля, тогдашнего президента Бундесбанка. ЭВС, согласно Пёлю, введет обязательные механизмы... в основных секторах, которые делают односторонние действия государств-членов более сложными или невозможными и которые устанавливают минимальный стандарт «хорошего поведения» для них, особенно в фискальной политике. Это потребует отказа от суверенитета отдельными государствами-членами, но это не обязательно означает соответствующее усиление власти [3]. Смысл «Э» в ЭВС, другими словами, заключался в устранении набора существующих полномочий, а не в их передаче; Сообщество не будет принимать на себя правительственные возможности, отказанные от него. Как только правила и процедуры будут установлены, это будет просто вопрос их выполнения с минимальным политическим рассмотрением. Сообщество не будет иметь прямой политики, нет суверенных полномочий в сфере общей экономической политики.

Отражая институциональную структуру своего предложенного ЭВС, доклад Делора (1989) отмечал, что он должен уважать множественность государств-членов, позволяя им

«определенную степень автономии в принятии экономических решений». Понятие асимметричной передачи/отказа от суверенитета Пёля было оправдано ссылкой на «существование и сохранение этой множественности» (доклад Делора 1989) [2].

Федеральная резервная система: «Независимая в рамках правительства» Как отличался «инновационный и уникальный подход» ЕС от существующих подходов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь представление о подходах, которые были отклонены. Из-за их федеральных структур два наиболее релевантных подхода, которые считались таковыми, были немецкий и американский подходы к вопросу о взаимоотношениях между центральным банком и правительством.

Согласно бывшему вице-председателю Совета управляющих Федеральной резервной системы, Алану Блиндеру (1996), центральный банк является хранилищем огромной власти над экономикой. И если центральный банк независим, как Федеральная резервная система, эта власть практически неограничена. Такая власть является общественным доверием, предоставленным банку избранными представителями общества через его избранных представителей. В свою очередь, граждане и их избранные представители имеют право ожидать – даже требовать – чтобы действия банка соответствовали его словам [4].

История и развитие Экономического и Валютного Союза в Европе являются отражением сложного баланса между национальной независимостью и общеевропейской интеграцией. Институциональные переходы от доклада Вернера к докладу Делора и последующие политические решения иллюстрируют постоянную борьбу между национальными интересами и общеевропейскими целями. Интеграция в рамках ЭВС требует не только экономической координации, но и глубокого понимания политических компромиссов и взаимных уступок, необходимых для достижения общеевропейской стабильности и процветания.

Пристатейный библиографический список

1. Beck T., Cull R., & Jerome A. T. Bank Privatization and Performance: Empirical Evidence from Nigeria. // World Bank Policy Research Working Paper. – 2005. – № 3511.
2. Frankel J., & Romer D. Does Trade Cause Growth // American Economic Review. – 1999. – № 89. – P. 379-399.
3. Aghion P., Caroli E., & Garcia-Penalosa C. Inequality and Economic Growth: The Perspective of the New Growth Theories // Journal of Economic Literature. – 1999. – Vol. 37. № 4. – P. 1615-1660.
4. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // The Journal of Economic Literature. – 2000. – Vol. 38. № 3. – P. 595-613.
5. Nissanke M., & Sindzingre A. Institutional Foundations for Shared Growth in Sub-Saharan Africa // African Development Review. – 2006. – Vol. 18. № 3. – P. 353-391.
6. Adebisi M. A., & Babatope-Obasa B. (2004). Institutional Framework, Interest Rate Policy and the Financing of the Nigerian Manufacturing Sub-Sector. Paper presented at the African Development and Poverty Reduction: The Macro-Micro Linkage Forum.
7. Honohan P., & Beck T. (2007). Making Finance Work for Africa. World Bank Publications; The World Bank, No 6626, March.

АЗАРОВ Виталий Владимирович

преподаватель кафедры информационных технологий управления Самарского юридического института ФСИН России

ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы цифровых взаимоотношений в Российской Федерации. Цель исследования: анализ проблем цифрового законодательства и предложение путей их решения.

Рассмотрены и проанализированы два основных правовых акта, по которым было выявлено, что объектом регулирования является любая информация, а не только та, которая обращается исключительно в сети «Интернет», существование которой предполагает взаимодействие людей в рамках киберпространства.

Виртуальные взаимоотношения вбирают в себя отношения существующих отраслей права, что указывает на их универсальность, комплексность, но в то же время лишает потенциального шанса на точное определение объекта правового регулирования и оставление данных отношений в настоящее время только в плоскости отрасли законодательства, системы законодательства из нормативно-правовых актов, регулирующих аспекты рассматриваемых отношений.

Законодательство в области цифровых технологий все еще находится в стадии развития и требует постоянного обновления и адаптации к новым условиям. В связи с этим разработка в области законодательства, так называемого «Цифрового кодекса» будет соответствовать требованиям цифровых взаимоотношений в информационных технологиях в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровое пространство, технологии, информация, информационная безопасность, законодательство, взаимоотношения.

AZAROV Vitaliy Vladimirovich

lecturer of Information technology management sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE PROBLEM OF DIGITAL LEGISLATION IN THE INFORMATION SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the problems of digital relations in the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze the problems of digital legislation and propose ways to solve them.

Two main legal acts were considered and analyzed, according to which it was revealed that the object of regulation is any information, and not only that which is accessed exclusively on the Internet, the existence of which presupposes human interaction within cyberspace.

Virtual relationships incorporate the relations of existing branches of law, which indicates their universality, complexity, but at the same time deprives them of a potential chance to accurately determine the object of legal regulation and leave these relations currently only in the plane of the branch of legislation, the system of legislation from normative legal acts regulating aspects of the relations under consideration.

Legislation in the field of digital technologies is still under development and requires constant updating and adaptation to new conditions. In this regard, the development of the so-called «Digital Code» in the field of legislation will meet the requirements of digital relationships in information technology in the Russian Federation.

Keywords: space, technologies, information, information security, legislation, relationships.

Цифровое пространство или же вторая реальность – явление человечества, воплощенное как процесс жизнедеятельности людей, так и как результат их общественного взаимодействия, перешедшего на новый качественный уровень, а именно, на ступень виртуальной или абстрактно-специфической плоскости. Цифровые взаимоотношения – это социальные контакты, в рамках которых участники выступают в роли обладателей законных прав и обязательств в области информации или же в киберпространстве. Под термином «киберпространство» понимается комплекс общественных связей, формирующихся в ходе использования интернет-сети и прочих цифровых каналов, и возникающих по поводу данных, обрабатываемых с применением компьютерных технологий. Исходя из этого, необходимо сказать, что новая нить общественных отношений потенциально содержит в себе как новые формы позитивных действий людей и последствия этих форм, так и негативные манипуляции от деяний человека, а также последствия относительно этих деяний, которые совершаются в виртуальной среде и способны повлечь за собой нанесение возможного вреда членам информационного сообщества. Так необходимо отметить, что данные от-

ношения как новый виток человеческого развития должны быть подробно изученными научным обществом и, на наш взгляд, оформлено на законодательном уровне с целью избегания ценностно-культурного и материально-технического ущерба.

На просторах отечественного научного фонда все еще продолжаются споры в отношении киберпространства как феномена, возникшего с развитием информационных технологий и глобальной сети «Интернет». Никто из экспертов не имеет точного мнения насчет правового регулирования цифровых отношений, однако большинство сходится во мнении, что игнорировать факт существования таких отношений нельзя. Необходимо внедрять информационно-коммуникационные технологии в современное российское законодательство, учитывая их значительное влияние на все сферы общественной и государственной жизни. Это, в свою очередь, оказывает влияние на общественное и правовое сознание, а также на восприятие принципов публично-правового и частноправового регулирования отношений в обществе, которые в настоящий момент отражены в некоторых нормативно-правовых актах РФ, касающихся

организации информационно-коммуникационного пространства.

Так стоит рассмотреть, в частности, такие правовые акты как Федеральный закон Российской Федерации от 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ и Указа Президента РФ от 2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности РФ»². В соответствии с федеральным законом от 2006 года, являющимся основным нормативным актом в области регулирования информации, можно отметить, что в соответствии со статьей 1 данного закона его сфера деятельности направлена на реализацию права личности на поиск, получение, передачу, создание и распространение информации, использование информационных технологий, а также обеспечение защиты информации. Таким образом, объектом данного регулирования является любая информация, а не только та, которая обрабатывается исключительно в сети «Интернет», существование которой предполагает взаимодействие людей в рамках киберпространства. Так касательно Указа Президента РФ от 2016 года, отмечается, что официальной политикой России преследуется развитие национальной системы управления российским сегментом сети «Интернет», а задачами государственных органов в рамках деятельности по реализации информационной безопасности выступает обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и организаций в информационной сфере и т.д. Основываясь на положениях данной концепции, в некоторой степени устанавливается юрисдикция государства в отношении объектов регулирования, обозначенных как «информационная структура РФ», посредством применения принципов местоположения сервера и регистрации доменного имени. Согласно данному документу, «информационная инфраструктура РФ» – совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети «Интернет» и сетей связи, расположенных на территории Российской Федерации, а также на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации или используемых на основании международных договоров Российской Федерации. Таким образом, определение «информационной инфраструктуры РФ» включает в себя перечень уже существующих объектов информатизации, таких как информационные системы, интернет-сайты и сети связи. Важно отметить, что они являются не только средством коммуникации, но и результатом, представленным в виде объектов цифровой реальности, то есть киберпространства, где происходит взаимодействие пользователей.

Анализируя термин «объекты информатизации», следует отметить, что в данном документе он не получил подробного объяснения, что делает необходимым обратиться к доктринальным источникам и глоссариям по информационной безопасности.

Так, в указанных источниках данные объекты представляют собой совокупность информационных ресурсов, средств и систем информатизации, то информационную структуру, что заставляет сделать вывод о том, в каком затруднительном положении находится российское законодательство по точ-

ному определению общественных отношений, подлежащих регулированию в данной сфере.

Отталкиваясь от всего вышесказанного, цифровые отношения как общественные имманентно несут в себе наиболее ценностно-значимые признаки, что служит тезисом для их упорядочивания. Так мы определили следующие предпосылки, на которых базируется наше утверждение:

1. Объективность таких отношений.
2. Их широкая распространённость в обществе.
3. Наличие определенной степени своеобразности.
4. Сложность урегулирования посредством существующих правовых норм существующих отраслей права из-за универсальности и новизны данных отношений.

Данные признаки в полной мере отражают правотворческую необходимость в урегулировании данных отношений, но возникают трудности относительно последнего признака, поэтому необходимо заметить, что вопреки неоднородности общественных отношений, их взаимообусловленности и целостности, возможность определения на сегодняшний момент определённых каких-либо социальных связей трудно на основе того, что данные отношения весьма специфичны и представляют собой синтез уже имеющихся отрегулированных общественных отношений, а также на почве отсутствия крупного правового опыта и юридической практики в данной сфере отечественного законодателя. По этой причине, мы можем занять следующую позицию: «комплексная отрасль права должна содержать в себе предметное ядро, т.е. такие общественные отношения, которые, хотя и регулируются нормами основных отраслей права, но однозначно нельзя сказать, что они принадлежат первичным отраслям, а обладают консолидирующим началом предметного свойства. Нормы, регулирующие эти правоотношения, принадлежат различным отраслям права и, наряду с этим, объединяются в новую правовую общность, которая не является механическим объединением равно порядковых норм, а приобретает внутреннюю взаимосвязь, системность и качество, начинается функционировать с позиции принципов, категорий и понятий новой отрасли права» [1].

Таким образом, виртуальные правоотношения вбирают в себя отношения существующих отраслей права, что указывает на их универсальность, комплексность, но в то же время лишает потенциального шанса на точное определение объекта правового регулирования и оставление данных отношений в настоящее время только в плоскости отрасли законодательства, системы законодательства из нормативно-правовых актов, регулирующих аспекты рассматриваемых отношений.

Законодательство в области цифровых технологий все еще находится в стадии развития и требует постоянного обновления и адаптации к новым условиям. В связи с этим разработка в области законодательства, так называемого «Цифрового кодекса» будет соответствовать требованиям цифровых правоотношений в информационных технологиях в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». ФЗ (с изменениями и дополнениями на 02.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2023).
2. Указ Президента Российской Федерации от 5.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.11.2023).
3. Коваленко А. Ю. Комплексные отрасли права на современном этапе развития системы российского права // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2013. - № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnye-otrasli-prava-na-sovremennom-etape-razvitiya-sistemy-rossiyskogo-prava> (дата обращения: 13.11.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-110-112

ПРОТОПОПОВА Татьяна Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ТАРКОВА Ирина Александровна

студент 3 курса направления «Юриспруденция» Юридического института Сибирского федерального университета

ИЗВЕСТНОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

В данной статье исследуются правовые аспекты известности в Российской Федерации, выделяется ее роль в правовых отношениях. Делается акцент на различие между популярностью и известностью, а также рассматривается их взаимосвязь через призму различных толковых словарей русского языка. В рамках культурно-философских источников обсуждаются моральные и социальные аспекты популярности. Разные авторы подходят к этому явлению с разных точек зрения, включая вопросы о заслуженной славе, величии, и моральных основаниях. В последние годы известность стала отдельным предметом исследования, современные авторы уделяют внимание ее широкой известности и распространенности среди большой аудитории.

Ключевые слова: известность, популярность, слава, признание, правовая категория, правового регулирования, благо.

PROTOPOVA Tatyana Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

TARKOVA Irina Alexandrovna

student of the 3rd course of the direction «Jurisprudence» of the Institute of Law of the Siberian Federal University

FAME AS A LEGAL CATEGORY

The modern world possesses complex sociocultural aspects, including the concepts of popularity and fame. This article explores the legal aspects of fame in of the Russian Federation, highlighting its role in legal relations. The focus is on differentiating between popularity and fame, while also examining their interrelation through the prism of various explanatory dictionaries of the Russian language. Within the framework of cultural-philosophical sources, the moral and social aspects of popularity are discussed. Different authors approach this phenomenon from various perspectives, addressing questions of deserved fame, greatness, and moral foundations. In recent years, fame has become a separate subject of research; contemporary authors pay attention to its widespread recognition and prevalence among a large audience.

Keywords: fame, popularity, glory, recognition, legal category, legal regulation, welfare.

В современном мире известность является феноменом, который играет важную роль в различных сферах, включая правовую область. Известность, как правовая категория в Российской Федерации имеет свой собственный статус и принципы, которые регулируют ее защиту. В данной статье рассмотрим понятие известности в контексте российского правового порядка и роль, которую она играет в правовых отношениях.

Популярность и известность – два термина, которые часто используются для описания степени интереса к какому-либо объекту. Однако, в контексте толковых словарей русского языка, эти термины толкуются друг через друга.

Популярность часто относится к мере, в которой что-то или кто-то пользуется широкой популярностью или признанием среди широкой аудитории. Это может быть измерено различными показателями, такими как число продаж, количество просмотров, число подписчиков в социальных сетях или общая известность объекта в обществе. Толковый словарь Ожегова определяет популярность как, во-первых, общедоступность и понятность по простоте, во-вторых, как широкое признание или известность [1, с. 468].

С другой стороны, известность описывает уровень знания и осведомленности о чем-либо или ком-либо. Можно сказать, что известность – это степень, в которой объект или личность широко известны и признаны в определенных кругах или обществе в целом. Известность может быть связана с достижениями, специфическими навыками, талантами или просто широким распространением информации о ком-либо или чем-либо. Толковый словарь Ожегова определяет

известность как широкое знание о ком-либо или чем-либо, пользующееся популярностью [2, с. 230].

Таким образом, можно сделать вывод, что популярность и известность отличаются по своим аспектам, но при этом толкуются друг через друга. Популярность скорее связана с широким признанием среди широкой аудитории, а известность может быть связана с осведомленностью о ком-либо или чем-либо в определенных кругах или в обществе в целом.

В философских источниках часто рассматриваются различные трактовки понятия популярности, которые часто связаны с обоснованием моральных основ этого явления. Одни авторы рассматривают вопросы о заслуженности славы и популярности, соотношении между величием и общественным признанием (например, И. Кант [3, с. 69] и М. Монтень [4, с. 146]). Другие авторы рассматривают популярность и славу как индивидуальное и социальное благо, результат достижений и поведения людей (например, Н. Макиавелли [5, с. 43-44]). Интерес к популярности как самостоятельному предмету исследования возник относительно недавно. Современные авторы трактуют популярность как широкую известность и узнаваемость среди большой массы людей (как, например, отмечает И. С. Блинкова [6, с. 14]).

Таким образом, в философских источниках обсуждаются различные подходы к понятию популярности или славы, относящиеся как к моральным аспектам, так и к индивидуальному и социальному благу. В последние годы известность стала отдельным объектом исследований, и современные авторы обращают внимание на ее широкую распространенность среди большой аудитории.

Протопопова Т. В.

Таркова И. А.

В юридических нормах Российской Федерации термин «известность» используется, например, в статье (ст.) 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), которая регламентирует основания для отказа в государственной регистрации товарного знака. В подпунктах (подп.) 1, 2 пункта (п.) 9 указанной статьи сказано, что не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные: названию известного в Российской Федерации на дату подачи заявки на государственную регистрацию товарного знака (ст. 1492) произведения науки, литературы или искусства, персонажу или цитате из такого произведения, произведению искусства или его фрагменту, без согласия правообладателя, если права на соответствующее произведение возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака; имени (ст. 19), псевдониму (п. 1 ст. 1265 и подп. 3 п. 1 ст. 1315) или производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного в Российской Федерации на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника. Так Э. П. Гаврилов, анализируя понятие «известность» в п. 9 ст. 1483 ГК РФ, приходит к выводу, что употребляемая известность существенно отличается от понятия «новизна», которое применяется в патентном праве, а также от понятия «обнародование» в авторском праве и относит данную известность к понятию из сферы конкурентного, публичного права [7, с. 5].

Термин «известность» используется в законодательстве и доктрине, но не имеет нормативного определения. Например, кандидат юридических наук М. А. Верхолётов, рассуждает над известностью в контексте прав на средства индивидуализации и отождествляет известность и узнаваемость [8, с. 109].

Следовательно, можно сделать вывод, что не случайно на известность в праве обращают внимание ученые-юристы. Это придает значение данному термину, а также помогает лучше сформулировать дефиницию.

Противоречия в понимании известности в праве, филологии и социологии учеными-юристами могут возникать в контексте различных аспектов и применения понятия известности.

Во-первых, противоречие может выражаться в определении и измерении известности. Ученые-юристы, филологи и социологи могут различаться в определении и измерении известности. В праве известность может быть связана с общественным признанием, но как ее измерить и определить четкие критерии вызывает разногласия. Филологи сосредоточиваются на лингвистической и культурной известности, в то время как социологи исследуют социальные связи и их взаимодействие для измерения известности.

Во-вторых, возникает противоречие в ценности известности для правового регулирования. Ученые-юристы, филологи и социологи относятся к ценности известности по-разному в контексте правового регулирования. Некоторые могут считать, что известность является важным элементом обеспечения справедливости и эффективного правового регулирования, в то время как другие могут относиться к ней с большим сомнением или считать, что она может быть контрпродуктивной при принятии правовых решений.

Для разрешения этих противоречий необходимо достигнуть баланса между учетом ценности известности в правовом регулировании и учетом других факторов, таких как справедливость, общественные интересы, а также эффективность правоприменения и защиты прав граждан. Следует стремиться к гармоничному и сбалансированному подходу в использовании известности в правовом регулировании, чтобы обеспечить максимально возможную пользу для государства и общества в целом.

Таким образом, разрешение противоречий в понимании известности в праве, филологии и социологии может быть достигнуто путем совмещения различных методологий и подходов, а также стремления к балансу между различными факторами и ценностями, задействованными при принятии правовых решений. Погружение в пересечение этих дисциплин и проведение исследований, основанных на таком интегративном подходе, может способствовать разрешению противоречий и максимальной пользе государства от правового регулирования.

Известность, как правовую категорию, можно определить, как широкое признание, популярность и узнаваемость

физического лица, организации или продукта в обществе или в определенной группе людей. Мы считаем, что известность является одним из личных неимущественных прав, которое безусловно оказывает влияние на деловую репутацию и достоинство человека, которое впоследствии отражается на оценке его вещей. Также известность тесно связана с личным брендом.

Известность играет важную роль в правовых отношениях. Она может влиять на такие аспекты, как деловая репутация, коммерческие сделки, защиту интеллектуальных прав и свободу слова. Фирменные знаки, товарные знаки и патенты, которые ассоциируются с популярной личностью, могут быть защищены в соответствии с разделом VII ГК РФ.

Известные личности или организации также могут использовать свою известность для получения коммерческих преимуществ, например, через рекламу и партнерские соглашения. Однако существует также риск незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности широко популярных субъектов без согласия правообладателя. В таких случаях правовая защита становится важной для предотвращения и пресечения таких нарушений.

Известность как правовая категория в России имеет важное значение. Защита известности основана на законодательстве, обеспечивая физическим лицам и организациям право на защиту достоинства и репутации, а также недопущение незаконного использования своей известности в частных интересах. Известность также играет существенную роль в правовых отношениях, влияя на коммерческие сделки, интеллектуальную собственность и свободу слова.

Кроме защиты и регулирования известности в правовых отношениях, ее роль также проявляется в контексте общества и культуры России. Известные личности и организации часто выступают в качестве общественных деятелей, их мнение и деятельность могут оказывать влияние на общественные процессы и развитие культуры.

Известность может быть использована для активного участия в социально значимых и политических делах, привлекая внимание к определенным проблемам и способствуя изменениям в обществе. Популярные личности могут стать голосом для меньшинств, отстаивая права и побуждая к общественным изменениям.

Также стоит отметить, что известность может быть связана с обязанностями и ответственностью перед обществом. Известные личности и организации благодаря своей популярности могут быть образцом поведения и нравственности для других людей. Они также могут использовать свою известность в положительном направлении, а именно в целях просвещения и вовлечения важных социальных вопросов в публичное обсуждение.

Таким образом, известность в России не только обеспечивает защиту прав и интересов личности и организации, но также играет важную роль в формировании общественного мнения, культурного развития и социальных изменений. Она является связующим звеном между правовой системой и обществом, отражая взаимодействие и влияние между ними.

Свобода мысли и слова является одним из фундаментальных прав, закрепленных в ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации. Известные личности и организации часто используют свою популярность в рамках свободы слова для распространения своих идей, выражения своих мнений и взглядов на различные социальные, политические или культурные вопросы. Однако свобода выражения также сопровождается ответственностью. Известные личности, особенно те, чьи слова и действия могут оказывать значительное влияние на широкую аудиторию, должны соблюдать нормы этики и закона. Их высказывания не должны приводить к распространению ненависти, дискриминации или нарушению прав других лиц.

Так, например, 8 июня 2022 года в Китае принят Кодекс интернет-докладчиков, который запрещает известным личностям в медиaprостранстве публиковать контент, связанный с медициной, юриспруденцией и другими областями, если у них нет соответствующего образования в этих сферах [9]. Документ требует наличия специализированного образования

1. 网络主播行为规范 (Кодекс интернет-докладчиков в КНР). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chinalawtranslate.com/en/online-presenter-code-of-conduct/> (дата обращения: 19.09.2023).

в соответствующей области для осуществления деятельности в сети «Интернет» в качестве необходимого, тем самым ограничивая их свободу слова и предотвращая распространение информации, не соответствующей действительности в речи непрофессионалов в той или иной области.

Судебная практика в России показывает, что известные личности и организации могут быть подвержены привлечению к ответственности за нарушение закона при выражении своих мнений или действиях, которые противоречат юридическим нормам. В таких случаях правовой механизм обеспечивает баланс между правом на свободу выражения и защитой от незаконного использования популярного личного бренда.

Известность имеет глубокое взаимодействие с медиа-сферой в России. Средства массовой информации являются важным средством коммуникации и распространения информации, а известность часто является ключевым фактором в привлечении внимания с их стороны и публичности.

Стремительное развитие интернета и иных средств массовой информации позволяет известным личностям и организациям иметь прямой доступ к своей аудитории и участвовать в диалоге с ней. Однако в этом контексте возникают определенные юридические вопросы, такие как защита от незаконного использования изображений или недостоверной информации, а также вопросы об авторских и смежных правах в цифровой среде.

Российское законодательство содержит нормы, направленные на защиту от клеветы и использования личных данных без согласия. Известные личности и организации имеют право на защиту своей репутации и недопущение распространения заведомо ложной информации о себе.

Однако баланс между правом на свободу выражения, свободу прессы и правом на защиту известности представляет собой юридическую и социальную дилемму. Законом и судебной практике требуется постоянная адаптация и обновление, чтобы дать возможность использовать новые средства коммуникации, сохраняя при этом права и защиту от незаконного использования известности.

Одной из важных сфер, где известность выступает в роли правовой категории, является защита авторских и смежных прав. Авторы произведений и исполнители, ставшие известными, могут столкнуться с нарушением их исключительных прав на произведения или исполнение. Законодательство Российской Федерации предусматривает меры и средства защиты этих прав и обеспечивает правовое признание их значимости.

К примеру, авторские права на литературные, музыкальные, художественные или научные произведения гарантируют авторам их принадлежность, а также контроль и вознаграждение за использование этих произведений другими лицами. Смежные права, например, права исполнителей, фонограммных производителей и организаций для коллективного управления правами, обеспечивают защиту от незаконного использования исходных материалов и звукозаписей известных исполнителей или производителей.

В борьбе с пиратскими копиями, нелегальным распространением или использованием произведений и исполнений защита известности имеет важное значение, способствуя сохранению авторского права и смежных прав, а также предотвращению незаконного использования таких произведений.

Известность как правовая категория также имеет важное значение в контексте коммерческой деятельности и рыночных отношений. Известные бренды и товарные знаки обладают большой ценностью в сфере бизнеса, поскольку они могут быть связаны с высоким качеством продуктов или услуг, вызывать доверие у потребителей и служить ключевым фактором в выборе товара или услуги.

Правовая защита известных брендов и товарных знаков осуществляется через регистрацию и обеспечение эксклюзивных прав на их использование. Защита от незаконного использования или подражания позволяет брендам сохранять свою уникальность и конкурентное преимущество на рынке согласно гражданскому законодательству.

Известность также влияет на возможности для партнерств и сотрудничества. Известные личности и организации могут быть привлекательными партнерами или спонсорами, что позволяет им расширить свою аудиторию и установить взаимовыгодные отношения с други-

ми участниками рынка. Кроме того, известность может иметь важное значение для привлечения инвестиций и развития бизнеса. Успешные и известные организации часто привлекают большой интерес инвесторов, что способствует их росту, развитию и расширению своей деятельности.

В целом известность как правовая категория имеет широкий спектр влияния, включая правовую защиту, социальную и коммерческую значимость. Она отражает сложное взаимодействие между личностью, обществом, правовой системой и бизнесом, формируя правовой и социальный ландшафт в стране.

Известность как правовая категория имеет свои интернациональные аспекты, поскольку известные личности и организации часто имеют глобальное признание и влияние. В контексте международной торговли и бизнеса известность может быть использована в качестве стратегии привлечения клиентов и расширения границ.

Защита результатов деятельности популярных личных брендов на международном уровне осуществляется через различные соглашения и конвенции в области интеллектуальной собственности. При этом Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) разрабатывает стандарты и нормы, касающиеся защиты интеллектуальной деятельности и борьбы с подделками.

Международное сотрудничество и взаимодействие в области правовой защиты помогают обеспечить эффективную защиту прав популярных брендов на международном уровне, а также содействуют развитию лучших практик и обмену опытом по этой теме.

Известность в России как правовая категория занимает важное место в различных сферах, включая защиту прав и интересов личности, авторские и смежные права, коммерческую деятельность, свободу слова и даже общественные процессы и культуру. Правовые механизмы обеспечивают защиту известности и обеспечивают ее законное использование соответствующим образом, учитывая значение и принципы, заложенные в законодательстве, но не в полном объеме. Управление и защита известности требуют баланса между правами и обязанностями, а также учета развивающейся среды информационных технологий и новых платформ коммуникации.

Таким образом, правовое регулирование деятельности субъектов, которые обладают особым статусом, связанным с их известностью и популярностью личного бренда, необходимо из-за разнообразия сфер, в которых данные субъекты осуществляют свою деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Блинкова И. С. Феномен популярности в сценических искусствах: культурологический аспект. На материалах детского музыкального театра: дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01. – Тамбов, 1999. – 176 с.
2. Верховлётов М. А. О соотношении прав на коммерческие обозначения и иные средства индивидуализации // Марийский юридический вестник. – № 1 (12). – 2015. – С. 105-111.
3. Гаврилов Э. П. Комментарий к пункту 9 статьи 1483 ГК РФ // Патенты и лицензии. – 2017. – № 8. – С. 2-10.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
5. Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия. – М.: АСТ, 2008. – 461 с.
6. Монтень М. Опыты: в 3 кн., сост., предисл., пер. с фр. А. С. Бобовича. – Калининград: Янтарный сказ, 1997. – Кн. 1. – 304 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1997. – 939 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-113-114

ПРЫСЬ Ирина Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России

ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В УСЛОВИЯХ ВЕДОМСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Автор статьи раскрывает основы и перспективы совершенствования профессионально-педагогической деятельности, которые реализуются в процессе преподавания общетеоретических дисциплин в условиях ведомственного образования. Соответствующая деятельность стала частью государственной программы года педагога и наставника, объявленного Президентом Российской Федерации в 2003 году. Профессиональная деятельность педагога проанализирована с момента её зарождения и до наших дней. Автор, с целью повышения её эффективности, вносит предложения и рекомендации. Раскрывает её роль и значение в целом для образовательной деятельности в наши дни.

Ключевые слова: педагог, наставник, учебный процесс, президент, высшее образование, обучаемые, дисциплина, общество, программа, требования, умения, знания, навыки, практика.

PRYS Irina Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law, international and European law sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FUNDAMENTALS OF PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY IN THE PROCESS OF TEACHING GENERAL THEORETICAL LEGAL DISCIPLINES IN THE CONTEXT OF DEPARTMENTAL EDUCATION

The author of the article reveals the foundations and prospects for the development of professional-pedagogical activity, which are realized in the process of teaching general theoretical disciplines in the conditions of departmental education. The relevant activity became part of the state program of the year of teacher and mentor announced by the President in 2003. The professional activity of a teacher has been analyzed from the moment of its inception to the present day. The author, in order to increase its effectiveness, makes suggestions and recommendations. Reveals its role and importance in general for educational activities nowadays.

Keywords: Teacher, mentor, educational process, president, higher education, trainees, discipline, society, program, requirements, skills, knowledge, skills, practice.

Прысь И. Е.

В России 2023 год в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» в целях признания особого статуса педагогических работников, в том числе осуществляющих наставническую деятельность, объявлен Годом педагога и наставника¹.

Преподаватель высшего учебного заведения образование играет огромную роль поскольку в строительстве будущего страны, важной задачей становится повышение общественной значимости их труда, на что Президент Российской Федерации Владимир Путин указал 21 февраля 2023 года в Послании к Федеральному Собранию. Президент подчеркнул, что, свободное развитие общества – это готовность брать ответственность за себя и за своих близких, а также за свою страну в целом. Такие качества закладываются с малых лет, в семье. И конечно, для укрепления наших общих ценностей, национальной идентичности крайне важны система образования, отечественная культура. Лишь с участием педагогов, учёных, специалистов можно серьёзно повысить качество школьных, вузовских учебных курсов, по гуманитарным наукам, прежде всего, – истории, обществознанию, литературе, географии, – чтобы молодёжь могла как можно больше узнать о России, её великом прошлом, о нашей культуре и традициях. Как отметил президент, у нас очень яркое, талантливое молодое поколение, которое готово работать на

благо страны в науке, культуре, социальной сфере, бизнесе и в государственном управлении. Именно для таких людей новые горизонты профессионального роста открывает конкурс «Лидеры России», а также проходящий сейчас в новых субъектах Федерации конкурс «Лидеры возрождения». С учётом масштабных задач, стоящих перед страной, необходимо серьёзно обновить подходы к системе подготовки кадров, к научно-технологической политике.

Современный учебный процесс в высших учебных заведениях многогранен и требует от педагога не только совершенствования знаний и навыков, но и умение владеть гибкой методикой их преподавания, что обусловлено быстро изменяющимся законодательством и элементами политического регулирования, социально-экономическими достижениями, меняющимися межличностными отношениями, культурой, здравоохранением и самообразованием как объектом высокой коммуникации и спроса. Несмотря на известные всем реформы в системе образования, наша страна готова возобновить традиционное русское образование. Но и сегодня высокий рейтинг отечественного образования имеет, что позволяет привлечь студентов из других стран мира. Так Россия в настоящее время занимает шестое место в мире по числу иностранных студентов². Преимуществом российского образования заключается, прежде всего, в том, что оно способствует реализации главной цели образовательного процесса в вузах

1 Указ Президента Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 401 «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника».

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/13/966139-rossiya-zanyala-6-e-mesto-po-chislu-inostrannih-studentov>.

- подготовки высококвалифицированных специалистов. В нашей стране они отвечают требованиям федерального государственного образовательного стандарта, признанного в большинстве государствах.

Истоки образовательного процесса в России уходит в глубокую древность. Однако было бы неверно полагать, что образование, в том числе профессиональное (ведомственное) берет своё начало с периода активного формирования русского государства, где письменность и принятие христианства занимали особое место. «Восточные славяне и именуемые росичами (росами), сложно, но достойно вступили в век феодализма. К концу первого тысячелетия сформировались княжества, представляющие собой начальную форму государственности. Это период начало рассвета России, период, когда стали угасать Египет, Персия, Греция, древний Восток, Алтай и некоторые другие великие цивилизации» [1, с. 36].

Вместе с тем, появившиеся в учебниках истории ещё в XIX веке, а возможно и раньше поддержанное в советское время и доминирующая сегодня версия о том, что кириллица, которая пришла в Россию с Греции (Византия), стала началом письменности на Руси, представляется неправильным. Наша позиция заключается не только в поддержании учёных, которые этой проблемой занимаются, но и естественном выводе о том, что если взять историю, например Греции, Египта, Рима и некоторых других стран, то их развитие тесно связано с формированием разговорной речи и практически одновременно допускаем, что с небольшим запозданием, письменности. Совершенно очевидно, то, что соответствующая ситуация складывалась и у наших предков.

XIX век стал веком рождения системы высших учебных заведений, в том числе и в нашей стране. Революционные преобразования, произошедшие в нашей стране в 1917 г. кардинально изменили вузовское, в том числе профессиональное образование. Однако наставничество с появлением ВУЗов заняло особое место в системе образования. В его основе стояли общетеоретические знания о государстве и праве изучаемые в нашей стране. Такой подход от общего к частному стал в основе традиции российской высшей школы получил развитие в наши дни сегодня.

Очень важный вопрос, который поднимался во время послания Президент РФ, вопрос о нашей высшей школе. Здесь назвали существенные изменения с учётом новых требований к специалистам во всех сферах нашей жизни. Так, для улучшения кадровой единицы, необходим синтез всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий.

В этой связи было предложено следующее, с чем нельзя не согласиться.

Первое – вернуться, как было выше сказано, к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием. Срок обучения может составить от 4 до 6 лет. При этом даже в рамках одной специальности могут быть предложены программы, разные по сроку подготовки, в зависимости от конкретной профессии, отрасли и запроса рынка труда.

Второе – если профессия требует дополнительной подготовки, узкой специализации, то в этом случае молодой человек сможет продолжить образование в магистратуре или ординатуре.

Третье – в отдельный уровень профессионального образования будет выделена аспирантура, задача которой – готовить кадры для научной и преподавательской деятельности.

Стоит подчеркнуть, что переход на новую систему должен быть плавным. Для реализации поставленных задач, правительство совместно с парламентариями будут вносить многочисленные поправки в законодательство об образовании, о рынке труда и так далее. У молодёжи, у наших граждан должны появиться новые возможности для качественно-

го образования, для трудоустройства, профессионального роста.

Те студенты, которые учатся сейчас, смогут продолжить образование по действующим программам. И так же не подлежат пересмотру уровень подготовки и дипломы о высшем образовании граждан, которые уже прошли обучение по ныне действующим программам бакалавриата, специалитета или магистратуры. Они не должны потерять в своих правах³.

Существует ряд факторов способствующих последовательному освоению общих и профессиональных компетенций обучающимися.

Освоение общетеоретических юридических дисциплин является базовым, фундаментальным и занимает ведущее место в системе юридических наук в целом, а также имеет методологическое значение для всех направлений научной мысли, если мы говорим, например, о дисциплине теория государства и права, которая затрагивает проблемы государства и права в целом, то при успешном её освоении обучающийся сможет легче освоить и последующие дисциплины.

Причем, как было отмечено, соответствующими навыками должны обладать и наставники, так как теория государства и права является основой из основ, как теоретического образования, так и прикладного обучения. Теория государства и права сосредотачивает и систематизирует положение всех отраслевых наук и освоение данной юридической науки поможет разобраться в других отраслевых юридических дисциплинах, а специалист, который получит общую теоретическую базу, сможет более эффективно разбираться в практических вопросах своей деятельности.

Современные подходы в реализации образовательных программ включает в себя средства и методы необходимые для осуществления учебного процесса в целом [2]. Выбор методики обучения определяется преподавателем, но в соответствии с новыми образовательными стандартами и весь учебный процесс характеризуется проявлением интереса и вовлечением обучающихся в практика - ориентированный подход, который необходим для эффективной реализации в дальнейшем их профессиональной сфере сформированных стандартами компетенций [3]. Поэтому при получения теоретических знаний необходимых для формирования у обучающихся практических навыков, что позволит в дальнейшем осуществлять им профессиональную деятельность, расширять взаимодействие с ведомственными организациями, а также повысит эффективность прохождения обучающимися учебной, производственной, научно-исследовательской практики в рамках их обучения [4].

Пристатейный библиографический список

1. Прысь Е. В. Правоохранительная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации и зарубежных стран: учебное пособие. - Рязань, 2018.
2. Алешугина Е. А., Ваганова О. И., Прохорова М. П. Методы и средства оценивания образовательных результатов студентов вуза // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - № 59-3. - С. 13-16.
3. Лошкарева Д. А., Алешугина Е. А., Ваганова О. И., Кутепова Л. И. Контекстный подход к профессиональному образованию // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - № 58-3. С. - 169-172.
4. Лапова А. В., Колдина М. И., Пескова Н. В. Прогностическая деятельность педагога профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. - 2018. - № 59-4. - С. 44-47.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.

РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и муниципального права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Романовская Л. Р.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам эволюции концепции прав человека в эпоху искусственного интеллекта. Рассмотрены три аспекта соотношения данных категорий: польза для обеспечения и защиты прав человека от внедрения технологий ИИ, возможные риски и опасности, проблема определения правосубъектности самого ИИ (его носителя, юнита). В контексте универсального правового регулирования использования ИИ дан общий анализ Закона ЕС об искусственном интеллекте (AI Act). Сделан вывод о необходимости объединения усилий всего мирового сообщества для решения проблем, возникающих в связи с внедрением технологий ИИ и прогнозируемым появлением «сильного» ИИ, способного к когнитивному мышлению, самостоятельному целеполаганию и автономности.

Ключевые слова: права человека, искусственный интеллект, информационное общество, кибербезопасность, «электронное лицо», цифровые права человека.

ROMANOVSKAYA Lyubava Rostislavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University

AI AND HUMAN RIGHTS: PROBLEMS OF CORRELATION

The article is devoted to topical issues of the evolution of the concept of human rights in the era of artificial intelligence. Three aspects of the correlation of these categories are considered: the benefits for ensuring and protecting human rights from the introduction of AI technologies, possible risks and dangers, the problem of determining the legal personality of AI (its carrier, unit). In the context of the universal legal regulation of the use of AI, a general analysis of the EU Law on Artificial Intelligence (AI Act) is given. It is concluded that it is necessary to unite the efforts of the entire world community to solve the problems arising from the introduction of AI technologies and the predicted emergence of a "strong" AI capable of cognitive thinking, independent goal-setting and autonomy.

Keywords: human rights, artificial intelligence, information society, cybersecurity, "electronic person", digital human rights.

В последние годы происходит стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, инвестиции в эти технологии из года в год растут, а сфера применения технологических решений на основе ИИ постоянно расширяется, так как это существенно повышает эффективность экономической и иной деятельности человека. При этом остро встает вопрос о защите прав и свобод человека в условиях интенсивного развития ИИ, о рисках, связанных с этим развитием.

Проблемы внедрения ИИ поднимаются на самом высоком уровне – правительственном и межправительственном. Так, например, 20 января 2021 г. в Берлине при поддержке Совета Европы была проведена онлайн-конференция, на которой обсуждался вопрос необходимости формирования международной общепринятой правовой базы по ИИ. В ней участвовали руководители органов государственной власти, представители академических кругов, эксперты из ЕС, представители Специального комитета по искусственному интеллекту (САНАИ) Совета Европы. В итоговом документе конференции указывается, что: «Совет Европы в настоящий момент решает один из самых насущных вопросов для будущего наших обществ: как обеспечить, чтобы искусственный интеллект защищал, а не угрожал правам человека, демократии и верховенству права. Развитие ИИ – это одновременно и возможность, и проблема, и его влияние практически на все виды человеческой деятельности очевидно» [1]. Результатом работы в данном направлении стал «Закон об ИИ» (AI

Act), проект которого депутаты Европарламента одобрили 14 июня 2023 года [2]. Планируется, что он будет окончательно принят (после прохождения всех необходимых законодательных процедур) в конце 2023 – начале 2024 года. Данный Закон является первым в мире примером разностороннего и всеобъемлющего регулирования использования ИИ, и он может стать глобальным стандартом в данной сфере.

В России на данный момент действует «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года. Она определяет основные принципы развития и использования технологий ИИ (Раздел III), и самый первый принцип касается обеспечения защиты: «гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики» [3].

Концепция прав и свобод человека эволюционирует вместе с обществом и сейчас происходит переход на постиндустриальный этап развития, связанный с цифровой трансформацией различных общественных институтов и отношений, развитием информационных и коммуникационных технологий, совершенствованием и внедрением технологий ИИ. В политико-правовом дискурсе обозначилось направление, посвященное новой группе (или новому поколению)

прав человека – «digital rights». Например, проф. Н. В. Варламова пишет, что: «технологические инновации не только требуют реинтерпретации традиционных прав человека, но и обуславливают появление их новых категорий, которые могут быть определены как поколение цифровых прав (digital rights)» [4].

В документах ООН мы можем встретить такое понятие как «Digital Human Rights» – цифровые права человека. На сайте ООН размещена «Генеральная дорожная карта секретаря ООН по цифровому сотрудничеству», где излагаются основы и инструменты, которые городские власти могут использовать в своих стратегиях цифровизации, чтобы обеспечить постоянную защиту прав человека, а также «адаптировать обязательства по цифровым правам человека с учетом своих собственных потребностей и контекста» [5]. В этом документе отмечается, что люди, живущие в городах по всему миру, регулярно пользуются широким спектром цифровых услуг. По мере того, как городское управление подвергается цифровой трансформации, цифровые и физические аспекты города становятся все более тесно связанными с цифровыми технологиями. Технологии используются для предоставления услуг, управления процессами урбанизации и взаимодействия с жителями. Поскольку физическое и цифровое пространства становятся все более переплетенными, городам необходимо обеспечить защиту прав человека как онлайн, так и офлайн.

В отличие от европейского права, российское законодательство использует термин «цифровые права» в ином контексте. В соответствии со ст. 128, 141.1. ГК РФ цифровые права рассматриваются как новый объект гражданских прав (этот термин был введен в ГК РФ в 2019 году). Цифровые права отнесены к одной из разновидностей имущественных прав, наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами. В этом смысле цифровые права также упоминаются во вступившем в силу с 1 января 2020 г. законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [6] («Закон о краудфандинге»).

В российской науке, однако, данный термин используется и в широком смысле, применительно к сфере прав и свобод человека. Например, М. С. Бурьянов в статье «Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации» формулирует определение таких прав: «это полученные каждым с рождения (и которые государство обязано реализовать) существенные возможности человека, которые устанавливаются и обеспечиваются системой норм международного и внутригосударственного права и предоставляют доступ к общественным благам, вытекающим из цифровых технологий» [7]. Автор приводит достаточно подробный перечень таких прав, включая «возможности приоритета сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта».

Развитие ИИ и робототехники одновременно предоставляют большие возможности для каждого человека и общества в целом, но в то же время влечет за собой серьезные риски, в частности в отношении прав и свобод человека. Поэтому в контексте соотношения прав человека и ИИ необходимо рассматривать три аспекта: польза (технологии, способствующие реализации и защите прав человека); риски (технологии, способные создавать угрозу реализации и защите прав человека) и аспект правосубъектности самого ИИ, возможность наделяния его правами, свободами, ограничениями.

Надо отметить, что в современных исследованиях больше внимания уделяется не пользе, которую внедрение технологий ИИ может принести сфере реализации и защиты прав человека, а угрозам, рискам и опасностям. Однако нам бы хотелось акцентировать внимание на позитивных аспектах технологической революции. Новые технологии уже помогают людям и способны помочь еще больше: предсказывают погоду, осуществляют поиск нужной информации со скоростью, недоступной человеку, переводят тексты с иностранных языков, преобразуют текст в речь и наоборот. Создание «умных помощников» может улучшить качество жизни людей с различными заболеваниями и ограниченными возможностями здоровья, применение интеллектуальных систем поддержки принятия врачебных решений – помочь врачам в постановке диагноза.

Технологии ИИ могут быть использованы для повышения кибербезопасности – для обнаружения и предотвращения кибератак, направленных на нарушение конфиденциальности личной информации. Технологии машинного обучения могут анализировать аномалии в сетевом трафике, выявлять угрозы и реагировать на них в реальном времени. ИИ может также помочь в разработке инструментов и систем, которые защищают конфиденциальные данные, например, путем автоматического шифрования. ИИ может быть использован для создания систем мониторинга правопорядка, которые следят за соблюдением законов и прав граждан. Например, системы видеонаблюдения с алгоритмами распознавания лиц могут помогать в расследовании преступлений. Автоматизированные системы фильтрации контента на основе ИИ могут быть использованы для предотвращения распространения в сети негативного контента, дискриминации или призывов к насилию, что может помочь в защите психологического благополучия личности и особенно детей.

Таким образом при этичном, контролируемом и прозрачном использовании технологии ИИ могут играть позитивную роль в реализации и защите прав и свобод человека.

Что касается рисков и опасностей, то они в полной мере даже не могут на данный момент быть осмыслены в связи с тем, что человечество еще не сталкивалось с подобными вызовами, речь здесь идет, прежде всего об опасностях, связанных с появлением так называемого «сильного» (универсального) ИИ, способного к когнитивному мышлению, самообучению, целеполаганию.

Развитие и повсеместное внедрение технологий ИИ может привести к дискриминации, цифровой изоляции, появлению общества тотального контроля, где происходит посягательство на автономию личности и т.д. Понимание этих и других значительных рисков привело к формированию риск-ориентированного подхода к ИИ, получившего закрепление на международном уровне в уже упоминаемом нами «Законе об ИИ». AI Act классифицирует все основанные на ИИ системы (модели) по уровню риска на 4 категории: с неприемлемым уровнем риска (они будут строго запрещены), с высоким уровнем риска (для них устанавливается жесткая регламентация), с ограниченным и минимальным риском. Относительно «низкорисковых» систем (например, чат-ботов, генеративных ИИ) устанавливается требование обеспечения прозрачности через обязанность информировать пользователей о том, что они взаимодействуют с ИИ, а не с человеком, сообщать пользователям, что контент создан нейросетью и т.д. Неприемлемыми практиками, запрещенными для ИИ, признаны следующие: когнитивно-поведенческое манипулирование людьми или конкретными уязвимыми

группами: например, активируемые голосом игрушки, которые поощряют опасное поведение у детей; социальный рейтинг: классификация людей на основе поведения, социально-экономического статуса или личных характеристик; системы биометрической идентификации в реальном времени и удаленно, такие как распознавание лиц (эти практики могут быть разрешены в качестве исключения для расследования тяжких преступлений, но только с санкции суда) [8].

С развитием робототехники и технологий ИИ неизбежно встает вопрос о правосубъектности ИИ. В Резолюции Европарламента от 16 февраля 2017 года, где приведены рекомендации для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике, была обозначена необходимость «определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы хотя бы наиболее сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами» [9].

Вопрос правосубъектности ИИ в науке еще слабо проработан, а в российском законодательстве и вовсе не решен, но некоторые фундаментальные исследования уже проводятся. Можно выделить 4 основных подхода к решению данного вопроса. Первый – отрицание правосубъектности ИИ, признание ее только за человеком. Второй – признание автономности «цифрового существа» – носителя (или юнита) ИИ, но непризнание его правоспособности и правосубъектности. Такой подход близок к определению правового положения животных. Третий – признание его автономности и правоспособности, но не самостоятельной правосубъектности. Похожий подход прослеживается применительно к недееспособным лицам и малолетним детям. И соответственно четвертый – признание правосубъектности ИИ, наделение его комплексом соответствующих прав, свобод, обязанностей, гарантий, определение границ автономности, степени ответственности, соотношения с правами и свободами людей и т.д. Концепция такой правосубъектности может быть выстроена по аналогии с уже существующими или существовавшими в праве режимами (статусами) – например аналогично статусу физического или юридического лица, либо предусматривать абсолютно новую конструкцию, учитывающую принципиально иную природу ИИ. На наш взгляд – эта проблема встанет со всей остротой с появлением «сильного» ИИ, однако уже сейчас необходимо задумываться о возможных вариантах ее решения. Например, предлагается наряду с правовым статусом физического и юридического лица законодательно закрепить статус «электронного лица» [10].

Обобщая вышесказанное, отметим, что стремительное, неудержимое развитие технологий ИИ ставит перед человечеством целый ряд юридических, этических и философских вопросов. Их обсуждение и решение должно проводиться в условиях теснейшего сотрудничества всех технологически развитых стран с учетом мнения и потребностей тех стран и народов, которые еще не достигли соответствующего уровня индустриального развития.

Пристатейный библиографический список

1. Права человека в эпоху Искусственного Интеллекта: Европа как созидатель международных стандартов в области искусственного интеллекта. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tpspress.ru/news/834/?ysclid=lp5rjic8pa888153081> (дата обращения: 15.11.2023).
2. Европарламент проголосовал за регулирующий искусственный интеллект закон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6043737> (дата обращения: 15.11.2023).
3. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ, 14 октября 2019 г. – № 41. – Ст. 5700.
4. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 12.
5. Mainstreaming Digital human rights in cities. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://unhabitat.org/programme/people-centered-smart-cities/digital-human-rights> (дата обращения: 17.11.2023).
6. Федеральный закон № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102579815>.
7. Бурьянов М. С. Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. – 2020. – № 3 (35). – С. 65.
8. EU AI Act: first regulation on artificial intelligence. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/society/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence/> (дата обращения: 20.11.2023).
9. Цит. по: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 244.
10. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 3. – С. 280-283.

САМОЙЛОВА Жанна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск, заместитель председателя Иркутской городской №2 Территориальной избирательной комиссии (Октябрьский округ)

ЦИФРОВЫЕ СЕРВИСЫ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА, КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

В статье представлен обзор и анализ современных цифровых технологий, внедряемых сегодня в современный избирательный процесс, характеризующий модернизацию современных процессов в политической жизни страны. Отмечается необходимость цифрового совершенствования избирательного процесса для реализации конституционных прав граждан на участие в голосовании. Исследуются и отмечаются перспективы становления и развития новых электронных сервисов на предстоящих выборах Президента Российской Федерации. Отмечаются достоинства, преимущества и важность электронного эволюционирования избирательного процесса для цифрового взаимодействия граждан и государства.

Ключевые слова: конституционные права граждан, активное избирательное право, право выбора, абсентеизм, электорат, цифровые технологии, цифровизация, цифровая трансформация, дистанционное электронное голосование.

SAMOYLOVA Zhanna Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk; Deputy Chairman of Irkutsk City No. 2 Territorial Election Commission (Oktyabrsky district)

DIGITAL SERVICES FOR PARTICIPANTS IN THE ELECTORAL PROCESS AS A GUARANTEE OF THE REALIZATION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS

The article presents an overview and analysis of modern digital technologies being introduced into the modern electoral process today, characterizing the modernization of modern processes in the political life of the country. The need for digital improvement of the electoral process for the realization of the constitutional rights of citizens to vote is noted. The prospects for the formation and development of new electronic services in the upcoming presidential elections of the Russian Federation are being investigated and noted. The advantages, advantages and importance of the electronic evolution of the electoral process for the digital interaction of citizens and the state are noted.

Keywords: constitutional rights of citizens, active suffrage, right of choice, absenteeism, electorate, digital technologies, digitalization, digital transformation, remote electronic voting.

Самойлова Ж. В.

В соответствии с частью 3 статьи 3 Конституции Российской Федерации непосредственным выражением власти граждан является проведение референдумов и свободных выборов. Анализ правоприменительной практики и доктринальных позиций в исследуемой области позволяет сделать вывод, что остается немало проблем и трудностей в вопросах реализации и обеспечения конституционных прав и свобод граждан.

Для успешного функционирования и отлаженной работы принципов избирательного права, необходима постоянная модернизация избирательного процесса и внедрение инновационных практик с целью расширения возможностей избирателей.

На сегодняшний день Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (далее ЦИК РФ) совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации активно внедряют цифровые сервисы для участников избирательного процесса. Данные нововведения, несомненно, содействуют формированию достаточного уровня публичности, честности и гласности, предусмотренных законом избирательных действий.

Одним из таких сервисов, способствующих работе членов избирательных комиссий, и непосредственно помогающих избирателям, является функционирование личных кабинетов на едином портале государственных услуг.

Так, участникам избирательного процесса обеспечивается возможность целевого адресного информирования.

Избирателю доступна информация о кандидатах и избирательных объединениях, о действующих избирательных комиссиях, о включении в список избирателей на избирательном участке, о проводимых выборах, сроках, результатах и прочие сведения.

Кроме того, внедрен сервис подачи заявлений. Избиратель имеет право подать заявление о предоставлении возможности проголосовать вне помещения для голосования, либо, если в день/дни голосования не будет находиться по месту регистрации, оформить заявление о включении его в список избирателей по месту нахождения.

Избирателям доступен официальный сайт ЦИК РФ, интернет-страницы территориальных избирательных комиссий, где во вкладке «Цифровые сервисы» можно получить всю актуальную информацию.

Лицам, занимающимся организацией и проведением выборов сервисы информирования, позволяют получать всю оперативную и актуальную информацию. Так, например, об избирательных комиссиях, о факте подачи заявления о включении гражданина в список избирателей по месту нахождения и результатах его обработки, о кандидатах, о включении в список на избирательном участке и др.

Российское избирательное законодательство за свою почти тридцатилетнюю историю прошло несколько этапов своего развития, в ходе которого усложнялось и видоизменялось не только содержание правовых предписаний, но и форма их изложения, отмечает В. Е. Подшивалов [1, с. 282].

В рассматриваемом аспекте уместно упомянуть и внедрение дистанционного электронного голосования, которое безусловно усовершенствует и модернизирует российский избирательный процесс, предоставляя электорату больше возможностей, способствует повышению социальной активности избирателей. Ведь показателем уровня демократии в обществе считается максимально возможное распространение избирательных прав на все дееспособное население, справедливо отмечает И. В. Минникес [2, с. 42].

«Несмотря на тот факт, что внедрение дистанционного электронного голосования означает структурное усложнение выборов в связи с вариативностью способов голосования, это влечет за собой упрощение волеизъявления, повышение доступности и мобильности самих выборов. Таким образом, дистанционное электронное голосование является естественным этапом в развитии избирательной системы, демонстрирует ее гибкость и адаптивность под меняющиеся требования времени и запросы избирателей»- убеждены эксперты ассоциации «Независимый общественный мониторинг»¹.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации ведет тщательный отбор новых обращений от регионов и очень внимательно обсуждает готовность каждого субъекта к применению этой технологии.

Уровень готовности регионов к переходу в цифровое пространство и степень их вовлеченности в цифровое взаимодействие по определенным отраслям и сферам отражает показатель «цифровой зрелости» как ключевой индикатор уровня цифровой трансформации [3, с. 1073].

Безусловно, электронная форма голосования, вызовет интерес у молодых избирателей, увеличит количество голосующих, и в целом поспособствует политической активности граждан. Однако, законодателю придется немало потрудиться, чтобы повысить степень доверия к данному инструменту.

Как уже отмечалось, на сегодняшний день наблюдается законодательная нестабильность и непоследовательность по вопросам регламентации сравнительно новой категории электронного дистанционного голосования в Российской Федерации. Отсутствует определенность относительно сроков подачи заявок на голосование в такой форме, нет четких установок по установлению итогов электронного дистанционного голосования, отсутствует четкость положений по вопросам аутентификации. Кроме того, приходится встречаться с мнением экспертов, которые указывают на незащищенность системы при сбоях и несовершенство систем наблюдения.

Процесс цифровизации избирательного процесса, несомненно, будет бурно развиваться и при подготовке и проведении предстоящих выборов Президента Российской Федерации. Так, с 17 февраля по 7 марта 2024 года избирательные комиссии проведут адресное информирование избирателей о сроках, времени и месте голосования на выборах Президента. В рамках нового проекта также разработано мобильное приложение «ИнформУИК».

Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Элла Памфилова подчеркнула, что вопросы, которые представители участковых избирательных комиссий зададут в ходе бесед с избирателями, будут касаться уточнения фамилии, имени и отчества избирателя, а также планируемого способа голосования.

Пилотный проект адресного информирования граждан о выборах «Мобильная участковая избирательная комиссия», запущенный Центральной избирательной комиссией Российской Федерации является новым, прогрессивным шагом на пути цифровизации избирательного процесса.

В этой связи, на сегодняшний день, представители Центральной избирательной комиссии Российской Федерации проводят обучение членов территориальных и участковых комиссий путем организации обучающих вебинаров для координаторов и организаторов предстоящих президентских выборов, в которых по данным ЦИК РФ, приняли 728 членов избирательных комиссий и сотрудников аппаратов из 89 субъектов Российской Федерации.

Речь идет об особенностях работы программного модуля для персонального оповещения избирателей - члены комиссий смогут пользоваться им во время подомового обхода. И здесь могут возникнуть свои сложности и трудности реализации. Такая форма взаимодействия с избирателями как домовый обход и личный контакт с электоратом может быть трудноосуществим.

Вероятно, членам участковых избирательных комиссий придется столкнуться с неприятием, нежеланием населения контактировать с представителями избирательной системы, а также с другими формами уклонения от своих прямых электоральных функций.

Думается на этом фоне еще более значимее выглядят цифровые инновационные избирательные технологии на пути преодоления абсентеизма, низкой явки, лени и простого нежелания участвовать в политической жизни гражданского общества.

Появляются возможности, нацеленные на обеспечение доступности выборов для лиц с ограниченными физическими возможностями.

Так, например, на предстоящих выборах Президента в личных кабинетах Госуслуг избиратели смогут узнать о дополнительных возможностях на избирательных участках и впоследствии выбрать их для голосования через сервис «Мобильный избиратель».

В преддверии федеральной кампании по выборам Президента РФ планируется внедрить новые цифровые сервисы, которые оптимизируют работу избирательных комиссий и делают более удобным избирательный процесс для самих россиян. Среди которых упоминаются:

- контроль отображения данных сервисами информирования;
- мониторинг процесса сбора подписей на портале Госуслуг;
- формирование списка объектов видеонаблюдения;
- назначение операторов видеонаблюдения;
- сервисы контроля однократности голосования;
- согласование публикации фотографий кандидатов и эмблем партий;
- добавление дополнительной информации об УИК.

Внедрение рассмотренных избирательных процедур в цифровое пространство даст возможность нарастить результативность и действенность организации и проведения избирательного процесса, обеспечив тем самым гарантии реализации конституционных прав российских граждан. Кроме этого, обновление и совершенствование цифровых инструментов увеличивает количество потенциальных избирателей, которые могли быть изолированы от реализации активного избирательного права в силу возраста, физического или географического положения.

Пристатейный библиографический список

1. Подшивалов В. Е. Сравнительный анализ структуры и юридической техники актов избирательного законодательства Российской Федерации, Франции и Канады // Академический юридический журнал. - 2022. - № 3. - С. 42.
2. Минникес И. В. История выборов: избиратель и субъективное избирательное право // Академический юридический журнал. - 2020. - № 1. - С. 42.
3. Ануфриева А. А., Красnodубская К. С. Цифровая трансформация и оценка «цифровой зрелости» системы государственного управления субъекта Российской Федерации // Baikal research journal. - 2023. - № 3. - С. 1073.

¹ «Цифровое» наблюдение // Право выбора. - 2023. - № 13. - С. 8-9.

ШИЧКО Александр Романович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ШИЧКО Алексей Романович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СУРКОВ Артём Николаевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АРТЕМЬЕВ Роман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИЗНАКИ, ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ответственность носит неблагоприятный характер, реализуемый в определенной процессуальной форме. Рассмотрены негативный и позитивный смыслы юридической ответственности: сделан вывод о правильности первого. Обозначены основания возникновения объективной и субъективной юридической ответственности. Рассмотрены широкий, узкий и нетипичный подходы к пониманию оснований субъективной юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, ретроспективная юридическая ответственность, фактическое, материальное, процессуальное основания юридической ответственности.

SHICHKO Alexandr Romanovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SHICHKO Alexey Romanovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SURKOV Artyom Nikolaevich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ARTEMYEV Roman Dmitrievich

student of the Law school of the Far Eastern Federal university, Vladivostok

SIGNS AND GROUNDS FOR LEGAL LIABILITY

Responsibility is of an unfavorable nature, implemented in a certain procedural form. The negative and positive meanings of legal liability are considered: a conclusion is made about the correctness of the first. The grounds for the emergence of objective and subjective legal liability are outlined. Broad, narrow and atypical approaches to understanding the grounds of subjective legal liability are considered.

Keywords: legal responsibility, positive legal responsibility, retrospective legal liability, factual, material, procedural grounds for legal liability.

Кто? За что? Как? Перед кем? На основании чего? Через последовательные ответы на все это применительно к юридической ответственности, можно выразить ее **признаки**.

Итак, изначально юридическая ответственность всегда немыслима без *принуждения государства*. Выражаясь иначе, юридическая ответственность обусловлена государственным принуждением, особенность которого – в предельно ясной регламентации законом и в недопустимости преодоления его рамок [10, с. 311]. Так вот, юридическая ответственность всегда загнана в границы санкции правовой нормы и при этом всегда носит государственный характер.

В продолжение только что описанного признака разберем еще один, тесно с ним связанный. Юридическая ответственность реализуется *уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами* [9, с. 216]. То есть в законе прописан определенный круг субъектов, который наделен соответствующими властными полномочиями и кото-

рый, нельзя не отметить, осуществляет и налагает ответственность *от имени государства*.

Государство является одной стороной (субъектом) специфического вида правоотношений – *охранительных правоотношений*. Другой же стороной (субъектом) является непосредственно правонарушитель. Объект – мера юридической ответственности, а юридический факт – совершение правонарушения с наличием полного его состава. Иными словами, юридическая ответственность представляет собой охранительное правоотношение.

Следует добавить, что реализация юридической ответственности проходит в установленной *процессуальной форме*. Так, в России ее закрепляют в основном процессуальные кодексы. Здесь же скажем, что нарушение процедурных норм также наказуемо.

Еще одним признаком юридической ответственности является *неблагоприятный характер последствий* для делинквента. Лишение специального или воинского звания,

лишение свободы, запрет занимать определенную должность и т. д. – все это последствия личного характера. А вот конфискация имущества, штраф, взыскание неустойки и т. п. – это последствия имущественного характера. То есть юридическая ответственность многогранна и разнообразна. В качестве примера приведем ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса РФ, который предусматривает негативные последствия либо личного характера, либо имущественного за различные незаконные действия, связанные с наркотическими или психотропными веществами.

Лицо может быть привлечено к юридической ответственности только за *совершенное правонарушение*. Именно так звучит еще один признак рассматриваемого нами явления. Однако для того, чтобы за каким-либо нарушением следовала определенная кара, нужно, во-первых, чтобы это нарушение являлось правонарушением (т. е. должна существовать определенная правовая норма, которой противоречит данное нарушение, и которая регламентирует меру юридической ответственности в своей санкции), и, во-вторых, нужно, чтобы присутствовал полный состав правонарушения. Первое – *юридическое* основание наступления юридической ответственности, второе – *фактическое* основание [10, с. 312]. Что касается последнего, то ст. 8 Уголовного Кодекса РФ предписывает следующее: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Однако необходимо обратить внимание вот на что. Сам по себе факт совершения правонарушения непосредственно не влечет за собой наступления юридической ответственности. Нужен какой-либо акт (притом необязательно государственный): будь то приговор суда, постановление налогового органа, приказ администрации завода и т. д. Вышеприведенный признак юридической ответственности подразумевает ее рассмотрение с *негативной или так называемой ретроспективной точки зрения*, когда оценивается поступок уже совершенный. Однако заметим, что возможно понимание юридической ответственности и в *позитивном или же перспективном смысле*. Ответственность с этой точки зрения представляет собой осознание личностью собственного долга перед обществом и государством, понимание в свете этого долга смысла и значения своих поступков, согласование деятельности личности с имеющимися у нее обязанностями [4, с. 8]. Однако далеко не все ученые придерживаются взглядов о существовании позитивной юридической ответственности. Среди них Баранов В. М., который полагает, что в позитивной ответственности нарушается логическая связь «норма права – правонарушение – санкция нормы права – ответственность». Следовательно позитивная ответственность несет иную, неправовую природу [1, с. 5]. Также критике позитивной ответственности подвергается и тот факт, что она построена на подмене и смешении понятий обязанности и ответственности [2, с. 116-117]. В связи с этим, считаем следующее. Рассмотрение юридической ответственности должно происходить с традиционной (ретроспективной) точки зрения.

Рассмотренные признаки являются обязательными атрибутами, поскольку именно они позволяют отграничить юридическую ответственность от других видов соци-

альной ответственности (моральной, профессиональной и т. д.)

Говоря об основаниях, для начала нужно разобраться с тем, что это такое, что же означает этот термин. С. И. Ожегов в своем толковом словаре дает следующее определение данному понятию: основание – причина, достаточный повод; начало существования, момент возникновения чего-нибудь; условие, порождающее какое-нибудь явление.

Вообще, юридическая ответственность – это двойное или же дуалистичное явление, поэтому она понимается как *в объективном смысле, так и в субъективном*. В первом случае под юридической ответственностью подразумевается наличие определенного рода наказаний, содержащихся в санкции правовой нормы; эти наказания потенциально могут быть применены к правонарушителю. Во втором случае – конкретное наказание, которое должно настигнуть конкретного субъекта за совершенное им противоправное деяние [11, с. 192-195]. Теперь, разобравшись с основополагающими моментами, попытаемся разобраться, какие есть основания возникновения у юридической ответственности в субъективном и объективном смыслах. Начнем с последнего.

О. М. Иванова полагает, что основаниями *объективной юридической ответственности* являются осознанная необходимость охраны существующего порядка общественных отношений, поскольку именно они обеспечивают нормальное функционирование общества, а также осознанная необходимость снижения количества правонарушений [5, с. 6]. Схожего мнения придерживаются Р. Л. Хачатуров, И. С. Самощенко и некоторые другие. М. А. Краснов в свою очередь делает акцент на том, что все виды юридической ответственности предназначены для одной великой цели (она же является и основанием) – для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества [6, с. 74]. Помимо прочего, правонарушение, являясь по сути своей вредным для общества явлением, должно быть искоренено. И один из методов этого искоренения – юридическая ответственность за совершение правонарушений [8, с. 17]. Непосредственно правовым основанием юридической ответственности, по мнению Т. Ю. Фалькиной, является необходимость адекватного функционирования самого механизма правового регулирования [12, с. 17]. Таким образом, основаниями юридической ответственности в объективном смысле мы считаем необходимость обеспечения правопорядка и социальную вредность отдельно взятых противоправных деяний.

Что же касается *субъективной юридической ответственности*, то здесь точки зрения на основания возникновения ответственности довольно сильно разнятся. Прежде чем выделить основные подходы, определимся со следующим. Фактическое основание – деликт, правонарушение; материальное основание – норма права; процессуальное основание – решение властного органа о возложении ответственности. Вернемся к подходам по рассматриваемому вопросу. Странники *широкого подхода* уверены, юридическая ответственность имеет множество одновременных оснований (фактическое и материальное, фактическое и процессуальное, либо же их совокупность). Приверженцы *узкого подхода* называют одно основание

– конечно же, фактическое. Отметим наличие *нетипичного подхода*, говорящего об обособлении иных (помимо материальных, фактических и процессуальных) оснований юридической ответственности [7, с. 7]. Этому подходу придерживается М. Ю. Горлач, который в своем диссертационном исследовании выделяет в качестве предпосылки юридической ответственности деятельность по поиску правонарушения и лица, его совершившего [3, с. 41]. Обозначим собственный взгляд по данному вопросу. Во-первых, субъективная ответственность не может появиться из ниоткуда, она должна закрепляться в норме материального права. В связи с этим считаем необходимым обязательное выделение материального основания юридической ответственности. Во-вторых, применение ответственности невозможно без соответствующего юридического факта, каковым является само правонарушение или же объективно-противоправное деяние. Таким образом, наличие фактического основания ответственности является также обязательным. А вот теперь что касается процессуального основания. Да, для реализации юридической ответственности почти всегда требуется правоприменительный акт, вынесенный уполномоченным на то органом. Однако все-таки он требуется не всегда. Так, исходя из ст. 236 Трудового кодекса РФ, при нарушении работодателем срока выплаты, например, заработной платы, причитающейся работнику, работодатель обязан выплатить ее с уплатой денежной компенсации. Но при этом добровольное исполнение указанной обязанности работодателем исключает предпосылки для обращения работника в органы судебной системы для взыскания процентов. Та же ситуация обстоит с иными основаниями возникновения юридической ответственности: их наличие обязательно далеко не всегда.

В заключение отметим, что для возникновения субъективной юридической ответственности всегда необходимы два основания: материальное и фактическое, а процессуальное необходимо зачастую, но не во всех случаях. Основаниями возникновения юридической ответственности в объективном смысле являются необходимость обеспечения фактического правопорядка и социальная вредность отдельных видов противоправных деяний для государства, общества и личности, в частности.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов В. М. Теория юридической ответственности. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. юр. ин-та МВД РФ, 1998.
2. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории): издание. – Москва: Юрид. лит., 1976. – 208 с.
3. Горлач М. Ю. Права и обязанности субъектов юридической ответственности в современном российском законодательстве: специальность 12.00.01 «теория и история права и государства; история правовых учений»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Московская академия МВД России. – Москва, 2002. – 20 с.
4. Григорян Г. М. Юридическая ответственность – ответственность за правонарушение // Вопросы су-

дебной реформы: право, экономика, управление. – 2009. – № 1. – С. 7-10.

5. Иванова О. М. Основания, цели и задачи юридической ответственности: специальность 12.00.01 «теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Самарская гуманитарная академия. – Самара, 2009. – 22 с.
6. Краснов М. А. Юридическая ответственность – целостное правовое явление // Советское государство и право. – 1984. – № 3. – С. 73-77.
7. Кузьмин И. А. Основания возникновения юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 3-10.
8. Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность: издание. – Москва: Юрид. лит., 1985. – 192 с.
9. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – Москва: Юристъ, 2004. – 245 с.
10. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. – Москва: Эксмо, 2010. – 384 с.
11. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. Пособие. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2011. – 254 с.
12. Фалькина Т. Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: специальность 12.00.01 «теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Уральский юридический институт МВД России. – Н. Новгород, 2007. – 25 с.

ХЭ Чжэньдун

старший преподаватель, Хэйхэский университет

НИН Яньхун

научный сотрудник, Хэйхэский университет

ЛИ Хунхун

старший преподаватель, Хэйхэский университет

МЕХАНИЗМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»*

В новый период, по мере укрепления партнерских отношений между Китаем и Россией, число китайских мигрантов, проживающих в России, увеличивается. Согласно статистике Федерации ассоциаций китайских зарубежных стран в Европе (FOCAE), общее число китайских граждан, проживающих в России в последние годы, составляет около 300 000 человек. Китайские мигранты, проживающие в России, играют важную роль в строительстве «Пояса и пути». Однако из-за непонимания законодательства России и языкового и культурного общения, культурных различий между Востоком и Западом, конфликтов суверенной юрисдикции и иных причин мигранты, проживающие в России, не могут в полном объеме реализовать свои права и интересы. Поэтому необходимо выстроить механизм правовой защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России на фоне «Пояса и пути». Основное содержание настоящей статьи заключается в исследовании систематизации и институционализации механизма защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России с точки зрения судебной практики, законодательства, а также в рассмотрении системы защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России. Данная работа публикуется в рамках проекта ключевых тем исследования экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян в 2023 году на тему «Исследование механизма правовой защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России в рамках инициативы «Один Пояс и один путь». Номер проекта: 23366.

Ключевые слова: «Один Пояс и один путь», китайские мигранты, защита прав и интересов, механизмы правовой защиты, Россия, Китай.

HE Zhendong

lecturer, Heihe University

NING Yanhong

researcher, Heihe University,

LI Honghong

lecturer, Heihe University

MECHANISMS FOR LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF CHINESE MIGRANTS RESIDING IN RUSSIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE «ONE BELT AND ONE ROAD» INITIATIVE

In the new period, as the partnership between China and Russia strengthens, the number of Chinese migrants living in Russia is increasing. According to statistics from the Federation of Overseas Chinese Associations in Europe (FOCAE), the total number of Chinese citizens living in Russia in recent years is about 300,000. Chinese migrants living in Russia play an important role in the construction of the Belt and Road. However, due to a lack of understanding of Russian legislation, linguistic and cultural communication, cultural differences between East and West, conflicts of sovereign jurisdiction and other reasons, migrants living in Russia cannot fully realize their rights and interests. Therefore, it is necessary to build a mechanism for legal protection of the rights and interests of Chinese migrants living in Russia against the backdrop of the Belt and Road. The main content of this article is to study the systematization and institutionalization of the mechanism for protecting the rights and interests of Chinese migrants living in Russia from the point of view of judicial practice and legislation, as well as to consider the system for protecting the rights and interests of Chinese migrants living in Russia. This work is published as part of the project of key topics for the study of economic and social development of Heilongjiang Province in 2023 on the topic "Research on the mechanism of legal protection of the rights and interests of Chinese migrants living in Russia within the framework of the Belt and Road Initiative." Project number: 23366

Keywords: "One Belt and One Road", Chinese migrants, protection of rights and interests, legal protection mechanisms, Russia, China.

Четвертое пленарное заседание 19-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая (далее – КПК) в 2019 году прямо предложило «создать систему защиты

* Данная работа публикуется в рамках проекта ключевых тем исследования экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян в 2023 году на тему «Исследование механизма правовой защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России в рамках инициативы «Один Пояс и один путь»», Номер проекта: 23366.

интересов за рубежом, раннего предупреждения и предотвращения рисков, улучшить рабочий механизм консульской защиты, обеспечить безопасность и законные права и интересы зарубежных соотечественников, гарантировать безопасность крупных проектов, персонала и учреждений». В 2019 году генеральный секретарь Си Цзиньпин на Центральной конференции по политико-правовой работе подчеркнул, что «мы должны укреплять строительство си-

стемы безопасности и защиты за рубежом, а также защищать законные права и интересы китайских учреждений и персонала за рубежом». Как видно, в последние годы Китай придает большое значение защите интересов китайцев за границей как во внутреннем, так и в международном праве.

Между Китаем и Россией в 2001 году был подписан Договор о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве, что является очень значимым событием, так как в последние годы число китайских граждан, отправляющихся в Россию на жительство, учебу и в гости, для инвестиций и ведения бизнеса, растет. Китай и Россия углубляют добрососедское сотрудничество, которое становится все более зрелым и прочным. Однако, китайские мигранты, проживающие в России, часто не понимают местного законодательства, в сочетании с языком и культурой общения также бывает не все гладко, что в комплексе мешает им своевременно использовать правовые механизмы для защиты своих прав.

На государственном уровне права и интересы китайских мигрантов, проживающих в России, в основном защищаются консульской защитой, дипломатической защитой и другими средствами защиты [1]. Кроме того, конфликт судебного суверенитета, неполнота китайского законодательства, связанного с Россией и многие другие факторы негативно влияют на реализацию прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России. В связи с чем нами предлагается следующие механизмы правовой защиты. Полагаем, что мы должны искать пути решения проблемы в области юриспруденции, законодательства и судебного сотрудничества.

Во-первых, целесообразно продолжать укреплять правовой статус китайских граждан в России с помощью теории общности человеческих судеб, а также рационально примирить конфликт между территориальной юрисдикцией и персональной юрисдикцией. В настоящее время международное сообщество по-прежнему отдает предпочтение территориальной юрисдикции перед персональной, при этом принимающее государство осуществляет территориальную юрисдикцию в отношении иностранцев в соответствии со своими законами, а закон об иностранцах является ключевым законом для обеспечения прав и обязанностей иностранцев. Вопрос о том, является ли основным принципом, лежащим в основе закона об иностранцах, минимальные международные стандарты в области прав человека или национальный режим, является предметом споров [2]. Концепция сообщества человеческой судьбы, рассматривающая человечество как единое целое, утверждает, что деятельность людей, представленных государствами, должна осуществляться на благо всего человечества, и что заботы людей не должны больше ограничиваться выживанием и развитием отдельных государств, наций, рас и индивидов, а должны быть направлены на развитие всего человечества в целом. Интересы человечества в целом являются общими интересами международного сообщества, и правовой статус иностранцев в принимающей стране строится на основе международного

сообщества в целом, балансируя между общими интересами индивида, государства и международного сообщества.

Права и интересы иностранцев в стране пребывания должны быть правами, которые предоставляются как само собой разумеющиеся в стремлении к общим идеалам человечества и как законные права для всех в соответствии с международным правом и национальным законодательством. Они должны быть универсальными, но должны также учитывать специфические условия страны и должны быть дифференцированы при их фактическом использовании. Таким образом, основные права и интересы иностранцев и граждан России в плане проживания и развития политических, экономических и культурных аспектов совпадают, и с этой точки зрения все они подчиняются основным правам человека международного сообщества. Но права и интересы иностранцев ограничены в особых областях, таких как те, что связаны с национальным суверенитетом и безопасностью. Только улучшив правовой статус иностранцев, можно полностью гарантировать их права и интересы, а благодаря действию этого базового правового положения иностранцы смогут использовать местные средства правовой защиты в принимающей стране для более эффективного обеспечения своих интересов.

Во-вторых, выход из законодательной дилеммы заключается в принятии Китаем высших и специальных законов по защите прав и интересов китайских граждан за рубежом, с одной стороны, и принятии гибкого подхода к содействию созданию международных конвенций, с другой стороны, а также предложения России усилить законодательство по защите китайских граждан в России, с третьей стороны. Это можно реализовать на практике, в том числе, в целях включения защиты прав и интересов китайских граждан за рубежом в орбиту правового государства на основе Конституции КНР, Закона КНР о гражданстве, Закона КНР о национальной безопасности, Закона КНР о реагировании на чрезвычайные ситуации, Положения КНР о дипломатических привилегиях и иммунитетах, Положения КНР о консульских привилегиях и иммунитетах и Положения о реагировании на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. На основе ведомственных правил и местных нормативных актов необходимо разработать единый Закон о защите прав и интересов иностранных граждан, а также обобщить существующее законодательство, чтобы согласовать существующие правовые концепции и положения, уточнить правила, усилить ответственность и создать строгую и эффективную правовую базу. Закон о защите прав и интересов граждан за рубежом играет макро-объемлющую роль в законодательстве, уточняя организации защиты, средства защиты и обязанности по защите, обеспечивая четкую и конкретную внутреннюю правовую основу для защиты прав и интересов китайских граждан за рубежом [3]. В области консульской защиты следует ускорить введение Закона о консульской защите или Положения о консульской защите и помощи, уточнить содержание, цели, характер, обязанности, права и обязательства консульской защиты, чтобы консульская

защита была не только моральной или спонтанной, но и закрепленной в законе.

В рамках инициативы «Пояс и путь» китайско-российское сотрудничество постоянно укрепляется, а число китайцев в России растет, охватывая все крупные города России, работая в различных областях, таких как: сельское хозяйство, торговля и строительство, придавая большую жизненную силу процветанию российского рынка и оживлению экономики, а также играя роль моста в китайско-российских культурных обменах. Предлагаем усилить интенсивность законодательной защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России, снизить экономические, правовые и политические риски инвестирования китайских мигрантов в Россию, обеспечить права и интересы инвестиций в России, а также предоставить китайским мигрантам более комплексные юридические услуги по урегулированию инвестиционных споров.

Преодоление судебной дилеммы направлено на повышение эффективности судебной системы, устранение препятствий для обращения в суд граждан Китая, проживающих в России, и устранение социальных предрассудков. Подписание 19 июня 1992 года в Пекине Договора между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам укрепило двустороннее судебное сотрудничество между Китаем и Российской Федерацией. Однако с развитием времени, особенно в контексте инициативы «Пояс и путь», возникла необходимость и настоятельная потребность в углублении судебного сотрудничества между Китаем и Российской Федерацией. Мы предлагаем все-сторонне пересмотреть Договор между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам.

Во-первых, необходимо разработать основную часть нормативных документов. Властные органы двух стран должны разрешить разработку и подписание договорных документов высшими судебными органами двух стран, а именно - Верховным народным судом Китая и Верховным судом Российской Федерации, а не административными судебными органами, чтобы обеспечить соответствие и взаимность функций, обязанностей и институтов и облегчить реализацию совместных документов.

Во-вторых, упростить процедуры, чтобы уменьшить бремя судебных разбирательств.

В-третьих, содержание вышеуказанного договора должно быть максимально детализировано. Необходимо четко определить спецификации, обстоятельства, процедуры и сроки предоставления доверенной услуги, чтобы повысить оперативность договора [3].

Что касается конфликтов юрисдикции, то Китай и Россия могут подписать двусторонние договоры в других областях, ища точки соприкосновения и преодолевая разногласия, а в контексте строительства «Пояса и пути» Китай и Россия могут попытаться сбалансировать интересы двух сторон, передавая гражданские дела в юрисдикцию международных коммерческих судов, которые приемлемы для обеих сторон.

В завершение сделаем вывод о том, что китайские мигранты в России играют важную роль в социально-экономическом развитии страны, способствуя ее экономическому росту, занятости предпринимателей и экспорту технологий. С ростом китайской экономики все больше китайцев инвестируют свои капиталы в российскую недвижимость, финансовый, энергетический и производственный секторы. Китай и Россия должны продолжать совершенствовать соответствующее законодательство в отношении правового положения китайцев в России и укреплять судебное сотрудничество, систематизировать и институционализировать механизм защиты прав и интересов зарубежных китайцев в России, а также внедрять инновации в соответствующую систему защиты прав и интересов китайцев в России.

Пристатейный библиографический список

1. Цзян Сяоли, Чэнь Спин. О защите прав и интересов китайцев за границе как субъектов особых прав. // Журнал Цюаньчжоуского нормального института. - 2022-02-15.
2. Цзян Синьмяо, Лю Ян. Решение дилеммы верховенства права при защите прав и интересов китайских граждан за рубежом в рамках «Пояса и пути» // Журнал Северо-Западного университета (издание по философии и социальным наукам). - 2020-12-2.
3. Цзя Юймин. Создание и совершенствование механизма двустороннего сотрудничества Китая и России в судебной сфере. // Газета «Народный суд». - 2008-06-11.

ЯЛОВЕНКО Татьяна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Актуальность научной статьи обусловлена ролью средств массовой информации в общественной жизни, глобальными вызовами современности по установлению границ между достоверной и ложной информацией, предоставляемой средствами массовой информации. Прогнозирование последствий использования разноплановой информации становится все более сложной задачей, так как индивидуальное и коллективное сознание сталкиваются с трудностями в восприятии и обработке информационного многообразия.

Ключевые слова: средства массовой информации, формирование мировоззрения, воздействие средств массовой информации, правовое информирование.

YALOVENKO Tatyana Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Theory and history of law and state sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE INFLUENCE OF MODERN MEDIA ON THE FORMATION OF A PERSON'S WORLDVIEW

The purpose of the work is determined by the role of the mass media in public life, the global challenges of our time to establish boundaries between reliable and false information provided by the mass media. Predicting the consequences of using diverse information is becoming an increasingly difficult task, as individual and collective consciousness face difficulties in perceiving and processing information diversity.

Keywords: mass media, formation of a worldview, impact of mass media, legal information.

Негативное влияние современных СМИ на формирование мировоззрения личности, в первую очередь, связано с тем, что средства массовой коммуникации способны создать предпосылки к проявлению насилия путем формирования определенных парадигм в рамках индивидуального и общественного восприятия.

В исследовании, проведенном Робертом Дж. Хэнкоксом и др., установлено, что просмотр чрезмерного количества телевидения в детстве или отрочестве, большая часть контента которого содержит насилие, вреден для здоровья, причино-но связан с антисоциальным поведением в раннем взрослом возрасте.

Цель исследования Р. Дж. Хэнкокса – выяснить, связано ли чрезмерное просмотр телевизора в детстве и подростковом возрасте с усилением антисоциального поведения в раннем взрослом возрасте.

Методы: В исследовании приняли участие 1037 человек, родившихся в Данидине, Новая Зеландия, в 1972-1973 годах, через равные промежутки времени от рождения до возраста 26 лет. Был использован регрессионный анализ, чтобы изучить связь между часами просмотра телевизора в возрасте от 5 до 15 лет и судимостью за уголовные преступления, осуждения за насилие, диагнозом антисоциального расстройства личности и агрессивными чертами личности в раннем взрослом возрасте.

Полученные результаты: молодые люди, которые проводили больше времени перед телевизором в детстве и подростковом возрасте, значительно чаще имели судимость, диагноз антисоциального расстройства личности и более агрессивные черты личности по сравнению с теми, кто меньше смотрел телевизор. Ассоциации были статистически значимыми после учета полового IQ, социально-экономического статуса, предыдущего антисоциального поведения и родительского контроля. Ассоциации были схожими для

обоих полов, что указывает на то, что связь между просмотром телепередач и антисоциальным поведением одинакова для зрителей мужского и женского пола.

Выводы: чрезмерный просмотр телевизора в детстве и подростковом возрасте связан с усилением антисоциального поведения в раннем взрослом возрасте¹.

Широкое воздействие насилия в СМИ является фактором риска агрессивных мыслей, чувств и поведения. Безусловно, остается много вопросов, необходимы дополнительные исследования, чтобы определить, какие конкретные факторы побуждают человека совершать насилие и какую роль может играть насилие в СМИ.

Необходимо сконцентрироваться на изменении факторов, связанных с повышенным риском влияния СМИ. Выявить факторы риска насилия и определить, как они взаимодействуют, на кого такие факторы могут особенно повлиять и что можно сделать для уменьшения факторов риска.

С. Д. Искандерова обращает на проблемы формирования средствами массовой информации негативного отношения к мигрантам. По мнению автора, «тиражирование низких культурных стандартов, пропаганда ксенофобии, различных форм этнического экстремизма и мигрантофобии являются деструктивными аспектами информационной политики некоторых СМИ. Зарубежные исследования роли СМИ в межкультурной коммуникации также подтверждают, что постоянная публикация негативных статей имеет кумулятивный эффект и может повлиять на суждение читателей. Тема «других», ставшая одной из важнейших тем в освещении современных процессов, связанных с миграцией в европейских странах и вызывающая беспокойство как политиков,

1 Просмотр телепрограмм в детстве и подростковом возрасте и антисоциальное поведение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publications.aap.org/> (дата обращения: 21.10.2023).

Таблица 1. Результаты опроса по изучению роли СМИ в формировании мировоззрения личности

Вопрос	варианты ответов		
	1	2	3
1. Ваш пол 1) Женский 2) Мужской	55	45	–
Распределение ответов, в % к опрошенным	55 %	45 %	–
2. Ваш возраст 1) 18 – 25 лет; 2) от 25 – 35 лет; 3) от 35 и выше	50	35	15
Распределение ответов, в % к опрошенным	50 %	35 %	15 %
3. По Вашему мнению, из приведенных ниже вариантов, какие СМИ не обладает популярностью? (укажите свой вариант) 1) Печатные издания 2) Телевидение 3) Радио	90	5	5
Распределение ответов, в % к опрошенным	90 %	5 %	5 %
4. Какие темы Вас интересуют более всего? 1) Политика 2) Спорт 3) Другое (укажите)	52	18	30
Распределение ответов, в % к опрошенным	52 %	18 %	30 %
5. При необходимости решения проблемы, Вы обращаетесь (укажите): 1) к родственникам; 2) к друзьям 3) другое	68	22	10
Распределение ответов, в % к опрошенным	68 %	22 %	10 %
6. По Вашему мнению, какие из приведенных СМИ оказывают наибольшее влияние на формирование мировоззрения? 1) Телевидение 2) Радио 3) СМИ/Интернет	35	–	65
Распределение ответов, в % к опрошенным	35 %	–	65 %
7. Доверяете ли Вы информации, предоставляемой СМИ? 1) Да 2) Нет 3) Затрудняюсь ответить	65	25	10
Распределение ответов, в % к опрошенным	65 %	25 %	10 %
8. Как Вы считаете, какими правилами следует руководствоваться, чтобы получить достоверную информацию? 1) выбор СМИ, которые заслуживают доверие; 2) официальные источники информации; 3) затрудняюсь ответить	52	48	–
Распределение ответов, в % к опрошенным	52 %	48 %	–
9. Какие Ваши действия по проверке информации на достоверность? 1) поиск оригинального источника информации; 2) ожидание официального подтверждения или опровержения новости; 3) другое (укажите)	54	46	–
Распределение ответов, в % к опрошенным	54 %	46	–

так и широкой общественности, также заставляет обратить внимание на недавний положительный опыт» [1, с. 30].

В период предвыборных кампаний активизируется деятельность СМИ, освещая и публикуя информацию о кандидатах с целью формирования определенного положительного образа, их достижениях, успехах и т.д. Однако, в этот период идет борьба за власть, и, для продвижения своего кандидата в органы власти, часто используются любые методы и средства, способные понизить в рейтинге конкурента. Распространение информации о кандидате, содержащую сведения о якобы коррупционных схемах, наличие в соб-

ственности яхт, нескольких квартир и т.д. определенно влияют на выбор избирателя. Не проверив информацию, не зная кандидата лично, избиратель не будет отдавать свой голос за человека, который берет взятки. Соответственно, небольшая брошюрка, содержащая «разоблачающую» информацию о кандидате и разосланная каждому жителю города через почту (почтовый ящик), однозначно способна повлиять на выбор избирателя

Следует отметить, что в правовом информировании важную роль отведено средствам массовой информации, которые являются основным, наиболее востребованным про-

водником информации правового характера. Однако в некоторых случаях СМИ оказывают прямо противоположное воздействие, публикуя недостоверную, живую информацию.

Сложность четкого разграничения между «правдой» и «ложью» создает условия для распространения дезинформации и недопонимания, что усугубляет проблемы в отношении общепринятых стандартов истины. Искажение исторических фактов, информационных передач, замена речей политиков провокационными вариантами, иными словами, идет дезинформация, и она является только лишь малой частью способов ведения информационной войны.

Развитие сети «Интернет» расширяет границы распространения и получения информации, которая часто бывает недостоверной, распространяемой под видом достоверных сведений. «Новость, которая содержит ложь, вымысел и фальшивую информацию, в журналистике называется фейковой. Фейк является аналогом английского слова «fake» – фальшивый, ложный, поддельный, ненастоящий. В широком смысле фейк – это любая ложная информация, смешанная со сплетнями, вымыслами, пропагандой и секретами, которая призвана показать какое-либо явление правдоподобным» [2, с. 170].

Негативному влиянию подвергаются, в первую очередь, люди, не обладающие критическим мышлением, не умеющим «сортировать» информацию, а также подрастающее поколение, чье сознание еще не до конца сформировано. В научной среде сформировалось мнение, что наиболее опасен правовой нигилизм в среде обучающейся молодежи, возможность с помощью СМИ / Интернета манипулировать сознанием и поведением школьников и студентов, сформировать сомнения в ценностях, установленных в обществе, организовать несовершеннолетних на общественное поведение, нарушение правовых норм. Таким образом, негативная роль СМИ выражается в предоставлении недостоверных сведений, требующей реакции по ограничению распространения недостоверной информации.

Мной была разработана анкета с целью получения ответов на актуальные вопросы, связанные с современными средствами массовой информации и их роли в формировании мировоззрения личности. В опросе приняли участие 100 человек, возраст опрошенных – от 18 до 50 лет, из них: 55 % женщин и 45 % мужчин.

С целью установления наиболее популярных средств массовой информации, респондентам предложили ответить на вопрос: «По Вашему мнению, из приведенных ниже вариантов, какие СМИ не обладает популярностью?». 90 % опрошенных выбрали вариант «печатные издания». Соответственно, наиболее популярные средства массовой информации – телевидение и радио.

Основными популярными темами у опрошенных являются: политика (52 % опрошенных), спорт – (18 %), другие темы – (30 %).

На вопрос: «По Вашему мнению, какие из приведенных СМИ оказывают наибольшее влияние на формирование мировоззрения?» 65 % опрошенных выбрали вариант ответа СМИ/Интернет, то есть СМИ, осуществляющие свои функции в сети Интернет. Телевидение как вариант ответа выбрали 35 % опрошенных (таб. 1).

Таким образом, проведя анализ и интерпретацию ответов респондентов, можно сделать вывод, что многие доверяют СМИ, поскольку выбирают только такие, которые заслуживают доверие либо обращаются к официальным ис-

точникам информации. В случае необходимости проверки на достоверность большинство опрошенных осуществляют поиск оригинального источника информации либо ожидают официального подтверждения или опровержения новости. На формирование мировоззрения оказывают влияние в большей степени СМИ, осуществляющие свои функции в сети Интернет.

Результат влияния воздействия СМИ может проявиться в изменении убеждений, взглядов и отношений, поведении аудитории.

В современный период необходимо уменьшить объем негативной информации (насилие, криминал, коррупционные разоблачения), усилить внимание к проблемам, связанным с защитой прав и свобод граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Искендерова С. Д. Социокультурные аспекты функционирования средств массовой коммуникации // International scientific review. – 2020. – № 1 (42). – С. 30.
2. Хопряхкова Е. Ю., Ментюкова М. А. Умышленное распространение заведомо ложной информации в СМИ и интернете // Инновационная юриспруденция: вопросы теории и практики: сбор. науч. труд. по матер. междуна. научн.-практ. конфер.: 28 апреля 2022 г. / Министерство науки и высшего образования; ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; Юридический институт. – Тамбов, 2022. – С. 170.
3. Дуванская М. К., Завьялова А. С. СМИ и общественность: особенности влияния СМИ на деловую коммуникацию // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2023. – Т. 1. – С. 314-318.

АКСЮТЕНКОВ Владислав Олегович

магистрант II курса по направлению подготовки 40.04.01 – Юриспруденция, «Международное публичное право, европейское право» Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена

ИДЕЯ АРХИТЕКТУРНОГО СИМВОЛИЗМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье рассматривается взаимосвязь архитектурного символизма как отражение государственности через призму истории права и Древнего Рима, религии и философии. Автор исследования анализирует различные здания и сооружения Древнего Рима, а также историю возникновения Санкт-Петербурга с точки зрения семиотики.

Ключевые слова: строительный подряд, Древний Рим, договор найма, архитектура, семиотика.

AKSYUTENKOV Vladislav Olegovich

magister student of the 2nd course in the field of training 40.04.01 – Jurisprudence, “Public International Law, European law” of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

THE IDEA OF ARCHITECTURAL SYMBOLISM AS A REFLECTION OF STATEHOOD

The article examines the relationship of architectural symbolism as a reflection of statehood through the prism of the history of law and Ancient Rome, religion and philosophy. The author of the study analyses various buildings and structures of Ancient Rome, as well as the history of the emergence of St. Petersburg from the point of view of semiotics.

Keywords: construction contract, Ancient Rome, contract of employment, architecture, semiotics.

Архитектура зданий, в которых формировалась многовековая российская государственность, имеет уникальный набор композиционных решений, используемых при создании облика строений государственной власти. Выявление значенных символов, расположенных на зданиях, построенных для представителей власти, и принципы их формирования приобретает особую актуальность. Стоит также обратить внимание на то, как урегулирован вопрос градостроительства в правовом поле на современном этапе с учетом ретроспективного анализа для получения более полного результата исследования.

В настоящее время правовое регулирование строительной деятельности осуществляет Градостроительный кодекс РФ¹ (далее – ГрК РФ), нормы Гражданского кодекса РФ² (далее – ГК РФ), регламентирующие договор строительного подряда, а также различные строительные стандарты³.

Отсутствие единой структурированной правовой системы в данной сфере, несмотря на ГрК РФ, имеющий большие пробелы в законодательном полотне, усложняет и замедляет основные процессы, указанные в ст. 1 ГрК РФ.

Однако такая серьезная проблема, не мешая создавать здания и сооружения, входящие в список мировых достопримечательностей. Например, «Лакта-Центр», находящийся в Санкт-Петербурге и являющийся самым северным высотным зданием в мире, а также новой высотной доминантой города, которая напоминает неугасающую энергию пламени.

Взаимодействие заказчика и исполнителя при возведении «Лакты-Центра» было урегулировано ст. 740 ГК «Договор строительного подряда». Данная норма является рецепцией

из института римского права – договор найма или подряда работ (*locatio-conductio operis* или *opens faciendi*). В соответствии ч.1 ст.740 «Договор строительного подряда» под договором строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену».

Дефиниция договора найма или подряда работ в римском законодательстве содержится в Дигестах Юстиниана. Согласно Дигестам Юстиниана [8] под договором подряда работ – *locatioconductio operis* – называется договор, по которому одна сторона – подрядчик, *conductor*, принимает на себя обязательство исполнить в пользу другой стороны – заказчика, *locator*, известную работу, а заказчик принимает на себя обязательство уплатить за эту работу определенное денежное вознаграждение.

Также в Дигестах пример приводится с дополнительным указанием, что подрядчик, строящий дом *sua impensa*, передает заказчику право собственности на затраченные материалы, все же договор признается за *locatio: locat enim artifex operam suam, id est faciendi necessitatem* – специалист сдает свой труд, являющийся необходимым условием возведения здания [4].

По мнению автора исследования, стоит уделить внимание влиянию христианства на градостроительство и архитектуру, а также на трактат Марка Витрувия Поллиона «Десять книг об архитектуре» [5], который был написан в I в. и содержал технические и эстетические аспекты возведения зданий и сооружений.

В дохристианский период был иной план расположения храмовых сооружений в отличие от строительства с приходом христианства. Место сосредоточения храмовых сооружений, в которых проводились служения римскому пантеону богов, являлся Римский форум.

С усилением позиции христианства на политической арене повлиять в том числе и на градостроительную политику государства. Первые значительные изменения начались тогда, когда был подписан Миланский эдикт⁴ в 313 г. между

1 Градостроительный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 4 августа 2023 года) (редакция, действующая с 1 сентября 2023 года) // Российская газета, № 290, 30.12.2004.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (статья 454 - 1109) (с изменениями на 24 июля 2023 года) // Российская газета, № 23, 06.02.1996.

3 Под строительными стандартами понимается принятые обязательные к применению требования к проектным решениям, конструкциям и изделиям, используемые в строительстве. К ним относятся СНиП (строительные нормы и правила) и ГОСТ (государственный стандарт). Например, СНиП 10-01-94, регламентирующий систему нормативных документов в строительстве, и ГОСТ Р ИСО 10.0.05-2019 / ИСО 12006-2:2015, регулирующий моделирование зданий и сооружений.

4 Миланский эдикт – соглашение между Константином Великим и Лицинием в Медиолане в 313 году, которое является основой для развития современного института прав человека.

Константином Великим и Лицинием, по которому официально признавалась христианская вера. Масштабные и повсеместные реконструкции существующих зданий и сооружений и возведение новых церквей с целью возвышением римских пап вошло в историю под названием Константиновых базилик, в основу объемно-планировочного решений которых была заложена структура античных базилик. Возведение первой базилики под названием Сан Джованни ин Латерано началось в 312-315 гг. и была резиденцией римских понтификов до переезда в Ватикан. На месте же цирка Нерона, где был распят апостол Петр, в 324-349 гг. началось строительство главного собора для западного христианского мира с базилики Сан Пьетро. В этот же период в 324 г. возводятся базилика Сан Паоло Фуори ле Мура, а в 356 г. базилика Санта Мария Маджоре. Базилики, построенные на некотором удалении от центра города, были окончаниями двух перпендикулярных осей, пересекающихся в районе Колизея.

В последующие столетия главные храмовые здания и сооружения неоднократно перестраивались лучшими архитекторами своих эпох.

В VII в. происходит кардинальная реконструкция центральной части Рима, с сохранившимися античными строениями. В убранстве зданий, украшенных мозаиками и фресками, было очевидно влияние византийских мастеров. Примером этого являются росписи церкви Санти Козмы э Дамиана. В 756 г. было основано Папское государство – Патримония Святого Петра, просуществовавшее вплоть до 1870 г. С этого периода жизнь римлян, градостроительство и архитектуру города во многом определяли экономические возможности Папского государства, устремления и вкусы понтификов.

Однако те недосказанности, те аллегории и те символы и знаки присущие религии можно найти и в архитектуре. Согласно модели советского ученого Михаила Юрьевича Лотмана, семиотика – это общая теория знаковых систем, изучающая свойства знаковых комплексов самой различной природы [6]. В своей статье «О семиосфере» [10] М. Ю. Лотман отметил, что системы функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации образованиями, то есть они (системы) взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, обеспечивая функционирование каждой из них.

Ключевыми понятиями в семиотике являются знак и символ. Согласно исследованиям М. Ю. Лотмана, символ обычно отождествляют со знаковой системой. Но для более полного понимания стоит обратить внимание на другое определение Михаила Юрьевича Лотмана, которое обозначает символ как одно из центральных понятий в системе семиотических наук, включающее рациональное и иррациональное, то есть отражается с одной стороны знак с материальной точки зрения, с другой – накопление памяти культуры, то есть нематериальный аспект [9]. Например, использование стрельчатых арок и высоких потолков с нервюрами⁵ при возведении готических храмов. С материальной точки зрения их можно рассматривать как символ расширенных способов строительства, с другой – это показатель развития представление о доме Господня в эпоху Проторенессанса. Именно Проторенессанс послужил основой для дальнейшей трансформации всех идей эпохи Возрождения. Сама идея божественного начала в человеке и соотношение Бога и человека является ключевым аспектом данного периода. И обновленный идеал античного антропоцентризма с учетом развития христианского учения создает крепкий и прогрессивный фундамент всей европейской идеологии на столетия.

Это отражалось в первую очередь на культурной деятельности общества. Подтверждение данного тезиса можно найти не только в живописи (весомый вклад внес Джотто, который создал «Поцелуй Иуды»), где впервые Иисус и Иуда

Искарот смотрят друг другу в глаза в Гефсиманском саду, и «Видение Иоанна на острове Патмос»), но и в архитектуре. Ярким примером является собор Санта-Мария дель Фьоре во Флоренции. Её строительство началось в 1296 году под руководством Арнольфо ди Камбио, по замыслу которого алтарная часть должна была быть украшена огромным куполом. Однако из-за смерти зодчего строительство затянулось, его завершили только в период раннего Возрождения.

Российская государственность развивалась самостоятельно от Западных стран. Отчетливо данный тезис прослеживается на примере архитектурной эволюции зданий и сооружений, в которых осуществлялось государственное управление. Решение государственных проблем и вопросов в Древней Руси происходило в главных общественных местах как в оборонительных крепостях (в детинцах), так и на площадях рядом с церковью или с храмом.

Народные собрания, или вече, в наиболее известных центрах Древней Руси, такие как Киев, Новгород и Псков, проводилось на площадях возле культовых сооружений. Государственная деятельность и религиозное служение были приравнены между собой, и служба Государева часто осуществлялась в залах главных религиозных зданий. Соборы, церкви и монастыри являлись центром хранения различных документов (судебные решения, княжеские указы) и по своей природе являлись первыми архивами.

Зодчие при возведении Московского княжества Юрием Долгоруком в 1147 году создали специальные места для работы государственных деятелей в палатах каменного дворца, являющегося частью городских укреплений. Наиболее запоминающиеся архитектурные решения правительственных зданий и сооружений являются Грановитая палата в Московском кремле и Владычная палата, расположенная на территории Новгородского детинца.

Одной из вех развития мировой архитектуры стало возведение Санкт-Петербурга. Северную Венецию стали возводить в 1703 году по указу Петра I со строительства церкви Святых апостолов Петра и Павла на территории только что заложеной крепости. Выбор названия собора в честь двух первоверховных апостолов не случаен. Апостол Петр, имя, которое дал ему Иисус Христос, и означающий в переводе с древнегреческого языка «камень» или «скала», имеет одно из центральных мест в «строительстве» христианской веры. Именно Петр первый кто поверил в Божественное посланничество Господа, был свидетелем воскресения дочери Иаира, видел славу Господа на горе Фаворе во время Преображения и остался рядом в Гефсиманском саду перед предательством Иуды. Апостол Петр проявил слабость и трижды отрекся от Иисуса Христа, последовавшее раскаяние было принято. Последнее наставление гласило: «Паси моих овец». После этого Петр стал одним из самых отважных проповедников зарождающегося христианства, за что был канонизирован церковью, а также за совершение миссионерских походов на Запад.

По преданию, конец свой встретил апостол Петр в Риме во времена гонения Нерона в 64г., как и апостол Павел. Петр был распят на перевернутом кресте на арене цирка Нерона, а Павел – обезглавлен.

Информация о том, что апостолы приняли мученическую смерть практически одновременно, подтверждает ученик святого Павла Дионисий Коринфский: «Вы в вашем сообщении соединили питомники, насажденные Петром и Павлом в Риме и в Коринфе. Оба насаждали у нас в Коринфе, одинаково научая нас; одинаково они вместе поучали в Италии и мученически скончались в одно и то же время»⁶.

Судьба апостола Павла не менее трагична. Из гонителя в гонимого. Непризнание христианства молодым Павлом стало выражаться в открытое сопротивление ему, что находило свое подтверждение в главе 13 Библии «Послание к Гала-

5 Нервюры – выступающая прожилка или ребро в каркасном крепостном своде. Чаще всего используется данный прием в архитектуре при возведении зданий и храмовых сооружений в готическом стиле.

6 Дионисий – епископ Коринфа (170–202); автор восьми посланий: 1) к римлянам, 2) лакедемонянам, 3) афинянам, 4) никомидийцам, 5) гносейцам, к еклесиям 6) гортинской и 7) к амасийской, а также 8) к Хрисофору (Хрисофору); послания эти в свое время пользовались большой известностью, однако все они утрачены, и только отрывки из них дошли до нас в передаче Евсевия.

там»[3, С.450]: «Вы слышали о моём прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал её, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моём, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий».

Однако по дороге в Дамаск для расправы с членами новой секты все кардинально поменялось, так как Павел из Тарса услышал голос Иисуса Христа: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь», – (Деян. 9:3-5). После этого будущий апостол стал активно проповедовать и совершать миссионерские походы на Восток, которых за его жизнь было четыре.

Именно трагизм судеб апостолов Петра и Павла является элементом единства веры, одной из вех христианского учения, которая остается актуальной и на сегодняшний день. Нередко иконы апостолов Петра и Павла изображаются вместе: Петр – с «ключами от Рая» в руках, Павел – держащий меч, символизирующий Слово Божье (Еф 6:17).

«Ключи от Рая» и меч показали российскому государю символически, ведь город, носящий имя небесного покровителя, должен стать «ключом от Балтийского моря» и столицей будущей империи.

Несистематичность, хаотичность, отсутствие плана развития территории в дохристианском Риме сменились на четкость, структурированность, единую композицию во всех деталях архитектурного замысла и градостроительного плана Санкт-Петербурга, который с учетом развития способов строительства, общефилософских и религиозных идей, является одним из наследников мировой истории, а также отображающий отличительные черты градостроительной политики Петра Великого как отражение государственности.

С учетом особенностей, которые были созданы зодчими в эпоху Ренессанса, Петр I стал воплощать задуманный идеал. Указом Петра Великого в 1703 году закладывается земляная Петропавловская крепость на Заячьем острове, которая станет центром будущей столицы Российской империи. Изначально летом 1703 года на территории Петропавловской крепости была возведена церковь в честь святых апостолов Петра и Павла, а в 1712-1733 годах – Петропавловский собор под руководством итальянца Доменико Трезини. И подобно собору Святого Петра в Ватикане, являющимся одним из главных религиозных центров европейской цивилизации, вокруг которого стало развиваться политико-правовая и идеологическая мысль, так и Санкт-Петербург стал центром российского государства.

В эпоху правления Петра I стали возводить отдельные правительственные здания, отражающие иерархичность, монументальность, величественность и могущество царской власти.

Неудивительно, что многие архитектурные решения можно найти в итальянском градостроительном искусстве, так как большинство архитекторов, возводивших город, были родом из Италии. Комиссия строений (в последующем – государственный орган проектирования столицы Российской империи) была основана в 1709 г. из военных чинов, техников военного ведомства, и она работала над созданием нормативно-правовой базы, послужившая основой для определения вектора развития Санкт-Петербурга не только в XVII, но в дальнейшей истории градостроительства города.

По мнению автора исследования, стоит обратить внимание на здание Сената и Синода, возведенное в первой половине XIX века итальянским архитектором Карлом Росси. Восприятие как целостностной архитектурной композиции достигается благодаря арочному мосту и завершается скульптурой «Правосудие и благочестие». Над аркой расположены «гении», держащие закон, а на барельефах фронтона изображены «Закон божий», «Закон гражданский» и «Закон естественный», олицетворяющие единство устремлений государственной власти.

Итальянское влияние не ограничивается границами искусства. Именно римская правовая мысль стала основой для создания романо-германской правовой семьи, к которой относится Российская Федерация. Взаимосвязь существования

правовой системы и государственности обусловлена различными факторами, определяющие состояние и исторический тип государства и права.

Рассматривая законодательное полотно в сфере градостроительства различных эпох и государств и символизм, который заложен при возведении того или иного здания и сооружения, можно сделать вывод, что идея самоидентичной государственности отражается в тех нормах, правах, свободах, обязанностях, а главное – идей и мировоззрений, существовавших в определенный исторический период при помощи архитектуры, которая является «молчаливым рассказчиком» при ретроспективном анализе.

Пристатейный библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 4 августа 2023 года) (редакция, действующая с 1 сентября 2023 года) // Российская газета, № 290, 30.12.2004 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (статьи 454-1109) (с изменениями на 24 июля 2023 года) // Российская газета, № 23, 06.02.1996 г.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, Издательский совет РПЦ, М., 2023. 956 с.
4. Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. III. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2018. 780 с.
5. Десять книг об архитектуре / Витрувий; Пер. Ф. А. Петровского. М.: Изд-во «Азбука», 2006. С. 320.
6. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. 1072 с.
7. Кох Вильфрид. Энциклопедия архитектурных стилей. Классический труд по европейскому зодчеству от античности до современности. М.: ЗАО БММ, 2008. 528 с.
8. Римское частное право: И. Б. Новицкий [и др.]; ответственные редакторы И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. М.: Издательство Юрайт, 2023. 607 с.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2010. 753 с.
10. Лотман Ю. М. О семиосфере // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: «Александра», 1992. 479 с.
11. Маркузон В. Ф., Михайлов Б. П. Всеобщая история архитектуры. В 12 томах. Т. 2. Архитектура Античного мира. М.: Стройиздат, 1973. 711 с.
12. Соловьев Н. К. Дизайн исторического интерьера в России: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2023. 272 с.
13. Огюст Шаузи. Всеобщая история архитектуры. От доисторической эпохи до Ренессанса. М.: АСТ, 2022, 1136 с.
14. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М.: Наука, 1975. 183 с.
15. Барт Эрман. Триумф христианства. Как запрещенная религия перевернула мир. М.: Эксмо-Пресс, 2019. 384 с.

ГОМЕНЮК Максим Анатольевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КЛЕМЕНТЬЕВА Дарья Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СКАЧКОВА Маргарита Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАСЕНКО Денис Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕТРОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ВЛАСТИ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ ЭПОХИ КИМ ЧОН УНА: АНАЛИЗ ПЕРЕХОДА ОТ “ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ” К “ПАРТИЙНОЙ ПОЛИТИКЕ”

Данное исследование рассматривает изменения в структуре власти Северной Кореи во время правления Ким Чон Уна, с акцентом на переход от “военной политики” предыдущих лет к усилению роли Трудовой партии Кореи. Анализируются преобразования в отношениях между партией, правительством и армией, а также влияние этих изменений на политическую структуру и идентичность государства. Исследование включает эмпирический анализ с использованием метода сетевого анализа для оценки текущей властной динамики.

Ключевые слова: Ким Чон Ун, Северная Корея, партийная политика, военная политика, структурные преобразования, Трудовая партия Кореи, сетевой анализ, политическая система.

GOMENYUK Maxim Anatoljevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KLEMENTJEVA Darya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SKACHKOVA Margarita Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BASENKO Denis Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VETROVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF POWER IN NORTH KOREA DURING THE KIM JONG UN ERA: AN ANALYSIS OF THE TRANSITION FROM “MILITARY POLICY” TOWARDS ‘PARTY POLITICS’

This study examines the changes in North Korea's power structure during the reign of Kim Jong Un, with an emphasis on the transition from the “military policy” of previous years to the strengthening of the role of the Workers' Party of Korea. The transformations in the relations between the party, the government and the army are analyzed, as well as the impact of these changes on the political structure and identity of the state. The study includes an empirical analysis using the network analysis method to assess current power dynamics.

Keywords: Kim Jong Un, North Korea, party politics, military policy, structural transformations, Labor Party of Korea, network analysis, political system.

Структура власти в Северной Корее пережила значительные преобразования с приходом к власти Ким Чон Уна. Отказ от ‘военной политики’, преобладавшей в эпоху Ким Чен Ира, и сдвиг фокуса в сторону укрепления роли Трудовой партии Кореи представляют собой ключевые моменты этого перехода. Цель настоящего исследования — анализировать, как эти изменения повлияли на политическую систему и общественную жизнь в стране, а также определить, насколько глубоко и последовательно осуществляется переход от ‘военной политики’ к ‘партийной политике’.

Структура власти в Северной Кореи может быть рассмотрена с двух основных точек зрения: системы уникального руководства, известной как Сурёнги, и распределения власти

между партией, правительством и военными (Ким Гынсик, 2002). В качестве единственного правителя Северной Кореи Сурёнги контролирует партию (Трудовую партию Кореи), правительство (Корейская Народно-Демократическая Республика) и армию (Корейская Народная Армия). Со временем система изменилась, и распределение власти между партией, правительством и военными тоже менялось (Бэк Хаксун, 2007). Если во времена Ким Ир Сена акцент делался на партии (‘партийная политика’), то во времена Ким Чен Ира власть перешла к военным (‘военная политика’) (Юн Чин Хён, 2013). В отличие от ожиданий, что Ким Чон Ун усилит ‘военную политику’ своих предшественников, он начал стремиться к созданию образа ‘нормального государства’ —

типичного социалистического государства-партии, с самого начала своего правления.

Ким Чон Ун официально закрепил руководство партии, изменив 19 июня 2013 года '10 основных принципов установления уникальной идеологической системы партии' на '10 основных принципов установления уникальной системы руководства партии'. Особенно после VII съезда партии в 2016 году Ким Чон Ун заменил Комитет национальной обороны, который был двигателем 'военной политики', на Государственный комитет и был провозглашен его председателем, тем самым начав активно претендовать на статус 'партийно-государственного' режима (Ким Габсик, 2014; Ким Чан Хи, 2018; Пак Ёнджа, 2013). После VII съезда партии Ким Чон Ун не только стал председателем Государственного комитета, но и создал и возглавил пост 'Председателя Трудовой партии Кореи', тем самым установив систему управления партией, правительством и армией.

Так работает ли Северная Корея Ким Чон Уна как 'нормальное государство' с партийно-государственной структурой, акцентирующей внимание на партии? На третьем пленуме Центрального комитета Трудовой партии Кореи, состоявшемся 20 апреля 2018 года, было единогласно решено отказаться от 'параллельной политики экономического строительства и строительства ядерных сил' (далее 'ядерно-экономическая параллельная политика'), которая была представительной экономической политикой Ким Чон Уна, и сосредоточиться на экономической политике, тем самым еще больше ослабив силу военных. Выборы в Верховное народное собрание Северной Кореи в марте 2019 года повторно подтвердили намерение Ким Чон Уна 'нормализовать' страну перед внешним миром.

Ким Чон Ун стал первым высшим лидером в истории Северной Кореи, который не выдвигался на выборах в Верховное народное собрание. Таким образом, он продемонстрировал образ 'нормального государства', в котором глава государства, председатель Государственного комитета, не занимает место в парламенте, подтверждая разделение законодательной и исполнительной власти. Однако, несмотря на эти движения в Северной Корее, существуют разногласия относительно того, действительно ли Северная Корея Ким Чон Уна функционирует как 'нормальное государство', акцентирующее внимание на партии, не только формально, но и в содержательном смысле. В течение длительного времени первой экономической линией Ким Чон Уна была 'ядерно-экономическая параллельная политика', и Северная Корея проявляла решительность в вопросах ядерных испытаний и испытаний межконтинентальных баллистических ракет (ICBM). Поэтому существует мнение, что, несмотря на внешние политические шаги Ким Чон Уна, 'военная политика' его предшественников продолжает существовать (Кан Чэ Ён, 2018).

Данное исследование направлено на выяснение того, является ли Северная Корея Ким Чон Уна 'нормальным государством', сфокусированным на партии, или это лишь показуха, и насколько это отражается в действующей структуре власти. Исследование имеет целью компенсировать отсутствие эмпирического анализа в предыдущих работах относительно 'нормализации' Северной Кореи на основе 'партийной политики' Ким Чон Уна [2].

Северная Корея функционировала как 'партийно-государственная' система, определяемая сочетанием партии, правительства и военных (Бэк Хаксун, 2007). 'Партийно-государственная' система — это типичная политическая система

социалистического государства, где партия и государство не совпадают, но и не отделены друг от друга, при этом партия имеет преимущество (Корнаи, 1992). Официальные документы Северной Кореи утверждают превосходство партии над государством и армией. Согласно конституции Северной Кореи, Корейская Народно-Демократическая Республика осуществляет все свои действия под руководством Трудовой партии Кореи (Министерство юстиции, 2018) и является исполнителем политики партии, ограниченным в своей роли (Ким Ир Сен, 2001). Согласно преамбуле устава Трудовой партии Кореи, Корейская Народная Армия также существует как 'армия партии' под руководством партии (Министерство юстиции, 2018).

Хотя трудно утверждать, что партия вертикально доминирует над государством и армией (Ким Габсик, О Кёнсон и др., 2015), Трудовая партия Кореи с 1945 года не только установила политическое лидерство и влияние на государство и армию, но и вмешивалась в политику и кадровые вопросы (Пак Хёнджун, Ли Гёдок и др., 2004) [6].

В эпоху Ким Чен Ира система 'партийно-государственного' режима Северной Кореи начала претерпевать изменения. С 1998 года, после изменения конституции, Комитет национальной обороны был повышен до ранга высшего административного органа государства, что усилило 'военную политику'. Особенно Ким Чен Ир усилил полевое руководство военными и акцент на роли армии в экономическом развитии, в то время как роль ключевых партийных органов, таких как партийный съезд, центральный комитет и политбюро, была уменьшена в пользу Комитета национальной обороны (Ан Кёнмо, 2016). Таким образом, 'военная политика' Ким Чен Ира была не типичной 'партийно-государственной' системой, а скорее системой, где армия доминировала или управляла вместе с партией - 'армия-партия' или 'партия-армия'. В этот период Корейская Народная Армия не только расширила свое политическое влияние, но и играла ключевую роль в экономике, активизировав работу заводов и предприятий во время кризиса (Ким Чэхо, 2000).

Многие исследователи считают, что в эпоху Ким Чон Уна Северная Корея отказалась от 'военной политики' Ким Чен Ира и вернулась к 'партийной политике' времен Ким Ир Сена. Приоритет партии начал проявляться с самого начала правления Ким Чон Уна. В 2012 году, в первый год его правления, Ким Чон Ун объявил в так называемом '4.6 обращении' о необходимости укрепления уникальной системы руководства партии. 19 июня 2013 года он изменил '10 основных принципов установления уникальной идеологической системы партии' на '10 основных принципов установления уникальной системы руководства партии', что можно рассматривать как формализацию лидерства партии (Чон Чонгван, 2017). 'Партийная политика' Ким Чон Уна началась еще до его власти, во время процесса подготовки наследника. Го Юхван (2011) утверждает, что с момента, когда Северная Корея начала рассматривать Ким Чон Уна как потенциального наследника, она усилила руководящую роль партии и отождествила партию с Ким Ир Сенем, что было связано с попыткой связать харизму Ким Ир Сена с Ким Чон Уном и учитывать угрозу, которую чрезмерная мощь армии могла представлять для наследования власти Ким Чон Уном [2].

Однако полномасштабная 'партийно-государственная' форма начала активно реализовываться после VII съезда партии в 2016 году. На VII съезде партии Ким Чон Ун был назначен председателем партии вместо первого секретаря, а после съезда он заменил Комитет национальной обороны,

символизирующий 'военную политику' Ким Чен Ира, на Государственный комитет и был назначен его председателем, усуря тем самым процесс 'нормализации' страны.

Эти изменения в структуре власти вернули Трудовую партию Кореи в центр политической жизни Северной Кореи, отказавшись от политики, опирающейся на харизму лидера, характерной для эпохи Ким Чен Ира, и возвращаясь к системе, основанной на социалистическом политическом устройстве (Ким Габсик, 2014). Особенно создание Государственного комитета, внутренне укрепляющее единство партии и государства, является одновременно шагом к национальной нормализации и поддержкой партии. Функции и роль Государственного комитета схожи с китайским Государственным советом, но ключевые фигуры в комитете состоят из высшего руководства Трудовой партии Кореи (Пак Ёнджа, 2013).

Если в эпоху Ким Ир Сена акцент делался на личности лидера, а во времена Ким Чен Ира – на военных, то после вступления Ким Чон Уна в должность, на первый план вышла партия, что соответствует универсальной модели 'партийно-государственного' режима социалистической системы (Ким Чан Хи, 2018). В эпоху Ким Чон Уна преобладание партии проявляется не только в отношениях с государством, но и в отношениях с армией. Ли Сансук (2018) утверждает, что усиление 'контроля партии' в отношениях между партией и армией привело к тому, что Корейская Народная Армия, в отличие от периода 'военной политики', потеряла свое влияние в политической и экономической сферах, превратившись в профессиональную армию, сосредоточенную на стратегических военных силах с передовыми научными и технологическими достижениями [3].

Может возникнуть вопрос, можно ли считать Северную Корею Ким Чон Уна 'нормальным государством', учитывая его почти диктаторский режим. По Корнаи (Kornai, 1992), в классической социалистической системе руководство партии обладает огромным престижем. В крайних случаях возникает 'культ личности' вокруг высшего лидера, что является общей чертой для стран с классической социалистической системой, таких как советский ленинизм, сталинизм, китайский маоизм, а также Куба, Румыния и Северная Корея. Отличие таких государств от других диктатур заключается в том, что вся власть высшего лидера основана на партии, а не на личности или военных. В этом контексте изменения в Северной Корее Ким Чон Уна, смещающие основу власти с армии на партию, можно рассматривать как приближение к оригинальной форме социалистического государства [5].

Исследования отношений между партией, правительством и армией в эпоху Ким Чон Уна основываются на анализе перестройки властных структур и их толковании, что привело к выводу о возвращении к 'партийной политике', а следовательно, к нормализации государственного строя. Однако до сих пор отсутствуют исследования, включающие эмпирический анализ реализации преобладания партии и её приоритетности в реальной политической динамике. Так как Ким Чон Ун находится у власти уже восьмой год, нельзя утверждать, что недостаток материалов для эмпирического анализа отношений между партией, правительством и армией. Поэтому данное исследование направлено на эмпирическое изучение структуры власти среди элит партии, правительства и армии в эпоху Ким Чон Уна с использованием анализа сетей, чтобы выяснить, действительно ли Северная Корея становится 'партийно-государственным' режимом, ак-

центрирующим внимание на партии, в рамках процесса нормализации государства [7].

Исследование показало, что властная структура в Северной Корее под руководством Ким Чон Уна претерпела значительные изменения, сдвигая акцент с военной элиты на укрепление роли Трудовой партии. Эти преобразования не только отражают стремление к 'нормализации' государства, но и указывают на возможное усиление традиционной социалистической модели управления. Однако для полного понимания этой динамики требуется более глубокий и многоаспектный анализ, включающий как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на политическую систему Северной Кореи.

Пристатейный библиографический список

1. Кан Чхэ Ён. «Переосмысление характеристик экономической системы Северной Кореи: 'Бюрократическая рыночная экономика'» // Журнал Корейского политологического общества. – 2018. – Том 52. № 5. – С. 141-169.
2. Ким Габсик. «Система управления Ким Чон Уна и отношения между партией, правительством и армией» // Корея и международная политика. – 2014. – Том 30. № 1. – С. 29-64.
3. Ким Гынсик. «Изменения в отношениях между партией, правительством и армией в Северной Корее в эпоху Ким Чон Ила: Основные аспекты изменений системы управления» // Журнал Корейского политологического общества. – 2002. – Том 36. № 2. – С. 349-365.
4. Ким Чан Хи. Изменения и значение политической власти в Северной Корее: Отношения между Трудовой партией Кореи и государственными органами // Регион и мир. – 2018. – Том 42. № 1. – С. 75-98.
5. Пак Ёнджа. Управленческие действия и господствующий альянс в эпоху Ким Чон Уна // Исследования обороны. – 2013. – Том 56. № 2. – С. 71-96.
6. Ким Инсу. Разработка индекса приверженности Ким Чон Уну среди элиты Северной Кореи: Изменения в составе персонала, выполняющего местное руководство, после чистки Чан Сон Тхэка // Единство и мир. – Том 9. № 1. – С. 131-161.
7. Ко Юхван. Построение наследства Ким Чон Уна и изменения в лидерстве Северной Кореи: Перемещение власти от армии к партии // Журнал Корейского политологического общества. – 2011. – Том 45. № 5. – С. 175-192.
8. Рю Гильдже. 2001. «Институционализация 'исключительного государства': Тенденции к военизации государства и расширение роли армии», в «Исследования изменений характера государства в Северной Корее: Укрепление 'исключительного государства'», под редакцией Чхве Ван Гю (Сеул: Академия Ханул).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-135-136

ЕГОРОВ Игорь Андреевич

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются проблемы развития средневекового законодательства Псковской вечевой республики в контексте пограничного положения последней и обусловленные этим обстоятельством международно-правовые средства защиты ее юрисдикции в трансграничных отношениях. На основе анализа международных актов средневекового Пскова исследуется его вклад в развитие отечественной практики обеспечения внешнеполитических интересов нашей страны в указанную эпоху.

Ключевые слова: городская республика, трансграничная торговля, правовое регулирование, судная грамота, граница, конфликт, коллизия, международный арбитраж, юрисдикция.

EGOROV Igor Andreevich

junior researcher of the research laboratory "Center for Comprehensive Study of Regional Security Problems" of the Pskov State University

INTERNATIONAL LEGAL MEANS OF ENSURING THE FOREIGN POLICY INTERESTS OF MEDIEVAL PSKOV: HISTORICAL CONDITIONS OF ORIGIN AND DEVELOPMENT

The article discusses the problems of the development of medieval legislation of the Pskov Veche Republic in the context of the border situation of the latter and the international legal means of protecting its jurisdiction in cross-border relations caused by this circumstance. Based on the analysis of international acts of medieval Pskov, his contribution to the development of domestic practice of ensuring the foreign policy interests of our country in this era is investigated.

Keywords: urban republic, cross-border trade, legal regulation, judicial instrument, border, conflict, collision, international arbitration, jurisdiction.

Псковскую судную грамоту без преувеличения можно оценить как, безусловно, качественно новый этап в становлении отечественного законодательства, на который во многом повлияло уникальное пограничное положение средневекового Пскова. Трансграничная активность средневекового Пскова в период его расцвета нашла отражение в содержании правовых актов, создававшихся от имени псковской городской республики в XIV-XV вв.

При этом некоторые новеллы местной юстиции, обусловленные неоднозначностью и сложностью правового регулирования отношений с иностранным элементом, в определенной степени повлияли на правоприменительную практику в процессе централизации русских земель вокруг Москвы [4, с. 52]. Специфическим фактором, в небольшой степени обусловившим повышенное внимание властей средневекового Пскова к совершенствованию международно-правовых процедур, являлась его ключевое положение на северо-западной границе Руси [12, с. 37]. Поэтому вполне закономерным кажется тот общеизвестный факт, что впервые в отечественном законодательстве именно в Псковской судной грамоте были выделены в специальную группу преступления против государственных интересов [8, с. 20].

Одновременно значительное место в ее тексте отведено нормам так называемого частного права, что является наглядной демонстрацией тесной связи экономики средневекового Пскова с внешней торговлей. В этой связи особо обращает на себя внимание такое важное обстоятельство как борьба Псковской городской республики со своими западными соседями за юрисдикцию в сфере правовых отношений, осложненных различными иностранными элементами в виде их объекта, субъекта или юридического факта, которые остаются достаточно актуальными до настоящего времени [6, с. 130]. В определенной степени совершенствование судебного процесса в сочетании с отстаиванием престижа местной юстиции могли быть продиктованы как торговыми, так и другими международными связями псковичей. Данные связи осуществлялись в условиях напряженной и нестабильной

международной обстановки на псковском пограничье, что объективно требовало создания хотя бы минимальных юридических гарантий для поддержания необходимых трансграничных контактов [8, с. 20]. Не случайно одним из постоянных вопросов при выработке интернациональных «конвенций» города-государства являлось отстаивание права его граждан на беспрепятственное использование сухопутных и водных торговых маршрутов [9, с. 80].

Безусловно, наиболее значительным иностранным партнером Пскова в области торговли в рассматриваемый период следует считать Ганзейский союз – влиятельнейшее объединение немецких торговых городов в бассейне Балтийского и Северного морей, во главе с такими крупными самоуправляющимися центрами как Любек и Гамбург [10, с. 93]. Исходной базой продвижения немецкого купечества на Балтийском море являлся город Любек, один из важнейших перевалочных пунктов и политический арбитр их объединения, а также организатор важнейших ганзейских съездов в данном регионе [2, с. 4].

По-своему налаженные трансграничные связи средневекового Пскова с прибрежными землями Балтики практически никогда надолго не прерывались, но находились обычно в состоянии большего или меньшего напряжения, что исторически всегда было характерно для данного региона [5, с. 93]. Такая двойственность обуславливалась сочетанием разнонаправленных векторов развития региональной политической ситуации: во-первых, обоюдной заинтересованностью Пскова и ганзейских центров в Ливонии в сохранении стабильного торгового оборота, во-вторых – перманентной пограничной войной между ним же и Ливонским орденом, не прекращавшим свой военный нажим в направлении псковского пограничья [7, с. 84].

Одновременно ганзейское купечество пыталось продвигать собственные экономические интересы на северо-западе Руси, используя по возможности военную поддержку того же Ливонского ордена, что держало Псковскую вечевую республику в состоянии постоянного мобилизационного на-

пряжения, которое отпечатывалась на всех сторонах жизни средневекового Пскова, получив определенное отражение и в его законодательстве.

Псковские власти в отстаивании интересов вечевой республики старались играть на противоречиях между субъектами Ливонской конфедерации в зависимости от степени их вовлеченности в правовую и коммерческую сеть Ганзейского союза. Проверенными способами для этого служили политические переговоры или судебные процедуры. Когда, например, в 1407 г. во время очередного русско-ганзейского обострения Дерпт (бывший Юрьев, современный Тарту), ходатайствовал перед магистратом Ревеля (Таллина) о задержании прибывавших там псковских купцов, представители последнего ответили отказом, что обеспечило гостям из Пскова сравнительно безопасный сезон трансграничной торговли [11, с. 13].

Известны случаи, когда делегаты от Пскова непосредственно находились на съездах ганзейских городов в Ливонии. Такой случай имел место, например, в 1402 г. в уже упоминавшемся Дерпте, где псковская делегация предъявила свои претензии относительно ганзейской политики. Иногда Псков сам являлся организатором, посредником или хозяином подобных встреч. Благодаря его арбитражу в 1391-92 г. в псковской пограничной крепости Изборск между ганзейской делегацией во главе с ратманом Любека Иоганном Нибуром и послами Новгорода был заключен известный Нибуров мир, завершивший семилетнюю вражду между сторонами [13, с. 78].

Тем не менее, регулярно вспыхивавшие на границе трения зачастую не получалось урегулировать с помощью дипломатических переговоров, что приводило к многочисленным вооруженным столкновениям. Зачастую поводом к ним являлись эксцессы в отношении частных лиц – такие как арест в Риге в 1478 г. псковских купцов с последующим их освобождением после направления специальной дипломатической миссии к ливонскому магистру. В итоге Пскову удалось добиться личного освобождения своих людей. Однако немцы уклонились от покрытия причиненных им убытков и отказались вернуть отобранные ранее товары. В условиях постоянного трансграничного общения подобные случаи подчинялись логике, основанной на принципе, который в современном международном праве называется взаимностью. В псковской летописи за следующий год упоминается, что «ходиша псковичи мстить в Немецкую землю, и приведоша немец во Псков и полона много добыща» [14, с. 76].

В условиях неустойчивой обстановки коммерческий оборот в районе северо-западного пограничья осложнялся также проблемами юридического свойства. В их основе лежало соперничество между сопредельными правовыми системами, так как и Псков и его соседи последовательно пытались распространить собственное право на разрешение судебных дел с иностранным элементом. Для вечевой республики эта борьба носила принципиальный характер.

Одновременно выработывался прообраз двусторонних коллизионных норм о выборе юрисдикции при решении судебных тяжб с участием иностранцев. Представляется, что более легко такие нормы согласовывались в отношении псковско-литовского пограничья [1, с. 8]. Во всяком случае, в 1440 г. соглашением между Великим княжеством Литовским и Псковской вечевой республикой было закреплено общее правило, согласно которому дела их подданных должны были рассматриваться на основе права в зависимости от места суда.

Международная переписка средневекового Пскова демонстрирует, насколько противоречивы и сложны были его трансграничные связи [3]. В результате наряду со спорами о компетенции и выборе применимого права отдельную проблему представлял так называемый юридический партикуляризм. Корпоративный характер средневекового права и параллельное функционирование на одной территории различных правовых подсистем способствовали возникновению запутанных интерлокальных и интерперсональных коллизий, которые заметно усложняли упорядочение и без того сложных трансграничных отношений. Насколько мы можем

судить по достаточно активной переписке между Псковом и Новгородом с их контрагентами в Прибалтике, разграничение подсудности в делах с иностранным элементом обычно определялось их должностными лицами в зависимости от места нанесения вреда или возникновения обязательства по сделке. Попытки перехватить юрисдикцию в отношении судебных дел с иностранным элементом расценивались в средневековом Пскове весьма негативно и получали постоянный отпор со стороны вечевой республики.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев С. В. Псковская судная грамота и I Литовский статут: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. – М.: Квадрига, 2011. – 128 с.
2. Ганзейские документы по истории Новгорода и Пскова, 1392-1409 гг. / Сост., подг., предисл. и коммент. П. В. Лукина, С. В. Полехова, Е. Р. Сквайрс. – М.; СПб.: Нестор-История, 2021. – 264 с.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 407 с.
4. Егоров А. Господи, какой большой город! Точно Париж! // Родина. – 2012. – № 2. – С. 51-54.
5. Егоров А. На ближнем пограничье // Родина. – 2008. – № 7. – С. 93-96.
6. Егоров А. Претензий не заявлено // Родина. – 2014. – № 11. – С. 130.
7. Егоров А. М. Иррегулярные формирования в истории правоохранительной деятельности // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 84-88.
8. Егоров А. М. Правовые акты средневекового Пскова как источник по истории международных отношений XIV-XV вв. // Актуальные проблемы крыніцазнаўства айчынай гісторыі: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка - Полоцко-Віцебская старіна, Віцебск, 06–07 октября 2011 года. – Віцебск: Віцебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2011. – С. 20-23.
9. Егоров А. М. Средневековая юстиция и иностранцы на северо-западе Руси // Родина. – 2003. – № 12. – С. 80.
10. Егоров А. М. Соперничество членов Ганзейского союза за лидерство в трансграничной торговле на Балтийском море в эпоху средневековья // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 4 (131). – С. 93-94.
11. Егоров А. М. Трансграничные аспекты политико-правового развития городской республики средневекового Пскова // История государства и права. – 2013. – № 1. – С. 12-14.
12. Егоров А. М., Егоров И. А. Династические конфликты и их влияние на внешнюю политику средневековой Руси в эпоху Александра Невского // От Александра Невского до наших дней: уроки истории: Материалы VIII международных Александро-Невских чтений, Псков, 08–09 июня 2017 года / Псковский государственный университет. – Псков: Псковский государственный университет, 2017. – С. 35-41.
13. Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. – Л.: Изд-во «Наука», 1975. – 359 с.
14. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1.). – М., 2003. – 148 с.

РЯБОВ Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА ДОНУ: ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Статья предлагает авторский взгляд на предпосылки и условия возникновения дворянского землевладения, как новой формы частной собственности в среде донского казачества. Включение Земли войска Донского в правовое пространство Российской империи, особый статус военно-служилого сословия и привилегии донских казаков, умелая эксплуатация труда невоинского сословия позволили наиболее видным войсковым чиновникам и богатым казакам обрести потомственное дворянство, уравнивающее их в правах с дворянством российским.

Ключевые слова: землевладение, дворянство, история, донское казачество, частная собственность.

RYABOV Sergey Ivanovich

Ph.D. in historical sciences, professor of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

NOBLE LAND OWNERSHIP ON THE DON: PREREQUISITES AND CONDITIONS OF OCCURRENCE

The article offers the author's view on the prerequisites and conditions for the emergence of noble land ownership as a new form of private property among the Don Cossacks. The inclusion of the Land of the Don army into the legal space of the Russian Empire, the special status of the military service class and the privileges of the Don Cossacks, the skillful exploitation of the labor of the non-military class allowed the most prominent military officials and rich Cossacks to acquire hereditary nobility, equalizing their rights with the Russian nobility.

Keywords: land ownership, nobility, history, Don Cossacks, private property.

Рябов С. И.

Дворянскому землевладению на Дону исследователями уделено неоправданно и незаслуженно мало внимания. Из дореволюционной историографии можно выделить труды В. Н. Ветчинкина, Е. П. Савельева, А. М. Савелова, из советской и современной – А. П. Пронштейна и Н. С. Коршикова [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9]. При этом основной акцент указанными авторами сделан на дворянском землевладении в его уже зрелой форме. Анализ предпосылок и условий возникновения дворянского землевладения, влияние войсковых властей и царского правительства на его становление и эволюцию, особенности формирования дворянства из казаков, правовые основания этого процесса практически остались вне поля зрения учёных.

Как известно, Донская земля, как часть Дикого поля, на протяжении XVI-XVII веков, как общее владение, принадлежала её жителям – донским казакам. Все вопросы, связанные с отводом земли под строительство новых городков, переселением уже существующих городков и станиц на другие места, спорные поземельные вопросы рассматривались войсковыми властями самостоятельно, а всякие попытки царского правительства вмешаться в их решение встречали жесткий отпор.

В начале XVII века в знак благодарности за поддержку казаками на Земском Соборе в 1613 году кандидатуры Михаила Романова новое царское правительство признало донское казачество в качестве особого военно-служилого сословия, имеющего определенные права и привилегии.

К концу XVII века практически завершился процесс превращения донского казачества в замкнутое сословие, доступ в среду которого крестьян, ремесленников, торговцев был значительно затруднен. Во многом это стало следствием роста численности самого казачества в результате естественного прироста, а также резкого сокращения убыли казаков из-за частых «походов за зипунами» и «ссор», т.е. вооруженной борьбы с турками и татарами. Как известно, в 1681 году Рос-

сия заключила мир с Турцией, а казачество получило строгий запрет вторгаться в турецкие и крымские земли. Такое решение царского правительства серьезно подорвало экономический уклад казачества, ведь с первых лет существования казачьих общин на Дону одним из важнейших источников дохода как верховых, так и низовых казаков был «воинский промысел». Частые набеги небольших казачьих отрядов в Крым, под Азов, тем более многотысячных походных войск, сопровождались получением богатой добычи, реализация которой позволяла казакам покупать у торговых людей продовольствие, одежду, обувь и иные товары, а атаманско-старшинской верхушке, как организатору этих походов, увеличивать свое благосостояние и влияние в Войске. По сути, сложившийся в XVII веке хозяйственный уклад казачества, был присваивающим.

Ростки хлебопашества и скотоводства проявились на Дону в начале второй половины XVII века, однако систематическое занятие этими видами сельскохозяйственной деятельности как казаков, так и «новопришлых» людей, в основном великорусских крестьян из южных уездов страны, относится к концу этого столетия [10].

На первых порах, во многом следуя указаниям царского правительства, войсковые власти под страхом смертной казни запрещали жителям Дона заниматься земледелием и скотоводством, однако быстро поняли выгоды перехода к производящему типу хозяйства. Обладая властными полномочиями и рядом привилегий, имея значительные финансовые ресурсы, контролируя колонизационные потоки и перенаправляя их в свою пользу, атаманско-старшинская верхушка стала активно захватывать земли вблизи городков. Вскоре эти земли были распаханы, что вынудило казачество осваивать новые обширные степные пространства. В короткий срок по Дону, Хопру, Медведице, Северскому Донцу появились сотни принадлежавших атаманско-старшинской верхушке небольших поселений, некоторые из них впоследствии стали крупными

слободами. Часть была основана рядовыми казаками с разрешения станичных властей, они же и стали первыми жителями, другие – войсковыми, станичными атаманами, старшиной, богатыми казаками; жителями этих поселений стали преимущественно крестьяне-малороссы.

После овладения Азовом в 1696 году и выходом России к Азовскому морю Донская земля стала частью Российского государства, а её верховным собственником – монарх, который передавал землю «на вечные времена» Войску Донскому. Так началось вхождение Донской земли в правовое пространство будущей Российской империи.

Полученную таким образом землю войсковые власти самостоятельно делили на две части: большую передавали в пользование станиц, меньшую оставляли в войсковом запасе; никакой частной земельной собственности не было. Захватив большие участки как войсковой, так и станичной земли, эксплуатируя зависимых крестьян, донские чиновники из казаков тем не менее не стали дворянами: принадлежность их к дворянскому сословию мог обеспечить только монарх.

Жестокое подавление Булавинского восстания в 1708–1709 гг., показательная казнь некоторых представителей атаманско-старшинской верхушки, уничтожение десятков городков и запрет правительства на их восстановление, строгий контроль за Войском со стороны азовского губернатора, лишение Войскового Круга права состоятельно избирать войскового атамана стали катализатором социального размежевания казачества, формирования внутри него довольно обособленных социальных групп. Одной из них и стало донское чиновничество, которое используя делегированные, а то и узурпированные полномочия, взяло курс на свертывание оставшихся казачьих вольностей в обмен на благоволение монаршей власти. Цель была очевидна – получить права и привилегии российского дворянства. На первый взгляд, она была недостижима, но Указ Петра I от 24 января 1722 года, утвердивший порядок государственной службы «Табель о рангах», дал этим чиновникам уникальный шанс, ведь основным условием получения личного или потомственного дворянства для представителей различных категорий населения Российской империи стала обязательная государственная служба – военная, гражданская, придворная.

Активное участие казачьих формирований в многочисленных войнах, которые стало вести российское правительство в XVIII веке, подвиги походных атаманов и их помощников прославили донское казачество в целом и его руководителей в частности. Войсковые власти в лице наказных атаманов Василия Фролова, Даниила Ефремова, старшин Ивана Краснощекова, Тимофея Грекова, Осипа Поздеева и других, имея обширные земельные владения, полученные как в результате самозахвата, так и с разрешения Войскового Круга, в ходе реализации царского Указа от 11 марта 1763 года добились права владеть «приписными» крестьянами. При этом переходы крестьян от одного владельца к другому были запрещены, хотя на практике, по крайней мере во второй половине XVIII века, этот запрет часто нарушался.

Казалось бы, основные условия, критерии принадлежности к дворянскому сословию у донских чиновников имелись. Однако юридически земля оставалась в собственности Войска, да и «приписные» крестьяне довольно часто меняли своих владельцев. Осознав, что получить дворянский титул можно только по решению монарха, умело воспользовавшись громкой славой (как известно, донские казаки отличились и в ходе Семилетней войны), некоторые видные старшины, став обладателями патентов на офицерские чины, принялись ходатайствовать о закреплении в собственности уже имеющейся у них земли. Особенно преуспели в этом отношении войсковой старшина Сидор Себряков и его сын Михаил Себряков.

По высочайшему указу императора Петра III в 1762 году Михаил Себряков получил в «вечное потомственное владение» Кобылянский юрт – более 40 тысяч десятин плодородной земли и сенокосных угодий. Так Михаил Сидорович Себряков и его дети стали потомственными дворянами.

Несколько ранее обладателями дворянского титула стали бригадиры Иван Фролов и Иван Краснощеков, а не-

многим позднее и другие обладатели патента на армейские офицерские чины. Однако вплоть до конца XVIII века только небольшая часть донских чиновников обрели потомственное дворянство. Это были войсковые наказные атаманы и их дети, командиры походных войск, видные войсковые старшины. Стремление укрепить позицию казачьей верхушки и через её организационные и финансовые возможности расширить собственное влияние на Дону, обеспечить спокойствие и стабильность в Войске Донском (ещё были памяты события крестьянской войны под предводительством донского казака Е. И. Пугачева, восстание 1792-1794 гг.), в большей степени включили Войско Донское в правовое пространство Российской империи привели к появлению уже основополагающих для становления дворянского землевладения на Дону нормативно-правовых актов. В частности, 12 декабря 1796 года Павел I именным указом закрепил за владельцами земли в вечной собственности живущих на ней крестьян, а также дал право этим владельцам проводить сыск беглых крестьян [11].

Именной указ от 22 сентября 1798 года «О уравниении чинов войска Донского с регулярными войсками» гласил, «Взирая всегда с удовольствием на ревность и службу войска Донского, в знак признательности и благоволения Нашего к оному, для уравниения чиновников, в оном служащих, повелеваем признавать их чинами по следующей табели о рангах, сохраняя им по службе прежнее их название в войске Донском: войсковых старшин майорами, есаулов ротмистрами, сотников поручиками, хорунжих корнетами» [12].

Так, кардинальные изменения в хозяйственном укладе казачества, массовый приток крестьян с их сельскохозяйственным опытом, владение атаманами, старшинами и богатыми казаками захваченными войсковыми и станичными землями, эксплуатация лиц не казачьего происхождения послужили основными предпосылками для появления новой формы землевладения, основанной на частном праве, а включение Донской земли в правовое пространство Российской империи, государственная, преимущественно военная служба казачества стали главными условиями для получения донскими чиновниками прав и привилегий российского дворянства.

Пристатейный библиографический список

1. Ветчинкин В. Н. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания. - Новочеркасск, 1874.
2. Савелов Л. М. Донские дворянские роды: Вып. I. - М., 1902.
3. Савелов Л. М. Донское дворянство: Вып. II. - М., 1914.
4. Савельев Е. П. Белое рабство на Дону: к пятидесятой годовщине освобождения донских крестьян. - Новочеркасск, 1911.
5. Пронштейн А. П. Земля донская в XVIII веке. - Ростов-н/Д, 1961.
6. Коршиков Н. С. Дворянское землевладение на Дону. - Ростов н/Д, 1997.
7. Коршиков Н. С. Земля и воля: Реформирование землепользования на Дону в первой половине XIX века. - Ростов-н/Д, 1994.
8. Земля в судьбах донского казака: собрание историко-правовых актов 1704-1919 гг. / Сост. Н. Коршиков. - Ростов-н/Д, 1998.
9. Коршиков Н. С. Дворяне и графы Платовы. - Ростов-н/Д, 2004.
10. Рябов С. И. Донская земля в XVII веке. - Волгоград, 1993.
11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 24. - СПб., 1830. - № 17. - 638 с.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 25. - СПб., 1830. - № 18. - 673 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-139-141

ТОВСУЛТАНОВ Рустам Алхазурович

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, г. Грозный

ТОВСУЛТАНОВА Малика Шариповна

старший преподаватель кафедры иностранных языков Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный

ГАЛИМОВА Лилия Надиповна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры СГН-1 «История» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)

ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ РЯДА РЕГИОНОВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Актуальность научной статьи обусловлена тем, что, начиная с распада СССР, в некоторых республиках, входящих в его состав, начинается процесс отделения некоторых территорий и *de facto* их непризнание международным сообществом на протяжении нескольких десятилетий. Проведено исследование, позволяющее проследить все специфические особенности, приведшие, после распада СССР, к образованию квазигосударств (образование которых было вызвано непродуманной политикой как Российской империи, так и большевистской России), охарактеризованы отличительные черты государствообразующих территорий от признанных государств. Констатируется, что в каждом отдельном случае необходимо анализировать все обстоятельства признания (не)зависимости ряда территории постсоветского пространства, с учетом именно норм международного права.

Ключевые слова: квазигосударство, постсоветское пространство, распад СССР, признание государства, ООН, международное право.

TOVSULTANOV Rustam Alkhazurovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Modern and contemporary history sub-faculty of the A. A. Kadyrov Chechen State University, Grozny

TOVSULTANOVA Malika Sharipovna

senior lecturer of Foreign languages of the Chechen state pedagogical university, Grozny

GALIMOVA Liliya Nadipovna

Ph.D. in historical sciences, professor of SGBN-1 «History» of the N. E. Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

PROBLEMS OF INDEPENDENCE OF A NUMBER OF REGIONS OF THE POST-SOVIET SPACE

The relevance of the scientific article is due to the fact that, starting with the collapse of the USSR, in some republics that are part of it, the process of separation of some territories and *de facto* their non-recognition by the international community for several decades begins. A study was carried out to trace all the specific features that led, after the collapse of the USSR, to the formation of quasi-states (the formation of which was caused by the ill-conceived policies of both the Russian Empire and Bolshevik Russia), and the distinctive features of state-forming territories from recognized states were characterized. It is stated that in each individual case it is necessary to analyze all the circumstances of recognition of the (in)dependence of a number of territories of the post-Soviet space, taking into account the norms of international law.

Keywords: quasi-state, post-Soviet space, collapse of the USSR, recognition of the state, UN, international law.

Глава российского государства В. В. Путин отметил, что распад СССР является «крупнейшей геополитической катастрофой XX века»¹.

1 Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html> (дата обращения: 26.12.2023).

В 1991 г. было подписано Беловежское соглашение, на основании которого СССР прекратило свое существование². Из-за чего республики, входящие в его состав, одна за другой провозгласили свой суверенитет. Незадолго до этих событий заявили о своей независимости и Прибалтийские республики, а 6 сентября 1991 г. СССР признал независимость Латвии,

2 Соглашение о создании СНГ («Беловежское соглашение») // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20161208/1482953736.html> (дата обращения: 26.12.2023).

Товсултанов Р. А.

Товсултанова М. Ш.

Галимова Л. Н.

Литвы и Эстонии³. Отделение этих республик от СССР в не-малой степени было обусловлено решением Верховного Совета СССР, принявшего Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»⁴, указывающий на проведение референдума минимум через шесть месяцев и не позднее девяти месяцев, когда официальные органы власти примут решение о провозглашении суверенитета. Также имел место переходный период, составляющий пять лет после официального заявления о выходе из состава для урегулирования всех правоотношений между Республикой и СССР.

Однако все меры, отраженные в законе от 3 апреля 1990 г., так и не были воплощены в жизнь после событий августа 1991 г., а затем и принятия Соглашения от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» в которой подчеркнуто, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитической реальности прекращает свое существование»⁵.

Непосредственно обращая внимание на проблемы независимости ряда регионов постсоветского пространства, следует выделить следующие регионы:

- Южная Осетия – Осетия как единая территория вошла в состав Российской империи в 1774 г. на основании подписания между Россией и Османской империей Кючук-Кайнарджийского мирного договора, а Грузия в 1801 г., в результате, было произведено административно-территориальное деление, в ходе которого, Южная Осетия была включена в состав Тифлисской и Кутаисской губерний. На подобный подход, в значительной мере, повлияло отсутствие, в зимний период времени, каких-либо коммуникаций по управлению Южной Осетией из Владикавказа, что негативно сказалось на осетинском народе.

После Октябрьской революции 1917 г., в марте 1918 г. вся Осетия вошла в состав РСФСР, а затем, на основании подписания с РСФСР Договора о невмешательстве от 7 мая 1920 г., Южная была передана Грузии⁶. Именно это в не-малой степени повлияло на появление геноцида среди осетинского народа [11, с. 75-80]. 26 апреля 1922 г., Южная Осетия получить статус автономной области, но не в составе РСФСР, а ГССР. Между тем, Северная Осетия в 1924 г. стала автономной областью, а в 1936 г., стала автономной республикой в составе РСФСР.

Незадолго до распада СССР, Грузинская ССР в нарушении норм Конституции СССР и международных договоров начала проводить дискриминационную политику по отношению как к осетинам, так и абхазам (о них укажем ниже), которая продолжалась с переходом и к вооруженным противостояниям (в январе 1992 г. в Южной Осетии прошел референдум, результаты которого свидетельствуют о воссоединении ее с Северной Осетией, находясь в составе не Грузии, а России. 29 мая 1992 г. Верховный Совет Южной Осетии принял Акт о государственной независимости [4, с. 117-124]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

А по заключению Дагомысского российско-грузинского соглашения о «замораживании» конфликта в Южной Осетии, прекращалось вооруженное противостояние Грузии с Южной Осетией⁷) до 2008 г. [5, с. 15].

3 Признание независимости Эстонии, Латвии и Литвы (1991) // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160906/1476123275.html> (дата обращения: 26.12.2023).

4 Закон СССР от 03 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. - 1990. - № 15. - Ст. 252.

5 Соглашение от 08 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1991. - № 51. - Ст. 1798.

6 Абхазия и Южная Осетия: будущее отношений с Грузией // МГИМО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/129314/> (дата обращения: 26.12.2023).

7 Соглашение о принципах урегулирования Грузинско-Осетинского конфликта (Дагомысское соглашение от 24 июня 1992 г.) // Информационно-аналитический портал Грузия Online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.apsny.ge/notes/1127333974.php> (дата обращения: 26.12.2023).

- Абхазия – в начале XIX в. Келешбей решил уйти от протектората Османской империи в подданство России. В 1806 г. было составлено прошение со стороны Абхазии к Александру I, но он медлил с ответом, а в период русско-турецкой войны 1806-1812 гг., вновь было обращение в 1808 г. к Александру I, который он утвердил 17 февраля 1810 г., признав, что Российская империя включает Абхазию под свое покровительство [8, с. 5-7].

В мае 1812 г. был заключен Бухарестский мир, по которому России переходила Абхазия и Мегрелия [12, с. 9].

31 марта 1921 г. была образована Социалистическая Советская Республика Абхазия (ССР Абхазия), со всей символической и атрибутикой, однако в 1931 г., она вошла в состав Грузии на основе автономной республики [2, с. 26]. С 1989 по 1991 гг., Верховный Совет Грузии в одностороннем порядке начал принимать ряд нормативных правовых актов, направленных на признание нелегитимными государственно-правовые акты, принятые Абхазией. В силу чего, Верховный Совет Абхазии объявил о том, что принимает Декларацию о государственном суверенитете, которая была принята 25 августа 1990 г. Именно это обстоятельство повлияло на вооруженное противостояние с Грузией. Затем, при посредничестве России, был прекращен военный конфликт, а на линии разграничения были сосредоточены миротворческие силы, которые выполняли свою главную роль до 2008 г. [12, с. 9-11; 5].

- Приднестровье – в конце XVIII в. Приднестровье входит в состав Российской империи, до Октябрьской революции 1917 г. она входила в Новороссийскую (затем Херсонской) и Подольскую губернии. В 1924 г. была провозглашена Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика, в 1940 г. в ее состав войдет бывшая территория Румынии – Бессарабия, эти две объединенные территории под наименованием Молдавия, просуществовуют в единстве до распада СССР, затем произойдет распад из-за ксенофобии и вооруженного противостояния, завершением которого и по настоящее время служит наличие российских миротворческих сил [10, с. 389-393; 13, с. 3-9].

- Нагорный Карабах – историческое название – Арцах, являющаяся территорией Азербайджана, ставшей в силу мнения И. В. Сталина, так как 4 июля 1921г., Кавказское Бюро Коммунистической партии России провело пленарное заседание в столице Грузии и определила, что Нагорный Карабах относится к Армянской ССР. Однако И. В. Сталин был отличительного мнения, с учетом этого, решение Кавказского Бюро было кардинально пересмотрено и 5 июля 1921 г. было официально провозглашено, что эта часть территории должна относиться Азербайджану [9, с. 51-56], приведшего затем, с одной стороны, к ликвидации Азербайджаном, при распаде СССР, автономного статуса Карабаха, а с иной стороны, Карабах провозгласил суверенитет [1]. После распада СССР стали учащаться случаи неоднократных вооруженных противостояний.

Впоследствии, 28 сентября 2023 г. президентом непризнанной Нагорно-Карабахской республики был подписан указ о прекращении с 1 января 2024 года существования данной республики, так как юридически она должна войти в состав Азербайджанской Республики⁸.

Но международное сообщество выработало применимо к этим территориальным пространствам принцип нерушимости государств, не предусматривающий право на самоопределение. В силу чего появились государственные образования, не признанные на международном уровне. Данное явление повлекло политическую нестабильность в постсоветском пространстве, а также нарушение прав лиц, выступавших за признание суверенитета своих территорий. Имели место и вооруженные противостояния Республик с государствообразующими территориями, где миротворцем выступала Россия. Подобные обстоятельства указывают на то, что события в этих регионах по сегодняшний день напрямую затрагивают российские интересы.

8 История Карабаха // ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/18861349> (дата обращения: 26.12.2023).

При этом следует отметить, что во всех случаях речь идет о странах с пониженной правовой, политической и т.п. дееспособности. В силу чего в ходе распада какой-либо страны могут возникать государственные образования, которые в последующем, в соответствии с нормами международного права, признаются суверенными.

Одним из подобных примеров выступают страны, относящиеся до этого к колониальным. Применимо к появлению подобных стран на постсоветском пространстве как нами было сказано выше, причастен распад СССР [7, с. 21].

При этом, обращая внимание на международное право и, в том числе, на Устав ООН, можем констатировать, что его нормы не содержат в себе какие-то особые положения о признании стран мировым сообществом, но и не отражает, что признанные страны должны являться таковыми во всех существующих государствах, входящих в ООН⁹.

Данные обстоятельства свидетельствуют о размытой процедуре признания квазигосударств [3, с. 14]. Причем, следует сказать, что квазигосударства обладают половинчатым суверенитетом – это вызвано тем, что с одной стороны, присутствуют официальные органы власти, которые регулируют различные общественные отношения, носящие императивный характер для лиц, находящихся и проживающих на этой территории, а с иной стороны, территория несостоятельна, так как *de jure* (по международным правовым актам) находится в составе государства-носителя, что лишает квазигосударства возможности свободно развиваться на межгосударственном уровне и (не)заключать те или иные договоры, а также обладать всеми теми качествами, которые есть у признанных государств [3, с. 7-8].

При этом, следует отметить, что на территории постсоветского пространства появлялись и новые непризнанные государствообразования, примером может служить Украинский политический кризис 2013–2014 г., который привел к вхождению, на основе проведенного референдума, Крыма в состав Российской Федерации, Донецкая и Луганская области провозгласили свой суверенитет от Киева, объявив себя республиками.

В результате до референдума 2022 г., независимость ЛНР и ДНР признана Республикой Южная Осетия, указ об этом 27 июня 2014 г. подписал Президент Леонид Тибилов¹⁰, а 21 февраля 2022 г. они признаны и Российской Федерацией¹¹. В настоящее время с учетом проведенного референдума 27 сентября 2022 г. в ЛНР и ДНР, а также Херсонской и Запорожской области они официально вошли в состав Российской Федерации¹².

Таким образом, можем сказать, что проблемы независимости ряда территорий постсоветского пространства вызваны тем, что на международном уровне по отношению к ним, преобладает международный принцип нерушимости государства, а не право на самоопределение. Однако, как показало наше исследование, подобная проблема территориальных образований, вызвана проводимой до этого политикой государства. После распада СССР обострились межэтнические противостояния признанных Республик и административно-территориальных образований, вошедших в состав первых в период СССР.

Поэтому в каждом отдельном случае необходимо анализировать все обстоятельства признания (не)зависимости ряда территории постсоветского пространства, с учетом именно норм международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев Н. Нагорный Карабах: сепаратизм и легитимность выборов // Центральная Азия и Кавказ. - 2005. - № 5 (41). - С. 128-134.
 2. Анчабадзе Ю. Д. Из истории развития энциклопедистики в Республике Абхазия // Современная российская региональная энциклопедистика: место и роль в обществе, перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Уфа: Башкирская энциклопедия, 2019. - С. 25-30.
 3. Бердегулова Л. А. Квазигосударства на постсоветском пространстве: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Владимир, 2007. - 22 с.
 4. Гатикоева Н. П. Преодоление культурной травмы и формирование государственной идентичности республики Южная Осетия // Здоровье как социокультурный феномен: материалы 1-ой электронной международной научной конференции. - Казань: Казанский государственный университет культуры и искусств, 2011. - С. 127-124.
 5. Качмазова И. Р. Перспективы будущего развития республики Южная Осетия: независимость или вхождение в РФ? // Вестник Владикавказского научного центра. - 2013. - Т. 13. № 2. - С. 15-18.
 6. Квачева П. И., Петрова С. В. Политико-правовой статус непризнанного государства в современном мире: историко-правовой аспект (на примере Республики Абхазия) // Вестник Пермского университета. Юридические науки (Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki). - 2017. - № 35. - С. 56-65.
 7. Литвиненко В. Т. Политические процессы становления государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в контексте обеспечения безопасности граждан России, проживающих в этих республиках: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. - Ростов-н/Д., 2010. - 55 с.
 8. Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков светлейшего князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии. - Верден, 1913. - С. 5-7.
 9. Нуриева И. Т. Нагорный Карабах - исконно азербайджанская территория // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. - 2016. - № 57. - С. 51-56.
 10. Решетникова В. А., Бадюл Е. А. Приднестровье: история зарождения и существования непризнанного государства // Молодой ученый. - 2016. - № 23 (127). - С. 389-393.
 11. Тадтаев Т. В. Южная Осетия в 1920 году (часть II) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. - 2016. - № 2. - С. 75-80.
 12. Шамба С. М. Россия - Абхазия: история и современность // Вестник МГИМО университета. - 2010. - № 3 (12). - С. 9-13.
 13. Шевчук Н. В. Миротворчество в Приднестровье: невыученные уроки: аналитическая записка. - М.: Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам», 2020. - 10 с.
- 9 Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7-33.
- 10 Южная Осетия признала независимость самопровозглашенной ДНР // РИА Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20140627/1013865917.html> (дата обращения: 26.12.2023).
- 11 Указ Президента РФ от 21 февраля 2022 г. № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 9 (часть I). - Ст. 1297; Указ Президента РФ от 21 февраля 2022 г. № 72 «О признании Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - № 9 (часть I). - Ст. 1298.
- 12 Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167?from=copy> (дата обращения: 18.12.2023).

АЛИЕВА Халиса Тельмановна

магистрант 2 года, очной формы обучения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ДИБИРОВ Магомед Тагирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ

Научная статья обсуждает современные проблемы правового регулирования деятельности СМИ во время избирательных процессов в Российской Федерации. СМИ играют важную роль в информационном пространстве, особенно в периоды выборов, где доступ к объективной и достоверной информации является ключевым фактором для обеспечения свободных и справедливых выборов. В статье рассматриваются три основные проблемы: ограничение свободы слова и цензура, неравноправие доступа к медийным ресурсам, и недостаточный контроль за достоверностью информации. Обсуждаются основные аспекты законодательства, касающегося работы СМИ в период выборов, а также предлагаются возможные решения этих проблем. Авторы статьи предлагают усиление механизмов контроля за соблюдением свободы слова и независимости СМИ, разработку четких критериев распределения медийного времени между кандидатами и создание специальных органов для борьбы с дезинформацией.

Ключевые слова: свобода слова, цензура, медийные ресурсы, достоверность информации, законодательство, избирательные процессы, Российская Федерация.

ALIEVA Khalisat Telmanovna

magister student of the 2nd year, full-time of education of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

DIBIROV Magomed Tagirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan state university, Makhachkala

MODERN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF MEDIA ACTIVITIES DURING THE ELECTION PERIOD

The scientific article discusses the current problems of legal regulation of media activities during the electoral processes in the Russian Federation. The media plays an important role in the information space, especially during election periods, where access to objective and reliable information is a key factor in ensuring free and fair elections. The article deals with three main problems: restriction of freedom of speech and censorship, unequal access to media resources, and insufficient control over the reliability of information. The main aspects of legislation related to the work of the media during the election period are discussed, as well as possible solutions to these problems are proposed. The authors of the article propose strengthening mechanisms for monitoring compliance with freedom of speech and media independence, developing clear criteria for allocating media time between candidates and creating special bodies to combat disinformation.

Keywords: freedom of speech, censorship, media resources, reliability of information, legislation, electoral processes, the Russian Federation.

Правовое регулирование деятельности СМИ в период выборов в Российской Федерации представляет собой одну из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в современном обществе. СМИ играют ключевую роль в информационном пространстве, особенно в периоды выборов, когда доступ к объективной и достоверной информации является важным условием для свободных и справедливых выборов.

Одной из главных проблем, с которой сталкиваются СМИ во время выборов в России, является ограничение свободы слова и цензура. Законодательство, направленное на контроль информационного пространства во время избирательных кампаний, может в определенных случаях приводить к ограничениям для независимых СМИ и журналистов. Это может включать в себя запрет на определенные темы для обсуждения, цензуру определенной информации или даже прямые запреты на опубликование материалов, критически относящихся к политическим деятелям или партиям [2, с. 26].

В конце 1990-х годов Россия стояла перед вызовом формирования новых органов представительной власти после периода значительных политических изменений. Это время характеризовалось не только стремительными преобразованиями в политической системе, но и неопределенностью

в информационной поддержке избирательных процессов, включая доступ кандидатов к средствам массовой информации. В контексте этого времени важно обратить внимание на статью 29 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет основные права на информационное обеспечение для средств массовой информации. Она олицетворяет одно из ключевых положений, направленных на гарантирование свободы слова, информации и медиа. Сложность заключалась в том, что на тот момент не было четко оговорено, каким образом осуществляется доступ кандидатов к средствам массовой информации в период избирательных кампаний. Это могло вызывать неопределенность, конфликты интересов и разногласия в понимании процессов информационной поддержки в ходе выборов.

Федеральный закон от 12.06.2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее - ФЗ о гарантиях избирательных прав) закрепил нормы указанного Указа, четко разделяя информационную поддержку предвыборной агитации и информирование избирателей, а также установил общие правила для организации этих процессов. Согласно части 4 статьи 2 ФЗ о гарантиях избирательных прав, «предвыборная агитация» – это деятельность,

направленная на стимулирование избирателей голосовать за или против кандидатов, или списков кандидатов в период предвыборной кампании. Однако закон не содержал подробного описания проведения предвыборной кампании, включая использование СМИ, что послужило причиной увеличения случаев злоупотреблений и нарушений в ходе избирательного процесса [1, с. 5].

Статьи 48-56 VII главы «Гарантии прав граждан на получение и распространение информации о выборах и референдумах» ФЗ о гарантиях избирательных прав устанавливают ключевые нормы, определяющие порядок и правила, регулирующие проведение предвыборной агитации через СМИ. Этот акт является фундаментальным в контексте регулирования процесса предвыборной агитации через средства массовой информации [1, с. 6].

В Законе РФ от 27.12.1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» статья 2 определяет сущность понятия «СМИ». Статья 48 Федерального закона о гарантиях избирательных прав регулирует основные методы проведения предвыборной агитации через использование СМИ, следуя перечню, описанному в Законе о СМИ. Несмотря на это, сам Федеральный закон о гарантиях избирательных прав не включает в себя перечень форм предвыборной агитации, в которых используются средства массовой информации [1, с. 6].

Положения, содержащиеся в статьях 62 Федерального закона от 22.02.2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и 43 Федерального закона от 10.01.2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», важны для регулирования предвыборной агитации через средства массовой информации. Эти законодательные акты устанавливают различные формы предвыборной агитации, которые включают в себя публичные дебаты, дискуссии, «круглые столы», пресс-конференции, интервью и другие мероприятия, направленные на информирование избирателей и представление позиций кандидатов или партий. Для решения этой проблемы мы рекомендуем унифицировать соответствующие нормы в базовом Федеральном законе о гарантиях избирательных прав [3, с. 159].

Еще одна важная проблема связана с требованиями к содержанию информации, публикуемой или передаваемой СМИ в период предвыборной кампании, особенно в контексте политической нейтральности. Представляемая информация не должна однозначно благоприятствовать какому-либо кандидату, воздействуя на предпочтения избирателей. Эта проблематика вызывает дискуссии, так как информационные материалы часто содержат оценочные суждения, формирующие субъективное мнение избирателей. Однако, если СМИ выражают свою собственную точку зрения через комментарии, представленные как мнение, это может формировать определенное политическое представление у избирателей. Такое вмешательство в предвыборные процессы СМИ запрещено. К сожалению, закон не разграничивает понятия «информирование» и «комментирование» в контексте предвыборной кампании. Для устранения этой проблемы необходимо четко определить эти понятия в законе. Это позволит правоприменителям определить законность действий, осуществляемых СМИ во время предвыборной агитации [1, с. 6].

Сегодня предвыборная агитация все чаще перемещается в онлайн-пространство, особенно в контексте регистрации СМИ. Возникает вопрос о юридическом регулировании действий, связанных с предвыборной кампанией через интернет-СМИ. Отметим также, что термин «сетевое издание» в Федеральном законе Российской Федерации «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» действительно употребляется, но его значение не определено. Это может вызывать недо-

понимание и неоднозначность при интерпретации закона и применении его положений. Однако, другой подход к определению « сетевого издания » используется в Законе о СМИ. Например, в статье 2 дано определение сетевого издания, которое может быть использовано для понимания этого термина в контексте законодательства о СМИ. Сетевое издание, согласно Закону о СМИ, обычно описывается как издание, доступное через интернет или другие сети передачи данных. Оно может включать веб-сайты, онлайн-порталы, блоги и другие онлайн-платформы, которые предоставляют информацию и доступ к контенту в цифровой форме. Недостаток четкого определения « сетевого издания » в Федеральном законе о выборах депутатов Государственной Думы может привести к неопределенности в трактовке данного термина в контексте избирательного процесса. Это может вызвать разночтения, споры и трудности в применении законодательства, особенно при регулировании онлайн-медиа и их участия в процессе выборов [1, с. 7].

Для решения этих проблем необходимо разработать и внедрить более эффективные механизмы контроля за соблюдением свободы слова и независимости СМИ в период выборов. Это может включать в себя усиление механизмов наблюдения и контроля за действиями государственных органов и их влиянием на работу СМИ, разработку четких и объективных критериев распределения медийного времени между кандидатами, а также создание специальных органов или комиссий, ответственных за борьбу с дезинформацией и фейковыми новостями [4, с. 149].

В конечном счете обеспечение свободы слова и независимости СМИ в период выборов является неотъемлемой частью демократических процессов и требует внимания со стороны общества, политических структур и законодателей для создания сбалансированной и справедливой медийной среды во время избирательных кампаний.

Пристайный библиографический список

1. Андросова М. В., Страхова К. А. Вопросы правового регулирования предвыборной агитации с использованием средств массовой информации // Актуальные вопросы экономических наук, права и менеджмента: сборник материалов XX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 20 февраля 2023 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империум», 2023. – С. 5-7.
2. Булацев Т. А. Проблемы правового регулирования доступа кандидатов и избирательных объединений к средствам массовой информации в период избирательной кампании // Актуальные проблемы права: Сборник научных статей магистрантов. Том Выпуск 9. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 26-33.
3. Газимагамадова Д. М. Правовое регулирование деятельности средств массовой информации // Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 06 января 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2022. – С. 159-163.
4. Радионова О. А. Современные проблемы правового регулирования деятельности СМИ в период выборов // Актуальные вопросы юридической науки и практики: материалы III Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием, Хабаровск, 30 мая 2022 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2022. – С. 149-152.

АХМЕДОВ Саид Мирзоевич

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

САРКАРОВА Джамия Салиховна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ 2020 ГОДА

Статья посвящена анализу конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации в связи с принятием поправок к Конституции России 2020 года. В основе проведенного исследования лежит сравнительно-правовой анализ положений статьи 129 Основного закона страны в редакции 2014 и редакции 2020 годов. Установлено, что поправки коснулись понятия прокуратуры, организационных и правовых основ ее деятельности. Авторы приходят к выводу, что с принятием поправок место и роль органов прокуратуры в системе публичной власти не стали более понятными и определенными.

Ключевые слова: прокуратура, конституционно-правовой статус, поправки к Конституции, прокурорский надзор, законность.

AKHMEDOV Said Mirzoevich

magister's student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

SARKAROVA Jamilya Salikhovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE AFTER THE ADOPTION OF AMENDMENTS TO THE 2020 CONSTITUTION

The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in connection with the adoption of amendments to the Constitution of Russia in 2020. The study is based on a comparative legal analysis of the provisions of article 129 of the Basic Law of the country as amended in 2014 and 2020. It is established that the amendments touched upon the concept of the prosecutor's office, the organizational and legal foundations of its activities. The authors conclude that with the adoption of the amendments, the place and role of the prosecutor's office in the system of public authority have not become more clear and defined.

Keywords: prosecutor's office, constitutional and legal status, amendments to the Constitution, prosecutor's supervision, legality.

С момента принятия поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года прошло более трех лет, но их обсуждение не прекращается и по сей день.

Конституционная реформа, которая была оформлена Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», имела масштабный характер и затронула различные звенья государственного механизма.

Значительные изменения в рамках рассматриваемой реформы претерпела и статья 129 Основного закона страны, закрепляющая конституционно-правовой статус органов прокуратуры. В настоящей статье нами предпринята попытка проанализировать действующую редакцию указанной статьи в ее сравнении с редакцией 2014 года и дать оценку соответствующим конституционным новеллам.

Следует отметить, что поправки, как в целом, так и применительно к теме настоящего исследования, были неоднозначно восприняты в научном, общественном и правоприменительном кругах и сразу же стали предметом доктринальных дискуссий и споров. Некоторые авторы, давая оценку конституционно-правовому статусу прокуратуры в свете проведенной реформы, резюмировали необходимость разработки конституционной доктрины о статусе, структуре и функциях прокуратуры Российской Федерации, в основе которой лежали бы фундаментальные научные труды о социальной обусловленности существования в политической системе РФ института прокуратуры [1, с. 23], [2, с. 109].

Поправки были внесены во все пункты статьи 129 Конституции РФ, в результате чего структурных единиц анализируемой статьи стало на одну больше.

В первую очередь внимания заслуживает тот факт, что спустя 6 лет в Конституции снова появилась дефиниция, раскрывающая понятие прокуратуры Российской Федерации, при этом впервые в тексте Основного закона нашли свое отражение основные функции органов прокуратуры.

Согласно п. 1 ст. 129 прокуратура Российской Федерации представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих:

- надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов;
- надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина;
- уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции.

Юридико-техническое изложение данной нормы вызывает некоторые вопросы. В частности, почему функции, прямо перечисленные в Конституции, прокуратура осуществляет, а иные функции выполняет? Также остается неясным в связи с чем законодателем принято решение о придании перечню осуществляемых прокуратурой функций открытого характера?

Д. А. Лобачевым высказаны свои опасения на данный счет. Признавая такой ход естественным и удобным для управления государством, автор приходит к выводу, что отсутствие определенности в данном вопросе может привести

к дублированию и возложению на прокуратуру функций иных государственных органов [3, с. 90-91].

Примечательно также и то, что в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) в новой редакции к источникам правового регулирования правового статуса прокуратуры помимо Конституции и самого Закона о прокуратуре отнесены и другие федеральные законы, в то время как в Конституции речь идет о федеральном законе в единственном числе. На этот счет представляется справедливым замечание о несовершенности данной нормы поскольку из ее содержания невозможно однозначно определить о каком именно федеральном законе идет речь: о Законе о прокуратуре или ином нормативном правовом акте или же это отсылка к разновидности нормативного правового акта [4, с. 179?]

По данному вопросу интерес вызывает позиция А. Ф. Смирнова, который считает, что при внесении изменений в Закон о прокуратуре законодатель вышел за пределы конституционно-правовой нормы, устанавливающей правовые основы организации и деятельности прокуратуры, определив, что полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются помимо прочего и другими федеральными законами [5, с. 176].

Е. А. А. Алева-Герман полагает, что нормативно-закрепленная возможность возложения на прокуратуру иных функций, отраженная с недавних пор и в Основном законе страны, является дополнительным аргументом в пользу признания и выделения в качестве самостоятельного принципа организации деятельности прокуратуры такого принципа как многофункциональность. Автор в целом считает, что с момента учреждения прокуратуры она на различных исторических этапах выполняла самые различные функции [6, с. 68].

На наш взгляд, такой подход к определению перечня функций прокуратуры не является случайным и представляет собой нечто иное как попытку законодателя избежать в дальнейшем необходимости соблюдения усложненной процедуры внесения поправок в Конституцию при необходимости возложения на прокуратуру иных, не связанных с надзором, функций.

Также в юридической литературе не раз обращалось внимание на нестабильность такого базового принципа организации прокуратуры, как единство и централизация. Дело в том, что изначально данный принцип был закреплен и в тексте статьи 129 Конституции и в Законе о прокуратуре. Однако в 2014 г. он утратил свое конституционно-правовое закрепление. Положение о том, что прокуратура – это единая централизованная система, основанная на подчинении нижестоящих прокуроров вышестоящим, было исключено из Основного закона страны. Некоторые авторы посчитали, что данное обстоятельство может быть обусловлено дальнейшими видоизменениями статуса прокуратуры [7, с. 45].

Однако после внесения поправок 2020 года данное положение вновь было закреплено в тексте Конституции, в связи с чем В. Ю. Шобухин пришел к небезосновательному выводу о том, что такая непоследовательность законодателя является лишь результатом юридико-технической ошибки, которую впоследствии исправили [8, с. 28].

Еще одно немаловажное изменение, вызвавшее негодование в юридической литературе, выразилось в том, что после внесения корреспондирующих с поправками в Конституцию изменений в Закон о прокуратуре из дефиниции прокуратуры было исключено упоминание об осуществлении прокурорского надзора от имени Российской Федерации. В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 09.11.2020 № 367-ФЗ не поясняется чем продиктована такая необходимость. Фактически данное решение означает, что принимаемые по результатам проведенного надзора акты прокурорского реагирования, имеют статус решений отдельного государственного органа, а не государства в целом. Между тем, осуществление надзора от имени Российской Федерации всегда было существенным свойством данного

вида деятельности и отличало его от иных видов отраслевого надзора, осуществляемого иными органами исполнительной власти. Анализируя поправки 2020 года, С. Н. Безмельницын пришел к выводу, что рассматриваемые изменения свидетельствуют о некотором понижении конституционно-правового статуса российской прокуратуры [9, с. 69].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в связи с принятием поправок к Конституции 2020 года и внесением сопутствующих изменений в Закон о прокуратуре правовой статус данного органа в системе публичной власти России стал еще более неопределенным. Прослеживается некоторая непоследовательность законодателя в регулировании конституционно-правового статуса прокуратуры, в связи с чем представляется, что этап преобразований главного надзорного органа еще не завершен.

Пристатейный библиографический список

1. Амирбеков К. И. Конституционная доктрина о статусе, структуре и функциях прокуратуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. - 2023. - № 7. - С. 23-27.
2. Романов Е. Б. Конституционная доктрина как один из видов источников науки конституционного права // Вестник Томского государственного университета. - 2010. - № 330. - С. 109-111.
3. Лобачев Д. А. Новая редакция статьи 129 Конституции Российской Федерации «поправила» Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Судебная власть и уголовный процесс. - 2021. - № 1. - С. 88-93.
4. Алева-Герман Е. А. А. Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации как принцип ее организации и деятельности // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 4. - С. 170-181.
5. Смирнов А. Ф. Неопределенность формулировок в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Декабрь. - Т. 15. - № 12 (121). - С. 174-180.
6. Алева-Герман Е. А. А. О закреплении многофункциональности российской прокуратуры в тексте статьи 129 обновленной Конституции Российской Федерации // Система функций прокуратуры Российской Федерации (Сухаревские чтения): сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 9 окт. 2020 г.) / Под общ. ред. О. С. Капинус; под науч. ред. А. Ю. Винокурова; сост. И. А. Васькина, Н. А. Кулакова, А. С. Семенов; Университет прокуратуры Российской Федерации. - М., 2021. - С. 68-73.
7. Лобачев Д. А. Конституция Российской Федерации как вектор развития прокуратуры // Вестник Самарского юридического института. - 2020. - № 3 (39). - С. 42-47.
8. Шобухин В. Ю. Конституционное регулирование статуса прокуратуры Российской Федерации: проблемы, тенденции и перспективы изменения ст. 129 Конституции Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. - 2020. - № 4. - С. 26-29.
9. Безмельницын С. Н. Трансформация конституционно-правового статуса прокуратуры по Конституции Российской Федерации // Молодой ученый. Международный научный журнал. - 2022. - № 9 (404). - С. 69-71.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-146-147

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент Юридического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, г. Якутск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА С КОРЕННЫМИ МАЛОЧИСЛЕННЫМИ НАРОДАМИ СЕВЕРА КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

В статье раскрывается роль конституционной идеи социального партнерства с коренными малочисленными народами Севера при реализации государственной политики в области охраны и рационального использования природных ресурсов. Автор приходит к выводу о наличии конституционной обязанности государства обеспечить социальное партнерство при освоении природных ресурсов как систему взаимоотношений между КМНС (представителями КМНС), корпорациями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленную на обеспечение согласования интересов власти, бизнеса и общин КМНС в сфере природоресурсных отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений.

Ключевые слова: природные ресурсы, природоресурсные права коренных малочисленных народов Севера, соуправление в области природных ресурсов, соуправление коренных малочисленных народов Севера при промышленном освоении территорий их исконного проживания.

ILJINA Olga Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Faculty of Law of the M. K. Ammosov Northeastern Federal University, Yakutsk

ENSURING SOCIAL PARTNERSHIP WITH INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH AS A CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY OF THE STATE WHEN MAKING DECISIONS IN THE FIELD OF PROTECTION AND RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES

The article reveals the role of the constitutional idea of social partnership with indigenous peoples of the North in the implementation of state policy in the field of protection and rational use of natural resources. The author comes to the conclusion that there is a constitutional obligation of the state to ensure social partnership in the development of natural resources as a system of relationships between indigenous peoples (representatives of indigenous peoples), corporations, government bodies, local governments, aimed at ensuring the coordination of the interests of government, business and communities of indigenous peoples in the field of natural resources relations and other relations directly related to them.

Keywords: natural resources, natural resource rights of indigenous peoples of the North, co-management in the field of natural resources, co-management of indigenous peoples of the North during the industrial development of the territories of their original residence.

Современное государство, если в его составе имеются коренные малочисленные народы, должно стремиться к партнерским взаимоотношениям с ними, основанными на доверии и сотрудничестве, в особенности это касается сферы природоресурсных отношений. Хозяйственная и управленческая деятельность, влияющая на традиционный образ жизни и самобытность коренных малочисленных народов, должна осуществляться только при получении их свободного, предварительного и осознанного согласия. По мнению ученых, получение такого согласия основано на праве коренных народов на самоопределение и самостоятельное решение вопросов своего развития на территориях исконного проживания [5, с. 90].

Многие коренные малочисленные народы в России проживают в местностях, которые становятся объектами интенсивного промышленного освоения, могущего оказать негативное воздействие на традиционное хозяйство и культурную идентичность этих народов. К сожалению, до сих пор как отмечают исследователи, в законодательстве и практике преобладал подход, при котором российские коренные многочисленные народы Севера не являлись в полной мере партнерами государства в сфере принятия решений в области освоения природных ресурсов, а их традиционный образ жизни и хозяйствования – объект патерналистской опеки и контроля государства [3], [7], имеющих бессистемный фрагментарный характер.

Между тем, в связи с проведением масштабных конституционных реформ 2020 года и возведения идеи социального партнерства в ранг конституционных, появилась конституционная основа для коренных преобразований во

взаимоотношениях коренных малочисленных народов Севера с государством.

Идея социального партнерства прошла стремительный путь от возникновения и утверждения в трудовом праве до признания в качестве универсальной конституционной нормы в статье 75.1 Конституции РФ. В соответствии с этой статьей в Российской Федерации «...обеспечиваются ... социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Закрепление этих категорий в Конституции РФ, осуществленное впервые в российской истории, направлено на дальнейшее развитие модели социального государства в конституционной самоидентификации России и, по сути, знаменует если не революционный, то исторически важный отход от чисто либеральной Конституции, какой она была принята 30 лет назад.

Впервые социальное партнерство было легитимировано в Трудовом кодексе РФ как «система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений»¹.

1 Ст. 23 «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e5c859f1e3f2f02351efcd1159b2a19b9e7f446/.

Доказав свою эффективность, идея социального партнерства вышла за рамки социально-трудовой сферы и преодолела узкое тред-юнионское понимание исключительно как взаимодействия в форме «трипартизма» работодателей, работников и государства.

К опыту социального партнерства стали прибегать в разных сферах общественных отношений. Оно закреплено в качестве исходного начала в документах стратегического развития Российской Федерации, комплексного развития территориальных образований, в законах о социальном партнерстве субъектов Российской Федерации и других нормативных актах разного уровня.

Широкое обращение к технологиям социального партнерства вызвано выходом общества на новый уровень самоорганизации, а также стремлением власти (государства) взаимодействовать с основными социальными акторами – бизнес-сообществом и растущим некоммерческим сектором.

По мнению ученых, закрепление в Конституции социального партнерства является важным шагом к восстановлению российской цивилизационной идентичности, основанном на общем признании благом не только внешнего воздействия, но и внутреннего духовного чувства взаимопонимания и взаимопомощи [1]. На то, что новеллы 2020 года направлены на регулирование элементов коллективной идентичности и частичное возрождение традиционного российского/советского общества, обращает внимание также А. Бланкенагель [2]. В то же время это закрепление отражает эволюцию роли государства во взаимосвязи государство – общество и наметившийся переход от веберовской модели бюрократической организации к горизонтальным отношениям партнерства [6] и отвечает на вопрос какими должны быть взаимосвязи современного государства как постоянного института общества, его составной части, с другими его институтами [4], [8]², частями.

В конституционном принципе социального партнерства спроецирована социальная воля на реальный диалог и достижение консенсуса основных социальных групп, как между собой, так и с институтами гражданского общества, органами публичной власти федерального, регионального и муниципального уровня во всех сферах социально-экономической жизни общества и государства.

Конституционализация идеи социального партнерства одним из крупнейших социумов мира – российской нацией произошла неслучайно, поскольку феномен социального партнерства отражает диалектическое единство стабильности и динамичности, выражающееся в присутствии российской цивилизационной идентичности стремлении к общенародному единению людей, любви и уважения к Отечеству, вере в добро и справедливость³, и одновременно предполагает новую роль государства-партнера, которая задает стандарт межсекторного взаимодействия в духе сотрудничества и партнерского взаимоуважения.

В. Е. Чиркин утверждал, что в современном государстве социальное партнерство – это требование, которое должно быть обращено ко всем участникам социоэкономических отношений [9, с. 12].

Таким образом, можно прийти к выводу, что конституционной обязанностью государства в соответствии со статьей 75.1 Конституции РФ является обеспечение социального партнерства в том числе и в отношениях по поводу использования природных ресурсов, следовательно общины коренных малочисленных народов в отношении тех ресурсодобывающих проектов, которые затрагивают их жизнь и деятельность становятся полноправными социальными партнерами власти и бизнеса и именно в таком качестве должны участвовать в процессе принятия решений по поводу охраны и освоения природных ресурсов.

Российское государство с принятием статьи 75.1 Конституции РФ связано необходимостью не фрагментарного регулирования прав кмнс, а обязанностью создания системы взаимоотношений между кмнс (представителями кмнс), корпорациями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленной на обеспечение согласования интересов власти, бизнеса и общин КМНС по вопросам регулирования природоресурсных отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений.

К такому пониманию, предопределенному новой социоэкономической парадигмой Конституции РФ, должны стремиться законодатель при формировании отраслевого законодательства и Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность конкретной правовой ситуации в социально-экономической сфере.

С учетом сказанного, на наш взгляд, следует внести соответствующие поправки в ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации», ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», предусматривающие такие апробированные механизмы социального партнерства как трехсторонние соглашения, трехсторонние комиссии, социальных лицензии и др.

Пристатейный библиографический список

1. Бабурин С. Н. Конституционализация социального партнерства во имя устойчивого развития современного мира // Глобальный диалог о целях устойчивого развития: правовое измерение: к 75-летию образования ООН: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Т. А. Сошникова. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2020. – С. 24–29.
2. Бланкенагель А. Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 1 (146). – С. 43-75.
3. Кряжков В. А. Органы публичной власти и северные народы: конституционно-правовые проблемы отношений в сфере соуправления // в кн. Арктические регионы России: проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности. От родовых общин к парламенту Ямала. – С. 74-86.
4. Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. – 2000. – № 3. – С. 88-100.
5. Пименова О. Природоресурсные права коренных народов и судебная практика их соблюдения в Канаде // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 4 (149). – С. 89-109.
6. Тихомиров Ю. А. Государство: монография. – М., 2013. – С. 50.
7. Чеботарев Г. Н., Гладун Е. Ф. Соуправление коренных малочисленных народов Севера арктическими территориями в период их промышленного освоения // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 52.
8. Чиркин В. Е. Современное государство. – М., 2001. – С. 294.
9. Чиркин В. Е. Социоэкономическая парадигма российской Конституции 1993 года: плюсы и минусы // Журнал российского права. – 2018. – № 7. – С. 5-15.

2 О взгляде на государство как на институт общества, см.: [8], публично-властным образом организованное общество, см.: [4].

3 Преамбула Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

АНДРЮЩЕНКО Татьяна Ивановна

кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России

МИХАЙЛОВ Михаил Яковлевич

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, КАК ОДНА ИЗ МЕР СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье рассмотрены элементы административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как одной из мер социально-правового контроля и его роль в предупреждении рецидивной преступности как части общей преступности. В целях совершенствования законодательства в сфере предупреждения рецидивной преступности и повышения эффективности профилактической работы с поднадзорными лицами, субъектами профилактики, предложено сформировать комплексную отрасль права, объединяющую нормы, обеспечивающие предупреждение, преступности, ядром которой являлся бы законодательный акт межотраслевого характера.

Ключевые слова: административный надзор, административные ограничения, административная ответственность, профилактика преступности, поднадзорное лицо, полиция.

ANDRYUSHCHENKO Tatyana Ivanovna

Ph.D. in Law, Head of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

MIKHAYLOV Mikhail Yakovlevich

senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS RELEASED FROM PRISON AS ONE OF THE MEASURES OF SOCIAL AND LEGAL CONTROL

The article examines the elements of administrative supervision of persons released from prison as one of the measures of social and legal control and its role in preventing recidivism as part of general crime. In order to improve legislation in the field of prevention of recidivism and increase the effectiveness of preventive work with supervised persons by subjects of prevention, it is proposed to form a comprehensive branch of law combining norms ensuring the prevention of crime, the core of which would be a legislative act of an intersectoral nature.

Keywords: administrative supervision, administrative restrictions, administrative responsibility, crime prevention, supervised person, police.

Административный надзор – это наиболее строгая форма наблюдения за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Предупреждение преступности основывается на ряде координированных между собой мер и административный надзор представляет собой, с точки зрения правового регулирования, в результате которого проявляется имеющее определенную сферу применения и собственное содержание, специфическое социально-правовое образование – межотраслевой правовой институт. Его социальное назначение проявляется в том, что он выступает в качестве средств социального контроля. Обеспечивает надлежащее поведение некоторых, внушающих, с точки зрения их успешного приспособления к жизни общества, опасения категорий лиц, освобожденных по отбытии наказания из мест лишения свободы, средства предупреждения рецидивной преступности. Необходимость усиления социального контроля в различных сферах жизни обусловлена выдвинутыми государством требованиями строгого приведения в жизнь

принципа социальной справедливости; задача всестороннего государственного и общественного контроля вытекает из разработанных государством мер по усилению борьбы с преступностью.

Как одно из средств социального контроля, административный надзор необходим для профилактики преступлений лицами, отбывшими наказание, а в конечном итоге – предупреждения общей преступности. В этом смысле административный надзор следует рассматривать в качестве одного из средств реализации профилактического (криминологического) направления уголовной политики как специфической ветви социальной политики.

Роль социального контроля в любой форме в современных условиях неизмеримо велика, потому что он непосредственно связан с проводимыми в стране реформами, которые, в частности, предполагают энергичное избавление общества от искажений морали, последовательное приведение в жизнь принципов социальной справедливости.

Андрющенко Т. И.

Михайлов М. Я.

Как юридический институт административный надзор носит межотраслевой характер. В своей основе он содержит нормы административного права, которые систематизированы в Федеральном законе от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон). В то же время административный надзор относится и к сфере так называемой постпенитенциарной деятельности, а потому закреплен в известной части своего содержания нормами уголовно-исполнительного права (ст. 173.1 УИК РФ). Надлежащее обеспечение своего применения административный надзор получает и в уголовно-правовом аспекте. Административный надзор входит в предмет теории административного и уголовно-исполнительного права. Вопрос об ответственности за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение, установленных судом административных ограничений поднадзорным лицом, – в предмет науки Особенной части уголовного права (ст. 314.1 УК РФ). Вместе с тем, в силу своего социального назначения, проблема административного надзора представляет интерес для криминологии и криминалистики.

Комплексный, многоотраслевой и междисциплинарный характер института административного надзора полностью раскрывается во взаимодействии норм административного, уголовно-исполнительного и уголовного законодательства в аспекте практики их применения.

По вопросу введения и развития административного надзора как института законодательства Российской Федерации необходимо отметить, что административный надзор введен в 2011 году на основании Федерального закона, в последующем был утвержден приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «Порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

В соответствии с Федеральным законом в законодательстве была предусмотрена также административная ответственность за нарушение правил административного надзора (ст. 19.24 КоАП РФ).

Федеральный закон состоит из четырех глав, имеющих 13 статей. Начинается он разделом, закрепляющим общие положения административного надзора. В последующих разделах предусматриваются порядок установления, осуществления и прекращения административного надзора (глава II); права и обязанности лица, находящегося под административным надзором, и полномочия полиции при осуществлении административного надзора (глава III); заключительные положения (глава IV).

В нормах первой главы, прежде всего, раскрывается социально-правовое назначение административного надзора как особой принудительной меры наблюдения за лицами, освобожденными из исправительных учреждений по отбытии наказания, и предупреждения совершения ими новых преступлений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов (ст. 2).

Следует сказать, что первоначально в 2011 году круг лиц, подпадавших под установление административного надзора, согласно ст. 3 Федерального закона, был узким, нежели сейчас, и ограничивался только освобожденными опасными и особо опасными рецидивистами, лицами имеющими судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, в отношении которых административный надзор устанавливается в обязательном порядке, осужденными к лишению сво-

боды за тяжкие и особо тяжкие преступления, преступления при рецидиве, умышленное преступление в отношении несовершеннолетнего, если их поведение в период отбывания наказания свидетельствовало об упорном нежелании встать на путь исправления (п. 1 ст. 3 Федерального закона) или в период после освобождения совершившими в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

В соответствии с Федеральным законом административный надзор устанавливается по инициативе исправительного учреждения, если в период отбывания наказания лицо признавалось злостным нарушителем порядка отбывания наказания (в период нахождения в исправительном учреждении характеризовались устойчивым негативным поведением, имело ряд взысканий и признано злостным нарушителем постановлением начальника исправительного учреждения).

В соответствии со ст. 2 Федерального закона административный надзор применяется к лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы и имеющим непогашенную или неснятую судимость, если уже на свободе они минимум дважды в течение года привлекались к административной ответственности в связи с нарушением общественного порядка или по другим, указанным в законе, составам административных правонарушений.

С момента принятия и работы Федерального закона он неоднократно подвергался изменениям, дополнения принципиального свойства внесены в Федеральный закон 29 июля 2017 года и 13 июня 2023 года. Иными стали категории лиц, которым может быть установлен административный надзор, уточнено основное понятие в виде места фактического нахождения поднадзорного лица, внесены и другие изменения и дополнения. Иными словами, Федеральный закон об административном надзоре получил в определенной части новую редакцию, в которой он действует в настоящее время и которая будет подвергнута подробному рассмотрению в следующей статье.

Помимо Федерального закона, который является основным юридическим актом, регламентирующим применение административного надзора, специальные нормы о нем включены в уголовно-исполнительное законодательство (ст. 54, 173.1 УИК РФ), нормы об ответственности за нарушение правил административного надзора предусмотрены действующим административным законодательством (ст. 19.24 КоАП РФ), а о злостном нарушении тех же правил – действующим уголовным законодательством (ст. 314.1 УК РФ). Административная ответственность применяется, если нет основания для возникновения уголовной [12]. Нормы в УК РФ и КоАП РФ подверглись изменениям и дополнениям.

Таким образом, общественные отношения, в которых выражается применение административного надзора или которые так или иначе связаны с применением административного надзора, предусмотрены нормами административного, уголовно-исполнительного и уголовного права. Но прежде чем обратиться к решению специального вопроса о правовой природе института административного надзора, рассмотрим сферу его применения.

Административный надзор имеет строго определенную законом сферу применения. Он устанавливается в интересах реального наблюдения за лицами, совершившими преступления, отбывающими за них наказание в виде лишения

свободы, если в отношении этих лиц есть реальные опасения, что они и по освобождению будут совершать преступления, или уже начали совершать нарушения правопорядка. Сфера применения правового института административного надзора определяется кругом лиц, в отношении которых он может быть установлен. Несмотря на все изменения правового института административного надзора, согласно ст. 3 Федерального закона в действующей ныне редакции, административный надзор устанавливается в отношении только совершеннолетних лиц. Предупредительная направленность этого института требует его применения по отношению к лицам, от которых можно ожидать рецидива преступлений. Следует подчеркнуть, что, несмотря на, фактические изменения признаков, характеризующих категории лиц, которые подпадают под административный надзор, принципы применения рассматриваемого института остались неизменными. Поэтому, для понимания этого института и целого ряда его сторон сохранили свое значение принятые ранее официальные решения в области судебной практики, к которым необходимо обращаться и теперь.

Административный надзор должен быть точно установлен в зависимости от числа и характера преступлений, как это предусмотрено Федеральным законом, если судимость за эти преступления не снята или не погашена за истечением сроков давности, предусмотренных ст. 86 УК РФ.

По содержанию института административного надзора необходимо обратить внимание на следующее. В соответствии с характером административного надзора как предупредительно-принудительной меры ее содержание образует определенный комплекс административных ограничений, виды которых устанавливаются в отношении поднадзорного лица судом и возложение Федерального закона на поднадзорного обязанностей, также носящих признаки правоограничающего свойства. В административных ограничениях и обязанностях заключается содержание административного надзора как правового института.

Соотношение административных ограничений, указанных в ст. 4 Федерального закона, и обязанностей, перечисленных в ст. 11, таково, что обязанности, в силу их правового качества, обязательны для поднадзорного в полном объеме без каких бы то ни было специальных указаний. Несоблюдение административных ограничений или невыполнение обязанностей, как это следует из прямого предписания ст. 11 Федерального закона, влечет ответственность поднадзорного лица.

Смысл возложения обязанностей, свойственных административному надзору, состоит в том, что они обусловлены общей обязанностью любого гражданина Российской Федерации – не нарушать законы. Поскольку речь идет о поднадзорных, т. е. о лицах, нарушивших закон тем, что они совершили преступления, и, более того, после отбытия наказания общество не считает их полностью безопасными, некоторые обязанности для указанной категории лиц приобретают характер дополнительного ограничения гражданских прав. К примеру, в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 11 Федерального закона поднадзорный обязан допускать сотрудников ОВД в жилое или иное помещение, являющееся местом жительства или пребывания, в определенное время суток, в течение которого этому лицу запрещено пребывание вне указанного помещения.

Далее необходимо уделить внимание субъектам осуществления административного надзора, остановимся на главных моментах. Как следует из рассмотренной выше

сферы осуществления и содержания института административного надзора, он представляет собой один из видов предупредительной деятельности рецидивной преступности на индивидуальном уровне и состоит в исполнении определенных функций уполномоченными на то субъектами. Следует различать субъекты, которым предоставлено право устанавливать и осуществлять административный надзор. В настоящее время правом назначать административный надзор обладают суды. Как следует из Федерального закона, инициатором подачи административно-искового заявления об установлении административного надзора могут выступать исправительное учреждение или орган внутренних дел. Названные органы внутренних дел являются субъектами осуществления административного надзора, конкретно организуют и осуществляют административный надзор подразделения полиции, инспекторы по его осуществлению и участковые уполномоченные полиции, оперуполномоченные уголовного розыска, представители патрульно-постовой службы и дежурные части. Самостоятельный участок работы полиции образует обеспечение общественно полезного поведения граждан, вставших на путь правонарушений, посягнувших на охраняемые уголовным законом интересы и отбывших уголовное наказание. Именно в рамках этого направления деятельности полиции следует рассматривать осуществление ею административного надзора.

В самом осуществлении административного надзора органы внутренних дел (полиции) опираются на ведомственные нормативно-правовые акты и могут пользоваться помощью общественных организаций и формирований, специально имеющих задачу бороться с правонарушениями и оказывать воспитательно-профилактическое воздействие на правонарушителей.

Не являясь субъектом применения уже установленного административного надзора, прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законов органами государства и общественными организациями, исполняющими функции, связанные с административным надзором, и участвующими в исполнении этих функций.

Таким образом, институт административного надзора входит в систему мер социального контроля, осуществляемого в сфере предупредительной деятельности Российского государства и общества по отношению к правонарушениям и преступности. Но он имеет самостоятельный характер, поскольку нацелен на предупреждение совершения преступлений лицами, отбывшими наказание. Этот постпенитенциарный аспект административного надзора свидетельствует о его непосредственном значении для предупреждения рецидивной преступности как части всей преступности.

В силу принудительного характера административного надзора как меры социального контроля допускается применение определенных правоограничений, позволяющих держать поднадзорных под существенным контролем и поэтому затрудняющих свободу их действий, которая могла бы быть использована в противообщественных целях, а также привлечение к ответственности за нарушение обязанностей. Получается, что по своему характеру и содержанию административный надзор обладает признаками меры административного воздействия (меры принуждения, назначаемой в административном порядке и осуществляемой административно-правовыми средствами).

В то же время административный надзор назначается в связи с фактом отбывания наказания в виде лишения свободы за совершение определенных видов преступлений или

при их рецидиве. Из приведенных выше доводов в пользу необходимости наблюдения за освобожденными и, в частности – административного надзора, его применения с целью продолжения воздействия, которое было начато по отношению к осужденному еще при отбывании им наказания, следует, что административный надзор – еще и мера, связанная с деятельностью исправительного учреждения, но применяемая тогда, когда воздействие посредством наказания и мер исправительного воздействия уже прекратилось.

Именно с учетом связи административного надзора с административным, уголовным и исправительно-исполнительным правом следует оценивать правовую природу административного надзора. Из сказанного фактически следует, что административный надзор в своей основе является административно-правовой мерой, обеспечивающей реализацию результатов исполненного (отбытого) наказания и примененных мер исправительного воздействия с целью предупреждения рецидивной преступности.

В то же время в силу такого социального назначения административного надзора – удовлетвориться применением одних только норм, имеющих в административно-правовых актах, нельзя. Ответственность за нарушение правил административного надзора установлена не только нормами административного, но и уголовного (когда нарушение носит злостный характер) права. Поэтому применение административного надзора предусматривается нормами различных отраслей законодательства.

Следовательно, для полной регламентации применения административного надзора требуется совершенствовать нормы таких отраслей права, как, прежде всего, административное право, а также исправительно-исполнительное, уголовное право. Считаю, что необходимо сформировать комплексную отрасль права, объединяющую нормы, обеспечивающие предупреждение преступности, ядром которой являлся бы законодательный акт межотраслевого характера. Административный надзор является уже действующим межотраслевым институтом, свидетельствующим о возможности издания названного законодательного акта, который бы включал и полномочия субъектов. Указанные полномочия необходимы субъектам для нейтрализации угроз национальной безопасности, либо источников опасности, еще не получивших правовой оценки со стороны государства в виде их криминализации или деликтолизации, либо установления особого правового режима или статусов объектов, представляющих опасность [11].

Что касается изучения и теоретической разработки проблем административного надзора, то для этого необходимо опираться на положения наук как административного, так и уголовно-исполнительного права, в то же время при рассмотрении вопросов об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение административных ограничений необходимо обращаться к теории уголовного права, и если посягательства объединены единством мотива и умысла и объективно взаимосвязаны между собой, то в данном случае содеянное необходимо квалифицировать как единичное преступление [10]. Необходимо руководствоваться также положениями криминологической, криминалистической наук, которые являются постоянной базой, ориентиром социального смысла административного надзора как меры предупреждения рецидивной преступности.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
2. «Уголовно-исполнительный кодекс» от 08.01.1997 № 1-ФЗ.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
4. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ.
5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».
6. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.05.2017 № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».
7. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.05.2016 № 21 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
8. Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».
9. Приказ Минюста России, МВД России от 04.10.2012 № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений».
10. Батыщева И. В. Жестокое обращение с несовершеннолетними: вопросы квалификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1 (36). – С. 52-54.
11. Мелихов А. И. Значение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел для единой системы профилактики // Философия права. – 2022. – № 3 (102). – С. 81-87.
12. Огородникова Е. Г., Андрющенко Т. И., Шевчук И. В. Действия сотрудников полиции при выявлении административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.17.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 33-37.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права
Института права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В настоящей статье предпринимается попытка исследования основополагающих понятий в административно-деликтном законодательстве. Исследованы нормы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях.

Автор предлагает дать оригинальное определение административно-деликтной норме, характеризующее ее как многотипное правовое предписание.

Используя известные критерии классификации административно-деликтных норм, исследователь дифференцирует их по характеру содержащихся в нормах предписаний, а также раскрывает характер внутренних взаимосвязей между правовыми нормами.

Отмечается, что несмотря на устоявшееся мнение современных правоведов о классической структуре правовой нормы, имеет место взгляд на то, что триединая целостность элементов свойственна не всем нормам права, следовательно, параллельно действуют нормы права, структура которых состоит из разного набора компонентов.

Ключевые слова: административно-деликтная норма, гипотеза, диспозиция, санкция, нормы-принципы, нормы-дефиниции, организующие нормы, коллизионные нормы.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF THE NORMS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

This article attempts to study the fundamental concepts in administrative and tort legislation. The norms of the legislation of the Russian Federation on administrative offenses are investigated.

The author proposes to give an original definition of the administrative-tort norm, characterizing it as a multi-type legal prescription.

Using the well-known criteria for classifying administrative and tort norms, the researcher differentiates them by the nature of the prescriptions contained in the norms, and also reveals the nature of the internal relationships between legal norms.

It is noted that despite the well-established opinion of modern jurists about the classical structure of a legal norm, there is a view that the triune integrity of the elements is not inherent in all norms of law, therefore, the norms of law operate in parallel, the structure of which consists of a different set of components.

Keywords: administrative-tort norm, hypothesis, disposition, sanction, norms-principles, norms-definitions, organizing norms, conflict of laws norms.

Дибиров Ю. С.

Под нормой права правоведы понимают чаще всего «общеобязательное, формально определенное правило поведения, установленное либо санкционированное государством и направленное на урегулирование общественных отношений» [9, с. 269].

В то же время ряд исследователей считает, что нормой права является «исходящее от государства и им охраняемое общеобязательное, непersonифицированное, формально-определенное предписание неоднократного действия, находящееся в системной взаимосвязи с другими элементами системы права и являющееся государственным регулятором общественных отношений» [2, с. 10].

Позволим себе согласиться с последними, поскольку эта дефиниция весьма удачная, так как в ней прослеживается взаимосвязь правовой нормы с другими составными частями системы права, исключая изолирующий ракурс понимания правовой нормы, но подчёркивается необходимость восприятия правовой нормы, находящейся в органической связи с другими элементами правовой системы. Также норма права видится в соответствии с таким подходом в качестве властного государственного веления.

На наш взгляд, более рационален вариант, когда рассматривают правовую норму как предписание, а не в качестве правила поведения, так как некоторые правовые нормы регулирующие административные деликтные отношения могут не регламентировать правила поведения, но устанавливая «задачи законодательства об административных правонарушениях» – статья 1.2. КоАП РФ¹. В статье регламентируются главные вектора правовой охраны законодательства.

Пожалуй, главное, что отличает правовые нормы, содержащиеся в законодательстве об административных правонарушениях – это уникальность предмета регламентации административных деликтных отношений, являющихся самостоятельным видом правовых отношений, представляющих собой автономный блок.

Отличительной особенностью исследуемых правовых отношений является то, что отношения эти возникают с момента совершения лицом того деяния, на которое нало-

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

жен запрет в административном деликтном законодательстве. Возникшие правоотношения лежат главным образом, в плоскости «правонарушитель» – «органы, осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях (их должностные лица)». Также в качестве вовлеченных субъектов в эти правоотношения можно назвать должностные лица вышеназванных органов и участников производства по делам об административных правонарушениях.

Возникающие административные деликтные правовые отношения регулируются посредством административных деликтных правовых норм, которые отличаются своими особенностями. Теория права содержит различные взгляды на элементный состав структуры правовой нормы. Это связано с соотношением правовых норм и статей нормативно-правовых актов и с трудностями обнаружения частей нормы в ее тексте.

Большинство исследователей сходится в том, что структура правовой нормы представляет собой следующую элементную триединую целостность: гипотезу, диспозицию и санкцию, сущностное значение которой сводится к следующей формуле – «Если..., то..., иначе...». Это внутренняя форма правовой нормы. Внешняя форма закрепления нормы состоит из абзацев, подпунктов, пунктов, частей, статей нормативных правовых актов как одного, так и нескольких.

В среде современных ученых-юристов распространено мнение о том, что триединная целостность элементов свойственна не всем нормам права, следовательно, имеет место параллель в виде такой структуры правовых норм, которая состоит из разного набора компонентов [5, с. 14, 80].

Примером может послужить статья 2.9 КоАП РФ, устанавливающая особенности освобождения от ответственности ввиду малозначительности деяний. Конструкция этой статьи обладает гипотезой и диспозицией, но не обладает санкцией. Гипотеза указывает на условие – «малозначительность имеющего место административного правонарушения», диспозиция на «субъектов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, способных освободить от административной ответственности, ограничившись устным замечанием». Можно констатировать факты отсутствия санкции, а также нахождения составных элементов правовой нормы в одной статье.

Особенная часть КоАП РФ состоит из норм права, содержащих диспозиции, регламентирующих запрет на совершение определенных деяний, и санкций, возлагаемых на лиц, преодолевших этот запрет.

Можно уверенно сделать вывод о том, что те признаки и особенности структуры, характерные в целом для всех правовых норм наличествуют и в нормах права, содержащихся в законодательстве об административных правонарушениях.

Так, «кирпичик» такого законодательства – административно-деликтная норма может представлять из себя набор из различного количества правовых предписаний: одного или нескольких связанных друг с другом.

По большей части, административно-деликтные нормы рассматриваются учеными в области административного права в качестве регулятора поведения субъектов соответствующих отношений, формально определенного.

В этой связи, интересно мнение О.С. Рогачевой, которая считает, что: во-первых, «административно-деликтная норма – это норма права, устанавливающая задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях;

виды административных правонарушений и санкции за их совершение; понятие и виды административных наказаний; общие положения о назначении административного наказания; во-вторых, регулирующая общественные отношения, возникающие между правонарушителем и уполномоченным органом в связи с совершением административного правонарушения» [11, с. 38]. Это определение, на наш взгляд, не совсем удачное.

Преимуществом является то, что отражена специфика норм, выражающаяся в регламентации социальных отношений, которые связаны с совершением административных деликтов.

Недостатками являются: отсутствие конкретизации баланса нормы и предписания, не отражаются общие положения об административных правонарушениях и ответственности. Таким образом, дать определение понятия административно-деликтной нормы не так легко, так как есть объективные трудности, связанные с тем, что соотношение предписаний и норм понимается по-разному и с тем, что имеет место многообразие видов правовых норм.

Также, определяя административно-деликтную норму, как правовое предписание, есть риск вызвать неопределенность в терминах ввиду того, что под правовым предписанием принято понимать веление органа, облеченного властью, формализованное в тексте соответствующего нормативного правового акта либо в качестве способа административно-правового регулирования – дозволяющим, предписывающим и запрещающим [6, с. 13].

Будет наиболее правильным рассматривать правовое предписание как государственное властное веление, закрепленное в тексте юридического источника, и которое запрещает, обязывает и управомочивает в зависимости от используемых способов правового регулирования [1, с. 234].

Таким образом, под административно-правовой нормой понимают совокупность правовых предписаний, которые регламентируют социальные отношения, детерминированные событиями административных правонарушений и возникающие между правонарушителем и уполномоченными государством органами и должностными лицами, а также регламентирующие отношения между всеми субъектами производства по делам об административных правонарушениях, включая отношения между должностными лицами органов административной юрисдикции, уполномоченных государством на совершение прописанных в российском законодательстве властных действий, предпринимаемых для привлечения к административной ответственности.

Раскрыть сущность и предназначение административно-деликтных норм представляется возможным посредством классификации, основывающейся на совокупности признаков и нюансов нормативного материала.

Можно выделить следующие критерии классификации: а) юридическая сила нормативно-правовых актов и ареал их действия; б) цель действия норм в системе правового регулирования; в) сущность содержащихся в нормах предписаний. Также, эти критерии позволяют изучить внутренние взаимосвязи между нормами.

1. Пожалуй, главнейшим критерием является юридическая сила нормативно-правовых актов, содержащих в себе административно-деликтные нормы и определяющих ареал их действия.

Так, согласно статье 1.1. КоАП РФ «законодательство об административных правонарушениях состоит из насто-

ящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях»².

Что касается установления предметов ведения субъектов Российской Федерации в сфере административно-деликтного законодательства, а также основополагающих принципов и базовых понятий ответственности в административном праве, то они регламентируются на уровне надсубъектном – федеральном, что говорит о системности российского законодательства.

2. В зависимости от цели действия норм в системе правового регулирования можно выделить материальные и процессуальные нормы, включенные в законодательство об административных правонарушениях.

Материальные правовые нормы всегда представляют собой основу правового регулирования, это своеобразный «фундамент» в регулировании. В данном случае ими регулируются отношения между лицом – правонарушителем и государством. Их главное назначение заключается в том, чтобы определить признаки деяний, являющимися административными правонарушениями; предусмотреть наказания за совершение правонарушений, а также регламент и правила привлечения к административной ответственности.

Процессуальные нормы, содержащиеся в административно-деликтном законодательстве, регламентируют сам ход производства по делу об административном правонарушении, а также исполнение актов, принятых по делам об административных правонарушениях. То есть предметом регламентации процессуальных норм являются отношения, которые возникают в результате применения материальных норм. Цель действия процессуальных норм – динамизация материально-правового регулирования.

Для того, чтобы реализовать определенные материальные нормы, необходимо задействовать ряд процессуальных норм.

Так, если юридический состав административного правонарушения определяется материальными нормами законодательства об административных правонарушениях, то привлекаться лицо к административной ответственности и, соответственно, понести заслуженное наказание должно в результате действия санкций материальных норм.

Также, отношения, возникающие ввиду доказывания виновности лица в совершении административного проступка регламентируются массивом норм процессуального характера, содержащихся в административно-деликтном законодательстве. Тесная связь между материальными и процессуальными нормами прослеживается по мере раскрытия охранительного характера материальных административных деликтных норм. Процессуальные нормы имеют «вторичное» значение в этом контексте, и, фактически, «обслуживают» материальные нормы. При этом нельзя забывать об их изначальном – органическом единстве, так как эта связь и позволяет привлечь виновное лицо к ответственности [7, с. 115].

3. В зависимости от сущности содержащихся в нормах предписаний, их можно подразделить на: а) нормы, содержащие предписания установочного характера, их условно можно назвать, установочными нормами; б) нормы запрещающие, дозволяющие и обязывающие. Условно вторую

группу норм можно назвать нормами конкретного регулирования.

Правовая сущность установочных норм очень абстрагирована и в силу этого они являются нормами общего содержания, иногда они называются системоопределяющими [3]. Таковыми они называются потому, что на них возложено выполнение системообразующей функции [9, с. 8], устанавливающей форму функционирования административно-деликтного законодательства, закрепляющей фундаментальные основы его построения и воздействия на круг регламентируемых отношений.

Можно констатировать, что нет единообразия среди установочных норм. Это обусловлено тем, что различаются задачи в системе законодательства, ввиду чего можно выделить: а) нормы-принципы; б) нормы-дефиниции; в) организующие нормы; г) коллизионные нормы).

Нормы-принципы отвечают за установление отправных положений, предопределяющих содержание всех административно-деликтных норм, они передают сущность административно-деликтного права и прописывают те основополагающие начала, которым не может противоречить остальная массив правовых норм.

В юридической литературе распространено мнение о том, что в КоАП РФ имеется только три принципа (в статьях 1.4, 1.5, 1.6 КоАП РФ [5, с. 108], вероятно из-за того, что эти нормы размещены в Главе 1 КоАП РФ, в названии которой есть слово «принципы».

На наш взгляд, можно условно выделить материальные и процессуальные нормы-принципы административно-деликтного законодательства. Так, к первым можно отнести «равенство перед законом» (статья 1.4 КоАП РФ). Что касается презумпции невиновности (статья 1.5 КоАП РФ) и обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением (статья 1.6 КоАП РФ), то они являются материально-процессуальными нормами-принципами.

Также, большое значение в обеспечении необходимой взаимосвязи между правовыми нормами административно-деликтного законодательства имеют нормы-дефиниции. Их задача состоит в том, чтобы исключить противоречия в правовой регламентации общественных отношений, в определении и раскрытии основополагающих терминов.

Нормы-дефиниции устраняют правовую неопределённость в законотворческой и правоприменительной деятельности, обеспечивают также правовую определенность нормативного содержания закона для широкого круга лиц, являющихся или потенциально способных являться участниками административно-деликтных отношений, о чем говорится в решениях Конституционного Суда РФ³. В понимании всех видов норм законодательства должно иметь

2 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н. Д. Вордена и П. Д. Олдхэма» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 6. – С. 33; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СЗ РФ. – 2015. – № 24. – Ст. 3547.

место единообразия, не должно допускаться двойное толкование.

Миссия организующих норм заключается: а) в определении законодательных актов, составляющих систему законодательства; б) в установлении задач законодательства об административных правонарушениях; в) в разграничении предметов ведения при установлении административной ответственности на разных уровнях власти – федеральном и на уровне субъектов РФ; г) в определении задач производства по делам об административных правонарушениях согласно статье 24.1 КоАП РФ; д) в определении концепции построения системы административно-деликтного законодательства; е) в декларировании целей и задач, а также системных характеристик законодательства, регламентирующего административно-деликтные отношения.

Еще одной разновидностью установочных норм являются коллизионные нормы, чье назначение заключается в устранении возникающих противоречий между правовыми нормами посредством упорядочения действий субъекта применения права в конкретных правовых реалиях.

Нормы эти выполняют особую роль, проявляющуюся в реализации регулятивной функции, которая направлена на формулирование приоритета действий противоречащих друг другу правовых норм в практике применения права.

В КоАП РФ коллизионными являются нормы, содержащиеся в статьях 1.7 и 1.8, регламентирующие действие законодательства во времени и в пространстве. Так, например, норма, статьи 1.7 упорядочивает конфликтующие нормы, которые охраняют одно общественное отношение, даты принятия которых хронологически различаются. Норма статьи 1.8, регулирующая действие законодательства об административных правонарушениях в пространстве, является пространственной коллизионной нормой, так как разрешает конфликты между правовыми нормами, возникающими из-за разности территориальных юрисдикций.

Нормы конкретного регулирования, содержащиеся в законодательстве об административных правонарушениях, дифференцируются в зависимости от сути юридического воздействия, и могут быть обязывающими, дозволяющими и запрещающими.

Большинство норм в административно-деликтном законодательстве относятся к запрещающим. По большей части они содержатся в Особенной части КоАП РФ. Запрещая, они устанавливают санкции за совершение административных деликтов РФ [11, с. 89], одновременно реализуя и охранительную функцию.

Таким образом, проведенное небольшое исследование позволяет сделать некоторые выводы.

1. Была сформулирована дефиниция «административно-деликтная норма».

2. Выделены критерии, позволяющие дифференцировать совокупность правовых норм, образующих законодательство об административных правонарушениях.

3. В качестве критериев предлагаются:

А) юридическая сила нормативных правовых актов, в которых закрепляются административно-деликтные нормы и ареал их действия;

Б) цель действия норм в системе правового регулирования;

В) сущность содержащихся в нормах законодательства об административных правонарушениях предписаний.

4. Предложенная классификация критериев позволяет определить виды и раскрыть характер внутренних взаимосвязей между нормами права.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. – Том 3. Проблемы теории права: курс лекций. – М.: Статут, 2010. – 781 с.
2. Астанин А. В. Гипотеза как элемент правовой нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2004. – 21 с.
3. Баранов А. В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01; Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2017. – 26 с.
4. Илалутдинов А. И. Структура нормы права: монография. – Казань: Центр инновационных технологий, 2013. – 247 с.
5. Клепиков С. Н. Принципы установления административной ответственности по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11. – С. 103-110.
6. Козлов Ю. М. Административное право: учебник. – М.: Юрист, 1999. – 320 с.
7. Малахов С. А. Содержание и признаки системы законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (93). – С. 112-117.
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – 5-е изд. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 528 с.
9. Пискунова О. В. Функции норм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2013. – 26 с.
10. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Воронеж, 2012. – 50 с.
11. Трегубова Е. В. Административно-правовой запрет: понятие, цель, признаки в механизме противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 6. – С. 84-89.

МУСАЕВА Гульбарият Магомедрасуловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АГАМУРАДОВА Аният Тагировна

магистрант 3 курса кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПЕРЕСМОТР ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ И СРОКИ

В статье исследована стадия пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях, рассмотрены особенности и изучено нормативно-правовое сопровождение данного процесса. Также в статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются заявители в процессе пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях. Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития правовой системы Российской Федерации имеется острая нужда в совершенствовании ее устаревших составляющих, в частности постановлений по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: постановление об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях, обжалование, пересмотр постановлений об административных правонарушениях.

MUSAEVA Gulbariyat Magomedrasulovna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

AGAMURADOVA Aniyat Tagirovna

magister student of the 3rd course of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

REVISION OF DECISIONS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: FEATURES AND TIMING

The article examines the stage of revision of rulings in cases of administrative offenses, examines the features and examines the regulatory and legal support of this process. The article also examines the problems faced by applicants in the process of reviewing rulings in cases of administrative offenses. The relevance of the study is due to the fact that at the present stage of development of the legal system of the Russian Federation there is an urgent need to improve its outdated components, in particular rulings on cases of administrative offenses.

Keywords: resolution on administrative offenses, proceedings in cases of administrative offenses, appeal, revision of resolutions on administrative offenses.

Пересмотр постановлений об административных правонарушениях является важной стадией производства по делам об административных правонарушениях. Это позволяет обновлять и уточнять законодательство, а также улучшать механизмы борьбы с правонарушениями.

Институт пересмотра дела выполняет в производстве следующие функции:

- обеспечивает реализацию прав участников на защиту от незаконных и необоснованных процессуальных решений;
- закрепляет полномочия судебных органов по контролю за административными и юрисдикционными актами;
- обеспечивает пересмотр судебных решений, в том числе в порядке надзора;
- и др. [1, с. 274-279].

При этом пересмотр должен проводиться в соответствии с законодательством и учитывать интересы граждан. Важно не только удалять устаревшие нарушения из перечня, но и добавлять новые, которые могут быть связаны с современными вызовами и проблемами.

Стадия пересмотра дел об административных правонарушениях имеет ряд особенностей:

1. Она является факультативной стадией, т.е. не обязательной. Эта стадия возникает только при возникновении обстоятельств, предусмотренных законом. А именно: наличие новых

обстоятельств дела, которые могут повлиять на правильность принятого решения, обнаружение ошибок в решении по делу или нарушение процедуры рассмотрения дела, решение было принято на основании неправильной трактовки закона и т.д.;

2. Стороны имеют право выступать с дополнительными доказательствами и аргументами.

3. Пересмотр дела может быть произведен как по инициативе самого органа, который вынес решение, так и по заявлению заинтересованного лица.

Кроме того, пересмотр постановлений об административных правонарушениях должен проводиться с участием экспертов и представителей общественности, чтобы обеспечить максимальную прозрачность и обсуждение решений.

В целом, пересмотр постановлений об административных правонарушениях является важным этапом в совершенствовании правовой системы и защите прав и свобод граждан. Одной из актуальных проблем процесса пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях, является недостаточное количество специалистов, имеющих достаточный уровень квалификации для правильного рассмотрения жалоб. Это может приводить к ошибкам в вынесении постановлений и отмене решений, что может негативно сказаться на доверии граждан к системе правосудия.

Еще одной проблемой является длительность процесса пересмотра дел. В связи с этим, лица, которые были признаны виновными в совершении административных правонарушений, могут продолжать испытывать негативные последствия наложенных на них взысканий, например ограничения в праве на работу или получение визы.

Также существует проблема недостаточной возможности защиты прав граждан на этапе рассмотрения дел об административных правонарушениях. Некоторые лица не имеют возможности обеспечить себе квалифицированную юридическую помощь, что может приводить к несправедливому решению.

В последнее время в России наблюдается активное обсуждение необходимости пересмотра некоторых постановлений об административных правонарушениях. Это связано с тем, что некоторые из них уже устарели и не соответствуют современной действительности.

Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе обжаловать постановление в течение 10 дней с момента получения постановления.

Жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в вышестоящий орган или суд, который имеет право на рассмотрение этого дела.

Подача жалобы должна осуществляться в письменной форме и содержать следующие сведения: наименование органа, вынесшего постановление; дата вынесения постановления; наименование и номер дела об административном правонарушении; фамилия, имя, отчество (при наличии) заявителя; сведения о месте жительства заявителя; содержание жалобы и ее обоснование; приложение копии постановления и других необходимых документов.

Жалоба должна быть подписана заявителем или его представителем. Если жалоба подается представителем, то к ней должна быть приложена доверенность на право представления интересов заявителя. Процесс рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении включает следующие этапы:

1. **Подача жалобы.** Жалоба может быть подана лицом, признанным виновным в совершении административного правонарушения, или его представителем. Жалоба должна быть подана в течение 10 дней со дня вынесения постановления.

Важнейшей особенностью модели, закрепленной главой 30 КоАП РФ, является связь начала течения срока обжалования постановления по делу не с моментом принятия или провозглашения решения, а с моментом вручения или получения копии постановления. Вопрос имеет очевидное практическое значение, поскольку согласно ст. 31.1 КоАП РФ точное установление момента окончания срока обжалования необходимо для определения даты вступления постановления в законную силу [3].

2. **Регистрация жалобы.** Жалоба регистрируется в органе, вынесшем постановление, и получает свой уникальный номер.

3. **Рассмотрение жалобы.** Жалоба рассматривается органом, вынесшим постановление, или его вышестоящим органом в течение 10 дней со дня ее регистрации. В ходе рассмотрения жалобы могут быть проведены дополнительные проверки и сбор дополнительных материалов. После получения жалобы вышестоящий орган или суд проводят ее рассмотрение в соответствии с установленным порядком со сроком от пяти дней и до двух месяцев в зависимости от

органа, который правомочен рассматривать данную жалобу. Результаты рассмотрения оформляются соответствующим решением.

В случае удовлетворения жалобы постановление об административном правонарушении может быть отменено или изменено. Если жалоба не удовлетворена, то постановление остается в силе.

4. **Принятие решения.** По результатам рассмотрения жалобы может быть принято одно из следующих решений: оставить постановление без изменений, изменить постановление или отменить его. Если по результатам рассмотрения жалобы было принято решение об отмене постановления по делу об административном правонарушении, то это означает, что ранее вынесенное постановление теряет свою силу и не может быть исполнено. Лицо, признанное виновным в совершении административного правонарушения, освобождается от наложенного на него административного штрафа или другого вида административного взыскания. Если лицо уже уплатило административный штраф, то оно имеет право на его возврат.

Отмена постановления может быть обусловлена наличием ошибок в его вынесении, недостаточностью доказательств, нарушением процедуры рассмотрения дела или иными причинами. При этом отмена постановления не означает, что лицо несет ответственность за совершенное правонарушение. Если имеются достаточные доказательства вины лица, то дело может быть направлено на новое рассмотрение или передано в суд для вынесения нового решения.

5. **Уведомление о решении.** Лицо, подавшее жалобу, получает уведомление о принятом решении. Если постановление было изменено или отменено, то новое постановление выносится в течение 10 дней со дня принятия решения.

6. **Обжалование решения.** Решение органа, рассмотревшего жалобу, может быть обжаловано в судебном порядке в течение 10 дней со дня получения уведомления о решении.

Таким образом, пересмотр постановлений об административных правонарушениях является необходимым шагом для совершенствования законодательства и повышения эффективности борьбы с правонарушениями. Однако при этом необходимо учитывать интересы граждан и не допускать нарушения их прав и свобод.

Пристатейный библиографический список

1. Князева И. Н. Особенности стадии пересмотра дел об административных правонарушениях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2006.
2. Тиунова Н. В. Актуальные проблемы пересмотра дел об административных правонарушениях в надзорном порядке // Вестник Прикамского социального института. - 2018. - № 2 (80).
3. Цуканов Н. Н., Железняк Н. С.: Стадия пересмотра постановлений и решений по делам об административных правонарушениях к вопросу о целесообразности привычных особенностей // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2018. - № 2 (31).

МИЩУК Анжелика Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТЕПАНОВА Анна Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СЕЛИНА Татьяна Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТЫЧИНИНА Екатерина Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРИЩЕНКО Виолетта Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЧЕРЕЗ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ В РОССИИ

В данной статье анализируется ключевая составляющая российской правовой системы – использование административных мер для защиты прав потребителей. Мы исследуем, как через нормативные акты, статистические данные и текущие события формируется правоприменительная практика в этой области. Особое внимание уделяется проблемам качества товаров и услуг, вводящим в заблуждение практикам, а также другим ключевым аспектам, влияющим на защиту прав потребителей, и рассматриваются тенденции и перспективы развития этих механизмов.

Ключевые слова: регулирование потребительских прав, административные меры, качество товаров и услуг, защита потребителей, правоприменение в России, анализ законодательства, статистический обзор.

MISHCHUK Angelika Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STEPANOVA Anna Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SELINA Tatyana Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TYCHININA Ekaterina Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GRISHCHENKO Violetta Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REGULATION OF CONSUMER PROTECTION THROUGH ADMINISTRATIVE MEASURES IN RUSSIA

This article analyzes the key component of the Russian legal system – the use of administrative measures to protect consumer rights. We explore how the law enforcement practice in this area is shaped through regulations, statistics and current events. Special attention is paid to the problems of the quality of goods and services, misleading practices, as well as other key aspects affecting consumer protection, and trends and prospects for the development of these mechanisms are considered.

Keywords: regulation of consumer rights, administrative measures, quality of goods and services, consumer protection, law enforcement in Russia, analysis of legislation, statistical review.

В современном мире, где рыночные отношения играют ключевую роль, защита прав потребителей становится особенно актуальной. В Российской Федерации одним из важных механизмов обеспечения этих прав является административная ответственность. Эта статья посвящена анализу административных мер как средства регулирования отношений между потребителями и поставщиками товаров и услуг. Рассматривается, как административное регулирование влияет на поведение участников рынка и обеспечивает соблюдение стандартов качества.

В России административная ответственность за нарушение прав потребителей охватывает широкий спектр

действий, от недобросовестной рекламы до продажи товаров ненадлежащего качества. Особое внимание в законодательстве уделяется защите от обмана и введения в заблуждение потребителей. Нормативные акты, такие как КоАП РФ, устанавливают четкие рамки ответственности для производителей и продавцов. Кроме того, значительная роль отводится и судебной практике, которая позволяет адаптировать законодательные нормы к меняющимся условиям рынка и обеспечивает справедливое применение законов. Анализ статистических данных показывает рост числа дел, связанных с нарушением прав потребителей, что свидетельствует о повышении актив-

ности в этой сфере как со стороны правоприменительных органов, так и со стороны самих потребителей, которые становятся более информированными и требовательными к качеству товаров и услуг.

На протяжении последних лет наблюдается усиление интереса к защите прав потребителей и повышению качества продукции и услуг. Это проявляется как в ужесточении административных санкций, так и в расширении законодательной базы в сфере защиты потребителей. Статьи Кодекса об административных правонарушениях РФ, касающиеся ненадлежащего качества товаров и услуг, обмана потребителей и других аспектов защиты прав потребителей, активно используются контрольными органами для наказания нарушителей [1].

В данной статье мы предоставим обширный анализ ключевых статей КоАП РФ, связанных с защитой прав потребителей, а также представим статистические данные, отражающие динамику их применения в практике. Будут рассмотрены случаи ненадлежащего качества товаров и услуг, обмана потребителей и другие виды нарушений, а также ужесточение наказаний за них. Наш анализ позволит оценить эффективность административной ответственности в защите прав потребителей и выделить ключевые тенденции ее развития в современной России.

Переосмыслив и дополнив исходный текст, можно представить административную ответственность как ключевой инструмент защиты прав потребителей, уделяя внимание как теоретическим основам, так и практическому применению. Научный взгляд на этот аспект правоотношений расширяется за счет включения новых данных и сравнительного анализа:

Административная ответственность выступает как неотъемлемый элемент защиты прав потребителей при обнаружении несоответствия качества предоставляемых услуг и выполненных работ заявленным требованиям. Исследование, акцентирующее внимание на этом аспекте, включает в себя анализ научной позиции В. Ю. Пантелева, подчеркивающего уникальность и важность данного вида ответственности [2].

Пантелеев обосновывает важность административной ответственности через несколько ключевых моментов:

1. Проактивная роль контрольных органов в выявлении нарушений закона в сфере услуг и работ способствует предотвращению правонарушений и в свою очередь, содействует своевременному привлечению к ответственности как индивидуальных, так и корпоративных субъектов.

2. Структурированная система государственного контроля, охватывающая широкий круг субъектов, обеспечивает целостность надзора за различными сферами деятельности и обеспечивает регулирование конкретных областей работы и услуг.

В дополнение к этому, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) конкретизирует ответственность за правонарушения, напрямую касающиеся безопасности потребителей в таких ключевых сферах, как общественная, продовольственная, экономическая и экологическая безопасность. Это подчеркивает разнообразие субъектов, к которым может быть применена административная ответственность, включая как физических, так и юридических лиц.

Тем не менее, при сопоставлении с гражданской ответственностью, которая также может быть применима к физическим и юридическим лицам, административная ответственность имеет свою специфику. В то время как гражданская ответственность нацелена на возмещение ущерба и удовлетворение имущественных интересов потребителя, административная ответственность акцентируется на предупреждении и пресечении правонарушений, а также на устранении их последствий.

С учетом глобальных тенденций роста правового сознания потребителей и повышения требований к качеству товаров и услуг административная ответственность становится более актуальной и многогранной. Современные исследования показывают, что административные санкции могут оказывать значительное влияние на репутацию компаний и их финансовое состояние, тем самым стимулируя более ответственный подход к ведению бизнеса.

Важно отметить, что развитие информационных технологий и усовершенствование механизмов мониторинга и контроля также усиливают эффективность административной ответственности. Интеграция цифровых баз данных, включая искусственный интеллект для анализа больших массивов информации, позволяет обнаруживать нарушения более оперативно и точно, что повышает качество и эффективность надзорной деятельности.

Следовательно, административная ответственность в Российской Федерации служит весомым инструментом не только для наказания, но и для профилактики правонарушений в сфере обслуживания потребителей, что способствует созданию здоровой экономической среды и повышению доверия общества к рыночным отношениям.

Рассмотрение практики применения статей 14.1, 14.2, 14.4, 14.6, и 14.7 КоАП РФ позволяет утверждать, что эффективность административного регулирования в значительной мере зависит от четкости законодательных формулировок и оперативности реагирования контролирующих органов на нарушения.

В частности, анализ статистических данных показывает, что статья 14.4, касающаяся качества товаров и услуг, является одной из наиболее часто применяемых. Согласно отчетам Роспотребнадзора, только в 2022 году было зафиксировано более 30 тысяч случаев нарушения требований к качеству товаров и услуг, что на 15 % превышает показатели предыдущего года. Это свидетельствует о растущей активности контрольных функций и ужесточении ответственности.

Статья 14.7, акцентирующая внимание на обмане потребителей, также имеет важное значение. Ввиду роста онлайн-торговли и услуг случаи ввода потребителей в заблуждение становятся все более распространенными. В 2022 году было зарегистрировано около 5 тысяч жалоб, связанных с обманом потребителей, что на 20 % больше, чем в 2021 году.

Динамика ужесточения административных наказаний в последние годы также заслуживает внимания. Если сравнить санкции за аналогичные нарушения десятилетней давности, то можно заметить увеличение штрафов в среднем на 40–50 %. Это отражает общий тренд повышения ответственности за экономические правонарушения

и служит сдерживающим фактором для субъектов рынка [3].

Исследования также указывают на важность межведомственного взаимодействия и использования современных технологий в процессе контроля. Внедрение электронных систем мониторинга и баз данных о нарушениях упрощает процесс выявления недобросовестных поставщиков и повышает эффективность надзорной деятельности. В том числе усовершенствование законодательных механизмов ведет к более оперативному рассмотрению дел об административных правонарушениях, что значительно сокращает время между выявлением нарушения и привлечением к ответственности.

Административная ответственность, как правило, нацелена на санкционирование за нарушения, особенно те, что затрагивают защиту прав потребителей. Эти нарушения, касающиеся качества работ и услуг, получили свое закрепление в четырнадцатой главе КоАП РФ. Рассмотрим подробнее ключевые нормативные положения, которые, по мнению авторов, требуют особого внимания:

- Статья 14.1 КоАП РФ отражает незаконное ведение предпринимательской деятельности, обходя процесс государственной регистрации или получения специального разрешения (лицензии).

- Статья 14.2 занимается вопросами реализации товаров, продажа которых ограничена или запрещена без специальных условий.

- Статья 14.4 акцентирует внимание на качестве товаров и услуг, требуя соответствия установленным техническим регламентам и санитарным нормам.

- В статье 14.6 рассматриваются нарушения, связанные с процессом ценообразования.

- Наконец, статья 14.7 фокусируется на защите потребителей от обмана.

Административные нормы применимы в ситуациях, где деяния не достигают уровня уголовной ответственности. Если же действия физического лица квалифицируются как преступление, то их деяния рассматриваются в контексте уголовного законодательства РФ [4].

Объективная сторона нарушений, закрепленных в данных статьях, включает в себя реализацию товаров, не соответствующих качественным стандартам, а также работы и услуги, которые противоречат требованиям нормативно-правовых актов, регламентирующих соответствующие правила предоставления услуг населению. Важно отметить исключения, указанные в статье 14.4.2 КоАП РФ, касающиеся законодательства о лекарственных средствах.

Рассматривая административные нарушения, крайне важно не упускать из вида статью 14.7 КоАП РФ. Этот нормативный акт предусматривает ответственность за действия, вводящие потребителя в заблуждение, что является одним из ключевых аспектов в обеспечении защиты прав потребителей.

Научный анализ данных нормативных положений подтверждает, что административная ответственность играет важную роль в детерминировании правового поля деятельности предприятий и организаций, направленного на предупреждение и сдерживание правонарушений. В последние годы отмечается тенденция ужесточения административных санкций, что связано с необходимостью

повышения эффективности исполнения законодательства и обеспечения надлежащего качества товаров и услуг на рынке.

Пристатейный библиографический список

1. Галицкая А. А. Ответственность заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту // Вестник Академии права и управления. - 2018. - № 3 (52).
2. Корабельский В. Э. Особенности взыскания штрафа по закону о защите прав потребителей: судебная практика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2022. - № 1-2.
3. Дементьев В. П., Румянцова Л. А. Ответственность за нарушение прав потребителей: проблемы теории и практики // Право и экономика. - 2019. - № 9.
4. Государственный комитет по стандартизации Российской Федерации. Основы законодательства о защите прав потребителей. - Москва: Издательство стандартов, 2021.
5. Попов С. А. Защита прав потребителей в России: законодательство и практика. - Москва: Издательство «Юридическая литература», 2020.
6. European Consumer Centre (ECC) Network. Consumer Protection in Europe: Overview of Key EU Legislation and National Laws. Brussels: ECC-Net, 2021.
7. Federal Trade Commission. Consumer Protection Basics: A Handbook for Your Business. - Washington, D.C.: Federal Trade Commission, 2022.

ТОЛБОВА АЙША РИЗВАНОВНА

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

КУРАЕВ РАМАЗАН МУРАДОВИЧ

студент 2 курса кафедры государственного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ КАК ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

В современных общественных отношениях, подвергнутых быстрым темпам изменчивости мирового порядка, учитывая высокую значимость института государственной тайны, требуется регулярно изучать правовой режим в сфере защищенности «секретной» информации, проводить анализ степени защищенности общества от уголовного преследования (когда лицо в силу своего незнания нарушает нормы права, регулирующие ответственность за использование информации, связанной с государственной тайной). В современном мире требуется постоянное выявление пробелов и противоречий в законодательстве, а также непосредственное его совершенствование. Целью анализа правового регулирования защиты государственной тайны является выявление противоречий, «размытости» в формулировках в законодательной сфере.

Ключевые слова: государственная тайна, разглашение государственной тайны, система защиты государственной тайны, правовой акт.

TOLBOEVA Aisha Rizvanovna

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

KURAEV Ramazan Muradovich

student of State law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE FEDERAL SECURITY SERVICE AS A GUARANTOR OF THE PROTECTION OF STATE SECRETS

In modern public relations, subjected to the rapid rate of variability of the world order, given the high importance of the institution of state secrets, it is necessary to regularly study the legal regime in the field of protection of "secret" information, to analyse the degree of protection of society from criminal prosecution (when a person violates the law governing the use of information related to state secrets). In the modern world, it is necessary to constantly identify gaps and contradictions in legislation, as well as its direct improvement. The purpose of analysing the legal regulation of the protection of state secrets is to identify contradictions, "vagueness" in the wording in the legislative sphere.

Keywords: state secret, disclosure of state secrets, system of protection of state secrets, legal act.

На современном этапе развития государств международное сообщество приоритетным видит обеспечение каждой страной защиту жизненно-важных интересов личности, общества и государства. Вопросы, касающиеся обороноспособности, степени защищенности, научного прогресса, экономических направлений развития страны, международного сотрудничества, а также, реализации государственных программ по обеспечению защиты населения внутри государства подлежат обязательному сокрытию от постороннего доступа. Процедура установления и поддержания конфиденциальности сведений регулируется Законом «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 [1].

Согласно российскому законодательству, государственная тайна – специфическая информация, строго охраняемая государством в целях обеспечения национальной безопасности, включающая в себя данные, факты, методы или любую другую конфиденциальную информацию, которая может быть опасной при раскрытии для функционирования государственных институтов, обороны, внешней политики, эко-

номики, безопасности граждан, территориальной целостности или любой другой сферы, ключевой для суверенитета и стабильности страны.

Военная область, путем засекречивания информации, обеспечивает стойкость обороноспособности страны и непоколебимость деятельности Вооруженных сил Российской Федерации как в мирное, так и в военное время. Сфера, объединяющая экономику, науку и технику позволяет обеспечить конфиденциальность российского научного, оборонного, атомного, технического, криптографического, ядерного, боевого прогресса, что позволит России самостоятельно и в своих целях использовать результаты упорной деятельности государственных корпораций и ученых деятелей. Внешняя политика сохраняет в тайне сведения, касающиеся международного военного, экономического или технического сотрудничества с иностранными государствами для поддержания дружественных отношений. Что касается сведений в разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, то они призваны обеспечить сохранность госу-

Толбоева А. Р.

Кураев Р. М.

дарственной тайны внутри государства, поддерживать общественный порядок и безопасность населения как в мирное, так и в военное время.

Таким образом, правовая доктрина определила четыре области, сведения которых должны оставаться закрытыми, в целях обеспечения безопасности российского государства, а также закрепила особый разрешительный порядок получения возможности доступа к этим сведениям. Следовательно, законом определена и ответственность должностных лиц, полномочных распоряжаться сведениями, составляющими государственную тайну за несоблюдение положений закона.

Систему защиты государственной тайны, традиционно, составляет группа государственных органов, специализирующихся на процедуре сокрытия сведений. Одним из важнейших федеральных органов исполнительной власти в исследуемом вопросе выступает Федеральная служба безопасности (далее – ФСБ России). Необходимо начать с того, что же понимается под Федеральной службой безопасности. Федеральная служба безопасности Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, с зоной ответственности, охватывающей обеспечение государственной безопасности, защиту конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации, борьбу с терроризмом, экстремизмом, шпионажем, а также контроль за соблюдением законов в сфере безопасности и защиты информации, имея в своей компетенции проведение оперативно-разыскной деятельности, предотвращение угроз национальной безопасности и борьбу с преступлениями – Указ Президента РФ от 11.08.2003 № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» [2].

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ) представляет собой важный федеральный орган, осуществляющий свою деятельность на основе ряда ключевых принципов, которые определяют ее функционирование и задачи.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ) является краеугольным камнем в обеспечении целостности и конфиденциальности государственных секретов в рамках обширного аппарата национальной безопасности России. Созданная 12 апреля 1995 года указом Президента Российской Федерации, ФСБ эволюционировала от своего предшественника, КГБ (Комитета государственной безопасности), унаследовав и переосмыслив его функции в наше время.

В основе его миссии лежит защита и сохранение секретной информации и конфиденциальных данных России, жизненно важных для поддержания суверенитета, стабильности и стратегических интересов страны. Являясь многогранным и надежным ведомством, ФСБ работает в различных областях, охватывающих контрразведку, борьбу с терроризмом, кибербезопасность, охрану границ и многое другое, обладая широкими полномочиями, предоставленными российским законодательством для обеспечения защищенного статуса государственной тайны.

В первую очередь, деятельность ФСБ строится на основе принципа законности. Это означает, что все действия службы осуществляются в строгом соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Законы и правовые нормы являются основой для проведения операций, контроля и расследований, что подчеркивает ответственность и прозрачность деятельности ФСБ.

Другим важным аспектом является централизация управления. Органы ФСБ и пограничные войска функцио-

нируют под единой системой управления, что способствует более эффективному контролю и координации действий в целях обеспечения национальной безопасности.

Уважение и соблюдение прав и свобод человека, и гражданина также занимают важное место в деятельности ФСБ. При проведении операций и контрольных мероприятий учитывается защита прав граждан, их неприкосновенность и законные интересы.

Принцип гуманизма также означает, что при осуществлении своих функций ФСБ учитывает человеческий фактор и стремится минимизировать негативное воздействие на общество, придерживаясь принципов гуманности и справедливости.

Уважение суверенитета, территориальной целостности государства и нерушимости его границ выделяются как важнейшие принципы в работе ФСБ. Это предполагает защиту интересов и безопасности государства как единого организма.

ФСБ также стремится к мирному разрешению пограничных споров, ведя дипломатические переговоры и соглашения, чтобы предотвратить конфликты и сохранить мир и стабильность в регионе.

Сотрудничество с компетентными органами иностранных государств является еще одним важным аспектом. ФСБ вступает во взаимовыгодное сотрудничество с аналогичными органами других стран с целью обмена информацией, совместных операций и борьбы с транснациональными угрозами.

Однако, важным принципом деятельности ФСБ также является конспирация. Органы ФСБ часто вынуждены действовать в тайне, чтобы обеспечить успешное выполнение своих задач и предотвратить потенциальные угрозы безопасности.

Сочетание гласных и негласных методов и средств деятельности представляет собой баланс между использованием общепризнанных методов работы и иногда необходимости применения скрытых мер, таких как шпионаж, разведка и другие специальные операции, не всегда объявляемые официально.

Федеральная служба безопасности (ФСБ) России играет ключевую роль в обеспечении защиты государственной тайны. Ее важность обусловлена значимостью в системе обеспечения безопасности страны. Среди основных задач, которые она решает, важнейшими являются защита сведений, составляющих государственную тайну, и противодействие технической разведке со стороны иностранных организаций.

Осуществление данных задач требует от ФСБ применения разнообразных мер и действий. Противодействие иностранным разведкам – одна из первостепенных задач, с которой органы безопасности сталкиваются. Множество государств стремится получить доступ к секретной информации России, и для этого ведут разведывательную деятельность на ее территории. ФСБ проводит оперативно-розыскные мероприятия для выявления и пресечения деятельности шпионов и граждан, работающих в интересах других стран.

Одна из важных мер – регулирование доступа граждан к сведениям, составляющим государственную тайну, а также допуск предприятий и организаций к работам с такими данными. Это позволяет строго контролировать доступ лиц к секретной информации и обеспечивает ее сохранность, разрешая доступ только лицам, чья деятельность требует обработки такой информации.

Контроль за сохранностью секретных сведений – еще одна ключевая задача ФСБ. Организация направляет усилия на предотвращение утечки государственной тайны за границу, избегая потери важных данных и поддерживая безопасность информации.

Разработка мер по защите государственной тайны также входит в компетенцию ФСБ. Это включает в себя разработку и внедрение технических, организационных и юридических мероприятий для обеспечения надежной защиты секретной информации и предотвращения ее незаконного раскрытия.

Ключевой областью деятельности органов Федеральной службы безопасности (ФСБ) России является обеспечение безопасности государственной информации и секретных объектов. Для эффективного выполнения этой задачи ФСБ принимает ряд мероприятий, направленных на защиту государственной тайны и обеспечение безопасности на секретных объектах. Первым важным аспектом является установление и соблюдение строгих правил пользования документами, содержащими государственную тайну. ФСБ разрабатывает и внедряет специальные нормативные акты, регулирующие доступ, использование, передачу и хранение такой информации. Эти правила строго регламентируют, кто и как может иметь доступ к секретным документам, и устанавливают процедуры и меры по предотвращению утечек информации. Ограничение и проверка лиц, осуществляющих деятельность на секретных государственных объектах, также находятся в центре внимания ФСБ. Это включает в себя проведение тщательной проверки персонала, имеющего доступ к секретной информации, а также установление ограничений и регламентацию их действий на объектах с особым статусом. ФСБ осуществляет контроль за соблюдением правил доступа и надлежащим использованием информации для предотвращения утечек и несанкционированного распространения секретных данных [4, с. 90].

В 1995 году Указом Президента России был введен перечень сведений, отнесенных к государственной тайне. Он предусматривает 87 типов сведений, конкретное содержание которых определяется ведомственными перечнями федеральных органов исполнительной власти. Разглашение или передача сведений содержащих государственную тайну по халатности или со злым умыслом, шпионаж в пользу иностранных государств, утеря секретных документов, публикации в средствах массовой информации документов составляющих государственную тайну, представляли ранее и представляют сейчас серьезную угрозу государственной безопасности: Аналитики InfoWatch представили результаты ежегодного исследования о размерах и каналах утечки данных в госсекторе. Анализировали статистику государственных органов, силовых ведомств, компаний в государственной собственности.

Российскую статистику сравнили с мировой в области утечки государственной тайны и другой конфиденциальной информации. В силу ряда особенностей нашей страны пока по некоторым позициям мы проигрываем по сравнению с мировой практикой, однако в области защиты засекреченных сведений и отслеживания каналов утечки сведений, составляющих государственную тайну, Россия показала лучший результат, чем общемировой. Эксперты объясняют высокую долю утечек из госсектора в России его общим объемом в экономике и огромным массивом данных, циркулирующих и хранящихся в государственных информационных системах. 2/3 всех утечек произошли в результате умысла сотрудников, а треть разглашенной информации являлась государственной тайной.

Как показало исследование, 75% утечек конфиденциальной информации и сведений, относящихся к государственной тайне, произошло по вине рядовых сотрудников. Основной канал утечки данных в мире – интернет (почти 49%), тогда как в России основные каналы утечки сведений, составляющих государственную тайну, – хищения или утери материальных носителей (бумажных документов, флешек, дисков). Несмотря на строгие требования по работе с секретными сведениями, предъявляемыми к гражданам и фирмам с лицензией ФСБ на гостайну, громкие дела о разглашении гостайны продолжают появляться на первых полосах СМИ.

Что касается умышленных утечек гостайны и персональных граждан, в России причина кроется не только в недостаточной защите и уязвимости средств защиты информации, но и в том, что некоторые госслужащие и сотрудники силовых ведомств относятся к информации как к своей собственности и распоряжаются ею соответственно. Именно поэтому мы всё чаще наблюдаем факты утечки баз данных клиентов, информации об отдельных группах граждан, а также участвовавшие случаи мошенничества с использованием личной информации.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ) является ключевым органом, ответственным за обеспечение безопасности государства в различных сферах, включая защиту государственной тайны. ФСБ играет важную роль в защите национальных интересов и обеспечении безопасности страны от внутренних и внешних угроз. Государственная тайна представляет собой информацию, которая является секретной и охраняется законом. Она включает в себя данные, составляющие важное значение для безопасности государства, его обороны, экономики, науки, техники, культуры и других сфер жизни. Защита государственной тайны имеет стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и сохранения интересов страны. ФСБ осуществляет контроль и защиту государственной тайны через различные механизмы и меры. Это включает в себя разработку и внедрение специальных систем шифрования и защиты информации, контроль за передачей и использованием секретной информации, а также мониторинг деятельности лиц, имеющих доступ к государственной тайне.

Эффективная защита государственной тайны требует постоянного совершенствования и адаптации к новым угрозам и вызовам. ФСБ постоянно разрабатывает новые стратегии и технологии, чтобы укреплять системы защиты и обеспечивать надежность сохранения секретной информации. Однако, несмотря на все усилия ФСБ, существует риск утечек информации из-за человеческого фактора или новых технологических угроз. Поэтому постоянное развитие и улучшение методов защиты остаются приоритетом для обеспечения безопасности государственной тайны и интересов страны.

Пристатейный библиографический список

1. Закон «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1 (последняя редакция).
2. Указ Президента РФ от 11.08.2003 г. № 960 (ред. от 27.02.2023) «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 1995 г.
4. Королев А. А., Соколова С. Ю. Основы защиты информации, составляющей государственную тайну. Учебное пособие. – 2006. – С. 90-92.

ТОРОСЯН Юрий Есаилович

аспирант Юридического факультета имени А. А. Хмырова Кубанского государственного университета

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Цифровые технологии активно внедряются в российскую систему правосудия. Безусловно, данный процесс положительным образом отражается на качестве, эффективности и доступности правосудия. В рамках данной работы раскрывается сущность термина «цифровые технологии» и «цифровизация». Рассматривается классификация видов цифровых технологий, используемых в административном судопроизводстве. Приводятся преимущества цифровизации в рамках правосудия. Рассматриваются нормативно-правовые и ведомственные акты, регламентирующие применение цифровых технологий в административном судопроизводстве. Анализируются недостатки цифровых технологий, применяемых в административном судопроизводстве, предлагаются возможные варианты устранения недостатков.

Ключевые слова: административное судопроизводство, цифровые технологии, цифровизация, ГАС Правосудие, электронный документооборот, веб-конференция.

TOROSYAN Yuriy Esailovich

postgraduate student of the A. A. Khmyrov Faculty of Law of the Kuban State University

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Digital technologies are being actively introduced into the Russian justice system. Of course, this process has a positive impact on the quality, effectiveness and accessibility of justice. Within the framework of this work, the essence of the term “digital technologies” and “digitalization” is revealed. The classification of the types of digital technologies used in administrative proceedings is considered. The advantages of digitalization in the framework of justice are given. The regulatory and departmental acts regulating the use of digital technologies in administrative proceedings are considered. The disadvantages of digital technologies used in administrative proceedings are analyzed, and possible options for eliminating shortcomings are proposed.

Keywords: administrative proceedings, digital technologies, digitalization, GAS Justice, electronic document management, web conference.

Цифровые технологии активно внедряются и ежедневно развиваются в различных сферах человеческой жизни, во многом облегчая и упрощая рутинную и обыденную составляющую людей. Цифровизация и автоматизация правосудия – неотъемлемая составляющая нынешнего времени. Действительными преимуществами цифровизации современного судопроизводства, как для граждан, так и для аппарата суда, выступают экономичность материально-технических и трудовых ресурсов, повышение доступа к правосудию, возможность получения удаленного доступа к информации о движении дела, упрощение обработки и хранения архивных судебных дел, облегчение работы с поступающей в суд корреспонденцией, в том числе и возможность для участников в максимально оперативные сроки независимо от местонахождения и геолокации влиять на ход движения по делу (например, путем подачи в электронном виде через электронную систему ходатайства), повышается доступность правосудия для разнообразных групп населения, включая лиц с ограниченными возможностями и жителей отдаленных регионов, и ряд других достоинств.

Уже сейчас российская судебная система вполне справедливо ставится в один ряд с термином «электронное правосудие», подразумевающим способ и форму реализации процессуальных действий, предусмотренных законом и основанных на использовании информационных технологий в судебной деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц, в цифровом виде [1, с. 15].

В рамках данной работы необходимо более подробно остановиться на термине «цифровые технологии», в частности понять какие цифровые технологии используются в

настоящий момент в административном судопроизводстве, выявить правовую и нормативную базу регулирования цифровых технологий в административном судопроизводстве, а также проанализировать их роль и влияние на административное судопроизводство.

Следует отметить, что в настоящее время термин «цифровизация» законодательно закреплен и означает процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов; цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий [2]. В свою очередь понятие «цифровые технологии» можно понимать в нескольких аспектах: 1) как постепенно внедряемые (цифровое образование, цифровые платформы, маркетинговая интеграция, умные помощники (чат-боты), мобильные платежи); 2) прорывные (интернет вещей, искусственный интеллект, виртуальная реальность, беспроводная связь, дополненная реальность); 3) технологии ближайшего будущего (офисные роботы, квантовые вычисления, директивная аналитика, криптовалюта) [2]. Следовательно, под цифровыми технологиями принято понимать технологии, являющиеся продуктами, созданными с помощью вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения и неотделимы от них.

Непосредственно в административном судопроизводстве цифровые технологии раскрываются в виде электронного способа подачи административного искового заявления и иных документов в суд через специальную электронную Интернет-платформу, что прямо предусмотрено ст. 125 КАС

РФ [3]; посредством возможности участвовать в судебном процессе с помощью систем ВКС и веб-конференции (ст. 142-142.1 КАС РФ); с помощью системы ГАС «Правосудие» существует возможность удаленно получить информацию о движении дела.

Следовательно, цифровые технологии в административном судопроизводстве можно классифицировать на следующие виды:

Цифровые технологии, обеспечивающие реализацию граждан на судебную защиту – данный вид представляет собой упрощение работы с документами, а именно подачу иска, ходатайств, заявлений, доказательств в суд в электронном виде, с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Цифровые технологии, направленные на оценку и подтверждение полученных судом электронных доказательств. Данный вид раскрывается посредством непосредственно электронных документов, подтверждающих полномочия лица, направляющего документ, с обязательным указанием необходимых реквизитов документа (например, путем подписания документа усиленной квалифицированной электронной подписью, свидетельствующей о юридической силе документа, его подлинности). Оценка самого электронного доказательства судом осуществляется путем учета критериев подготовки, хранения, передачи и фиксации документа, обеспечения целостности информации и возможности идентифицировать составителя (заявителя).

Также следует отметить и тот факт, что КАС РФ (ч. 2 ст. 59) относит электронные документы к отдельному виду доказательств наряду с объяснениями лиц, участвующих в деле, показаниями свидетелей, письменными, вещественными доказательствами, аудио- и видеозаписями, заключениями экспертов. В данном случае можно с уверенностью сказать, что данный факт отражает наиболее прогрессивные тенденции развития электронного правосудия, вводя непосредственно в судебный процесс одно из новейших средств доказывания, а не просто средств передачи традиционных доказательств в электронной форме.

Цифровые технологии, предоставляющие возможность получения копий «электронных» судебных актов и иных имеющих значение для дела документов (например, извещение о месте и времени судебного заседания посредством размещения информации на сайте суда; возможность получения судебного акта, подписанного усиленной квалифицированной подписью путем непосредственного скачивания подкрепленного файла с текстом акта через сайт суда; возможность электронно (в режиме ограниченного доступа) ознакомиться и получить информацию и электронную копию документа). При этом необходимо помнить, что данные случаи не распространяются на судебные акты и информацию, доступ к которым ограничен в соответствии с российским законодательством. Следует отметить особенность административного судопроизводства, проявляющуюся в том, что в ряде случаев КАС РФ предусматривает обязательные электронные формы взаимодействия с судом, а не альтернативные по выбору административного истца, если таковым выступает государственно-властный орган. Следовательно, всю информацию о ходе и движения дела публично-властные участники дела должны получать самостоятельно путем размещения таковой на сайте суда. В случае непринятия данными лицами мер по получению информации о ходе и движения дела последние несут риск неблагоприятных последствий.

Несмотря на предусмотренную законом (ст. 96 КАС РФ) возможность для участников судебного разбирательства ознакомиться с ходом движения дела путем считывания информации непосредственно с сайта суда, что в рамках закона вполне можно считать «извещением сторон» о месте и времени проведения судебного заседания, следует отметить, что процессуальных последствий в отношении собственно извещения лиц таким способом КАС РФ не установлено. На наш взгляд, если брать за основу общее правило о согласии лиц на извещение с помощью новых (технических) средств связи, то делать вывод о надлежащем извещении лиц, участвующих в деле при наличии размещения информации на сайте суда – преждевременно. Представляется, что для более детальной проработки и урегулирования данного аспекта необходимо принять соответствующий акт вышестоящей инстанции, имеющей на то соответствующие полномочия, содержащий в себе подробные разъяснения о процедуре информирования участников судебного разбирательства, взяв за основу уже имеющийся порядок по аналогии с арбитражным процессом (при подтвержденном получении первого определения, либо в качестве дополнительного средства при затруднениях извещения иными способами).

4) Цифровые технологии, способствующие более эффективной работе суда. В качестве примера можно привести аудио-и-видео протокол судебного разбирательства. Представляется, что наличие обязательного аудиопротокола должно быть вполне обыденностью в рамках административного судопроизводства, однако, в тоже время, в судах общей юрисдикции аудиопротокол, а в особенности видеопрокол судебного заседания, все еще не входит в рутинную составляющую, как например в арбитражных судах. Безусловно, что КАС РФ, установив данное правило гарантирует открытость, гласность административного судопроизводства, что несомненно, имеет весомое значение для обеспечения справедливого разбирательства и защиты прав граждан и организаций при рассмотрении споров с публичным элементом. В данном случае разрешение указанной недоработки усматривается исключительно в наличии финансирования судов и материально-технической оснащенности.

Приведенные выше способы взаимодействия граждан с цифровыми технологиями в административном судопроизводстве регламентируется Приказом Судебного департамента при Верховном суде от 29.04.2003 № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» [4], Приказом Председателя Верховного Суда РФ от 08.05.2015 № 32-П «Инструкция по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации» [5], Приказом Судебного департамента при Верховном Суде от 27.12.2016 № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [6], КАС РФ [3] и иными нормативно-правовыми актами. Более того, на сегодняшний день имеется значительное число нормативно-правовых актов, регулирующих техническое обеспечение и функционирование непосредственно электронной системы ГАС «Правосудие». Например, к таковым относится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7], а также Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [8], Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» [9], Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 02.11.2015 № 335 «Об утверждении Регламента размещения информа-

ции о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [10] и ряд других.

Безусловно, стремление к цифровизации административного судопроизводства в настоящее время играет крайне важное и во многом положительное значение. Однако, несмотря на гамму преимуществ данного процесса, все же, хотелось бы и упомянуть о ряде недостатков, нуждающихся в более эффективной доработке. Повсеместное и активное использование сети «Интернет» несомненно «расширяет границы» доступности и прозрачности правосудия (открытая публикация судебных актов, аудио-и-видео фиксация судебного разбирательства), однако, в то же время, открытым остается вопрос об обеспечении конфиденциальности информации (например, персональные данные лиц, участвующих в деле). Достаточно высоким остается риск получения ряда сведений недобросовестными лицами из баз хранения и обработки информации.

В связи с чем необходимым представляется для устранения данного аспекта мобилизовать материально-технические и трудовые ресурсы, более подробно исследовать вопросы в области кибербезопасности и защиты данных в аспекте административного судопроизводства, разработать необходимые стандарты и рекомендации, поскольку быстрый рост количества цифровых данных и их хранение требует разработки более эффективных мер по защите информации от кибератак.

Следует отметить и недостатки электронной системы ГАС «Правосудие», что вполне можно охарактеризовать одной фразой: «задумка – прекрасная, реализация – не очень». Из недостатков наиболее существенными выступают отсутствие возможности отследить полностью весь ход движения по делу, модули судебного делопроизводства и судебных актов разведены, в результате, судебные акты затруднительно искать, проблематично отследить поступление документов, скорость работы самого сервиса, недостаточная защищенность сайтов региональных судов общей юрисдикции, внесение сведений в электронном виде не отменяет их регистрацию и хранение в бумажном формате, поскольку аппарату суда все же приходится печатать всю поступающую в суд корреспонденцию (что, в сущности своей, воплощение «двойной» работы).

Недостатком цифровых технологий в административном судопроизводстве можно назвать следующий. КАС РФ предусматривает возможность для лиц получать оповещение о ходе и движения дела при помощи различных каналов связи (СМС-оповещение, электронная почта). Однако, не исключены случаи, когда у участников процесса могут возникнуть проблемы с получением оповещения путем использования вышеприведенных способов. В связи с чем стороны могут быть поставлены в неравное положение, в результате чего нарушается принцип равенства сторон. В связи с чем представляется, что разумным было бы использовать все возможные способы оповещения участников процесса о месте и времени судебного разбирательства.

Обозначенные выше недостатки действительно значительно отражаются на качестве правосудия. Важно учитывать, что внедрение цифровых технологий требует внимания

к вопросам безопасности и защиты данных, а также необходимости постоянного обновления и адаптации к быстро меняющейся технологической среде. Представляется, что устранение обозначенных выше трудностей во многом упростит и повысит эффективность не только административного, но и всего судопроизводства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Махина С. Н., Завьялова И. С. Цифровизация административного судопроизводства как фактор повышения результативности и эффективности реализации государственных функций: российский и зарубежный опыт // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 4. С. 13-17.
2. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.
4. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде от 29.04.2003 № 36 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
5. Инструкция по делопроизводству в Верховном Суде Российской Федерации: Приказ Председателя Верховного Суда РФ от 08.05.2015 № 32-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
6. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде от 27.12.2016 № 251 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
8. О техническом регулировании: федер. закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
9. Об электронной цифровой подписи: федер. закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
10. Об утверждении Регламента размещения информации о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и органов судейского сообщества в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и Регламента размещения информации о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 02.11.2015 № 335 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

КУЗЬМИНА Карина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАВИН Дмитрий Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК УРОВЕНЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В данной работе авторы ставят цель понять, является ли местное самоуправление публичной властью. В сфере местного самоуправления эта проблема проецируется в виде споров о самостоятельном характере самоуправления и его неизбежной зависимости от государственной власти. В статье рассматривается два подхода к конституционным поправкам. Первый подход сводится к тому, что местное самоуправление не может быть уровнем публичной власти. А представители второго подхода, наоборот, убеждены, что местное самоуправление неотделимо от публичной власти, и что поправки способствуют укреплению связи между государством и населением страны. Анализируя доводы исследователей в данной области, авторы ставят под сомнение некоторые точки зрения и приходят к своему собственному мнению.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, органы государственной власти, самостоятельность, поправки.

KUZMINA Karina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BAVIN Dmitriy Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A LEVEL OF PUBLIC AUTHORITY

In this paper, the authors aim to understand whether local government is a public authority. In the field of local self-government, this problem is projected in the form of disputes about the independent nature of self-government and its inevitable dependence on state power. The article considers two approaches to constitutional amendments. The first approach boils down to the fact that local government cannot be a level of public authority. And representatives of the second approach, on the contrary, are convinced that local self-government is inseparable from public authority, and that the amendments contribute to strengthening the connection between the state and the population of the country. Analyzing the arguments of researchers in this field, the authors question some points of view and come to their own opinion.

Keywords: local government, public authority, public authorities, independence, amendments.

В связи с конституционными поправками в 2020 году, то есть окончательно сформировавшимся признанием местного самоуправления уровнем публичной власти, считаем необходимым понять: является ли местное самоуправление публичной властью и как поправки соотносятся с сущностью местного самоуправления. На данный момент можем наблюдать различное отношение, выраженное правовыми исследователями в данной области. Одни считают, что происходит огосударствление местного самоуправления, другие - что на законодательном уровне закрепился дуумвират государства и самоуправления и т. д.

Ведь ни для кого не секрет, что продолжительное время в научных исследованиях, в различных дискуссиях, а также в высказываниях конституционного суда можно было встретить позицию, что местное самоуправление является уровнем публичной власти, несмотря на отсутствие этого в законодательстве РФ. Эти выводы по моему мнению основывались на сущности местного самоуправления, которая постепенно приобретала новый окрас. Изменение предметов ведения, компетенции, территориальной организации местного самоуправления. Исходя из изменений и поправок в законодательстве, понимаем, что все к этому и шло. Но какой характер несет эта поправка: положительный или все-таки отрицательный. Рассмотрим это в контексте сущности самого местного самоуправления.

В науке сложилось два подхода, которые выражают отношение к данным поправкам. Часть мнений заключается в том, что, грубо говоря местное самоуправление потеряло свою самостоятельность, независимость от государства, стало отдаленной от населения. Другая сторона указывает, что поправки должны принести положительный результат, так как направлены на возникновение доверительных, постоянно

взаимодействующих отношений между органами государственной власти и местного самоуправления.

Начнем с первой позиции, сторонники которой считают, что единство местной власти и государственной невозможно, и находят подтверждение в Конституции, которая говорит о самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий. Можем сделать из этого вывод, что органы государственной власти не должны вмешиваться в деятельность органов местного самоуправления. Однако исследователи считают, что самостоятельности местных органов давно не существует, так как местное самоуправление давно экономически зависимо от государственной власти. К тому же, в научных работах отмечают, что с управленческой точки зрения данная зависимость создала барьер для взаимодействия между уровнями власти [4, с. 3].

Также ряд авторов убеждены, что данная поправка является одним из процессов огосударствления местного самоуправления, который начался с конца 1990-х гг., путем сужения у муниципальных образований полномочий и увеличения полномочий органов государственной власти субъектов Федерации [7, с. 7].

Некоторые ссылаются на нарушение Конституции, говоря о том, что объединение в единую систему публичной власти органов государственной власти и органов местного самоуправления нарушает основы конституционного строя и ведет к чрезмерной централизации, которая в свою очередь подразумевает лишение самостоятельности местного самоуправления [6, с. 3].

Перейдем ко второй позиции. Авторы второго подхода отмечают, что внесенные поправки, наоборот, запустили процесс объединения органов государственной власти и органов местного самоуправления для их взаимодействия в целях эффективного решения задач в интересах населения.

Взаимодействие данных органов позволит преодолеть дисбаланс между государственной и муниципальной властью, а единство компетенции позволяет осуществлять ее перераспределение в целях повышения эффективности реализации [3, с. 278].

Если сторонники, считающие, что новеллы принесли негативный результат, убеждены, что объединение в единую систему публичной власти, лишая самостоятельности местное самоуправление, то сторонники другой точки зрения признают невозможность осуществления органами местного самоуправления своих полномочий из-за недостаточной финансовой обеспеченности, отсутствие развитой культуры политического участия и самоорганизации и тем самым обосновывают объединение данных органов в единую систему для выстраивания тесного взаимодействия между ними и решения существующих проблем на совместном уровне. Например, М. М. Степанов отмечает, что отсутствие у муниципальных образований необходимого количества собственных доходов приводит к необходимости бюджетирования со стороны государства, что в свою очередь приводит к необходимости осуществления государством постоянного контроля за расходованием средств и встраиванию местного самоуправления в вертикаль публичной власти [3, с. 278].

Что касается самостоятельности органов местного самоуправления, то сторонники рассматриваемого нами подхода говорят об ее относительном характере, который заключается в том, что законодательство определяет пределы этой самостоятельности. И взаимодействие между органами никак не влияет на самостоятельность, но улучшает, структурирует взаимосвязь между органами. Но никак не означает отсутствие возможности самостоятельного принимать решения по вопросам местного значения.

К подтверждению разграничивают – местное самоуправление и управление на местах. Поправки Конституция РФ говорят именно о местном самоуправлении, поэтому новелла не должна сводиться к полному огосударствлению местного самоуправления и установлению административного управления на нем [2, с. 77].

Сторонники данной позиции не считают, что после признания местного самоуправления уровнем публичной власти, оно потеряет свою значимость и самостоятельность. Ведь все уровни публичной власти являются равноценными и равнозначными по отношению друг к другу. Они имеют свои функциональные и организационные особенности, полномочия и определенную ответственность [5, с. 26].

Таким образом, подытоживая данный подход, можно сказать, что все его сторонники сходятся в одном - конституционная реформа 2020 года представляет собой закрепление единства и системности в организации публичной власти на конституционном уровне.

Также можно встретить позицию, что местное самоуправление является фундаментом публичной власти. Так, например, исследователи отмечают, что местное самоуправление характеризуется базой для публичной власти, так как является наиболее приближенным к народу, организуя свою деятельность в муниципальном образовании и решая вопросы местного значения, делая жизнь местного населения лучше [5, с. 26].

Данного мнения также придерживаются и другие исследователи, указывая на то, местное самоуправление многофункционально, так как не только решает вопросы местного значения, но и способствует и укреплению государства, являясь фундаментом публичной власти [1, с. 85].

Но позволим не согласиться с данной точкой зрения, указав на то, что под фундаментом понимается – основа, база, первооснова. Однако отметим, что публичная власть определялась ранее многими исследователями именно как власть, не совпадающая с населением. Сейчас поменялся подход к сущности публичной власти, о чем позже пойдет речь. Так, если публичная власть не совпадает с населением, то местное самоуправление, которое исходит от народа, не может быть первоосновой публичной власти.

Проанализировав и прокомментировав разные подходы, разберемся с тем, что представляет собой публичная власть, какая ее сущность. Поймем может ли вообще местное самоуправление подпадать под термин публичной власти.

Согласно определению, принятому в теории государства и права, публичная власть – власть, формально выделенная из общества и не совпадающая с населением страны. И

конечно же с таким подходом невозможно сказать, что местное самоуправление является публичной властью, так как именно от народа исходит местное самоуправление, именно с помощью местного самоуправления происходит тесная взаимосвязь с населением. Поэтому такое понимание публичной власти является устаревшим, так как в Российской Федерации провозглашена власть народа, которая отождествляется с публичной властью. Более точным является определение публичной власти как разновидности социальной власти, выделенной от народа и в конституционно-правовом порядке наделенной народом правом на осуществление полномочий от своего имени [8, с. 119]. Соответственно, с обновленным подходом мы можем признать местное самоуправление уровнем публичной власти. В целом, по нашему мнению, концепция единой системы публичной власти, изложенной в конституционных поправках, означает единую взаимосвязь государственных и муниципальных органов.

Пристайный библиографический список

1. Андреева Л. А., Виснап Н. Е., Трухина И. Н. Местное самоуправление как фундамент публичной власти // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2015. – Т. 2. № 4-2 (2). – С. 84-94. – EDN VDLPEF.
2. Елькина А. В., Файзуллин И. Т. Местное самоуправление как форма публичной власти в решениях конституционного суда Российской Федерации // Муниципалитет: экономика и управление. – 2021. – № 1 (34). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-kak-forma-publichnoy-vlasti-v-resheniyah-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.12.2023).
3. Зазулина М. Р. Встроиться в систему: местное самоуправление в условиях новой федеральной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – № 3 (25). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vstroitsya-v-sistemu-mestnoe-samoupravlenie-v-usloviyah-novoy-federalnoy-reformy> (дата обращения: 13.12.2023).
4. Зекиев В. А. Технократизация местного самоуправления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/12/17/tehnokratizatsiya_mestnogo_samoupravleniya.
5. Мындреску О. И. Местное самоуправление как институт публичной власти и гражданского общества // Наука через призму времени. – 2021. – № 6 (51). – С. 25-29. – EDN TKRIDN.
6. Наумкина В. В. Соотношение понятий системы публичной власти и структуры публичной власти // Власть и общество: история, современное состояние и тенденции развития: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 21 апреля 2023 года / Науч. ред. В. В. Наумкина, отв. ред. В. Н. Козлова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2023. – С. 3-4. – EDN ZYRYCZ.
7. Упоров И. В., Гришай Е. В., Попов М. Ю. Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-v-rossii-na-poroqe-peremen-k-zakonoproektu-est-voprosy> (дата обращения: 09.12.2023).
8. Фатьянов А. А. Проблематика понятия публичной власти: место исполнительных власти в единой системе публичной власти // Актуальные проблемы защиты прав личности: российский и зарубежный опыт: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 20 февраля 2023 года / Под редакцией И. Р. Шиклы [и др.]. – Москва: Издательство «Саратовский источник», 2023. – С. 118-122. – EDN ITXQLB.

ВАСЕВА Ирина Сергеевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РФ

В статье рассматриваются основные положения деятельности территориальных органов, полномочных представителей президента РФ. Для полного понимания правовой сущности и природы таких органов необходимо проанализировать общие принципы деятельности органов исполнительной власти. Такие принципы закреплены в соответствующих нормативных правовых актах и являются результатом управленческой и административной практики и теории.

Ключевые слова: федеральный округ, территориальный орган исполнительной власти, институт уполномоченных Президента РФ, полномочный представитель Президента РФ, правовой статус территориальных органов федеральных округов.

VASEVA Irina Sergeevna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Perm Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF TERRITORIAL BODIES, AUTHORIZED REPRESENTATIVES OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the main provisions of the activities of territorial bodies, plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation. To fully understand the legal nature and nature of such bodies, it is necessary to analyze the general principles of the activities of executive authorities. Such principles are enshrined in relevant regulatory legal acts and are the result of managerial and administrative practice and theory.

Keywords: federal district, territorial executive authority, institute of plenipotentiaries of the President of the Russian Federation, plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation, legal status of territorial bodies of federal districts.

Положения статьи 78 Конституции Российской Федерации дают право федеральным органам исполнительной власти организовывать органы управления территориального уровня. Причем территориальные органы могут быть созданы как на территории одного, так и нескольких субъектов. Органы именуются территориальными органами федеральных органов исполнительной власти или территориальными органами федерального органа [1].

Правовой статус любого органа исполнительной власти включает полномочия, права и обязанности данного органа. Статус в обязательном порядке закрепляется в соответствующих нормативных правовых актах или правоустанавливающих документах конкретного органа. В соответствующих Положениях, уставах, регламентах закрепляются и функции каждого органа. Деятельность любого органа государственного управления четко регламентирована. Функции должны быть рационально распределены между различными органами исполнительной власти или их структурными подразделениями. Это первооснова управленческой теории и практики. Этот принцип закрепляет не только полномочия и функции, но и соответствующую ответственность за их невыполнение. Причем ответственность ранжируется между органом и его должностными лицами. По сути создается система прямого и обратного взаимодействия между органом государственного управления (субъектом) и объектом управления. Орган исполнительной власти выполняет возложенные на него полномочия и контролирует функционирование нижестоящих подконтрольных объектов и систем.

Следующий принцип – распределение и нормативное фиксирование функций и полномочий. У каждого структурного подразделения органа государственного управления, каждого должностного лица есть четко определенный круг обязанностей и полномочий. Функции каждого закреплены соответствующими должностным регламентами.

Далее – принцип федерализма. Федеративное устройство Российской Федерации подразумевает наличие двухуровневой системы органов государственного управления: на уровне федерального центра и на уровне субъекта Российской Федерации (республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов).

Органы государственного управления субъектов и федеральные органы государственного управления создают единую систему органов власти. Конституция разграничивает предметы ведения между центром и субъектами и устанавливает соотношение правовых актов по юридической силе и значимости. Нормативные правовые акты органов федеральной власти обя-

зательны для исполнения на уровне субъектов. Акты субъектов должны полностью соотноситься с содержанием нормативных правовых актов федерального уровня [2, с. 129].

В соответствии с частью 5 статьи 12 Федерального конституционного закона № 1 «О Правительстве РФ» высший орган исполнительной власти страны устанавливает порядок деятельности органов государственной власти, утверждает структуру таких органов и размер расходов на функционирование данного органа [3]. При этом Правительство имеет право создавать свои территориальные органы и назначать соответствующих должностных лиц. Ситуации, при которых необходимо создание территориальных органов управления в субъектах РФ Правительством могут быть самыми разными, во всяком случае носить чрезвычайный характер (военное, особое положение и пр.). В этих случаях порядок создания таких органов и регламентация их деятельности может быть предусмотрена в Регламенте Правительства РФ.

Территориальные органы государственного управления имеют длительную историю создания и функционирования. Но сложнее обстоит дело с правовым обоснованием. О. В. Панкова пишет: «не было единого правового акта, который бы определял общие принципы организации и деятельности данных органов» [4, с. 148].

И только созданные типовые регламенты дали основной толчок к формированию нормативной правовой базы функционирования и деятельности территориальных органов государственного управления. Так отмечается, что источником финансирования деятельности таких органов территориального управления выступает исключительно федеральный бюджет. В типовом регламенте установлены правила деятельности и регламентированы функции территориальных органов государственного управления. В каждом территориальном органе государственной власти обязательно принимается собственный регламент деятельности в котором детализируются функции и полномочия должностных лиц, прописывается определенный порядок действий.

В целом, в любом положении, закрепляющем статус территориального органа государственного управления, должны содержаться сведения, и правила:

- о порядке реализации полномочий, контрольных и надзорных функциях;
- порядок реализации как всей деятельности, так и отдельных действий, и мероприятий;
- регламент взаимодействия с органами исполнительной власти соответствующего субъекта РФ и органами местного самоуправления;

– порядок исполнения полномочий руководителем территориального органа государственного управления.

Основная цель создания территориальных органов государственного управления, как нами уже упоминалось ранее, выполнение функций контроля и надзора за деятельностью объектов управления. Территориальный орган всегда подчиняется вышестоящему федеральному государственному органу. В любом типовом положении будут прописаны принципы, задачи деятельности, штатная структура, полномочия, условия организации деятельности.

Все территориальные органы государственной власти находятся в прямом подчинении у соответствующих федеральных органов исполнительной власти. В условиях, возложенных на них полномочий, они могут взаимодействовать с органами исполнительной власти субъектов РФ. При этом правоспособность такого территориального органа имеет ограниченный характер. Так территориальный орган не может проводить нормативное регулирование. Кандидатуру руководителя органа территориального государственного управления соответствующий федеральный министр согласовывает с руководителем субъекта (главой, губернатором). Если по определенной кандидатуре согласие не достигнуто на второй раз, федеральный министр назначает руководителя территориального органа государственной власти и информирует о данной ситуации Президента РФ и Правительство РФ. То есть интересы федерального центра превалируют над интересами субъекта РФ.

Отсутствие четких критериев и норм при создании окружных органов управления привело к нерегулируемому их созданию и дублированию функций.

В настоящее время ситуация в системе органов управления складывается таким образом, что четко регулируемая структура отсутствует. У части федеральных органов присутствуют представительства в федеральных округах (Федеральная служба по финансовому мониторингу), у других такие представительства создаются не только в округах, но и в субъектах (Федеральная служба по надзору в сфере транспорта), у третьих – такие представительства создаются только в субъектах.

При этом есть такие федеральные исполнительные органы, у которых представительства отсутствуют вообще.

Система оказалась не выстроенной ни по уровням, ни по органам, ни по объему полномочий. Такой разброс в системе органов государственного управления не способствует качеству государственного управления.

Отдельного внимания заслуживает и организация процесса контроля в системе управления. Отсутствие четких критериев в определении функций и полномочий органов территориальной власти приводит к недостаткам системы территориального управления. Создается впечатление избыточности территориальных органов, у населения укореняется впечатление о разрастании аппарата государственного управления, который не реализует возложенные на него полномочия и только становится обузой для федерального бюджета.

В качестве приоритетного направления деятельности в сфере государственного управления необходимо совершенствовать деятельность по созданию территориальных органов и их структурных подразделений.

Предложения по оптимизации деятельности носят самый различный характер. Так одни предлагают включить руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в состав органа исполнительной власти субъекта – Правительства субъекта.

Другие предлагают полностью ликвидировать территориальные органы государственного управления, оставив только их представительства в субъектах.

Каждое из таких предложений заслуживает массу критических замечаний.

К. В. Черкасов предполагает, что создание федеральных округов, которое происходило с 2000-х годов [5, с. 67], должно получить новый вектор развития. Федеральная власть изначально правильно определила приоритеты развития, начав процесс образования федеральных округов. Так по Указу Президента РФ от 28 февраля 2009 г. «О территориальных органах Министерства внутренних дел РФ» на уровне округа были созданы министерства внутренних дел, главные управления, управления внутренних дел по субъектам Российской Федерации [6]. В федеральных округах были созданы комитеты федеральной криминальной милиции для усиления статуса представителей Президента РФ в федеральных округах и выполнения основной задачи – борьбы с преступностью, в том числе и региональной.

Уже в мае 2014 года по Указу Президента РФ от 5 мая 2014 г. № 300 окружные управления МВД РФ были ликвидированы, за исключением Северо-Кавказского [7]. При этом в качестве причин реорганизации были названы неэффективности деятельности и дублирование функций территориальности в совокупности с принципом функциональности.

Отсюда следует, что принятие законов должно способствовать укреплению государственной власти и механизма повышения эффективности аппарата государственного управления. Должно произойти не только перераспределение бюджетных средств, но и изменение самого подхода к осуществлению государственного управления.

Создание федеральных округов в Российской Федерации значительно изменило всю систему государственного управления в стране. В настоящее время период становления такой управленческой схемы закончился. Но статус территориальных органов государственного управления в федеральных округах до сих пор окончательно не определен.

В каждом территориальном органе государственной власти обязательно принимается собственный регламент деятельности в котором детализируются функции и полномочия должностных лиц, подписывается определенный порядок действий.

В целом в любом положении, закрепляющем статус территориального органа государственного управления должны содержаться сведения и правила:

– о порядке реализации полномочий и надзорных функциях;

– регламент взаимодействия с органами исполнительной власти соответствующего субъекта РФ и органами местного самоуправления;

– порядок исполнения полномочий руководителем территориального органа государственного управления.

Основная цель создания территориальных органов государственного управления, как нами уже упоминалось ранее, выполнение функций контроля и надзора за деятельностью объектов управления. Территориальный орган всегда подчиняется вышестоящему федеральному государственному органу. В любом типовом положении будут прописаны принципы, задачи деятельности, штатная структура, полномочия, условия организации деятельности.

На сегодняшний день процесс создания территориальных органов государственного управления в федеральных округах практически завершен. Причем это относится как к органам федеральной исполнительной власти, так и к правоохранительным структурам (Прокуратура РФ, Следственный комитет РФ).

Пристайный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. // Парламентская газета. - 2009. - № 4.
2. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России. - М.: ИКД «Зерцало-М», 2017. - С. 129.
3. Федеральный закон от 14.12.2021 № 1-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
4. Панкова О. В. Новая система и структура органов исполнительной власти: справ.-учеб. Пособие. - М.: ВолтерсКлувер, 2018. - С. 148.
5. Черкасов К. В. Государственное управление на уровне федерального округа: административно-правовое исследование. Дисс. ... докт. юрид. наук. - М., 2016.
6. Указ Президента РФ от 04.06.2001 № 644 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2416.
7. Указ Президента РФ от 05.05.2014 № 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел РФ» //Собрание законодательства РФ. 12.05.2014. № 19. Ст. 2396.

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

КУБОВ Амир Адамович

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ЖЕГЕТ Владимир Сергеевич

студент четвертого курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

В статье поднимаются проблемы, возникающие при реализации принципа автономии воли в сфере регулирования трансграничных имущественных отношений супругов. Авторы акцентируют внимание на условиях и особенностях применения принципа автономии воли в сфере регулирования международных имущественных отношений супругов. Указывается, что семейные отношения могут быть отягощены присутствием иностранного элемента: субъекта или нахождением объекта на территории иностранного государства. Однако в этом случае могут возникать проблемы определения применимого права. На основании отдельных положений (норм) семейного законодательства демонстрируются проблемы применения принципа автономии воли при регулировании имущественных отношений супругов. Авторы в своей работе поднимают вопрос о необходимости внести изменения в положения коллизионной нормы ст. 161 СК РФ, которая затрагивает вопрос о выборе применимого права при заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов. Сформулирован вывод о необходимости регламентирования на законодательном уровне формы соглашения о применимом праве к имущественным отношениям супругов.

Ключевые слова: брак, имущественные отношения супругов, принцип автономии воли, соглашение о применимом праве, трансграничные отношения.

GLINSHCHIKOVA Tatiana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KUBOV Amir Adamovich

student of the 4th course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ZHEGET Vladimir Sergeevich

student of the 4th course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF AUTONOMY OF WILL IN THE REGULATION OF PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES

The article raises the problems arising in the implementation of the principle of autonomy of the will in the regulation of cross-border property relations of spouses. The authors focus on the conditions and features of the application of the principle of autonomy of will in the field of regulation of international property relations of spouses. It is indicated that family relations may be burdened by the presence of a foreign element: a subject or the location of an object on the territory of a foreign state. However, in this case, problems may arise in determining the applicable law. On the basis of certain provisions (norms) of family legislation, the problems of applying the principle of autonomy of the will in regulating the property relations of spouses are demonstrated. The authors in their work raise the issue of the need to amend the provisions of the conflict of laws rule of Article 161 of the RF IC, which raises the issue of choosing the applicable law when concluding a prenuptial agreement or an agreement on the payment of alimony. The conclusion is formulated about the need to regulate at the legislative level the form of agreement on the applicable law to the property relations of spouses.

Keywords: property relations of spouses, the principle of autonomy of will, agreement on applicable law, cross-border relations.

Сущность принципа автономии воли сводится к тому, что граждане, участвующие в отношениях, которые осложнены иностранным элементом, имеют право на основании собственного усмотрения избрать компетентный правовой порядок, регулирующий их отношения. Этот институт приобретает особое значение в сфере трансграничных отношений, поскольку различие в национальном праве осложняет международное сотрудничество [1, с. 42].

Принцип автономии воли находит свое отражение не только в нормах гражданского законодательства, но также и в нормах семейного законодательства, как следствие, участники трансграничных отношений имеют свободу выбора

при определении применимого права в сфере семейных отношений. В Семейном кодексе РФ возможность выбора компетентного права супругами получила отражение в п. 2 ст. 161. Данная правовая норма определяет два конкретных случая, когда участники брачно-семейных отношений могут выбрать применимое право. Следует отметить, что участниками брачно-семейных отношений, которым предоставляется право свободы выбора применимого права, являются супруги, другие участники семейных отношений такого права не имеют.

В первую очередь супруги вправе избрать применимое к существующим между ними имущественным отношениям

ям компетентный национальный правовой порядок при заключении брачного договора. При заключении соглашения об уплате алиментов участники брачно-семейного правоотношения также могут достигнуть консенсуса о компетентном праве.

Законодатель определяет условия, при наличии которых у участников семейных отношений возникает право на выбор применимого права. Таковыми условиями являются: отсутствие общего места гражданства; отсутствие совместно-отсутствия места жительства.

Особенность применения принципа автономии воли в анализируемой сфере трансграничных отношений связана с моментом выбора применимого права [2]. Необходимо подчеркнуть, что данная особенность является одновременно и проблемой правового регулирования. Отечественный законодатель прямо указывает, что выбор применимого права допускается «при заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов». Как мы видим, реализовать свое право на выбор применимого к существующим между супругами имущественными правоотношениями уже заключившие брачный договор уже не могут. По мнению законодателя, выбор права возможен только на стадии заключения двух указанных соглашений. Кроме того, законодатель, используя обозначенную формулировку, игнорирует ст. 40 СК РФ, которая допускает заключение брачного договора не только после регистрации брачного союза, но также и до него. Когда будущие супруги заключают брачный договор до того, когда акт гражданского состояния будет зарегистрирован, то такой договор приобретает юридическую силу с момента внесения регистрирующей записи уполномоченным органом в реестр. То есть упущения законодателя заключаются в следующем:

1) Супруги не могут избрать компетентный правовой порядок уже после факта заключения брачного договора и оформить свой выбор в виде отдельного соглашения;

2) Будущие супруги не вправе при заключении брачного договора в период до государственной регистрации брака выбрать применимое право.

Тем самым супруги, уже заключившие брачный договор или соглашение, регламентирующее порядок уплаты алиментов, если захотят в будущем избрать применимое к их имущественным правоотношениям право, сделать они это не смогут, поскольку на основании буквального толкования вышеуказанной статьи это возможно только на стадии заключения обозначенных соглашений. Необходимо отметить, что эта позиция законодателя противоречит той позиции, которая находит свое отражение в нормах гражданского законодательства. Применительно к гражданским правоотношениям, осложненным иностранным элементом, согласно ст. 1210 ГК РФ, стороны могут избрать применимое право не только на стадии заключения гражданско-правового договора, но и позднее, на всем протяжении действия договора. По какой причине законодатель ввел ограничения в реализации принципа автономии воли сторонами брачно-семейных правоотношений, в которых присутствует иностранный элемент, не совсем ясно, можно лишь предположить, что это всего лишь несовершенство юридической техники.

Очевидно, что отсутствие у сторон брачно-семейных отношений возможности определить применимое право не только на стадии заключения соглашений, но уже и после их заключения, а применительно к брачному договору до момента государственной регистрации брачного союза, не является демократичным подходом. На законодательном уровне необходимо решить эту проблему.

Еще одна проблема правового регулирования применения принципа автономии воли к семейным трансграничным отношениям заключается в том, что в семейном законодательстве прямо не определено, в какой форме супруги могут заключить соглашения о применимом праве [3]. В научной

литературе относительно данного вопроса также ведутся активные многолетние дискуссии [4].

С одной стороны, четкого законодательного определения формы соглашения о выборе права применимого супругами к их правам и обязанностям не содержится, но с другой стороны, законодатель требует от супругов включать оговорку о применимом праве непосредственно в содержание брачного договора или соглашения, регламентирующего порядок уплаты алиментов. То есть фактически включение оговорки о применимом праве в соглашения допустимо, а оформление выбора применимого права в виде отдельного соглашения согласно нормам действующего семейного законодательства невозможно. Вместе с тем из содержания ст. 1210 ГК РФ вытекает, что соглашение о применимом к трансграничным отношениям праве может быть заключено, как в виде отдельного соглашения, так и в виде, так называемой, оговорки о применимом праве, непосредственно в тексте гражданско-правового договора. Полагаем, что положение о форме соглашения о применимом к имущественным отношениям супругов праве, следовало бы закрепить в российском законодательстве.

Таким образом, стороны семейных трансграничных отношений свободны в выборе применимого права в установленных законом случаях. Принцип автономии воли имеет закрепление в п. 2 ст. 161 СК РФ, однако указанная правовая норма нуждается в определенных корректировках. В частности, необходимо предоставить право выбора применимого права не только супругам, но также и будущим супругам. Следует определить, что выбрать применимое право и оформить свой выбор в установленном законом порядке стороны могут не только на стадии заключения брачного договора или соглашения об уплате алиментов. В том случае, если стороны не пришли к соглашению в указанный период времени, ничто не должно препятствовать им выбрать компетентное право и позже, до момента подачи первого заявления по существу спора, если он возникнет между супругами.

Представляется, законодательно следует закрепить, что соглашение о компетентном национальном праве может быть включено в содержание брачного договора или соглашения, регламентирующего порядок уплаты алиментов в виде оговорки о праве. В тоже время, такой консенсус сторон может быть оформлен в виде отдельного соглашения. На практике может возникнуть и вопрос о том, в какой форме соглашение о применимом праве может быть заключено. На наш взгляд, форма такого соглашения должна соответствовать форме, установленной законодательством государства, в котором один из супругов имеет место жительства в момент заключения брачного договора или соглашения об уплате алиментов. В том случае, если к соглашению о выборе компетентного национального правового порядка стороны приходят уже после того, как были заключены брачный договор или соглашение об уплате алиментов, то его форма должна соответствовать той форме, в которой были заключены указанные акты.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В. Международно-правовое регулирование факторинговой деятельности // Очерки новейшей камералистики. – 2012. – № 2. – С. 42-44.
2. Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 92-110.
3. Марышева Н. И., Муратова О. И. Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал российского права. – 2014. – №6. – С. 101-111.
4. Тагаева С. Н. Правовое регулирование брачных отношений в международном частном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2007. – 73 с.

КРЫЛОВА Екатерина Владимировна

старший преподаватель кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

РЕГИОНАЛЬНЫЙ БРЕНД: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В работе рассматривается новый для России маркетинговый инструмент сбалансированного развития территорий – региональный бренд. Анализируется понятийный аппарат, научные трактовки категории бренда и регионального бренда; демонстрируется его связь с региональной идентичностью, патриотизмом и имиджем территории. Проведено сравнение данного средства индивидуализации с географическим указанием, наименованием места происхождения товаров и товарным знаком. Сделан вывод о значении региональных брендов для социально-экономического и социально-культурного развития регионов.

Ключевые слова: бренд, региональный бренд, территория, идентичность, брендинг.

KRYLOVA Ekaterina Vladimirovna

senior lecturer of Civil law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

REGIONAL BRAND: POSING THE QUESTION

The paper considers a new marketing tool for balanced territorial development in Russia – a regional brand. The conceptual framework, scientific interpretations of the brand category and the regional brand are analyzed; its connection with regional identity, patriotism and the image of the territory is demonstrated. A comparison of this means of individualization with a geographical indication, the name of the place of origin of goods and a trademark is carried out. The conclusion is made about the importance of regional brands for the socio-economic and socio-cultural development of the regions.

Keywords: brand, regional brand, territory, identity, branding.

Начало XXI в., санкционная политика в отношении Российского государства, ознаменовалось совершенно иным, с позиции географических, экономических, культурно-исторических черт, взглядом на роль и значение регионов. Формирование и продвижение бренда России вне отрыва от регионов рассматривать нельзя. Соответственно, брендинг территорий стал мощным средством для имиджа и репутации государства в целом.

В 2022 г. многие западные бренды приостановили свою деятельность на территории России, а некоторые и вовсе ушли с рынка. Подобное решение открыло широкие возможности стратегии развития собственных региональных брендов.

Наличие у региона успешно разработанного регионального бренда позволяет ему эффективно «продвигать» собственные интересы, привлекать взгляды возможных инвесторов, увеличивать рынки сбыта региональных товаров, развивать туристическую сферу, что в совокупности позитивно сказывается на инвестиционной атмосфере и региональной экономики. Для любого региона – это важная составляющая, ориентированная на формирование особых доверительных отношений с центральными органами власти, а, следовательно, и дополнительные преференции. Отмеченное объясняет значимость исследования проблем регионального бренда, брендообразующих факторов, стратегии и тактики его формирования и развития.

Бренд – феномен, обладающий социальной природой и служащий инструментом повышения жизненной мотивации населения конкурентного региона. Сегодня российские города вступили в новую фазу своего развития – фазу конкурентной борьбы между собой за инвестиционные ресурсы, инновационные и туристические проекты, а также возможность активно пользоваться ими.

Проблематика исследования брендинга территорий не нова. Она становилась предметом изучения как зарубежных, так и отечественных ученых, маркетологов. Впервые в 2002 г. ведущим мировым специалистом в области брендинга, автором концепции конкурентной идентичности, Саймоном Анхольтом, была введена категория «брендинг мест». Он отметил, что имидж территории – это не искусственно созданная

конструкция и соответственно «бренд – это не просто торговый знак или территориальный символ. Это гармоничный симбиоз социально-культурной среды региона, его инфраструктуры, административного и бизнес звена, инвестиционной привлекательности, аутентичной этнической культуры, наконец, памятников истории, привлекающих туристические потоки» [1, с. 272].

Феномен «бренд», чаще встречающийся в рекламной литературе и повседневной жизни, не является сугубо правовым, не имеет юридического статуса и нормативного закрепления. Этимология исследуемой категории богата. Бренд (англ. «brand» – товарный знак, торговая марка, клеймо) – «термин в маркетинге, символизирующий комплекс информации о компании, продукте или услуге; популярная, легко узнаваемая и юридически защищённая символика какого-либо производителя или продукта. С позиции обычного покупателя, бренд – это «имя продукта, которое хорошо известно человеку (потребителю), а положительные характеристики товара не подлежат сомнению» [2, с. 28]. Т.е. покупая данный товар, потребитель уверен в его качестве и готов покупать его снова и снова.

Американская Ассоциация Маркетинга (The American Marketing Association) определяет бренд как «название, определение, знак, символ, дизайн, или комбинация всего выше обозначенного, отражающая идентичность товаров или услуг одного производителя или группы производителей и отличающая их от конкурентов»¹.

Ханкинсон (Hankinson) под брендом продукта понимает «результат позиционирования в отношении с конкурентами и совокупность уникальных комбинаций ценностных атрибутов» [3, с. 110].

По утверждению Д. Аакера «бренд – это символическое отражение комплекса информации, связанного с определенным товаром и услугой. Это последовательный набор функциональных, эмоциональных и самовыразительных обещаний потенциальному целевому потребителю, которые

1 Ключ бренда: вопросы практической реализации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://upravlenie.org/2570-klyuch-brenda-model-brand-key.html> (дата обращения: 03.12.2023).

являются значимыми, важными» [4, с. 15]. Подобное видение демонстрирует тесную связь бренда с информационной функцией.

По словам Ж.-Н. Капферера бренд – это «составляющий капитал компании нематериальный актив, обеспечивающий дополнительные преимущества. В этом контексте он упоминает такие термины, как «стоимость бренда», «капитал бренда», «актив бренда» [5, с. 103].

Е. Рудая пишет, что «понятие «бренд» включает все ассоциации потребителя, возникающие в связи с товаром в результате приобретения собственного опыта, одобрения общестности и советов окружающих» [6, с. 17]. Схожей позиции придерживается З. В. Гаврилова, определяющая бренд как «совокупность представлений и ожиданий потребителя в отношении данного, «брендированного» товара» [7, с. 3].

Социальная природа бренда – в наличии собственной аудитории – людей, приверженцев определенной марки в ряду многих других. Совершенно справедливо отметила О. О. Савельева, характеризующая бренд как «четко идентифицируемую целевой аудиторией торговую марку, выделяющую товар в конкурентном ряду и имеющую у целевой аудитории свой образ, сформированный не только за счет функциональных качеств товара, но также символического и социального капиталов, ассоциированных с этим товаром» [8, с. 217].

Специфика регионального бренда определяется особенностями территории. Научная литература пестрит многообразием трактовок категории «региональный бренд». Ряд исследователей связывают ее исключительно с природными, культурно-историческими особенностями региона, определяя ее лишь его туристическим потенциалом [9, с. 260]. Подобная позиция, ассоциирующая региональный бренд только с географическим образом, существенно сужает рамки его сущностной природы. Верным представляется утверждение Ф. Котлера о том, что «под региональным брендом скрываются люди, представляющие территорию, процедуры взаимодействия между бизнесом, гражданским обществом и властью, товары, производимые на данной территории и отражающие ее идентичность и ресурсы» [10, с. 45].

Под региональным брендом понимаются также и произведенные на территории конкретного региона, торговые марки товаров, характеризующиеся, в силу признания их населением, положительной репутацией [11, с. 8].

По утверждению И. С. Важениной, региональный бренд – это «целая плеяда уникальных характеристик и качеств, своего рода «вечных» общечеловеческих ценностных ориентиров, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские характеристики конкретной местности или сообщества» [12, с. 38]. Обозначенные черты должны быть известны и пользоваться спросом у населения.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) дефиниции «региональный бренд» не содержит. Однако Концепцией продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007-2008 годы (далее – Концепция) подобное определение закрепляется: «региональный бренд – это бренды российских городов и регионов, выступающие инструментом маркетинга территорий с целью привлечения инвестиций и кадровых ресурсов, а также бренды товаров и услуг, локализованных в определенной географической области».

На региональном уровне первым регионом, законодательно закрепившим исследуемую категорию, стал Новгород, где в 2018 г. был принят Закон «О региональных, муниципальных, территориальных брендах, народных художественных промыслах и ремесленной деятельности».

Активная деятельность по формированию регионального бренда сегодня наблюдается в ряде субъектов РФ. Примером территориального образования РФ, обладающего высоким потенциалом регионального развития, является Саратовская область, отличающаяся уникальной природой, историческим наследием. Постановлением Правительства Саратовской области от 17 февраля 2015 г., утвердившим Концепцию брендирования Саратовской области до 2020

года, установлены основные цели и задачи брендирования региона, формы, принципы, основные направления деятельности. Однако дефиницию регионального бренда обозначенный нормативный акт не содержит.

Ключевой характеристикой регионального бренда является его уникальность, индивидуальность. Так, всем хорошо известные тульский самовар, уральские самоцветы, водка «Столичная».

Следует выделить ряд объективных брендообразующих факторов:

- самобытность и аутентичность региона;
- природно-географические особенности;
- этнонациональные характеристики;
- социально-демографическая специфика региона;
- экономический потенциал и тенденции политической сферы.

В декабре 2022 г. в Москве в Совете Федерации состоялось торжественное открытие выставки «Региональные бренды России». В экспозиции были представлены более 250 товаров, зарегистрированных в виде географического указания и наименования места происхождения товара². Особый интерес вызвали бренды ремесел и продуктов питания, отвечающие бытиности, традициям региона и обеспечивающие преемственность поколений.

Спустя год, в ноябре 2023 г. в павильонах ВДНХ стартовала международная выставка-форум «Россия», приуроченная ко Дню народного единства, где под одной крышей собраны научные и промышленные достижения регионов России. На выставке посетителей также будут знакомить с предметами, которые рассказывают об истории и традициях российских регионов. В выставочном павильоне Минпромторга России представлена постоянно действующая тематическая экспозиционная зона Роспатента «Региональные бренды России», где посетители смогут ознакомиться с официально зарегистрированными брендами субъектов Российской Федерации, такими, как, к примеру: «Вологодское кружево», «Тульская гармонь», «Оренбургский пуховый платок», «Майкопская минеральная вода», «Краснодарский чай», «Сахалинская природная сушеная морская капуста» и многие другие.

В рамках выставки Роспатент организует ряд мероприятий, направленных на популяризацию и продвижение региональных брендов России – товаров, зарегистрированных как наименования мест происхождения товаров и географические указания, дискуссии «Региональные бренды – инструменты повышения инвестиционной и туристической привлекательности региона»³.

Учитывая изложенное, под региональным брендом следует понимать особый образ совокупности уникальных природных, исторических, социально-культурных и иных признаков конкретного региона. Более того, его неотъемлемым атрибутом является население, проживающее на территории данной местности люди, государственные органы, признающиеся не только создателями бренда, но и его непосредственными потребителями.

Исследование теоретических аспектов регионального бренда позволяет выделить следующие положения:

- любая территория, отличается своей аутентичностью, историческим названием, позволяющим жителям ассоциировать себя с конкретной локацией;
- население определенной территории признается одновременно и создателем регионального бренда и его потребителем.

Процесс создания регионального бренда сложен, предполагает разработку конкурентноспособного, многоаспектного стратегического плана и постановку тактических задач. Важно учитывать региональную идентичность, культурные

2 См.: Региональный бренд – это инструмент для экономического роста в регионе и развития туризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/regionalnye-brendy-sovfed-23122022> (дата обращения: 05.12.2023).

3 См.: Роспатент открыл экспозицию региональных брендов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/ros-patent-04112023> (дата обращения: 10.12.2023).

ценности, этнические особенности, формирующие социальную сплоченность и солидарность, нужды населения, основы длительной политической стратегии развития конкретного региона. К разработке стратегии необходимо привлекать не только государственные органы, но и широкие слои обществности.

По словам М. В. Селюкова «целью создания регионального бренда является обеспечение его присутствия в мировом информационном пространстве для того, чтобы сделать регион силой влияния на стейкхолдеров (государственные органы, население региона, инвесторы, туристы и т.д.) как внутренних, так и внешних, а также обеспечить приток финансовых ресурсов на территорию с целью формирования и поддержания бренда для укрепления конкурентной позиции и создания дополнительных конкурентных преимуществ территории как на федеральном, так и глобальном экономическом пространстве» [13, с. 702].

В целях создания регионального бренда рекомендуется использование особого инструментария – комплекса средств, позитивно способствующих построению мощного регионального бренда:

- проведение мероприятий по актуализации исторических личностей региона;
- организация мероприятий научно-культурной направленности (выставки, фестивали);
- продвижение сувенирной продукции и др.

Институт регионального бренда – комплексный, синтезирующий в себе три самостоятельных объекта интеллектуальной собственности – товарный знак, наименование места происхождения товара, географическое указание, и фактически использующийся как их неформальное обозначение. Законодательно не установлено каких-либо ограничений относительно регистрации средств индивидуализации, которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве региональных брендов. Следовательно, регистрации равно подлежит любое из них. Однако в большинстве случаев в качестве регионального бренда регистрируются именно наименование места происхождения товара и географическое указание. Причины такого положения вещей следующие:

- возможность их использования одновременно неограниченным широким кругом лиц, обладающим определенным правом;
- их регистрация в качестве средств индивидуализации ориентирована, прежде всего, на популяризацию местного производства. Более того, важное значение имеет указание на названия территориальной единицы или исконно народных российских промыслов.

Регистрация товарных знаков не исключается, но встречается значительно реже. Так, «для выделения ряда товаров, производящихся на территории республики Татарстан, Комитет по развитию туризма зарегистрировал в Роспатенте комбинированный товарный знак, состоящий из словесного элемента «Казань» (название города, туристической столицы Татарстана) и оригинального графического узора-оформления»⁴.

Изменения, внесенные в ГК РФ в 2022 г. и вступившие в силу в 2023 г. запрещают «государственную регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы, являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя или места производства». Подобные изменения вполне закономерны, поддерживают стремление государства защищать и развивать историческую, природную и культурную уникальность региона. Схожее положение было отмечено еще в Концепции, что в определенной степени выразилось в закреплении в 2019 г. нового средства индивидуализации – географического указания.

Активно идущие глобализационные процессы, пронизывающие все сферы общественной жизни – политической, экономической, культурной, лишь продуцируют интерес к проблематике создания регионального бренда.

За последние годы более 100 регионов попытались обзавестись своим собственным брендом, визуально идентифицирующим местность, придающим ей некую уникальность. Его наличие делает регион привлекательным, создает основу для развития его производства и социальной инфраструктуры. Региональные бренды становятся реальными и значимыми нематериальными активами, способствующими развитию экономики территории.

Региональный брендинг ориентирован на переосмысление культурных традиций, национальных устоев, основ патриотизма, на зарождение у людей чувства гордости за свою страну. Грамотно разработанная стратегия брендинга объединяет, разных по взглядам граждан, способствует становлению отрицательного восприятия паразитирующих фейков, направленных на разрушение целостности страны.

Пристайный библиографический список

1. Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. – М.: Кудиц-Образ, 2004. – 290 с.
2. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. – Санкт-Петербург: ПИТЕР, 2010. – 186 с.
3. Hankinson G. Relational network brands: Towards a conceptual model of place brands // *Journal of Vacation Marketing*. – 2004. – Vol. 10 No. 2. – Pp. 109-121.
4. Аакер Д., Йохимштайлер. Э. Бренд-лидерство: новая концепция брендинга. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2003. – 374 с.
5. Капферер Ж.-Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда / Пер. с англ. Е. В. Виноградовой; под. общ. ред. В. Н. Домнина. – М.: Вершина, 2017. – 448 с.
6. Рудая Е. Основы бренд-менеджмента. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 254 с.
7. Гаврилова З. В. Брендинг как элемент рыночной устойчивости современного предприятия // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2008. – № 3 (65). – С. 3-9.
8. Савельева О. О. Социология рекламного воздействия. – М.: РИП-холдинг. 2006. – 283 с.
9. Калашникова Е. А., Зинина О. В. Инструменты оценки инновационного потенциала вуза // *Вестник КрасГАУ*. – 2012. – № 11 (74). – С. 259-264.
10. Котлер Ф. и др. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы // *Рекламодатель: теория и практика*. – 2005. – № 2. – С. 45-49.
11. Оленцова Ю. А. Корпоративная культура // *Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты. сборник научных трудов Международной научно-практической конференции*. – 2017. – С. 8-11.
12. Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории: монография. – Екатеринбург, 2013. – 406 с.
13. Селюков М. В., Шалыгина Н. П., Скачков Р. А., Курач Е. В. Формирование конкурентоспособного бренда региона // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – №8-3. – С. 702-708.

4 Плясунова О. Региональные бренды: что это и почему их активно продвигают в России? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/12/14/regionalnye_brendy_chno_eto_i_pochemu_ih_aktivno_prodvigayut_v_rossii (дата обращения: 10.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-176-182

РЕЗЯПОВА Гузель Фратовна

кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий

ДОГОВОР КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования договора коммерческой концессии в условиях развития предпринимательства и расширения гражданского оборота товаров, работ и услуг в Российской Федерации. Проводится соотношение регулирования данного договора с основными положениями гражданского права и действующими нормативно-правовыми актами. Анализируются правовые особенности договора коммерческой концессии (франчайзинга), субъектный состав, предмет и объем передаваемых прав по договору в современных условиях. Выявляются некоторые проблемы, возникающие в связи с заключением, изменением, расторжением и прекращением договора. Исследуются правовые последствия договора коммерческой концессии (франчайзинга) в случае его расторжения или признания недействительным в судебном порядке. В статье предлагаются пути совершенствования норм гражданского законодательства, регулирующих данный институт права.

Ключевые слова: договор, договор коммерческой концессии, франчайзинг, государственная регистрация, товарный знак, фирменное наименование, изменение, расторжение и прекращение договора.

REZYAPOVA Guzel Fratovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Civil law sub-faculty of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology

COMMERCIAL CONCESSION AGREEMENT: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the actual problems of legal regulation of a commercial concession agreement in the context of the development of entrepreneurship and the expansion of civil turnover of goods, works and services in the Russian Federation. The correlation of the regulation of this contract with the basic provisions of civil law and the current regulatory legal acts is carried out. The article analyzes the legal features of the commercial concession (franchising) agreement, the subject matter, subject matter and scope of the transferred rights under the agreement in modern conditions. Some problems arising in connection with the conclusion, modification, cancellation and termination of the contract are identified. The legal consequences of a commercial concession (franchising) agreement in the event of its termination or invalidation in court are investigated. The article suggests ways to improve the norms of civil legislation governing this institution of law.

Keywords: contract, commercial concession agreement, franchising, state registration, trademark, brand name, modification, termination and termination of the contract.

Договор коммерческой концессии – относительно молодой институт гражданского права, поскольку он приобрел особую актуальность в условиях перехода современного российского общества к рыночным отношениям. Как мы знаем, одной из целей заключения исследуемого договора является, прежде всего, развитие предпринимательской деятельности, расширение гражданского оборота товаров, работ и услуг, и, в конечном счете, получение прибыли, как юридическими лицами, так и индивидуальными предпринимателями. В этой связи, круг субъектов указанного договора строго ограничен, и мы видим, что его субъектами или стороной договора не может быть гражданин, поскольку цель заключаемого договора не связана ни с личным, ни с семейным, ни с каким-либо иным домашним удовлетворением потребностей.

Именно данный договор имеет широкий спектр или сферу деятельности, связанную, прежде всего, с продвижением товаров и услуг на российском рынке, начиная от продовольственных товаров, заканчивая перевозками груза и т.д.

Вместе с тем, в правоприменительной практике возникает множество проблем в процессе заключения, исполнения и расторжения договора коммерческой концессии, поскольку

Рязанова Г. Ф.

до сих пор дискуссионным является вопрос относительно правовой природы договора и его характерных признаков. Более того, стороны, несомненно, несут большой риск в предпринимательской деятельности, особенно в случаях, если бизнес не развивается и приносит одни убытки. И причиной этому могут служить как субъективные факторы, к примеру, недобросовестность правообладателя, существенное нарушение обязанностей по договору, юридическая неграмотность пользователя, так и объективные – экономическая нецелесообразность и не востребованность в товарах потребителями в том или ином территориальном округе (районе).

Так, действующее гражданское законодательство содержит и раскрывают понятие договора и весь объем передаваемых по нему прав. При этом, говоря об исключительных правах правообладателя, мы прежде всего понимаем, что они включают в себя товарный знак, знак обслуживания, а также права на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) и т.д.¹

¹ Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ). – [Электронный

Отдельные положения, касающиеся передачи и регистрации исключительных прав, отражены, прежде всего, в Административном регламенте предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных, утвержденных Минэкономразвития России от 10 июня 2016 года², в Правилах государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2015 года № 1416³.

Именно институт коммерческой концессии (франчайзинга) является одним из широчайших возможностей введения в гражданский оборот и продвижение различных товаров и услуг, начиная от продуктов питания, заканчивая технически сложными товарами, услугами и многое другое. Здесь, в частности, можно отметить наиболее востребованные и перспективные услуги, продажа товаров на современном российском рынке таких, как рыбной (речной) продукции (полуфабрикатов), ландшафтный дизайн, дизайн интерьеров, услуги клиринговых компаний, по уходу за детьми, в том числе услуги в жилищно-коммунальном хозяйстве и т.д.

Вместе с тем, после принятия нового института, в науке и на практике появилось еще больше спорных моментов, что говорит прежде всего о несовершенстве и «закостенелости» законодательства, требующего доработок и соответствующих поправок.

Так, в действующем гражданском законодательстве до сих пор не установлены и не определены критерии, позволяющие однозначно утверждать и констатировать надлежащее

ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.12.2023).

2 Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных, утвержденных Минэкономразвития России от 10 июня 2016 года № 371, зарегистрированным в Минюсте России 14 июля 2016 года, регистрационный № 42849. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.03.2023).

3 Правила государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2015 года № 1416. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.12.2023).

исполнение обязательств сторонами договора. Зачастую, на практике, исполнение обязанностей, в частности, правообладателя, сводится к формализму, без предоставления соответствующего отчета и оценки качества услуг (работ), например, по поиску торговых помещений или обучению сотрудников пользователя, повышению их квалификации, соответствующего инструктажа.

Более того, до сих пор не существует однозначного определения договора коммерческой концессии и его зачастую подменяют понятием «франчайзинг». Типовые формы договора также несовершенны, требуют доработок, условия нередко содержат ссылки на устаревшие нормы, что является недопустимым.

Известный цивилист В. В. Витрянский полагает, что понятия «коммерческая концессия» и «франчайзинг» являются тождественными, обосновывая свою позицию тем, что до сих пор на международном признанном понятии «франчайзинг» используется понятие «коммерческая концессия» [6]. На практике мы тоже наблюдаем, что в тексте исследуемого договора при его составлении и заключении в скобках указывают «франчайзинг», то есть понимая, что это равнозначные понятия.

Вместе с тем, другие ученые утверждают, что существуют определенные различия между рассматриваемыми понятиями. В данном случае, по их мнению, целесообразно применительно к Гражданскому кодексу Российской Федерации употреблять понятие «коммерческая концессия», а в отношении зарубежного законодательства понятие «франчайзинг».

Отдельные авторы, такие как Г. Е. Авилов, говоря о договоре концессии или франчайзинга, утверждает, что при его заключении происходит своего рода «подмена» субъекта, то есть пользователь исключительных прав осуществляет предпринимательскую деятельность под именем правообладателя [1].

На наш взгляд, особый интерес представляют работы таких известных отечественных цивилистов как М. И. Брагинский, Е. Н. Васильева, В. В. Пугинский, А. П. Сергеев, С. А. Сосна [4], Л. А. Трахтенгерд [15], Н. В. Месяшной [9], А. Ф. Багдасарян [2], С. С. Габоева [7].

Особо следует отметить исследование автора О. А. Орловой, которая вообще полагает целесообразным договор франчайзинга отнести по своей сути к договорам присоединения [10].

Более того, анализом и изучением договора коммерческой концессии до сегодняшнего времени занимались такие авторы и ученые-цивилисты, как Д. К. Бобоев [3], Е. В. Гелашвили [8], А. В. Сланова [12], Д. В. Шульга [16] и многие другие.

Так, особый интерес вызывают работы М. Мендельсона, Я. Мюррея, С. А. Сосны, Б. Смита, Дж. Стенворта, С. А. Шейна, посвященным исследованию франчайзинга за рубежом.

Интересным, на наш взгляд, сравнительный анализ исследуемого договора с лицензионным договором. Несомненно, у них много общих черт, связанных с предметом и объектом регулирования. Особенно это касается лицензии и благодаря коммерческой концессии появляется возможность ввести исключительные права в гражданский оборот, расширив сферу производства и потребления.

Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением известного цивилиста Е. А. Суханова, который однозначно утверждает, что договор коммерческой концессии и лицензионный договор не равнозначны и не тождественны. Указанные договоры отличаются между собой не только по характеру, но и по содержанию. По мнению автора, договор коммерческой концессии намного шире, поскольку он включает в себя целый комплекс объектов как исключительных, так и имущественных прав. В свою очередь, лицензионный договор по сфере своего применения, более узкий и предполагает возможность использования только определенного объекта интеллектуальной собственности [13].

Таким образом, неоднозначная точка зрения в научной среде и острая востребованность исследуемого договора коммерческой концессии в условиях развивающихся рыночных отношений говорит о необходимости совершенствования действующего гражданского законодательства и принятия единого унифицированного закона о коммерческой концессии. Данный закон позволит исключить до сих пор встречающиеся пробелы и вопросы в правоприменительной практике, в том числе и связанные с нарушениями прав потребителей.

Однако, несмотря на активный интерес государства и общества к данному институту, он, не лишен некоторых проблем в правовом регулировании.

Несмотря на то, что институт франчайзинга является одним из способов внедрения товаров и услуг в гражданский оборот, проблемы в деятельности сторон, зачастую, возникают с самого первоначального момента – заключения договора и регистрации договора в Роспатенте. Здесь, немаловажную роль отводится условиям заключенного договора, которые, как мы видим, в дальнейшем, не всегда соответствуют требованиям действующего гражданского законодательства, в том числе юридической неграмотности лиц, составляющих указанный договор и лиц (сторон), его подписывающих.

Так, если обязанность зарегистрировать договор коммерческой концессии (франчайзинга) будет возложена на пользователя франшизы, зачастую он сталкивается с проблемами приостановки или отказа в регистрации в связи с невозможностью определения предмета договора и объема передаваемых прав по нему.

Следует отметить, что в правоприменительной практике отказ в регистрации соответствующего договора, в частности, со стороны Роспатента нередко может быть связан также и с невозможностью однозначно определить территорию действия исключительных прав, что противоречит п. 64 Административного регламента⁴.

В связи с чем, до сих пор неотрегулированным являются положения, касающиеся действия договора без соответству-

ющей государственной регистрации, а в большинстве случаев и без подписи сторон.

Так, на практике нередко встречаются случаи, когда пользователь «якобы» заключил договор, внес (передал) правообладателю паушальный взнос, и в дальнейшем столкнулся с множеством проблем от отказа в регистрации договора из-за его «порочности», до невозможности начать бизнес, не говоря уже и возмещении убытков. Передачу исключительных прав по договору можно признать несостоявшейся, что в свою очередь, влечет признание и самого договора недействительным.

Таким образом, если сама процедура регистрации договора в Роспатенте ограничивается сроками (не более двух месяцев), правообладатель не исполняет или нарушает свои обязанности, получив паушальный взнос, избегает пользователя, то в данном случае пользователь может стать «жертвой» обстоятельств, которые могут перерасти и в уголовную «плоскость».

При этом, зачастую после подписания договора сторона, принявшая на себя обязательство по государственной регистрации, ограничивается лишь подачей документов стороной договора. Это объясняется прежде всего тем, что в большинстве случаев Роспатент, к примеру, из-за невозможности определить весь объем передаваемых исключительных прав, а также имел ли место переход исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, отказывает в регистрации либо приостанавливает ее.

Более того, во исполнение пункта 3 статьи 1232 Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ в договоре коммерческой концессии обязательно должны быть указаны конкретный перечень товаров (работ и (или) услуг), входящих в его предмет.

При этом, можно отметить, что условия об объеме передаваемых прав зачастую носят общий характер, указывая в договоре о том, что правообладатель в полном объеме предоставляет пользователю право использования товарного знака.

Вместе с тем, данное условие договора, в частности, не позволяет регистрирующему органу или делает невозможным однозначно установить объем предоставляемых прав. Данные недостатки и неточности определения предмета ведут к отказу или в приостановлении регистрации договора коммерческой концессии, в худшем случае – расторжении договора или признании его недействительным в судебном порядке в связи с существенным нарушением условий заключенного договора.

Однако, несмотря на активный интерес в заключении договора данный институт, однако, не лишен и некоторых других проблем в правовом регулировании. Особенную актуальность приобретают проблемы расторжения или прекращения договора.

Основная проблема нередко бывает связана с тем, что бизнес или предпринимательская деятельность пользовате-

4 Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации распоряжения по договору исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для электронных вычислительных машин, базу данных, утвержденных Минэкономразвития России от 10 июня 2016 года № 371, зарегистрированным в Минюсте России 14 июля 2016 года, регистрационный № 42849. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

5 Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

ля товарного знака «не идет», франшиза не окупается, потребительский спрос отсутствует.

И в качестве альтернативы разрешения данной проблемы можно привести положения ч. 1 ст. 1037 Гражданского кодекса Российской Федерации, содержание которого позволяют стороне односторонне расторгнуть договор в любое время, то есть вправе отказаться от договора, заблаговременно уведомив об этом другую сторону за шесть месяцев, если договором не предусмотрен более продолжительный срок⁶.

Это положение однозначно согласуется с принципом свободы договора, положения которого закреплены в действующем гражданском законодательстве, где указано, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора⁷.

Кроме того, несомненный интерес в судебной практике имеют положения гражданского законодательства, исходя из содержания которых определяется субъектный состав, то есть кто может быть стороной договора, что имеет немаловажное значение. При этом, следует отметить, что субъектный состав строго ограничен, что вытекает из природы договорных отношений.

Так, сторонами договор могут быть только юридическое лицо (коммерческая организация), а также гражданин, имеющий статус индивидуального предпринимателя⁸.

И нередко, стороны включают в условия договора такие пункты, позволяющие расторгать договор коммерческой концессии во внесудебном порядке Правообладателем в любой момент в том числе, в случае, если Пользователь прекращает свою коммерческую деятельность.

С одной стороны, это своего рода «подстраховка» или защитный механизм для пользователя товарным знаком в тех случаях, когда мы имеем дело с недобросовестной стороной – правообладателем. И в данном случае, если цель договора – осуществление предпринимательской деятельности с извлечением прибыли не достигается, пользователь франшизы несет огромные убытки с момента заключения договора. Здесь имеются в виду паушальный взнос за весь период заключения договора, расходы по госпошлине при сдаче документов в регистрирующий орган – Роспатент, поиск торговых помещений, оплата аренды, услуги дизайнера, ремонт, налоги и т.д. В частности, правообладатель, получив паушальный взнос за весь период действия договора, нередко теряет «интерес» в продолжении договорных отношений, перестает выполнять свои обязанности либо исполняет их формально, фактически переложив их на «плечи» пользователя, как то: не оказывает содействие в поиске помещения, не обучает сотрудников пользователя, нерегулярно поставяет товары и т.д.

И в данном случае необходимо вспомнить положения ч. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации⁹.

Так как субъектный состав договора, как уже отмечалось выше, строго ограничен, положения Гражданского кодекса Российской Федерации и включение таких условий для одностороннего расторжения договора позволит защититься пользователю договора и расторгнуть договор в кратчайшие сроки.

Расторжение договора в одностороннем порядке возможно и с одновременным требованием о возмещении убытков от другой стороны на основании ст. 15 и ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, тем более, если будут доказательства существенных нарушений условий договора со стороны Правообладателя¹⁰.

Так, существенные нарушения правообладателем своих обязательств нередко приводят к тому, что убытки и потери пользователя превышают обычный предпринимательский риск.

Недобросовестное поведение правообладателя встречается и в тех случаях, когда он, к примеру, не предоставляет необходимую и (или) дополнительную информацию относительно исключительных прав, не одобряет ни одного коммерческого помещения, выбранного пользователем для осуществления своего бизнеса, не делает и не оплачивает за свой счет дизайн-проект помещения, не обучает сотрудников и многое другое. В итоге, пользователь теряет время, деньги, а его предпринимательская деятельность не развивается и несет огромные убытки.

Вместе с тем, в настоящее время можно отметить, что процедура одностороннего расторжения упрощена в связи с тем, что положения действующего гражданского законодательства дают возможность субъектам односторонне расторгать договор при обязательном заблаговременном уведомлении другой стороны и в предусмотренные для этого сроки. При этом, основания расторжения договора, зачастую, не имеют правового значения, что опять таким продиктовано принципом свободы договорных отношений.¹¹

На наш взгляд, имеет место включение в положения Гражданского кодекса Российской Федерации норм о том, что лица, заключающие договор коммерческой концессии (франчайзинга), в случае досрочного расторжения или прекращения договора должны вернуть паушальный взнос, уплаченный единовременно, за вычетом фактически использованного пользователем товарного знака за тот или иной период.

Так, зачастую, пользователь отказывается от договора франчайзинга и прекращает статус индивидуального предпринимателя через непродолжительное время после его заключения.

И в данном случае можно утверждать не только о возмещении убытков в связи с расторжением договора, но и о неосновательном обогащении со стороны правообладателя, получившего единовременно уплаченный пользователем паушальный взнос за весь период действия договора, особенно в тех случаях, если договор не удалось зарегистрировать в Роспатенте и придать ему действительную юридическую силу.

6 Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

7 Там же.

8 Там же.

9 Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

10 Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

11 Там же.

В случае признания договора незаключенным, но получение правообладателем необоснованного паушального взноса, следует применять положения действующего гражданского законодательства, согласно которым следует, что лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 настоящего Кодекса¹².

Вместе с тем, на данном примере, целесообразным, на наш взгляд, является взыскание с правообладателя паушального взноса в размере за вычетом периода фактического использования товарного знака исходя из количества времени (дней), что будет способствовать справедливому и соразмерному восстановлению нарушенных прав пользователя (франчайзи).

В гражданском законодательстве не дается четких оснований для расторжения договора по вине правообладателя и законодатель, прежде всего, уделяет внимание больше содержанию договора¹³.

Более того, среди вышеназванных проблем особое внимание необходимо остановить на вопросе, который связан с моментом перехода исключительных прав от одной стороны к другой. Как мы знаем законодатель этот переход связывает прежде всего с моментом регистрации договора в Роспатенте. Однако, в большинстве случаев, как уже отмечалось ранее, стороны подписав договор, так и не «доходят» до его регистрации по множеству причин: сам договор не соответствует требованиям гражданского законодательства, не определен предмет и объем передаваемых прав, невозможно конкретизировать территорию, на которую будут распространяться исключительные права и многое другое.

В то же самое время, пользователь после подписания договора и передав правообладателю паушальный взнос, приступает к подготовке и осуществлению предпринимательской деятельности: подыскивает торговое помещение, заказывает дизайн-макет помещения, вывески и баннеры, обучает сотрудников, то есть приступает к осуществлению своей предпринимательской деятельности. И на начальном этапе, все это время пользователь несет большие расходы и убытки, которое со временем, зачастую, не оправдываются.

И в данном случае можно согласиться с мнением известного автора Е. В. Гелашвили, который рассматривая договор, его предмет и содержание, предлагает вообще упростить процедуру его регистрации по месту нахождения пользователя исключительных прав. Данное обстоятельство, по его мнению, расширить возможности не только для пользователя исключительных прав, но для самих потребителей по месту осуществления предпринимательской деятельности, в том числе сделает более доступной информацию о договоре, а также производимых или реализуемых в соответствии с этим договором товаров, работ и услуг и иных третьих лиц [8].

Заслуживает поддержки и точка зрения известного цивилиста Д. В. Шульги, доказывающего, что отсутствие

в договоре положений п. 1 ст. 1031 Гражданского кодекса Российской Федерации не может являться основанием для признания договора недействительным. Стороны, по его мнению, самостоятельны при заключении договора и вправе сами определять условия договора, в том числе их права и обязанности [16].

Особо следует отметить точку зрения некоторых авторов, которые договор коммерческой концессии относят к договорам о возмездном оказании услуг.

И действительно, если сравнивать права и обязанности, с одной стороны правообладателя – это, к примеру, оказание консультационных услуг сотруднику, содействие в поиске помещений для торговли, с другой стороны – правомочия пользователя, то данная точка зрения имеет место быть. Но в то же время данный вывод не влечет каких-либо правовых последствий, прежде всего, в правоприменительной практике.

Зачастую для того, чтобы правильно оценить какие обязательства правообладатель исключительных прав не исполнил либо исполнил ненадлежащим образом, необходимо дать правовую оценку действиям или бездействиям стороны договора [14, с. 132]. Прежде всего, для того, чтобы возможно было вступать в гражданский оборот и заключать сделки, первоначально правообладатель сам должен обладать исключительными правами.

Более того, для правильной квалификации спорных отношений в судебной практике, немаловажным является выяснение юридически значимого обстоятельства – регистрация передачи исключительных прав пользователю в установленном законом порядке в Роспатенте¹⁴.

Так, в противном случае отсутствие регистрации может послужить основанием для признания договора недействительным или квалификации как договор возмездного оказания услуг¹⁵.

Если говорить о правовой природе исследуемого договора, то он является консенсуальным и для его заключения и придания юридической силы достаточно простой письменной формы. При этом, исходя из смысла положений действующего гражданского законодательства, обязательная государственная регистрация договора не производится, что в последующем приводит к множеству проблем в правоприменительной практике.

Однако, порядок государственной регистрации установлен и содержится в Постановлении Правительства РФ, согласно которому следует, что «В случае государственной регистрации предоставления права использования изобретения, полезной модели, промышленного образца, товарного знака, зарегистрированной топологии интегральной микросхемы по договору наряду со сведениями, указанными в пункте 7 настоящих Правил, в заявлении сторон договора или в документе, приложенном к заявлению одной из сторон договора, указываются обязательно наряду со сроком дей-

14 Приказ Роспатента от 29.12.2009 № 186 «Об утверждении Рекомендаций по вопросам проверки договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации» (п. 3.4.1.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

15 Определение Верховного Суда РФ от 24.08.2015 № 305-ЭС15-9511 по делу № А40-97630/2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

12 Там же.

13 Там же.

ствия договора, территория использования исключительных прав, в том числе возможность в одностороннем порядке как со стороны правообладателя, так и со стороны пользователя на расторжения договора¹⁶.

Таким образом, мы опять подошли к выводу о первоочередной обязанности правообладателя по договору – регистрации исключительных прав в Роспатенте, после чего можно констатировать, что договор надлежащим образом заключен и переход исключительных прав состоявшимся. При этом, нередко проблемы возникают вследствие того, что в договоре стороны предусматривают обязанность по регистрации договора с уплатой соответствующей госпошлины на пользователя.

И в данном случае, считаем целесообразным ввести положения в действующее законодательство, предусматривающее обязательность государственной регистрации с обеих сторон. В противном случае, можно будет применить положения п. 2 ст. 165 Гражданского кодекса Российской Федерации, и взыскать со стороны, убытки, вызванные задержкой в регистрации сделки¹⁷.

Более того, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что правообладатели допускают и иные нарушения в ходе исполнения заключенного договора, как то: передают неполный пакет технической и (или) коммерческой документации, либо она несоответствие действующим требованиям ГОСТ.

Нередко, переданная коммерческая документация на момент заключения договора становится уже не актуальной, что влечет риск убытков пользователя в экономических и финансовых условиях. К сожалению, встречаются и факты сокрытия действительной информации от пользователя, передавая недостаточно полноценную информацию в целях наиболее эффективного использования по договору.

Таким образом, поскольку действующее гражданское законодательство не содержит конкретных пределов и перечня предоставляемой информации или оказываемой услуги со стороны правообладателя, то до сих пор допускаются нарушения и неопределенности в рамках исполнения договора [11]. И в данном случае, целесообразным является раскрытие и конкретный перечень допустимой, полноценной и правомерной информации, которые могут наиболее эффективно быть использованы при исполнении договорных обязательств.

При этом, считаем, что сам процесс обучения, повышения квалификации работников или инструктажа также должен быть задокументирован. Анализ судебной практики показывает, что нередко сторона договора в последующем может отрицать факт исполнения соответствующей обязан-

ности по договору, что еще больше усложнит процесс рассмотрения и разрешения дела по существу спора.

Таким образом, говоря о договоре коммерческой концессии, необходимо, прежде всего выделить его особенности и характерные признаки, позволяющие его рассматривать как самостоятельный институт гражданского права.

Во-первых, нужно отметить особый субъектный состав, предусмотренный ч. 3 ст. 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следовательно, прекращение статуса индивидуального предпринимателя либо ликвидация юридического лица должно явиться основанием для расторжения или прекращения договора коммерческой концессии. И в данном случае, считаем необходимым включить данное основание для расторжения договора в ст.1037 Гражданского кодекса Российской Федерации в целях устранения проблем, возникающих в судебной практике. Данная особенность исследуемого договора прежде всего позволяет выделить его и поставить на особое место среди множества других схожих гражданско-правовых договоров.

Во-вторых, к существенным условиям договора коммерческой концессии относится его предмет, под которым понимается весь комплекс передаваемых пользователю исключительных прав, перечень которых закреплен в ч. 1 ст. 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации. Отметим, что особенность предмета договора состоит в том, что в него могут входить права на фирменное наименование правообладателя, на охраняемую коммерческую информацию и на другие объекты исключительных прав.

В-третьих, говоря о содержании исследуемого договора, следует отметить еще одну его особенность, которая заключается в том, что пользователю передаются только полномочия по использованию комплекса исключительных прав, который он в ходе осуществления предпринимательской деятельности не в праве передавать иным лицам.

В-четвертых, многие забывают о том, что цель договора обусловлена не только интересами пользователя в осуществлении предпринимательской деятельности и извлечении прибыли, но и, прежде всего, интересами правообладателя исключительных прав, который заинтересован в расширении своей торговой деятельности, продвижении товаров (работ и (или) услуг), рынка сбыта, увеличении торговой сети и т.д.

В-пятых, несмотря на то, что права и обязанности закрепляются в условиях заключаемого договора коммерческой концессии, зачастую правообладатель, предоставляя пользователю вышеуказанный комплекс исключительных прав «на бумаге», сам в свою очередь не исполняет свои обязанности. Например, не оказывает консультативное, документальное или техническое содействие, не предоставляет дизайн-макет помещения, не обучает его работников, либо обучение сводится к формальному консультированию, в том числе не поставляет своевременно товары или продукцию, не контролирует качество производимых товаров или услуг, и т.д. И в данном случае, пользователь, с одной стороны, обязан строго соблюдать инструкции правообладателя, но в то же время из-за неисполнения им своих обязанностей по договору, зачастую единолично несет бремя расходов, в том числе связанных с вопросами несвоевременной регистрации договора

16 Постановление Правительства РФ от 24.12.2015 № 1416 «О государственной регистрации распоряжения исключительным правом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, товарный знак, знак обслуживания, зарегистрированные топологию интегральной микросхемы, программу для ЭВМ, базу данных по договору и перехода исключительного права на указанные результаты интеллектуальной деятельности без договора» // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 230.

17 Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 февраля 2022 г. № 20-ФЗ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

в регистрирующем органе, несвоевременное открытие торговых точек.

В-шестых, выделяя еще одну особенность договора коммерческой концессии, отметим относительную юридическую самостоятельность пользователей в имущественном обороте. Так, осуществляя предпринимательскую деятельность, пользователи несут ответственность за надлежащее качество товаров перед потребителями в соответствии с положениями ст.475 Гражданского кодекса Российской Федерации, так и ст.18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

Как мы знаем, в соответствии с действующим законодательством вред, причиненный вследствие недостатков товара, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара по выбору потерпевшего; вред, причиненный вследствие недостатков работы или услуги, подлежит возмещению непосредственно исполнителем.

При этом, пользователь освобождается от ответственности по договору, если докажет отсутствие своей вины либо после удовлетворения требования потребителя вправе в регрессном порядке взыскать причиненные убытки с правообладателя.

Таким образом, из всего вышеизложенного, можно утверждать, что анализ и изучение проблем правоприменительной практики, связанный с заключением, исполнением и прекращением Договора коммерческой концессии (франчайзинга), позволяет сделать вывод о том, что до сих пор встречаются пробелы и коллизии в действующем гражданском законодательстве.

Потребность в четком закреплении правового положения правообладателя и пользователя, в том числе оснований досрочного прекращения (расторжения) договора, установление механизмов защиты прав сторон договора, возмещения убытков, должно прежде всего, привести к сокращению спорных ситуаций и своего рода «разгрузки» судебной системы.

Правовое регулирование договора коммерческой концессии (франчайзинга) на сегодняшний день сводится лишь к Гражданскому кодексу Российской Федерации, содержащим в себе основные положения данного договора.

Вместе с тем, в правоприменительной практике мы видим множество источников, которые зачастую противоречат либо отменяют друг друга. И это в свою очередь создает проблемы при их практическом применении при разрешении конкретных судебных споров.

И на сегодняшний день, можно констатировать, что назрела необходимость в разработке и создании единого федерального закона, регулирующего договорные отношения по использованию комплекса исключительных прав – договора коммерческой концессии с установлением конкретных пределов осуществления прав и обязанностей сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Авилова Г. Е. Коммерческая концессия. – М., 2022. – С. 28.
2. Багдасарян А. Ф. Договор коммерческой концессии (франчайзинг) // Гражданско-правовые проблемы заключения договора. – М.: Статут, 2009. – 224 с.
3. Бобоев Д. К. Договора коммерческой концессии по законодательству Республики Таджикистан: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Душанбе, 2010. – 25 с.
4. Бондаренко В. П. Особенности договора коммерческой концессии и его правового регулирования. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2013. – С. 5.
5. Бондаренко Д. П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Москва, 2013. – 26 с.
6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2002. – С. 977.
7. Габоев С. С. Перспективы правового регулирования коммерческой концессии: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: 2008. – 166 с.
8. Гелашвили Е. В. Договор коммерческой концессии: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Краснодар, 2007. – 23 с.
9. Месяшная Н. В. Правовые вопросы становления франчайзинга в России: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: 2000. – С. 19.
10. Орлова О. А. Договор коммерческой концессии по российскому и зарубежному законодательству: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2003. – С. 9.
11. Отдельные виды обязательств в международном частном праве / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. Г. Доронина, И. О. Хлестова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. – 352 с.
12. Сланова А. В. Договора коммерческой концессии в гражданском праве Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. – Краснодар, 2006. – 23 с.
13. Суханова Е. А. Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 4 / Под ред. Е. А. Суханова. – М.: Волтерс Клавер, 2011. – С. 32 @@ Табастаева Ю., Штаубер П. Франчайзинг и России: правовое регулирование и актуальная судебная практика // Хозяйство и право. – 2007. – № 7. – С. 34 - 35.
14. Табаров Н. А. Гражданско-правовое регулирование предоставления исключительных прав по договору коммерческой концессии: дис. ... канд. юрид. наук. – Душанбе, 2015. – С. 132.
15. Трахтенгерд Л. А. Договор коммерческой концессии (Новая концепция) // Хозяйство и право. – 2007. – № 4. – С. 33.
16. Шульга Д. В. Регулирование договора коммерческой концессии (франчайзинга) в гражданском праве России: диссертация... кандидата юридических наук. – Волгоград, 2005. – 169 с.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, «Ленинградская областная коллегия адвокатов», филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

МЕДИАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА ПАЦИЕНТА С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В представленной статье исследуется роль и значимость медиации в сфере пластической хирургии. Авторы проанализировали конкретные аспекты медиационного процесса, акцентируя внимание на пожеланиях и требованиях пациентов, медицинских особенностях и финансово-страховых факторах. Основным выводом является необходимость комплексного подхода к медиации, в который входит учет интересов всех сторон, а также факторов, которые могут влиять на конечный результат. В статье подробно рассмотрены пожелания и требования пациентов как ключевой элемент медиационного процесса в пластической хирургии. Авторы обращают внимание на то, что недопонимание или неправильное трактование этих требований и пожеланий может стать причиной юридических споров и конфликтов. При этом, медицинские аспекты, такие как квалификация врачей и специфика хирургических вмешательств, оказывают решающее влияние на исход медиации. Финансовые и страховые аспекты также выступают важными компонентами медиационного процесса. Статья подчеркивает важность учета этих аспектов при разрешении конфликтов и споров в сфере пластической хирургии через медиацию. Так, статья представляет ценный материал для специалистов, работающих в области пластической хирургии и медиации, а также для всех, кто заинтересован в эффективном разрешении конфликтов в данной сфере. Комплексный подход, предложенный авторами, позволяет более глубоко понять механизмы и принципы медиации в пластической хирургии и создает основу для разработки эффективных стратегий и методов разрешения споров в данной области.

Ключевые слова: медиация, пластическая хирургия, пациенты, медицинские аспекты, финансовые аспекты, страхование, юридические споры, конфликты, разрешение конфликтов, комплексный подход.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer, «Leningrad regional lawyer association», Law firm «Pelevin and partners»

MEDIATION AS ONE OF THE POSSIBILITIES FOR PRE-TRIAL SETTLEMENT OF A DISPUTE BETWEEN A PATIENT AND A PLASTIC SURGERY CLINIC

This article explores the role and significance of mediation in the field of plastic surgery. The authors analyzed specific aspects of the mediation process, focusing on the wishes and requirements of patients, medical conditions, and financial and insurance factors. The main conclusion is the need for an integrated approach to mediation, which includes taking into account the interests of all parties, as well as factors that may influence the final result. The article examines in detail the wishes and requirements of patients as a key element of the mediation process in plastic surgery. The authors draw attention to the fact that misunderstanding or incorrect interpretation of these requirements and wishes can cause legal disputes and conflicts. At the same time, medical aspects, such as the qualifications of doctors and the specifics of surgical interventions, have a decisive influence on the outcome of mediation. Financial and insurance aspects are also important components of the mediation process. The article emphasizes the importance of taking these aspects into account when resolving conflicts and disputes in the field of plastic surgery through mediation. Thus, the article provides valuable material for specialists working in the field of plastic surgery and mediation, as well as for anyone interested in effective conflict resolution in this area. The comprehensive approach proposed by the authors allows for a deeper understanding of the mechanisms and principles of mediation in plastic surgery and creates the basis for the development of effective strategies and methods for resolving disputes in this area.

Keywords: mediation, plastic surgery, patients, medical aspects, financial aspects, insurance, legal disputes, conflicts, conflict resolution, integrated approach.

В современном мире, где индустрия пластической хирургии активно развивается и привлекает все больше пациентов, неизбежно возникают конфликты и споры между клиентами и медицинскими учреждениями. Эти конфликты могут быть связаны с различными аспектами, включая неудовлетворительные результаты процедур, финансовые вопросы, вопросы ответственности и так далее. В таком контексте возникает потребность в эффективных методах разрешения споров, которые были бы альтернативой традиционному судебному процессу.

Медиация выступает как такой инструмент, предлагая сторонам конфликта досудебный метод разрешения споров с участием нейтрального посредника - медиатора. Этот подход позволяет урегулировать конфликт в более конструктивной и менее конфронтационной манере, сосредотачиваясь на интересах обеих сторон и стремясь найти взаимоприемлемое решение.

Цель данного исследования - рассмотреть медиацию как одну из возможностей досудебного урегулирования спора

пациента с клиникой пластической хирургии. Исследование стремится выявить основные принципы и этапы медиационного процесса, рассмотреть его преимущества и ограничения в контексте споров в области пластической хирургии, а также обозначить перспективы развития медиации в данной сфере.

В ходе исследования будут рассмотрены следующие вопросы: понятие медиации и ее ключевые принципы; предварительные этапы медиационного процесса; конкретные аспекты медиации в спорах, связанных с пластической хирургией; преимущества и возможные ограничения медиации в данном контексте.

Данный анализ позволит не только глубже понять специфику медиационного процесса в спорах с клиниками пластической хирургии, но и предложить рекомендации по совершенствованию данной практики, с целью обеспечения более эффективно и справедливого разрешения споров в данной области.

Исследование актуально и важно, поскольку поможет специалистам в области медиации, пластической хирургии,

а также потребителям услуг пластической хирургии лучше понять, как можно эффективно и конструктивно разрешать возникающие споры и конфликты.

Медиация представляет собой процесс волонтерного и конфиденциального разрешения конфликтов и споров при активном участии нейтрального и беспристрастного посредника - медиатора. Этот метод используется с целью помощи конфликтующим сторонам в поиске взаимоприемлемых решений, которые отвечали бы интересам всех участников спора.

Процесс медиации основывается на принципах добровольности, конфиденциальности, нейтральности и равноправия участников. Добровольность означает, что стороны самостоятельно принимают решение об участии в медиации и имеют право в любой момент прекратить этот процесс. Конфиденциальность обеспечивает защиту информации, раскрываемой в ходе медиации, что создает благоприятные условия для открытого и честного диалога между сторонами. Медиатор, в свою очередь, обладает нейтральностью, не занимает сторону ни одного из участников и помогает им на пути к соглашению, в то время как равноправие участников гарантирует, что интересы обеих сторон учитываются в равной степени.

Важной особенностью медиации является её фокус на будущее взаимодействие сторон, а не на оценку прошлых действий. Медиация стремится восстановить или улучшить отношения между сторонами, предлагая конструктивные и креативные решения конфликтов и споров, что особенно важно в сфере услуг пластической хирургии, где взаимопонимание и доверие между пациентом и клиникой играют ключевую роль.

На предварительном этапе важно провести выявление конфликта между пациентом и клиникой. Конфликт может возникнуть на основе несоответствия ожиданий пациента и результатов медицинских вмешательств. Аслямова К. Р. подчеркивает, что сложности в регулировании правоотношений в сфере пластической хирургии часто становятся источником конфликтов между пациентами и медицинскими организациями [3]. Дополнительно, проблемы могут возникнуть из-за нечеткости и изменений в правовом регулировании данной сферы, как отмечают Бобровская О. Н и Зиганурова З. З. [4].

Эффективный подход к урегулированию таких конфликтов - внедрение медиации на предварительном этапе. Медиация, как отмечает Вернер Е., позволяет достичь внесудебного урегулирования спора, что является выгодным и менее стрессовым для обеих сторон [5].

Знакомство с медиатором и подготовка к процессу медиации – важные компоненты успешного разрешения конфликта между пациентом и клиникой. В этом контексте следует отметить, что медиатор играет ключевую роль в облегчении диалога и содействии достижению взаимоприемлемого соглашения сторон. По мнению Арутюнян А. А., медиатор должен обладать навыками в урегулировании споров, а также иметь опыт в сфере, в которой произошел конфликт, чтобы понимать специфику отрасли и особенности возникшего разногласия [2].

Подготовка к процессу медиации включает в себя формирование позиции каждой из сторон, а также готовность к конструктивному диалогу и компромиссу. Мустафин Д. подчеркивает значение подготовки к процессу медиации и вовлечения профессионального медиатора для достижения эффективного и оперативного разрешения спора [12].

Голуб О. Ю. также отмечает, что медиация, будучи альтернативным способом разрешения конфликтов, позволяет сэкономить время и ресурсы обеих сторон, а также сохранить конфиденциальность процесса [6].

Согласие на участие в медиации является критическим этапом процесса. Это предполагает, что обе стороны готовы

работать вместе, чтобы найти взаимоприемлемое решение конфликта, активно сотрудничая с медиатором. Вернер Е. подчеркивает, что согласие на участие в медиации - это осознанный выбор сторон, стремящихся урегулировать спор вне суда, что может быть эффективным и конфиденциальным способом разрешения конфликта [5].

Мустафин Д. также обращает внимание на важность добровольного согласия на участие в медиации, поскольку этот подход предполагает активное участие обеих сторон в процессе поиска решения. В случае отсутствия согласия одной из сторон медиация может быть неэффективной [12].

Стрельцова Е. Г. подчеркивает, что для успешного урегулирования споров через медиацию, крайне важно, чтобы обе стороны были мотивированы и заинтересованы в достижении соглашения, и добровольно согласились бы на участие в этом процессе [11].

Инициация медиационного процесса является первым и решающим этапом в пути к успешному разрешению конфликта. На этом этапе стороны, участвующие в споре, решают, стоит ли им использовать медиацию как способ разрешения их разногласий. Вернер Е. подчеркивает важность выбора медиации как альтернативного способа разрешения споров, указывая на его эффективность в сравнении с традиционными судебными методами.

Голуб О. Ю. акцентирует внимание на важности инициации, подчеркивая, что именно на этом этапе определяется основная динамика будущего медиационного процесса. Отношение сторон к процессу и их готовность сотрудничать часто определяются именно на этапе инициации [6].

Попаденко Е. В. также обращает внимание на важность этапа инициации, подчеркивая, что выбор медиации должен основываться на информированном согласии сторон. Это означает, что обе стороны должны полностью понимать, во что они ввязываются, и какие преимущества и недостатки может иметь медиация в их конкретном случае [9].

На этапе «Выявление интересов сторон и формулирование проблемы» в процессе медиации особо важны прозрачность и взаимопонимание между участниками. Арутюнян А. А. подчеркивает значимость внимательного и аккуратного выявления интересов каждой из сторон для формирования корректной и полной картины конфликта [2]. Это помогает в дальнейшем формулировать проблему таким образом, чтобы отразить потребности и желания обеих сторон, создавая тем самым основу для конструктивных переговоров и поиска решений.

В своем исследовании Мустафин Д. также акцентирует внимание на необходимости правильной формулировки проблемы. Он отмечает, что четко сформулированная проблема облегчает процесс медиации, предоставляя четкую рамку для дискуссий и помогая сторонам сосредоточиться на ключевых вопросах, что способствует более эффективно разрешению конфликта [12].

В связи с этим, Попова Ю. А. и Илюшников Д. С. утверждают, что выявление интересов и формулирование проблемы являются неотъемлемыми компонентами подготовительной фазы медиационного процесса, направленной на создание благоприятных условий для проведения конструктивного диалога и разрешения спора [10].

Этап «Поиск возможных решений» предполагает активное вовлечение сторон в обсуждение и генерацию альтернативных вариантов урегулирования конфликта. Как отмечает Вернер Е., в этом процессе медиатор играет ключевую роль, помогая участникам не только выразить свои интересы и позиции, но и конструктивно реагировать на предложения друг друга.

Согласно Мустафину Д., этот этап требует от сторон готовности к компромиссу и взаимным уступкам, так как редко удается найти такое решение, которое в полной мере удовлетворит интересы всех участников конфликта. Медиатор

должен создать условия, при которых стороны будут чувствовать себя свободно предлагать различные варианты, не боясь критики или отказа.

По словам Поповой Ю. А. и Илюшников Д. С., активное взаимодействие сторон на этом этапе помогает выработать решение, которое будет приемлемо для всех участников процесса и обеспечит долгосрочное разрешение конфликта. Они подчеркивают, что чем активнее стороны участвуют в поиске решений, тем больше шансов, что итоговое соглашение будет успешно реализовано.

В процессе медиации в сфере пластической хирургии первостепенное внимание уделяется рассмотрению конкретных жалоб и требований пациента. Важность тщательного анализа правоотношений в этой области подчеркивается Аслямовой К. Р., которая указывает на проблемы, возникающие из-за нечеткости регулирования и несоответствия ожидаемых и фактических результатов процедур [3]. Правовые отношения в сфере пластической хирургии, как отмечает Копыткова Н. В., требуют специфического регулирования, обеспечивающего защиту прав пациентов и интересов медицинских работников [7].

Каждая жалоба и требование пациента должны тщательно анализироваться с учетом медицинских и юридических нюансов, связанных с проведением пластических операций. В этом контексте важно обратить внимание на вопросы компетенции пластических хирургов, как подчеркивают Мантурова Н. Е., Кочубей В. В. и Кочубей А. В. [8] рассмотрение медицинских аспектов спора является фундаментальным в медиации, связанной с пластической хирургией. В процессе этого обсуждения необходимо тщательное рассмотрение спецификации медицинских процедур и компетентности специалистов, что подчеркивается в работе Мантуровой Н. Е., Кочубей В. В. и Кочубей А. В. Авторы акцентируют внимание на значимости профессионализма и квалификации хирургов в сфере пластической хирургии, что напрямую влияет на конечный результат хирургического вмешательства.

Кроме того, правовые аспекты в данной сфере также имеют тесную связь с медицинскими нюансами. Как отмечается в работе Аслямовой К. Р., регулирование правоотношений в области пластической хирургии напрямую связано с клиническими и медицинскими аспектами, которые должны быть учтены в ходе медиации. Сложность медицинских процедур и их воздействие на организм пациента требуют юридической оценки и анализа, чтобы обеспечить справедливое разрешение спора.

Учет финансовых и страховых аспектов в области пластической хирургии играет значимую роль, влияя на общую картину медиационного процесса. В сфере пластической хирургии обычно присутствует высокий уровень финансовой ответственности, так как пациенты инвестируют значительные средства в хирургические процедуры и ожидают соответствующих результатов. Специфическая натура данной медицинской области требует внимательного рассмотрения каждого случая и вариативности ценовой политики, что может стать предметом спора¹.

Существует необходимость обеспечения юридической защиты как для пациентов, так и для медицинских специалистов. Важно учесть, что финансовые и страховые вопросы требуют детального анализа, исходя из конкретных обстоятельств каждого случая, что подчеркивает Аслямова К.Р. в своей работе, указывая на сложности регулирования правоотношений в сфере пластической хирургии. В рамках медиационного процесса необходимо анализировать все финан-

совые аспекты, а также условия страхования, чтобы достичь справедливого решения спора [1].

Выводы данного исследования свидетельствуют о важности рассмотрения различных аспектов медиации в пластической хирургии. Пожелания и требования пациента выступают центральным элементом в медиационном процессе, поскольку недопонимание или неправильная интерпретация этих пожеланий может привести к юридическим конфликтам и спорам. В то же время, медицинские аспекты, такие как компетентность врачей и специфика операции, играют решающую роль в процессе медиации, влияя на его исход. Наконец, финансовые и страховые вопросы также являются важными факторами, которые необходимо учитывать при разрешении споров в сфере пластической хирургии через медиацию. Таким образом, медиация в данной сфере требует комплексного подхода, включающего в себя внимательный анализ пожеланий пациента, медицинских аспектов и финансовых и страховых факторов.

Пристатейный библиографический список

1. Антонова Н. Л., Меренков А. В. Тело как проект: практики конструирования. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета // Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 8-20.
2. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 200.
3. Аслямова К. Р. Проблемы регулирования правоотношений в сфере пластической хирургии // Научные достижения и открытия. 2018. С. 156-159.
4. Бобровская О. Н., Зиганурова З. З. Новеллы в правовом регулировании отношений, возникающих в области эстетической хирургии // Медицинское право: теория и практика. 2019. № 5 (1). С. 111-115.
5. Вернер Е. Медиация как способ внесудебного урегулирования спора. Медиация, как один из способов альтернативного разрешения споров. // Закон. Кз. [Электронный ресурс], 2018.
6. Голуб О. Ю. Перспективы развития медиации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология, политология. – 2017. – С. 33-37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiyamediacii-v-rossii/viewer>.
7. Копыткова Н. В. Правовое регулирование оказания услуг в сфере пластической хирургии // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016. № 2 (95). С. 83-87.
8. Мантурова Н. Е., Кочубей В. В., Кочубей А. В. Компетентность пластических хирургов // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2018. № 2. С. 70. DOI: 10.24075/brsmu.2018.023.
9. Попаденко Е. В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.
10. Попова Ю. А., Илюшников Д. С. Основные формы применения медиации: досудебная и судебная // Власть Закона. 2016. № 4. С. 47.
11. Стрельцова Е. Г. Организация медиации как элемента государственной политики в сфере защиты прав и интересов (на основе российского исторического и современного зарубежного опыта) // Вестник гражданского процесса. 2012. № 6. С. 47-56.
12. Мустафин Д. Медиация как альтернативный способ разрешения споров. // Закон. Кз., 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4851117-mediacija-kak-alternativnyj-sposob.html/>.

1 Клопова И. А. Передел рынка пластической хирургии в 2018 году: успехи частных медицинских организаций в судебных инстанциях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.privatmed.ru/article/37/237/2438/>.

МОЖЕНКО Никита Сергеевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье происходит анализ принципа диспозитивности гражданского процессуального права, а именно его нормативное закрепление, содержательные элементы, характерные черты, позиции учёных, пробелы правового регулирования, способы устранения пробелов, собственные выводы. Тема является актуальной, ведь происходит постоянное развитие общественных отношений, которые должны регулироваться не только обычными нормами, но и принципами, которые довольно редко подлежат изменениям. Также подчёркивается возможность и необходимость устранения некоторых пробелов. Методологическую базу составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Также используются общенаучные методы анализа, синтеза и системного подхода.

Ключевые слова: принцип, диспозитивность, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное право, гражданский процессуальный кодекс.

MOZHENKO Nikita Sergeevich

student of the Law School Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVENESS OF CIVIL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the principle of dispositiveness of civil procedural law, namely its normative fixation, content elements, characteristic features, positions of scientists, gaps in legal regulation, ways to eliminate gaps, own conclusions. The topic is relevant, because there is a constant development of social relations, which should be regulated not only by ordinary norms, but also by principles, which are quite rarely subject to change. It also highlights the possibility and need to address some gaps. Comparative-legal and formal-legal methods made up the methodological base. The general scientific methods of analysis, synthesis and system approach are also used.

Keywords: principle, dispositiveness, civil procedure, civil litigation, civil procedural law, civil procedural code.

В переводе с латинского языка «диспозитивность» обозначает «распоряжаться» или «устраивать». А его антонимом, выступает слово «императивность», которое переводится с латинского языка как «закон, приказ, требование».

Принцип диспозитивности знаком ещё из эпохи римского права. Его суть состоит в том, что предоставляется свобода в распоряжении правом его обладателю. Своё закрепление данный принцип находит как на легальном уровне, так и на доктринальном.

Исходя из анализа действующего ГК РФ, закрепление принципа диспозитивности происходит без указания на его название. Ст. 9 ГК РФ называется – осуществление гражданских прав¹. Никаких указаний на принцип диспозитивности нет, оно вытекает из содержания статьи. Норма прямо даёт понять, что граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. То есть, предоставляется свобода со стороны государства субъектам частного права в распоряжении своими гражданскими правомочиями. По своему желанию и усмотрению каждый правоспособный и дееспособный индивид имеет возможность самостоятельно распоряжаться предоставленной ему мерой возможного поведения.

Но каким образом это связано с процессуальной отраслью? Большинство авторов сводятся к такому мнению, что обладатели гражданского права могут свободно распоряжаться мерой возможного поведения до процесса, соответственно, и во время процесса [1]. Исходя из этого, субъектам

предоставляется свобода распоряжения средствами защиты и нападения в гражданском процессе.

Для более глубокого понимания, необходимо проанализировать характерные черты принципа диспозитивности.

Большую распространённость получила следующая дефиниция. Принцип диспозитивности – это право или возможность лиц, участвующих в деле, в известных пределах под контролем суда распоряжаться своими процессуальными и материальными правами, а также средствами их защиты [2]. Отталкиваясь от данного понятия, необходимо осознать, что данная категория предоставляет участникам процесса самостоятельность в распоряжении своим правом, предусмотренным действующим российским законодательством (обращаться с иском в суд, отказаться от иска, изменить предмет иска и т.д.).

Следующая дефиниция также имеет достаточно распространённый характер. Диспозитивность представляет нормативное положение, в соответствии с которым возникновение, развитие и прекращение процесса по конкретному гражданскому делу обуславливаются инициативой сторон и иных заинтересованных лиц, реализуемой в пределах установленных законом и под контролем суда [3]. В первую очередь это нормативное закрепление того, чем стороны процесса свободны распоряжаться. Только после этого лицам предоставляется инициатива развития дальнейших событий в делопроизводстве, которая контролируется компетентными органами.

Треушников М. К., предлагает достаточно грамотно выстроенную дефиницию. По его мнению, диспозитивность – это основополагающее нормативное положение гражданского судопроизводства, согласно которому стороны вправе

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // «Собрание законодательства РФ». – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301; 2022. – № 16. – Ст. 2601. – Ст. 9.

по своей инициативе и усмотрению распоряжаться заявленными относительно спорного права материально-правовыми требованиями посредством предусмотренных законом процессуальных действий, влияющих на возникновение, развитие и окончание процесса.

Исходя из вышесказанного, необходимо выделить основные аспекты, которые характеризуют принцип диспозитивности. К ним относятся:

- 1) содержание (возможность распоряжаться процессуальными и материальными правами самостоятельно);
- 2) форма (возможность влиять на движение процесса по своей инициативе).

Выявленные нами аспекты достаточно показывают суть принципа диспозитивности, ведь они прямо раскрывают его содержание.

Для более глубокого восприятия содержания принципа, необходимо провести анализ действующего ГПК РФ. Исходя из легального закрепления некоторых норм (ст. 3, 4, 39, 173, 320, 376, 391.1 ГПК РФ и т.д.), основными элементами диспозитивности являются:

- 1) возбуждение гражданского дела (подача иска);
- 2) определение объёма, характера исковых требований, а также возможность их изменения;
- 3) самостоятельное распоряжение материальными и процессуальными правами и средствами защиты;
- 4) возбуждение апелляционного, кассационного или надзорного производства;
- 5) требование принудительного исполнения судебного акта по гражданскому делу.

Исходя из приведённого анализа, необходимо отметить, что легального закрепления дефиниции принципа диспозитивности нет. Также законодатель не предусматривает в ГПК РФ элементы, которые полноценно раскрыли бы принцип диспозитивности. Содержание данного основополагающего начала вытекает из норм законодательства, соответственно, происходит, в некоторых ситуациях, его ошибочное понимание в теории, а также на практике.

Подводя итог отчасти, необходимо дать собственную дефиницию принципу диспозитивности. По нашему мнению, диспозитивность – это демократическая основа гражданского судопроизводства, посредством которой происходит разрешение спорного материального правоотношения судом, путём наличия возможности самостоятельно распоряжаться материальными и процессуальными правомочиями и средствами защиты по своей инициативе, которая оказывает влияние на возникновение, развитие и окончание гражданского делопроизводства.

Бывают ситуации, в которых законодатель переходит границы принципа диспозитивности. Одним из таких примеров является закреплённая ст. 327.1 ГПК РФ. В ч. 1 данной нормы всё сформулировано в соответствии с принципом (рассматриваются доводы, указанные в жалобе; могут приниматься судом дополнительные доказательства). Абз. 1 ч. 2 также сформулирован в пределах основополагающего начала (если субъект обжалует часть решения суда, то и проверяется на законность и обоснованность только часть решения). А в абз. 2 ч. 2 той же статьи происходит выход законодательного регулирования за пределы диспозитивности.

В абз. 2 ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ, закрепляется следующее положение: «суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объёме». Исходя из такого содержания,

решение частноправового спора переходит в руки суда². Необходимо понимать, что принцип диспозитивности никак не сопоставим с настоящим положением. Ведь одним из основных черт принципа является не вмешательство суда в процесс разрешения спора, а с помощью таких норм ГПК РФ допускает выход суда за пределы жалобы [4]. Такого закрепления, например в АПК РФ, не предусмотрено.

Исходя из наличия такого закрепления, мы предлагаем корректировку абз. 2 ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ. Она может выглядеть следующим образом: «Суд апелляционной инстанции в интересах законности вправе проверить решение суда первой инстанции в полном объёме по ходатайству стороны в делопроизводстве. Ходатайство должно содержать доводы, и, при возможности, доказательства, на основании которых сторона приходит к выводу о необходимости проверки решения суда первой инстанции». Хотя некоторые авторы поддерживают закрепление уже существующего положения, ведь данным образом реализуется принцип законности, но про иные руководящие идеи нельзя забывать. Такая норма полностью соответствовала бы принципу диспозитивности, и не изменяла сути частноправового разрешения споров.

Вторым выходом за пределы принципа диспозитивности является содержание ст. 196 ГПК РФ. Часть 3 закрепляет, что суд может выйти за пределы заявленных требований, если это предусматривается действующим гражданско-процессуальным законодательством. Такая норма позволяет суду в какой-то части вести гражданский процесс самостоятельно, своими силами³.

Выявив содержание принципа диспозитивности, мы прекрасно понимаем, что его важнейшими аспектами являются: 1) самостоятельность осуществления собственных прав, 2) инициативное влияние на движение дела. Исходя из такой трактовки сути диспозитивности, происходит его ограничение в ситуациях, определённых законом. Примером может служить выявленная ранее проблема, касательно абз. 2 ч. 2 ст. 327.1 ГПК РФ. Исходя из этого, предлагается ввести корректировку в ч. 3 ст. 196 ГПК РФ, а именно она должна выглядеть следующим образом: «Суд принимает решение по заявленным истцом требованиям. Однако суд

- 2 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 № 4-КГ22-48-К1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FfZSEfTkpTBHhJiD1&cacheid=77160FDEC248D5C6ACC18CA5CoFD923A&mode=splus&rnd=cuVSEfTmae9WlITX2&base=ARB&n=758130#MPXTEfTaoOcj5it> (дата обращения 20.02.2023) @@ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2021 № 88-444/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FfZSEfTkpTBHhJiD1&cacheid=B035313577850356BB60D6B40C63E9A5&mode=splus&rnd=cuVSEfTmae9WlITX2&base=KSOJ003&n=24971#FqmYefTok8DATlDl> (дата обращения: 20.02.2023).
- 3 Апелляционное определение Липецкого областного суда от 28.02.2022 по делу № 33-591/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FfZSEfTkpTBHhJiD1&cacheid=1B50248ACCC8647DB6CAA7FBD74ADB3&mode=splus&rnd=cuVSEfTmae9WlITX2&base=SOKI&n=377229&dst=100059#HxqZefTOtQXjzW06> (дата обращения: 20.02.2023) @@ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2021 по делу № 33-42791/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FfZSEfTkpTBHhJiD1&cacheid=1B50248ACCC8647DB6CAA7FBD74ADB3&mode=splus&rnd=cuVSEfTmae9WlITX2&base=MARB&n=2159398&dst=100045#45TAEfTKonpEu0E> (дата обращения: 20.02.2023).

может выйти за пределы заявленных требований по ходатайству стороны процесса в случаях, предусмотренных федеральным законом».

Третьим ограничением принципа диспозитивности является участие прокурора в гражданских делах. Исходя из содержания ст. 45 ГПК РФ, сотрудник прокуратуры РФ может подать заявление для защиты прав, свобод и законных интересов (граждан, которые в связи с жизненными обстоятельствами имеют определённые сложности в самостоятельной юридической защите или по их обращению).

Учёные гражданского процесса придерживаются различных точек зрения по поводу участия прокурора в гражданском делопроизводстве.

Некоторые авторы говорят, что участие прокурора в гражданских делах является признаком недоверия к судебному корпусу и подрывает принцип независимости судей [5].

Другие авторы предлагают суть прокурора в частноправовых спорах сместить на защиту именно государственных и публичных интересов [6]. Ведь сотрудник надзорного органа не должен заменять частных лиц и решать частноправовые вопросы. Прокурор должен представлять и защищать интересы государства, наиболее значимые.

Иные авторы видят прокуратуру как единственный орган, который может представлять интересы граждан в суде [7]. Ещё некоторые учёные добавляют, что прокурор является одним из инструментов обеспечения гарантированных Конституцией прав и свобод, поэтому должен обладать полномочиями по вступлению в процесс [8].

Из изложенных позиций, по нашему мнению, участие прокурора должно проявляться в защите прав и интересов государства, а также неспособных самостоятельно юридически защитить себя граждан, которые находятся в сложной жизненной ситуации (болезнь, инвалидность). Для иных дел у нас предусматривается в ГПК РФ институт представительства.

Исходя из отмеченного, необходимо сказать, что такое закрепление прокурора в гражданском процессе имело бы значение для гражданского судопроизводства. Оно проявлялось бы в следующем: 1) ускорение и упразднение дел; 2) укрепление принципов состязательности, диспозитивности, равноправия, независимости; 3) уменьшение процессов с освобождёнными госпошлинами [9].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что принцип диспозитивности является одним из основных руководящих начал гражданского судопроизводства. Его суть состоит в том, чтобы участники процесса самостоятельно и инициативно защищали свои права, свободы и интересы, которые им предоставляет действующее российское законодательство, а также осуществляли правомочия. Выделяется ряд определённых проблем, которые, так или иначе, затрагивают регулирование частноправовых споров в целом, решение суда. Но нам необходимо понимать, что идеального регулирования быть не может, но стремиться к этому надо. Поэтому предлагаются некоторые способы решений, которые касаются принципа диспозитивности.

Пристатейный библиографический список

1. Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия: учебник. – Москва: Статут. – 2016. – 303 с.
2. Мусина В. А., Чечина Н. А., Чечота Д. М. Гражданский процесс: учебник. – М.: Пбоял гриженко. – 2001. – 544 с.
3. Шакарян М. С. Гражданское процессуальное право: учебник. – Москва: Проспект, 2004. – 584 с.
4. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 3 (98). – С. 69-77.
5. Конусова В. Т. Роль и формы участия прокурора в гражданском процессе в контексте нового Гражданского процессуального кодекса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38385956&pos=6;-106#pos=6;-106.
6. Скрябин С. В., Акимбекова С. А., Лер С. М. Участие прокурора в судебном процессе: сравнительно правовой анализ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docplayer.ru/46722676-Uchastie-prokurora-v-grazhdanskom-processe-sravnitelno-pravovoy-analiz-1.html>.
7. Сейтова Ж. Роль прокурора в гражданском судопроизводстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 185.107.174.154:8080/bitstream/handle/7171/142/2016-03-4143.pdf?sequence=1&isAllowed=y.
8. Оспанова А. С. Участие прокурора в гражданском процессе в свете исполнения Плана нации – 100 конкретных шагов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infozakon.kz/gov/1630-uchastie-prokurora-vgrazhdanskom-processe-v-svete-ispolneniya-plana-nacii-100-konkretnyhshagov.html>.
9. Акимбекова С. А., Максатов Н. Р. Взаимодействие суда и прокуратуры: вопросы теории и практики // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – № 1 (64). – С. 91-97.

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДОГОВОРА ИНЖИНИРИНГА

В статье изучается понятие инжиниринга в правовом смысле слова, правовая природа договорной конструкции на осуществление инжиниринговой деятельности, затрагиваются вопросы правового регулирования отношений договора, их отличительные черты и особенности. Проводится сравнительно-правовой анализ и характеристика регулирования инжиниринга в различных зарубежных государствах. Рассматриваются международные акты, касающиеся вопросов регулирования инжиниринга. В заключении статьи делаются общие выводы о состоянии правового регулирования инжиниринговой деятельности в мире, выявляются проблемные области и важность установления правовой определенности в данном вопросе.

Ключевые слова: договорное право, инжиниринг, инжиниринговая деятельность, договор инжиниринга, технический договор, договор подряда.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student of the 4th course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DERENDYAEVA Sofiya Dmitrievna

student of the 4th course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF AN ENGINEERING CONTRACT

The article studies the concept of engineering in the legal sense of the word, the legal nature of the contractual structure for the implementation of engineering activities, and addresses issues of legal regulation of contract relations, their distinctive features and characteristics. A comparative legal analysis and characteristics of engineering regulation in various foreign countries are carried out. International acts related to issues of regulation of engineering are considered. In conclusion, the article draws general conclusions about the state of legal regulation of engineering activities in the world, identifies problem areas and the importance of establishing legal certainty in this matter.

Keywords: contract law, engineering, engineering activities, engineering contract, technical contract, work contract.

На протяжении последних десятилетий развитие рыночных отношений в сфере услуг постепенно привело к появлению понятия «инжиниринг» или же «инжиниринговая деятельность».

Нельзя сказать, данное понятие отражает явление принципиально новое. Коммерциализацию труда инженеров можно заметить уже в XIX веке. Одним из первых обществ инженеров заслуженно можно считать Институт гражданских инженеров (Великобритания, 1818 г.). Нельзя обойти вниманием Центральное общество инженеров-строителей (Франция, 1848 г.), Американское общество гражданских инженеров (США, 1852 г.). Сегодня в Европе значительное место занимает Европейское общество инженеров строительства (1985 г.). Говоря о России, важной вехой развития инженерных организаций является появление Общества гражданских инженеров (1894 г.). В России сегодня действует Ассоциация инженеров «Национальная палата инженеров» (2015 г.). То есть, начиная с XIX в., происходит кооперация инженеров в самоуправляемых организациях, и данный процесс продолжается и по сей день.

Фактически инжиниринг существовал и в СССР: в то время как в буржуазных государствах инжиниринговая деятельность осуществлялась частными компаниями, в СССР действовали проектные, конструкторские, научно-исследовательские и др. объединения. Развитие инжиниринга шло

посредством создания крупных проектных организаций – Госплан, Госснаб, Госстрой, в которых разрабатывались стратегии развития тех или иных областей, проводились технико-экономические экспертизы, формировались системы управления вложениями, документооборота и т. д. Заказчик – государство. В сущности, всю плановую экономику в СССР можно сравнить с гигантского масштаба инжиниринговой компанией [1]. Но в тот период точно инжиниринг не рассматривался как дополнительный источник прибыли, ввиду чего большого внимания с этой точки зрения ему не уделялось.

Сегодня же понятие «инжиниринг» устойчиво вошло в употребление в профессиональной среде. Сфера оказания инжиниринговых услуг является развивающимся сектором мировой экономики. Исследования говорят о дальнейшем росте рынка инжиниринговых услуг в мировой экономике – среднегодовой темп роста с 2021 по 2026 гг. составит 8 % [2]. Также исследовались объемы продаж инжиниринговых услуг в отдельных государствах. В КНР в 2017 г. – 858,64 млрд. долл., в 2021 г. – 1069,40 млрд. долл., рост – около 24.55 %. В США в 2017 г. – 295 млрд. долл., в 2021 г. – 370.4 млрд. долл., рост – 25.4 % [3]. Таким образом, есть уверенная тенденция роста рынка инжиниринга, что подчеркивает важность складывающихся отношений. В свою очередь, напрашивается вывод о правовом регулировании инжиниринга ввиду того, что

данные отношения являются все более важными для общества.

Сегодня самый крупный инжиниринговый рынок сложился в АТР. Особенно можно отметить КНР и Индию, вкладывающие большие средства в национальную инфраструктуру: расширение трубопроводного транспорта, строительство аэропортов. Данные мероприятия только подчеркивают тенденцию роста спроса на инжиниринг, чему корреспондирует соответствующее предложение.

Стремительный темп развития отношений по поводу оказания инжиниринговых услуг – важный сигнал для права. В интересах развития экономики и стабильность гражданского оборота необходимо решить задачи, связанные с правовым регулированием договора инжиниринга: понять его правовую природу, выявить особенности защиты прав сторон.

В чем особенность конструкции договора инжиниринга? При его заключении заказчик желает получить от исполнителя содействие в изучении рынка, расчета рентабельности, освоении полученных в результате исследований технологий, подготовке кадров и т. д. Условно инжиниринг состоит в подготовке и реализации проектов «под ключ», «налаживание» бизнес-процесса, что полностью не входит ни в конструкцию строительного подряда, ни в конструкцию осуществления исследовательской деятельности. Данный фактор и объясняет осмысление конструкции договора инжиниринга с точки зрения права.

Европейская экономическая комиссия ООН дает классификацию инжиниринговых услуг:

1. Консультационный инжиниринг (Consulting Engineering).
2. Технологический инжиниринг (Manufacturing Engineering).
3. Строительный инжиниринг (Construction Engineering).
4. Комплексный инжиниринг (EPCM – engineering, procurement, construction management, т. е. проектирование, поставки, управление строительством).

Консультационный инжиниринг включает в себя проведение проектирования, подготовительных работ, авторский надзор. Технологический – передача технологий, производственного опыта. Строительный – поставка оборудования, проведении монтажных работ по его установке, проектировочные работы. Комплексный – сдача объекта «под ключ».

Некоторые исследователи выделяют и финансовый инжиниринг, описывая его как молодой и слабо изученный вид инжиниринга, но тем не менее важный для развития данного направления. Его сущность состоит в создании новых финансовых продуктов и услуг [4].

Каждое государство имеет свои особенности развития инжиниринга. Но в основном можно выделить несколько основных моделей.

1. Американская модель инжиниринга. В ее основе лежит деятельность профессиональных инженерных организаций, отличающихся крупным масштабом. Преимуществом данного подхода состоит в консолидации специалистов, обладающими широким спектром как фундаментальных, так и прикладных знаний. Деятельность американских инжиниринговых компаний распространяется на весь мир посредством создания филиалов.

2. Немецкая модель инжиниринга. Компании не имеют специального центра для управления эффективностью инжиниринга и обмена опытом, накопленным в отрасли. Характерен «промышленный инжиниринг», который харак-

теризуется подготовкой работ, организацией труда и распределением времени.

3. Китайская модель инжиниринга. Китайская промышленность производит более 40 % мировой инновационной продукции. Особенностью модели являются низкие затраты на инновации. Данный фактор способствовал созданию инфраструктуры, необходимой другим государствам.

4. Индийская модель инжиниринга. Индия – мировой центр морского инжиниринга. Основные потребители – Европа и Северная Америка, основные конкуренты – Китай и Тайвань. Формируются инновационные кластеры/экосистемы, ориентированные на весь инновационный цикл, в котором инжиниринг существует на всех этапах.

Делая выводы, стоит подчеркнуть важность правового регулирования инжиниринговой деятельности. Отсутствие контроля качества и безопасности в области инжиниринга может препятствовать росту рынка инжиниринговых услуг [3]. Нам видится эффективным решением вопроса уделения законодателем большего внимания инжинирингу, что позволит устранить те издержки, которые несут субъекты инжиниринговой деятельности.

Планомерным шагом было бы выделение договора инжиниринга как самостоятельной договорной конструкции, способной учитывать все особенности складывающихся комплексных отношений, которые в полной мере не укладываются во все существующие легально определенные формы договоров.

Другим возможным решением была бы модель, используемая сегодня в КНР – проработка отдельных аспектов инжиниринговой деятельности посредством регулирования разнообразных договорных форм, что позволяет субъектам гражданского оборота более гибко подходить к упорядочиванию своих отношений и формированию договорных конструкций.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов С. В. Развитие сотрудничества России и Китая в горнорудной промышленности // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. - 2011. - № 4 (40). - С. 102-105.
2. Engineering services market – growth, trends, covid-19 impact, and forecast (2022-2027). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/engineering-services-market>.
3. Иванова С. В., Сотников А. В., Тарановская Е. В. Тенденции рынка инжиниринговых услуг // Российский внешнеэкономический вестник. - 2022. - № 8. - С. 54-60.
4. Веретенникова И. И., Ефимова И. Н., Ковалева Т. Н. Денежные потоки в основе анализа финансовых вложений организации // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. - 2014. - № 1. - С. 27-35.

ПРОНИНА Юлия Олеговна

кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ СМАРТ-КОНТРАКТА, КАК ДОГОВОРНОГО АСПЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Автором была проведена работа по анализу действующего законодательства, регулирующего электронную коммерцию. Развитие современного мирового сообщества невозможно без внедрения технологических инноваций. В работе рассматриваются смарт-контракты как цифровые инновации. В исследовании применялись методы дедукции, индукции, правового анализа. В исследовании рассматривается вопрос правового регулирования смарт-контрактов, как цифровой инновации. Статья стала результатом научной работы автора о правовом регулировании цифровых инноваций. Правовой анализ рассматриваемого вопроса показал, что необходимо проводить дальнейшую работу в области закрепления правового положения смарт-контракта в гражданском обороте.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые инновации, договорные отношения, гражданский оборот, правовое регулирование, электронная коммерция, технологии распределенного реестра, интернет торговля.

PRONINA Yuliya Olegovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Civil law sub-faculty of the Southwestern State University, Kursk

LEGAL REGULATION OF DIGITAL INNOVATIONS USING THE EXAMPLE OF A SMART CONTRACT AS A CONTRACTUAL ASPECT OF E-COMMERCE

The author carried out work on the analysis of the current legislation regulating e-commerce. The development of the modern world community is impossible without the introduction of technological innovations. The paper considers smart contracts as digital innovations. The research used methods of deduction, induction, and legal analysis. The study examines the issue of legal regulation of smart contracts as a digital innovation. The article is the result of the author's scientific work on the legal regulation of digital innovations. The legal analysis of the issue under consideration showed that further work is needed in the field of consolidating the legal position of the smart contract in civil circulation.

Keywords: smart contract, digital innovation, contractual relations, civil turnover, legal regulation, e-commerce, distributed registry technologies, online commerce.

Пронина Ю. О.

Требования современного мира предопределяют постоянное развитие общества и внедрение цифровых инноваций в повседневную жизнь. Нормой стал способ приобретения товара путем его дистанционного заказа, вызов такси или иной услуги, полученной с применением телефона или компьютера. Инновационная деятельность проникает во все сферы жизни человека. Примером тому могут быть гражданские правоотношения.

Основной причиной технологической трансформации послужило появление таких цифровых технологий, как сеть Интернет, искусственный интеллект, социальные сети, виртуальный мир и дополненная реальность, блокчейн, роботы нового поколения, облачные сервисы и многое другое [5, с. 263]. Действительностью современного общества является тот факт, что поглощение интернет-пространством ведется активными темпами. Цифровые технологии стали применяться не только в технической стороне жизни человека, но и стали проявляться и в новом способе выражения гражданско-правовой воли субъектов: в форме смарт-контракта.

Важность применения технологических инноваций отметил в своем Послании к Федеральному Собранию Владимир Путин еще в 2018 году: «Нам нужно идти вперед, в течение шести лет обеспечить предоставление практически всех госуслуг в режиме реального времени, с помощью дистанционных сервисов. Также в цифровую форму нужно перевести документооборот между госструктурами, что важно и для самих госструктур, и для граждан, чтобы не бегать потом по Интернету и не искать. Можно будет в одном месте все получить. Добавлю, что цифровизация всей системы государ-

ственного управления, повышение ее прозрачности — это и мощный фактор противодействия коррупции» [1].

Заданный вектор цифровизации наглядно отражается в ряде принятых законопроектов выполненных в рамках исполнения поручений Президента РФ («О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], Постановление Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» [2]. Данные законопроекты направлены на содействие расширению применения цифровых инноваций и построению устойчивой электронной экосистемы. Построение цифровой экономики одновременно несет в себе и правовой вызов, сопряженный с правовыми рисками.

Фокус нашего исследования будет направлен на вопрос правового регулирования договорного аспекта электронной коммерции на примере смарт-контракта.

Актуальность рассмотрения правового регулирования цифровых инноваций в электронной коммерции подтверждается данными, опубликованными Ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ). Согласно аналитике АКИТ с каждым годом увеличивается объем электронной коммерции в России. Сегодня мы наблюдаем активную трансформацию экономики и права. В эпоху развития технологических инноваций фиксация воли осуществляется в форме смарт-контракта с применением компьютерного кода.

Согласно нормам действующего ГК РФ, субъекты гражданских правоотношений могут фиксировать волеизъявление на любом носителе, дающем возможность воспроизвести в дальнейшем в неизменном виде его суть. Такая возможность субъектам гражданских правоотношений предоставляется путем ведения электронной коммерции.

Стоит отметить, что Правительство РФ оперирует вышеупомянутой терминологией в программных документах «Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года» [11] указывая, что «смарт-контракты»-технологии само исполняемых кодов выполнения обязательств. С января 2021 года Правительство РФ закрепила законодательно применение технологии систем распределенного реестра при создании и исполнении децентрализованных приложений и смарт-контрактов [9].

«Акулы» внутреннего Российского финансового рынка совместно с Банком России видя перспективы применения технологии распределенных реестров учредили «Ассоциацию развития финансовых технологий». Основной целью деятельности ассоциации является продвижение проектов направленных на проведение операций, связанных с цифровыми банковскими гарантиями, электронными закладными и другими цифровыми продуктами. В ходе реализации этих программ предполагается применение смарт-контрактов, основанных на технологии распределенных реестров. Формирование подхода регулирования применения смарт-контрактов на финансовом рынке утверждено в «Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 г.» [10]. Несмотря на принятые документы легального понятия «смарт-контракт» так и нет на сегодняшний день в российском законодательстве.

Жизнеспособность и перспективность внедрения данной формы волеизъявления подтверждается применением ее в гражданско-правовых отношениях.

Для понимания технологического подхода к заключению смарт-контракта, необходимо подробнее рассмотреть применимый понятийный аппарат.

Для начала необходимо проанализировать технологическую основу смарт-контракта. Смарт-контракт представляет собой симбиоз основ права, информатики и криптографии.

Посредством криптографической записи на основе программного кода происходит фиксация воли сторон, заключивших договор на одной из существующих платформ. Определения применения платформы зависит от языка программирования смарт-контракта. В основной массе контракты формируются с применением технологии распределенных реестров (блокчейн). Косвенное упоминание блокчейна есть в подзаконных актах. Блокчейн признается вариантом реализации сети распределенных реестров, в котором данные о совершенных транзакциях структурируются в виде цепочки (последовательности) связанных блоков транзакций [4].

В свою очередь технологии распределенного реестра - это алгоритмы и протоколы децентрализованного хранения и обработки транзакций, структурированных в виде последовательности связанных блоков без возможности их последующего изменения [6].

Сформировать и работать со смарт-контрактом может только специалист, имеющий IT образование, т.к. формирование договора происходит на языке программирования. Поскольку формирование такого рода договора основывается на волеизъявлении сторон, при этом указываются необходимые условия сделки, права и обязанности сторон и неизбежные санкции в случае нарушения условий контракта. Для выполнения этих задач необходимо наличие юридических компетенций. Таким образом мы приходим к выводу, что для применения в электронной коммерции смарт-контракта

необходим специалист, обладающий компетенциями построения метрик.

Смарт-контракт, являясь договорным аспектом электронной коммерции считается заключенным при возможности достоверного определения сторон выразивших свою волю и наличии места хранения. Реализовать указанные требования на практике стало возможным с октября 2019 года. Мастерчейн стал первой сертифицированной в России блокчейн-платформой: было получено положительное заключение ФСБ России по результатам экспертизы тематических исследований СКЗИ (средства криптографической защиты информации) «Мастерчейн». В состав СКЗИ «Мастерчейн» версии 1.0 входит узел блокчейна, а также система передачи конфиденциальных сообщений (СПКС), которой нет у публичных блокчейн-платформ. На базе платформы Мастерчейн организованы закрытые сети распределенных реестров, доступ к которым управляется оператором платформы – АФТ. Это дает дополнительные гарантии безопасности регистрации, обмена и хранения транзакций и данных участников финансового рынка [3].

Масштабирование применения смарт-контрактов на территории РФ затрудняется отставанием правовых основ регулирования. Действующее гражданское законодательство не в полной мере регулирует заключение смарт-контрактов. В ходе детального анализа действующего Российского законодательства мы наблюдаем отсутствие узаконенного понятия «смарт-контракт», что требует дальнейшего изучения данного вопроса.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fintechru.org/directions/raspredelenny-reestr/>
4. Доклад для общественных консультаций. Развитие технологии распределенных реестров. Банк России. Декабрь 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/content/document/file/36007/reestr_survey.pdf (дата обращения: 12.12.2023).
5. Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л. Смарт-контракты: предпосылки цифровизации бизнес-среды // Олимпийское наследие и крупномасштабные мероприятия: влияние на экономику, экологию и социокультурную сферу принимающих дестинаций: материалы XIII Международной научно-практической конференции, Сочи, 18–20 мая 2023 года / Сочинский государственный университет. – Сочи: Сочинский государственный университет, 2023. – С. 263-266. – EDN NEIUSH.
6. Подготовлен специалистами АО «Консультант Плюс» Что такое смарт-контракт и как его заключить // СПС КонсультантПлюс. 2022.
7. Российская газета». - № 172. - 07.08.2019.
8. Российская газета». - № 173. - 06.08.2020.
9. Собрание законодательства Российской Федерации от 2 ноября 2020 г. № 44, ст. 7003.
10. Собрание законодательства Российской Федерации от 2 января 2023 г. № 1 (часть III), ст. 476.
11. Собрание законодательства РФ». - 15.10.2018. - № 42 (часть II). - Ст. 6480.

ПЛЕШАКОВА Инна Николаевна

старший преподаватель кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

МАТЕРИНСКИЙ (СЕМЕЙНЫЙ) КАПИТАЛ КАК НЕТИПИЧНЫЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье рассматривается институт материнского (семейного) капитала как нетипичного вида социального обеспечения в Российской Федерации. Подвергается научной дискуссии само понятие материнского (семейного) капитала, аргументируются мнения ученых по исследуемому вопросу. Автором дается правовая характеристика материнского (семейного) капитала через призму нехарактерных признаков для иных социальных предоставлений, объясняется развитие нетипичного в праве социального обеспечения.

Ключевые слова: материнский (семейный) капитал, социальные предоставления, вид социального обеспечения, развитие нетипичного.

PLESHAKOVA Inna Nikolaevna

senior lecturer of Labor law sub-faculty of the V. F. Yakovleva Ural State Law University

MATERNAL (FAMILY) CAPITAL AS AN ATYPICAL TYPE OF SOCIAL SECURITY

The article examines the institution of maternal (family) capital as an atypical type of social security in the Russian Federation. The very concept of maternal (family) capital is subject to scientific discussion, and the opinions of scientists on the issue under study are argued. The author gives a legal description of maternal (family) capital through the prism of non-characteristic features for other social provision, and explains the development of social security that is atypical in law.

Keywords: maternal (family) capital, social benefits, type of social security, development of atypical.

Последнее двадцатилетие обеспечение благополучного и материально стабильного детства стало одним из основных национальных приоритетов России. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации ставятся задачи по разработке современной и эффективной государственной политики в области материнства и детства. В результате принятых мер наметились позитивные тенденции увеличения рождаемости, снижения детской смертности, улучшения социально-экономического положения семей с детьми, повышения доступности образования и медицинской помощи для детей, увеличения числа устроенных в семьи детей, оставшихся без попечения родителей¹ и т.п..

В то же время наряду с традиционными пособиями, которые закреплены в законодательстве о социальном обеспечении, действуют и появляются новые. На создание достойных условий по воспитанию детей в семье нацелен и принятый нормативный акт – Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»². Указанный нормативный акт закрепил новое социальное предоставление в системе социального обеспечения нашей страны, которое имеет множественные особенности как в назначении, так и в назначении.

В настоящее время наблюдается тенденция признания юридической природы нетипичного для социального обеспечения, которое появляется в отрасли очень стремительно.

В первую очередь действующий нормативный акт отличается своей терминологией. Заметим, что понятийный аппарат особенного института – материнского (семейного) капитала, в статье 2 (указанного выше нормативного акта) содержит основные дефиниции, которые раскрывают суть материнского (семейного) капитала, тем самым дополняя понятийный аппарат права социального обеспечения путем

вводимого новым законодателем термина – «материнский (семейный) капитал».

Единообразное понимание и интерпретация такого термина, как «материнский (семейный) капитал», в науке права социального обеспечения обуславливает его правильное толкование не только в научной и правовой среде, но и в практике применения законодательства, а также среди получателей указанного социального предоставления. Тем не менее, несмотря на законодательное закрепление термина, основной целью материнского (семейного) капитала, понятной для всех, является обеспечение социального благосостояния семей с детьми на протяжении большого периода времени (обучение детей, пенсионные выплаты, покупка жилья и т.д.).

Отметим, что сам термин и «материнский (семейный) капитал» является нетипичным для отраслевой науки и представляет «гибрид» различных научных познаний в области экономики, политологии, юриспруденции, что порождает создание новых правовых конструкций. Согласимся с тем, что юридическая конструкция представляет собой создаваемое в результате определенной интеллектуальной работы понятие, обусловленное практической необходимостью и ориентированное на выполнение определенной заранее закладываемой функции, которая задается актуальной практической необходимостью юридического урегулирования той или иной области общественных отношений [18, с. 81].

Интересным считаем мнение Пузыревой А. А., считающей, что юридические конструкции интересуют нас и с позиции толкования права. Высшей абстракцией является юридическое мышление посредством конструирования моделей правовых отношений. Именно так рассматриваемая категория приобретает значение как средство правового регулирования, элемент содержания «тела» права [20, с. 22].

Интерпретируя изложенное, предполагаем, что в понимании законодателем заложен смысл следующего: «материнский (семейный) капитал» – это значительная сумма денег, предназначенная для матери или семьи. И если понятие «материнский (семейный)» можно отнести к межотраслевой науке, то термин «капитал» нетипичен в своем появлении в науке социального обеспечения. Этот вопрос поднимался ранее, например, в трудах ученых отраслевиков, например, Барышниковой Т. Ю. [4], Корсаненковой Ю. Б. [13].

1 Послание Президента Федеральному Собранию 21 апреля 2021 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/>. (дата обращения: 07.10.2023).

2 Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 01.01. 2007. № 1. (Часть 1). Ст. 19.

Согласимся с мнением о том, что с появлением нового вида социального обеспечения – материнского (семейного) капитала активизируются межотраслевые связи права социального обеспечения с гражданским и семейным правом [14, с. 151], но отметим, что понятие «капитал» имеет под собой экономическую составляющую и понимается как некие накопления, которые так же «вписываются» в гражданские и семейные правоотношения как отдельные «объекты» для этих отраслей права.

В используемом нормативном акте расширена терминология, выходящая за рамки отраслевой науки, что также говорит о нетипичном проявлении нового предоставления в праве социального обеспечения. Стоит обратить внимание на то, что в последние годы, уже после появления института материнского (семейного) капитала, появился целый ряд новых выплат, которые законодатель называет ежемесячными денежными выплатами, ежемесячными выплатами семьям, имеющим детей и т.п. Иногда законодателем используются разные слова и термины, обозначающие практически одно и то же. Это свидетельствует о том, что сегодня наблюдается некая хаотичность терминологического порядка и что это дает основание объективно характеризовать понятийный аппарат права социального обеспечения как бессистемный, не отвечающий требованиям терминологического единства [7, с. 112].

Разбирая дефиницию, содержащуюся в законе, видим, что материнский (семейный) капитал представляет средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет СФР на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, который оформляется документом – государственным сертификатом на материнский (семейный) капитал. С момента создания института материнского (семейного) капитала ученые разных отраслей научных знаний обращают внимание на цели, на вопросы правового регулирования данного института, на объекты и т.п.

Справедливым считаем мнение Т. Ю. Барышниковой, которая даёт определение материнского (семейного) капитала как комплексного вида социального обеспечения, представляющего собой право распоряжения денежными средствами материнского (семейного) капитала на основании выданного территориальным органом СФР государственного сертификата в целях, предусмотренных законом, а также право на получение единовременной денежной выплаты за счет средств материнского капитала в случаях, предусмотренных законом [3].

Т. С. Гусева отмечает, что материнский (семейный) капитал схож с таким видом социальных выплат, как государственные субсидии [8].

Ю. Б. Корсаненкова констатирует, что материнский (семейный) капитал имеет существенные отличия от предлагаемых ранее видов государственной поддержки, заключающиеся в его целевом характере [12].

Мнение Д. В. Агашева строится на том, что материнский (семейный) капитал является симбиозом доплаты к пенсии и разных пособий в безналичной денежной форме [1, с. 137].

А. Л. Благодир включает институт материнского (семейного) капитала в состав комплексного (генерального) института государственной социальной помощи [5, с. 162].

Более глубокий научный подход высказал В. С. Аракчев, отмечая, что с точки зрения предмета права социального обеспечения усматриваются определенные аргументы за рассмотрение отношений по предоставлению материнского (семейного) капитала как социально-обеспечительных правоотношений. Ученый аргументировал суждение об отсутствии оснований отнести эти отношения исключительно к предмету права социального обеспечения, так как они регулируются еще и нормами гражданского, административного, жилищного права, и называет материнский (семейный) капитал правовым феноменом, который имеет своеобразную правовую природу [2].

Ранее рассматриваемый термин не обсуждался и не предлагался в нормативных актах, ведомственных письмах, в научных кругах, а был сформирован законодателем только с принятием конкретного нормативного акта, но его понятий-

ный аппарат формируется и по сей день. Соглашаясь с высказанной в научной среде позицией о том, что материнский (семейный) капитал является самостоятельным, отдельным нетипичным видом социального обеспечения, и рассматривать данный правовой институт представляется возможным через анализ современного законодательства и симбиоза научных суждений о видах социального обеспечения.

Справедливым и своевременным считаем замечание исследователей о том, что социально-обеспечительное предоставление объективно содержит в себе свойства самого социального обеспечения как системы более высокого порядка. В этом смысле следует исходить из того, что социально-обеспечительное предоставление является отдельной мерой в системе правовых средств, осуществляемых государством от имени общества, в целях помощи или содержания нуждающихся лиц за счет общественных и обобществленных средств в объеме удовлетворения их алиментарных потребностей [19].

С учетом изложенного, попытаемся составить правовую характеристику материнского (семейного) капитала через призму не характерных признаков для иных социальных предоставлений, как нетипичного вида социального обеспечения.

Во-первых, материнский (семейный) капитал нельзя считать денежной выплатой, так как субъект – получатель материнского (семейного) капитала не приобретает право собственности на выделяемые денежные средства, не может получить его номинально в полном объеме. Но, в соответствии с нормативными актами (Федеральный закон от 20 апреля 2015 г. № 88-ФЗ «О единовременной выплате за счет средств материнского (семейного) капитала»³; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 181-ФЗ «О единовременной выплате за счет средств материнского (семейного) капитала в 2016 году»⁴), закрепились новеллы в части предоставления средств материнского (семейного) капитала в виде единовременной денежной выплаты. Размер единовременной выплаты за счет средств материнского (семейного) капитала в 2015г. – 20 000 рублей, в 2016 г. – 25 000 рублей. Заметим, что единовременная выплата вычиталась из материнского (семейного) капитала и, если семья к тому моменту уже использовала средства материнского (семейного) капитала полностью право, на разовую выплату она уже теряла. Можно предположить, что единовременная выплата за счет средств материнского (семейного) капитала приобретает новый характер ее предоставления субъектам правоотношений, а именно закрепляется в отдельно принятых нормативных актах (например, на 2022 г. такого акта не принято, есть только законопроект)⁵. Таким образом, часть материнского (семейного) капитала может предоставляться его получателям и в денежной форме, но не всегда, данная форма предоставления зависит от воли законодателя, что еще раз свидетельствует об особенностях данного социального предоставления.

Во-вторых, отличие материнского (семейного) капитала от социальных субсидий и компенсаций заключается в предоставлении получателю права выбора целевого использования денежных средств [16], а также сроков реализации права на материнский (семейный) капитал (например, с первого

3 Федеральный закон от 20.04.2015 № 88-ФЗ «О единовременной выплате за счет средств материнского (семейного) капитала» // Собрание законодательства РФ. 27.04. 2015. № 17. (Часть 1). Ст. 2463.

4 Федеральный закон от 23.06.2016 № 181-ФЗ «О единовременной выплате за счет средств материнского (семейного) капитала в 2016 году» // Собрание законодательства РФ. 27.07. 2016. № 26. (Часть 1). Ст. 3850.

5 Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 102484-8 «О единовременной выплате из остатков средств материнского (семейного) капитала, возникших после распоряжения владельцами государственного сертификата на материнский (семейный) капитал соответствующими средствами» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102484-8/>. (дата обращения: 07.11.2023).

дня возникновения права можно использовать средства материнского (семейного) капитала на адаптацию детей инвалидов, на ипотечное кредитование, на накопительную пенсию матери, на улучшение жилищных условий) что, на наш взгляд, отличает его от других институтов права социального обеспечения.

В-третьих, материальные отношения по предоставлению материнского (семейного) капитала регулируются Федеральным законом от 29 сентября 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Но для полного предоставления субъекту мер дополнительной поддержки нужно обратиться к нормам гражданского, жилищного права и других отраслей (например, для оформления сделки купли – продажи жилого помещения с участием материнского (семейного) капитала применяются нормы Гражданского кодекса РФ⁶). Добавим, что это не является, по нашему мнению, основанием для исключения отношений по предоставлению материнского (семейного) капитала из числа отношений, входящих в предмет права социального обеспечения, но указывает на их нетипичность.

В-четвертых, все чаще в научной и правовой среде рассматриваются критерии нуждаемости [6] и уязвимости [17], которые влияют на виды социального обеспечения. Признавая нуждаемость основным из критериев предоставления вида социального обеспечения, как материнский (семейный) капитал, нужно учитывать, что на законодательном уровне не требуется ее подтверждения (как, например, для ряда пособий, которые назначаются семьям при доходе ниже прожиточного минимума), но законодатель презюмирует ее наличие в связи с необходимостью восполнить дополнительные расходы, которые несет мать, семья в связи с рождением ребенка. С учетом сказанного, позволим себе заметить, что при возникновении права на материнский (семейный) капитал, субъекта автоматически можно признать нуждающимся, что также говорит о нетипичном подходе законодателя.

В-пятых, стоит заметить, что ряд ученых высказывают более современную, на наш взгляд, точку зрения, объясняя, что «появление на определенном этапе развития социального обеспечения гарантированных форм поддержки нуждающихся («по праву, а не по усмотрению») с необходимостью предполагало их правовое опосредование, ибо только юридические нормы, имеющие обязательный характер и подкрепленные принудительной силой государства, могут устанавливать такие виды социальных предоставлений» [9, с. 84]. И действительно, закрепленные нормы действующего законодательства, устанавливают такой вид социального предоставления, как материнский (семейный) капитал четко указанным субъектам, не закрепляя иных условий (доход семьи, количество иждивенцев и т. д.). Можно сделать вывод о том, что такой подход к социальному предоставлению способствует развитию нетипичного в праве социального обеспечения.

В-шестых, материнский (семейный) капитал предоставляется в денежной форме, сертификат, подтверждающий право на него, имеет номинальную стоимость. По нашему мнению, безналичные расчеты в праве социального обеспечения являются нетипичными (оплата обучения ребенка), но нужными с точки зрения сегодняшнего времени, безусловно, денежная форма более удобна как для субъекта-получателя, так и для государства, но создает много ловушек для недобросовестных получателей. Тем не менее денежная безналичная форма более приемлема как способ государственного контроля за использованием средств материнского (семейного) капитала.

В-седьмых, в настоящее время в сфере предоставления материнского (семейного) капитала наблюдается изменение вектора активности получателей данной услуги. Если раньше констатировалось, что лицо обращается за выплатами,

предоставляет необходимые документы, и в этом в основном проявляется его активность, то теперь – право на материнский (семейный) капитал устанавливается проактивно, т.е. обращаться за оформлением сертификата не нужно. Все необходимые действия совершают специалисты СФР самостоятельно на основании данных, которые поступают из органов ЗАГС по системе межведомственного взаимодействия. СФР проверяет необходимую для оформления сертификата информацию о родителях и детях, наличие ограничений, препятствующих выдаче документа. Однако, с точки зрения принятия решения, т.е. возможности выбора направлений использования материнского (семейного) капитала, активность получателя материнского (семейного) капитала оказывает наиболее значимой. Это подтверждает тезис о том, что в условиях рыночной экономики провозглашается высокая степень ответственности граждан за свое жизнеобеспечение, в государстве происходит переосмысление социальной политики, постепенно обосновывается иное понимание, предполагающее активное участие граждан в системе управления социальными рисками [10, с. 586].

В-восьмых, с 1 января 2020 г. пересмотрены условия установления материнского (семейного) капитала, вследствие чего обозначенную меру поддержки уже получают семьи с одним и более детьми. Считается, что объем социального обеспечения установлен на уровне алиментарных потребностей нуждающегося гражданина, семьи. Для такого вида социального обеспечения, как материнский (семейный) капитал, этот показатель нетипичен, он конкретизируется в конкретном нормативном акте федерального уровня и не зависит от дохода и статуса матери или семьи. Считаем возможным заметить, что критерий «алиментарности» на современном развитии социального обеспечения утрачивает свою значимость, так как все реже зависит от заработка гражданина, а если на законодательном уровне устанавливается процентное соотношение к заработку, то нормой права установлен предел такой выплаты (размер пособия по безработице, размер пособия по временной нетрудоспособности). Можно констатировать, что в настоящее время «алиментарность» нельзя рассматривать в качестве родового признака, т.е. признака, присущего всем видам социальных пособий [15, с. 51].

В-девятых, следует согласиться с мнением Истоминой Е. А. о том, что изначально закрепленные направления использования средств материнского (семейного) капитала неравнозначны с точки зрения возможностей их использования. Самое популярное, безусловно, улучшение жилищных условий, однако оно не всегда реализуемо, будучи обусловлено различными причинами (высокие цены на недвижимость в месте проживания семьи, отсутствие финансовых средств на оплату полной стоимости жилья, в том числе нестабильная занятость, ограничивающая участие в ипотечном кредитовании). Формирование пенсионных накоплений также весьма непопулярно из-за низкого уровня доверия к пенсионной системе Российской Федерации и тенденциям ее развития. Третье направление – получение образования ребенком (детьми) – получает в настоящее время все большее распространение [11, с. 520]. Что, на наш взгляд, также указывает на нетипичность с точки зрения соизмеримости социальных предоставлений.

Добавим, что, признавая справедливыми все выше обозначенные утверждения, можно говорить о материнском (семейном) капитале как о новом, более того, нетипичном институте права социального обеспечения. Думается, что для развивающейся отрасли права социального обеспечения характерно наличие институтов, обладающих особенностями, не сочетающимися с традиционными для отрасли институтами, но по всем признакам входящими в предмет отрасли права социального обеспечения. Такие институты в современной правовой науке ученые называют нетипичными. Акцентируем внимание на мнении ученых еще советского периода, например, О. Н. Садилов, который выделял три группы нетипичных институтов: комплексные (межотраслевые) институты; институты, объединяющие разнородные категории одной отрасли права; незавершенные институты [21], можно

6 Гражданский кодекс Российской Федерации // Consultant.ru: информационно-правовой портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 21.10. 2023).

говорить и об институте материнского (семейного) капитала в данном контексте. Полагаем, что развитие и становление института материнского (семейного) капитала как нетипичного проявляется и через законодательную инициативу (например, законопроект № 824602-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в части дополнения направлений распоряжения средствами материнского (семейного) капитала (о направлении средств материнского (семейного) капитала на приобретение автомобиля)»⁷ и др.).

Подводя итог изложенному, можно сказать, что институт материнского (семейного) капитала, с одной стороны, содержит в себе материальные и процедурные нормы, относимые к реализации права конкретными субъектами, порождая субъективные права и юридические обязанности этих субъектов, что отличает его от других видов социального предоставления (по субъектному составу и процедуре назначения). В таком понимании законодателя реализуется новое социальное предоставление – материнский (семейный) капитал, который полностью «вписывается» в систему социального обеспечения. С другой стороны, он является нетипичным явлением в указанной системе, так как реализация права субъекта на социальное предоставление осуществляется через межотраслевые связи различных правовых институтов, посредством особого способа предоставления (сочетающего в себе возникновение права субъекта на материнский (семейный) капитал и обязывание СФР, уполномоченного органа совершить конкретные фактические действия по реализации права, после выбора цели использования социального предоставления). Считаю возможным отнести общественные отношения в сфере правового регулирования материнского (семейного) капитала к предмету права социального обеспечения и полагаем, что материнский (семейный) капитал следует рассматривать как нетипичный институт права социального обеспечения.

Пристатейный библиографический список

- Агашев Д. В. Сушность и структура социально-обеспечительного предоставления // *Lex Russia*. – 2017. – № 4 (125). – С. 133-143.
- Аракчеев В. С. К вопросу о правовой природе «материнского капитала» // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Ч. 42 / Под ред. Б. Л. Хаскельберг, В. М. Лебедев, Г. Л. Осокина*. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2009. – С. 156-158.
- Барышникова Т. Ю. Материнский капитал как особый вид социального обеспечения: семейно-правовые и гражданско-правовые аспекты // *Вестник трудового права и права социального обеспечения*. – 2010. – № 5.
- Барышникова Т. Ю. Материнский капитал как особый вид социального обеспечения: семейно-правовые и гражданско-правовые аспекты // *Вестник трудового права и права социального обеспечения: Сб. науч. тр. Вып. 5: Оптимизация межотраслевых связей трудового права и права социального обеспечения / Под ред. А. М. Лушниковой, М. В. Лушниковой*. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 52-64.
- Благодир А. Л. К вопросу о структуре Особенной части права социального обеспечения // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2011. – № 3 (13). – С. 158-163.
- Бутенко Е. И. Понятие и признаки нуждаемости в праве социального обеспечения // *Российский юридический журнал*. – 2010. – № 1. – С. 195-202.
- Гусева Т. С. Теоретико-правовые проблемы системы социальных выплат, связанные с понятийным аппаратом, используемым законодателем // *Известия Пензенского педагогического университета им. В. Г. Белинского. Общественные науки*. – 2011. – № 24. – С. 109-112.
- Гусева Т. С. Материнский (семейный) капитал: пути повышения эффективности правового регулирования // *Семейное и жилищное право*. – 2012. – № 6.
- Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: Монография. – Екатеринбург: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018. – 240 с. – ISBN 978-5-8056-0344-1. – EDN DETKIO.
- Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовое положение граждан как субъектов управления социальными рисками // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2020. – № 49. – С. 576-603. – DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-576-603. – EDN OFKWGU.
- Истомина Е. А. Целесообразность социальных предоставлений в контексте экономических интересов граждан и государства // *Пермский юридический альманах*. – 2020. – № 3. – С. 514-525. – EDN PWUZAA.
- Корсаненкова Ю. Б. Некоторые проблемы правового регулирования предоставления материнского капитала // *Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: материалы 6-й Международной научно-практической конференции, 3-9 ноября 2010 года / Отв. ред. К. Н. Гусова*. – Москва, 2010.
- Корсаненкова Ю. Б. Выявление роли межотраслевых связей в процессе толкования норм права социального обеспечения // *Право и государство: теория и практика*. – С. 149-151.
- Корсаненкова Ю. Б. Выявление роли межотраслевых связей в процессе толкования норм права социального обеспечения. 2020. – № 2 (182). – С. 151.
- Корсаненкова Ю. Б. Социальная поддержка с детьми в Российской Федерации: реальность и перспективы: монография. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.
- Меркулова А. В. Материнский капитал: вопросы теории и практики // *Ученые записки Орловского государственного университета*. – 2011. – № 6.
- Несмеянова С. Э. Калинина Е. Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2017. – № 4. – С. 7-12.
- Пономарев Д. Е. Генезис и сущность юридической конструкции: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
- Право социального обеспечения России / Под ред. Д. В. Агашева, В. С. Аракчеева. – Томск, 2015. – С. 3-47.
- Пузырёва А. А. Пределы использования частноправовых конструкций в праве социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2020.
- Садиков О. Н. Нетипичные институты в советском гражданском праве // *Советское государство и право*. – 1979. – № 2. – С. 32-39.

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 824602-7 «О единовременной выплате из остатков средств материнского (семейного) капитала, возникших после распоряжения владельцами государственного сертификата на материнский (семейный) капитал соответствующими средствами» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/824602-7> (дата обращения: 07.11.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-197-200

ПУХАРТ Александр Аскольдович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СИБИЛЕВ Илья Андреевич

аспирант 2 года Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования функционирования систем искусственного интеллекта в Российской Федерации. Определяются основные проблемные направления, в правовом регулировании которых в действующем законодательстве существуют пробелы. Авторами предложен проект поправок в законодательство Российской Федерации, затрагивающий актуальные вопросы правового регулирования систем искусственного интеллекта. Рассматриваются небольшие изменения в общие положения об интеллектуальной собственности, модификация конструкции договора авторского заказа, а также предлагается механизм ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, авторское право, объекты авторских прав, гражданско-правовая ответственность.

PUKHART Alexander Askoldovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

SIBILEV Ilya Andreevich

postgraduate student of the 2nd year of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL REGULATION OF PROBLEMATIC ISSUES RELATED TO THE FUNCTIONING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses current issues of legal regulation of the artificial intelligence systems functioning in the Russian Federation. The main problem areas are defined, which legal regulation in the current legislation has gaps. The authors propose draft amendments to the legislation of the Russian Federation, touching upon topical issues of legal regulation of artificial intelligence systems. Minor amendments to the general provisions on intellectual property, modification of the design of the contract of author's order, as well as the proposed mechanism of liability for damage caused by artificial intelligence are considered.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, copyright, copyright objects, civil liability.

Введение.

В течении последних нескольких лет технологии на основе искусственного интеллекта стали снова широко обсуждаться в академической среде. Связано это, в основном, с тем фактом, что уровень развития современных технологий позволяет разработчикам создавать работоспособные и эффективные решения в сфере систем на базе искусственного интеллекта (далее – «ИИ»). Например, большое количество популярных современных систем (ChatGPT, Bard Google, Midjourney, Dalle) активно развиваются, показывают не только рост общей функциональности с выходом новых версий, но и рост коммерческих показателей. Вопросы права, в данной связи пока вторичны, но, как и в случае с развитием ИИ систем – ситуация быстро меняется.

В современных исследованиях, посвященных правовому регулированию искусственного интеллекта, возникает все больше неоднозначных вопросов. Базово, правовое регулирование искусственного интеллекта должно включать в себя установление норм и правил, которые определяют

его использование и взаимодействие с обществом. Но в научном сообществе все еще не установилось однозначного отношения к системам на основе ИИ. Нет общепризнанных определений, целостных концепций, единых признаков.

Представляется, что в сложившейся ситуации необходимо уже сейчас озаботиться правовым регулированием вопросов, связанных с деятельностью ИИ систем. К сожалению, новые технологии, зачастую, несут в себе не только развитие, прогресс и пользу для человеческого общества, но и являются источником множества проблем. Авторские и исключительные права, клевета, фейки, причинение вреда, иные экономические вопросы – это лишь малая часть того, с чем уже столкнулось наше общество из-за развития нейросетевых технологий.

Прогрессивное развитие искусственного интеллекта предъявляет требования к формированию новых правовых норм, чтобы обеспечить безопасное, рациональное использование и применение этой технологии.

Пухарт А. А.

Сибилев И. А.

Более того, научное сообщество должно быть готово к тому, что перспективный (в настоящее время) подход к определению искусственного интеллекта, который допускает ИИ как самостоятельный субъект права и основывается на наличии «самосознания», его способности к полностью автономным действиям, в обозримом будущем потребует разработки комплекса дополнительных правовых норм.

Учитывая галолирующие темпы развития технологий на базе ИИ, а также крайне широкую сферу возможного применения указанных технологий, приоритетной задачей является с одной стороны обеспечение благоприятных условий для развития указанных технологий в нашей стране, а с другой стороны, защита существующего правопорядка и исключение возможностей для злоупотребления. Представляется, что для решения двух этих задач на современном этапе достаточно нескольких осмысленных, точечных изменений в действующее законодательство.

В данной работе предлагается комплексный проект поправок в ГК РФ по основным вопросам, возникающим в связи с деятельностью ИИ на текущий момент. Анализ существующих работ в данной области показал, что в основном, предлагаемые варианты правового регулирования на современном этапе конкретизированы, отчасти бессистемны и имеют перспективное направление [6]. Однако, ИИ еще не так развит, как хочется думать и на переход к действительно «самостоятельному» искусственному интеллекту могут уйти годы, а пробелы правового регулирования нуждаются в устранении уже сегодня. На данный момент ИИ это только продвинутый инструмент широкого функционала, отчасти выпадающий из рамок действующего законодательства [5]. Одной из основных проблем концепций, предлагаемых в научном сообществе представляется их бессистемность – конкретизация внимания на отдельной проблеме и способах ее решения, без анализа смежных вопросов. Такой подход при формировании единой, целостной системы правового регулирования представляется бесперспективным, а значит необходимо взглянуть на проблему шире.

Прежде чем приступить к анализу предлагаемого проекта поправок, необходимо определить некоторые основные проблемы, на решение которых и направлено настоящее исследование.

На наш взгляд, к наиболее актуальным вопросам по теме ИИ, правовое регулирование которых необходимо, относятся следующие:

1. Нарушение авторских прав при самообучении ИИ;
2. Интеллектуальные права на результаты деятельности ИИ;
3. Ответственность за вред, причиненный ИИ.

С указанными проблемами разработчики и пользователи систем на базе искусственного интеллекта сталкиваются все чаще. Остановимся подробнее на каждой из перечисленных проблем.

Наиболее распространенная технология, используемая в современных системах ИИ построена на принципах самообучения. Суть ее функционирования, если ее существенно упростить, сводится к формированию у ИИ определенных алгоритмов «правильного» решения поставленных задач. Достигается это посредством обработки системой огромного массива данных, на котором система «обучается». Чаще всего база обучения строится на открытых источниках, но

Интернет наполнен огромным количеством контента, защищенного авторским правом. Учитывая невероятные объемы изображений, текстов и иного контента, которые использует ИИ для своего обучения – запросить разрешение у каждого владельца авторских или исключительных прав не представляется возможным.

Что же касается непосредственно результатов деятельности систем на базе искусственного интеллекта, существует несколько мнений. Вкратце они сводятся к следующему: с точки зрения современного понимания авторства и интеллектуальных прав в целом, невозможно однозначно установить автора и/или владельца интеллектуальных прав на создаваемые ИИ объекты [3]. Более того, в процессе самообучения ИИ, о котором писалось выше, программой создается дополнительный код, который изменяет и модифицирует работу основного алгоритма. Принадлежность интеллектуальных прав на подобные объекты также вызывает вопросы.

Вместе с тем, как в процессе самообучения, так и в процессе функционирования, современные системы ИИ собирают огромное количество персональных данных, как пользователей, так и просто информацию из сети. К таким данным может быть получен несанкционированный доступ, они могут быть использованы для мошенничества, шантажа и прочее. Это лишь малая часть негативных последствий неконтролируемого применения систем на базе ИИ. Например, тексты ИИ зачастую сложно определить как искусственные. Такие тексты способны создавать тот или иной информационный фон, формировать ошибочное представление об общественном мнении.

Говоря же об ответственности за вред, причиненный ИИ, можно выделить следующие основные ситуации причинения вреда:

- 1) причинение вреда вследствие технической ошибки в программе;
- 2) причинение вреда в результате самостоятельного решения ИИ
- 3) причинение вреда человеком при помощи ИИ;

Безусловно, в каждом конкретном случае необходимо проводить разбирательство с целью установления причин случившегося, но уже сейчас можно установить, что сложных случаев с причинением вреда ИИ достаточно.

Так, например, не редки аварийные ситуации, возникающие из-за ошибок автопилота автомобильного транспорта. Еще в 2016 году в США была зафиксирована первая автомобильная авария с летальным исходом¹. И с каждым годом таких случаев становится все больше.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что дальнейшее использование ИИ без надлежащего правового регулирования может привести к многочисленным негативным последствиям. В результате анализа возникающих проблем были разработаны поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации. Рассмотрим их в соответствующих разделах:

¹ Tesla driver dies in first fatal crash while using autopilot mode. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2016/jun/30/tesla-autopilot-death-self-driving-car-elon-musk> (дата обращения: 15.11.2023).

1. Нарушение авторских прав при самообучении ИИ.

Исходя из того, что творчество само по себе во многом построено на отсылках, референсах и оммажах, представляется несправедливым излишне ограничивать системы ИИ в использовании открытых данных при самообучении. Более того, требование к разработчикам ИИ получать от каждого автора разрешение на использование его работ при самообучении кажется практически невыполнимым, с учетом объемов информации, необходимых нейросети для обучения. В интернете размещены работы сотен и тысяч авторов, получение всех необходимых разрешений — это огромные издержки как временные, так и финансовые. Также, представляется, что сами разработчики напрямую не заинтересованы в слепом копировании чужих работ, их целью видится, помимо разработки новой технологии, создание новых произведений. Таким образом, несмотря на многообразие интеллектуально-правовых режимов, которые могут применяться к искусственному интеллекту, развитие интеллектуально-правового статуса сложных технологий ИИ по пути сложного объекта интеллектуальных прав представляется наиболее перспективным [4].

Исходя из вышеизложенного, компромиссным решением представляется законодательное закрепление права разработчиков систем ИИ на свободное использование информации из открытых источников. В таком случае использование размещенной в сети интернет информации для самообучения системы ИИ не будет считаться заимствованием или нарушением авторских прав. Для законодательного закрепления данных положений, предлагается внести в Статью 1240 ГК РФ «Использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта» Пункт 5:

«5. К сложным объектам по смыслу настоящей статьи относятся базы данных, формируемые из открытых источников с целью обучения систем искусственного интеллекта. Использование такой базы данных исключительно в целях самообучения систем искусственного интеллекта допускается без заключения договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров».

2. Интеллектуальные права на результаты деятельности ИИ.

Обращаясь к вопросам регулирования прав на результаты деятельности ИИ, следует отметить, что решением актуальных проблем могут стать следующие поправки:

1. ГК РФ дополнить Статьей 1288.1 «Договор авторского заказа с использованием систем на базе искусственного интеллекта» следующего содержания:

1. По договору авторского заказа с использованием систем на базе искусственного интеллекта одна сторона (исполнитель) обязуется по заказу другой стороны (заказчика) создать с использованием принадлежащей исполнителю системы на базе искусственного интеллекта обусловленное договором произведение науки, литературы или искусства на материальном носителе или в иной форме.

2. Авторские права на предусмотренное договором произведение науки, литературы или искусства принадлежат заказчику, авторские права на добавочный код, образованный системой на базе искусственного интеллекта в процессе соз-

дания произведения, принадлежат исполнителю, если законом или договором не предусмотрено иное.

3. В случае, если результат выполнения работ по договору авторского заказа с использованием систем на базе искусственного интеллекта идентичен до степени смешения с уже существующим произведением науки, литературы или искусства, исполнитель обязан переработать произведение и возместить заказчику реальный ущерб, возникший в связи с таким произведением.

4. При выполнении работ по договору авторского заказа с использованием систем на базе искусственного интеллекта, составленного в соответствии со статьей 426 Настоящего кодекса, произведение науки, литературы или искусства не является объектом авторского права, если пользовательским соглашением, законом или договором не установлено иное.

Исключительные права на такие объекты принадлежат заказчику, если пользовательским соглашением, законом или договором не установлено иное».

2. Ч. 1 Статьи 1260. ГК РФ «Переводы, иные производные произведения. Составные произведения» дополнить абзацами следующего содержания:

«К производным произведениям также относятся результаты деятельности систем на базе искусственного интеллекта. Авторские права на результаты деятельности таких объектов принадлежат Заказчику произведения, в соответствии со ст. 1288.1 настоящего Кодекса.

Добавочный код, создаваемый системой на базе искусственного интеллекта в процессе ее функционирования, является самостоятельным объектом интеллектуальной собственности, все права на который принадлежат владельцу соответствующей системы на базе искусственного интеллекта, если законом или договором не предусмотрено иное».

3. Ответственность за вред, причиненный системами искусственного интеллекта.

Говоря о деликтной ответственности за действия систем на базе искусственного интеллекта, допустимо определить, что она может устанавливаться общими нормами гражданского права. Однако, поскольку говорить о какой-либо деликтоспособности систем на базе искусственного интеллекта на наш взгляд преждевременно, отвечать за причиненный вред будет человек — владелец, пользователь и иные лица в зависимости от формы и степени их вины, а также тяжести наступивших последствий. Есть мнение о возможности взыскать причиненный ущерб с владельца и без его вины, но это уже вопрос отнесения использования отдельных категорий систем на базе искусственного интеллекта к источникам повышенной опасности [2]. В качестве правового регулирования вопросов ответственности, предлагается дополнить ГК РФ статьей 1079.1 «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, связанной с процессом функционирования систем на базе искусственного интеллекта», следующего содержания:

1. Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с использованием систем на базе искусственного интеллекта (использование транспортных средств, механизмов, программ для ЭВМ и др.), обязаны возместить вред, причиненный системой на базе искусственного интеллекта, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

2. Владельцы и пользователи системы на базе искусственного интеллекта солидарно несут ответственность за вред, причиненный системой на базе искусственного интеллекта третьим лицам.

3. Владелец системы на базе искусственного интеллекта может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично, если докажет, что пользователем были самолично внесены изменения в структуру работы системы на базе искусственного интеллекта, не санкционированные владельцем.

4. Пользователь системы на базе искусственного интеллекта может быть освобожден судом от ответственности полностью или частично, если докажет, что был введен владельцем системы на базе искусственного интеллекта в заблуждение относительно возможностей системы на базе искусственного интеллекта и/или возможных последствий ее использования.

5. Владелец системы на базе искусственного интеллекта не отвечает за вред, причиненный этой системой, если докажет, что система выбыла из его обладания в результате противоправных действий других лиц. Ответственность за вред, в таких случаях несут лица, противоправно завладевшие системой. При наличии вины владельца системы на базе искусственного интеллекта в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее системой на базе искусственного интеллекта.

Представляется, что предлагаемые формулировки не только позволяют внести ясность в правовое регулирование актуальных вопросов деятельности ИИ в области создания объектов интеллектуальной собственности, но и могут в дальнейшем стать основой для регулирования иных проблем, возникающих в связи с деятельностью систем на базе искусственного интеллекта в разных сферах жизни общества.

Исследования в области правового регулирования искусственного интеллекта позволяют выявить его особенности и определить место в правовом пространстве. Разработка новых правовых норм и принципов является необходимостью для эффективного правового регулирования искусственного интеллекта. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что для урегулирования возникающих в правоприменительной практике проблем, связанных распространением и использованием систем на базе искусственного интеллекта, на данном этапе достаточно внести точечные правки в действующее законодательство.

Полученные результаты исследования могут быть использованы для совершенствования механизмов правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Это позволит обеспечить рациональное использование и применение искусственного интеллекта в соответствии с правовыми нормами и принципами. Соответственно, предложенный в настоящей статье проект поправок является одним из возможных вариантов урегулирования возникающих проблем. В будущем, когда применение систем на базе искусственного интеллекта станет более распространённым, а системы более развитыми, предложенные положения подлежат доработке и расширению.

Таким образом, правовое регулирование искусственного интеллекта играет важную роль в современном обществе и

требует дальнейших исследований и разработок для эффективного управления этой технологией.

Пристатейный библиографический список

1. Tesla driver dies in first fatal crash while using autopilot mode. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2016/jun/30/tesla-autopilot-death-self-driving-car-elon-musk> (дата обращения: 15.11.2023).
2. Гайворонская Я. В., Гальчун Е. А. Вред, причиненный искусственным интеллектом: аспекты ответственности и правосубъектности // *Advances in Law Studies*. 2021. № 4. С. 76-80. DOI: <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2021-9-4-76-80>.
3. Мартыанова Е. Ю. К вопросу об определении субъекта авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-opredelenii-subekta-avtorstva-v-otnoshenii-proizvedeniy-sozdannyh-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 10.12.2023).
4. Медведев А. И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 48–63. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_48.
5. Филипова И. А., Коротеев В. Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-iskusstvennogo-intellekta-obekt-ili-subekt-prava> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // *Baikal Research Journal*. 2019. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 02.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-201-203

САЙФУЛЛИНА Мария Ивановна

аспирант кафедры теории государства и права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

БАЛАБАНОВА Ольга Олеговна

магистрант кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского,

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР: ПОНЯТИЕ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ)

Авторы научной работы начинают свое исследование с изучения понятия «гражданско-правовой договор», истории его развития и становления его как категории права. Раскрывая сущность гражданско-правового института, авторы отмечают, что на сегодняшний день не выработано единого подхода к трактованию изучаемого термина. Авторами данного исследования делается вывод о том, что рассматриваемый договор является гражданско-правовой категорией, так как выступает универсальным регулятором гражданских правоотношений, возникающих при заключении договора.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, сделка, юридический факт, правоотношение, гражданско-правовая категория, функции, юридическая природа.

SAYFULLINA Mariya Ivanovna

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

BALABANOVA Olga Olegovna

magister student of Civil law and process sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University

CIVIL LAW CONTRACT: CONCEPT, LEGAL NATURE (HISTORICAL, LEGAL AND CIVIL ASPECTS)

The authors of the scientific work begin their research by studying the concept of "civil law contract", the history of its development and its formation as a category of law. Revealing the essence of the civil law institute, the authors note that to date there has not been developed a unified approach to the interpretation of the term under study. The authors of this study conclude that the contract in question is a civil law category, since it acts as a universal regulator of civil legal relations arising at the conclusion of the contract.

Keywords: civil law contract, transaction, legal fact, legal relationship, civil law category, functions, legal nature.

Гражданско-правовой договор является одной из самых многозначных (многопонятийных) категорий цивилистики, которая детально исследовалась на протяжении XIX-XXI вв. не только зарубежными, но и отечественными учеными-правоведами: Д. И. Мейером, И. А. Покровским, Г. Ф. Шершеневичем, И. Б. Новицким, Р. О. Халфиной, О. А. Красавчиковым, Е. А. Сухановым и другими не менее известными цивилистами. Однако, до сих пор юристы не пришли к единому пониманию сущности и юридической природы изучаемого гражданско-правового института. В тоже время исследование данного договора имеет важное значение, потому что регулирует наиболее многочисленные договорные отношения.

Российский цивилист В. А. Томсинов отмечает, что история цивилистической науки в Российской империи содержит в себе интересный факт, который заключается в том, что разработка гражданско-правовых категорий шла наиболее удачно в момент создания проектов гражданского уложения, именно этот труд, считает ученый, оказал самое большое влияние на формирование гражданского права как ведущей отрасли. Так, в конце XVIII века в Российской империи была создана специальная комиссия по кодификации уголовных, гражданских и государственных (дел казённых) законов под руководством генерал-прокуроров А. Н. Самойлова (1744-1814) и А. Б. Куракина (1759-1829), одной из целей которой явилось реформирование института гражданского правового договора. В 1801 году Александр I привлек к законодательской работе выдающегося деятеля, мыслителя, юриста того времени – А. Н. Радищева (1749-1802), чьи гражданско-правовые взгляды основывались на трудах великих философов – просветителей, правоведов Ш.-Л. Монтескье (1689-1755), Франсуа Мари Аруэ (Вольтера) (1694-1778), К. А. Гельвеция

(1715-1771), Ж.-Ж. Руссо (1712-1778). Однако, несмотря на это Александр Николаевич, исследуя сущность института «гражданско-правовой договор», стремился минимизировать использование иностранных юридических терминов. Так, ученый, под договором понимал «обоюдное или взаимное соизволение приобрести право или оным поступиться» [17, с. 179].

В 1808 г. под руководством председателя комиссии М. М. Сперанского (1772-1839) за четыре года были созданы три части проекта гражданского уложения. Так, в соответствии с § 1 частью III Проекта под договором понималось «постановление, коим два и многие лица взаимно обязуются в каком – либо определенном деле». Стоит отметить, что понятие, условия действительности договора, свобода согласия договора были разработаны под влиянием Гражданского кодекса Франции (1804 г.).

Следует согласиться с мнением В. А. Томсиновым о том, что в начале XIX века «понятие договора по своему содержанию и терминологии являлось самобытным» [21, с. 15]. В изучаемый период юристами понятие «гражданско-правовой договор» трактовалось гораздо шире законодательного определения. Так, например, В. Г. Кукольник (1765-1821) определял договор как «согласие двух или более лиц на одно что-нибудь, изъявленное ими и взаимно принятое» [12, с. 284], а Г. И. Терлаич (1766-1811) под договором понимал «взаимное действие свободной, согласной воли двух или многих лиц, утверждающее права и обязанности их, яко средства к достижению предназначенной цели совокупного их труда» [21, с. 25]. То есть, русские цивилисты в отличии от М. М. Сперанского не опирались на французское законодательство.

Исследуя вышеуказанные понятия, необходимо отметить, что отечественные ученые выделяли такие признаки

договора как «обоюдное или взаимное соизволение» (А. Н. Радищев, В. Г. Кукольник, Г. И. Терлаич); участие в договоре двух или более (многих) лиц (В. Г. Кукольник, Г. И. Терлаич); наличие прав и обязанностей, а также цель договора (Г. И. Терлаич). В. Г. Кукольник также утверждал, что «для сущности договора требуется единство предмета взаимное, а не одностороннее, изъявление согласие».

В 1835 г. вступила в действие первая редакция Свода законов Российской империи (1832-1833). Интересен тот факт, что в статье 1528 Свода не было дано определение договора. Диспозиция статьи только указывала на то, что договор должен быть составлен «по взаимному согласию договаривающихся сторон». В то же время русский цивилист Д. И. Мейер (1819-1856), определял гражданско-правовой договор как «соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, имеющее имущественный интерес» [13, с. 18]. Ученый помимо устоявшихся признаков выделял также «наличие воли» и «участие двух и нескольких лиц», а ещё отмечал такие как: «порождение права на чужое действие»; «действие другого лица, составляющее объект права, порождаемого договором, должно представлять собой юридический интерес» и «действия другого лица, составляющие предмет соглашения, должны представлять имущественный характер».

Стоит отметить, что В. И. Голевинский (1834-1919) в диспозиции ст. 4 Первоначального проекта общих положений об обязательствах (1890) прописывал, что «обязательства исходят из договоров, по которому каждая из договаривающихся сторон, обещает что-либо делать или не делать в пользу другой, в возмездие за действие», так что каждая из них становится «должником и верителем». И. А. Покровский (1869-1920), комментируя данную статью, выделял такие признаки договора, как: «наличие воли сторон»; «возмездный характер договора»; «единство договора»; «соответствие содержания договора требованиям закона». К. П. Победоносцев (1827-1907) рассматривал договор как «сознательное соглашение нескольких лиц, в котором все они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собой юридическое отношение в личном своем интересе, по имуществу» [15, с. 3]. Ученый утверждал, что договор как правовой институт регулирует юридические отношения в различных сферах – гражданском, международном и государственном праве. Однако, по мнению К. П. Победоносцева «договоры семейственной сферы» существенно отличаются от гражданско-правовых несмотря на то, что они «касаются имущества», но только в гражданском праве договор будет иметь «полную определенность и твердость».

Законодательно понятие договора как «соглашение двух или нескольких лиц о приобретении, изменении или прекращении какого-либо права» было введено в ст. 4 главы I «Договоры» Проекта Гражданского уложения Российской империи 1906 г. Авторы проекта предусмотрели, что договорные отношения распространялись и на вотчинные права, так, движимые имущества могут быть приобретены по словесным договорам и соглашениям (ст. 711 т. X ч. 1), по договору же может быть уступлено право отдельного владения (ст. 514) и использования (ст. 535) или право участия частного (ст. 442, Касс. реш. 1883 № 119).

В конце XIX – начале XX века цивилисты Г. Ф. Шершеневич (1863-1912) и И. Б. Новицкий (1880-1958) рассматривали договор как «соглашение двух или более лиц» направленное на установление, изменение или прекращение – а) «юридического отношения» (Г. Ф. Шершеневич); б) «каких-либо прав и обязанностей» (И. Б. Новицкий). Г. Ф. Шершеневич указывал на то, что законодатель рассматривал договор, как вид юридической сделки исключительно в рамках обязательственного права, не беря во внимание то, что обязательства могут возникнуть и на основании другого юридического факта (например, деликта либо неосновательного обогащения).

К. П. Победоносцев также в качестве примера ссылался на Кассационное решение от 15 ноября 1873 г. по делу № 1485, в котором суд не признал договорным правоотношением соглашение нескольких душеприказчиков по исполнению завещания.

После революционных событий, в период «военного коммунизма» (1917-1920) законодательство Российской империи было отменено, а гражданско-правовые отношения регламентировались Декретами на основе «революционной совести и правосознания». Ряд выдающихся ученых-правоведов – П. И. Новгородцев (1866-1924), Л. И. Петражицкий (1867-1931), А. А. Пиленко (1873-1956), Ф. В. Тарановский (1875-1936), В. И. Синайский (1876-1949), А. Н. Макаров (1888-1973) эмигрировали, в 1920 г. умер И. А. Покровский. Поэтому исследования института гражданско-правового договора в данный период практически прекратились.

Новая экономическая политика (далее – НЭП) вызвала активный интерес как у законодателя, к традиционным гражданско-правовым институтам: праву собственности и гражданско-правовому договору, так и у юридического сообщества. Принимается ряд нормативно-правовых актов, в которых гражданско-правовой договор прописывался как основная форма имущественных связей между различными субъектами (социалистическими организациями, гражданами). Договор становится активным регулятором хозяйственных отношений в период НЭПа несмотря на: ряд существенных и принципиальных особенностей правового института; стремление молодой советской власти ограничить и вытеснить, а затем ликвидировать капиталистические отношения. Р. О. Халфина (1910-1998) указывала на то, что в исследуемый период отдельные «вредители на правовом фронте» - «теоретики» считали, что после ликвидации капиталистических отношений договор как институт буржуазного права, должен исчезнуть [22, с. 53]. Однако с 30-х годов XX века исследуемый правовой институт становится основой системы договорных связей между хозяйствующими субъектами.

В XX веке исследованию сущности гражданско-правового договора посвятили свои научные исследования такие выдающиеся советские ученые как: О. С. Иоффе (1920-2005), О. А. Красавчиков (1923-1984), В. И. Кофман (1924-1995), Б. М. Гонгало, А. Д. Корецкий и др. Так, О. С. Иоффе договор рассматривал как обязательство, а в отдельных случаях как документ. Однако для понимания сущности договора ученый полагал, что договор необходимо исследовать «как юридический факт, как правоотношение, как форму, используемую при его заключении» [7, с. 85].

Новым этапом в развитии гражданско-правового института стало принятие Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Законодатель в п. 1 ст. 420 ГК РФ рассматривает данный договор как сделку, поэтому п. 2 указанной статьи отсылает к нормам о сделках, а именно к главе 9 – Сделки. М. И. Брагинский (1925-2009) и В. В. Витрянский, исследуя правовой институт, выделили, что основным признаком договора-сделки является его «направленность на возникновение договорного обязательства» [3, с. 105].

Б. М. Гонгало утверждал, что договор – это прежде всего юридический факт – правомерное действие [4, с. 215]., однако большинство советских и позже российских цивилистов рассматривали договор как соглашение. Как правовой акт договор исследовали М. Ф. Казанцев и В. В. Иванов [9, с. 36]. В то же время Б. Д. Завидов считал, что договор это не просто акт, а акт выражающий добровольное соглашение сторон действовать совместно в интересах обоюдной выгоды [5, с. 28]. Е. А. Суханов исследует гражданско-правовой договор не только как правоотношение, возникшее в результате заключения договора, но и как экономико-правовую категорию, отражающую экономическое содержание [19, с. 158]. Л. В. Щенникова же считает договор свободным регулятором, организатором и координатором эквивалентно-возмездных

отношений [23, с. 19]. Ю.А. Серкова полагает, что договор необходимо исследовать через призму юридических конструкций, что позволило бы юристам объединить многочисленные взгляды на исследуемый правовой институт. Морозова Л.А. же утверждает, что договор нельзя свести к понятию юридической конструкции [14, с. 510].

Невозможно раскрыть роль гражданско-правового договора без изучения функций исследуемого правового института. Так, например, в советский период О. А. Красавчиков под функциями гражданско-правового договора понимал «установленное или допускаемое законом воздействие данного юридического акта на соответствующие общественные отношения» [11, с. 321]. В. Г. Бердников (1923-1986) и А. Г. Быков (1938–2009) полагали, что функции данного института – это «выражение основных целей использования» [2, с. 115]. «договорной формы правоотношений между социалистическими организациями в области хозяйства» [1, с. 52]. Э. А. Сатина рассматривает их как «основное направление правового воздействия, отражающего роль и значение в упорядочении отношений участников гражданского оборота, выражающего сущность конкретного договора» [18, с. 37].

В цивилистике нет единого подхода к классификации функций гражданско-правового договора. Так, О. А. Красавчиков в своё время выделял такие функции, как: инициативная; программно-координационная; информационная; гарантийная; защитная. Е. А. Суханов выделяет только регулятивную, а Т. И. Илларионова (1936-2003) же утверждала, что помимо регулятивной необходимо выделять и организационную [6, с. 369].

Б. И. Пугинский выделяет функции в две группы: экономическую и правовую. Необходимо заметить, что цивилист правовую группу подразделяет на явные и скрытые (латентные) [16, с. 132]. Под явными ученый понимает «совпадающие с законными действиями лиц, заключивших договор». К ним относит: установления правовой связи между участниками договора; определения и юридического фиксирования общей цели; общего определения предмета договора; правовой регламентации действий; содействия обеспечению и охране прав и законных интересов участников договора. Латентные же – это «функции, которые проявляются вне зависимости от намерений преследующие участники договора», в качестве примера можно выделить функцию обеспечения сбалансированности производства и потребления.

Исследуя юридическую природу гражданско-правового договора, М. Ф. Казанцев отмечал, что необходимо в первую очередь «выявить род юридических явлений», а во-вторых, «определить его место в этих явлениях» [10, с. 215]. Юридическую природу договора в свое время изучали такие ученые, как М. И. Брагинский, Т. И. Илларионова, С. С. Алексеев, В. В. Витрянский, Е. А. Суханов выделяющих: двухсторонние и многосторонние договоры; возмездные и безвозмездные; имущественные и организационные; консенсуальные и реальные договоры. Но Т. И. Илларионова также называла: одностороннеобязывающие и двустороннеобязывающие (взаимные) договоры; договоры в пользу сторон и третьих лиц; предварительные и основные договоры. Е. А. Суханов же отмечает: односторонние (правоотношение) и двусторонние; каузальные и абстрактные; основные и дополнительные (акцессорные); фидуциарные и не фидуциарные.

Таким образом, исследуя историю и гражданско-правовые аспекты гражданско-правового договора, мы пришли к мнению, о том, что это сложное многоаспектное правовое явление, которое традиционно рассматривалось учеными как юридический факт, сделка, обязательственное правоотношение, документ, однако в науке до сих пор не выработано единого подхода к толкованию исследуемого правового института. В тоже время, все выше указанные цивилисты сходятся в едином мнении о том, что данный институт выступает универсальным регулятором общественных отношений,

являясь гражданско-правовой категорией, потому что он служит основанием для возникновения обязательства, а также организатором волеизъявления сторон, имеющих цель – достижение правового результата с помощью государственных методов воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Бердников В. Г. Функции договор» // Труды ВЮЗИ. – М., 1971. – Т. X. – 83 с.
2. Быков А. Г. Основные функции хозяйственного договора и его роль в народном хозяйстве // Хозяйственное право. – М., 1977. – 319 с.
3. Витрянский В. В. Общие положения о договоре// Кодификация российского частного права (под ред. П.В. Крашенинникова). – М., 2017 г. – 312 с.
4. Гонгало Б.М. Гражданское право. – М., 2017. Т. 2 – 544 с.
5. Завидов Б. Д. Общие положения и отдельные особенности обязательственных правоотношений. Сущность обязательства и основания его возникновения в Гражданском кодексе // Юрист. – 2003. – № 1. – С. 27-33.
6. Илларионова Т. И. Гражданское право: учеб. для вузов Ч. 1. – М.: Норма, 2002. – 545 с.
7. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М: Юрид. лит., 1975.
8. Казанцев М. Ф. К вопросу об общей теории правового договора // Антиномии. – 1999. – № 1. – С. 15-45.
9. Иванов В. В. Общие вопросы теории договора. – М.: УРСС, 2000. – 158 с.
10. Казанцев М. Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 393 с.
11. Красавчиков О. А. Советское гражданское право. Т. 1. – М., 1985. – 578 с.
12. Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. – СПб., 1815. – 285 с.
13. Мейер Д. И. Русское гражданское право. – М.: Статут, 2003. – 603 с.
14. Морозова Л. А. Договор как универсальная юридическая конструкция // Юридическая техника. – 2013. – № 7. – С. 510-512.
15. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. – СПб., 1896. – С. 3.
16. Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – 224 с.
17. Радищев А. Н. Проект гражданского уложения. ПСС. Т. 3. – М.-Л., 1938-1954. – С. 179-180.
18. Сатина Э. А. Сущность, значение и функции гражданско-правового договора // Вестник ТГУ. – 2014. – № 7. – С. 35-42.
19. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник. – М.: Статут, 2020. – 457 с.
20. Терлаич Г. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России. Ч. 2. – СПб., 1810. – 47 с.
21. Томсинов В. А. Понятие договора в проект гражданского уложения Российской империи конца XIX – начала XX века // Вест. Моск. ун-та. – 2018. – № 5. – С. 3-25.
22. Халфина Р. О. Значение и сущность договора в советском гражданском праве. – М., 1954. – 453 с.
23. Щенникова Л. В. О договорном праве, его перспективах и конструкции гражданско-правового договора// Законодательство. – 2003. – № 5. – С. 18-21.

БАХТИНА Виктория Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛИ Максим Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРОМЧЕВСКАЯ Карина Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НАГАИ Кира Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИЧУРОВА Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ: АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ В РОССИИ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ

Данная статья занимается исследованием эволюции предварительных договоров в России, от дореволюционной эпохи до современности, с акцентом на их соответствие международным стандартам. Автор анализирует изменения в нормативном урегулировании этих договоров, особенности их правоприменения, и влияние введения новых положений в Гражданский кодекс РФ. Статья также включает сравнительный анализ с международными практиками, выделяя ключевые тенденции и трансформации, происходящие в российском правовом поле в контексте глобальных правовых трендов.

Ключевые слова: развитие предварительных договоров, синхронизация с международными стандартами, Гражданский кодекс РФ, дореволюционное право, глобальные правовые тенденции, правовая эволюция, сравнительный анализ, правовые инновации, история юриспруденции.

BAKHINA Victoria Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LEE Maxim Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GROMCHEVSKAYA Karina Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NAGAI Kira Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MICHUROVA Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

EVOLUTION AND SYNCHRONIZATION IN THE LEGAL FIELD: ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF PRELIMINARY AGREEMENTS IN RUSSIA AND THEIR COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL STANDARDS

This article examines the evolution of preliminary agreements in Russia, from the pre-revolutionary era to the present, with an emphasis on their compliance with international standards. The author analyzes the changes in the regulatory regulation of these agreements, the specifics of their enforcement, and the impact of the introduction of new provisions in the Civil Code of the Russian Federation. The article also includes a comparative analysis with international practices, highlighting the key trends and transformations taking place in the Russian legal field in the context of global legal trends.

Keywords: development of preliminary agreements, synchronization with international standards, the Civil Code of the Russian Federation, pre-revolutionary law, global legal trends, legal evolution, comparative analysis, legal innovations, history of jurisprudence.

В начале XX века правовое поле России претерпело значительные изменения, особенно после Октябрьской революции 1917 года, которая кардинально переформатировала систему права. Этот период ознаменовался переходом от царского законодательства к советским правовым нормам, что привело к радикальному пересмотру и переоценке многих юридических институтов, включая предварительные договоры. В советское время, особенно в период индустриализации и сталинских репрессий, законодательство во многом фокусировалось на централизации власти и контроле над экономикой, что привело к уменьшению значимости частного права и коммерческих соглашений.

С распадом СССР и образованием Российской Федерации в 1991 году началась новая эра в развитии российского законодательства. Принятие новой Конституции в 1993 году и последующие изменения в Гражданском кодексе РФ заложили основу для формирования современной правовой системы, которая во многом ориентирована на интеграцию в международное правовое сообщество. Эти изменения включали пересмотр и уточнение роли предварительных договоров, которые стали ключевым элементом в регулировании коммерческих отношений.

В последние десятилетия Россия активно работает над гармонизацией своего законодательства с международными

стандартами. Это включает в себя принятие новых законов, реформирование судебной системы и усиление защиты прав инвесторов и бизнеса. В этом контексте предварительные договоры играют важную роль в обеспечении юридической определенности и стабильности коммерческих отношений, что является ключевым фактором для привлечения иностранных инвестиций и интеграции в мировую экономику. Таким образом, текущий этап в развитии российского законодательства характеризуется стремлением к созданию более открытой, предсказуемой и справедливой правовой системы, что является важной составляющей общего процесса модернизации страны.

Погружаясь в разбор требований к предварительному договору и его ключевым аспектам, мы сталкиваемся с интересным соответствием между законодательными практиками прошлого и нынешними положениями Гражданского кодекса РФ. В обеих эпохах юридическая мысль выделяет акцент на четкой детализации объекта будущего основного контракта. Именно этот аспект становится фундаментом, на котором строится доверие между сторонами и устойчивость их соглашения.

Осмысливая данный факт, обращаем внимание на статью 429 Гражданского кодекса РФ, где подчеркивается важность прописывания в предварительном договоре всех основных действий, касающихся передачи имущественных прав, выполнения работ, или предоставления услуг. Эти условия становятся решающими для определения контуров будущих взаимоотношений сторон.

Рассуждая о важности установления цены в предварительном договоре, можно отметить переменчивость подходов к этому вопросу на протяжении истории. Если в дореволюционной России отсутствие соглашения о цене могло аннулировать заключение контракта, то сегодняшний Гражданский кодекс РФ отходит от этой практики, определяя цену как элемент, который может быть сформулирован позже, согласно пункту 3 статьи 424.

Помимо этого, современное законодательство устанавливает требования к форме предварительного договора. Он должен либо точно соответствовать форме основного договора, либо быть обязательно зафиксирован в письменном виде, если конкретная форма не предусмотрена. Недооценка этого аспекта может привести к признанию договора недействительным, что является весомой причиной уделить этому моменту должное внимание.

И, наконец, стоит коснуться темы сроков. Как в историческом контексте, так и в современности, законодатель уделяет внимание определению периода, в течение которого основное соглашение должно быть заключено. Пункт 4 статьи 429 Гражданского кодекса РФ и статья 1686 Свода законов Российской империи конвергентно подходят к ограничению этого временного интервала в пределах одного года, если иное не определено в условиях предварительного договора.

В эпоху дооктябрьской России авторитетные правоведы утверждали, что дедлайн для оформления главного соглашения касается в основном сделок с недвижимостью. Так, например, В. В. Синайский высказывал мнение, что при оформлении сделок купли-продажи движимого имущества, установление конкретной даты завершения сделки не является строго обязательным. Он аргументировал, что такой договор может быть заключен в любой момент, когда это потребует одна из заинтересованных сторон. Этот принцип нашел свое отражение и в других типах преддоговоров, а судебная практика показала, что неуказание такого условия

не лишало силы соглашение о запрете, которое могло быть исполнено в любое время по требованию одной из сторон. Следовательно, срок в таких случаях не рассматривался как жесткое указание на необходимость выполнения обязательств одним из контрагентов [4].

Интересно отметить, что современное законодательство РФ внесло значительные коррективы в понимание предварительного договора. Если рассматривать Гражданский кодекс РФ, то в нем прописаны положения, предусматривающие принудительное воздействие на сторону, которая избегает заключения основного контракта. Согласно статьям 429 и 445 Гражданского кодекса РФ, при уклонении одной из сторон от исполнения преддоговорных обязательств другая сторона имеет право обратиться в суд и потребовать заключения основного договора в течение полугода с момента неисполнения.

Тема принудительного заключения основного договора вызывала живые споры среди российских юристов уже более ста лет назад. Представители юридической науки того времени полагали, что отказ от подписания основного соглашения дает право на получение материальной компенсации, но не настаивали на подаче иска о принуждении к исполнению. Примером может служить позиция А. Х. Гольмстена, который в вопросах преддоговоров купли-продажи утверждал: если одна из сторон отказывается от выполнения условий, то вторая может потребовать лишь компенсацию убытков, взыскание неустойки или удержание задатка, исключая возможность принуждения к сделке, поскольку это противоречит основам свободного волеизъявления при заключении договоров.

В законодательном корпусе Российской империи не было четких указаний касательно предварительных соглашений. Так, вопросы соответствия форм предварительного и основного договоров оставались за рамками правового регулирования. Отсутствовали также положения, касающиеся недействительности предварительного соглашения в случае несоответствия формальным требованиям, а также нормы, регулирующие процедуры судебной защиты для исков о принуждении к исполнению договорных обязательств. Более того, не определялся точный период времени, в пределах которого следовало заключить окончательный договор [2].

Это отсутствие четкости порождало правовую неопределенность, оставляя множество аспектов на усмотрение судебной практики и самостоятельного толкования сторонами договора. Таким образом, правовая система того периода складывалась из мозаики обычаев и прецедентов, что предоставляло как определенную гибкость в заключении и исполнении договорных отношений, так и создавало основание для правовой неопределенности и возможных споров.

Законодательство большинства государств обращает внимание на детальное урегулирование этих вопросов. К примеру, в странах с континентальной правовой системой, таких как Германия и Франция, закон четко определяет необходимость соблюдения формы и существенных условий предварительных договоров. В Германии, например, Гражданский кодекс (BGB) рассматривает предварительный договор как обязательственное соглашение, которое накладывает на стороны договорные обязанности.

Согласно международной практике, нормы, касающиеся предварительных договоров, зачастую предусматривают судебные механизмы защиты прав сторон, в том числе и понуждение к заключению основного договора. В странах Common Law, таких как Великобритания и США, хотя прин-

ципы и отличаются от континентальных систем, суды также признают обязательственную силу предварительных соглашений и предоставляют защиту посредством исполнительного производства или компенсации убытков.

Ещё один интересный аспект международного опыта — применение концепции «Letter of Intent» (письмо о намерениях), которая широко используется в коммерческих переговорах и международных сделках. Этот инструмент служит доказательством серьёзности намерений сторон и зачастую содержит важные условия будущего договора, но сам по себе не является юридически обязывающим до тех пор, пока не будут урегулированы все детали и не будет подписан окончательный договор [1].

В мировой практике важное значение придается прозрачности и юридической определенности в регулировании предварительных соглашений, что снижает правовой риск, повышает доверие между сторонами и облегчает судебное разбирательство в случае возникновения конфликтов. Возвращаясь к отечественному контексту, можно сделать вывод, что современное российское законодательство во многом созвучно с международными стандартами и направлено на обеспечение надёжности и предсказуемости договорных отношений.

Владимир Иванович Синайский выразил мнение, что последствия неисполнения условий предварительного договора не должны выходить за рамки компенсации убытков, таким образом поддерживая идею о недопустимости принуждения к подписанию основного контракта. Он аргументировал это утверждение принципом свободы договора, который исключает любые формы принудительного воздействия на волеизъявление сторон. В том же духе высказывался и Константин Петрович Победоносцев, отвергая идею принуждения к сделке как акт насилия над личной свободой человека. Григорий Фёдорович Шершеневич же утверждал, что любой договор, включая договор купли-продажи, предоставляет право требования выполнения условий, но не включает права на принуждение к таковому [5].

Исходя из этого, становится ясно, что подходы к рассмотрению обязанностей сторон по предварительному договору в период до и после революции различаются. В дореволюционной практике акцентировалось на неприемлемости принуждения к заключению финального контракта, в то время как современное законодательство включает нормы, предусматривающие возмещение убытков в случае отказа от исполнения основного договора, как это видно из пункта 4 статьи 445 Гражданского кодекса РФ. Также сохраняется возможность использования задатка в качестве гарантии заключения основного договора, что регулируется частью 4 статьи 380 Гражданского кодекса РФ. Эти положения присущи как современному, так и дореволюционному законодательству России.

Принципы прекращения обязательств по предварительному договору также нашли отражение в современном праве. В частности, пункт 6 статьи 429 Гражданского кодекса РФ гласит, что обязательства прекращаются, если в установленный срок основной договор не заключен, либо если предложение о его заключении не было направлено другой стороне. Это схоже с положениями статьи 1682 Свода законов Российской империи 1877 года, которая говорила о том, что договор теряет силу, если в оговоренный срок или в течение года с момента выдачи расписки о задатке купля-продажа не совершается [6].

Анализ сравнительных аспектов показывает, что многие основные принципы предварительного договора были заложены именно в практике договора купли-продажи дореволюционного периода. Среди ключевых аспектов, которые остались актуальными и по сей день, можно выделить: необходимость определения в предварительном договоре всех существенных условий будущего контракта, принцип возмещения убытков за неисполнение обязательств по основному договору, а также установленный порядок и основания для прекращения действия предварительного договора. Это свидетельствует о том, что дореволюционная правовая практика оказала значительное влияние на современное гражданское законодательство России.

Пристатейный библиографический список

1. Серова Ю. Г. Институт запрета в российском праве XVIII-XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Нижний Новгород, 2007.
2. Синайский В. И. Русское гражданское право. - Киев: Типография А. М. Пономарева п.у. И. И. Врублевского, 1912. - 427 с.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. - СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1880. - 629 с.
4. Кокорин И. С. Соотношение предварительного и организационного договора // Царскосельские чтения. - 2012. - N XVI. - С. 125-134.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. В 2 томах. Том 2. - М.: Статут, 2005. - 460 с.
6. Савельев А. И. Теория обязательств: Современное состояние и перспективы развития. - Москва: Издательство «Норма», 2021. - 288 с.
7. Виноградова П. В. Ответственность за нарушение обязательств в международном частном праве. - Москва: Юридическая литература, 2020. - 352 с.

БАРАНОВА Алина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАРЕВ Игорь Андреевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОИСЕЕНКО Дарья Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЕЛОВСКАЯ Лика Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОСЬКИНА Марина Николаевна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АНАЛИЗ И СОПОСТАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ РОССИИ И КИТАЯ: УВОЛЬНЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Данная статья представляет собой аналитический обзор и сравнение трудовых законодательств Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Внимание сосредоточено на анализе критериев увольнения сотрудников, регламентации внутреннего трудового порядка, нормах рабочего времени и отдыха, а также на способах поддержания трудовой дисциплины. В исследовании выявлены ключевые сходства и различия в подходах к управлению трудовыми отношениями, отражающие культурные, экономические и политические особенности каждой из стран. Результаты могут быть полезны для определения направлений развития трудового законодательства обеих стран.

Ключевые слова: трудовое право, критерии увольнения, рабочее время и отдых, трудовая дисциплина, управление трудовыми отношениями.

BARANOVA Alina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAREV Igor Andreevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOISEENKO Daria Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YELOVSKAYA Lika Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOSKINA Marina Nikolaevna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ANALYSIS AND COMPARISON OF THE LABOR LAWS OF RUSSIA AND CHINA: LAYOFFS AND LABOR RELATIONS MANAGEMENT

This article is an analytical review and comparison of the labor laws of the Russian Federation and the People's Republic of China. Attention is focused on the analysis of the criteria for the dismissal of employees, the regulation of the internal labor order, the norms of working time and rest, as well as on ways to maintain labor discipline. The study identifies key similarities and differences in approaches to labor relations management, reflecting the cultural, economic and political characteristics of each country. The results can be useful for determining the directions of development of labor legislation in both countries.

Keywords: labor law, criteria for dismissal, working hours and rest, labor discipline, labor relations management.

В Российской Федерации трудовое законодательство акцентирует внимание на защите прав работников, предусматривая строгие процедуры увольнения и контроль за соблюдением рабочего времени и условий труда. Особое внимание уделяется соблюдению трудовых прав, включая обеспечение безопасных условий труда и справедливой оплаты труда. С другой стороны, в Китайской Народной Республике трудовое законодательство тесно связано с экономическими реформами и растущим влиянием рыночной экономики. Законы регулируют не только трудовые отношения, но и вопросы социального страхования, трудовых споров и корпоративного управления. Особенностью китайской системы является гибкость в регулировании трудовых отношений, что способствует адаптации к быстро меняющимся экономическим условиям. Сравнительный анализ этих двух систем позволяет выявить как сходства, так и различия в подходах к

трудовому законодательству, что важно для понимания глобальных тенденций в области труда и занятости.

В современной правовой практике Российской Федерации ключевым аспектом является вопрос о правах и обязанностях работников и работодателей, особенно в контексте изменений в трудовых договорах. Согласно статье 80 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), работник вправе решить о прекращении действия трудового договора по своему усмотрению, что является важным аспектом трудового права, обеспечивающим защиту прав работника.

Однако, более сложной ситуацией является вопрос перевода и перемещения работников. В предыдущих редакциях ТК РФ эти понятия рассматривались более широко и включали в себя изменения в существенных условиях трудового договора. Ранее, понятия «перевод» и «перемещение» были четко разграничены, основываясь на изменении трудо-

вой функции и условий трудового договора. Это позволяло включать их в одну статью ТК РФ, обеспечивая ясность в понимании и применении.

В действующей редакции ТК РФ ситуация изменилась. Внешний подход к определению «перевода» более узкий, ограничиваясь изменением трудовой функции и места работы, исключая другие существенные условия. Это изменение подчёркивает намерение законодателя сузить сферу применения понятия «перевод» и выделить его из общего списка изменений трудовых условий.

Согласно статье 72 ТК РФ, любые изменения в трудовом договоре, включая перевод, должны осуществляться только с согласия обеих сторон, исключая особые случаи, предусмотренные ТК РФ. Это подразумевает, что перемещение работника, не требующее изменения условий трудового договора, может осуществляться без его согласия, что подчёркивает различие между понятиями «перевод» и «перемещение».

Важно отметить, что изменения в ТК РФ отражают стремление к более чёткому разграничению прав и обязанностей работников и работодателей в отношении изменения условий трудовых договоров. Это позволяет более точно регулировать трудовые отношения и защищать интересы сторон. Однако такие изменения также вызывают новые вопросы и требуют дополнительного анализа в отношении их практического применения и толкования, как подчёркивается в практике Верховного Суда РФ и других судебных органов.

Особый интерес представляет анализ дополнительных аспектов трудовых отношений, таких как внутренний трудовой распорядок, режим труда и отдыха, и поддержание трудовой дисциплины.

В России внутренний трудовой распорядок определяется Трудовым кодексом РФ и внутренними правилами организаций. Это включает в себя регламентацию рабочего времени, перерывов, порядка предоставления отпусков и других аспектов. В Китае, напротив, большое внимание уделяется региональным особенностям и гибкости в регулировании трудовых отношений, что позволяет учитывать местные условия и потребности предприятий.

В России режим труда и отдыха строго регулируется, с установлением 40-часовой рабочей недели и предоставлением ежегодного оплачиваемого отпуска. В Китае также существуют нормы, регулирующие рабочее время и отпуска, но они могут варьироваться в зависимости от региона и конкретного сектора экономики, что обеспечивает большую адаптивность к различным условиям труда.

В России нарушение трудовой дисциплины может привести к дисциплинарным взысканиям, включая увольнение. В Китае трудовая дисциплина также является важным аспектом, однако подход к её регулированию и наказанию за нарушения может отличаться, включая различные формы ответственности и учет местных норм и традиций.

Эти различия в подходах к регулированию трудовых отношений между Россией и Китаем отражают глубоко укоренившиеся культурные, экономические и политические особенности каждой страны. В России преобладает более унифицированный и кодифицированный подход, в то время как в Китае акцент делается на гибкость и региональное разнообразие. Это обеспечивает разные уровни защиты прав работников и возможности для адаптации к быстро меняющимся экономическим условиям.

В современной редакции Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) значительное внимание уделяется правовому регулированию перемещения работников внутри организации. В части 3 статьи 72.1 ТК РФ освещается, что перемещение работника возможно без его согласия, если это не влечёт за собой изменения ключевых условий трудового договора. Это подчёркивает необходимость учитывать все обстоятельства, предусмотренные статьей 57 ТК РФ при определении условий трудового договора, включая режим работы, оплату труда, и другие существенные аспекты.

Современная практика правоприменения требует переосмысления отношений между понятиями «перемещение» и «перевод», а также другими изменениями в трудовом договоре. В текущей редакции ТК РФ «перемещение» рассматривается в более широком контексте, не ограничиваясь только

взаимоотношениями с «переводом». Это создаёт необходимость дальнейшего уточнения или даже выделения «перемещения» в отдельную категорию в рамках ТК РФ.

При изучении трудового законодательства других стран, например Китайской Народной Республики (КНР), можно обратить внимание на ряд особенностей. В КНР, например, работник обязан уведомить работодателя о своем увольнении за 30 дней, что является более строгим требованием, чем в Российской Федерации. Кроме того, законодательство КНР содержит чёткие перечни оснований для увольнения, как по инициативе работника, так и работодателя, включая ситуации нарушения трудовой дисциплины, неудовлетворительную работу в период испытательного срока, или существенные изменения в условиях трудового договора [1].

Интересно отметить, что в КНР при расторжении трудового договора работодатель обязан уведомить профсоюз, что подчеркивает роль профессиональных союзов в защите прав работников [5]. В случае нарушения условий трудового договора профсоюз имеет право требовать от работодателя исправления ситуации, что является важным механизмом социальной защиты [2].

Изучая аспекты увольнения в рамках трудового законодательства России и Китая, обнаруживается сходство в базовых принципах, особенно в отношении оснований для расторжения трудового договора. Однако, стоит отметить уникальность подхода Китая в регулировании трудовых отношений. В отличие от многих стран, где трудовые отношения регулируются кодифицированными законами, в Китае основная часть нормативной базы состоит из подзаконных актов, позволяющих более гибко адаптироваться к изменениям и учитывать региональные особенности [4].

В ходе исследования был проведен наукометрический анализ российских определений понятия «увольнение». В результате было установлено, что увольнение можно определить как юридическое последствие прекращения трудовых отношений между работником и работодателем, вызванное либо дисциплинарным проступком работника, либо инициативой одной из сторон.

Хотя в области оснований для увольнения между Россией и Китаем значительных расхождений не обнаружено, существуют другие аспекты трудовых отношений, где сравнительный анализ может выявить потенциальные «точки роста» [7]. К таким аспектам относятся внутренний трудовой распорядок, режим труда и отдыха, а также подходы к поддержанию трудовой дисциплины. Изучение этих областей может предложить ценные уроки и возможности для обоих государств в улучшении их трудового законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Порох Н. Ю. Сравнительно-правовое исследование трудового законодательства России и Китайской Народной Республики // *Аллея науки*. – 2021. – № 10. – С. 698-704.
2. Даурбеков А. С. Содержание трудового договора в Китае // *Социально-политические науки*. – 2018. – № 4. – С. 147-150.
3. Закон КНР «О трудовом договоре» // Информационный портал Asia Business. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asia-business.ru/law/law3/dogovor>.
4. Закон КНР «О труде» // Информационный портал Asia Business. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiabusiness.ru/law/law3/trud>.
5. Расторжение и прекращение трудового договора в КНР // Информационный портал «Юридическая помощь в Китае». – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chinahelp.me/work/rastorzhenie-i-prekrashhenie-trudovogo-dogovora-v-knr>.
6. Ли Хуаньюй. Трудовое право Китая: современное состояние и перспективы развития // *Журнал международного права и международных отношений*. – 2020. – № 3. – С. 112-117.
7. Смит Джонатан. Тенденции развития трудового законодательства в современной России // *Российский журнал трудового права*. – 2021. – № 2. – С. 45-52.

БЛИЗНЕЦОВ Александр Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

САФОНОВА Ася Юрьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МЕЗИН Максим Кириллович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТОЛКАЧЕВ Роман Владимирович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТАНКЕВИЧ Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Этот аналитический обзор представляет исторический анализ семейного законодательства в России, охватывая период с Древней Руси до наших дней. Обзор включает изучение важнейших этапов развития семейного права, включая влияние христианских и византийских традиций, переход к светскому управлению брачными отношениями после 1917 года, и современные аспекты Семейного кодекса РФ. Акцент сделан на анализе изменений в бракоразводном процессе, вопросах равноправия супругов и защиты прав детей, что позволяет лучше понять динамику развития семейного права в России.

Ключевые слова: история семейного права, развитие законодательства, светское и религиозное влияние, расторжение брака, Семейный кодекс РФ, защита прав детей, равноправие супругов.

BLIZNETSOV Alexander Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SAFONOVA Asya Yurjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MEZIN Maxim Kirillovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TOLKACHEV Roman Vladimirovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STANKEVICH Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE EVOLUTION OF FAMILY LAW IN RUSSIA

This analytical review presents a historical analysis of family law in Russia, covering the period from Ancient Russia to the present day. The review includes a study of the most important stages in the development of family law, including the influence of Christian and Byzantine traditions, the transition to secular management of marital relations after 1917, and modern aspects of the Family Code of the Russian Federation. The focus is on the analysis of changes in the divorce process, issues of equality of spouses and protection of children's rights, which allows for a better understanding of the dynamics of family law in Russia.

Keywords: history of family law, development of legislation, secular and religious influence, divorce, Family Code of the Russian Federation, protection of children's rights, equality of spouses.

Семейное право России, как и в любом другом обществе, является зеркалом, отражающим динамические социальные и культурные трансформации. Процесс его развития неразрывно связан с историей страны, начиная с времён Древней Руси. Семейное законодательство было подвержено значительным изменениям, которые происходили под влиянием религиозных, политических и социальных факторов. Этот аналитический обзор призван осветить ключевые этапы эволюции семейного права в России, оценивая их в контексте социокультурных изменений.

В эпоху Древней Руси семейное право базировалось на славянских традициях и нормах, которые затем претерпели изменения под влиянием христианизации и византийского права. Влияние христианства привнесло в семейное законодательство строгие религиозные нормы, регулирующие брачные отношения и обязанности супругов. С переходом к гражданскому обществу после Октябрьской революции 1917 года произошла революционная трансформация семейного права. Брак стал рассматриваться как равноправное союз

между мужчиной и женщиной, а церковь была лишена права на регулирование семейных отношений [1].

Изменение Семейного кодекса РФ в 1995 году стало знаковым моментом в истории семейного законодательства. Кодекс укрепил правовую базу семейных отношений, предусмотрел защиту прав и интересов детей, а также установил равноправие супругов. Судебная практика и последующие поправки в Семейный кодекс продолжали уточнять и развивать эти принципы, особенно в части процедур расторжения брака и определения опекунов над детьми. Таким образом, история семейного права России представляет собой мозаику изменений, отражающих широкий спектр социальных и культурных тенденций [8].

В христианской доктрине, особенно на территории Руси, брак традиционно считался священным и вечным союзом. Несмотря на отсутствие обязательства к браку, если он заключался, то это рассматривалось как нравственный долг. В XI веке, при князе Владимире Святославовиче, Церковь получила полномочия управлять семейными делами, активно

убеждая общество в нерасторжимости брачного союза, опираясь на Священное писание.

Однако, интересно отметить, что не все христианские церкви признавали Библию как аргумент в пользу нерасторжимости брака. Некоторые верили, что решение о сохранении брака должно исходить от самих супругов, основываясь на их внутреннем понимании и обязательствах [3].

Законы Византии, включая Прохирон Василия Македонянина и Эклог Льва Философа, значительно повлияли на разработку оснований для расторжения брака на Руси. Эти законы предусматривали различные основания для развода, варьируя от политических и социальных до личных причин.

Также интересно отметить вклад русских традиций в формирование византийских законов о разводе. В частности, были учтены местные обычаи и практики при составлении Церковного Устава Ярослава.

Несмотря на это, церковь долгое время стремилась сохранять браки, считая развод нежелательным. Она строго контролировала соблюдение семейных обязательств и наказывала за нарушения. Только в 1917 году, после Октябрьской революции, процедура развода была кардинально изменена, перейдя от церковного к гражданскому управлению, что значительно упростило процесс расторжения брака.

Анализ истории развития семейного права в России выявляет интересные тенденции и ключевые моменты, влияющие на текущее состояние законодательства в этой области. Первоначально, в Древней Руси, брак и семья рассматривались как основные элементы социальной структуры, опирающиеся на религиозные и культурные традиции. С принятием христианства и влиянием византийского права, церковь начала играть значительную роль в регулировании семейных отношений, что отразилось в законодательстве того времени [5].

Со временем произошел сдвиг от строгого религиозного контроля к более светскому и гибкому подходу в регулировании семейных отношений. Это было особенно заметно после Октябрьской революции 1917 года, когда церковь перестала быть ключевым игроком в процессе расторжения брака, а дела о разводе перешли в ведение гражданских судов. Это значительно упростило процесс развода, сделав его более доступным для общего населения.

В период после Второй мировой войны произошли дополнительные изменения, когда в 1944 году было введено требование о рассмотрении бракоразводных дел исключительно в судебных инстанциях. Это было направлено на защиту прав обоих супругов и обеспечение равноправия в процессе развода.

Современный этап развития семейного права в России характеризуется гибкостью и ориентацией на интересы всех участников семейных отношений. Семейный кодекс, принятый в 1995 году, устанавливает равные права и обязанности супругов, предусматривает различные процедуры расторжения брака в зависимости от наличия детей и других факторов. Это отражает стремление законодателя к балансу между традиционными ценностями и современными реалиями семейной жизни.

Особенно важным аспектом современного семейного права является защита интересов детей в случае развода родителей. Законодательство предусматривает ряд мер, направленных на минимизацию негативных последствий развода для детей, включая определение места жительства ребенка, порядка общения с родителями, которые не проживают с ребенком, а также вопросы алиментных обязательств.

В целом, анализ показывает, что развитие семейного права в России проходило через ряд этапов, отражающих изменения в социальных, культурных и религиозных установлениях общества. Современное законодательство стремится обеспечить защиту прав и интересов всех участников семейных отношений, поддерживая при этом общественные и семейные ценности.

В период после Второй мировой войны, точнее в 1944 году, Россия внесла корректировки в процедуру развода. Ранее для расторжения брака требовалось присутствие только одного из супругов в ЗАГСе, что привело к увеличению числа конфликтов и проблем. В ответ на это изменения закона включали перенос рассмотрения дел о разводе исключительно

но в судебные инстанции. Теперь инициатор развода должен был первоначально обращаться в народный суд, и при необходимости, дело могло передаваться в суд второй инстанции. Важным аспектом этих изменений было обеспечение равных прав обоих супругов в процессе расторжения брака.

Со временем условия бракоразводного процесса снова изменились, упрощая процедуру при отсутствии взаимных претензий между супругами. Наличие несовершеннолетних детей или наличие претензий со стороны одного из супругов требовали рассмотрения вопроса о разводе судом. Эти изменения заложили основу для современного механизма расторжения брака в России.

Интересно отметить, что исторические предпосылки формирования института расторжения брака в Древней Руси включали такие основания для развода, как отсутствие информации о партнере до брака, измена, принудительный брак по воле родителей, а также изменения личных качеств партнера, делающие дальнейшую совместную жизнь невозможной.

Сегодня в России действует Семейный кодекс, который регулирует как заключение, так и расторжение брака. Этот кодекс устанавливает, что браком признается официально зарегистрированный союз мужчины и женщины. Расторжение брака возможно по взаимному согласию супругов, но если один из супругов против, то второй может обратиться в суд [6]. Из исключений, например муж не может инициировать развод во время беременности жены или если ребенку не исполнился год, за исключением случаев, когда жена соглашается на развод. При наличии несовершеннолетних детей расторжение брака проходит через судебный процесс, обеспечивая защиту интересов детей.

История развития семейно-правовых отношений в России демонстрирует постоянное развитие и адаптацию к меняющимся социальным и культурным условиям. Отражая эти изменения, современные законы и нормы стремятся учесть опыт прошлых поколений и потребности современного общества, создавая систему, которая поддерживает семейные ценности, обеспечивает защиту прав всех участников семейных отношений и способствует их гармоничному развитию.

Пристатейный библиографический список

1. Манакова С. М. Институт расторжения брака: правовая природа и проблемы правового регулирования // Молодой ученый. - 2021. - № 50 (392). - С. 259-262.
2. Кравченко Е. В. Сравнительный анализ семейных правовых норм на основе памятников древнерусского права // ЮП. - 2020. - № 4 (71). - С. 61-65.
3. Дубровская Т. В. К вопросу о правовом регулировании расторжения брака в России // Правовое государство: теория и практика. - 2019. - № 2 (56). - С. 18-21.
4. Дементьева Т. Ю. Прекращение и расторжение брака по древнерусскому праву // Вестник ВУиТ. - 2021. - № 2 (78). - С. 14-18.
5. Воробьева И. В. Концептуальные представления о расторжении брака // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». - 2020. - № 9 (131). - С. 6-9.
6. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 1. - Ст. 16.
7. Glendon, Mary Ann. Comparative Family Law: Anglo-American Responses to a Changing World Order // Harvard Journal of Law & Public Policy. - Vol. 22. - 1999. - P. 753-775.
8. Чичеров А. И. Развитие семейного права в России и зарубежных странах: историко-правовой аспект. - Москва: Юридическая литература, 2018. - 320 с.

ВОРОНОВА Софья Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БРАГА Снежана Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЕРДЫКИНА Валерия Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОСТОЦКИЙ Максим Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАСИЛОВ Умид Ихтиёр угли

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМАТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Эта статья даёт комплексный взгляд на историю и текущее состояние интеллектуальных прав в России. Он начинается с анализа первой привилегии, выданной в 1698 году, и охватывает важные законодательные вехи до последних решений Верховного Суда РФ. Основное внимание уделяется вызовам, с которыми сталкивается сфера интеллектуальных прав, включая проблемы классификации, применения законов, обеспечения баланса между правами авторов и общественными интересами, а также интеграция в международный контекст в условиях глобализации и цифровизации.

Ключевые слова: эволюция интеллектуальных прав, законодательные реформы, авторское и патентное право, правоприменение, глобализация, цифровая эра.

VORONOVA Sofya Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BRAGA Snezhana Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BERDYKINA Valeriya Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ROSTOTSKIY Maxim Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BASILOV Umid Ihtiyor ugli

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE EVOLUTION AND PROBLEMS OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS IN RUSSIA: A HISTORICAL OVERVIEW AND CURRENT TRENDS

This article provides a comprehensive look at the history and current state of intellectual property rights in Russia. It begins with an analysis of the first privilege granted in 1698, and covers important legislative milestones up to the latest decisions of the Supreme Court of the Russian Federation. The main focus is on the challenges faced by the field of intellectual property rights, including the problems of classification, application of laws, ensuring a balance between the rights of authors and public interests, as well as integration into the international context in the context of globalization and digitalization.

Keywords: evolution of intellectual property rights, legislative reforms, copyright and patent law, law enforcement, globalization, digital era.

История интеллектуального права в России начинается с 1698 года, когда была выдана первая привилегия, заложившая основу для будущего развития этой сферы. Статья исследует ключевые моменты эволюции интеллектуальных прав, от Положения о правах сочинителей до современных постановлений Верховного Суда РФ. Акцент сделан на современных проблемах, таких как применение законов в контексте цифровизации и соответствие международным стандартам, что подчеркивает динамичность области и важность нахождения равновесия между защитой прав творцов и общественными потребностями.

В 1828 году было принято Положение о правах сочинителей, устанавливающее основные принципы авторского права, включая право на признание авторства и эксклюзивное право на использование произведения. Следующим значительным этапом стало Положение о художественной соб-

ственности 1844 года, которое расширило защиту авторских прав на произведения изобразительного искусства.

К началу XX века в России сложилась система законодательной защиты интеллектуальных прав, которая продолжала развиваться и адаптироваться к меняющимся условиям. С переходом к цифровой эре и глобализации, возникли новые вызовы, такие как необходимость гармонизации российского законодательства с международными стандартами, а также вопросы, связанные с цифровым пиратством и защитой прав в интернете [1].

Последние Постановления Пленума Верховного Суда РФ отражают эти изменения, уточняя правила применения интеллектуального права и обеспечивая баланс между защитой интересов авторов и доступом общественности к культурным и научным достижениям. Эти изменения подчеркивают динамичность и сложность интеллектуального права как юри-

дической области, которая постоянно развивается в ответ на новые технологические и социальные реалии.

Гражданское уложение Российской империи (ГУ РИ) содержало специальный раздел, посвященный авторскому праву, который закреплял различные нормы в этой области. Важным этапом стало принятие Закона об установлении Положения об авторском праве от 1911 года, который ввел концептуально новые нормы, в том числе касающиеся наследования авторских прав.

Революция 1917 года привела к радикальным изменениям в сфере интеллектуальных прав, с признанием научных, литературных и художественных произведений государственным достоянием. В 1925 году было принято постановление, заложившее основы всесоюзного авторского права.

С принятием Основ гражданского законодательства Союза ССР и ГК РСФСР в 1960-х годах произошло дальнейшее развитие интеллектуальных прав, что позволило СССР присоединиться к Всемирной конвенции об авторском праве.

В современной России важную роль играет Конституция РФ, которая подчеркивает государственную охрану всех видов интеллектуальной собственности. Закон РФ от 1993 года «Об авторском праве и смежных правах» регулировал соответствующие вопросы до 2008 года.

После распада СССР понятие «интеллектуальные права» не использовалось в законодательстве, но понятие «интеллектуальная собственность» стало ключевым в 1990-х годах. Введение части 4 ГК РФ вызвало понятийную путаницу и потребность в дополнительных разъяснениях, что было частично решено Постановлением ВС РФ и ВАС РФ в 2009 году [3].

Это историческое развитие подчеркивает сложность и динамичность законодательного регулирования интеллектуальных прав в России, отражая как внутренние, так и международные влияния на формирование правовых норм в этой области.

В последние годы интеллектуальное право в России претерпело значительные изменения, особенно в свете последних Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Эти изменения подчеркивают важность адаптации законодательства к современным реалиям интеллектуальной деятельности и глобализации. Однако, возникли новые вызовы и сложности.

Первое ключевое наблюдение касается расширения сферы охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Традиционные категории, такие как произведения искусства, изобретения и товарные знаки, дополняются новыми видами, включая программы для ЭВМ, базы данных, и даже неопределенные категории, такие как «иные права». Это создает необходимость в более четком разграничении и классификации интеллектуальных активов, что является вызовом для законодателей и правоприменителей.

Второй аспект – проблема правоприменения. Расширение сферы интеллектуальных прав ведет к увеличению споров и конфликтов, требующих юридического разрешения. Это ставит под вопрос эффективность и гибкость существующей судебной системы в области интеллектуального права. Примером этого служат многочисленные дела по нарушению авторских прав в интернете, где российское законодательство сталкивается с вызовами быстро меняющейся цифровой среды.

Третье наблюдение касается баланса между защитой прав создателей и общественными интересами. В современном мире, где доступ к информации и знаниям становится все более важным, возникает вопрос о том, как гарантировать, чтобы законы об интеллектуальной собственности не становились препятствием для образования, научных исследований и культурного обмена.

Четвертое – международная интеграция. Россия, будучи членом Всемирной торговой организации и участником многих международных договоров в области интеллектуальной собственности, сталкивается с необходимостью гармонизации своего национального законодательства с международными стандартами. Это требует гибкого подхода к реформированию законодательства, учитывая как международные обязательства, так и национальные интересы [5].

Текущее состояние интеллектуального права в России отражает общую тенденцию к усилению правовой защиты

интеллектуальной собственности, однако это также выдвигает на первый план проблемы, связанные с определением и классификацией прав, правоприменением, балансом между частными и общественными интересами, а также международной интеграцией. Эти вызовы требуют тщательного анализа и грамотных законодательных решений.

В современном толковании термина «интеллектуальное право» в России наблюдается значительное расширение его концептуальных рамок. Это понятие охватывает исключительные права, личные неимущественные и другие права, связанные с охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации. Эта трактовка стала фундаментом для последующих исследований в данной области [6].

Существенный вклад в развитие данной доктрины внесло Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, которое заменило более раннее Постановление от 2009 года. В этом документе «интеллектуальные права» представлены более широко, включая подробное разъяснение как «личных неимущественных прав», так и «иных прав». Вместе с тем Пленум отказался от использования термина «средства индивидуализации юридических лиц, товаров, услуг и организаций», перейдя к более общей формулировке «средства индивидуализации».

Эти разъяснения направлены на укрепление понятия «интеллектуальные права» в доктрине, а также на решение существующих терминологических вопросов, связанных с его практическим применением. В связи с этим, основным источником в данной области является Гражданский кодекс РФ, где закреплено определение «интеллектуальные права» (ст. 1226).

Однако, вопрос об универсальности и практической эффективности данного института остается открытым. Исследователь О. А. Городов поднимает вопрос об ограниченном круге охраняемых результатов, включая произведения науки, литературы и искусства, изобретения, полезные модели и др. По мнению И. Ю. Мирских, категория «иные права» вносит лишь путаницу в правовую доктрину и делает правоприменение нечетким.

Динамичное развитие института интеллектуальных прав в России сопровождалось перерывами и сложностями, связанными с толкованием и использованием норм. Несмотря на то, что термин «интеллектуальные права» активно используется на практике, в законодательстве еще не установлено его четкое определение. Постановление Пленума ВС РФ от 2019 года принесло некоторые разъяснения, но для формирования единого подхода в теории и практике они оказались недостаточными [5].

Пристатейный библиографический список

1. Александрова Е. А., Шеленговский П. Г. Авторское право, его развитие и закрепление в российском законодательстве // Академическая публицистика. – 2017. – № 6. – С. 48.
2. Зимин В. А. Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2015. – С. 32-33.
3. Гражданский кодекс РФ от 21.10.1994. Часть 1. (с изм. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс РФ от 21.10.1994. Часть 4. (с изм. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ» // Российская газета. – 2019. – № 96.
6. Landes, W. M., & Posner, R. A. The Economic Structure of Intellectual Property Law. – Harvard University Press, 2003. – ISBN 0674012046.
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга четвертая: Договоры о передаче интеллектуальных прав. – М.: Статут, 2019. – ISBN 978-5-8354-0897-3.

ГАЙДУК Вячеслав Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖЕВЛАКОВА Дарья Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАВРИЛЬЧЕНКО Карина Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОНОПЛИЦКАЯ Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАЛАЧЕВСКАЯ Таисия Вячеславовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОЛЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ В БАНКРОТСТВЕ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

В этой статье проводится глубокий анализ роли контролирующих лиц в процессах банкротства в России, с акцентом на их юридическую ответственность. Исследуются различные аспекты их влияния, включая внутренние и внешние обязанности, а также особенности деликатной ответственности в контексте российского законодательства. Освещаются последние изменения в законах, их воздействие на судебные решения, а также обсуждаются статистические тенденции и случаи привлечения к ответственности в сфере банкротства, что подчеркивает значимость темы в современной правовой среде России.

Ключевые слова: юридическая ответственность в банкротстве, контроль должников, внутренняя и внешняя ответственность, деликатная ответственность, законодательные изменения, судебная практика, тенденции в банкротстве.

GAYDUK Vyacheslav Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHEVLAKOVA Darya Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GAVRILCHENKO Karina Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KONOPLITSKAYA Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MALACHEVSKAYA Taisiya Vyacheslavovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE ROLE OF CONTROLLING PERSONS IN BANKRUPTCY: RESPONSIBILITY AND LEGAL ASSESSMENT

This article provides an in-depth analysis of the role of controlling persons in bankruptcy processes in Russia, with an emphasis on their legal responsibility. Various aspects of their influence are investigated, including internal and external responsibilities, as well as features of delicate liability in the context of Russian legislation. The latest changes in laws, their impact on court decisions are highlighted, as well as statistical trends and cases of prosecution in the field of bankruptcy are discussed, which underlines the importance of the topic in the modern legal environment of Russia.

Keywords: legal responsibility in bankruptcy, control of debtors, internal and external responsibility, delicate responsibility, legislative changes, judicial practice, trends in bankruptcy.

В последние годы субсидиарная ответственность контролирующих должников лиц (КДЛ) приобрела особую актуальность в контексте российского законодательства о банкротстве. Этот аспект правовой системы заслуживает пристального внимания, поскольку число судебных дел, связанных с банкротством, где КДЛ привлекаются к ответственности, растет с каждым годом. Важность этого вопроса обусловлена его влиянием на финансовую стабильность и законную защиту кредиторов.

Суть субсидиарной ответственности заключается в том, что контролирующие лица, часто занимающие ключевые управленческие позиции, могут быть привлечены к ответственности за обязательства должника, если это предусмотрено законом. В контексте банкротства это означает, что КДЛ могут нести ответственность за убытки кредиторов, если их действия или бездействие привели к финансовым проблемам компании.

Это направление вызывает интерес из-за увеличения количества судебных случаев, где такие лица привлекаются

к ответственности за экономические потери кредиторов. В статье осуществляется тщательный разбор ключевых моментов этого вопроса, включая разнообразные виды ответственности, такие как внутренняя и внешняя, и изучение законодательной базы и судебных precedентов. Особое внимание уделяется последним изменениям в законодательстве и их влиянию на судебные решения, что позволяет оценить текущее положение и будущее развитие данного аспекта в правовой системе России.

Анализ судебной практики и законодательных изменений показывает, что последние годы характеризуются значительным ужесточением подхода к субсидиарной ответственности. Это связано как с увеличением числа дел о банкротстве, так и с желанием законодателя усилить защиту прав кредиторов и предотвратить злоупотребления в сфере управления компаниями. В результате этого, контролирующие лица стали чаще привлекаться к ответственности, а суды стали более внимательно рассматривать обстоятельства каждого дела, чтобы определить, действительно ли имеют место

нарушения, которые могли бы обосновать привлечение к субсидиарной ответственности.

Привлечение неконтролирующих должника лиц к имущественной ответственности является ключевым элементом защиты участников отношений несостоятельности. Этот механизм объединяет принципы банкротства и корпоративного законодательства России, показывая тесную интеграцию и взаимодействие этих правовых сфер. Он направлен на защиту интересов кредиторов, реализуя специфические механизмы, установленные в статье 10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) [1].

Важным аспектом является субсидиарная ответственность контролирующего лица за несвоевременное обращение в арбитражный суд, предусмотренное п. 2 ст. 10 Закона. Также контролирующие лица могут быть привлечены к ответственности за действия, приведшие к банкротству должника (п. 4 ст. 10). При этом заявление о привлечении к ответственности может подаваться различными субъектами, включая конкурсных управляющих и кредиторов [2], [6].

С 2009 года в Закон было введено понятие «контролирующее должника лицо», ограничивающее рассмотрение дел о субсидиарной ответственности рамками банкротства. Это отличается от предыдущего положения, где лица, виновные в доведении должника до банкротства, могли нести ответственность по всем обязательствам при недостаточности имущества должника [3].

В 2016 году произошла значительная реформа, касающаяся процессуальной стороны применения Закона (ФЗ от 28.12.2016 № 488-ФЗ). Однако, несмотря на внимание законодателя, существуют определенные проблемы в судебной практике и научных дискуссиях, связанные с этим институтом.

Статистика показывает, что в каждом 15-м деле о банкротстве рассматривается вопрос о субсидиарной ответственности, причем удовлетворяется около 12% таких требований (по данным судебных актов АС МО за 2011 – январь 2017) [5].

С точки зрения гражданско-правового понимания, субсидиарная ответственность – это форма имущественной ответственности, предполагающая дополнительные обязанности субсидиарного должника помимо основного лица-должника. Это особенно важно для защиты прав кредиторов, особенно на этапе конкурсного производства, когда интересы должника уже не являются приоритетными. В результате субсидиарная ответственность отходит от традиционного понимания ответственности в цивилистике.

При рассмотрении вопросов субсидиарной ответственности (СО) контролирующих должников лиц (КДЛ) важно уделить внимание не только законодательным рамкам, но и их практическому применению, а также обратить внимание на статистические данные и тенденции в судебной практике.

Согласно исследованиям, в последние годы наблюдается увеличение случаев привлечения КДЛ к СО. Это может быть связано с усилением контроля за финансовой деятельностью компаний и повышением требований к прозрачности их операций. По данным Федеральной службы государственной статистики России, в 2020–2021 годах число дел о банкротстве, в которых рассматривался вопрос о СО, увеличилось примерно на 15–20% по сравнению с предыдущим периодом [7].

Одним из ключевых моментов в применении СО является определение размера ответственности. Несмотря на четкие юридические рамки, установленные Законом, в каждом конкретном случае судам приходится учитывать множество факторов, включая размер причиненных убытков, долю вины контролирующего лица и финансовое состояние компании-должника. Это делает каждое дело уникальным и требует индивидуального подхода.

Сложности также возникают при рассмотрении вопросов о деликатной ответственности КДЛ. Хотя принцип генерального деликта, установленный в статье 1064 Гражданского кодекса РФ, предусматривает возможность привлечения к ответственности за причинение убытков, на практике этот аспект часто остается недооцененным. Это может быть связано с трудностями в доказывании прямой связи между действиями КДЛ и убытками компании.

Помимо этого, важную роль в развитии практики применения СО играет и развитие судебной практики. Анализ

решений высших судебных инстанций показывает, что в последнее время суды стали более внимательно относиться к обстоятельствам дел, связанных с банкротством, и активнее применять нормы о СО. Это создает определенную правовую неопределенность для КДЛ и требует от них более тщательного соблюдения законодательства и корпоративных процедур.

Внутренняя ответственность возникает, когда руководство компании или любое иное контролирующее лицо причиняет финансовые убытки кредиторам, в то время как внешняя ответственность относится к ситуациям, где руководитель, действуя в качестве главного представителя компании, также причиняет убытки. Эти две формы ответственности обусловлены изменениями в имущественной массе, вызванными нарушениями со стороны контролирующих лиц.

Сложность вопроса о субсидиарной ответственности (СО) заключается в определении ее размера при наличии нескольких оснований для привлечения к ответственности, особенно если эти основания «пересекаются». Если контролирующее лицо отвечает по нескольким основаниям (например, пункты 2 и 4 статьи 10 Закона), то окончательный размер СО определяется путем учета наибольшей из взыскиваемых сумм. Это ограничено максимальным размером, указанным в пункте 4 статьи 10 Закона.

При совпадении оснований для взыскания убытков и привлечения к СО, ответственность имеет зачетный характер, при этом убытки взыскиваются в той части, которая не покрыта размером СО (пункт 9 статьи 10 Закона). Процессуально, совместное рассмотрение таких требований является обязательным, и в случае подачи в суд двух исков, они объединяются согласно части 2 статьи 130 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

В дополнение к этим видам ответственности существует деликатная ответственность КДЛ, основанная на принципе генерального деликта. Однако, как отмечается в специализированной литературе, несмотря на наличие этого принципа, применение соответствующей нормы из статьи 1064 Гражданского кодекса РФ для установления ответственности перед юридическим лицом за причиненные убытки редко используется.

Основные виды ответственности КДЛ включают привлечение к СО за нарушение обязанности подачи заявления в арбитражный суд (п. 2 ст. 10 Закона), привлечение к СО за действия, приведшие к банкротству (п. 4 ст. 10 Закона), а также привлечение к имущественной ответственности за причинение финансовых убытков юридическому лицу (п. 3 ст. 531 ГК РФ).

Пристатейный библиографический список

1. Суворов Е. Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения // Закон. – 2013. – № 12.
2. Савиных В. А. Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.
3. Ломокин Д., Гентов О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. – 2016. – № 1.
4. Егоров А. В., Усачева К. А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // СПС «КонсультантПлюс».
5. Материалы круглого стола «Субсидиарная ответственность владельцев компании-банкрота: как работает этот институт?» // Корпоративные стратегии. Приложение к еженедельнику «Экономика и жизнь». – 2017. – № 15.
6. Шипанова Юлия. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве // Студенческие тезисы. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2019.
7. Ермилов В. Б. Ответственность контролирующих лиц при банкротстве должника // SHS Web of Conferences, Российская академия интеллектуальной собственности. – Москва, 2021.

ГОРШКОВ Дмитрий Александрович

Генеральный директор Юридической компании «Горшков и партнеры», соискатель кафедры предпринимательского права Российского государственного гуманитарного университета

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРОВ УПРАВЛЕНИЯ ЗАЛОГОМ И ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА

Постановка такой научной задачи, как сопоставление договора управления залогом и договора простого товарищества, обусловлена не столько родством сравниваемых конструкций, сколько необходимостью выяснения причин законодательного решения, изложенного в п. 6 ст. 356 Гражданского кодекса РФ. В работе рассмотрены характерные отличия институтов управления залогом и простого товарищества. Сделан вывод о допустимости отказа от субсидиарного применения правил о простом товариществе к правам и обязанностям кредиторов-залогодержателей между собой.

Ключевые слова: договор управления залогом, простое товарищество, залогодержатель, синдицированное кредитование, залоговые обязательства.

GORSHKOV Dmitry Alexandrovich

General Director of «Gorshkov and Partners» Law Firm, competitor of Business law sub-faculty of the Russian State University for the Humanities

THE RATIO OF COLLATERAL MANAGEMENT AGREEMENTS AND SIMPLE PARTNERSHIPS

The formulation of such a scientific task as comparing a pledge management agreement and a simple partnership agreement is due not so much to the kinship of the compared structures as to the need to clarify the reasons for the legislative decision set out in paragraph 6 of Article 356 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper considers the characteristic differences between the institutions of collateral management and a simple partnership. It is concluded that it is permissible to abandon the subsidiary application of the rules on simple partnership to the rights and obligations of creditors-mortgagees among themselves.

Keywords: pledge management agreement, simple partnership, pledgee, syndicated lending, collateral obligations.

С юридико-технической точки зрения, п. 6 ст. 356 ГК РФ как бы дифференцирует договор управления залогом (далее по тексту ДУЗ) на договорные модели, однако эта дифференциация осуществлена не в полной мере. Так, законодатель излагает анализируемую норму права следующим образом: «к обязанностям управляющего по договору управления залогом, не являющегося залогодержателем, применяются правила о договоре поручения, а...». Употребление в процитированной норме права союза «а», используемого, как правило, с целью противопоставления, создает обманчивые ожидания того, что после этого союза мы обнаружим следующее правило поведения: «а к обязанностям управляющего по договору залога, являющегося залогодержателем, применяются правила о простом товариществе». Такая бы дифференциация окончательно ставила точку в вопросе о существовании двух договорных моделей ДУЗ, о которых, в частности, идет речь в настоящей статье.

Однако этого не происходит, поскольку после союза «а», законодатель пишет следующее: «а к правам и обязанностям залогодержателей по отношению друг к другу применяются правила о договоре простого товарищества, заключаемом для осуществления предпринимательской деятельности». Грамматическое толкование этой нормы права позволяет убедиться лишь в том, что залогодержатели между собой всегда (независимо от договорных моделей) находятся в такой юридической связи, которая подпадает под признаки договора простого товарищества. Однако, исследуемая норма права может быть истолкована и иным образом: через призму двух договорных моделей, попадающих в предмет настоящей диссертационной работы. К примеру, А. А. Певзнер прямо пишет: «отношения между управляющим предметом залога (если он сам – залогодержатель) и остальными залогодержателями регулируются нормами о простом това-

риществе, если же управляющий не является залогодержателем, то отношения с ним подчиняются нормам о поручительстве» [1].

Оценивая правило п. 6 ст. 356 ГК РФ, Ю. С. Харитоновна заключает следующее: созданная отечественным законодателем модель управления залогом во многом вторит англосаксонской модели, ключевой особенностью которой выступает равенство прав и интересов кредиторов-созалогодержателей и отсутствие у кого-либо из них преимуществ друг перед другом. По мнению Ю. С. Харитоновой подобный вывод связан не столько с положением о равенстве прав кредиторов, содержащимся в ст. 356 ГК РФ, сколько с положением о применимости к отношениям между кредиторами положений ГК о простом товариществе. Характеризуя далее договорную модель простого товарищества, она обращает внимание на такие ее признаки, как организационная общность, ведение общей целенаправленной деятельности, находящей отражение, прежде всего, в отношениях товарищей с другими участниками имущественного оборота (при вступлении в иные сделки) [2].

Договор простого товарищества нередко связывается с синдицированным кредитованием, представляющим основную сферу применения ДУЗ. Возможно, это обусловлено экстраполяцией зарубежной практики управления залогом на отношения, возникающие из ДУЗ в условиях российского правопорядка. К примеру, в научной литературе правовая природа немецкого договора управления залогом определяется как «соглашение кредитных организаций об объединении усилий в рамках договора простого товарищества (Gesellschaft Bürgerlichen Rechts)» [3]. Однако важно заметить, что германское гражданское законодательство, в отличие от российского, иначе подходит к регулированию института простого товарищества: так, оно содержит юриди-

ческую возможность создания внутренних товариществ, не преследующих цели объединения общего имущества.

Вместе с тем в пояснительной записке к проекту Закона об СК отмечалось следующее: «в соответствии с международной практикой договор об объединении кредиторов (синдикате) квалифицируется в качестве многостороннего договора, отличного от договора простого товарищества ... Обычный синдикат не является товариществом (partnership) в английском праве, поскольку участники синдиката не имеют совместной прибыли. Кроме того, в товариществе между участниками возникают фидуциарные обязанности, например, полное раскрытие информации и избежание конфликта интересов, взаимные обязательства по возмещению убытков, специальные налоговый режим и режим банкротства. Все это отсутствует при синдицированном кредитовании. Банк не принимает обязательств перед другими банками или перед заемщиком, что все прочие участники синдиката исполняют свои обязательства по выдаче кредита заемщику. Банки не являются солидарными должниками и правила о солидарном обязательстве к ним не применяются. Банки не являются также солидарными кредиторами».

Р. С. Бевзенко, комментируя нормы ст. 356 ГК РФ, делает такое замечание: он пишет, что у института управления залогом и института торговой компании в форме товарищества идентичные экономические предпосылки, обусловленные необходимостью объединения усилий с целью реализации самостоятельных имущественных интересов нескольких лиц, в том числе в аспекте экономии расходов [4].

Изучая «залоговые» новации, В. А. Белов замечает, что, во-первых, управление залогом не имеет непосредственного отношения к залоговым обязательствам (с этим выводом мы полностью солидарны), а, во-вторых, общность интересов кредиторов-созалогодержателей, образовавших множественность лиц на стороне кредитора, настолько сильна, что законодатель придает им статус простого товарищества [5]. Думается, что множественность лиц, образовавшуюся на стороне кредитора, в рамках ДУЗ можно квалифицировать в качестве «квазитоварищества», но такая квалификация не имеет непосредственного отношения к ДУЗ.

Вопрос о субсидиарном применении к ДУЗ правил о договоре простого товарищества носит дискуссионный характер. На основе научных позиций, высказанных в юридической литературе, могут быть выделены, главным образом, две научные концепции, сформированные по принципу признания применимости/неприменимости норм о договоре простого товарищества к ДУЗ. Во-первых, это концепция неприменимости правил о договоре простого товарищества к ДУЗ. Поскольку первоначальной сферой применения ДУЗ стало синдицированное кредитование, постольку изучение вопроса о применимости правил о договоре простого товарищества к соответствующим отношениям следует начать именно с этой предметной сферы. Так, Д. И. Гравин, определяя правовую природу соглашения о реализации обеспечения в рамках синдицированного кредитования, подписываемого членами синдиката, отмечает следующее: «несмотря на то что некоторые элементы простого товарищества действительно присутствуют в отношениях синдицированных кредиторов, тем не менее было бы преувеличением утверждать, что это простое товарищество из-за различий в правовой природе отношений между членами простого товарищества и членами банковского синдиката» [6]. По мнению ученого, отличие договора простого товарищества от синдицированного кредитования заключается в том, что предоставленные в кредит

денежные средства не образуют «соединенных вкладов», не остаются у участников синдиката, не формируют их общее имущество. В аналогичном смысловом ключе рассуждает и А. А. Горева, которая пишет о том, что российский законодатель распространяет нормы о простом товариществе на отношения из синдицированного кредитования вопреки тому, что в этих отношениях даже не подразумевается образование общего имущества [7]. Яркой чертой «классического» простого товарищества является утрата вещной связи товарища с объектом его вклада. Как пишет на этот счет Н. Г. Вавин, внесенный в общее дело вклад становится принадлежностью соответствующего гражданско-правового сообщества, а не личным имуществом товарища. Этот вывод, в частности, означает запрет на распорядительные сделки в отношении такого имущества, поскольку признание обратного оказывало бы негативное влияние на интересы прочих товарищей и товарищества в целом. Кроме того, из сказанного следует также вывод о том, что личные кредиторы такого товарища, произведя отчуждение своего имущества в пользу товарищества, утрачивают право обращать взыскание непосредственно на этот объект, т.к. он выбывает из личной имущественной массы товарища [8]. Однако сказанное вовсе не актуально для обязательственно-правовой связи, возникающей на основании ДУЗ. Так, кредиторы-созалогодержатели не вносят вклады в общее дело: на этапе отношений, когда кредиторы-созалогодержатели формируют множественность на стороне кредитора и вступают в договорные отношения с управляющим залогом, они обладают обязательственными правами, вытекающими из залоговых правоотношений, а не вкладом, для которого характерна вещно-правовая связь собственника и объекта.

При этом в научной литературе встречается и прямо противоположная точка зрения, согласно которой анализируемый договор является соглашением о совместной деятельности [9].

Е. А. Суханов справедливо акцентирует внимание не только на многосторонней природе отношений, вытекающих из договора простого товарищества, но и на отсутствие в этих отношениях активной и пассивной сторон, противостоящих друг другу. Так, в договоре простого товарищества, напротив, все участники договорного правоотношения могут быть причислены к «активной» стороне, поскольку они все ведут общие дела (ст. 1044 ГК РФ) [10]. Аналогичное не свойственно договору управления залогом, стороны которого характеризуются классической дифференциацией на «активного» участника (управляющего залогом) и «пассивного» участника(ов) (кредиторов-созалогодержателей).

Л. Ю. Василевская, критикуя такой законодательный подход, пишет следующее: «Как можно применять правила о договоре простого товарищества, правовой режим которого несовместим с ситуацией, когда один из кредиторов становится управляющим залогом?» [11]. То есть в интерпретации указанного автора правила о договоре простого товарищества не применимы к модели ДУЗ, управляющим по которому является кредитор-залогодержатель.

А. Л. Маковский, будучи приверженцем недопустимости применения норм о договоре простого товарищества к ДУЗ, приводит иные аргументы, чем указанные выше ученые-юристы. Так, он пишет, что предполагаемая им невозможность применения правил о договоре простого товарищества к ДУЗ обусловлена такой характерной чертой взаимоотношений товарищей, как корреляция их прав и обязанностей величине вклада, что не свойственно

отношениям, основанием возникновения которых выступает ДУЗ [12].

Во-вторых, концепция применимости правил о договоре простого товарищества к ДУЗ. Появление в ст. 356 ГК РФ отсылки к правилам о договоре простого товарищества может быть аргументировано следующим образом. Представители еще советской школы частного права, характеризуя договор о совместной деятельности, справедливо подчеркивали, что для него характерна особая структура внутренних отношений, при которой каждый участник такого соглашения является должником и одновременно кредитором по отношению ко всем остальным его участникам. В современной юридической литературе такой же взгляд на отношения, возникающие между участниками договора простого товарищества, находит отражение в работах Е. А. Суханова [13]. Подобная характеристика лишь отчасти применима к модели ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель.

Признавая применимость правил о договоре простого товарищества к ДУЗ, О. А. Рузакова обращает внимание на то, что такая применимость касается только договора между кредиторами [14]. С учетом того, что кредиторы вступают в договорные отношения между собой только в одном случае – в случае заключения ДУЗ, управляющим по которому выступает кредитор-созалогодержатель, можно предположить, что О. А. Рузакова исходит из дифференциации ДУЗ на договорные модели и считает допустимым применять нормы о простом товариществе только к одной из этих двух моделей.

Будучи сторонником применимости к ДУЗ норм о договоре простого товарищества, Р. С. Бевзенко дает применимым нормам развернутую характеристику. Так, он не акцентирует внимание на предлагаемой нами концепции двух моделей ДУЗ и рассуждает о двух «типах отношений, возникающих в результате заключения и исполнения ДУЗ». По этому поводу Р. С. Бевзенко обращает внимание, что в случае заключения ДУЗ возникает сфера отношений залогодержателей между собой. Эта сфера подчиняется правовому регулированию правилами о договоре простого товарищества. При этом в числе конкретных норм права, подлежащих применению, Р. С. Бевзенко называет информационные права (ст. 1045 ГК РФ), право на распределение прибыли (ст. 1048 ГК РФ), обязанность по несению бремени расходов (ст. 1046 ГК РФ), право на отказ от бессрочного договора (ст. 1051) и право на расторжение договора по требованию стороны (ст. 1052 ГК РФ) [4]. В исследовании указанного автора представляются особенно интересными рассуждения о диспозитивной или императивной природе правила п. 6 ст. 356 ГК РФ. По этому поводу он приходит к следующему выводу: если правило о простом товариществе в целом не противоречит существу отношений, основанием возникновения которых выступил ДУЗ, то такое правило подлежит применению к отношениям из ДУЗ с учетом того, является ли оно само по себе императивным или диспозитивным.

Стало быть, если правило о договоре простого товарищества противоречит существу ДУЗ, то оно априори не может быть применено к отношениям, вытекающим из данной сделки. Если же правило о договоре простого товарищества не противоречит существу ДУЗ и касается при этом прав и обязанностей залогодержателей по отношению друг к другу, то оно подлежит применению к отношениям, вытекающим из ДУЗ. При этом такое правило должно быть оценено с позиции императивности/диспозитивности: если правило императивно, то стороны соответствующей сделки, основанием

возникновения которой является ДУЗ, не вправе от нее отступить, а если диспозитивно – то, напротив, управомочены предусмотреть в договоре «иное».

Пристатейный библиографический список

1. Певзнер А. А. Новеллы гражданско-правового регулирования множественности залогодержателей // Право и управление. XXI век. - 2016. - № 2 (39). - С. 118.
2. Концепция частного и публичного права: Коллективная монография / Под ред. В. И. Иванова, Ю. С. Харитоновой. - М.: Юнити-Дана, 2013. - 175 с
3. Щербачева Л. В. Управление правом залога // Государственная служба и кадры. - 2015. - № 1. - С. 59.
4. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. 1120 с. (автор комментария к ст. 356 ГК РФ – Р. С. Бевзенко).
5. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе?: практич. пособие. - М.: Юрайт, 2014. - 183 с.
6. Гравин Д. И. Синдицированное кредитование в российском и английском праве // Журнал российского права. - 2013. - № 12. - С. 105.
7. Горева А. А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. - 2020. - 3 6. - С. 30-66.
8. Вавин Н. Г. Вопросы цивилистики: Правовая ситуация гражданских товариществ // Право и Жизнь. - М., 1926. - Кн. 1. - С. 33.
9. Качалова А. В. Правовые особенности заключения договоров о предоставлении синдицированных кредитов // Законодательство. - 2006. - № 2. - С. 57-64.
10. Гражданское право: Учеб: В 2 т. / Отв. ред. Е. А. Суханов. - М., 2000. - Т. II. - С. 313.
11. Василевская Л. Ю. Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. - 2016. - № 3. - С. 41.
12. Маковский А. Л. Собственный опыт – дорогая школа // Актуальные проблемы частного права: Сб. ст. к юбилею П. В. Крашенинникова (Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.) / Под ред. В. В. Витрянского, С. Ю. Головиной, Б. М. Гонгалло и др. - М., 2014. - С. 127.
13. Советское гражданское право. Т. 2 / Под ред. В. А. Рясенцева. - М., 1965. - С. 314 (автор главы – А. И. Масляев).
14. Гражданский кодекс Российской Федерации: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / Под ред. П. В. Крашенинникова. - М., 2014. - С. 124 (автор комментария к ст. 356 – О. А. Рузакова).

ГРОМЧЕВСКАЯ Карина Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛИ Максим Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИЧУРОВА Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАХТИНА Виктория Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НАГАИ Кира Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДИСТРИБЬЮТОРСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОММЕРЦИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье представлен глубокий анализ дистрибьюторских соглашений, с акцентом на их стратегическое значение в контексте глобальной коммерции. Исследуется их развитие, юридические аспекты и влияние на международную торговлю. Основное внимание уделяется характеристикам дистрибьюторских соглашений, включая эксклюзивность, права и обязанности участников, а также воздействие глобализации и технологических инноваций на их функционирование. Авторы анализируют изменения в законодательной среде, влияющие на дистрибьюторские сети, и обсуждают текущие экономические тенденции, оказывающие влияние на дистрибуцию товаров и услуг. Цель статьи – выявить ключевые элементы, определяющие успех и направления развития дистрибьюторских соглашений в разнообразных секторах экономики.

Ключевые слова: стратегическое значение дистрибьюторских соглашений, глобальная коммерция, юридические и экономические аспекты, технологические инновации, международное законодательство, эксклюзивные права, глобализация, судебная практика, экономические изменения.

GROMCHEVSKAYA Karina Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LEE Maxim Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MICHUROVA Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BAKHTINA Victoria Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NAGAI Kira Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

EVOLUTION AND STRATEGIC IMPORTANCE OF DISTRIBUTION AGREEMENTS IN GLOBAL COMMERCE: LEGAL AND ECONOMIC ANALYSIS

This article provides an in-depth analysis of distribution agreements, with an emphasis on their strategic importance in the context of global commerce. Their development, legal aspects and impact on international trade are investigated. The focus is on the characteristics of distribution agreements, including exclusivity, the rights and obligations of participants, as well as the impact of globalization and technological innovations on their functioning. The authors analyze changes in the legislative environment affecting distribution networks and discuss current economic trends affecting the distribution of goods and services. The purpose of the article is to identify the key elements that determine the success and development directions of distribution agreements in various sectors of the economy.

Keywords: strategic importance of distribution agreements, global commerce, legal and economic aspects, technological innovations, international legislation, exclusive rights, globalization, judicial practice, economic changes.

Дистрибьюторские соглашения, являясь ключевым элементом в современной коммерческой практике, играют важную роль в распределении товаров и услуг на глобальных рынках. С ростом глобализации и развитием цифровой экономики, они претерпевают значительные изменения, адаптируясь к новым условиям мировой торговли. Эта статья представляет всесторонний обзор этих соглашений, освещая их юридические аспекты, влияние экономических и технологических тенденций, а также ключевые моменты судебной практики.

Акцент делается на характеристиках дистрибьюторских соглашений, таких как эксклюзивность услуг и обязанности

дистрибьютора. Особое внимание уделяется неопределенности их юридического статуса в разных странах, что представляет потенциал для возникновения правовых проблем. Анализируя дистрибьюторские соглашения в различных контекстах, статья представляет ценный вклад в понимании их роли в современной экономике, выявляя ключевые элементы, определяющие их эффективность и перспективы развития в разнообразных секторах.

Исследование показывает, как изменения в законодательной среде и экономические тенденции влияют на формирование и функционирование дистрибьюторских сетей. Это подчеркивает важность понимания как юридических, так и

экономических аспектов в контексте дистрибьюторских соглашений для обеспечения их успешной реализации на международном уровне.

Дистрибьюторский договор, который является распространенным видом гражданско-правового соглашения в современной практике, играет ключевую роль в коммерческих взаимоотношениях. Это соглашение предусматривает сотрудничество, где дистрибьютор занимается продвижением и продажей товаров поставщика на определенной территории. Возникновение такой модели соглашения в конце 1990-х годов в России было обусловлено необходимостью адаптации к новым рыночным условиям после длительного периода командной экономики, когда стране не хватало подходящих инструментов для регулирования рыночных отношений.

Этот тип договора отличается от других гражданско-правовых соглашений рядом характерных условий. Например, в дистрибьюторском договоре часто присутствует условие об эксклюзивности, которое может заключаться в эксклюзивности предоставляемых услуг, запрете на аналогичные соглашения с другими дистрибьюторами по той же продукции, а также в эксклюзивности прав на товары, приобретаемые у поставщика.

С точки зрения бизнеса, дистрибуция выгодна как для дистрибьютора, так и для поставщика. Дистрибьютор получает товар, готовый к продаже, с необходимыми юридическими документами (товарный знак, сертификаты качества и т.д.) и эксклюзивную территорию для продажи. В свою очередь, поставщик благодаря дистрибьюторам расширяет географию своих продаж.

С юридической точки зрения, дистрибьюторское соглашение схоже с некоторыми неуказанными в Гражданском кодексе РФ типами договоров, такими как франчайзинг, купля-продажа и поставка. Основа дистрибуции – это купля-продажа с последующей перепродажей товара. Раньше такие отношения назывались спекуляцией, но с официальным признанием предпринимательской деятельности возникла необходимость в новых методах оформления коммерческих отношений, среди которых и появилась дистрибуция.

В контексте эксклюзивности услуг, оказываемых дистрибьютором, значимым является постановление Президиума ВАС РФ от 18 мая 1999 г. № 7073/98, которое определило поиск покупателей как часть услуги дистрибьютора в процессе реализации товара. Сегодня эта функция рассматривается не столько как отдельная услуга, сколько как фундаментальная обязанность дистрибьютора, который самостоятельно выбирает формы и методы своей работы. К услугам дистрибьютора могут относиться также решение юридических, логистических и финансовых вопросов, что расширяет его роль в коммерческой цепочке.

Согласно ст. 223 ГК РФ, момент возникновения права собственности на движимое имущество, которое часто является объектом дистрибьюторского соглашения, наступает в момент его передачи. Это подразумевает, что дистрибьютор становится собственником товара с момента его физической передачи, что дает ему полномочия распоряжаться продукцией по своему усмотрению, при этом ограничивается лишь условиями дистрибьюторского соглашения.

Дистрибьюторское соглашение характеризуется как предпринимательская сделка с целью систематического получения прибыли. Дистрибьютор обязан не только оплатить стоимость приобретенного товара, но и реализовать его на выделенной территории. В договоре может быть условие о возврате средств за нереализованный товар, однако основная цель поставщика – расширение своего влияния на рынке, что требует активной продажи товара дистрибьютором. Часто договор предусматривает выполнение дистрибьютором определенного объема продаж, при несоблюдении которого предусмотрены санкции [4].

В отличие от разовых сделок, дистрибьюторское соглашение носит устойчивый, долгосрочный характер, аналогичный договору поставки. Дистрибьютор постоянно приобретает товар у поставщика для его дальнейшего распространения. Это подчеркивает его роль как ключевого звена в поставочной цепи, обеспечивающего непрерывное движение товаров от производителя к конечному потребителю.

Во-первых, необходимо учитывать глобализацию и увеличение международной торговли, что значительно расширило возможности для дистрибьюторов. Статистика показывает, что международная торговля продолжает расти, причём

значительный вклад в это вносят именно дистрибьюторские сети, способные обеспечить доступ к новым рынкам и потребителям.

Вторым значительным аспектом является роль дистрибьюторских соглашений в цифровой экономике. С развитием интернета и электронной коммерции появились новые формы дистрибуции, такие как цифровые платформы и онлайн-маркетплейсы. Эти платформы предоставляют дистрибьюторам возможности для более широкого охвата аудитории и сокращения расходов на логистику и хранение товаров [3].

Третьим важным элементом анализа является рассмотрение законодательной среды. Несмотря на отсутствие прямого упоминания дистрибьюторских соглашений в некоторых национальных законодательствах, таких как Гражданский кодекс РФ, существует тенденция к уточнению и дополнению нормативной базы. Например, в Европейском Союзе и Соединенных Штатах дистрибьюторские соглашения регулируются более четко, что обеспечивает правовую определенность и защиту интересов обеих сторон.

Наконец, важно учитывать экономические тренды и изменения в потребительском спросе, которые влияют на дистрибьюторские сети. Наблюдается рост спроса на индивидуализированные и экологически чистые продукты, что требует от дистрибьюторов адаптации их стратегий и методов работы. Помимо этого, возрастает важность устойчивой логистики и цепочек поставок, что также влияет на выбор дистрибьюторских партнеров и стратегий работы.

Отличие дистрибьюторского договора от традиционного договора розничной купли-продажи заключается в его ориентации на оптовые закупки товаров дистрибьютором. В этом контексте дистрибьютор имеет гибкость в выборе способов реализации товара, будь то розничная продажа или оптовые сделки. В зависимости от специфики продукции поставщик может вводить определенные ограничения на ценообразование или стратегии маркетинга [2].

Обычно сторонами в дистрибьюторском соглашении выступают индивидуальные предприниматели. В дополнение к этому договор может предусматривать обязанность дистрибьютора зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель или создать юридическое лицо для уплаты налогов. Такие деловые отношения обычно классифицируются как B2B (business-to-business) [1].

Поскольку дистрибьюторский договор не упоминается в Гражданском кодексе РФ, суды при разбирательстве споров руководствуются аналогией закона, применяя соответствующие нормы из разделов о купле-продаже и поставке. Важным аспектом является определение предмета договора, чтобы участники и третьи лица, включая суд, могли точно понять сущность правоотношений.

Анализ судебной практики показывает, что компании успешно применяют дистрибьюторские соглашения для развития своего бизнеса, как это видно из решений некоторых региональных судов. Тем не менее, многие компании продолжают использовать традиционные договоры поставки, даже когда условия дистрибьюторского соглашения явно выражены. Эта практика подчеркивает необходимость законодательного урегулирования дистрибьюторского соглашения в связи с его самостоятельным характером и широким применением в современной коммерческой среде.

Пристатейный библиографический список

1. Борисова А. Б. Дистрибьюторский договор // Журнал российского права. - 2005. - № 3 (99). - С. 56-64.
2. Казберова О. М. Анализ системы дистрибуции и ее роль в реализации корпоративной стратегии // Экономический анализ: теория и практика. - 2012. - № 14. - С. 44-50.
3. Андреева С. А. Квалификация дистрибьюторского договора по российскому праву и ограничение от смежных договорных конструкций // Конкурентное право. - 2013. - № 3. - С. 10-15.
4. Ошибки договора с эксклюзивными правами дистрибьютора в 2023 году // Уголовный юрист. - 04.01.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dmitriisazonov.ru.
5. International Distributor Agreements: Explained // Becker International Law. - 10.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: beckerinternationallaw.com.

ДОВГУШЕВА Анна Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЦЕЛИЩЕВА Татьяна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАГЗЯНОВ Владислав Петрович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЮРКЕВИЧ Эвелина Александровна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БОТВИНКО Диана Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

УПРАВЛЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В данной статье проводится всесторонний анализ российского законодательства и судебной практики в контексте управления конфиденциальностью и защиты персональных данных. Акцент делается на рассмотрении важных судебных дел, касающихся незаконного использования личной информации, с учетом деятельности СМИ и их взаимоотношений с государственными структурами. Исследуются влияние и роль Верховного Суда РФ в формировании юридических стандартов, а также анализируются последствия новых законодательных инициатив для компаний, занимающихся обработкой данных. Статья направлена на выявление современных проблем и направлений развития в этой сфере, выделяя значимость нахождения равновесия между правами личности и интересами государственных и частных организаций.

Ключевые слова: управление конфиденциальностью, защита личных данных, российское законодательство, судебные решения, цифровая безопасность, Верховный Суд РФ, взаимодействие со СМИ, Роскомнадзор, обработка данных, права личности.

DOVGUSHEVA Anna Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TSELISHCHEVA Tatyana Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAGZYANOV Vladislav Petrovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YURKEVICH Evelina Alexandrovna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BOTVINKO Diana Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PRIVACY MANAGEMENT IN THE DIGITAL AGE

This article provides a comprehensive analysis of Russian legislation and judicial practice in the context of privacy management and personal data protection. The emphasis is on the consideration of important court cases concerning the illegal use of personal information, taking into account the activities of the media and their relationship with government agencies. The influence and role of the Supreme Court of the Russian Federation in the formation of legal standards are investigated, as well as the consequences of new legislative initiatives for data processing companies are analyzed. The article aims to identify current problems and directions of development in this area, highlighting the importance of finding a balance between individual rights and the interests of public and private organizations.

Keywords: privacy management, personal data protection, Russian legislation, court decisions, digital security, the Supreme Court of the Russian Federation, interaction with the media, Roskomnadzor, data processing, personal rights.

В современном мире, где цифровые технологии играют ключевую роль в повседневной жизни, вопрос защиты персональных данных становится особенно актуальным. В России, как и во многих других странах, этот вопрос находится под строгим надзором со стороны государственных органов, особенно в свете последних законодательных инициатив и судебных решений. Основываясь на анализе современной судебной практики и изменений в законодательстве, можно увидеть, как страна адаптируется к быстро меняющимся условиям цифровой эры.

Одним из заметных аспектов в этом контексте является роль СМИ и их взаимодействие с государственными структурами. СМИ часто становятся источником распространения персональной информации, что вызывает необходимость более строгого регулирования их деятельности в этой сфере. Ключевым моментом здесь является нахождение баланса между свободой прессы и правом граждан на конфиденциальность.

В условиях глобальной цифровизации и информационной открытости, тема защиты персональных данных

приобретает особую актуальность и привлекает внимание общественности. В России, как и в других странах, действует строгий нормативно-правовой режим, контролирующий сбор, обработку и распространение личной информации. Эта статья предлагает детальный обзор ключевых изменений в законодательной и судебной практике, связанных с защитой персональных данных. Особое внимание уделяется деятельности СМИ, их взаимодействию с государственными органами, а также последствиям нарушений закона, включая административные и гражданско-правовые меры наказания. Статья нацелена на освещение текущих тенденций и проблем, с которыми сталкивается Россия в сфере защиты конфиденциальности граждан [1].

Верховный Суд РФ играет важную роль в установлении юридических норм и прецедентов в области защиты персональных данных. Его решения часто служат ориентиром для оценки законности действий, связанных с обработкой и распространением личной информации. Эти решения не только формируют правовую базу для будущих дел, но и влияют

на политику компаний, работающих с данными, обеспечивая соблюдение установленных норм.

Законодательные изменения, внедренные в последние годы, также имеют значительное влияние на сферу обработки данных. Они затрагивают различные аспекты, начиная от ужесточения ответственности за незаконное использование личной информации, заканчивая внедрением новых требований к хранению и обработке данных. Эти изменения ставят перед предприятиями новые вызовы, требуя от них адаптации к более строгим нормам и стандартам.

Персональные данные строго относятся к информации о живых физических лицах, в то время как конфиденциальная информация охватывает более широкий спектр, включая данные о юридических лицах. Это различие выделяется в судебной практике, где, например, информация о квалификациях и опыте работы служебных лиц не считается конфиденциальной, если она соответствует требованиям для занимаемой должности.

В 2011 году был введен новый Федеральный закон «О персональных данных», который значительно изменил подход к обработке данных. Однако, несмотря на отсутствие подзаконных актов для реализации нововведений, уже произошли знаменательные судебные дела, связанные с нарушениями защиты персональных данных. Примеры включают дела о раскрытии данных интернет-магазинов и прослушивании политиков [2].

Судебная практика в России демонстрирует разнообразие подходов и выявляет проблемы в понимании и применении закона. Интересно, что важные дела рассматриваются в Конституционном и Верховном судах, в то время как районные суды остаются форумом для более специфических споров. Знание о том, как закон применяется в судах, помогает организациям и гражданам избежать нарушений.

Особое внимание стоит уделить делу в Конституционном суде РФ о конституционности ограничений на передачу персональных данных третьим лицам. Заявитель, обратившийся за информацией о коллегах, был отклонен оператором на основе закона. Суд поддержал это решение, подчеркнув безусловное право гражданина на защиту информации о его личной жизни.

Анализ судебной практики в России по вопросам персональных данных и работы СМИ показывает, что проблематика защиты персональной информации набирает обороты. Судебные дела, подобные случаю с краснодарской газетой, подчеркивают строгость законодательства в отношении распространения личных данных. Верховный Суд РФ, поддерживая решение о закрытии СМИ, демонстрирует тенденцию к усилению контроля над соблюдением правил обработки персональных данных [6].

Интересный момент касается гражданско-правовой ответственности за нарушение закона о персональных данных. Компенсация морального вреда становится все более распространенной практикой, что повышает финансовые риски для нарушителей. Это может иметь значительные последствия для медийных организаций, которые несут ответственность за опубликованную информацию.

Сложности взаимодействия между операторами персональных данных и государственными органами, включая ФАС РФ, указывают на необходимость более четкого определения границ и условий распространения информации. Существующее законодательство требует от операторов осторожности в передаче данных, даже по официальным запросам, что может привести к конфликтам и неэффективности в работе государственных структур [5].

Для предприятий, осуществляющих деятельность в сети интернет, важным аспектом является необходимость уведомления Роскомнадзора о начале обработки персональных данных. Это требование предъявляется как к обработке данных соискателей, так и клиентов, что усиливает нагрузку на системы внутреннего контроля и обработки информации предприятий.

Судебные споры, связанные с незаконным распространением персональных данных, часто возникают в контексте деятельности СМИ. Примером таких споров является ситуация с одной из краснодарских газет, систематически публиковавшей личные данные несовершеннолетнего ребенка. Несмотря на предупреждения Роскомнадзора, газета продолжала нарушать законодательство о СМИ и защите персональных данных. В итоге областной суд постановил прекратить дея-

тельность издания, решение которого было признано законным Верховным Судом РФ.

В последние годы значительно возросла роль защиты персональных данных в правовом поле России. Это обусловлено не только внутренними изменениями в законодательстве, но и глобальными тенденциями, в частности влиянием Общего регламента по защите данных (GDPR) Европейского Союза. Пересмотр отношения к персональным данным привел к усилению регуляторных мер и повышению ответственности за их нарушение.

Одной из ключевых тенденций стало ужесточение контроля над СМИ в отношении распространения личной информации. Это подтверждается рядом судебных решений, включая случаи закрытия СМИ за нарушение норм о конфиденциальности.

Повышается внимание к международной интеграции в области защиты данных. Российские нормы и практики все более согласуются с глобальными стандартами, что влечет за собой необходимость адаптации местного бизнеса и государственных органов к новым условиям [8].

Нарушение закона о персональных данных влечет не только административные, но и гражданско-правовые последствия, в частности обязательство по компенсации морального вреда пострадавшим.

Важным вопросом является также обработка персональных данных по запросам государственных органов. Законодательство в этой области носит ограничительный характер, что порой приводит к конфликтам между операторами данных и органами государственной власти, включая Федеральную антимонопольную службу (ФАС РФ) [9].

Ключевым для предприятий, работающих с персональными данными через интернет, становится вопрос о своевременном уведомлении Роскомнадзора об их обработке. Это включает в себя обработку данных соискателей и клиентов, а также применение специализированного программного обеспечения для этих целей.

Само определение персональных данных играет ключевую роль, так как от его трактовки зависит применение положений Закона. Любая информация, прямо или косвенно связанная с конкретным физическим лицом, признается персональными данными согласно действующему законодательству.

Приставейный библиографический список

1. Яковец Е. Н. Своеобразие состава защищаемой конфиденциальной информации // Право и кибербезопасность. - 2021. - № 2. - С. 51-58.
2. Федеральный закон «О персональных данных»: Научно-практический комментарий. - под ред. А. А. Приезжевой. - № 11. Российская газета. - 2015.
3. Федеральный Закон от 27.07.2006 № 152 «О персональных данных».
4. Станскова У. М. Шафикова Г. Х. Соотношение конституционного права работника на частную жизнь и права работодателя на получение информации о работнике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2016. - № 13.
5. Петров А. Я. О персональных данных работника: современное состояние правового регулирования // Трудовое право. - 2018. - № 4. - С.1-3.
6. Лушников А. М. Персональные данные как вид информации в трудовом праве: проблемы теории и практики // Закон. - 2011. - № 10. - С. 46
7. Кривоногов М. С. Правовой режим биометрических персональных данных // Проблемы современной науки и образования. - 2015. - № 10. - С. 5.
8. Черняева Д. В. Правовое регулирование персональных данных работника: опыт Европы и США // Вопросы трудового права. - 2007. - № 3. - С. 33-35.
9. Мираев А. Г. Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе. CyberLeninka.

ЕЛОВСКАЯ Лика Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАРЕВ Игорь Андреевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОСЬКИНА Марина Николаевна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОИСЕЕНКО Дарья Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАРАНОВА Алина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОЦЕНКА И РЕАЛИЗАЦИЯ

В данной работе рассматривается применение и теоретические аспекты регулятивных инструментов в российском правовом контексте. Исследование включает в себя анализ понятий «мотивация» и «стимулирование» и их роли в различных областях, таких как демография, информационные технологии, образование и социальная сфера. Акцент делается на изучение эффектов программы поддержки семей и налоговых преференций для IT-компаний, иллюстрируя влияние регулятивных инструментов на социально-экономические процессы в стране. В работе анализируются как положительные, так и отрицательные стороны этих механизмов, включая потенциальные риски и необходимость обеспечения финансового баланса.

Ключевые слова: регулятивные инструменты, стимулирование, демографические инициативы, поддержка семьи, IT-сектор, налоговые преференции, социальное благополучие, политика в области образования.

YELOVSKAYA Lika Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAREV Igor Andreevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOSKINA Marina Nikolaevna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOISEENKO Daria Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BARANOVA Alina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REGULATORY INSTRUMENTS IN MODERN RUSSIAN LEGISLATION: ASSESSMENT AND IMPLEMENTATION

This paper examines the application and theoretical aspects of regulatory instruments in the Russian legal context. The study includes an analysis of the concepts of "motivation" and "stimulation" and their role in various fields such as demography, information technology, education and the social sphere. The focus is on studying the effects of the family support program and tax preferences for IT companies, illustrating the impact of regulatory instruments on socio-economic processes in the country. The paper analyzes both the positive and negative sides of these mechanisms, including potential risks and the need to ensure a financial balance.

Keywords: regulatory instruments, incentives, demographic initiatives, family support, IT sector, tax preferences, social well-being, education policy.

В контексте российской правовой практики регулятивные инструменты выступают важными средствами воздействия на социальные и экономические процессы в стране. Они играют ключевую роль в формировании демографической политики, поддержке IT-отрасли, развитии образовательной системы и социального обеспечения. Данное исследование посвящено анализу теоретических основ и практической эффективности регулятивных инструментов, их влиянию на общество и экономику. Особое внимание уделяется программам поддержки семей и налоговым преференциям для IT-компаний, что позволяет оценить широкий спектр возможностей и вызовов, связанных с применением регулятивных механизмов в России.

В сфере демографической политики регулятивные инструменты, такие как программа «материнского капитала», оказали значительное влияние на повышение рождаемости и поддержку семей. Эта мера предусматривает финансовую помощь семьям при рождении второго ребенка и направлена на улучшение жилищных условий и образования детей. В IT-секторе налоговые льготы для IT-компаний стимулируют развитие высокотехнологичных отраслей и привлекают инвестиции, что способствует созданию новых рабочих мест и повышению конкурентоспо-

собности российской экономики на международном уровне. В образовательной политике регулятивные механизмы, направленные на повышение доступности и качества образования, включают государственное финансирование образовательных программ и стипендий, что способствует снижению социального неравенства и развитию профессиональных кадров. В социальной сфере внедрение таких мер, как повышение пенсий и социальных выплат, направлено на поддержку уязвимых слоев населения, включая пожилых людей и малообеспеченные семьи, что улучшает их качество жизни и обеспечивает социальную стабильность. Эти меры демонстрируют комплексный подход к развитию общества и экономики, однако требуют баланса между стимулированием развития и необходимостью поддержания устойчивости государственного бюджета [1].

В современном исследовании правового воздействия акцентируется его роль как многоаспектного влияния права на разнообразные сферы общественной жизни. Это явление обусловлено многочисленными историческими, социальными и методологическими факторами. Правовое регулирование, как особая форма правового воздействия, использует уникальный набор юридических инструментов для достижения своих целей.

Исследователи часто рассматривают правовое воздействие как обширное понятие, включающее в себя как регулятивные, так и нерегулятивные аспекты. Регулятивное воздействие, или правовое регулирование, направлено на установление и поддержание порядка через нормативные и индивидуальные юридические механизмы. В отличие от этого, нерегулятивное воздействие осуществляется через механизмы правосознания и оказывает скорее вероятностное, нежели прямое, влияние на поведение субъектов.

Эта более широкая перспектива позволяет расширить понятие нерегулятивного воздействия, включив в него элементы социально-психологического и информационного влияния. Правовое регулирование, будучи ключевой формой правового воздействия, отражает сущность и первичный характер права, в отличие от других, более косвенных форм, таких как информационное или воспитательное влияние [3].

С. Н. Ревина подчеркивает важность разграничения между понятиями правового регулирования и правового воздействия, указывая на их неидентичность. Правовое регулирование осуществляется через юридические инструменты, направленные на формирование и поддержание определенных моделей поведения и социальных отношений. В то же время правовое воздействие может охватывать и более широкий спектр социальных феноменов, которые не всегда поддаются прямому юридическому регулированию [2].

Ключевым моментом в процессе правового регулирования является его временная ограниченность и начало с момента вступления в силу правовых норм. Это отличает его от более общего процесса правового воздействия, который может начинаться ещё на этапе правотворчества и обсуждения проектов нормативных актов.

Интересно также рассмотреть влияние права на социальные отношения, выходящие за пределы прямого юридического регулирования, как, например, в демографических процессах. Это подчеркивает многоуровневость и сложность правового воздействия, которое распространяется не только на юридически значимые отношения, но и на их последствия и результаты, даже если они находятся за пределами правового поля.

Эффективность правового регулирования может быть оценена через анализ правоотношений, возникающих в результате применения установленных норм. Это позволяет установить, насколько успешно правовые нормы достигают целей законодателя и влияют на общественные отношения. В контексте изучения правового воздействия, особое внимание стоит уделить исследованию различных «стимулов» и «поощрений», представленных в теоретических трудах, для глубокого понимания их роли и влияния в юридической практике.

Анализируя понятие правовых стимулов в российской правовой системе, можно отметить их ключевую роль в регулировании социальных и экономических процессов. Правовые стимулы, будучи инструментами воздействия на общество, способствуют формированию благоприятного социального климата и экономического роста.

Примером эффективного использования правовых стимулов служит программа «материнского капитала», введенная в России в 2007 году. Эта мера была направлена на стимулирование роста рождаемости и решение демографических проблем. Согласно данным Росстата, после введения программы в 2007 году, рождаемость в России увеличилась с 1,3 детей на женщину в 2006 году до 1,7 в 2015 году, что свидетельствует о её эффективности.

Другой областью применения правовых стимулов является поддержка IT-индустрии. В условиях глобальной цифровизации и высокой конкуренции на мировом рынке IT-услуг, российское государство приняло решение о снижении налогового бремени для IT-компаний. Такие меры, как снижение налога на прибыль до 3% (по сравнению со стандартной ставкой 20%), освобождение от НДС для определенных видов IT-услуг, предоставили значительные преимущества отечественным компаниям. Это способствовало укреплению позиций России на мировом IT-рынке и стимулированию инновационного развития внутри страны.

Также стоит отметить важность правовых стимулов в образовании и социальной политике. Программы льготного поступления в вузы для определенных категорий граждан и жилищные программы для молодых специалистов и молодых семей не только способствуют социальной справедливости, но и решают важные социальные проблемы, такие как обеспечение равного доступа к образованию и поддержка молодежи.

Однако, несмотря на значительные успехи, внедрение правовых стимулов также сталкивается с рядом проблем. Напри-

мер, необходимость балансирования между предоставлением льгот и поддержкой бюджетной устойчивости. Кроме того, существует риск злоупотребления льготами и стимулами, что требует тщательного контроля и регулирования со стороны государства.

В российской научной среде существует неединообразное понимание терминов «стимул» и «поощрение». Некоторые исследователи рассматривают их как идентичные, с акцентом на позитивные аспекты, в то время как другие ассоциируют стимул с негативными факторами, побуждающими к действиям в рамках закона. Есть и те, кто связывает стимулы с методами «кнута и пряника», объединяя идеи поощрения и принуждения, а также моральные и материальные аспекты.

О. М. Киселева подчеркивает, что поощрение проявляется как положительное воздействие на поведение человека, способствующее формированию и поддержанию значимой социальной активности, при этом достойное поведение награждается, одновременно отвечая интересам личности, общества и государства.

Поощрение иногда определяется как официально закрепленная форма позитивной оценки государством добровольного и заслуженного поведения субъекта, что может привести к благоприятным последствиям для него. Термин «поощрение» (или «стимул») рассматривается как особая форма правового стимулирования, используемая для вознаграждения субъекта за сознательное исполнение его обязанностей или за достижение социально значимых результатов, выходящих за рамки обычных требований [5].

Правовые стимулы варьируются в зависимости от времени, объема и структуры нормы права. Они могут быть постоянными или временными, основными или дополнительными и могут включать в себя элементы гипотезы, диспозиции и санкции.

В российском законодательстве понятия «поощрения» и «стимула» не закреплены, но их значение проистекает из отдельных правовых норм и связанных с ними результатов. Стимулирующая функция права, направленная на побуждение к законопослушному поведению, включает такие характеристики, как отсутствие исключительных запретов, разнообразие форм и методов, общеправовой характер, информационно-психологическая основа и возможность выбора [4].

Примером правового стимула является введение «материнского капитала», который побуждает к рождению детей и частично решает демографические проблемы. Другой пример – льготы при поступлении в высшие учебные заведения для определенных категорий граждан или жилищное обеспечение, которое помогает решать социальные проблемы.

В условиях экономических трудностей IT-компания получили налоговые льготы, включая освобождение от НДС, снижение налоговых ставок и мораторий на проверки. Эти меры служат стимулом для законопослушного поведения и участия в жизни общества.

Правовые стимулы могут быть различными по форме и содержанию, и они играют ключевую роль в правотворческой и правоприменительной деятельности, при этом их создание является прерогативой законодательного органа.

Пристатейный библиографический список

1. Шейндлин Б. В. О характере служебной роли советского социалистического права // Вопросы советского государства и права. - Издательство Ленинградского университета, 1955. - С. 59.
2. Ревина С. Н. О правовом регулировании и правовом воздействии // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2012. - № 1 (17). - С. 48.
3. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: монография. 2-е изд., перераб. и доп. // Юристъ. - 2004. - С. 60.
4. Бахрах Д. Н. Поощрение в деятельности публичной администрации // Журнал российского права. - 2006. - № 7.
5. Hirsch A. J. Legal Incentives and Behavioral Economics // Journal of Legal Studies. - 2021. - Vol. 50. - № 1. - С. 79-102.
6. Павловский А. В., Петрова А. А. Современные тенденции развития правового регулирования в Российской Федерации // Журнал правовых исследований. - 2018. - № 4. - С. 112-118.

ИЗОТОВА Екатерина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЫРДЫЛИНА Юлия Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖУК Константин Денисович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДОЛГОВ Данил Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ФРОЛОВ Владимир Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА И ВЫЗОВЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ

В этой статье представлен детальный обзор текущего положения и будущих тенденций в области защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Исследуется развитие и сложности, возникающие в контексте правового регулирования интеллектуальной собственности в условиях постоянного технологического и социального изменения. Акцент сделан на основные проблемы, такие как разрыв между технологическим развитием и законодательной реакцией, неоднозначность в судебной практике и влияние глобальных стандартов на национальное законодательство. Особое внимание уделяется анализу судебных случаев, касающихся интеллектуальных прав, и рассматриваются текущие и будущие проблемы в сфере защиты интеллектуальной собственности в России.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, законодательная адаптация, судебная неопределенность, технологические инновации, авторские права, международное влияние, цифровое пиратство.

IZOTOVA Ekaterina Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VYRDYLINA Yuliya Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHUK Konstantin Denisovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DOLGOV Danil Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

FROLOV Vladimir Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DYNAMICS AND CHALLENGES IN INTELLECTUAL PROPERTY REGULATION IN RUSSIA

This article provides a detailed overview of the current situation and future trends in the field of intellectual property protection in the Russian Federation. The development and difficulties arising in the context of legal regulation of intellectual property in conditions of constant technological and social change are investigated. The focus is on the main problems, such as the gap between technological development and legislative reaction, ambiguity in judicial practice and the impact of global standards on national legislation. Special attention is paid to the analysis of court cases concerning intellectual property rights, and current and future problems in the field of intellectual property protection in Russia are considered.

Keywords: intellectual property, legislative adaptation, judicial uncertainty, technological innovations, copyright, international influence, digital piracy.

В современном мире, где интеллектуальная собственность становится ключевым активом в экономике знаний, важность эффективного правового регулирования этой сферы не может быть переоценена. Особенно это касается Российской Федерации, страны с богатой культурной и научной историей, которая испытывает значительные трудности в адаптации своего законодательства к быстро меняющимся реалиям цифровой эпохи. Настоящая статья направлена на анализ текущего состояния и перспектив развития законодательства в области интеллектуальных прав в России. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, идентификации ключевых проблем и вызовов, а также выявлению потенциальных направлений для улучшения существующего законодательного регулирования [1].

Основной фокус анализа судебной практики лежит в изучении разнообразия решений по вопросам интеллектуальных прав. Судебная практика в России часто характеризуется неоднозначностью, что приводит к неопределенности правового статуса интеллектуальной собственности. Примером этого служат различные интерпретации законодательства, когда одни и те же нормы применяются по-разному в разных случаях.

Существующее законодательство не всегда успевает за быстрым развитием технологий, особенно в области цифровых технологий и интернета. Это создает пробелы, которые могут быть использованы недобросовестными участниками рынка. Важно идентифицировать эти пробелы и работать над их устранением, чтобы обеспечить надежную защиту авторских и смежных прав [2].

В мире глобализации международные стандарты оказывают значительное влияние на национальное законодательство. Россия, будучи частью международного сообщества, сталкивается с необходимостью гармонизации своего законодательства с международными нормами и стандартами. Это требует тщательного анализа и возможной корректировки национальных законов в соответствии с международными обязательствами.

Быстрое развитие технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, и блокчейн, представляет новые вызовы для законодателей. Необходимо определить, как эти технологии влияют на традиционные концепции интеллектуальной собственности и как закон должен адаптироваться для обеспечения адекватной защиты в новой технологической среде.

Помимо законодательных мер, важно также развивать культуру уважения к интеллектуальной собственности среди населения и бизнес-сообщества. Это включает в себя образовательные программы, повышение осведомленности о значении и важности защиты интеллектуальных прав, а также содействие этическому поведению в бизнесе и исследованиях [3].

Концепция «интеллектуальных прав» в российском законодательстве представляет собой относительно новую и сложную область, поскольку, несмотря на активное использование этого термина, он до сих пор не имеет четкого определения в законодательных актах. Хотя некоторые разъяснения содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10, они не достаточны для создания единого и непротиворечивого подхода, который был бы приемлем как для практической, так и для теоретической работы.

В сфере научных исследований понятие «интеллектуальные права» интенсивно изучается, основываясь в первую очередь на «теории исключительных прав», которая легла в основу разработки четвертой части Гражданского кодекса РФ [4]. Этот подход, однако, не лишён споров и противоречий, что порождает дискуссии в юридическом сообществе.

При разработке четвертой части ГК РФ было принято компромиссное решение, которое включало определение интеллектуальной собственности как охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, таких как юридические лица, товары, работы, услуги и предприятия. Это позволило уйти от более спорного подхода к признанию интеллектуальной собственности как совокупности прав на охраняемые объекты.

Согласно статье 1226 ГК РФ, на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, которые включают в себя исключительные, личные неимущественные и другие права. Таким образом, понятие «интеллектуальные права» охватывает широкий спектр прав, связанных с охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации, что стало основой для последующих исследований в этой области.

Статья 1250 ГК РФ регулирует защиту интеллектуальных прав, указывая на различные способы защиты, предусмотренные в Кодексе, и подчеркивая важность учёта сущности нарушенного права и последствий его нарушения. Это предполагает использование как общих методов защиты гражданских прав (по статье 12 ГК РФ), так и специальных способов, предусмотренных в статьях 1250–1252 ГК РФ.

Важно также отметить, что защита интеллектуальных прав осуществляется в рамках охранительного правоотношения, направленного на обеспечение или восстановление нарушенного права или правового положения пострадавшей стороны.

В условиях современного общества, где творческий и интеллектуальный труд приобретает всё большее значение, формируя интеллектуальную собственность и капитал, важно обеспечить адекватную защиту этих активов. Несмотря на широкий перечень способов защиты интеллектуальных прав, предусмотренных законодательством, на практике часто преобладает судебная форма защиты, которая, по мнению специалистов, остаётся наиболее объективным способом защиты на сегодняшний день.

Одним из ключевых факторов, влияющих на защиту интеллектуальных прав в России, является разрыв между быстрыми темпами технологического прогресса и относительно медленным развитием соответствующего законодательства. Например, в сфере цифровых технологий и Интернета вещей (IoT) возникают новые формы интеллектуальной собственности, которые требуют адаптации и доработки существующих нормативных рамок. Проблема заключается в том, что многие из этих новых форм не полностью укладываются в рамки традиционных категорий авторского права или патентования.

Кроме того, в России наблюдается значительное расхождение между законодательством и практикой его применения, особенно в судебной системе. Несмотря на наличие ряда законодательных актов, регулирующих вопросы интеллектуальных прав, судебная практика по-прежнему остается неоднозначной. Это связано с различными толкованиями законов, а также с тем, что многие судьи и юристы не всегда обладают необходимыми знаниями в области новейших технологий.

Еще одним значимым аспектом является взаимодействие российского законодательства в области интеллектуальных прав с международными соглашениями и стандар-

тами. Россия является участницей ряда международных договоров, таких как Бернская конвенция по защите литературных и художественных произведений, но применение этих стандартов на национальном уровне порой сталкивается с трудностями [7].

Существует также проблема пиратства и нарушений авторских прав в цифровой среде. По данным исследований, Россия занимает одно из лидирующих мест по объему пиратского контента в Интернете. Борьба с пиратством осложняется не только правовыми, но и техническими аспектами, включая сложность идентификации нарушителей и проблемы с международным сотрудничеством в этой области.

Судебные процессы по защите интеллектуальных прав в России встречаются относительно редко, и существующие судебные прецеденты часто оказываются уникальными, но в то же время спорными и вызывающими дискуссии. Эта ситуация частично обусловлена особенностями защиты интеллектуальных прав, особенно в контексте постоянного развития новых технологий. Иногда новые технологические реалии опережают законодательное регулирование, либо же находятся на стыке нескольких областей права, таких как гражданское право и законодательство об информации, что приводит к правовым коллизиям.

В судебной практике есть случаи, когда решения принимались в пользу правообладателей. Например, Кировский районный суд города Томска рассмотрел дело о наследовании авторских прав, инициированное Арсением Лойшей, сыном и наследником известного томского писателя Виктора Лойши. Дело касалось публикации рукописи писателя издательством ООО «ИД СК-С» до того, как права на неё перешли к наследникам. Суд пришёл к выводу, что издательство нарушило несколько норм гражданского законодательства РФ, публикуя произведение без лицензионного договора и согласия наследников, и частично удовлетворил иск.

Однако такие решения в области защиты интеллектуальных прав остаются единичными и порой вызывают споры. Важно подчеркнуть, что вопросы, связанные с защитой прав на результаты интеллектуальной деятельности, ещё не нашли полного разрешения, но их активное обсуждение и исследование учёными-цивилистами в сотрудничестве с законодателями имеет значительное практическое и теоретическое значение. Это подчеркивает необходимость продолжения работы над улучшением нормативно-правовой базы в этой области, учитывая быстро меняющуюся технологическую и социальную среду.

Пристатейный библиографический список

1. Полякова Ю. А., Воробьёва О. А., Иванов А. И. Защита интеллектуальной собственности и законных интересов правообладателя // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2. – С. 160-165.
2. Чертакова Е. М. Правовые проблемы совершенствования защиты интеллектуальной собственности в РФ // Карельский научный журнал. – 2019. – № 4. – С. 24-28.
3. Копьев Алексей Владимирович. Имя как средство индивидуализации товаров (работ, услуг) в предпринимательской деятельности // Legal Concept. – 2017. – № 1. – С. 119-124.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч.4) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Эдиев Р. А. Этапы формирования политико-правовых норм по защите интеллектуальной собственности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. – С. 247-253.
7. DLA Piper. Intellectual Property Rights in Modern Warfare and Russia's Approach to IP Law in Times of Conflict. Доступ из справочно-правовой системы DLA Piper. – 2022.
8. World Intellectual Property Indicators Report. Worldwide Trademark Filing Soars in 2020 Despite Global Pandemic. Доступ из World Intellectual Property Organization (WIPO). – 2021.

ЖЕВЛАКОВА Дарья Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАЙДУК Вячеслав Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОНОПЛИЦКАЯ Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАЛАЧЕВСКАЯ Таисия Вячеславовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАВРИЛЬЧЕНКО Карина Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЙ УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ИЕРАРХИИ К ИННОВАЦИЯМ В БИЗНЕСЕ

В быстро меняющемся мире бизнеса, где адаптация и гибкость становятся неотъемлемыми для успеха, переосмысление стратегий управления оказывается важным элементом. Эта статья анализирует переход от традиционных, иерархических методов управления к более гибким и адаптивным подходам, акцентируя внимание на ключевых аспектах изменений в области коммуникации, командной работы и использования технологий.

Ключевые слова: стратегии управления, иерархические подходы, инновационные подходы, адаптивность, бизнес-стратегии, гибкость в управлении, технологическая интеграция, эффективность команды.

ZHEVLAKOVA Darya Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GAYDUK Vyacheslav Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KONOPLITSKAYA Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MALACHEVSKAYA Taisiya Vyacheslavovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GAVRILCHENKO Karina Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION OF MANAGEMENT STRATEGIES: FROM HIERARCHY TO BUSINESS INNOVATION

In the rapidly changing business world, where adaptation and flexibility become essential for success, rethinking management strategies turns out to be an important element. This article analyzes the transition from traditional, hierarchical management methods to more flexible and adaptive approaches, focusing on key aspects of changes in communication, teamwork and the use of technology.

Keywords: management strategies, hierarchical approaches, innovative approaches, adaptability, business strategies, flexibility in management, technological integration, team effectiveness.

В современном динамичном и конкурентном мире бизнеса управление компаниями испытывает значительные трансформации. Некогда доминирующие традиционные, иерархические системы управления, основанные на централизованном контроле и жестких структурах, постепенно уступают место более гибким, адаптивным и инновационным подходам. Эти изменения необходимы для того, чтобы эффективно реагировать на быстро меняющиеся рыночные условия, технологические инновации и возрастающие требования к коммуникации и командной работе.

Ключевым аспектом эволюции управления является пересмотр роли коммуникации внутри компаний. Вместо традиционного топ-даун подхода, современные организации акцентируют важность горизонтального обмена информацией, что способствует более эффективному решению проблем и инновационному развитию. Это также включает в себя укрепление командной работы и сотрудничества, ведь в условиях быстро меняющегося рынка, сплоченные и гибкие команды способны эффективнее реагировать на внешние вызовы и вносить инновации в свою деятельность.

Важной частью современных стратегий управления является интеграция технологий. От автоматизации рутин-

ных процессов до внедрения сложных аналитических систем технологии позволяют сделать процессы управления более эффективными и информативными. Это включает в себя использование больших данных для принятия решений, автоматизацию для повышения производительности и цифровые платформы для улучшения взаимодействия внутри компании.

Вместо авторитарного подхода, современные руководители все чаще выступают в ролях координаторов, наставников и инспираторов. Они стремятся не только к достижению краткосрочных целей, но и к развитию потенциала своих сотрудников, созданию инновационной культуры и построению устойчивых стратегий для долгосрочного успеха.

В современном мире управление компаниями эволюционировало от традиционных методов, основанных на иерархических структурах, к более гибким и адаптивным системам. Традиционно, управление фокусировалось на выполнении целей, установленных верхним уровнем управления, часто связанных с увеличением продаж и прибыли. Такой подход, как указывал Т. М. Степанян, опирался на четко определенные роли и обязанности, иерархию полномочий,

где каждый сотрудник знал свое место и функции в организационной структуре [4, с. 96-104].

Однако, как подчеркивают исследователи С. С. Отставнов, Н. С. Отставнов и А. В. Бреусов, традиционная пирамида управления, где верхушку занимает главный исполнительный директор, а основание составляют рядовые сотрудники, начинает трансформироваться [3, с. 56-63]. В крупных компаниях, например в банковской сфере, это видно в разделении подразделений по продуктам, проектам или местоположениям. Такие структуры, как отмечает Л. В. Рудакова, функционируют на двух ключевых принципах: функциональном и дифференцирующем, где различные группы сотрудников выполняют специализированные задачи [1, с. 33-35].

Сравнивая с современными методами управления, исследователи Р. И. Акмаева, А. П. Лунев и О. К. Минева [2, с. 223-230], выделяют важные аспекты, такие как принятие решений, коммуникации, командная работа и гибкость трудовой деятельности. В традиционных системах принятие решений централизовано и иерархически ограничено, в то время как современные системы предпочитают более распределенный и коллаборативный подход. Это позволяет сотрудникам на всех уровнях иметь больше автономии и влияния на процессы в организации.

Эти изменения отражают более широкий тренд в бизнесе, где важность адаптивности, быстрого реагирования на изменения рынка и способности к инновациям выходит на первый план. Современные компании стремятся к созданию рабочих сред, в которых сотрудники могут проявлять инициативу, экспериментировать и совершенствовать процессы, что в итоге способствует повышению общей эффективности и конкурентоспособности.

Анализируя современные тенденции в управлении компаниями, можно обратить внимание на ряд фактов и событий, подтверждающих переход от традиционных систем к более современным подходам.

Во-первых, в последние десятилетия наблюдается усиление конкуренции на рынке. С развитием мировой экономики и появлением новых технологий компании сталкиваются с более жесткой конкуренцией, что требует быстрой реакции на изменения внешней среды. Традиционные иерархические структуры могут замедлить принятие решений и реакцию на рыночные изменения, в то время как современные системы управления позволяют быстрее адаптироваться к новым условиям.

Примером может служить бурное развитие технологических стартапов. Многие успешные стартапы, такие как Uber и Airbnb, основаны на современных принципах управления, где акцент делается на гибкости, инновациях и командной работе. Эти компании смогли быстро войти на рынок и добиться значительных успехов благодаря своей адаптивности.

Во-вторых, изменения в потребительском поведении также влияют на управление компаниями. С появлением интернета и социальных сетей потребители стали более информированными и требовательными. Они ожидают быстрых ответов на свои запросы и желают иметь возможность влиять на продукты и услуги компаний. Современные системы управления учитывают этот фактор и активно взаимодействуют с потребителями через различные онлайн-платформы.

Примером может служить компания Tesla, которая активно использует социальные сети для взаимодействия с клиентами и получения обратной связи. Это позволяет им быстро реагировать на потребительские запросы и улучшать свои продукты.

В-третьих, современные технологии информационной обработки и аналитики играют важную роль в управлении компаниями. Большие объемы данных, доступные сегодня, могут быть эффективно использованы для принятия решений и оптимизации бизнес-процессов. Современные системы управления компаниями интегрируют аналитические инструменты, позволяя компаниям получать ценные инсайты из данных.

Например, Amazon использует машинное обучение и анализ данных для персонализации рекомендаций и оптимизации своей логистики. Это позволяет им предоставлять более качественное обслуживание клиентов и повышать эффективность своей деятельности.

Переход от традиционных систем управления к современным обусловлен изменениями в бизнес-среде и требованиями рынка. Компании, способные быстро адаптироваться и использовать современные инструменты управления, имеют больше шансов на успех в современном бизнесе.

В контексте сравнения между традиционной и современной системами управления компаниями, одним из важных параметров являются коммуникации. В традиционной иерархической системе верхнее руководство имеет ограниченные контакты с сотрудниками, которые не находятся в прямой подчиненности. Обмен информацией в таких компаниях часто осуществляется через электронную почту, информационные бюллетени или через руководителей подразделений. В сравнении с этим, современные системы управления компанией характеризуются более открытыми коммуникациями и меньшими барьерами между отделами. Сотрудники могут использовать мгновенные сообщения и программное обеспечение для общения, что способствует более эффективному обмену информацией. В организациях с плоской структурой сотрудники имеют прямой доступ к высшему руководству, что способствует более непосредственным коммуникациям.

Еще одним важным аспектом сравнения является командная работа. В традиционных системах управления сотрудники часто разделены по отделам и редко имеют возможность сотрудничать с коллегами из других отделов. Это может привести к ограничению опыта и знаний сотрудников, так как они фокусируются только на своей специфической роли. В современных системах управления команды из разных сфер часто сотрудничают и обладают большей автономией. Сотрудники могут свободно сотрудничать и учиться друг у друга, что способствует разностороннему развитию навыков и знаний.

Гибкость также играет важную роль в сравнении между традиционной и современной системами управления. В традиционных системах сотрудники имеют четко определенные роли и обязанности, что может быть эффективным в стабильной предпринимательской среде. Однако, в современных динамичных условиях рынка, компании нуждаются в гибкости и скорости реакции. Сотрудники в таких компаниях имеют большую свободу и могут легко адаптироваться к новым задачам и проектам.

Традиционная система управления компаниями, хотя и была успешной в прошлом, сегодня может оказаться неэффективной. Быстрые изменения на рынке и развитие технологий требуют более гибкого и адаптивного подхода к управлению. Современные системы управления позволяют компаниям быть более конкурентоспособными и успешными в современной предпринимательской среде.

Приставленный библиографический список

1. Рудакова Л. В. Особенности развития системы управления компании в условиях цифровой экономики // Финансовый бизнес. – 2022. – № 9 (231). – С. 33-35.
2. Акмаева Р. И., Лунев А. П., Минева О. К. Развитие менеджмента от традиционной системы управления к самообучающимся и самоуправляемым организациям // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 4 (43). – С. 223-230.
3. Отставнов С. С., Отставнов Н. С., Бреусов А. В. Совершенствование системы управления организацией: традиционные и перспективные инструменты в процессе эволюции стартапов // Инновации в менеджменте. – 2017. – № 4 (14). – С. 56-63.
4. Степанян Т. М. Основные проблемы трансформации традиционных систем управления персоналом // Управление персоналом – компонент развития организации. Сборник статей по материалам научно-практической конференции. Российский университет транспорта (МИИТ). – М., 2022. – С. 96-104.
5. Mintzberg H. The structuring of organizations: A synthesis of the research. – Prentice-Hall, 1979.

КРИВОНОСОВА Софья Андреевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

САВВАТЕЕВ Сергей Владимирович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ШИЧКО Алексей Романович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АРТЕМЬЕВ Роман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Проанализировано становление института морального вреда в российском государстве, начиная с Русской Правды, Судебника Ивана III и Судебника Ивана IV, и заканчивая нашим временем. Даны обоснования причин реформирования настоящего института. В частности, была прослежена историческая причинно-следственная связь формирования норм и правил о компенсации морального вреда. Сформулированы некоторые проблемы, наличествующие в данный момент в законодательстве Российской Федерации, касающиеся дефиниции понятия и установления размера компенсации.

Ключевые слова: становление института морального вреда, компенсация морального вреда, проблемы института морального вреда.

KRIVONOSOVA Sofya Andreevna

student at the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SAVATEEV Sergey Vladimirovich

student at the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SHICHKO Alexey Romanovich

student at the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ARTEMYEV Roman Dmitrievich

student at the Law School of the Far Eastern Federal University

HISTORICAL DEVELOPMENT AND CURRENT STATE OF THE INSTITUTION OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

The formation of the institution of moral harm in the Russian state is analyzed, starting with Russian Pravda, Code of Laws of Ivan III and Code of Laws of Ivan VI, and ending with our time. Justifications for the reasons for reforming this institute are given. In particular, the historical cause-and-effect relationship of the formation of norms and rules on compensation for moral damage was traced. Some problems that currently exist in the legislation of the Russian Federation regarding the definition of the concept and the establishment of the amount of compensation are formulated.

Keywords: formation of the institution of moral harm, compensation for moral harm, problems of the institution of moral harm.

Институт компенсации морального вреда имеет корни в различных правовых системах. В римском праве существовали понятия «*damnum iniuria datum*» и «*iniuria*», предполагающие возможность компенсации морального вреда. Средневековая Германия знала принцип «*Satisfaction*», требующий компенсации за физический и моральный вред.

Говоря об отечественной истории права, институт компенсации морального вреда имеет свои корни еще в древнерусском государстве.

Русская Правда – это древнерусский правовой кодекс, созданный в XI веке в Киевской Руси, атрибутированный князю Ярославу Мудрому. Однако в тексте Русской Правды нет явного указания на компенсацию морального вреда, поскольку понятие морального вреда, как такового, развилось значительно позже.

В традиционном смысле компенсация морального вреда и связанные с ней юридические понятия стали широко использоваться в современном праве в более поздние периоды истории. Таким образом, в Русской Правде, написанной более тысячи лет назад, нет конкретных норм и положений, которые бы регламентировали компенсацию морального вреда в современном смысле.

Однако все же был предусмотрен ряд статей, защищающих честь, жизнь, здоровье и имущество человека. Например, статья 25 этого акта устанавливала обязанность возмещать причиненные физические повреждения чашей, рогом или задней стороной оружия в размере 12 гривен. Таким образом, Русская Правда стала первым источником, требующим от причинителя ущерба возмещение не только материального, но и морального ущерба.

Развитие института возмещения морального вреда в Московском государстве продолжалось на протяжении становления и развития государства. Вводились различные законы и правила, устанавливающие размеры возмещения в зависимости от статуса и сословия пострадавшего. Однако полная регламентация этого института произошла только в период абсолютизма

с изданием Соборного Уложения 1649 года. Вплоть до революции 1917 года возмещение морального вреда регулировалось законом от 1851 года, который не содержал норм о предустановленной оценке нанесенного вреда. Однако, несмотря на развитие института возмещения морального вреда в Московском государстве, его применение и практика оставались сложными и вызывали много вопросов.

Основной проблемой было определение размера и способов компенсации морального вреда [3, с. 793-794]. В XV-XVI веках были приняты Судебник Ивана III и Судебник Ивана IV. Судебники Ивана III и Ивана IV – это древнерусские правовые кодексы, охватывающие разнообразные аспекты общественной жизни. В их текстах регулировались уголовные и гражданские отношения, семейные и феодальные обязанности. Принятие этих законов было необходимым шагом для установления единой правовой системы в раздробленной Киевской Руси. Основные цели включали укрепление центральной власти, обеспечение справедливости и социальной устойчивости. Судебники стали фундаментом для установления порядка, защиты прав граждан и формирования структуры общества.

В указанных Судебниках прямых аналогий к современному институту компенсации морального вреда нет, однако предусматривали возможность предъявления гражданского иска за убийство и устанавливали размеры возмещения, в зависимости от сословия пострадавшего.

Позже в 1649 году было принято Соборное Уложение. Соборное Уложение 1649 года, считаемое первым кодифицированным законодательством России, охватывало множество аспектов общественной жизни. В его рамках были установлены правила уголовного и гражданского права, а также церковные и военные нормы. В уголовной сфере уложение предусматривало ответственность за различные преступления, включая убийства, кражи и мошенничества. В гражданской области оно регулировало вопросы собственности, наследования, брачных отношений и

обязательств. Церковные аспекты включали нормы для духовенства и отношения между церковью и государством. Военные положения устанавливали правила поведения военных и ответственность за нарушения. Это Уложение стало попыткой установить единую и стабильную систему законов, цель которой заключалась в укреплении правопорядка и обеспечении стабильности в различных сферах общественной жизни России.

Однако нас интересует факт, что Уложение ввело точную регламентацию размеров возмещения за «бесчестие» в зависимости от звания, статуса и даже населенного пункта, где проживал пострадавший. Также за клевету, если она привела к физическому вреду или нанесению ущерба здоровью, предусматривались карательные меры, такие как штрафы или плата пострадавшему. А если же клевета была совершена в письменной форме, установлены наказания, включая публичное прочтение клеветнического текста перед соответствующим собранием.

С появлением свода законов Российской Империи в XIX веке гражданское право было систематизировано и сам институт компенсации морального вреда получил более ясное законодательное основание, но об этом чуть позже.

Вообще, Свод законов Российской Империи, принятый в 1832 году, охватывал разнообразные аспекты общественной жизни. Этот законодательный акт регулировал уголовное, гражданское и административное право, а также включал нормы по церковным, семейным и трудовым вопросам. В уголовной сфере Свод Законов определял виды преступлений и наказания за них. Гражданское право регулировалось вопросами собственности, контрактов, наследования и брачных отношений. Административные нормы вводили порядок в организацию государственной власти. В церковной области Свод устанавливал правила для церковных институтов и отношений между церковью и государством. В семейных вопросах регламентировались браки, разводы и права детей. В трудовой сфере определялись нормы, касающиеся рабочего времени и условий труда.

Говоря о компенсации морального вреда в современном ее смысле Закон от 1851 года все еще не содержал норм о предустановленной оценке нападения, обид и оскорблений, что могло создавать сложности при определении размеров возмещения.

Таким образом, хотя в Московском государстве были сделаны попытки развивать и закреплять институт возмещения морального вреда, его практика всегда сталкивалась с трудностями и неоднозначностями. Загадкой оставалось определение размеров компенсации, особенно с учетом нематериального вреда, и этот вопрос оставался актуальным до революции 1917 года. Октябрьская революция 1917 года стала началом советской доктрины развития представлений о возмещении морального вреда.

В СССР отсутствовал институт компенсации морального вреда в значительной степени из-за особенностей социалистической правовой системы, которая подчеркивала коллективные интересы над индивидуальными правами. Официально признавалось преимущество социальной справедливости над индивидуальной компенсацией.

Идеология коммунизма акцентировала свое внимание на строительстве нового общества, свободного от эксплуатации, классовых различий и частной собственности. В этой концепции понятие морального вреда не всегда имело место, поскольку приоритет отдавался созданию коллективного счастья и равенства. В результате система права в СССР склонялась к коллективистскому подходу, не ставя перед собой задачу компенсации морального вреда в современном понимании.

Вмешательство в индивидуальные интересы, особенно через возмещение морального вреда, могло бы быть рассмотрено как подрывание идеологии социализма и вмешательство в государственный контроль над обществом.

Как отмечает в своем труде О. В. Кузнецова, сам факт наличия такого института как компенсация морального вреда чуждым принципам социализма [2, с. 2]. Поэтому в данный период времени господствовала идея о недопустимости такого возмещения, так как гражданское право послереволюционной России не предусматривало понятие морального вреда и возможности его возмещения.

Институт компенсации морального вреда начал активное развитие только в 1990-е годы.

В 1991 году Основы гражданского законодательства СССР были представлены в период перестройки, представляя собой попытку реформирования гражданского законодательства. Этот документ стал историческим, поскольку впервые в советской

истории было уделено внимание институту компенсации морального вреда.

Характеристика этого института включала несколько ключевых аспектов. Прежде всего, документ внес изменения, вводя понятие морального вреда и подчеркивая его важность в гражданском праве, что стояло в противоречии с предыдущими советскими законами.

Далее, Основы гражданского законодательства устанавливали обязанность лица, причинившего моральный вред, возмещать его потерпевшему. Определение размера компенсации включало критерии, учитывающие степень виновности, тяжесть причиненного вреда и другие обстоятельства дела.

Документ также расширял сферу защиты личности и чести граждан, предоставляя им право требовать компенсации за моральный вред. В целом, эти изменения в Основы гражданского законодательства отражали стремление к созданию более справедливой и сбалансированной системы гражданских отношений в условиях перемен в стране.

Российские законодатели внесли нормы о возмещении морального вреда в отдельные нормативно-правовые акты, такие как «Об охране окружающей среды», «О средствах массовой информации» и «О защите прав потребителей». В 1994 году был принят Гражданский кодекс РФ, что способствовало развитию данного института гражданского права и установило отдельную главу 8 для регулирования нематериальных благ. Таким образом, институт компенсации морального вреда укоренился в правовой системе России. В этот период формировалась судебная практика, которая уточняла критерии и стандарты, касающиеся компенсации морального вреда. Суды принимали решения, опираясь на законы, и учитывали особенности каждого конкретного случая.

На данный момент компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав, перечисленных в статье 12 ГК РФ. Она имеет своей целью восстановление социальной справедливости. Однако данный институт имеет ряд проблем, в то время как среди ученых-цивилистов развиваются многочисленные споры.

Дискуссии о некоторых аспектах компенсации морального вреда представляют большой интерес для сегодняшней правовой жизни, так как затрагиваются важные блага, такие как жизнь, здоровье, деловая репутация, честь и достоинство. Первоочередной задачей является в том числе усовершенствование понятийного аппарата. Вопросы, связанные с физическими страданиями, до сих пор остаются нерешенными.

Одной из главных проблем института компенсации морального вреда является определение размера возмещения, которое должно быть выплачено. Отсутствие конкретных ограничений для определения размера компенсации приводит к неопределенности [1, с. 55]. Решение о размере возмещения остается на усмотрение судьи, что отчасти не совсем справедливо к потерпевшему.

Примеры судебной практики показывают значительное разнообразие в размерах компенсации морального вреда. Например, дело из Санкт-Петербурга о врачебной ошибке в 2012 году привело к выплате рекордной компенсации в размере 15 млн рублей. Также за врачебную ошибку при родах матери из многодетной семьи судом была назначена компенсация в размере 5 млн рублей. Таким образом, судебная практика по компенсации морального вреда достаточно разнообразна и противоречива.

Однако следует отметить, что данный институт является востребованным в обществе. В соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами. Компенсация морального вреда является одним из таких способов защиты гражданских прав.

Пристатейный библиографический список

1. Гацкий М. А. Моральный вред: величина страданий и размер компенсации. – Москва: Изд-во МГОУ, 2007. – 172 с.
2. Кузнецова О. В. Возмещение морального вреда: практическое пособие. – Москва: Юстицинформ, 2009. – 67 с.
3. Хуснутдинова С. А. История возникновения и развития института компенсации морального вреда в российском праве // Молодой ученый. – 2015. – № 23 (103). – С. 793-794.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-230-232

КУДИНОВ Максим Валерьевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЗАКРЫТЫЙ ПАЕВОЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД КАК ОБЪЕКТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются закрытые паевые инвестиционные фонды как инструменты коллективного инвестирования в сегменте предпринимательства. Автор исследует актуальное положение закрытых фондов на финансовом рынке. Помимо этого, проводится анализ правового положения данного финансового инструмента с точки зрения налогового законодательства Российской Федерации, а также раскрывается его значение для предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: закрытый паевой инвестиционный фонд, предпринимательская деятельность, бизнес, налог, Банк России, инвестор, пайщики.

KUDINOV Maxim Valerjevich

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CLOSED-END MUTUAL INVESTMENT FUND AS AN OBJECT OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The article considers closed-end mutual funds as instruments of collective investment in the business segment. The author examines the current situation of closed-end funds in the financial market. In addition, the analysis of the legal status of this financial instrument from the point of view of the tax legislation of the Russian Federation is carried out, as well as its significance for entrepreneurial activity is revealed.

Keywords: closed-end mutual investment fund, entrepreneurial activity, business, tax, Bank of Russia, investor, shareholders.

Актуальность темы выражена в том, что в нынешнее время заметна тенденция постепенного перехода рынка коллективного инвестирования к определенному росту. Как прошлый, так и текущий год в сегменте паевых инвестиционных фондов характеризуется своеобразным антикризисным менеджментом, который имеет частноправовой характер. Данная формулировка означает отсутствие для 2022 года регуляторных инноваций в части инвестиционных возможностей. В первую очередь – это регуляторные послабления, позволяющие в условиях повышенной волатильности санкций не соблюдать отдельные требования, регулирующие деятельность паевых фондов и соответственно Банк России не применял надзорные меры. По мнению автора, если же проводить анализ этих мер, то возникает вывод, что в ближайшей перспективе их продление не является обязательным. Объясняется это тем, что у большинства участников рынка исчерпались проблемы, на которые были направлены эти меры.

Исследуя регуляторику следует обратить внимание на проблему с иностранными ценными бумагами, особенно недружественных для Российской Федерации стран. Она, несомненно, требует какого-либо доступного разрешения, поскольку на данный момент невозможно жить в парадигме «business as usual». Иными словами, сейчас санкционные риски периодически возникают перед инвесторами, начиная с прошлого года марта. В 2023 году также в отношении отдельных участников рынка вводятся санкции, то есть возникают проблемы, приводящие к приостановкам операций с паями и соответствующим трудностям для пайщиков.

Банк России в попытках внести точечные изменения допускает к инвестированию в различные паевые инвестиционные фонды трансформационные облигации, а именно те, которые соответствуют критериям правительства для компаний, участвующих в структурной трансформации экономики. В случае, если они не будут соответствовать базовым регуляторным требованиям о допуске к торгам, Центральный банк России в пределах пяти процентов из чистых активов дает возможность покупать их в паевые фонды рассчитывая

Кудинов М. В.

на то, что управляющая компания при желании сможет в определенной доле осуществлять данные инвестиции и также внести свой вклад в те процессы экономики, которые происходят.

Помимо этого, Банк России в рамках позитивных изменений снял для рынка закрытых паевых инвестиционных фондов ограничения по минимальной сумме инвестиций в данный инструмент коллективного инвестирования для неквалифицированных инвесторов. По итогам анализа проведенного совместно со службой защиты прав потребителей введенное тестирование для закрытых паевых фондов работает достаточно эффективно и соответственно от каких-то более прямых ограничений как на минимальную сумму инвестиций можно отказаться. Автор полагает, что основная масса данного антикризисного управления получит свое полноценное развитие. К примеру, предложения по разрешению вносить драгоценные металлы не только в биржевые, но и в открытые фонды. На данный момент такое ограничение существует на уровне закона, и оно вполне может быть поддержано концептуально. Концепция же заключается в отказе от излишнего посредничества, которое вынужденно образуется при приобретении паев, то есть обязательная необходимость в брокере или в стратегии доверительного управления. Иными словами, пайщики, которые хотят покупать посредством Единой информационной системы в сфере закупок именно паи будут иметь такую возможность, но лишь в более простой форме без избыточных договоров и комиссий.

С точки зрения автора, уместным будет разделить закрытые паевые инвестиционные фонды на упаковочные и рыночные. Упаковочные закрытые фонды существуют для того, чтобы, к примеру оптимизировать налогообложение оставаясь в рамках правового поля. Рыночные закрытые фонды, как правило, присутствуют на рынке жилой либо коммерческой недвижимости, хотя законодательство активно развивается и такие фонды, служащие по большей части инструментом для квалифицированных инвесторов, являются комбинированными, что позволяет вкладываться в макси-

мально широкий ассортимент спектра активов разного типа. В то же время Д. В. Горин высказывает свою точку зрения, сравнивая паевые фонды с юридическими лицами. Он отмечает: «Самым главным таким сходством является ограничение ответственности владельцев бизнеса – учредители фонда не отвечают по обязательствам, вытекающим из деятельности такого фонда, подобно тому, как учредители ООО или акционеры АО не отвечают по обязательствам соответствующего общества» [3, с. 129].

Традиционно российская предпринимательская деятельность финансировалась через банки, а фондовый рынок был скорее местом для спекулянтов, работавших по принципу «быстро заработать или быстро потерять». В последние несколько лет ситуация во многом неожиданно, но сильно изменилась. А. В. Павлова в своей статье считает, что «кризис на фондовых рынках вследствие пандемии привел как к падению фондовых индексов, так и к массовому переходу россиян на биржу с целью покупки подешевевших ценных бумаг» [4, с. 1249]. В настоящее время российский фондовый рынок – это более 32 миллионов открытых счетов с учетом тех, которые прошли фондирование. Иными словами, это один из крупнейших рынков не только Европы, но и мира. В 2023 году наблюдается бум размещений облигаций: за прошлый год было размещено порядка более 400 выпусков, в этом же году их суммарное количество увеличилось до 600. Частные инвесторы активно покупают облигации прежде всего среднего бизнеса в силу того, что они предлагают более выгодные условия, чем банковские депозиты.

Закрытый паевой инвестиционный фонд является инструментом финансирования с точки зрения предпринимательской деятельности. Он подходит для растущих проектов с горизонтом инвестирования более 5 лет, в том числе для инфраструктурных проектов, а также требует меньшей прозрачности от бизнеса, чем, к примеру облигации или IPO. Для российского предпринимательства, в котором не до конца развита широкая публичность данные условия являются комфортными. В своем исследовании А. Е. Бухаров разделяет точку зрения автора: «На протяжении последнего десятилетия бизнес активно подключает закрытые паевые инвестиционные фонды к структурированию сделок и проектов, используя предоставляемые данной структурой преимущества» [2, с. 211]. Помимо этого, существует возможность привлекать дополнительных инвесторов по мере возникновения потребности в этом, например через механизм выпуска объявленных или новых паев. Однако, где плюсы, там и минусы. При сравнении с другими инструментами закрытые паевые фонды отличаются низкой ликвидностью, что снижает спрос на него со стороны активных инвесторов.

Всплеск популярности закрытых паевых инвестиционных фондов пришелся примерно на второй квартал 2022 года, когда в данный тип паевых фондов переместились активы стоимостью 380 миллиардов рублей, а в третьем квартале 760 миллиардов рублей. Правовое регулирование этого института существует более 20 лет и уже сложилась определенная практика применения закрытых фондов для структурирования активов бизнеса. Как показывает статистика, чаще всего в них размещают активы, способные приносить доходы. При этом правовое регулирование такого инструмента позволяет разместить любое имущество в нем. Все доходы, которые приносят эти активы, не облагаются корпоративным налогом на прибыль в России, при этом НДС платится со всех операций, если они подлежат обложению. Однако, настолько ли все привлекательно для потенциального инвестора?

Для наиболее точного исследования этого вопроса автор считает необходимым рассмотреть все на конкретном примере. В данном случае следует воспользоваться налоговым планированием, поскольку это крайне алгоритмичный инструмент. Существует некое ООО, которое относительно недавно приобрело недвижимое имущество. Общество хочет передать данное имущество под управление закрытому фонду. Деятельность налогового планирования в действии: следует поделить все структуры, будущие хозяйственные

операции на определенные уровни. Необходимо ответить на вопрос: какие возникают налоги на первом уровне?

Первый уровень заключается в том, сколько будет стоить по налогам передать это имущество в закрытый фонд. Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации¹, передача любого имущества в закрытый паевой инвестиционный фонд является инвестиционной операцией и не облагается налогами. Означает ли это, что на первом этапе нет налоговых обязательств? Нет, поскольку в налоговом законодательстве если операция прямо поименована как необлагаемая, то с очень большой степенью вероятности у нее есть какие-либо налоговые последствия. В случае, если общество с ограниченной ответственностью приобрело имущество в собственность с НДС, естественно заявило эти налоговые вычеты, а возможно и получило возмещение из бюджета, то при передаче этого имущества в закрытый фонд налоги придется вернуть. Нормы 170 статьи Налогового кодекса² обязывают восстановить ранее принятые суммы НДС к вычету и уплатить в бюджет. Однако данные суммы НДС не потеряются поскольку с 2021 года в 171 статью Налогового кодекса³ были внесены соответствующие изменения, подразумевающие право управляющей компании этот установленный налог применить к вычету, то есть управляющая компания также может заявить НДС к вычету и полученный из бюджета НДС пополнит активы фонда.

Второй уровень заключатся в том, какие налоги платятся на этапе ведения закрытыми фондами своей деятельности, то есть фонд приобрел имущество не просто для хранения, а для того, чтобы оно приносило доходы. Действительно, все доходы, которые получит закрытый фонд, не будут облагаться налогом на прибыль. Следует рассмотреть три различные ситуации:

- Инвестор профинансировал свою дочернюю структуру, отдал деньги в заем, она дала проценты – не облагается;
- Инвестор имеет в своем составе закрытого фонда доли в обществах с ограниченной ответственностью, они платят дивиденды – не облагается;
- Инвестор продает имущество – эти сделки также корпоративным налогом не облагаются.

Это является крайне привлекательным способом для предпринимательской деятельности сэкономить много денег, поскольку если бизнес структурируют через обычные холдинговые общества, то есть существует ООО, которое дало финансирование и начисленный процент оно должно обложить корпоративным налогом. В данном случае такого промежуточного звена с налогообложением на уровне закрытого фонда не возникает, что позволяет получать налоговую эффективность.

Третий уровень заключается в том, как будут облагаться налогами доходы, выплаченные пайщикам. Закрытый фонд может выплачивать промежуточные доходы пайщикам и здесь начинается все самое неоднозначное, поскольку ставка налога будет зависеть от того юридическое лицо инвестор или физическое, а также резидент он или нерезидент. В данном случае возникает некая правовая неопределенность в части квалификации того дохода, который закрытый фонд выплачивает по паям, то есть промежуточный доход, так называемые «дивиденды». Автор использовал такую формулировку, потому что как раз в российском налоговом праве они не квалифицируются как дивиденды и в этом главная сложность по причине того, что если бы пайщики получали дивиденды будучи нерезидентами они облагали бы этот доход по ставке 15 процентов, а поскольку это не является дивидендами, то существует правовая коллизия, заключающаяся в том, что это вроде бы прочий доход, который у нерезидентов должен облагаться по ставке 30 процентов. Некоторые предприниматели хотят применять условия соглашения об избе-

1 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 25.12.2023).

2 Ст. 170 НК РФ ч.2. Порядок отнесения сумм налога на затраты по производству и реализации товаров (работ, услуг).

3 п. 11 статьи 171 в ред. Федерального закона от 02.07.2021 № 305-ФЗ.

жании двойного налогообложения, которые иначе трактуют понятие дивидендов, чем Налоговый кодекс Российской Федерации, но тем не менее такой риск более высокого налогообложения существует и об этом нельзя замалчивать.

Главный же вопрос заключается в окончательной передаче имущества при погашении пая, поскольку пай является ценной бумагой и доход, полученный от реализации ценной бумаги, облагается с объекта прибыли. Иными словами, инвестор может уменьшить доходы, полученные от пая на расходы, связанные с приобретением этого пая. Если инвестор внес в оплату пая доли в ООО номинальной стоимостью 10 тысяч, а при выходе стоимость чистых активов закрытого фонда у инвестора несколько миллиардов, то весь этот доход по идее должен облагаться корпоративными налогами. Здесь речь идет как раз о том, что, заходя в какие-то корпоративные структуры стоит просчитывать на этапе входа все налоговые последствия и соответствующим образом определять правила фонда, определять каким образом инвестор будет из него выходить, а осуществлять такую процедуру в любом случае придется. Дело в том, что закрытые паевые инвестиционные фонды – это временный инструмент коллективного инвестирования, по законодательству они создаются на срок от 3 до 15 лет. Разумеется, данный вид паевых фондов может быть продлен, но у регулятора осуществляет контроль за тем, что пайщики каждый раз продляют этот срок, пытаясь сделать существование закрытого фонда бессрочным.

Помимо этого, у закрытых фондов есть бесспорные преимущества. В частности, структурирование активов через этот инструмент дает возможность передавать права на имущество путем передачи пая в любом размере. Инвестору не нужно для этого отчуждать право собственности на недвижимость, если он хочет наделить своих наследников какой-то частью имущественного комплекса, то это можно сделать в виде передачу пая любого размера. Анонимность владения также является преимуществом структурирования через закрытый фонд, потому что отсутствуют публичные реестры пайщиков паевых инвестиционных фондов, но тем не менее по запросу суда, правоохранительных или налоговых органов вся информация о пайщиках, естественно, раскрывается. Чаще всего основной целью для чего используются закрытые фонды – это возможность без налогов получать доходы для дальнейшего реинвестирования. По мнению автора, причиной тому служит структурирование реинвестирования на уровне обычных холдингов, состоящих из обществ. Как правило, оно выглядит как запутанная цепочка займов, которые никто не обслуживает, никто не помнит кто кому занимал и так далее. Забрать имущество пайщиков достаточно сложно, по причине того, что деятельность всей инфраструктуры закрытого фонда подконтрольна и подотчетна Центральному банку России, получить лицензию управляющей компании – это довольно сложная процедура.

Кроме того, управляющая компания не является лицом, которое единолично решает о том, куда эти активы направить и каким образом их использовать. Т. Р. Шаймарданов подчеркивает в своей статье: «управляющая компания не получает право собственности на активы, а лишь действует в качестве доверительного управляющего» [5, с. 24]. Существуют другие инфраструктурные субъекты: специализированный депозитарий, регистратор и инвестиционный комитет, который одобряет сделки, и об этом также стоит задуматься на этапе входа в фонд. Иными словами, если инвестор передает свое имущество управляющей компании, которую не знает или для него она является новой на рынке, он должен в первую очередь внимательно изучить правила фонда, правила доверительного управления. Вопрос контроля над активами достаточно объемно проработан в законодательстве и просто так куда-то внести имущество не представляется возможным.

При исследовании рассматриваемого финансового инструмента автор полагает, что одной из особенностей, на которую нельзя не обращать внимание, является то, что структурирование через закрытые паевые инвестиционные фонды – это затратная процедура. Деятельность управляющей компании, специализированного регистратора, оценщика и аудитора обязательно оплачивается.

Основная задача рыночных закрытых фондов – это привлечение инвесторов. Прежде всего они обращают внимание на абсолютную доходность, то есть сколько потенциальный инвестор может заработать, причем необязательно в первый год и даже в первые 3 года. Исследуя стабильную доходность, автор полагает, что лучше всего будут продаваться закрытые фонды условно рентного формата, где платежи осуществляются регулярно и по понятной формуле, рента продается хорошо и инвестор готов ее покупать. Структура доходности складывается из двух элементов: роста оценочной стоимости пая и промежуточных выплат, аналога дивидендов. Соответственно, если пай дорожает все время по низкой ликвидности, но никаких промежуточных выплат нет, то инвестор достаточно быстро теряет прибыль. Анализируя соотношение доходности и риска, можно сделать вывод, что российский инвестор «толерантен» к риску, но тем не менее постепенно растет спрос на консервативные инструменты. Как можно заметить за последние полтора года в структурах инвестиционного портфеля существенно увеличилась доля облигаций и дивидендных ценных бумаг, снизилась доля более рискованных инструментов и соответственно инвестор хочет понимать долгосрочные показатели компании, то есть куда он вкладывается, для чего и куда актив будет идти. Касательно ликвидности, по мере увеличения масштабов фонда потенциально его можно выводить на биржу, что безусловно является способом привлечения дополнительных инвесторов.

Схема работы закрытых фондов имеет частноправовой характер, по времени занимает 1-2 месяца и в нее входит: регистрация фонда в Центральном банке России, оценка и согласование специализированного депозитария, а также работа регистраторов и оценщиков. Внести в закрытый фонд можно денежные средства, недвижимость, движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги, доли участия, имущественные права, предметы искусства, ценные металлы, авторские права. Иными словами, это широко развивающаяся индустрия. Все участники закрытого паевого инвестиционного фонда защищают интересы инвестора. Р. В. Абысов в своем исследовании отмечает: «Структура закрытых паевых фондов является достаточно дифференцированной» [1, с. 210]. По мнению автора данная система представляет собой грамотную архитектуру упаковки предпринимательской деятельности. Это ничто иное как юридическая защита от внутренних и внешних рисков, полная конфиденциальность, сальдирование доходов и расходов, а также возможность наследования и преемственности.

Пристайный библиографический список

1. Абысов Р. В. О современном состоянии рынка закрытых паевых инвестиционных фондов в РФ // Человек. Социум. Общество. – 2023. – № 6. – С. 209-213.
2. Бухаров А. Е. Структурирование инновационных проектов с использованием закрытых паевых инвестиционных фондов // Друкеровский вестник. – 2022. – № 5 (49). – С. 210-220.
3. Горин Д. В. Субсидиарная ответственность членов закрытого паевого инвестиционного фонда // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XXXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 июня 2023 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 128-130.
4. Павлова А. В. Коммерческая недвижимость и закрытые паевые инвестиционные фонды недвижимости как объекты частных инвестиций в 2021 году // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. № 5. – С. 1245-1270.
5. Шаймарданов Т. Р., Погодин А. В. Закрытые паевые инвестиционные фонды как способ инвестирования и структурирования активов. Развитие ЗПИФ в России и преимущества в сравнении с другими паевыми инвестиционными фондами // Universum: экономика и юриспруденция. – 2022. – № 10 (97). – С. 22-27.

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Алексеевич

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ)

ОЦЕНОЧНЫЕ КАТЕГОРИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, ПОДВЕДОМСТВЕННОМ ФАС РОССИИ, И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ «МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ»)

В настоящей статье рассматривается проблематика оценочных категорий, связанных с антимонопольным законодательством, на примере традиционной категории для административного права и хорошо известной административному праву и практикующим специалистам в виде «малозначительности», демонстрируется пробельность применения оценочных категорий по делам с участием антимонопольных органов.

Ключевые слова: оценочные категории, малозначительность, конкурентное право, административное право, производство в арбитражном суде.

KUZNETSOV Dmitry Alekseevich

postgraduate student of Civil and corporate law sub-faculty of the St. Petersburg State Economic University (SPBGEU)

EVALUATION CATEGORIES IN LEGISLATION SUBORDINATED TO THE FEDERAL ANTIMONOPOLY SERVICE OF RUSSIA AND ECONOMIC JUSTICE: PROBLEMS OF APPLICATION (USING THE EXAMPLE OF THE CATEGORY "INSIGNIFICANCE")

This article examines the problems of evaluation categories related to antimonopoly legislation, using the example of a traditional category for administrative law and well-known to administrative law and practitioners in the form of "insignificance", demonstrates the gap the application of evaluation categories in cases involving antimonopoly authorities.

Keywords: evaluation categories, insignificance, competition law, administrative law, arbitration proceedings.

В отечественной арбитражной и административной практике вопросы толкования оценочных категорий органами исполнительной власти и судами в экономическом правосудии стоят достаточно актуально. Ряд категорий были уже изучены в доктрине, однако, когда дело доходит до малораспространённых отраслей права, таких как конкурентное, возникают вопросы при толковании терминов и понятий, используемых в них, при отправлении правосудия (например, экономическая концентрация (которая имеет сложное экономическое и правовое содержание, то как данное понятие определяется в законодательстве вызывает дискуссии до настоящего времени) [3, с. 15]. И таких понятий много. Многие получают толкование в законодательстве, но куда большее остается не разъяснённым. В связи с этим, дабы продемонстрировать актуальность проблемы, мы используем категорию «малозначительность», как хорошо известную всем юристам и рассмотрим ее применение по спорам, вытекающим из нарушения законодательства, подведомственного Федеральной антимонопольной службе. Данная категория актуальна прежде всего в спорах в сфере рекламы, тарифов, энергетики и антимонопольных спорах, где малозначительность достаточно часто выступает основанием для не привлечения хозяйствующего субъекта к административной ответственности. В качестве примера можно привести рекламную войну между ФАС и ООО «Бургер РУС» (он же Бургер кинг), которая длилась больше 4 лет, было вынесено больше десятка предписаний и постановлений по делу об административном правонарушении в отношении общества, однако, это не обеспечивало последующей превенции, и компания продолжала умышленно нарушать рекламное законодательство, с целью получения прибыли за счет повышенного внимания в СМИ.

В доктрине на данную проблему обращалось внимание, но не со стороны процессуалистов. Так, Титов Е. Е. в своей кандидатской диссертации так же обоснованно указывал на значительную долю оценочных категорий в составах административных правонарушений, вытекающих из нарушения антимонопольного законодательства и обосновывал

позицию о применении специальных средств юридической техники к данным оценочным понятиям (упорядочивание, систематизация, установление критериев оценки и признаков таких категорий) [10, с. 10]. Под малозначительностью в доктрине административного права понимается: «Малозначительное правонарушение - это противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹... установлена административная ответственность, но с учетом характера административного правонарушения, роли правонарушителя, размера вреда и тяжести последствий, не представляющее существенного нарушения и угрозы охраняемым общественным правоотношениям» [5].

Теоретические исследования в вопросе оценочных категорий в цивилистическом процессе и иных отраслях права ведутся, к сожалению, не активно, не говоря уже о конкурентном праве. Поэтому начнем исследование с обще теоретических аспектов. Что собственно представляет собой оценочная категория? Бершпитский Э. Е. давал следующее определение: «С учетом заложенного оценочные категории – это используемые в законодательстве относительно определенные положения, содержание которых не разъяснено детально, но постепенно конкретизируется правоприменителем на основе усмотрения при разрешении правовых споров, а также в рамках абстрактного правотворчества» [2, с. 66]. К основным признакам оценочных категорий относят: 1) относительная определенность; 2) постепенная конкретизация их содержания; 3) тесная связь с судебским усмотрением (полагаем, что не столько с судебским усмотрением, сколько с усмотрением правоприменителя вообще – примечание автора – Д. К.) [2, с. 66]. Сергеева О. Ю. Ноянова А. А. указывали на следующие функции оценочных категорий в арбитражном процессе: «... законодательной экономии, прогностическую, информационно-психологическую, регулятивную, воспитательную, сти-

1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. – № 1.–2002.– (ч. 1).– ст. 1.

мулирующую, ценностно-ориентационную, охранительную и унифицирующую» [8].

Эволюцию научных представлений о оценочных категориях Рясина А. С. делит на три этапа: дореволюционный (1910-1917), советский (до конца восьмидесятых) и современный (до настоящего времени), замечая вместе с тем, что активные исследования данных категорий стали вестись в советском правоповедении в 60-70 годах и интерес правоведов к ним остается стабильным [7].

Оценочные понятия в доктрине классифицируют по-разному. Так в цивилистическом процессе указывают на классификацию оценочных категорий по определенности: категории, раскрытые в самом законе, категории, раскрытые в Постановлениях Пленума ВС РФ, категории, не имеющие определения ни в законах, ни в подзаконных актах, ни в Постановлениях Пленума ВС РФ [6]. В гражданском праве оценочные категории делают на базовые, то есть находящиеся в общих положениях Гражданском кодексе Российской Федерации², прочие именуется локальными [4]. Вместе с тем, в доктрине отмечается не однозначное понимание оценочных категорий и их значение в различных отраслях права [4]. Мы, не считая необходимым вдаваться в теоретические дискуссии о положительных и отрицательных качествах данных категорий, перейдем к непосредственной теме настоящего исследования, ограничимся лишь указанием на невозможность ликвидации в праве оценочных категорий как таковых, ибо все зарегулировать невозможно.

Непосредственно в арбитражном процессе оценочные категории используются не активно. Бармина О. Н. пришла к выводу о том, что в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ)³ содержит значительное количество оценочных категорий, которые не могут получить законодательного определения [1]. И в этот момент мы возвращаемся к вопросу о малозначительности: с учетом всего выше изложенного становится ясно (особенно с учетом различного отраслевого значения), что суд и антимонопольный орган, могут трактовать малозначительность по-разному (не говоря о более специфических категориях). Это вызывает ряд вопросов к законодательству и судебной и административной практике: то что считается малозначительным, совершенным единожды, не приобретает ли значимость в условиях массовости или системности? Вопрос остается открытым. Давайте более подробно исследуем понимание малозначительности антимонопольным органом и арбитражным судом. Начнем с ФАС России.

Федеральная антимонопольная служба приняла методические рекомендации⁴ по применению ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также письмо ФАС России от 30.09.2013 г. № АК/38198/13 «О малозначительности в рекламе»⁵, которыми разъяснены вопросы применения оценочной категории малозначительностью Федерального закона «О защите конкуренции» (далее – ЗоЗК)⁶ и федерального закона № 38-ФЗ «О рекламе». Так, в методических рекомендациях указывается на ряд оснований, которые должны учитываться при прекращении производства по делу об административных правонарушениях,

по ст. 4.1 КоАП РФ. Однако, руководство описывает перечень случаев, когда малозначительность по мнению центрального аппарата ФАС не применима, что вызовет вопросы к обоснованности подобных рекомендаций, ведь запрет применения норм или их ограничение не должны устанавливаться органом исполнительной власти. В то же время, как мы полагаем, тому есть некоторое объяснение: ФАС уполномочено в соответствии со ст. 25.7, 39.1 ЗоЗК выносить предостережение, предупреждение и предписание, по делам о нарушении АМЗ, при этом, все акты имеют помимо регулятивной и превентивной функции, дабы обеспечить предотвращение правонарушений или «бескровную» ликвидацию последствий нарушения ЗоЗК, в связи с чем, дела, которые будут прекращены по малозначительности, просто не доходят до возбуждения и нарушение пресекается на стадии антимонопольного процесса.

В отношении рекламного законодательства, ранее упомянуто письмо, в качестве оснований, для квалификации правонарушения, как малозначительного отмечает: 1. не большой масштаб рекламной компании, 2. отсутствие жалоб от потребителей, 3. Имеются нарушения законодательства о рекламе и КоАП РФ впервые, 4. отсутствие пренебрежительного отношения к положениям законодательства при распространении рекламы.

Вместе с тем, оба ненормативных акта ФАС ссылаются на судебную практику и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁷ (далее- ППВС №5) и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»⁸ (далее- ППВАС № 10) однако, второй ненормативный акт так же не достаточно разъясняет практические аспекты выявления малозначительности, и содержание данной категории. Исследуем положения постановлений пленума ВАС и ВС по вопросам малозначительности.

Пункт 5 ППВС № 5 от 24.03.2005 определяет понятие малозначительности, в то же время, указывая на невозможность определения отдельных правонарушений, имеющих существенную общественную опасность, как малозначительных. ППВАС от 02.06.2004 № 10 в п. 17-18.1 так же не содержит существенных дополнительных разъяснений по вопросам малозначительности, ограничиваясь указанием на компетенции суда при установлении малозначительности, порядка действия в таких ситуациях и определения критерия исключительности применения малозначительности, при этом указывается, что решение суда о признании деяния малозначительным, должно быть обоснованным. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»⁹ ничего не сообщает о малозначительности. С учетом отсутствия разъяснений по вопросам малозначительности, обратимся к судебной практике.

1. Решение от по делу № А32-27626/2013 АС Краснодарского края¹⁰

2 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 10.03.2022) // СЗ РФ. – № 46. – 2002. – ст. 112.

3 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – № 30. – 2002. – ст. 3012.

4 Методические рекомендации ФАС России по применению антимонопольным органом ст.2.9 Кодекса российской федерации об административных правонарушениях (в части прекращения дел об административных правонарушениях о нарушении антимонопольного законодательства по малозначительности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135908/ (дата обращения: 05.012.2023).

5 Письмо ФАС России от 30.09.2013 г. № АК/38198/13 «О малозначительности в рекламе». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125168/ (дата обращения: 05.12.2023).

6 Федеральный закон от 27.06.2006 № 135 ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 01.04.2022) // СЗ РФ. – № 31. – 2006. – ст. 3434.

7 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень ВС РФ. – № 6. – 2005 г.

8 Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. – № 8. – 2004.

9 Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» // Вестник ВАС. № 12. 2012 г.

10 Решение арбитражного суда Краснодарского края от 19.10.2013 г. по делу № А32-27626/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/59268bfe-e1e5-4eb5-b090-d3fdc37f7b88> (дата обращения: 05.12.2023).

ООО «ОБЩЕПИТ ЮГ- СЕРВИС» пыталось обжаловать постановление по делу об административном правонарушении Краснодарского УФАС, однако, суд ссылаясь на ППВС и ППВАС не усмотрел «исключительных обстоятельств» позволяющих применить положения ст. 2.9 КоАП РФ. Заявитель использовал товарный знак, сходный до степени смешения с зарегистрированным, в результате чего, были нарушены ст. 14 ЗоЗК (старая редакция) ст. 14.33 КоАП РФ.

2. Решение по делу № А42-11622/2019 АС Мурманской области¹¹.

ПАО «МРСК Северо-Запад» обжаловало постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное Мурманским УФАС, ПАО совершило нарушение ст. 9.21 КоАП РФ, исключительных обстоятельств для применения ст. 2.9 КоАП РФ не установлено. АС Северо-Западного округа в постановлении от 30.10.2020 г. решение оставил в силе.

3. Решение № А33-26102/2020 г. АС Красноярского края¹²

ПАО «Межрегиональная распределительная сетевая компания Сибири» обратилось в арбитражный суд с оспариванием постановления по делу об административном правонарушении, вынесенном Красноярским УФАС по ст. 9.21 КоАП РФ, заявитель так же просил применить ст. 2.9 КоАП РФ, однако, суд не обнаружил исключительных оснований, при этом указав, со ссылкой на ППВС № 5 о том, что исключительность устанавливается в зависимости от отсутствия вреда общественным отношениям.

4. Решение по делу № А29-6042/2020 г. АС Республики Коми¹³

ПАО «Коми тепловая компания» обжаловало постановление УФАС по Республике Коми о привлечении к административной ответственности по ст. 19.5 КоАП в связи с нарушением ст. 18.1 ЗоЗК, суд усмотрел основания применения малозначительности, указав: «Оценка возможности применения статьи 2.9 КоАП РФ является самостоятельным этапом судебного исследования по делу. Малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений. По смыслу указанной нормы оценка малозначительности деяния должна соотноситься с характером и степенью общественной опасности, причинением вреда либо угрозой причинения вреда личности, обществу или государству. При квалификации правонарушения в качестве малозначительного суд исходит из оценки конкретных обстоятельств его совершения... исходя из разъяснений Конституционного суда Российской Федерации (в постановлениях от 17.01.2013 № 1-П, от 25.02.2014 № 4-П, определениях от 09.04.2003 № 116-О, от 05.11.2003 № 349-О, от 16.07.2009 № 919-О-О, от 29.05.2014 № 1013-О), малозначительность является одним из средств, позволяющим в конкретном деле обеспечить определение меры воздействия, соответствующей принципам справедливости и соразмерности наказания. Таким образом, категория малозначительности относится к числу оценочных, в связи с чем, определяется в каждом конкретном случае исходя из обстоятельств совершенного правонарушения.» Суд указал на наличие правонарушения, но признал постановление необоснованным.

11 Решение по делу арбитражного суда мурманской области от 04.03.2020 г. по делу № А42-11622/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/37c2b151-34f5-489f-82ea-1f4f865a54fa> (дата обращения: 05.12.2023).

12 Решение арбитражного суда красноярского края от 20.10.2020 г. по делу № А33-26102/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/20d5c601-704a-42e5-91a4-e27318cob77a> (дата обращения: 05.12.2023).

13 Решение арбитражного суда Республики Коми от 05.10.2020 № А29-6042/2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9d3a46bc-9be0-4535-8489-b827723f9cso> (дата обращения: 05.12.2023).

5. Решение по делу № А43-19577/2020 АС нижегородской области¹⁴

АО «НПП «Салют» обжаловало постановление по делу об административном правонарушении по ст. 14.49 КоАП РФ, просило применить малозначительность, суд, сославшись на п. 18.1 ППВАС не усмотрел малозначительности в действиях хозяйствующего субъекта. Так же суд сократил штраф с 700 тыс. руб. до 350 тыс. руб.

6. Решение по делу № А60-35398/2020 АС Свердловской области¹⁵

АО «Мегалабс» обратилось в арбитражный суд для оспаривания постановления по делу об административном правонарушении, вынесенном свердловским, а УФАС, по ст. 14.3 КоАП и нарушении ст.18 ФЗ «О рекламе». Суд в решении указал по вопросу малозначительности: «Применение ст. 2.9 КоАП РФ является правом, а не обязанностью суда... Материалы дела не содержат доказательств того, что фактические обстоятельства дела могут свидетельствовать об исключительности ситуации, позволяющей применить ст. 2.9 КоАП РФ, как это сформулировано в п. 18.1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 № 10...». В удовлетворении заявленных требований отказано.

7. Решение по делу № А73-12973/2020 АС Хабаровского края¹⁶

ООО «Виразж-1» обратилось в арбитражный суд хабаровского края с заявлением об оспаривании постановления по делу, об административном правонарушении по ст.19.5 КоАП. Суд не усмотрел оснований для применения малозначительности,

8. Решение по делу № А60-38122/2020 АС Свердловской области¹⁷

АО «Екатеринбурггаз» обратилось с заявлением об оспаривании постановления по делу об административном правонарушении, вынесенным свердловским УФАС, оп ст.9.21 КоАП. Суд не нашел оснований для признания нарушения малозначительным. ФАС уральского округа постановлением от 19.03.2021 решение оставил в силе.

9. Решение по делу № А32-29462/2020 АС Краснодарского края¹⁸

АО «Россети Кубань» обратилось в арбитражный суд с заявлением об оспаривании постановления по делу об административном правонарушении, отмене постановления и применении ст.2.9 КоАП. Правонарушение было квалифицировано по ст.9.21 КоАП. Суд в очередной раз указал: «Оценка действий правонарушителя с позиции положений статьи 2.9 КоАП РФ является самостоятельным этапом судебного исследования по делу... Возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, исходя из сформулированной в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях конструкции состава административного правонарушения, за совершение которого установлена ответственность. Так, не может быть отказано в

14 Решение арбитражного суда Нижегородской области от 01.10.2020 г. по делу № А43-19577/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/71bd5c5ba-a357-4aa6-8b2a-34cb7520266a> (дата обращения: 05.04.2023).

15 Решение арбитражного суда свердловской области от 25.09.2020 г. по делу № А60-35398/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/43964c2b-8110-4306-b96e-274eabeaee667> (дата обращения: 05.12.2023).

16 Решение арбитражного суда Хабаровского края от 30.09.2020 г. по делу № А73-12973/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/7e869d74-c8a4-46a6-ba58-82a292b39f7a> (дата обращения: 05.12.2023).

17 Решение арбитражного суда свердловской области от 23.09.2020 г. по делу № А60-38122/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/d807b235-6d52-4c50-84a5-31a190e11aa5> (дата обращения: 05.12.2023).

18 Решение арбитражного суда краснодарского края от 17.09.2020 г. по делу № А32-29462/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/c986obdc-12f8-4f00-b724-f2c7763e369f> (дата обращения: 05.12.2023).

квалификации административного правонарушения в качестве малозначительного только на том основании, что в соответствующей статье Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях ответственность определена за неисполнение какой-либо обязанности и не ставится в зависимость от наступления каких-либо последствий. Таким образом, административный орган обязан установить не только формальное сходство содеянного с признаками того или иного административного правонарушения, но и решить вопрос о социальной опасности деяния. Оценив характер и конкретные обстоятельства совершенного правонарушения, роль правонарушителя, а также иные обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, суд пришел к выводу о том, что совершенное обществом правонарушение возможно признать малозначительным на основании положений статьи 2.9 КоАП РФ.» Решение УФАС было признано незаконным.

10. Решение по делу № А32-50654/2019 АС Краснодарского края¹⁹

АО «Краснодаргоргаз» обратилось с заявлением об оспаривании постановления по делу об административном правонарушении вынесенное краснодарским УФАС, оп ст.9.21 КоАП РФ. Суд признал нарушение малозначительным и отменил постановление о привлечении к административной ответственности (малозначительность выражается в том, что заявитель, просивший подключения к газовой сети, потерял интерес к процедуре подключения, а вместе с тем не представило дополнительные документы, что привело к не нарушению прав заявителя). Дело прошло апелляцию, кассацию, вернулось в первую инстанцию и было постановлено то же решение.

Как мы видим, даже стандартное понятие, давно известное всем судьям вызывает ряд проблем при его применении, что можно говорить об отдельных, более редких категориях? Если мы посмотрим на ст. 4 ЗоЗК, в которой дается толкование ряда терминов, используемых в законе, порядка 9 из 25 терминов имеют явно оценочный характер. С учетом всего выше изложенного, по результатам анализа судебной практики, автором может быть выдвинут ряд вопросов:

1. Кто должен выявлять малозначительность, административный орган или суд? (полагаем, что оба).
2. Возможно ли заявление ходатайства о признании судом деяния в качестве малозначительного и отмене штрафа по делу об административном правонарушении? (полагаю, что возможно, как при непосредственной подаче заявления в суд, так и в рамках рассмотрения дела по существу или подготовке дела к рассмотрению)
3. Обязанность или право суда устанавливать малозначительность? (полагаю, что в целях установления истины по делу это обязанность, а не право).
4. Каковы критерии малозначительности? (требует более глубокое исследование, однако, в доктрине уже подобные предложения формировались).
5. Что происходит с постановлением по делу об административном правонарушении при признании малозначительности в деянии: оно отменяется или из него исключаются положения о назначенном наказании? (полагаем, что логичнее изменять действие постановления в части о наказании).
6. Необходимо дополнение Постановлений пленума ВАС № 58, № 10 и ВС № 5 и другие Постановления ВС РФ, в части малозначительности.
7. Дача центральным аппаратом ФАС разъяснения о применении малозначительности для территориальных управлений более подробно, в рамках одного документа.
8. Необходимо в КоАП РФ закрепить указание о недопустимости ограничений применения малозначительности по каким-либо отдельным статьям.

Что же касается судебной системы, то мы можем согласиться с позицией Смирновой М. Г. высказанной в рамках одного из докладов, согласно которой неправильное применение оценочных категорий несет в себе существенные интерпретационные риски, и может приводить к существен-

ным изменениям в судебной практике и даже злоупотреблению правом [9, с. 17]. Категория «малозначительность» во многом использовалась нами в качестве простейшего примера, демонстрирующего сложность проблем, с которыми сталкивается правоприменитель при работе с оценочными категориями. Как мы уже отмечали, в ЗоЗК существует значительное число таких понятий, многие из них имеют экономическое содержание, а как мы знаем, далеко не у каждого судьи арбитражного суда или сотрудника ФАС имеется экономическое образование, позволяющее эффективно работать с такими понятиями. Это лишний раз заставляет нас обратить внимание на данную, пока еще не разрешенную, на наш взгляд, доктринальной цивилистического процесса и конкурентного права проблему. Чем больше оценочных категорий получит хотя бы доктринальное описание, тем проще судам будет работать с ними на практике. А кроме того, может нам пора выдвинуть лозунг «Суд знает право, но не может знать всего»?

Пристатейный библиографический список

1. Бармина О. Н. Оценочные категории в праве: по мотивам судебно-арбитражной практики. // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 2. – С. 21-24.
2. Бершитский Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории. – М.: Логос, 2021. – 154 с.
3. Вайпан А. В., Габов А. В., Егорова М. А., Кинев А. Ю., Петров Д. А. Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций: монография / Отв. ред. доктор юридических наук М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2016. – 552 с.
4. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 8. – С. 47-50.
5. Мильский А. С. Малозначительность правонарушения, в законодательстве Российской Федерации о рекламе. // Административное право и процесс. – 2018. – № 8. – С. 53-57.
6. Рехтина И. В. Болоннев М. А. Виды оценочных категорий в гражданском процессе. // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 99-103.
7. Рясина А. С. Развитие научных представлений об оценочных категориях в российском праве // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 4-7.
8. Сергеева О. Ю. Ноянова А. А. Оценочные понятия в арбитражном процессе. // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 6. – С. 2-6.
9. Смирнова М. Г. Принципы права и оценочные категории: проблемы соотношения. // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сборник научных статей / Сост. и ред. Л.В. Войтович. – СПб: Астерион, 2021 – 522 с.
10. Титов Е. Е. Административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства РФ. // Автореф. дис. на соискание степени к.ю.н. – Екатеринбург, 2015. – 26 с.

19 Решение арбитражного суда краснодарского края от 16.09.2020 по делу № А32-50654/2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/cfce5ea7-oda3-470b-ae71-90e2696c8947> (дата обращения: 05.12.2023).

КУЧУК Максим Игоревич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИМАК Александр Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОРОЗОВА Анжелика Альбертовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИМАК Владислав Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДОНСКОЙ Василий Андреевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ В ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИРОВЫХ ПРАКТИК И РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В данной статье осуществляется всесторонний анализ этических и юридических вопросов, связанных с трансплантацией органов и тканей. Центральное внимание уделяется сравнению подходов к донорству в разных странах, включая изучение различий между международным и российским законодательством. Обсуждаются важные темы, такие как правовое регулирование донорства после смерти, этические дилеммы и социальные аспекты, с которыми сталкиваются медицинское сообщество и общество. Особое внимание уделено изучению различных моделей донорства, включая систему предполагаемого согласия во Франции и систему активного согласия в Германии, а также прогрессивному подходу, внедренному в Великобритании с принятием «Закона Макса и Кейры». Статья также рассматривает, как разнообразные законодательные подходы влияют на эффективность программ донорства и удовлетворение потребностей реципиентов, с учетом морально-этических норм и прав человека.

Ключевые слова: трансплантация органов, юридические аспекты, этика трансплантации, международные практики, Закон о погребении, этические дилеммы, социальная ответственность, российское и мировое законодательство, «Закон Макса и Кейры».

KUCHUK Maxim Igorevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PRIMAK Alexander Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOROZOVA Angelika Albertovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PRIMAK Vladislav Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DONSKOY Vasily Andreevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ETHICAL AND LEGAL DILEMMAS IN ORGAN TRANSPLANTATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF WORLD PRACTICES AND RUSSIAN REALITY

This article provides a comprehensive analysis of ethical and legal issues related to organ and tissue transplantation. Central attention is paid to comparing approaches to donation in different countries, including studying the differences between international and Russian legislation. Important topics are discussed, such as the legal regulation of donation after death, ethical dilemmas and social aspects faced by the medical community and society. Special attention is paid to the study of various donation models, including the system of presumptive consent in France and the system of active consent in Germany, as well as the progressive approach introduced in the UK with the adoption of the "Max and Keira Law". The article also examines how a variety of legislative approaches affect the effectiveness of donation programs and meeting the needs of recipients, taking into account moral and ethical norms and human rights.

Keywords: organ transplantation, legal aspects, ethics of transplantation, international practices, Law on burial, ethical dilemmas, social responsibility, Russian and world legislation, "Max and Keira's Law".

Трансплантация органов и тканей представляет собой одно из величайших достижений современной медицины, спасающее тысячи жизней ежегодно по всему миру. Однако, вместе с ее медицинскими преимуществами, эта практика порождает сложные этические, юридические и социальные вопросы. Особенно остро встают вопросы о правах доноров и реципиентов, а также о моральной и со-

циальной ответственности общества в контексте донорства органов после смерти.

Существуют различные модели регулирования донорства органов в разных странах. Например, во Франции применяется система предполагаемого согласия, где каждый гражданин считается потенциальным донором, если он не выразил противоположного желания при жизни. В Герма-

нии, напротив, используется система активного согласия, требующая от людей явного выражения желания стать донорами. В Великобритании недавно был принят «Закон Макса и Кейры», который смещает фокус на предположение согласия на донорство, одновременно предоставляя четкие механизмы для отказа.

Эти подходы отражают различные культурные, этические и юридические контексты, в которых они развивались. Важно учитывать, что эффективность каждой модели зависит не только от законодательства, но и от уровня общественного осведомления, доверия к медицинской системе, а также от культурных и религиозных взглядов на донорство и смерть.

Российское законодательство в этой области также эволюционирует, стремясь найти баланс между защитой прав человека и удовлетворением медицинских потребностей. Россия, подобно многим другим странам, сталкивается с вызовами, связанными с недостаточным количеством доноров, необходимостью обеспечения прозрачности и этичности процесса донорства, а также с необходимостью повышения общественного осведомления и доверия к донорским программам.

В контексте рассмотрения вопроса донорства после смерти особый интерес вызывает анализ законодательных норм разных стран, их соответствие морально-этическим стандартам общества и влияние на эффективность системы здравоохранения. В России, например, тема донорства остается актуальной и обсуждаемой, что подчеркивается регулятивным вмешательством в виде норм Гражданского кодекса и закона о погребении и похоронном деле. В свете этого, анализ иностранных моделей донорства, таких как презумпция согласия во Франции или принцип испрошенного согласия в Германии, может дать ценные уроки и возможные направления для совершенствования отечественной правовой базы.

Практика презумпции согласия, когда донорство органов считается разрешенным, если человек при жизни не выразил противоположного желания, находит всё большее распространение. В Великобритании данный подход получил новое дыхание благодаря введению «Закона Макса и Кейры», что еще раз подчеркивает роль законодательных инициатив в формировании донорской культуры. Ответы на эти вопросы имеют ключевое значение не только для совершенствования законодательства в сфере донорства, но и для развития общественного сознания и укрепления гуманитарных принципов в современном мире.

Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 года № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» олицетворяет правовую основу, на которой строится уважение к ушедшим из жизни. В нём чётко прописаны полномочия, связанные с правом каждого человека на достойное отношение к его останкам после смерти. В рамках этого закона каждый гражданин имеет возможность заблаговременно выразить своё мнение относительно судьбы своих органов и тканей после смерти, в том числе дать согласие или выразить запрет на их изъятие для трансплантации.

Особый интерес вызывает понятие «презумпции согласия», закреплённое в статье 8 вышеупомянутого закона. Эта норма предполагает, что в случае отсутствия прямого запрета от человека, его органы могут быть использованы для трансплантации. Конституционный суд РФ в 2016 году ут-

вердил, что такой подход не противоречит основному закону страны и способствует развитию трансплантологии, хотя он и вызывает определенные дискуссии в обществе и среди правозащитников. Критики указывают на то, что данная норма не всегда совпадает с приоритетом прав и интересов потенциального донора.

Пока человек жив, он обладает полной свободой выражения воли касательно своих биологических материалов, однако после его смерти вопрос стоит несколько иначе – исчезают личные неимущественные права, и вступает в силу необходимость уважительного отношения к его телу.

Важным шагом в развитии этого законодательства стал проект федерального закона, представленный Минздравом РФ 23 декабря 2019 года, который предусматривал предоставление родственникам умершего трёх часов на то, чтобы выразить несогласие на изъятие органов. Однако этот законопроект пока что не был принят [1].

Примеры из практики, такие как случай с 19-летней Алиной Саблиной, которая стала жертвой ДТП и ушла из жизни, не приходя в сознание, и постфактум стала донором органов, подчеркивают остроту проблемы. Родители девушки столкнулись с реальностью «презумпции согласия», узнав о произведённом изъятии органов уже после трагедии. Такие ситуации порождают необходимость пересмотра подходов и усиления информированности граждан о своих правах и возможностях в данной сфере [2].

Анализируя правовую природу распоряжения органами и тканями после смерти, можно сравнить её с завещанием в рамках гражданского права. Органы и ткани, таким образом, становятся объектами односторонней сделки, имеющей юридическую силу после смерти человека. В гражданском кодексе РФ прописаны специальные завещательные распоряжения, среди которых и завещательное возложение, позволяющее точно и недвусмысленно определить волю человека относительно будущей судьбы его органов и тканей. Это свидетельствует о возможности совершенствования правовых механизмов, связанных с донорством, в направлении уважения прав и свобод человека [3].

В данном контексте завещательное возложение выступает как весьма актуальный юридический инструмент, учитывая, что решения о донорстве органов и тканей носят благородную миссию спасения человеческих жизней и здоровья. Согласно пункту 1 статьи 1139 Гражданского кодекса Российской Федерации, подобные действия обладают высокой социальной значимостью. Любой человек, имеющий интерес в продолжении жизни и благополучии общества, может инициировать выполнение последней воли усопшего. При этом намерения покойного по управлению своими органами находятся в полном соответствии с законодательством о погребении и похоронном деле, отмечающим, что ни одна сторона не имеет права освободить наследника от обязательств по выполнению завета наследодателя. Наследнику же присуща значимая роль – он берёт на себя ответственность за реализацию завещания.

Чтобы распоряжение о донорстве органов и тканей приобрело юридическую силу, оно должно быть оформлено согласно установленной процедуре. Нотариальное заверение, как правило, необходимо согласно статье 1124 Гражданского кодекса РФ, но в данном случае оно не применимо из-за особенностей процедуры раскрытия завещания, которое

возможно лишь после предъявления свидетельства о смерти. Однако изъятие органов требует незамедлительности для сохранения их жизнеспособности.

Международный опыт в сфере трансплантологии разнообразен и демонстрирует множество подходов к правовому регулированию. Например, большинство стран, включая Россию, предпочли законодательное утверждение презумпции согласия на донорство после смерти. В Франции завещание, согласно статье 859 Гражданского кодекса, определяется как унилатеральный акт, позволяющий распоряжаться собственностью, включая не только материальные блага.

Германия следует принципу «запрашиваемого согласия», когда изъятие органов возможно лишь при наличии заявленной воли донорства при жизни, что удостоверяется специальным сертификатом. В немецком Гражданском уложении этот момент закреплён параграфом 1940, который допускает возложение на наследника определённых обязанностей через завещательное распоряжение, в том числе и касаясь донорства органов и тканей [6].

В Великобритании с 2019 года действует акт о предполагаемом согласии на донорство, известный как «Закон Макса и Кейры», названный в честь девятилетней Кейры Болл, ставшей донором для другого ребенка после трагической гибели. Этот закон отражает общественное стремление к гуманизму и сохранению жизней, подчеркивая важность донорства органов как поступка, несущего в себе глубокую этическую и социальную ценность.

Анализируя подходы к регулированию вопросов донорства и трансплантологии, можно отметить, что несмотря на различия в законодательстве разных стран, центральным аспектом остается уважение к воле умершего и интересам общества в целом. Принципы, заложенные в правовых системах, отражают культурные, этические и правовые традиции каждой страны.

В России, согласно статистике, число доноров органов и тканей неуклонно растёт, но по-прежнему остается относительно низким по сравнению с европейскими странами. Это обусловлено рядом факторов, включая отсутствие достаточного информирования населения и сложности правового регулирования в вопросах согласия на донорство.

Франция, в свою очередь, имеет более четкую правовую основу для неимущественных завещательных распоряжений, что открывает дверь для широкого спектра решений, связанных с донорством органов. Так, в 2016 году во Франции было реализовано примерно 5,8 трансплантаций на 1 миллион населения, что значительно превышает показатели многих других стран [5].

В Германии, где вопрос донорства регулируется очень строго, и действует принцип «запрашиваемого согласия», статистика показывает, что с каждым годом увеличивается число людей, готовых стать донорами. Однако, по данным Deutsche Stiftung Organtransplantation, ежегодно около 10,000 пациентов ожидают пересадку органов, а количество реально выполненных операций значительно меньше.

Закон «Макса и Кейры» в Великобритании, где предполагается согласие на донорство, стал прорывом в области трансплантологии. После его введения количество зарегистрированных доноров значительно увеличилось. Так, по данным NHS Blood and Transplant, в 2020 году в Англии количество людей, согласившихся на органдонорство после

смерти, достигло рекордных 80 %. Это свидетельствует о том, что принятые законодательные меры способствуют увеличению количества трансплантаций и спасению большего числа жизней.

Анализ мировой практики показывает, что законодательное урегулирование вопросов донорства органов и тканей оказывает значительное влияние на уровень донорства в странах. Принципы, на которых базируется законодательство, в значительной степени определяют эффективность системы здравоохранения в сфере трансплантологии и могут способствовать как увеличению числа спасенных жизней, так и повышению общественного доверия к процедуре донорства.

Пристатейный библиографический список

1. Проект Федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8145>.
2. Без предупреждения. Врачи законно изымают органы пациента. 08.04.2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/04/08/transplantation/>.
3. Кудашова Татьяна Геннадьевна О праве граждан распоряжаться своими органами и тканями // Известия ОГАУ. - 2012. - № 36-1. – С. 260. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prave-grazhdan-rasporyazhatsya-svoimi-organami-i-tkanyami>.
4. «Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона)» от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // из информационного банка «Международное право».
5. Бунытова Ф. Д. Виды завещательных распоряжений во французском гражданском праве. - (Наследование отдельных видов имущества). - Текст: непосредственный // Наследственное право. - 2012. - № 4. - С. 44-46.
6. Шрот У. Уголовно-правовые рамки донорства в ФРГ // Современное медицинское право. Сборник научных трудов. - М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2003. - С. 339-348.

КРИВОНОСОВА Софья Андреевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СУРКОВ Артём Николаевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

САВВАТЕЕВ Сергей Владимирович

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АРТЕМЬЕВ Роман Дмитриевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ОСНОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В статье компенсация морального вреда рассматривается в качестве меры юридической ответственности. Также были выделены четыре основания ее наступления, было указано, что они должны присутствовать все в совокупности, иначе ответственность не наступает, за некоторыми лишь исключениями, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: мера ответственности, основания возмещения морального вреда, неправомерность, вред, причинно-следственная связь, вина.

KRIVONOSOVA Sofya Andreevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SURKOV Artyom Nikolaevich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SAVATEEV Sergey Vladimirovich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ARTEMYEV Roman Dmitrievich

student at the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GROUNDS FOR COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

In the article, compensation for moral damage is considered as a measure of legal liability. Four grounds for its occurrence were also identified; it was indicated that they must be present all together, otherwise liability does not arise, with only a few exceptions provided for by the legislation of the Russian Federation.

Keywords: measure of responsibility, grounds for compensation for moral damage, illegality, harm, causation, guilt.

При изучении основ возмещения морального ущерба, мы считаем, что первым шагом будет определение правовой природы данного гражданско-правового института. Как мы уже отмечали ранее, согласно статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, компенсация морального ущерба является способом защиты гражданских прав. Однако в доктрине все способы защиты, как правило, разделяют на меры защиты и меры ответственности. А. П. Сергеев делает различие между этими категориями и считает, что меры защиты могут быть применены в любое время существования субъективного права, в то время как меры ответственности применяются только к виновным лицам, которые, таким образом, должны нести негативные последствия [3, с. 548]. Компенсация морального ущерба, согласно общему доктринальному мнению, относится к мерам ответственности. Мы считаем это обоснованным, поскольку сам законодатель, в статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливает, что при определении размера компенсации морального ущерба суд принимает во внимание степень вины нарушителя и другие значимые обстоятельства. Таким образом, вина является неотъемлемым условием наступления ответственности за причинение морального ущерба.

Однако следует обратить особое внимание на то, что основанием для компенсации морального ущерба является сам факт причинения ущерба. Не следует путать его с условиями наступления ответственности за причинение морального ущерба [4, с. 203-206]. Таким образом, условиями наступления гражданско-правовой ответственности являются совершение незаконного действия, причиненный ущерб, причинно-следственная связь между действием и ущербом, а также вина нарушителя. Рассмотрим каждое основание более подробно.

Как уже упоминалось ранее, вина является неотъемлемым условием наступления ответственности за причинение морального ущерба. Однако есть исключения из этого пра-

вила. Например, статья 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает случаи, когда компенсация морального ущерба выплачивается независимо от вины причинителя ущерба: при причинении ущерба жизни или здоровью гражданина в результате деятельности, представляющей повышенную опасность; а также в случаях его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного заключения под стражу или наложения административного взыскания, а также при распространении сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Таким образом, наступление ответственности без вины причинителя ущерба возможно только в исключительных случаях, указанных прямо в законе.

Следующим основанием для наступления ответственности за причинение морального ущерба является совершение незаконного действия. Незаконность заключается в нарушении норм объективного права, когда деятельность причинителя ущерба не соответствует его обязанностям как участника гражданско-правовых отношений. Однако в отношении компенсации морального ущерба есть свои особенности. Они состоят в том, что в данном случае противоправные действия возникают при нарушении личных неимущественных прав и нематериальных благ гражданина, а также при нарушении его имущественных прав в случаях, указанных законом. При этом Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит перечня противоправных деяний, так как это является оценочной категорией.

Важным элементом для наступления ответственности за причинение морального ущерба является факт причинения этого ущерба. В настоящее время применение принципа презумпции морального ущерба прямо не вытекает из российского законодательства. Однако пункт 32 Постановления Пленума Верховного Суда от 26 января 2010 года № 1 указывает, что поскольку потерпевший во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания в связи с причине-

нием ущерба его здоровью, предполагается, что моральный ущерб причинен. Следовательно, Верховный Суд Российской Федерации рекомендует презюмировать наличие морального ущерба в случае причинения ущерба жизни и здоровью гражданина. Анализ судебной практики показывает, что суды, исходя из этого положения, предполагают, что моральный ущерб причинен, и затем рассматривают вопрос о размере компенсации в денежной форме.

Тем не менее, законодательное закрепление принципа презумпции морального ущерба отсутствует. В данном случае должно действовать общее правило о распределении бремени доказывания, установленное в статье 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которому каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений [1, с. 384-386]. Таким образом, моральный вред необходимо доказать, а не просто сослаться на его причинение в исковом заявлении.

Последним немаловажным основанием наступления ответственности за причинение морального вреда является причинно-следственная связь между неправомерным поведением и причиненным вредом [2, с. 50]. Противоправное деяние должно быть необходимым условием наступления негативных последствий в виде физических или нравственных страданий. То есть причинно-следственная связь предполагает, что вред является следствием правонарушения и, если бы правонарушение не произошло, то никакого вреда бы не возникло.

Говоря о зарубежном опыте, обратимся первоначально к США. В США основания возмещения морального вреда определяются в соответствии с гражданским правом, и, хотя это может варьироваться в различных штатах, существуют общие принципы, которые рассматриваются судами при решении подобных дел.

В США возмещение морального вреда физическим лицам основывается на нескольких юридических принципах и прецедентах, признанных американской системой правосудия. Основные юридические основания включают следующие аспекты.

Если физическое лицо подвергается ложным утверждениям, которые порочат его репутацию, оскорбляют честь или вызывают страдания, суд может присудить компенсацию. Также нарушение частной жизни или конфиденциальной информации может стать основанием для компенсации морального вреда. Например, если частные данные физического лица были незаконно раскрыты, это может привести к эмоциональному страданию, за которое предоставляется компенсация. Незаконное лишение свободы может также послужить основанием для предоставления компенсации морального вреда. Эмоциональные травмы, вызванные неправомерным задержанием или арестом, могут быть признаны и судом взысканы.

Эти основания предоставляют общий обзор того, какие действия могут послужить основанием для требования компенсации морального вреда в рамках гражданского права США. Однако конкретные условия и стандарты могут различаться в зависимости от юрисдикции и прецедентов в конкретном штате.

В Соединенном Королевстве концепция «морального ущерба» или «морального вреда» не является признанным юридическим термином так, как это бывает в некоторых других правовых системах. Однако в Великобритании физические лица могут искать компенсацию за ущерб своей репутации, эмоциональные страдания или другие формы неэкономического ущерба через различные правовые принципы.

Так, Законы о клевете в Великобритании, управляемые общим правом и Законом о клевете 2013 года, предоставляют физическим лицам юридическую защиту, когда ложные заявления наносят ущерб их репутации. Клевета может быть совершена через либо письменные, либо устные высказывания. Право на конфиденциальность признается общим правом и Законом о правах человека 1998 года. Лица могут потребовать компенсацию, если их частная жизнь незаконно вмешивают или раскрывают, приводя к эмоциональному стрессу или ущербу репутации. Общий регламент по защите данных (GDPR) и Закон о защите данных 2018 года предоставляют лицам право контролировать свои персональные данные. Нарушения законов о защите данных, приводящие к эмоциональному стрессу или ущербу репутации, также мо-

гут повлечь за собой требования о компенсации морального вреда.

Во Франции концепция «морального ущерба» признана в юридических рамках, и у физических лиц есть законные основания для требования компенсации за вред, причиненный их моральным и нематериальным интересам.

Гражданский кодекс Франции в статьях 9 и 1382 подчеркивает важность защиты прав на частную жизнь и личные данные, предоставляя основание для требования компенсации за моральный ущерб. Статья 1240 Гражданского кодекса формулирует принцип гражданской ответственности, предоставляя физическим лицам право на компенсацию при ущербе, причиненном действиями других. Эти законы и некоторые другие формируют базу для компенсации за моральный ущерб во Франции.

В Индии основания для компенсации морального вреда регулируются как общими нормами гражданского права, так и специальными законами.

Гражданский кодекс Индии (Civil Code of India) закрепляет общие принципы гражданского права в Индии, включая ответственность за причинение вреда, могут служить основанием для требования компенсации за моральный вред.

Обращаясь к истории права, заметим, что в Римском праве основания для возмещения морального вреда не были так же четко и подробно разработаны, как в современных правовых системах. Тем не менее, в римской юриспруденции можно выделить несколько принципов, которые могли бы служить основаниями для возмещения морального вреда. Так, в римском праве *iniuria* означала незаконное нарушение права или нанесение ущерба чести и достоинству. Потерпевший мог предъявить иск о возмещении ущерба, включая моральный вред. К тому же, деликтные действия включали различные противоправные поступки, такие как клевета, оскорбление, причинение боли и страдания, которые могли привести к моральному ущербу. В зависимости от конкретной ситуации, потерпевший мог требовать компенсации. Несмотря на отсутствие формального института компенсации морального вреда, римская юриспруденция содержала элементы, которые могли бы обеспечить защиту личности и чести.

Таким образом, в России и в некоторых зарубежных странах основания компенсации морального вреда являются похожими.

К тому же, обобщая все вышесказанное и акцентируя внимание на Российской Федерации, можно сделать вывод, что основания компенсации морального вреда в соответствии с ГК РФ могут быть обозначены следующим образом. Прежде всего, компенсация морального вреда предполагает совершение неправомерного деяния. Это может быть любое действие (или бездействие), которое нарушает права, законные интересы и блага граждан. Также необходимо наличие фактического ущерба или страданий, вызванных неправомерными действиями, является существенным условием для возмещения морального вреда. К тому же деяние должно быть противоправным, то есть нарушать действующие нормы и правила, включая законы и другие нормативные акты, должна быть установлена причинно-следственная связь между неправомерным деянием и причиненным моральным ущербом. В большинстве случаев нужно наличие вины. Вина может быть умышленной или неосторожной, и ее степень учитывается при определении размера компенсации.

Пристатейный библиографический список

1. Бурцев А. А. Компенсация морального вреда: понятие и особенности // Вестник современных исследований. – 2018. – № 9.4 (24). – С. 384-386.
2. Кузнецова О. В. Возмещение морального вреда: практическое пособие. – Москва: Юстицинформ, 2009. – 67 с.
3. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н. [и др.] Гражданское право: учебник / Под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 1041 с.
4. Ежова Е. В. Компенсация морального вреда, особенности его возмещения // Новая наука: Проблемы и перспективы. – 2017. – Т. 1. № 3. – С. 203-206.

МАКЛЕЦОВА Ирина Кирилловна

аспирант кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии

ЭЛЕКТРОННЫЕ И НЕЭЛЕКТРОННЫЕ ЗАКУПКИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

В статье рассматриваются особенности проведения электронных и неэлектронных закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Так, более 10 лет приоритетной задачей государственной политики являлась цифровизация закупок и переход к электронным процедурам, однако, сложившаяся военно-политическая обстановка в мире, а также санкционная политика со стороны недружественных государств заставляет сменить курс открытости контрактной системы на «закрытость» закупок путем их проведения в неэлектронной форме. Автором на основе проведенного анализа сформулированы термины электронная и неэлектронная закупка, которые предложено закрепить на законодательном уровне.

Ключевые слова: цифровизация, электронные и неэлектронные госзакупки, контрактная система.

MAKLETSOVA Irina Kirillovna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

ELECTRONIC AND NON-ELECTRONIC PROCUREMENT FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

The article discusses the features of electronic and non-electronic procurement to meet state and municipal needs. Thus, for more than 10 years, the priority task of state policy has been the digitalization of procurement and the transition to electronic procedures, however, the current military and political situation in the world, as well as the sanctions policy on the part of unfriendly states, forces us to change the course of openness of the contract system to “closeness” of procurement by conducting them in non-electronic form. Based on the analysis, the author formulated the terms electronic and non-electronic procurement, which are proposed to be fixed at the legislative level.

Keywords: digitalization, electronic and non-electronic public procurement, contract system.

Маклецова И. К.

Всемирная тенденция к цифровизации всех процессов деятельности не могла обойти стороной сферу закупок товаров работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее- госзакупки). Целью цифровизации является создание единого информационного пространства для проведения госзакупок, что позволяет расширять географические границы рынка, привлекать большее количество участников закупок и создавать высокую конкуренцию между ними [1].

Впервые Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»¹ (далее —ФЗ о госзаказе) позволил обеспечить ощущение повышение информационной открытости госзакупок, поскольку закрепил в статье 16 требование о создании официального сайта для размещения информации о таких закупках. Так, в 2006 году заработал единый портал в сфере госзакупок zakupki.gov.ru, а с 2011 в ФЗ о госзаказе была закреплена обязанность публиковать информацию о госзакупках на едином портале zakupki.gov.ru с целью повышения их прозрачности и открытости.

Уже в 2014 году, с момента вступления в силу Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее- Закон о КС), была создана на базе портала zakupki.gov.ru единая информационная система в сфере закупок (далее- ЕИС).

Целью создания ЕИС было завоевание общественного доверия путем повышения открытости и транспарентности контрактной системы, а также повышения эффективности закупок [2].

Как верно отмечено ученым Шмелевой М.В. электронные закупки не только обеспечивают открытость и доступность информации в сфере закупок, а также выступают способом защиты общественных интересов [3].

По состоянию на первое полугодие 2023 года в ЕИС зарегистрировано более 950 тыс. организаций заказчиков и участников госзакупок², что делает ее одной из наиболее масштабных государственных информационных систем в России.

Планы закупок, извещение о проведении закупки, реестры недобросовестных поставщиков, реестры контрактов, единый реестр участников закупок - эта информация, которая в обязательном порядке подлежит размещению в ЕИС и является открытой для всех. При этом указанная информация должна быть полной и достоверной.

Возникает объективный вопрос о том, какая информация будет считаться полной и достоверной?

С одной стороны, исходя из буквального толкования Закона о КС все размещенные сведения в ЕИС являются достоверными для третьих лиц, которые к этим сведениям обращаются, однако, на практике далеко не всегда размещаемые в ЕИС сведения являются полными и уж тем более достоверными, несмотря на то, что согласно нормативно закреплённому принципу открытости и прозрачности сферы закупок лица, которые обращаются к таким сведениям, не должны сомневаться в их полноте и достоверности [4].

Выявить недостоверность информации в большинстве случаев возможно только в рамках проведения контрольных мероприятий по проверке полноты и достоверности, размещенных в ЕИС сведений.

При этом размещение неполной или недостоверной информации не всегда связано с умышленными действиями заказчика. Размещение недостоверной информации может

1 Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. I). Ст. 3105.

2 Единая Информационная система в сфере закупок. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/organization/search/results.html> (дата обращения: 04.08.2023).

быть связано с устаревшей информацией о постоянно закупаемом товаре, которая имеется у заказчика или по технической ошибке сведения размещены в ЕИС не в полном объеме.

Стоит отметить, что исходя из содержания норм Закона о КС именно на заказчика возложена обязанность по размещению достоверной и полной информации о госзакупке в ЕИС, и даже в случае неумышленного размещения недостоверной информации избежать привлечения к административной ответственности заказчику не удастся.

Итак, ЕИС позволяет аккумулировать всю информацию о госзакупках с использованием информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации, а также ее бесплатное предоставление и доступность.

При этом сама процедура проведения госзакупки осуществляется за пределами ЕИС прежде всего на электронных площадках технической функционал, которых и позволяет проводить госзакупки.

Назначение электронных площадок заключается в том, что между участниками госзакупок при организационно-правовом посредничестве и технической помощи оператора электронной площадки происходит закупки [5].

В ст. 2 Закона о КС закреплены такие два понятия как: 1) электронная площадка - сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на котором проводятся конкурентные электронные госзакупки (далее ЭП); 2) специализированная электронная площадка - информационная система, доступ к которой осуществляется с использованием защищенных каналов связи и на которой проводятся закрытые конкурентные госзакупки в электронной форме (далее СЭП).

Основным отличием СЭП от ЭП является прежде всего закрытость и ограниченность доступа к размещаемой на СЭП информации. Защищенность информации обеспечивается путем применения различных методов шифрования и аутентификации для безопасности и надежности передачи данных с использованием защищенных каналов связи.

Поскольку контрактная система построена на принципе открытости и прозрачности, приоритетными является способ проведения госзакупок на ЭП.

Так, распоряжением Правительства РФ от 12.07.2018 № 1447-р³ утвержден исчерпывающий перечень операторов ЭП и СЭП. В настоящий момент проводить госзакупки могут 8 ЭП (АГЗ РТ, АО ЕЭП, АО РАД, ЭП ТЭК-Торг, ЭП Фабрикант, АО «Сбербанк-АСТ», РТС-тендер, ЭП Газпромбанк) и 3 СЭП (АСТ ГОЗ, ГПБ, ЭП).

Стоит отметить, что на протяжении практически 10 лет действия Закона о КС работала единственная СЭП – АСТ ГОЗ, однако, с конца 2022 года в перечень СЭП вошли еще две электронные площадки: ГПБ, ЭП и на наш взгляд введение новых СЭП связано с увеличением проведения закрытых электронных процедур на фоне введения антисанкционных правил в сфере госзакупок.

Так, 08.03.2022 в целях защиты национальных интересов Российской Федерации в связи с недружественными действиями иностранных государств вступил в силу новые правила, согласно которым Правительство РФ вправе устанавливать случаи проведения закрытых конкурентных госзакупок (конкурс, аукцион) в дополнение к случаям, предусмотренным в ч.11 ст. 24 Закона о КС⁴.

Как ранее было отмечено, закрытые конкурентные процедуры не лишены возможности использования цифровых технологий при проведении закрытых электронных процедур путем размещения информации о госзакупках на СЭП.

При этом, после аккредитации на СЭП, любой участник закупки, приобретает право доступа к закрытым электронным процедурам, осуществляемым на СЭП в период дей-

ствия своей аккредитации (3 года), что, по нашему мнению, является слабой защитой информации о госзакупках.

Отметим, что за три месяца до введения антисанкционных правил в сфере госзакупок, в январе 2022 года вступил в силу «второй пакет оптимизационных поправок»⁵. Главной целью трансформации закона являлась открытость и доступность информации на всех этапах госзакупок.

Но не смотря на стремление к цифровизации неэлектронные конкурентные процедуры не утратили своей актуальности, особенно в условиях антисанкционной политики.

Однако проведение неэлектронной закупки возможно в исключительных случаях, предусмотренных законом. К неэлектронным процедурам относятся только закрытые способы госзакупок (закрытый конкурс, аукцион).

Итак, в зависимости от проведения госзакупок в электронной форме на ЭП (СЭП) или без использования цифровых платформ можно выделить электронные и неэлектронные процедуры госзакупок, определение которых отсутствует в Законе о КС, что, по нашему мнению, является пробелом в законодательстве.

К примеру, Закон Грузии о государственных закупках⁶ содержит термин «электронные торги», под которыми понимается процедура, состоящая из электронного тендера и упрощенного электронного тендера, во время которой претендент в срок, установленный законодательством Грузии, посредством единой информационной системы может сократить представленную им цену в целях соискания победы в процедуре закупки.

В целях полноты раскрытия содержания электронных и неэлектронных госзакупок, считаем целесообразным дополнить статью 3 Закона о КС пунктами 21 и 22 и изложить их в следующем содержании:

«21) электронная закупка — это процедура, при которой весь процесс государственных и муниципальных закупок осуществляется с использованием информационных технологий, а информация о таких закупках размещается в информационно-телекоммуникационной сети «Интерне», доступ к которой является открытым и доступным или доступ к которой осуществляется с использованием защищенных каналов связи»;

«22) неэлектронная закупка — это процедура, при которой весь процесс государственных и муниципальных закупок осуществляется без использования информационных технологий, а информация о таких закупках является закрытой».

В заключение необходимо отметить, что электронные госзакупки позволяют обеспечить прозрачность и открытость сферы госзакупок, снизить риски коррупции и повысить конкуренцию среди участников, однако, в условиях защиты государственных интересов при проведении госзакупок отказ от применения неэлектронных процедур невозможен.

Пристатейный библиографический список

1. Холкина Н. А., Швец А. В. Развитие цифровизации контрактной системы в сфере закупок // Финансовые рынки и банки. 2019. № 2.
2. Ханин С. В., Саберова М. Ш. Принцип открытости и прозрачности в законодательстве о контрактной системе // Юридическая техника. 2020. № 14.
3. Шмелева М. В. Электронные закупки как способ защиты общественных интересов // Legal Concept. 2019. № 4.
4. Юзевфвич Ж. Ю., Переверзева Н. А. Правовые гарантии реализации принципов контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд // БГЖ. 2018. № 3 (24).
5. Титова Г. Г. Гражданско-правовая роль электронной торговой площадки в определении поставщика товаров для публичных нужд // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 12-15.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2021 № 360-ФЗ.
7. Законодательный вестник Грузии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/31252?publication=80> (дата обращения 04.10.2023).
8. Распоряжение Правительства РФ от 12.07.2018 № 1447-р «Об утверждении перечней операторов электронных площадок и специализированных электронных площадок, предусмотренных Федеральными законами от 05.04.2013 № 44-ФЗ, от 18.07.2011 № 223-ФЗ» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4767; Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (Ч. II). Ст. 5375.
9. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Российская газета. – 2022. – № 51.

МАЛАЧЕВСКАЯ Таисия Вячеславовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОНОПЛИЦКАЯ Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАЙДУК Вячеслав Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАВРИЛЬЧЕНКО Карина Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖЕВЛАКОВА Дарья Максимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАРМОНИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ АУДИТА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

В эпоху глобализации финансовые рынки становятся все более взаимосвязанными, что подчеркивает необходимость гармонизации стандартов аудита на международном уровне. Эффективность и надежность финансовой отчетности становятся ключевыми факторами для обеспечения прозрачности и доверия в международной экономике. Внедрение международных стандартов аудита (МСА) является неотъемлемой частью этого процесса, направленного на гармонизацию бухгалтерского учета и аудиторских практик по всему миру. Особое внимание в исследовании уделяется влиянию крупных международных финансовых организаций, таких как МВФ и ЕС, на процесс унификации аудиторских стандартов, а также анализируются трудности и препятствия, с которыми сталкиваются развивающиеся страны при адаптации к этим стандартам. Акцентируется роль образовательных программ и аудиторских реформ в улучшении компетенций специалистов и повышении эффективности национальных аудиторских учреждений.

Ключевые слова: глобальные стандарты аудита, МСА, Международный валютный фонд, интеграция финансовых рынков, образовательные программы в аудите, национальные аудиторские учреждения, финансовая отчетность, развитие экономик.

MALACHEVSKAYA Taisiya Vyacheslavovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KONOPLITSKAYA Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GAYDUK Vyacheslav Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GAVRILCHENKO Karina Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHEVLAKOVA Darya Maksimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

HARMONIZATION OF GLOBAL AUDITING STANDARDS: GLOBAL CHALLENGES AND DEVELOPMENT STRATEGIES

In the era of globalization, financial markets are becoming increasingly interconnected, which underscores the need to harmonize auditing standards at the international level. The effectiveness and reliability of financial reporting are becoming key factors for ensuring transparency and trust in the international economy. The implementation of International Standards on Auditing (ISA) is an integral part of this process aimed at harmonizing accounting and auditing practices worldwide. The study focuses on the influence of major international financial institutions such as the IMF and the EU on the process of unification of auditing standards, and analyzes the difficulties and obstacles faced by developing countries in adapting to these standards. The role of educational programs and audit reforms in improving the competencies of specialists and increasing the effectiveness of national audit institutions is emphasized.

Keywords: global auditing standards, ISA, International Monetary Fund, integration of financial markets, educational programs in auditing, national audit institutions, financial reporting, economic development.

В современном мире, где экономическая глобализация усиливает взаимозависимость международных финансовых систем, унификация стандартов аудита становится ключевым элементом для обеспечения прозрачности и доверия в международном бизнесе. Это исследование направлено на анализ и оценку процесса интеграции международных стандартов аудита, изучение его влияния на глобальные финансовые операции и выявление вызовов и перспектив, связанных с этим процессом.

Международные стандарты аудита (МСА) играют важную роль в создании единых требований и процедур, которые обеспечивают качество и сравнимость аудиторских услуг на международном уровне. Внедрение этих стандартов способствует повышению доверия к финансовой отчетности, что критически важно для инвесторов и других участников рынка. Глобальные финансовые институты, включая Международный валютный фонд и Европейский Союз, активно продвигают унификацию аудиторских стандартов как часть широкомасштабных усилий

по стабилизации и регулированию международных финансовых рынков.

Однако процесс интеграции МСА сопряжен с рядом трудностей, особенно для развивающихся стран. Эти страны зачастую сталкиваются с проблемами адаптации к международным стандартам в силу отсутствия необходимых ресурсов, инфраструктуры и квалифицированных специалистов. Кроме того, необходимость соблюдения строгих международных стандартов может вызывать дополнительное финансовое бремя для местных бизнесов.

Унификация аудиторских стандартов предоставляет значительные возможности для развития. Она способствует улучшению качества финансовой отчетности и укреплению финансовой устойчивости компаний, а также повышает прозрачность и ответственность в бизнесе. Образовательные инициативы и реформы в области аудита могут помочь странам и компаниям лучше адаптироваться к международным стандартам, обеспечивая не-

обходимое обучение и развитие навыков у специалистов в этой области [2, с. 77].

Однако, как показывает данное исследование, путь к глобальной стандартизации аудита не лишен сложностей. В частности, рассматривается роль крупных международных финансовых институтов, таких как МВФ и ЕС, в продвижении этих стандартов, а также анализируются вызовы, с которыми сталкиваются развивающиеся страны при их принятии. Особое внимание уделяется необходимости образовательных инициатив и профессионального развития в области аудита, а также значению эффективной работы государственных аудиторских органов для достижения высоких стандартов финансовой отчетности.

Исследование в области международных стандартов аудита (МСА) представляет собой сложную мозаику разнообразных мнений и подходов. С одной стороны, есть мнение, что добровольное принятие МСА способствует гармонизации использования финансовой информации между странами, облегчая глобальное ведение бизнеса. С другой стороны, существует убеждение, что без строгой нормативной и законодательной основы эффективное принятие МСА невозможно [1, с. 448].

В этом контексте роль аудиторской профессии становится критически важной, особенно в международных финансовых учреждениях, оказывающих помощь развивающимся странам. Аудит обеспечивает разумное использование ресурсов и предотвращает мошенничество, однако глобальная гармонизация аудиторских практик все еще далека от реализации. Для достижения этой цели необходимы усилия по совершенствованию стандартов аудита и их применению в различных юридических системах.

Дебаты о международных стандартах аудита в последние десятилетия сосредоточились в основном на развитых экономиках, в то время как в развивающихся странах наблюдается отставание в этом процессе. Поэтому текущее исследование направлено на заполнение пробелов в литературе относительно внедрения МСА в развивающихся экономиках, изучая динамику их принятия и влияние на финансовую отчетность.

Институциональный изоморфизм играет ключевую роль в понимании того, как организации адаптируются к ожиданиям и нормам различных заинтересованных сторон. В этом контексте, иностранные корпорации и международные учреждения, такие как ВТО и ЕК, оказывают существенное влияние на политику аудита в различных странах.

Однако принудительный изоморфизм в этой сфере также важен, поскольку страны, стремящиеся к привлечению иностранных инвестиций и участию в глобальной торговле, часто подвергаются давлению со стороны более развитых стран и международных институтов для принятия и гармонизации МСА.

Современные глобальные экономические реалии и сложности международной торговли акцентируют внимание на необходимости принятия международных стандартов аудита, чтобы укрепить экономическое развитие через привлечение иностранных инвестиций и улучшение условий для получения займов от международных финансовых организаций. В этом контексте особое внимание уделяется роли образования и развития конституционных систем в странах с формирующейся рыночной экономикой, поскольку они являются ключевыми факторами для успешного внедрения и применения МСА.

В последние десятилетия мировая экономика свидетельствует о значительных изменениях, среди которых особенно выделяется тенденция к глобализации финансовых рынков. Это породило необходимость в гармонизации международных стандартов аудита (МСА), что важно для обеспечения сопоставимости и прозрачности финансовой отчетности на глобальном уровне. Внедрение МСА способствует унификации методологий аудита и повышает качество финансовой отчетности, что, в свою очередь, укрепляет доверие инвесторов и участников рынка.

Международные финансовые учреждения, такие как Международный валютный фонд (МВФ) и Европейский союз (ЕС), играют ключевую роль в продвижении этих стандартов. Они часто используют свое влияние для оказания давления на правительства развивающихся стран, включая привязку предоставления финансовой помощи к условию принятия МСА. Эта практика способствует более широкому принятию и внедрению МСА в различных юрисдикциях.

Однако существуют значительные препятствия для полного принятия и эффективного внедрения МСА, особенно в развивающихся странах. Одним из основных вызовов является недостаток квалифицированных специалистов в области аудита. Многие страны сталкиваются с проблемой недостаточной подготовки и квалификации аудиторов, что затрудняет понимание и применение сложных международных стандартов. Кроме того,

государственные аудиторские органы часто испытывают дефицит финансирования и ресурсов, что ограничивает их возможности по повышению качества аудиторских проверок и обучению персонала.

Для преодоления этих барьеров необходимо акцентировать внимание на развитии образовательных программ и курсов повышения квалификации для аудиторов. Важно также создавать эффективные системы управления внутри аудиторских органов, что позволит лучше распределять ресурсы и улучшать качество аудиторских проверок. В долгосрочной перспективе эти меры способствуют не только укреплению финансовой отчетности и аудита в отдельных странах, но и обеспечивают более прочную и прозрачную глобальную экономическую систему.

Международный валютный фонд (МВФ) и Европейский союз (ЕС) выступают как влиятельные игроки в глобальной финансовой арене, часто осуществляя воздействие на национальные правительства и корпорации. Они стимулируют применение международных стандартов, нацеленных на повышение прозрачности и ответственности в финансовой сфере. Это подтверждается политиками и стратегиями, которые Всемирный банк рекомендует в своих докладах. Такие рекомендации обычно включают создание национальных профессиональных и регуляторных органов в области бухгалтерского учета и аудита.

Внедрение современных международных практик часто является ключевым условием для получения кредитов от международных финансовых организаций, особенно в случаях, когда развивающиеся страны испытывают серьезные финансовые трудности. В таких обстоятельствах МВФ настаивает на принятии международных стандартов аудита (МСА), а также кодексов корпоративного управления и международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) как часть условий для предоставления финансовой помощи [3, с. 320].

Однако, внедрение МСА представляет собой сложную задачу, особенно когда речь идет о процессах и процедурах, а не о содержании конкретных стандартов. На сегодняшний день одним из основных препятствий является отсутствие необходимых квалификаций среди сотрудников государственных аудиторских органов, которые зачастую не обладают достаточными знаниями в области аудиторской методологии. Кроме того, государственные органы часто сталкиваются с ограничениями в финансировании, что препятствует найму дополнительных инспекторов и повышению квалификации существующего персонала.

Для решения этих проблем важно сосредоточить внимание на разработке и внедрении образовательных программ и курсов повышения квалификации, которые смогут обеспечить соответствующий уровень подготовки специалистов в области аудита. Это может включать как базовое обучение принципам и практике аудита, так и более глубокое изучение специфических стандартов и методологий. Также необходимо уделять внимание разработке и внедрению эффективных систем управления внутри государственных аудиторских органов, что позволит более эффективно распределять ресурсы и улучшить качество аудиторских проверок.

Принятие и успешное внедрение МСА в развивающихся странах требует совместных усилий как со стороны международных финансовых учреждений, так и со стороны национальных правительств и регуляторов. Это поможет не только укрепить финансовую стабильность и устойчивость в этих странах, но и способствует более интегрированной и прозрачной глобальной экономической системе.

Пристатейный библиографический список

1. Галкина Е. В. Бухгалтерский учет и аудит. – М.: КноРус, 2018. – С. 448.
2. Брыкова Н. В. Основы бухгалтерского учета, налогов и аудита: Учебник. – М.: Academia, 2017. – С. 77.
3. Суворова С. П. Международные стандарты аудита // С. П. Суворова, Н. В. Парушина, Е. В. Галкина. – М.: Инфра-М, Форум, 2017. – С. 320.
4. Серебрякова Т. Ю. Теория и методология сквозного внутреннего контроля. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 328.
5. IAASB. Handbook of International Quality Management, Auditing, Review, Other Assurance, and Related Services Pronouncements. 2022 Edition. – New York: IAASB, 2023.
6. Пугачев В. В. Международные стандарты аудита. 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Дело и сервис, 2009.

НИКОЛАЕНКО Наталья Сергеевна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЕРЕНДЯЕВА Софья Дмитриевна

студент 4 курса бакалавриата направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОЛЬ ИНЖИНИРИНГОВЫХ УСЛУГ И ИХ ПРЯМОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится правовой анализ инжиниринговых услуг, выступающих одним из обеспечительных факторов роста национальной экономики Российской Федерации. Рассматривается ряд проблемных вопросов, возникающих при заключении инжиниринговых договоров. Изучается использование инжиниринговых конструкций в соглашениях между участниками гражданского оборота, их значение в хозяйственной жизни общества как вида экономической деятельности.

Ключевые слова: инжиниринг, инжиниринговые услуги, инжиниринговые операции, строительство, сравнительно-правовой анализ.

NIKOLAENKO Natalya Sergeevna

student of the 4th course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DERENDYAEVA Sofiya Dmitrievna

student of the 4th course of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE ROLE OF ENGINEERING SERVICES AND THEIR DIRECT IMPACT ON THE RUSSIAN ECONOMY

The article provides a legal analysis of engineering services, which are one of the supporting factors for the growth of the national economy of the Russian Federation. A number of problematic issues that arise when concluding engineering contracts are considered. The use of engineering structures in agreements between participants in civil transactions and their significance in the economic life of society as a type of economic activity are studied.

Keywords: engineering, engineering services, engineering operations, construction, comparative legal analysis.

Сегодня для мирового рынка характерен бурный рост количества совершаемых международных операций, связанных с инженерно-консультационными услугами. Данный факт позволяет выделять инжиниринговые услуги как самостоятельный объект международной торговли, а также говорить о формировании в мире особенного рынка инжиниринга. Можно отметить постоянное увеличение объема оказания инжиниринговых услуг: все чаще в экспорте государств можно отметить положительную динамику роста количества соглашений о купле-продаже инноваций, технологий, оборудования, поэтому, значение рынка инжиниринга увеличивается, следовательно необходимо внимательным образом отнестись к изучению отношений, связанных с инжинирингом: как с правовой точки зрения, так и с точки зрения важности их для роста экономики. В связи с этим можно сделать вывод, что в современном мире для развитых государств характерно, что в них рынок инжиниринга занимает все более значимую роль. Достижения науки и техники позволяют решать самые различные задачи, стоящие перед производством, выступая средством запуска инновационной продукции, что в свою очередь способствует росту инвестиционной привлекательности отдельно взятого государства.

При рассмотрении соотношения рынка инжиниринга и географии, видно «преобладание экспорта инжиниринговых услуг в развивающиеся страны, большая часть из которых приходится на страны Ближнего Востока и Азии» [1, с. 107]. Особенно можно отметить столкновение западноевропейских и американских инжиниринговых компаний с китайскими инжиниринговыми фирмами.

Оказание инжиниринговых услуг все активнее набирает обороты, но в правовом поле Российской Федерации до сих

пор окончательно не сформировалось легальное определение инжиниринга и инжиниринговых услуг. Существующие попытки определить предмет данного понятия охватывают лишь отдельные аспекты инжиниринговой деятельности, но не им не удается в полной мере, всесторонне охватить содержание явления и четко отграничить отношения, связанные с инжинирингом, от других правоотношений. Хотя любые действия по осмыслению инжиниринга с точки зрения права можно оценить лишь положительно, т. к. так или иначе посредством обсуждения постепенно удастся более конкретно определить границы обсуждаемого вопроса и таким образом отвечать на разного рода проблемные вопросы, возникающие сегодня при осуществлении инжиниринговой деятельности.

Формирование рынка инжиниринга в РФ началось с отрасли электроэнергетики: еще в 2000-х годах перед компанией РАО «ЕЭС России» были установлены определённые цели для реализации проектов в сфере инжиниринга. Второй по очереди стала нефтегазовая отрасль, где активно используются ЕРСМ (комплексные) контракты.

Например, некоторые авторы заключают, что «договор об оказании инжиниринговых услуг прежде всего выступает как вид договора возмездного оказания услуг» [2, с. 130]. Действительно, утверждение можно подтвердить ссылкой на ст. 749 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), согласно которой у заказчика есть право заключить договор об оказании услуг с инженером (инженерной организацией), причем без согласия подрядчика.

Помимо доктринальных исследований, в Российской Федерации разрабатывалось несколько проектов Федеральных законов, которые должны были по принятию урегулировать

в России осуществление инжиниринговых услуг и установить правила, по которым должен жить рынок инжиниринга.

В «Проекте Федерального закона «Об инжиниринге и государственной поддержке инжиниринговой деятельности в Российской Федерации»» [3], представленный Союзом машиностроителей России, в частности Комиссия по развитию инжиниринга в машиностроении, предлагается следующий вариант легального определения инжиниринговой деятельности – это «процесс, направленный на создание и реализацию на рынке инжиниринговых услуг».

В «Концепции Федерального закона «Об инженерной (инжиниринговой) деятельности в Российской Федерации»» (под общ. редакцией И. В. Мещерина) инженерная (инжиниринговая) деятельность определяется как «интеллектуальная деятельность, осуществляемая для целей проектирования (конструирования), строительства (производства) и обеспечения эксплуатации (применения) инженерных объектов» [4].

Также предлагается ввести ограничения по субъектному составу путем введения двух статусов «инженер-интерн» и «профессиональный инженер». Таким образом предполагается, что в отношениях, возникающих по поводу оказания инжиниринговых услуг, будет иметь место специальный субъект, который наделен полномочиями по оказанию консалтинговых и экспертных услуг, занимать некоторые должности в инжиниринговых организациях, обладать правом подписания технической документации. К достоинствам Концепции можно отнести тот факт, что предполагается законодательно урегулировать субъектный состав инжиниринговых отношений. К тому же в зарубежных НПА, связанных с правовым регулированием инжиниринговой деятельности, в той или иной степени регулируется правовой статус инженеров, оказывающих инжиниринговые услуги. Можно предположить, что четкое правовое регулирование вносит ясность в отношения по поводу инжиниринга, что положительно сказывается на стабильности экономики. К тому же для государств с развитым рынком инжиниринга характерно право именно аттестованных инженеров (т. е. физических лиц), а не инжиниринговых организаций как юридических лиц, заниматься оказанием инжиниринговых услуг, что автоматически повышает личную ответственность исполнителя.

Авторы считают, что разработка собственных технологий – это не во всяком случае самый рентабельный вариант по сравнению с трансфертом технологий (в т. ч. и при наличии необходимых ресурсов: человеческих, экономических и т. д.).

Росстат в своих статистических данных демонстрирует соотношение технологического импорта и экспорта РФ за 2020 г., согласно которым можно сделать вывод, что большая часть приходится именно на инжиниринговые услуги (причем данную тенденцию можно отметить и в предыдущие годы) [5].

На сегодняшний день можно отметить большое количество коммуникаций между РФ и КНР в области трансфера технологий и инжинирингового взаимодействия.

Во-первых, трансферу технологий между РФ и КНР способствует действующие госпрограммы – «Национальная технологическая инициатива 2035» (РФ) и «Made in China 2025» (КНР).

Во-вторых, стоит отметить научное межгосударственное взаимодействие. В частности, около 700 университетов в РФ и КНР поддерживают и развивают партнерские отношения [6]. Схожая тенденция имеется и в развитии научных контактов, т. к. действует не менее 7 крупных совместных научных проектов.

В-третьих, между РФ и КНР имеет место сотрудничество в области проектирования и разработки технологий и инноваций:

1) Сотрудничество «Вертолеты России» (РФ) и «Avicopter» (КНР) по созданию модели тяжелого вертолета AC332 AHL [7].

2) Сотрудничество между ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (РФ) и «Сомас» (КНР) по разработке среднемагистральных пассажирских самолетов [8, с. 16].

Таким образом, можно сделать уверенный вывод о росте взаимодействия между РФ и КНР в области трансфера технологий, являющегося составляющей частью более широкого понятия инжиниринга. На продемонстрированных примерах можно проследить явную положительную динамику влияния трансфера технологий и инжиниринга в межгосударственном сотрудничестве на экономику РФ. Дальнейшее развитие отношений по сотрудничеству в сфере технологий, модернизации и инноваций является важным фактором роста российской инновационной экономики.

Делая выводы, можно подтвердить, что инжиниринговые услуги сегодня уверенно можно назвать самостоятельным объектом международного рынка и межгосударственной торговли, занимающим все более значительную роль – растет объем рынка инжиниринговых услуг, также проанализированная статистика и примеры из хозяйственной жизни наглядно демонстрируют положительное влияние на рост экономики государств, активно участвующих во взаимодействии в сфере инжиниринга и трансфера технологий.

Приставленный библиографический список

1. Рыбец Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке // Российский внешнеэкономический вестник. - 2016. - № 1. - С. 101-111.
2. Люкшин А. М. Договор оказания инжиниринговых услуг // Бизнес, менеджмент и право. - 2010. - С. 130-138.
3. Проект Федерального закона «Об инжиниринге и государственной поддержке инжиниринговой деятельности в Российской Федерации» (подготовлен Союзом машиностроителей России). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/695219>.
4. Концепция Федерального закона «Об инженерной (инжиниринговой) деятельности в Российской Федерации» (под общ. ред. И. В. Мещерина). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archiv.nop.ru/upload/iblock/4e7/>
5. Россия в цифрах 2020. Росстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf.
6. Fedotova N. L., Solovyeva E. B., Vtorov V. B., Yun L. G. Implementing sino-russian educational programs for training chinese engineers // Integration of education. - 2019. - № 2 (95). - С. 164-181.
7. Сотрудничество «Вертолеты России» с Avicopter. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aex.ru/m/news/2019/6/5/198194/>.
8. Соколова Е. С., Леонтьева Л. С., Шкарина В. С. Перспективы российско-китайского сотрудничества по обмену технологиями в сфере цифровизации: текущие тенденции и пути развития // Научный результат. Экономические исследования. - 2022. - № 2. - С. 13-22.

МОЖЕНКО Никита Сергеевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность темы обусловлена тем, что общественные отношения постоянно развиваются, а правовые принципы редко подлежат изменениям, в отличие от обычных норм права. В статье происходит анализ принципа состязательности гражданского процессуального права, а именно его нормативное закрепление, содержательные элементы, характерные черты, позиции учёных, пробелы правового регулирования, способы устранения пробелов, собственные выводы. Происходит анализ некоторых вопросов судебной практики, которые в дальнейшем могут быть урегулированы. Автором также подчёркивается возможность и необходимость устранения некоторых пробелов.

Ключевые слова: принцип, состязательность, гражданский процесс, гражданское судопроизводство, гражданское процессуальное право, гражданский процессуальный кодекс.

MOZHENKO Nikita Sergeevich

student of the Law School Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL NATURE OF CIVIL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the topic is due to the fact that social relations are constantly developing, and legal principles are rarely subject to change, unlike ordinary norms of law. The article analyzes the adversarial principle of civil procedural law, namely its normative fixation, content elements, characteristic features, positions of scientists, gaps in legal regulation, ways to eliminate gaps, own conclusions. There is an analysis of some issues of judicial practice, which can be further regulated. The author also emphasizes the possibility and necessity of eliminating some gaps.

Keywords: principle, adversarial nature, civil procedure, civil proceedings, civil procedural law, civil procedure code.

«Состязательность» выступает синонимом слова – соревновательность. Также один из авторов называет эту категорию, как «спортивно-юридическое соревнование юристов» [1].

Стороны гражданского процесса, то есть истец и ответчик, которыми они являются на основании ст. 38 ГПК РФ, соревнуются в зале судебного заседания, приводя те или иные факты для получения наилучшего для них результата, вынесенного судебным решением.

Принцип состязательности гражданского судопроизводства является важнейшим основополагающим началом. Он нашёл своё выражение в нормативно-правовом акте, обладающим наивысшей юридической силой на территории РФ – Конституции РФ, а именно в ст. 123. Также происходит его закрепление и в ГПК РФ, а именно в ст. 12.

Исходя из позиции учёных гражданского процесса, можно выделить характерные черты принципа состязательности [2]:

- 1) состязательность не может быть без принципа равноправия (взаимосвязь принципов, которая обусловлена взаимоисключением, в случае отсутствия одного из них);
- 2) представление сторонами доказательственных материалов по своей инициативе (подтверждение возникновения, изменения, прекращения своих прав и интересов конкретными фактами и сведениями о них);
- 3) каждая сторона доказывает обстоятельства, на которые она ссылается (является основанием требований и возражений).

Исходя из первой характерной черты, необходимо отметить, что авторы придерживаются следующего мнения. Они считают, что нет необходимости закреплять два принципа, ведь они взаимосвязаны (в случае отсутствия одного из них происходит взаимоисключение).

Мы также придерживаемся такой позиции, что принцип равноправия и принцип состязательности имеют тесную связь. Ведь без равенства прав сторон нельзя говорить об их состязательности. Потому что в случае неравенства прав сторон, будет происходить превосходство (дисбаланс) одной из них, в результате чего принцип состязательности превращается в принцип «доминирования».

Следующим раскрытием содержания данного принципа выступают такие черты, как [3]:

- 1) зависимость действий суда от требований истца и возражений ответчика (то, как стороны проведут процесс, закладывается в основу судебного решения);
- 2) свободное распоряжение процессуальными правами (взаимосвязь принципов диспозитивности и состязательности);
- 3) свободное использование средств доказывания (стороны сами определяют, в пределах закона, методы и средства доказывания своей позиции);
- 4) участие в деле лично или через представителя (институт представительства играет роль в судебном процессе);
- 5) обязанность сторон доказывать факты, на которые она ссылается.

Исходя из данной характеристики, мы видим, что происходит объединение принципа диспозитивности и принципа состязательности. По нашему мнению, можно пытаться объединять хоть все принципы гражданского процесса, ведь по факту, они все взаимосвязаны, потому что являются фундаментом данной отрасли, который образует систему, но этого делать не нужно. На них происходит строение и первое представление о гражданском судопроизводстве РФ.

Исходя из анализа, необходимо понимать, что объединять закреплённые принципы нет необходимости. Да, они все взаимосвязаны, но их закрепление отдельными руково-

дьячими идеями не является ошибочным, оно наоборот помогает понять более глубокий смысл каждого принципа и вскрыть суть гражданского судопроизводства РФ.

Подводя некоторый итог, необходимо дать собственную дефиницию принципу «состязательность». Принцип состязательности – это демократическая основа гражданского судопроизводства, посредством которой происходит разрешение спорного материального правоотношения судом, путём подобранной сторонами качественной доказательной базы и её представлению в процессе, влияющей на возникновение, развитие и окончание гражданского делопроизводства.

В современном мире выделяются некоторые проблемы реализации данного принципа [4].

Рассматривалось дело¹ о признании человека недееспособным без присутствия заявителя. К тому же, было отказано в праве обжаловать судебное решение о признании его недееспособным. По определённым обстоятельствам заявитель (недееспособный) не смог посетить зал судебного заседания, в результате чего было вынесено такое решение суда. В дальнейшем произошло выявление Европейским судом нарушения права на справедливое судебное разбирательство (нарушение принципов состязательности и равноправия).

Исходя из такой ситуации, необходимо понимать, что принцип состязательности был нарушен, а именно в части обеспечения права каждого быть выслушанным в судебном заседании. Ведь в этом и заключается суть спора – каждому изложить свою позицию. А электронное правосудие, является, на наш взгляд, решением данной проблемы. Ведь в большинстве жизненных ситуаций (местоположение, состояние здоровья, наличие свободного времени) человек сможет присутствовать во время осуществления правосудия. Да, были внесены дополнения в ГПК РФ, а именно в абз. 2 ч. 1 ст. 284, которые могут определить местоположение осуществления правосудия по месту нахождения гражданина. Но, всё же считаем необходимым ввести некоторые коррективы касательно формы. А именно введение абзаца третьего в ч. 1 ст. 284, в котором сформулировать следующую норму: «Если личное участие недееспособного гражданина создаёт опасность его жизни и здоровью или жизни и здоровью окружающих лиц, при наличии технической возможности и оснащённости суда и медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь недееспособному, рассмотрение дела о признании гражданина недееспособным возможно с применением систем видеоконференцсвязи по правилам ст. 155.1 ГПК РФ». Такая практика закрепляется как раз в Постановлении Пленума Верховного суда РФ².

Данная сфера правосудия не настолько хорошо разработана, поэтому её необходимо совершенствовать в результате складывающихся жизненных казусов, чтобы в дальнейшем не происходило нарушение основ процесса.

Исходя из действующего ГПК РФ, можно выделить ещё одну проблему. Согласно ст. 45 ГПК РФ, в гражданском судопроизводстве может участвовать прокурор. Прокуратура РФ,

как мы с вами понимаем, по сравнению с обычными гражданами или юридическими лицами, имеет более весомые возможности по сбору доказательств. А это прямо наводит на мысль о том, что происходит нарушение принципа состязательности, а также принципа равноправия (например, право на запрос определённых документов). В данной ситуации сторона ответчика будет более слабой, относительно возможности привести в аргументации те или иные доказательства, тогда происходит воплощение ранее упомянутого принципа «доминирования» одной стороны над другой.

Нужно отметить некоторую практику судов, сложившуюся у нас. Прокурор относится к государственным служащим³, а судья нет, но так или иначе они входят в систему государственных органов⁴. А когда в судебном процессе одной из сторон является прокурор, то со стороны суда начинает происходить дискриминация. Судья относится более надёжно к представителям надзорного органа, и чаще выносит решение в их пользу. Тем самым начинается «пошатывание» принципа состязательного процесса, ведь сотрудник прокуратуры имеет уже заранее установленный вес для суда в гражданском процессе.

Ещё одним моментом доминирования прокурора в судебном разбирательстве можно обозначить закреплённую норму, а именно ст. 189 ГПК РФ [5]. Согласно содержанию данной нормы, прокурор, как одна из сторон процесса, даёт заключение после исследования всех доказательств. Прямо перед тем, как судьи удаляются в совещательную комнату, стороны узнают позицию прокурора по делу (не заблаговременно). То есть, у оппонента должностного лица надзорного органа нет возможности подготовить возражения и опровергнуть позицию сотрудника прокуратуры дополнительными способами, методами и доказательствами.

Всё это происходит в результате расширения полномочий прокурора в гражданском процессе. По нашему мнению, на данный период времени дальше расширять их нет смысла, а также это может привести к существенному нарушению основ действующего законодательства, либо к их пересмотру и корректировке. Поэтому нынешнее положение прокурора в гражданском судопроизводстве хоть и имеет некоторые проблемы, но расширять полномочия нет необходимости. Такого же мнения придерживался и ВАС РФ⁵.

Не отходя от проблем принципа состязательности, необходимо также отметить институт представительства. Как уже отмечалось ранее, в силу участия прокурора происходит «пошатывание» принципа состязательности. А как же происходит дело при участии представителя (адвоката)?

При анализе действующего ГПК РФ возникает вопрос, касательно представителей, назначаемых судом. Ст. 50 ГПК РФ, закрепляет, что суд обязан назначить представителя от-

1 Штукатуров против России: постановление Европейского Суда по правам человека от 27 марта 2008 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902140946> (дата обращения: 20.02.2023).

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019. – № 50. «О некоторых вопросах, возникающих в связи с рассмотрением судами административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке» // «Российская газета». – № 276. – 06.12.2019. – П. 9.

3 Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // «Собрание законодательства РФ». – 20.11.1995. – № 47. – Ст. 4472; 2023. – № 1 (часть I). – Ст. 39.

4 Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 19.12.2022) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // «Российская газета». – № 170. – 29.07.1992; № 290. – 22.12.2022. – Ст. 1 @@ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // «Собрание законодательства РФ». – 20.11.1995. – № 47. – Ст. 4472; 2023. – № 1 (часть I). – Ст. 39. – Ст. 1.

5 О проекте федерального закона № 327138-4 «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»: письмо ВАС РФ от 13.12.2006. № ВАС-С-05/93-1739.

ветчику, если его место жительства неизвестно (а также иные случаи, предусмотренные федеральным законом). Но вдруг происходит ситуация, в которой представитель не может качественно понять позицию ответчика, всех тех обстоятельств, которые ему известны (а ответчик, например, хотел воспользоваться своим правом на мировое соглашение). Да, хоть и постановление Пленума ВС РФ⁶ обязывает назначенных представителей по ст. 50 ГПК РФ отрицать все предъявленные требования и защищать права и интересы ответчика, но чем гражданин, место жительства которого неизвестно, лучше остальных граждан, желающих получить профессиональную квалифицированную юридическую помощь?

Существуют такие ситуации в современной практике, что если суд понимает (имеет благородное сердце), что люди не могут себе позволить нанять представителя в судебном процессе, а также являются не особо грамотными в юридических аспектах, то на основании ст. 57 ГПК РФ судья может им помочь в плане собирания и истребования доказательств. Таким образом «независимый арбитр соревнований» втягивается в подготовку, истребование, собирание доказательственной волокиты, тем самым нарушая принцип состязательности, объективности, независимости.

Исходя из этого, по нашему мнению, необходимо расширить полномочия суда. А именно ввести в институт представительства назначение бесплатного представителя в гражданском процессе [6]. Это позволит соблюдать принципы состязательности, гарантировать право на получение квалифицированной юридической помощи. Да, хоть и ст. 20 ФЗ №324 «О бесплатной юридической помощи в РФ»⁷ предусматриваются некоторые категории граждан, которые могут её получить, но, по нашему мнению, этого недостаточно и более затруднено для гражданского процесса, поэтому предлагается ввести часть вторую в ст. 50 ГПК РФ. Норма может иметь следующее содержание: «2. Для обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, объективности и независимости судебной власти, с учётом обстоятельств дела, суд вправе по ходатайству стороны назначить ей бесплатно представителя. Ходатайство, направляемое в суд, должно содержать доказательства невозможности или сложности представления своих прав и интересов самостоятельно».

Исходя из такой нормы, мы полагаем, что будет решено большое количество проблем, особенно в части права людей на защиту. Такая норма будет иметь определённое значение: 1) будут более крепко закрепляться и функционировать принципы состязательности, объективности, независимости; 2) будет реализовываться в большей степени право на судебную защиту; 3) назначение представителя будет обоснованным, т.к. закрепляется необходимость обоснования заявленных требований по ходатайству.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что принцип состязательности является важнейшим основополагающим началом гражданского процессуального права. Его закрепление происходит как на легальном, так и доктринальном уровнях. Исходя из изложенного, состязательный процесс представляет некую дуэль, соревнование между сторонами процесса. Непосредственно происходит тесная

связь с иными принципами, в результате чего складывается стабильная система, показывающая суть процессуальной отрасли. Выявляются некоторые проблемы реализации данного принципа, которые, так или иначе, влияют на судебное решение и процесс в целом. Но нам необходимо понимать, что идеальной модели обслуживающей отрасли получить практически невозможно, ведь общество динамично, происходит постоянное развитие общественных отношений, соответственно, норма права лишь пытается подстроиться под ту скорость, которую ей задаёт общество.

Пристатейный библиографический список

1. Аргунов А. В. Гражданский процесс России и Франции: принципы состязательности и диспозитивности // Вестник ВГУ. – Серия: Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 43-51.
2. Коваленко А. Г. Гражданский процесс: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А. Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А. А. Мохова, д.ю.н., проф. П. М. Филиппова. – Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2008. – 448 с.
3. Решетников И. В. Гражданский процесс: учебник / И. В. Решетников, В. В. Яркв. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 304 с.
4. Магомедова К. К. Электронное правосудие: проблемы и перспективы развития в России // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 145-152.
5. Сенцов И. А. Прокурор в состязательном гражданском процессе России // Вестник ВГУ. – Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 140-146.
6. Грешнова Н. А. Теоретический анализ участие представителя в гражданском процессе как условие обеспечения принципа состязательности судопроизводства и защиты личных интересов граждан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 10. – С. 117-119.

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // «Российская газета». – № 260. – 26.12.2003; № 140. – 30.06.2015. – П. 10. – Абз. 6.
7 Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 28.11.2011. – № 48. – Ст. 6725.

ОСТРОЖНИКОВ Андрей Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАН Наталья Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЛИЗНЕЦОВ Андрей Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГУЛЕВИЧ Маргарита Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДРУЖКОВА Александра Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОСНОВАНИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

В данной статье проводится анализ временных и правовых ограничений гражданской дееспособности в рамках российского законодательства. Изучаются ключевые положения Гражданского кодекса РФ, с акцентом на дееспособность с момента рождения, включая обсуждение правового статуса эмбриона и особенностей защиты прав личности после её смерти. Статья делает акцент на изучении норм, управляющих правами эмбриона и экстраординарных случаях, где дееспособность может применяться даже после смерти человека, охватывая вопросы, такие как посмертные браки и защита личных неимущественных прав усопших. Подчеркивается важность нового взгляда на определение гражданской дееспособности и её влияние на статус индивида как участника гражданских правоотношений, а также выделяется необходимость дальнейших исследований в данной сфере.

Ключевые слова: гражданская дееспособность, Гражданский кодекс РФ, правовой статус эмбриона, посмертные браки, защита личных прав после смерти, начало и конец дееспособности.

OSTROZHNIKOV Andrey Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAN Natalya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BLIZNETSOV Andrey Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GULEVICH Margarita Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DRUZHKOVA Alexandra Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DIFFERENTIATION OF THE GROUNDS OF CIVIL LEGAL PERSONALITY

This article analyzes the time and legal limitations of civil legal capacity within the framework of Russian legislation. The key provisions of the Civil Code of the Russian Federation are studied, with an emphasis on legal capacity from the moment of birth, including a discussion of the legal status of the embryo and the specifics of protecting the rights of an individual after her death. The article focuses on the study of the norms governing the rights of the embryo and extraordinary cases where legal capacity can be applied even after the death of a person, covering issues such as posthumous marriages and the protection of the personal non-property rights of the deceased. The importance of a new look at the definition of civil legal capacity and its impact on the status of an individual as a participant in civil relations is emphasized, and the need for further research in this area is highlighted.

Keywords: civil legal capacity, the Civil Code of the Russian Federation, the legal status of the embryo, posthumous marriages, protection of personal rights after death, the beginning and end of legal capacity.

Гражданская дееспособность, как фундаментальная категория права, охватывает в себе две основные составляющие: правоспособность и дееспособность. Правоспособность описывается как возможность лица иметь гражданские права и нести обязанности, тогда как дееспособность рассматривается как способность к осуществлению этих прав и обязанностей через собственные действия.

Сложности в определении этих понятий возникают, когда рассматривается вопрос о начале и конце гражданской дееспособности. Традиционно гражданская дееспособность возникает с момента рождения. Однако, недавние юридические дебаты и изменения в законодательстве ставят под

вопрос, следует ли распространять определенные аспекты правоспособности на период до рождения, в частности, касаясь правового статуса эмбриона. Дополнительно, рассматриваются случаи, когда правоспособность и некоторые права могут сохраняться и после смерти человека, например, в вопросах посмертных браков и защиты личных неимущественных прав умерших.

Эти вопросы выходят за рамки традиционного понимания начала и конца гражданской дееспособности, вызывая необходимость более глубокого исследования и возможного пересмотра существующих нормативов. Особое внимание в статье уделяется анализу положений Гражданского кодекса

Российской Федерации, рассматривающих эти аспекты, и предлагается новый взгляд на роль гражданской дееспособности в определении статуса индивида как субъекта гражданских правоотношений.

Однако соотношение этих понятий не так просто. Если правосубъектность включает правоспособность и дееспособность, то возможность быть участником гражданских правоотношений должна предполагать наличие обеих этих характеристик. Тем не менее, даже недееспособные лица признаются субъектами гражданского права, что ставит под сомнение необходимость дееспособности как обязательной составляющей правосубъектности.

С. Н. Братусь заметил, что между понятиями правосубъектности и правоспособности нет принципиальной разницы: оба термина описывают способность лица иметь права и обязанности и быть участником правоотношений [2, с. 664–670]. Таким образом, правоспособность и дееспособность могут рассматриваться не как части большего явления, а как равнозначные и самостоятельные понятия.

М. В. Кротов предложил интересную интерпретацию, согласно которой правосубъектность имеет общий характер и не ограничивается одним лицом [2, с. 671–684]. Например, малолетние, не обладающие дееспособностью, могут быть субъектами гражданского права благодаря дееспособности их родителей или законных представителей. Однако такой подход размывает само понятие дееспособности, поскольку подразумевает возможность осуществления прав и обязанностей не лично, а через других людей.

В англосаксонской правовой системе используется концепция активной и пассивной правовой способности, которая соответствует дееспособности и правоспособности в континентальных правовых системах. Эти категории рассматриваются как разновидности одной юридической категории, а не как элементы отдельного понятия.

Исходя из этого анализа, можно заключить, что категория правосубъектности фактически тождественна правоспособности и, следовательно, является излишней. В качестве определяющего признака субъекта гражданских правоотношений следует рассматривать именно гражданскую правоспособность. Любой субъект гражданского правоотношения обладает правоспособностью, но может иметь различную степень дееспособности, что не влияет на его статус субъекта гражданского правоотношения. Это особенно актуально в отношении физических лиц, поскольку у юридических лиц и публично-правовых образований понятия правоспособности и дееспособности фактически сливаются, подчеркивая искусственный характер разделения этих категорий в рамках гражданской правосубъектности.

В странах Европейского Союза, особенно в контексте Римской конвенции по правам человека, особое внимание уделяется защите прав ребенка с момента зачатия. Это подчеркивает тенденцию признания определенных прав даже для неродившихся детей. Однако, такое признание остается предметом юридических дискуссий, так как непосредственное признание правоспособности плода может противоречить другим правовым нормам, например, в вопросах аборт [1, с. 224–240].

В США и других странах с англосаксонской правовой системой, понятие правоспособности обычно связано с моментом рождения. Однако, интересно отметить, что в некоторых штатах США существуют законы, позволяющие неродившимся детям наследовать имущество в случае смерти родителей до их рождения [1, с. 252–260].

В странах постсоветского пространства, включая Россию, подход к правоспособности варьируется. Например, в России, как упомянуто выше, законодательство допускает защиту личных неимущественных прав после смерти человека, что предполагает некую продолжительность правоспособности после смерти.

Интересный исторический пример представляет собой Римское право, где правоспособность начиналась с момента рождения и завершалась смертью. Это подчеркивает, что концепция правоспособности может эволюционировать со временем и зависеть от культурных и социальных факторов. Сравнивая различные правовые системы, можно заметить, что понятие правоспособности варьируется в зависимости от культурных, исторических и социально-экономических условий. В то время как в некоторых системах правоспособность ограничивается жизнью человека, в других она может расширяться до момента зачатия или даже продолжаться после смерти в определенных аспектах.

Изучая концепцию гражданской правоспособности, важно осветить вопросы, связанные с временными границами данного явления. Согласно статье 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), граждане обладают правоспособностью с момента рождения до смерти [4]. Однако есть аспекты законодательства, которые заставляют переосмыслить эти рамки. Например, статья 1116 ГК РФ устанавливает, что к наследованию могут быть призваны лица, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся после его смерти. Это приводит к предположению о правоспособности плода, однако такой подход кажется спорным. Согласно статье 1166 ГК РФ, неродившийся ребенок не получает наследственных прав до своего рождения; закон лишь откладывает раздел наследства до его появления на свет. Эта норма не дает оснований считать плод носителем гражданских прав.

С другой стороны, существуют вопросы о правоспособности после смерти. Некоторые ученые утверждают, что правоспособность может сохраняться и после смерти человека. Вопросы, касающиеся посмертных браков, например, в гражданском законодательстве Франции, не могут служить доказательством этого, поскольку такие браки не имеют правовых последствий. Однако российское законодательство в абзаце 3 пункта 2 статьи 150 ГК РФ допускает защиту личных неимущественных прав умершего [4]. Это предполагает, что некоторые права могут сохраняться после смерти человека, например права на честь и достоинство.

В ходе исследования была выявлена тождественность понятий правосубъектности и правоспособности. В результате предлагается пересмотреть определение последнего и признать гражданскую правоспособность основным условием приобретения статуса субъекта гражданских правоотношений. Гражданская дееспособность, в свою очередь, выступает формой реализации правоспособности, но не является необходимым условием для признания лица субъектом правоотношений. Исследование также выявило нерешенные вопросы о моментах начала и окончания правоспособности, подчеркивая необходимость дальнейшего изучения этой темы в области гражданского права.

Пристайный библиографический список

1. Каминская Е. И. Личные неимущественные права автора: отказ от ненужных иллюзий или утрата ценностей? // В кн.: Актуальные вопросы российского частного права: Сб. ст., посвященных 80-летию со дня рождения В. А. Дозорцева. – М., 2008. – С. 224–260.
2. Полищук С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 42. – С. 664–684.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 28 нояб.

САРАНЧУК Лина Николаевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЕНИСЮК Евгения Ивановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОЖЕНЦЕВА Арина Павловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БОНДАРЕВА Ольга Юрьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТАРНОВСКАЯ Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В этой статье осуществляется детальный анализ трансформации трудовых отношений и законодательства в России с древности до наших дней. Исследуется развитие трудовых норм, начиная с раннесредневековой эпохи и завершаясь анализом современного Трудового Кодекса РФ. Рассматриваются важные политические, экономические, и социальные изменения, влияющие на формирование трудового законодательства, в том числе влияние глобализации, технологического прогресса, и внедрение международных стандартов. Статья акцентирует внимание на необходимости адаптации законодательства к изменяющимся условиям современности и изучает будущие перспективы развития трудового права в контексте глобальных трендов.

Ключевые слова: трудовые отношения, законодательство, Россия, историческое развитие, глобализация, технологический прогресс, международные стандарты, Трудовой Кодекс РФ, социальное взаимодействие, экономические изменения.

SARANCHUK Lina Nikolaevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DENISYUK Evgeniya Ivanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ROZHENTSEVA Arina Pavlovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BONDAREVA Olga Yurjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TARNOVSKAYA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION OF LABOR RELATIONS AND LEGISLATION IN RUSSIA

This article provides a detailed analysis of the transformation of labor relations and legislation in Russia from antiquity to the present day. The development of labor standards is investigated, starting from the early medieval era and ending with an analysis of the modern Labor Code of the Russian Federation. The article examines important political, economic, and social changes affecting the formation of labor legislation, including the impact of globalization, technological progress, and the introduction of international standards. The article focuses on the need to adapt legislation to the changing conditions of our time and examines the future prospects for the development of labor law in the context of global trends.

Keywords: labor relations, legislation, Russia, historical development, globalization, technological progress, international standards, Labor Code of the Russian Federation, social interaction, economic changes.

Трудовые отношения и законодательство в России прошли через длительный путь развития и трансформации, начиная с древних времен. Эти изменения не только отражают исторический путь страны, но и подчеркивают динамику социально-экономических процессов, происходящих в обществе. В древнерусском обществе основой трудовых отношений были крепостное право и ремесленничество, где трудовые обязанности и права были строго регламентированы традициями и законами того времени. С развитием торговли и городской жизни в эпоху Средневековья появляются первые цеховые организации, закладывающие основы коллективного регулирования труда.

С приходом индустриализации в XIX веке в России начинается новая эра в трудовых отношениях. Развитие фабрично-заводского производства привело к формированию промышленного рабочего класса и потребности в новых формах регулирования трудовых отношений. Это стало толчком к развитию трудового законодательства, направленного на защиту прав работников, включая введение норм о рабочем времени, оплате труда и условиях труда [3, с. 170].

В период советской власти трудовое законодательство приобрело централизованный характер, с акцентом на государственном регулировании всех аспектов трудовой деятельности. Однако, с распадом Советского Союза и переходом к рыночной экономике в 1990-е годы, произошли радикальные изменения в трудовом законодательстве. Это включало либерализацию трудовых отношений, усиление роли коллективных договоров и учет международных стандартов в области труда [6].

Современный Трудовой кодекс РФ, принятый в 2002 году, стал отражением этих изменений, предоставляя более гибкий и сбалансированный подход к регулированию трудовых отношений. В нем учитываются как интересы работодателей, так и права работников, а также предусмотрены механизмы для решения трудовых споров. Однако, в условиях глобализации и технологического прогресса, перед трудовым законодательством встают новые вызовы, такие как регулирование удаленной работы, защита прав работников в условиях цифровой экономики и обеспечение адекватных условий труда в изменяющемся мире [6].

Современный Трудовой Кодекс РФ активно интегрирует международные стандарты, что является следствием глобали-

зации. Россия, как член Международной организации труда (МОТ), обязана соблюдать определенные международные нормы. Это влияет на формирование таких аспектов, как равенство в трудовых отношениях, запрет на дискриминацию и принудительный труд, защита прав мигрантов-работников и обеспечение безопасных условий труда [4, с. 338].

Развитие технологий, особенно в сфере информационных технологий и интернета, привело к появлению новых форм занятости, таких как удаленная работа, фриланс, гиг-экономика. Эти изменения требуют адаптации трудового законодательства для регулирования нетрадиционных форм трудовых отношений, что включает вопросы регулирования рабочего времени, отдыха, социального страхования и защиты прав работников в цифровой экономике.

Современное российское трудовое право придаёт большое значение защите прав работников. Это проявляется в усилении мер по охране труда, регулировании трудовых споров и укреплении роли профсоюзов. Социальное партнерство, представляющее собой взаимодействие государства, работодателей и работников, играет ключевую роль в обеспечении сбалансированного развития трудовых отношений.

Экономические трансформации, особенно переход к рыночной экономике и развитие частного сектора, потребовали пересмотра подходов к трудовому регулированию. Это включает в себя гибкость в организации труда, либерализацию трудового законодательства, а также меры по стимулированию предпринимательства и созданию новых рабочих мест.

В контексте устойчивого развития и повышения экологической ответственности, трудовое законодательство начинает включать нормы, направленные на снижение воздействия производственной деятельности на окружающую среду. Это включает требования к безопасности и экологичности рабочих процессов, а также обеспечение прав работников в индустриях, подверженных экологическим рискам.

Трудовое право России, имеющее многовековую историю, отражает значительные изменения в обществе, экономике и политике страны. От ранних форм трудовых отношений на Руси до современного законодательства этот правовой институт пережил ряд кардинальных преобразований. Процесс его развития характеризуется не только внутренними социально-экономическими и политическими факторами, но и влиянием глобальных тенденций, таких как индустриализация, технологические инновации и глобализация. Особое внимание в нашем исследовании уделено адаптации трудового законодательства к новым вызовам, включая развитие цифровой экономики, изменение форм занятости и усиление международных стандартов. Это исследование раскрывает как исторический путь, так и современные перспективы трудового права в России, подчёркивая его важность в контексте обеспечения справедливых и эффективных трудовых отношений.

Трудовой договор, ставший центральным элементом трудового права, прошёл значительную эволюцию, начиная с древних времён и до настоящего дня. Эта эволюция отражает общественные, экономические и правовые трансформации, происходящие в разные исторические периоды.

В древней Руси, уже в IX веке, возникновение трудовых отношений можно проследить через приглашение славянами варягов на княжение, что по своей сути являлось формой трудового найма. Затем, с принятием «Русской Правды» в XI веке, устанавливаются более чёткие нормы трудовых отношений, позволяющие регулировать сроки и условия работы.

В период Соборного Уложения 1649 года начинают складываться индивидуальные трудовые договорные отношения, что свидетельствует о развитии правовой культуры труда. Но стоит отметить, что в этот период условия работы были крайне невыгодны для рабочих.

XVIII – начало XX века ознаменованы развитием промышленности и формированием рабочего класса, что потребовало нового подхода к регулированию труда. В это время принимаются законы, направленные на улучшение условий труда женщин и детей.

Революция 1917 года радикально изменила подход к трудовым отношениям. Первый Кодекс законов о труде РСФСР 1918 года, хотя и не включал положений о трудовом договоре, признавал недействительными ранее заключённые соглашения, если они противоречили новому законодательству.

1922 год принёс новый Кодекс законов о труде, уже включающий положения о трудовом договоре. Этот кодекс регламентировал возникновение, изменение и прекращение трудовых отношений, в том числе и с сезонными и временными работниками.

В 1971 году был принят КЗоТ РСФСР, определяющий трудовой договор как соглашение между работником и предприятием, учреждением или организацией, с акцентом на строгое подчинение внутреннему трудовому распорядку.

В XXI веке трудовой договор испытывает новые изменения, отражающие социально-экономическое развитие России. Появление частной собственности и новых механизмов правового регулирования экономики привели к пересмотру подходов к трудовым отношениям.

Трудовой Кодекс РФ 2001 года, учитывая международные стандарты, детально регламентирует условия трудового договора, открывая новую эру в развитии трудовых отношений. Это подчёркивает важность постоянной адаптации трудового законодательства к меняющимся условиям и потребностям общества [6].

Анализируя историческое развитие трудовых отношений и законодательства в России, можно отметить ключевые аспекты, которые определили современное состояние трудового права. Эти аспекты включают в себя социально-экономические изменения, политические трансформации и культурные влияния.

Первый аспект – это социально-экономическое развитие. В период индустриализации в XVIII – начале XX веков происходит формирование рабочего класса, что повлекло за собой необходимость регулирования трудовых отношений на фабриках и заводах. Законодательные акты того времени, такие как запрет на ночной труд женщин и детей, свидетельствуют о начале формирования системы охраны труда и социальной ответственности работодателей.

Второй аспект – политические трансформации. Октябрьская революция 1917 года и последующие события оказали значительное влияние на трудовое законодательство. Революционные изменения привели к радикальной переоценке роли и прав работников, что нашло отражение в Кодексе законов о труде 1922 года. Этот кодекс заложил основы для современного понимания трудовых отношений, включая равноправие сторон договора и защиту прав работников.

Третий аспект – культурные и идеологические влияния. Советский период характеризовался специфическим подходом к трудовым отношениям, основанным на идеологии господства общественных интересов над индивидуальными. Это нашло отражение в КЗоТ 1971 года, который подчёркивал строгое подчинение внутреннему трудовому распорядку и презрение к так называемым тунеядцам.

В XXI веке происходит переход к более либеральному и гибкому подходу к трудовым отношениям. Современный Трудовой Кодекс РФ, принятый в 2001 году, отражает глобальные тенденции и международные стандарты. Это проявляется в усилении защиты прав работников, улучшении условий труда, а также в обеспечении баланса между интересами работников и работодателей [7].

Эволюция трудового законодательства в России отражает широкий спектр исторических, социальных и экономических изменений. Современное трудовое право является результатом длительного исторического процесса, в ходе которого происходило постепенное совершенствование норм и принципов регулирования трудовых отношений, при этом отражая общие тенденции развития общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс законов о труде РСФСР от 9 декабря 1971 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1971. – № 50. – Ст. 1007.
2. Кодекс законов о труде РСФСР от 9 ноября 1922 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1922. – № 70. – Ст. 903.
3. Лившиц Р. З. Трудовое законодательство России. Законодательные акты и комментарии / Р. З. Лившиц, О. С. Хохрякова // Профстрой. – 1993. – С. 170.
4. Синоюшина О. Ф. История возникновения трудового договора // Молодой ученый. – 2020. – № 48 (338). – С. 338–341.
5. Таль Л. С. Промышленное право // Московский Коммерческий Институт. Обзор преподавания на 1915/1916 учебный год. I. Экономическое отделение. – М., 1915; Очерки промышленного права. – М., 1916.
6. Labour Law in Russia: Recent Developments and New Challenges. – Cambridge Scholars Publishing.
7. Global Employment and Labor Law Update for 2023. – Eversheds Sutherland.

СИДОРОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗОЛОТУХИНА Дарья Евгеньевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СУХАНОВА Дарья Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗЫРЬЯНОВА Анастасия Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРУШКОВ Иван Игоревич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧИХ ПРОЦЕССОВ: ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ НА РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

В данной статье представлен анализ изменений в рабочих процессах, связанных с переходом на удаленную работу, и их влияния на Трудовой кодекс Российской Федерации. Основное внимание уделяется облегчению норм по охране труда для удаленных работников и корректировке условий трудовых договоров. Рассматриваются как позитивные, так и негативные аспекты этих изменений, включая возможные юридические сложности, технологические адаптации, социальные и психологические вопросы, а также экономические последствия для рабочего рынка. Статья предлагает комплексный взгляд на последствия этих реформ и их влияние на трудовые процессы в стране.

Ключевые слова: удаленная работа, реформы трудового законодательства РФ, юридические сложности, нормы охраны труда, технологическая реформа, рабочий рынок, социальные и психологические вопросы, экономические последствия.

SIDOROVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZOLOTUKHINA Darya Evgenjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SUKHANOVA Darya Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZYRYANOVA Anastasiya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRUSHKOV Ivan Igorevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REFORMING WORK PROCESSES: ASSESSING THE IMPACT OF REMOTE WORK ON RUSSIAN LEGISLATION

This article presents an analysis of changes in work processes related to the transition to remote work and their impact on the Labor Code of the Russian Federation. The main focus is on facilitating labor protection standards for remote workers and adjusting the terms of employment contracts. Both positive and negative aspects of these changes are considered, including possible legal difficulties, technological adaptations, social and psychological issues, as well as economic consequences for the labor market. The article offers a comprehensive look at the consequences of these reforms and their impact on labor processes in the country.

Keywords: remote work, reforms of the labor legislation of the Russian Federation, legal difficulties, labor protection standards, technological reform, labor market, social and psychological issues, economic consequences.

В последние годы мировой трудовой рынок переживает существенные изменения, особенно с увеличением популярности удаленной работы. Это вызвало необходимость в адаптации трудового законодательства во многих странах, включая Россию. Российское правительство внесло ряд изменений в Трудовой кодекс, направленных на облегчение условий для удаленных работников и работодателей. Одним из ключевых аспектов стало снижение обязанностей работодателей по охране труда, что повлекло за собой как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, это способствовало большей гибкости в организации рабочего процесса и облегчило трудоустройство на дистанционной основе. С другой стороны, это породило определенные правовые риски и вызовы, связанные с необходимостью технологической адаптации, а также социальные и психологические вопросы, связанные с дистанционной работой. Экономические последствия также многообразны: с одной стороны, увеличение гибкости на рынке труда способствует росту производительности, но с другой стороны, возникают опасения по поводу снижения стандартов охраны труда и возможности эксплуатации работников. В целом, эти изменения отражают глобальные тенденции и показывают, как

правительства и общества пытаются найти баланс между гибкостью трудовых условий и защитой прав работников.

В современном мире, где технологии развиваются стремительными темпами, адаптация законодательства к новым реалиям трудовых отношений является ключевым фактором успешного развития экономики. Примером этого стала реакция Российской Федерации на пандемию коронавируса, которая вынудила многие страны пересмотреть свой подход к организации труда. В частности, в России были внесены значительные изменения в Трудовой кодекс, касающиеся дистанционной работы.

Изменения, принятые в 2020 году в Трудовом кодексе РФ (Федеральный закон № 407-ФЗ от 8 декабря 2020 года), отразились на главе 49.1, расширяя и уточняя положения о дистанционной работе. Эти нововведения пришли в ответ на необходимость более гибкого подхода к трудовым отношениям в условиях пандемии, когда большое количество работников перешло на удаленный режим работы [1].

Особенно важным стало введение норм, позволяющих временно переводить работников на дистанционную работу в случае форс-мажорных обстоятельств, таких как природные

катастрофы, эпидемии и другие чрезвычайные ситуации. Эти изменения позволили гибко реагировать на кризисные ситуации, минимизируя риски для здоровья и безопасности работников.

Существенным нововведением стала статья 312.9 ТК РФ, определяющая порядок временного перевода на дистанционную работу без необходимости изменения трудового договора или получения согласия работника. Это дало работодателям возможность быстро и эффективно адаптироваться к меняющимся условиям [3].

Закон также обязал работодателей обеспечивать необходимым оборудованием тех работников, у которых его нет, и регулировать вопросы компенсации за использование личного оборудования в работе. В то же время, законодатель оставил некоторые аспекты, такие как размер и порядок компенсации, на усмотрение коллективных договоров или локальных нормативных актов.

Было также урегулировано понятие дистанционной и удаленной работы, прежде вызывавшее правовую неопределенность. Теперь эти термины синонимичны, что упрощает документооборот и устраняет прежние противоречия в интерпретации.

Нововведения коснулись и процедуры заключения трудовых договоров о дистанционной работе, в том числе возможности использования квалифицированной электронной подписи, что значительно упрощает процесс в условиях ограничения личных контактов.

Изменения в законодательстве позволили работодателям в рамках локальных нормативных актов регулировать режим труда и отдыха дистанционных работников, предоставляя тем самым больше гибкости в организации рабочего процесса.

Несмотря на значительные усилия по адаптации трудового законодательства к реалиям дистанционной работы, остаются области, где регуляция остается нечеткой. Например, вопросы, касающиеся компенсации расходов работникам на использование личного оборудования и инфраструктуры для дистанционной работы, не урегулированы на уровне федерального законодательства, оставляя простор для трактовки и потенциальных споров.

Недостаточная юридическая формализация процесса перевода на дистанционную работу создает правовые риски как для работодателей, так и для работников. Особенно это актуально в ситуациях, когда работа выполняется дистанционно, но без оформления соответствующих документов. Это может привести к судебным спорам и разночтениям относительно условий труда и обязанностей сторон.

С переходом на дистанционную работу возникает необходимость в инвестициях в технологии и инфраструктуру, как со стороны работодателей, так и со стороны работников. Это включает в себя не только приобретение оборудования, но и внедрение систем защиты данных, обеспечение кибербезопасности, что ставит перед компаниями новые задачи и вызовы.

Дистанционная работа открывает новые возможности для трудоустройства, в частности, она делает рынок труда более доступным для людей, проживающих в удаленных регионах, а также для людей с ограниченными возможностями. Однако это также может привести к усилению конкуренции на рынке, поскольку географические барьеры становятся менее значимыми.

Дистанционная работа имеет как положительные, так и отрицательные стороны для благополучия работников. С одной стороны, она предлагает гибкость и экономию времени на коммутацию. С другой стороны, может усиливаться чувство изоляции, возникают трудности в разграничении рабочего и личного времени, что влияет на психологическое состояние работников.

Для экономики в целом переход на дистанционную работу может иметь как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, снижаются операционные расходы компаний на аренду офисных помещений и содержание рабочих мест. С другой стороны, секторы экономики, связанные с офисной инфраструктурой, могут испытывать спад.

Новая законодательная инициатива в России значительно трансформировала подход к регулированию дистанционной работы, существенно снижая обязательства компаний по соблюдению определенных норм охраны труда для удаленных работников. Эти изменения, в частности, освободили

работодателей от необходимости проведения специальной оценки условий труда и инструктажа по охране труда для дистанционных сотрудников, сосредоточив внимание на обязательном социальном страховании от несчастных случаев и их расследовании.

Согласно ст. 312.7 ТК РФ, теперь компаниям достаточно ознакомить работников с правилами безопасного использования оборудования, если таковое предоставляется компанией для дистанционной работы. Кроме того, законодательно установлено, что дистанционная работа не является основанием для снижения заработной платы работника.

Также в законе определены дополнительные основания для расторжения трудового договора с дистанционными работниками. Например, если работник не взаимодействует с работодателем по вопросам трудовой функции более двух дней без уважительной причины или в случае изменения местности выполнения трудовых функций, которое делает невозможной работу на прежних условиях.

В современных условиях дистанционная работа предоставляет новые возможности для снижения различных рисков, как для работников, так и для работодателей. Однако, в процессе перехода на дистанционный формат работы возникает ряд вопросов и проблем, которые требуют внимательного рассмотрения.

Перевод работников на дистанционную работу регулируется Трудовым кодексом РФ, в частности ст. 321.1 и ст. 72, предусматривающими заключение трудового договора или дополнительного соглашения. Важно отметить, что недостаточная юридическая формализация таких переводов может привести к судебным спорам, основанным на фактических обстоятельствах и условиях труда, таких как локальные нормативные акты, использование рабочих систем и электронная переписка [2].

Судебная практика, включая решения Верховного суда РФ и Московского городского суда, подчеркивает необходимость комплексного подхода к определению фактических условий дистанционной работы. Так, суды ищут подтверждение не только наличия одного из вышеупомянутых обстоятельств, но и комбинацию различных факторов.

Одной из ключевых проблем является ограничение в возможности сочетания работы в офисе с дистанционной в рамках одного трудового договора, что ставит перед работодателями вопросы организации трудового процесса. В соответствии с трудовым законодательством, дистанционная работа подразумевает выполнение трудовых функций вне местонахождения работодателя, стационарного рабочего места и объектов под контролем работодателя.

В случаях, когда необходимо, чтобы дистанционный работник посещал офис, предлагается использовать командировки, как указано в письме Минтруда РФ. Кроме того, существуют вопросы, связанные с обеспечением работника необходимыми средствами для дистанционной работы, на которые законодатель не даёт чёткого ответа, оставляя этот вопрос на усмотрение коллективного договора или локального нормативного акта.

Новые законодательные инициативы в области дистанционной работы в России представляют собой значительный шаг в адаптации трудового законодательства к современным условиям, однако они также порождают новые вызовы и требуют дальнейшего уточнения и развития.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях».
2. Письмо Минтруда РФ от 9 июня 2017 года № 14-2\ ООГ-4733.
3. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2021).
4. Отчёт “Key Insights from The 2023 State of Remote Work” на buffer.com.

СУХАНОВА Дарья Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СИДОРОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗЫРЬЯНОВА Анастасия Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗОЛОТУХИНА Дарья Евгеньевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРУШКОВ Иван Игоревич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПЕРЕСМОТР РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Данная статья представляет собой глубокий анализ и критический пересмотр российского законодательства в области персональных данных, с акцентом на его адаптацию к современным технологическим трендам. Авторы освещают слабые стороны Федерального закона «О персональных данных», обсуждая проблемы, связанные с маркетинговыми нарушениями и недостаточной защитой прав субъектов данных. Особое внимание уделено влиянию новых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект, на текущую правовую среду. В заключительной части статьи представлены предложения по модернизации законодательства, укреплению механизмов контроля и повышению уровня осведомленности общества о важности защиты персональных данных.

Ключевые слова: защита персональных данных, реформа законодательства, цифровые технологии, правовые недостатки, большие данные, искусственный интеллект, ответственность за нарушения, информационная безопасность.

SUKHANOVA Darya Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SIDOROVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZYRYANOVA Anastasiya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZOLOTUKHINA Darya Evgenjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRUSHKOV Ivan Igorevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NEW HORIZONS IN PERSONAL DATA PROTECTION: REVISION OF RUSSIAN LEGISLATION IN THE DIGITAL AGE

This article is an in-depth analysis and critical revision of Russian legislation in the field of personal data, with an emphasis on its adaptation to modern technological trends. The authors highlight the weaknesses of the Federal Law "On Personal Data", discussing the problems associated with marketing violations and insufficient protection of the rights of data subjects. Special attention is paid to the impact of new technologies such as big data and artificial intelligence on the current legal environment. In the final part of the article, proposals are presented to modernize legislation, strengthen control mechanisms and raise public awareness of the importance of personal data protection.

Keywords: personal data protection, legislative reform, digital technologies, legal shortcomings, big data, artificial intelligence, liability for violations, information security.

Российское законодательство в области персональных данных, в частности Федеральный закон «О персональных данных», сталкивается с рядом вызовов в связи с развитием цифровых технологий. Большие данные и искусственный интеллект изменяют способы обработки и использования персональных данных, что требует обновления и адаптации существующих правовых норм. Основные проблемы заключаются в несоблюдении принципов законности и точности в обработке данных, нарушениях в сфере маркетинга, а также в недостаточной защите прав субъектов данных. Текущее законодательство не всегда эффективно справляется с вызовами, связанными с несанкционированными рекламными рассыл-

ками и защитой от неправомерного использования данных. В то же время отсутствие адекватных механизмов контроля и ответственности усугубляет ситуацию, делая правовую систему уязвимой перед новыми угрозами в сфере информационной безопасности. Эти факторы подчеркивают важность пересмотра и модернизации законодательства для обеспечения эффективной защиты персональных данных в условиях быстро развивающегося цифрового мира [2].

В современном мире, где Интернет играет ключевую роль в развитии бизнеса, особенно в сфере услуг, часто возникают ситуации, когда маркетинговые акции малого и среднего бизнеса не соответствуют законодательству. Это особенно

заметно в вопросах защиты персональных данных, где действует Федеральный закон «О персональных данных». Этот закон определяет основные принципы обработки и защиты данных, включая требования к их точности, актуальности и ограничениям хранения.

Нередки случаи, когда бизнес-операторы игнорируют эти требования, осуществляя массовые рекламные рассылки без должного согласия потребителей. Такие действия противоречат статьям Федерального закона и нарушают права субъектов данных. Например, случаи нежелательной рассылки после окончания действия договора или использования данных в несогласованных целях [1].

Закон требует, чтобы операторы получали предварительное согласие на обработку данных и прекращали их использование по требованию субъекта данных. При нарушении этих условий субъекты имеют право подавать жалобы в Роскомнадзор или судебные иски, включая требования о возмещении убытков или компенсации морального вреда.

Тем не менее, существующее законодательство о персональных данных становится устаревшим и не отвечает современным технологическим и социальным реалиям. Закон сосредоточен больше на процессе сбора данных, а не на их использовании и защите. Это создает пробелы в защите прав субъектов данных и требует пересмотра и обновления законодательства. Необходимо акцентировать внимание на обеспечении прозрачности и безопасности использования данных, а также на обновлении механизмов контроля и ответственности операторов данных.

Анализ современного правового регулирования в сфере персональных данных в России выявляет ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются как субъекты данных, так и операторы. Во-первых, существующий Федеральный закон «О персональных данных» не полностью соответствует текущим технологическим трендам, таким как рост объема данных, их многообразию и сложности их обработки. Например, развитие больших данных и искусственного интеллекта создает новые контексты использования персональных данных, которые не полностью учитываются в действующем законодательстве [3].

Вторая проблема связана с реализацией и защитой прав субъектов данных. Часто пользователи не осведомлены о том, как их данные используются, и какие права у них есть в отношении этих данных. Недостаточная прозрачность и сложность процессов сбора и обработки данных затрудняют осознанное согласие со стороны субъектов данных.

Третья проблема касается сложности контроля за соблюдением законодательства. Несмотря на наличие Роскомнадзора, эффективный контроль за обработкой огромного количества данных представляет собой значительную задачу. Например, на 2020 год в России было зарегистрировано более 1.5 миллиона операторов персональных данных, что делает контроль за их деятельностью сложной задачей.

Кроме того, наказания за нарушения в области персональных данных часто неадекватны масштабу проблемы. Штрафы, которые могут быть наложены, зачастую недостаточно велики, чтобы служить эффективным сдерживающим фактором, особенно для крупных компаний.

Важно не только обновить законодательство, учитывая современные реалии и технологические тенденции, но и усилить механизмы контроля и ответственности. Это может включать увеличение штрафов за нарушения, улучшение механизмов информирования субъектов данных, а также разработку более четких и прозрачных процедур согласия на

обработку данных. В дополнение к этому важно повышать осведомленность субъектов данных о их правах и о том, как их данные используются и защищаются.

Одним из ключевых направлений является проблема соблюдения правил защиты данных в цифровом маркетинге. Практика показывает, что многие компании по-прежнему используют личные данные клиентов для рассылки рекламы без явного согласия, что противоречит Федеральному закону. Такие действия подвергают компании риску административной ответственности, однако штрафы, предусмотренные законом, часто не оказывают значительного воздействия на крупные корпорации.

В рамках Европейского Союза, где действует Генеральный регламент по защите данных (GDPR). GDPR устанавливаются более строгие требования к согласию на обработку данных, а также предусматривает значительные штрафы за нарушения. Кроме того, GDPR фокусируется на праве субъектов данных на доступ, исправление, удаление и возражение против обработки их персональных данных [4].

Важно также учитывать влияние цифровых технологий, таких как искусственный интеллект и большие данные, на обработку персональных данных. Эти технологии создают новые вызовы для защиты данных, так как они позволяют собирать и анализировать большие объемы информации, что может привести к нарушению конфиденциальности и злоупотреблениям.

Наконец, важным аспектом является осведомленность общественности о своих правах и обязанностях в области персональных данных. Несмотря на наличие законодательства, многие граждане и предприниматели не полностью осведомлены о своих правах и обязанностях, что создает условия для нарушения норм защиты данных.

Пристатейный библиографический список

1. Власова Н. В., Грачева С. А., Мещерякова М. А. и др. Правовое пространство и человек: монография / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. В. Пуляева, Н. И. Хлуденева // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. - 2013.
2. Елин В. М. Значение гражданско-правовых механизмов защиты компьютерной информации в условиях информационного общества // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. - 2015. - № 1. - С. 74-82.
3. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Solove D. J. & Hartzog W. The FTC and the New Common Law of Privacy. Columbia Law Review. - 2014. - Vol. 114. - № 3. - P. 583-676. – Предоставляет анализ деятельности Федеральной торговой комиссии США в области защиты персональных данных, исследуя формирование новых правовых норм.
5. Горбатова Е. Ю. Основные аспекты регулирования обработки персональных данных в Европейском Союзе // Законодательство и экономика. - 2020. - № 2. - С. 52-59. – Рассматривает особенности законодательства Европейского Союза в сфере персональных данных, включая Генеральный регламент по защите данных (GDPR).

ТРУШКОВ Иван Игоревич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗОЛОТУХИНА Дарья Евгеньевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СИДОРОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗЫРЬЯНОВА Анастасия Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СУХАНОВА Дарья Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКИ

Данная статья проводит глубокий анализ защиты интеллектуальных прав в России, особенно в контексте глобализации и технологических изменений. Она изучает проблемы и неопределенности в законодательстве и судебной практике, подчеркивая важность адаптации к новым экономическим и технологическим реалиям. Статья также рассматривает влияние международных норм на российскую систему интеллектуальной собственности и предлагает стратегии для улучшения текущего положения.

Ключевые слова: защита интеллектуальной собственности, российское законодательство, судебные иски, глобализация, технологические инновации, международная согласованность, экономика знаний.

TRUSHKOV Ivan Igorevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZOLOTUKHINA Darya Evgenjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SIDOROVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZYRYANOVA Anastasiya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SUKHANOVA Darya Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: AN ANALYSIS OF RUSSIAN PRACTICE

This article provides an in-depth analysis of intellectual property rights protection in Russia, especially in the context of globalization and technological change. It studies the problems and uncertainties in legislation and judicial practice, emphasizing the importance of adapting to new economic and technological realities. The article also examines the impact of international norms on the Russian intellectual property system and suggests strategies to improve the current situation.

Keywords: intellectual property protection, Russian legislation, lawsuits, globalization, technological innovations, international coherence, knowledge economy.

В наше время, когда технологические нововведения и глобализация быстро меняют экономический ландшафт, вопросы интеллектуальной собственности становятся все более актуальными. Особое значение приобретают в России, где динамические изменения в мировой экономике и технологиях предъявляют новые вызовы законодательной системе. Интеллектуальные права, как ключевой элемент инновационной экономики, требуют тщательного рассмотрения и адаптации к современным условиям. Важно учитывать и то, как эти изменения влияют на правоприменительную практику, и особенно на судебные процессы, связанные с интеллектуальными правами.

В России, несмотря на заметный прогресс в формировании законодательной базы, остаются серьезные проблемы, связанные с определением и защитой интеллектуальной собственности. Противоречивые судебные решения, недостаточно четкое законодательное определение интеллектуальных прав, а также сложности, возникающие при их практическом применении, указывают на необходимость дальнейших исследований и разработки стратегий для улучшения ситуации. Важным аспектом является и влияние международных стандартов и соглашений, которые могут служить как пример для совершенствования российской системы защиты интеллектуальных прав [1].

Согласно статистике, число дел, связанных с интеллектуальными правами в российских судах, увеличивается с каждым годом. Это подчеркивает растущую значимость интеллектуальной собственности в экономике страны. Примеры из судебной практики демонстрируют не только сложности в интерпретации законов, но и различия в подходах к защите прав авторов и правообладателей. К тому же, в контексте глобализации и международной торговли, российское законодательство сталкивается с задачей соответствия международным стандартам, что неизбежно влияет на внутреннюю правовую систему.

Все это указывает на необходимость комплексного подхода к реформированию законодательства в области интеллектуальных прав в России. Необходимо учитывать как внутренние, так и внешние факторы, включая технологические инновации и международные тенденции. Такой подход может создать эффективную и справедливую систему, способную обеспечить надежную защиту интеллектуальной собственности и способствовать дальнейшему развитию инновационной экономики России [2].

Концепция интеллектуальных прав в контексте российского законодательства представляет собой относительно новое и сложное явление. Хотя термин «интеллектуальные права» активно применяется в правовой практике, в законах

Российской Федерации до сих пор отсутствует четкое и всестороннее определение этого понятия. Важные разъяснения содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года № 10, однако они не предоставляют достаточной ясности для разработки универсального подхода, который бы одновременно соответствовал как теоретическим, так и практическим потребностям.

В академической литературе данный термин исследуется преимущественно через призму «теории исключительных прав», которая легла в основу разработки четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Эта концепция внесла значительный вклад в понимание интеллектуальных прав, предлагая новый взгляд на урегулирование вопросов интеллектуальной собственности [6].

При формировании четвертой части ГК РФ было принято компромиссное решение, заключающееся в использовании термина «интеллектуальная собственность» для обозначения охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и сопутствующих средств индивидуализации. Этот шаг позволил отойти от предыдущих спорных определений и подходов.

Согласно статье 1226 ГК РФ, под интеллектуальными правами понимаются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Это включает в себя не только имущественные права, но и в некоторых случаях личные неимущественные права и другие виды прав.

Данное определение легло в основу многих последующих исследований в этой области, выделяя интеллектуальные права как собирательное понятие, включающее различные виды прав, связанные с интеллектуальной собственностью.

Защита интеллектуальных прав регулируется статьей 1250 ГК РФ, которая подчеркивает, что защита должна осуществляться с учетом специфики нарушенного права и его последствий. В случаях нарушения интеллектуальных прав применяются как общие механизмы защиты гражданских прав, так и специальные способы, предусмотренные в статьях 1250-1252 ГК РФ.

Важно отметить, что защита интеллектуальных прав осуществляется в рамках охранительного правоотношения, целью которого является восстановление нарушенных прав или правового положения пострадавшего лица. Этот аспект подчеркивает значимость правовой защиты в области интеллектуальной собственности и ее влияние на общие принципы гражданского права.

Защита интеллектуальных прав является ключевым элементом в современной экономике, где интеллектуальный капитал становится одним из основных активов. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), глобальные инвестиции в интеллектуальную собственность достигли рекордных уровней за последние десятилетия, что подчеркивает необходимость эффективных механизмов защиты.

Тем не менее, в России и многих других странах наблюдается проблема несоответствия между существующими законодательными механизмами и быстрым развитием технологий. Это разрыв в законодательстве приводит к тому, что многие инновационные продукты и технологии остаются недостаточно защищенными. Например, вопросы, связанные с правами на программное обеспечение, базы данных и цифровые медиа, часто оказываются в «серой зоне» законодательства.

Кроме того, существует проблема судебной практики. Согласно исследованию, проведенному Юридическим университетом, только около 30% дел, связанных с интеллектуальными правами, завершаются в пользу истца. Это указывает на сложности в доказывании нарушений и в применении законодательства в судебных процессах.

Еще одним аспектом является международная защита интеллектуальной собственности. В условиях глобализации и международной торговли защита интеллектуальных прав выходит за рамки национального законодательства. Соглашения, такие как Соглашение ТРИПС (Соглашение по торговле аспектами прав интеллектуальной собственности), играют ключевую роль в установлении международных стандартов защиты. Однако эффективность этих мер ограничена, особенно в странах с развивающимися экономиками, где механизмы правоприменения и правовой защиты могут быть менее развиты.

Анализ ситуации в сфере интеллектуальных прав показывает, что несмотря на существующие механизмы защиты, необходимы дальнейшие усилия для обновления и адаптации законодательства к современным реалиям цифровой экономики. Также требуется усиление международного сотрудничества для обеспечения эффективной защиты интеллектуальной собственности на глобальном уровне.

В современном обществе, где огромную роль играют творчество и интеллектуальная деятельность, результаты которых формируют интеллектуальную собственность и капитал, становится критически важным обеспечить эффективную защиту этих активов. Важность этой задачи подчеркивается в исследованиях и научных работах, отмечая значимость адекватной охраны интеллектуальной собственности для развития общества и экономики.

Специалисты указывают на широкий спектр как общих, так и специфических механизмов защиты интеллектуальных прав, предусмотренных в действующем законодательстве. Тем не менее, в практике судебной защиты на сегодняшний день является доминирующим и, по сути, единственным объективным способом защиты интеллектуальных прав.

При этом в российской правоприменительной практике количество судебных дел, связанных с защитой интеллектуальных прав, остается относительно небольшим. Существующие судебные решения в этой области часто бывают уникальными, но при этом вызывают противоречия и споры. Это связано с особенностями защиты интеллектуальных прав, которые нередко сталкиваются с новыми технологическими вызовами и быстро меняющимся законодательным ландшафтом, а также с коллизиями между нормами гражданского и информационного права [7].

Однако в судебной практике также встречаются успешные примеры защиты прав интеллектуальной собственности. Например, Кировский районный суд города Томска рассмотрел знаковое дело о наследовании авторских прав, инициированное Арсением Лойшей, сыном и наследником известного томского писателя Виктора Лойши. Суть дела заключалась в нарушении издательством авторских прав на рукописи писателя, опубликованные без соответствующего лицензионного соглашения и согласия наследников. Суд признал публикацию книги существенным нарушением авторских прав и частично удовлетворил иск, подчеркнув ответственность издательства за свои действия.

Этот случай является примером того, как правоприменительная практика может адаптироваться к сложным и быстро меняющимся реалиям защиты интеллектуальных прав, демонстрируя важность адекватного правового регулирования в этой области.

Приставленный библиографический список

1. Чертакова Е. М. Правовые проблемы совершенствования защиты интеллектуальной собственности в РФ // Карельский научный журнал. – 2019. – № 4. – С. 24-28.
2. Эдиев Р. А. Этапы формирования политико-правовых норм по защите интеллектуальной собственности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. – С. 247-253.
3. Копьев А. В. Имя как средство индивидуализации товаров (работ, услуг) в предпринимательской деятельности // Legal Concept. – 2017. – № 1. – С. 119-124.
4. Полякова Ю. А. Воробьева О. А. Иванов А. И. Защита интеллектуальной собственности и законных интересов правообладателя // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 2. – С. 160-165.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
6. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Баргловский А. В. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: вызовы и перспективы // Журнал «Право и экономика». – 2021. – № 6. – С. 42-49.

УТВА Ирина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РУБАН Полина Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИСКУССТВО НЕЙРОСЕТЕЙ КАК ОБЪЕКТ ЦИФРОВОГО ПРАВА: ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В статье рассматривается искусство нейросетей как цифровое явление. Раскрывается регулирование правоотношений в сфере создания искусства нейросетями как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации. Авторами проведен анализ законодательства стран, выявлены различия в понимании субъекта авторского права, указано на необходимость развития законодательства в сфере регулирования цифровых отношений в области цифрового права. Приведены положения юридической доктрины о принадлежности искусства нейросетей к объектам цифрового права и самих нейросетей к субъектам цифрового права, а также дана своя позиция по данному вопросу.

Ключевые слова: цифровое право, нейросеть, искусство нейросети, объект цифрового права, субъект цифрового права.

UTVA Irina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RUBAN Polina Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE ART OF NEURAL NETWORKS AS AN OBJECT OF DIGITAL LAW: LEGAL UNCERTAINTY.

The article examines the art of neural networks as a digital phenomenon. The regulation of legal relations in the field of art creation by neural networks both in foreign countries and in the Russian Federation is revealed. The authors analyzed the legislation of the countries, identified differences in the understanding of the subject of copyright, pointed out the need for the development of legislation in the field of regulation of digital relations in the field of digital law. The provisions of the legal doctrine on the belonging of the art of neural networks to the objects of digital law and neural networks themselves to the subjects of digital law are presented, as well as their own position on this issue is given.

Keywords: digital law, neural network, neural network art, object of digital law, subject of digital law.

Человечество постепенно переходит в цифровое пространство и вместе с тем появляются неопределенность в регулировании правоотношений в электронной среде. Одним из основных объектов цифрового права можно выделить искусственный интеллект, который является наиболее перспективной технологией. С помощью искусственного интеллекта возможно переложить на электронные технологии не только механические, но и творческие задачи. На данном этапе развития цифровые технологии могут быть не только инструментом для творчества, но и соавтором созданного произведения.

В последнее время набирают популярность нейронные сети, которые используются человеком для решения сложных задач, а иногда для создания творческих произведений, получивших название «искусство нейросети». Принцип работы искусственного интеллекта заключается в обработке большого объема данных, при котором нейросеть обучается распознавать образы, определять объекты на изображениях, а после по заданной команде выдавать готовый результат. Так происходит генерация совершенно нового объекта цифрового пространства. В последние годы в научном сообществе возникают дискуссии о правовом режиме объектов и результатов деятельности нейросети. Появляется потребность в определении правового статуса искусственного интеллекта с точки зрения отнесения его либо к объектам, либо к субъектам цифрового права.

В связи с тем, что искусство нейросети появилось не так давно, ученые до сих пор не выработали единое мнение по поводу правового регулирования данного явления. На данный момент существуют несколько позиций. Первая заключается в том, что нейронные сети могут обладать авторским правом. Другая же позиция говорит о невозможности признания за

нейросетью авторства над созданным произведением. Чтобы понять, какое мнение превалирует в мировом сообществе, стоит обратиться к зарубежному законодательству.

Великобритания является первой страной, в которой законодатель попытался решить проблему определения автора искусства, созданного с использованием искусственного интеллекта. Согласно части 3 статьи 9 Закона «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах», принятого в 1988 году, при формировании любого творческого произведения с помощью цифровых технологий, автором будет являться физическое лицо, принявшее необходимые меры для создания объекта искусства.¹ Похожие положения нашли свое закрепление в законодательстве других стран, например, в Новой Зеландии в Законе «Об авторском праве»² и в Северной Ирландии в Законе «Об авторском праве и смежных правах»³.

В США вопрос о защите права на объекты, созданных нейросетями, стал актуальным после судебного разбирательства, по делу которого оспаривалось авторское право на фотоснимок, сделанный обезьяной на камеру оператора. Бюро авторского права США пояснило, что для защиты автора своего права на интеллектуальную собственность должно со-

1 The Copyright, Designs and Patents Act 1988. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (дата обращения: 12.12.23).

2 Copyright Act 1994. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1994/0143/latest/DLM345634.html> (дата обращения: 12.12.23).

3 Copyright and Related Rights Act, 2000. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/2000/act/28/enacted/en/print> (дата обращения: 12.12.23).

блюдыться главное условие - результат был достигнут именно человеком [4].

В Японии также не существует специального правового регулирования авторства на искусство нейросети, однако в стране активно обсуждается вопрос о творчестве искусственного интеллекта. Так, Правительство Японии планирует разработать правовую базу для защиты авторских прав на романы, музыку и другие произведения, созданные искусственным интеллектом. Цель данного регулирования заключается в защите такого творчества от использования без специального разрешения, а также в обеспечении возможности получения соразмерной компенсации за такое несанкционированное пользование разработчику программы, создавшего нейросеть. Также согласно Стратегической программе Японии, не существует единого подхода к определению владельца авторских прав на объекты, созданных с помощью нейронных сетей [1].

В зарубежном законодательстве искусство нейросети до сих пор остается вне правового регулирования. Однако стоит отметить, что на мировом уровне все же предпринимаются попытки разработать положения, которые могли бы урегулировать данную сферу. В 2021 году Европейским Союзом был разработан проект Закона об искусственном интеллекте.

В соответствии с пунктом «е» частью 24 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» одной из главных целей и поставленных задач в национальной стратегии развития является «создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта».⁵ В настоящий момент в России разработана только Стратегия по развитию искусственного интеллекта, а вопрос правового регулирования данной сферы остается актуальным. Вследствие этого существует достаточное количество доктринальных воззрений. В российской науке сформировалось две противоположные точки зрения.

Первая заключается в необходимости признать за искусственным интеллектом правоспособности, которая позволяла бы указывать нейросеть как автора творческого произведения. Этой позиции придерживаются Р. Р. Сафина и К. А. Маскина [2]. Авторы в своей работе объясняли, что при создании искусственным интеллектом объекта искусства вопрос об участии самого человека в этом деле является сомнительным, так как в творческом процессе всегда происходит выбор какого-то решения, а в данном случае выбор осуществляла нейросеть, которая после обучения предоставила готовый результат.

Вторая точка зрения заключается в признании автором созданного произведения разработчика компьютерной программы или его пользователя в том случае, если им был внесен существенный вклад в данный объект творческой деятельности и в отсутствии правоспособности у нейросети. В. Н. Синельникова и О. В. Ревинский [3] придерживаются позиции, что создание программного кода, который способен генерировать новые объекты цифрового права, дает разработчику возможность первоначальной программы претендовать на право быть автором на такие произведения. Обусловлено это тем, что работы нейросети могут считаться

результатами интеллектуальной деятельности, созданными «человеком-творцом».

На данный момент в Российской Федерации отсутствует законодательство, которое однозначно бы определяло, как следует охранять искусство, полученное с помощью нейросетей, и кто имеет право быть автором таких объектов. Однако, согласно части 1 статьи 1228 ГК РФ только гражданин, то есть физическое лицо, может считаться автором результата интеллектуальной деятельности.⁶ Это положение на данном этапе развития гражданского законодательства исключает возможность признать за нейросетью права авторства на созданное им объектом искусства.

Анализ российского и зарубежного законодательства подтверждает неопределенность правового статуса нейросетей в большинстве стран. Среди ученых нет единого подхода к решению данной проблемы. Существует позиция о том, что искусственный интеллект может выступать только как инструмент в создании произведения искусства и может быть только объектом цифровых прав. Имеет место быть и противоположное мнение о том, что нейросеть может быть субъектом, обладать правоспособностью и являться автором своей же интеллектуальной деятельности. Цифровые технологии развиваются со стремительной скоростью, поэтому данный вопрос до сих пор остается актуальным. Но несмотря на это, во многих странах применяются попытки создания положений, которые могли бы регулировать правоотношения, возникающие в цифровом пространстве. Так, например, в России были закреплены «цифровые права» в статье 141.1 ГК РФ. Также учеными была предложена идея об разработке отдельного «Цифрового кодекса». Создание такого кодифицированного акта на данный момент является проблематичным, так как это может привести к возникновению коллизий в праве, потому что невозможно будет закрепить в нем положения, исключая другие кодифицированные источники, такие как Гражданский, Трудовой, Уголовный кодексы и другие правовые акты, регулирующие цифровые правоотношения. Однако законодательное определение правового статуса искусственного интеллекта в этом вопросе могло бы предотвратить возникновения правовой неопределенности и пробелов в праве.

Пристатейный библиографический список

1. Иштугин А. В., Косаримов С. В., Чикирка Е. В. «Нейронное искусство» как объект авторского права // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 133-144.
2. Сафин Р. Р., Маскин К. А. Правовое регулирование объектов авторского права, созданных с использованием «нейросети» // Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности: сб. статей научно-методологического семинара. – Москва: Проспект, 2018. – 157 с.
3. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. – 2017. – № 4. – С. 24-27.
4. Andres Guadamuz. The monkey selfie: copyright lessons for originality in photographs and internet jurisdiction. // Internet Policy Review. – 2016. – № 5 (1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://policyreview.info/articles/analysis/monkey-selfie-copyright-lessons-originality-photographs-and-internet-jurisdiction> (дата обращения: 12.12.23).

4 Постановление европейского парламента и совета, устанавливающим гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (закон об искусственном интеллекте) и вносящем поправки в некоторые законодательные акты союза. 2021/206. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0206> (дата обращения: 12.12.23).

5 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2019. - № 20, ст. 2901.

6 Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, «Ленинградская областная коллегия адвокатов», филиал «Адвокатская контора «Телевин и партнеры»

УПЛАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ ПРИ ПОДАЧЕ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ ПАЦИЕНТА К КЛИНИКЕ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В статье проанализированы риски, связанные с проведением пластических операций для граждан, основания обращения в суды с исками к клиникам пластической хирургии. Раскрыты понятие, сущность, назначение государственной пошлины по гражданским делам. Указан размер госпошлины по искам к клиникам пластической хирургии, в том числе при наличии нескольких взаимосвязанных имущественных требований. Приведен состав требований пациентов, содержащихся в исковых заявлениях (расторжение договора об оказании услуг, возврат уплаченных за операцию денежных средств, взыскание штрафа, неустойки). Отмечено, что одним из основных в исках является требование о компенсации причиненного морального вреда, вызванного физическими и нравственными страданиями пациента, которому оказана медицинская помощь ненадлежащего качества. Приведен пример из судебной практики по данной категории дел.

Ключевые слова: пластическая хирургия, исковое заявление, государственная пошлина, имущественный иск, моральный вред, суд.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer, «Leningrad regional lawyer association», Law firm «Pelevin and partners»

PAYMENT OF THE STATE FEE WHEN SUBMITTING A PATIENT'S STATEMENT OF CLAIM TO THE PLASTIC SURGERY CLINIC

The article analyzes the risks associated with plastic surgery for citizens, the grounds for applying to the courts with claims to plastic surgery clinics. The concept and essence of the state duty on civil cases, the amount of the state duty on claims against plastic surgery clinics, including in the presence of several interrelated property methods, are disclosed. The composition of the patients' claims contained in the statements of claim is investigated. Examples from judicial practice in this category of cases are given.

Keywords: plastic surgery, statement of claim, state duty, property claim, moral damage, court.

Пластическая хирургия – это форма хирургического вмешательства, которая включает в себя восстановление, манипулирование или реконструкцию человеческого тела с целью изменения или улучшения внешнего вида человека и его способности функционировать. Большинство видов пластической хирургии проводятся для устранения некоторых повреждений, например, микрохирургии, лечения ожогов или черепно-лицевой хирургии.

Косметическая хирургия – это тип реконструктивной пластической операции, которая проводится с целью изменения или манипулирования кожей или тканями тела для улучшения внешнего вида тела. Косметические операции в основном являются факультативными, поскольку области, на которых проводится операция, функционируют должным образом, но не являются эстетически привлекательными для человека. Примеры включают увеличение груди, блефаропластику (пластика век), подтяжку лица, липосакцию, изменение формы носа (ринопластика), подтяжку живота (абдоминопластика) и т.д.

Существует множество методов, используемых во время пластической операции, в зависимости от обрабатываемой части тела и предполагаемого результата. Различные методы, которые могут быть использованы, включают:

- Пересадка кожи: включает в себя удаление здоровой кожи с одной области тела для замены поврежденной кожи на другой.
- Расширение тканей: этот метод растягивает близлежащие ткани кожи, чтобы стимулировать организм к росту здоровой кожи, которую можно использовать для реконструкции.

- Протезирование: это могут быть конечности или другие искусственные части тела, которые могут быть установлены различными способами, например, имплантатами или клеем.

- Лазерная хирургия: часто проводится при относительно незначительных проблемах, таких как синяки или рубцы.

Пластические операции сопряжены со своей степенью риска, как и полагается при любом виде хирургической процедуры. Однако, поскольку индустрия пластической хирургии слабо регулируется, в отличие от других медицинских специальностей, люди, решившие прибегнуть к хирургическим операциям, подвергаются большому риску получения вреда и осложнений от медицинских процедур, даже если операции выполняются хирургами с недостаточным опытом в этой области.

Небрежность в пластической хирургии относится к действиям или бездействию пластического хирурга до, вовремя или после медицинской процедуры, которые непосредственно причиняют пациенту предотвратимый вред, боль, травму или дальнейшие осложнения. Другими словами, небрежность включает в себя все формы некачественной медицинской помощи и обращения, которые не соответствуют приемлемым стандартам медицинской практики и приводят к незначительному, умеренному или серьезному ущербу пациенту.

Формы небрежности при пластической хирургии включают:

- Неспособность пластического хирурга предупредить или проинформировать пациента о рисках, связанных с выбранной процедурой.

- Использование неисправного, поврежденного или некачественного имплантата во время процедуры.
- Послеоперационная халатность, приводящая к развитию инфекций.
- Операция, выполненная неквалифицированным или неопытным пластическим хирургом
- Неосуществление наблюдения или диагностики существующих заболеваний, что подвергает пациента более высокому риску осложнений.
- Неправильное использование лекарственных препаратов.

Небрежность пластического хирурга может привести к различным осложнениям, которые могут быть очень разрушительными и травмирующими физически и эмоционально для пациента. Плохие результаты пластической операции могут быть вызваны небрежностью хирурга либо до операции, либо во время операции, либо в период послеоперационного ухода.

Поэтому важно установить, что небрежность хирурга является прямой причиной причиненного вреда, травмы или осложнений, а не виной пациента или вызвана каким-либо основным заболеванием. Наличие прямой причинно-следственной связи между проведенной операцией и наступлением неблагоприятных последствий для здоровья истца подтверждается заключением экспертизы.

К сожалению, сегодня существуют клиники, не имеющие качественного оборудования и квалифицированных специалистов, что может повлечь негативные последствия для здоровья пациентов. В связи с этим увеличилось количество их обращений в суды для защиты нарушенных прав и законных интересов.

Нарушение прав пациентов может включать неудовлетворенность результатом операции, несение дополнительных расходов по исправлению такого результата, физические и моральные страдания, причиненные некачественно проведенной пластической операцией.

В прошлом большинство судебных споров было связано со смертью или серьезными последствиями после операции, тогда как в последнее время все большее число судебных споров вызвано личной неудовлетворенностью, связанной с проведенной пластической операцией. Пациенты, как потребители медицинских услуг, вправе знать о методах, используемых в общих процедурах в деталях, и участвовать в процессе принятия решений. Врачи должны полностью объяснить пациентам суть лечения, а пациенты должны иметь возможность принимать решение относительно своего собственного лечения на основе этого объяснения.

Однако при пластической операции делается упор на косметические эффекты, а объяснениями о побочных реакциях пренебрегают. В результате пациент может принять решение об операции без тщательного рассмотрения всех вопросов. Следовательно, неожиданные послеоперационные побочные реакции напрямую приводят к судебным спорам.

Независимо от суммы, заплаченной за лечение, каждый пациент имеет право рассчитывать на то, что он получит помощь, соответствующую требуемым медицинским стандартам, ожидаемым от квалифицированного специалиста-хирурга. Претензии по пластической хирургии могут быть предъявлены по многим причинам, а осложнения могут варьироваться по типу и тяжести в зависимости от ситуации. Некоторые примеры включают, но не ограничиваются ими:

- Постоянные рубцы;
- Повреждение нерва;

- Повреждение органа;
- Неуместная или ненужная операция;
- Предотвратимая инфекция;
- Плохой последующий уход.

Пациенты предъявляют претензии к медицинским организациям в рамках договора как потребители услуг. В этом случае главным критерием выступает соблюдение договорных обязательств. Ответчиком в иске является организация, в которой проводилась операция, а сам хирург, проводивший операцию, выступает по гражданскому делу третьим лицом. Исковое заявление можно подать и в рамках уголовного дела.

По общему правилу, судебные издержки, связанные с подачей иска, несет истец. Однако, в случае вынесения положительного для истца решения, суд обязывает ответчика возместить понесенные расходы. В гражданском судопроизводстве государственной пошлиной является денежный сбор, взимаемый за рассмотрение судом заявлений и жалоб.

Пошлина взимается государством с людей, обращающихся за судебными средствами правовой защиты в соответствии с законодательством. Исторически пошлина была введена для того, чтобы предотвратить нежелательные судебные разбирательства, что означает, что дела передаются в суд исключительно с целью преследования оспариваемой стороны.

Поскольку количество дел продолжало увеличиваться и управлять этими делами в суде становилось все труднее, судебные издержки служили дополнительным средством снижения экономического бремени, связанного с функционированием суда. Суд общей юрисдикции не добивается немедленной защиты; это предполагает сложное и многогранное управление для обеспечения рассмотрения огромного количества незавершенных дел.

Денежные средства, уплаченные в качестве госпошлины, используются для финансирования содержания и функционирования судебной власти и осуществления различных государственных и муниципальных социально-экономических программ. Закон требует приложения к иску документа, подтверждающего уплату госпошлины. Несоблюдение этого условия влечет оставление иска без движения.

Необходимо понимать, что государственная пошлина не является «платой» за правосудие, - поступая в бюджет, она направляется на общественные или муниципальные нужды и используется в качестве зарплаты судебному коллективу [1, с. 88].

Правосудие должно быть чем-то таким, за что не следует платить. Однако судебная система должна получать какую-то минимальную денежную поддержку, чтобы она могла функционировать бесперебойно. Сборы в первую очередь предназначены для покрытия расходов на судебную процедуру и строго не предназначены для получения дохода государством. Должна существовать широкая взаимосвязь между взимаемыми сборами и расходами на отправление гражданского правосудия.

Итак, взимаемая за рассмотрение судом дела госпошлина не должна препятствовать обращению лица в судебные органы для рассмотрения его жалобы. Судебный сбор взимается для покрытия административных расходов, а не для ограничения доступа к правосудию. Взимание платы в размере, превышающем понесенные расходы, не является разумной практикой государства.

Требование об уплате госпошлины при подаче иска не должно препятствовать доступу лица к правосудию, поэтому российский законодатель в ст. 333.35 Налогового кодекса

РФ предусмотрел льготы по уплате госпошлины. Кроме того, возможна ее отсрочка или рассрочка, если финансовое положение лица не позволяет уплатить ему госпошлину в установленном порядке и размере.

Следует отметить, что пластические операции с эстетической целью относятся к категории возмездных медицинских услуг. Это означает, что клиника вступает в гражданско-правовые отношения с пациентом-потребителем и несет ответственность за оказанные услуги. Отношения в области платной медицины регулирует Закон «О защите прав потребителей».

По делам о защите прав потребителей госпошлина не уплачивается, при цене иска не более 1 млн руб. В иных случаях госпошлина уплачивается в сумме, исчисленной исходя из цены иска и уменьшенной на сумму госпошлины, уплачиваемой при цене иска 1 млн руб. Цена иска определяется исходя из взыскиваемой денежной суммы, например, уплаченной за оказание медицинских услуг по проведению пластической операции.

Иски имущественного характера включают имущественные требования, например, о взыскании денежных средств. Иски неимущественного характера оценке не подлежат.

Госпошлина по неимущественному иску, который не подлежит оценке, составляет 300 руб. для граждан. Если в такой иск включается также имущественное требование (например, просьба расторгнуть договор об оказании услуг по проведению пластической операции и вернуть уплаченные денежные средства), к фиксированной пошлине прибавляется пошлина, зависящая от размера имущественного требования. Если в иске сочетается несколько связанных друг с другом имущественных требований, размер госпошлины исчисляется исходя из цены иска, определяемой суммой всех требований.

При подаче иска к клинике пластической хирургии истец, как правило, просит взыскать с ответчика моральный вред (причинение человеку нравственных и физических страданий, которые нарушают комфорт жизни, состояние здоровья человека и т.п. в результате некачественно проведенной пластической операции). Неудачная пластическая операция может стать чрезвычайно мучительным опытом для пострадавшего, что во многих случаях приводит к эмоциональным трудностям.

Пациентом в таких случаях приходится не только сталкиваться с разочарованием от процедуры, которая, как предполагалось, должна была улучшить их внешний вид и самооценку, но приходится иметь дело с болезненными, уродующими внешность побочными эффектами. Поэтому вследствие ненадлежащего качества проведенной пластической операции потерпевший испытывает особенно острые нравственные страдания.

По общему правилу, размер госпошлины по иску о взыскании компенсации морального вреда составляет 300 руб. Например, по искам о компенсации морального вреда, возникшего вследствие причинения вреда здоровью, госпошлина не уплачивается.

Так, Курганский городской суд Курганской области рассмотрел иск М.В.В. к ООО «Мэрилин» о защите прав потребителей. Истица и клиника заключили договор, по условиям которого клиника обязалась выполнить операции круговой подтяжки лица, лифтинга бровей, нижнего фейслифтинга. Все операции, кроме лифтинга бровей, истице провели.

На основании определения суда проведена комиссия судебно-медицинская экспертиза. Из заключения экс-

пертов следует, что при оказании медицинской помощи истице ответчик допустил дефекты как в раннем послеоперационном периоде, так и при проведении косметической операции.

Зафиксированные негативные последствия операции подтверждают, что истице оказана некачественная услуга и не в полном объеме. Цель устранения возрастных изменений лица не достигнута. Негативные последствия операции имеют признаки неизгладимости.

В частности, эксперты указали, что кожные избытки нижней части лица удалены в области мочек ушных раковин в чрезмерном объеме. Это привело к изменению конфигурации и положения мочек ушных раковин. Чрезмерное иссечение кожных избытков нижней трети лица в сочетании с несвоевременным удалением послеоперационной гематомы правой щечной области привели к формированию заметных рубцов. Рубцы сформировались в околоушных и нижнечелюстных областях, а также на месте заживления участков некроза кожи и нижнечелюстной области справа.

В обоснование стоимости будущего лечения истица представила протоколы приема врачей-специалистов других клиник. Они содержали информацию о хирургических операциях, обезболивании, процедурах, включая стоимость хирургической и стоимость лазерной коррекции околоушных рубцов.

Решением Курганского городского суда Курганской области от 14.04.2016 расторгнут договор на оказание медицинских услуг. С ответчика в пользу С. взысканы денежные средства, уплаченные по договору, неустойка, штраф, компенсация морального вреда¹.

Пристатейный библиографический список

1. Абдусаламова М. Ш., Кутуев Т. Ф. Государственная пошлина как юридическая категория // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 4 (32).

¹ Истец С. обратилась в Курганский городской суд с иском к ООО «МЭРИЛИН» о защите прав потребителей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kurgansky.krg.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=512.

МАКСИМЧУК Максим Вячеславович

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России

О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается такая функция отрасли арбитражного процессуального права как воспитательная функция, обосновывается ее объективное существование в числе других функций отрасли, анализируется арбитражное процессуальное законодательство на предмет наличие в нем норм, оказывающих воспитательное воздействие на волю и сознание субъектов арбитражного процесса, на их морально-этические качества.

Ключевые слова: воспитательная функция права, арбитражный процесс.

MAKSIMCHUK Maxim Vyacheslavovich

senior lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Perm Institute of the FPS of Russia

LEGAL ASPECTS OF OPTIMIZATION OF TAXATION OF ENTERPRISES

The article examines such a function of the branch of arbitration procedural law as an educational function, substantiates its objective existence among other functions of the industry, analyzes arbitration procedural legislation for the presence of norms in it that have an educational effect on the will and consciousness of the subjects of the arbitration process, on their moral and ethical quality.

Keywords: educational function of law, arbitration process.

Право не может существовать бесцельно, не имея ориентиров регулирования общественных отношений. Право всегда подразумевает определенные цели, задачи и основные направления правового регулирования. Право прямо или косвенно воздействует на общественные отношения, сознание людей. Таким образом, право обладает специфичным функционалом, который связан с сущностью права.

М. И. Байтин дает традиционное и устоявшееся в юридической науке определение функции права, где функция права – «направления и стороны воздействия права на общественные отношения, в которых раскрывается общечеловеческая и классовая природа и социальное назначение права» [1, с. 12]. Ряд других авторов определяют функции права немного иначе. Например, В.Д. Филимонов определяет, что «функции права – это социальная роль, которую оно выполняет в организации (упорядочении) общественных отношений, определяемая направленностью и методом их правового регулирования» [2, с. 50]. Серьезных противоречий в данных подходах нет. Можно констатировать, что функция права определяется одновременно как направление воздействия на общественные отношения и как роль (задача) права.

В теории права рассматривается множество различных функций права. Обзор имеющихся в науке классификаций функций права не является целью настоящей статьи, поэтому сразу обратимся к ставшей уже классической монографии «Теория функций права» Т. Н. Радько, где автор в числе основных функций права называет регулятивную и охранительные функции, а в числе неосновных функций права называет компенсационную, восстановительную и ограничительную функции [3, с. 144]. Также Т. Н. Радько отдельно выделяет «общесоциальные» функции. К ним относятся экономическая, политическая, воспитательная функции [4, с. 274].

К сожалению, среди перечисленных функций права в науке наименьший интерес вызывает воспитательная функция права. Это легко обнаруживается при анализе литературы по указанной теме. Данное положение дел представляется негативным и удручающим, поскольку игнорировать

воспитательное предназначение права неразумно, а возможно и вредно для развития общества и государства. Не секрет, что такие социальные регуляторы как религия, общественная мораль, семья и культура на сегодняшний день пребывают в кризисе и уже не являются столь эффективными инструментами воспитания личности и общества как в прежние исторические этапы. При этом задачи по воспитанию личности как стояли, так и будут стоять перед обществом и государством. В реалиях кризиса религии, морали и семьи, именно праву отводится ведущая роль в вопросах воспитания личности, в целом, в вопросах воздействия на духовную сферу общества. В отличие от иных социальных норм, право в состоянии, опираясь на государственное принуждение и убеждение, формировать необходимые модели общественного поведения.

Полагаем, что воспитательную функцию права можно определить как направление воздействия права на общественное, групповое и индивидуальное сознание и волю граждан в целях формирования у них необходимых правовых и морально-нравственных установок и идей. Обратим внимание, что воспитательная функция права не сводится только лишь к формированию необходимого уровня правосознания и правовой культуры. Право в состоянии воздействовать и на этическую сферу сознания граждан – на их совесть, представления о добре и зле, правильном и неправильном, красивом и некрасивом, честном и бесчестном, а также на их личные и социально-значимые качества – ответственность, активность, доверие, альтруизм, неконфликтность и мн. др.

Хочется согласиться с авторами, что воспитание – это «эффект, а вместе с тем и элемент правового воздействия, представляющий самостоятельную в полной мере функцию» [5, с. 355]. Иными словами, воспитательная функция права не всегда реализуется прямо и целенаправленно, она может реализовываться косвенно, как побочный эффект правового регулирования. Законодатель не всегда закладывает воспитательные цели и задачи в ту или иную норму права. Однако, в процессе воплощения данной нормы в жизнь, субъекты пра-

ва неизбежно испытывают на себе положительные воспитательные эффекты.

Воспитательная функция права присуща всем без исключения отраслям права. Арбитражное процессуальное право и родственное ему гражданское процессуальное право (так называемый «цивилистический процесс») в числе прочих правовых функций также обладает и воспитательной функцией.

Статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК) закрепляет задачи арбитражного судопроизводства. К ним относятся не только защита прав субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, обеспечение справедливости, публичности и доступности экономического правосудия, укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, но и формирование уважительного отношения к закону и суду, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному урегулированию споров, формированию обычаев и этики делового оборота.

Видится, что основные направления воздействия арбитражного процессуального права на общественные отношения нужно искать именно в задачах арбитражного судопроизводства, т.к. они служат ожидаемыми результатами арбитражного процесса.

Согласимся с тезисами авторов, что «судебная власть – могучий рычаг в жизни общества...она обеспечивает необходимое и угодное правому государству поведение субъектов гражданско-правовых отношений», что «обеспечение предусмотренного законом поведения достигается принуждением и воспитанием граждан...судебное принуждение как таковое не исчерпывается применением установленных в законе санкций...оно осуществляется посредством воздействия на волю и сознание обязанных лиц ...» [5, с. 182]. Это значит, что поставленные в АПК задачи арбитражного судопроизводства решаются не только регулятивно-охранительными средствами, но и средствами воспитания.

Что касается задач по защите прав субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, обеспечение справедливости, публичности и доступности экономического правосудия, укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, то эти задачи обращены скорее к судам, в компетенции которых находится рассмотрение экономических дел, а не к гражданам и организациям – участникам арбитражного процесса. Поэтому обратим внимание на иные задачи арбитражного судопроизводства и проанализируем их воспитательное значение.

Важнейшая задача арбитражного процесса – это формирование уважительного отношения к закону и суду. Арбитражное судопроизводство содержит большее количество формальных правил, направленных на формирование уважительного отношения граждан к закону и суду. Так согласно статье 154 АПК при входе судей в зал судебного заседания все присутствующие в зале встают, решение арбитражного суда все находящиеся в зале судебного заседания лица выслушивают стоя, лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса обращаются к арбитражному суду со словами: «Уважаемый суд!», а свои объяснения и показания суду, вопросы другим лицам, участвующим в деле, ответы на вопросы они дают стоя.

Данные символические процедуры, особенно через многократные повторения, сообщают четкий сигнал участ-

никам арбитражного процесса о необходимости уважительного отношения к суду. За нарушение указанного порядка в судебном заседании предусмотрена процессуальная ответственность. Суд вправе ограничить от имени суда выступление участника судебного разбирательства, удалить лицо из зала судебного заседания или отключить лицо от видеоконференц-связи либо веб-конференции на все время судебного заседания, закрыть или отложить судебное разбирательство, наложить на нарушителей судебный штраф.

Уважение к закону формируется в арбитражном процессе, в первую очередь, через обязательность постановлений судов, авторитет судебного постановления. В.П. Скобелев обращается к воспитательной функции гражданского процессуального права, анализируя проблематику мотивированности судебных решений. Автор полагает, что «только при наличии мотивировочной части судебное решение как мощный фактор воспитательного воздействия не только на участников гражданского судопроизводства, но и на всех остальных лиц сможет реализовать данную функцию в полном объеме» [6, с. 181]. Иными словами, воспитательный эффект арбитражного процессуального права в полной мере возможен лишь тогда, когда решение суда мотивировано, т.е. когда участники процесса и общественность знают правовую оценку дела судом, меру должного и возможного поведения в правовых отношениях. Не формально, а по-настоящему, т.е. полно и подробно составленная мотивировочная часть судебного решения способствует повышению дисциплины исполнения судебного решения, поскольку, в таком случае, участники процесса исполняют решение не только под страхом государственного принуждения, но и в осознании законности, обоснованности и справедливости судебного решения.

Гражданский процессуальный кодекс в статье 199 предусматривает порядок, при котором мировые судьи могут не составлять мотивированные решение по рассмотренному делу, а обязаны делать это только в случаях поступления от лиц, участвующих в деле, их представителей заявления о составлении мотивированного решения суда. Такой порядок, безусловно, служит обеспечению принципа процессуальной экономии, но может вредить воспитательному потенциалу судебного решения. Дело в том, что не всякое лицо, участвующее в деле, в силу своей немотивированности или своей юридической безграмотности не готово обращаться к мировому судье с заявлением о составлении мотивированного решения после рассмотрения дела по существу. Необходимо заметить, что АПК не предусматривает возможности для суда не подготавливать мотивировочную часть решения. Согласно статье 176 АПК в судебном заседании, в котором закончено рассмотрение дела по существу, может быть объявлена только резолютивная часть принятого решения, однако арбитражный суд объявляет, когда будет изготовлено решение в полном объеме и разъясняет порядок доведения его до сведения лиц, участвующих в деле. При этом изготовление решения в полном объеме может быть отложено на срок, не превышающий пяти дней. Представляется, что институт объявления и составления судебного решения в арбитражном процессуальном праве, с точки зрения своего воспитательного потенциала, более совершенен.

Задачи арбитражного судопроизводства по мирному урегулированию споров и содействию становлению и развитию партнерских деловых отношений формируют у граждан и организаций культуру разрешения конфликтов, договороспособность, способность к сотрудничеству, координации. АПК предусматривает различные нормы, разре-

шающие мирное урегулирование спора и даже в какой-то степени поощряет его. В частности, согласно статье 49 АПК стороны могут закончить дело мировым соглашением. Согласно статье 133 АПК примирение сторон является одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству. Также АПК содержит отдельную главу (глава 15), посвященную примирительным процедурам и мировому соглашению, которая описывает порядок проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур. Отдельного внимания заслуживает такая альтернативная внесудебная форма разрешения спора как процедура медиации. Медиация – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Данная процедура регламентируется Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Особенно ярко воспитательный потенциал арбитражного процесса проявляется в принципах арбитражного судопроизводства. Большая часть принципов арбитражного процесса выполняют организационно-правовую, процессуальную функции, т.е. служат цели поддержания эффективности механизма арбитражно-процессуальной деятельности. Вместе с тем, можно оценить некоторые принципы отрасли с точки зрения их воспитательного воздействия. Так принцип состязательности сторон нивелирует у граждан патернализм – применительно к арбитражному процессу, ложное убеждение, что суд должен проявить активность и инициативу в защите прав граждан и организаций за них самих (пресловутое «суд разберется»). Принцип состязательности воспитывает у граждан инициативность, активность, деятельность.

Действующий в арбитражном процессе принцип добросовестности, уже в своем названии затрагивает морально-этическую категорию «совесть». Этот принцип предохраняет участников судопроизводства от злоупотребления правами, попыток судиться бесчестно, грязно, призывает относиться с уважением не только к суду, но и к другим субъектам арбитражного процесса.

Принцип устности судебного разбирательства означает, что все процессуальные действия совершаются в устной форме, в том числе исследование письменных доказательств, допрос свидетелей, объяснение сторон и третьих лиц и пр., все вопросы задаются устно, а не письменно, лица, участвующие в деле, выступают в судебных прениях устно и т.д., суд устно разъясняет права лицам, участвующим в деле, доводит до сведения лиц, участвующих в деле, содержание определений, решение по делу оглашается устно. Данный принцип, помимо прочего, воспитывает в гражданах коммуникативную, риторическую культуру, обязывает граждан «держаться слово» в ситуации публичного, официального выступления.

Также можно предположить, что арбитражный процесс формирует у граждан дисциплинированность, пунктуальность, аккуратность, скрупулезность, педантичность, а также снижает уровень правового инфантилизма, поскольку гражданское судопроизводство сопряжено с достаточно жесткими и принципиальными требованиями в части соблюдения различного рода формальных процедур. Если участник арбитражного судопроизводства рассчитывает на защиту своих прав, он обязан соблюдать процессуальные сроки, стадийность процедуры, формы документов, определенные речевые конструкции и мн. др.

Таким образом, арбитражный процесс, безусловно, обладает воспитательной функцией и потенциалом. Через нормы арбитражного процессуального законодательства отрасль арбитражного процессуального права воздействует на сознание и волю граждан в целях формирования у них необходимых правовых и морально-нравственных установок и идей. Арбитражный процесс формирует у граждан социально значимые и необходимые качества: честность, активность, инициативность, деятельность, коммуникативность, риторичность, дисциплинированность, пунктуальность, аккуратность, скрупулезность, педантичность и т.д. Арбитражный процесс способствует формированию у граждан чувства уважения к закону, к суду и другим участникам процесса, культуры разрешения конфликтов, договороспособности, способности к сотрудничеству и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4-16.
2. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. 198 с.
3. Радько Т. Н. Теория функций права. Монография. М., 2014. 295 с.
4. Радько Т. Н. Функции права // Общая теория права / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 513 с.
5. Машукова Е. М., Улезько Г. С., Мирошниченко Ф. В. Суть и содержание воспитательной функции права в совокупности направлений правового воздействия государства на общественные отношения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 355-357.
6. Гражданский процесс: Учебник. Издание третье, переработанное и дополненное // Под ред. В.А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., ПБОЮЛ Гриженко, 2001. 544 с.
7. Скобелев В. П. Проблемы мотивированности судебных решений в гражданском процессуальном праве Республики Беларусь // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 181.

ПРАСКОВЬИН Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ДОЛЖНИКА В РАМКАХ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

В статье анализируются доктринальные положения, нормы законодательства РФ о банкротстве и позиции арбитражных судов, разрешающих вопрос о возможности включения единственного жилья должника в конкурсную массу в рамках процедур банкротства. Указывается на отсутствие законодательных критериев роскошности жилья в целях неприменения исполнительного иммунитета. Предлагается изменить подходы арбитражных судов при определении целесообразности обращения взыскания на единственное жилье с точки зрения пополнения конкурсной массы.

Ключевые слова: банкротство, злоупотребление правом, роскошное жилье, должник, исполнительный иммунитет, арбитражный управляющий.

PRASKOVYIN Dmitriy Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE QUESTION OF ADMISSIBILITY OF FORECLOSURE ON THE DEBTOR'S ONLY DWELLING WITHIN THE FRAMEWORK OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

The article analyzes the doctrinal provisions, norms of the legislation of the Russian Federation on bankruptcy and the positions of arbitration courts that resolve the issue of the possibility of including the debtor's only home in the bankruptcy estate within the framework of bankruptcy proceedings. It is pointed out that there are no legislative criteria for luxury housing in order not to apply executive immunity. It is proposed to change the approaches of arbitration courts when determining the expediency of foreclosure on a single housing from the point of view of replenishment of the bankruptcy estate.

Keywords: bankruptcy, abuse of right, luxury housing, debtor, executive immunity, arbitration manager.

Статья 40 Конституции РФ устанавливает право каждого человека и гражданина на жилище. Во исполнение данной правовой нормы в различных отраслях законодательства предусмотрены гарантии, направленные на недопустимость произвольного лишения гражданина возможности пользования жилищем. Так в ГПК РФ (ст. 446) устанавливается запрет (исполнительный иммунитет) на обращение взыскания на единственное жилье должника. Аналогичные положения предусмотрены и законодательством о банкротстве.

В рамках исполнительного иммунитета должник, обладая единственным жильем, независимо от площади, стоимости такого жилья, был полностью защищен от каких-либо взысканий на него. При этом, Постановление Конституционного суда РФ № 11-П, указывая на необходимость удовлетворения интересов кредиторов, в то же время установило определенные критерии для защиты жилищных прав должника и членов его семьи [1]. В частности, при реализации единственного жилья должника должен обеспечиваться принцип непрерывности обеспечения должника достойным жильем.

В то же время, очевидно, что исполнительный иммунитет для единственного жилища должника при формальном толковании может быть способом для злоупотребления с целью вывода имущества из-под угрозы обращения взыскания в рамках исполнительного производства или пополнения конкурсной массы для удовлетворения требований кредитов. Например, лицо, обладая несколькими квартирами, перед процедурой банкротства продает их, приобретая вместо них более дорогое жилье. В результате безусловная реализация иммунитета в отношении единственного жилья должника привела бы к большим количествам злоупотреблений со стороны должников в рамках процедуры банкротства.

Одним из факторов, создающим предпосылки для злоупотребления со стороны должников является отсутствие законодательно закрепленных критериев роскошности жилья для целей определения возможности обращения на него взыскания.

Анализ практики применения законодательства о банкротстве, законодательства об исполнительном производстве позволяет сделать вывод, что одним из главных критериев роскошности жилья является его высокая стоимость. Вместе с тем, как правило, указанный критерий применяется в совокупности с другим критерием, а именно – жилье должно существенно превосходить потребности в жилье должника и проживающих вместе с ним лиц. Более того, по нашему мнению, учитывая, что согласно ст. 65 АПК РФ сторона, которое утверждает о том

или ином факте обязана предоставить соответствующие доказательства, а также положений п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которой в отношении субъектов гражданского оборота действует презумпция добросовестности, то представляется возможным выдвинуть следующие утверждение – арбитражному управляющему или кредитору недостаточно заявить о необходимости включения единственного жилья должника в конкурсную массу ввиду ее большой стоимости, им также следует предоставить достаточные доказательства того, что данное жилье существенно превосходит потребности в жилье должника и проживающим вместе с ним лиц.

В свою очередь, в случае если в ходе судебного заседания будет установлено, что единственное жилье должника является роскошным, т. е. явно превышает потребности проживающих в нем лиц, то конкурсный управляющий и кредиторы также должны обеспечить до реализации имущества должника достойным замещающим жильем. В случае, если суду не будет предоставлено достаточно доказательств того, что кредиторами, арбитражным управляющим приняты достаточные меры для защиты интересов должника, то суд даже при наличии доказательств, свидетельствующих о роскошности жилья, не исключит единственное жилье в конкурсную массу.

Вследствие этого включение единственного жилья должника в конкурсную массу несет в себе большое количество издержек. Так перед включением единственного жилья в конкурсную массу необходимо предоставить суду доказательства, что должнику будет приобретено замещающие жилье за счет средств одного из кредиторов [2]. Однако, данный механизм затруднительно применять в большинстве производств о банкротстве гражданина. Так как реализация единственного жилья происходит в ходе процедуры торгов, то представляется, что такое жилье выставляется с определенной скидкой относительно его рыночной цены с целью привлечения участников торгов. Поэтому далеко не во всех ситуациях кредиторы заинтересованы в обращении взыскания на единственное жилье должника, так как обращение взыскание далеко не во всех случаях существенно пополняет конкурсную массу должника.

Таким образом, именно неспособность обращения взыскания на единственное жилье существенно пополнить конкурсную массу можно выделить в качестве отдельного критерия, которыми руководствуются суды при разрешении вопроса о включении такого жилья в конкурсную массу.

Вследствие этого представляется необходимым поддерживать правовую позицию Верховного суда РФ, изложенную в

определении от 26.06.2021 № 303-ЭС20-18761, для оценки рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего, необходимо и предпочтительно проведение судебной экспертизы, также судебной оценке подлежит стоимость замещающего жилья и издержки конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого.

В то же время, отметить, что суд в данной ситуации не должен за кредиторов собирать необходимые доказательства. Бремя проведения рыночных экспертиз, предоставления достаточной документации, чтобы оценщик смог определить реальную стоимость единственного жилья лежит на арбитражном управляющем. Так в одном из дел Арбитражный суд отказал во включении единственного жилья в конкурсную массу, так как при оценке рыночной стоимости квартиры использовалась стоимость квартиры из договора ипотеки, который был заключен 5 лет назад [3]. Этот пример иллюстрирует, что суды при оценке доказательств роскошности жилья должно оценивать их по своему внутреннему убеждению и полноте, так как оценщики, которые проводят оценку жилья по инициативе арбитражного управляющего, могут использовать различные методики установления стоимости жилья, в результате применения которых оценочная стоимость будет не совпадать с реальной стоимостью реализации жилья с торгов.

В науке существуют и иные точки зрения относительно критериев роскошности жилья. Так в доктрине широко распространена позиция, что в качестве порога определения роскошности жилья выступают нормы предоставления жилого помещения в рамках договора социального найма в том или ином регионе [4, с. 44].

Однако, мы считаем необходимым отметить, что сам по себе факт превышения, даже в значительном размере, нормы жилой площади на одного человека не должно само по себе указывать на то, что жилье является роскошным. Во многих ситуациях должник со своей семьей может проживать на окраинах населенных пунктов, в неудовлетворительных бытовых условиях или в доме с несколькими хозяйственными строениями на участке и живет за счет возделывания этого участка.

В таких случаях единственное жилье зачастую значительно превышает нормы предоставления жилья по договору предоставления социального найма. Однако, ввиду расположения жилья за пределами города, проблем с коммуникациями, такое жилье стоит относительно недорого, вследствие чего оно не просто не является роскошным, но и также не способно существенно пополнить конкурсную массу должника.

В то же время, на практике, даже расположение жилья в центре города и значительная его площадь сами по себе не могут быть достаточными критериями роскошности жилья и основанием для обращения взыскания на единственное жилье. Так Арбитражный Суд Самарской области отклонил довод арбитражного управляющего о необходимости обращения взыскания на долю в жилье в размере 34,8 кв. м. ввиду его роскошности, так как фактически направлены на произвольное определение в отсутствие законодательного регулирования разумно достаточного уровня обеспечения наследника жильем [5].

Немаловажным также представляется то обстоятельство, что суды при определении наличия значительно превышения жилой площади для удовлетворения потребностей в жилище должны учитывать и проживающих в нем членов семьи должника. Как справедливо отмечает К. Г. Казарян, данное обстоятельство создает возможности для злоупотребления со стороны недобросовестного должника [6, с. 3].

Так должник перед началом процедуры банкротства может зарегистрировать в квартире родственников, которые фактически в ней не будут проживать. В одном из дел Арбитражный суд согласился с допустимостью обращения взыскания на жилье, так как в квартире были зарегистрированы лица, которые не являются членами семьи должника, вследствие чего их потребности в жилище не нужно учитывать в рамках процедуры банкротства [7]. В то же время в случае, если в квартире с большой площадью зарегистрировано большое количество членом семьи должника, то арбитражный управляющий должен предоставить в арбитражный суд доказательства того, что фактически в данном жилье они не проживают. В качестве таких доказательств, по нашему мнению, могут быть сведения о том, что регистрация в квартире произошла незадолго до введения процедуры банкротства. Также в качестве сведений о том, что члены семьи фактически не проживают с должником могут выступать сведения о наличии у них другого жилья

на праве собственности, а также акт осмотра квартиры в случае, если по результатам осмотра будет установлено, что количество спальных мест будет меньше, чем количество зарегистрированных лиц.

По нашему мнению, при определении критериев роскошности жилья и, соответственно, принятии решения о неприменении исполнительного иммунитета в отношении единственного жилья должника суды, прежде всего, должны учитывать, что целью конкурсного производства является удовлетворение требований кредиторов за счет конкурсной массы должника. Поэтому отказ от исполнительного иммунитета должен иметь реальный экономический смысл как способ удовлетворения требований кредиторов, а не быть карательной санкцией (наказанием) за неисполненные долги или средством устрашения должника [8].

Таким образом в случае, если единственное роскошное жилье несмотря на то, что имеет большую стоимость, а также существенно превышает потребности в жилье, то суды могут отказаться во включении такого имущества в конкурсную массу, так как даже его реализация не сможет удовлетворить требования кредиторов в полном или значительном объеме.

В завершение представляется возможным сделать следующие выводы.

Для определения жилья в качестве роскошного суды применяют самые разнообразные критерии: местоположение жилья, его рыночную стоимость, а также другие характеристики. При этом для формирования вывода о роскошности жилья целесообразно применять данные характеристики в их совокупности. Более того, все они носят субъективный характер и должны оцениваться судом исходя их фактических обстоятельств конкретного дела. Бремя предоставления доказательств роскошности жилья возлагается на арбитражного управляющего, кредиторов.

Нами критически оценивается позиция судов, учитывающих целесообразность пополнения конкурсной массы исходя из того, что продажа единственного жилья должника пополнит конкурсную массу в значительном размере. Представляется, что необходимо применять все возможные способы пополнения конкурсной массы с учетом прав и законных интересов должника.

Приставейный библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 24.12.2023).
2. Определение арбитражного суд Поволжского округа от 17 августа 2023 года по делу № а55-1978/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 24.12.2023).
3. Постановление Арбитражного суд Поволжского округа от 18 мая 2023 года по делу № А65-16285/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 24.12.2023).
4. Немова А. В. Исполнительский иммунитет единственного жилья должника-гражданина по делу о несостоятельности (банкротстве): проблема определения пределов // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 4. – С. 43-45
5. Определение Арбитражного суда Самарской области от 05 февраля 2021 года по делу №А55-12291/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 24.12.2023).
6. Казарян К. Г. Распространение исполнительского иммунитета на жилое помещение должника в деле о банкротстве // Арбитражные споры. – 2023. – № 2(102). – С. 3.
7. Постановлении Арбитражного суда Северо-западного округа от 12.10.2022 по делу № А56-9727/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 24.12.2023).
8. Жолшиева Ж Взыскание на единственное жилье, или Как работает исполнительский иммунитет // Банковское обозрение. Приложение «FinLegal». – 2022. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 24.12.2023).

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРАКТИКА ПРИОРИТЕТА МАТЕРИ В ДЕЛАХ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЁНКА: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

Равенство прав и обязанностей родителей, установленное законодательством Российской Федерации и признаваемое правоприменительной практикой основополагающим принципом семейного права, является «камнем преткновения» в делах об определении места жительства ребёнка с одним из родителей. Удручает практика приоритета матери перед отцом, на основании положения о возможности разлучения ребёнка с матерью лишь в случае исключительных обстоятельств. Автором приведены рассуждения по поводу несправедливости применения принципа 6 Декларации прав ребёнка, принятой Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года, и необходимости принятия решения по таким делам без опоры на половую принадлежность родителей в случае, если ребёнку больше 6 лет.

Ключевые слова: семья, приоритет матери, воспитание детей, определение места жительства ребёнка, семейные споры, судебная практика.

SERGEEVA Kseniya Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE PRACTICE OF THE MOTHER'S PRIORITY IN CASES OF DETERMINING THE CHILD'S PLACE OF RESIDENCE: TRUTH OR FICTION?

Equality of rights and obligations of parents, established by the legislation of the Russian Federation and recognized by law enforcement practice as a fundamental principle of family law, is a "stumbling block" in cases of determining the place of residence of a child with one of the parents. The practice of prioritizing the mother over the father, based on the provision on the possibility of separating the child from the mother only in exceptional circumstances, is depressing. The author discusses the unfairness of the application of principle 6 of the Declaration of the Rights of the Child, adopted by UN General Assembly Resolution 1386 (XIV) of November 20, 1959, and the need to make decisions on such cases without relying on the gender of the parents if the child is over 6 years old.

Keywords: family, mother's priority, parenting, determination of the child's place of residence, family disputes, judicial practice.

Принцип равенства прав родителей, имеющий конституционную основу (п. 2 ст. 38 Конституции РФ), является основным при осуществлении регулирования семейных правоотношений, особенно в вопросах и спорах, связанных с воспитанием детей (п. 1, 2 ст. 31, ст. 61 СК РФ), что, в свою очередь, отвечает интересам ребёнка (ст. 18 Конвенции ООН «О правах ребенка»).

Рассмотрим дискуссионную природу данного принципа, сложившуюся в судебной практике. Действительно, нередки ситуации, когда определение места жительства ребёнка с матерью является приоритетнее, и даже при равных условиях и одинаковых отношениях между каждым из родителей и ребёнком, последний передаётся именно матери [2, с. 21].

По мнению исследователей, преимущественно материнское воспитание обуславливается естественной привязанностью ребёнка к матери и нуждаемости его в особом уходе [1, с. 36]. Мы считаем, что такое положение несправедливо по отношению к каждому случаю и применимо лишь к детям младшего возраста, которые не могут самостоятельно обеспечивать себя в быту, имеют физиологическую потребность в материнском присутствии и заботе.

Мы придерживаемся той же точки зрения также в отношении позиции о том, что мать в большей степени, нежели отец, вовлечена в процесс воспитания [4], и ей принадлежит главенствующая роль в семье. Также указывается об эмоциональной вовлечённости ребёнка в предметную и игровую деятельность именно матерью [5].

Каждый случай индивидуален, и такие аргументы прямо противоречат установленным принципам равенства родителей в семейных отношениях.

Также отмечается пассивный характер любви матери к детям. Иными словами, ребёнок не должен «заслужить» материнскую любовь, она безусловна. Однако мы также ставим под сомнение это утверждение, так как это неприменимо к

каждой существующей семье и дискриминирует отца, который, как отмечается, любит ребенка лишь в случаях, когда оправдывает ожидания [3].

Мы считаем, что в настоящее время отсутствует преимущество матери перед отцом ребёнка, и каждый спор должен решаться исходя из конкретных обстоятельств дела. Начала партнёрских отношений, отход от патриархального строя и, в целом, демократизации общества активно влияют на семейные правоотношения, что должно оказывать влияние и на сложившуюся судебную практику.

К счастью, приоритет матери не находит своего подтверждения в современной правоприменительной практике [7, с. 6]. Решение суда в пользу матери лишь по её «приоритету», по нашему мнению, является дискриминирующим половым признаком (ст. 19 Конституции РФ), что не может быть положено в основу решения суда. Ни один из родителей не может иметь привилегированного положения, так как закон не содержит заранее презюмированных прав отца или матери [6, с. 18].

Рассмотрим основные аргументы судебных инстанций, предлагаемые по данному вопросу, определяющими место жительства ребёнка при прочих равных условиях с матерью. Прежде всего применяется положение принципа 6 Декларации прав ребёнка [9], о котором мы поговорим более подробно далее, который ставится в центр правовой аргументации, а именно ссылка на отсутствие исключительных обстоятельств разлучения матери и ребёнка. В этой связи, в обзорах судебной практики по семейным делам отмечается, что в большинстве случаев место жительства детей определяется с их матерью что, согласно позиции судов, является правильным, поскольку дети нуждаются прежде всего в женском уходе, если мать способна его осуществить [8].

Анализ правоприменительной практики по делам об определении места жительства ребёнка позволяет сделать вывод о том, что, в целом, при прочих равных условиях (со-

циально-бытовые условия; положительные характеристики личности; равная привязанность ребенка и прочее) предпочтение отдается матери [10], особенно в случаях, когда ребёнок является малолетним, а также, когда ребёнок – девочка [11].

Обратимся к вышеупомянутому принципу 6 Декларации прав ребёнка, который становится одним из основных при гендерно-дискриминационной практике российских судов. Вызывают диссонанс дела, иллюстрирующие это утверждение, когда ребёнок хотел проживать с отцом, периодически ночевал у него, что означает возможность успешного существования без материнского ухода [12]; или в ситуации, когда ребёнок на момент рассмотрения спора проживал с отцом [13].

Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.06.2018 N 5-КГ18-68, несмотря на то обстоятельство, что ребёнок длительное время проживал с отцом, имел с ним доверительные отношения, определение места жительства ребёнка с ним было признано неверным на том основании, что указанные лица не проживали по месту регистрации, и акт обследования жилищно-бытовых условий не может быть относимым доказательством и сослаться на принцип 6 Декларации прав ребёнка. Остаётся неясным, как факт проживания ребёнка с отцом с беспрепятственным общением матери с ребёнком может свидетельствовать об их разлучении [16].

Сужение предмета доказывания до выяснения наличия матери без выяснения вопроса о возрасте ребёнка и иных обстоятельствах, указанных в законодательстве (абз. 2 п. 3 ст. 65 СК РФ), и выработанных судебной практикой (пп. 5, 6 ПП ВС РФ от 27 мая 1998 г. №10, Обзор судебной практики ВС РФ №4 (2015), утв. Президиумом ВС РФ 23.12.2015), является неправомерным, по нашему мнению, и не соответствует принципу принятия решения суда по подобным делам в интересах детей. Малолетний ребёнок в силу возраста остаётся с матерью, а при более старшем возрасте ссылаются на сложившиеся отношения.

Мы считаем неправомерным применение данного принципа в целом. Это связано прежде всего с искажением толкования, которое и привело к дискриминации отцов. Мы имеем в виду, что в принципе 6 Декларации прав ребёнка речь идет о воспитании матерью в противовес лишению родительских прав или иных ситуациях, в которых предполагается разлучения матери и ребёнка, а не о противопоставлении родителей по половому признаку.

Стоит отметить, что данное положение не является общепризнанным принципом международного права в связи с последующим принятием Конвенции о правах ребенка (1989) (см. п. 1 ст. 9), которая направлена на уравнивание родителей в осуществлении их прав.

Пугает также факт того, что органы опеки и попечительства в большинстве случаев отдают приоритет матерям, не высказывают своего мнения в ситуациях, когда мать около восьми лет не проживала с ребёнком, не держала его, не виделась с ним [15], или высказываются в пользу матери, даже в ситуациях, когда не располагают информацией относительно одной из сторон [14], вопреки установленной законодательством обязанности органа опеки и попечительства представить суду основанное на акте обследования заключение по существу спора (ст. 4 Конвенции о правах ребёнка, п. 1,2 ст. 78 СК РФ, п. 3 ППВС от 27 мая 1998 г. № 10).

Конечно, в правоприменении достаточно ситуаций, в которых решение соразмерно обстоятельствам, соответствует наилучшим интересам ребёнка, которыми суд и руководствуется. Например, примечательно Определение СК Пензенского областного суда от 6 мая 2003 г. № 33-944, где суд принял решение об определении места жительства ребёнка-девочки с отцом, признав изменение условий жизни ребенка, несмотря на наличие его желания, нецелесообразным, не соответствующим его интересам, поскольку ребёнок проживает в хороших условиях, способствующих его полноценному развитию. Мы не

оспариваем справедливость этих судебных постановлений, а говорим о противоречивых выводах, встречающихся повсеместно на этой основе, и верим в дальнейшее совершенствование судебной практики по данному вопросу для соблюдения интересов детей наилучшим образом.

Обобщая вышеизложенное, вновь отметим, что должны быть приведены очень веские причины для того, чтобы различие в обращении по признаку пола можно было считать совместимым с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п. 1 ст. 61 СК РФ, Определение СКГД ВС РФ от 10.05.2016 N 5-КГ16-67, п. 125 постановления ЕСПЧ от 23.10.18 «Петров и Х. против РФ»). По нашему мнению, в настоящее время реальность претерпевает существенную модернизацию, что должно отразиться на судебной практике.

Пристатейный библиографический список

1. Копелянская С. Е. Защита прав ребенка в советском суде: практ. пособие. - М., 1936.
2. Масевич М. Г. Основные права и обязанности родителей и детей в советском государстве. - Алма-Ата, 1958.
3. Тё В. В. Отличительные особенности функций отца и матери в воспитании личности ребёнка // Вестник науки. - 2021. - № 6 (39). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otlichitelnye-osobennosti-funktsiy-otca-i-materi-v-vospitanii-lichnosti-rebyonka> (дата обращения: 20.12.2023).
4. Юлусова О. В. Образ матери в восприятии мальчиков и девочек: сопоставительный анализ // Научно-методический электронный журнал Концепт. - 2013. - Т. 3. - С. 1716-1720.
5. Филиппова Г. Г. Психология материнства. - СПб., 2000. - С. 31-53.
6. Поссе Е. А. Правовое регулирование неимущественных отношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1953.
7. Ильинская И. М. Судебное рассмотрение споров о праве на воспитание детей. - М.: Госюриздат, 1960.
8. Обзор судебной практики рассмотрения отдельных категорий дел, вытекающих из семейных правоотношений: утверждён Президиумом Оренбургского областного суда 10.7256/2409-7136.2016.8.19824.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.05.2016 № 5-КГ16-67.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 18-КГ17-181.
11. Решение Прикубанского районного суда г. Краснодара (Краснодарский край) от 18 мая 2015 г. по делу № 2-5487/2015. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/B0dsnH65EDHA/>.
12. Решение Хабаровского районного суда Хабаровского края от 02.11.2018 по делу № 2-894/2018.
13. Решение Ленинского районного суда Саратова от 28.11.2018 по делу № 2-4459/2018.
14. Решение Химкинского городского суда Московской области от 23.01.2019 по делу № 2-7566/2018.
15. Решение Нововятского районного суда города Кирова от 18.02.2019 по делу № 2-164/2019.
16. Щелкин П. А. Нарушение баланса конституционных прав и обязанностей родителей при воспитании ребёнка, в случае их раздельного проживания // Юридическая наука. - 2021. - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-balansa-konstitutsionnyh-prav-i-obyazannostey-roditeley-pri-vospitanii-rebyonka-v-sluchae-ih-razdelnogo-prozhivaniya> (дата обращения: 11.01.2024).

СЕРГЕЕВА Ксения Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ДОБРОВОЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ И АЛИМЕНТОВ В СПОРАХ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ

В настоящей работе автором были рассмотрены институты добровольного содержания и алиментов, изучено их соотношение и взаимосвязь. Иными словами, предмет исследования составляют правоотношения между членами семьи, возникающие по поводу предоставления содержания нуждающимся членам семьи, в частности две их формы – добровольные и по государственному принуждению. Взятые во внимание понятия являются предметом дискуссий в научной литературе, однако автором произведена попытка их разграничения. Выявлены противоречивые взгляды исследователей на взятую во внимание проблематику, однако автор рассматривает данные понятия как «соглашение об уплате алиментов, заключенное в нотариальной форме» (то есть добровольное содержание), и «обязательство, установленное судом» (то есть алименты в принудительном порядке, по решению суда). Автором были применены следующие методы исследования – анализ законодательства, доктринальных источников, материалов судебной практики, обобщение, дедукция. Автор приводит критерии разграничения этих понятий и приходит к выводу об их тесной взаимосвязи, особенно в общем целевом назначении – направленности на поддержку экономически незащищенных участников семейных отношений. Автором указывается, что категории не являются тождественными, несмотря на лежащее в их основе алиментное обязательство. Исследование приводит к выводу о том, что взятые во внимание категории алиментных обязательств соотносятся друг с другом как равнозначные понятия с общей целью и природой, но разным способом обеспечения их исполнения. Автор подчёркивает, что понятия не являются взаимоисключающими в спорах о взыскании алиментов. Наличие или отсутствие соглашения не влияет на право обращения в суд для принудительного взыскания или внесения изменений в существующее соглашение об уплате алиментов.

Ключевые слова: семья, алименты, алиментное обязательство, соглашение, семейные споры, добровольное содержание, нуждающийся член семьи, предмет доказывания, меры ответственности, принудительное исполнение.

SERGEEVA Kseniya Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE RATIO OF INSTITUTIONS OF VOLUNTARY MAINTENANCE AND ALIMONY IN DISPUTES ON THE RECOVERY OF ALIMONY

In this work, the author examined the institutions of voluntary maintenance and alimony, studied their relationship and interrelation. In other words, the subject of the study is the legal relations between family members arising from the provision of maintenance to needy family members, in particular their two forms - voluntary and state coercion. The concepts taken into account are the subject of discussion in the scientific literature, but the author has made an attempt to distinguish them. Contradictory views of researchers on the issues taken into account have been revealed, however, the author considers these concepts as "an agreement on the payment of alimony concluded in notarial form" (i.e. voluntary maintenance) and "an obligation established by the court" (i.e. alimony under compulsory procedure, by court decision). The author applied the following research methods – analysis of legislation, doctrinal sources, materials of judicial practice, generalization, deduction. The author provides criteria for distinguishing these concepts and comes to conclusions about their close relationship, especially in the general purpose – the focus on supporting economically vulnerable participants in family relations. The author points out that the categories are not identical, despite the underlying alimony obligation. The study leads to the conclusion that the categories of alimony obligations taken into account relate to each other as equivalent concepts with a common purpose and nature, but in a different way to ensure their fulfillment. The author emphasizes that the concepts are not mutually exclusive in disputes over the recovery of alimony. The presence or absence of an agreement does not affect the right to apply to court for compulsory collection or to amend an existing alimony agreement.

Keywords: family, alimony, alimony obligation, agreement, family disputes, voluntary maintenance, a family member in need, the subject of proving, liability measures, enforcement.

Алиментное обязательство представляет собой семейное правоотношение, включающее в себя обязанность одного члена семьи оказывать материальную поддержку управомоченному члену семьи в силу заключенного между ними соглашения или в принудительном (судебном) порядке [1].

Для сравнения предлагаем также легальное определение, согласно которому под алиментными обязательствами понимается гражданское правоотношение, в силу которого плательщик (алиментобязанный) обязуется предоставить другому лицу (получателю) имущественное содержание на условиях, установленных семейным законодательством и соглашением сторон (Методические рекомендации по исполнению исполнительных документов о взыскании алиментов и задолженности по алиментным обязательствам в УФССП по Москве, утв. Приказом УФССП России по Москве от 16.04.2010 № 344).

В настоящем исследовании мы наиболее подробно рассмотрим соотношение соглашения об уплате алиментов, заключенного в нотариальной форме, и обязательства, установленного судом.

Добровольность, как один из принципов регулирования семейных отношений в соответствии с п. 3 ст. 1 СК РФ, подразумевает разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию членов семьи. Считаем, что при понимании

добровольного порядка уплаты алиментов как надлежащего исполнения обязанностей по содержанию (ст. 80 СК РФ) спора как такового не возникает. Имеем в виду ситуацию, при которой порядок и форма предоставления содержания определяются сторонами соглашения самостоятельно, а в противном случае средства на содержание несовершеннолетних детей (то есть алименты, в соответствии с действующим законодательством) взыскиваются с родителей в судебном порядке.

Поэтому придерживаемся точки зрения о том, что добровольный порядок уплаты алиментов осуществляется на основании соглашения [2]. О добровольности мы можем говорить в контексте сущности гражданско-правового договора, в содержании которого всегда присутствует волевой аспект, определяющий волю лица, выплачивающего алименты, в отличие от принудительного способа уплаты в рамках реализации судебного решения.

Таким образом, в настоящей работе мы рассмотрим соотношение двух видов содержания – принудительного (по решению суда) и добровольного (по соглашению сторон).

Возвращаясь к дискуссионной природе соглашения, отметим, что оно направлено не столько на принудительное исполнение, сколько на стимулирование выплат на добровольной основе. Именно по соглашению, в отличие от при-

нуждения, алименты могут получать те категории лиц, которые по закону не относятся к нуждающимся.

С другой стороны, из п. 2 ст. 100 СК РФ можно установить, что нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов не может быть добровольным, так как в случае неисполнения имеет силу исполнительного листа.

Однако, по нашему мнению, соглашение, несомненно, призвано обеспечить принудительное исполнение субъективного права на содержание, но не породить его.

По мнению исследователей, добровольное исполнение является таковым лишь при отсутствии спора, как естественное поведение [3], но всё же большинство представителей научного сообщества признаёт верным подход к понятию «добровольное содержание» как соглашения об уплате алиментов (то есть как основание для возникновения алиментных обязательств) [4]. Справедливым будет отметить, что такое соглашение призвано лишь упорядочить процедуру его исполнения (например, размер выплачиваемых средств на содержание, порядок уплаты алиментов) [5], но само исполнение, то есть выплата алиментов, является добровольной [6].

Подкрепить данную точку зрения можно также тем, что, уплата средств на содержание в добровольном порядке (а именно при отсутствии нотариально удостоверенного соглашения) не является препятствием для рассмотрения судом требования о взыскании алиментов в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ (п. 14 Постановления от 26.12.2017 г. № 56), что говорит о разной правовой природе рассматриваемых понятий.

Теперь более чётко поговорим о вопросе соотношения, выделив несколько критериев, среди которых предмет доказывания, основания возникновения обязательства, ответственность за несвоевременную уплату алиментов, возможность изменения и прекращения выплат, размер средств на содержание.

Итак, во-первых, отмечаем общий предмет доказывания у обоих понятий в случае возникновения спорных ситуаций, к которому относится:

1) наличие или отсутствие между сторонами алиментных обязательств,

2) доказательства надлежащего исполнения (со стороны ответчика, куда может включаться распространённая в судебной практике проблема отказа от получения денежных средств, выплачиваемых ответчиком добровольно, см. например, Постановление мирового судьи судебного участка № 1 ЗАТО г. Лесной (Свердловская область) от 7.04.2017 г. по делу № 5-122/2017) и неисполнения (со стороны истца) плательщиком алиментов обязанности по их уплате в добровольном порядке,

3) наличие или отсутствие соглашения между сторонами (ст. 106 СК РФ).

Следующий критерий – основания возникновения обязательства, под которыми понимаются юридические составы (совокупность юридических фактов, в частности, родство определённой степени, наличие соглашения об уплате алиментов либо решения суда о взыскании алиментов, при принудительной уплате алиментов – нуждаемость в содержании и иные факты, в зависимости от конкретной ситуации).

Например, смоделируем алиментное обязательство для бабушки и дедушки на внуков, которое возникнет при родстве второй степени (факт-состояние), нуждаемости внуков в помощи, невозможности получения содержания внуками от своих родителей, возможность уплаты алиментов (наличие финансовой возможности для содержания), наличие соглашения или решения суда [7].

Иными словами, основанием возникновения обязательства при добровольном содержании будет наличие родства и соглашения между сторонами, а в алиментных обязательствах, дополнительно, – нуждаемость в такой поддержке.

Далее рассмотрим меры ответственности за несвоевременную уплату алиментов в аспекте рассматриваемых понятий. Основание является единым – образование задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты. Однако сами меры зависят от порядка уплаты алиментов. То есть в случае добровольного содержания ответственность может быть предусмотрена непосредственно соглашением, однако в случае отсутствия такого раздела в нём применяются нормы законодательства (ст. 101 СК РФ, ст. ст. 15, 393, 395 ГК РФ). Вопросы принудительной уплаты регулируются п. 2 ст. 115 СК РФ, в соответствии с которой осуществляется выплата не-

устойки в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Понятия соотносятся также по размеру алиментов, так как сумма, установленная сторонами самостоятельно, не может быть меньше той, которая присуждается судом (ст. ст. 81, 103 СК РФ). Размеры же принудительно устанавливаемой уплаты алиментов указаны в Семейном Кодексе РФ.

Обращаем также внимание на возможность изменения и расторжения соглашения об уплате алиментов, признании такого соглашения недействительным. К заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным соглашения об уплате алиментов применяются нормы не только семейного законодательства (в частности, ст. 101 СК РФ), но и нормы ГК РФ, регулирующие осуществление этих действий в рамках гражданско-правовых сделок (гл. 28 ГК РФ – заключение договора; гл. 22 ГК РФ – исполнение обязательств; гл. 29 ГК РФ – изменение и расторжение договора; гл. 9 ГК РФ – недействительность сделок).

При отсутствии договорённости между сторонами об изменении или расторжении соглашения об уплате алиментов заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с соответствующим иском (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56).

Различаются и основания прекращения алиментных обязательств (ст. 120 СК РФ) у рассматриваемых понятий. При добровольном содержании они предусматриваются в соглашениях сторон, и поэтому, грубо говоря, завершить выплату алиментов сложнее, нежели в уплате алиментов в принудительном порядке, так как, например, такие выплаты могут не прекращаться в связи с достижением совершеннолетия. И основаниями для прекращения правоотношений в данном случае будут общие условия, такие как смерть одной из сторон, истечение срока его действия и иные основания.

Подводя итоги, резюмируем основные вопросы разграничения добровольного и принудительного взыскания алиментов.

Наличие или отсутствие соглашения не препятствует праву обращения в суд за принудительным взысканием или изменением заключённого соглашения об уплате алиментов. Оба понятия соотносятся с алиментным обязательством, лежащим в его основе, объединяются понятием «содержание», которое разделяется на принудительное и добровольное, и имеют общую цель, то есть направлены на поддержку экономически незащищённого участника семейных отношений. Только в одном случае обязательность исполнения обеспечивается решением суда, в другом – мерами, предусмотренными в соглашении или гражданским законодательством.

Пристайный библиографический список

1. Семейное право России: Учеб. для вузов / Л. М. Пчелинцева. - М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА- М, 1999. - 663 с.
2. Авдеева Н. И. Добровольное исполнение алиментных обязательств. Особенности правового регулирования в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2017. - Т. 7, № 4 (25). - С. 96-101.
3. Легова Н. В. Правовая природа соглашений об уплате алиментов: проблемы материального и процессуального права // Социально-политические науки. - 2020. - Т. 10. - № 4. - С. 111-117.
4. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации / Ю. Ф. Беспалов. Изд. 2-е, перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2014. - 240 с.
5. Федорова О. А. Определение размера алиментов, уплачиваемых на несовершеннолетних детей (комментарий к п. 2 ст. 103 СК РФ) // Семейное и жилищное право. - 2018. - № 1.
6. Серебрякова А. А. Право детей и родителей на получение содержания // Государство и право. - 2017. - № 3. - С. 1-15.
7. Гонгало Б. М. Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. - 2016. - № 5. - С. 15-16.

БАСИЛОВ Умид Ихтиёр угли

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЕРДЫКИНА Валерия Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БРАГА Снежана Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОРОНОВА Софья Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОСТОЦКИЙ Максим Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ УВОЛЬНЕНИЯ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РОССИИ И КИТАЯ

В рамках данного исследования осуществляется сравнительный анализ регулирования увольнения в трудовом законодательстве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Исследование акцентируется на процедурах увольнения, рассматривая их в контексте текущих мировых тенденций в сфере трудового права. Авторы анализируют нормативно-правовые акты обеих стран, выявляя динамику изменений и взаимодействие международных и национальных норм. Особое внимание уделяется анализу последствий увольнения, различиям в понимании терминов «увольнение» и «расторжение трудового договора», а также влиянию экономических и политических факторов на формирование трудового законодательства. Результаты подчеркивают значимость интеграции международных стандартов и учета интересов как работников, так и работодателей.

Ключевые слова: регулирование увольнения, сравнительный анализ, трудовое право, Россия и Китай, международные нормы, защита прав работников, динамика законодательства.

BASILOV Umid Ihtiyor ugli

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BERDYKINA Valeria Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BRAGA Snezhana Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VORONOVA Sofya Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ROSTOTSKIY Maxim Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

A COMPARATIVE STUDY OF THE REGULATION OF DISMISSAL IN THE LABOR LAW OF RUSSIA AND CHINA

Within the framework of this study, a comparative analysis of the regulation of dismissal in the labor legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China is carried out. The research focuses on dismissal procedures, considering them in the context of current global trends in the field of labor law. The authors analyze the normative legal acts of both countries, revealing the dynamics of changes and the interaction of international and national norms. Special attention is paid to the analysis of the consequences of dismissal, differences in the understanding of the terms "dismissal" and "termination of an employment contract", as well as the influence of economic and political factors on the formation of labor legislation. The results highlight the importance of integrating international standards and taking into account the interests of both employees and employers.

Keywords: regulation of dismissal, comparative analysis, labor law, Russia and China, international norms, protection of workers' rights, dynamics of legislation.

Статья представляет собой детальный сравнительный анализ регулирования увольнения в трудовом праве России и Китая, выявляя особенности и различия в подходах каждой из стран. Анализ включает изучение нормативно-правовых актов, динамики изменений и влияние международных тенденций. Внимание уделяется терминологическим различиям, правовым последствиям увольнения и влиянию внешних факторов на законодательство. Работа подчеркивает важность интеграции международных стандартов и баланса интересов в трудовых отношениях.

В Российской Федерации трудовые отношения регулируются Трудовым кодексом, который определяет увольнение как прекращение трудовых отношений по инициативе работодателя или работника. Особенностью российского законодательства является строгий контроль за соблюдением процедур увольнения, включая необходимость предоставления уважительных причин для увольнения по инициативе работодателя и обязанность уведомления работника за две недели. В Китае трудовые отношения также регулируются национальным законодательством, которое в последние годы претерпело значительные изменения, направленные на защиту прав работников [1]. Например, Закон о трудовых контрактах КНР устанавливает более жесткие требования

к увольнению, требуя от работодателей выплаты компенсации в случае увольнения без уважительной причины.

Обе страны придерживаются международных стандартов в области трудового права, однако применение этих стандартов в национальном законодательстве варьируется. В России существует тенденция к усилению защиты прав работников, особенно в контексте массовых увольнений и увольнений по инициативе работодателя [2]. В Китае, с учетом экономического роста и изменений в социальной структуре, также наблюдается усиление защиты трудовых прав, хотя подходы к регулированию трудовых отношений и увольнению имеют свои специфические особенности.

Сравнительный анализ трудового законодательства России и Китая показывает, что, несмотря на различия в подходах к увольнению, обе страны стремятся к гармонизации своих норм с международными стандартами. Это включает в себя учет интересов как работников, так и работодателей, стремление к справедливому разрешению трудовых споров и предоставление достаточных гарантий в случае увольнения. Особое внимание в обеих странах уделяется защите от несправедливого увольнения и обеспечению справедливых условий труда [3].

Отношения между работником и работодателем в Российской Федерации представляют собой комплексное взаимодействие прав и обязанностей, основанное преимущественно на Трудовом кодексе. Этот нормативно-правовой документ служит руководством для участников трудовых отношений, однако его положения не являются абсолютными и подлежат изменениям в связи с развитием законодательства и обновлением его структуры. Такие изменения могут быть вызваны как внедрением новых законодательных актов, так и детализацией существующих правил. Важность исследования заключается в том, что трудовое право является динамичной сферой, требующей адаптации и улучшений, в том числе на основе анализа международного опыта в этой области.

Целью данной статьи является исследование возможностей интеграции элементов трудового законодательства Китая в российскую правовую систему. Для достижения этой цели были поставлены задачи: уточнить смысл понятия «увольнение» работника, сравнить нормы трудового законодательства России и Китая в отношении увольнения, а также оценить перспективы применения китайских норм в России. Исследование опирается на анализ нормативно-правовых актов обеих стран и исследования ученых из различных стран, специализирующихся на трудовом праве. Методология исследования включает толкование правовых норм, аналитический подход, диалектическую и формальную логику, дедуктивный и индуктивный методы, а также сравнительное правоведение.

Научная новизна исследования проявляется в углубленном анализе понятия «увольнение» и сравнении регулирования увольнения в трудовом законодательстве Китая и России, что позволяет оценить возможности для их интеграции в российскую правовую систему.

В рамках изучения Трудового кодекса РФ возникают вопросы о терминологии, используемой в описании окончания трудового договора. Термины «прекращение трудового договора», «расторжение трудового договора» и «увольнение работника» могут казаться синонимами, но имеют различия в юридическом контексте. «Прекращение трудового договора» — это общее понятие, включающее в себя все случаи завершения трудовых отношений, вне зависимости от причины [6]. «Расторжение трудового договора» может исходить как от работника, так и от работодателя, что указывает на более специфическую ситуацию. «Увольнение работника» является юридическим результатом расторжения трудового договора и подразумевает наличие определенных условий, таких как законное основание увольнения, соблюдение процедуры и наличие приказа о прекращении трудового договора.

Мировые тенденции в трудовом законодательстве свидетельствуют о постепенном переходе от строгих иерархических моделей к более гибким и демократичным подходам в управлении трудовыми ресурсами. Это отражается в усилении прав работников, увеличении прозрачности процессов увольнения и привлечении внимания к необходимости соблюдения прав человека в трудовых отношениях.

В контексте Китая, страны с быстро развивающейся экономикой и меняющимся социальным устройством, видно значительное влияние этих тенденций. Например, в последние годы в Китае усиливается защита прав работников, улучшается регулирование трудовых отношений, особенно в части увольнения, что приводит к уменьшению произвольных и необоснованных увольнений.

В России также наблюдаются похожие изменения, хотя темпы их внедрения могут отличаться. Российское трудовое законодательство стремится к сбалансированности и защите прав как работников, так и работодателей. Например, в последние годы усиливается акцент на необходимость соблюдения процедур при увольнении, что обеспечивает защиту работников от несправедливого увольнения.

Кроме того, стоит отметить, что в обеих странах наблюдается тенденция к интеграции международных стандартов труда. Это проявляется в участии в международных конвенциях и включении их положений в национальное законодательство. Эти изменения направлены на создание более справедливой и гуманной системы трудовых отношений.

Однако, в обеих странах все еще существуют вызовы, связанные с реализацией этих изменений на практике. Важным аспектом является обеспечение соблюдения прав работников при увольнении, включая предоставление достаточных гарантий и компенсаций, а также поддержание баланса интересов работников и работодателей.

Понятие «увольнение» в правовой системе выступает как заключительный этап завершения трудовых отношений между работником и работодателем. Это происходит либо в результате

нарушений, совершенных работником, либо по инициативе одной из сторон трудового договора.

Изучение трудового законодательства Китая приносит ценные взгляды для развития трудового права в России. Законодательство КНР, проникнутое принципами международного права, демонстрирует схожие черты с российским, но также отражает уникальные политические, социальные и экономические аспекты развития Китая.

В контексте Трудового кодекса РФ, увольнение и расторжение трудового договора рассматриваются как эквивалентные понятия. Различаются две основные категории оснований для увольнения, основанные на желании работника: добровольное увольнение, включая соглашение об увольнении, расторжение по инициативе работника и перевод к другому работодателю, а также увольнение, вызванное изменением условий трудового договора или реорганизацией работодателя. Эти категории подчеркивают важность запрета принудительного труда и свободы выбора в трудовых отношениях.

Статья 80 ТК РФ предоставляет работнику право самостоятельно решать о прекращении трудового договора. Тем не менее, в России существуют определенные трудности в правовом регулировании перевода работников. В прошлом изменения в трудовом договоре часто сводились к переводу работника. В предыдущей версии ТК РФ глава 12, касающаяся изменений трудового договора, начиналась с определений «перевод» и «перемещения». В этом контексте различие между этими терминами определялось наличием или отсутствием изменений в трудовой функции и ключевых условиях трудового договора. При изменении этих аспектов обсуждался перевод, в противном случае — перемещение. Такая интерпретация обуславливала размещение этих определений в одной статье Трудового кодекса.

Трудовое законодательство России и Китая, хоть и имеет свои уникальные черты, оказывается под влиянием глобальных тенденций в области защиты трудовых прав. Анализ показывает, что обе страны стремятся к гармонизации своего законодательства с международными стандартами, уделяя особое внимание регулированию увольнений. Эти усилия способствуют созданию более сбалансированной и справедливой системы трудовых отношений, подчеркивая важность адаптации законодательства к меняющимся социально-экономическим условиям и международным обязательствам.

Пристатейный библиографический список

- Шагиева А. А. К вопросу о прекращении трудового договора с работником за нарушение трудовой дисциплины // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 мая 2020 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. — С. 99-102. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42784957>.
- Трифонов В. Г. Расторжение трудового договора по инициативе работника // Трибуна ученого. — 2021. — № 5. — С. 289-295. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46539771>.
- Махарадзе Н. С., Веретенникова С. В. Соотношение категорий «прекращение» и «расторжение» трудового договора и «увольнение работника» // Основные тенденции развития правовой науки: Материалы I Международной студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 02-06 декабря 2019 года / Редколлегия: В.Е. Степенко (председатель) [и др.]. — Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. — С. 256-260. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42816145>.
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
- Колобова С. В., Рукавишников О. Д. Понятие и сущность увольнения с государственной службы // Аллея науки. — 2021. — Т. 2. — № 1 (52). — С. 419-422. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45619487>.
- Фаталина А. А. Защита трудовых прав работников в России // Вестник науки и образования. — 2020. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-trudovyh-prav-rabotnikov-v-rossii>.

БОНДАРЕВА Ольга Юрьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЕНИСЮК Евгения Ивановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОЖЕНЦЕВА Арина Павловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

САРАНЧУК Лина Николаевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТАРНОВСКАЯ Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИНТЕГРАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСАМИ БИЗНЕСА: СТРАТЕГИИ УЛУЧШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию вклада цифровых технологий в финансовое управление бизнеса. Особое внимание уделяется изучению использования систем управления клиентскими отношениями (CRM) и интегрированных программных решений в финансовом управлении, включая платформы, такие как «1С: Предприятие» и Oracle Financial Services. Рассматривается, как эти инновации способствуют улучшению рентабельности, эффективности управленческих процессов, укреплению отношений с клиентами, а также улучшению финансового планирования и аналитики. Кроме того, обсуждается роль цифровых технологий в прогнозировании и анализе финансовой информации, а также в обеспечении безопасности финансовых операций.

Ключевые слова: интеграция цифровых технологий, управление бизнес-финансами, CRM, финансовая аналитика, бухгалтерский учет, повышение производительности, бизнес-технологии, защита финансовых данных.

BONDAREVA Olga Yurjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DENISYUK Evgeniya Ivanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ROZHENTSEVA Arina Pavlovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SARANCHUK Lina Nikolaevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TARNOVSKAYA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INTEGRATING DIGITAL TECHNOLOGIES INTO BUSINESS FINANCIAL MANAGEMENT: STRATEGIES TO IMPROVE PRODUCTIVITY AND STABILITY

The article is devoted to the study of the contribution of digital technologies to the financial management of a business. Special attention is paid to the study of the use of customer relationship management systems (CRM) and integrated software solutions in financial management, including platforms such as 1C: Enterprise and Oracle Financial Services. It examines how these innovations contribute to improving profitability, efficiency of management processes, strengthening customer relationships, as well as improving financial planning and analytics. In addition, the role of digital technologies in forecasting and analyzing financial information, as well as in ensuring the security of financial transactions, is discussed.

Keywords: digital technology integration, business finance management, CRM, financial analytics, accounting, productivity improvement, business technologies, financial data protection.

В современном мире, где технологические инновации непрерывно преобразуют бизнес-ландшафт, цифровая трансформация в финансовом управлении становится не просто трендом, а необходимостью для коммерческих организаций, стремящихся к устойчивому развитию и конкурентоспособности. В эпоху глобальной цифровизации управление финансами через интеграцию современных технологий, таких как CRM-системы и комплексные программные решения, выходит на передний план как ключевой фактор успеха. Эти технологии позволяют компаниям автоматизировать многие процессы, что существенно повышает их эффективность и точность.

CRM-системы играют решающую роль в управлении клиентскими отношениями, обеспечивая более глубокое понимание потребностей и поведения клиентов. Это, в свою очередь, помогает в оптимизации маркетинговых стратегий и повышении продаж. Программные решения, такие как

«1С: Предприятие» и Oracle Financial Services, позволяют организациям более эффективно управлять финансовыми потоками, оптимизировать бюджетирование и финансовый учет, а также повышать прозрачность финансовой отчетности.

Цифровая трансформация также способствует улучшению финансового планирования и аналитики. Использование больших данных и аналитических инструментов позволяет компаниям более точно прогнозировать финансовые результаты и анализировать рыночные тенденции. Это не только улучшает принятие решений на основе данных, но и способствует более глубокому пониманию рыночной динамики.

Помимо этого, цифровая трансформация укрепляет безопасность финансовых операций. Развитие кибербезопасности и применение передовых технологий шифрования данных помогают предотвратить финансовые мошенничества.

ства и защитить конфиденциальную информацию. В целом, интеграция цифровых технологий в финансовое управление представляет собой многоаспектный подход, направленный на повышение эффективности, устойчивости и безопасности финансовой деятельности коммерческих организаций.

Организация предпринимательской деятельности любого хозяйствующего субъекта играет ключевую роль в достижении устойчивого финансового состояния и максимизации финансовых результатов. Чтобы достичь этих целей, особое внимание уделяется совершенствованию системы управления финансовой устойчивостью. Это включает в себя использование финансового анализа для минимизации рисков, связанных с финансовыми потрясениями, которые могут негативно повлиять на работу коммерческих организаций.

Понятие финансовой устойчивости трактуется различными авторами по-разному. Например, А. Н. Жилкина определяет финансовую устойчивость как состояние предприятия, которое позволяет ему сохранять финансовую независимость и свободно управлять своими финансовыми ресурсами. В. Д. Бугатин считает, что финансово-устойчивое предприятие способно покрывать свои активы за счет собственных средств, контролировать дебиторскую и кредиторскую задолженность, а также своевременно выполнять свои обязательства. В. К. Скляренко добавляет, что финансовая устойчивость также включает в себя способность компании сохранять равновесие активов и пассивов в условиях меняющейся экономической среды [1], [2], [4].

Финансовая устойчивость зависит от множества внешних и внутренних факторов. К внешним относятся экономическая ситуация в регионе, уровень конкуренции, инфляция, денежно-кредитная политика страны, налоговое регулирование. Внутренние факторы включают сферу деятельности предприятия, структуру капитала, соотношение собственных и привлеченных средств, а также управление запасами и долгами.

Высокая устойчивость организации снижает риски банкротства и потери равновесия в условиях политической нестабильности и экономических колебаний. В этом контексте важно учитывать типы финансовой устойчивости и методы их расчета. На текущем этапе достижение абсолютной финансовой устойчивости затруднительно из-за экономических рисков и кризисных явлений.

Прогнозирование финансовой устойчивости становится особенно актуальным в условиях экономической нестабильности и санкционного давления. Это включает оценку финансовой устойчивости, прогнозирование вероятности банкротства, выявление проблем и разработку мер по укреплению устойчивости.

Цифровая трансформация и инновационный потенциал производства позволяют организациям гибко реагировать на рыночные изменения, улучшая при этом свою финансовую устойчивость. Эффективный менеджмент, финансовое управление и современный маркетинг, включая использование цифровых технологий для прогнозирования спроса, являются ключевыми компонентами для улучшения финансовой устойчивости. Внедрение ИТ-технологий в управленческий процесс также играет значительную роль в повышении эффективности управления финансовым состоянием.

Цифровизация значительно изменила ландшафт финансового управления в коммерческих организациях. Согласно исследованию Deloitte, более 70% компаний заявили о повышении эффективности финансовых операций благодаря внедрению цифровых технологий. Это отражает глобальный тренд, при котором бизнес активно интегрирует ИТ-решения для автоматизации ключевых финансовых процессов.

CRM-системы, такие как Salesforce и Microsoft Dynamics, доказали свою эффективность в повышении доходов компаний. Отчет Gartner указывает, что внедрение CRM-систем может увеличить продажи на 30%. Это становится возможным за счет улучшенного управления взаимоотношениями с клиентами, оптимизации маркетинговых и продажных стратегий [6, с. 161].

Программные продукты для финансового управления, такие как «1С: Предприятие» и Oracle Financial Services, также вносят свой вклад в эффективность управления финансами. По данным Oracle, компании, использующие их облачные решения, отмечают сокращение времени на финансовое закрытие циклов на 30–50%. Это позволяет руководителям быстрее получать финансовую отчетность и принимать обоснованные решения.

Также стоит отметить влияние цифровизации на прогнозирование и аналитику. Искусственный интеллект и машинное обучение, интегрированные в финансовые системы, позволяют точнее прогнозировать финансовые показатели и тенденции. Например, системы на базе AI могут анализировать большие объемы данных для выявления рисков и возможностей, что недоступно при традиционных методах анализа.

Цифровые технологии также способствуют усилению безопасности финансовых операций. Блокчейн-технологии, например, предлагают новые подходы к обеспечению прозрачности и безопасности транзакций. В соответствии с отчетом PwC, блокчейн может сократить расходы на банковские операции и усилить прозрачность финансовых потоков.

В современном рыночном пространстве наблюдается бурное развитие и внедрение различных программных решений, предназначенных для автоматизации управления финансами на предприятиях. Эти решения охватывают весь спектр деятельности – от организации и учета до планирования и прогнозирования финансовых результатов. Особое место в этом контексте занимают CRM-системы, которые активно внедряются в коммерческие организации в эпоху цифровизации экономики.

Для повышения финансовой устойчивости организации в условиях цифровизации предлагаются различные меры. Одна из ключевых стратегий – использование CRM-систем, таких как OkoCRM, Zoho Finance CRM и Битрикс 24, для улучшения взаимодействия с клиентами и повышения доходности [5, с. 20–26]. Эти системы помогают в построении отношений с клиентами, контроле цен, управлении ресурсами на маркетинговые мероприятия, формировании планов продаж и анализе клиентского потока.

Для повышения эффективности управленческого финансового механизма рекомендуется внедрение программных продуктов, таких как «1С: Предприятие 8.2 + Oracle Database», сервисы «Финансист», «Финтабло» и подобных. Эти инструменты способствуют автоматизации аналитических и контрольных мероприятий, а также упрощают финансовое планирование и прогнозирование. Они обеспечивают эффективное управление бухгалтерским балансом и отчетами о финансовых результатах, помогают формировать финансовые планы и прогнозы, а также способствуют улучшению управления организацией в целом.

В условиях усиления рисков, влияющих на предпринимательскую деятельность, крайне важна точная оценка финансовой устойчивости. Результаты финансового анализа и прогнозирования дают возможность разработать стратегии укрепления финансового состояния организации. Совершенствование управления финансами и повышение финансовой устойчивости неразрывно связаны с внедрением ИТ-технологий, актуализированных в свете глобальных тенденций цифровизации экономики и бизнес-сектора.

Приставный библиографический список

1. Жилкина А. Н. Финансовый анализ: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 285 с.
2. Скляренко В. К., Прудников В. М. Экономика предприятия. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 208 с.
3. Лапуста М. Г. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия: учебное пособие. – М.: Юнити, 2021. – 358 с.
4. Бугатин В. Д. Экономика предприятия: учебник. – М.: Проспект, 2018. – 314 с.
5. Щебарова Н. Н. Факторы, определяющие финансовую устойчивость предприятия // Управление в современных системах. – 2018. – № 1. – С. 20–26.
6. Григорьев К. В. Доступность источников финансирования для предприятий малого и среднего предпринимательства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 1 (133). – С. 161.
7. Brigham, Eugene F. & Ehrhardt, Michael C. Financial Management: Theory and Practice. – Mason, Ohio: Thomson/South-Western, 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/financialmanagem00euge>.

КАРТАШОВ Александр Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ФИНТЕХ-БАНКОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ*

В представленной работе рассматриваются подходы, используемые в процессе регулирования деятельности финансовых посредников, использующих технологии на финансовом рынке. Автором предложена характеристика особенностей лицензирования финтех-банков в странах Европейского союза.

Ключевые слова: финансовый рынок, кредитная организация, некредитная финансовая организация, Fintech, участник финансового рынка, финтех-банк.

KARTASHOV Alexander Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Financial law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

FEATURES OF LICENSING OF FINTECH BANKS IN EUROPEAN COUNTRIES

The presented paper examines the approaches used in the process of regulating the activities of financial intermediaries using technologies in the financial market. The author proposes a description of the features of licensing of fintech banks in the countries of the European Union.

Keywords: Financial market, credit organization, non-credit financial organization, Fintech, Fintech-bank.

Развитие технологий оказывает существенное влияние на развитие общества и государства. В условиях перехода к цифровой экономике активное применение технологий наблюдается в различных сферах, например, медицине, транспорте, однако наиболее активное их внедрение наблюдается в сфере финансового рынка, который становится системообразующим звеном экономической системы различных государств, включая страны, являющиеся участниками Европейского союза (далее – ЕС).

Представляется, что именно посредники, оказывающие услуги на финансовом рынке, первыми оценили преимущества внедрения технологических достижений (например, программное обеспечение, базы данных). Использование технологий в процессе оказания финансовых услуг дает им возможность получить конкурентное преимущество на рынке, в результате этого происходит более быстрая обработка информации о поведении участников отношений, включая потребителей финансовых услуг, финансовых посредников и регуляторов финансового рынка. Ученые, исследующие экономико-правовые и технологические аспекты развития финансового рынка, справедливо отмечают, что финансовые посредники, применяющие технологии «преуспевают в сопоставлении пользователей с информацией» (далее по тексту – финтех-финансовые посредники)¹. Деятельность можно охарактеризовать как «предпринимательский феномен», возникший в результате сочетания различных факторов (экономических, технологических и регуляторных)². Появление

«новых» участников на финансовом рынке различным образом оказывает влияние на финансовый рынок и его систему.

Во-первых, технологически адаптированные субъекты, оказывающие финансовые услуги, составляют серьезную конкуренцию «традиционным» финансовым посредникам, прежде всего кредитным организациям³. Фактически, субъекты, оказывающие финансовые услуги на основе технологий, существенно нарушают и изменяют сформировавшиеся ранее экономические взаимосвязи, которые влияют на формирование стоимости финансовых услуг [4, с. 7-25], что обуславливается возможностью снижать затраты, связанные с оказанием услуг.

Во-вторых, изменение субъектного состава отношений на финансовом рынке оказывает влияние на финансовую стабильность (финансового рынка и экономики в целом) и вызывает определенные сложности, обусловленные ограниченностью подходов, используемых в процессе регулирования и надзора регуляторами финансового рынка. Центральные банки и органы власти, отвечающие за обеспечение публичного управления на финансовом рынке европейских стран, по объективной причине вынуждены вырабатывать новые организационные механизмы и корректировать устоявшуюся систему правового регулирования, подстраивая ее под изменяющиеся социально-экономические условия. Указанная реакция заключается в необходимости установления дифференцированных правовых режимов по отношению к «традиционным» посредникам и новым участникам финансового рынка.

Прежде всего необходимо определить какие субъекты могут быть отнесены к финтех-участникам финансового рынка в странах ЕС. Исследования подходов, используемых с целью регулирования отношений на финансовом рынке, позволяет разграничить финтех-участников на две группы.

К первой группе могут быть отнесены субъекты, которые условно могут быть обозначены как «технологические». Они не всегда изначально выступают в качестве финансовых посредников на финансовом рынке, их участие является следствием развитием определённых технологий, например,

* Статья выполнена в рамках государственного задания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5-5.1.

1 См. Вутне, David M. (2022). «The Digital Economy and Productivity». Finance and Economics Discussion Series 2022-038. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. P. 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2022.038> (дата обращения: 21.12.2022).

2 См.: [2, с. 1-6]; Arner D., Barberis J., Buckley R. The evolution of fintech: a new Post-Crisis paradigm? // University of Hong Kong Faculty of Law. 2015. Research Paper № 2015/0472015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juliaocoelho.com/wp-content/uploads/2019/05/SSRN-id2676553.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

3 Представляется обоснованным тезис о том, что новые участники финансового рынка подрывают монополистическую роль классических банков, составляя им серьезную конкуренцию. См.: [4, с. 26-42].

программного обеспечения⁴. Соответственно, их присутствие на финансовом рынке является следствием технологической «эволюции» (например, в результате расширения спектра оказываемых услуг операторами мобильной связи).

Ко второй группе, по нашему мнению, могут быть причислены субъекты, которые изначально обладают соответствующей лицензией на оказание отдельных видов финансовых услуг, они в определенный момент времени начинают внедрять технологии в свою деятельность. Анализ документов, издаваемых регуляторами финансового рынка ЕС, позволяет сделать вывод о том, что они в определенной мере именно таким образом разграничивают финтех-участников финансового рынка. Вместе с тем, нельзя не отметить ряд различий в их дифференциации, которые объясняются следующими обстоятельствами.

Во-первых, несмотря на признание необходимости использования технологий на финансовом рынке, степень их внедрения в различных странах сильно отличается и не может не учитываться в процессе регулирования деятельности на финансовом рынке.

Во-вторых, применение технологий на финансовом рынке влияет не только на самих участников отношений, но и сказывается на других сферах жизнедеятельности общества. Указанное обстоятельство, таким образом учитывается не только для целей обеспечения публично-правового регулирования исключительно финансового рынка, в данном случае следует оценивать возможность (потребность) их более разнонаправленного масштабирования.

В-третьих, различия в характеристике финтех-финансовых посредников объясняется различиями в структуре финансового рынка и возможностью использования функционального (указание на виды осуществляемой деятельности (виды услуг) и институционального подходов (указание на вид финансового посредника) с целью разграничения финансовых услуг.

Например, в Австрии под финтех-финансовыми посредниками понимаются компании, которые «активно» работают в сфере технологий финансового рынка. Рассматривая в этой связи опыт Германии необходимо отметить, что согласно документам регуляторов финансового рынка страны под финтех-участником финансового рынка понимается «компания, использующая технологические системы» для предоставления специализированных финансовых услуг⁵. К такого рода финансовым услугам (в документах регулятора – инновационные) относятся в частности расчеты электронными денежными средствами, автоматизированная передача и обработка данных о потребителях финансовой услуги (между кредитные учреждениями, финансовыми посредниками, заемщиками и инвесторами), использование технологий блокчейн (распределенных реестров), деятельность, связанная с заключением смарт-контрактов, краундфайдинг (включая инвестирование и заимствование), услуги технологических платформ, предоставляющие возможность получать клиентам торговать и получать финансовые консультации в автоматическом режиме, услуги, связанные с виртуальными валютами.

Рассматривая вопрос о допуске финтех – участников на финансовый рынок следует учитывать, что регуляторами финансового рынка на практике правовые режимы их функционирования обеспечиваются по-разному.

В ряде стран ЕС регулирование высокотехнологичных финансовых услуг происходит посредством закрепления

требований к допустимым видам технологий, которые могут применять финансовые посредники. Анализ нормативных актов, регулирующих оказание финансовых услуг в странах Европейского Союза, позволяет отметить использование такого способа разграничения «традиционных» финансовых посредников от высокотехнологичных, например, в Германии, Ирландии, Латвии, Франции. С учетом отмеченного выше подхода к видам финтех-финансовых посредников могут быть отнесены субъекты, осуществляющие, например, операции с криптовалютой (Германия, Ирландия), краундфайдинг (Ирландия, Латвия, Франция). Следует также отметить возможность использования двух схем лицензирования деятельности на финансовом рынке. Первая заключается в предоставлении двух видов лицензий – стандартной лицензии финансового посредника, а затем лицензии на применение определенных видов технологий на финансовом рынке. Второй вариант лицензирования предполагает предоставление единой лицензии.

Во-вторых, ряд стран активно применяет правовые эксперименты на финансовом рынке с целью обеспечения доступа отдельных видов финтех-финансовых посредников [9].

В-третьих, допуск финтех-участника финансового рынка связан в странах ЕС с возможностью получения лицензии Fintech-банка (далее – финтех-банк). Применение данного способа допуска на финансовый рынок является довольно универсальным, однако в определенной мере отличается от использования экспериментального правового режима⁶.

В литературе финтех-банк обозначается по-разному (цифровой (виртуальный) банк, нео-банк). Особенности осуществления им своей деятельности связана с тем, что финтех-банк оказывает услуги преимущественно по каналам связи. В ряде случаев данный вид финансового посредника действует как самостоятельно, так и под контролем «традиционного» банка, который таким образом имеет возможность не соблюдать определенные финансовые, организационные и технические требования⁷. Представляется, что в отличие от упомянутых ранее подходов, рассматриваемый способ допуска на финансовый рынок заключается в перенесении организационно-правовой модели, включающей требования, учитываемые в процессе лицензирования деятельности кредитных организаций, по отношению к субъектам, применяющим технологии на финансовом рынке⁸. Использование данного механизма лицензирования в странах Европейском Союзе обуславливается следующим.

Во-первых, данный подход позволяет оказывать услуги кросс-территориально, то есть речь идет о возможности оказывать финансовые услуги на финансовом рынке на условиях универсального доступа вне зависимости от страны-участника Европейского союза, где зарегистрирован финтех-банк.

Во-вторых, универсализация требований к деятельности участника финансового рынка, получившего лицензию финтех-банка, позволит осуществлять оценку степени влияния финансовых технологий как на уровне отдельной страны, так и в целом в отношении финансового рынка Европейского союза.

4 Gupta, Pranay and Tham, T. Mandy. Fintech: The new DNA of financial services. (2018). 1-546. Research Collection Lee Kong Chi-an School of Business. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=uoeHDwAAQBAJ&pg=PT31&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 27.05.2023). @ Kenny, Steve. «An Introduction to Privacy Enhancing Technologies». Internet Association of Privacy Professionals, May 1, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iapp.org/news/a/2008-05-introduction-to-privacy-enhancing-technologies/> (дата обращения: 22.05.2023).

5 FinTech Innovation Hub. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bafin.de/DE/Aufsicht/FinTech/fintech_node.html?sessionid=5808CC3540DF794B274D21056CEDC5BA.internet95 (дата обращения: 18.05.2023).

6 Указанный подход используется и в прочих зарубежных странах, например, в Пакистане, Малайзии. См. Licensing and Regulatory Framework for Digital Banks. January 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sbp.org.pk/bprd/2022/C1-Annex.pdf> (дата обращения: 18.08.2023) @ Licensing Framework for Digital Banks. BNM/RH/PD 030-12. 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bnm.gov.my/documents/20124/938039/20201231_Licensing+Framework+for+Digital+Banks.pdf (дата обращения: 25.08.2023).

7 Policy framework on the regulation, licensing and supervision of digital banks. Alliance for financial inclusion. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.afi-global.org/wp-content/uploads/2021/11/DFSWG-framework_FINAL.pdf (дата обращения: 25.08.2023).

8 Указанные требования, как правило, устанавливаются по отношению к механизмам управления, структуре собственности и внутреннего контроля, собственникам и высшим должностным лицам, ответственным за обеспечение управления, бизнес-плану и стратегии развития, механизмам внутреннего контроля и управления рисками, видам деятельности, капиталу, ликвидности и платежеспособности.

В-третьих, в отличие от прочих государств, ряд стран Европейского союза довольно ограниченно применяют экспериментальные правовые режимы на финансовом рынке⁹. Данное обстоятельство обуславливается различными ранее отмеченными факторами. Следует отметить, что такого рода оценка возможности использования технологий связана с соблюдением принципа «технологической нейтральности», который предполагает ограниченное вмешательство органов власти и регуляторов финансового рынка в деятельность хозяйствующих субъектов, использующих технологии¹⁰.

Прежде всего, финтех-банк, равно как и соискатель соответствующей лицензии, обязан обеспечить соблюдение общих требований, предъявляемых к деятельности кредитной организации, действующей на территории Европейского Союза. В частности, указанные требования устанавливаются в отношении органов и должностных лиц, различных систем управления (рисками, внутреннего контроля), стратегии деятельности кредитных организаций и ключевых финансовых показателей деятельности, включая уставной капитал (ликвидность)¹¹. Рассматривая вопрос о необходимости ответственности органов управления и сотрудников финтех-банка, следует учитывать, что виду использования технологий в процессе оказания финансовых услуг, указанные лица должны обладать достаточными техническими познаниями и иметь возможность оценить применение технологий и их соответствие организационно-техническим и нормативно-правовым требованиям, предъявляемым к деятельности кредитной организации¹².

Представляется, что в процессе планирования и своей деятельности финтех-банк вынужден будет столкнуться с рядом проблем, обусловленных применением технологий. Например, в процессе формирования уставного капитала будет довольно сложно оценить рисковый характер, вызванных применением новых форм и способов оказания финансовых услуг. Указанное обстоятельство влечет потребность создавать дополнительные резервы, что повлечет за собой ограничение ликвидности и потребность в создании дополнительных резервов. При этом оценка деятельности финтех-банка будет довольно ограниченной ввиду применения традиционных подходов, на основе которых формируется кредитный рейтинг банка.

Подводя итог рассмотрению подходов к лицензированию финтех-банков в странах Европейского Союза, представляется, что выбранная модель регулирования позволит обеспечить допуск как традиционных банков (путем лицензирования их дочерних организаций), так и субъектов, стремящихся внедрить новые технологии на финансовом рынке.

Пристатейный библиографический список

- Byrne, David M. (2022). «The Digital Economy and Productivity». Finance and Economics Discussion Series 2022-038. - Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. P. 16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17016/FEDS.2022.038> (дата обращения: 21.12.2022).
- К странам ЕС, применяющим экспериментальные правовые режимы, в настоящее время относятся Австрия, Болгария, Венгрия, Греция, Дания, Испания, Италия, Латвия, Литва, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Латвия.
- Указанный принцип предполагает невмешательство в деятельность участников общественных отношений, исходя из представлений об эволюционного характере технологического развития экономической системы.
- Directive 2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A2013L0036> (дата доступа: 17.10.2023).
- Так, согласно разъяснениям Европейского Центрального Банка, соискатель лицензии кредитной организации в Европейском союзе должен подтвердить соответствие образования у лиц, осуществляющих руководство кредитной организации (в том числе-технического образования).
- Zavolokina L., Dolata M., Schwabe G. The FinTech phenomenon: antecedents of financial innovation perceived by the popular press // Financial Innovation. - 2016. - Т. 2. - № 1. - С. 1-16.
- Arner D., Barberis J., Buckley R. The evolution of fintech: a new Post-Crisis paradigm? // University of Hong Kong Faculty of Law. 2015. Research Paper № 2015/0472015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juliaocoelho.com/wp-content/uploads/2019/05/SSRN-id2676553.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).
- Drasch B. J., Schweizer A., Urbach N. Integrating the 'Troublemakers': A taxonomy for cooperation between banks and fintechs // Journal of Economics and Business. - 2018. - Т. 100. - P. 26-42.
- Anagnostopoulos, I. Fintech and regtech: Impact on regulators and banks // Journal of Economics and Business. - 2018. - № 100. - P. 7-25.
- Gupta, Pranay and Tham, T. Mandy. Fintech: The new DNA of financial services. (2018). 1-546. Research Collection Lee Kong Chian School of Business. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=u0eHDwAAQBAJ&pg=PT31&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 27.05.2023).
- Kenny, Steve. «An Introduction to Privacy Enhancing Technologies». Internet Association of Privacy Professionals, May 1, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iapp.org/news/a/2008-05-introduction-to-privacy-enhancing-technologies/> (дата обращения: 22.05.2023).
- FinTech Innovation Hub. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bafin.de/DE/Aufsicht/FinTech/fintech_node.html;jsessionid=5808CC3540DF794B274D21056CEDC5BA.internet952 (дата обращения: 18.05.2023).
- Карташов А. В. Публично-правовые аспекты цифровизации финансового рынка: монография. - Тула: Изд-во ТулГУ, 2022. - 291 с.
- Licensing and Regulatory Framework for Digital Banks. January 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sbp.org.pk/bprd/2022/C1-Annex.pdf> (дата обращения: 18.08.2023).
- Licensing Framework for Digital Banks. BNM/RH/PD 030-12. 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bnm.gov.my/documents/20124/938039/20201231_Licensing+Framework+for+Digital+Banks.pdf (дата обращения: 25.08.2023).
- Policy framework on the regulation, licensing and supervision of digital banks. Alliance for financial inclusion. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.afi-global.org/wp-content/uploads/2021/11/DFSWG-framework_FINAL.pdf (дата обращения: 25.08.2023).
- FinTech Innovation Hub. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bafin.de/DE/Aufsicht/FinTech/fintech_node.html;jsessionid=5808CC3540DF794B274D21056CEDC5BA.internet952 (дата обращения: 18.05.2023).
- Directive 2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013L0036> (момент доступа: 17.10.2023).
- Guide to fit and proper assessments. European Central Bank. December 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bankingsupervision.europa.eu/ecb/pub/pdf/ssm.fit_and_proper_guide_update202112-d66f230eca.en.pdf (дата обращения: 12.10.2023).

МАРТЫНОВ Эдгар Арманович

студент 3 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина.

ОЧАКОВСКИЙ Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ

В статье осуществляется всесторонний анализ регулятивной роли Центрального банка Российской Федерации в контексте формирования и регулирования финансовой системы страны. Рассматриваются ключевые направления монетарной политики и их воздействие на экономическую стабильность, включая методы надзора за банковским сектором и инновационные подходы, такие как развитие национальной платежной системы и внедрение цифрового рубля. Особое внимание уделяется механизмам лицензирования и санации финансовых учреждений с целью минимизации системных рисков и повышения устойчивости финансовой инфраструктуры. Авторы выявляют текущие вызовы и предлагают стратегические направления для укрепления роли ЦБ РФ в устойчивом развитии финансовой системы, а также анализируют потенциал сотрудничества с государственными органами и частным сектором.

Ключевые слова: Центральный банк РФ, финансовая система, монетарная политика, банковский надзор, финансовая стабильность, цифровой рубль, финансовый надзор, национальная платежная система, системные риски, экономическая стабильность.

MARTYNOV Edgar Armanovich

student of the 3rd course of the Law Faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

OCHAKOVSKIY Viktor Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

THE ROLE OF THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FORMATION AND REGULATION OF THE COUNTRY'S FINANCIAL SYSTEM

This article conducts a comprehensive analysis of the regulatory role of the Central Bank of the Russian Federation in the context of forming and regulating the country's financial system. Key directions of monetary policy and their impact on economic stability are examined, including banking supervision methods and innovative approaches such as the development of the national payment system and the introduction of the digital ruble. Special attention is given to mechanisms of licensing and rehabilitation of financial institutions with the aim of minimizing systemic risks and enhancing the resilience of financial infrastructure. The authors identify current challenges and propose strategic directions for strengthening the role of the Central Bank of the Russian Federation in the sustainable development of the financial system, as well as analyzing the potential for cooperation with government bodies and the private sector.

Keywords: Central Bank of the Russian Federation, financial system, monetary policy, banking supervision, financial stability, digital ruble, financial oversight, national payment system, systemic risks, economic stability.

Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) выступает в качестве важнейшего проводника денежно-кредитной политики страны, оказывая огромное влияние на макроэкономическую стабильность и целостность финансового сектора. В данной статье рассматриваются инструменты политики и регулятивные полномочия ЦБ РФ, закрепленные в Федеральном законе 'О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)'. Комплексный анализ правового статуса ЦБ РФ, осуществленный Архиреевой А. С. и Приходько Е. Г. в исследовании 'Правовой статус Центрального банка Российской Федерации', подчеркивает значимость этих полномочий в контексте обеспечения финансовой стабильности страны [12, с. 22-29]. В основу анализа положены ключевые функции банка, включая, в частности, формирование денежно-кредитной политики, банковский надзор, снижение системных рисков и обеспечение ликвидности в рамках его нормативно-правовой базы. В сфере регулирования ЦБ РФ осуществляет надзор за системной стабильностью банковского сектора, применяя целый ряд пруденциальных инструментов. Дополнительные аспекты, связанные с проблемами развития финансового контроля, были исследова-

ны Архиреевой А. С. и Едиджи Ф. А. в работе 'Проблемы развития финансового контроля', что подчеркивает сложность и многоаспектность регуляторных вызовов, стоящих перед ЦБ РФ [13, с. 17-24]. Стратегическое взаимодействие банка с международными финансовыми рынками характеризуется жестким механизмом реагирования на внешние шоки и геополитические пертурбации, обеспечивающим устойчивость внутренней денежно-кредитной политики на фоне международных санкций и бюджетных ограничений.

Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) планомерно проводит денежно-кредитную политику, направленную на стабилизацию курса рубля, в первую очередь ориентируясь на уровень инфляции, который в соответствии с Основными направлениями единой государственной денежно-кредитной политики в среднесрочной перспективе должен оставаться на уровне около 4 %. С помощью жесткой модуляции процентных ставок (ключевая ставка в 2022 году колебалась в пределах 16 %) и осторожных операций на открытом рынке ЦБ РФ стремится сдерживать инфляционное давление. Еще одним инструментом управления ликвидностью банковского сектора являются периодически корректи-

руемые нормативы резервных требований, которые варьируются от 3 % до 10 % по различным пассивам. Регулятивные функции ЦБ РФ закреплены в Федеральном законе № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации», который наделяет его полномочиями по выполнению нормативов достаточности капитала (минимальный норматив достаточности капитала по стандартам Базель III составляет 8 %) и проведению комплексных проверок, обеспечивающих соблюдение банками строгих национальных и международных фискальных стандартов. В соответствии со статьей 11 86-ФЗ процесс лицензирования является строгим и допускает на рынок только финансово устойчивые организации, а надежная система надзора постоянно контролирует платежеспособность и ликвидность финансовых институтов. Это подтверждается анализом Очаковского В. А. и Архиреевой А. С., представленным в работе «К вопросу о проведении Центральным Банком Российской Федерации контрольных мероприятий», где освещаются аспекты контрольных функций ЦБ РФ в рамках административного законодательства [10, с. 204-207]. В условиях нестабильности ЦБ РФ принял ряд мер по санации банков через такие механизмы, как Фонд консолидации банковского сектора, созданный в 2017 году, для поддержания доверия и защиты целостности финансовой системы. В условиях нестабильности ЦБ РФ принял ряд мер по санации банков через такие механизмы, как Фонд консолидации банковского сектора, созданный в 2017 году, для поддержания доверия и защиты целостности финансовой системы.

Еще одним ключевым направлением является содействие развитию и поддержке национальных платежных систем: ЦБ РФ запустил платежную систему «Мир», на которую по состоянию на конец последнего квартала приходилось около 23 % всех операций по российским картам. ЦБ РФ также осуществляет надзор за инфраструктурой финансового рынка в соответствии с Федеральным законом № 325-ФЗ, обеспечивая работу таких систем, как SPFS (система передачи финансовых сообщений), альтернативная SWIFT в России, укрепляя суверенитет национальных каналов финансовых коммуникаций и повышая надежность транзакционных экосистем. Благодаря этим целенаправленным и количественно измеримым действиям ЦБ РФ укрепляет бюджетную систему и противодействует внешним и внутренним неблагоприятным факторам, обеспечивая тем самым устойчивость и самостоятельность экономики. Центральный банк России активно работает над внедрением цифрового рубля, пилотный этап которого начался после выхода консультационного документа в октябре 2020 года. Важным аспектом в контексте этих изменений является исследование Очаковского В. А. и Архиреевой А. С., освещающее методы контроля, проводимые Центральным Банком РФ, что представлено в работе «К вопросу о проведении Центральным Банком Российской Федерации контрольных мероприятий», подчеркивающей значимость надзорных функций ЦБ в контексте внедрения новых финансовых технологий [10, с. 204-207]. В соответствии с «Основными направлениями цифровизации финансового рынка» на 2023-2025 годы цифровая валюта будет интегрирована в национальную платежную систему. В основе цифрового рубля предполагается использовать технологию распределенных реестров (DLT), которая обеспечивает повышенную безопасность транзакций и возможность работы в автономном режиме, учитывая обширную и разнообразную географию России. Стратегия внедрения цифрового рубля предполагает внесение изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» и Федеральный закон «О

цифровых финансовых активах» с целью приведения их в соответствие с нормативной и операционной базой цифровой валюты. Глава ЦБ РФ Эльвира Набиуллина сообщила, что платформа цифрового рубля будет создаваться поэтапно, с соблюдением жестких мер безопасности и поэтапной интеграцией с коммерческими банками. Пилотный этап предполагает критическую оценку со стороны финансовых экспертов и экономистов, например, из Высшей школы экономики, с целью определения ее влияния на денежно-кредитную политику и финансовую стабильность. Конечная цель, которую ставит перед собой ЦБ РФ, - не просто внедрение новой платежной технологии, а укрепление цифровой инфраструктуры российской экономики и сохранение денежного суверенитета в условиях ускоряющейся глобальной цифровизации.

ЦБ РФ, однако, столкнулся с операционными трудностями, требующими тонкого и стратегического управления. Учитывая динамичный характер мировой финансовой ситуации, ЦБ РФ в своей нормативной базе стремится адаптироваться и поддерживать устойчивость финансовой системы. Важное значение имели структурные изменения, особенно с учетом рекапитализации банка в 2013-2018 гг. на сумму более 2 трлн. руб. для укрепления стабильности банковского сектора, что подчеркивает его роль в обеспечении защиты от системных рисков. При разработке и реализации политики ЦБ РФ выступает инициатором инициатив по стимулированию внутренних каналов финансирования, снижая тем самым зависимость от волатильного внешнего капитала. Укрепляя Фонд национального благосостояния, объем которого по последним финансовым данным превысил 13 % ВВП, ЦБ РФ подчеркивает свою приверженность использованию внутренних ресурсов для развития экономики. Баланс между независимостью центрального банка и его взаимодействием с государственной политикой поддерживается благодаря тщательному соблюдению международных стандартов прозрачности и управления. Это проявляется в принятии банком нормативов «Базель III», направленных на совершенствование управления рисками и обеспечение достаточности капитала российских банков. Регулирование рисков - еще один краеугольный камень мандата ЦБ РФ. Внедрение риск-ориентированной модели надзора привело к сокращению объема невозвращенных кредитов более чем на 30 %, что свидетельствует об эффективности проактивных методов оценки рисков. Кроме того, развитие ИТ-систем повысило способность банка оперативно выявлять и снижать операционные риски. Центральный банк Российской Федерации укрепляет стабильность финансового рынка через макропруденциальную политику и создание Фонда консолидации банковского сектора, что повышает доверие на рынке и способствует реструктуризации проблемных активов. Стратегии ЦБ РФ включают совершенствование системы надзора с использованием финтех-решений для выявления уязвимостей, расширение операций на открытом рынке и улучшение инструментария денежно-кредитной политики для управления ликвидностью и стабилизации курса рубля. В этом контексте, исследование Архиреевой А. С. и Никитиной П. С., описанное в статье «Контрольно-надзорная функция государственной власти и роль финансового контроля в ее осуществлении», подчеркивает значимость финансового контроля как инструмента государственной власти в контексте укрепления финансовой системы России [11, с. 86-89]. Активное сотрудничество с отечественными финансовыми институтами и развитие интегрированного банковского сектора способствуют созданию надежной финансовой системы. Подво-

дя итоги, можно сказать, что Центральный банк Российской Федерации (ЦБ РФ) занимает ведущее место в обеспечении финансового суверенитета страны, постоянно совершенствуя свою роль в использовании потенциала цифровизации финансовой сферы и технологических инноваций. Стратегический план ЦБ РФ предусматривает, что цифровые валюты и технология блокчейн станут неотъемлемой частью финансовой архитектуры, повышая эффективность транзакций и обеспечивая денежную безопасность. Перспективный запуск цифрового рубля позволит ЦБ РФ совершить революцию в платежных системах, способствуя формированию цифровой экономики, устойчивой, гибкой и адаптирующейся к быстро меняющейся глобальной экономической среде. В то же время взаимодействие ЦБ РФ с государственными структурами и частным сектором олицетворяет собой совместную работу по обеспечению финансовой устойчивости и экономического процветания. Приспосабливая меры регулирования к потребностям рынка и реализуя инициативы по повышению финансовой грамотности, ЦБ РФ стремится к расширению доступа к финансовым услугам и формированию культуры инноваций. Эта взаимосвязь является стимулом для создания стабильной экономической среды и позволяет ЦБ РФ играть ключевую роль в продвижении российской экономики к новым вершинам в условиях глобального экономического кризиса.

В последние годы финансовое регулирование в России претерпело значительные изменения, о чем свидетельствует исследование «Финансовое мегарегулирование в Российской Федерации» Очаковского В. А., Соловьевой А. В. и Бородиной В. А. Это исследование, опубликованное в Политематическом онлайн научном журнале Кубанского государственного аграрного университета в 2014 году, представляет собой комплексный обзор изменений и вызовов в российском финансовом секторе. Одним из ключевых аспектов, рассматриваемых в данном исследовании, является концепция «мегарегулирования». Под этим термином понимается объединение функций регулирования в рамках одного органа, в данном случае Центрального банка России (ЦБ РФ). Централизуя финансовый надзор, ЦБ РФ стремится упорядочить процессы регулирования, повысить стабильность финансовой системы и снизить системные риски. Переход к мегарегулированию представляет собой значительный сдвиг по сравнению с прежней фрагментированной системой регулирования, когда многочисленные ведомства выполняли дублирующие друг друга функции. Примером мегарегулирования в действии является подход ЦБ РФ к мониторингу банковского сектора. ЦБ РФ не только осуществляет надзор за коммерческими банками, но и играет важнейшую роль в регулировании небанковских финансовых институтов, включая страховые компании и пенсионные фонды. Такой комплексный подход позволяет более полно оценить финансовую стабильность и риски. Кроме того, в исследовании Очаковского и коллег освещаются проблемы, связанные с внедрением мегарегулирования. Одной из главных проблем является необходимость для ЦБ РФ сбалансировать расширенные регулятивные обязанности с его традиционной ролью в денежно-кредитной политике. Существует потенциальный конфликт интересов, когда одному и тому же учреждению поручается обеспечивать финансовую стабильность и одновременно управлять инфляцией и валютными курсами. Кроме того, авторы отмечают, что переход к мегарегуляторной системе требует значительного обновления ИТ-инфраструктуры и возможностей управления данными. Это крайне важно для

эффективного надзора, поскольку ЦБ РФ теперь должен обрабатывать и анализировать гораздо больший объем финансовых данных.

Пристатейный библиографический список

1. Центральный банк Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.04.2023). – С. 1-5.
2. Министерство финансов Российской Федерации. Финансовая политика и финансовые рынки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru> (дата обращения: 12.04.2023). – С. 10-15.
3. Иванов А. И. Роль Центрального банка в экономике России. – М.: Финансы и статистика, 2021. – С. 102-150.
4. Смирнова Л. В. Монетарная политика ЦБ РФ и ее влияние на экономику // Вестник экономики. – 2022. – № 3. – С. 45-60.
5. Петров В. Б. Банковский надзор и регулирование финансовых рынков // Журнал банковского права. – 2022. – № 2. – С. 23-35.
6. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ, последняя редакция. – С. 5-20.
7. Российская экономическая школа. Инновации в регулировании финансовых рынков: опыт ЦБ РФ. – М.: РЭШ, 2023. – С. 88-97.
8. Гусева И. Ю. Цифровые валюты и будущее финансовой системы России // Финансовый журнал. – 2023. – № 4. – С. 76-89.
9. Очаковский В. А., Соловьёва А. В., Бородина В. А. Финансовое мегарегулирование в Российской Федерации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 95. – С. 1132-1143.
10. Очаковский В. А., Архиреева А. С. К вопросу о проведении Центральным Банком Российской Федерации контрольных мероприятий // В сборнике: Административное законодательство и практика его применения: состояние, тенденции, эффективность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2020. – С. 204-207.
11. Архиреева А. С., Никитина П. С. Контрольно-надзорная функция государственной власти и роль финансового контроля в ее осуществлении // В сборнике: Вопросы государства и права. Сборник научных статей. – Краснодар, 2018. – С. 86-89.
12. Архиреева А. С., Приходько Е. Г. Правовой статус Центрального банка Российской Федерации // Эпомен. – 2019. – № 25. – С. 22-29.
13. Архиреева А. С., Едиджи Ф. А. Проблемы развития финансового контроля // Эпомен. – 2020. – № 36. – С. 17-24.

ПРИМАК Александр Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИМАК Владислав Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КУЧУК Максим Игоревич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДОНСКОЙ Василий Андреевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОРОЗОВА Анжелика Альбертовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА: СТРАТЕГИИ И ВЫЗОВЫ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В этом обзоре исследуется вклад малого бизнеса в динамично меняющуюся цифровую экономику. Основное внимание уделяется гибкости и инновационной адаптивности малых предприятий, их роли в интеграции новейших технологий и возможностях для роста в цифровой эпохе. Рассматриваются ключевые вызовы, включая финансовые ограничения и сложности в управлении логистикой и обслуживанием клиентов, с которыми сталкиваются эти компании при цифровом преобразовании. Отдельный акцент сделан на изменениях в маркетинговых стратегиях и необходимости государственной поддержки для обеспечения устойчивого развития малого бизнеса в новой экономической среде. Результаты исследования предлагают стратегические решения для развития малого бизнеса в контексте цифровизации.

Ключевые слова: малое предпринимательство, цифровое преобразование, инновационные технологии, новая экономика, поддержка предпринимателей, стратегии маркетинга, эволюция бизнес-процессов, развитие предприятий, экономическое обновление, преодоление финансовых препятствий, управление логистикой, улучшение клиентского опыта.

PRIMAK Alexander Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PRIMAK Vladislav Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KUCHUK Maxim Igorevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DONSKOY Vasilij Andreevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOROZOVA Angelika Albertovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NEW HORIZONS FOR SMALL BUSINESSES: STRATEGIES AND CHALLENGES IN THE DIGITAL ECONOMY ERA

This review explores the contribution of small businesses to the dynamically changing digital economy. The focus is on the flexibility and innovative adaptability of small enterprises, their role in integrating the latest technologies and opportunities for growth in the digital age. The key challenges, including financial constraints and difficulties in managing logistics and customer service, faced by these companies in the digital transformation are considered. A special emphasis is placed on changes in marketing strategies and the need for government support to ensure the sustainable development of small businesses in the new economic environment. The results of the study suggest strategic solutions for the development of small businesses in the context of digitalization.

Keywords: small business, digital transformation, innovative technologies, new economy, support for entrepreneurs, marketing strategies, evolution of business processes, enterprise development, economic renewal, overcoming financial obstacles, logistics management, improving customer experience.

Вступление в современный мир экономики неизбежно связано с глубокими цифровыми преобразованиями, затрагивающими каждый аспект бизнеса. В эпоху, когда цифровые технологии и инновации становятся ключевыми факторами успеха, малый бизнес играет особенно значимую роль. Эти предприятия, благодаря своей гибкости и способности к быстрой адаптации, становятся локомотивами прогресса, внедряя новые технологии и подходы в свою деятельность. Они демонстрируют не только возможность для роста и развития в цифровой среде, но и умение опережать крупный бизнес в освоении инноваций.

Так, многие малые компании уже интегрировали в свою работу такие инструменты, как облачные технологии, искусственный интеллект и большие данные. Это позволяет им не только повышать эффективность своих операций, но и предлагать клиентам более качественный и персонализированный сервис. Однако, несмотря на эти успехи, малый бизнес сталкивается с рядом серьезных препятствий. Одним из ключевых барьеров являются финансовые ограничения, которые могут затруднять доступ к новейшим технологиям и квалифицированным специалистам. Кроме того, проблемы логистики и клиентского сервиса остаются актуальными для

многих малых предприятий, особенно в условиях быстро меняющихся требований рынка.

Маркетинговые стратегии малого бизнеса также претерпевают значительные изменения. В условиях снижения эффективности традиционной рекламы малые предприятия всё чаще обращаются к цифровым каналам продвижения. Использование социальных сетей, SEO и контент-маркетинга позволяет им более эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией и строить долгосрочные отношения с клиентами. Однако успешная реализация таких стратегий требует не только технических знаний, но и глубокого понимания потребностей и предпочтений своих клиентов.

Важным аспектом в развитии малого бизнеса в условиях цифровизации является государственная поддержка. Создание благоприятной среды, включая финансовые стимулы, обучение и консультационные услуги, может значительно способствовать устойчивому развитию малых предприятий. Правительственные программы, направленные на поддержку инноваций и цифровой трансформации, могут играть ключевую роль в обеспечении конкурентоспособности малого бизнеса на мировом рынке [3].

Однако, внедрение инноваций и цифровизация бизнес-процессов требуют не только временных, но и финансовых вложений, доступных не всем предпринимателям. Тем не менее, ряд исследований подчёркивает, что в долгосрочной перспективе инвестиции в цифровое развитие окупают себя, открывая новые горизонты для масштабирования бизнеса и проникновения на ранее недоступные рынки. Это, в свою очередь, способствует повышению уровня конкуренции и стимулирует экономическое разнообразие.

Не менее значимым является вклад малого бизнеса в цифровизацию общества в целом. Будучи более мобильными и готовыми к экспериментам, малые компании вносят весомый вклад в развитие и применение новых цифровых продуктов и услуг, которые формируют современное цифровое пространство. Их активное участие в процессе цифровой трансформации не только открывает им доступ к глобальным рынкам, но и позволяет укреплять местные экономики, создавая новые рабочие места и способствуя развитию инновационной инфраструктуры.

В этом контексте стоит особо подчеркнуть роль государственной поддержки и регулирования, которые могут значительно усилить эффект от внедрения цифровых инструментов малым бизнесом. Путем создания благоприятных условий и предоставления необходимых ресурсов, правительство может стимулировать ускоренное вхождение малого бизнеса в цифровую эпоху, содействуя тем самым общему технологическому прогрессу.

Мелкие предприятия оказываются более гибкими и подвижными в условиях, когда дело касается вхождения в сферу цифровизации. Это объясняется относительно небольшими оборотами капитала по сравнению с масштабами финансовых потоков, которые характерны для крупных участников рыночной арены. Крупные корпорации зачастую ограничены в свободе маневра своими устоявшимися связями с поставщиками и клиентами, разветвленной сетью филиалов, особенно если речь идет о торговле на розничном уровне.

Напротив, малый бизнес имеет более прозрачную организационную структуру и сеть взаимоотношений, которую можно модифицировать с минимальными финансовыми затратами, что способствует оперативной адаптации к новым требованиям и тенденциям.

В текущей деловой практике наблюдается заметный сдвиг в сторону полной цифровизации маркетинговой деятельности. Традиционные методы продвижения уступают место перед новыми подходами, в частности из-за уменьшающейся реакции потребителей на классическую рекламу. Эффективными инструментами здесь становятся таргетированные рекламные кампании, взаимодействие с инфлюенсерами и другие цифровые методы.

Тем не менее, малые компании сталкиваются с целым рядом препятствий на пути цифровой трансформации. Одной из ключевых проблем является ограниченность финансовых ресурсов. Эффективный переход в цифровую среду требует инвестиций, которые зачастую непосильны для не-

больших предприятий. Однако этот вопрос может быть решен через привлечение инвестиций от заинтересованных в росте и прибыльности бизнеса инвесторов.

Еще один серьезный барьер – это ограничения в возможностях цифровизации, связанные с особенностями отрасли. Для многих малых фирм цифровые технологии становятся доступными лишь в аспекте маркетинга и рекламы. Интеграция в цифровую экономику часто осложняется спецификой их бизнес-моделей, что заставляет их либо искать способы частичной цифровой интеграции, либо изначально формировать бизнес с учетом этих особенностей.

Не менее важной задачей для малого бизнеса является налаживание эффективной логистики и построение качественного взаимодействия с клиентами в условиях, где цифровые каналы общения и коммерции становятся всё более значимыми. Эти проблемы требуют особого внимания, так как влияют на способность малого бизнеса конкурировать и развиваться в эпоху цифровизации.

В аналитической перспективе ключ к пониманию динамики малого бизнеса в цифровой эпохе заключается в его способности к адаптации и инновациям. Согласно исследованиям, малые предприятия чаще всего имеют ограниченные ресурсы, но это компенсируется их способностью к быстрой перестройке и внедрению новых технологий. К примеру, по данным опросов, проведенных в 2022 году, более 60 % владельцев малого бизнеса отметили, что цифровые технологии помогают им увеличить доходы и расширить клиентскую базу.

В то же время исследования показывают, что несмотря на преимущества, которые цифровизация предоставляет малым компаниям, существует серьезный барьер в виде дефицита навыков и знаний среди их сотрудников. Отчет о состоянии малого бизнеса в 2023 году утверждает, что около 70 % малых предприятий сталкиваются с проблемой недостаточной квалификации персонала в области цифровых технологий.

При этом не стоит забывать о внешних факторах. Например, изменения в законодательстве о защите данных во многих странах требуют от бизнеса дополнительных инвестиций в безопасность и приватность данных, что может быть обременительно для малых компаний с ограниченным бюджетом. Так, GDPR в Европейском Союзе накладывает серьезные обязательства на предприятия всех размеров, требуя от них значительных усилий по обеспечению конфиденциальности пользовательских данных [1].

Стоит также отметить, что развитие цифровой инфраструктуры в регионах играет решающую роль. В соответствии с отчетами Всемирного банка, наличие высокоскоростного интернета и цифровых сервисов способствует увеличению конкурентоспособности малого бизнеса и его потенциала к инновациям.

Таким образом, цифровизация открывает перед малым бизнесом возможности для роста и развития, но для того, чтобы эти возможности были реализованы, требуется совместная работа на уровне предприятия и в рамках государственной политики. В частности, внедрение образовательных программ, направленных на повышение цифровой грамотности, и поддержка в создании цифровой инфраструктуры могут значительно повысить шансы малого бизнеса на успех в цифровую эпоху.

Пристатейный библиографический список

1. Тапскотт Д. Блокчейн-революция. Как технология защиты биткойна меняет мировые порядки, бизнес и финансы. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. - 432 с.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. - М.: Эксмо, 2016. - 138 с.
3. Розанова Н. М., Юшин А. В. Механизм трансформации сетевого рынка в цифровую эпоху // *Terra Economicus*. - 2015. - Т. 13. - № 1. - С. 73-88.
4. Кунцман А. А. Трансформация внутренней и внешней среды бизнеса в условиях цифровой экономики // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. - 2016. - № 11. - С. 1.

САФОНОВА Ася Юрьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МЕЗИН Максим Кириллович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТАНКЕВИЧ Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТОЛКАЧЕВ Роман Владимирович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЛИЗНЕЦОВ Александр Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ГЛОБАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ

Данная статья проводит детальный анализ трансформации мировой финансовой системы, начиная с позднего XIX века до наших дней. Исследуется влияние глобализации, технологических изменений, глобальных политических сдвигов и увеличения фокуса на экологически устойчивые финансовые стратегии. Особое внимание уделяется взаимодействию национальных экономик в условиях международных финансовых кризисов, роли ключевых экономических игроков и будущим перспективам мирового финансового рынка на фоне текущих глобальных вызовов.

Ключевые слова: глобальная финансовая система, влияние глобализации, анализ финансовой истории, рынок ценных бумаг, инновационные технологии, международные политические изменения, экологически устойчивое финансирование, международные финансовые кризисы, экономическая взаимозависимость, трансформация финансовых рынков.

SAFONOVA Asya Yurjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MEZIN Maxim Kirillovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STANKEVICH Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TOLKACHEV Roman Vladimirovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BLIZNETSOV Alexander Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION AND GLOBAL INTERACTION IN THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM

This article provides a detailed analysis of the transformation of the global financial system, from the late 19th century to the present day. The impact of globalization, technological changes, global political shifts and an increased focus on environmentally sustainable financial strategies is being investigated. Special attention is paid to the interaction of national economies in the context of international financial crises, the role of key economic players and the future prospects of the global financial market against the background of current global challenges.

Keywords: global financial system, the impact of globalization, analysis of financial history, securities market, innovative technologies, international political changes, environmentally sustainable financing, international financial crises, economic interdependence, transformation of financial markets.

В последние десятилетия мировая финансовая система претерпела значительные изменения, которые повлияли на экономические процессы на глобальном уровне. Изменения в мировой финансовой системе начались в конце XIX века, когда мировая экономика начала переходить от национальных рынков к более глобализированной структуре. Этот переход был обусловлен как технологическими инновациями, так и политическими и экономическими изменениями, которые способствовали интеграции национальных рынков в единую мировую систему.

Одним из ключевых аспектов эволюции мирового финансового рынка является влияние глобализации. Глобализация способствовала усилению международной торговли

и инвестиций, что, в свою очередь, привело к увеличению потоков капитала между странами. Это увеличение трансграничных финансовых потоков значительно усилило взаимозависимость национальных экономик и повысило роль международных финансовых институтов.

Технологические инновации также оказали существенное влияние на развитие мирового финансового рынка. Внедрение новых технологий, таких как интернет и мобильные коммуникации, упростило доступ к финансовым услугам и информации, что способствовало более широкому распространению финансовых инструментов и услуг по всему миру. Это, в свою очередь, привело к увеличению эффективности и прозрачности мировых финансовых рынков.

Кроме того, изменения в международной политике и управлении также оказали значительное влияние на мировой финансовый рынок. Регуляторные изменения, такие как введение новых правил и стандартов в области финансовой отчетности и управления рисками, укрепили стабильность и надежность международных финансовых рынков. Однако эти изменения также привели к новым вызовам, таким как необходимость адаптации к меняющимся нормативным требованиям и управлению повышенными рисками.

Ключевым моментом в эволюции финансовых рынков стало появление и развитие международных фондовых рынков, которые обеспечивали доступ к капиталу для компаний и правительств со всего мира. Технологические инновации, такие как компьютеризация и интернет, радикально изменили способы ведения торговли и инвестирования, делая финансовые операции более быстрыми, эффективными и доступными [1].

Однако, эти же факторы также усилили риски, связанные с глобальными финансовыми кризисами, как это было в 2008 году. Глобализация привела к тому, что экономические проблемы в одной стране могут быстро распространяться по всему миру, что подчеркивает взаимозависимость национальных экономик. В ответ на эти вызовы возрос интерес к устойчивому финансированию, которое включает в себя социальную ответственность и экологическую устойчивость.

Растущее внимание к устойчивому финансированию и социально ответственным инвестициям оказало существенное влияние на мировой финансовый рынок. Этот тренд отражает увеличение спроса на инвестиции, которые учитывают экологические, социальные и управленческие аспекты, а также стремление к минимизации негативного воздействия финансовой деятельности на окружающую среду и общество.

Мировой финансовый рынок, представляющий собой объединение спроса и предложения на капитал кредиторов и заемщиков различных стран, является интегральной частью глобальной экономики. Основой этой системы служат фондовый рынок и рынок ценных бумаг. Своё начало мировой финансовый рынок берёт с конца XIX века, когда началась активная миграция капитала между странами, что способствовало его постепенному развитию и эволюции [2].

Среди особенностей функционирования международного финансового рынка можно выделить его глобальный масштаб, отсутствие географических и временных ограничений, а также величину сделок, значительно превышающую объёмы мировой торговли товарами. Основой расчётов на этом рынке служат международные процентные ставки, такие как EURIBOR и LIBOR, а также использование различных валют, включая доллар, евро, йену и специальные права заимствования (СДР).

Мировой финансовый рынок в 2023 году характеризуется рядом ключевых трендов и вызовов. Во-первых, геополитическая нестабильность остаётся главным риском для глобального роста, особенно учитывая экономическое замедление в Китае, которое считается вторым по значимости риском для мировой экономики. В Европе инфляция стала основной угрозой для экономик региона, превысив в этом плане геополитические конфликты. В то же время, в России 2022 год оказался периодом серьезных испытаний для экономики из-за санкций, но ожидается некоторый восстановительный рост во втором полугодии 2023 года, хотя прогнозируется спад ВВП на уровне 1,5-2 % [3].

Важным этапом в развитии международного финансового рынка стало формирование рынка евровалют в 1950-х годах. Это произошло на фоне интеграции национальных финансовых рынков, создания транснациональных финансовых групп и либерализации инвестиционных потоков. Важную роль в этом процессе сыграла изменчивость обменных курсов валют после краха Бреттон-Вудской системы, что спровоцировало усиление хеджирования рисков и спекуляций на валютных рынках.

Процесс глобализации финансовых рынков усилился благодаря развитию технологий и смягчению законодательных барьеров в валютно-финансовой сфере. Совершенствование технической составляющей в сфере электронной связи ускорило и удешевило международные платежи, увеличивая их эффективность и объём [4].

Глобализация финансовых рынков привела к углублению взаимосвязей между национальными экономиками, способствуя формированию единого глобального рынка. Однако это также усилило зависимость экономик стран друг

от друга и ограничило возможности национальных правительств в регулировании внутренних финансовых рынков. Тем не менее, полное исчезновение национальных рынков маловероятно из-за сохранения независимых валютных систем в большинстве стран.

Мировой финансовый рынок играет ключевую роль в распределении финансовых ресурсов на глобальном уровне и оказывает значительное влияние на экономическое развитие стран, но также предъявляет новые вызовы и требует адаптации в условиях быстро меняющейся глобальной экономической среды. Глубокое понимание мирового финансового рынка требует анализа его ключевых тенденций и влияния на глобальную экономику. Современный мировой финансовый рынок характеризуется несколькими заметными аспектами.

Первым значимым аспектом является усиление глобализации и взаимозависимости национальных экономик. Глобализация финансовых рынков привела к тому, что финансовые кризисы в одной стране могут быстро распространяться по всему миру. Например, финансовый кризис 2008 года, начавшийся в США, быстро распространился по всему миру, что подчеркивает уровень взаимозависимости в глобальной экономике [5].

Второй аспект — это рост технологических инноваций, особенно в сфере цифровых финансов и блокчейн-технологий. Эти нововведения революционизировали способы ведения трансграничных платежей и инвестиций, ускоряя процессы и снижая их стоимость. Например, внедрение блокчейн-технологий в банковскую систему позволяет проводить трансграничные платежи почти мгновенно и с минимальными комиссиями, что ранее было невозможно.

Третий важный фактор — это изменения в мировой политике и регулировании. Решения, принимаемые ключевыми экономическими державами, такими как США, Китай и Евросоюз, оказывают значительное влияние на мировые финансовые рынки. Например, торговые войны между Китаем и США, а также изменения в политике Федеральной резервной системы США, значительно влияют на курс доллара и на мировые фондовые рынки [6].

Кроме того, растущая роль устойчивого финансирования и социально ответственных инвестиций также оказывает влияние на мировой финансовый рынок. Инвесторы и компании все чаще фокусируются на ESG-критериях (экологических, социальных и управленческих), что приводит к росту «зеленого» финансирования и инвестиций в устойчивое развитие.

Мировой финансовый рынок находится в состоянии постоянной эволюции, под влиянием глобализации, технологических инноваций, изменений в мировой политике и увеличения фокуса на устойчивые инвестиции. Эти факторы в совокупности формируют сложную, но динамичную систему, которая играет решающую роль в глобальной экономике.

Пристатейный библиографический список

1. Голощапов Д. Н. Глобализация финансового рынка и инфляция // Финансы и кредит. - 2009. - № 5 (341). - С. 71-74.
2. Сорокоумов В. С., Жаркова Ю. С. Глобализация мировых финансовых рынков // Проблемы науки. - 2018. - № 8 (32). - С. 38-41.
3. Джафаров М. М., Шацкая Э. Ш. Развитие финансового рынка России, проблемы и перспективы // В сборнике научных трудов. В 2-х томах. Под общей редакцией З. О. Адамановой. - 2019. - С. 517.
4. Жарова А. Р. Развитие финансового рынка в условиях цифровизации экономики // В сборнике трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов по материалам III Межакадемического научно-практического семинара. - 2019. - С. 40.
5. Российский рынок. Обзор трендов 2022-2023 гг. // BCS Express. 2023. Освещаются ключевые тренды российской экономики и рынка акций в 2022 году и прогнозы на 2023 год.
6. 2023 Global economic outlook // McKinsey. 2023. Обзор глобальных экономических перспектив, включая риски для мирового роста и ожидания на различных рынках.

ЭЛЯКОВ Александр Львович

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; преподаватель Физико-технического института Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, г. Якутск

ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ МЕЖБЮДЖЕТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫСОКОДОТАЦИОННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ БЮДЖЕТОВ И ОБОСНОВАНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ

В статье рассматриваются проблемы в системе межбюджетного регулирования высокودотационных региональных бюджетов Российской Федерации. Существующие проблемы дотационности регионов РФ требуют на законодательном уровне разработать и внедрить эффективные бюджетно-налоговые механизмы и методы фискальной децентрализации межбюджетных отношений в целях достижения самодостаточности дотационных бюджетов субъектов федерации дальневосточного региона. Предложено совершенствование законодательной основы бюджетно-налоговых механизмов справедливого перераспределения налоговых доходов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: межбюджетные отношения, бюджет, федеральный и региональный бюджет, дотация, дотационность, проблемы, механизмы, налоговые доходы, регулирующие налоги.

ELYAKOV Alexander Lvovich

postgraduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; lecturer of the Physical and Technical Institute of the M. K. Ammosov Northeastern Federal University, Yakutsk

PROBLEMS IN THE SYSTEM OF INTERBUDGETARY REGULATION OF HIGHLY SUBSIDIZED REGIONAL BUDGETS AND JUSTIFICATION FOR IMPROVING ITS LEGISLATIVE FRAMEWORK

The article discusses problems in the system of interbudgetary regulation of highly subsidized regional budgets of the Russian Federation. The existing problems of subsidization of the regions of the Russian Federation require at the legislative level to develop and implement effective budgetary and tax mechanisms and methods of fiscal decentralization of interbudgetary relations in order to achieve self-sufficiency of subsidized budgets of the constituent entities of the Federation of the Far Eastern region. It is proposed to improve the legislative basis of fiscal mechanisms for the fair redistribution of tax revenues between the budgets of the budget system of the Russian Federation.

Keywords: interbudgetary relations, budget, federal and regional budgets, subsidies, subsidies, problems, mechanisms, tax revenues, regulating taxes.

Эляков А. Л.

Дотационность региональных бюджетов как одна из ключевых проблем обеспечения устойчивости и сбалансированности бюджетной системы в последние годы приобретает особую актуальность, что выражается в принятии ряда законодательно-нормативных актов, в которых прописывается одной из целей социально-экономического развития, регионов, федеральных округов и территорий — сокращение уровня дотационности [4], [6].

Существуют проблемы дотационности регионов РФ на законодательном уровне:

– не соблюдается принцип самостоятельности бюджетной системы РФ, законодательно закрепленного в ст. 31 БК РФ. Принцип самостоятельности бюджетов означает право и обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления самостоятельно обеспечивать сбалансированность соответствующих бюджетов и эффективность использования бюджетных средств [1];

– самостоятельность бюджетов проявляется в бюджетной компетенции государственной власти и органов местного самоуправления, которая закрепляется Конституцией

Российской Федерации и действующим законодательством Российской Федерации [1], таким образом ведет к нарушениям;

– нет эффективного финансового механизма формирования уровня самодостаточности региональных бюджетов за счет собственных налоговых поступлений на законодательном уровне;

– а главное, проблема сохранения дотационности субъектов Федерации порождает иждивенчество и отсутствие стимулов для социально-экономического роста региональной экономики.

Большие объемы дотаций из федерального бюджета в 2022 году получили из дальневосточных регионов - Республика Саха (Якутия) 56,8 млрд. руб., оплачивая в федеральный бюджет налогов на сумму – 388,5 млрд. руб. и Камчатского край в размере 34,3 млрд. руб., в федеральный бюджет перечислено всего налогов в сумме 329,8 млн. руб.

8 субъектов дальневосточного региона получили дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности - 110,5 млрд. руб., перечислили в федеральный бюджет – 445,8 млрд.

Таблица 1. Предлагаемое соотношение объема налоговых отчислений субъектов РФ в федеральный бюджет и объема дотаций из федерального бюджета на 2022 год, млн. руб.

Регионы	15 % от поступления налогов в ФБ будет оставаться в бюджет регионов	Объем дотаций, было/стало, тыс. руб.	Всего поступит налогов в федеральный бюджет из регионов РФ
Республика Саха (Якутия)	58238,6	- 56757,7/1480,9	388257,5/330018,8
Камчатский край	47956,2	- 34312,7/13643,5	329858,00/295545,3
Хабаровский край	5999,6	-4882,7/1116,9	39997,4/36231,6
Приморский край	8156,7	-7187,5/969,2	54378,2/47190,7
Амурская область		955,6	-21191,7/
Магаданская область		1542,2	-15718,6/
Еврейская АО		1623,8	-285,5
Чукотская АО		8585,1	-12095,8
Итого	120 351,1		

руб., а с учетом Сахалинской области оплачено в федеральный бюджет налогов в сумме 726,4 млрд. руб. из 9 субъектов федерации.

В связи с этим, приобретает высокую актуальность задача изменение действующего законодательства межбюджетного регулирования по обеспечению самодостаточности и сбалансированности дотационных и высокодотационных региональных и муниципальных бюджетов. Также возникает необходимость проведения бюджетной реформы по урегулированию межбюджетных отношений по обеспечению на законодательном уровне государства самодостаточности региональных бюджетов, а значит искусственного сохранения дотационности и их роста в нестабильных кризисных условиях функционирования экономики и роста дефицитности их бюджетов.

Ниже приводится обоснование эффективного метода фискальной децентрализации межбюджетных отношений для самодостаточности дотационных бюджетов.

Для выработки эффективного метода фискальной децентрализации межбюджетных отношений для самодостаточности дотационных бюджетов является:

- определение доли дотаций в собственных доходах консолидированного бюджета регионов на выравнивание бюджетной обеспеченности за большой временной отрезок 2005–2022 гг.

Количество регионов имеющих высокую долю дотаций в собственных доходах консолидированного бюджета за последние 17–20 лет уменьшилось 2 раза, в настоящее время только 6 субъектов в Российской Федерации, как Камчатский край, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Тыва и Чеченская Республика считаются высокодотационными

- финансово-экономическое обоснование справедливого перераспределения налоговых доходов региональных бюджетов:

- а) за счет установления единых нормативов отчислений на регулирующие налоги, как НДС, акцизы, и также

установить норматив отчислений в нижестоящие бюджеты, размером не менее 15 %.

- б) некоторую группу налогов, например НДС от углеводородного сырья и некоторую группу федеральных налогов, сделать регулирующими налогами и также установить норматив отчислений в нижестоящие бюджеты, размером не менее 50 %.

В целом установить норматив отчислений в пределах 20 % к группе федеральных налогов и платежей.

Для этого необходимы изменения на законодательном уровне Российской Федерации и регионов нормативом отчислений федеральных налогов в том числе в особенности налога на добавленную стоимость. Нормативы отчислений утверждаются по каждому налогу Законом РФ о федеральном бюджете на очередной год [5].

Эффективный метод фискальной децентрализации межбюджетных отношений в целях достижения самодостаточности дотационных бюджетов субъектов федерации дальневосточного региона заключается в справедливом перераспределении регулирующих налоговых доходов за счет изменения на законодательном уровне Российской Федерации и регионов нормативов отчислений федеральных налогов.

Для обеспечения полной сбалансированности без риска возникновения проблем финансового обеспечения расходных обязательств дотационных регионов требуются еще кроме заемных средств, рост собственных налоговых доходов за счет перераспределения регулирующих налоговых доходов за счет изменения на законодательном уровне Российской Федерации и регионов нормативом отчислений федеральных налогов, в том числе НДС, акцизы, и др. налоги и платежи.

По нашему предложению изменение бюджетно-налогового законодательства в РФ заключается в том, чтобы для снижения дотационности бюджетов дальневосточных регионов 15 % из всего объема налоговых перечислений в федеральный бюджет оставлять в дотационные бюджеты регионов.

Обоснованный финансово-экономический расчет, где предложено 15 % от из всего объема налоговых перечислений в федеральный бюджет оставлять в консолидированные бюджеты 4 высокودотационных субъектов Дальневосточного федерального округа РФ с помощью установления нормативов отчислений от федеральных налогов, как НДС от углеводородного сырья, НДС, акцизы и др. регулируемыми налогами приведен в таблице 1.

Таким образом, для обеспечения сбалансированности консолидированных бюджетов Республики Саха (Якутия), Камчатского, Хабаровского и Приморского края и Амурской и Магаданской области, Чукотского и Еврейского АО необходимо изменить подход межбюджетного регулирования налоговых доходов высокودотационных региональных бюджетов путем разработки метода эффективного справедливого перераспределения налоговых доходов в пользу региональных бюджетов путем изменения нормативов отчислений в пользу региональных бюджетов.

Для обеспечения самостоятельности высокودотационных бюджетов субъектов ДФО РФ и стимулирования развития экономики регионов являются следующие меры:

- необходимо увеличивать налоговый потенциал регионов за счет модернизации, инвестиционного и инновационного развития секторов экономики;

- оптимизировать не эффективные расходы региональных и местных бюджетов и сокращения их дефицита;

- совершенствовать на законодательном уровне механизмы межбюджетного регулирования бюджетной системы РФ;

- разработать эффективные механизмы для выполнения принципа самостоятельности бюджетов согласно Бюджетному Кодексу РФ: внести изменения в бюджетно-налоговое законодательство и закрепить определенные виды федеральных налогов по нормативам отчислений за соответствующими региональными и местными бюджетами;

- на НДС от углеводородного сырья, НДС, акцизы и другие платежи установить нормативы отчислений в региональные и местные бюджеты дальневосточных регионов.

В связи с вышеизложенным обоснованием совершенствования межбюджетного регулирования высокودотационных региональных бюджетов предлагаю внести следующие изменения:

- в п. 2 ст. 56 Бюджетного кодекса РФ и добавить после 14 подпункта новый подпункт 15, изложить в следующей редакции:

«п. 2 В бюджеты субъектов Российской Федерации подлежат зачислению налоговые доходы от следующих федеральных налогов и сборов, в том числе предусмотренных специальными налоговыми режимами налогов:

Налога на добавленную стоимость по нормативу 15 процентов»;

После подпункта 16 внести новый подпункт

«Налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья – по нормативу 50 процентов».

Пристатейный библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 20.12.2022).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 1 (НК РФ ч. 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.12.2022).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть 2 (НК РФ ч. 2) от 5.08.2000 № 117-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 20.12.2022).
4. Таштамиров М. Р. Эффективность межбюджетного регулирования высокودотационных бюджетов субнационального уровня // Финансы: теория и практика. – 2022. – № 26 (2). – С. 136-177. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-136-159.
5. Тимушев Е. Н. Внутрирегиональная бюджетная децентрализация: показатели и динамика // Финансы. – 2019. – № 8. – С. 19-26.
6. Федосов В. А. Децентрализация бюджетных отношений в России в контексте мировых трендов // Финансы и кредит. – 2020. – № 26 (9). – С. 2151–2166. DOI: 10.24891/fc.26.9.2151.

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АБДУЛГАНИЕВА Лейла Мурадovна

студент 4 курса Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАЛОГОВ И СБОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы устойчивости системы налогов и сборов Российской Федерации и влияние на неё глобальных изменений. Особое внимание уделяется решению вопросов, связанных с расширением технологий, борьбой против налоговых преступлений и налоговыми рисками государства. Также сделан вывод о необходимости приспособления к происходящим глобальным изменениям. Отражается необходимость установления государством в отношении различных слоёв населения определенных гарантий, а также осуществления контроля за действиями плательщиков. Всё это необходимо для гармонизации действующей системы налогов и сборов в стране, а также для анализа перспектив её развития.

Ключевые слова: система, налог, доход, конкуренция, офшор.

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ABDULGANIEVA Leila Muradovna

student of the 4th course of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE TAX AND COLLECTION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHANGES

This article examines the problematic issues of the stability of the tax and fee system of the Russian Federation and the impact of global changes on it. Special attention is paid to solving issues related to the expansion of technology, the fight against tax crimes and tax risks of the state. It is also concluded that it is necessary to adapt to the ongoing global changes. It reflects the need for the state to establish certain guarantees for various segments of the population, as well as to monitor the actions of taxpayers. All this is necessary to harmonize the current system of taxes and fees in the country, as well as to analyze the prospects for its development.

Keywords: system, tax, income, competition, offshore.

Алиева Э. Б.

Абдулганиева Л. М.

Устойчивое развитие системы налогов и сборов Российской Федерации в условиях глобальных изменений предоставляет собой непрерывный процесс адаптации налоговой системы к меняющимся экономическим и социальным условиям, а также учет тенденций и изменений в мировой экономике.

Одной из основных целей устойчивого развития системы налогов и сборов является обеспечение стабильности для налогоплательщика и обеспечение максимальных доходов в соответствии с требованиями правовой системы и экономической эффективности.

К основным глобальным изменениям в экономической сфере относится переход к цифровой экономике. Расширение интернет-пространства привело к развитию онлайн торговли и внедрению кросс бордера, за счёт которого фирмы и другие предприятия могут заниматься бизнесом за пределами России. Это, в свою очередь, привело к изменениям в торгово-экономической политике. Большое значение в организации торговых переговоров, урегулировании торговых споров и глобальной торговли в целом приобрела Всемирная торговая организация несмотря на то, что «недружественные» страны пытаются положить конец членству РФ на этой площадке.

Расширение технологий повлияло на процессы отчетности и сбора информации в области налогообложения. Развитие цифровых систем и компьютеризации позволяет налоговым органам более продуктивно осуществлять сбор данных и определять налоговую базу. В ряде случаев это может повлечь за собой изменение налоговых правил, а также снижение нагрузки на организации и их сотрудников.

Также в настоящее время наблюдается рост зеленой экономики, которая направлена на сокращение негативного влияния экономической деятельности на окружающую среду. Для того, чтобы избежать экологическую катастрофу, различные страны

поощряют экологически чистые продукты, а также вводят штрафы за вредное воздействие на природу.

Выявим следующие проблемы в устойчивости текущей системы налогов и сборов РФ.

С развитием новых технологий и цифровизацией экономики особое значение имеет приспособление системы налогов и сборов к развивающимся технологиям и новым формам экономической деятельности. Например, развитие цифровой экономики и онлайн-торговли требует создания эффективных механизмов для сбора налогов с электронной коммерции и цифровых услуг, появления новых способов получения прибыли.

Эффективность цифровизации налогообложения выявляется на примере показателя коэффициента собираемости (эффективности) НДС.

В настоящее время по сравнению с прошлыми годами данный коэффициент повысился, а доля сомнительных операций в части НДС снизилась.

В условиях глобальных изменений необходимо учитывать международные тренды в налогообложении и во взаимодействии с международными компаниями, а также новые модели экономической деятельности, такие как электронная коммерция и криптовалюты.

Следующей проблемой является борьба с налоговым уклонением и неуплатой налогов. Наиболее распространенным налоговым правонарушением является неуплата или неполная уплата сумм налогов, которая влечёт за собой ответственность в виде штрафа в размере 20% от неуплаченной суммы налога. В большинстве случаев именно к этой ответственности налогоплательщики привлекаются налоговым органом по результатам выездных и камеральных проверок. Теневая экономика создает неравенство в показателях налоговой нагрузки и сокращает доходы государства. В целом подобная ситуация влечет за собой сниже-

ние производственной активности на предприятиях и неравные возможности для различных слоев населения.

Это может привести к тому, что богатая часть граждан выведет свои денежные средства из страны, уклоняясь от уплаты налогов. Для решения этой проблемы можно повысить налогообложение по отдельным видам банковских вкладов.

У некоторых слоёв населения, в частности индивидуальных предпринимателей, в нашей стране заработная плата является гибкой. Все риски, возникающие в ходе осуществления деятельности, работодатель включает в заработную плату, следовательно, её размер зависит от результатов финансовой деятельности организаций. В данном случае необходимо решить проблему, в первую очередь, внутри профессионального неравенства на рынке труда. Также обязательной гарантией доходов должен выступать прожиточный минимум, так как в современных условиях определённая категория граждан не может заниматься бизнесом, инвестировать из-за нехватки денежных средств.

С целью избежания уплаты налогов в современных реалиях и в условиях свободного распоряжения финансами возможно вполне легитимно перевести активы за рубеж. Этим, в частности, занимаются фирмы-однодневки, помогающие отмывать денежные средства, в целях уклонения от полного или частичного налогообложения. Система налогов и сборов должна пресекать подобные действия и справедливо устанавливать порядок несения налогового бремени. Чтобы решить эту проблему необходимо использовать современные методы анализа данных и взаимодействовать с интернациональными организациями в борьбе против налоговых преступлений. А также следует осуществлять строгий контроль за своевременным представлением налоговой отчетности граждан и организаций, как и в целом за правомерностью их действий, путем проведения проверок и реализации контрольных мероприятий.

Глобальная экономика предполагает, что в области налогообложения все страны экономически связаны между собой. Это требует сотрудничества в международных масштабах. Со своей стороны РФ заинтересована в активном участии во всемирных инициативах борьбы с налоговыми преступлениями, а также нормализации налоговых систем с целью создания равных условий для предпринимательства и недопущения двойного налогообложения.

Еще одной важной проблемой является конкуренция, которая приводит к возрастанию налоговых рисков государства.

Суть внутренней налоговой конкуренции состоит в использовании налоговых льгот и особых режимов в различных регионах в целях привлечения ресурсов на отдельную территорию за счет сокращения налоговой базы. Перемещение налоговой базы в зоны пониженного налогообложения влечет за собой упадок эффективности системы налогов и сборов, что отрицательно сказывается на финансах государства в целом.

Появление «налогового оазиса Калмыкии» в 1994 году, относимого к зоне пониженного налогообложения, на территории РФ связано со снижением ставки налога на прибыль. Налоговый режим Калмыкии привлек к появлению массовой регистрации компаний и, соответственно, увеличению доходной базы в регионе. Массовая регистрация бизнеса вызвала иждивенческий характер «налогового оазиса Калмыкии», её зависимость от государства.

Офшорные компании также были освобождены от уплаты налога на содержание жилищного фонда и объектов социально-культурной сферы, а в Элисте и от всех местных налогов. В конечном итоге, сосредоточение денежных средств в субъекте привело к негативным последствиям.

Механизм функционирования внутренних офшорных зон заключался в предоставлении плательщикам налога налоговых льгот, которые были представлены в форме поддержки инвесторов и заменяли обязательные отчисления на развитие региона. Компании, формально зарегистрированные в офшоре, оставались в выигрыше, поскольку отчисления можно было полностью компенсировать за счет налоговой экономии [1].

Такая система приводит к налоговому демпингу, определяемому как продажа товаров на рынке по искусственно заниженной стоимости, то есть к недобросовестной налоговой конкуренции. В настоящее время недружественные страны-офшоры лишаются права на ставку 0% по налогу на прибыль организаций.

В эколого-экономическом регионе Алтай для создания конкурентоспособных условий льготы предоставлялись в виде «налоговых каникул», причем не только по региональным и местным налогам, но и по НДС. Объем льгот при этом перекрывал затраты организаций по отчислениям в Фонд развития Республики Алтай. Законом Республики Алтай от 15 февраля 2001

года № 20-33 Закон Республики Алтай от 26 апреля 2000 года № 16-28 «О внебюджетном фонде развития Республики Алтай» признан утратившим силу¹.

Таким образом, налоговая система РФ должна стремиться к привлечению способных инвесторов и публичных компаний для развития ими на территории государства бизнеса, а также к обеспечению благоприятных условий для экономического роста.

Одной из главных проблем системы налогов и сборов РФ является прогрессивная шкала отдельных видов налогов. С 2021 года введена прогрессивная ставка НДФЛ. Так, доходы резидентов РФ в пределах 5 млн рублей за год облагаются НДФЛ по ставке 13%, а свыше этой суммы — по ставке 15%.

ИП-резиденты на общей системе налогообложения с доходами выше 5 млн рублей платят 15% с превышения.

До конца декабря 2020 года действовала пропорциональная система, то есть доходы резидентов РФ, вне зависимости от их величины, облагались НДФЛ по единой ставке 13%. Повышенная ставка налога может стать демотивирующим фактором для тех лиц, которые могли бы инвестировать больше, если бы ставка была менее высокой. Понижение ставки, в свою очередь, может воздействовать на стимулирование экономического роста и развития.

Также излишне фискальными считаются ставка налога на прибыль организаций и НДС, которая составляет 20%. Снижение ставки налога на прибыль может способствовать развитию и инвестированию компаний в России, преодолевая возможные преграды на их пути, а также стимулировать предпринимательскую активность и привлечение иностранных инвесторов.

Высокая ставка НДС может ограничить потребление и увеличить цены на товары, услуги для потребителей. Снижение ставки НДС, напротив, способствует увеличению потребительской активности и стимулированию экономики. Таким образом, можно сделать вывод о том, что снижение налоговых ставок может повысить работоспособность и инвестирование в целом.

Также наблюдается проблема с недостаточной прозрачностью системы налогов и сборов.

Пункт 7 статьи 3 НК РФ гласит, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах трактуются в пользу налогоплательщика (плательщика сборов), устанавливая тем самым презумпцию невиновности налогоплательщика². Формальная определенность налоговых норм предполагает их достаточную точность, чем обеспечивается их правильное понимание и применение. Многие компании и предприниматели сталкиваются с неоднозначной трактовкой законодательства, в связи с чем возникают споры с налоговыми органами. Улучшение прозрачности и предсказуемости налогового законодательства может существенно снизить риски для предпринимателей и привлечь больше инвестиций.

В заключение, хотим отметить, что система налогов и сборов РФ совершенствуется, приспосабливаясь к глобальным изменениям, происходящим в мире. Для эффективного её совершенствования необходимо принимать различные меры, в частности, равномерно распределять налоговое бремя, оказывать поддержку субъектам малого и среднего предпринимательства, предоставлять компаниям налоговые льготы и преференции.

Пристатейный библиографический список

1. Громов В. В. Налоговая конкуренция в России на разных этапах развития налоговой системы // Финансовый журнал. - 2020. - Т. 12. - № 1. - С. 41-57. - DOI: 10.31107/2075-1990-2020-1-41-57
2. Ткаченко Ю. И. Перспективы сотрудничества стран БРИКС в развитии цифровой экономики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. - 2018 - Т. 1. - Ч. 1. - С. 339-343.

1 Закон Республики Алтай от 15 февраля 2001 года № 20-33.

2 Налоговый Кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ.

МАХМУДОВА Ханипат Муратовна

магистрант 2 курса ОЗО кафедры административного, финансового, таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ИЗБЕЖАНИЯ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье указаны проблемы правового регулирования налоговых юрисдикций, рассматривается приостановление международных соглашений об избежании двойного налогообложения, анонсированных в одностороннем порядке. Выявлены последствия действий «недружественных» стран при построении системы налоговых юрисдикций в РФ. Как эти действия могут отразиться на отечественном бизнесе, который ведёт свою деятельность в зарубежных филиалах. Также указаны ответные меры правительства РФ на данные санкции, последствия ответных действий для иностранного бизнеса, которые ведут деятельность на территории РФ.

Ключевые слова: налоговая юрисдикция, налоговые льготы, резиденты и нерезиденты, избежание двойного налогообложения, международные соглашения.

MAKHMUDOVA Khanipat Muratovna

magister student of the 2nd course of the OZO of Administrative, financial, customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial, customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF AVOIDING DOUBLE TAXATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article identifies the problems of legal regulation of tax jurisdictions and examines the suspension of international agreements on the avoidance of double taxation, announced unilaterally. The consequences of the actions of “unfriendly” countries when building a system of tax jurisdictions in the Russian Federation have been identified. How can these actions affect domestic businesses that operate in foreign branches. The response measures of the Government of the Russian Federation to these sanctions, the consequences of retaliatory actions for foreign businesses operating in the territory of the Russian Federation are also indicated.

Keywords: tax jurisdiction, tax benefits, residents and non-residents, avoidance of double taxation, international agreements.

На сегодняшний день в налоговом праве отсутствует запрет на одновременное обложение дохода одного и того же субъекта в договаривающихся государствах, заключающих соглашения об избежании двойного налогообложения. Поскольку налоговое законодательство не исключает возможность получать доходы и иметь объекты одновременно в двух государствах, возникает необходимость разрешения проблем налогового бремени фискально обязанных лиц. Международные соглашения являются основным инструментом решения этих вопросов. При этом стоит отметить, что интересы государств, их пространственных суверенитетов, налоговых юрисдикций могут не совпадать.

В современном мире, ограничения которого обусловлены институтом резидентства, правовое регулирование налоговых юрисдикций требует разрешения следующих проблем:

1. У налогоплательщика возникает обязанность по уплате налога одновременно в нескольких государствах, каждое из которых претендует на реализацию норм законодательства своей страны;

2. Налогоплательщик, являясь резидентом одного из государств, вынужден претерпевать бремя уплаты налога одновременно в нескольких государствах в виду отсутствия международного соглашения с одной из сторон;

3. Ситуация, когда у налогоплательщика возникает объект налогообложения на территории в другом государстве, отсутствующий или имеющий пределы или ограничения в другом договариваемом государстве.

Большая часть из данных проблем разрешается путём заключения международных соглашений, суть которых сводится к решению проблем в правовом регулировании участ-

ников налоговых правоотношений, имеющих объекты и доходы в иностранных государствах.

Важно отметить, что соглашения и договорные положения, закрепляющие права резидентов одного или двух государств, не могут быть реализованы, если отсутствуют нормы в национальном законодательстве, регулирующие отношения в данной сфере.

Связь с государством, а не с его территорией, устанавливается на основе определённых критериев для физических лиц, их имущества и доходов. Положения международных соглашений направлены на обеспечение прав налогоплательщиков, интересы которых затронуты в договорах. При заключении международных договоров об избежании двойного налогообложения используется субъективный метод, применяемый к участникам с определёнными признаками и критериями (политические, географические и т.д.).

Нормы международного права регулируют разграничение налоговых юрисдикций. Они направлены на создание и обеспечение принципа суверенитета современного государства.

Налоговая юрисдикция находится в неразрывной связи с государственным суверенитетом, интересы которых могут не совпадать с реализацией функций налогоплательщиков, наделённых налоговыми юрисдикциями. Исходя из выше сказанного, можно сформулировать некоторые особенности налоговых юрисдикций.

Итак, налоговая юрисдикция является территорией с кругом определённых участников, в которых органы исполнительной власти в определённых рамках имеют право устанавливать порядок и условия уплаты налогов, сборов, ставки по ним, а также определять особенности формирования налоговой базы. Данный подход определяет, что государство

имеет право защищать свой суверенитет с помощью налогового законодательства. Важно учитывать, что международные соглашения могут действовать лишь в том случае, если они соответствуют законодательству государств, заключающих договор.

В России в соответствии со статьёй 373 Налогового кодекса РФ в качестве плательщиков налога на имущество признаются как российские, так и иностранные организации. При этом, иностранные организации могут осуществлять свою деятельность на территории страны через постоянные представительства или не осуществлять деятельность на территории страны через постоянные представительства. Однако, в обоих случаях, они должны иметь в собственности недвижимое имущество, находящееся на территории Российской Федерации¹.

С недавнего времени перед РФ встал вопрос о приостановлении действий международных соглашений об избежании двойного налогообложения лиц с «недружественными» государствами. Это будет касаться иностранного бизнеса, их филиалов, а также работников и арендодателей недвижимости, которые по решению правительства их стран были вынуждены приостановить бизнес в РФ. Важно понимать, что данное решение может затронуть интересы не только компаний -нерезидентов, но и тех, которые сохранили своё присутствие в России, продолжили свою деятельность. Однозначно, анонсирование о разрыве международных договорённостей, не может не повлиять на бизнес резидентов нашей страны. При этом же стоит учитывать, что после отмены налоговых соглашений с этими странами, россиянам придется платить налоги дважды.

В условиях напряжённой политической обстановки, Правительство РФ разработало ряд дополнительных мер ограничительного характера, согласно которым были приостановлены действия некоторых положений международных соглашений об избежании двойного налогообложения в отношении стран, являющихся активными участниками введения экономических санкций против нашей страны.

Определим понятие двойного налогообложения, для более лучшего понимания данного вопроса. Двойное налогообложение является той ситуацией, когда доходы одного и того же лица облагаются налогами дважды одновременно в разных государствах. Но до этого времени, такая проблема решалась благодаря международным соглашениям, где налоги могли взиматься только в одной из двух стран, либо же в обоих, но только с учетом особенностей национальных законодательств, отраженных в соглашениях способов предотвращения двойного налогообложения. Действия, на которые распространяются соглашения об избежании двойного налогообложения касаются чаще всего доходов от продажи или аренды недвижимости, также коммерческой деятельности, пенсий, дивидендов и т.д.

На конец 2023 года Россия приостановила соглашения об избежании двойного налогообложения с 38 странами. По приказу Минфина 86-н к числу государств, применяющих льготный режим налогообложения относят более 90 стран. В этот перечень вошли практически все страны Евросоюза, Англия, США, Швейцария, Австралия и другие «недружественные» по отношению к России государства².

На практике юридические и физические лица этих стран сталкиваются с минусами и плюсами действия принципа избежания двойного налогообложения. Отечественный налогоплательщик также чувствует негативные последствия расширения перечня стран, использующих признаки налоговых юрисдикций. В частности, резиденты Российской Федерации, получающие доход за рубежом, из источников иностранных государств. Гражданин Российской Федерации уехал из страны в 2023 году во Францию и устроился там работать, либо же продолжает работать на компанию российскую удаленно, и этот полученный доход будет облагаться

НДФЛ как в Российской Федерации, так и во Франции. Наличие Франции в перечне «недружественных» стран обуславливает необходимость уплаты налога дважды. Такая проблема бьет по карману как резидентов, так и нерезидентов РФ.

В качестве ответных мер органами власти, было принято решение о сокращении общеустановленного срока (183 дня) пребывания нерезидентов на территории РФ. Срок был сокращён до 90 дней. Такая мера касается только государств из обновлённого в июле 2023 года перечня Минфина. Юридические лица, получающие пассивный доход за рубежом также страдают от применения данных мер.

Необходимо отметить, что к дивидендам, которые получают резиденты России из «недружественных» стран, перестали применяться 0 % ставки налога на прибыль, что достаточно существенно отразилось предпринимательской деятельности фискально обязанных лиц. В этой связи, бремя уплаты налогов выросло в два раза, что подтверждает целесообразность совершенствования политики редомициляции в Российской Федерации.

При наличии соглашений об избежании двойного налогообложения, резиденты, бизнес которых находится за рубежом, имеют право вести упрощенный порядок учета, а по некоторым видам деятельности не сдавать отчеты. Такой подход с «недружественными» странами упразднен, аудит для них является обязательным условием ведения бизнеса³. Проблема заключается в том, что, по законодательству Российской Федерации, аудит в компаниях резидентов, осуществляющих деятельность в иностранных государствах, может быть обеспечен только на территории нашего государства, то есть с помощью онлайн сети. Большинство аудиторских фирм не согласны на ведение деятельности в таких условиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в международных отношениях налоговая юрисдикция является особой властью, которая способна создавать определённые правила для субъектов налогообложения, являющиеся для них обязательными, признанными остальными государствами, которые заключили действующее соглашение. Изменения положения во внешней политике России подвергло новым проблемам в налогообложении и его регулировании определённого круга юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, находящихся как на территории страны, так и за её пределами, что требует от государства урегулирования данных проблем в будущем.

Пристайный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 18.03.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2023) // Доступ из справ.-правовой информации «КонсультантПлюс».
2. Приказ Минфина России от 5 июня 2023 г. № 86н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // Доступ из справ.-правовой информации «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // Доступ из справ.-правовой информации «КонсультантПлюс».
4. Зонова А. В., Горячих С. П., Печенкин К. А. налогообложение индивидуальных предпринимателей с учетом налоговых новаций 2022 года // ЕГИ. 2022. № 39 (1). С. 173-177.
5. Хаванова И. А. Налоговая юрисдикция: грани возможного и отсроченные риски // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 81-91.
6. Как отмена налоговых соглашений с Западом скажется на бизнесе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2023/> (дата обращения: 27.03.2023).
3. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения».

ОЧАКОВСКИЙ Виктор Александрович

кандидат юридический наук, доцент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

КОЗЬМОВ Валерий Иозисович

студент Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

В статье рассматривается проблематика проведения дополнительных мероприятий налогового контроля. Автором устанавливается, что основной задачей проведения дополнительных налоговых мероприятий является сбор дополнительных сведений, необходимых для осуществления налоговыми органами своей профессиональной деятельности. Автор рассматривает ключевые проблемы проведения дополнительных налоговых мероприятий, к числу которых относятся недобросовестная работа налоговых органов, отсутствие четкой системы уведомления налогоплательщиков о проведении и результатах проведения дополнительных налоговых мероприятий и т.д. Результатом исследования выступает вывод о необходимости модернизации системы проведения дополнительных налоговых мероприятий в Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговое право, налоговые проверки, дополнительные налоговые мероприятия, налоговые мероприятия, правовое регулирование налоговой деятельности.

OCHAKOVSKIY Viktor Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KOZMOV Valeriy Iozisovich

student of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

FEATURES OF ADDITIONAL TAX CONTROL MEASURES

The article discusses the problems of carrying out additional tax control measures. The author establishes that the main task of carrying out additional tax measures is to collect additional information necessary for tax authorities to carry out their professional activities. The author examines the key problems of carrying out additional tax measures, which include unfair work of tax authorities, the lack of a clear system for notifying taxpayers about the conduct and results of additional tax measures, etc. The result of the study is the conclusion about the need to modernize the system of additional tax measures in the Russian Federation.

Keywords: tax law, tax audits, additional tax measures, tax measures, legal regulation of tax activities.

Одной из приоритетных задач развития российского законодательства выступает совершенствование его отдельных отраслей. Современными проблемами правопонимания выступают вопросы действия нормативно-правовых актов, их недействительности, вопросы их сущностного определения и т. д. [1, с. 106-108]. Так, к примеру, модернизации подлежит налоговое законодательство Российской Федерации, в рамках которого, в том числе, регулируется порядок проведения основных и дополнительных налоговых проверок. Интерес для данного исследования представляют дополнительные мероприятия налогового контроля, которые регулируются современным налоговым законодательством наряду с основными налоговыми мероприятиями.

Под налоговыми проверками в рамках данной исследовательской работы мы будем понимать специальные процессуальные мероприятия налогового органа, направленные на осуществление контроля за полнотой уплаты налогов и иных сборов налогоплательщиками и иными лицами [2, с. 16]. Проведение налоговых проверок является неотъемлемой частью налогового контроля, который наряду с иными видами контроля (к примеру, финансового) включает в себя целую систему институтов (к примеру, нормативно-правовую базу, уполномоченные органы и методы осуществления контрольных полномочий) [3, с. 19]. Более того здесь стоит отме-

тить, что эффективность проведения налогового контроля во многом обеспечивает эффективность проведения иных форм контроля, в том числе финансового, а значит обуславливает общую положительную тенденцию развития экономического состояния страны [4, с. 28].

Отметим, что дополнительные налоговые мероприятия проводятся в том случае, если основных мероприятий оказалось недостаточно, и необходимо внести ясность в оценку собранной в ходе основной налоговой проверки. Дополнительные налоговые мероприятия регулируются современным налоговым законодательством Российской Федерации, а именно положениями статьи 101 части первой Налогового кодекса Российской Федерации. Основаниями проведения дополнительных мероприятий налогового контроля являются необходимость получения дополнительных доказательств для подтверждения факта совершения налогового правонарушения или факта отсутствия таких доказательств.

В рамках современной практики к таким мероприятиям можно отнести: истребование документов, проведение налоговой экспертизы, а также допрос свидетелей [5]. Указанные дополнительные мероприятия могут проводиться в течении месяца со дня вынесения решения об их проведении (в исключительных случаях указанный срок может быть прод-

Очаковский В. А.

Козьмов В. И.

лен), после чего составляется дополнение к основному акту проведения налоговой проверки.

Как мы уже отметили ранее, современное отечественное законодательство в области контрольно-надзорных полномочий различных органов находится в стадии реформирования. Речь в данном случае идет, к примеру о контрольно-надзорных полномочиях в области финансового регулирования (например, в области расширения контрольно-надзорных положений Центрального банка) [6, с. 122], а также об аналогичных полномочиях в налоговой сфере. В настоящее время законодательство о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля также находится в стадии своего реформирования. Так, к примеру, в 2023 году было предложено введение не просто системы дополнительных налоговых мероприятий, а полноценных дополнительных налоговых проверок, что существенно расширило бы полномочия налоговых органов в части осуществления оценки документации, проведения налоговых экспертиз и т.д. При этом, однако, указанное предложение так и не было установлено в налоговом законодательстве. В основном решение об отказе в проведении дополнительных налоговых проверок было вызвано многочисленными жалобами со стороны различных предприятий, в рамках которых указывалось на тот факт, что такие налоговые проверки могут существенно поменять результаты основных налоговых проверок. При этом необходимо понимать, что мнение предпринимателей в указанном вопросе имеет большое значение, так как во многом именно налоговая политика оказывает влияние на общую привлекательность предпринимательства, развитие которого выступает одной из стратегических целей в России [7, с. 96]. В Правовом управлении Государственной Думы Российской Федерации также отметили, что такое нововведение может создать ситуацию, при которой решения, вынесенные на основании основной налоговой проверки, будут существенно отличаться от решений дополнительной налоговой проверки, в результате чего может создаваться путаница, а налогоплательщику возможно придется подавать сразу две жалобы в суд при несогласии с результатами проведенных проверок [8].

В 2023 году также была разработана инициатива, согласно которой дополнительные мероприятия налогового контроля могли бы проводиться налоговыми органами даже в период обжалования налогоплательщиками результатов основной налоговой проверки. Однако и эта инициатива была исключена из перечня поправок в НК РФ. Правоведы, рассматривающие указанную инициативу, отметили, что в случае принятия такой инициативы на практике может создаваться ситуация, при которой в рамках судебного заседания будут рассматриваться и те доказательства, которые еще не были окончательно изучены, что выходит за рамки налоговой проверки [9].

В тоже время, в настоящее время готовится целый ряд существенных поправок в налоговое законодательство, которые найдут свое отражение и в порядке проведения дополнительных налоговых проверок. Отметим, что налоговая реформа началась еще в 2017-2018 годах и продолжается до сих пор.

Таким образом, в рамках данной исследовательской работы нами были сделаны следующие выводы:

- дополнительные мероприятия налогового контроля необходимы для получения дополнительной информации, которая не была получена в ходе проведения первичной налоговой проверки;
- порядок проведения дополнительных налоговых проверок в целом схож с порядком проведения обычной налоговой проверки с небольшими изъятиями;

Мы согласны с законодателем, который стремится внести изменения в действующий порядок проведения дополнительных мероприятий налогового контроля, так как на практике указанные мероприятия иногда могут проводиться с некоторыми ошибками, о чем также свидетельствует судебная практика.

Так, к примеру, частой проблемой, связанной с проведением дополнительных мероприятий налогового контро-

ля, является рассмотрение результатов таких мероприятий в отсутствие налогоплательщика в виду не уведомления последнего о месте и времени рассмотрения результатов дополнительных мероприятий. К примеру, Арбитражный суд Мурманской области рассмотрел обращение предпринимателя Р., которая в исковых требованиях отметила, что она не была должным образом уведомлена о времени и месте рассмотрения результатов дополнительных мероприятий налогового контроля. Налоговые органы в своих возражениях отмечали, что в части 6 статьи 101 первой части НК РФ нет прямого указания на то, что налоговый орган обязан уведомлять налогоплательщика о времени и месте рассмотрения результатов дополнительных налоговых мероприятий. При этом Арбитражный суд, напротив, заметил, что проведение дополнительных мероприятий налогового контроля проводится по общим правилам проведения налоговых проверок, в результате чего налоговые органы обязаны были уведомить Р. [10].

В указанной связи представляется необходимой модернизация системы уведомления налогоплательщиков о дате и времени рассмотрения мероприятий дополнительного налогового контроля. Так, к примеру, представляется необходимым создание системы электронного оповещения, к примеру, по средствам сайта государственных услуг, либо через личный кабинет налогоплательщика в системе налоговой службы.

Не менее серьезным нарушением выступает непредоставление налогоплательщику реальной возможности представить возражения перед формированием окончательного акта, составляемого при проведении дополнительных налоговых мероприятий. Так, к примеру, ООО «АЛКОА РУС» обратилось в Арбитражный суд Самарской области. В заявлении было указано, что инспекция не предоставила налогоплательщику реальной возможности ознакомиться с материалами дополнительных мероприятий налогового контроля, в виду чего последний не смог представить собственные возражения. Арбитражный суд постановил, что налогоплательщик не имел фактической возможности явиться в налоговый орган, поэтому был лишен возможности представить возражения [11].

Указанная проблема во многом связана с проблемой не уведомления налогоплательщика о рассмотрении результатов дополнительных налоговых мероприятий. Не получив уведомление, лицо, в отношении которого проводились соответствующие мероприятия, не получает возможность привести возражения, а значит нарушаются его законные права. В указанной связи, также представляется необходимым проведение модернизации системы уведомления налогоплательщика о проведении в отношении них дополнительных мероприятий налогового контроля и о дате и времени рассмотрения результатов таких проверок.

Отметим, что интерес также представляет вопрос о возможности проведения еще одних дополнительных мероприятий налогового контроля, если такие мероприятия уже были проведены. Так, Верховный Суд Российской Федерации в 2020 году разъяснил, что такие повторные мероприятия могут быть проведены налоговым органом, однако, при этом налоговые органы не могут проводить те же самые мероприятия, которые он уже проводил. Таким образом, в судебной практике вопрос о повторных дополнительных мероприятиях налогового контроля решается в пользу налоговых органов с небольшим исключением [12]. На наш взгляд, такая позиция Верховного Суда является достаточно оправданной, так как конечной целью налоговых проверок и дополнительных налоговых мероприятий выступает всестороннее изучение налоговой деятельности налогоплательщика, что зачастую бывает затруднено в виду ряда внешних и внутренних факторов. Возможность беспрепятственного проведения еще одних дополнительных мероприятий спустя определенное время позволяет обойти указанные факторы и комплексно подойти к вопросу изучения деятельности налогоплательщика.

Некоторые авторы также поднимают проблему, связанную с разглашением результатов дополнительной налоговой

проверки налогоплательщику. Анализ современного законодательства позволяет сделать вывод о том, что налоговые органы по факту проведения дополнительных налоговых мероприятий не несут обязанности в предоставлении документов, полученных в ходе проведения дополнительной налоговой проверки, а также в разъяснении их содержания [13, с. 96]. На наш взгляд, подобное допущение со стороны законодателя является ошибочным, так как косвенно может нарушить основные законные интересы налогоплательщика.

Еще одной проблемой, связанной с проведением как налоговых проверок, так и дополнительных мероприятий налогового характера является несоблюдение порядка досудебного урегулирования налоговых споров. В налоговом законодательстве Российской Федерации четко установлен досудебный порядок урегулирования налоговых споров посредством обжалования актов, решений и действий налоговых органов в вышестоящий налоговый орган [14]. На практике же, порядок досудебного урегулирования налоговых споров также сталкивается со множеством проблем. К примеру, налоговые органы зачастую и вовсе стремятся обойти возможность досудебного урегулирования и сразу направляют дело в суд для проведения судебного разбирательства. Более того на практике иногда возникают случаи, когда налоговые органы фактически чинят препятствия для досудебного урегулирования налогового спора. К примеру, Президиум ВАС РФ отметил, что на практике встречаются случаи, когда вышестоящий налоговый орган, рассматривая жалобу на действия налоговых органов, принимает решение о взыскании дополнительных налоговых платежей. Тем самым налоговый орган создает налогоплательщику препятствия для свободного волеизъявления в процессе реализации им права на обжалование вынесенного в отношении него решения [15].

В указанной связи представляется необходимым развитие системы обжалования действий не только того налогового органа, который проводил дополнительные налоговые мероприятия, но и вышестоящих налоговых органов, которые занимаются рассмотрением жалоб на действия первого. Законодатель, на наш взгляд, должен озаботиться проблемой защиты налогоплательщика от недобросовестных действий налоговых органов в области защиты его прав и законных интересов при проведении дополнительных налоговых мероприятий.

Обобщая вышесказанное, отметим, что в настоящее время в Российской Федерации остро назрел вопрос о внесении поправок в действующее законодательство о проведении дополнительных мероприятий налогового контроля. Рассмотрев материалы судебной практики, мы пришли к выводу о том, что текущая система проведения указанных мероприятий сталкивается со множеством проблем, к которым в первую очередь можно отнести недобросовестную работу налоговых органов. В качестве ключевых мер по борьбе с указанными недобросовестными действиями и решениями налоговых органов при проведении дополнительных мероприятий налогового контроля представляется необходимыми модернизация системы оповещения граждан о проведении в отношении них дополнительных мероприятий налогового контроля, а также уведомления последних о дате и времени рассмотрения результатов таких дополнительных проверок. Более того, в совершенствовании также нуждается система защиты законных интересов налогоплательщиков в рамках обжалования действий налоговых органов в вышестоящие органы власти. Также, на наш взгляд, не менее важной тенденцией в развитии деятельности налоговых органов в Российской Федерации может стать совершенствование системы повышения квалификации сотрудников налоговых органов, в рамках которой им, в том числе, будут разъясняться все спорные вопросы, касаемые проведения дополнительных мероприятий налогового контроля.

Пристатейный библиографический список

1. Юшко А. В. Проблема правопонимания в современной теории права // Юристы-Правоведы. - 2006. - № 4 (19). - С. 106-108.
2. Агабабян В. Э., Очаковский В. А. Налоговый контроль как элемент налогового администрирования в Российской Федерации // Полиматис. - 2018. - № 9. - С. 13-18.
3. Архиреева А. С., Едиджи Ф. А. Проблемы развития финансового контроля // Эпомен. - 2020. - № 36. - С. 17-24.
4. Архиреева А. С., Костенко Б. Ю. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Эпомен. - 2019. - № 34. - С. 26-32.
5. Мероприятия налогового контроля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/measures_tax_control/#:~:text=101%20НК%20РФ.,V%20качестве%20дополнительных%20мероприятий%20налогового%20контроля%20может%20проводиться%20исстребование%20документов,Вышеуказанный%20печень%20мероприятий%20является%20закрытым. (дата обращения: 26.10.2023).
6. Курдюк П. М., Очаковский В. А. Некоторые особенности реализации контрольных полномочий Центральным банком Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. - 2019. - Т. 5. № 3. - С. 120-125.
7. Бочковой А. А., Юшко А. В. Правовая оценка специальных налоговых режимов в РФ // Человек. Социум. Общество. - 2023. - № 1. - С. 95-99.
8. Власти отказались от идеи дополнительных налоговых проверок после жалоб бизнеса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/finansy/493008-vlasti-otkazalis-ot-idei-dopolnitelnyh-nalogovyh-proverok-posle-zalob-biznesa> (дата обращения: 26.10.2023).
9. ФНС ограничат в дополнительных проверках на период обжалования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/247553/> (дата обращения: 26.10.2023).
10. Морозова Н. А. Обобщение судебной практики, связанной с нарушением налоговым органом процедуры рассмотрения материалов мероприятий налогового контроля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arbspog.ru/articles/703/> (дата обращения: 26.10.2023).
11. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим в связи с нарушениями, допущенными налоговыми органами при рассмотрении материалов налоговой проверки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://11aas.arbitr.ru/node/13575> (дата обращения: 26.10.2023).
12. Может ли ИФНС назначать повторные дополнительные мероприятия налогового контроля? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://its.1c.ru/db/newsprac#content:472341:hdoc> (дата обращения: 26.10.2023).
13. Цыкура М. Г. Совершенствование процедуры дополнительных мероприятий налогового контроля как способ повышения качества налогового администрирования // Вестник Сургутского государственного университета. - 2018. - № 1 (19). - С. 94-97.
14. Досудебное урегулирование споров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/apply_fts/pretrial/ (дата обращения: 26.10.2023).
15. Практика рассмотрения судами дел по вопросам досудебного урегулирования налоговых споров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn73/news/activities_fts/4273004/ (дата обращения: 26.10.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-299-301

КОДОЛОВА Алена Владимировна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра экологической безопасности Российской академии наук (НИЦЭБ РАН – СПб ФИЦ РАН)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ СБОРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2023 году были внесены значимые изменения в законодательство об отходах производства и потребления, направленные на дальнейшую реализацию механизма расширенной ответственности производителя, максимальное возвращение вторичных материальных ресурсов в хозяйственный оборот, снижение объемов захоронения отходов. В законодательство включено понятие экологического сбора, изменен порядок его расчета и направления средств. В данной статье проведен анализ вышеуказанных изменений и судебной практики по взысканию экологического сбора с целью определения основных тенденций законодательного регулирования и проблем правоприменения.

Ключевые слова: экологический сбор, расширенная ответственность производителя, отходы производства и потребления, утилизация отходов.

KODOLOVA Alena Vladimirovna

Ph.D. in Law, senior researcher of the Saint-Petersburg Scientific Research Centre for Environmental Safety of the Russian Academy of Sciences

LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON ENVIRONMENTAL COLLECTION: PROBLEMS AND PROSPECTS

In accordance with the amendments introduced in 2023 to the current waste legislation aimed at forming an effective state regulatory model that determines the maximum return of secondary material resources to economic circulation and minimizing the volume of waste disposal, the concept of environmental collection is included in the legislation, the procedure for calculating it and directing funds has been changed. This article analyzes the above-mentioned changes and judicial practice in collecting environmental fees in order to determine the main trends in legislative regulation and law enforcement problems.

Keywords: environmental collection, extended producer responsibility, production and consumption waste, waste disposal.

В последнее десятилетие проблема обращения с отходами приобретает все большую актуальность, о чем свидетельствует высокая законодательная активность в данной сфере и большое количество научных публикаций, посвященных практически всем аспектам обращения с отходами [1], [2], [3]. Основной причиной данного интереса является продолжающийся рост образования и накопления как твердых коммунальных, так и промышленных отходов в нашей стране. При этом меры, принимаемые для предотвращения образования отходов, явно недостаточны, что угрожает не только усугублением экологического кризиса, но и обострением социально-экономической ситуации в целом [4].

В качестве наиболее действенного механизма, направленного на соблюдение иерархии обращения с отходами, предотвращение негативного воздействия отходов на окружающую среду рассматривается расширенная ответственность производителя, заключающаяся в возложении ответственности за продукцию на всем ее жизненном цикле, начиная с производства и заканчивая утилизацией, на компанию, выпускающую продукцию [5].

В 2023 году был принят Федеральный закон от 04.08.2023 № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступает в силу с 1 января 2024 г., за исключением некоторых его положений, вступающих в силу позднее, вплоть до 2027 года. Данный закон в профессиональной среде именуется как «Закон о расширенной ответственности производителей и импортеров товаров и упаковки» (или «Закон о РОП») [6].

Законом о РОП внесены такие существенные изменения в законодательство об отходах, что уже можно говорить

о создании новой системы РОП на территории Российской Федерации.

С 1 января 2024 г. Федеральный закон от 24 июня 1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Закон об отходах) будет содержать термин «экологический сбор». До вступления в силу Закона о РОП понятие экологического сбора законодательно не закреплено. Существующая статья 24.5 Закона об отходах в части 1 устанавливает, что экологический сбор относится к неналоговым доходам федерального бюджета и не приводит термина экологического сбора.

Согласно разъяснениям Министерства финансов РФ, экологический сбор не является налогом или сбором, регулируемым законодательством о налогах и сборах, и имеет признаки, отличные от указанных обязательных платежей. В основе правоотношений по уплате экологического сбора предусмотрена обязанность производителя (импортера) утилизировать остатки от выпускаемой ими продукции. Экологический сбор уплачивается в тех случаях, когда производители, импортеры товаров не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров либо не выполняют обязательства по самостоятельной утилизации отходов. Таким образом, экологический сбор носит индивидуально-возмездный и компенсационный характер и не является по своей правовой природе налоговым платежом¹.

Немаловажным является ответ на вопрос, в какой бюджет зачисляются средства, полученные от экологического

¹ Письмо Министерства финансов РФ от 13 апреля 2015 г. № 03-02-07/1/20823 // СПС КонсультантПлюс.

сбора, и на какие мероприятия направляются данные средства.

Исходя из закрепленного ст. 35 Бюджетного кодекса РФ принципа общего покрытия расходов бюджетов, означавшего, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета, действующее законодательство долгое время не предполагало использование денежных средств от платежей за негативное воздействие на окружающую среду, поступивших в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, на восстановление окружающей среды от последствий хозяйственной и иной деятельности, оказывающей на нее негативное влияние. Это привело к тому, что экологические платежи, такие как плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) и экологический сбор, носившие строго компенсационный характер, являются фискальными сборами, денежные средства от взимания которых включались в общее бюджетное расходование безотносительно к экологическим целям [4].

С 2019 года проблема нецелевого и неэффективного использования средств, поступающих в российские бюджеты в качестве экологических платежей, была признана и на государственном уровне. Например, в 2020 году Министерство природных ресурсов и экологии обнародовало информацию, что только 2% экологических штрафов в России были направлены на защиту окружающей среды².

В 2021 году были приняты федеральные законы,³ в соответствии с которыми плата за негативное воздействие на окружающую среду и экологический сбор были направлены на природоохранные мероприятия.

Плата за НВОС подлежит направлению на выявление объектов накопленного вреда окружающей среде и (или) организацию ликвидации накопленного вреда окружающей среде, а в случае их отсутствия – на иные мероприятия по предотвращению и (или) снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности.

Средства экологического сбора должны быть направлены на обеспечение утилизации отходов от использования товаров индивидуальными предпринимателями, юридическими лицами, осуществляющими утилизацию отходов от использования товаров, а также на строительство, реконструкцию объектов капитального строительства, возведение некапитальных строений (сооружений), которые необходимы для осуществления деятельности в области обращения с отходами, их модернизацию и обустройство мест (площадок) накопления отходов.

Закон о РОП устанавливает, что средства экологического сбора могут быть направлены на финансирование расходов федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством Российской Федерации на осуществление федерального государственного экологического контро-

ля (надзора), по контролю за соблюдением требований по утилизации отходов от использования товаров.

Финансирование расходов по осуществлению федерального экологического контроля не относится к направлениям природоохранной деятельности и не способствует обеспечению экологической безопасности согласно положениям статьи 1 Закона об охране окружающей среды.

Исходя из термина «охрана окружающей среды» природоохранная деятельность должна быть направлена на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

Также финансирование расходов на осуществление экологического контроля само по себе не сможет обеспечить состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий (в соответствии с термином «экологическая безопасность»).

Таким образом, на наш взгляд, действующая до вступления в силу Закона о РОП формулировка в большей степени соответствует целям обеспечения экологической безопасности и направлениям природоохранной деятельности.

Экологический сбор был введен в Российской Федерации с 2015 года, и уже можно констатировать, что на сегодняшний день сформирована судебная практика, в которой предметом исковых требований являются требования по уплате экологического сбора.

По результатам изучения судебной практики в Северо-Западном регионе в отдельную категорию можно выделить споры, касающиеся разграничения процедур обработки и утилизации отходов и изменений сумм экологического сбора.

К данной категории споров относится дело № А21-14348/2018. По данному делу первоначально иск Общества с ограниченной ответственностью «Телебалт Т» к управлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по Калининградской области с заявлением о признании недействительным требования об уплате экологического сбора, удовлетворен не был.⁴ Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции отменено оспоренное требование управления признано недействительным.⁵ Постановление кассационной инстанции отменило все ранее принятые судебные акты и направило дело в первую инстанцию на новое рассмотрение.⁶

При повторном рассмотрении суды всех инстанций в исковых требованиях обществу отказали по следующим основаниям. Как установлено материалами дела, истцом не были представлены документы, подтверждающие факт утилизации отходов, то есть выполнения работ, оказания услуг, включая повторное применение отходов, в том числе повторное применение отходов по прямому назначению (ре-

2 В Минприроды заявили, что лишь 2% экологических штрафов в 2020 году потратили на экологию. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11337699> (дата обращения: 01.10.2023).

3 Федеральный закон от 30.12.2021 № 446-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» @@ Федеральный закон от 02.07.2021 № 356-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

4 Решение Арбитражного суда Калининградской области по делу № А21-14348/2018 от 07.03.2019 // СПС КонсультантПлюс.

5 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда Калининградской области по делу № А21-14348/2018 от 17.06.2019 // СПС КонсультантПлюс.

6 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа области по делу № А21-14348/2018 от 2.12.2019 // СПС КонсультантПлюс.

циклинг), их возврат в производственный цикл после соответствующей подготовки (регенерация), а также извлечение полезных компонентов для их повторного применения (рециркуляция).

В конечном итоге суд принял доводы ответчика о том, что представленный истцом акт утилизации товаров, не подтверждает факт выполнения работ по утилизации отходов от использования товаров, как того требует Закон об отходах. Из акта утилизации товаров следует, что в процессе утилизации товаров (продукции) товарная продукция не произведена, а примененная технология – сортировка, прессование, разборка, шредирование, которые являются деятельностью по обработке отходов – предварительной подготовке отходов к дальнейшей утилизации.

Подобная практика сложилась по делу А44-7947/2018.⁷ Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций согласились с позицией Управления Росприроднадзора по Новгородской области, согласно которой истцом не были выполнены нормативы утилизации по группе «Изделия из бумаги и картона прочие» и по группе «Изделия упаковочные пластмассовые прочие», в силу того, что заявленные обществом в отчетности указанные изделия таковыми не являются. Согласно представленным актам, отходы упаковочного гофрокартона сортируются, дробятся, прессуются, то есть не возвращаются в производственный цикл, а лишь обрабатываются.

В отличие от вышеуказанных примеров судебной практики, по делу № А56-29024/2021 было принято решение о частичном отказе в иске о взыскании экологического сбора по группе товаров «пластиковые бутылки, флаконы, флаконы и аналогичные изделия».⁸ По данному делу Северо-Западное межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере природопользования обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском заявлением о взыскании с общества с ограниченной ответственностью «Гротекс» суммы экологического сбора за 2017 год.

В отношении группы товаров «Бутыли, бутылки, флаконы и аналогичные изделия из пластмасс» судами первой, апелляционной и кассационной инстанций было установлено, что в акте утилизации отходов, подписанном в соответствии с заключенным договором, были оказаны услуги по утилизации отходов 5 класса опасности. При этом использовалась технология шредирования, которая позволяет раздробить отходы на более мелкие части. В процессе утилизации была получена товарная продукция, включающая полипропилен в дробленном и гранулированном виде, а также полиэтилен высокой плотности (ПВД) в дробленном и гранулированном виде. Эти результаты свидетельствуют о том, что утилизация вышеуказанных отходов проводилась с использованием современных технологий, позволяющих получить ценные продукты из отходов. Такой подход способствует снижению негативного воздействия на окружающую среду и способен обеспечить повторное использование ресурсов.

Результаты рассмотрения дел судами подтверждают необходимость более детального и точного документирования процесса утилизации отходов. Это позволит более надежно

установить факт утилизации и соответствие действующими нормативами в области обращения с отходами.

Из проведенного в настоящем разделе анализа Закона о РОП представляется сделать следующие **выводы**:

1. Необходимо констатировать, что Закон о РОП вносит важные изменения в существующий механизм РОП. С другой стороны, в рассматриваемом законе содержатся лишь общие положения, формирующие основные элементы новой системы. Для полноценной реализации Закона о РОП в ближайшее время должны быть приняты подзаконные акты, содержащие более конкретные требования к производителям и импортерам товаров и упаковки и новые правила исчисления экологического сбора и предоставления отчетности.

2. Закрепление в законодательстве положений о направлении средств экологического сбора на финансирование, в том числе, расходов Росприроднадзора на осуществление федерального государственного экологического контроля (надзора), по контролю за соблюдением требований по утилизации отходов от использования товаров, не относится к направлениям природоохранной деятельности и не способствует обеспечению экологической безопасности согласно положениям статьи 1 Закона об охране окружающей среды.

3. Анализируя судебную практику, можно сделать главный вывод о разграничении процедур утилизации и обработки отходов на основе критерия производства товарной продукции. Если в результате обработки отходов, такой как измельчение, производится товарная продукция, то данная процедура может быть классифицирована как утилизация, что в свою очередь влечет отмену экологического сбора.

Пристатейный библиографический список

1. Съемщиков С. Е., Каненкин Е. И. Обращение с твердыми коммунальными отходами: проблемы и перспективы // Вестник Ангарского государственного технического университета. – 2013. – № 19. – С. 203-206.
2. Талаева О. В. Обращение с твердыми коммунальными отходами в историческом аспекте и на современном этапе // Наука без границ. – 2019. – № 7 (35). – С. 112-117.
3. Дубовик Д. М. Плата за обращение с твердыми коммунальными отходами: анализ проблемы перерасчета // Бизнес, менеджмент и право. – 2021. – № 4. – С. 46-51.
4. Массеров Д. А., Ломакин А. В. Рациональное обращение с твердыми коммунальными отходами как фактор развития экономики и охраны окружающей среды // Современные проблемы регионального развития. – 2019. – № 2. – С. 7.
5. Липилина А. А. Расширенная ответственность производителя как механизм экономического регулирования системы управления пластиковыми отходами: межстрановой анализ // Экономический вестник ИПУ РАН. – 2022. – Т. 3. – № 4. – С. 10-21.
6. Павлов Н. В. «Правовые последствия законопроекта «О расширенной ответственности производителей и импортеров товаров и упаковки» для утилизаторов» // Справочник эколога. – 18.10.2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.profiz.ru/eco/blog/post_9926/?ysclid=lp4f9u0pya351801916 (дата обращения: 30.11.2023).
7. Хлуденева Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды // СПС КонсультантПлюс.

7 Решение Арбитражного суда Новгородской области от 29.11.2018 по делу № А44-7947/2018 // СПС КонсультантПлюс.

8 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.04.2023 № 13АП-35968/2022, 13АП-35969/2022 по делу № А56-26568/2022 // СПС КонсультантПлюс.

БАВИН Дмитрий Евгеньевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КУЗЬМИНА Карина Сергеевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ КАК БАЛАНС МЕЖДУ ВОЛЕЙ ГОСУДАРСТВА И ПРАВОМ ЧЕЛОВЕКА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Статья посвящена вопросам правового регулирования хранения, обработки, передачи информации о здоровье граждан. Не менее актуален вопрос реализации такого конституционного права через призму права на забвение, в связи с чем в статье раскрывается сущность забвения в медицинском праве и возможность его осуществления при достаточной противоречивости. Также в научном труде раскрывается проблематика применимости права на забвение в сфере здравоохранения, возможности и способам его внедрения в российскую правовую систему. Раскрывается коллизионность сочетания права на забвение и единоначалие государства по обеспечению защиты интересов общества.

Ключевые слова: конституционное право на неприкосновенность частной жизни, медицинское право, право на забвение, социальный рейтинг, защита прав человека и гражданина.

BAVIN Dmitriy Evgenjevich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KUZMINA Karina Sergeevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE RIGHT TO OBLIVION AS A BALANCE BETWEEN THE WILL OF THE STATE AND THE HUMAN RIGHT TO PRIVACY IN THE FIELD OF HEALTHCARE

The article is devoted to the issues of legal regulation of storage, processing, and transmission of information about the health of citizens. The issue of the implementation of such a constitutional right through the prism of the right to oblivion is no less relevant, in connection with which the article reveals the essence of oblivion in medical law and the possibility of its implementation with sufficient inconsistency. The scientific work also reveals the problems of the applicability of the right to oblivion in the field of healthcare, the possibilities and ways of its introduction into the Russian legal system. The conflict of laws between the right to oblivion and the unity of government to ensure the protection of the interests of society is revealed.

Keywords: constitutional right to privacy, medical law, right to be forgotten, social rating, protection of human and civil rights.

В современном мире, с появлением интернета и иных компьютерных технологий всё в большей степени повышается заинтересованность человека в защите своей личной информации, разглашение которой может повлечь в различной степени соответствующие правовые и неправовые последствия. В частности, под категорию личной подпадает информация о человеке, содержащая данные о его здоровье. Известно, что никто не защищён от неправомерных действий третьих лиц, равным образом, как и информация, составляющая один из видов тайн, не может иметь абсолютный характер защиты. Вместе с тем, конституцией России утверждено право человека на охрану его здоровья и защиту персональных данных, что обеспечивает перечисленные выше права человека на охрану информации медицинского характера.

Право на забвение - концепция, заложенная в общем регламенте Европейского союза по защите данных (GDPR - General Data Protection Regulation)¹, привлекла внимание как потенциальный механизм решения этой проблемы. Однако камнем преткновения и основой для дискуссий является баланс между законными интересами государства в доступе к медицинским данным и их использовании в целях здравоохранения, научных исследований и фундаментальным правом отдельных лиц быть суверенами и главными акторами в защите своей личной информации и частной жизни. В этой статье рассматриваются сложности и последствия реализации права быть забытым в контексте здравоохране-

ния, с целью прояснения его роли в защите прав пациентов на неприкосновенность частной жизни при одновременном обеспечении более широких общественных интересов (что вызывает противоречие между двумя аспектами), которое выступает в качестве основной задачи государства.

Право на забвение, закрепленное в GDPR, предоставляет физическим лицам право на удаление их персональных данных при определенных обстоятельствах. Это право не только дает человеку возможность осуществлять больший контроль над своей личной информацией, но и служит средством защиты их частной жизни. В контексте здравоохранения право быть забытым имеет особое значение, поскольку данные о состоянии здоровья, физического, психического и социального благополучия человека², носят особый личный характер. К таковым относятся медицинские записи, наличие или отсутствие которых приводит к различным юридическим последствиям в жизни человека. «Поскольку сведения о состоянии здоровья гражданина, с одной стороны, охватываются достаточно строгими гарантиями защиты личной тайны и персональных данных, проистекающими из конституционных требований уважения его частной жизни, а с другой стороны, собираются и хранятся медицинскими организациями в конституционно значимых целях охраны здоровья, с учетом того что жизнь и здоровье человека, как подчеркивал

¹ GDPR (General Data Protection Regulation). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ogdpr.eu/ru>.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://go-link.ru/oEaLW>.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 25 декабря 2020 года № 49-П, представляют собой высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, *обеспечение защиты* таких персональных данных и их надлежащего использования *образует* одну из конституционно обусловленных *обязанностей государства*.»³.

Рассматривая право на забвение в призмах реализации права на охрану жизни и здоровья человека, основным его внешним проявлением выступает запрос пациента, клиента на удаление, либо изменение информации о его физическом или психическом состоянии здоровья. Вместе с тем, в данном случае образуется та самая коллизия между интересами гражданина, требующего удалить информацию медицинского характера из реестров и картотек и интересами государства, заключающимися в обеспечении прав и законных интересов пациентов, получающих медицинскую помощь «*обязанность медицинской организации в надлежащем порядке вести, учитывать и хранить медицинскую документацию, фиксирующую, в частности, факт обращения пациента за медицинской помощью, факт оказания медицинской помощи, этапы лечебно-диагностического процесса, вытекает из значения содержащейся в медицинской документации информации о состоянии здоровья для защиты прав и свобод самого пациента, в том числе в контексте оценки правомерности и эффективности оказанной ему медицинской помощи, а также осуществления предусмотренной статьей 64 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» экспертизы качества медицинской помощи, проводимой в целях выявления нарушений при оказании медицинской помощи, включая оценку своевременности ее оказания, правильности выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, степени достижения запланированного результата*»⁴. Данной выдержкой из постановления Конституционного суда подчеркивается факт того, что хранение государством информации о пациенте, относящейся к личной медицинской тайне, осуществляется с целью защиты его прав и законных интересов. Но вот и проявление коллизии – пациент желает удалить информацию о состоянии своего здоровья, а государство желает сохранить с целью защиты этого пациента и прав общества в целом.

Решение данного проблемного вопроса кроется в согласовании интересов обеих сторон – человека и государства. Считаем возможным осуществление следующих мер:

1. Установление рамок и условий для применения права на забвение. Это может включать определение срока действия права, основания для его применения и процедуры обращения.

2. Соблюдение принципов свободы слова и информационной прозрачности. Государство должно учитывать, что право на информацию и свободу выражения мнений также являются важными аспектами демократического общества.

3. Установление механизмов и мер безопасности для предотвращения злоупотреблений. Важно обеспечить баланс между правом на забвение и сохранением доступа к информации, так чтобы не было возможности подмены фактов или подавления свободы информации.

4. Повышение осведомленности пациентов о своих правах на забвение и возможностях удаления медицинской информации. Это может быть достигнуто через информационные брошюры, веб-сайты и рекламные кампании, которые акцентируют внимание на праве на забвение и указывают на доступные способы удаления и изменение медицинских данных.

5. Создание и развитие электронных систем управления медицинскими данными, которые позволяют пациентам контролировать информацию о своих медицинских исследо-

ваниях и обращаться с запросами на ее удаление или изменение. Это может включать в себя разработку онлайн-инструментов и приложений, позволяющих пациентам управлять своей медицинской информацией и запрашивать ее удаление.

В настоящее время уже существует примерный механизм реализации права на забвение, однако сформулирован он лишь в сфере информационного права. Так, в статье 15.1–2 ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2022 г. «Порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) ...»⁵ описываются условия реализации права на забвение, институты, обратившись к которым можно реализовать это право, форма и сроки подачи заявления и его рассмотрения. Иными словами, существует административный порядок разрешения проблемы, связанной с использованием персональной информации, а именно лицу, обнаружившему в сети интернет информацию, порочащую честь и достоинство личности предоставляется право обращения с заявлением о принятии мер к удалению данной информации к прокурору субъекта или генеральному прокурору.

В сфере здравоохранения отсутствует административный порядок осуществления права на забвение, в связи с чем и возникают многочисленные судебные разбирательства о защите чести и достоинства и обязывании медицинские организации удалить или изменить недостоверные персональные данные о человеке.

Таким образом, вопрос о внедрении и законодательном оформлении права на забвение в здравоохранении стоит остро, что является маркером для законодателя, сигнализирующим о необходимости принятия мер. Интеграция права на забвение в сферу здравоохранения требует комплексного подхода к сочетанию правовых, технологических и информационных мер, а также обучения и осведомленности всех заинтересованных сторон, чтобы обеспечить защиту прав пациентов на конфиденциальность медицинских данных и контроль над ними.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Постановление КС от 13.07.2022г. № 31-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421790/
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Интернет-ресурс GDPR. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ogdpr.eu/ru>.
5. «Право быть забытым: зарубежный и российский опыт правового регулирования» Пащенко И. Ю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/37ZxW6>.
6. «Право на охрану здоровья: конституционно-правовой аспект» Миронова О. А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-ohranu-zdorovya-konstitutsionno-pravovoy-aspekt>.

5 Статья 15.1-2. Порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина (физического лица) в совершении преступления ФЗ - № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

3 Постановление КС от 13.07.2022г. № 31-П.

4 Постановление КС от 13.07.2022г. № 31-П.

КОСТЮК София Александровна*

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛУБЯГИН Олег Игоревич

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: КОНКУРЕНТ ИЛИ ПОМОЩНИК СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА

Представленная статья рассматривает проблему востребованности профессии юриста, возникающую в связи с развитием искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта в профессиональной деятельности современного юриста. Авторы в ходе исследования также рассматривают правовой статус искусственного интеллекта в Российской Федерации, нормативно правовые акты, регулирующие вопросы, связанные с созданием и использованием искусственного интеллекта. Статья содержит сравнительный анализ профессиональных достоинств и недостатков искусственного интеллекта и юриста. В заключение авторы предлагают способ решения проблемы взаимодействия юриста и искусственного интеллекта в юридической деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, юрист, профессия, юриспруденция, рынок труда.

KOSTYUK Sofiya Alexandrovna**

bachelor student of the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LUBYAGIN Oleg Igorevich

Bachelor's student of the field of study 40.03.01 "Jurisprudence" of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A PROFESSIONAL COMPETITOR OR A MODERN LAWYER'S ASSISTANT

The presented article examines the problem of demand for the legal profession, which arises in connection with the development of artificial intelligence. Particular attention is paid to the role of artificial intelligence in the professional activities of a modern lawyer. In the course of the study, the authors also consider the legal status of artificial intelligence in the Russian Federation, regulatory legal acts regulating issues related to the creation and use of artificial intelligence. The article contains a comparative analysis of the professional advantages and disadvantages of artificial intelligence and a lawyer. In conclusion, the authors propose a way to solve the problems that may arise in connection with the active introduction of artificial intelligence in jurisprudence.

Keywords: artificial intelligence, lawyer, profession, jurisprudence, labor market.

Введение.

Искусственный интеллект все активнее внедряется во все сферы жизни общества. Современный человек зачастую не замечает его влияния и в целом не представляет жизнь без информационных технологий. Действительно, на данном этапе своего развития искусственный интеллект ставит под сомнение уникальность человеческого мышления, так как стремительно расширяет свои функциональные возможности: теперь искусственный интеллект производит уникальные тексты, музыку, картины и другие продукты творчества, создание которых раньше было под силу лишь человеку.

Сфера юриспруденции также подвергается вмешательству искусственного интеллекта. Юрист – одна из древнейших про-

фессий. Однако на всех этапах развития общества и государства она остается востребованной, поскольку связана с общественными отношениями, в которых ключевым элементом является человек. Общественные отношения, в свою очередь, ощущают на себе воздействие, которое оказывает развитие информационных технологий, что выражается в их автоматизации, информатизации. На момент 2023 года в Российской Федерации активно используются такие автоматизированные информационные системы, как ГАС "Выборы", "Правосудие", "Управление". Также развиваются нейросети, которые позволяют автоматизировать шаблонные юридические услуги. Совокупность приведенных фактов, позволяет говорить о возможности вытеснения и замещения юриста искусственным интеллектом.

Актуальность темы объясняется следующими фактами:

Проблема трудоустройства. Мировое сообщество активно обсуждает тему трудоустройства, которая становится все острее с развитием системы искусственного интеллекта. Marketsandmarkets – американская компания, изучающая искусственный интеллект: прогнозирует, что к 2030 году искусственный интеллект может угрожать гораздо большему количеству рабочих мест, чем в настоящее время.

Костюк С. А.

Лубягин О. И.

* Научный руководитель: Пономарев Олег Владимирович, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

** Academic Supervisor: Ponomarev Oleg Vladimirovich, senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

Развитие отношений между человеком и искусственным интеллектом. 14 декабря на пресс-конференции, где Владимир Владимирович Путин подводил итоги 2023 года, Президент Российской Федерации (далее – РФ), отвечая на вопрос об искусственном интеллекте, сказал: “Искусственный интеллект, надо ли его бояться? Но предотвратить развитие интеллекта, который начинает чувствовать запахи, иметь когнитивные способности, невозможно. А значит, нужно возглавить... Когда поняли, что ядерное оружие – угроза, начали договариваться. Так же будет и с искусственным интеллектом. Думать об этом стоит уже сегодня”. Также глава государства в своем ответе акцентировал внимание на необходимом подчинении искусственного интеллекта человеку: “...возглавить!”, что отражает проблему взаимоотношений между названными субъектами.

Активное использования технологий для решения юридических вопросов. LegalAI – это технология искусственного интеллекта, которая применяется в юридической сфере для автоматизации и оптимизации юридических процессов. Она использует алгоритмы машинного обучения и обработки естественного языка для анализа и интерпретации юридических документов, определения рисков и принятия решений на основе юридических данных. Разработка и применение данной и аналогичных программ отражает возможность угрозы замены юриста искусственным интеллектом.

Целью изучения проблемы является формирование понимания – искусственный интеллект помощник или конкурент современного юриста.

Термин искусственный интеллект (далее – ИИ) был введен известным американским специалистом в области информатики Джоном Маккарти на Дартмутском семинаре 1956 года. Справочник Исследовательской службы Конгресса США определяет искусственный интеллект как «компьютерную систему, обладающую когнитивными способностями, сравнимыми с человеческими» [6, р. 32].

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в РФ предлагается следующее определение: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» (п. 5).

Важно отметить, что оба определения акцентируют внимание на имитации «когнитивных функций» человека искусственным интеллектом и критерий «сопоставимости» результатов деятельности искусственного интеллекта с результатами интеллектуальной деятельности человека. Необходимо понимать, что ИИ – не робот из фильма и не система, обладающая сверхсовершенным разумом. Он, прежде всего, результат деятельности человека.

Такая информационная система как искусственный интеллект имеет сложную правовую природу. Вокруг данного понятия существуют недосказанности и неопределенности, что порождает дискуссии и противоречия как у теоретиков права, так и правоприменителей.

Одна из проблем касается правового статуса искусственного интеллекта как участника правоотношения. Существует несколько позиций:

1. Технологический подход: ИИ – субъект права. Приверженцы данного подхода говорят о том, что ИИ близок по статусу к физическому лицу или же вовсе нуждается в выделении отдельного вида субъекта – электронного лица;

2. Формально-юридический подход: ИИ – объект права. Это означает, что у ИИ есть автор и владелец, который осуществляет руководство и распоряжение данным объектом [2, с. 39].

Важно отметить, что признать ИИ субъектом права в РФ не позволяет действующее законодательство. Анализируя ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая звучит следующим образом: «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно

создано», мы видим, что законодатель прямо указывает на то, что автором произведения может являться именно физическое лицо, т.е. человек. То есть, в России необходимо рассматривать искусственный интеллект как объект правоотношений.

Главная проблема, по нашему мнению, заключается в отсутствии специального правового регулирования в связи со спецификой информационной сферы и искусственного интеллекта, а также в отсутствии единого подхода в понимании места ИИ.

Использование искусственного интеллекта ограничено согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Документ указывает на недопустимость использования искусственного интеллекта в целях умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также акцентирует внимание на предупреждении и минимизации рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта. Законодатель тем самым предоставляет гражданам защиту и обеспечивает их гарантиями в отношениях с искусственным интеллектом.

Таким образом, искусственный интеллект, как объект права, не способный самостоятельно владеть и распоряжаться результатами своей деятельности, применяемый лишь в полезной деятельности и для полезных целей, активно используется в жизни человека как средство и способ достижения результата.

В современном мире большая часть форм труда подвержена автоматизации. Шаблонный и элементарный труд, в целях оперативности и экономии, выполняет искусственный интеллект, что приводит к потере значительного числа рабочих мест. Так компания Amazon использует искусственный интеллект для обработки более 90% запросов клиентов, поступающих в ее службу поддержки, это позволило компании сократить количество сотрудников колл-центра и сэкономить значительные средства.

В данном трудовом аспекте интересным видится работа Дэвида Х. Аутора, профессора Массачусетского технологического университета, который в своих трудах исследовал изменения на рынке труда в связи с автоматизацией и развитием информационных технологий. В ходе исследования Дэвид Х. вывел “кривую Аутора”, которая отражает зависимость между сложностью компетенций и изменением уровня занятости. Анализируя кривую, можно отметить, что растет востребованность работников низкой и высокой квалификации, а востребованность работников со средней квалификацией сокращается. Следовательно, задачи, требующие средней квалификации, подвержены автоматизации, поскольку большинство из них шаблоны и могут выполняться с помощью технологий.

По аналогии, применительно к сфере юриспруденции, полагаем, что искусственный интеллект заменит тех юристов, которые заняты шаблонной работой и обладают средними навыками. Данная теория находит отражение в практической юриспруденции. На настоящий момент уже применяются подобные технологии. Так судьям в Англии и Уэльсе разрешили использовать искусственный интеллект, в частности ChatGPT, для составления судебных решений, о чем сообщает газета Telegraph.

В России искусственный интеллект тоже начал заменять юристов – Компания «Сбер» разработала искусственный интеллект под названием «Юрист», который помогает автоматизировать юридические процессы и консультировать клиентов по правовым вопросам. Система основана на машинном обучении и использует обширную базу данных правовых документов и судебных решений.

Также одним из примеров является применение ГАС в России – система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). СМЭВ обеспечивает обмен электронными документами между различными государственными органами, ведомствами и организациями. Система позволяет гражданам и бизнесу получать государственные услуги в электронном виде, не посещая государственные учреждения лично.

Такое активное внедрение искусственного интеллекта в деятельность юриста наталкивает на простые и тревожные вопросы: сможет ли искусственный интеллект заменить юристов в будущем и стоит ли современному юристу начинать задумываться о смене профессии? Для того, чтобы внести ясность, считаем необходимым провести сравнительный анализ навыков юриста и искусственного интеллекта, выявить недостатки и преимущества каждого.

Безусловно, главное преимущество искусственного интеллекта заключается в его способности обрабатывать большие объемы информации в кратчайшие сроки. ИИ способен анализировать огромные базы данных, обнаруживать связи и паттерны, что делает возможным выявление скрытых фактов и предоставление точных исследовательских данных. В отличие от людей, ИИ не устает и не подвержен эмоциональным влияниям, что позволяет ему работать более эффективно и точно. Это главный аргумент приверженцев использования искусственного интеллекта в юриспруденции, ведь юридическая деятельность в том числе заключается в работе с огромным массивом информации.

Еще одним преимуществом искусственного интеллекта является его способность автоматизировать рутинные задачи. Юридическая деятельность включает в себя повторяющиеся шаблонные процессы, такие как, например, анализ договоров и подготовка документов. Искусственный интеллект может выполнять эти задачи быстро и без ошибок, освобождая юристов для работы над более сложными и творческими аспектами своей профессии.

Однако, несмотря на все преимущества, искусственный интеллект имеет недостатки. Одним из основных ограничений его использования в юриспруденции является его неспособность понимать контекст и эмоции. В юридической работе, а в большей степени в судопроизводстве, важно учитывать не только сам текст документа, но и его смысловое содержание и эмоциональную окраску. В данном случае ИИ не может полностью заменить человека, так как не обладает такими функциональными возможностями, ему сложно учесть нюансы и особенности каждого конкретного случая. Кроме того, ИИ не может принимать решения на основе моральных и этических принципов, что является ключевым моментом в определенных юридических ситуациях.

Еще одним недостатком искусственного интеллекта является его ненадежность. Алгоритмы искусственного интеллекта основаны на данных, которые используются при выполнении определенных задач. Если данные содержат ошибки или основаны на субъективном отношении, то искусственный интеллект может генерировать неправильные результаты. Также ИИ как информационная система не застрахована от сбоев и иных ошибок программного обеспечения.

В свою очередь, юристы обладают рядом преимуществ перед искусственным интеллектом, которые позволяют им эффективно выполнять свою работу. Люди, принадлежащие данной профессии, способны анализировать сложные ситуации, учитывать контекст и эмоции, а также принимать решения на основе моральных и этических принципов. Кроме того, юристы владеют навыками коммуникации и умением работать с клиентами, что является важным аспектом их профессии, так как их деятельность направлена на регулирование общественных отношений, главным элементом которых является человек.

Безусловно, у юристов есть свои недостатки перед ИИ. Прежде всего, они люди, а не роботы, поэтому могут допускать ошибки, подвергаться эмоциональным влияниям и усталости. Юридическая деятельность действительно требует высокой концентрации и внимания к деталям, что может быть трудным для человека в течение длительного времени.

Абсолютное исключение человека из юридической сферы кажется нам невозможным. Развитие информационных технологий не гарантирует невозможность технических поломок, бесперебойной работы искусственного интеллекта. Все-таки сам по себе искусственный интеллект – технологический продукт человека, построенный на компьютерных программах. При вытеснении человека из юриспруденции, в

случае ошибки программного обеспечения, правовая сфера останется без управления, а это представляет опасность для государства и общества в целом.

В итоге сравнительный анализ показал, что искусственный интеллект и юрист имеют свои преимущества и недостатки друг перед другом. Важно подчеркнуть, что искусственный интеллект может быть полезным инструментом для автоматизации шаблонных задач и обработки больших объемов информации, но не может полностью заменить человека в критическом анализе контекста, в эмоциональном отношении и в принятии решений на основе моральных и этических принципов. Юристы, обладая профессиональными навыками и качествами, которые позволяют им эффективно выполнять сложные задачи, способны допускать ошибки и подвергаться эмоциональным факторам. Именно поэтому, на наш взгляд, оптимальным решением представляется комбинация, симбиоз использования функциональных возможностей искусственного интеллекта и профессиональной работы юристов, что позволит обеспечить оперативность и высокий профессионализм юридической деятельности.

Таким образом, для современного юриста искусственный интеллект является эффективным инструментом, облегчающий его рутинные профессиональные задачи. На наш взгляд для разрешения возможных коллизий в отношениях между юристом и искусственным интеллектом, необходимо принять законодательный акт, который бы определил место искусственного интеллекта в правовой системе, его правовой статус и пределы использования.

Подводя итог, с перспективой на будущее, мы считаем, что искусственный интеллект – информационный помощник современного юриста, позволяющий повышать свои профессиональные навыки и квалификацию. При грамотном подходе к использованию и применению искусственного интеллекта юридической профессии «ничего не угрожает».

Пристатейный библиографический список

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 05. – С. 157-170.
2. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7-18.
3. Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Ижаев О. А. Искусственный интеллект и право. От фундаментальных проблем к прикладным задачам. – М.: Проспект, 2022. – 104 с.
4. Ирискина Е. Н. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. – 2016. – № 10. – С. 63-72.
5. Наумов В. Б., Камалова Г. Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 81-91.
6. Martz J. G. Artificial intelligence is here, get ready! // Catholic University journal of law and technology. – Wash., 2019. – Vol. 28. № 1. – P. 32-50.

ГАЛУШИН Павел Викторович

кандидат технических наук, доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск

БЕЗГАЧЕВ Фёдор Владимирович

старший преподаватель кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ОБЪЯСНИМОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В данной статье рассматриваются возможности применения методов и систем искусственного интеллекта в процессе расследования уголовного дела. Дается краткий обзор возможностей использования подобных технологий в расследовании и рассмотрении уголовных дел, предложенных отечественными исследователями. В частности, рассматривается использование генеративно-сопоставительных сетей при производстве следственного действия «Предъявление для опознания» и больших языковых моделей (LLM) для подготовки процессуальных документов. В целом применение технологий искусственного интеллекта позволит снизить объём рутинной работы практикующими юристами. В качестве возможных рисков указывается падение квалификации юристов, использующих искусственные нейронные сети в своей деятельности. В качестве меры минимизации подобных рисков предлагается использование технологий объяснимого искусственного интеллекта.

Ключевые слова: уголовное дело, следственные действия, предъявление для опознания, искусственная нейронная сеть, генеративные модели, видеоконференцсвязь, большие языковые модели.

GALUSHIN Pavel Viktorovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Information and legal disciplines and special equipment sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

BEZGACHEV Fyodor Vladimirovich

senior lecturer of Information and legal disciplines and special equipment sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, Krasnoyarsk

POSSIBILITIES OF USING EXPLAINABLE ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES DURING THE INVESTIGATION OF A CRIMINAL CASE

This article discusses the possibilities of using artificial intelligence methods and systems in the process of investigating a criminal case. A brief overview of the possibilities of using such technologies in the investigation and consideration of criminal cases proposed by domestic researchers is given. In particular, the use of generative-adversarial networks in the production of the investigative action "Presentation for identification" and large language models (LLM) for the preparation of procedural documents is considered. In general, the use of artificial intelligence technologies will reduce the amount of routine work by practicing lawyers. A drop in the qualifications of lawyers using artificial neural networks in their activities is indicated as possible risks. The use of explicable artificial intelligence technologies is proposed as a measure to minimize such risks.

Keywords: criminal case, investigative actions, presentation for identification, artificial neural network, generative models, video conferencing, large language models.

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.: «Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [1].

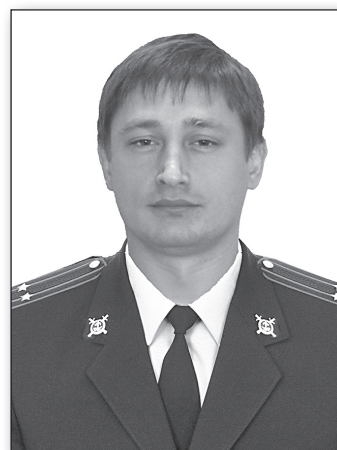
В современной литературе выделяют следующие реальные и потенциальные направления применения технологий искусственного интеллекта в расследовании и рассмотрении уголовных дел:

1. Организация деятельности по приему, регистрации, проверке и разрешению сообщений о преступлениях [14].
2. Заполнение процессуальных бланков (в виде места, времени и других данных), исправления ошибок и неточностей написания, а также транскрибирования устной речи следователя или другого участника уголовного процесса [13].
3. Выдвижение следственных версий [4].
4. Собрание и оценка допустимости доказательств [11].
5. Производство судебных экспертиз [6].
6. Формирование состава суда для рассмотрения конкретного уголовного дела [16].
7. Выявление коррупционных рисков [3].

Можно выделить следующие уровни автоматизации в ходе расследования уголовного дела, которые могут быть обеспечены с использованием моделей искусственного интеллекта.

Галушин П. В.

Безгачев Ф. В.

1. Модель оценивает, не является ли материал некачественным.

2. Модель указывает конкретные признаки и фрагменты, свидетельствующие о низком качестве материала.

3. Модель даёт рекомендации по улучшению материала.

4. Модель формирует шаблон материала или предлагает варианты решения, которые утверждаются человеком.

5. Модель принимает решения без участия человека.

Большинство исследователей согласны, что возложение принятия решений, оказывающих существенное влияние на жизнь человека, на системы искусственного интеллекта недопустимо [10]. Использование информационной системы создаёт ложное ощущение объективности. Действительно, нейронная сеть не подвержена коррупции и не имеет мотивации неправомерно смягчить или ужесточить наказание. Но любая система искусственного интеллекта функционирует на основе обучения на материалах реальных уголовных дел. Таким образом, системы искусственного интеллекта, применяемые в уголовном судопроизводстве, могут воспроизводить элементы предвзятости и необъективности, которые были совершены людьми.

Итак, принятие решений системами искусственного интеллекта в такой чувствительной сфере нецелесообразно. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать более низкие степени автоматизации расследования и рассмотрения уголовных дел.

Проще всего строить модели искусственного интеллекта, которые оценивают качество материалов, подготовленных человеком, без обоснования «причин», по которым была поставлена именно такая оценка. Это обусловлено тем, что именно задача классификации была одним из первых приложений искусственных нейронных сетей.

Конечно, для подобных систем потребуется обучающая выборка. Она может представлять собой, например, уголовные дела с указанием было ли дело возвращено прокурору, какой был вынесен приговор и т.д. После обучения на подобной выборке искусственная нейронная сеть будет способна предсказывать по материалам дела, какой будет вынесен приговор, прогнозировать вероятность возвращения дела прокурору и т.п. Применение подобных моделей может повысить качество направляемых в суд уголовных дел.

Аналогичные модели могут применяться для выявления недостаточно качественных отдельных материалов: протоколов, ходатайств и т.п. Нужна лишь достаточно представительная выборка соответствующих материалов, для которых указан критерий качества (например, признание доказательств допустимым).

Технологии искусственного интеллекта, предлагающие варианты решений или порождающие шаблоны материалов, могут быть построены на основе больших языковых моделей (для порождения текстов) и генеративно-состязательных сетей (для порождения визуальных изображений).

Генеративно-состязательная сеть (Generative adversarial network, GAN) представляет собой модель, состоящую из двух искусственных нейронных сетей: генеративной (нейросеть G) и дискриминативной (нейросеть D) [12]. Подобная архитектура была разработана под руководством Яна Гудфеллоу в 2014 г. Генеративная часть используется для порождения новых изображений, а дискриминативная часть старается максимально отсеять все образцы, которые существенно отличаются от обучающей выборки «естественных образцов».

Критерии качества сетей G и D противоположны: выигрыш генеративной части равен проигрышу дискриминативной, и наоборот, подобная ситуация в теории игр называется игрой с нулевой суммой [8].

Благодаря использованию переменных латентного пространства генеративная сеть на основе исходных реальных образцов пытается создать новые. Идея обучения генеративной части заключается в том, что генерирующая искусственная нейронная сеть учится очищать изображения от шума. В качестве обучающей выборки берутся пары изображения: исходное и искусственно зашумлённое. Цель обучения нейросети – преобразовывать зашумлённые изображения так,

чтобы получить изображение, как можно близкое к исходному изображению. По мере обучения уровень шума постепенно повышается. Таким образом, нейросеть обучается убирать всё более сильные искажения.

Обучения завершается, когда нейросеть становится способной восстанавливать изображение при уровне шума сопоставимом с «полезным сигналом», содержащимся в изображении. Для генерации изображений обученной нейросети на вход подаётся случайный набор данных (переменные скрытого пространства), то есть представляющий из себя шум без исходного изображения.

В ходе расследования уголовного дела генеративно-состязательные сети могут использоваться при проведении предъявления для опознания по видеоконференцсвязи. В этом случае роль нейросети сводится к генерации изображений несуществующих людей, которые предъявляются с изображением человека, который должен быть опознан [5].

Большие языковые модели [7] (large language model, LLM) – это искусственная нейронная сеть (алгоритм её обучения), которая может выполнять различные задачи обработки естественного языка. Большие языковые модели используют модели-трансформеры и обучаются с использованием огромных наборов данных (отсюда прилагательное «большие» в названии). Это позволяет им распознавать, переводить, прогнозировать или генерировать текст, близкий к сочинённому людьми.

Модель-трансформер – это наиболее распространённая архитектура большой языковой модели. Он состоит из кодера и декодера. Модель преобразователя обрабатывает данные путем токенизации входных данных, а затем одновременно выполняет математические уравнения для обнаружения связей между токенами. Это позволяет компьютеру видеть закономерности, которые увидел бы человек, если бы ему был задан тот же запрос.

Модели-трансформеры используют механизмы внимания, что позволяет модели обучаться быстрее, чем традиционные модели, такие как модели с длинной кратковременной памятью [15]. Внимание – это то, что позволяет модели преобразователя учитывать различные части последовательности или весь контекст предложения для генерации прогнозов.

Большие языковые модели могут использоваться для формирования первоначальных вариантов процессуальных документов. Например, обвинительного заключения, в этом случае на вход большой языковой модели подаются все материалы уголовного дела в электронной форме.

Подобное применение больших языковых моделей позволяет уменьшить объём рутинной работы для следователя. Однако существует и ряд недостатков [9].

Во-первых, у некоторых пользователей неизбежно возникновение излишнего доверия к материалам, порождаемым системами искусственного интеллекта, то есть они будут использовать такой текст не как заготовку, а просто распечатывать без какой-либо проверки. При этом возможны ошибки, например, в номерах статей Уголовного кодекса.

В итоге возникнет вопрос, что проще: полностью самостоятельно подготовить процессуальный документ или проверить и доработать текст, подготовленный большой языковой моделью.

Во-вторых, если качество документов, генерируемых нейросетями, окажется достаточно высоким, то у юристов будет все меньше необходимости вносить в них какие-либо правки, а значит и необходимости развивать и поддерживать соответствующие навыки. Безусловно, потребность в юристах высокой квалификации никогда не исчезнет, а системы искусственного интеллекта будут заменять человека в наиболее рутинных задачах, но остаётся открытым вопрос о том, насколько реалистично стать высококвалифицированным специалистом, не выполняя рутинные задачи в ходе обучения и профессионального роста.

Корнем проблемы является то, что современные большие языковые модели настолько сложны (содержат большое количество параметров, настраиваемых на основе обучающей выборки), что понять причины принятия конкретных решений такой системой не представляется возможным.

Для того, чтобы в процессе использования систем искусственного интеллекта квалификация пользователей (в рассматриваемом нами случае – юристов) не падала, представляется необходимым использовать модели так называемого объяснимого искусственного интеллекта. Под этим термином понимаются системы искусственного интеллекта, принципы работы которых понятны человеку, а также методы достижения такой понятности [2]. При использовании подобных моделей у человека остаётся хотя бы теоретическая возможность научиться чему-то новому.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта, такие как генеративно-состязательные сети и большие языковые модели могут быть использованы при расследовании уголовных дел. Однако, для того, чтобы внедрение подобных моделей в деятельность юристов не привело к долгосрочным негативным последствиям, необходимо использовать технологии объяснимого искусственного интеллекта.

Пристатейный библиографический список

- О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации: [от 10 октября 2019 г. № 490] // Собрание законодательства России Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
- Аверкин А. Н. Объяснимый искусственный интеллект как часть искусственного интеллекта третьего поколения // Речевые технологии. – 2023. – № 1. – С. 4-10. – EDN ONAIEY.
- Балалаева Ю. С. Роль искусственного интеллекта в выявлении и предупреждении коррупционных рисков в досудебном производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы противодействия коррупции в современных условиях: теория и практика: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21 декабря 2022 года / Под редакцией С. В. Горбачевой, М. В. Балалаевой. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. – С. 8-15. – EDN EOSTMZ.
- Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект в следственной деятельности: задачи и проблемы // Криминалистика. – 2020. – № 9. – С. 3-7.
- Безгачев Ф. В., Галушин П. В. Применение нейросетевого синтеза лиц для проведения следственного действия «предъявление для опознания» посредством видео-конференц-связи // Научные исследования, разработки и практические внедрения: материалы VII Международной научно-практической конференции: в 2 ч., Ставрополь, 31 января 2022 года. Том 1. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «Ставропольское издательство «Параграф», 2022. – С. 50-51. – EDN FWGLQO.
- Кияева Е. Ю. Применение технологий искусственного интеллекта при производстве экспертиз по уголовным делам // Правопорядок в России: проблемы совершенствования: XV Всероссийская конференция: сборник статей, Москва, 15-19 марта 2021 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. – С. 330-335. – EDN OUBOVL.
- Ковалев А. К., Панов А. И. Применение предобученных больших языковых моделей в задачах воплощенного искусственного интеллекта // Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления. – 2022. – Т. 508. № 1. – С. 94-99. – DOI 10.31857/S268695432207013X. – EDN IKOLKF.
- Крейнес Е. М., Новикова Н. М., Поспелова И. И. Равновесие и компромисс в многокритериальных играх двух лиц с нулевой суммой // Известия Российской академии наук. Теория и системы управления. – 2020. – № 6. – С. 60-82. – DOI 10.31857/S0002338820060086. – EDN KPQDIY.
- Кузнецов А. В. Цифровая история и искусственный интеллект: перспективы и риски применения больших языковых моделей // Новые информационные технологии в образовании и науке. – 2022. – № 5. – С. 53-57. – DOI 10.17853/2587-6910-2022-05-53-57. – EDN VFYSAN.
- Малина М. А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 91-97. – DOI 10.31857/S102694520018277-5. – EDN VDPSAS.
- Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса: искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. – 2021. – № 2. – С. 29-32. – DOI 10.18572/1812-3783-2021-2-29-32. – EDN RMBHBS.
- Уздяев М. Ю., Левоневский Д. К., Шумская О. О., Летенков М. А. Методы детектирования агрессивных пользователей информационного пространства на основе генеративно-состязательных нейронных сетей // Информационно-измерительные и управляющие системы. – 2019. – № 17 (5). – С. 60-68.
- Палиева О. Н., Семенцова И. А. Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе расследования уголовных дел // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2021. – № 2 (28). – С. 35-40. – DOI 10.21777/2587-9472-2021-2-35-40. – EDN SBTMEE.
- Прохорова Е. А., Саморока В. А. Возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта на стадии возбуждения уголовного дела // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 2. № 1 (3). – С. 80-87. – EDN NYNLBW.
- Сметанина О. Н., Сазонова Е. Ю., Андрушко Д. Ю. Программно-аппаратный комплекс для оценки надежности с использованием искусственного интеллекта // Современные наукоемкие технологии. – 2020. – № 7. – С. 90-97. – DOI 10.17513/snt.38140. – EDN NCVHJV.
- Шереметьев И. И. Использование искусственного интеллекта при формировании состава суда для рассмотрения уголовного дела // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Москва, 04–06 апреля 2019 года. Том Часть 3. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2019. – С. 121-129. – EDN GWSFCA.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права
Института права Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать становление и последующее развитие института уголовной ответственности за совершение уголовных правонарушений – преступлений в области налогов и сборов. Раскрываются проблемные вопросы улучшения диспозиций уголовно-правовых норм, регламентирующих признаки опасности деяний, представляющих опасность как для личности в частности, так и для широкого круга лиц в целом, что позволяет формулировать запрещенные правила поведения и соответственно криминализуют уголовные правонарушения в налоговой сфере. Автором выявлена взаимосвязь между налоговыми преступлениями и действиями криминалитета, заключающаяся в увеличении финансовых возможностей последних посредством перетекания к ним неучтенных денежных средств.

Ключевые слова: налог, сбор, диспозиция, кодекс, налоговое преступление, налоговый агент, ложные сведения.

Дибиров Ю. С.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY FOR TAX CRIMES

This article attempts to investigate the formation and subsequent development of the institution of criminal responsibility for the commission of criminal offenses – crimes in the field of taxes and fees. The problematic issues of improving the dispositions of criminal law norms regulating the signs of danger of acts that pose a danger to both the individual in particular and to a wide range of persons in general are revealed, which allows us to formulate prohibited rules of conduct and, accordingly, criminalize criminal offenses in the tax sphere. The author has identified the relationship between tax crimes and the actions of criminals, which consists in increasing the financial capabilities of the latter through the flow of unaccounted-for funds to them.

Keywords: tax, collection, disposition, code, tax crime, tax agent, false information.

Ни одна отрасль российского права не имеет прерогативы на такой институт как «налоговая ответственность», отмечает Ю. А. Крохина, чью позицию мы полностью разделяем [6, с. 354]. Следовательно, основной кодифицированный акт в области налогов и сборов – Налоговый кодекс РФ аналогично не является исключительным правовым актом – регулятором, который регулирует вопросы, связанные с регулированием или регламентацией таких вопросов как: а) порядок применения мер; б) условия наступления ответственности за совершение деликтов в области налогообложения [2, с. 22].

Термин «налоговая преступность» нашел свое использование в российской научной литературе с середины 90-х годов XX века [1, с. 59-60].

Действующий УК РФ не содержит такого термина как налоговые преступления, а те статьи, которые регламентируют криминализацию налоговых правонарушений содержатся в Главе 22 УК РФ – «Преступления в сфере экономической деятельности»¹.

Изначально, с 1 января 1997 года, вступивший в юридическую силу УК РФ в качестве налогового преступления закреплял только уклонение от уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей в статье 194-й «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица», а также статьи 198-я и 199-я [3].

ФЗ от 25.06.1998 года изложил эти статьи в новой редакции². В декабре 2003 г. текст статьи 194-й Уголовного кодекса РФ был изменен³, статьи 198-я и 199-я были основательно отредактированы. Также, текст УК РФ был дополнен двумя новыми статьями, предусматривающими ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента – статья 199.1 и сокрытие денежных средств либо имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов – статья 199.2.

В дальнейшем редактирование вышеназванных статей УК РФ было продолжено. Так, в частности статьи 198, 199 и 199.2. УК РФ редактировались и в июле 2017 года. Касаясь отдельных частей этих статей, нужно отметить и то, что их изменение продолжалось и позже.

Эти изменения в УК РФ направлены на приведение в соответствие правовых норм, содержащихся в этом кодифицированном акте с актуальным налоговым законодательством, учитывая прогрессирующие социальные отношения.

Анализ актуального уголовного законодательства, с одной стороны, позволяет констатировать высокую степень обеспечения уголовной защиты правоотношений, что достигается в частности, введением ответственности налогового агента, а с другой стороны, исключение сложностей на пути

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 25.06.1998 г. № 92-ФЗ // Российская газета, 1998. – 27 июня. – № 120.

3 О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета, 2003. – 16 декабря. – № 252.

практической реализации правовых норм, удалив «иные способы» совершения преступлений в налоговой области.

Так, в частности А. П. Зрелов [3, с. 109-116], считает, что современное уголовное законодательство России содержит всего пять статей, которые криминализируют налоговые преступления, - это статьи: 194, 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ. То есть, по его мнению, видов налоговых преступлений всего три: а) уклонение от уплаты налоговых платежей в рамках статей 194-й, 198-й, 199-й; б) нарушение обязанностей по удержанию и перечислению налоговых платежей в рамках статьи 199.1; в) воспрепятствование принудительному взысканию налоговых платежей в рамках статьи 199.2.

Однако, спектр мнений ученых касательно составов налоговых преступлений достаточно широкий.

Большинство ученых-юристов считает, что налоговыми преступлениями являются только непосредственно посягающие на отношения, возникающие в связи с уплатой налогов и сборов в бюджет и государственные внебюджетные фонды, деяния, а именно, если лицо, обязанное платить налоги не исчислило, не уплатило или не перечислило налог и (или) сбор в отечественную бюджетную систему. Следовательно, большинство ученых, исследующих эту область науки считает таковыми статьи: 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, исключая из этого списка статью 194 УК РФ [5, с. 13-14].

Представляет также научный интерес позиция таких ученых как В. А. Кинбургская и А. А. Ялбулганов [4, с. 115], которые очень осторожно относились к налоговым преступлениям деяния, направленные против установленного порядка налогообложения, посягающие на порядок функционирования налогового органа, осуществляющего налоговый контроль для изобличения и привлечения к ответственности виновных лиц. К таковым, в частности можно отнести преступление, каким является умышленное занижение размеров платежей за землю в соответствии со статьёй 170-й УК РФ. При этом, они категорически не согласны со взглядом А. П. Зрелова и М. В. Краснова в части чересчур вольного расширения списка налоговых преступлений, в частности включения в него состава, предусмотренного статьёй 194 УК РФ, образуемого уклонением от уплаты таможенных платежей.

В целом, с этим мнением трудно согласиться, так как налоги, которые взимаются при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС в любом случае являются налогами. Но здесь различаются объекты посягательства: таможенные и налоговые правоотношения. Так, в соответствии со статьей 46 ТК ЕАЭС к таможенным платежам относятся: «налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию Союза; акцизы (акцизный налог или акцизный сбор), взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию Союза»⁴.

Анализ статей 198 и 199 УК РФ в актуальной редакции выявляет унификацию их диспозиций в части описания составов преступлений.

Расширение спектра воздействия на правовое поле связано с включением в предмет непосредственного преступления денежной массы, поступающей в многоуровневую бюджетную систему, и образующейся за счет сборов. Получил свою правовую регламентацию отказ законодателя от специфического вида освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного для налогового преступления.

В соответствии со статьёй 198 УК РФ в актуальной редакции, привлекаться к уголовной ответственности могут только физические лица, уклоняющиеся от уплаты любого налога или сбора, предусмотренных НК РФ. Поменялись

также, хотя и не полностью, способы уклонения от уплаты налогов и сборов. К ним относятся непредставление декларации, а также таких документов, приложение которых к декларации является обязательным, либо представление указанных документов, которые содержат ложные сведения. Диспозиции статей 198 и 199 УК РФ содержат закрытый перечень способов совершения преступления и не содержат исключенных способов совершения преступления, заключающихся во «включении в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах», а также «иных способов».

В этой связи, И. И. Кучеров отмечает невозможность наступления ответственности за уклонение от уплаты налогов в случае отсутствия предусмотренного законом порядка представления документов в уполномоченные органы.

Законодатель отказался от таких слов как «доходы или расходы» в пользу термина «ложные сведения», который лучше передает информацию, характеризующую финансовое, а также хозяйственное положение плательщиков налогов и (или) сборов, так как могут затрагивать самые разные стороны их хозяйственной деятельности.

Что касается исключения включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных, то на это сильно повлияло то, что в уголовно-правовой литературе нет однозначного понимания понятия «бухгалтерский документ», что в конечном итоге затрудняло определение стадий совершения налоговых преступлений.

Удалив из текста статей 198-й и 199-й УК РФ указание на «иной способ» совершения преступлений, законодатель во многом сузил правовой спектр воздействия уголовно-правовых норм, так как старая редакция закона охватывала больший круг совершаемых преступлений.

Встречались самые разные формы «инового способа» совершения налоговых преступлений. Так, в частности граждане или же организации могли в установленный срок представить налоговую декларацию, при этом не погасив задолженность.

Главным условием уголовной ответственности остается размер уклонения от уплаты налогов, который в соответствии с уголовным законом должен быть признан крупным или особо крупным.

Как известно, уголовно-правовая литература связывает момент окончания налогового преступления со сроком уплаты налога, закрепленного в НК РФ. Ни налоговое законодательство РФ, ни акты КС РФ, ни сложившаяся практика рассмотрения налоговых споров в суде не предоставляют основания пересмотреть момент окончания налогового преступления. К тому же в примечаниях статей 198-й и 199-й УК РФ говорится о конкретных суммах неуплаченных налогов, что наносит прямой ущерб многоуровневому российскому бюджету.

Последние редакции статей 198-й и 199-й УК РФ не приносят новое в субъективную часть состава преступлений. Название статьи 198-й УК РФ изменившись на ... «с физического лица, а не физическим лицом» могло бы создать неопределенность в вопросе расширения круга возможных субъектов преступлений, если бы не статья 199.1-я УК РФ, которая устанавливает ответственность налогового агента.

Статьи УК РФ (198-я, 199-я, 199.1-я), закрепляют требования, исключающие обстоятельства отягчающего характера в виде неоднократности, а также имеющейся судимости за совершенные преступления, по этим же статьям.

Главной причиной установления уголовной ответственности налогового агента является повышенный уровень вовлеченности в реализуемые схемы по уклонению от уплаты налогов плательщиками налогов и сборов как в крупном, так и в особо крупном размерах. Криминализирующий признак проявляется в размере неуплаченных вышеуказанных платежей.

4 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 25.12.2023).

Обязательное условие наступления уголовной ответственности за налоговое преступление проявляется в личном интересе налогового агента, заключающемся в корыстном стремлении к обогащению посредством неуплаченных налогов и (или) сборов.

В правоприменительной практике возникали многочисленные проблемные ситуации, при которых не получалось квалифицировать деяния налоговых агентов, из-за их содействия уклонению плательщиков налогов и сборов от их уплаты. Если налоговый агент исчислял и удерживал налог, но не перечислял его в бюджетную систему РФ, то в данном случае возникала налоговая, а не уголовная ответственность (по статье 123-й НК РФ). Личный интерес организации заключался в потребности улучшения финансового положения организации.

Можно также заметить и то, что между составами преступлений, предусмотренных статьями 199.1 и 201 УК РФ прослеживается прямая связь, так как, по сути, состав предусмотренный статьей 199.1. можно назвать специальным, а состав предусмотренный статьей 201, соответственно, общим. Думается, что квалификация деяний, совершаемых плательщиком налогов и сборов, не прямо подпадающих под действие статей 198 и 199 УК РФ, в некоторых случаях должны квалифицироваться в качестве соучастия в преступлении, закреплённом статьёй 199.1 УК РФ.

Отнесенное законодателем к налоговым преступлениям деяние, состоящее в «сокрытии денежных средств либо имущества организации или предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов» (ст. 199.2 УК), посягает как на порядок, в соответствии с которым уплачиваются налоги и сборы, так и на процедуру взыскания долгов по налогам и сборам.

Предмет преступления, регламентированного статьёй 199.2 УК РФ может иметь как денежный, так и имущественный характер, не считая видов имущества, на которое запрещено обращать взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством. Также в 199.2-й статье УК РФ не прописывается взыскание пеней в отличие от специфики НК РФ, в котором предусмотрен порядок взыскания такого рода задолженности.

Анализ диспозиции статьи 199.2-й УК РФ показывает, что в фокусе внимания находится совершение действий, которые направлены на мнимое изъятие из собственности хозяйствующего субъекта как денежных средств, так и имущества в крупном или особо крупном размерах, посредством которых должны быть взысканы недоимки по налогам и сборам – «налоговые долги», то есть произведено реальное изъятие из собственности хозяйствующего субъекта сокрытых денежных средств и (или) имущества.

Такого рода действия препятствуют обращению взыскания на имущество, законность происхождения которого, не подвергается сомнению с одной стороны, а с другой стороны на него в силу прозрачности легко может обратиться взыскание государство, тем более, что денежные средства, например, находятся в банках.

Говоря о причинах образования задолженности, нужно отметить то, что они могут сильно различаться. Это, во-первых, способы, которые непосредственно направлены на уклонение от уплаты налогов и (или) сборов; во-вторых, правильный расчет и начисление налогов, являющиеся лишь частью процесса уплаты налогов и сборов, оставшихся неуплаченными в силу разных причин. Важнейшей частью этого процесса является, конечно, факт уплаты.

Временем совершения преступления является хронологический отрезок между днем, с которого наступает срок уплаты и моментом установления факта сокрытия потенциально пригодного имущества или денежной массы компетентными органами.

Выводы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать ряд выводов.

1) Налоговая преступность выступает в виде общественно опасного социального и правового явления, зарождающегося в результате глубоких разногласий в связи с распределением денежной массы между уровнями бюджетной системы, связанных с наложенной Конституцией РФ обязанностью платить налоги и сборы, а также действиями органов, осуществляющих контрольные функции по мониторингу, регистрации и учету финансовых операций;

2) в структуру налоговой преступности входят те преступные деяния, которые направлены против государственной власти в стране, что заключается в посягательствах на интересы государства в создании и функционировании стабильно функционирующей налоговой системы, а также на предпринимаемые государством меры по обеспечению экономической безопасности;

3) в случае нарушения законно установленного порядка реализации государственной власти должностными лицами налоговых органов, а также государственных внебюджетных фондов наступают последствия опасные для всего социума, такие как несоблюдение принципов общественной справедливости и равенства, политическая дестабилизация и внутренняя напряженность в обществе, нарушение надежного функционирования российской бюджетной системы и государственных внебюджетных фондов;

4) достаточно часто налогоплательщики, уклоняясь от уплаты налогов и сборов, своими действиями способствуют тому, что «высвободившимися» денежными средствами распоряжается в итоге криминальный элемент, который может направить их на обеспечение самых разных антисоциальных миссий.

Пристатейный библиографический список

1. Баграев С. П. О понятии налоговой преступности // Финансовое право. – 2004. – № 5. – С. 59-60.
2. Виды налоговых правонарушений. Теория и практика применения / Под ред. А. В. Брызгалина. – Екатеринбург, 2004. – 304 с.
3. Зрелов А. П., Краснов М. В. Налоговые преступления. – М.: Статус-Кво 97, 2004. – 192 с.
4. Кинсбургская В. А., Ялбулганов А. А. Налоговые преступления по законодательству Российской Федерации. Научно-практический комментарий законодательства и судебной практики. – М.: Юнити, 2008. – 612 с.
5. Кучеров И. И., Соловьев И. Н. Уголовная ответственность за налоговые преступления. Комментарий. – М., 2004. – 121 с.
6. Налоговое право России: Учебник для вузов / Отв. ред. Ю. А. Крохина. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2004. – 720 с.

ДОРОЖКИН Иван Олегович

военный прокурор отдела надзора военной прокуратуры Восточного военного округа

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В российской науке достаточно давно дискутируется вопрос о необходимости внесения дополнений в уголовное законодательство в части установления уголовной ответственности юридических лиц. Автор подвергает сомнению целесообразность введения в российское законодательство норм об уголовной ответственности юридических лиц, поскольку провозглашаемые сторонниками данной концепции цели могут быть достигнуты уже существующими правовыми средствами. В обоснование своей позиции он обращает внимание на источники появления идеи привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, а также отмечает стремление законодателя даже в сфере гражданского права установить конкретное лицо, виновное в принятии решений, реализуемых организацией. Кроме того, анализируются и соотносятся российской законодательством санкции, предусмотренные в отношении юридических лиц иностранными уголовными кодексами. Обращается внимание на то, что идея увеличения размера штрафных санкций может разбиться о невозможность их взыскания.

Ключевые слова: юридические лица, уголовная ответственность, прокалывание корпоративной вуали, санкции.

DOROZHNIK Ivan Olegovich

Military Prosecutor of the Supervision Department of the Military Prosecutor's Office of the Eastern Military District

ON THE QUESTION OF THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES

In Russian science, the question of the need to make additions to the criminal legislation regarding the establishment of criminal liability of legal entities has been debated for a long time. The author questions the expediency of introducing norms on criminal liability of legal entities into Russian legislation, since the goals proclaimed by supporters of this concept can be achieved by existing legal means. In substantiation of his position, he draws attention to the sources of the idea of bringing legal entities to criminal responsibility, and also notes the desire of the legislator, even in the field of civil law, to identify a specific person guilty of making decisions implemented by the organization. In addition, the sanctions provided for by foreign criminal codes against legal entities are analyzed and correlated in Russian legislation. Attention is drawn to the fact that the idea of increasing the size of penalties may break down about the impossibility of collecting them.

Keywords: legal entities, criminal liability, piercing of the corporate veil, sanctions

В российской науке достаточно давно дискутируется вопрос о необходимости внесения дополнений в уголовное законодательство в части установления уголовной ответственности юридических лиц. Сторонниками этой идеи, как правило, приводятся несколько аргументов. Прежде всего, с положительным решением данного вопроса связывается повышение эффективности использования уголовно-правовых средств противодействия преступлениям, совершаемым в сферах экономики и экологии [5], [7], [9], а в современных условиях в сфере обеспечения кибербезопасности. При этом весьма распространенным аргументом является приверженность законодателя целого ряда государств представлением о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц в условиях трансформации преступности и выхода ее за национальные границы государств [4, с. 3], а также внедрение подобной практики в национальном законодательстве, как странах Западной Европы, так и на постсоветском пространстве [2], [10].

Действительно, концепция корпоративной уголовной ответственности получила развитие и проникла в правовые режимы значительного числа государств либо вследствие выполнения обязательств в рамках Конвенции ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года¹, либо в ответ на меры, принимаемые США для обеспечения соблюдения их Закона о коррупции за рубежом от 19 декабря 1977 г. (Foreign Corrupt Practices Act²), который с принятием в 1998 году некоторых поправок фактически стал носить экстерриториальный характер и применяться к иностранным фирмам и лицам, которые прямо или через агентов способствуют осуществлению коррупционных платежей на территории США. Последнее, по-видимому, оказалось более значимым, учитывая, что ОЭСР не настаивает исключительно на механизме уголовной ответственности, указывая лишь на обязательство присоединившихся государств принимать необходимые меры, предусматривающие ответственность юридических лиц за подкуп иностранного должностного лица, в соответствии со своими правовыми принципами. И если в соответствии с правовой системой какой-либо Стороны уго-

ловая ответственность к юридическим лицам неприменима, то государство должно обеспечить применение эффективного и соразмерного неуголовного наказания, носящего сдерживающее воздействие, включая финансовые санкции (ст. ст. 2, 3).

В качестве аргумента в пользу введения уголовной ответственности юридических лиц указывается на возможность установления существенно более высоких штрафных санкций с оглядкой на тот же опыт применения Foreign Corrupt Practices Act, давший основания для наложения санкций в размере 1,6 млрд. долл. на корпорацию Siemens AG, ФРГ в 2008 г. (в т. ч. 800 млн. долл. в пользу министерства юстиции США и комиссии по ценным бумагам и биржам США), а в 2017 г. – 2,6 млрд. долл. на корпорацию Odebrecht, Бразилия (в т. ч. 93 млн. долл. в пользу властей США) [8]. Делается акцент и на процессуальных последствиях введения данного института. В частности, высказывается мнение, что в рамках уголовного процесса юридическим лицам будет предоставлено больше процессуальных гарантий, вследствие чего это «в какой-то степени будет выгодно им самим». Создадутся и предпосылки для международного взаимодействия в рамках уже достигнутых соглашений о правовой помощи по уголовным делам, которые не распространяются на производство по делам об административных правонарушениях [5, с. 35].

Между тем, целесообразность введения данного правового института вызывает сомнения. Ключевым моментом, безусловно, является вопрос о субъекте преступления. И дело даже не в том, что юридическое лицо нередко рассматривают как фикцию. Подобный аргумент, действительно, может быть опровергнут со ссылкой на возможность рассмотрения юридических лиц в качестве субъектов гражданско-правовой и административной ответственности, на что справедливо указывает В. В. Качалов [5, с. 34-35]. Главное, что, как правило, не замечают специалисты в области уголовного права, это кардинальное изменение подходов к механизму гражданско-правовой ответственности, которое произошло благодаря проникновению в российскую правовую систему доктрины «прокалывания кооперативной вуали», что сначала проявилось на уровне судебной практики, а затем, фактически получило законодательное закрепление.

Речь идет о стремлении выявить конкретное лицо, принявшее решение, реализованное позднее от имени корпорации, с целью переложить на него обязательства и ответственность компании. Реализация данного подхода характерна для случаев совершения правонарушения контролирующими лицами как особой разновидности злоупотреблений корпоративной правосубъек-

1 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902343859?ysclid=lg9erwauny544268388>.

2 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/95/statute/STATUTE-91/STATUTE-91-Pg1494.pdf>.

тностью, которые могут выражаться в использовании автономии юридического лица для нарушения действующего законодательства либо воспрепятствования его осуществлению [3]. Выявление данного обстоятельства дает право суду игнорировать юридическую самостоятельность компании и отожествлять ее с участниками, осуществляющими контроль и управление ею.

Правовым основанием для этого в России являются положения главы III. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»³, устанавливающие ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве. К числу последних, в частности, отнесены физические лица, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. Предполагается, что такая возможность может вытекать из разных обстоятельств, начиная с факта нахождения с руководителем или членами органов управления должника в отношении родства или свойства, должностного положения, а также наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии, заканчивая должностным положением, включая замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника, а также иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника (ст. 61.10). Причем решения о привлечении указанных лиц к ответственности по долгам юридического лица в настоящее время исчисляются тысячами. Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов его коллегиальных органов и лиц, определяющих действия юридического лица, предусматривается также нормами ст. 53.1 ГК РФ. Все это свидетельствует о стремлении установить конкретного субъекта, который использовал конструкцию юридического лица в противоправных целях. Подобный подход, помимо прочего, позволяет игнорировать тот факт, что филиалы и представительства не являются юридическими лицами, что считается одной из проблем в реализации потенциального механизма привлечения юридического лица к уголовной ответственности.

Сомнительным представляется и утверждение о повышенной общественной опасности деяний юридического лица [6, с. 9]. Масштабы его деятельности, с которыми нередко связываются повышенные риски причинения ущерба, обусловлены существованием правовых конструкций, позволяющих объединять капиталы и имущество значительного числа физических и иных юридических лиц, что влечет усложнение механизмов управления активами, но не означает принципиальной невозможности установить лиц, ответственных за принятие конкретного решения.

Вопрос и целесообразности введения рассматриваемого правового института непосредственно связан и с определением применимых к юридическому лицу санкций. Считается, что наиболее широкий их перечень представлен в Уголовном кодексе Франции 1992 г.⁴, где к их числу отнесены: штраф; возмещение ущерба; прекращение деятельности; окончательный или на срок до пяти лет запрет прямого или косвенного осуществления определенных видов деятельности; помещение на срок до пяти лет под судебный надзор; окончательное или на срок не более пяти лет закрытие всех или отдельных предприятий компании, которые использовались для совершения инкриминируемых деяний, исключение из государственных закупок на постоянной основе или на срок не более пяти лет; запрет размещения на постоянной основе или на срок до пяти лет среди населения финансовых ценных бумаг или допуска их ценные бумаги к торгам на регулируемом рынке; конфискацию активов; запрет на срок до пяти лет на получение любой государственной помощи; публикацию вынесенного решения или его распространение либо через печатные СМИ, либо с помощью любых средств коммуникации с общественностью в электронном виде, что как предполагается, должно отразиться на деловой репутации; конфискация животного, которое использовалось для совершения преступления или в отношении которого было совершено преступление;

окончательный или на срок до пяти лет запрет на содержание животного (ст. 131-39 УК Франции).

Из этого перечня видно, что одна из санкций (возмещение вреда) характерна для реализации гражданско-правовой ответственности, остальные имеют соответствующие аналоги в российском административном законодательстве. Сам факт существования юридического лица является административным актом признания его создания, реорганизации или ликвидации, осуществляемым путем внесения соответствующих данных в ЕГРЮЛ⁵. То же самое касается ограничений и запретов на осуществление отдельных видов деятельности, возможности внесения в реестр недобросовестных поставщиков, ограничение на получение бюджетных кредитов, эмиссию ценных бумаг и пр. При этом нельзя не отметить, что во Франции нет аналога нашего Кодекса об административных правонарушениях.

Говоря о размере санкций, нельзя не отметить, что в современных условиях штрафы, особенно оборотные, могут быть весьма значительны. Главной проблемой, которую не решить переносом правовых норм из КоАП РФ в УК РФ, является возможность их фактического взыскания, учитывая многочисленные схемы вывода активов.

С учетом вышеизложенного, представляется не вполне оправданным введение в российское законодательство норм об уголовной ответственности юридических лиц, поскольку провозглашаемые сторонниками данной концепции цели могут быть достигнуты уже существующими правовыми средствами. Более обоснованной представляется трактовка юридического лица как средства совершения преступления [1, с. 154]. Именно в таком контексте, УК РФ рассматривает его в ст. 193, связывая нарушение валютного законодательства с использованием юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом.

Пристатейный библиографический список

1. Бальжинмаева В. В. Юридическое лицо как средство, способ и орудие совершения преступления // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 154-163.
2. Бирюков П. Н. Уголовная ответственность юридических лиц в государствах – членах ЕС. – Воронеж: ИД ВГУ, 2015. – 319 с.
3. Воложбенская Д. И. Дело *Prest v. Petrodel* и концептуализация доктрины проклявания корпоративной вуали в Великобритании // *Российский судья*. – 2021. – № 7. – С. 60-64.
4. Демин С. Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 25 с.
5. Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *Lex russica*. – 2016. – № 12 (121). – С. 32-40.
6. Минин Р. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в России: проблемы обусловленности и регламентации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – 21 с.
7. Сизова В. Н. Институт уголовной ответственности юридических лиц в системе российского уголовного законодательства: к вопросу определения субъекта // *Академическая мысль*. – 2021. – № 4 (17). – С. 36-38.
8. Трофимов Е. В. Закон США о зарубежной коррупционной практике 1977 г. и международно-правовые инициативы по глобальному противодействию коррупции: проблемы криминализации и администрирования сомнительных операций транснациональных корпораций в 1970-х гг. // *Право и политика*. – 2019. – № 2. – С. 30-48.
9. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // *Право и цифровая экономика*. – 2021. – № 1 (11). – С. 5-12.
10. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах. – М.: Юрлитформ, 2022. – 248 с.

3 См.: Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. От 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» гл. III.2 // *Собрание законодательства РФ*. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

4 См.: Code pénal: Section 2: Des peines applicables aux personnes morales. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/

5 См.: Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» ст. 1 // *Собрание законодательства РФ*. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.

ДЫРМА Сергей Валерьевич

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского Университета МВД России, подполковник полиции

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРАЖАМ И МОШЕННИЧЕСТВАМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются понятие и особенности преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Рассматривается уголовно-правовая характеристика краж и мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, как наиболее распространенных видов IT-преступлений. Автором определены основные проблемы противодействия кражам и мошенничествам рассматриваемой категории. Опираясь на исследуемые проблемные вопросы в рамках представленной темы, а также результаты проведенного эмпирического исследования, автором обосновывается необходимость совершенствования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в вопросах предупреждения и раскрытия краж и мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, по конкретным направлениям.

Ключевые слова: кража, мошенничество, информационно-коммуникационные технологии, правовое регулирование, экстерриториальность, анонимизация, профилактика.

DYRMA Sergey Valerjevich

senior lecturer of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PROBLEMS OF COUNTERING THEFT AND FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

The article discusses the concept and features of crimes committed using information and communication technologies. The article considers the criminal and legal characteristics of thefts and frauds committed using information and communication technologies as the most common types of IT crimes. The author identifies the main problems of countering theft and fraud in this category. Based on the studied problematic issues within the framework of the presented topic, as well as the results of an empirical study, the author substantiates the need to improve the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the prevention and disclosure of theft and fraud committed using information and communication technologies in specific areas.

Keywords: theft, fraud, information and communication technologies, legal regulation, extraterritoriality, anonymization, prevention.

В условиях повсеместной информатизации современного общества очевидным фактом является то, что преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий¹, приставляют серьезную угрозу складывающимся отношениям в экономической, политической, социальной и других сферах жизни общества и государства.

На современном этапе одним из важнейших приоритетов правоохранительной деятельности в Российской Федерации является выработка и совершенствование механизмов наиболее эффективного противодействия деятельности криминальных структур, активно использующих достижения в области информационных технологий для совершения преступлений против личности, собственности, общественного порядка и общественной безопасности.

Следует отметить, что законодательного оправдания термин «IT-преступления» или «преступления, совершённые с использованием информационно-коммуникационных технологий» не имеет. Вместе с тем анализ отдельных некоторых нормативных актов позволяет определить содержание рассматриваемого понятия.

Так, согласно статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационные технологии представляют собой процессы, методы поиска, сбора, хране-

Дырма С. В.

ния, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. Информационно-телекоммуникационная сеть представляет собой технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники².

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии, будучи более широким понятием по отношению к информационно-телекоммуникационным технологиям, представляют собой совокупность методов, процессов и устройств, позволяющих получать, собирать, накапливать, хранить, обрабатывать и передавать информацию между пользователями.

IT-преступления предполагают активное использование информационно-коммуникационных технологий при осуществлении объективной стороны того или иного преступления.

Например, злоумышленник с использованием сети интернет создает сайт или иной информационный ресурс с предложением об инвестиционных вложениях в области криптовалюты. Доверчивые граждане зачисляют свои денежные средства на якобы инвестиционный счет неизвест-

¹ Далее – IT-преступления.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 02.06.2022).

ного лица в расчете на потенциальную прибыль. Однако, в последующем выясняется, что вывод денежных средств с псевдоинвестиционного счета невозможен, а денежные средства поступают в распоряжение злоумышленника.

В рассматриваемой ситуации объективная сторона мошенничества, выразившаяся во введении в заблуждение потерпевшего, осуществлялась при непосредственном использовании глобальной сети «Интернет». Получение денежных средств, добытых преступным путем, было реализовано злоумышленником также с использованием информационных технологий, а именно с использованием банковского счета. Таким образом, данное преступление было совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Рассмотрим следующий пример: приобретатель и сбытчик наркотических средств с использованием средств мобильной связи договариваются о времени и месте совершения сделки купли-продажи наркотических средств. В последующем сбыт наркотических средств осуществляется при личной встрече приобретателя и сбытчика.

В данной ситуации информационно-коммуникационные технологии, а именно средства мобильной связи, использовались лишь при подготовке к совершению рассматриваемого преступления, но не при реализации его объективной стороны, ввиду чего отнести его к категории IT-преступлений было бы ошибочно.

В структуре IT-преступности существенную долю (более 70 % согласно статистическим сведениям за 2022 год) занимают преступления против собственности, а именно кражи и мошенничества.

Рассматривая вопрос IT-преступлений против собственности, необходимо учесть принятый 23.04.2018 Федеральный закон № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», согласно которому были внесены изменения в статью 158 УК РФ, часть третья была дополнена пунктом «г» - «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса)». Таким образом, преступления данной категории перешли в разряд тяжких.

Кроме того, Федеральный закон № 111-ФЗ внес изменения в статью 159.3 УК РФ, которая изложена как «мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Вместе с тем, несмотря на ежегодный динамичный рост регистрации мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации до настоящего времени нет специального квалифицирующего признака, указывающего на более высокий уровень общественной опасности подобных преступлений.

Рассматривая уголовно-правовую характеристику кражи и мошенничества, совершаемых и использованием информационно-коммуникационных технологий, следует подчеркнуть, что их видовым объектом, как и любой другой формы хищения, является собственность, непосредственным объектом является частная собственность, а именно денежные средства, хранящиеся на банковских счетах граждан. Вместе с тем, некоторые способы совершения мошенничества, совершаемых и с использованием информационно-коммуникационных технологий, предполагают получение наличных денежных средств от потерпевших. Например, при использовании классической схемы звонка псевдородственника, якобы совершившего дорожно-транспортное происшествие, которому нужны денежные средства для решения вопроса об избежании уголовной ответственности. В данном случае злоумышленники, как правило, используют услуги так называемых «курьеров» для получения наличных денежных средств от потерпевших.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений, как правило, выражена в форме действия, субъективная сторона характеризуется умыслом. Субъектом краж являются лица, достигшие к моменту совершения преступления четырнадцати лет, субъектом мошенничества являются лица, достигшие шестнадцати лет.

Переходя к проблемам противодействия кражам и мошенничествам, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, на основании опыта правоприменительной деятельности, а также результатов анкетирования 253 сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел из 54 субъектов Российской Федерации, следует выделить следующие категории:

- Организационные проблемы.
- Технологические проблемы.
- Проблемы правового регулирования.
- Кадровые проблемы.
- Проблемы профилактики преступлений

К числу организационных проблем противодействия IT-преступлениям против собственности следует отнести необходимость более регламентированного разграничения компетенции не только оперативных подразделений органов внутренних дел РФ, но и всех правоохранительных органов в вопросах противодействия IT-преступлениям, а также совершенствование материально-технического и информационно-аналитического обеспечения данной деятельности.

Технологические проблемы обусловлены высоким уровнем анонимизации пользователей в сети «Интернет», в том числе использованием злоумышленниками программных средств, позволяющих избежать их идентификацию, например использование «VPN», позволяющего изменить действующий IP-адрес пользователя, путём перехода на необходимый сайт или совершения иных действий в интернет-пространстве через IP-адрес иностранного государства.

Проблемы правового регулирования представлены достаточно широким спектром нормативных правовых актов, требующих совершенствования ввиду активного изменения общественных отношений, обусловленных процессами информатизации. Одним из самых ярких аспектов в данном направлении, на наш взгляд, является необходимость отражения в статье 159 УК РФ соответствующего квалифицирующего признака, подчеркивающего более высокий уровень общественной опасности IT-мошенничества.

Недостаток квалифицированных кадров, способных быстро и эффективно противодействовать новым информационным угрозам является проблемой не только органов внутренних дел [3, с. 70], но и иных правоохранительных органов. Безусловно, со стороны государства настоящее время принимаются необходимые меры для подготовки специалистов соответствующей компетенции.

Переходя к вопросам профилактики IT-преступлений отметим, что в настоящее время крайне важным и существенным аспектом является необходимость повышения общего уровня цифровой грамотности населения и его информирования о методах и способах, используемых злоумышленниками при совершении краж и мошенничества в сфере информационно-коммуникационных технологий [4, с. 62].

Приставейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2023).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.12.2023).
3. Алябьев А. А., Лагуточкин А. В. Проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в информационном пространстве сети интернет // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2013. - № 1. - С. 66-69.
4. Парамонов А. В., Плотнокова Т. В. Предупреждение преступлений в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 4. - С. 60-63.

САКАЕВА Резеда Рамилевна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА В СТ. 200.4 УК РФ

Данная научная статья посвящена системному анализу проблем, связанных с определением субъектного состава преступлений в соответствии со ст. 200.4. УК РФ. Так, рассматриваются проблемные аспекты понятия «субъект преступления», предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. Автор поднимает вопросы правовой практики и теоретических подходов к определению участников данных преступлений, а также обсуждает актуальность внесения корректив в существующую нормативную базу для повышения эффективности борьбы с преступлениями, в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг на предмет определения субъектного состава. Также автор подробно анализирует проблемы, возникающие при определении и оценке участников преступлений, предусмотренных данной статьей, и обсуждает необходимость дополнительных мер регулирования для эффективного противодействия таким преступлениям. Делается вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: субъект преступления, государственные закупки, уголовная ответственность за нарушения в сфере госзакупок, контрактная система, должностное лицо.

САКАЕВА Rezeda Ramilevna

lecturer of Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

The article is devoted to the systematic analysis of problems related to the definition of the subject of crimes in accordance with art. 200.4. of the Criminal Code of the Russian Federation. The problematic aspects of the concept of "subject of crime" provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The author raises issues of legal practice and theoretical approaches to the definition of participants in these crimes, and also discusses the relevance of making adjustments to the existing regulatory framework to improve the effectiveness of combating crimes in the field of public procurement of goods, works and services on the subject of definitions of the subject composition. The author also analyzes in detail the problems that arise when determining and evaluating participants in crimes provided for in this article, and discusses the need for additional regulatory measures to effectively counter such crimes. It is concluded that it is necessary to amend the current legislation.

Keywords: subject of crime, public procurement, criminal liability for violations in the field of public procurement, contract system, official.

Статья 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за нарушения в области государственных закупок. Несмотря на важность данной нормы, существуют определенные проблемы в регламентации субъектного состава этой статьи, которые требуют дальнейшего изучения и анализа.

В настоящее время применительно к системе приобретения государственными и муниципальными органами товаров, работ, услуг действует контрактная система, регулируемая Федеральным законом РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ). В связи с большим объемом товарно-денежных отношений между государственными органами и их контрагентами, повышаются коррупционные риски. Так, по данным Счетной палаты РФ за 2022 год объем государственных закупок превысил 31,6 трлн рублей, а по результатам проверок выявлено 839 нарушений на сумму 236,6 млрд рублей [1].

В целях повышения эффективности законодательства по борьбе с нарушениями в сфере государственных закупок в

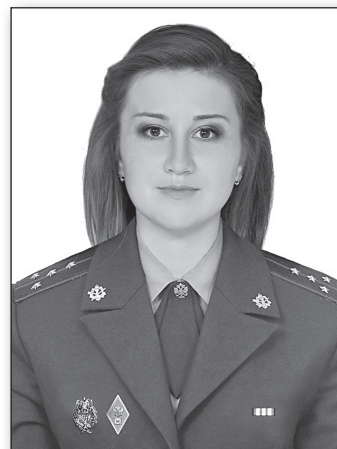
2018 году в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) введена, в том числе, ст. 200.4 УК РФ.

Несмотря на предпринимаемые меры, правоприменительная практика по данному составу преступления почти за три года действия статьи, отсутствует. Это свидетельствует о том, что в указанной статье есть ряд недостатков, которые требуют отдельного рассмотрения.

Исследование субъекта преступления имеет высокую актуальность в современном обществе, поскольку способы совершения преступлений постоянно изменяются и совершенствуются. Это требует постоянного обновления знаний о том, кто и как может совершать преступления, чтобы улучшить методы их предотвращения и расследования.

Анализ субъекта преступления позволяет лучше понять мотивы и характеристики преступников, их социальный статус, возраст, пол, образование и другие аспекты, которые могут быть полезными для разработки профилей преступников. Это, в свою очередь, помогает улучшить методы предотвращения преступлений и повысить эффективность расследования.

Более того, изучение субъекта преступления помогает разрабатывать социальные программы и профилактические

Сакаева Р. Р.

меры, направленные на снижение преступности и предотвращение рецидива.

Таким образом, изучение субъекта преступления является важной составляющей в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности общества, и имеет высокую актуальность в современных научных исследованиях.

Согласно диспозиции ст. 200.4 УК РФ субъект данного преступления – специальный, им могут быть: работник контрактной службы; контрактный управляющий; член комиссии по осуществлению закупок; лицо, осуществляющее приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг; иное уполномоченное лицо, представляющее интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд.

1. Неоднозначность формулировок.

Одной из основных проблем регулирования субъектного состава в статье 200.4 является неоднозначность и размытость сформулированных норм. В тексте закона отсутствуют четкие критерии и определения, определяющие, кто может быть признан субъектом преступления по данной статье. Это затрудняет применение закона в практике и может приводить к разночтениям и произвольному исключению лиц из субъектного состава.

В Федеральном законе № 44-ФЗ нет определенного понятия работников контрактной службы. В ст. 38 указанного Федерального закона приводится лишь основание для создания контрактной службы – это определенная сумма годового объема закупок свыше 100 млн рублей. Исходя из этого, можно предположить, что под работником контрактной службы следует понимать лиц, входящих в состав контрактной службы, на которых возложены обязанности по осуществлению закупок, включая исполнение контрактов. В случае, если объем закупок ниже указанной суммы может быть введена должность контрактного управляющего. При этом, в Федеральном законе № 44-ФЗ указывается, что данное лицо является должностным.

2. Проблемы понимания юридических терминов.

Еще одной проблемой является непонимание или неправильное толкование юридических терминов, используемых в статье 200.4. Например, что подразумевается под нарушением и какие именно процедуры и испытания включаются в этот термин? Отсутствие четких определений этих терминов может приводить к неправильной трактовке закона и неправомерному обвинению лиц, не подпадающих под субъектный состав.

3. Необходимость уточнения круга субъектов

Важным моментом является также уточнение круга лиц, которые могут быть признаны субъектами преступления по статье 200.4. Необходимо определить, действительно ли каждый участник закупки может быть субъектом этого преступления или существует определенный круг лиц, ответственных за их проведение.

Отметим, что одной из сторон государственного (муниципального) контракта (заказчик) всегда выступает государство, в лице его органов. Соответственно лица, осуществляющие закупку товаров для государственных (муниципальных) нужд, занимают определенные должности согласно штатному расписанию. Кроме того, Федеральный закон № 44-ФЗ называет должностными лицами контрактного управляющего и работников контрактной службы (ст. 38 Федерального Закона № 44-ФЗ).

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении

должностных полномочий» (далее – ПП ВС РФ № 19) [2] указано, что при применении ст. 285 УК РФ и 286 УК РФ необходимо установить, является ли подсудимый субъектом указанных преступлений – должностным лицом.

Как отмечено в ст. 39 Федерального закона № 44-ФЗ Комиссия по осуществлению закупок может создаваться на основании внутреннего приказа, что также может подпадать под термин должностное лицо, поскольку согласно п. 6 ПП ВС РФ № 19 «Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо ... исполняет функции, возложенные на него ... приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица ... Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой».

Обратимся к судебной практике в сфере государственных закупок работ, товаров и услуг, которая идет по пути квалификации случаев совершения преступлений должностными лицами в сфере государственных закупок по нормам главы 30 УК РФ. Так, в соответствии с приговором Курганского городского суда № 1-22/2020 1-693/2019 от 27.01.2020 года № 1-22/2020 [3] субъектом выступает лицо, занимающее должность заведующего лабораторией ГБУ (данные изъяты), которое в соответствии со своей должностной инструкцией выполняло организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, в связи с чем являлось должностным лицом, а также являлось администратором государственного заказа и в силу своего служебного положения могло способствовать приобретению продукции определенного поставщика.

Несмотря на то, что в данном случае имеются все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ данные деяния были квалифицированы по ч. 6 ст. 290 УК РФ, ч. 3 ст. 290 УК РФ и ч. 1 ст. 285 УК РФ так как заведующий лабораторией ГБУ (данные изъяты) является должностным лицом.

Таким образом, проблемные аспекты регламентации субъектного состава в статье 200.4 УК РФ требуют ответа и ясности, чтобы обеспечить обоснованное и справедливое применение закона. Необходимо провести дальнейшие исследования с целью уточнения понятий, определений и круга лиц, подпадающих под субъектный состав данной статьи. Только тогда можно говорить об эффективном применении нормы и обеспечении реальной защиты общественных интересов в области государственных закупок.

Пристатейный библиографический список

1. Счетная палата: потенциал контрактной системы раскрыть пока не удалось. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/checks/12218>. (дата обращения: 12.12.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. - № 4. - 2009.
3. Приговор Курганского городского суда № 1-22/2020 1-693/2019 от 27.01.2020 года № 1-22/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5AiTonJKaa14>. (дата обращения: 13.12.2023).

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ И КЛЕВЕТУ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В статье проведено исследование вопросов возможного установления уголовной ответственности за клевету и оскорбление в отношении Президента Российской Федерации, государственных или общественных деятелей РФ. Автором рассмотрены современные особенности трансформации уголовной политики России с позиции ориентира на всестороннюю защиту национальных интересов. Исследовано зарубежное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за противоправные действия, порочащие честь и достоинство главы государства и государственных деятелей. Предложены направления совершенствования отечественного уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступление, национальные интересы, государственная власть, национальная безопасность, уголовная политика, честь, достоинство, оскорбление, клевета.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

ON CRIMINAL LIABILITY FOR INSULT AND SLANDER THROUGH THE PRISM OF PROTECTING NATIONAL INTERESTS

The article examines the issues of possible criminal liability for defamation and insult against the President of the Russian Federation, government or public figures of the Russian Federation. The author examines the modern features of the transformation of Russia's criminal policy from the perspective of a focus on the comprehensive protection of national interests. Foreign legislation providing for criminal liability for illegal actions discrediting the honor and dignity of heads of state and statesmen has been studied. The directions of improvement of domestic criminal legislation are proposed.

Keywords: crime, national interests, state power, national security, criminal policy, honor, dignity, insult, slander.

Ступина С. А.

Как отмечено в ежегодном Докладе Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год»: «Кардинальное изменение внешнеполитической ситуации поставило на повестку дня реализацию новых подходов к стратегическому планированию, что повлекло за собой пересмотр ряда ключевых нормативных правовых актов, влияющих на развитие страны, задающих горизонты планирования при реализации внешней и внутренней государственной политики» [1].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹ является базовым документом стратегического планирования, определяющим цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу

Уголовная политика является частью государственной политики.

«Уголовная политика» о мнении А. И. Александрова – это есть само отношение власти к преступности [2, с. 265].

Справедливо мнение Г. М. Миньковского, считавшего, что уголовная политика является важнейшей частью внутренней политики, обеспечивающей эффективное функци-

онирование экономической, идеологической и социальной политики. [3, с. 66].

Как известно, любой вид политики должен быть закреплен в какой-либо форме [4, с. 170]. По мнению Н. Э. Мартыненко «уголовный закон является одной из форм закрепления уголовной политики государства» [5, с. 14].

На фоне проводимой Россией специальной военной операции произошла серьезная смена общего политического курса российского государства, что предопределяет и смену курса уголовной политики – т. е. переориентацию ее на достижение новой цели [6, с. 124].

Современная уголовная политика, равно, как и все составляющие государственной политики переживает период трансформации, определяемый необходимостью всесторонней защиты национальных интересов России.

Полагаем, что в настоящих условиях оказалось весьма позитивным, то, что ранее отмечалось специалистами как недостаток уголовной политики.

Так, например, И. О. Кравченко в своем исследовании в 2021 г. отмечала, что «гуманизация и либерализация в уголовно-правовой политике на современном этапе проявляются крайне слабо» [7, с. 575].

Заметим, что отголоски либерализации уголовного законодательства, имевшей место в некоторых изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), наиболее ярко стали проявляться в современных реалиях, когда в России на фоне проводимой государством специальной военной операции происходят глубокие

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

трансформации общественного характера как со стороны нравственной составляющей, так и социально-политической и экономической.

Российское государство в лице как его власти, так и всего народа в последнее время по-иному относится к ряду противоправных деяний.

То, что ранее считалось обоснованным в рамках гуманизации и либерализации уголовной политики, сегодня, напротив, может прямо или опосредованно повлиять на национальную безопасность.

Прежде всего, это относится к ряду составов преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, в рамках составов которых ранее законодательно была предусмотрена административная преюдиция.

Так, полагаем, что в современных условиях применительно к составу возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) административная преюдиция создает угрозу консолидации российского общества [8].

К примеру, создаются группы, участники которых, будучи подвергнутые административной ответственности, выжидают необходимый срок для истечения последней и вновь совершают противоправные действия, за которые вновь подлежат только административной ответственности.

При этом пока одни подвергнуты административной ответственности, за них асоциальные действия совершают другие, т.е. происходит смена участников групп, действия которых направлены на подрыв национальной безопасности.

Кроме этого, считаем следствием непродуманной либерализации и исключение общего состава оскорбления из уголовного законодательства.

В эпоху информационных, гибридных войн, активного использования когнитивных атак, одним из мощных средств ведения противоправной деятельности, направленной против национальной безопасности, являются действия по подрыву общества изнутри, путем распространения дискредитирующей власть и ее органы заведомо ложной информации. При этом, некоторые субъекты, признанные в России иноагентами, допускают распространение, в том числе и путем использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») сведений, направленных против чести, достоинства и деловой репутации не только лиц, занимающих государственные должности РФ, субъектов РФ, но и самого Президента РФ.

Искренне полагаем, что Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным гордится вся наша страна. Под руководством Владимира Владимировича Путина Россия приумножает свой экономический, промышленный, научный, оборонный и культурный потенциал.

Именно Владимир Владимирович Путин как глава государства и гарант Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, направляет все усилия на укрепление государственного суверенитета и развития нашей страны!

Любые негативные высказывания клеветнического, оскорбительного характера в отношении Президента РФ – это и оскорбление и клевета в отношении народа нашей страны, который избрал Владимира Владимировича Путина Президентом РФ.

Поскольку со стороны недружественных государств не прекращаются попытки вмешаться во внутренние дела России, нарушить консолидацию российского общества, то лю-

бые дискредитирующие Президента РФ высказывания, тем более с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», направлены на подрыв национальных интересов Российской Федерации.

Соответственно, возникает закономерный вопрос о том, в связи с чем, в отечественном уголовном законодательстве не уделяется должного внимания правовой оценки таким действиям.

На наш взгляд, в пристальном внимании со стороны правоохранительных органов нуждается такое информационному пространству, на просторах которого некоторые иноагенты, чувствуя себя безнаказанно, допускают как распространение заведомо ложных сведений, фейков о России, действиях государственных органов и ее представителей, так и публично демонстрируют пренебрежительное отношение к органам власти, оскорбительно выражаются в их адрес.

При этом некоторые из таких лиц находятся на территории России и полагают что их действия не являются противоправными.

В связи с тем, что, как отмечалось нами выше, государственная политика, прежде всего, имеет своей целью обеспечение национальных интересов, а уголовная политика или политика борьбы с преступностью выступает важной составляющей внутренней политики государства и уголовный закон является одной из форм закрепления уголовной политики государства, то, полагаем, современные реалии объективно определяют необходимость пристального внимания к вопросу об уголовной ответственности за клевету и оскорбление в отношении Президента РФ.

Небезынтересно обращение по анализируемому вопросу к уголовному законодательству ряда других государств, и, прежде всего, стран-участниц СНГ.

Так, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь² в ст. 367 установлена уголовная ответственность за публичную клевету в отношении Президента Республики Беларусь, в ст. 368 – за публичное оскорбление Президента Республики Беларусь, а в ст. 369¹ определены признаки такого преступления, как дискредитация Республики Беларусь.

Согласно положения Уголовного кодекса Республики Казахстан³ установлена уголовная ответственность за публичное оскорбление или иное посягательство на честь и достоинство Президента Республики Казахстан (ст. 375). При этом в примечании к ст. 375 УК РК отмечено, что публичные выступления, содержащие критические высказывания о проводимой Президентом Республики Казахстан политике, не влекут уголовной ответственности по настоящей статье.

По ст. 376 УК РК предусмотрено наказание за публичное оскорбление депутата Парламента Республики Казахстан при исполнении им депутатских обязанностей или в связи с их исполнением. При этом в примечании установлено, что публичные выступления, содержащие критические высказывания о депутатской деятельности депутата Парламента Ре-

2 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2023 г.) // СПС «Континент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://continent-online.com>. (дата обращения: 10.12.2023).

3 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.) // СПС «Континент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://continent-online.com>. (Дата обращения: 10.12.2023). (далее – УК РК).

спублики Казахстан, не влекут уголовной ответственности по настоящей статье.

В соответствии со ст. 137 Уголовного кодекса Республики Таджикистан⁴ наказанию подлежит лицо за публичное оскорбление Президента Республики Таджикистан или клевету в его адрес, а по ст. 137 (1) – за публичное оскорбление Основателя мира и национального единства - Лидера нации или клевету в его адрес.

Согласно Уголовному кодексу Азербайджанской Республики⁵ уголовно-наказуемыми деяниями являются такие, как опорочивание или унижение чести и достоинства главы Азербайджанского государства - Президента Азербайджанской Республики (ст. 323).

Нельзя не рассмотреть вопросы уголовной ответственности за клевету и оскорбление в отношении государственных или общественных деятелей, и, прежде всего главы государства, по законодательству КНР [9].

Так, в ст. 105 УК КНР установлено наказание за побуждение к свержению государственной власти и социалистического строя, осуществляемое посредством лжи, клеветнических измышлений и прочих способов.

Если же со стороны представителей как зарубежных, так и китайских структур и организаций, а также частных лиц оказывалась финансовая помощь в совершении деяний, определенных в ст. 105 УК КНР, то наказание для лиц, оказывающих такую материальную помощь определена в ст. 107 УК КНР в виде лишения свободы на срок пять и более лет.

Последнее особенно актуально и для рассмотрения вопроса об уголовной ответственности тех лиц в России, которые оказывают различную материальную помощь, в том числе и по предоставлению донатов, т.е. пожертвований, которые пользователь отправляет стримеру, видеобзорщику или ведущему канала на видеохостинге, которые распространяют клеветническую, оскорбительную дезинформацию в отношении России, ее Президента РФ, а также в отношении государственных и общественных деятелей. Самостоятельно анализу требуют.

Таким образом, краткий анализ и характеристика действий лиц по клевете и оскорблению государственных и общественных деятелей РФ, и, прежде всего, в отношении Президента РФ, а также опыт зарубежных государств в борьбе с такого рода общественно-опасными деяниями, позволяет констатировать, что явно назрела необходимость в постановке вопроса и его рассмотрении об уголовной ответственности за клевету и оскорбление через призму защиты национальных интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год». – [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oprf.ru/activity_documents. (Дата обращения: 10.12.2023).

2. Александров А. И. Философия зла и философия преступности: вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса. – Санкт-Петербург, 2013. – 598 с.
3. Миньковский Г. М. О понятии уголовной политики и некоторых проблемах ее информационного обеспечения // Проблемы социологии уголовного права. Сборник научных трудов. – М., 1982. – С. 66-84
4. Серебренникова А. В. О понятии уголовной политики: постановка проблемы // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 168-170.
5. Мартыненко Н. Э. Уголовная политики и уголовный закон: соотношение понятий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сборник материалов Третьей Международной научно-практической конференции; ответственный редактор: А. И. Парог. – Москва, 2006. – 365 с.
6. Лечиев Р. С. Уголовная политика по обеспечению специальной военной операции и защите суверенитета России в новую эпоху // Криминологический журнал. – 2023. – № 3. – С. 123-130.
7. Кравченко И. О. Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. № 5. – С. 565-577. С. 575.
8. Ступина С. А. К вопросу об уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXVIII международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2023. – С. 84-87.
9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / Под общей ред. проф. А. И. Чучаева и проф. А. И. Коробеева, пер. с китайского проф. Хуан Даосю. 2-е изд. – М., 2021. – 312 с.

4 Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.11.2023 г.) // СПС «Континент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://continent-online.com>. (дата обращения: 10.12.2023). (Далее – УК РТ).

5 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.11.2023 г.) // СПС «Континент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://continent-online.com>. (дата обращения: 10.12.2023).

ЧОЧУЕВА Зульфия Азреталиевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказской государственной академии, г. Черкесск

СВЯЗЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Современный период развития права, в том числе уголовного, неразрывно связан с такими новыми явлениями как цифровые технологии и цифровая информация. Связь уголовно-правовых отношений с цифровыми технологиями проявляется в увеличении совершаемых преступлений в сфере киберпространства. Следовательно, актуальным и важным представляется анализ прогрессивного развития цифровизации и его влияния на уголовное право. Целью исследования в данной статье является установление множества вопросов, которые возникают во взаимосвязи цифровых технологий с уголовно-правовыми отношениями, выявить положительные и отрицательные свойства искусственного интеллекта, так часто обсуждаемого в последнее время в научной среде, и масштабно внедряемого во все сферы жизни человека. Не вдаваясь конкретно в преступные деяния, которые совершаются посредством использования цифровых инструментов, были определены основные пробелы, требующие вмешательства законодателя и доктрины уголовного права. Решение обозначенных проблем, определение единообразного юридического понятийного аппарата в сфере цифровизации, позволит правильно квалифицировать преступления правоприменителям.

Ключевые слова: право, общественные отношения, цифровые технологии, преступление, Интернет.

CHUCHUEVA Zulfya Azretaliyevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal law and process sub-faculty of the North Caucasus State Academy, Cherkessk

RELATIONSHIP OF DIGITAL TECHNOLOGIES WITH CRIMINAL LEGAL RELATIONS

The modern period of development of law, including criminal law, is inextricably linked with such new phenomena as digital technologies and digital information. The connection between criminal law relations and digital technologies is manifested in the increase in crimes committed in the sphere of cyberspace. Therefore, the analysis of the progressive development of digitalization and its impact on criminal law seems relevant and important. The purpose of the research in this article is to establish a variety of issues that arise in the relationship of digital technologies with criminal law relations, to identify the positive and negative properties of artificial intelligence, which has been so often discussed recently in the scientific community, and is being implemented on a large scale in all spheres of human life. Without going specifically into the criminal acts that are committed through the use of digital tools, the main gaps that require the intervention of the legislator and the doctrine of criminal law have been identified. The solution of these problems, the definition of a uniform legal conceptual framework in the field of digitalization, will allow law enforcement officers to correctly qualify crimes.

Keywords: law, public relations, digital technologies, crime, Internet.

Чочуева З. А.

В настоящее время большой интерес вызывают темы, связанные с информационным доступом к различного рода ресурсам и источникам, дальнейшее их использование и возможность распространения. Главное правило – не нарушать установленные законом информационные границы. Нарушение правил использования, хранения и распространения информации стало результатом бурного развития информационных систем, площадок в Интернет сообществах, различных сетевых каналов, мессенджеров, блогов и т.д.

Видимый прогресс в цифровой сфере демонстративно можно наблюдать в большой вовлеченности населения к информационным каналам, в особенности речь идет о молодых людях и подрастающем поколении. К сожалению, несмотря на все свои позитивные стороны и информативность, цифровые технологии могут быть средством или предметом совершения преступлений. Так, Е. В. Щелконоговой отмечается, что наблюдается ежегодный прирост преступлений, совершаемых в сфере компьютерных преступлений [9, с. 106].

Динамичное развитие цифровых технологий в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе, и в уголовном праве, вызывает разностороннее отношение к данному явлению. Безусловно, цифровые и коммуникационные механизмы общения, обмена информацией, сбора и поиска материалов, положительным образом сказываются на своевременном выполнении работы. По мнению исследователей, указанные технологии также активно способствуют противодействию преступности [5, с. 66]. Объясняют они это тем, что благодаря использованию новейших цифровых средств и способов в работе следователей, дознавателей и криминалистов, систематически обновляется и актуализируется база данных, своевременно автоматизируются процессуальные действия. Все чаще роботы стали использоваться в различных следственных мероприятиях: при обысках, для обнаружения и обезвреживания взрывных устройств, при составлении портрета подозреваемого, проведении спасательных

операций и т.д. Роль в таких действиях искусственного разума велика, он значительно сокращает затрачиваемое человеческое время и получает более эффективные результаты. Начиная с 2022 года судебное разбирательство можно проводить посредством использования видео конференцсвязи.

Не умаляя значения цифровых технологий в повседневной жизни общества, и отмечая одновременно их прогрессивное развитие, все же стоит указать, что посредством их использования во многих случаях причиняется или создается угроза причинения вреда общественным отношениям. Так, использование дронов с целью видео фиксации в частном секторе нарушает право человека на неприкосновенность его частной жизни. Огромное количество таких преступлений как мошенничество, вымогательство, может быть совершено посредством взлома различных сайтов, мессенджеров, аккаунтов, где происходит большая утечка информации и персональных данных. О том, что цифровые технологии имеют тесную связь с уголовно-правовыми отношениями указывает увеличение в статьях Уголовного кодекса РФ квалифицирующих признаков с приставками «с использованием СМИ, информационно-коммуникационных технологий, сети Интернет» и т.д. Может ли это означать, что современное цифровое пространство служит простором для нарушения прав и законных интересов людей, для совершения различных киберпреступлений, или же его активное развитие все же способствует быстрому установлению механизма преступления, процесса и способа его совершения, орудий и средств, используемых преступником. При этом ни в уголовном, ни в уголовном процессе не используются такие термины как «цифровые технологии» и «цифровые данные», и тем более, нет определения данных понятий. Есть четкое понимание того, что глобальное внедрение цифровых технологий неизбежно. Признает данное обстоятельство и Т. М. Черниговская, говоря о том, что «как бы мы ни рассуждали о том, хорошо это или плохо, но то, что с нами происходит есть уже необратимый процесс» [7]. Свидетельством проникновения

робототехники во все сферы жизнедеятельности общества выступают «умные дома», «роботы – пылесосы, автопилоты, официанты», «on-line обучение» др. Все мы застали период, когда во время пандемии были вынуждены полностью перейти на дистанционное обучение. Положительного, конечно, много, начиная от возможностей учиться, не выходя из дома, не затрачивая денежных средств на общественный (личный) транспорт, быть в безопасности от множества различных заболеваний, доступа к электронным ресурсам, учебникам, лекциям. Но как быть с рисками, которые приносят данные электронные форматы, касающиеся асоциализации людей, снижения умственных способностей и активности обучающихся.

Исследование вопросов использования современных коммуникационных, компьютерных, технических средств в современный период является особо актуальным, и требует оценки всех его положительных и отрицательных последствий в условиях глобальной цифровизации. Рассмотрим самый обсуждаемый и дискуссионный в научной среде и практической деятельности вид цифрового новаторства – искусственный интеллект. Представляет собой он сложную автоматизированную программу, которая, по мнению ученых, «не только способна воспринимать и анализировать информацию, но и самообучаться» [3, с. 43]. Есть и более критичные подходы, указывающие на возможность возникновения рисков, неопределенностей, связанных с искусственным интеллектом [4, с. 102] и необходимость принятия специализированного кодекса, определяющего правила и законные способы использования робототехники [1, с. 53]. Российский законодатель столкнулся с серьезной необходимостью регулирования отношений с участием человека и разумной машины, поскольку нет еще ни одного международного нормативно-правового акта, наделяющего робототехнику правовым статусом и правами субъекта, к чему неминуемо и необходимо идет весь мир.

Искусственный интеллект внедряется сегодня и во все сферы уголовно-процессуальной деятельности, начиная с момента установления личности преступника и заканчивая вынесением решения наряду с судьей. Полемики, возникающие относительно участия интеллекта в уголовно-правовой оценке совершенного деяния, определения характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, а еще и при назначении наказания, представляются справедливыми. Особенно внимательно стоит разбираться в ситуациях, где присутствуют оценочные категории, при установлении которых может совершить ошибку сам человек, не говоря уже о роботе. Доктрина уголовного права и в настоящее время не дает однозначной оценки при определении малозначительности деяния, признаков крайней необходимости, правомерных мер защиты при необходимой обороне, причинения вынужденного альтернативного вреда. Возникает вопрос, каким образом с такими ситуациями может справиться искусственный интеллект. Здесь верным представляется согласиться с мнением авторов, призывающих не отдавать полностью решение вопроса о квалификации преступления робототехнике, а сосуществовать и взаимодействовать человеческому усмотрению и искусственному разуму [8, с. 178].

Не может искусственный интеллект понимать значения таких принципов уголовного права как «справедливость» и «равенство всех перед уголовным законом». Именно поэтому его использование способно нанести вред правам и законным интересам человека в уголовном судопроизводстве. Не понимая сути и значения достижения справедливости по уголовному делу, искусственный интеллект способен вынести свое решение с учетом тех фактических доказательств и информации, которая имеется в базе данных. Понимая, что искусственный интеллект представляет собой сложную автоматизированную систему, которая способна самообновляться, самообучаться, самодернизироваться, очень сложно в итоге даже для специалистов в сфере цифровых технологий объяснить, чем руководствовался робот при вынесении конечного решения [6, с. 143].

По мнению Л. А. Воскобитовой, недопустимо в уголовно-процессуальной деятельности полной замены субъекта доказывания: «Нельзя недооценивать весьма великий риск судебных и следственных ошибок, несправедливости разрешения дела и нарушения прав человека, если принятие решений и (или) совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая на принципах предельного упрощения и формализации информации и однозначности вариантов решений» [2, с. 91].

Из множества проблем, которые стали появляться с развитием цифровых технологий, можно выделить еще и установление правового статуса искусственного интеллекта в уголовном

праве. Которым из участников уголовных правоотношений является робот? Если, к примеру, с помощью искусственного интеллекта были созданы песни, музыка, написаны рассказы, эссе, стихи, то можем ли мы ему присвоить право авторства на данные изобретения. С другой стороны, если посредством «разумного» интеллекта было совершено противоправное деяние, значит ли это, что он может выступать субъектом состава преступления. На данные вопросы нет еще соответствующих позиций законодателя, что говорит о пробелах, которые в ускоренном порядке надо устранять. Ввиду отсутствия уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, искусственный интеллект привлечь к наказанию представляется невозможным.

Результаты проведенного исследования позволили сделать ряд выводов.

1. Необходимо определиться в каких сферах уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности, в работе правоохранительных органов и суда следует использовать искусственный интеллект, чтобы вмешательство цифровых технологий являлось результативным и полезным и не причиняло вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Практично и удобно применение робота-разума в сборе, обработке, оценке информации, ее актуализации и обновлении в базе данных. К тому же, бесценно, конечно, его использование для обнаружения и обезвреживания взрывных устройств, что позволит избежать человеческих жертв, как со стороны гражданского населения, так и криминалистов и специальных служб.

2. Прогнозировать дальнейшее развитие и роль цифровых технологий в уголовном праве достаточно сложно, учитывая глубокое внедрение искусственного интеллекта в современную правовую жизнь. Следует признать, что, несмотря на высокий уровень информатизации, профессионализма и результативности в своей работе во многих сферах деятельности правоохранительных органов, «машинный разум» не способен быть лучше человеческого ума и уступает по своим функциям и возможностям. Сама по себе любая информация, заложенная в искусственный интеллект, не будет иметь никакой ценности без ее интерпретации человеком.

3. Для устранения множества вопросов, связанных с определением правового статуса искусственного интеллекта, определения его положительных и отрицательных свойств, придания им соответствующего юридического значения, содержания и правовой природы, необходимо всем представителям научного сообщества во всех сферах, с которыми он находится во взаимодействии, работать в одном направлении с целью выработки единого понятийного аппарата, что позволит дать одинаковую оценку возникшим уголовным правоотношениям и в теории, и в правоприменении.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6. – С. 46-62.
2. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 5 (150). – С. 91-104.
3. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. – 2019. – № 1 (37). – С. 42-52.
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91-109.
5. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Уголовное право в эпоху цифровых технологий // Союз криминалистов и кримиологов. – 2020. – № 4. – С. 65-69.
6. Темирбеков Ж. Р. Искусственный интеллект и право: краткий обзор // Право и государство. – 2021. – № 3 (92). – С. 142-156.
7. Черниговская Т. М. Цифровизация и человечность // Global Woman Media. – 2020.
8. Щелконогова Е. В. Уголовное право on-line: теория и практика цифровизации // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы всероссийской научно-практической конференции / под ред. Д. В. Бахтеева. – 2019. – С. 177-181.
9. Щелконогова Е. В. Цифровые технологии и уголовное право: вопросы взаимодействия // Вестник Югорского государственного университета. – 2021. – Выпуск 1 (60). – С. 105-110.

БЛИЗНЕЦОВ Андрей Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДРУЖКОВА Александра Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ОСТРОЖНИКОВ Андрей Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАН Наталья Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГУЛЕВИЧ Маргарита Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ В РОССИИ: ИЗУЧЕНИЕ НАКАЗАНИЙ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО ПО СТАТЬЕ 159 УК РФ

Это исследование представляет собой всесторонний анализ российской судебной практики, сфокусированный на статье 159 Уголовного кодекса, касающейся мошенничества. Оно включает обзор статистики наказаний, обращая внимание на факторы, смягчающие или ужесточающие наказание, и оценивает эффективность правосудия в борьбе с киберпреступностью. Основываясь на судебных данных, исследование исследует текущие тенденции в вынесении приговоров и расследованиях по делам о мошенничестве, особенно в сфере ИТ. Анализ выявляет основные проблемы и возможности для улучшения эффективности уголовной системы в современной России.

Ключевые слова: судебная практика, статья 159 УК РФ, мошенничество, киберпреступления, наказания, смягчающие и отягчающие обстоятельства, уголовное правосудие, правовая статистика, информационные технологии.

BLIZNETSOV Andrey Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DRUZHKOVA Alexandra Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

OSTROZHNIKOV Andrey Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAN Natalya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GULEVICH Margarita Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRENDS AND EFFECTIVENESS OF JUSTICE IN RUSSIA: THE STUDY OF PENALTIES FOR FRAUD UNDER ARTICLE 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

This study is a comprehensive analysis of Russian judicial practice, focusing on article 159 of the Criminal Code concerning fraud. It includes an overview of punishment statistics, paying attention to factors mitigating or aggravating punishment, and evaluates the effectiveness of justice in combating cybercrime. Based on judicial data, the study examines current trends in sentencing and fraud investigations, especially in the field of OT. The analysis reveals the main problems and opportunities for improving the effectiveness of the criminal system in modern Russia.

Keywords: judicial practice, Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, fraud, cybercrimes, punishments, mitigating and aggravating circumstances, criminal justice, legal statistics, information technology.

Современный мир стоит перед сложной задачей борьбы с уголовной деятельностью, которая постоянно эволюционирует, особенно в области информационных технологий. В Российской Федерации, как и во многих других странах, значительное внимание уделяется эффективности судебной системы в борьбе с преступностью. Статья 159 Уголовного кодекса РФ, посвященная мошенничеству, становится особенно актуальной в контексте растущего числа киберпреступлений. Это исследование представляет собой попытку анализа судебной практики по данной статье, с учетом широкого спектра факторов, включая тенденции в назначении наказаний, а также рассмотрение смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Анализ данных показывает, что в последние годы количество дел, связанных с мошенничеством, особенно в сфере

информационных технологий, значительно увеличилось. Это подчеркивает необходимость адаптации судебной системы к новым вызовам. Статистика наказаний по статье 159 УК РФ демонстрирует разнообразие в вынесении приговоров, где влияние смягчающих и отягчающих обстоятельств играет ключевую роль. Важным аспектом является также анализ эффективности судебных решений в контексте предотвращения киберпреступлений. Исследование подчеркивает, что принятие во внимание технологических аспектов преступлений и обновление законодательной базы могут значительно улучшить эффективность уголовно-правовой системы. Таким образом, адаптация правоприменительной практики к меняющимся условиям является необходимым условием для повышения эффективности борьбы с современными формами преступности.

Анализируя данные судебной статистики по преступлениям, связанным со статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, обнаруживается значимая закономерность в назначении наказаний. Среди преступлений, попадающих под эту статью, каждое четвертое карается лишением свободы, каждое третье – условным лишением свободы, а штрафы применяются лишь в одном случае из десяти.

В 2021 году, например, было осуждено 15,162 лица за преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ. В тот же период было оправдано 78 человек, а другие уголовно-правовые меры были применены к 62 лицам. Особое внимание заслуживают оправдательные приговоры: 24 из них были вынесены по части 3 ст. 159, а 49 – по части 4. Однако в период с 2019 по 2021 год ни один оправдательный приговор не был вынесен по частям 5-7 этой статьи [1, с. 357-365].

Интересный пример из практики – дело И. А. Мылаша, рассмотренное Ярославским судом. Мылаш был признан виновным в мошенничестве, связанном с незаконным приобретением нежилого здания в Кировском районе г. Ярославля, чем причинил ущерб на сумму более 2 миллионов рублей. Однако его защита утверждала, что суд изменил обвинение, нарушив процессуальные нормы, и потребовала оправдательного приговора.

В ходе анализа 45 судебных решений первой и второй инстанции было выявлено, что большинство приговоров касались деяний, квалифицируемых по части 2 ст. 159 УК РФ. Интересно, что за рассматриваемый период не было вынесено ни одного приговора по частям 6 и 7 этой статьи. Это свидетельствует о тенденции к дифференциации уголовной ответственности, что может указывать на постепенное изменение подходов в правоприменительной практике.

В дополнение к анализу судебной практики по применению смягчающих обстоятельств в уголовных делах важно обратить внимание на тенденции в правоприменительной деятельности и их влияние на общую криминогенную обстановку.

Согласно статистическим данным, в последние годы наблюдается значительное увеличение дел, связанных с мошенничеством в сфере информационных технологий. Например, в 2022 году количество таких преступлений увеличилось на 20% по сравнению с предыдущим годом [1, с. 367-371]. Это свидетельствует о растущей актуальности и сложности борьбы с киберпреступностью.

Однако, несмотря на рост преступлений в данной сфере, многие из них остаются нераскрытыми. В частности, отмечается, что только около 30% таких дел доходят до суда, что может быть связано как с высокой сложностью расследований, так и с недостаточной квалификацией следственных органов в области кибербезопасности.

При этом, судебная практика показывает, что даже в случаях доведения дела до суда, наказания зачастую оказываются не слишком строгими. Например, в большинстве рассмотренных случаев наказание не превышало двух лет лишения свободы. Такая тенденция может быть обусловлена стремлением к гуманизации уголовного правосудия, но в то же время она может снижать сдерживающий эффект закона в отношении потенциальных преступников.

В контексте обсуждаемой тематики также актуально рассмотрение вопроса компенсации ущерба потерпевшим. Хотя в ряде дел фигурирует добровольное возмещение ущерба как смягчающее обстоятельство, в общем контексте вопрос компенсации часто остается нерешенным. Это создает дополнительное напряжение в обществе и снижает доверие к судебной системе.

Изучение судебных приговоров и постановлений выявило интересный аспект в отношении смягчающих обстоятельств в уголовных делах. Часто в роли таковых выступают факторы, как искреннее раскаяние обвиняемого, его активное содействие в раскрытии преступления, добровольная компенсация ущерба потерпевшему, а также учет семейных обстоятельств, в частности наличие несовершеннолетних детей.

Интересно, что во многих случаях суды предпочитают освобождать от уголовной ответственности, применяя аль-

тернативные меры, такие как судебные штрафы, особенно в ситуациях, где присутствуют смягчающие и отсутствуют отягчающие обстоятельства. Это, возможно, свидетельствует о стремлении судебной системы к более гуманному подходу в рассмотрении некоторых категорий преступлений.

С учетом растущего числа преступлений, особенно в сфере информационных технологий и кибермошенничества, становится очевидным, что система наказаний пытается адаптироваться к эволюции преступных схем. Однако, несмотря на усилия, полностью предупредить такие преступления пока не удается. Одной из причин этого является постоянное развитие мошеннических тактик, а также недостаточная строгость назначаемых наказаний, что снижает эффективность предупредительной функции закона. В этом контексте важным становится поиск баланса между гуманизацией правосудия и необходимостью эффективного сдерживания преступлений, в том числе с использованием современных технологий и методов расследования [2, с. 37-41].

Анализ судебной практики и статистических данных выявляет ряд проблем и вызовов, с которыми сталкивается уголовно-правовая система в борьбе с современными формами преступности. На этом фоне особенно важным становится вопрос повышения эффективности правоприменительной деятельности и поиска оптимальных путей борьбы с киберпреступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Векленко В. В. Уголовное право. Общая часть. Издательство «Юрайт», 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.urait.ru
2. Пикуров Н. И. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: юридическая природа и перспективы применения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XIV Международной научно-практической конференции (26-27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 37-41.
3. Best New Criminal Law Books to Read In 2023 – BookAuthority. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.bookauthority.org
4. Верина Г. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики: автореф. дис. д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – 176 с.
5. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. – М.: ЦентрЮрИнфор, 2001. – 310 с.
6. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под редакцией И. Э. Звечаровского. – М.: Норма, 2018. – 638 с.

КАРЕВ Игорь Андреевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОСЬКИНА Марина Николаевна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЕЛОВСКАЯ Лика Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАРАНОВА Алина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОИСЕЕНКО Дарья Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье освещается тема уголовной защиты прав потребителей в контексте Российской Федерации, с акцентом на анализ существующих законодательных норм и судебной практики. Особое внимание уделяется статье 238 Уголовного кодекса РФ и её роли в обеспечении безопасности продукции и услуг. Статья также исследует связь между качеством товаров, общественным здоровьем, экономическими аспектами и влиянием международных стандартов на эту сферу.

Ключевые слова: защита прав потребителей, уголовная защита, качество и безопасность продукции, судебная практика в РФ, международные стандарты, общественное здоровье.

KAREV Igor Andreevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOSKINA Marina Nikolaevna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YELOVSKAYA Lika Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BARANOVA Alina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOISEENKO Daria Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CONSUMER PROTECTION: CRIMINAL LAW ASPECT IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article highlights the topic of criminal protection of consumer rights in the context of the Russian Federation, with an emphasis on the analysis of existing legislative norms and judicial practice. Special attention is paid to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation and its role in ensuring the safety of products and services. The article also explores the relationship between the quality of goods, public health, economic aspects and the impact of international standards on this area.

Keywords: consumer protection, criminal protection, product quality and safety, judicial practice in the Russian Federation, international standards, public health.

В современном мире, где рыночные отношения играют ключевую роль, вопросы защиты прав потребителей приобретают особую актуальность. В Российской Федерации, как и во многих других странах, эти вопросы регулируются как на законодательном уровне, так и через механизмы уголовного преследования. Настоящая статья посвящена анализу уголовно-правовых аспектов защиты прав потребителей в России, с акцентом на применение и толкование статьи 238 Уголовного кодекса РФ.

Особое внимание уделяется тому, как уголовное преследование за нарушения в этой сфере способствует не только наказанию виновных, но и формированию общественных стандартов безопасности продукции и услуг. Статья также подчеркивает важность международных стандартов и их влияние на российское законодательство, а также рассматривает связь между качеством товаров и услуг и общественным здоровьем [1].

Анализ судебной практики показывает, что наиболее часто нарушения связаны с реализацией некачественных товаров, обманом потребителей, а также предоставлением услуг, не соответствующих заявленным стандартам. Важно отметить, что эти дела не ограничиваются только предприятиями розничной торговли, но также затрагивают производителей и дистрибьюторов.

Наблюдается тенденция к ужесточению наказаний за такие преступления, что свидетельствует о повышении внимания к вопросам защиты прав потребителей на государственном уровне. Помимо штрафов и административной ответственности, в неко-

торых случаях применяются более строгие меры, включая лишение свободы. Это особенно актуально в случаях, когда нарушения повлекли за собой серьезные последствия, такие как вред здоровью или смерть потребителей.

Примеры из судебной практики демонстрируют, что особое внимание уделяется случаям, связанным с фальсификацией продуктов питания и лекарственных препаратов, что напрямую затрагивает общественное здоровье. В этих случаях суды часто принимают решения в пользу ужесточения наказаний, чтобы послужить отрезвляющим примером для других участников рынка.

В контексте правового поля Российской Федерации ответственность за действия, противоречащие интересам потребителей, раскрывается в рамках норм Уголовного кодекса. Основание для возбуждения уголовного дела в отношении индивида – это совершение им преступления, которое в полной мере соответствует признакам, оговоренным в соответствующем разделе Уголовного кодекса, как это зафиксировано в статье 8.

Уголовное законодательство в области защиты прав потребителей активизируется через применение статей 237 и 238 УК РФ. В частности, статья 237 касается правонарушений, связанных с умышленным утаиванием или искажением информации о тех явлениях, которые несут угрозу безопасности человека и окружающей среды. В этом случае законодатель подразумевает ответственность для тех субъектов, на которых лежит долг информировать соответствующие органы и общественность об угрозах.

Стоит заметить, что данный норматив не охватывает вопросы качества товаров и услуг напрямую.

Статья 238 УК РФ расширяет рамки ответственности до производства и оборота продукции, работ и услуг, которые не соответствуют установленным нормам безопасности. Анализируя эту статью, можно выделить следующие аспекты:

1. Объект преступления не ограничивается здоровьем людей, но также включает в себя сферы коммерческой деятельности, где защищаются интересы потребителей.

2. Предмет преступления охватывает некачественные товары и услуги, которые представляют опасность для здоровья, а также подделанные документы, которые ложно подтверждают безопасность продукции.

Безопасность продукции – это комплексный критерий, который включает в себя не только качество самих товаров, но и безопасность всех связанных с ними процессов. Особенно это актуально в свете современных тенденций усиления требований к экологической безопасности и устойчивому развитию. Важность обеспечения безопасности продукции подтверждается многочисленными международными нормами и стандартами, такими как ISO серии 9000 и 14000, которые регулируют системы менеджмента качества и управления экологическими аспектами [3].

Проблема безопасности продукции тесно связана с такими явлениями, как глобализация и технологический прогресс, которые вносят свои коррективы в процессы производства и распределения товаров и услуг. Например, инновации в области нанотехнологий и биотехнологий порождают новые вызовы для регуляторов и производителей в плане обеспечения безопасности и информированности потребителей [2].

Исследования показывают, что проблемы, связанные с нарушениями требований безопасности товаров, приводят не только к экономическим потерям для потребителей, но и могут иметь долгосрочные последствия для общественного здоровья и благополучия. Например, долговременное воздействие на человека некачественной пищевой продукции может привести к развитию хронических заболеваний. Это подчеркивает необходимость строгого соблюдения стандартов и норм в производстве и обороте товаров и услуг.

Проведя анализ судебной практики в Российской Федерации, можно отметить значительную активизацию процессов, направленных на уголовное преследование лиц, нарушающих обязательные требования безопасности продукции. Статистика, опубликованная Верховным судом РФ, свидетельствует о росте количества уголовных дел по статье 238 УК РФ за последние годы. Это подчеркивает возросшую роль уголовного законодательства в защите прав потребителей и обеспечении безопасности продуктов и услуг [3].

Фактические данные, представленные Роспотребнадзором, демонстрируют, что число обращений граждан по вопросам нарушения их прав, связанных с качеством товаров и услуг, увеличивается с каждым годом. В этой связи становится очевидным, что текущие меры регулирования, несмотря на свою строгость, требуют дальнейшего усиления и более эффективного контроля за их исполнением.

Кроме того, следует упомянуть, что проблема низкого качества товаров и услуг оказывает существенное влияние на экономику страны. По данным Международной торговой палаты, некачественная продукция вызывает не только прямые экономические потери для потребителей, но и наносит вред репутации производителей, снижает конкурентоспособность национальной экономики, что в целом отражается на инвестиционной привлекательности страны.

Исследования в области общественного здравоохранения, в том числе проведенные Всемирной организацией здравоохранения, подтверждают, что долгосрочные последствия использования некачественных медицинских услуг могут включать увеличение случаев хронических заболеваний, рост смертности и общее снижение качества жизни населения. Эти факты подчеркивают важность строгой стандартизации в сфере оказания услуг и производства товаров, не только на национальном, но и на международном уровне.

В контексте глобализации экономических процессов важную роль играют международные стандарты и соглашения, такие как Соглашение о технических барьерах в торговле (ТВТ) ВТО, которые направлены на снижение технических барьеров и обеспечение качества товаров и услуг в международной торговле. Соблюдение этих стандартов является обязательным условием для доступа продукции на рынки большинства стран [4].

В сфере услуг и выполнения работ, которые осуществляются на заказ для потребителя, включая строительные, установочные, реставрационные и другие аналогичные виды де-

ятельности, существует строгий критерий безопасности. Эти работы должны выполняться таким образом, чтобы не подвергать риску здоровье и жизнь клиентов. Аналогичные требования предъявляются и к предоставляемым услугам, в числе которых медицинские, санитарные, бытовые, транспортные и другие виды услуг, использование которых не должно приводить к реальной опасности для физического состояния потребителя [7].

Судебная практика Российской Федерации по вопросам уголовной ответственности за несоблюдение обязательных стандартов качества продукции свидетельствует о том, что большая часть таких дел рассматривается в контексте положений статьи 238 УК РФ. Этот нормативный акт устанавливает ответственность за изготовление и оборот продукции, работы или услуг, которые не удовлетворяют установленным критериям безопасности.

Уголовная ответственность в данном контексте представляет собой одну из наиболее строгих форм юридической ответственности, так как она наступает за совершение деяний, квалифицируемых как преступления. Это подразумевает, что для возбуждения уголовного дела необходимо наличие в деяниях лица всех составляющих преступления, предусмотренных законодательством.

Учитывая последние данные и исследования, проблема качества товаров и услуг напрямую связана с общественным здоровьем и благополучием. Например, доклады Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) регулярно обращают внимание на взаимосвязь между качеством медицинских услуг и уровнем смертности и заболеваемости населения. Также, исследования в области потребительских прав показывают, что наличие четких и эффективно регулируемых норм качества товаров способствует укреплению доверия потребителя и общего уровня потребительской культуры [6].

По данным Роспотребнадзора, за последние годы участились случаи обращения граждан по поводу нарушения их прав в части качества приобретаемых товаров и услуг. Это подчеркивает актуальность соблюдения норм безопасности и важность уголовного преследования за их нарушение. В контексте мировой экономики, где товары и услуги пересекают границы, вопросы стандартизации и качества приобретают глобальное значение, что подчеркивается в таких международных договорах, как Соглашение о технических барьерах в торговле (ТВТ) Всемирной торговой организации (ВТО).

Вопросы качества и безопасности товаров и услуг занимают центральное место в уголовном законодательстве РФ, влияя на экономическое и социальное развитие страны, а также на здоровье и благополучие населения. В контексте этих данных обеспечение надлежащего качества и безопасности продукции является не только правовой, но и экономической и социальной необходимостью.

Пристатейный библиографический список

1. Кусков А. С., Иванов И. С. Потребительское право. Практикум: учебное пособие для вузов – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 309 с. – (Высшее образование).
2. Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 435 с. – (Высшее образование).
3. Гражданское право. Особенная часть в 2 т. Том 2: учебник для среднего профессионального образования / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 255 с. – (Профессиональное образование).
4. Административное право России: учебник и практикум для вузов / А. И. Стахов [и др.]; под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 484 с. – (Высшее образование).
5. Головкин Е. Г. Защита прав потребителей в Российской Федерации: теория и практика. – Москва: Юстициформ, 2022. – 320 с.
6. Харпер Дж. Consumer Protection Laws in the Globalized World // Journal of Consumer Policy. – 2022. – Vol. 45. – № 3. – P. 345-368.
7. Smith J. R., Johnson M. W. “Consumer Rights and Product Safety: An International Perspective” // Journal of International Business Studies. – 2021. – Vol. 49. – № 5. – P. 637-658.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-328-329

КОСТЕНКО Дмитрий Сергеевич

соискатель ученой степени кандидата юридических наук Санкт-Петербургского государственного университета

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ М. АНСЕЛЯ В ВОПРОСЕ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ СИСТЕМЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются основные положения теории новой социальной защиты М. Анселя и ее влияние на преобразование системы мер пресечения во Франции. Через сравнительный анализ институтов мер пресечения в России и Франции делается вывод о наличии существующих теоретических оснований для дальнейшей реализации политики по гуманизации отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: меры пресечения, школа новой социальной защиты, Марк Ансель, запрет определенных действий, судебный надзор, гуманизация уголовно-процессуального закона.

KOSTENKO Dmitriy Sergeevich

competitor of the degree of Ph.D. in Law of the St. Petersburg State University

THE ROLE OF THE MODERN SCHOOL OF SOCIAL DEFENSE BY M. ANSEL IN THE ISSUE OF MODERN REFORMS OF THE SYSTEM OF PREVENTIVE MEASURES IN RUSSIA

The article considers the main provisions of the modern school of social defense by M. Ansel and its role in transformation of the system of preventive measures in France. Comparative analysis of the foundations of legal institutions considering preventive measures in the Russian Federation and France leads to the conclusion that there are existing theoretical grounds for further implementation of the policy of humanizing national criminal procedural legislation.

Keywords: precautionary measures, modern school of social defense, Mark Ansel, prohibitions of certain actions, judicial supervision, humanization of the law of criminal procedure.

Костенко Д. С.

Тенденция по гуманизации законодательства и правосудия является одной из доминирующих в современной уголовной политике российского государства. Данная тенденция нашла свое выражение при модернизации института мер пресечения и появлении в уголовно-процессуальном законе в 2018 г. такой меры как запрет определенных действий. Запрет определенных действий представляет собой дифференцированную меру пресечения, избираемую по решению суда, посредством которой на подозреваемого, обвиняемого возлагается обязанность явки по вызову лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, а также один или несколько запретов. Некоторые из запретов определенных действий могут применяться в дополнение к другим мерам пресечения – залого и домашнему аресту.

Запрет определенных действий является первой дифференцированной мерой пресечения, которая появилась в отечественном законодательстве с момента полноценного оформления института мер пресечения в Своде законов Российской Империи 1832 г. Дискуссии относительно ее дальнейшего совершенствования привлекают внимание широкого круга исследователей, поскольку имеют непосредственную связь с вопросом дальнейшей модернизации системы мер пресечения.

Дифференцированная система мер пресечения существует и в других государствах континентальной системы права. Франция является одним из ключевых представителей континентальной правовой системы, а закономерности развития законодательства этого государства оказывали влияние на правовую политику России в прошлом. До определенного периода меры пресечения во Франции были выражены посредством устоявшихся норм, подобных тем, которые существовали в аналогичный период времени в России. Предварительное заключение под стражу во Франции применялось в подавляющем большинстве случаев по Кодексу 1808 г. и являлось основной мерой пресечения. Исключительной она стала считаться только после издания специального закона в 1865 г. [2, с. 89]. Следующий важный этап развития института мер пресечения Франции начался с принятием законов

от 17 июля 1970 г., 9 июля 1984 г. и 6 июля 1989 г. и выделением судебного контроля как основной меры пресечения, а заключения под стражу в качестве исключительной [2, с. 90]. Таким образом, с конца прошлого века мера в виде судебного контроля во Франции предусматривает 16 различных ограничений.

Существуют разные подходы к классификации этих ограничений. Первый выделяет четыре группы ограничений: 1) обеспечивающие невозможность побега (запрет покидать определенную территорию или резиденцию, запрет посещать определенные места и т.д.); 2) обеспечивающие невозможность совершения новых преступлений (запрет заниматься определенной профессиональной или общественной деятельностью, запрет управлять транспортными средствами или носить оружие, запрет подписывать чеки и т.д.); 3) меры социально-воспитательного характера (помещение в лечебные учреждения или обязательство пройти курс лечения, запрет встречаться с определенными лицами или вести определенный образ жизни и т.д.); 4) меры, обеспечивающие безопасность потерпевшего [2, с. 90]. Другой подход разделяет все ограничения на две большие группы – меры надзора и меры помощи [3].

Следует обратить внимание на то, что во французском законодательстве гораздо раньше появились некоторые меры принуждения, применяемые к обвиняемому. Например, запреты покидать определенную территорию, управлять транспортными средствами в составе ст. 105.1 УПК РФ о запрете определенных действий появились лишь в 2018 г.

Законодательный подход по дифференциации мер пресечения в отечественном законодательстве заставляет обратить внимание на французский опыт и поставить вопрос о причинах и основаниях столь значимой трансформации законодательства Франции в прошлом. В качестве одной из причин Л. В. Головки выделяет влияние школы новой социальной защиты Марка Анселя. Эта научная школа вызвала интерес отечественного научного сообщества в прошлом, обратим внимание и раскроем положение этой научной концепции.

Следует отметить, что направление новой социальной защиты и иные связанные с ним криминологические теории разработаны в парадигме уголовного права и выделяют в качестве объекта своего воздействия последствия применения норм материального права. Однако основополагающие идеи, касающиеся обеспечения прав личности в государстве, неизбежно будут затрагивать и уголовно-процессуальные отношения.

В качестве основных идей концепции новой социальной защиты выделяются следующие. Под *новой социальной защитой* понимается борьба с преступностью, «которая стремится не только к искуплению вины наказанием, но и к охране общества от преступных посягательств» [1, с. 34]. Эта охрана осуществляется через применение совокупности мер, не носящих карательного характера, предназначенных нейтрализации преступника путем его элиминации или изоляции, либо применением к нему лечебных или воспитательных мер [1, с. 34].

Такая социальная политика направлена на индивидуальное предупреждение и основана на изучении уголовного деяния и личности, призывает руководствоваться «научным эмпиризмом ... обнаруживать социальную и экономическую реальность, которая проявляется в каждом преступлении» [1, с. 35]. Политика, в основе которой лежит наука, представляет собой искусство, выходящее за рамки характерных особенностей юридической техники той или иной системы уголовного права. Оно представляет собой нравственный идеал, который позволяет выходить за пределы материалистического детерминизма и не должна иметь ничего общего с двумя крайними позициями: выделяющую основу борьбы с преступностью через первобытный инстинкт защиты, и организующую такой борьбы, которая не считается с человеком как с мыслящим существом и с правовой системой как необходимым выражением всякого цивилизованного общества [1, с. 35].

Данная доктрина делает ставку на социальный порядок с совокупностью правил в правовой системе и добивается его совершенствования и большего соответствия реакции против преступления общим потребностям личности и общества, одновременно являющимися субъектами социальной охраны [1, с. 111-112].

Сторонники этой уголовно-правовой концепции отмечают ее выражение и в судопроизводстве, ввиду неразрывной привязки процесса ресоциализации с уголовным процессом. Причем высокое значение прав личности требует от процессуальных законов такой же незыблемости, как и от законов уголовных. При этом уголовный судья должен сохранять свою функцию, «поскольку система, охраняющая личные права, не может предоставить внесудебным органам решение общественной судьбы гражданина» [4].

Следует отметить, насколько основные идеи школы социальной защиты актуальны в современное время и соответствуют тем направлениям, которые выделяют в качестве ориентиров для отечественного правосудия. Эту связь можно увидеть в конкретной реализации направления развития судебной системы. Тезисы из выступлений Председателя ВС РФ согласуются с положениями школы новой социальной защиты. Так, В. М. Лебедев в параграфе: «Подсудимый – не объект, а человек» отмечал, что: «Правосудие сегодня показывает нам, что человек на скамье подсудимых – прежде всего личность, а не объект системы. Суду важно знать и понимать не только саму суть деяния, совершенного этим гражданином, но и его мотивы, в том числе и косвенные, жизненную ситуацию, которая могла поставить подсудимого перед сложным выбором»¹.

Подобные ориентиры, несомненно, являются актуальными в настоящее время, поднимают авторитет российского правосудия и укрепляют социально-экономическую среду в государстве. Истоки возникновения этого направления в России судьи Верховного Суда РФ отмечают в реформах Александра II 1864 г., которые в период революционных потрясений и во времена репрессий утратили степень своей значимости.

В завершение обзора школы новой социальной защиты важно отметить основные постулаты и условия её формирования и влияния на законодательство. Эти примеры позволяют оценить трансформацию правовых норм на примере конкрет-

ного государства и предположить возможности реализации в правовой системе России.

Обращаясь к уже упомянутому изданию с изложением идеи М. Анселя, можно отметить, что концепция новой социальной защиты в виде модели, способной оказывать влияние на актуальную правовую действительность сформировалась в конце XIX в. и создана в начале XX в. Ее создание произошло в контексте эволюции правового сознания в форме реакции совокупности новых идей на уже существующую правовую основу. Этой основой выступило реформированное после победы французской революции законодательство, начальный период становления которого приходится на 1789-1791 гг. В эти и последующие года начала XIX в. изменениями праве был оформлен переход от инквизиционного процесса периода феодализма к обвинительному [1, с. 56]. Изменения носили конкретный и важный содержательный характер, в их перечень входили такие основополагающие положения, как признание презумпции невиновности, совершенствование законодательной техники, рационализация законодательства, смягчение карательных мер и соответствие наказания вине.

Упомянутая «совокупность новых идей» обобщена М. Анселем в три течения. Первое, связанное с либерализацией наказания, а именно с изучением личности подсудимого, а не только объективные признаки преступления и с созданием перечня уголовных наказаний альтернативных заключению под стражу. Второе связано с главным юридическим акцентом на личности, а не на юридическом факте произошедшего. Третье связано с развитием наук и использованием их достижений, в частности судебной медицины, уголовной статистики, криминалистики. Горизонт правовой науки стал выходить за пределы технико-юридических проблем. Новое движение намеревалось заменить чисто юридическую логику экспериментальным методом естественных наук, выдвигало на передний план не деяние, а преступника как биологическое и социальное существо, глубоко зависящее от среды, в которой оно находится [1, с. 63-67].

Постулаты школы новой социальной защиты были по достоинству оценены советскими правоведами в качестве одного из направлений построения системы справедливого социального регулирования. Актуальная действительность показывает, что эти постулаты не утратили своей силы в настоящее время и могут быть использованы для дальнейшего совершенствования отечественной правовой системы.

Влияние школы новой социальной защиты оказало непосредственное влияние на трансформацию правовой системы Франции. Современное направление модернизации отечественного законодательства также направлено на широкую защиту прав личности в уголовном процессе, минимизацию ограничения прав обвиняемого в ходе досудебного производства. Исторический и сравнительный анализ позволяет установить, что широко обсуждаемую и реализуемую в настоящей момент политику по гуманизации досудебного производства и практики применения мер пресечения можно выразить с опорой на уже разработанные теории. Изучение подобного материала позволит подготовить качественную основу для дальнейших преобразований.

Пристайный библиографический список

1. Ансель М. Новая социальная защита. Гуманистическое движение в уголовной политике: Перевод с французского / Пер.: Лапшина Н. С.; Под ред. и со вступ. ст.: Пионтковский А. А. - М.: Прогресс, 1970. - 312 с.
2. Головок Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. - М.: Старк, 1995. - 130 с.
3. Cardet C. Le controle judiciaire socio-educatif: 1970-1993, chronique d'une experience qui dure // Revue de science criminelle et de droit penal compare. - 1994. - № 3. - P. 504-523.
4. De Vincentiis C. Appunti intorno al procedimento di socializzazione. Riv. Difesa Sociale (Genova). - 1947. - № 3. - Bl. 285; en 1948. - № 1-2. - Bl. 45.

1 Гуманизация полного цикла // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://supcourt.ru/press_center/mass_media/30553/. (дата обращения: 10.12.2023).

РОСТОЦКИЙ Максим Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАСИЛОВ Умид Ихтиёр угли

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БРАГА Снежана Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЕРДЫКИНА Валерия Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОРОНОВА Софья Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ К ИСПРАВЛЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЗАМЕНЫ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья затрагивает тему эффективности существующих механизмов замены наказания для несовершеннолетних осужденных в России. Основываясь на анализе судебной статистики и практики применения Уголовно-исполнительного кодекса РФ, исследуется дисбаланс между законодательными нормами и их реализацией на практике. Особое внимание уделяется несоответствию между теоретическими положениями и реальным исполнением закона в отношении молодежи. Статья предлагает рекомендации по улучшению законодательства, с целью обеспечения более гуманного и справедливого подхода, учитывающего возрастные особенности и тяжесть совершенных преступлений.

Ключевые слова: реформа уголовного правосудия, исправление несовершеннолетних, уголовно-исполнительный кодекс, судебная статистика, гуманизация правоприменения, анализ правовой практики, дифференциация наказаний.

ROSTOTSKIY Maxim Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BASILOV Umid Ihtiyor ugli

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BRAGA Snezhana Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BERDYKINA Valeria Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VORONOVA Sofya Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REFORMING APPROACHES TO JUVENILE CORRECTION: ANALYSIS AND IMPROVEMENT OF PUNISHMENT SUBSTITUTION MECHANISMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article deals with the effectiveness of existing mechanisms for the replacement of punishment for juvenile convicts in Russia. Based on the analysis of judicial statistics and the practice of applying the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, the imbalance between legislative norms and their implementation in practice is investigated. Particular attention is paid to the discrepancy between the theoretical provisions and the actual implementation of the law in relation to young people. The article offers recommendations for improving legislation in order to ensure a more humane and fair approach, taking into account age characteristics and the severity of the crimes committed.

Keywords: criminal justice reform, juvenile correction, penal enforcement code, judicial statistics, humanization of law enforcement, analysis of legal practice, differentiation of punishments.

В современном обществе вопрос гуманизации уголовного правосудия, особенно в отношении несовершеннолетних осужденных, приобретает особую актуальность. Проблематика эффективности механизмов замены наказания на более мягкий вид в контексте Уголовно-исполнительного кодекса РФ требует детального анализа и пересмотра, учитывая нынешние реалии и динамику социальных процессов. Правоприменительная практика и судебная статистика выявляют серьезные несоответствия между законодательными нормами и их практическим исполнением. Наблюдается дисбаланс в отношении молодых правонарушителей, где зачастую отсутствует последовательность и гуманизм в подходах.

Изучение судебных дел и статистических данных показывает, что многие несовершеннолетние осужденные под-

вергаются жестким наказаниям без должного учета их возрастных и психологических особенностей. Такая практика не только не способствует реабилитации и социальной адаптации молодых людей, но и часто приводит к повторным правонарушениям. Отсутствие адекватной системы оценки обстоятельств совершенного преступления, а также неоднозначность в трактовке законодательных норм, создают препятствия для реализации принципов справедливости и гуманизма в уголовном правосудии.

Для улучшения ситуации необходим комплексный подход, включающий изменения в законодательстве, направленные на более точный и справедливый учет индивидуальных особенностей несовершеннолетних осужденных. Важно внедрение практики дифференцированного подхода

к назначению наказаний, где будут учитываться как характер преступления, так и личностные качества осужденного. Это поможет не только в исправлении молодых правонарушителей, но и в их успешной социальной адаптации после освобождения. Следовательно, реформирование механизмов замены наказания становится ключевым аспектом в стремлении к более гуманному и эффективному уголовному правосудию.

Статья 80 Уголовного кодекса Российской Федерации является ключевой нормой, предусматривающей возможность смягчения наказания для осужденных, отбывающих такие виды наказаний, как содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы. Эта статья служит основой для замены неотбытой части наказания на более мягкий вид при условиях, таких как возмещение вреда, причиненного преступлением, и учет поведения осужденного во время отбывания наказания. Также возможно частичное или полное освобождение от дополнительного наказания.

Замена неотбытой части наказания базируется на требовании отбытия определенного срока осужденным. Уголовный кодекс РФ определяет минимальные сроки отбытия в зависимости от тяжести совершенного преступления, например, для преступлений небольшой тяжести — это не менее 1/3 срока наказания, а для особо тяжких — не менее 2/3 срока.

Особое внимание уделяется преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, где устанавливаются еще более строгие условия для замены наказания.

Рассмотрение вопроса о замене наказания осуществляется судом по инициативе осужденного или по представлению администрации учреждения, исполняющего наказание. При этом суд имеет право выбрать любой более мягкий вид наказания в рамках положений УК РФ.

В научном сообществе данный вопрос вызывает дискуссии, особенно касательно природы такой замены и ее соотношения с освобождением от наказания. Некоторые исследователи, такие как Б. В. Здравомыслов, В. Т. Батычко и Л. Л. Кругликов, рассматривают замену наказания как форму освобождения от наказания, в то время как другие, например, В. П. Ревин, А. Ф. Сизый и С. А. Матвеев [1], считают, что это лишь изменение вида наказания на более мягкий. С. Л. Бабаян предлагает рассмотреть замену в двух аспектах — как освобождение от конкретного вида наказания и как продолжение наказания в измененной форме [3].

Большинство авторов сходятся во мнении, что замена неотбытой части наказания является эффективным средством поощрения правопослушного поведения осужденных и повышения эффективности исправительного воздействия. Это помогает стимулировать осужденных на учебу, труд и формированию ответственного отношения к совершенному преступлению.

Аналитический взгляд на практику замены неотбытой части наказания более мягким видом в России выявляет несколько ключевых аспектов. Первый — это несоответствие между теоретической основой и практическим применением данного механизма, особенно в отношении несовершеннолетних осужденных. Второй — это необходимость гармонизации законодательства с принципами гуманизма и справедливости.

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первой половине 2022 года, из 29 043 ходатайств о замене неотбытой части наказания, только 9 194 были удовлетворены. Однако, из этого числа, лишь два случая касались несовершеннолетних. Это высвечивает значительное несоответствие в применении данной нормы к молодым правонарушителям.

Дополнительно, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011, предусмотрены сокращенные сроки условно-досрочного освобождения для несовершеннолетних. Однако, в практике, эти сроки не всегда соответствуют принципам гуманизма и последовательности. Например, условно-досрочное освобождение применяется

после отбытия не менее 1/3 срока наказания, тогда как замена неотбытой части наказания предполагает отбытие не менее 1/2 срока [2].

Это несоответствие порождает дискуссии о необходимости пересмотра и уточнения законодательства, особенно в контексте уголовной ответственности несовершеннолетних. Возможные пути решения включают в себя внедрение более гибких и дифференцированных критериев для замены наказания в зависимости от тяжести преступления и возраста осужденного.

В российской правовой системе, согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ (УИК РФ), замена неотбытой части наказания на более мягкий вид является одним из ключевых элементов поощрения осужденных. Эта возможность предусмотрена в статье 113 УИК РФ, которая выделяет ее как средство для дальнейшего исправления осужденных. Особенно важно это в контексте исправления молодых правонарушителей.

Однако, анализируя этот механизм, обнаруживается некоторое противоречие: согласно статистике, изданной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в первой половине 2022 года значительное количество ходатайств о замене наказания были удовлетворены, но очень мало из них касались несовершеннолетних осужденных. Это указывает на проблемы в применении данного механизма к молодым правонарушителям.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 года указывает на важность учета особенностей несовершеннолетних при применении уголовных наказаний. В частности, оно предлагает сокращенные сроки условно-досрочного освобождения для лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Тем не менее, существующая практика применения замены неотбытой части наказания не всегда соответствует этим рекомендациям, что порождает вопросы о последовательности и гуманизме в подходе к молодым правонарушителям.

В этом контексте представляется целесообразным внести изменения в Главу 14 УК РФ, предусматривающие более четкие и гуманные критерии для замены наказания несовершеннолетних. Предлагается законодательно закрепить более гибкие сроки для применения замены в зависимости от степени тяжести совершенного преступления.

Несмотря на существующий потенциал замены неотбытой части наказания как стимула к исправлению, важно оптимизировать этот процесс, особенно в отношении молодых правонарушителей, чтобы обеспечить более справедливое и гуманное правоприменение.

Пристатейный библиографический список

1. Матвеев С. А., Макаров Р. В. «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания: особенности теории и практической реализации» // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». - 2016. - № 1 (5). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: cyberleninka.ru.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: consultant.ru.
3. Бабаян С. Л. «Вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к лишению свободы» // Человек: преступление и наказание. - 2011. - № 1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: cyberleninka.ru.
4. Carcano, Andrea. "Sentencing and the Gravity of the Offence in International Criminal Law", 51 Int'l & Comp. L.Q. 583, 608 (2002). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: cambridge.org.

САРАНЧУК Лина Николаевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТАРНОВСКАЯ Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОЖЕНЦЕВА Арина Павловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БОНДАРЕВА Ольга Юрьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЕНИСЮК Евгения Ивановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕФОРМА АРЕСТА В УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ РОССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ

Эта статья представляет глубокий аналитический обзор о роли ареста в системе уголовного правосудия России, его недавних реформах и будущих перспективах. Основываясь на сопоставлении с международной практикой и актуальных изменениях в законодательстве, автор исследует, как арест влияет на общественное восприятие и реализацию правосудия. Статья рассматривает вопросы воздействия ареста на разные возрастные группы, финансирование учреждений для содержания арестованных, методы предотвращения рецидивов, образовательные инициативы в этой сфере, а также ограничения на использование ареста как санкции.

Ключевые слова: реформа ареста, уголовное правосудие, сравнительный анализ, международный опыт, законодательные изменения, общественное восприятие, правосудие.

SARANCHUK Lina Nikolaevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TARNOVSKAYA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ROZHENTSEVA Arina Pavlovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BONDAREVA Olga Yurjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DENISYUK Evgeniya Ivanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ARREST REFORM IN RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE: ANALYTICAL REVIEW AND PROSPECTS

This article provides an in-depth analytical overview of the role of arrest in the Russian criminal justice system, its recent reforms and future prospects. Based on a comparison with international practice and current changes in legislation, the author explores how arrest affects public perception and the implementation of justice. The article examines the impact of arrest on different age groups, the financing of institutions for the detention of detainees, methods of preventing recidivism, educational initiatives in this area, as well as restrictions on the use of arrest as a sanction.

Keywords: arrest reform, criminal justice, comparative analysis, international experience, legislative changes, public perception, justice.

В последние годы вопросы, связанные с ролью ареста в уголовной системе России, привлекают все больше внимания как со стороны правовых экспертов, так и общественности. Это обусловлено рядом значительных изменений в законодательстве, а также усилиями по реформированию системы уголовного правосудия.

Проанализировав мировой опыт и последние изменения в российском законодательстве, можно увидеть, что арест, как форма уголовного наказания, претерпел значительные изменения. В частности, обсуждаются вопросы, связанные с воздействием ареста на различные возрастные категории осужденных. Важно отметить, что в России уделяется особое внимание подросткам и молодым людям, которые попали в систему уголовного правосудия. Помимо этого, в

статье рассматривается финансирование арестных домов, что является ключевым аспектом в обеспечении соответствующих условий содержания и соблюдения прав арестованных.

Другой важный аспект – это профилактика рецидива. В статье анализируются различные подходы и программы, направленные на снижение вероятности повторных преступлений среди освобожденных лиц. Также акцентируется внимание на воспитательной работе в учреждениях для содержания под стражей, что включает образовательные программы и психологическую поддержку.

Наконец, важной частью анализа является обсуждение ограничений на назначение ареста. Это включает в себя как законодательные меры, так и практические рекомендации, направленные на сокращение использования ареста как пер-

вичной меры наказания и сосредоточение на альтернативных формах наказания.

Дебаты о целесообразности ареста как уголовного наказания активно ведутся на протяжении многих лет, привлекая внимание многих ученых и практиков. Например, профессор М. Д. Шаргородский критиковал эффективность ареста из-за его кратковременного характера, подчеркивая, что он не способствует истинному исправлению осужденного. В контрасте с этим, другие исследователи, включая А. В. Звонова и Н. Д. Евлоева, утверждают, что основная задача ареста – это не исправление, а предотвращение новых преступлений, что достигается за счет строгости и жестких условий отбывания наказания [1, с. 130-134].

Дополнительный аспект, который стоит рассмотреть, – это историческое развитие ареста в качестве формы наказания. В России, начиная с XVIII века, арест постепенно преобразовывался и утверждался в законодательных актах. Например, согласно Артикулу Воинского 1715 года, арест применялся только к военнослужащим, а значительное развитие он получил в период реформ Александра II. В XX веке срок ареста был увеличен до шести месяцев, введены были и различные условия содержания, в том числе разделение по половому признаку [2, с. 52-55].

Международный контекст также важен для понимания роли ареста. Во многих странах арест служит мерой наказания за преступления небольшой тяжести. В Казахстане, например, арест может устанавливаться на срок от десяти до пятидесяти суток, а в Беларуси – от одного до трех месяцев. Интересно, что условия и места отбывания ареста значительно различаются в разных странах, от специальных приемников до изолированных участков в исправительных колониях и следственных изоляторах.

Вопрос об аресте как о средстве уголовного наказания остается предметом активных дискуссий и исследований. Он включает в себя множество аспектов – от эффективности и целесообразности до исторического развития и международного контекста. Эта тема требует глубокого анализа и сравнительного исследования, учитывая разнообразие подходов и практик в разных странах.

В области уголовного права, обсуждение о роли ареста как меры наказания продолжается. Например, законопроект 2005 года, предлагавший исключить арест из уголовных наказаний в России, был отклонен, что подчеркивает продолжающееся присутствие этой меры в правовой системе. Важно анализировать аргументы, предлагаемые в поддержку или против сохранения ареста в уголовной системе.

Один из ключевых аргументов касается финансовых затрат на арестные дома. В этом контексте можно рассмотреть опыт других стран, где следственные изоляторы используются на начальном этапе, с последующим постепенным введением арестных домов. Это может снизить начальные затраты и обеспечить более плавный переход к новой системе.

Другой важный аспект – возраст осужденных. В 2014 году в России возраст был изменен с 16 до 18 лет. Однако, учитывая распространенность преступлений среди несовершеннолетних, можно обсудить возможность введения профилактических мер в отношении молодых правонарушителей, аналогично практике в Германии, где арест для несовершеннолетних имеет скорее профилактический, чем карательный характер [2, с. 55-60].

Также стоит рассмотреть продолжительность ареста. Предложение о сокращении срока ареста до одного месяца

может помочь избежать психологических и социальных проблем, связанных с более длительным лишением свободы. Это также соответствует международным стандартам, где арест часто используется как кратковременная мера. Стоит также учитывать возможность введения компенсационных мер для осужденных, например, возмещение расходов на питание и коммунальные услуги, аналогично другим формам уголовного наказания [6].

При обсуждении роли ареста в уголовных наказаниях важно учитывать мировой опыт. Например, в ряде стран, таких как Германия, арест используется как кратковременная мера и обычно имеет профилактический характер [5]. Такой опыт может быть полезным при адаптации ареста в России. Изменение возраста, с которого возможно назначение ареста, в 2014 году вызвало дебаты в российском обществе. Сокращение числа несовершеннолетних осужденных на арест стало фактором, который требует внимания и анализа, особенно в контексте типичных преступлений, совершаемых подростками.

Одним из аргументов в поддержку ареста как меры наказания является его потенциал в предотвращении рецидива преступлений. Арест может служить первой ступенью в системе уголовных наказаний, постепенно нарастая по мере нарушения законов. Это позволяет ужесточить воздействие на правонарушителей, начиная с более мягких мер. Финансовые затраты на создание и обслуживание арестных домов – ещё один аспект для анализа. Правительство должно рассмотреть эффективное распределение бюджетных средств с учетом необходимости соблюдения стандартов содержания осужденных.

Важным элементом дебатов является вопрос о возможности проведения воспитательной и трудовой работы в арестных домах. Эти меры могут содействовать социальной реабилитации осужденных, что также следует учитывать в рассмотрении роли ареста. Для более сбалансированного использования ареста как меры наказания, стоит рассмотреть введение ограничений на назначение ареста для определенных категорий лиц, таких как лица пенсионного возраста и инвалиды.

Пристайный библиографический список

1. Степашин В. М. Арест как вид уголовного наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2011. – № 4 (29). – С. 130-134.
2. Теохаров А. К., Честнов А. В. Уголовное наказание в виде ареста: проблемы и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. № 4. – С. 52-60.
3. Петрухин И. Новый Уголовный кодекс: проблема наказания // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 42-44.
4. Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10701/.
5. Kehoe A. V. Punishment, Prisons, and Patriarchy: Liberty and Power in the Early American Republic. – NYU Press, 2003.
6. Zedner L. Punishment and security: Patrolling punishment and governance // Punishment & Society. – 2015. – № 17 (4). – Pp. 436-456.

ЧАКИЕВ Мурат Ахмедович

старший преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ

В статье рассматривается профилактическая направленность деятельности органов внутренних дел и акцентируется внимание на высокое предназначение службы участковых уполномоченных полиции в разрешении вопросов эффективной профилактики преступлений и иных правонарушений. С учетом детального анализа нормативных правовых актов, регулирующих вопросы профилактики правонарушений, обращается внимание на необходимость их совершенствования в целях повышения результативности такой деятельности путем надлежащего обеспечения лиц с инвалидностью гарантией защиты от противоправных посягательств посредством распространения обязательных к реализации участковым уполномоченным полиции профилактических мер на данную категорию лиц.

Ключевые слова: предупреждение преступлений; правонарушение; профилактика; инвалид; участковый уполномоченный полиции; органы внутренних дел.

CHAKIEV Murat Akhmedovich

senior lecturer of Criminology sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A SUBJECT OF PREVENTION OF CRIMES AND OTHER OFFENSES AGAINST PERSONS WITH DISABILITIES

The article examines the preventive orientation of the activities of the internal affairs bodies and focuses on the high purpose of the service of district police commissioners in resolving issues of effective prevention of crimes and other offenses. Taking into account a detailed analysis of regulatory legal acts regulating the prevention of offenses, attention is drawn to the need to improve them in order to increase the effectiveness of such activities by properly providing persons with disabilities with a guarantee of protection from unlawful encroachments by extending preventive measures mandatory for implementation by district police officers to this category of persons.

Keywords: prevention of crimes; offenses; prevention; disabled person; district police commissioner; internal affairs bodies.

Защита прав и законных интересов личности от преступных посягательств является приоритетным направлением Российской Федерации. В деятельности государства, направленной на предупреждение преступлений и правонарушений, среди субъектов профилактики, к числу которых отнесены правоохранительные органы [2], важное место занимают Органы внутренних дел Российской Федерации, что следует из основного предназначения полиции и детализировано в положениях ст. 2 Федерального закона «О полиции»¹, отражающих основные направления ее деятельности, в том числе ориентированные на предупреждение преступлений и правонарушений, признаки общественно опасных деяний не содержащих, и защиту от преступных посягательств каждой конкретной личности и общества в целом. Вместе с тем, в реалиях современности, важно не просто констатировать существование такого направления деятельности и указывать на достаточное количество субъектов профилактики, а указать на значимость совершенствования превентивной деятельности предупреждения преступлений.

Тенденции такого совершенствования в Российской Федерации прослеживаются в принятии нормативных правовых актов, положения которых ориентированы на повышение значимости закрепленных в ст. 45 Конституции Российской Федерации² гарантий. Так, к числу наиболее актуальных на

сегодняшний день нормативных правовых актов в вопросах профилактики преступлений нами отнесены ведомственные приказы МВД России «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»³ и «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений»⁴, которыми четко определены меры, направленные на предупреждение совершения правонарушений, в том числе отнесенных к общественно опасным деяниям деликтоспособного лица, существенное значение которых исследовал В. Б. Бандурка [1].

Так, Приказ МВД России № 619 включает в перечень субъектов профилактики все подразделения органов вну-

ральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022). Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г., № 0001202210060013.

3 О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 года № 205. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 4 июля 2019 г. Далее, по тексту – Приказ МВД России № 205.

4 О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений: приказ МВД России от 24 августа 2023 года № 619 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460122/2ff7a8c72de3994f30496a0cbb1ddafaddf518/ Далее, по тексту – Приказ МВД России № 619.

1 О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (с изм. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 14 февраля. – № 7. – Ст. 900.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Феде-

тренних дел и обобщает задачи, на них возлагаемые, для достижения целей профилактики правонарушений, выделяя в качестве первой из задач обязанность выявления и анализа причин, порождающих правонарушения, а равно условия, способствующие совершению правонарушений, обязывая при этом субъектов профилактики в пределах компетенции к принятию мер, направленных на их устранение или нейтрализацию. В качестве не менее значимой задачи выделяется необходимость обеспечения контроля за лицами, которые в силу совершения противоправных и антиобщественных деяний подлежат применению в их отношении мер правового воздействия, направленного на предупреждение совершения ими правонарушений. Однако, не конкретизирует каким образом субъекты профилактики должны разграничивать применяемые профилактические меры между собой. Кроме того, детальный анализ мер профилактического характера, предусмотренный положениями Приказа МВД России № 619, показал отсутствие конкретизации лиц, которые подлежат защите посредством мер профилактики правонарушений и преступлений, за исключением несовершеннолетних и лиц, подлежащих применению мер государственной защиты в установленном порядке⁵.

Далее, обратим внимание на положения второго из вышеназванных ведомственного нормативно-правового акта, закрепляющего в Наставлении по организации службы участковых уполномоченных полиции, в частности, такие меры профилактики, как:

1. Обход административного участка в целях получения информации о лицах, как склонных к совершению административных правонарушений и преступлений в силу злоупотребления спиртосодержащей продукцией или употребления наркотических средств, допускающих иные виды девиантного и антиобщественного поведения, не имеющих определенного места жительства или рода занятий, так и о лицах, пострадавших от преступных посягательств либо подверженных риску стать таковыми. При этом, положениями п. 25.5 Наставления к Приказу МВД России № 205, к наиболее подверженным стать жертвами преступления отнесены малолетние, лица престарелого возраста и имеющие психические расстройства, что достаточно очевидно указывает на отсутствие возможности расширительного толкования изложенного положения приказа в части категории лиц, информация о которых должна быть востребована для участкового уполномоченного полиции в целях решения возлагаемых на него задач в границах закрепленного административного участка.

2. Проведение индивидуальной профилактической работы, что предполагает индивидуальную профилактику с постановкой на профилактический учет, применяемую к лицам строго обозначенной категории, а именно:

- в отношении которых установлен административных надзор;
- освобожденных из мест лишения свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а также вследствие признания виновными в совершении двух и более не квалифицированных преступлений, предусмотренных

ст. 131 УК РФ или связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а равно новых потенциально опасных психоактивных веществ, либо умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего до погашения или снятия судимости;

– допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере при условии привлечения их к административной или уголовной ответственности по составам, перечень которых приведен в пп. а п. 33.3 Наставления к Приказу МВД России № 205 – большим алкоголизмом и наркоманией при условии состояния их на учете в медицинской организации;

– привлеченных к административной ответственности за совершение посягающего на общественный порядок и (или) общественную безопасность правонарушения при проведении публичного массового мероприятия.

3. Правовое информирование.

4. Профилактическая беседа.

5. Списочный учет, которому подлежат: лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную или неснятую судимость; страдающие психическим расстройством при условии состояния их на учете в медицинской организации и опасности этих лиц для окружающих, а также владельцы оружия, на чем перечень подпадающих под указанный вид учета лиц положениями анализируемого Наставления к приказу заканчивается.

С учетом изложенного, становится очевидным высокое предназначение службы участковых уполномоченных полиции в деятельности органов внутренних дел, направленной на предупреждение преступлений и иных правонарушений, даже не взирая на значительное количество входящих в структуру органов внутренних дел подразделений, задачами которых является в том числе противодействие преступности, поскольку именно для службы участковых уполномоченных полиции меры профилактики достаточно конкретизированы и, в силу специфики службы, наиболее эффективны.

Однако, проведенный нами правовой анализ показал, что совершенствование мер профилактики преступлений еще не достигло уровня, способного привести к снижению статистических показателей преступности по всем направлениям, поскольку упущена важная категория лиц, повышенная виктимность которых выступает ключевым фактором совершения в их отношении преступлений и иных правонарушений, хоть и не указывающих на признаки преступления, но существенно нарушающих права личности, отнесенной к категории с повышенной виктимностью. Речь нами ведется о лицах, с инвалидностью, вследствие чего, вполне оправданно отнесение таких лиц к наименее защищенной категории населения. При этом заметим, что инвалидность может быть как очевидна для общества, так и скрыта, но приводящая при этом к более высокой степени виктимности.

Изложенное указывает на необходимость вновь обратить внимание на вышеупомянутые обязанности участкового уполномоченного полиции, согласно которым на сотрудников такой службы возлагается обязанность ведения списочного учета в том числе лиц, страдающих психическим расстройством, в силу чего признанным опасным для окружающих. То есть, как становится очевидным на первый взгляд, меры профилактики распространены и на лиц, имеющих психические расстройства. Но, во-первых, критерий опасности субъективен и не в каждом случае может быть

5 О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (с изм. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ от 2004 г. 23 августа. № 34. Ст. 3534.

выявлен своевременно, что по мнению Е. В. Ренкас требует уточнения для устранения сомнений в необходимости постановки на профилактический учет [5, с. 168], во-вторых, такие лица в ряде случаев не имеют ничего общего с личностью, имеющей диагностированное психическое заболевание, отнесенное к той или иной степени инвалидности, а последнее, с учетом клинической картины заболевания, может и не повлечь опасности для окружающих, но способно привести к высокой степени риска совершения преступлений в их отношении. Зачастую при этом степень виктимности таких личностей повышает сочетание имеющегося расстройства психики с употреблением спиртосодержащей продукции и иными негативными факторами, подробно исследованными Н. Е. Муллахметовой [3].

Так, применяемые на сегодняшний день меры профилактики не только не учитывают всех особенностей административного участка либо проживающего в его границах контингента, но и нормативно-правовое регулирование мер профилактики правонарушений и преступлений недостаточно проработано в части категории лиц, охватываемых такими мерами. Таким образом, вышеобозначенные нами ведомственные приказы, как нам представляется, нуждаются в дополнении с выделением лиц, имеющих ту или иную степень инвалидности, в отдельную категорию, подлежащую применению мер профилактики в целях обеспечения их защиты от противоправных посягательств.

Значимость предложенного обуславливается неспособностью лица с инвалидностью в большинстве своем противостоять противоправному посягательству, содержащему признаки преступления и даже правонарушения, безнаказанное совершение которого может повлечь за собой перерастание в деяние, указывающее на признаки общественно опасного, сохраняя при этом высокую степень латентности ввиду совершения в отношении наиболее уязвимой категории лиц, не способных в большинстве своем не только противостоять, но и сообщить о преступлении в правоохранительные органы.

Предлагаемое, расширив зону охвата мерами профилактики с учетом распределения обслуживаемой тем или иным органом внутренних дел территории на административные участки, не приведет к существенному повышению загруженности участковых уполномоченных полиции поскольку сложно представить административный участок, на котором, при отсутствии на территории соответствующего социального учреждения, подавляющее большинство жителей отнесено к категории «инвалид». В условиях же наличия на административном участке учреждения социальной реабилитации инвалидов, реализуемые участковым уполномоченным полиции меры профилактики согласуются с рядом мер, применяемых работниками социального учреждения, облегчая тем самым разрешение задач возлагаемых на профилактические меры, реализуемых службой участковых уполномоченных полиции. Указанное, вне всякого сомнения, способно повысить результативность деятельности службы участковых уполномоченных полиции, направленной на профилактику преступлений и иных правонарушений, логично увязываясь в предлагаемую Ю. Н. Носатовым Концепцию развития службы участковых уполномоченных полиции [4].

Пристатейный библиографический список

1. Бандурка В. Б. Различные подходы к трактовке понятия и сущности правонарушения // Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Филиал МИГУП в Рязанской области; отв. редактор И. В. Пантюхина. Том Выпуск 2: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2014. – С. 17-20.
2. Качалов В. И., Качалова О. В., Качалов В. И. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебное пособие / В. И. Качалов, О. В. Качалова; Федеральное агентство по образованию, Московский гос. индустриальный ун-т, Ин-т дистанционного образования. – Москва: МГИУ, 2007. – 321 с.
3. Муллахметова Н. Е. Жертвы преступлений с психическими расстройствами: виктимологический и уголовно-процессуальный аспекты // Виктимология. – 2017. – № 2 (12). – С. 46-50.
4. Носатов Ю. Н. Концепция развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России как управленческое решение стратегического уровня // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и общественной безопасности. Сетевое издание «Академическая мысль». – 2023. – № 2 (23). – С. 109-113.
5. Ренкас Е. В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования профилактической деятельности участковых уполномоченных полиции // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 165-169.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-337-339

ШАДРИНА Елена Сергеевна

следователь следственного отдела по Ленинскому району города Киров следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области, аспирант 1 курса факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 200.4 УК РФ

В статье рассматриваются объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. Затрагивается проблема необоснованного размещения данной статьи в гл. 22 УК РФ. Исследуются случаи использования понятий «злоупотребление» и «нарушение», сделан вывод о неудачной юридической технике, использованной законодателем при описании диспозиции рассматриваемого преступления. Анализируется понятие крупного ущерба, сформулирована авторская позиция относительно проблем, возникающих в связи с необоснованностью установленных размеров крупного и особо крупного ущерба для квалификации данного преступления.

Ключевые слова: государственные закупки, сфера закупок, ст. 200.4 УК РФ, уголовная ответственность, злоупотребления, состав преступления, ущерб.

SHADRINA Elena Sergeevna

investigator of the Investigative department for the Leninsky district of the town of Kirov of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kirov region, 1st year graduate student of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel and organization of research work of the Moscow Academy of the Investigative Committee

PROBLEMATIC ISSUES OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE CORPUS DELICTI PROVIDED FOR IN ARTICLE 200.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the objective signs of the corpus delicti provided for in Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problem of unjustified placement of this article in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation is touched upon. The cases of the use of the concepts of «abuse» and «violation» are investigated, and a conclusion is made about the unsuccessful legal technique used by the legislator in describing the disposition of the crime in question. The concept of major damage is analyzed, the author's position on the problems arising in connection with the unreasonableness of the established amounts of large and especially large damage for the qualification of this crime is formulated.

Keywords: public procurement, scope of procurement, Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, criminal liability, abuse, corpus delicti, damage.

Шадрина Е. С.

Введение

Деятельность государства по решению стоящих перед ним задач нуждается в материальном обеспечении и связана с расходом огромного количества денежных средств. Оптимальное распределение и распоряжение средствами федерального и муниципального бюджета является одним из ключевых факторов экономического благополучия государства и стабильной обстановки в обществе [7, с. 9]. Из года в год растет количество контрактов, заключаемых в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Закон № 44-ФЗ), а вместе с тем увеличивается количество преступлений в данной сфере.

Высокая подверженность сферы государственных и муниципальных закупок различным злоупотреблениям со стороны представителей заказчика – общепризнанная проблема, о чем свидетельствуют результаты исследований многих российских ученых: А. Д. Абрамкина [1, с. 4], И. А. Любого [13, с. 4], Ш. М. Шурпаева [14, с. 4] и др. Значительное количество преступлений в рассматриваемой сфере приходится непосредственно на предварительную и тендерную стадии закупочного процесса, в рамках которых функции по определению поставщика (подрядчика, исполнителя) осуществляются представителями заказчика. Данные злоупотребления приводят к необоснованному расходованию бюджетных средств и несению со стороны государства расходов, которые оно должно было избежать.

Федеральным законом от 23.04.2018 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельно-

сти» была дополнена ст. 200.4 УК РФ («Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»). Однако, на сегодняшний день практика применения данной статьи так и не выработалась, анализируемая сфера остается коррумпированной, несмотря на появление специальной нормы. Указанные обстоятельства могут свидетельствовать о наличии определенных пробелов и противоречий в действующем законодательстве. В большинстве исследований ученые прямо или косвенно приходят к выводу о неудачной юридической технике, использованной законодателем при описании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ.

Цель настоящего исследования состоит в анализе и обобщении особенностей законодательной конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, устанавливающего уголовную ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Достижение указанной цели потребовало решения следующих задач: анализа объекта преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ; анализа объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. В качестве методов исследования избраны общенаучные и частно-научные методы познания, в том числе формально-юридический метод, а также методы анализа, синтеза, индукции, дедукции.

1. Объект преступления

Наиболее заметные дискуссии в научной литературе возникли по поводу необоснованного размещения ст. 200.4 УК РФ в гл. 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»). В существующих исследованиях нет единого мнения относительно места данной нормы в системе уголовно-правовых норм.

Мнения исследователей по данному вопросу условно разделились на две группы. Первая группа авторов (В. И. Гладких

¹ Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2569.

[8, с. 51] и др.) приводят аргументы о целесообразности размещения ст. 200.4 УК РФ в гл. 23 УК РФ («Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»). Вторая группа авторов (М. В. Бавсун, В. Н. Борков [4, с. 91], И. А. Любый [13, с. 183], Ш. М. Шурпаев [14, с. 204] и др.) приводят аргументы о целесообразности размещения указанной нормы в гл. 30 УК РФ («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»).

Надо сказать, что все исследователи справедливо отмечают необоснованность отнесения ст. 200.4 УК РФ к преступлениям в сфере экономической деятельности поскольку субъектами преступлений, предусмотренными гл. 22 УК РФ как правило, являются предприниматели, а также лица, незаконно осуществляющие предпринимательскую деятельность. Субъекты преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, к указанным категориям не относятся, следовательно, не заслуживают того, чтобы распространять на данное преступление льготный процессуальный режим [15, с. 48] и соответственно смягчение уголовной ответственности [5, с. 31]. Отсутствие у субъектов данного преступления статуса должностных лиц, а также статуса лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, само по себе не могло служить основанием для размещения указанной статьи в гл. 22 УК РФ [3, с. 38].

По мнению В. И. Гладких, поместив ст. 200.4 УК РФ в гл. 22 УК РФ законодатель допустил ошибку, так как предусмотренное данной статьей деяние посягает не столько на порядок осуществления экономической деятельности, сколько на регламентированный соответствующими нормативными правовыми актами порядок осуществления закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд [8, с. 51].

Поскольку ст. 200.4 УК РФ входит в гл. 22 УК РФ ее родовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение установленного законом порядка осуществления экономической деятельности, а видовым объектом - отношения в сфере экономической деятельности. В свою очередь непосредственным объектом данного преступления является установленный порядок осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, а в качестве предмета указанного преступления выступают такие категории как товар, работы и услуги.

Трудно объяснить по какой причине законодатель разместил указанную норму в гл. 22 УК РФ, но место нормы выбрано крайне неверно. На наш взгляд, нельзя не согласиться с позицией И. А. Любого, который считает, что несмотря на закрепление ст. 200.4 УК РФ в главе 22 УК РФ, объектом преступного посягательства указанной нормы является прежде всего нормальное функционирование государства [11, с. 36].

Поскольку законодательство Российской Федерации о контрактной системе регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд, это значит, что преступление, предусмотренное ст. 200.4 УК РФ представляет собой посягательства работников государственных или муниципальных органов, предприятий, учреждений на нормальное функционирование государства. Поэтому ответственность за их совершение, следовало бы предусмотреть в главе 30 УК РФ [6, с. 39].

2. Объективная сторона преступления

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ представляет собой совокупность внешних признаков, которыми являются деяние (действие, бездействие), общественно опасные последствия в виде причинения вреда (крупного или особо крупного ущерба) и причинно-следственная связь между деянием и общественно-опасными последствиями.

Объективная сторона анализируемого состава преступления сформулирована в диспозиции ст. 200.4 УК РФ, заключается в нарушении законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, если это деяние совершено из корыстной заинтересованности и причинило крупный ущерб.

Избранный законодателем подход характеризуется избыточной бланкетностью, что неизбежно влечет за собой проблемы применения данной уголовно-правовой нормы. При квалификации указанного деяния правоприменителю необходимо обращаться к отраслевому законодательству, которое состоит из Закона № 44-ФЗ и других федеральных законов, регулирующих отношения, указанные в ч. 1 ст. 1 Закона № 44-ФЗ.

Трудно предположить по какой причине в названии ст. 200.4 УК РФ используется слово «злоупотребления» (во мно-

жественном числе), а в диспозиции статьи закреплено понятие «нарушение» (в единственном числе). Исходя из названия анализируемой статьи преступлением должно признаваться только совершение нескольких злоупотреблений, в связи с чем создается впечатление, что название статьи противоречит ее диспозиции. К тому же следует отметить, что понятие «злоупотребление» и понятие «нарушение» — это совершенно разные понятия и равнозначными они не являются.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под «злоупотреблением» понимаются совершение действий (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы². Толковый словарь Д. Н. Ушакова определяет «злоупотребление» как проступок, преступление, состоящее в сознательном, незаконном, корыстном использовании своих возможностей во вред другим³. Иными словами, злоупотребление совершается лицом умышленно в рамках использования предоставленных ему полномочий. В отличие от злоупотребления нарушение законодательства по общему правилу может совершаться не только умышленно, но и по неосторожности. Поскольку под нарушением в уголовном праве, в первую очередь понимают неосторожные деяния, такие как, например, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ч. 264 УК РФ) [12, с. 56]. Согласно Толковому словарю Д. Н. Ушакова «нарушить» — значит преступить, не соблюсти, нарушить правила приличия, нарушить закон, нарушить договор, порядок⁴.

Из вышесказанного следует, что в названии и диспозиции анализируемой статьи отсутствует единообразие юридической терминологии, что может негативным образом сказаться на практике ее применения. На наш взгляд, в данном случае необходимо привести используемую законодателем терминологию к единому знаменателю, в целях предотвращения всевозможных противоречий.

Не меньше вопросов возникает при анализе такого элемента состава преступления как ущерб. По своей законодательной конструкции анализируемый состав преступления является материальным, это означает, что преступление считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий в виде крупного ущерба (ч. 1 ст. 200.4 УК РФ) или особо крупного ущерба (ч. 2 ст. 200.4 УК РФ). Причем ущерб, причиняемый государству путем нарушения законодательства о контрактной системе, должен быть реальным. Стоит отметить, что в уголовном законодательстве в отличие от гражданского законодательства понятие «упущенная выгода» не применяется (за редким исключением, например, ст. 165 УК РФ). Поскольку в уголовном праве ответственность наступает непосредственно за действия или вред, которые имели место в прошлом, а не за действия или за вред, которые потенциально могут быть причинены в будущем [10, с. 20]. К тому же государственный заказчик выгодоприобретателем не является, поскольку вступает в контактные отношения не для извлечения прибыли, а для осуществления закупок товаров, работ и услуг с целью их своевременного получения для обеспечения нормальной жизнедеятельности государства и общества в целом. Тем не менее на практике следственные органы все же иногда пытаются исчислять ущерб как упущенную выгоду, определяя ее на основании предложений о цене контракта, поступивших государственному заказчику от поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Однако, суды чаще всего не принимают подобный способ исчисления ущерба.

Размер ущерба необходимого для квалификации деяния по ст. 200.4 УК РФ определяется исходя из примечания к ст. 170.2 УК РФ, в соответствии с которым крупным признается ущерб в сумме, превышающей 2 млн 250 тыс. рублей, а особо крупным - 9 млн рублей. В данном случае В. Н. Борков справедливо отмечает, что размер крупного и особо крупного ущерба, установленный законодателем для признания преступлением злоупотребления в сфере закупок в 9 раз больше раз-

2 Постановление Пленума Верховного суда РФ от 16.10.2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. № 207.

3 Толковый словарь Ушакова Д. Н. онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19541> (дата обращения: 01.12.2023).

4 Толковый словарь Ушакова Д. Н. онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=33548> (дата обращения: 01.12.2023).

мера ущерба, предусмотренного п. 4 примечаний к ст. 158 УК РФ, применяемого для квалификации преступлений против собственности, в том числе таких как присвоение или растрата вверенного имущества в крупном размере (ч. 3 ст. 160 УК РФ) и особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ); мошенничество, совершенным в крупном (ч. 3 ст. 159 УК РФ) и особо крупном размере (ч. 4 ст. 159 УК РФ) [6, с. 40]. Проводя сравнение ст. 200.4 УК РФ с указанными статьями можно прийти к выводу, что суммы крупного и особо крупного ущерба, необходимых для квалификации злоупотреблений в сфере закупок, являются чрезмерно завышенными. По мнению А. Д. Абрамкина, только средняя стоимость закупки для обеспечения государственных нужд превышает нижний порог установленной законодателем суммы крупного ущерба (2 млн 250 тыс. рублей) [2, с. 55].

Вместе с тем следует отметить, что в составах так называемых «родственных преступлений», предусмотренных статьями 201, 201.1, 285, 285.1 УК РФ общественно опасные последствия в виде крупного и особо крупного ущерба не предусмотрены. В данных статьях в качестве общественно опасных последствий используются такие понятия как «существенный вред (существенное нарушение)», а также «тяжкие последствия». При этом как показывает судебная практика по применению указанных статей уголовно-наказуемыми признаются действия подсудимых, причинившие ущерб государству в суммах, которые в несколько раз меньше суммы крупного ущерба, необходимого для квалификации деяния по ст. 200.4 УК РФ.

Не случайно многие исследователи (А. П. Гудков, И. А. Любый, Ш. М. Шурпаев и др.), анализируя данный состав преступления, предлагают использовать в качестве меры причиняемого вреда понятия «существенный вред (существенное нарушение)» и «тяжкие последствия» по аналогии со статьями 201, 201.1, 285, 285.1 УК РФ. Так, например, А. П. Гудков предлагает полностью исключить из ст. 200.4 УК РФ установленный законодателем размер ущерба (как крупного, так и особо крупного) и использовать в качестве меры причиняемого вреда понятия «существенный вред» и «тяжкие последствия» [9, с. 96].

В свою очередь Ш. М. Шурпаев, предлагает предусмотреть для ст. 200.4 УК РФ все варианты общественно опасных последствий, такие как «причинение крупного ущерба», «иное существенное нарушение прав и законных интересов организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства», «причинение особо крупного ущерба» и «иные тяжкие последствия». При этом крупным признавать ущерб, сумма которого превышает 1 млн рублей, а особо крупным – 3 млн рублей [14, с. 297]. Схожую, по сути, идею выдвигает И. А. Любый, который предлагает предусмотреть для указанной статьи такие общественно опасные последствия как «существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства», «причинение крупного ущерба», «тяжкие последствия». При этом крупным признавать ущерб, сумма которого превышает 1 млн 500 тыс. рублей (по аналогии со ст. 293 УК РФ) [13, с. 222].

На наш взгляд, с мнениями указанных авторов нельзя не согласиться поскольку сумма ущерба, установленная законодателем для ст. 200.4 УК РФ, является необоснованно завышенной, в связи с чем на практике большинство деяний, которые могли бы быть квалифицированы по указанной статье, признаются малозначительными, за совершение которых лица, их совершившие, привлекаются максимум к административной ответственности. Данное обстоятельство не позволяет правоохранительным органам использовать данную уголовно-правовую норму, что ведет к безнаказанности лиц, совершающих преступления, а также укреплению коррупции в данной сфере.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о необходимости совершенствования уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. С учетом фактического определения объекта преступного посяательства ст. 200.4 УК РФ видится целесообразным исключение указанной правовой нормы из гл. 22 УК РФ и размещение ее в гл. 30 УК РФ.

В целях однозначного толкования объективной стороны преступления в названии статьи термин «злоупотребления» необходимо заменить на термин «злоупотребление», при этом в названии и диспозиции данной статьи следует использовать единообразную юридическую терминологию для предотвращения всевозможных противоречий.

В качестве общественно опасных последствий для данного преступления целесообразно было бы предусмотреть не только причинение крупного и особо крупного ущерба, но и суще-

ственное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, а также тяжкие последствия. При этом в примечании указанной статьи отразить размеры крупного и особо крупного ущерба, применимые для данной конкретной статьи, которые безусловно должны быть снижены.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамкин А. Д. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2022. — 200 с.
2. Абрамкин А. Д. Ущерб как признак состава злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 3 (91). — С. 52-57.
3. Аснис А. Я. Новеллы УК об ответственности за злоупотребления в сфере публичных закупок: предыстория и проблемы квалификации // Российское конкурентное право и экономика. — 2018. — № 4. — С. 34-43.
4. Бавсун М. В., Борков В. Н. Новые уголовно-правовые меры охраны отношений в сфере закупок для государственных нужд // Современное право. — 2018. — № 9. — С. 90-94.
5. Борков В. Н. Злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ) и мошенничество // Уголовное право. — 2018. — № 4. — С. 29-32.
6. Борков В. Н. Соотношение злоупотреблений в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ) с другими посягательствами на государственную собственность // Законность. — 2018. — № 7. — С. 38-42.
7. Вениаминов А. Г. Некоторые вопросы расследования преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Российский следователь. — 2020. — № 7. — С. 9-13.
8. Гладких В. И. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК РФ): теоретический анализ // Российская юстиция. — 2019. — № 3. — С. 51-54.
9. Гудков А. П. Злоупотребления в сфере публичных закупок (статья 200.4 УК РФ): достоинства и недостатки законодательной новеллы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Экономика и право. — 2018. — № 11. — С. 93-97.
10. Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления государственных закупок // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. — 2019. — № 1. — С. 15-26.
11. Любый И. А. Дефекты состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ // Администратор суда. — 2020. — № 4. — С. 35-37.
12. Любый И. А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Российская юстиция. — 2019. — № 5. — С. 54-56.
13. Любый И. А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2022. — 222 с.
14. Шурпаев Ш. М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2021. — 297 с.
15. Яни П. С. Предпринимательские преступления против собственности // Законность. — 2017. — № 1. — С. 46-51.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-340-342

ХУИНЬ ХЬУ ТИНЬ

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; старший преподаватель Университета народной безопасности Министерства общественной безопасности Республики Вьетнам

НЕКОТОРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВОМ НА СУДЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ВЬЕТНАМА 2015 ГОДА

Преступления посягательства на судебную деятельность указаны в главе XXIV Уголовного кодекса 2015 г., несмотря на внесение поправок и дополнений на основе международного законодательного опыта, разумные научные положения предыдущего уголовного кодекса (УК СРВ 1999 г.), а также практическую ситуацию во Вьетнаме. Однако преступления посягательства на судебную деятельность в действующем УК СРВ по-прежнему имеют много несовершенств с точки зрения субъекта, уголовной ответственности, деяний и т.д. Эти ограничения и недостатки приводят к отсутствию единообразия в рассмотрении преступлений, посягающих на судебную деятельность со стороны правоохранительных органов. В статье отмечены некоторые недостатки данной группы преступлений и предложены направления по совершенствованию.

Ключевые слова: преступление, посягательство на судебную деятельность, Уголовный кодекс СРВ 2015 г.

HUYNH Huu Tinh

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia; senior lecturer of the People's Security University of the Ministry of Public Security, Republic of Vietnam

SOME RESTRICTIONS ON CRIMES OF INTERFERENCE WITH JUDICIARY IN THE 2015 CRIMINAL CODE OF VIETNAM

Crimes of infringing on judicial activities are specified in Chapter XXIV of the 2015 Criminal Code, despite the amendments and supplementations on the basis of absorbing international legislative experience, reasonable scientific points of the previous 1999 Criminal Code as well as the practical situation of Vietnam. But the crimes of infringing on judicial activities in the current penal code still have many inadequacies in terms of vocabulary and concepts of acts and so on. This omission leads to a lack of uniformity in handling crimes that violate judicial activities by law enforcement agencies. The article mentions some inadequacies in this group of crimes and proposes directions for improvement.

Keywords: crime, infringement of judicial activities, Criminal Code of Vietnam 2015.

Несовершенства в законодательстве по субъекту преступности

Во-первых, «Непривлечение виновного к уголовной ответственности», предусмотренное ст. 369 УК СРВ 2015 г., до сих пор приводит к разным пониманиям предмета преступления. Из содержания закона видно, что непривлечение виновного к уголовной ответственности – это действие лица, обладающего полномочиями в судебной деятельности, не привлекающего к ответственности или преследующего заведомо заведомо виновного лица. В законе указано: «Лицо обладает полномочиями, не подлежит привлечению к уголовной ответственности», поэтому до сих пор существует мнение, что только субъекты имеют право принимать процессуальные решения, непосредственно связанные с преступлением [5]. Возбуждение уголовного дела, завершение расследования, рекомендация уголовного преследования, подписание обвинительного заключения и т.п. (например, руководитель, заместитель руководителя Комитета следственного органа; директор, заместитель директора народной прокуратуры) могут быть основным органом, ответственным за совершение этого преступления.

Однако в действительности субъект (как исполнитель) этого преступления имеет очень широкий охват, включая всех лиц, обладающих полномочиями получения и обраба-

Хуинь Хью Тинь

тывания информации о преступлениях, а также полномочиями в уголовном расследовании и процессе уголовного преследования [6]. Умышленно не разоблачая или разоблачая незаконные источники информации, осуществляя или ненадлежащим образом осуществляя закон при расследовании и уголовном преследовании с целью отпустить преступников, преступник удовлетворяется актом не привлечения виновного к уголовной ответственности. Поэтому субъекты данного преступления необходимо пересмотреть, включив в них:

– руководитель, заместители руководителей следственных органов, следователи, следователи следственных органов всех уровней (специализированных следственных органов Народной полиции, Народной армии, Верховной народной прокуратуры) при назначении на участие в обработке информации о преступлениях и расследовании уголовных дел;

– директора, заместители директора, прокуроры, инспекторы и другие должностные лица и государственные служащие народной и военной прокуратуры всех уровней, когда им поручено осуществлять полномочия по обвинению, судебному преследованию и проверке, расследованию, надзору судебную деятельность.

Кроме того, согласно ст. 164 УПК СРВ 2015 г. и Закона об организации органов уголовного розыска, при обнаружении

деяний с признаками преступления на местах и в населенных пунктах, находящихся в их подчинении, органы уголовного розыска пограничная служба, таможня, лесничество, береговая охрана и надзор за рыболовством также имеют полномочия расследовать небольшие тяжкие преступления и полномочия возбуждать уголовное дело по делам о средних тяжких преступлениях [5]. Таким образом, к субъектам, которые могут совершить преступление, связанное с непривлечением к уголовной ответственности, относятся должностные лица, государственные служащие, сотрудники таможенных органов, лесничие, рыбохозяйственники при назначении на проведение ряда следственных действий в соответствии с ст. 35 УПК СРВ 2015 г. и ст. ст. 33, 34, 36 Закона об организации органов уголовного розыска.

С другой стороны, согласно ст. 146 УПК 2015 г. и ст. 44 Закона об организации следственных органов, полиция общин, микрорайонов, уездных центров и полицейских участков при получении доносы и сведения о преступлении, составление протокола получения, взятие первичных показаний, передача соответствующих документов и предметов в компетентный следственный орган, задержание и прием преступников, пойманных с поличным, находящихся в розыске, конфискованных и временно задержанных оружия и преступных инструментов сохраненных связанных с ними документов и предметы, составили протоколы ареста, охраняли место происшествия и спасли арестованных людей в компетентный полицейский орган если будет совершен акт преднамеренного отпуска преступников, они также будут привлечены к уголовной ответственности за это преступление.

Кроме того, другим органам Народной полиции и Народной армии при исполнении своих служебных обязанностей поручено провести ряд следственных мероприятий. В случае обнаружения ими признаков преступления они имеют право возбуждать уголовные дела, проводить первоначальные следственные действия и передавать материалы дела компетентным следственным органам [6]. Таким образом, к предмету преступления также относятся:

- директора и заместители директоров агентств: департамент иммиграции; департаменты специальных безопасных операций Министерства общественной безопасности; департамент иммиграционного управления; отделы специальных безопасных операций полиции провинций и городов центрального подчинения и отряды специальных безопасных операций полиции районов, уездов, провинциальных центров, губернских городов и городов городов центрального подчинения, следователи этих органов при назначении на производство ряда следственных действий (ст. 35 УПК СРВ 2015 г., ст. 37 Закона об организации органов уголовного розыска).

- директора и заместители директоров ведомств: департамент дорожной полиции; департамент пожарной безопасности, борьбы и спасения полиции; департамент полиции по предупреждению и борьбе с экологическими преступлениями; департамент полиции по предупреждению и контролю преступности использует высокие технологии; отдел дорожной полиции; отдел пожарной безопасности, борьбы и спасения полиции; отдел полиции по предупреждению и борьбе с экологическими преступлениями; отдел полиции по предупреждению и контролю преступности использует высокие технологии; противопожарная полиция провинций и городов централизованного управления; тюрьма; следователи этих органов по назначению проводят ряд следственных действий (ст. 35 УПК СРВ 2015 г., ст. 38 Закона об организации органов уголовного розыска).

- начальники тюрем народной армии, начальники отдельных подразделений полкового звена и приравненных к ним лиц в случаях, когда дела рассматриваются в соответствии с УПК СРВ 2015 г.

Таким образом, для точного определения субъекта данного преступления необходима смысловая коррекция формулировок закона, обеспечивающая юридическую логику и строгость законодательной техники.

На основании вышеизложенного анализа предлагаю внести изменения в ч. 1, ст. 369 УК СРВ 2015 г. следующим образом: «Лицо имеет полномочия на получение и обработку информации о преступлениях, а полномочия в процессе расследования и преследования преступлений, которые Непривлечение к ответственности лица, которого явно знает ви-

новен, наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 3 лет» для дальнейшего выяснения субъекта данного преступления.

Во-вторых, четко не определен субъект «Принуждение лица, обладающего полномочиями в судебной деятельности, к нарушению закона» (ст. 372 УК СРВ 2015 г.). Ч. 1, ст. 372 УК СРВ 2015 г. гласит: «Лицо пользуется своим положением или властью, чтобы принудить компетентное лицо в ходе судебного разбирательства или исполнения решения нарушить закон, причинив ущерб».

Действующие правила не проводят четкого различия между случаями, когда принуждающее лицо одновременно является лицом, ведущим разбирательство или исполняющим приговор, может ли он или она стать субъектом этого преступления? В действительности, есть много случаев, когда руководитель следственного органа, директор прокуратуры и т.п. заставлял своих подчиненных действовать против закона в том самом деле, которое они решают вместе, или это также может быть случай, когда подчиненные непосредственное решение проблемы. В этом случае они должны быть привлечены к ответственности за соответствующие конкретные действия (не привлекать к ответственности виновных и не фальсифицировать материалы дела) [6]. Аналогичным образом неясно, может ли принуждающее лицо стать субъектом этого преступления, являясь лицом, работающим в судебном органе, но не лицом, ведущим производство или исполняющим судебное решение [5]. Поэтому необходимо в ближайшее время разработать руководящие принципы для единообразного применения на практике.

По моему мнению, если лицо, осуществляющее принуждение, одновременно является лицом, ведущим процесс или исполняющим приговор, то оно не является субъектом этого преступления; если они работают в судебных органах, но не ведут разбирательства и не исполняют приговоры, они все равно могут стать субъектами этого преступления.

В-третьих, в субъекте «Фальсификация материалов дела или происшествия», предусмотренного ст. 375 УК СРВ 2015 г., не были четко показаны другие лица, ведущие производство, такие как: начальники и заместители начальников следственного комитета, директор и заместитель директора прокуратуры, председатель Верховного народного суда, председатель, заместитель председателя суда и заместитель председателя прокуратуры не уполномочены непосредственно решать дело, а имеют право прибавлять, вычитать, исправлять и т.п. разве это преступление? Ч. 1, ст. 375 УК СРВ 2015 г. предусматривает, что «следователи, прокуроры, судьи, присяжные заседатели, секретари суда и другие лица, обладающие обязанностями и полномочиями в судебной деятельности могут добавлять, вычитать, изменять, оценивать замену».

Правильно, потому что законодатели используют фразу «иметь обязанности и полномочия в судебной деятельности», поэтому это легко может вызвать путаницу. Видно, что субъекты данного преступления являются особыми субъектами и конкретно регулируются прямо в ч. 1 статьи, такие как: следователи, прокуроры, судьи, присяжные заседатели, секретари суда и сотрудники других судебных органов, адвокатов и защитников. Другие лица, ведущие производство, такие как: руководитель, заместитель руководителя органа расследований, директор, заместитель директора прокуратуры, главный судья, заместитель главного судьи, старший судья являются только субъектами преступления, если им поручено непосредственное раскрытие дела или происшествия [5]. Если этим людям не поручено непосредственное раскрытие дела или инцидента, а они фальсифицируют материалы дела или инцидента, в зависимости от дела они могут быть привлечены к ответственности за другие преступления.

Кроме того, действующие правила не различают действие «исправление или фальсификация документов в материалах дела» и действие «исправление или фальсификация содержания документов»; изготовление и выдача поддельных документов; подделка подписи лица, обладающего должностями и полномочиями», предусмотренного «Подлог на работе». В случаях, когда нарушитель не является лицом, ведущим производство по делу или происшествию, и не имеет отношения к какому-либо конкретному делу или происшествию; если документы, которые подделывает преступник, не являются документами дела или материалов дела, то это лицо виновно в преступлении «Подлог на рабо-

те», а не в преступлении «Фальсификация материалов дела или происшествия».

Поэтому необходимо в ближайшее время иметь конкретные инструкции на этот случай, а заодно добавить в маркировку преступления фразу «назначено для раскрытия дела или происшествия», чтобы не вызывать путаницы. Предложение о внесении изменений и дополнений в этот закон в следующем направлении: для других лиц, ведущих производство, таких как руководитель, заместитель руководителя органа по расследованию, директор, заместитель директора прокуратуры, главный судья, заместитель главного судьи, старшая судья могут быть субъектом этого преступления только в том случае, если ему поручено непосредственно разрешить дело или происшествие. Если этим людям не поручено непосредственное разрешение дела или происшествия, а они будут фальсифицировать материалы дела или происшествия, в зависимости от дела, они могут быть привлечены к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением и полномочиями по делу при исполнении служебных обязанностей.

В-четвертых, деяние по Предоставлению фальшивых документов или даче ложных показаний, предусмотренное ст. 382 УК СРВ 2015 г., как это предусмотрено законом, нельзя отличать от действий соучастников, содействующих фальсификация материалов дела (ст. 370) и Сокрытия преступного деяния (ст. 389), это случаи, которые легко могут вызвать путаницу.

Ч. 1 ст. 382 УК СРВ 2015 г. предусматривает: «1. Любой свидетель, эксперт, оценщик имущества, устный или письменный переводчик или лицо защиты, которое делает заключения, переводит, ложно заявляет или предоставляет документы, ложность которых, как он ясно знает, будет наказан». Если эти люди заключают, переводят, ложно заявляют или предоставляют документы, ложность которых, как им ясно известно, по требованию следователей, прокуроров, судей, присяжных заседателей или других сотрудников судебной системы, адвокатов, защитников виновных в совершении фальсификация материалов дела в качестве соучастника. Кроме того, за предоставление фальшивых документов или дачу ложных заявлений, когда содержание заявлений и документов предназначено для выгоды родственников, таких как бабушка и дедушка, отец, мать, дети или внуки, братья и сестры, супруги и другие родственники, которые являются не в случае совершения их родственниками преступлений, посягающих на государственную безопасность, или других особо тяжких преступлений, не считаются Сокрытием преступного деяния. Потому что согласно ч. 2 ст. 18 и ст. 389 УК СРВ 2015 г. лицом, не сообщившим о преступлении, является дедушка, бабушка, отец, мать, ребенок, внук, брат, сестра или супруг преступника только привлечение к уголовной ответственности в случаях сокрытия преступлений, посягающих на государственную безопасность, или иных преступлений, отнесенных к особо тяжким преступлениям, не предусмотрена ст. 382 УК СРВ 2015 г. Поэтому для досконального решения проблемы необходимо дополнить вышеизложенное содержание основными частями преступления. В частности, необходимо уточнить, что субъект преступления, связанный с предоставлением фальшивых документов или даче ложных показаний будет привлечен к ответственности только в тех случаях, когда он сам имеет к этому субъективную волю [6]. В случае предоставления фальшивых документов или дачи ложных показаний по требованию следователей, прокуроров, судей, присяжных заседателей, других работников судебной системы, адвокатов и защитников, фактически совершил преступление, заключающееся в фальсификации материалов дела, как соучастник.

Ограничения в правилах о наказаниях

По ч. 1, ст. 375 УК СРВ 2015 г. Фальсификация материалов дела и происшествий степень наказания, указанный «лишения свободы от 01 года до 05 лет», пока не реализован. Объективное деяние этого преступления имеет конкретную форму, в частности «уничтожение или повреждение документов и доказательств дела или происшествия». По сути, это деяние, предусмотренное ст. 337 «Умышленное разглашение государственной тайны; присвоение, сбыт или уничтожение предметов или документов, составляющих государственную тайну. Однако непосредственным объектом ст. 375 является надлежащее функционирование органов, компетентных осуществлять судебную деятельность, поэтому опасность должна

быть выше, чем в случаях нарушения надлежащего функционирования органов обычных учреждений и организаций. Однако основной состав ст. 337 предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, значит более строгое, чем ст. 375, что является необоснованным. Более целесообразным было бы увеличить максимальный срок наказания, указанный в ст. 375, до 7 лет лишения свободы.

Наказание за лишение свободы, предусмотренное ст. 380 УК СРВ 2015 г. Неотбытие наказания: ч. 1 (от 3 месяцев до 2 лет), ч. 2 (от 2 лет до 5 лет) являются слишком мягкими и недостаточными для сдерживания и предотвращения. Реальность показывает, что те, кто обязан подчиняться, по-прежнему сознательно не подчиняются, имеют вызывающую и противостоящую позицию, серьезно затрагивающую права и интересы лица, решение которого исполняется; причинение вредных последствий для безопасности и социального порядка; вызывая неисполнение судебных решений или решений, вызывая разочарование в обществе, вызывая потерю доверия общества к органам, ведущим судебное разбирательство. Поэтому для обеспечения цели наказания необходим более суровый приговор. Максимальный срок наказания, указанный в ч. 1 и ч. 2 ст. 380, изменить на особо тяжкое преступление (ч. 1 — до 7 лет лишения свободы, ч. 2 — до 10 лет лишения свободы). Указание двух реквизитов в одной части с уровнем наказания, предусмотренным п. «б», ч. 3 ст. 381 Препятствие воспрепятствованию исполнению судебных решений, по-прежнему является необоснованным. При этом деяние по предоставлению фальшивых документов или даче ложных показаний, влекущее за собой неправомерное осуждение невиновного лица, является более серьезным, чем предоставление фальшивых документов или дачу ложных показаний, влекущее за собой осуждение невиновного лица. Однако закон, регулирующий два дела об этом преступлении в одном и том же месте, не обеспечивает принцип справедливости.

Максимальный срок наказания, предусмотренный ч. 1 ст. 383 Отказ от декларирования, отказ от проведения оценки, оценки имущества или отказ предоставить документы составляет всего лишь 01 год лишения свободы, что нецелесообразно, недостаточно сдерживающего фактора [5]. С другой стороны, закон, в котором имеется только одна часть об основных наказаниях и второй часть о дополнительных наказаниях, лишен логики. Рекомендуется увеличить максимальный размер наказания, предусмотренный ч. 1 ст. 383, с 01 года лишения свободы до 03 лет лишения свободы и разработать дополнительные части с более высокими мерами наказания для дифференциации уголовной ответственности.

Наказание, предусмотренное ст. 391 Нарушение порядка суда, является необоснованным. Если ч. 1 статьи необходим законодателям для установления более строгого наказания, чем ч. 1 ст. 245 УК СРВ 1999 г. за Нарушение общественного порядка, то необходим ч. 2 статьи наказание составляет от 01 года до 03 лет лишения свободы, что является менее тяжким преступлением, а за Нарушение общественного порядка предусмотрено ч. 2 ст. 245 УК СРВ 1999 г. и ч. 2 ст. 318 УК СРВ 2015 г. от 02 до 07 лет лишения свободы. Нарушение порядка суда является более тяжким, чем Нарушение общественного порядка, поэтому предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 391 УК СРВ 2015 г., предусматривающие наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 7 лет и выше.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 1999 г.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
4. Закон об организации органов уголовного розыска Социалистической Республики Вьетнам 2015 г.
5. Комментарий к Уголовному кодексу 2015 года, раздел о преступлениях «Глава XIV. Преступления, посягающие на судебную деятельность». Динь Ван Кье, 2021.
6. Преступления, посягающие на судебную деятельность в УК Вьетнама. Нгуен Тат Вьен. Издательство Justice. Ханой, 2016.

АЗАРОВ Виталий Владимирович

преподаватель кафедры информационных технологий управления Самарского юридического института ФСИН России

МИЛОКУМОВА Алина Александровна

курсант 1 взвода 2 курса Самарского юридического института ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РАБОТЫ НА РОССИЙСКОМ ПРОГРАММНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы работе на отечественных решениях в сфере информационных технологий и в целом перехода на российское программное обеспечение в эпоху цифровизации в образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний.

Поэтому цель исследования выработка определенных рекомендаций по обучению сотрудников ФСИН России работе на российском программном обеспечении.

Подавляющее большинство пользователей персональных компьютеров привыкли использовать в повседневной жизни (деятельности) иностранное программное обеспечение, например, операционная система «Microsoft Windows» с офисным пакетом Microsoft Office, которая значительно отличается от российского программного обеспечения.

Интеграция в учебный процесс репродуктивных и творческих задач является эффективной мерой обучения, поскольку ориентированы на овладение обучающимися навыками работы с офисным пакетом LibreOffice, а также на закрепление и самостоятельное использование полученных умений и знаний в будущем.

Ключевые слова: российское программное обеспечение, обучение, сотрудник, профессиональные навыки, персональный компьютер, информационная безопасность.

AZAROV Vitaliy Vladimirovich

lecturer of Information technology management sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

MILOKUMOVA Alina Alexandrovna

cadet of the 1st platoon of the 2nd course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF TRAINING EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM TO WORK ON RUSSIAN SOFTWARE IN THE ERA OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

The article examines the problems of training employees of the penal enforcement system to work on domestic solutions in the field of information technology and, in general, the transition to Russian software in the era of digitalization in educational organizations of the Federal Penitentiary Service.

Therefore, the purpose of the study is to develop certain recommendations for training employees of the Federal Penitentiary Service of Russia to work on Russian software.

The vast majority of personal computer users are used to using foreign software in their daily lives (activities), for example, the Microsoft Windows operating system with the Microsoft Office office suite, which differs significantly from Russian software.

Integration of reproductive and creative tasks into the educational process is an effective learning measure, since they are focused on mastering the skills of working with the LibreOffice office suite, as well as on consolidating and independently using the acquired skills and knowledge in the future.

Keywords: Russian software, training, employee, professional skills, personal computer, information security.

В современных реалиях российское общество во всех сферах общественной деятельности активно переходит в рамках проекта по импортозамещению в области информационно-коммуникационных технологий, предполагающих использование российского программного обеспечения. Переход осуществляется постепенно, чтобы обеспечить стабильность и бесперебойную работу государственных организаций.

Цель этого процесса – обеспечить безопасность и независимость от иностранных информационных технологий, а также стимулировать развитие российской ИТ-индустрии. В рамках этой программы уже удалось заменить ряд иностранных программных продуктов на отечественные аналоги, а именно операционная система AstraLinux, RedOS, офисные пакеты МойОфис Плюс, LibreOffice, P7-Офис.

В целом, программа импортозамещения программного обеспечения является важным шагом для укрепления техно-

логической независимости России и стимулирования развития российского ИТ-сектора.

В резко изменяющемся климате по отношению к нашей стране в мире был издан Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹. Последовательность действий, перечень требований и рекомендаций были изложены в Приказе Министерства Цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации 18.01.2023 N 21 «Об утверждении

1 Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». // www.garant.ru (дата обращения: 28.11.2023).

Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации»², в связи с этим возникает новая проблема в работе уголовно-исполнительной системы (далее УИС) – использование российского программного обеспечения

Подавляющее большинство пользователей персональных компьютеров привыкли использовать в повседневной жизни (деятельности) иностранное программное обеспечение, например, операционная система «MicrosoftWindows» с офисным пакетом MicrosoftOffice, которая значительно отличается от российского программного обеспечения. Это все предполагает трудности в освоении работы в новой операционной системе и офисными программами сотрудников УИС. Выше сказанное предполагает трудности в работе на автоматизированном рабочем месте, привыканию будущих сотрудников к новому функционалу и механизмам новой операционной системы и офисных приложений.

При постепенном внедрении российского программного обеспечения создается масса проблем не только по установке на компьютеры нового программного обеспечения и создание мощной системы передачи информации, связи, но и проблема обучения сотрудников навыкам работы с операционной системой AstraLinux. Есть вероятность возникновения инцидентов при удалении отечественной операционной системы с жесткого диска и установки пиратской версии операционной системы «Microsoft Windows», что приводит к нарушению информационной безопасности учреждения. Присутствует вероятность утечки информации, обрабатываемой на автоматизированном рабочем месте сотрудника. Такой фактор может привести к появлению информации для служебного пользования в сети Интернет, что негативно скажется на сотрудниках и учреждениях УИС.

Из вышесказанного следует, что необходимы курсы повышения квалификации или профессиональной переподготовки сотрудников УИС на базах образовательных учреждений ФСИН России и учебных центров.

В эпоху цифровизации образования в сети Интернет представлено различное множество курсов по обучению в информационной сфере и работе на отечественных программных обеспечениях. Здесь создается сложность для сотрудников, желающих пройти обучение работе на операционной системе AstraLinux, офисными программными продуктами LibreOffice и МойОфис. Из-за разнообразия курсов обучения сотрудник может столкнуться либо с мошенниками, либо с некачественными курсами.

2 Приказ Министерства Цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации 18.01.2023 № 21 «Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации». // www.garant.ru (дата обращения: 28.11.2023).

С дидактической точки зрения целесообразно выделить для уже действующих сотрудников УИС следующие методы обучения: репродуктивный, метод проблемного обучения и андрагогический метод.

Проанализировав проблемы организационного и дидактического характера, появляются различные виды решения проблем.

Введение дополнительного курса повышения квалификации для сотрудников в учебных центрах ФСИН России. Курс подразумевает традиционное обучение сотрудников отделения информационно-технического обеспечения, связи, информатизации и вооружения, в котором будет рассказываться о нововведениях в информационном пространстве, о новых возможностях (помощниках) для работы в учреждениях и дальнейшего обучения сотрудников других отделов на местах их службы. Как раз в век технологий и инноваций было бы целесообразно ввести курс «Информационные технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы», который обучит сотрудников грамотно пользоваться российским программным обеспечением. Рассмотреть все преимущества перехода на отечественные разработки, другие программные продукты и грамотное использование в служебной деятельности полученных знаний.

Обучение сотрудников на их месте работы. Независимо, где сотрудник УИС проходит службу, в любом территориальном органе, исправительном учреждении и в других местах лишения свободы, есть отделение «Инженерно-технического обеспечения, связи, информатизации и вооружения», сотрудники которого компетентны в нововведениях информационной сферы и в курсе всех изменений в законодательстве, связанных с информационными технологиями.

Соответственно их профессиональные навыки и знания помогут другим сотрудникам быстро и качественно обучиться работе с компьютером, на котором установят российское программное обеспечение.

Нельзя сказать и о дистанционном обучении, ведь в современном образовании именно данный вид обучения является удобным и практичным. Здесь раскрывается два метода: метод проблемного обучения и андрагогического обучения. Что позволяет людям в комфортной среде получать знания и повышать свои навыки и умения, без отрыва от службы. Как раз сотрудникам УИС, такой вид образования будет очень удобен, потому что обучаться можно в любом удобном им месте. Дистанционное обучение имеет и свои отрицательные стороны, например, теоретический материал дистанционно воспринимается легко, а вот практический материал без контроля за ошибками и подсказками в решение возникших проблем в решении задач, сводится к самостоятельной работе. На дистанционное обучение стоит отправлять сотрудников способных к усвоению получаемой информации в дистанционном формате. Материал, предоставляемый на дистанционном обучении, должен содержать доскональную информацию о возможностях и средствах работы на российском программном обеспечении.

Дополнительный факультатив в профессиональную переподготовку старших курсов в высших учебных учреждениях ФСИН России.

Из вышеуказанных видов решений вырисовывается схема обучения сотрудников при переходе на российское программное обеспечение, где указано, кто должен будет обу-

Рисунок 1. Схема обучения сотрудников при переходе на российское программное обеспечение

чать сотрудников и курсантов на российском программном обеспечении (рис. 1).

Любое место работы подразумевает непосредственную работу с компьютерами. Если будущий сотрудник после окончания учебного учреждения будет выходить подготовленным не только по своей прямой направленности, но и с базовыми навыками работы с российским программным обеспечением, которые связаны с информационными технологиями, облегчающими работу сотрудника УИС.

Проанализировав возможности высших учебных учреждений ФСИН России, в каждом имеется возможность проводить повышение квалификации, профессиональную переподготовку и факультативы для обучения сотрудников работе с российским программным обеспечением, также осваивать курсантам новые отечественные программные продукты.

Интеграция в учебный процесс репродуктивных и творческих задач является эффективной мерой обучения, поскольку ориентированы на овладение обучающимися навыками работы с офисным пакетом LibreOffice, а также на закрепление и самостоятельное использование полученных умений и знаний в будущем.

Сложный процесс дистанционного обучения сотрудников на местах их службы.

Таким образом, можно сказать, что при переходе на российское программное обеспечение в учреждениях УИС, возникает проблема обучения не только действующих сотрудников, но и будущих сотрудников учреждений УИС. Подводя итоги, что при переходе на российское программное обеспечение курсанты высших учебных заведений, прошедшие обучение на отечественном программном обеспечении, составят основу из сотрудников, которые могут подсказать, действующим сотрудникам, как работать на отечественном программном обеспечении.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». // www.garant.ru (дата обращения: 28.11.2023).
2. Приказ Министерства Цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18.01.2023 № 21 «Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации». // www.garant.ru (дата обращения: 28.11.2023).

БИРУК Марина Сергеевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ПИВОВАРОВ Игорь Константинович

адвокат Крымской коллегии адвокатов

КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ У ОСУЖДЕННЫХ ПО СТ. СТ. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ: ПОНЯТИЕ, УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается вид уголовно-правового наказания – конфискация имущества осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ. Особое внимание уделяется понятию конфискации транспортных средств в соответствии с п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, порядку ее проведения, необходимым условиям и существующим проблемам в правоприменительной практике по ее реализации. Правовая норма, закрепленная в п. «д» ч. 1 статьи 104 УК РФ, в связи с принятыми и вступившими в законную силу изменениями от 14.07.2022 года, закрепляет конфискацию нового вида имущества – транспортного средства, принадлежащего обвиняемому, предусмотренного статьями 261.1, 264.2 или 264.3 комментируемого кодекса. Таким образом, законодатель пошел по пути ужесточения наказания за нарушение правил дорожного движения. Следует отметить, что данная мера, с одной стороны, способствует возникновению реальных потерь имущественного характера для виновного лица, сопоставимых его уровню материального положения, поскольку он лишается не 5-10 тысяч штрафа, а фактически стоимости своего автомобиля, и соответственно, благоприятствует в профилактике снижения уровня совершаемых преступлений указанной категории. Однако, с другой стороны, учитывая еще малую судебную практику в этом направлении, принимая во внимание, что не внесены еще соответствующие необходимые изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в практической деятельности возникли сложности и споры в применении конфискации в случаях, когда субъектом преступления является пенсионер, либо осужденный находится в тяжелом материальном положении, либо страдает тяжелым заболеванием, а также когда речь идет о браке.

Ключевые слова: конфискация транспортных средств, наказание осужденных по ст. ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, изъятие транспортных средств при нарушениях правил дорожного движения, имущество.

BIRUK Marina Sergeevna

lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PIVOVAROV Igor Konstantinovich

lawyer of the Crimean Bar Association

CONFISCATION OF VEHICLES FROM CONVICTS UNDER ARTICLES 264.1, 264.2, 264.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONCEPT, CONDITIONS AND PROCEDURE OF APPLICATION

The article considers the type of criminal punishment – confiscation of property of convicted persons for committing crimes provided for in Articles 264.1, 264.2, 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the concept of confiscation of vehicles in accordance with paragraph “d” of Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the procedure for its implementation, the necessary conditions and existing problems in law enforcement practice for its implementation. The legal norm fixed in paragraph “d” of Part 1 of Article 104 of the Criminal Code of the Russian Federation, in connection with the amendments adopted and entered into force on 07/14/2022, fixes the confiscation of a new type of property – a vehicle belonging to the accused provided for in Articles 261.1, 264.2 or 264.3 of the commented Code. Thus, the legislator took the path of tougher penalties for violation of traffic rules. It should be noted that this measure, on the one hand, contributes to the occurrence of real property losses for the guilty person, comparable to his wealth level.

Keywords: confiscation of vehicles, punishment of convicts under Articles 264.1, 264.2, 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, seizure of vehicles in violation of traffic rules, property.

Правовая норма, закрепленная в п. «д» ч. 1 статьи 104 УК РФ, в связи с принятыми и вступившими в законную силу изменениями от 14.07.2022 года, закрепляет конфискацию нового вида имущества – транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованному им при совер-

шении преступления, предусмотренного статьями 261.1, 264.2 или 264.3 комментируемого кодекса. Таким образом, законодатель пошел по пути ужесточения наказания за нарушение правил дорожного движения. Следует отметить, что данная мера, с одной стороны, способствует возникновению

Бирук М. С.

Пивоваров И. К.

реальных потерь имущественного характера для виновного лица, сопоставимых его уровню материального положения, поскольку он лишается не 5-10 тысяч штрафа, а фактически стоимости своего автомобиля, и соответственно, благоприятствует в профилактике снижения уровня совершаемых преступлений указанной категории. Однако, с другой стороны, учитывая еще малую судебную практику в этом направлении, принимая во внимание, что не внесены еще соответствующие необходимые изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в практической деятельности возникли сложности и споры в применении конфискации в случаях, когда субъектом преступления является пенсионер, либо осужденный находится в тяжелом материальном положении, либо страдает тяжелым заболеванием, а также когда речь идет о транспортном средстве, приобретенном осужденным в период брака.

Для разрешения возникших вопросов необходимо определиться, что же такое конфискация имущества и каков ее порядок осуществления. Так, глава 15.1 УК РФ посвящена конфискации, ее правовому закреплению. Конфискация – это уголовно-правовая мера, предусматривающая принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора, предусмотренного законом перечня имущества, в том числе транспортных средств. Ряд исследователей трактуют конфискацию как меру государственного принуждения [1, с. 266], однако, концепцию конфискации имущества можно основывать на различных основаниях. Некоторые ученые понимают конфискацию как меру безопасности [2, с. 12-18] или же, как наказание [3, с. 71-78] или же как межотраслевой институт [4, с. 23-27], выражающейся в осуществлении принудительного изъятия в собственность государства имущества для достижения и реализации конкретных целей [5, с. 34].

Мы же придерживаемся той точки зрения, что конфискация имущества осужденного является государственной принудительной мерой, предусмотренной уголовным законом, обязательной к исполнению судами при вынесении обвинительного приговора лица, совершившему преступление.

В соответствии со статьей 104.1 УК РФ следует, что:

1) применение конфискации относится исключительно к полномочиям суда и возможна только при вынесении обвинительного приговора, то есть применение конфискации невозможно при вынесении судом иных решений по итогам рассмотрения уголовного дела;

2) является обязательным к применению судом в каждом случае вынесения обвинительного приговора, не может быть от дано на усмотрение суда, по своей правовой природе является ничем иным как обязанностью суда конфисковать имущество при наличии выше указанных условий.

При конфискации в порядке п. «д» ч. 1 ст. 104.1 упомянутого кодекса действуют дополнительные обязательные к применению условия:

1) конфисковано, может быть транспортное средство не за каждое совершенное преступление, а только за: управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ), нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишением права управления транспортными средствами (ст. 264.2 УК РФ), управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.3 УК РФ);

2) только то транспортное средство, которое принадлежит обвиняемому и использовалось им при совершении одного из выше указанных преступлений;

3) конфискации подлежит по общему правилу в таких случаях транспортное средство или же равнозначная его стоимости денежная сумма, в случае продажи и иного отчуждения транспортного средства, принадлежащего и используемого лицом при совершении преступления.

Предметом конфискации в соответствии с п. «д» упомянутой выше статьи является транспортное средство, при этом законодатель не раскрывает какое именно транспортное средство, то есть не сужает возможный перечень. В данном случае необходимо обратиться к примечанию к статье 264 исследуемого кодекса и к Правилам дорожного движения, и под транспортными средствами понимать не только автомобили, но и другие механические транспортные средства, под которыми понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством РФ предоставляется специальное право. В 2016 году в Постановление Пленума Верховного Суда от 09.12.2008 № 25 внесли изменения, затронувшие и понятие «механических транспортных средств». Так, в п. 2 закреплено, что таковыми являются автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрициклы, мопеды, трактора, самоходные машины и иные транспортные средства, на управлении которыми предоставляется специальное право. Ранее исследователями отмечались формальные признаки транспортного средства как предмета преступления применительно к ст. 264 УК РФ, а именно: максимальная скорость движения не может быть менее 50 км/ч, а максимальный объем двигателя должен быть более 50 куб. см. В настоящий момент такие обязательные признаки отсутствуют и перечень механических транспортных средств, соответственно, расширен. Такие изменения позволяют отнести к транспортному средству и мопеды [6, с. 290-293].

Следует обратить внимание, что для конфискации транспортного средства необходимо установить, что из наличия в собственности виновного лица нескольких транспортных средств, каким он управлял, какое одно транспортное средство является предметом инкриминируемого ему преступления. Поэтому на иные принадлежащие лицу транспортные средства (даже при их значительной большей стоимости) возможно применение конфискации лишь при отсутствии (отчуждении, уничтожении и т.д.) транспортного средства – предмета инкриминируемого преступления. Важным обстоятельством является также то, что в законе не урегулировано, что для применения конфискации не имеет значения, на каких основаниях транспортное средство находится во владении осужденного: законном или незаконном.

Анализ правоприменительной практики по уголовным делам указанной категории показывает, что некоторые обвиняемые после совершенного преступления, в процессе предварительного расследования по уголовному делу, в целях избежать конфискации транспортного средства по приговору суда, оформляют «задним числом» договоры о продаже автомобилей другим лицам, перерегистрируют транспортные средства на родственников, используют всякие иные ухищрения. Однако, хотелось бы указать о бессмысленности таких действий, так как в Уголовном кодексе Российской Федерации имеется ст. 104.2, положения которой предусматривают конфискацию денежной суммы, которая соответствует стоимости подлежащего конфискации предмета, в случаях, когда на момент принятия решения конфискация невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине.

В случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации взамен предмета, входящего в имущество, указанное в ст. 104.1 УК, суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо сопоставима со стоимостью этого предмета, за исключением имущества, на которое в соответствии с гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации не может быть обращено взыскание. Следовательно, если виновному лицу удалось избавиться от автомобиля, чтобы избежать его конфискации, то вместо него конфискуется его стоимость в виде денежной суммы (банковский счет, вклад и т.п.). Если же денег недостаточно, то может быть конфисковано иное имущество на соответствующую сумму (другой автомобиль, недвижимость или земельный участок). И такие решения о конфискации у лиц, признанных виновны-

ми в совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, денежной суммы, которая соответствует стоимости подлежащего конфискации транспортного средства, судами уже выносятся, начиная с конца 2022 года.

В части обеспечения возможной конфискации на орган предварительного следствия возлагается теперь обязанность обязательно изымать транспортное средство при совершении одного из преступлений, указанных в п. «д» исследуемой статьи УК РФ, а не передавать под ответственное хранение собственнику. В этой части справедливо отметил Первый кассационный суд общей юрисдикции в своем постановлении от 22 февраля 2023 г. № 77-1012/2023, что оставление автомобиля в собственности обвиняемого противоречит императивным требованиям уголовного закона и необоснованно улучшает его положение.

Спорным остается вопрос: учитывать ли субъективные характеристики виновного лица и его материальное положение, например: возраст (пенсионер), состояние здоровья, транспорт – единственное средство дохода и т. д. Однако, подобные споры считаем обосновательными, поскольку толкование нормы, закрепленной в п. ч. 1 ст. 104 УК РФ, свидетельствует о том, что применение конфискации не является усмотрением суда, не ставится законодателем в принятие вариативного решения в зависимости от личностных характеристик субъекта, наоборот, акцентируется внимание исключительно на транспортном средстве: в чьей собственности оно находится (необходимо установить пребывание транспортного средства, подлежащего конфискации, в собственности лица, обвиняемого в совершенном дорожно-транспортном преступлении) и его временная относимость к моменту совершения преступления – именно данное транспортное средство должно является предметом инкриминируемого преступления, предусмотренного ст. 264.1. 264.2 или 264.3 УК РФ.

В качестве исключения из общего правила можно выделить случаи пребывания транспортного средства в совместной собственности супругов, а также случаи, когда транспортное средство является предметом залога банка по выданному обвиняемому лицу потребительского кредита. В случае с совместной собственностью супругов считаем целесообразным обратить внимание, что заинтересованный супруг в описанной ситуации должен либо обжаловать постановление следователя о наложении ареста на имущества на стадии досудебного производства по делу или же в случае пропуска или необоснованного отказа, руководствуясь п. 1 ст. 119 ФЗ от 02.10.2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»), в дальнейшем обратиться в суд с иском об освобождении имущества от ареста или исключении его из описи.

Первый шаг к разрешению возникших споров был сделан 12.12.2023 года: Верховный Суд внес частично изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в том числе и относительно конфискации транспортных средств. Теперь уточняется перечень вопросов, связанных с конфискацией транспортных средств по уголовным делам в отношении обвиняемых по преступлениям, предусмотренным статьями 264.1, 264.2 и 264.3 УК РФ. На суд возложена обязанность обосновывать в приговоре конфискацию транспортного средства, мотивируя наличием (с их обязательным описанием) исследованных в ходе судебного разбирательства доказательств того, что транспортное средство, подлежащее конфискации, принадлежит обвиняемому (на основании показаний свидетелей, документов, подтверждающих приобретение имущества, и др.) и было использовано им при совершении преступления. Судам разъясняется, что принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

Указывается, что право собственности на транспортное средство возникает с момента передачи приобретателю такого средства, а не с момента государственной регистрации в

ГИБДД, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 1 ст. 223 ГК РФ). Отдельно разъясняется, что транспортное средство подлежит конфискации, если представленные обвиняемым сведения о его отчуждении опровергаются исследованными материалами дела (например, показаниями свидетелей или документами, указывающими на отсутствие факта передачи денег обвиняемому или самого авто другому участнику договора, и т. п.).

Однако, в принятых изменениях Верховным Судом остался без внимания вопрос конфискации транспортного средства, которое является предметом залога банка по выданному потребительскому кредиту. В сложившейся судебной практике судами данное обстоятельство не всегда учитывается. Так, Ульяновский областной суд в своем апелляционном постановлении от 04.09.2023 года прямо указывает, что приобретение транспортного средства за счет кредитных средств банка и нахождение его в залоге у банка, не являются основанием для отказа в конфискации и обращению в собственность государства принадлежащего осужденному транспортного средства и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, но может служить основанием для обращения в порядке гражданского судопроизводства банка к обвиняемому по взысканию с него задолженности. В подобной ситуации обвиняемый подвергается двойной материальной ответственности: лишается транспортного средства фактически в части привлечения к уголовной ответственности и денежных средств эквивалентных транспортному средству (например, если конфискация происходит через 1-2 месяца после получения потребительского кредита) – при рассмотрении гражданского иска банка к лицу. Считаем, что подобные пробелы подлежат законодательному урегулированию.

Пристатейный библиографический список

1. Маня В. Конфискация в уголовном и административном праве: некоторые вопросы законодательной техники // Молдавия. – 2014. – С. 266.
2. Кубов Р. Х. Виды конфискации имущества в уголовном законодательстве // Российский следователь. – 2007. – № 23. – С. 12-18.
3. Михайлов В. Конфискация в национальном и международном уголовном и уголовно-процессуальном праве // Законодательство. – 2007. – № 3. – С. 71-78.
4. Вишняк И. Причиненный преступлением вред должен быть возмещен // Надзорная деятельность. Законность и правопорядок. – 2015. – № 3. – С. 23-27.
5. Шаблинская Д. В. Специальная конфискация в уголовном праве // Юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 34.
6. Самородский Е. О., Бирук М. С. Автотехническая экспертиза и следственный эксперимент – неотъемлемые орудия следователя в сборе основания для возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренно гост. 264 УК РФ // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 290-293.
7. Апелляционное постановление Ульяновского областного суда от 04.09.2023 года по делу № 22-1638/2023 // Ульяновский областной суд. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=108285>.

ДЬЯКОНОВА Виктория Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

ОБ ОСОБОЙ РОЛИ ПРИНЦИПОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЗНАЧЕНИИ ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

В данной статье исследуются вопросы, связанные с системой принципов уголовного судопроизводства, закрепленной в главе 2 УПК РФ, а также их содержанием. Вопросы систематизации принципиальных положений, отнесение правовых положений к принципам уголовного судопроизводства, формулирование критериев принципов, исходя из понятия принципа, соответственно, определение самого понятия имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Судебные решения, как и все производство по уголовным делам, должны соответствовать нормативным положениям, закрепленным в качестве принципов. Кроме того, все запреты и ограничения, устанавливаемые в УПК РФ, не должны противоречить таким положениям. В этой связи актуальным является исследование вопросов, связанных с системой принципов, понятием и содержанием, соблюдением и реализацией принципов как в общем, так и особых порядках уголовного судопроизводства. Так же, актуальным является вопрос о совершенствовании перечня принципов уголовного судопроизводства посредством включения в него других нормативных положений в качестве принципов, исходя из особого их значения для всего производства по уголовным делам и выполнения назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, система принципов, подходы к понятию принципа, признаки принципа, анализ содержания правовых норм, соблюдение положений, закрепленных в качестве принципов, конституционные принципы, отраслевые принципы, значение систематизации принципов, принцип злоупотребления процессуальными правами.

DYAKONOVA Viktoriya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Judicial activity and criminal process sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

ON THE SPECIAL ROLE OF PRINCIPLES IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE IMPORTANCE OF THEIR SYSTEMATIZATION

This article examines issues related to the system of principles of criminal procedure, enshrined in Chapter 2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as their content. The issues of systematization of fundamental provisions, the attribution of legal provisions to the principles of criminal proceedings, the formulation of criteria of principles based on the concept of principle, respectively, the definition of the concept itself has not only theoretical but also practical significance. Judicial decisions, as well as all criminal proceedings, must comply with the normative provisions enshrined as principles. In addition, all prohibitions and restrictions established in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should not contradict such provisions. In this regard, it is relevant to study issues related to the system of principles, the concept and content, observance and implementation of principles in both general and special procedures of criminal proceedings. Also, the issue of improving the list of principles of criminal proceedings is relevant by including other normative provisions in it as principles, based on their special significance for the entire criminal proceedings and the fulfillment of the purpose of criminal proceedings.

Keywords: principles of criminal procedure, system of principles, approaches to the concept of principle, signs of principle, analysis of the content of legal norms, compliance with the provisions fixed as principles, constitutional principles, sectoral principles, the importance of systematization of principles, the principle of abuse of procedural rights.

С момента вступления в силу УПК РФ не утихают научные дебаты касательно положений, включенных в главу 2 УПК РФ и закрепленных в качестве принципов уголовного судопроизводства. Научные споры касаются также и определения понятия принципа уголовного судопроизводства, и расширения системы принципов, посредством включения дополнительных положений в качестве принципиальных. И совершенствование системы принципов действительно является необходимым и оправданным, поскольку несомненно оказывает влияние на всю правовую регламентацию производства по уголовным делам, а также на процессуальную возможность вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по каждому уголовному делу. Кроме того, разрешение вопросов систематизации принципов, вместе с содержанием каждого отдельно взятого принципа, представляет особое значение для развития новых и совершенствования имеющихся в УПК РФ дифференцированных форм уголовного судопроизводства, особых производств. Верховный Суд РФ также неоднократно обращал внимание судов на

соблюдение принципов уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовных дел как в общем порядке [1], так и в особом, предусмотренном главой 40 УПК РФ [2]. В этой связи, тема принципов остается одной из самых обсуждаемых в научных кругах.

Все принципы уголовного процесса, предусмотренные в гл. 2 УПК РФ, в общем виде, можно рассматривать как закрепленные в Конституции Российской Федерации основополагающие правовые идеи, определяющие построение всего уголовного процесса, его сущности, характер и демократизм [3]. Основываясь на теории уголовно-процессуального права, принципы уголовного судопроизводства – это «исходные, основные правовые положения, определяющие назначение уголовного судопроизводства и построение всех его стадий, институтов, отдельных процедур (форм) [4]. Ученый-классик отечественного уголовного процесса, М. С. Строгович писал, что основными признаками любого принципа в уголовном процессе являются: нормативное закрепление, первичность положения и определяющее значение в отношении инсти-

Дьяконова В. В.

тутов уголовно-процессуального права [5]. Так же, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует понятие принципов уголовного судопроизводства, в науке учеными-процессуалистами предлагаются различные варианты как самого понятия, так и критериев отнесения нормативных положений к группе принципов. Так, если обратиться к данной теме, то следует констатировать тот факт, что обсуждение данных вопросов ведется еще со времен действия УПК РСФСР учеными-процессуалистами советского периода. Отличительным признаком подхода к понятию принципа уголовного процесса ученые выделяли нормативность выражения конкретного принципа и его содержания. Так М. Л. Якуб выделял три точки зрения, которые высказывались в научной литературе относительно того, что следует понимать под принципами уголовного процесса. Первая точка зрения заключается в том, что принципами признаются основные, наиболее общие положения, руководящие идеи, они формируются наукой и становятся в равной степени обязательными как для любого участника процесса, так и для законодателя. Вторая точка зрения носит более расширенные пределы, устанавливающие больше критерии отнесения правовых положений к принципам уголовного судопроизводства, определяя их «как закрепленные в законе исходные положения, определяющие его социальную сущность и направленность...» [6]. В дополнение, к данному предложению, указывали на то, что принципы должны отличаться высокой степенью общности, объединяющей содержание частных правил и правовых процедур, должны действовать на протяжении всего уголовного процесса или, в крайнем случае, в нескольких стадиях, должны иметь взаимосвязь с другими принципами уголовного процесса на основе общности целей и задач, должны обладать внутренней согласованностью между собой и иметь самостоятельное содержание [7]. Третья точка зрения, это определенный компромисс между первой и второй, где ее сторонники не настаивают на законодательном закреплении формулировки принципа, полагая, что он должен быть выведен путем анализа из положений действующего законодательства [8]. В основном, исходя из этих трех позиций выстраивается концепция института принципов уголовного судопроизводства на современном этапе развития научной мысли в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации. Анализируя действующее уголовно-процессуальное право как отрасль науки, можно сделать вывод о том, что в настоящее время, третья точка зрения наиболее характерна, поскольку принципиальные положения, отраженные в уголовно-процессуальном законодательстве и выполняющие руководящую роль, как в теории уголовного процесса, так и при непосредственном разрешении конкретных уголовных дел, не ограничиваются перечнем принципов уголовного судопроизводства, закрепленным в главе 2 УПК РФ. В данном случае такое положение принципов уголовного судопроизводства, в настоящее время, подпадает под определение принципа права, сформулированное Ж.-Л. Берজে́лем, как положения (правила) объективного права (а не естественного или идеального), который может выражаться, а может и не быть выраженным в тексте, но, как правило, обязательно применяется в судебной практике и обладает достаточно общим характером [9].

Закрепление принципов уголовного судопроизводства в отдельной главе УПК РФ безусловно является положительным моментом в свете реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства. Требования, составляющие содержание принципа «определяют весь процессуальный порядок, всю систему процесса, содержание и формы его стадий и институтов» [10] и, в силу этого, являются обязательными в процессе правоприменения.

Касательно проблемы систематизации принципов уголовного судопроизводства, объективно верным считаю мнение И. Б. Михайловской о том, что «вряд ли обоснованно абсолютизировать перечень принципов, закрепленный в законе, поскольку, с одной стороны, ...некоторые из них могут быть не имеющими практического значения декларациями, а другой - принципиально важный для данной формы институт может быть не обозначен в качестве такового» [11]. Отсюда И. Б. Михайловская делает вполне логичный вывод о необходимости анализа как всего массива уголовно-процессуальных норм, так и практики их применения, что позволит

сопоставить законодательную модель судопроизводства с ее реальным функционированием [12].

Подводя итог краткому развитию темы систематизации и совершенствования перечня принципов уголовного судопроизводства, а также их значения, можно заключить, что анализ содержания принципов, закрепленных в главе 2 УПК РФ, а также иных норм уголовно-процессуального законодательства, позволит выявить признаки принципов, критерии отнесения нормативных положений к принципиальным с целью совершенствования их перечня, закрепленного в главе 2 УПК РФ для правильного понимания их содержания и однозначного толкования правоприменителем в целях достижения назначения уголовного судопроизводства. В связи с этим, считаю наиболее верным решением официальное закрепление в качестве принципа отдельных, четко сформулированных, положений. Создание четкой системы принципов образует фундаментальный ориентир для правильного разрешения уголовных дел, вынесения по ним законных и справедливых решений. Но также немаловажное значение это имеет и для установления запретов и ограничений, определения их пределов с целью соблюдения прав участников уголовного процесса. Закрепление обязанностей за каждым участником тоже связано с соблюдением принципов уголовного процесса, поскольку определяет пределы требований должностных лиц, уполномоченных на производство по уголовным делам и других участников, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства в рамках реализации ими своих прав. В этой связи, кроме неоднократно предлагаемого варианта включения в главу 2 УПК РФ в качестве принципа публичности положения ст. 21 УПК РФ, было бы логично включить в качестве принципа добросовестность осуществления прав участниками уголовного процесса, в содержание которого можно было бы включить положения, связанные с запретом на злоупотребление процессуальными правами всеми участниками уголовного судопроизводства. В целях однозначного понимания содержания и смысла такого злоупотребления и добросовестности, следовало бы закрепить соответствующие понятия в ст. 5 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» / СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» / СПС «Консультант Плюс».
3. Уголовный процесс: учебник для вузов. Под ред. В. П. Божьева. 2-изд. - М.: Спарк, 2000. - С. 74.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. - М.: Юристъ, 2003. - С. 174.
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. - М., 1968. - Т. 1. - С. 124.
6. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. - М.: Юрид. лит., 1971. - С. 10.
7. Вандышев В. В. Система принципов нового уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2004 г. Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию и памяти профессора Ю. Д. Лившица. 1-2 апреля 2004 г. - Челябинск: ЮУрГУ, 2004. - С. 107.
8. Михайловская И. Б. Цели, Функции и принципы Российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. - С. 110.
9. Берже́ль Ж.-Л. Общая теория права. - М., 2000. - С. 560.
10. Давыдов П. М. Принципы советского уголовного процесса. - Свердловск, 1971. - С. 3.
11. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы Российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. - С. 117.
12. Там же. - С. 117.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-351-353

ЕГОРОВ Александр Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

СОСТЯЗАТЕЛЬНЫЕ НАЧАЛА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

В статье рассматривается исследование показаний свидетеля в судебном следствии в уголовном судопроизводстве путем непосредственного допроса и путем оглашения протоколов допросов свидетелей, произведенных в ходе предварительного расследования, с точки зрения обеспечения состязательности уголовного процесса и равноправия сторон.

Ключевые слова: состязательность, равноправие сторон, судебное следствие, допрос свидетеля, оглашение протоколов допросов.

EGOROV Alexander Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Judicial activities and criminal process sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

Егоров А. Ю.

ADVERSARIAL PRINCIPLES WHEN EXAMINING THE TESTIMONY OF WITNESSES IN A TRIAL

The article discusses the testimony of a witness in a judicial investigation in criminal proceedings through direct interrogation and through the announcement of protocols of interrogations of witnesses carried out during the preliminary investigation, from the point of view of ensuring the adversarial nature of the criminal process and equality of the parties.

Keywords: adversarial process, equality of parties, judicial investigation, interrogation of a witness, announcement of interrogation protocols.

Состязательность уголовного судопроизводства предусмотрена Конституцией России, а также в ст. 15 УПК РФ, как его принцип. Необходимость обеспечения состязательности и равноправия сторон при производстве по уголовному делу, впрочем, не вызывает сомнений, пожалуй, ни у кого из исследователей и практиков, независимо и от такого законодательного её закрепления.

Очевидно, что о реальной состязательности и равноправии сторон можно говорить лишь при условии, что сторонам предоставлены равные (сравнимые) возможности при исследовании доказательств в судебном разбирательстве.

Среди видов доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, особняком (в плане их исследования) стоят показания. Всего в действующем законодательстве предусматривается шесть видов показаний, но общее у них одно – любые показания представляют собой сделанное на допросе сообщение допрашиваемого лица об известных ему обстоятельствах, имеющих отношение к уголовному делу, выраженное в виде ответа на вопрос допрашивающего [5, с. 291-303]. Из этого, в частности, следует то, что показания должны быть только устными, что обуславливает единственный способ их получения и исследования – заслушивание в ходе допроса [1, с. 18-23].

При всем этом, именно в уголовном процессе исторически сложилась особая значимость именно показаний среди иных доказательств. Поэтому неслучайно в п. d ст. 6 Европейской Конвенции в защиту прав человека и основных свобод закреплена необходимость обеспечения стороне защиты возможности допрашивать свидетелей обвинения и представлять своих свидетелей на тех же условиях, которые предусмотрены для стороны обвинения.

Таким образом, исследование показаний в судебном разбирательстве (в судебном следствии) должно происходить путем устного допроса сторонами и судом, поскольку это, во-первых, соответствует природе данного вида доказательств, а во-вторых, обеспечивает состязательность и равноправие сторон. Как отметил Конституционный Суд РФ: «Оглашение же показаний не явившихся в суд потерпевшего или свиде-

теля, данных при производстве предварительного расследования, рассматривается как исключение и допускается лишь в случаях, предусмотренных законом (часть вторая статьи 240, статьи 276 и 281 УПК Российской Федерации), что обусловлено как необходимостью устранения неравенства в процессуальных возможностях по исследованию доказательств между стороной защиты и стороной обвинения, проводившей допросы потерпевших и свидетелей в ходе досудебного производства и составившей соответствующие протоколы, так и стремлением создать для суда условия, при которых ему обеспечиваются свободные от постороннего влияния восприятие и оценка показаний участников уголовного судопроизводства» (Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 г. № 2252-О по жалобе гражданина И. Н. Хасенова).

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве данное положение нашло отражение в закрепленных общих условиях непосредственности и устности (ст. 240 УПК РФ), развитых в положениях о допросах подсудимого, свидетеля, потерпевшего, эксперта и специалиста (ст.ст. 275-282 УПК РФ). В данной статье основное внимание обращено на показания свидетелей.

Однако свидетели, потерпевший (равно как подозреваемый, обвиняемый, иногда – эксперт и специалист) допрашиваются также и на стадии предварительного расследования. Имеющиеся в материалах уголовного дела протоколы их допросов являются допустимыми доказательствами, поэтому игнорировать их полностью нельзя. Устанавливая общее правило о необходимости устного и непосредственного допроса лица в судебном заседании в качестве общего правила, законодатель предусмотрел возможность оглашения показаний этого же лица, изложенных в протоколе его допроса, произведенного в ходе досудебного производства.

Такие исключения можно разделить на две группы: оглашение протокола допроса явившегося свидетеля; оглашение протокола допроса неявившегося свидетеля.

Если свидетель явился в суд и дал показания, огласить его показания, содержащиеся в протоколе его досудебного

допроса, возможно при наличии существенных противоречий между ними (ч. 3 ст. 281 УПК РФ). С точки зрения состоятельности проблем при этом никаких нет – ведь свидетель в суде допрошен, защита имела возможность задать ему свои вопросы. Более того, российское законодательство нормативно не предусматривает так называемого перекрестного допроса, но оглашение показаний явившегося свидетеля для разрешения появившихся при судебном допросе противоречий в показаниях по существу и представляет собой такой вид допроса.

На практике тоже, как правило, не возникает затруднений, единственный спорный нюанс – если свидетель в суде, по сути, не дал никаких показаний, сославшись на то, что не помнит обстоятельств, о которых его допрашивают.

Случай нередкий, поскольку с учетом длительности предварительного расследования и судебного разбирательства (особенно тогда, когда уголовное дело возвращается на дополнительное расследование прокурором, либо возвращается судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а тем более – когда приговор отменяется и уголовное дело возвращается на более раннюю стадию судом апелляционной или кассационной инстанции) между событием и допросом в суде проходит значительное время, во всяком случае большее, чем до допроса свидетеля на стадии предварительного расследования.

С точки зрения формальной логики между ответом «не помню» и ранее данными показаниями нет противоречия. Нечасто, но это становится предметом спора в судебном заседании. Но все-таки чаще в такой ситуации показания из протокола допроса, произведенного на стадии предварительного расследования, оглашаются. Скорее стоит с этим согласиться, поскольку здесь имеет место другое основание для оглашения показаний – свидетель отказался от дачи показаний (ч. 4 ст. 281 УПК РФ). Возможность оглашения имеющихся в материалах дела показаний при отказе свидетеля (или потерпевшего) от их дачи в суде особых сомнений не вызывает, что подтверждается практикой (см. напр. Определение № 14-УД22-4СП-А1 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2023 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023).

Если же свидетель не явился в суд по вызову, ситуация несколько сложнее.

Как первый вариант закон рассматривает возможность оглашения имеющихся показаний неявившегося свидетеля при согласии на это обеих сторон, причём в первоначальной редакции УПК РФ это был единственный случай, когда это допускалось [2, с. 56-60]. Согласно ч. 1 ст. 281 УПК РФ, при согласии обеих сторон допускаются оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов.

Казалось бы, все просто. Однако на практике возникают проблемные ситуации. Так, при рассмотрении уголовного дела в Красноуфимском городском суде Свердловской области о время судебного следствия на этапе представления доказательств стороной защиты защитником было заявлено ходатайство о вызове и допросе свидетеля Ш., ранее допрашивавшегося на стадии предварительного расследования.

Еще ранее, по просьбе стороны обвинения, по месту его жительства было направлено судебное извещение (повестка); было установлено (со слов государственного обвинителя), что Ш. в настоящее время находится в г. Серов Свердловской области, где поставлен на учет органами внутренних дел в связи с нахождением под административным надзором.

По просьбе стороны защиты, судом были предприняты меры по вызову данного свидетеля, а именно: председательствующий вынес постановление о приводе Ш. по месту его регистрации; было направлено поручение органам внутренних дел г. Серова Свердловской области об установлении места нахождения Ш.

В результате, привод Ш. не был осуществлен по причине его отсутствия по месту регистрации, согласно ответу органа внутренних дел г. Серова Свердловской области, место его нахождения в г. Серов также не установлено.

Защитником, с учетом того, что обеспечить явку свидетеля Ш. в судебное заседание не представилось возможным, было заявлено ходатайство об оглашении его показаний, данных им на стадии предварительного следствия. В удовлетворении данного ходатайства председательствующим было отказано, несмотря на то, что сторона обвинения (государственный обвинитель и потерпевший) не возражали против его удовлетворения.

При этом мотивом отказа председательствующий указал то, что судебное извещение не было вручено данному свидетелю.

Таким образом, в описанном случае стороны были согласны на оглашение показаний неявившегося свидетеля, однако председательствующий не согласился с этим. Однако и дополнительных мер по его вызову или приводу суд не предпринял, в результате показания данного свидетеля вообще не были исследованы в судебном следствии.

Представляется, что согласие обеих сторон на оглашение показаний неявившегося свидетеля не является обязательным для суда, суд действительно вправе признать невозможным оглашение протокола его допроса. Однако в таком случае суд не вправе на этом остановиться – отказ в оглашении протокола допроса неявившегося свидетеля должен влечь продолжение мер по обеспечению его явки для допроса в судебном заседании. В противном случае следует говорить о допущенном судом процессуальном нарушении, ограничивающем права сторон на представление доказательств.

Еще сложнее, если свидетель не является, а одна из сторон не согласна на оглашение протокола его допроса на досудебном этапе. По общему правилу, в таком случае надлежит отложить судебное заседание и принять меры по обеспечению явки данного лица.

Однако в ситуациях, когда обеспечить явку свидетеля объективно невозможно (их исчерпывающий перечень закреплен в ч. 2 ст. 281 УПК РФ), даже возражения одной из сторон не являются препятствием для оглашения протокола его допроса, в том числе произведенного на стадии предварительного расследования [5, с. 524].

И в этой ситуации закон предусмотрел правило, напрямую связанное с обеспечением состоятельности и равноправия сторон [3, с. 289-290]. Согласно ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ во всех указанных в части второй этой же статьи случаях, за исключением смерти неявившегося лица, решение об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с их участием, если против этого возражает сторона защиты, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Для сравнения – ст. 372 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан подобной «привилегии» для стороны защиты не предусматривает, более того – не предусматривает вообще перечня конкретных обстоятельств, влекущих невозможность обеспечить явку свидетеля в суд (это определяется судом). Аналогичные правила предусмотрены и ст. 333 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Объяснение предоставления такого «права вето» стороне защиты заключается в том, что на стадии предварительного расследования допрос свидетелей в подавляющем большинстве случаев производится следователем (дознавателем), то есть участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения, без участия стороны защиты. Таким образом, стороне защиты не предоставляется возможности задать свидетелю свои вопросы, которые могут в некоторых случаях существенно изменить содержание показаний или выявить сомнения свидетеля в правильности сообщаемых им сведений, которые он без этих дополнительных и уточняющих вопросов мог считать бесспорно достоверными. Восполнить

это и восстановить равноправие сторон возможно только путем допроса свидетеля в суде, в котором участвуют и задают ему вопросы обе стороны.

Преодоление этого «вето» закон увязывает с теми случаями, когда, как указано выше, стороне защиты в ходе судебного производства было предоставлено право оспорить показания такого свидетеля предусмотренными законом способами.

Специально таких способов процессуальное законодательство не выделяет. Однако в судебной практике чаще всего в качестве таких способов называют очную ставку (очевидно между обвиняемым и данным свидетелем). Например в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 за 2016 г. указано: «Суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся свидетелей, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц, в частности в ходе очных ставок с его участием» (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ № 67-АПУ16-9). Очевидно, к таким способам можно отнести и те редкие случаи, когда защитнику было предоставлена возможность участвовать в допросе свидетеля, а также когда при допросе обвиняемого или подозреваемого ему предъявлялись протоколы допросов свидетелей и предоставлялась возможность дать свои показания по существу их показаний.

В любом случае, полагаем ошибочной позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в абз. 4 п. 4 уже упомянутого Определения Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 г. № 2252-О по жалобе гражданина И. Н. Хасенова, состоящую в том, что необходимость в конкретизации способов «оспаривания» стороной защиты показаний свидетеля, данных им на стадии предварительного расследования, отсутствует. На практике это вызывает споры относительно того, была ли предоставлена стороне защиты возможность оспорить показания свидетелей, которые были бы исключены при четком определении того, что означает: «Предоставлено право оспорить показания такого свидетеля».

Например, при рассмотрении уголовного дела Верх-Исетским районным судом г. Екатеринбург во время судебного следствия судом по ходатайству стороны обвинения были оглашены показания недопрошенных непосредственно в судебном заседании свидетелей: Л. – в связи с состоянием здоровья; М1, М2., Щ. – в связи с отсутствием по месту жительства; Ф. – в связи со смертью, со слов жены. При этом защита возражала против оглашения показаний данных свидетелей, считая, что возможности оспорить показания перечисленных свидетелей во время предварительного следствия не было предоставлено. Суд отклонил возражения стороны защиты, сославшись на то, что защита не ходатайствовала об очных ставках именно с этими свидетелями.

В такой ситуации следует обратить внимание вновь на абз. 4 п. 4 уже упомянутого Определения Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 г. № 2252-О по жалобе гражданина И. Н. Хасенова, в котором также определено: «Вместе с тем реализация стороной защиты своих прав, касающихся проверки и опровержения показаний, значимых, по ее мнению, для разрешения уголовного дела, предполагает активную форму поведения. Бездействие самого обвиняемого (подсудимого) или его защитника относительно осуществления этих прав не может расцениваться как непредоставление ему возможности оспорить соответствующие показания предусмотренными законом способами».

Данные выводы Конституционного Суда РФ, как показывает приведенный пример, интерпретируются следующим образом: определение того, было или не было предоставлено стороне защиты право на оспаривание показаний неявившегося свидетеля, данных им на досудебном этапе, полностью ставится в зависимость от поведения самой стороны защиты, а именно – просила ли она о том, чтобы ей дали возможность оспорить эти показания, или нет.

Полагаем, такой подход не может быть признан верным. Ведь предоставление или не предоставление права на

оспаривание показаний свидетелей имеет значение только в контексте неявки этих свидетелей. При этом очевидно, что сторона защиты не может знать заранее о том, какие свидетели явятся в суд, а какие нет. Поэтому если она не «подстраховалась», заявив заранее ходатайство, например, об очной ставке со свидетелем, ее поведение никак нельзя признать неразумным и недобросовестным. По сути, такая позиция провоцирует сторону защиты «на всякий случай» заявлять ходатайство об очной ставке со всеми свидетелями по делу, что как раз более всего похоже на злоупотребление правом. В приведенном примере по делу имелось более 100 свидетелей, неужели всерьез следовало ходатайствовать об очных ставках со всеми ними просто на случай их возможной неявки?

При этом сама сторона защиты, в сложившейся ситуации, совершенно не заинтересована в таком поведении, поскольку вправе закономерно рассчитывать не на суррогат судебного допроса в виде очной ставки (в ходе которой, кстати, следователь вправе ответить любой вопрос свидетелю со стороны защиты), а на полноценный допрос в судебном следствии. К тому же для очной ставки обязательным условием является наличие существенных противоречий в показаниях свидетеля и обвиняемого, но сторона защиты имеет полное право рассчитывать на допрос свидетеля и при отсутствии таких противоречий (например, в ситуации, когда стороной защиты избрана позиция отказа от дачи показаний на стадии предварительного расследования).

Как видим, приведенное положение определения Конституционного Суда РФ, с учетом его интерпретации на практике, по сути, сводит на нет то самое «право вето» стороны защиты на оглашение протоколов допросов, произведенных на стадии предварительного расследования, которое предусмотрено ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ. Поэтому следует пожелать, чтобы данные выводы получили дальнейшее уточнение и разъяснение, на законодательном уровне, от Пленума Верховного Суда РФ или самого Конституционного Суда РФ.

В завершение полагаем возможным заключить, что при решении любых вопросов, связанных с исследованием показаний в судебном следствии, следует четко различать показания, как устное сообщение допрашиваемого лица, и протокол его допроса, как совершенно разные по своей природе доказательства.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьева А. А. Проблемы формирования личного доказательства в смешанном уголовном процессе // Российский судья. – 2003. – № 7.
2. Беседин Г. Е. Оглашение показаний свидетеля, потерпевшего и подсудимого в уголовном процессе России: история и современность // Российский судья. – 2003. – № 7.
3. Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2016.
4. Уголовный процесс: учебник / Под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. – М.: Инфотропик Медиа, 2016.
5. Уголовный процесс: учебник для вузов. 2-е изд. / Под общ. ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2006.

ОСТАПЕНКО Максим Витальевич

аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, адвокат Санкт-Петербургской объединенной коллегии адвокатов «Невская»

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ КАК КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье приводятся основные критерии уголовного судопроизводства, обуславливающие качество отправляемого правосудия. Соблюдение правоприменителем указанных критериев повышает доверие общества к судебной системе. Правильное и обоснованное применение судебного усмотрения позволяет судье выносить справедливые решения, механизм принятия которых понятен всем участникам судопроизводства. Дискреция пронизывает все этапы уголовного судопроизводства, пребывая в прочной взаимосвязи с принципами и критериями судебного разбирательства.

Ключевые слова: судебское усмотрение, качество правосудия, критерии судопроизводства.

OSTAPENKO Maxim Vitaljevich

postgraduate student of Judicial activity and criminal process sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University, lawyer of the St. Petersburg Joint Bar Association «Nevskaya»

JUDICIAL DISCRETION AS A CRITERION FOR THE QUALITY OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article provides the main criteria of criminal proceedings that determine the quality of justice served. Compliance by law enforcement officials with these criteria increases public confidence in the judicial system. The correct and reasonable use of judicial discretion allows the judge to make fair decisions, the mechanism for making which is clear to all participants in the proceedings. Discretion permeates all stages of criminal proceedings, being in a strong relationship with the principles and criteria of judicial proceedings.

Keywords: judicial discretion, quality of justice, criteria of legal proceedings.

Сегодня в обществе много говорится о качестве правосудия. С одной стороны, согласно определению С. И. Ожегова: качество – это «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность (спец.)»¹. С другой – «совокупность минимально допустимых требований к продукции, обуславливающих её пригодность удовлетворять определённые потребности в соответствии с её назначением»². В контексте данной статьи, качество правосудия – это ощущение «потребителем» (то есть участником процесса) удовлетворенности беспристрастным процессом судопроизводства в условиях истинного равенства сторон и законным и справедливым итоговым решением, соответствующим балансу публичных и частных интересов.

Надлежащее функционирование судебного процесса оказывает прямое влияние на то, смогут ли стороны в полном объеме реализовать свои права при рассмотрении дела. Судебный процесс – это средство принудительной реализации материального права. Соответственно можно сказать, что значимость судебного процесса определяется совокупностью инструментальных соображений. Полагаем, что согласно современному видению судебного процесса, существует внутренняя ценность в самом процессе. Результатом качественного судебного процесса должен быть правильный по своей сути результат, а сам процесс должен восприниматься как справедливый и понятный для всех его участников с точки зрения применения судом процессуального закона. Люди формируют своё мнение о справедливости судебного разбирательства главным образом на основании объективности и

беспристрастности самого судебного разбирательства, а не только конечного результата. Сторона может быть не согласна с принятым судом решением, но она должна понимать, на основании чего суд пришел к тем или иным выводам, отразив их в итоговом акте. Высокий стандарт качества судебного процесса способствует повышению доверия не только к судам, но и к правовой системе в целом. Принимая внимание упомянутые значимые обстоятельства, судебный процесс можно рассматривать в свете множества качественных критериев.

Фундаментальными из них, безусловно, являются открытость и прозрачность судебного разбирательства, независимость и беспристрастность суда, соответствие действий суда при рассмотрении дела процессуальному законодательству, справедливость принимаемого решения – итогового судебного акта. Отдельным критерием, на наш взгляд, занимающим особое место среди прочих, стоит отметить судебское усмотрение. Данный феномен, при отсутствии законодательного определения, тем не менее пронизывает весь процесс рассмотрения уголовного дела в суде и находит своё применение на всех стадиях процесса – с момента поступления дела в суд с обвинительным заключением (актом) до разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Под судебским усмотрением понимается «полномочие, данное лицу, которое обладает властью, выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна» [3, с. 13]. Оно является специфическим элементом процессуальной самостоятельности судьи. Судебское усмотрение наличествует в области толкования судом норм текущего законодательства (толкования правовой нормы) и принципов и норм международного права. Это процесс постоянного совершенствования судебной практики. И закон, и судебское усмотрение – равные образцы правоприменения и правотворчества. И. А. Покровский в труде «Основные проблемы гражданского права» писал, что «закон и суд – не две враждебные силы, а два одинаково необходимых фактора юрисдикции. Оба имеют одну и ту же цель – достижение материально справедливого. Закон для этой цели нуждается в живом дополнении и сотрудничестве судьи» [20]. Необходимость судебного усмотрения в условиях относительной определенности предписаний уголовного и уголовного-про-

1 Ожегов С. И. Материал из Википедии — свободной энциклопедии: Версия 10326782, сохран. в 16:02 UTC 4 августа 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. — Электрон. дан. — Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782> (дата обращения: 30.03.2023 г.).

2 Качество. Материал из Википедии — свободной энциклопедии // Википедия, свободная энциклопедия. — Электрон. дан. — Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=10326782> (дата обращения: 30.03.2023 г.).

цессуального права – это одна из причин, по которым невозможно полностью отстранить человека от осуществления правосудия и заменить его роботами или нейросетями.

Аналогия закона и аналогия права основаны на широком судебском усмотрении. Такие аналогии призваны урегулировать пробелы в праве – так называемые правовые лакуны, когда отсутствует четкая правовая норма для правоприменения. Это обусловлено прежде всего тем, что в своей деятельности суд сталкивается с широким спектром жизненных ситуаций, различными их оттенками, которые невозможно учесть в процессе нормотворчества. Именно это приводит к всё большему применению судебского усмотрения. Зная об этом, законодатель условно формирует рамки, очерчивающие границы поведения судьи в процессе уголовного судопроизводства. Судейское усмотрение не может быть безграничным. Суд должен соблюдать правила, установленные законом. По мнению А. И. Ковлера, «судейское усмотрение проявляется в ситуации, когда у судьи есть несколько законных вариантов разрешения правового спора или несколько вариантов толкования в рамках имеющейся судебной практики, но он выходит за эти рамки, и тогда его выбор имеет юридическую силу, корректирующую предыдущую практику. Чтобы не возникло правовой анархии, и действует судейское усмотрение, которое апеллирует к рамкам закона и редко выходит за его пределы» [20, с. 44]. Но следует заметить, что возможность выбора поведения судьи не должна строиться по единому шаблону. Нет сомнений в том, что в дальнейшем совершенствовании нуждаются механизмы ограничения судебского усмотрения, как процедурные, так и материальные. Проблема выбора из возможных вариантов должна находиться в границах правовой стабильности, исходя из конкретного дела, его обстоятельств, выбор должен быть мотивированным.

Качество процесса не безразлично также и для конкретного судьи, потому что основная часть его работы – вынесение решения – происходит в рамках процесса. Хорошо организованный судебный процесс служит прочной основой для вынесения качественного решения. Отталкиваясь от этой максимы, судебный процесс в контексте судебского усмотрения можно рассматривать в свете множества качественных критериев такого усмотрения: и соблюдения судом таких принципов судопроизводства как состязательность и равенство сторон, и понятное для всех участников применение судебского усмотрения, и справедливость назначаемого наказания, и способность суда постановить оправдательный приговор, когда это предписывается законом. Процесс может считаться высокого качества только тогда, когда он обеспечивает надлежащие процессуальные гарантии всех без исключения участников процесса. Общество понимает, что судебное разбирательство было прозрачным, непредвзятым, а, следовательно – достойным доверия. Вынесенное решение в таком случае посчитают справедливым и обоснованным.

Как уже было отмечено выше, судебское усмотрение неразрывно связано с таким фундаментальным критерием качества как открытость и прозрачность судебного разбирательства. Здесь мы не ведем речь о так называемых закрытых судебных заседаниях по уголовным делам, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 241 УПК РФ. Вместе с тем, стоит отметить, что п. 1 и п. 4 ч. 2 указанной статьи, судья принимает решение о закрытии судебного заседания, реализуя свои дискреционные полномочия, то есть – судебское усмотрение, оценивая наличие или отсутствие государственной или иной охраняемой законом тайны, объем таких сведений или принимая во внимание интересы безопасности участников судебного заседания. Судья не должен необоснованно «закрывать» судебное заседание, в том числе на отдельных стадиях производства по делу, тем самым ограничивая возможность общества следить за ходом его рассмотрения и принимаемыми судом процессуальными решениями. Обеспечение гласности при рассмотрении уголовных дел, особенно, по социально – значимым (например, коррупционным или так называемым «политическим» делам) многократно повышает доверие общества к судебной власти, укрепляя уверенность общества в доступности и открытости правосудия.

Следующий важный качественный критерий процесса – это независимость и беспристрастность судьи. Данные критерии сами по себе являются основными принципами правосудия. Судья волен разрешать дело только на основании доказательств, представленных сторонами и исследованных в судебном заседании. Под независимостью судей уголовно-процессуальный закон понимает подчинение судьи только Конституции РФ и федеральному закону и рассмотрение дела в условиях, исключающих любое постороннее воздействие на них³. Под беспристрастностью понимается отсутствие у суда приверженности к одному из возможных вариантов разрешения дела или к одной из заинтересованных сторон. Кстати, повязка на глазах Фемиды – богини правосудия олицетворяет судебскую беспристрастность.

Согласно ст. 17 УПК РФ, суд оценивает доказательства на основании своего внутреннего убеждения, руководствуясь при этом законом и совестью. Причем, как и в случае с понятием «судейское усмотрение», законодатель нигде не дает определение ни «внутреннему убеждению», ни «совести». Несмотря на отсутствия дефиниции внутреннего убеждения, мы склонны считать, что это индивидуальное и независимое мнение судьи, которое формируется на основе доказательств, исследуемых в судебном заседании, и отражает его субъективное отношение к объективной реальности касаясь обстоятельств уголовного дела. Формирование внутреннего убеждения судьи при рассмотрении дела является процессом, основанным на рациональном анализе фактических обстоятельств, связей между деянием и последствиями, ценностных установок правоприменителя и их соответствия с уголовно-правовыми запретами.

Вместе с тем, эмоциональные процессы, которые сопровождают судью в процессе рассмотрения дела, имеют значительное влияние на формирование внутреннего убеждения. В связи с этим у суда убеждение о виновности лица может сформироваться еще в середине судебного процесса, когда судья может быть заведомо согласен с обстоятельствами, указанными в обвинительном акте, либо же внутреннее убеждение может возникать на основе своих предыдущих решений (например, рассмотрения вопроса по мере пресечения на досудебной стадии тем же судьей). Стоит также помнить, что судья – прежде всего – человек, и ему не чуждо ничто человеческое. Так, например, чувство эмпатии к подсудимому, при доказанной виновности, может существенно влиять на размер и вид наказания, как и некорректное поведение потерпевшего в процессе, равно как и непрофессионализм или злоупотребление правами его представителя.

В связи с этим законодатель обязывает суд накладывать свое внутреннее убеждение на паттерн из закона и совести. Если применение судебского усмотрения в очерченных законом границах, по общему правилу, не должно вызывать затруднений у судей, то с применением совести как мерила оценки доказательств и реализации дискреционных полномочий суда, дело, порой, обстоит иначе. И. Б. Михайловская справедливо отмечает, что упоминание о совести в УПК РФ вводит нравственно-эмоциональный компонент в процесс принятия решений по уголовному делу, что может повысить шансы защиты по уголовному делу и усилить действие презумпции невиновности [17]. Статья 17 УПК РФ велит субъектам оценки доказательств руководствоваться совестью, как равнозначным закону критерием, поскольку не устанавливает какую-либо иерархию между этими понятиями в рамках диспозиции статьи.

В законодательстве России времен гражданской войны (УПК РСФСР 1922 г.) решения и приговоры революционных военных трибуналов основывались на «интересах Социалистической Республики, защите ее от врагов социалистической революции и интересах классовой борьбы за торжество пролетариата»⁴, руководствуясь «революционным коммуни-

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023).

4 Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР»).

стическим правосознанием и революционной совестью»⁵. В соответствии со ст. 71 УПК РСФСР 1960 г. «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием»⁶.

Стоит особо отметить тот факт, что в силу ч. 1 ст. 67 ГПК РФ «суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств»⁷, а согласно ч. 1 ст. 71 АПК РФ «арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств»⁸. Схожим образом сформулирована и ст. 26.11 КоАП РФ: «Судья, члены коллегиального органа, должностное лицо, осуществляющие производство по делу об административном правонарушении, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности»⁹.

Иными словами, российский судья обязан руководствоваться совестью лишь оценивая доказательства в уголовном процессе, тогда как иной (или даже тот же самый) судья, принимая решение по гражданскому делу или по делу об административном правонарушении уже своей совестью руководствоваться, получается, не должен. Мотивы такой разницы в конструкциях указанных норм и особое место совести именно в уголовном процессе остаются неясными.

Судебная система, как и любая другая, функционирует согласно системным законам иерархии, принадлежности и баланса. При несоблюдении этих законов, ей грозит разрушение в том виде, в котором она существует. И основной механизм, обеспечивающий продолжение существования любой системы – механизм коллективной (системной) совести. Иными словами, если индивидуальная совесть призвана помогать субъекту существовать внутри какой-то системы, то коллективная совесть индифферентна к проблемам индивида, ей задачей является поддержание работоспособности самой системы.

Концепция системной совести предполагает, что внутри организации, группы или общества существует своего рода моральное или этическое сознание, которое может иметь приоритет над индивидуальными убеждениями и совестью членов этой организации. Это может привести к тому, что организация будет приоритизировать свои интересы и выживание над интересами и совестью индивидуальных членов. Данная концепция часто обсуждается в контексте организационной этики и морали. Она может использоваться для объяснения того, как организации могут принимать решения или вести себя так, что это может пойти вразрез с индивидуальными ценностями и совестью их членов. Это может включать в себя такие явления, как коллективное бездействие в ситуациях нарушения этических норм, «групповую мысль», когда члены организации принимают морально спорные решения, или даже соблюдение норм и правил, которые могут казаться несправедливыми или неэтичными.

Данная концепция, считаем, является неотъемлемой частью действующей судебной системы в России. Судейское усмотрение, формируемое под влиянием индивидуальной совести судьи, искажается, по причине того, что на такое усмотрение начинает влиять совесть системная – негласные установки председателей судов, неофициальные практи-

кообразующие директивы судов кассационных инстанций, прокуроров городов и субъектов, насаждающих свою «негласную» практику. Кроме того, частью инструментария по «подавлению» индивидуальной совести судьи являются различного рода статистические показатели отмен и изменений итоговых решений судьи, приводящие к негативным материальным и профессиональным последствиям для него, вплоть до прекращения полномочий. Иными словами, принятие решений, руководствуясь персональной, а не системной совестью, может стоить судьбе карьеры.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «системная» совесть сегодня представляет одну из главных опасностей для судебной власти в России. Крайне неудачная конструкция упомянутой ст. 17 УПК РФ буквально ставит закон и совесть судьи на одну ступень значимости, не раскрывая при этом алгоритм принятия решения судьей, то есть применения судейского усмотрения, если требования этих двух критериев в каком-то конкретном случае, расходятся. Именно поэтому истинная независимость и беспристрастность суда является таким же фундаментальным критерием качества правосудия, позволяющее обществу констатировать объективность отдельного представителя судебной власти как лица всей судебной системы.

Еще одним критерием качества судебного процесса, который неразрывно связан со всеми иными, стоит отметить качество судебного решения. М. С. Шалумов справедливо отмечает, что в уголовном процессе, судейское усмотрение находит свое применение прежде всего при назначении наказания подсудимому, которое должно основываться на принципах справедливости и гуманизма. Руководствуясь принципом справедливости, суд должен принимать решение в части размера и вида наказания, исходя из степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности подсудимого. Судья не может произвольно принимать решения в процессе рассмотрения уголовного дела, поскольку алгоритм четко определен действующим законодательством. Судье необходимо исследовать доказательства, предоставляемые сторонами в процессе, и на основании этого исследования верно определить фактическую сторону дела. Если суд приходит к выводу, что преступление было совершено подсудимым, то должен дать юридическую квалификацию содеянному, а если преступления не было, или оно совершено иным лицом, - решить вопрос о вынесении оправдательного приговора. Следует согласиться с М. С. Шалумовым, поскольку во всех этих вопросах у судьи нет возможности проявления усмотрения в принятии соответствующего процессуального решения [26, с. 40-44]. Е. Г. Авакян считает, что «судейское усмотрение должно быть понятно защите и должно быть основано на определенных принципах. Восприятие обществом судейского усмотрения зависит напрямую от уровня доверия к суду в целом» [26, с. 45].

О качестве правосудия нередко также судят и по такой составляющей, как «предсказуемость» судебного решения. Занимательно, что во Франции введена уголовная ответственность за использование анализа судебной практики, позволяющего спрогнозировать какое решение по делу может вынести конкретный судья [10]. Французские судьи выразили опасение, что судебные решения, находящиеся в открытом доступе, используются для анализа модели поведения судьи и предугадывания исходя рассмотрения дела. Так, судейское усмотрение в информационном пространстве может быть в определенной степени просчитано программами с искусственным интеллектом. Это с большой долей вероятности может стать определенным вызовом профессиональному самосознанию судейского сообщества в ближайшее время [26, с. 40-45].

Качество судебного решения в значительной степени зависит от судейского усмотрения. Однако, как справедливо отмечает В. Н. Мартышкин, вывести единую формулу, определяющую с математической точностью алгоритм судейского усмотрения, и определить механизмы ограничения судейского усмотрения означало бы открыть универсальный способ осуществления правосудия [16, с. 35-37].

5 Там же.

6 Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960).

7 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.11.2023).

8 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023).

9 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.11.2023).

Как отмечает В. В. Момотов, «в работе судьи всегда преобладает интеллектуальный труд, требующий постоянного поиска новых форм и методов с учетом меняющихся условий. В судейскую мантию не должны быть облачены люди с парализованной волей и атрофированной интеллектуальной мускулатурой, это должны быть люди творческие и волевые» [26, с. 45]. Следует согласиться с данным утверждением, поскольку судейское усмотрение не должно основываться на клише, формализме и шаблонном подходе к рассматриваемым делам.

Таким образом, судебная деятельность основывается на законодательстве и на компетентности кадрового состава судов. Продуктом судебного разбирательства можно назвать как сам процесс судопроизводства, соответствующий букве закона и обеспечивающий реальное равенство сторон, так и решение по делу – законное, справедливое и мотивированное. Такой продукт не может «производиться» всегда одинаково. Каждое дело во многих смыслах этого слова уникально. Законодательство наделяет правоприменителя широким усмотрением при применении закона в каждом конкретном деле, что позволяет судье вынести наиболее правильное, то есть законное и справедливое в данном случае решение.

Однако, когда мы говорим о качестве судебной деятельности в контексте усмотрения судьи, то следует учесть, что стандарт качества не может определяться пожеланиями потребителей. Что касается работы суда, нужно учитывать, что оценка качества судебного процесса не может основываться только на том, доволен потребитель или нет. Судебное разбирательство, усмотрение судьи, вынесение им решения, являются деятельностью, ограниченной рамками закона, требующей беспристрастия и единства условий для всех участников. Удовлетворённость деятельностью судов и качеством судебных решений скорее может означать, что услуги, оказанные потребителю в соответствии с законом и иными нормами и отношение к нему со стороны других участников процесса были настолько хороши, насколько это возможно в рамках действующего законодательства.

Пристатейный библиографический список

- Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002.
- Азаров В. А., Беккер Т. А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2019.
- Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.
- Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.
- Гаджиев Г. А. О принципе пропорциональности и конституционной кассации // Судья. 2019. № 7.
- Галаган И. А., Василенко А. В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3.
- Горевой Е. Д. Внутреннее судейское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам. М., 2008.
- Грачева Ю. В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
- Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении? Пер. с нем. // Сочинения. В 8 т. М., 1994.
- Квач А. За анализ судебной статистики будут давать судебные строки // Legal Report 11 июня 2019 г.
- Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4.
- Корнакова С. В., Щербаков В. А. Судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2018. № 10.
- Курносова В. В. Мустякимова Н. Р. Проявление судейского усмотрения в правовых системах современности // Российский судья. 2019.
- Левченко О. В., Хузиахметов Д. М. Пределы судебного усмотрения в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2012. № 2.
- Литвинцева Н. Ю. Законность при производстве по уголовному делу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14).
- Мартышкин В. Н. Судебное усмотрение при условном осуждении, условно-досрочном освобождении и примирении сторон // Уголовный процесс. 2008. № 3.
- Михайловская И. Б. Оценка доказательств. Уголовный процесс / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001.
- Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь, 2002.
- Папкова О. А. Усмотрение суда. М., 2005.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Право, 1917
- Прения по реферату В. К. Случевского. Протоколы заседаний отделений Санкт-Петербургского юридического общества // Журнал гражданского и уголовного права. 1880.
- Принципы современного российского уголовного судопроизводства. М., 2015.
- Рарог А. И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2003. № 2.
- Россинский С. Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 10.
- Сарсенов А. М. Судейское усмотрение в современных правовых системах: Дис. ... докт. филос. наук. Астана, 2009.
- Судейское усмотрение в ситуации выбора: возможности и ограничения // Судья. 2019. № 7.
- Уголовный процесс. Проблемные лекции / Под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М.: Издательство Юрайт, 2013.
- Уголовный процесс: учебник / Под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. М.: Инфотропик Медиа, 2016
- Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003.
- Чуряев В. А. Значение правовых принципов при осуществлении правосудия // Судья. 2019. № 9.
- Сенякин Н. Н. Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации. Саратов: Изд-во «Саратовская государственная академия права», 2018.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-358-360

ПРЫСЬ Евгений Владимирович

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Института Академии ФСИН России, заслуженный профессор Академии ФСИН России

ГРИШКО Людмила Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА КАК ВАЖНЕЙШЕГО АКТА ПРАВОСУДИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Актуальность исследования определена высокой социальной значимостью института исполнения приговора, в процессе обращения которого формируется общественное мнение, авторитет и доверие не только к суду, но и ко всем органам государственной власти. Это вызвано тем, что исполнение приговора является важнейшим актом правосудия, которое строится на основе конституционных принципов уголовного судопроизводства, представляя сложную юридическую конструкцию. Целью является комплексное исследование института исполнения приговора, определение его эффективности на каждом историческом этапе развития, выявление ошибок в структуре института, выработка предложений по их устранению. Для достижения поставленной цели исследования, проанализировано отечественное законодательство различных лет и законодательство некоторых зарубежных стран. Проанализированы научные теории и изучены результаты эмпирического материала института исполнения приговора. В статье раскрыта роль и определено значение терминов при построении основных законодательных положений. Авторы завершают статью постановкой проблемы, поскольку в рамках одной научной работы все острые вопросы института исполнения приговора решить не представляется возможным. Вместе с тем, результаты нашего исследования позволили внести ряд конструктивных предложений для повышения эффективности рассматриваемого института. Они направлены, прежде всего, на улучшение состояния законности, уровня соблюдения прав и свобод граждан, предупреждения преступности в нашей стране.

Ключевые слова: конституционные принципы уголовно-процессуального законодательства, суд, уголовное судопроизводство, правосудие, элементы юридической конкуренции, практика применения, научная доктрина, совершенствование института, повышение эффективности.

PRYS Evgeniy Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of the Academy of the FPS of Russia, Honored professor of the Academy of the FPS of Russia

GRISHKO Lyudmila Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor

THE LEGAL STRUCTURE OF THE INSTITUTION OF EXECUTION OF THE SENTENCE AS THE MOST IMPORTANT ACT OF JUSTICE: THE PREREQUISITES FOR THE ORIGIN AND DEVELOPMENT, THE CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

The relevance of the study is determined by the high social significance of the institution of execution of the sentence, in the process of which public opinion, authority and trust are formed not only to the court, but also to all public authorities. This is due to the fact that the execution of a sentence is the most important act of justice, which is based on the constitutional principles of criminal proceedings, representing a complex legal structure. The purpose of the work is a comprehensive study of the institution of execution of the sentence, determination of its effectiveness at each historical stage of development, identification of errors in the structure of the institute, development of proposals for their elimination. To achieve this research goal, the author analyzed the domestic legislation of various years and the legislation of some foreign countries. I got acquainted with the scientific theory and the result of the empirical material of the Institute of execution of the sentence. The article reveals the role and defines the meaning of the terms.

Keywords: constitutional principles of criminal procedure legislation, court, criminal proceedings, justice, elements of legal competition, application practice, scientific doctrine, improvement of the institution, efficiency improvement.

Юридическая конструкция института исполнения приговора представляет собой результат многовековой работы по совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства, практики его применения, теоретического осмысления и научных дискуссий. Являясь одним из важнейших, самостоятельных правовых институтов, исполнение приговора имеет особый предмет регулирования, существенно отличается от других стадий уголовно-процессуальной деятельности буквально по всем составляющим его элементам, тесно гранича, с уголовно-исполнительным законодательством как, впрочем, и иными законами, применяемыми в процессе его реализации.

Исполнение приговора является единственным процессуальным инструментом реализации решения суда, без которого приговор мог остаться обычным статистическим документом, констатирующим процесс установления истины по уголовному делу.

Принимая окончательное решение о виновности или невиновности лица, в отношении которого осуществляется судебное разбирательство, суд неукоснительно руководствуется основными принципами и уголовно-процессуальными положениями, которые определены Конституцией РФ. Конституция - как Основной закон страны является комплексным регулятором жизненно важных отношений

Прысь Е. В.

Гришко Л. Е.

в обществе, она является фактором мира, согласия, гарантом защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Примечательно, что действующая Конституция 1993 г. принималась на фоне гражданского противостояния и боевых действий в Москве - напомнил Президент РФ Путин В.В. Конституция тогда сыграла стабилизирующую роль и помогла восстановить гражданский мир, а также создала базу для развития нашего государства². 12 декабря 2023 года в нашей стране был отмечен 30-летний юбилей Конституции Российской Федерации. Сегодня она снова спланирует Россиян, поскольку в стране сложилась ситуация, которая требует от всех нас огромных человеческих усилий, с тем, чтобы добиться справедливого многополярного мира, который позволит создать благоприятные условия для гармоничного развития всех государств мира. В возникших сложных условиях наряду с органами законодательной и исполнительной власти, особое место заняла судебная власть, в системе которой Верховный Суд РФ занимает особое место.

В 100-летний юбилей Верховного Суда Российской Федерации Президент РФ Путин В. В. указал на его высокую значимость для государства, каждого представителя нашего общества особенно на сложных исторических поворотах [1]³. И сегодня Верховный Суд РФ олицетворяется со всей системой судебных органов, функционирующих в нашей стране, которым предоставлено исключительное право принимать (выносить) заключительный акт правосудия от имени государства, который подлежит неукоснительному исполнению, что является нагляднейшим показателем восстановления социальной справедливости. Зарождение указанных составляющих берет начало далеко до возникновения государства, где не было ещё судов, а их роль выполняли первоначальные вожаки, затем вожди в непосредственном участии очевидцев, и иного «племенного общества», которые чаще всего и исполняли решения о наказании виновного, «крайне редко оправдывали и отпускали его». Соответствующие отношения получили закрепление в нормах обычного права, большинство из которых по известным причинам не дошли до нашего времени, но стали базовыми для конструкции писаных законов, таких как договора Руси с Византией и Русской Правды [2]. Это был период начала формирования, правда еще весьма «размытых норм», института исполнения приговора. Следующим этапом развития уголовного процесса стал Судебник Ивана Грозного, который был издан в период объединения Русских земель. Наряду с новыми положениями, подготовленными законодателем в условиях объединения получили отражение и некоторые удачные и работающие формулировки законов удельных князей. В результате в Судебнике образовались блоки, которые в той или иной степени сводились не только к процессу расследования, но и к итогам судебных разбирательств. Соборное уложение 1649 г. гласит: «Суд государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси...», представляет собой процесс, где ничего нельзя прибавить и убавить с тем, чтобы избавить обидевшего от обидчика. В этот период получило начало деление земель по административным территориям. Московские князья подчинили своему непосредственному руководству в деле управления отдельные города и иные населенные пункты с прилегающими к ним небольшими территориями не давая образоваться крупным административным единицам. Это, по мнению государей московских «устраняло возможность распада государства на составные части». На указанных территориальных единицах активно стала распространяться система судебного представительства. Судебным представителям монарха, велено судить исправно [3]. Только лишь 1713 г. Петром I было, но уже в условиях новых административных территорий завершено формирование судебного представительства, многие из которых получили статус судьи. В этот исторический период высшая судебная власть

согласно Указа Императора стала принадлежать сенату, который следил, чтобы приговоры судей исполнялись [4]. В России окончательно завершён процесс формирования судебного корпуса только лишь в 1866 г. в процессе осуществления Судебной реформы 1864 г., объявленной Императором Александром II.

Судебный Устав 1864 г., как основополагающий документ реформы сделал принципиально важный шаг по становлению суда в России. Так, в Уставе решением государства на основе «долголетней работы» по изучению международного и отечественного права «Суд был отделен от административных органов». Ему была предоставлена независимость в деятельности и обязанности подчиняться только закону. Судьи назначались и частично избирались. Появление термина и соответственно определение процесса «Правосудие» привело к необходимости уточнения итогового документа и исполнения его решения, которое по логике должно было находиться за пределами принятого решения. Поэтому исполнение приговора появляется как институт, отделенный от правосудия как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства.

В отечественном уголовно-процессуальном праве - отмечает Лях Т.А. исполнение приговора прошло длительный путь эволюции. Первые его признаки имели место в нормах Древнерусского права. Основные же положения исполнения приговора возникли в памятниках права времен Петра I и получили логическое завершение в период судебной реформы, проведенной в 1864 г. [5].

УПК РСФСР 1922, 1923, 1961 ознаменовали начало нового периода развития российского уголовного процесса. Он стал основой для формирования УПК РФ 2001г., который был построен не только на традициях отечественного, но и зарубежного уголовного процесса. Действующий УПК РФ как по структуре, так и по содержанию имеет существенные преимущества не только перед УПК РСФСР, но и успешно конкурирует со многими нормативно-правовыми аналогами зарубежных стран.

Несмотря на достаточно высокий уровень юридической конструкции УПК РФ его еще нельзя назвать законченным (завершенным) идеальным вариантом. Такой вывод делают работники судов, прокуратуры, ученые, представители общественности, оценки которых формируются на основе результатов рассмотрения жалоб и иных обращений граждан в суд, в том числе по вопросам исполнения приговора. Это значит, что юридические конструкции норм, регламентирующих исполнение приговора на данном этапе своего развития, требуют доработки.

Так, остаются не решенными вопросы терминологии касающиеся института исполнения приговора. Они являются предметом обсуждения на научно-практических семинарах, конференциях, форумах. Получили отражение в научных публикациях ученых. На данное обстоятельство в своем научной работе обращает Николук В.В., который пишет, что при рассмотрении различных аспектов института исполнения приговора исследователи довольно часто пользуются термином «приведение приговора в исполнение». Его не пренебрегают и авторы учебных пособий, учебников, посвященных конкретным темам и проблемам уголовного процесса. Особо диссонируют утверждения, что суд сам реализует функцию приведения в исполнение отдельных приговоров. Однако, такие выводы можно сделать по итогам разъяснений Верховным Судом СССР применительно к ситуациям, когда судебный приговор должен быть обращен к исполнению или начал исполняться⁴, что не противоречило УПК РСФСР.

В постановлении же Пленума Верховного Суда РФ 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» обсуждаемый термин не используется⁵. Тем самым приведение приговора в исполнение некоторые авторы отождествляют с обращением приговора к исполнению.

1 Конституция Российской Федерации, статья 17 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/17/stenogramma-o-chem-govoril-vladimir-putin-na-ezhegodnoj-press-konferencii.html>.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20221129/sud-1835007408.html?ysclid=lq915p7hw1679323386>.

4 Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22.12.1964 № 18 (ред. от 26.04.1984) «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговоров» (ред. от 26.04.1984).

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Другими учеными предпринимаются попытки разграничить понятия «стадия исполнения приговора» и «приведение приговора в исполнение». Отмечается, что первое подразумевает только деятельность, предусмотренную уголовно-процессуальным законом, второе - охватывает деятельность не только судов, но и других субъектов, т.е. органов, исполняющих наказание, регламентируемую УИК РФ. Если придерживаться этой позиции, то суд окажется включенным в число субъектов (наряду с учреждениями и органами, специально созданными для исполнения наказаний), реализующих функцию приведения приговора в исполнение, причем по правилам уголовно-исполнительного законодательства. Согласиться с этим нельзя [6].

Теоретические суждения и даже комментарии имеющие какие-либо терминологические погрешности не могут ослабить общепроцессуальный порядок реализации института исполнения приговора, как и ещё существующие проблемы в юридической конструкции рассматриваемого института, что хорошо прослеживается в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. К примеру, в п. 1 ч. 1 ст. 401.3 УПК РФ, пишет Бурмагин С. В. можно увидеть, что прием исключения, в данном случае лишь усложнил текст закона. Представляется, что отсутствует необходимость перечисления конкретных видов судебных решений (приговор, определение или постановление), поскольку по смыслу вводимых изменений кассационного порядка обжалования имеет значение лишь то, что является ли это решение итоговым либо промежуточным. Тем более что далее, в пункте 1 части 3 статьи 401.3 УПК РФ, используется термин «промежуточные судебные решения». Столь сложная юридическая конструкция нормы привела к тому, что если отсечь иные решения, перечисляемые в ней, получается следующее: обжалуются в судебную коллегию по уголовным делам соответствующего кассационного суда общей юрисдикции определение и постановление апелляционного суда общей юрисдикции, за исключением приговора или иного итогового судебного решения апелляционного суда общей юрисдикции, вынесенного по результатам пересмотра приговора или иного итогового судебного решения суда уровня субъекта Федерации [7]. Продолжает рассуждение по этому вопросу Т. В. Зареченская. Она считает, что при составлении нормы не учтено, что иным итоговым решением апелляционного суда общей юрисдикции, вынесенным по результатам пересмотра приговора или иного итогового судебного решения суда уровня субъекта Федерации, является определение (очевидно, что в подавляющем большинстве случаев апелляционные жалобы на итоговые судебные решения в таком суде должны рассматриваться коллегиально) [8].

Отсутствие четкой и достаточно ясной законодательной конструкции института исполнения приговора определенным образом разрешается (объясняется) учеными практиками. Так, Скворцова Н. В. считает, что для ответа на данный вопрос, возможно провести параллели между задачами, которые формируются УПК РФ и УИК РФ, так устанавливает нормы о регуляции жизнедеятельности осужденных. Уголовный процесс есть в первую очередь механизм разрешения специфического правового конфликта между обществом, установившим определенные нормы поведения, и личностью, нарушившей данные нормы и совершившей деяние, ответственность за которое предусмотрена нормами Уголовного кодекса РФ. Одновременно с этим часть 2 ст. 6 УПК РФ устанавливает, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергается уголовному преследованию. Можно ли утверждать, что деятельность суда в стадии исполнения приговора не направлена на реализацию задач уголовного процесса? Ответ должен быть отрицательным, поскольку автор утверждает цели и задачи, стоящие перед уголовным процессом, не ограничиваются периодом предварительного расследования, судебного разбирательства, вынесения и вступления приговора в законную силу, поскольку они распространяются и на стадию исполнения приговора, что следует из анализа части 2 ст. 6 УПК РФ [9].

Оригинальную точку зрения по этому вопросу занимал Сумин А. А., он считает, что «понятие исполнения приговора и исполнения наказания соотносимы лишь

частично, поскольку приговор может разрешать вопросы, связанные не только с назначением наказания, равно как исполнение наказания охватывает решение вопросов, не имеющих прямой связи с приговором (например, социально-бытовые, медицинское обеспечение осужденных и другие) [10]. С данными выводами, частично, можно согласиться, поскольку конструкция исполнения приговора сформирована так, чтобы исполнение приговора являлось основой, базой для его реализации, которую осуществляют иные государственные органы. То есть компетентные органы, которые сформированы государством для исполнения наказания или в обязанность которых входят задачи по исполнению наказания.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать единственно-правильный вывод о том, что исполнение приговора является абсолютно самостоятельным институтом, он без сомнения представляет собой последнюю, заключительную стадию уголовного судопроизводства. Другие мнения способствуют искусственному смешиванию компетенций принадлежащих различным субъектам вовлеченных в реализацию заключительной стадии судопроизводства, ухудшают процедуру и порядок исполнения приговора, вносят путаницу в его исполнение. Поэтому, выводы и предложения отдельных авторов не только не имеют никакого рационального зерна, они абсолютно беспочвенны и, по меньшей мере, могут способствовать нарушению прав и свобод осужденных, как впрочем, и иных граждан в процессе применения рассматриваемого института.

Безусловно, в данной статье, невозможно осветить все проблемные вопросы такого обширного и достаточно сложного правового института. Вместе с тем, та работа, которая была сделана законодателем по подготовке действующего уголовного-процессуального кодекса и работа, которая проводится по его совершенствованию, безусловно, повышает эффективность всего процесса реализации уголовного судопроизводства в целом и отдельно взятого института исполнения приговора.

Пристатейный библиографический список

1. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. - М.: Норма, Инфра-М, 2012. - 736 с.
2. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. - М.: «Юридическая литература», 1988. - 176 с.
3. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. - М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1961.
4. Рыжов Д. В. Судебная реформа Петра I в законодательстве российской империи начала XIII века // Юристы-Правоведы. - 2017. - № 3 (82). - С. 11-16.
5. Лях Т. А. Возникновение и развитие стадии исполнения приговора в отечественном уголовно-процессуальном праве. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2020. - № 3 (293). - С. 196-198.
6. Николок В. В. «Приведение приговора в исполнение»: правовой фантом или действующая законодательная конструкция // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. Выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20-22 нояб. 2019 г.): в 10 т. - Рязань: Академия ФСИН России, 2019. Т. 1: Материалы пленарного заседания. - 2019. - С. 88-94.
7. Бурмагин С. В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе. Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 9. - С. 97-105.
8. Заречанская Т. В. Юридические конструкции в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2021. - № 40 (382). - С. 100-102.
9. Скворцова Е. В. Проблемные вопросы, возникающие в практике судов при исполнении приговора. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2017. - № 11 (145). - С. 375-377.
10. Сумин А. А. Стадия исполнения приговора не должна присутствовать в системе стадий уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. - 2019. - № 1. - С. 79-81.

РАГИМХАНОВА Камилла Тагировна

старший преподаватель кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена особенностям преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

В соответствии со статистикой МВД РФ выявлено, что одно из трех преступлений совершается с использованием информационных технологий. Определены наиболее распространенные способы совершения преступлений с использованием информационных технологий. Выявлены способы обнаружения следов несанкционированного доступа к автоматизированным системам. Определены направления повышения эффективности выявления преступлений, совершаемых в сетевых интернет-ресурсах, в местах сетевого общения (социальные сети, форумы, блоги и др.), а также сетевых ресурсов с высокой потенциальной возможностью размещения информации противоправного характера.

Ключевые слова: информационные технологии, компьютерные преступления, следы преступлений в области использования информационных технологий, киберпреступления.

RAGIMHANOVA Kamilla Tagirovna

lecturer of Information law and Informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

FEATURES OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION TECHNOLOGY

The article is devoted to the features of crimes committed using information technologies. In accordance with statistics from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, it has been revealed that one out of three crimes is committed using information technology. The most common methods of committing crimes using information technologies have been identified. Methods for detecting traces of unauthorized access to automated systems have been identified. Directions for increasing the efficiency of identifying crimes committed on network Internet resources, in places of network communication (social networks, forums, blogs, etc.), as well as network resources with a high potential for posting information of an illegal nature, have been identified.

Keywords: information technologies, computer crimes, traces of crimes in the field of use of information technologies, cybercrimes.

В настоящее время информационные технологии играют важную роль, так как они влияют практически на все сферы общества и могут быть охарактеризованы как интенсивно развивающиеся.

Рост использования информационных технологий после пандемии COVID-19 в 2020 году обусловлен необходимостью ежедневной дистанционной работы и учебы для большей части населения. На данный момент значение информационных технологий все еще остается большим, так как практически невозможно представить сферу деятельности, в которой бы не применялись разработки и достижения информационных технологий.

Проведение и оказание услуг финансового характера с применением информационных технологий применяется большей частью государственных и муниципальных органов, коммерческие предприятия, а также финансовые организации.

В тоже время учитывая развитие в Интернете трудового рынка, рынка образовательных услуг, а также иных областей жизни получила развитие противоправная деятельность с применением возможностей информационных технологий.

По данным официального сайта МВД РФ одно из трех преступных деяний осуществляется с применением информационных технологий. В этой сфере в 2023 году зарегистрировано на 29,2 % преступлений больше, чем за период январь-сентябрь 2022 года. Приведенные данные о количестве рассматриваемых преступных деяний подтверждает, что происходит рост преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий.

По мнению А. С. Шаталова существующая система противодействия преступным посягательствам, совершенным с использованием информационных технологий, пока остается в развитии [5].

В современной научной среде проводятся исследования, направленные на анализ возможных способов реализации преступного умысла с применением информационных технологий.

Подобные исследования не теряют своей актуальности так как лица, совершающие преступления применяют новые средства, в том числе программное обеспечение, а также механизмы для осуществления преступной цели.

Помимо указанного, составы преступных деяний, реализуемых с применением информационных технологий постоянно, видоизменяются. Так, по данным МВД увеличилось количество использования информационных технологий при осуществле-

нии «отмывания» денежных средств, а также значительно возросло применение информационных технологий при сбыте наркотических средств.

Отметим, что сложность при расследовании преступных деяний, реализуемых с применением информационных технологий, появляются в ходе принятия поступившего от пострадавшего лица заявления о совершенном преступлении.

Данные проблемы обусловлены возникающими сложностями, связанными с неполнотой имеющихся материалов о результатах проведенной проверки.

Также определённые сложности возникают по причине недостаточности либо полном отсутствии сведений о прохождении совершенных транзакций по счету пострадавшего лица.

Еще одной причиной, определяющей сложность расследования рассматриваемого преступного деяния, является неполная информация, запрашиваемая по преступлению, и как результат – не получение необходимого ответа от владельцев сайтов, а также социальных сетей.

Проводя работу по получению первичной информации от заявителя важно определить – на самом ли деле было совершено хищение с преступным умыслом, или же проведение транзакции стало результатом техническим сбоем в информационных технологиях.

Отметим, что для подтверждения или опровержения подобного факта наличия преступного умысла, важно получить и проанализировать выписки о проведенных транзакциях в отношении определенного пользователя. Данная процедура необходима для определения состава преступления и последующей квалификации, но сложность объясняется тем, что подобную информацию о движении денежных средств по счету пострадавшего лица оперативно невозможно получить от финансовых организаций.

Значительные сроки подготовки ответа эксперта на поставленные вопросы в компьютерной экспертизе также представляют трудность для расследования преступлений, осуществленных с использованием информационных технологий.

Отметим, что Следственным комитетом Российской Федерации создан отдел по расследованию киберпреступлений и преступлений в области высоких технологий, однако важно реализовывать и иные меры по противодействию совершения преступлений с применением информационных технологий.

Так, в числе мер по снижению количества рассматриваемых преступлений может быть предложено закрепить в нормативных актах установление ответственности за невыполнение провайдером Интернет возложенной на него обязанности по блокировке доступа к информационным ресурсам, которые направлены на сокрытие информации о пользователе или же программах и совершенных деяниях, которые перечислены исходя из предположений ОРД.

Важно отметить целесообразность разработки, а также последующего использования специальных программ в целях обобщения имеющихся сведений. Такие программы позволят сократить время проведения расследования за счет того, что поиск сведений из общедоступных источников будет производиться в автоматическом режиме.

Распространение во всех сферах общественной жизни информационных технологий определяется развитием общества и перехода к информационному обществу.

При этом информационные технологии обеспечили как развитие общества, так и оказали стимулирование применения информационных технологий в преступных целях.

Научно-техническое развитие в сфере развития информационных технологий является причиной формирования новых направлений общественных правоотношений, которые в последствии могут стать причиной возникновения преступного умысла.

Лица, совершающие преступную деятельность с применением информационных технологий, используют современные разработки и технологии для достижения своих целей. Отметим, что даже такие давно существующие противоправные деяния как кража или мошеннические действия не редко реализуются с использованием информационных технологий. При этом новыми признаются непосредственно орудия, которые были использованы при осуществлении преступного замысла – информационные технологии.

Как показала статистика, приведенная выше, в настоящий момент информационные технологии используются все чаще, в целях осуществления преступного деяния, либо последующего сокрытия совершенного преступного деяния.

За продолжительное время существования криминалистики накопила огромный объем знаний и опыт.

Однако с появлением новых способов совершения преступлений с использованием современных компьютерных и информационно-коммуникационных технологий (далее – киберпреступлений) этих знаний недостаточно для выполнения основных задач криминалистики – обеспечения быстрого и полного раскрытия указанных преступлений.

По статистике, количество киберпреступлений с информационных технологий, в связи с чем актуальным для современной криминалистики становятся задачи разработки новых и совершенствования существующих подходов обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения таких преступлений [3].

Специфичность данного вида преступлений определяет и особенности их расследования и раскрытия. Непосредственно ход осуществления розыскных мероприятий состоит из следственных действий направленных на раскрытие обстоятельств преступления, а равно как и проведение ОРД и ОРМ, ориентированных на установление, сбор, проведение исследования имеющихся данных.

Любая деятельность в компьютерной системе или сети оставляет специфические следы. Противоправная деятельность с использованием современной компьютерной и информационно-коммуникационной техники оставляет следы. Эти следы в научной литературе определяют по-разному: компьютерные, виртуальные, цифровые, электронно-цифровые.

Наиболее удачное определение дал Вехов В. Б.: «Электронно-цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий или передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов» [1].

Учитывая особенность электронно-цифровых следов к процессу их исследования, можно отнести следующие этапы:

- сохранение («замораживание места преступления»)
- прекращение или предупреждение любых действий, которые могут нанести вред сбору цифровой информации. Включает такие операции, как прекращение использования компьютеров при сборе, прекращение процессов удаления информации (предотвращение удаления следов), выбор безопасных способов сбора информации и т.д.

- сбор – нахождение (обнаружение) и сбор цифровой информации, которая может иметь отношение к расследованию.

Включает такие операции как извлечение оборудования, содержащего такую информацию, копирование информации на любой носитель (или печать), запись сетевого трафика и т.д.

- исследование – углубленный систематический поиск доказательств в собранной цифровой информации. Доказательствами могут быть файлы данных, содержащие определенную информацию, данные журналов (например, журнал администрирования) и т.д.

- оценка (анализ) – сделать выводы на основе собранных ранее доказательств.

- представление – оформление результатов исследования и анализа в установленной законом форме.

Для совершения всех перечисленных действий по электронно-цифровым следам кроме глубоких знаний в области криминалистики необходимы и специальные знания.

Исследователь электронно-цифровых следов должен уметь собирать и анализировать данные на всех устройствах с цифровым хранилищем, включая компьютеры, мобильные устройства и сети, несмотря на то, что информация о компьютерной системе может быть изменена, масштаб данных, которые необходимо проанализировать, велик, а разнообразие типов данных огромно.

Для работы с электронно-цифровыми следами следователи и специалисты должны использовать специальные средства, включающие аппаратные средства и программное обеспечение.

К аппаратным средствам можно отнести непосредственно сам компьютер как универсальный инструмент обработки информации в электронном виде, так и специализированные аппаратные криминалистические устройства для работы с компьютерными системами и мобильными цифровыми устройствами.

Можно привести следующие примеры современных программно-технических комплексов, которые применяются для получения и обработки информации в электронной форме из различных электронных устройств: ImageMASter Solo-4 Forensic, EPOS DiskMaster Portable, EPOS FlashExtractor, «Мобильный криминалист», «XRY», «MOBILedit», TARANTULA EDEC, универсальное устройство для криминалистического исследования мобильных устройств UFED (Universal Forensic Extraction Device). Что касается программного обеспечения, здесь могут быть применены как возможности системного программного обеспечения или программного обеспечения общего назначения, так и специализированное программное обеспечение. Для исследования содержания носителей информации полезны могут быть экспертные программы: ProDiscover, SMART, Forensic Toolkit, Encase и другие.

Как видим, для работы с электронно-цифровыми следами необходимо учиться не только углубленные знания в области криминалистики, но и в области компьютерной техники, информационных технологий, программного обеспечения и не на уровне обычного пользователя, а на профессиональном уровне.

Также необходимо иметь практические навыки, полученные в результате профессиональной деятельности, а также предметную специализацию специалиста. Эти знания могут быть использованы не только для грамотного выявления, сбора, безопасной сохранности, исследования, фиксации электронно-цифровых следов, но и при выполнении следственных действий, судебных экспертиз и оформлении выводов экспертиз.

Пристатейный библиографический список

1. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и монографии [Текст]. – Волгоград: ПО МВД России, 2008. – 408 с.
2. Квятковский К. С. Преступления в сфере компьютерной информации, компьютерные преступления и киберпреступность: соотношение понятий // Молодой ученый. – 2022. – № 42 (437). – С. 108-112.
3. Лопаткин Т. М., Андиферова И. В. Особенности киберпреступности и кибербезопасности в Российской Федерации // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности. – 2023. – С. 180-185.
4. Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика [Текст]. – М.: Юридический мир, 2007. – 432 с.
5. Шаталов А. С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 3 (32). – С. 7-15.

РОШКА Михаил Яковлевич

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В статье рассматриваются проблемные аспекты возбуждения уголовного дела в целях оперативного раскрытия и расследования всевозможных форм хищения чужого имущества. Проведен анализ групп преступлений, посягающих на частную собственность на объектах железнодорожного транспорта. Определен комплекс действий, необходимых для результативного расследования уголовных дел указанной категории.

Ключевые слова: уголовное дело, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, объекты железнодорожной транспортной инфраструктуры, взаимодействие, этапы расследования.

ROSHKA Mikhail Yakovlevich

senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES OF INSTITUTION OF CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN DISCLOSING CRIMES AGAINST PROPERTY COMMITTED AT RAILWAY TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

The article discusses the problematic aspects of initiating a criminal case for the purpose of prompt disclosure and investigation of all possible forms of theft of other people's property. An analysis of groups of crimes encroaching on private property at railway transport facilities was carried out. A set of actions necessary for the effective investigation of criminal cases of this category has been determined.

Keywords: criminal case, criminal code, railway transport infrastructure facilities, interaction, stages of investigation.

Обоснованное, а также своевременное возбуждение уголовного дела – это одно из самых первых и важных условий для быстрого раскрытия и эффективного расследования всевозможных форм хищения чужого имущества.

Расследуя такие хищения, которые совершаются на транспорте и его объектах, следует обращаться не только к уголовно-процессуальному и уголовному законодательству, но и к ведомственным нормативно-правовым актам, поскольку именно с их помощью раскрываются организационные и тактические аспекты возбуждения уголовного дела. Так, приказом МВД России от 28 марта 2015 г. № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» [1], регламентируется организация и тактика возбуждения уголовного дела по хищениям на транспорте.

В зависимости от характера собственника объекта преступного посягательства, в криминалистической литературе выделяются соответствующие группы преступлений.

1. Преступления, которые посягают на частную собственность пассажиров или иных физических лиц, находящихся на объекте транспорта и преступления против собственности организаций без образования юридического лица, осуществляющих свою предпринимательскую деятельность на объектах железнодорожной инфраструктуры.

Анализируя данные группы, стоит сказать, что это касается в большей степени общеуголовных преступлений, из которых большинство совершается как хищение в общественных местах либо в вагонах поездов.

Первоначальный этап, а именно этап, где происходит сбор материалов проверки сообщения, на котором основополагающую роль играют представители оперативных подразделений, в частности, уголовного розыска. Если совершается хищение в отношении физических лиц на транспорте, то такое преступление зачастую относится к таким преступлениям как кража, мошенничество или грабеж. Такая категория преступлений в большинстве случаев относится к тактике раскрытия и расследования общеуголовных преступ-

лений и не имеет каких-либо специфических черт. Такого рода преступлениям отведено большое внимание ученых на протяжении многих лет, разработано множество методик, посвящено большое количество научных работ, поскольку именно указанные преступления происходят чаще всего.

В случае совершения преступлений в каких-либо общественных местах таких как, например, на вокзалах, в подвижном составе, следует отметить, что преступники в таких случаях максимально используют подвижность самих объектов транспорта. В такой категории преступлений распространены преступники-гастролеры, которые постоянно мобилизуются и быстро передвигаются из одного местоположения в другое. Из этого следует, что пока правоохранные органы реагируют на совершенное преступное деяние, преступники-гастролеры успевают покинуть территорию. Имея территорию оперативного обслуживания, при ее отработке, иногда не удается должным образом и вовремя отреагировать на вызов противоправного деяния и поймать преступника с поличным или по горячим следам.

Анализируя такие места, как залы ожидания, следует отметить, что пассажиры теряют в большинстве случаев бдительность, устают после дороги, что также негативно влияет на внимание, чем чаще всего и пользуются преступники. При этом, преступник, видя бесхозную кладь, которая находится без присмотра, не упустит возможности ее похитить. Здесь возникает быстрый внезапный умысел на совершение преступления. Все особенности транспортных объектов, преступные элементы, которые использует преступник, могут положительно влиять на работу правоохранительных органов, поскольку такие особенности приобретают специфический характер при расследовании преступления.

Подвижность, как свойство при совершении преступления, ограничивает круг подозреваемых лиц, которые по пути следования могли совершить противоправное деяние, также не исключается факт того, что при прибытии в пункт следования, преступник будет на месте, где и будет задержан следственно-оперативной группой.

В таких преступлениях степень латентности обычно уменьшается, поскольку потерпевшие довольно быстро об-

ращаются в правоохранительные органы, сообщают всю известную им информацию, со стороны правоохранительных органов проводятся первоначальные мероприятия при хищении, что помогает эффективно раскрывать и расследовать преступления по горячим следам.

Ключевой аспект при успешном расследовании преступлений – это взаимодействие, которое организуется совместно всеми участниками при расследовании и раскрытии преступлений. Взаимодействие осуществляется на основании ведомственных нормативно-правовых актов. Ключевая роль на первоначальном этапе отводится именно тому, кто проверяет сообщение о преступлении, то есть оперативному дежурному либо начальнику ОВД. Однако на практике эта роль отводится чаще всего дежурному оперуполномоченному, который в составе СОГ, он чаще всего оперативно докладывает о поступающей и поступившей информации о происшествии. При этом, выезжая на место происшествия, роль организатора всегда отводится следователю, находящемуся в составе СОГ, который проводит все необходимые следственные мероприятия.

Участники, которые в составе СОГ, должны подчиняться следователю и выполнять его поручения, поскольку именно следователь отвечает за полноту всех собранных материалов. После проведения всех необходимых мероприятий принимается решение о том, в какое подразделение передается материал, а номер материала регистрируется в КУСП при соответствующей резолюции. Безусловно, такая деятельность строго регламентирована, при этом необходимо указать сроки, когда необходимо принимать решение по тому или иному материалу.

Помимо осмотра места происшествия, необходимо решать такую задачу, как работа с потерпевшим, поскольку именно он первоочередной источник информации о событии. При необходимости необходимо зафиксировать все следы насилия, если они были, чаще всего такое встречается при грабежах, то есть при совершении хищения открыто.

При получении информации ведущая роль отводится оперуполномоченному, поскольку он берет объяснение с потерпевшего, подробно расспрашивая все его фактические данные и все данные о событии происшествия.

С точки зрения формального закрепления сообщения о преступлении, от лица берется заявление на принятие определенных мер в связи с совершением преступных действий в отношении данного лица, однако на практике гораздо проще и уместнее сначала отбирать объяснение, где подробно описываются все факты, а после совместно с сотрудниками составляется заявление. На практике наблюдается факт того, что из-за полученного стресса потерпевший может путаться в собственных показаниях, сообщать какие-то неверные сведения, преувеличивать и тому подобное, а процесс отбора объяснения помогает потерпевшему разложить все в хронологической последовательности и более правильно, сконцентрировано дать показания.

2. *Преступные посягательства на собственность предприятий железнодорожного транспорта.* Говоря о данной группе преступлений, а именно хищений, связанных с грузовыми перевозками, то следует сказать о таком факте, что проверка сообщения о преступлении проводится оперуполномоченными подразделений против преступлений на грузы, что, безусловно, является правильным, так как работа строится именно по этой линии, и можно добыть как можно больше необходимой информации по преступлению.

Однако в том случае, если такое преступление несет в себе признаки экономического преступления, то в раскрытии такого преступления могут принимать участие подразделения ЭБиПК [2].

В случае если преступное деяние нельзя отнести к преступлению, связанному с экономической направленностью либо коррупционной, оперативно-розыскная деятельность будет проводиться со стороны уголовного розыска. Примерами противоправных деяний могут выступать следующие: кража различных деталей путей, ремонта, из мест склада и т.п. обязательный признак предмета заключается в том, что он обязательно должен быть связан с деятельностью транс-

портных подразделений, от чего в дальнейшем будет зависеть построение взаимодействия с различными подразделениями при расследовании и раскрытии преступления.

3. *Преступления против собственности организаций и физических лиц, пользующихся услугами железнодорожного транспорта для перевозки грузов.*

Вся сложившаяся система железнодорожных предприятий на сегодняшний день достаточно сложна, и сотрудники полиции не все могут разбираться с деятельностью и структурными подразделениями таких предприятий. Обычно понимание происходит именно в момент доследственной проверки. Обычно обращается по поводу таких преступлений представитель такой организации, после чего он пишет заявление. В таких преступлениях, в частности, неотложное следственное действие в первую очередь – это осмотр места происшествия, поскольку именно осмотр может дать такую информацию, как следы рук, биологические следы, следы взлома и т.д. После ОМП целесообразно более детально допросить или опросить заявителя, поскольку именно он обладает тем спектром знаний, которые понадобятся для изучения мотивов совершенного деяния, кто вход в данную организацию, какие люди работают, какой товар, возможно, перевозится, инвентарные карточки и т.п. [3].

Немаловажный аспект – стоимость похищенного, поскольку на практике очень часто возникают такие случаи, когда, например, предмет, похищенный на железнодорожном пути, сильно износился, и больше не имеет прежней стоимости, а может уже и не стоит совсем ничего, с учетом амортизационных вычетов. Такие сведения необходимо получить на первоначальном этапе, поскольку от этого будет зависеть состав преступления, и имеется ли он в целом. При учете того, что стоимости хватает для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, принимается данное решение.

На практике можно наблюдать следующее: на первоначальном этапе при отборе заявления и объяснений возникают проблемы с тем, что те, кто дают показания, могут в них путаться, говорить не о той стоимости, не о том количестве пропавшего имущества, сколько имущества находится на балансе предприятия, и какое было место совершения преступления. Именно исходя из ряда таких фактов, не рекомендуется сразу же после получения заявления возбуждать уголовное дело.

Особенность железнодорожных путей заключена в том, что все пути, которые проходят по различной территории, принадлежат лишь одному собственнику, то есть, одному предприятию, которое вне зависимости от места совершения преступления, может пострадать в имущественном аспекте. А все имеющееся оборудование, детали и т.д. при ремонте или строительстве также имеют своего собственника. Именно по этим причинам всем должностным лицам, а в частности и следователю необходимо обладать знаниями в сфере перевозок, как пассажиров, так и грузов, так и багажа, при этом также знать особенности эксплуатации железнодорожных подъездных путей [4].

Также, в отдельную группу выделяются преступления, *посягающие на имущество, принадлежащее Российскому государству* [5].

Учитывая такую классификацию, необходимо отметить, что с ее помощью можно сформулировать организационные и тактические основы возбуждения уголовных дел.

Типичными источниками информации являются сведения, поступившие от сотрудников ОВД на транспорте при осуществлении их служебной деятельности. Поводом к возбуждению уголовного дела в данном случае будет рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ); рапорт об обнаружении признаков преступления по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий (чаще всего сотрудников ЭБиПК) в отношении лиц, которые причиняют имущественный ущерб собственнику путем обмана или злоупотребления доверием без цели хищения. К такому рапорту могут быть приложены различные виды документов, которые были получены путем проведения ОРМ (фотографии, видеозаписи, акты, справки и т.п.); заявления или протоколы принятия устного заявления (ст. 141 УПК

РФ) содержащие информацию от работников транспортных организаций, граждан, не являющихся работниками транспортных организаций, от государственных органов, осуществляющих контроль за перевозками груза, багажа и пассажиров железнодорожным транспортом, также выступают поводом для возбуждения уголовного дела [3].

Реже, поводом для возбуждения уголовного дела может выступать постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 4 ч. 1 ст. 141 УПК РФ) [3].

Для принятия решения о возбуждении уголовного дела наличия повода недостаточно. В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ [3] необходимы достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Следователю или дознавателю всегда нужно взаимодействовать с оперуполномоченными, т.к. оперативный путь зачастую является более благоприятным для раскрытия преступлений. Взаимодействие может выражаться в совместном составлении оперативных планов по уголовному делу, а также в отдаче конкретных поручений для получения определенной информации. Равно как и оперативным сотрудникам при сборе оперативных материалов, необходимо консультироваться и советоваться со следователем, так как будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела.

Если будет соблюдаться такое взаимодействие, то работа, как следователя, дознавателя, так и оперативных работников будет сконцентрирована и направлена на более узкую деятельность, касаясь произошедшего противоправного деяния и не затрагивать того, что не имеет отношение к уголовному делу. Конечная цель – сбор всей информации, которая доказывает виновность лица.

Следователи наиболее часто сталкиваются с такой проблемой, как неосведомленность о подозреваемых лицах, а именно, какие лица занимают преступной деятельностью. В данной ситуации информацией могут владеть оперативные подразделения, которые собирают доказательства и данные о преступной деятельности лица.

Главное – это собрать такие доказательства, которые могут подтвердить умысел на хищение, когда основным умыслом является вовсе не хищение, а маскировка под законную предпринимательскую деятельность. Такие сведения проще собирать тогда, когда лицо еще не знает о том, что его контролируют правоохранительные органы [6].

Что касается второй ситуации, то в таком случае сотрудники ОВД осведомлены лишь о каком-то конкретном эпизоде преступной деятельности организации, тогда как сведения о планах и количестве преступников отсутствуют. Именно поэтому особое значение приобретает комплексное использование оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и административных действий, а также определенная последовательность всех предпринимаемых мер. Для начала необходимо полностью изучить все нормативные акты и документы, которые регламентируют перевозку грузов железнодорожным транспортом, систему отчетности и учетов, а также необходимо владеть информацией о возможных жалобах и нарушениях со стороны предприятия.

После анализа предоставленных документов необходимо провести тщательный осмотр места происшествия и собрать все имеющиеся вещественные доказательства, всевозможные улики [7].

Для правильной оценки и разрешения возникшей ситуации следователю нужно четко знать элементы видовой криминалистической характеристики рассматриваемой категории преступлений и технологию планирования расследования. Это позволит построить обоснованные общие и частные версии даже при минимальной и противоречивой исходной информации, выбрать оптимальные направления расследования, организовать эффективное взаимодействие с оперативными службами органов внутренних дел и работниками министерства путей сообщения.

Возбуждение уголовных дел рассматриваемой категории имеет свои особенности, обусловленные специфическими условиями деятельности железнодорожного транспорта.

Особенностью, определяющей специфичность стадии возбуждения уголовного дела, является то, что не всегда представляется возможным установить точное место совершения преступления, поскольку последнее не всегда совпадает с местом обнаружения [8].

В качестве вывода следует констатировать, что организационно-тактические особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям против собственности, совершаемых на объектах железнодорожной инфраструктуры, заключаются прежде всего в том, что место совершения преступлений территориально не является местом его обнаружения, следовательно, уголовное дело возбуждается в месте обнаружения преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ МВД России от 28 марта 2015 г. № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
4. Головин А. Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений. 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-kriminalisticheskie-klassifikatsii-prestupleniy>.
5. Грибунов О. П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.12. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 49-51.
6. Жирютин В. И. Криминалистическая характеристика преступлений и причинность // Актуальные направления развития криминалистической методологии и тактики расследования: материалы расширенного заседания Ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М., 1978. – С. 61-65.
7. Корухов Ю. Г. Значение криминалистической характеристики в расследовании // Информационный бюл. по материалам Криминалистических чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступления» Академии управления МВД России. – 2000. – № 17. – С. 14-15.
8. Подольный Н. А. Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации расследования // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 3. – С. 18.

САФОНОВ Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРОКОПЕНКО Надежда Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

В данной статье рассматриваются отдельные следственные действия на первоначальном этапе расследования киберпреступлений, особое внимание уделяется проблемам, возникающим в связи с динамичным характером электронных доказательств. Анализ нормативных правовых актов подчеркивает необходимость международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и предлагает стратегический сдвиг в сторону привлечения специалистов по информационным технологиям в правоохранительные органы. Отдельно указывается важность создания специальных подразделений и повышение уровня подготовки следователей для борьбы с транснациональным и быстро развивающимся характером киберпреступлений. Кроме того, в статье подчеркивается важность компьютерно-технической экспертизы для сохранения цифровых доказательств. Подчеркивается настоятельная необходимость повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и налаживания постоянного сотрудничества с IT-специалистами, для обеспечения эффективного сохранения доказательств и выявления каналов удаленного доступа при расследовании такого рода преступлений.

Ключевые слова: киберпреступления, организованные группы, следственные действия, первоначальный этап расследования, правоохранительные органы, раскрытие и расследование преступлений, компьютерные системы, электронная информация, IT-технологии.

SAFONOV Andrey Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Technical and forensic support of expert research sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

PROKOPENKO Nadezhda Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

SPECIFIC FEATURES OF CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS AT THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF CYBERCRIME COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

This article examines selected investigative actions at the initial stage of cybercrime investigations, paying special attention to the challenges posed by the dynamic nature of electronic evidence. The analysis of normative legal acts emphasises the need for international cooperation in the fight against cybercrime and suggests a strategic shift towards the involvement of information technology specialists in law enforcement agencies. The importance of creating specialised units and increasing the training of investigators to combat the transnational and rapidly evolving nature of cybercrime is highlighted. In addition, the article emphasises the importance of computer forensics for the preservation of digital evidence. It emphasises the urgent need to improve the skills of law enforcement officers and establish ongoing cooperation with IT specialists to ensure effective preservation of evidence and identification of remote access channels in the investigation of this type of crime.

Keywords: cybercrime, organized groups, investigative actions, initial stage of investigation, law enforcement agencies, crime detection and investigation, computer systems, electronic information, IT technologies.

После возбуждения уголовного дела уполномоченным на то лицом в зависимости от формы предварительного расследования, установленной ст. 150 УПК РФ, а также подследственности расследуемого дела, предусмотренной ст. 151 УПК РФ, правоохранительный орган в лице следователя (дознавателя) приступает к определению тактики производства по делу, а также выдвигению типовых версий на первоначальном этапе расследования.

На первоначальном этапе расследования преступлений указанной категории уполномоченные лица правоохранительных органов, в производстве которых находится возбужденное уголовное дело, сталкиваются с возникновением нетипичных и довольно-таки сложных следственных ситуаций, где, например, имеются сведения о факте совершенного противоправного посягательства, однако непосредственно лица, его совершившие, либо неизвестны, либо известен лишь исполнитель, либо местонахождение группы лиц не установлено [1, с. 14]. К тому же на практике возникают ситуации следующего рода: исполнитель пойман с поличным и задержан на месте совершаемого преступления, однако лица, координирующие действия задержанного, находятся за пределами территории Российской Федерации¹.

В данном случае напрашивается вывод о необходимости международного сотрудничества правоохранительных органов различных государств для эффективного взаимодействия в выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступных посягательств, совершенных с использованием компьютерных систем и сетей.

На первоначальном этапе расследования преступлений подобного характера самым первым следственным действием, производимым следователем (дознавателем), является осмотр места происшествия. Согласно УПК РФ, основными задачами осмотра места происшествия являются выявление, фиксация и изъятия следов как материальных, так и виртуальных.

На первоначальном этапе расследования преступлений подобного характера самым первым следственным действием, производимым следователем (дознавателем), является осмотр места происшествия. Согласно УПК РФ, основными задачами осмотра места происшествия являются выявление, фиксация и изъятия следов как материальных, так и виртуальных.

1 Методические рекомендации по организации и тактике раскрытия телефонного мошенничества // Криминальный журнал. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medium.com> (дата обращения: 11.12.2023).

альных ввиду специфики рассматриваемых преступлений [2, с. 182].

По прибытию на место происшествия уполномоченному лицу правоохранительного органа необходимо выполнить ряд действий, направленных на сохранение следов, а также обстановки совершения преступления. К таковым относятся организация оцепления и охраны места совершения противоправного посягательства, сохранение всех предметов и следов в первоначальном состоянии во избежание полной утраты информации, которая впоследствии может иметь доказательственное значение. Соответственно, все информационно-технические средства и устройства должны быть включенными, если были включены на момент начала производства следственного действия, и наоборот в случае, если они не были подключены к источнику электропитания. Вторым шагом при осмотре места происшествия является тщательное протоколирование обстановки совершенного киберпреступления.

В научной литературе указывается, что наиболее эффективным тактическим приемом осмотра места происшествия является – «от центра к периферии», где центром выступает непосредственно компьютерная система или устройство, а также различные электронные терминалы и т.п. [3, с. 256].

К тому же следователем (дознавателем) необходимо в обязательном порядке осмотреть место хранения и обработки информации на компьютерном носителе; местонахождение лица (группы лиц), совершившего (совершивших) преступление, в случаях, если их местоположение известно органам предварительного следствия и дознания [4, с. 87]. Также лицо, производящее осмотр места происшествия, должно установить следующие обстоятельства: имело ли место подключение компьютерной системы к локальным сетям, если да, то какой вид характерен для указанной сети (проводная или беспроводная); осуществлялась ли противоправная деятельность с помощью удаленного доступа. Следующим этапом осмотра является исследование различных элементов, присоединенных к компьютерной системе в целом, иных устройств связи, находящихся на месте совершения преступления, материальных носителей, а также документации, находящейся в зоне производства следственного действия.

По окончании осмотра места происшествия, следователем (дознавателем) фиксируется точное расположение объектов с помощью схемы осмотра.

При производстве осмотра места происшествия следователь (дознаватель) сталкивается с проблемой фиксации следов, имеющих цифровую форму и высокую скорость трансформации и ликвидации в определенных случаях. К таковым цифровым объектам, имеющим доказательственное значение при производстве по уголовному делу, относятся: вредоносные программные обеспечения, программы удаленного администрирования; следы несанкционированного доступа к информационной системе или сети; журнальные файлы антивирусных программ, ликвидирующих несанкционированный доступ к информационным носителям; программное обеспечение для шифрования цифровых следов в информационно-коммуникационных сетях и иных компьютерных системах и пр. [5, с. 98]. С такой же проблемой сталкивается орган предварительного расследования и дознания при производстве следственных действий, предусмотренных ст.ст. 182-183 УПК РФ, в виде обыска и выемки для изъятия предметов и документов, имеющих доказательственное значение при расследовании уголовного дела.

Однако в данном случае уполномоченное лицо сталкивается с двумя проблемами: во-первых, в случаях, если специалист не оказывается привлеченным при осуществлении неотложных следственных действий при обнаружении факта совершенного преступления, существует угроза утраты информационных следов ввиду недостаточной компетентности должностных лиц правоохранительных органов в области информатики и информационных технологий; во-вторых, как указывалось ранее, информационные следы имеют свою специфику в виде высокой скорости трансформации и ликвидации, соответственно в случаях предоставления электронных носителей и иных устройств специалисту, также существует угроза утраты не только самой информации, но и самого устройства в целом (ввиду чего, было ранее указано о необходимости сохранения компьютерных носителей информации в первоначальном виде при фиксации и изъятии следов). Информация с носителей может быть запросто уничтожена с помощью удаленного администрирования, соответственно, при производстве осмотра места происше-

ствия перед следователем (дознавателем) ставится первоочередная задача фиксации именно информационных следов [6, с. 174].

Таким образом, для обнаружения, качественного и оперативного выявления, фиксации и изъятия предметов, документов и иных данных подобного характера следователю (дознавателю) необходимо привлечение специалистов, базирующих свою деятельность в области информационно-коммуникационных технологий.

В юридической литературе ведется дискуссия о составе следственно-оперативной группы, привлекаемой для производства неотложных следственных действий по преступлениям рассматриваемой категории. Мнения разнятся в области привлечения сразу нескольких лиц в качестве специалистов либо одного, но с широкой направленностью применения своих навыков. Д. А. Илюшин, например, предлагает включать в состав СОГ следующих лиц: оператора ПЭВМ, контрольно-кассовой машины, специалиста по операциям технического процесса и т.п. [7, с. 75].

В то же время противоположного мнения придерживается А. Н. Яковлев, предполагающий, что функции указанных лиц могут быть выполнены специалистом, имеющим широкий спектр познаний и навыков в области информационно-коммуникационных технологий [7, с. 76].

По нашему мнению, для эффективного расследования киберпреступлений необходимо не только привлечение специалистов в области компьютерных систем и сетей, но также и непосредственное повышение уровня и навыков должностных лиц правоохранительных органов, занимающихся расследованием преступлений рассматриваемой категории, а также создание отдельных подразделений, которые в состоянии осуществлять свою деятельность только по направлению противоправных киберпреступности. В таком случае повышается не только качество расследования, но и непосредственно сокращается время, необходимое для производства по делу указанной категории преступлений.

Следующим следственным действием, необходимым для расследования преступлений, совершаемых в информационно-коммуникационном пространстве, выступает компьютерно-техническая экспертиза как одна из разновидностей судебных экспертиз, целью которой является поиск и закрепление компьютерной и иной информации, необходимой для расследования киберпреступлений. Объектом данного исследования выступают сама компьютерная техника (система), а также компьютерные носители информации.

В процессе производства судебной экспертизы подобного рода проводятся действия в виде изъятия, визуализации и анализа цифровых носителей с дальнейшим составлением отчетных документов, целью которых является подтверждение или опровержение наличия признаков состава преступления.

Компьютерно-техническая экспертиза в свою очередь подразделяется на различные подвиды в зависимости от объекта исследования и способа выявления информации, имеющей значение для уголовного дела [8, с. 176]:

- аппаратно-компьютерная экспертиза, в процессе которой исследуются материально-техническая часть компьютерной системы (электрические, электронные и механические схемы, блоки, приборы и т.п.) для определения принадлежности исследуемого ПК (марка, модель и прочее);

- программно-компьютерная экспертиза, где объектом выступают системные программные обеспечения, вспомогательные программы, средства для разработки программно-обеспечения для определения функционального предназначения реализуемого компьютерной система алгоритма и особенностей компьютерной системы;

- информационно-компьютерная экспертиза, в процессе которой обследуется вся находящаяся на компьютерном носителе информация, не содержащая исполняемых программных модулей;

- компьютерно-сетевая экспертиза, объектом которой выступают компьютерные схемы и средства, исполняющие алгоритмы подключений к различным ресурсам (т.е. средства и способы сетевого подключения компьютерной системы или иного устройства к сети «Интернет»).

Перед специалистом, проводящим судебную экспертизу, следователь должен обозначить следующий круг вопросов: находится ли на исследуемом предмете информация, относящаяся к уголовному делу (в т.ч. в скрытом, зашифрованном и ином виде); пригодны ли исследуемые объекты для

использования для различных целей (например, создание программных обеспечений, доступу к выходу в интернет); о совершенных с помощью исследуемого объекта действиях; о функциональном предназначении компьютерной системы в целом (возможно ли с помощью данного устройства совершить действия в виде уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации); об определении назначения и вида обнаруженных электронных документов, программных обеспечений и иных программных ресурсов компьютерной системы.

Главной ошибкой при проведении указанной экспертизы, которая ставит под сомнение правомерность указанного следственного действия, является постановка вопросов со следующими формулировками: являются ли программы, установленные в компьютерной системе, вредоносными, поскольку оценка вредоносности относится исключительно к компетенции правоприменительных органов; является ли информация, обнаруженная на компьютерном носителе нелицензионной или контрафактной (оценка лицензионности и контрафактности также относится к компетенции правоприменителя); являются ли правомерными действия, воспроизведенные с помощью указанной компьютерной системы или сети.

Ввиду специфики преступлений, совершаемых с использованием инновационных технологий, компьютерных систем и сетей, первоначальный этап характеризуется тесным взаимодействием оперативно-розыскных органов и органов предварительного расследования ввиду необходимости быстрого и полноценного сбора информации, имеющей значение для уголовного дела, и установления обстоятельств совершенного противоправного посягательства в отношении пострадавшего (физического или юридического лица). К тому же определенными факторами, затрудняющими производство по делу, выступают недостаточно высокая компетентность органов предварительного расследования и дознания при выявлении и обнаружении признаков преступления информационной направленности.

Например, на законодательном уровне закреплено действующее положение о том, что лица, которые принимаются на службу на должность следователя ОВД или СК, в обязательном порядке должны иметь высшее юридическое образование. А для раскрытия и расследования фактов совершения преступных посягательств в области компьютерных систем и сетей необходимы навыки и умения, применимые в области информатики, вычислительной техники, а также базовые познания об информационной безопасности как на местном, так и международном уровне транснационального характера (в большинстве случаев) совершаемых киберпреступлений.

Данный фактор, прежде всего, влияет на быстроту и полноту производимого расследования правоохранительными органами, что приводит к утрате необходимой информации, имеющей значения для уголовного дела, вынуждает прибегнуть к помощи специалистов в данной области.

К тому же, для следователя (дознателя), осуществляющего производство по возбужденному уголовному делу, существует крайне формализованный механизм получения информации на первоначальном этапе расследования: о движении денежных средств по счетам преступников, абонентских соединениях и т.д. В таких случаях уполномоченным лицом собираются достаточные данные для обращения в суд с соответствующим ходатайством, однако при расследовании киберпреступлений такая процедура может осуществляться многократно. И, по сути, процесс производства по делу затягивается на долгие месяцы.

Как было отмечено ранее, согласно статистике Генеральной прокуратуры РФ²: в России на весь объем зарегистрированных киберпреступлений приходится меньше 25% фактов их раскрытия. А с учетом того, что киберпреступность является постоянно растущим явлением в криминальном мире, то данный факт только усугубляет положение правоохранительных органов в способности противоборствовать киберпреступности в целом.

Соответственно, для повышения качества раскрытия фактов преступной деятельности, их пресечения, а также дальнейшего производства по делу, еще на стадии обучения

специалистов по программам высшего образования, наравне с основными дисциплинами уголовно-правовой и оперативно-розыскной направленности необходимо осуществлять подготовку кадров и в ключе расследования преступлений, совершаемых с использованием компьютерных систем и информационно-коммуникационного пространства.

Стоит отметить, что решение проблемы также заключается в повышении материального обеспечения сотрудников и их социальных гарантий ввиду существования следующей проблемы: в век расцвета научно-технического прогресса одним из наиболее прогрессирующих и высокооплачиваемых направлений является как раз область информационно-коммуникационных и иных технологий. Безусловным фактом является то, что специалисты в области кибертехнологий, чаще всего, числятся работниками различных корпораций и организаций для обеспечения работы компьютерных систем и сетей в организации, оклад которых в значительной степени превышает оклады сотрудников правоохранительных органов. И, конечно, в приоритете у специалиста указанной области будет именно более высокооплачиваемая профессия, нежели служба в правоохранительных органах.

К тому же играет фактор высокого риска при осуществлении своей деятельности: ни для кого не секрет, что служба в правоохранительных органах является достаточно опасной не только для жизни и здоровья непосредственно самого сотрудника, но и его близких и родственников. Тогда как рядовой IT-сотрудник организации не сталкивается с противоправными лицами на постоянной основе, по сути, как таковой угрозы его жизни и здоровью фактически нет.

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы: сложность производства следственных действий на первоначальном этапе расследования киберпреступлений проявляется в следующих аспектах: возможность утраты доказательственной базы ввиду возможности изменения электронной информации, содержащейся на компьютерных системах, по своей сути, рушит расследование по уголовному делу. Соответственно, для должного фиксирования необходимых доказательств существует острая необходимость, как было указано в предыдущих параграфах, в повышении уровня профессиональной подготовки сотрудников, а также обязательного привлечения специалистов в области IT-технологий для сотрудничества на постоянной основе, поскольку именно специалисты в области информационных технологий позволяют осуществить не только сохранение доказательственной базы, но и также выявить каналы удаленного доступа и контроля компьютерных систем с изобличением виновных к совершению преступлений лиц.

Приставейный библиографический список

1. Шевко Н. Р. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути решения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 13-16.
2. Багмет А. М., Антонов О. Ю., Бычков В. В. Криминалистика. Учебник. В 3-х частях. Часть 2. Криминалистическая тактика. – М.: Проспект, 2020. – 240 с.
3. Крюкова Н. И., Косолапова Н. В. Криминалистика. Учебное пособие. – М.: Юстиция, 2019. – 618 с.
4. Кушниренко С. П., Пристанков В. Д., Низамов В. Ю. Криминалистика. (Бакалавриат). Практикум. – М.: Юстиция, 2019. – 176 с.
5. Казакова И. О., Костенко Т. А. К вопросу о расследовании киберпреступлений в РФ // Студенческий вестник. – 2019. – № 22-2 (72). – С. 98-99.
6. Борова Д. М. Расследование киберпреступлений // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 173-175.
7. Трофимов З. О. Особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования киберпреступлений: отечественный и зарубежный опыт // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 74-77.
8. Ищенко Е. П., Егоров Н. Н., Волохова О. В. Криминалистика XXI века. Стратегия и тактика развития. Коллективная монография / Под ред. Ищенко Е. П. – М.: Проспект, 2018. – 208 с.

2 Киберпреступность и киберконфликты в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения: 11.12.2023).

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕПЯХ Анастасия Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДМИТРИЕВА Алиса Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТИКАХИНА Татьяна Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КЛОЧКО Ирина Вадимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОЦЕНКА ПРАКТИК И НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Эта статья занимается тщательным изучением уголовно-исполнительного законодательства в Российской Федерации, с акцентом на условия и нюансы отбывания наказания через лишение свободы. Исследование включает детальный разбор статей 128 и 129 Уголовно-Исполнительного Кодекса РФ, а также их взаимосвязь с Уголовным Кодексом РФ, с особым вниманием к классификации и условиям содержания осужденных. Особое внимание уделяется изучению колоний-поселений, их значению в системе исполнения наказаний и условиям для осужденных, учитывая их прошлый криминальный опыт и поведение. Статья также обсуждает аспекты социальной адаптации и реабилитации осужденных, стремясь найти баланс между гуманизацией условий отбывания наказания и поддержанием общественной безопасности.

Ключевые слова: Уголовно-исполнительный Кодекс РФ, условия отбывания наказания, колонии-поселения, регулятивная база, реинтеграция осужденных, Уголовный Кодекс РФ, система исправительных учреждений.

GRIGORJEV Anatoliy Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REPYAKH Anastasiya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DMITRIEVA Alice Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TIKAKHINA Tatyana Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KLOCHKO Irina Vadimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

IMPLEMENTATION OF PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: ASSESSMENT OF PRACTICES AND REGULATIONS

This article deals with a thorough study of the penal enforcement legislation in the Russian Federation, with an emphasis on the conditions and nuances of serving a sentence through imprisonment. The study includes a detailed analysis of Articles 128 and 129 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, as well as their relationship with the Criminal Code of the Russian Federation, with special attention to the classification and conditions of detention of convicts. Special attention is paid to the study of colony settlements, their importance in the penal system and conditions for convicts, taking into account their past criminal experience and behavior. The article also discusses aspects of social adaptation and rehabilitation of convicts, seeking to find a balance between humanizing the conditions of serving a sentence and maintaining public safety.

Keywords: Penal Enforcement Code of the Russian Federation, conditions of serving sentences, penal colonies, regulatory framework, reintegration of convicts, Criminal Code of the Russian Federation, correctional system.

В современной правовой системе Российской Федерации ключевую роль играет уголовно-исполнительное законодательство, которое определяет порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы. Эта статья направлена на глубокий анализ нормативно-правовых основ и практического применения данных норм в контексте российской юриспруденции. Важность такого анализа обусловлена постоянными изменениями в законодательстве, а также необходимостью гармонизации норм с международными стандартами в области прав человека и обеспечения общественной безопасности.

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК РФ) служит основой для регулирования процесса отбывания на-

казания, причем особое внимание уделяется статьям 128 и 129, которые касаются условий содержания осужденных и их классификации [1]. Эти статьи, в сочетании с Главой 11 УИК РФ, представляют собой краеугольный камень, на котором строится вся система исполнения уголовных наказаний в стране. Колонии-поселения, как специфическая форма исправительных учреждений, занимают особое место в этой системе. Они предназначены для определенных категорий осужденных и играют важную роль в их социальной адаптации и реабилитации. Важным аспектом является также взаимодействие между УИК РФ и Уголовным кодексом РФ, что влияет на определе-

ние степени строгости наказания и условий содержания осужденных.

Дополнительно стоит отметить, что процесс социальной адаптации и реабилитации осужденных является ключевым элементом уголовно-исполнительной системы. Это направление работы направлено на подготовку осужденных к возвращению в общество после отбывания наказания, а также на минимизацию риска повторного совершения преступлений. В этом контексте особое внимание уделяется разработке и реализации программ по обучению и профессиональной подготовке осужденных, а также психологической поддержке и социальной работе.

Уголовно-исполнительное законодательство РФ является комплексной системой, которая включает в себя как строгие нормы относительно условий содержания осужденных, так и программы по их социальной адаптации и реабилитации. В целом, это направлено на обеспечение баланса между необходимостью поддержания общественной безопасности и гуманизацией процесса отбывания наказания.

Особенности и условия выполнения наказания в виде лишения свободы в Российской Федерации основаны на нормативных положениях Уголовно-исполнительного кодекса (УИК РФ), в частности в статьях 128 и 129, а также в Главе 11 этого кодекса. Эти статьи описывают процедуры и принципы, касающиеся лишения свободы, включая работу колоний-поселений. Колонии-поселения предназначены для содержания совершеннолетних осужденных, как указано в части 2 статьи 74 УИК РФ, и включают определенные категории осужденных, такие как те, кто совершил преступления по неосторожности или умышленные преступления небольшой и средней тяжести [1].

Статья 128 УИК РФ дополнительно классифицирует осужденных в колониях-поселениях, учитывая такие факторы, как предыдущий опыт отбывания наказания. Законодательство делает различие между лицами, ранее отбывавшими и не отбывавшими наказание, что важно для определения условий их содержания [1].

Уголовный кодекс РФ также вносит свой вклад в регулирование условий отбывания наказания в колониях-поселениях, как указано в статье 58 [1]. В ней описываются категории осужденных, которые могут быть направлены в такие колонии, включая лиц, совершивших преступления по неосторожности или небольшой и средней тяжести, и которые ранее не лишались свободы.

Существуют также специфические условия для перевода осужденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в колонии-поселения, учитывающие их поведение и отношение к труду. Порядок направления осужденных в колонии-поселения регламентируется Инструкцией, утвержденной Минюстом РФ, и включает процедуры, связанные с самостоятельным следованием осужденных на место отбывания наказания [2].

Условия отбывания наказания в колониях-поселениях охватывают различные аспекты жизни осужденных, включая возможность ношения гражданской одежды, доступ к финансовым средствам и связь с внешним миром, а также возможность проживания с семьей под определенными условиями. Эти условия, по мнению экспертов, таких как И. Я. Козаченко, способствуют достижению основной цели уголовного наказания – исправлению осужденного, особенно если осужденный придерживается установленного режима и не допускает нарушений. Эффективность таких мер требует дальнейшего анализа и возможно, законодательного закрепления критериев исправления осужденного [4, с. 219-227].

Анализируя регламентацию и практику исполнения наказания в форме лишения свободы в Российской Федерации, можно выделить несколько ключевых аспектов, которые требуют дополнительного внимания и анализа.

Во-первых, стоит отметить различие в условиях содержания осужденных в зависимости от их предыдущего криминального опыта. Разделение осужденных на тех, кто ранее отбывал и не отбывал наказание, как это предусмотрено в статье 128 УИК РФ, создает основу для индивидуализированного подхода к каждому случаю. Такой подход может считаться прогрессивным, так как он учитывает личные обстоятельства осужденного и его прошлый опыт, что, в свою очередь, может способствовать более эффективному исправлению.

Во-вторых, важным аспектом является возможность перевода осужденных из исправительных колоний общего и строгого режимов в колонии-поселения. Этот процесс, регулируемый статьей 78 УИК РФ, предполагает, что осужденный должен продемонстрировать положительное поведение и отношение к труду [1]. Это не только служит стимулом для осужденных к поддержанию хорошего поведения, но и предоставляет возможность для их социальной адаптации и реабилитации.

Третьим значимым моментом является уникальность условий отбывания наказания в колониях-поселениях, включая возможность ношения гражданской одежды, доступ к финансовым средствам и свободу передвижения в определенные часы. Такие условия, отличающиеся от традиционных исправительных учреждений, могут способствовать более плавной социальной интеграции осужденных после освобождения. Однако, этот подход также поднимает вопросы о равенстве и справедливости в отношении осужденных, отбывающих наказание в более строгих условиях.

С другой стороны, существует опасение, что более мягкие условия могут не обеспечить достаточного уровня детеррентности, что может привести к повышенному риску повторных преступлений среди осужденных. Таким образом, важно найти баланс между гуманизацией условий отбывания наказания и обеспечением общественной безопасности.

Необходимо отметить, что, несмотря на предпринимаемые шаги к улучшению системы исполнения наказаний в Российской Федерации, все еще существует необходимость в более глубоком изучении и анализе как положительных, так и отрицательных аспектов существующих практик. Это включает в себя оценку эффективности текущих методов в отношении целей исправления и реабилитации, а также изучение влияния различных условий содержания на поведение и будущее осужденных после освобождения.

Следует уделить внимание динамике и эффективности реформ в системе исполнения наказаний в России. Согласно последним исследованиям и статистическим данным, принятые меры направлены на улучшение условий содержания осужденных и повышение эффективности их социальной адаптации после освобождения. Особое внимание уделяется программам профессионального обучения и психологической поддержки в период отбывания наказания.

Существенный интерес представляют исследования, анализирующие влияние изменений в законодательстве и практике на уровень рецидива среди осужденных. Наблюдения показывают, что индивидуализированный подход и создание условий, способствующих социальной адаптации, могут существенно снизить вероятность повторного совершения преступлений.

Также важно отметить усилия властей по улучшению условий труда и жизни в исправительных учреждениях. Введение новых технологий и методов работы, направленных на развитие навыков, необходимых для успешной социальной интеграции после освобождения, является ключевым аспектом современной реформы.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Приказ Минюста РФ «Об утверждении Инструкции по направлению в колонию-поселение осужденных к лишению свободы, в отношении которых судом принято решение, предусматривающее самостоятельное следование осужденного на место отбывания наказания» от 6 апреля 2009 № 102 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2009. – № 15.
3. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
4. Козаченко И. Я., Детков А. П. Уголовно-исполнительное право 2-е изд.: учебное пособие для вузов. – Екатеринбург: Юрайт, 2023. – 525 с.
5. Galeotti Mark. The Vory: Russia's Super Mafia. – New Haven, CT: Yale University Press, 2018. – 344 p.
6. Hasegawa Tsuyoshi. Crime and punishment in The Russian revolution. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2017. – 368 p.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-371-373

ГРИЦЕНКО Никита Сергеевич

аспирант Юридического института Сибирского федерального университета, г. Красноярск

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРИНЯТИЯ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ КОЛЛЕГИЕЙ СУДЕЙ И КОЛЛЕГИЕЙ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье на основе анализа уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и научной литературы выделяются следующие группы факторов (детерминант), влияющих на принятие решений при коллегиальном отправлении правосудия по уголовным делам: 1) процессуальные; 2) административные; 3) психологические. Автором выявляются соответствующие проблемы детерминации итоговых решений, принимаемых судом в коллегиальном составе при отправлении правосудия по уголовным делам, и предлагаются некоторые пути их решения.

Ключевые слова: детерминанты (факторы) постановления приговора, вердикт, коллегиальность, уголовное судопроизводство, профессиональные судьи, присяжные заседатели.

GRITSENKO Nikita Sergeevich

postgraduate student of the Institute of Law of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

DETERMINANTS OF FINAL DECISION-MAKING BY A PANEL OF JUDGES AND JURY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Based on the analysis of criminal procedure legislation, law enforcement practice and scientific literature, the article identifies the following groups of factors (determinants) that influence decision-making in the collegial administration of justice in criminal cases: 1) procedural; 2) administrative; 3) psychological. The author identifies the relevant problems of determining the final decisions taken by the court in collegial composition in the administration of justice in criminal cases, and suggests some ways to solve them.

Keywords: determinants (factors) of the verdict, verdict, collegiality, criminal proceedings, professional judges, jurors.

Гриценко Н. С.

Коллегиальность в уголовном судопроизводстве, предполагая вовлечение в отправление правосудия по уголовным делам иных, помимо председательствующего, лиц, участие которых предоставляет определенные гарантии защиты от произвола, умышленно неверного или ошибочного вывода, самосуда [2, с. 148], создает условия для правосудного, законного и справедливого судебного решения [8, с. 21]. Иными словами, институт коллегиальности в уголовном процессе призван минимизировать влияние любых посторонних (не имеющих юридического значения) условий на постановление приговора, гарантируя тем самым не только соблюдение и защиту прав и свобод человека, но и доверие граждан к судебной власти в целом.

Вместе с тем сказанное не исключает проблемы определения детерминант (факторов) принятия решений коллегиальным составом суда по уголовным делам. Действительно, несмотря на тот факт, что судьи независимы и подчинены только действующему законодательству во главе с Основным законом (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ), что в свою очередь касается как профессиональных судей, так и присяжных заседателей, основания постановления ими приговора могут формироваться под влиянием различных условий (факторов, причинных единиц).

Стоит отметить, что различные факторы принятия судебных актов, составляют предмет ряда исследований, принадлежащих различным отраслям права [4; 5].

Более того, исходя из принципа свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве (ст. 17 УПК РФ), можно прийти к выводу, что формирование позиций и убеждений судей (присяжных) в рамках рассмотрения уголовного дела может претерпевать значительные метаморфозы в течение всего периода уголовного судопроизводства по конкретному делу.

В связи со сказанным нашей задачей является выявление подобных факторов (детерминант) в целях более глубокого

изучения природы коллегиального отправления правосудия по уголовным делам.

В частности, анализ уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и научной литературы позволяет выделить следующие группы факторов (детерминант), влияющих на принятие решений при коллегиальном отправлении правосудия по уголовным делам: 1) процессуальные; 2) административные; 3) психологические. Стоит отметить, что названные группы факторов проявляют себя при рассмотрении уголовных дел как профессиональным составом суда (коллекцией из трех судей или большинством членов Президиума Верховного Суда РФ), так и составом суда с участием непрофессионального элемента (присяжных заседателей). Однако подобное определение групп исследуемых факторов носит в большей степени условный характер, поскольку те или иные детерминанты, принадлежащие к одной группе, могут в то же время являться частным случаем другой, к примеру, все факторы (детерминанты) принятия решений коллегиальным составом суда при рассмотрении уголовного дела с необходимостью будут опосредованы психическими процессами судей (присяжных заседателей), что является неизбежным в силу специфики устройства психического аппарата человека. Ряд административных факторов может иметь частичное отношение к уголовно-процессуальной форме и т.д. Итак, разберем каждую из групп указанных факторов подробнее.

Процессуальные детерминанты, влияющие на исход уголовного дела, постановление приговора, связаны с соблюдением установленных процедур и правил судопроизводства, что обеспечивает защиту законных интересов всех сторон – обвинения и защиты. Важными факторами являются соблюдение презумпции невиновности, принципа равенства и состязательности сторон, свободы оценки доказательств, предоставление обвиняемому возможности защиты, а также

объективное и всестороннее рассмотрение всех обстоятельств дела.

Особое внимание уделяется доказательствам, их достоверности и надежности. Судебная коллегия должна убедиться в их подлинности и соответствии установленным требованиям (относимости, допустимости, полноты, непротиворечивости и т.д.). Также важно учитывать законность сбора доказательств и соблюдение процессуальных прав обвиняемого.

Кроме того, при принятии приговора судебная коллегия оценивает действия обвиняемого, его понимание своих действий и их последствий, а также наличие и степень его вины. Все эти аспекты влияют на вынесение решения и определение меры наказания.

Важно отметить, что судебная коллегия обязана руководствоваться не только законом, но и морально-этическими принципами. Адекватность и справедливость при вынесении приговора играют важную роль в обеспечении прав и свобод граждан, а также поддержании законности и общественной безопасности.

При этом важнейшими элементами процессуального механизма детерминации в исследуемом контексте являются: обеспечение достоверности и убедительности доказательств, способов, которыми они могут быть представлены, а, стало быть, могут оказывать влияние на решения коллегии; обеспечение условий для состязательности сторон (процессуальное поведение, логика и убедительность аргументов, представленных сторонами, могут повлиять на итоговое решение, то есть характер приговора); распределение процессуальных ролей в составе судебной коллегии (разделение и распределение ролей в процессе принятия решений коллегии может иметь влияние на сопоставление различных точек зрения, юридически значимые выводы).

В целом, процессуальные детерминанты принятия приговора по уголовным делам судебной коллегией представляют собой сложную систему, включающую в себя множество аспектов, которые влияют на окончательное решение суда. Однако соблюдение законности, справедливости и общественных интересов является основополагающими принципами судебной системы и должно быть приоритетом при постановлении приговора.

Административные детерминанты принятия решения судом в коллегиальном составе при отправлении правосудия по уголовным делам также неоднородны, но в то же время их объединяет связь с исполнительно-распорядительной деятельностью, организующим воздействием властных на поведение подвластных лиц. Подобные факторы проявляются за пределами процессуальной формы либо сопровождают ее в случаях наличия юридических дефектов, неполноты регулирования. Кроме того, административные компоненты присущи некоторым элементам процессуальной формы, когда речь идет об отношениях субординации между различными участниками уголовного судопроизводства, асимметрией их полномочий, прав и обязанностей.

Названная группа факторов (детерминант) может быть выделена ввиду существования вертикальных и горизонтальных связей между участниками непрофессиональных коллегий судей (присяжных заседателей) с иными участниками; кроме того, профессиональные судьи выступают должностными лицами судебной системы, которая имеет в основе структурно-организационное (административное) начало.

Анализируя данную группу факторов применительно к их влиянию на формируемые позиции профессиональных судей, осуществляющих коллегиальное отправление правосудия по уголовным делам, стоит отметить, что судьи независимы при отправлении правосудия, но организационно (линейно) подчинены председателю суда, что в ряде случаев не может не оказывать влияния на принимаемые ими решения. Так, по мнению Г. А. Гаджиева, «Одна из системных проблем российского правосудия - усиление роли председателей судов. В этих условиях

возрастает значение взаимной независимости судей, т.е. независимости судьи от председателя суда и от другого судьи»¹.

Действительно, с одной стороны, процессуальная форма коллегиальности, представленная составом профессиональных судей, является организационно связанной, устойчивой, поскольку она образуется и поддерживается с использованием административных (организационно-распорядительных) механизмов внутри самой судебной системы и одновременно подчинена требованиям процессуального законодательства. С другой стороны, линейная зависимость судей от председателей судов и председателей составов судов (сродни руководителям структурных подразделений различных административных органов), а также от председательствующих в составе коллегий из трех профессиональных судей, неравномерное распределение ролей и иные аспекты административной детерминации способны оказывать значительное влияние на позиции самих судей и, как результат, на постановления ими приговоров.

Так, например, административные факторы проявляют себя уже на этапе формирования коллегии из трех профессиональных судей. Нормы действующего УПК РФ не устанавливают подробных правил формирования законного состава суда, и поэтому председатели судов общей юрисдикции по своему решают, как формировать состав из трех профессиональных судей. Они могут делать это различными способами, например, оставлять резолюцию на сопроводительных письмах, записывать в отдельных документах, отправлять письма или оставлять резолюцию на письме адресованном судье, выносящему постановление о назначении судебного заседания после предварительного слушания и т.д. Кроме того, неясно определено, что должно содержаться в поручениях и распоряжениях председателя суда о формировании коллегии из трех профессиональных судей. Как указывает Н. А. Колоколов, «резолюция может быть предельно краткой, состоящей лишь из фамилии исполнителя, реже дополняется подписью председателя суда и датой принятия им решения» [3, с. 8]. Подобная практика не соотносится с материальной основой формирования беспристрастного состава суда и в большей мере носит «программируемый» характер, вытекающая из необходимости подбора «нужного» состава суда для принятия необходимого с политической, административной, статистической и других точек зрения судебного акта.

Некоторые исследователи видят решение данной проблемы в закреплении в УПК РФ норм о распределении уголовного дела коллегии из трех профессиональных судей, которое будет осуществляться постановлением председателя суда. Это предложение обосновано, так как оно устранило неопределенность и разнообразие практики формирования состава суда для рассмотрения уголовного дела, обеспечив условия для законности и беспристрастности.

Другую проблему представляет активность судей в коллегии при рассмотрении уголовного дела. Для ее решения может потребоваться отражение в протоколе судебного заседания тех вопросов, которые задавались тем или иным судьей, что отчасти отразит степень участия всей коллегии судей в судебном разбирательстве.

Внесение изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»² также кажется верным, чтобы предписать судьям, входящим в коллегию, проявлять более активное участие в отправлении

1 Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 № 174-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: мнение судьи Г. А. Гаджиева // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

правосудия по уголовным делам, тем самым установив баланс между процессуально-властными позициями всех судей, входящих в состав коллегии.

Другой разновидностью рассматриваемого фактора является возможность председательствующего влиять на позиции присяжных заседателей при отправлении правосудия по уголовным делам с их участием. В частности, Ю. К. Якимович подчеркивает, что председатель заседания имеет значительное влияние на присяжных. Во-первых, он может самостоятельно решать вопросы отвода кандидатов в присяжные, таким образом формируя нужную коллегию или распуская ее. Кроме того, председательствующий вправе влиять на решение присяжных, формулируя вопросы и напутственное слово таким образом, чтобы получить нужные ответы. В случае необходимости он может даже вернуть присяжных в совещательную комнату для устранения неясностей или противоречий. Этот уникальный уровень влияния делает председателя заседания ключевой фигурой в процессе отправления правосудия [9, с. 32]. Подобная проблема может быть решена посредством расширения полномочий присяжных заседателей, а также круга вопросов, которые они могут рассматривать, этапов процессуальных стадий уголовного процесса, на которых они могут участвовать на равных с профессиональными судьями и т.п.

В целом решение проблемы влияния административных факторов на принимаемые коллегией судей (присяжных) решения видится в совершенствовании уголовно-процессуальной формы, исключающей любую асимметрию позиций участников профессиональных и непрофессиональных коллегий при отправлении правосудия по уголовным делам.

Среди общих психологических детерминант принятия решений при коллегиальном отправлении правосудия по уголовным делам можно выделить предубеждения и стереотипы (профессиональные судьи и присяжные могут быть подвержены предубеждениям и даже предрассудкам, граничащим с дискриминационными по своей природе факторами, а также различным стереотипам мышления и поведения, что может влиять на их решения); особенности восприятия (на решения профессиональных и непрофессиональных коллегий могут оказывать влияние и способы, которыми судья или присяжные воспринимают доказательства или свидетельские показания); эмоции и настроение: Эмоции и настроение (они способны повлиять на способность принимать объективные, обоснованные и справедливые решения).

Влияние психологических детерминант особым образом проявляется при отправлении правосудия с участием присяжных заседателей, то есть непрофессионального (народного) элемента. В частности, присяжные заседатели основывают свой вердикт преимущественно на основе совести и здравого человеческого смысла, а не на нормах действующего законодательства, осмысленного с помощью профессиональных юридических техник и технологий [7, с. 62].

Справедливо по этому поводу замечание В. Ф. Енгальчева, который пишет, что «Многие случайно отобранные кандидаты испытывают психологический дискомфорт еще в момент получения приглашения в присяжные заседатели уже от одной мысли, что им придется принимать участие в судебном процессе. Часть кандидатов не видят за собой права вершить правосудие над кем-либо, другим неприятно быть причастным к преступному миру, даже выступая в роли судьи» [1, с. 21]. В то же время в юридической науке обоснованно указывается на проблему психологического уязвимости на присяжных заседателей, в том числе с использованием «шокирующих доказательств» [6, с. 159] (соответствующих изображений, фото- и видеоматериалов, аудиозаписей).

Таким образом, стоит отметить, что влияние психологических факторов на процесс и результат отправления правосудия по уголовным делам в коллегиальной формах не может быть преодолено окончательно, однако, одним из решений названной проблемы могло бы стать не только применение участниками уголовного судопроизводства специальных психологических знаний, приемов, техник, способствующих нейтрализации негативных психологических фак-

торов, сказывающихся на качестве отправления правосудия, но и привлечение профессиональных психологов, которые могли бы, к примеру, участвовать в оценке кандидатов в присяжные заседатели.

Резюмируя сказанное, необходимо иметь в виду, что судебная коллегия, независимо от специфики состава (профессиональные или непрофессиональные судьи) испытывает на себе множество факторов (детерминант), что обуславливает необходимость учета психологических аспектов принятия решения (постановления приговора), таких как эмоциональное состояние участников процесса, общественное мнение, политическое давление и т.д., административных и процессуальных факторов. В целом, принятие приговора по уголовным делам – это сложный и многогранный процесс, который требует от судей глубокого анализа и взвешенного решения.

Пристатейный библиографический список

1. Енгальчев В. Ф., Белодед Д. Р., Миненко И. Ф. Психологический контекст оценки коллегией присяжных заседателей возможных противоправных деяний подсудимого // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1 (54). С. 19-23.
2. Воротынцева А. А. и др. История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Н. А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 448 с.
3. Колоколов Н. А. Распределение, перераспределение дел в многосоставных судах: некоторые проблемы правового регулирования // Российский судья. 2004. № 10. С. 4-12.
4. Лыков Д. А. Коллегиальное профессиональное рассмотрение уголовных дел: сущность и особенности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 107-112.
5. Осинцев Д. В., Домченко А. С. Онтология креационного юридического процесса // Российский судья. 2018. № 12. С. 11-15.
6. Пичугин В. Г. Проблема психологического влияния на присяжных заседателей // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 1. С. 159-162.
7. Решетова Н. Ю. Психологические аспекты поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Психологические особенности участников уголовного процесса: сб. науч. тр. / Под ред. О. Д. Ситковской; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2018. С. 61-73.
8. Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие / Отв. ред. М. С. Дьяченко. М.: Юрид. лит., 1983. 80 с.
9. Якимович Ю. К. Выборность судей и коллегиальность рассмотрения уголовных дел в Российской империи, СССР и Российской Федерации; суд присяжных или суд шеффенов? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 29-33.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-374-377

ДАУРБЕКОВА Иман Ярагиевна

магистрант 3 курса кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Дагестанского государственного университета г. Махачкала

ЮСУПКАДИЕВА Садикат Нурмагомедгаджиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

В статье авторы рассматривают исторические предпосылки формирования и особенности развития института возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в России. Институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств представляет собой важный элемент уголовно-процессуальной системы Российской Федерации. Развитие этого института в России тесно связано с историческими и правовыми изменениями, а также с постоянным стремлением к обеспечению справедливости и защите прав граждан. Данный институт имеет долгую историю, начиная с формирования уголовно-процессуальных структур в стране.

Ключевые слова: возобновление производства по уголовному делу, новые обстоятельства, вновь открывшиеся обстоятельства, исключительная стадия уголовного процесса, уголовное судопроизводство, прокурор.

DAURBEKOVA Iman Yaragievna

magister student of the 3rd course of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

YUSUPKADIEVA Sadikat Nurmagomedgadzhiyeva

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

HISTORICAL BACKGROUND FOR THE FORMATION AND FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF REOPENING CRIMINAL PROCEEDINGS DUE TO NEW OR NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES

In the article, the authors examine the historical background for the formation and features of the development of the institution of resuming criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances in Russia. The institution of reopening criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances is an important element of the criminal procedural system of the Russian Federation. The development of this institution in Russia is closely connected with historical and legal changes, as well as with the constant desire to ensure justice and protect the rights of citizens. This institution has a long history, starting with the formation of criminal procedural structures in the country.

Keywords: resumption of criminal proceedings, new circumstances, newly discovered circumstances, exceptional stage of the criminal process, criminal proceedings, prosecutor.

Возобновление дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам – это весьма специфическая и, как некоторые исследователи подчеркивают, «исключительная» стадия уголовного процесса, представляющая собой одну из форм пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу. Эта процедура представляет собой особый вид пересмотра судебных решений, уже вступивших в законную силу, но переставших быть справедливыми из-за обнаружения обстоятельств, которые, будучи известными заранее, привели бы к другому исходу дела. Важно подчеркнуть, что такой пересмотр может быть направлен не только на защиту интересов осужденного, но и на их ущемление, что будет более подробно рассмотрено в данной работе. Этот вид пересмотра судебных решений допускается с существенными ограничениями, затрагивающими круг уполномоченных лиц, основания возобновления, сроки и судебные инстанции, что, в свою очередь, направлено на коррекцию судебных ошибок, вызванных либо неосведомленностью, либо изменениями обстоятельств после вынесения приговора.

Проверка законности и обоснованности судебных решений, принятых по уголовным делам, ввиду новых обстоятельств, представляет собой ключевую гарантию соблюдения

законности и защиты прав граждан, способствуя тем самым улучшению эффективности правосудия. Тем не менее, существующие пробелы в законодательстве создают серьезные трудности на практике, иногда приводя к нарушениям прав и интересов граждан, защищаемых законом.

Институт возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств представляет собой важный элемент уголовно-процессуальной системы Российской Федерации. Развитие этого института в России тесно связано с историческими и правовыми изменениями, а также с постоянным стремлением к обеспечению справедливости и защите прав граждан.

Данный институт имеет долгую историю, начиная с формирования уголовно-процессуальных структур в стране. Изучение эволюции механизма пересмотра судебных решений на основе новых фактов выделяет три ключевых этапа. Начальный этап охватывает период с 1864 года, с момента принятия Устава уголовного судопроизводства, до Октябрьской революции 1917 года. Второй этап связан с действием советского уголовно-процессуального законодательства с 1917 по 1 июля 2002 года. Третий этап начинается с июля 2002 года и продолжается до настоящего времени, представляя

современную систему нормативного регулирования пересмотра приговоров.

Устав уголовного судопроизводства 1864 года явился монументальным шагом в реформировании российской правовой системы. В области уголовного судопроизводства этот документ предоставил фундаментальные изменения, касающиеся как процессуальных аспектов, так и прав субъектов уголовного процесса.

Устав 1864 года ввел возможность коррекции судебных ошибок уже после вступления решений в силу, помимо апелляционных и кассационных процедур. Этот документ стал первым, установившим стадию пересмотра приговоров как отдельную фазу в уголовном процессе России.

В Уставе была выделена отдельная глава, посвященная возобновлению уголовных дел. Она включала статьи 934-940, касающиеся процедурных аспектов пересмотра. Статья 934 определяла круг лиц, способных инициировать пересмотр: представителей прокуратуры, осужденных и их близких.

Особое внимание в Уставе уделялось роли представителей прокуратуры в процессе пересмотра, давая им широкие полномочия без временных ограничений. Помимо осужденных, право на возобновление дела имели их родственники, хотя Устав не уточнял степень родства.

Одной из проблематичных особенностей, воплощенных в Уставе уголовного судопроизводства, является отсутствие ясности относительно критериев родства и связи лиц, имеющих право на инициирование процесса пересмотра приговоров, особенно после смерти осужденных. Этот пробел в законодательстве стал источником дискуссий как в практической, так и в теоретической плоскости, особенно в вопросе возможности родственников и близких осужденного инициировать пересмотр дела после его кончины. Согласно ст. 939 Устава, представление интересов покойного осужденного в процессе возобновления и пересмотра уголовных дел возлагалось на защитника, выбранного родственниками усопшего или назначенного судебным органом.

Значительно, что в качестве инициаторов процедуры возобновления уголовного дела не выступали частные обвинители или гражданские истцы, вплоть до того, что их участие в процедуре возможно было лишь через обращение к представителям прокуратуры.

Устав также конкретизировал судебную инстанцию, ответственную за рассмотрение запросов о возобновлении дела. Эта роль была отведена кассационному департаменту Правительствующего сената, что подчеркивает их ключевую роль в данном процессе.

Статья 935 Устава уголовного судопроизводства установила четыре основания для возобновления уголовных дел из-за новых или вновь обнаруженных обстоятельств, определяемых как «законные основания для возобновления дела». Уголовно-процессуальное право того периода разделяло эти основания на две категории. Первая категория включала новые факты, указывающие на некорректность судебного решения по сути, тогда как вторая охватывала случаи, когда основания обжалованного приговора были недостаточны или ошибочны. Важно отметить условность такого разделения, поскольку неправильность судебного решения по сути неизбежно указывает на его ошибочность, и наоборот, ошибочность приговора подразумевает его неправильность.

Отличительной чертой этого нормативного акта была возможность пересмотра дел не только в интересах осужденных, но и в случаях, когда это могло привести к ухудшению их положения. Такой подход был нехарактерным для некоторых других правовых систем, например, французской. Большинство ученых и исследователей того периода считали, что такая регламентация соответствовала принципам гуманизации уголовного процесса. Тем не менее, в юридической литературе также встречались мнения, критикующие эту особенность Устава, указывая на потенциальные риски

для осужденных, связанные с возможностью ухудшения их положения в ходе пересмотра дела.

Важно отметить, что современное законодательство отражает возможность ухудшения положения осужденного при пересмотре. Процедура возобновления предшествовала пересмотру и не требовала обязательной предварительной проверки обстоятельств, ставших основанием для пересмотра.

Процесс возобновления включал несколько этапов, начиная с оценки достоверности новых обстоятельств Сенатом. Хотя Устав не предусматривал обязательной предварительной проверки обстоятельств, послуживших основанием для возобновления дела, на практике такие проверки регулярно проводились. Это подтверждается работами юристов того времени. Отличие в процедурах проверок было заметно, особенно когда речь шла о делах, рассмотренных различными судебными инстанциями: мировыми судьями и общими судебными учреждениями. В случаях с мировыми судьями проверки имели свои специфические особенности, отличные от тех, что проводились в контексте дел, рассмотренных общими судебными установлениями. В случае признания оснований обоснованными, дело направлялось на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года одним из ключевых пробелов было отсутствие четких указаний относительно видов решений, которые мог принимать Сенат в связи с представлениями и просьбами о возобновлении уголовных дел. Пятая глава данного документа не предоставляла ясности по вопросу об отмене или подтверждении приговоров, в связи с которыми поступали запросы на пересмотр. Для полного понимания механизмов и последствий таких решений Сената необходимо обращаться к исследованиям ученых и юристов той эпохи, которые анализировали практику применения Устава и выявляли его проблемные аспекты. Это позволяет глубже понять сложности и нюансы, связанные с процессуальными особенностями пересмотра уголовных дел в контексте нормативного регулирования того времени.

Исследования И. Я. Фойницкого и В. К. Случевского, касающиеся процедуры возобновления уголовных дел в рамках Устава уголовного судопроизводства 1864 года, предоставляют ценные взгляды на итоги такого возобновления. И. Я. Фойницкий подчеркивал, что в случаях доказательства невиновности осужденного, возобновление могло вести к прекращению преследования или передаче дела в суд первой инстанции. Случевский добавлял, что при наличии достаточных оснований для возобновления, приговор обычно отменялся и дело направлялось на новое рассмотрение в тот же суд. Эти выводы находят отражение в самом Уставе, особенно в статьях 937 (остановка исполнения приговора и применение мер пресечения при его отмене) и 940 (допуск жалоб и протестов на приговоры по возобновленным делам). Таким образом, предыдущие судебные решения фактически отменялись, открывая путь к новому судебному рассмотрению дел.

Отсутствие четкого механизма проверки обоснованности возобновления в Уставе компенсировалось судебной практикой, где особая роль отводилась оберпрокуратуре. По результатам рассмотрения Сенат мог отменить приговор, о чем свидетельствуют статьи 937 и 940 Устава.

Уставом был внедрен четкий и детальный порядок возобновления производства по уголовному делу. Статьи, посвященные этой теме, подчеркивали условия, при которых стороны могли требовать пересмотра решения суда. Определены были основания, в том числе и новые обстоятельства, позволяющие возобновить уголовное дело. Такие инновации стали не только важным шагом в сторону соблюдения прав человека, но и содействовали более эффективному использованию института возобновления производства. Он также с

успехом справился с дополнительной задачей – повышением эффективности судебной системы в части института возобновления производства. Четко установленные нормы устранили ранее существовавшие лакуны и неопределенности, предоставляя юристам и гражданам более ясные рамки для действий. Введение новых процедур и критериев значительно снизило риски ошибочных приговоров, улучшив справедливость судебного процесса [4, с. 486].

Таким образом, эволюция института пересмотра приговоров отражает развитие уголовного правосудия, акцентируя внимание на гуманизацию процесса и обеспечение справедливости. Устав уголовного судопроизводства 1864 года оказал огромное воздействие на институт возобновления производства по уголовному делу в России. Эти изменения в судебной системе сыграли роль фундамента для дальнейших правовых преобразований, обеспечив более справедливый и эффективный судебный процесс. Подчеркнем, что реформы Устава 1864 года в контексте возобновления производства являются важным этапом в развитии правовой системы России.

Советский период, следующий за Октябрьской революцией, привнес фундаментальные изменения в российскую уголовно-процессуальную систему, оказавшие существенное воздействие на институт возобновления производства по уголовному делу.

После Октябрьской революции 1917 года советская власть провела радикальные реформы в юридической системе страны. Одним из ключевых направлений была трансформация уголовно-процессуальной системы. Отсутствие частной собственности и новая социалистическая идеология внесли радикальные изменения в принципы и процедуры уголовного судопроизводства.

Советское уголовно-процессуальное законодательство внедрило новые нормы и принципы, направленные на обеспечение коллективной безопасности и социалистической справедливости. Принципы презумпции невиновности, участия обвиняемого в деле и открытости судебных заседаний стали фундаментальными чертами советского уголовного процесса. В рамках этих принципов происходило и рассмотрение возможности возобновления производства по уголовным делам.

Институт возобновления производства по уголовным делам в советский период приобрел особый характер, соответствующий идеологии социалистической юстиции. Принципы пересмотра приговоров стали направлены на выявление ошибок, справедливость и учет социальных аспектов. Отмена смертной казни и акцент на реабилитации обвиняемых подчеркнули гуманистический подход к уголовному правосудию в советском обществе [4, с. 487].

Советский период принес системные изменения в уголовно-процессуальную систему России, формируя новые нормы и принципы. Институт возобновления производства по уголовным делам, подчиненный социалистической идеологии, стал средством коррекции возможных ошибок судебных решений и демонстрацией принципов справедливости в рамках нового общественного порядка.

Развитие механизма пересмотра судебных решений, основанное на новых обстоятельствах, пережило значительные изменения в период советского законодательства. Первые декреты советской власти, включая Декрет «О суде» от 24 ноября 1917 года, кардинально изменили подход к уголовно-процессуальному праву, отвергнув многие достижения дореволюционной эпохи.

Особое внимание уделялось ошибкам в судопроизводстве, признаваемым через новые нормативные акты, такие как Положение о революционных военных трибуналах (1919) и Положение о Народном Суде РСФСР (1920). В этих документах предусматривался пересмотр уголовных дел при появлении новых фактов, указывающих на невиновность осужденного или на подложность доказательств.

В ранние годы советской власти ключевую роль в пересмотре уголовных дел играл Народный комиссариат юстиции РСФСР. Отдел судебного контроля этой организации, согласно Постановлению РСФСР от 1920 года, занимался возобновлением дел на основе новых доказательств.

Переход к более структурированному подходу произошел с принятием Положения о высшем судебном контроле в 1921 году. Этот документ закрепил процессуальные основы пересмотра: критерии возобновления дела, субъекты, способные инициировать процедуру, а также порядок и сроки проведения процесса [2, с. 4-5].

С течением времени советский законодатель адаптировал основы механизма пересмотра, заложенные в Уставе 1864 года, к новым социальным и политическим условиям. Это отражено в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 года, который более подробно регулировал процедуру пересмотра.

УПК РСФСР 1922 года выделялся своими передовыми положениями относительно сроков возобновления уголовных дел по новым обстоятельствам, ограничивая их одним годом со дня их обнаружения и пятью годами после вступления судебного решения в законную силу. Этот кодекс также определял участников, которые могли инициировать пересмотр приговора, разделяя их на две категории: те, кто мог запрашивать пересмотр как оправдательных, так и обвинительных решений, и те, кто мог это делать только для обвинительных решений.

В первую категорию входил прокурор, имевший право инициировать пересмотр и возможность проводить расследования самостоятельно или через органы дознания и предварительного следствия. Расследования могли начинаться как по инициативе прокурора, так и по запросу заинтересованных лиц или учреждений, завершаясь составлением заключения, которое вместе с документами расследования направлялось заинтересованной стороной.

Вторую группу составляли осужденные, их защитники, родственники, а также профсоюзные и общественные организации, связанные с осужденным. Эти субъекты могли инициировать пересмотр либо напрямую, обращаясь в соответствующий судебный орган, либо через прокуратуру.

В советский период, особенно в начале 1920-х годов, была утверждена модель возобновления криминальных дел, которая затем нашла свое отражение в уголовно-процессуальных кодексах. В 1923 году в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР была предусмотрена глава 27, включающая институт возобновления дела (статьи 373-379) [1, с. 3].

УПК РСФСР 1923 года, приходящий на смену предыдущему кодексу, отражал изменения в судебной системе Советского государства, в том числе в части пересмотра приговоров из-за новых или вновь открывшихся обстоятельств. Этот кодекс предусматривал, что кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР выполняла функции высшего судебного контроля по вопросам возобновления уголовных дел, принимая эстафету от Наркомюста. Согласно УПК 1923 года, Верховный Суд РСФСР стал центральным органом, ответственным за возобновление уголовных дел по всем судам в связи с новыми обстоятельствами. Прокурор Республики был определен инициатором этой процедуры, направляя материалы дел с заключениями в Верховный Суд РСФСР для дальнейшего рассмотрения.

На данный момент институт возобновления производства по уголовным делам эволюционировал и претерпел изменения. В 1960 году с утверждением нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР глава 27 была перенесена в главу 31 (статьи 384-390), сохранив свою суть.

УПК РСФСР 1960 года выделялся следующими преимуществами в контексте пересмотра приговоров на основании новых или вновь открывшихся обстоятельств:

1. Распределение полномочий по разным судебным инстанциям. Новая судебная реформа 1958-1960 гг. привела к децентрализации полномочий. В зависимости от того, какой суд рассматривал дело в первой инстанции, определялась инстанция для пересмотра. Такой подход обеспечивал оперативность и исключал повторное участие судей в рассмотрении того же дела.

2. Детализированный перечень оснований для возобновления дел. УПК 1960 года установил четкую иерархию оснований для возобновления дел, позволяющую охватить весь спектр возможных судебных ошибок.

3. Гуманное и справедливое определение сроков для возобновления дел. Сроки для пересмотра были дифференцированы в зависимости от последствий для осужденного. Так, пересмотр в пользу осужденного не имел временных ограничений, в то время как для других случаев устанавливались конкретные сроки.

Эти аспекты делали УПК РСФСР 1960 года эффективным инструментом для коррекции судебных ошибок и обеспечения справедливости судебного процесса.

УПК РСФСР 1960 года отличался децентрализацией полномочий, более детализированным перечнем оснований для пересмотра и гуманным подходом к определению сроков для возобновления дел. Несмотря на прогрессивные изменения, в законодательстве сохранились недостатки, включая дискреционные полномочия прокурора и отсутствие механизма обжалования его решений.

УПК РСФСР 1960 года предоставлял исключительное право прокурору на инициирование возобновления уголовных дел. Это положение вызывало некоторые проблемы:

1. Отсутствие механизма обжалования.

Ограничение права на возобновление дел только для прокурора приводило к невозможности судебного обжалования решений прокурора об отказе в возбуждении производства или его прекращении, что могло приводить к правовым коллизиям и нарушению интересов справедливости.

2. Возможность ужесточения наказания.

Статья 390 УПК РСФСР 1960 года позволяла суду ужесточать наказание осужденного при пересмотре дела. Это могло противоречить принципам справедливости, поскольку закон не ограничивал суд в рамках уже назначенного наказания, оставляя простор для его усиления.

Эти аспекты являлись значительными недостатками в системе уголовного судопроизводства того времени, ограничивая права осужденных и влияя на объективность судебных решений.

Система, предложенная в УПК РСФСР 1960 года, существовала до вступления в силу Федерального закона от 2001 года, что свидетельствует о ее значимости в истории советского уголовно-процессуального права.

Разрушение Союза СССР и возникновение России как независимого государства, сопровождаемые глубокими социальными, политическими и экономическими преобразованиями, вызвали необходимость обновления национального законодательства, включая уголовно-процессуальное право.

С начала XXI века в России были проведены реформы, направленные на улучшение судебной системы. В контексте института возобновления производства по уголовным делам эти реформы включали в себя уточнение процедур и критериев, регулирующих возможность пересмотра приговоров. Эмфазис был сделан на защите прав человека, прозрачности судебного процесса и предотвращении возможных ошибок.

Однако наиболее существенные изменения произошли в 2001 году с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Одним из ключевых усовершенствований стало включение решений Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека в качестве оснований для пересмотра, а также введение судебного контроля

над действиями и решениями прокуратуры в ходе досудебной проверки.

Однако, в процессе формирования этой стадии возобновления производства, законодатель допустил некоторые концептуальные ошибки [3, с. 25]:

1. Ограничение полномочий суда в исполнении его конституционных функций.

В УПК РФ не полностью учтены конституционные полномочия суда по осуществлению правосудия. Это может проявляться в ограничении возможностей суда в самостоятельном принятии решений о пересмотре судебных актов на основе новых или вновь открывшихся обстоятельств. Такое ограничение может подрывать независимость суда и его способность эффективно исправлять ошибки, допущенные на более ранних этапах судопроизводства.

2. Ограничение конституционного права граждан на судебную защиту.

Указанные просчеты также могут ограничивать право граждан на доступ к судебной защите в случаях, когда их права и законные интересы нарушены в результате неправосудных судебных решений.

Ограничение категорий «новых обстоятельств» и «вновь открывшихся обстоятельств» в УПК РФ может исключать из рассмотрения судом важные обстоятельства, которые могут быть существенны для дела. Это, в свою очередь, может привести к отсутствию полного и всестороннего пересмотра судебных решений и, как следствие, к ущемлению прав и свобод граждан.

Эти просчеты подчеркивают необходимость тщательного анализа и возможной корректировки законодательства, чтобы обеспечить более эффективную и справедливую систему правосудия, способную адекватно реагировать на новые обстоятельства и гарантировать защиту прав граждан [2, с. 4-5].

Современные изменения с июля 2002 года акцентируют внимание на защите прав всех сторон уголовного процесса. Введение дополнительных гарантий для обвиняемых и прозрачности процедур возобновления производства способствует предотвращению возможных нарушений прав и обеспечивает более сбалансированный и справедливый характер судебных процессов.

Пристатейный библиографический список

1. Ведищев Н. П. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. – М.: Юрлитинформ, 2003.
2. Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – М., 2011.
3. Давыдов В. А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. – М.: Юрайт, 2011.
4. Писарев А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. – М.: Юрайт, 2019.

ДОЛГОВ Данил Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИЗОТОВА Екатерина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖУК Константин Денисович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ФРОЛОВ Владимир Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЫРДЫЛИНА Юлия Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИСКРЕЦИЯ В ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Данная статья представляет собой аналитический обзор, посвященный вопросам дискреционных полномочий адвокатуры в контексте оценки доказательств в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации. Основываясь на анализе нормативных актов, включая Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Закон о адвокатской деятельности, статья исследует, как расширенные возможности защиты влияют на справедливость и объективность судебных решений. Рассматривается роль понятия «совесть» в оценке доказательств, а также взаимосвязь между ведомственными интересами и законностью процесса. Особое внимание уделяется влиянию дискреции на баланс между правами защиты и обязанностями, направленными на обеспечение справедливого судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дискреция в оценке доказательств, защита в уголовном процессе, законность судебных решений, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, адвокатская деятельность, справедливость в правосудии, ведомственные интересы, понятие совести в праве.

DOLGOV Danil Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

IZOTOVA Ekaterina Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHUK Konstantin Denisovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

FROLOV Vladimir Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VYRDYLINA Yuliya Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DISCRETION IN THE EVALUATION OF EVIDENCE: ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF THE DEFENSE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

This article is an analytical review devoted to the issues of the discretionary powers of the bar in the context of evaluating evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation. Based on the analysis of normative acts, including the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Law on Advocacy, the article explores how expanded protection opportunities affect the fairness and objectivity of court decisions. The role of the concept of "conscience" in the evaluation of evidence, as well as the relationship between departmental interests and the legality of the process, is considered. Particular attention is paid to the impact of discretion on the balance between the rights of the defense and the duties aimed at ensuring a fair trial.

Keywords: criminal proceedings, discretion in the assessment of evidence, protection in criminal proceedings, legality of court decisions, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, advocacy, justice in justice, departmental interests, the concept of conscience in law.

В современной юридической практике Российской Федерации вопросы оценки доказательств в уголовном процессе занимают центральное место, поскольку от этого зависит не только законность, но и справедливость судебных решений. Особенно актуальным становится анализ дискреционных полномочий адвокатуры в контексте оценки доказательств. Существующие нормативные акты, такие как Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Закон о адвокатской деятельности, предоставляют стороне защиты значительные полномочия в этом аспекте. Эта статья представляет собой комплексное исследование, направленное на понимание того, как расширенная дискреция защиты влияет на процессуальную справедливость и объективность судебных решений, а также как ведомственные интересы и концепция совести влияют на правоприменение в уголовном судопроизводстве России [1].

Уголовное расследование признается успешным и раскрытым, когда установлены все факты, которые требуют доказательства в рамках уголовного дела. Научная дисциплина криминалистика предоставляет инструменты для сбора, проверки и оценки доказательств, что способствует эффективности процесса, урегулированного статьями 85–88 УПК РФ.

Согласно статье 85 УПК РФ, доказывание включает в себя сбор, проверку и оценку доказательств для установления фактов, предусмотренных статьей 73 УПК РФ [3]. На этапе сбора и проверки доказательств широко применяются криминалистические методы, основанные на свойствах природных явлений и объектов, подчиняющихся законам причинности. Оценка доказательств является процессом мышления, основанного на законах формальной логики.

Собранные и проверенные данные преобразуются в уголовно-процессуальные доказательства, используемые в суде-

производстве. Однако окончательное мнение о допустимости и достаточности доказательств формируется только после их оценки, включая оценку каждого доказательства отдельно и всех вместе.

Для вынесения обоснованных заключений по делу необходимо достаточное количество доказательств. Эти доказательства должны включать информацию для воссоздания механизма совершения преступления, сведения об участниках преступления, об обстоятельствах, ведущих к преступлению, и о действиях по сокрытию следов.

Криминалистический анализ формирует объективную картину обстоятельств преступления. Правовые позиции сторон формируются на основе оценки доказательств. Качество объективных данных преобразуется в субъективное суждение участников процесса.

Вопрос о равноправии сторон в процессе оценки доказательств вызывает дискуссии. Согласно принципу состязательности, обе стороны имеют право на оценку доказательств, но защита не ограничена законом и совестью в своих оценках, в отличие от обвинения. Это создает дисбаланс в процессе уголовного судопроизводства.

Нормативные требования к судьям, присяжным, прокурорам, следователям и дознавателям предписывают руководствоваться законом при оценке доказательств. Однако для участников защиты нет такого требования, что вызывает вопросы о справедливости и законности приговоров.

Это положение дел влияет на обоснованность и законность приговоров. Вопрос о том, насколько оправдано отсутствие требования к защите руководствоваться законом при оценке доказательств, остается открытым. В этом контексте стоит рассмотреть влияние этого дисбаланса на выполнение задач уголовного судопроизводства, особенно в контексте защиты от незаконного обвинения и ограничения прав. Прежде всего, следует отметить роль криминалистики как науки в уголовном расследовании. Криминалистика основывается на применении научных методов и технологий для выявления, анализа и интерпретации доказательств. На практике это включает использование таких методов, как отпечатки пальцев, ДНК-профилирование и баллистический анализ. Согласно исследованиям, применение этих методов значительно повышает шансы на успешное раскрытие преступлений. Например, статистика показывает, что введение ДНК-анализа в криминалистическую практику повысило точность идентификации подозреваемых.

Однако важно также рассмотреть вопросы правовой этики и равенства сторон в процессе оценки доказательств. В российской судебной практике, как и во многих других странах, принцип состязательности и равенства сторон является ключевым. Но ст. 17 УПК РФ, предоставляющая свободу оценки доказательств, может создавать неравные условия для обвинения и защиты. Это может привести к ситуациям, когда оценка доказательств обвинением строго регламентируется законом, в то время как защита имеет большую свободу действий. Подобная практика потенциально способствует формированию предвзятого отношения и может оказывать влияние на исход дела.

Кроме того, стоит упомянуть исследования, связанные с психологическим аспектом оценки доказательств. Например, исследования показывают, что предвзятость судей и присяжных может играть значительную роль в принятии решений. Это особенно важно в контексте того, как различные стороны представляют и интерпретируют доказательства. В контексте уголовного судопроизводства, расширенная дискреция в оценке доказательств, предоставленная стороне защиты согласно статье 17 УПК РФ, может создавать неравенство в восприятии судом оценочных суждений и выводов защиты. Это положение предполагает, что успешное осуществление уголовного судопроизводства требует, чтобы все стороны процесса при оценке доказательств руководствовались исключительно законом. Так, согласно Закону о адвокатской деятельности, адвокат обязан отстаивать права доверителя честно и добросовестно, используя только законные средства.

Однако, существует мнение, что использование понятия «совесть» как критерия для принятия решений на основе оценки доказательств является скорее декларативным, без практического применения в правоприменении. В общественных отношениях совесть может выступать как психический процесс, формирующий систему личных ценностей и моральных критериев, которая зависит от ряда факторов, включая профессиональный и культурный контекст индивидуума.

Практика показывает, что представители прокуратуры и следственных органов часто руководствуются ведомственными интересами, что может ограничивать их оценочные

критерии. С другой стороны, деятельность адвоката как защитника иногда воспринимается как противозаконная, особенно когда она направлена на утаивание информации о преступлении. Такое восприятие может быть связано с позицией защиты о сохранении конфиденциальности информации о деле.

Криминалистические методы, используемые для получения доказательств, играют значительную роль в уголовном процессе. Даже ложные показания могут нести в себе ценную информацию, помогая формировать полную картину событий преступления. Таким образом, адвокат, действуя в рамках закона, способствует справедливости судопроизводства, защищая права своего клиента.

В контексте оценки доказательств адвокат обязан следовать закону, даже если это противоречит воле доверителя. Это подчеркивает важность законности и объективности в уголовном процессе. В случае несогласия с приговором адвокат может обжаловать его, выдвигая аргументы, строго основанные на законе. Это подчеркивает роль адвоката как ключевого элемента в обеспечении законности и справедливости в уголовном судопроизводстве. Расширенные возможности защиты в оценке доказательств, предусмотренные статьей 17 УПК РФ, представляют собой двойственный механизм. С одной стороны, они предоставляют защите гибкость в подходах к защите интересов клиента, с другой — могут порождать вопросы о равновесии между сторонами в судебном процессе.

Исследования в области права указывают на то, что чрезмерная дискреция может привести к субъективизму в оценке доказательств, что потенциально влияет на объективность и справедливость судебных решений. К примеру, анализ судебной практики в некоторых странах показывает, что, когда защита использует свои широкие полномочия для манипулирования или искажения доказательств, это может затруднить доступ к истине в судебном процессе.

Важно также отметить, что использование понятия «совесть» в качестве критерия для принятия решений может быть многогранно трактовано. Это понятие может варьироваться в зависимости от индивидуальных, культурных и профессиональных убеждений, что делает его трудноприменимым в качестве универсального правового критерия. Таким образом, неопределенность вокруг этого термина может вносить элемент неопределенности в правоприменение [5].

Кроме того, существует риск того, что ведомственные интересы могут повлиять на судебные решения, особенно если рассматривать деятельность прокуроров, следователей и дознавателей, которые могут быть мотивированы стремлением к достижению положительных статистических показателей в работе своего ведомства. Это может привести к тому, что интересы справедливости и объективности уголовного судопроизводства могут быть подорваны из-за стремления к достижению внутриведомственных целей [6].

С другой стороны, адвокаты, действуя в рамках закона, играют ключевую роль в обеспечении прав и интересов обвиняемых, что является фундаментальным принципом правосудия. Они обязаны отстаивать права своих клиентов, при этом не препятствуя сбору и проверке доказательств. Это подчеркивает необходимость баланса между правами защиты и обязанностями, направленными на обеспечение справедливого судебного процесса.

Пристайный библиографический список

1. Веренич И. В., Кустов А. М., Прошин В. М. Криминалистическая теория механизма преступления: монография под науч. ред. засл. юриста Российской Федерации докт. юрид. наук А. М. Кустова. - М.: Юрлитинформ, 2014. - 640 с.
2. Подп. 3 п. 4 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учётом поправок от 14.03.2020 № 1-ФКЗ).
5. Solomon P. H. (2005) 'The criminal procedure code of 2001: will it make Russian justice more fair?' in *Ruling Russia: Law, Crime and Justice in a Changing Society*, Pridemore, W. (ed.). Lanham: Rowan and Littlefield, 77-100.
6. Carsten Stahn. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge University Press (2018).

КЛОЧКО Ирина Вадимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДМИТРИЕВА Алиса Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТИКАХИНА Татьяна Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РЕПЯХ Анастасия Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕШЕНИЙ ВЛАДЕЛЬЦЕВ В МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМАХ РОССИИ

Данная статья представляет глубокий анализ фальсификации решений владельцев в многоквартирных домах России, акцентируя внимание на юридические, социальные и экономические аспекты этой сложной проблемы. Исследуются факторы, способствующие таким действиям, включая юридические пробелы и сложности в доказывании. Статья обсуждает современные методы борьбы с подобными нарушениями, включая усиление законодательной базы и применение новых технологий, а также предлагает стратегии для улучшения правоприменения и общественного контроля.

Ключевые слова: фальсификация решений, владельцы квартир, многоквартирные дома, правовые недостатки, методы расследования, судебная практика, законодательное регулирование, технологические инновации, общественный контроль.

KLOCHKO Irina Vadimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GRIGORJEV Anatoliy Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DMITRIEVA Alice Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TIKAKHINA Tatyana Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

REPYAKH Anastasiya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INVESTIGATION OF FALSIFICATION OF OWNERS' DECISIONS IN APARTMENT BUILDINGS IN RUSSIA

This article presents an in-depth analysis of the falsification of owners' decisions in apartment buildings in Russia, focusing on the legal, social and economic aspects of this complex problem. The factors contributing to such actions, including legal gaps and difficulties in proving, are being investigated. The article discusses modern methods of combating such violations, including strengthening the legislative framework and the use of new technologies, as well as suggests strategies to improve law enforcement and public control.

Keywords: falsification of decisions, apartment owners, apartment buildings, legal shortcomings, investigative methods, judicial practice, legislative regulation, technological innovations, public control.

Современная Россия сталкивается с растущей проблемой фальсификации решений владельцев в многоквартирных домах, что вызывает серьезные правовые, социальные и экономические последствия. Эта тенденция не только подрывает доверие к системе управления недвижимостью, но и наносит ущерб интересам жителей. Нарушения в области принятия коллективных решений собственниками квартир обостряют конфликты внутри сообществ и способствуют незаконным действиям, что, в свою очередь, ведет к ухудшению качества жизни людей и снижению эффективности управления недвижимостью.

За последние годы отмечается значительный рост случаев фальсификации протоколов собраний собственников. Проблема усугубляется слабой правовой базой, недостат-

ками в системе уголовного преследования и сложностями в доказывании нарушений. Судебная практика показывает, что многие дела о подделке протоколов заканчиваются без реального наказания виновных, что создает условия для повторения подобных правонарушений. Кроме того, несмотря на существующие законодательные инициативы, наблюдается неэффективность в реализации мер, направленных на борьбу с фальсификациями. Также стоит отметить роль технологического прогресса, который может способствовать улучшению ситуации через внедрение цифровых систем для контроля и верификации протоколов, однако эти решения пока не находят широкого применения.

Эта проблема затрагивает не только юридические, но и социальные аспекты жизни граждан, влияя на их повседнев-

ную безопасность и благополучие. Поэтому важно разработать комплексный подход к решению этой проблемы, который будет включать усиление законодательной базы, развитие технологических инноваций, образовательных программ и механизмов общественного контроля, направленных на предотвращение подобных нарушений в будущем.

Общее собрание собственников помещений (ОСС) в многоквартирном доме играет ключевую роль в управлении общим имуществом дома. Это собрание предоставляет собственникам возможность активно участвовать в принятии решений, касающихся содержания и управления общедомовым имуществом. Каждый собственник, участвующий в голосовании, выражает свое мнение через бюллетени, а результаты голосования фиксируются в протоколе, подписываемом председателем и секретарем собрания.

Важность решений, принятых на ОСС, очевидна из компетенции, определенной в ст. 44 Жилищного кодекса РФ. Решения могут влечь за собой значительные последствия, такие как введение дополнительных платежей, изменение условий содержания жилых помещений или разрешение третьим лицам использовать общее имущество, что может существенно повлиять на условия проживания.

До 2015 года решения и протоколы ОСС не признавались официальными документами, что исключало уголовную ответственность за их подделку согласно ст. 327 УК РФ. Однако изменения, внесенные Федеральным законом от 29.06.2015 № 176-ФЗ, придали этим документам официальный статус.

Сегодня проблема подделки протоколов ОСС остается актуальной. Например, в Петрозаводске было подделано 386 протоколов о смене управляющей организации, что привело к выставлению жителям двойных квитанций. Это подчеркивает недостаточную ответственность за такие нарушения. Сложность доказательства факта подделки в этих делах остается высокой, и даже при наличии убедительных доказательств виновные часто уходят от ответственности.

Особенно сложным является процесс предварительного расследования подделки протоколов в крупных многоквартирных домах, таких как дом в Кудрово Ленинградской области, где количество собственников значительно превышает количество помещений. Здесь предварительный сбор информации и проверка каждого из тысяч бюллетеней требуют значительных временных затрат, что делает борьбу с подделками еще более трудоемкой.

Основная причина уклонения от ответственности за подделку протоколов заключается в юридических пробелах. Например, несмотря на усилия по уточнению законодательства, как показывает практика, правоприменение остается слабым. Отсутствие четких механизмов идентификации и преследования виновных лиц создает условия, при которых правонарушения остаются безнаказанными.

Доказать факт подделки документов часто бывает сложно из-за необходимости собирать обширные доказательства, включая свидетельские показания и экспертные заключения. Это особенно актуально в случаях, когда речь

идет о больших многоквартирных домах с большим количеством собственников.

Статистика по подделке протоколов ОСС говорит о серьезности проблемы. Например, только в одном Красноярском крае за год было зарегистрировано свыше 600 случаев подозрения в фальсификации, что подчеркивает масштаб проблемы на федеральном уровне.

Несмотря на ужесточение норм в законодательстве, преследование за подделку остается неэффективным. Большинство дел заканчиваются приостановлением производства или прекращением по истечении срока давности. Это указывает на необходимость пересмотра механизмов ответственности и преследования.

Для уменьшения числа подделок важно внедрение систем электронного голосования и повышение прозрачности процедур ОСС. Профилактические меры, такие как обучение и информирование собственников о их правах и обязанностях, также могут сыграть ключевую роль.

Улучшение координации между правоохранительными органами, органами жилищного надзора и прокуратурой может способствовать эффективному выявлению и преследованию нарушений. Соглашения о сотрудничестве, как в Красноярском крае, могут служить примером для других регионов.

Остается актуальным вопрос о дальнейших изменениях в законодательстве, особенно в части уточнения ответственности за подготовку и передачу документов ОСС, что может упростить процесс доказывания в случае подделок.

Одной из серьезных проблем в сфере уголовной ответственности за подделку документов является неправильная квалификация преступлений правоохранительными органами. В этом контексте Верховный Суд РФ в своем постановлении от 17.12.2020 № 43 предоставил разъяснения, направленные на устранение ошибок при квалификации дел по ст. 327 УК РФ [4].

Другой фактор, влияющий на избегание уголовной ответственности, заключается в том, что подобные преступления относятся к категории небольшой тяжести, и срок для привлечения к ответственности ограничен двумя годами. В результате, зачастую срок давности истекает до того, как суд завершит рассмотрение дела, в результате чего дело прекращается.

Анализируя судебную практику, можно увидеть, что большинство дел, связанных с подделкой протоколов ОСС, не получают должного разрешения. Например, по данным статистики Красноярского края, в 2021 году было зарегистрировано более 627 случаев подозрений в фальсификации протоколов ОСС, в результате чего было возбуждено 79 уголовных дел. Однако большинство из них остаются нераскрытыми, и расследования часто приостанавливаются из-за невозможности установить личность обвиняемого [6, с. 103–110].

Интернет-поиск показывает, что с 2019 по 2021 год было рассмотрено всего 25 уголовных дел, связанных с использованием подложных протоколов ОСС. При этом, по общедоступным данным, обвинительные приговоры были вынесены лишь по 10 делам.

Кроме того, одной из причин таких нарушений является недостаточная разработанность законодательства

РФ, особенно в части определения лиц, ответственных за совершение преступлений и их привлечения к уголовной ответственности. Неопределенность в вопросе установления ответственных лиц за регистрацию и смену управляющей организации ведет к затруднениям в расследовании преступлений.

В ответ на эти проблемы разрабатываются методические документы и вносятся изменения в организацию надзора. Например, в Красноярском крае было подписано соглашение о сотрудничестве между различными ведомствами для улучшения обнаружения и расследования фактов фальсификации протоколов [7].

Эффективным решением проблемы фальсификации может стать проведение общих собраний через государственную информационную систему с использованием электронного голосования. Однако вопрос о внесении изменений в законодательство, регулирующее проведение общих собраний, остается открытым, поскольку необходимо уточнить ответственность за сбор и передачу документов.

Анализируя проблему на региональном уровне, можно увидеть различия в частоте и характере подделок. В некоторых регионах России, где уровень правовой осведомленности собственников выше, случаи подделки протоколов ОСС встречаются реже. Это подчеркивает важность информационной и образовательной работы среди населения. Внедрение цифровых технологий, таких как блокчейн, может значительно уменьшить риск подделок. Такие технологии обеспечивают прозрачность и неизменность записей, что делает практически невозможным несанкционированное изменение данных протоколов ОСС.

В некоторых случаях подделка протоколов ОСС связана не только с незнанием закона, но и с целенаправленными мошенническими действиями. Например, были зафиксированы случаи, когда управляющие компании или отдельные лица использовали поддельные документы для переоформления прав на общедомовое имущество. Подделка протоколов ОСС негативно сказывается не только на юридическом поле, но и на социальном климате в многоквартирных домах. Это ведет к утрате доверия собственников к управляющим организациям и друг другу, что усугубляет конфликты внутри жилых сообществ.

Сравнение с международным опытом показывает, что во многих странах проблема подделки документов в сфере управления многоквартирными домами решается более эффективно благодаря более строгому законодательству, автоматизированным системам учета и высокому уровню правовой осведомленности населения¹. Подделка протоколов ОСС может привести к значительным экономическим потерям для собственников. Например, незаконное изменение условий содержания жилья или управления общим имуществом может привести к увеличению расходов жителей на содержание дома.

В решении проблемы подделок активную роль могут сыграть общественные организации и инициативные группы собственников, осуществляющие общественный контроль и

поддержку в обучении правам и обязанностям собственников.

Пристатейный библиографический список

1. Малгинов Г., Радыгин А. Управление государственным имуществом в России в 2020 году. Публикации Институт Гайдара по экономической политике, пересмотрено в 2021 году.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант-Плюс.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Часть первая (ред. от 16.04.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант-Плюс.
5. Федеральный закон от 29.06.2015 № 176-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Тюнин В. И. К вопросу об ответственности за использование заведомо подложного документа (ч. 3 ст. 327 УК РФ) // Уголовное право. – 2019. – № 4. – С. 103–110.
7. Тютюник Р. Н., Ковязин М. Д., Мазуров Д. А. Противодействие преступлениям, связанным с фальсификацией протоколов общего собрания собственников многоквартирных // Законность. – 2022. – № 4.
8. Fraud: A Growing Threat to the Property Management Industry. – National Apartment Association, 2021.

¹ По данным исследования, проведенного Entrata, в США за последние 18 месяцев наблюдается значительный рост мошенничества в сфере управления недвижимостью, увеличиваясь на 111% с 2019 по 2020 год.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-383-385

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КОРКИН Максим Сергеевич

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья представляет собой обширное исследование, направленное на анализ и аргументацию неотложной необходимости изменений в уголовном судопроизводстве с целью придания ему более гуманных, справедливых и эффективных характеристик. Авторы статьи подчеркивают, что в условиях постоянной динамики правовых норм и общественного контекста, процедуры уголовного расследования и судебного разбирательства могут сталкиваться с формализмом, бюрократизмом и недостаточным вниманием к правам подсудимых. В статье рассматриваются ключевые проблемы, с которыми сталкивается судебная система в контексте гуманизации уголовного процесса. Предлагаются аналитические обзоры международного опыта и современных требований прав человека в контексте уголовного судопроизводства. Авторы также предоставляют возможные пути решения выявленных проблем, основываясь на принципах гуманизма и защиты прав человека.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гуманизация, обвиняемый, подсудимый, УПК РФ, права и свободы человека, равенство.

PROVATKINA Valeria Evgenjevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KORKIN Maxim Sergeevich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

HUMANIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is an extensive study aimed at analyzing and arguing for the urgent need for changes in criminal proceedings in order to give them more humane, fair and effective characteristics. The authors of the article emphasize that in conditions of constant dynamics of legal norms and the public context, the procedures of criminal investigation and judicial proceedings may face formalism, bureaucracy and insufficient attention to the rights of defendants. The article examines the key problems faced by the judicial system in the context of the humanization of the criminal process. Analytical reviews of international experience and modern human rights requirements in the context of criminal proceedings are offered. The authors also provide possible solutions to the identified problems based on the principles of humanism and human rights protection.

Keywords: criminal proceedings, humanization, accused, defendant, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, human rights and freedoms, equality.

В условиях постоянно меняющегося общественного контекста и динамичного развития правовых норм, вопрос о гуманизации уголовного судопроизводства становится одним из ключевых аспектов обеспечения справедливости и защиты прав граждан. В современном российском обществе возрастает потребность в системных изменениях в уголовном судопроизводстве с целью придания ему более гуманных, справедливых и эффективных характеристик. Уголовное судопроизводство, как важный инструмент обеспечения общественной безопасности, должно соответствовать высоким стандартам справедливости и защиты прав человека [1]. Однако, в ряде случаев, процедуры уголовного расследования и судебного разбирательства могут быть характеризованы формализмом, бюрократизмом и недостаточным вниманием к правам подсудимых.

Научное исследование по гуманизации уголовного судопроизводства в России не только актуально, но и является неотъемлемой частью стремления к совершенствованию правовой системы. В данной статье мы рассмотрим основные проблемы, стоящие перед судебной системой в контексте гу-

манизации уголовного процесса, и предложим возможные пути их решения, с учетом международного опыта и современных требований прав человека.

Гуманизация общественных отношений, в свою очередь, представляет многогранный процесс, отражающий поступательный процесс накопления и развития представлений об общечеловеческих ценностях, вырабатываемых цивилизованным обществом на протяжении многих столетий и выражающихся в формировании гуманистических взаимоотношений человека с природой, с людьми. При этом если ранее (с античных времен) научные исследования понятия гуманизма и гуманизации общества проходили в основном на философском уровне, то для современности основное значение приобретает поиск путей и средств задействования этих ценностей в целях создания благоприятных условий для гармоничного развития личности и гуманного отношения к человеку.

Принцип гуманизма определен в Конституции РФ основополагающим в признании приоритета личности человека высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита его

свободы и прав – возложены на государство. В содержание Уголовного кодекса РФ отражен перечень всех прав и свобод российских граждан, определенных основными и обеспечиваемыми охраной со стороны государства с учетом гуманных принципов. Статья 19 Конституции РФ гарантирует равенство перед законом и судом, что также является важным аспектом гуманизации уголовного судопроизводства. Понятие гуманизации включает в себя защиту прав и достоинства человека в процессе уголовного судопроизводства, а также обеспечение справедливого суда. Применение более мягких санкций, учет обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого, и соблюдение процессуальных гарантий также являются важными аспектами гуманизации.

Гуманизация уголовного судопроизводства в Российской Федерации означает принятие и реализацию мер, направленных на обеспечение более справедливого, человеческого и уважительного отношения к участникам уголовного процесса [2]. Несколько признаков и моментов указывают на гуманизацию уголовного судопроизводства:

1. Защита прав обвиняемых и подсудимых: включает в себя обеспечение полной и эффективной защиты прав и свобод обвиняемого, а также уважение их человеческого достоинства. Это может включать в себя соблюдение норм, гарантирующих право на защиту, право на допрос без пыток, нарушения неприкосновенности частной жизни.

2. Повышение внимания к психологическому и физическому благополучию: уделяется больше внимания заботе о психическом и физическом состоянии участников уголовного процесса, в том числе обвиняемых, свидетелей и потерпевших.

3. Альтернативные меры наказания: гуманизация предполагает более широкое использование альтернативных мер наказания, направленных на реабилитацию и социальную реинтеграцию осужденных, вместо строгих заключений.

4. Сокращение сроков рассмотрения дел: принятие мер по сокращению времени рассмотрения уголовных дел может способствовать снижению вреда для обвиняемых и их семей, а также повысить эффективность правосудия.

5. Обеспечение прозрачности и открытости судебных процессов: гуманизация предполагает большую открытость судебных процессов, чтобы общество могло наблюдать за работой судов и убеждаться в справедливости и прозрачности процесса.

6. Обучение и совершенствование сотрудников правоохранительных органов: гуманизация требует обучения сотрудников правоохранительных органов навыкам взаимодействия с людьми, уважению прав и свобод граждан.

7. Соответствие международным стандартам: приведение законодательства и практики уголовного судопроизводства в соответствие с международными стандартами в области прав человека и справедливости.

8. Учет обстоятельств и контекста преступлений: суды и правоохранительные органы должны учитывать обстоятельства и контекст совершения преступлений, чтобы избежать применения несправедливых наказаний [3].

Гуманизация уголовного судопроизводства направлена на создание более сбалансированного и справедливого подхода, обеспечивая защиту прав человека и признание их достоинства в ходе уголовного процесса. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ)¹ содержатся нормы, которые направлены на гарантирование

прав и свобод участников уголовного процесса и обеспечивают гуманизацию процесса. Вот несколько положений, подтверждающих вышеупомянутые аспекты:

Статья 47. Обвиняемый. Эта статья подчеркивает права обвиняемого, включая право на защиту, присутствие защитника, недопустимость принуждения к самообвинению, а также право на использование средств защиты.

Статья 14. Презумпция невиновности. Установление презумпции невиновности предполагает, что обвиняемый считается невиновным до доказательства его виновности в установленном порядке.

Статья 16 и статья 217. Использование средств защиты. Подтверждает право обвиняемого и его защитника на использование средств защиты и возможность ознакомления с материалами дела.

Статья 11. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Статья устанавливает обязанность обеспечивать безопасность участников уголовного процесса.

Статья 191. Особенности допроса несовершеннолетних. Задаёт особенности допроса несовершеннолетних, направленные на защиту их интересов и соблюдение принципов гуманизации.

Эти и многие другие нормы в Уголовно-процессуальном кодексе России служат основой для гарантирования прав и свобод участников уголовного процесса и ориентированы на обеспечение более гуманного, справедливого и эффективно-го уголовного судопроизводства [5].

Гуманизация уголовного судопроизводства в России является важным направлением для обеспечения защиты прав граждан, соблюдения принципов справедливости и соблюдения международных стандартов прав человека. Однако, несмотря на определенные шаги в этом направлении, существуют ряд проблем и вызовов, которые затрудняют полноценную гуманизацию уголовного судопроизводства в РФ. Вот некоторые из них:

1. Использование принудительных мер: в некоторых случаях применение принудительных мер, таких как содержание под стражей, может быть слишком строгим и несоответствующим. Это может привести к нарушению прав подозреваемых и обвиняемых.

2. Длительность следствия и судебного процесса: процессы уголовного судопроизводства в России иногда могут затягиваться, что приводит к длительному ожиданию справедливого судебного разбирательства. Это может оказывать негативное воздействие на психологическое состояние обвиняемых.

3. Условия содержания под стражей: состояние мест лишения свободы, включая переполнение тюрем и условия содержания, может не соответствовать стандартам человеческого обращения. Это создает проблемы для здоровья и достоинства заключенных.

4. Недостаточная защита прав обвиняемых: некоторые критики утверждают, что в процессе уголовного судопроизводства не всегда обеспечивается должная защита прав обвиняемых, включая доступ к адекватной юридической помощи.

5. Проблемы с предварительным следствием: возможны случаи неправомерного применения ареста и задержания, что может привести к нарушению прав личности и свободы граждан.

1 «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.01.2024) от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

6. Недостаточная транспарентность и доступность информации: некоторые аспекты уголовного судопроизводства могут быть недостаточно прозрачными, что затрудняет доступ общественности к информации и контроль за деятельностью правоохранительных органов.

Гуманизация уголовного судопроизводства обычно считается положительным явлением. Это направление в развитии юридической системы нацелено на уважение прав и достоинства личности, обеспечение справедливости и предотвращение возможных злоупотреблений. [6, с. 43-45]. Так можно выделить некоторые причины, почему гуманизация уголовного судопроизводства считается благоприятной:

Справедливость: гуманизация уголовного судопроизводства помогает обеспечить справедливость, где каждый участник процесса имеет равные права и возможности.

Права человека: этот подход признает и защищает основные права человека, включая право на защиту, презумпцию невиновности и недопустимость пыток.

Снижение ошибок: гуманизация процесса может снизить вероятность допущения ошибок и неправосудных решений, так как она ставит целью более внимательное рассмотрение дел.

Сокращение жестокости и бюрократии: принципы гуманизации направлены на снижение применения жестких наказаний и улучшение условий содержания подсудимых, а также на уменьшение бюрократии и формализма в процессе.

Доверие общества: более гуманное уголовное судопроизводство способствует укреплению доверия общества к правовой системе, что важно для поддержания стабильности и справедливости в обществе.

Однако, при этом, важно также учитывать баланс между гуманизацией и необходимостью обеспечения безопасности общества. В ряде случаев критики могут высказывать опасения относительно того, что слишком большой акцент на гуманизацию может привести к снижению эффективности уголовного преследования. Следовательно, важно находить оптимальные решения, которые учитывают и права личности, и обеспечивают безопасность общества [7, с. 355-360], [8, с. 37-45].

Подводя итоги рассмотрению некоторых вопросов гуманизации уголовного судопроизводства, можно отметить, что в российском уголовном процессе сформировался и реально действует принцип гуманизма: гуманистические ценности пронизывают все стороны и институты уголовного судопроизводства, определяют его цели, задачи и средства реализации, построение его стадий и форм, а также характеризуют взаимоотношения участников уголовного процесса. Однако опыт правоприменения показывает, что наличие в правовых нормах отдельных элементов нравственных ценностей еще не является безусловной гарантией реализации всех гуманистических установлений в уголовном судопроизводстве. Создание целостной концепции гуманизации уголовного судопроизводства предполагает выработку реального механизма, обеспечивающего успешное функционирование гуманистических ценностей в уголовном судопроизводстве, направленных как на уважение, соблюдение и защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, так и на решение задач уголовного судопроизводства цивилизованными средствами. Поэтому формирование концепции уголовного судопроизводства требует закрепления и расширения в законе системы гарантий, обеспечивающих реализацию общечеловеческих ценностей, т. е. средств и методов, которыми поль-

зуются должностные лица при решении задач уголовного судопроизводства. Выявление и совершенствование процессуальных гарантий требуют необходимого приведения их в полное соответствие мировым стандартам защиты прав и свобод человека.

Пристатейный библиографический список:

1. Прокофьева С. М. Гуманизация уголовного судопроизводства: автореферат дис. доктора юридических наук: 12.00.09. – Санкт-Петербург, 2002. – 42 с.
2. Антонов И. А. Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности: Теоретические идеи и правоприменительная практика: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.09. – Санкт-Петербург, 2005. – 45 с.
3. Куракина Ю. В. Социокультурные аспекты и права человека в условиях глобализации // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: Материалы ежегодной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского 25 апреля 2013 года. – М.: АПКИППРО, 2013. – 404 с.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений. Том второй. Книга 1. – М.: Русская книга, 1993. – 398 с.
5. Золотов А. Т. Реализация принципа гуманизма в уголовном праве // Юридический факт. – 2019. – № 55. – С. 43-45.
6. Латыпова Э. Ю., Нечаева Е. В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (37). – С. 355-360.
7. Мусаев М. А. Принцип гуманизма в реализации юридической ответственности и обеспечении уважения прав и свобод человека и гражданина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 37-45.

АСАДОВ Ватан Вагифович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества Псковского филиала Университета ФСИН России

ШАМСУДИНОВ Ислам Валидович

курсант Псковского филиала Университета ФСИН России

К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

В статье обосновывается важность и актуальность изучения проблемы обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Авторами по результатам проведенного исследования (выборочного опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций) сформулированы основные угрозы безопасности сотрудников. Кроме того, авторы обозначают ключевые факторы обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и последовательно рассматривают их. Особое внимание авторы статьи уделяют анализу криминогенного состава осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, как одному из факторов, влияющих на безопасность сотрудников.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, сотрудник уголовно-исполнительной инспекции, осужденный, состоящий на учете уголовно-исполнительных инспекций, безопасность.

ASADOV Vatan Vagifovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society sub-faculty of the Pskov branch of the FPS University of Russia

SHAMSUDINOV Islam Validovich

cadet of the Pskov Branch of the FPS University of Russia

ON THE PROBLEM OF ENSURING THE SAFETY OF EMPLOYEES OF PENAL ENFORCEMENT INSPECTIONS

The article justifies the importance and relevance of studying the problem of ensuring the safety of employees of penitentiary inspections. Based on the results of the study (selective survey of employees of penitentiary inspections), the authors formulated the main threats to the safety of employees. In addition, the authors identify the key factors for ensuring the safety of employees of penitentiary inspections and consistently consider them. The authors of the article pay special attention to the analysis of the criminogenic composition of convicts registered with the penitentiary inspections as one of the factors affecting the safety of employees.

Keywords: penal enforcement inspectorate, an employee of the penal enforcement inspectorate, a convict who is registered with penal enforcement inspections, security.

В современной реальности, а также в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) приобретают все большую актуальность. Если в 2015 г. только примерно 50 % опрошенных респондентов высказывали обеспокоенность своей безопасностью, то в 2023 г. практически 100 % опрошенных не считают удовлетворительным состояние своей личной безопасности. При этом опрошенные сотрудники отмечают, что все чаще угрозы становятся не потенциальными, а реальными: зачастую потенциальные угрозы личной безопасности сотрудников УИИ переходят в реальные, в первую очередь это угрозы жизни и здоровью не только сотрудников, но и членов их семьи. Так, на вопрос: «Испыгивали ли Вы угрозу безопасности?» – 49,1 % опрошенных ответили положительно, что, безусловно, свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы.

Применительно к УИИ угроза – это реально сформировавшееся желание нанести физический, материальный или иного характера вред отдельному лицу, группе лиц (сотруднику УИИ, родственникам, близкому окружению) или общественным интересам, четко выраженное по отношению

к ним любым понятным способом и реализующееся непосредственно в отношении сотрудников УИИ, либо в виде психологического насилия над той или иной личностью.

Как показало исследование, наиболее часто – в 27,9 % случаев – угрозы в адрес сотрудников исходили от самих осужденных. Кроме того, угрозы исходили от ранее судимых лиц (9,2 % случаев), иных лиц (7,2 %), родственников осужденных (4,5 %). Два респондента отметили, что угроза исходила от неизвестных ему лиц.

Обеспечение безопасности сотрудников УИИ – это гарантированная законодательством Российской Федерации в соответствии с принципами и нормами международного права защита жизни, здоровья, чести и достоинства личности от противоправных посягательств и иных действий, имеющих целью причинение физических или нравственных страданий, а также предотвращение опасностей и угроз, в том числе угрозы распространения эпидемий, инфекционных заболеваний и туберкулеза [3].

В связи с этим можно выделить несколько факторов обеспечения безопасности сотрудников УИИ:

- физическая безопасность;
- медицинское обеспечение;

Асатов В. В.

Шамсудинов И. В.

- морально-психологическая защищенность;
- материальное благополучие.

Остановимся более подробно на выделенных факторах.

Физическая безопасность сотрудников УИИ напрямую связана с осужденными, состоящими на учете инспекций, так как угроза личной безопасности сотрудников исходит именно от них. При этом респонденты отмечают, что довольно часто угроза связана с психологическим давлением лиц, состоящих на учете. Так, довольно часто встречаются случаи, когда осужденные используют прием психологического давления на сотрудников, особенно сотрудников женщин, которые не имеют опыта работы с осужденными. Брошенная с нужной интонацией вскользь фраза «В одном городе живем» может стать причиной депрессивного состояния сотрудника инспекции, заставить его бояться ходить одной по улице.

Ежегодно по учетам УИИ проходит около миллиона осужденных. Так, в 2022 году по учетам УИИ прошли 993648 чел. (2021 г. – 985447 чел.), из них 11029 несовершеннолетних (2021 г. – 12263). Численность лиц, прошедших по учету УИИ, увеличилась на 0,83 % [2, с. 2].

По состоянию на 01.01.2023 на учете УИИ состояли 476659 чел. (2021 г. – 489825 чел., 2,69 %), из них 3418 несовершеннолетних (2021 г. – 3 737, -8,54 %).

Анализ криминогенного состава осужденных, состоящих на учете УИИ, позволяет утверждать, что состав подучетных лиц достаточно сложен.

Так, примерно 82 % осужденных, состоящих на учете УИИ, имеют обязанности по приговору суда, на 38 % осужденных судом возложены дополнительные обязанности по представлению УИИ; около 42,6 % осужденным продлен испытательный срок по представлению УИИ; 38 % имеют предупреждение о замене наказания более строгим видом наказания, отмене условного осуждения и отсрочки отбывания наказания и исполнения наказания, назначенного приговором суда. Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство осужденных имеют обязанность пройти курс лечения от алкогольной или наркотической зависимости.

При этом подчеркнем, что осужденные, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью, составляют отдельную категорию, представляющую угрозу личной безопасности сотрудников УИИ. Как отмечают респонденты 68 % угроз исходит от осужденных, находящихся в состоянии алкогольного опьянения.

Здесь необходимо остановиться на совершении осужденными повторных преступлений, так как рецидивная преступность представляет собой повышенную угрозу для общества в целом и для каждого его члена в частности. Это связано с тем, что совершение повторного преступления свидетельствует о том, что осужденный не просто не желает исправиться, но и бросает вызов обществу. В 2022 году отмечается рост подучетных лиц, совершивших повторные преступления с 20217 в 2021 г. до 24009 в 2022 году, или на +18,76 %. Уровень повторной преступности составил 2,42 % (2021 г. - 2,17 %, +11,52 %), среди несовершеннолетних - 3,55 % (2021 г. - 2,78 %, +27,39 %).

В целях предупреждения преступлений и иных правонарушений лицами, состоящими на учете в УИИ, в 2022 г. активно применялись предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством меры профилактического воздействия к нарушителям порядка отбывания наказания: испытательный срок продлен 83504, или 18,74 %, условно осужденным (2021 г. - 83028, или 18,63 %); дополнительные обязанности возложены на 61917, или 13,89 %, условно осужденных (2021 г. - 61 804, или 13,87 %); дополнительные ограничения установлены 14200, или 17,13 %, осужденным к ограничению свободы (2021 г. - 13 957, или 16,51 %); произведено замен наказаний более строгим видом наказания, отмен условного осуждения, отсрочки отбывания наказания, меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении 57251, или 6,61 %, подучетных лиц (2021 г. – 53450, или 6,60 %) [2, с. 2-3].

Механизм борьбы с правонарушителями требует совершенствования, в связи с чем главная задача деятельности органов и учреждений ФСИН России – повышение эффективности предупреждения преступлений осужденных.

Основными криминогенными факторами выступают: отсутствие постоянных источников доходов, безработица, бытовая неустроенность. По указанным причинам совершается 60 % преступлений [1, с. 13]. Более того, большинство опрошенных экспертов отмечают, что озлобленность осуж-

денных, их недовольство жизнью, угрозы в адрес сотрудников чаще всего встречаются в тех регионах, где невысокий или низкий уровень жизни.

Осужденные, страдающие наркотической зависимостью, представляют наибольшую опасность для общества. Это связано с тем, что систематическое потребление наркотических и психотропных средств постепенно приводит к деградации личности. Это лица, которые живут, руководствуясь принципом «терять мне нечего». Такие осужденные утратили нормальное физическое и психическое состояние, социально полезные связи. По мнению экспертов, это самая агрессивная категория осужденных, контроль за которыми возложен на УИИ.

Как показало проведенное нами исследование чаще всего сотрудники УИИ испытывали угрозу безопасности в рабочее время, а также во время профилактических мероприятий, например по проверке условно осужденных по месту жительства и в общественных местах. В то же время нередки случаи, когда сотрудники испытывают угрозу личной безопасности в свободное от работы время (так отметил каждый десятый респондент).

Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций принимают участие в профилактических мероприятиях, проводимых органами внутренних дел по проверке условно осужденных по месту жительства и в общественных местах. Кроме того, как отмечают эксперты, эта категория осужденных угрожает не самим сотрудникам, а их детям.

Следующая категория осужденных, представляющих опасность для личной безопасности сотрудников УИИ, – осужденные, страдающие социально значимыми заболеваниями (гепатит, туберкулез, чесотка и т.д.). Здесь следует отметить, что недостаточное медицинское обеспечение не дает сотрудникам возможности быть спокойными за свое здоровье. С одной стороны, нет средств, которые обеспечат элементарные профилактические мероприятия, а с другой – низкий уровень медицинского обеспечения не позволяет вовремя оказать помощь сотруднику. Решение этой проблемы видится в возможности получения сотрудниками УИИ медицинской помощи не только в ведомственных, но и в других учреждениях здравоохранения. Большинство сотрудников отметили необходимость получения сотрудниками полисов медицинского страхования.

Опрошенные нами представители УИИ отметили следующие угрозы безопасности:

- агрессивное поведение осужденных и их родственников, грубое отношение при посещении осужденных по месту жительства;
- угроза жизни со стороны осужденного в состоянии алкогольного или/и наркотического опьянения;
- страх заразиться инфекционным заболеванием от осужденных в состоянии алкогольного или/и наркотического опьянения;
- угроза физической расправой;
- угроза при отправлении дела осужденного в суд на замену наказания более строгим видом наказания;
- угроза при применении физической силы во время розыскных мероприятий;
- угроза, выражавшаяся в натравливании собак при выходе в адрес;
- угроза в адрес родных.

В заключение отметим, что обеспечение безопасности сотрудников УИИ является важной задачей, которая требует комплексного изучения и решения.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев Ф. П. Вопросы совершенствования профилактики и предупреждения преступлений среди несовершеннолетних на современном этапе // Цели и средства уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 26-27 ноября 2009 г.): в 2 ч. - Вологда, 2009.
2. Обзор об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2022 году. - М.: ФСИН России, 2023.
3. Шамсунов С. Х, Смирнова Ю. А. О безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций // Закон и право. - 2012. - № 6. - С. 100.

ДИКАЕВА Элина Салмановна

преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Статья посвящена проблемам обеспечения эффективности деятельности органов внутренних дел по профилактике преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы. Перспективы формирования и организации эффективного функционирования национальной службы пробации с 2024 г. требуют разработки специальной законодательной основы деятельности органов (учреждений) и организаций, которые полномочны на реализацию функции пробации на основе постоянного межведомственного взаимодействия и организационно-управленческих преобразований. Предложено принять новый совместный Приказ МВД России и ФСИН России о межведомственном взаимодействии по профилактике преступности лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: профилактика, условно-досрочное освобождение, межведомственное взаимодействие, органы внутренних дел, лишение свободы.

DIKAEVA Elina Salmanovna

lecturer of Criminology sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

PRIORITY DIRECTIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE PREVENTION OF CRIME OF THOSE CONDITIONALLY RELEASED FROM SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT

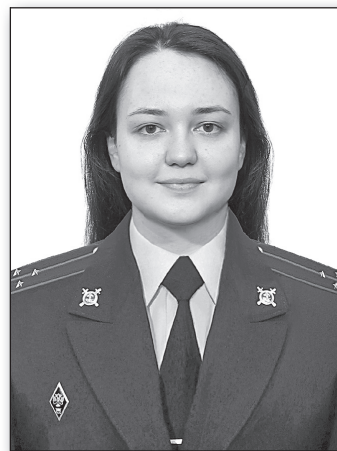
The article is devoted to the problems of ensuring the effectiveness of the activities of the internal affairs bodies for the prevention of crime of those conditionally released from serving a sentence of imprisonment. The prospects for the formation and organization of the effective functioning of the national probation service from 2024 require the development of a special legislative framework for the activities of bodies (institutions) and organizations that are authorized to implement the probation function on the basis of constant interdepartmental interaction and organizational and managerial transformations. It is proposed to adopt a new joint order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia on interdepartmental cooperation on crime prevention of persons conditionally released from serving a sentence of imprisonment.

Keywords: prevention, parole, interdepartmental cooperation, the bodies of interior, imprisonment.

В системе приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) по профилактике преступности условно-досрочно освобожденных (далее – УДО) лиц является организация надлежащего взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями как согласованная совместная деятельность субъектов, обладающих определенными компетенциями, полномочиями, средствами и ресурсами, позволяющими общими усилиями достигать взаимовыгодного результата [1, с. 85].

Для обеспечения взаимодействия данных специализированных субъектов создана соответствующая правовая основа. Вместе с тем вся нормативная база взаимодействия была сформирована в период, когда контроль за освобожденными по УДО лицами осуществлялся ОВД. Передача функций контроля за освобожденными по УДО от ОВД к ФСИН России не была обеспечена внесением соответствующих изменений и дополнений в нормативно-правовые и другие акты. Фактически к настоящему времени сложилась такая ситуация, когда вопросы профилактики преступности и правонарушений со стороны освобожденных по УДО решаются в рамках общей и специальной профилактики лиц, осужденных условно или осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Примером тому является специально разработанный Регламент взаимодействия ФСИН РФ и МВД РФ [2] и Приказ МВД России от 08.07.2011 № 818, устанавливающие порядок осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Новый приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных

Дикаева Э. С.

вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» [3] предписывает субъектам ведомственной системы профилактики при устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушений, осуществлять взаимодействие с федеральными органами власти, органами прокуратуры, следственными органами Следственного комитета, высшими исполнительными органами субъектов Российской Федерации, иными исполнительными органами субъекта России, органами местного самоуправления, а также гражданами, общественными объединениями и иными организациями, оказывающими помощь субъектам ведомственной профилактики (п. 4.1.7.).

В своей практической деятельности названные субъекты не оставляют без внимания вопросы взаимодействия при осуществлении контроля и над условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы. В частности, на основе Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения условно-досрочно освобожденными лицами, состоящими на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, преступлений и других правонарушений территориальными органами ФСИН России и МВД России не реже двух раз в полугодие проводится анализ, обобщение итогов совместной деятельности, составляются совместные комплексные планы взаимодействия при проведении совместных организационных мер, имеющих направленность на эффективность профилактики преступности условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания и др.

Инспекции ежеквартально готовят для ОВД информационно-аналитические материалы о причинах и условиях совершения преступлений поднадзорными; организуют совместный контроль за исполнением осужденными и освобожденными по УДО лицами установленных судом условий и ограничений; составляют и направляют в ОВД списки осужденных; при уклонении осужденного от контроля инспекции и принятии решения о проведении первоначальных мероприятий по установлению его места нахождения, получении информации о готовящихся, совершаемых либо совершенных преступлениях, а также об осужденных, скрывающихся от следствия, дознания и суда, немедленно направляют информацию в ОВД и др.

В свою очередь, ОВД обеспечивают инспекции информацией о возбуждении уголовного дела, о привлечении к административной ответственности, о нарушении подконтрольным лицом условий освобождения или обязанностей, возложенных судом, и др.

Первоначальные розыскные мероприятия по розыску лиц, скрывшихся от контроля или не прибывших в инспекцию после освобождения, осуществляется на основании Приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142 [4]. Однако данный порядок действий, в том числе и в части, касающейся взаимодействия с ОВД, не адаптирован под условно-досрочно освобожденных, что и порождает проблемы взаимодействия инспекций с ОВД и судами.

На региональном уровне состояние межведомственного взаимодействия ОВД с Инспекциями, актуальные вопросы, в том числе, в отношении повышения эффективности профилактики преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, подлежат обсуждению на совещаниях начальников данных территориальных правоохранительных органов. В субъектах РФ в ежегодных межведомственных совещаниях УФСИН России и МВД России принимают участие представители прокуратуры и учреждений, курирующих воспитательную работу с условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы, сотрудники соответствующих воспитательных отделов.

Межведомственные совещания УФСИН России и МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области осуществляются на основе их совместного Приказа № 184/203 от 6.04.2017 г. [5]. Приказ содержит алгоритм действий соответствующих служб и должностных лиц по вопросам взаимодействия (совместные совещания, планирование, составление графиков проверок, подведение итогов, своевременное информирование, формирование совместных решений, имеющих профилактическую направленность и т.д.). В ходе совещания обсуждаются актуальные вопросы совершенствования института УДО, деятельности администраций исправительных учреждений при принятии решения об освобождении и подготовке документов в суд, формирование согласованного комплекса мер и мероприятий по совершенствованию практики применения условно-досрочно освобождения. В рамках межведомственного совещания осуществляется анализ правоприменительной практики российских судов по рассмотрению ходатайств об освобождении, актуальных проблем межведомственного взаимодействия, формируются рекомендации по их устранению, эффективному правоприменению.

В частности, на совместном совещании ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и ФСИН России, проведенном в 2022 г., отмечено, что в качестве основных причин совершения преступлений в регионе лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы, являются стойкая система антиобщественных взглядов и, как следствие - 50%-ый фактор повторности регистрируемой преступности, констатация в 30% повторных деяний наркотической зависимости, при этом около 30% составляют преступления против собственности, проблемы с трудовой занятостью (более 50% условно-досрочно освобожденных из числа совершивших повторные преступления не обладали постоянным местом работы, учебы; каждое второе «бытовое» деяние было совершено в состоя-

нии алкогольного опьянения и признано ситуационным (ранее не подготавливаемым).

На межведомственном совещании УИИ УФСИН по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и участковых уполномоченных полиции, проведенном 4 марта 2023 года с участием первых руководителей ведомств, обсуждались вопросы организации контроля лиц, состоящих в уголовно-исполнительных инспекциях. В ходе совещания были подведены итоги совместной работы УИИ (далее – УИИ) и служб участковых уполномоченных полиции по контролю поднадзорных лиц, способы предупреждения повторных преступлений и правонарушений, а также выполнение других мероприятий, предусмотренных Регламентом взаимодействия ФСИН России и МВД России.

В некоторых регионах России мероприятиям взаимодействия в профилактике преступлений придаются свои наименования. Так, в Республике Калмыкия в целях профилактики преступности лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, включая условно-досрочно освобожденных, и принятия оперативных мер предупредительно – профилактического характера в соответствии с требованиями Регламента взаимодействия ОВД с инспекциями еженедельно проводятся совместные мероприятия под названием «Единый день профилактики правонарушений». С 2022 г. в УИИ УФСИН России по Республике Калмыкия во взаимодействии с МВД по Республике Калмыкия реализуется совместный проект по профилактике преступности «Спецконтингент», в рамках которого систематически осуществляются проверочные мероприятия как в отношении лиц, осужденных к уголовным наказаниям и к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, так и лиц, которые состоят на учете в уголовно-исполнительной инспекции и филиалах районов республики по месту жительства, работы либо учебы, в том числе в отношении условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы [6].

Инспекции в вопросах взаимодействия основываются и на Последовательности действий по осуществлению контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, в соответствии с которой, с целью оказания помощи в социальной адаптации, формирования условий участия в исправлении институтов гражданского общества, общественных объединений, осуществляется взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций как с ОВД и с органами государственной, муниципальной власти, так и с общественными объединениями, социальными службами и другими субъектами профилактики преступности.

В качестве приоритетных вопросов, отраженных в Последовательности действий по осуществлению контроля за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно, и подлежащих оперативному решению при взаимодействии данных специализированных субъектов профилактики признаны информирование уголовно-исполнительной инспекцией территориального ОВД по месту жительства освобожденного о лицах, подлежащих административному надзору и о необходимости рассмотрения вопроса об его установлении, оперативный обмен информацией об условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы посредством использования цифрового компонента, включая совместные информационные базы данных, составление протоколов в сфере информационного, технического взаимодействия и безопасности информации, информирование уголовно-исполнительной инспекцией в ходе первоначальной беседы с условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания в виде лишения свободы о необходимости лицу, гражданину Российской Федерации, не имеющему удостоверяющих личность документов, обращения в орган внутренних дел по месту жительства (пребывания) с целью получения временного удостоверения личности (либо паспорта), о возможности наступления административной ответственности за отсутствие данных документов и регистрации, осуществление совместного контроля за соблюдением лицом, условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания в виде лишения свободы, общественного порядка,

за исполнением возложенных в судебном порядке обязанностей и оформления результатов обеспечения совместного контроля справкой (рапортом), осуществление уголовно-исполнительной инспекцией привода условно-досрочно освобожденного при неявке по вызову на регистрацию без уважительных причин и оформление постановления, копия которого с целью необходимости в содействии ОВД по доставлению вместе с ходатайством направляется в территориальный ОВД; реализация совместных мероприятий по розыску лиц, скрывающихся от осуществления уполномоченными лицами контроля; информирование уголовно-исполнительной инспекцией органа внутренних дел о снятии лица, условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания в виде лишения свободы, с учета и о необходимости прекращения административного надзора.

В связи с принятием закона о пробации в Российской Федерации ведется работа по формированию соответствующей нормативно-правовой базы, призванной обеспечить реализацию целей пробации, в том числе и путем межведомственного взаимодействия различных субъектов профилактики.

Так, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации Приказом от 27.10.2023 № 779н утвердило типовое соглашение о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости населения при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации [7]. Типовое соглашение определяет формы, основные направления и показатели взаимодействия сторон. Формами взаимодействия являются информационный обмен, консультации, мониторинг реализации мероприятий, разработка и реализация совместных проектов по вопросам трудоустройства лиц, в отношении которых принято решение об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации, обобщение и анализ результатов взаимодействия, создание рабочих групп. В числе основных направлений определены следующие: взаимодействие в части обеспечения справочными, методическими и информационными материалами по вопросам содействия занятости; орган службы до 10 числа каждого месяца предоставляет в органы ФСИН информацию об имеющихся вакансиях и перечне востребованных профессий на рынке труда; органы ФСИН до 10 числа каждого месяца представляют в службу занятости информацию о лицах, в отношении которых принято решение об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации и др.

Особый порядок взаимодействия МВД России и ФСИН России по реадмиссии условно-досрочно освобожденных при исполнении международных договоров Российской Федерации определен Постановлением Правительства РФ от 19.07.2012 № 728. В частности, территориальный орган ФСИН, где отбывает наказание иностранный гражданин, в отношении которого вынесено решение о нежелательности пребывания, в течение 5 рабочих дней со дня подачи иностранным гражданином в суд ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания направляет сообщение об этом в соответствующий территориальный орган МВД РФ на региональном уровне, а в случае принятия судом решения об условно-досрочном освобождении иностранного гражданина - о дате его условно-досрочного освобождения [8].

Тем не менее с учетом новых полномочий уголовно-исполнительной инспекции в отношении данной категории лиц и формирующемся институте пробации необходимо указать на отсутствие нормативных правовых актов, регулирующих межведомственное взаимодействие ОВД с уголовно-исполнительными инспекциями в отношении условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы и на необходимость совершенствования цифрового компонента (информационного обеспечения межведомственного взаимодействия).

Для реализации данной задачи целесообразно:

- совершенствование системы организационно-правовых мер по оптимизации взаимодействия ОВД с уголовно-

исполнительными инспекциями по реализации совместных профилактических задач в отношении условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания;

- создание в Российской Федерации единой информационной базы данных ФСИН России и МВД России об условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, находящихся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и под административным надзором у органов внутренних дел;

- внедрение в практику дистанционного взаимодействия органов внутренних дел с уголовно-исполнительными инспекциями в рамках единой информационной базы данных типовых планов согласованных первоочередных и долгосрочных мероприятий по индивидуально криминологическому прогнозу в отношении условно-досрочно освобожденных. В планы целесообразно включать формализованный документ в виде согласованной общей таблицы о данных лица, находящегося на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и под административным надзором, о планировании межведомственного взаимодействия по индивидуальной профилактике преступности. Документ подлежит межведомственному анализу уполномоченными должностными лицами системы ФСИН России и МВД России, осуществляющими контроль (надзор) с формированием мнения о необходимости принятия превентивных мер.

Изложенное коррелирует с утвержденной в 2016 г. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам государственной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» [9], планируемой к реализации до 2025 г., в соответствии с которой на базе электронного межведомственного взаимодействия предполагается сформировать единую информационную среду контрольно-надзорной деятельности, в целом, в том числе в рамках взаимодействия отдельных контрольно-надзорных органов, что позволит посредством предоставления и обмена информацией в автоматическом режиме уменьшить административную нагрузку на субъекты контроля и надзора [10].

Основные направления деятельности по повышению эффективности межведомственного взаимодействия ОВД с инспекциями, как ведущими специализированными субъектами профилактики целесообразно рассматривать в двух главных аспектах: общая организация взаимодействия, реализуемая при соблюдении условно-досрочно освобожденным системы требований и организация взаимодействия в особых условиях нарушения установленных правил (реализация превентивных задач).

Данные отношения предлагается регулировать новым совместным Приказом ФСИН России и МВД России «Об утверждении Положения об оперативном обмене информацией о состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и органах внутренних дел России» в отдельной главе «Условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания». Участники оперативного обмена информацией - это уголовно-исполнительные инспекции, их филиалы, территориальные органы МВД РФ, осуществляющие контрольные и надзорные функции над условно-досрочно освобожденным, федеральное казенное учреждение «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ФКУ «ГИАЦ МВД России») и различные информационные центры территориальных органов МВД РФ. В качестве конкретных субъектов по межведомственному взаимодействию в рамках осуществления мероприятий по индивидуально криминологическому прогнозу в отношении условно-досрочно освобожденных целесообразно обозначить новые специальные отделения анализа и прогнозирования преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, созданные в системе ФСИН и МВД России.

Систему основных направлений реализации концепции социальных технологий в контексте генезиса криминологической науки и практики профилактики преступности ОВД при взаимодействии с муниципальными органами лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, коррелирующих с криминологическим прогнозированием

и криминологическим программированием, составляют следующие направления:

- формирование теоретических, методологических, фундаментальных, основ концепции социальных технологий профилактики преступности в науке криминологии посредством разработки и совершенствования технологий криминологических исследований; создание новой предметной области науки криминологии; формирование специальной терминологии, признаков, типологии криминологических технологий, применяемых в концепции социальных технологий профилактики преступности; определение места технологий в системе российской криминологической науки; технологический генезис типичных методов криминологических исследований; создание новых технологий получения криминологического знания; реализация прикладных криминологических исследований; генезиса социальных технологий в отношении установления достоверности и репрезентативности, верификации исследований;

- обеспечение технологизации социально-юридического контроля преступности посредством создания и генезиса комплекса инновационных технологий; оценка криминальных явлений, фактов; криминологическое прогнозирование, моделирование, планирование, программирование, институциональное проектирование; формирование общественного мнения о преступности и о профилактике преступности; совершенствование нормативного регулирования в антикриминальной сфере (профилактики преступности);

- создание и генезис новых технологий профилактики преступности, реализуемых органами внутренних дел, призванных обеспечить внедрение криминологических идей в антикриминальную сферу социальных технологий, наполняя ее профилактическим содержанием и уменьшая ее карательный потенциал: технологии криминологического программирования и планирования профилактики преступности, в целом, и профилактики киберпреступности, в частности; технологии маркетинга и социальной рекламы в сфере профилактики преступлений; технологии социальной профилактики посредством участия граждан и негосударственных организаций; технологии в сфере оценки качества профилактики преступности и деятельности субъектов профилактики; технологии использования возможностей средств массовой коммуникации в профилактике преступности; технологии индивидуальной профилактики преступности, профилактики преступности в малых группах; технологии профилактики отдельных видов деяний и негативных маргинальных явлений; технологии изменения криминальных установок определенных социальных групп; технологии эффективного взаимодействия субъектов профилактики преступности.

Таким образом, эффективность деятельности по профилактике преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы посредством межведомственного взаимодействия в целом дает хороший результат, однако, как и в любой другой сфере деятельности здесь имеются свои недостатки, указывающие на необходимость совершенствования национальной системы организационно-правовых мер по оптимизации взаимодействия ОВД с другими субъектами профилактики. В качестве конкретных субъектов по межведомственному взаимодействию в рамках осуществления мероприятий по индивидуальному криминологическому прогнозу в отношении условно-досрочно освобожденных целесообразно обозначить новые специальные отделения анализа и прогнозирования преступности условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, созданные в системе ФСИН России и МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Майорова С. А. Основные принципы и формы взаимодействия полиции с государственными органами в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 84-89.
2. Приказ Минюста РФ и МВД РФ от 4 октября 2012 года № 190/912 (ред. от 26.01.2017) «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений» // Российская газета. 2012. 26 окт.
3. Приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» // КонсультантПлюс.
4. Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета. 2009. 14 августа.
5. Приказ № 184/203 от 6.04.2017 г. Об утверждении Положения о взаимодействии ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области с УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области по вопросам осуществления контроля за лицами, осужденными условно и к видам наказания, не связанным с лишением свободы.
6. В Калмыкии проходит межведомственная оперативно-профилактическая операция «Спецконтингент». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://08.fsin.gov.ru/news/detail.php?element> (дата обращения 20.12.2022).
7. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27.10.2023 № 779н «Об утверждении типового соглашения о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости населения при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310310013> (дата обращения 15.12.2023).
8. Постановление Правительства РФ от 19.07.2012 № 728 (ред. от 13.03.2017) «О порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний при реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии» (вместе с «Правилами взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы исполнения наказаний при реализации международных договоров Российской Федерации о реадмиссии») // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения - 17.03.2022).
9. Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности», утвержденной протоколом президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21 декабря 2016 года № 12 (ред. от 29 марта 2018 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71682144> (дата обращения 20.12.2022).
10. Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. Нижний Новгород, 2021. С. 171.

МАШОВЕЦ Асия Океановна

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург

ПРОШЛЯКОВ Алексей Дмитриевич

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

РЕАБИЛИТАЦИЯ БЕЗ ОПРАВДАНИЯ

В статье рассматривается вопрос о возмещении вреда, причинного в результате ошибочной квалификации действий подсудимого и прекращения в суде уголовного преследования в части неподтвержденного обвинения. Основанием признания права на реабилитацию является, как правило, вынесение судом оправдательного приговора либо прекращение уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. В судебной практике признается возможность реабилитации при прекращении уголовного преследования по части обвинения при одновременном признании лица виновным в совершении другого преступления. Авторы обращают внимание на необходимость совершенствования механизма реабилитации при перекалфикации действий подсудимого в суде при исключении из объема обвинения предъявленного ему самостоятельного обвинения.

Ключевые слова: реабилитация, частичная реабилитация, оправдание, уголовное преследование, самостоятельное обвинение, необходимая оборона.

MASHOVETS Asiya Okeanovna

Ural State Law University, Ekaterinburg

PROSHLYAKOV Aleksey Dmitrievich

South Ural State Law University, Chelyabinsk

REHABILITATION WITHOUT ACQUITTAL

The article discusses the issue of compensation for harm caused as a result of erroneous classification of the actions of the defendant and the termination of criminal prosecution in court regarding an unconfirmed accusation. The basis for recognition of the right to rehabilitation is, as a rule, an acquittal by the court or the termination of criminal prosecution due to the refusal of the state prosecutor to charge. Judicial practice recognizes the possibility of rehabilitation upon termination of criminal prosecution on part of the charge while simultaneously finding the person guilty of committing another crime. The authors draw attention to the need to improve the rehabilitation mechanism when reclassifying the defendant's actions in court when excluding the independent accusation brought against him from the scope of the charge.

Keywords: rehabilitation, partial rehabilitation, acquittal, criminal prosecution, independent accusation, necessary defense.

Реабилитация и возмещение вреда, причиненного в результате ошибочной квалификации действий подсудимого, является одной из задач справедливого правосудия. Нормы главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие институт реабилитации в уголовном процессе, определяют порядок реабилитации лица, уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям.

При вынесении в отношении подсудимого оправдательного приговора либо прекращения уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения подсудимый в соответствии с ч. 2 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имеет право на реабилитацию. Право на реабилитацию возникает, как правило, при оправдании (прекращении уголовного преследования) по всему объему предъявленного обвинения. Судебная практика в части возможности реабилитации лица при оправдании по отдельным пунктам обвинения была скорректирована в соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной при рассмотрении доводов заявителя о не предоставлении права на реабилитацию, в том числе права на возмещение вреда, лицам, оправданным частично. Высший судебный орган конституционного контроля обратил внимание правоприменителей на то, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит положений, «исключающих возможность возмещения вреда лицу, которое было оправдано по приговору суда или в отношении которого было вынесено постановление (определение) о прекращении уголовного преследования, на том лишь основании, что одновременно это лицо было признано виновным в совершении другого преступления.

По смыслу закона, в таких ситуациях суд, исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела и руководствуясь принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина, может принять решение о возмещении вреда, причиненного в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства»¹.

Верховный Суд Российской Федерации поясняет, что «право на реабилитацию имеет не только лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным частью 2 статьи 133 УПК РФ, по делу в целом, но и лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по указанным основаниям по части предъявленного ему самостоятельного обвинения»².

Несмотря на то, что в части 2 статьи 133 УПК РФ не указано на признание в приговоре части обвинения необоснованной как на основание для частичной реабилитации, судебной практикой оправдание лица судом в части предъявленного ему обвинения признается, по смыслу закона, основанием

1 Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 19-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухина Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». П. 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.

для признания права на реабилитацию³. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что «в таких ситуациях с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела и в соответствии с принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина суд вправе принять решение о частичном возмещении реабилитированному лицу вреда, если таковой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства»⁴.

Обратим внимание на примененное Верховным судом Российской Федерации выражение «самостоятельное обвинение». А. Д. Кузнецова пишет, что «частичная реабилитация может иметь место лишь в случае совершения лицом реальной совокупности преступлений, по одному из которых уголовное преследование прекращается по реабилитирующему основанию, но одновременно лицо подлежит осуждению за совершение другого преступления» [1, с. 14]. В. А. Шиплюк, характеризуя понятие «самостоятельность обвинения», предлагает обратиться к позициям Конституционного Суда Российской Федерации о возможности привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения в совершении тех преступлений, по которым уголовное дело не возбуждалось и разрешить вопрос, является ли вновь обнаруженное преступное деяние составной частью события преступления, по которому ранее уже было уголовное дело возбуждено, или оно образует самостоятельное событие преступления [2, с. 39].

Не признается право на реабилитацию при переквалификации преступных действий подозреваемого, обвиняемого, осужденного, либо исключении из обвинения квалифицирующих признаков, ошибочно вмененных статей при отсутствии идеальной совокупности преступлений, либо при принятии иных решений, уменьшающих объем обвинения, но не исключающих его, а также при снижении осужденному вышестоящим судом меры наказания до предела ниже отбытого⁵.

В связи с тем, что признание права на реабилитацию при прекращении уголовного преследования в части обвинения и переквалификации деяния подсудимого на менее тяжкое деяние формально не соответствует предусмотренным УПК РФ основаниям возникновения права на реабилитацию и разъяснениям Верховного суда Российской Федерации, суды не всегда принимают решение о возмещении вреда, причиненного в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства.

Органами предварительного следствия Г.Э. обвинялся в убийстве Г.С. и П. в ссоре и возникшей в связи с этим неприязнью, то есть в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По мнению стороны обвинения, имело место одно событие преступления, поскольку Г.Э. имел умысел на лишение жизни двух лиц.

К иным выводам пришел при рассмотрении этого дела Свердловский областной суд. С точки зрения суда, произошло два события: сначала Г.Э. в состоянии необходимой обороны и без превышения её пределов лишил жизни напавшего на него П., а затем у него возник умысел на убийство Г.С. сразу же после того, как потерпевшая предприняла меры к сдерживанию Г.Э. после нанесения им телесных повреждений П.

На этом основании суд первой инстанции квалифицировал действия Г.Э. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а указание на умыш-

ленное причинение смерти П. и квалифицирующий признак убийства двух человек из обвинения исключил⁶.

Если бы органы предварительного следствия расценили действия Г. Э. в отношении каждого из потерпевших по ч. 1 ст. 105 УК РФ как два события преступления, то суд первой инстанции должен был бы оправдать Г.Э. по эпизоду с потерпевшим П. за отсутствием в деянии состава преступления (п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ) и признать за ним в резолютивной части приговора право на реабилитацию. Однако, поскольку обвинение было предъявлено п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд не мог этого сделать.

В апелляционном представлении государственного обвинителя был поставлен вопрос об отмене приговора и вынесении в отношении Г.Э. нового обвинительного приговора.

Помимо иных доводов, в представлении было указано, что признавая действия Г.Э. по лишению жизни П. совершенными в состоянии необходимой обороны, суд не сослался на норму материального права, а именно на ст. 37 УК РФ и не принял какого-либо процессуального решения в связи с признанием действий осужденного по лишению жизни П. законными (не прекратили в части уголовное преследование или не оправдал в части) путем вынесения соответствующего постановления или указания в резолютивной части приговора, а также не разъяснил Г. Э. право на реабилитацию в соответствии с требованиями ст. 133 УПК РФ.

Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 21.11.2019 года приговор Свердловского областного суда в отношении Г. Э. оставлен без изменения, а апелляционное представление – без удовлетворения. При этом судебная коллегия по уголовным делам пришла к выводу, что суд правильно расценил действия Г. Э. в отношении П. как совершенные в состоянии необходимой обороны, а потому правомерные, и не влекущие уголовную ответственность за причинение смерти потерпевшему. По указанным основаниям в связи с отсутствием в действиях Г.Э. состава преступления суд обоснованно из объема предъявленного Г. Э. обвинения по п. «а» ч.2 ст. 105 УК РФ исключил его обвинение в умышленном причинении смерти П.

Верховный суд РФ подчеркнул, что, поскольку действия подсудимого в убийстве П. и Г. С. были квалифицированы по одной статье, суд вправе исключить из его обвинения часть вмененных ему действий, а не принимать решение об оправдании Г.Э. Отсутствие в приговоре прямого указания на ст. 37 УК РФ, при том, что судом приведено содержание указанной нормы, отсутствие указания на наличие у Г. Э. права на реабилитацию не влечет отмену или изменение приговора, и не лишает Г. Э. права на реабилитацию в соответствии с положениями главы 18 УПК РФ⁷.

Однозначная практика подтверждения судами права на реабилитацию при переквалификации деяния подсудимого на менее тяжкое преступление при прекращении уголовного преследования в отношении самостоятельного события преступления еще не сложилась, нередко ошибки судов при принятии решения о признании права на реабилитацию и возмещении вреда, причиненного в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства. Механизм реабилитации при прекращении уголовного преследования в части обвинения требует своего совершенствования, уточнения оснований реабилитации и круга лиц, имеющих право на реабилитацию.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецова А. Д. Частичная реабилитация: законодательное закрепление и правоприменительная практика // Российский судья. 2021. № 5. С. 12-16.
2. Шиплюк В. А. Круг лиц, имеющих право на реабилитацию в порядке главы 18 УПК РФ (проблемы определения) // Криминалист. 2013. № 1 (12). С. 37-42.
3. См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.10.2012 № 24-О12-9 / Документ опубликован не был.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 № 981-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Джемилева Усеина Меметовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 299 и статьей 303 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». П. 4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.
6. Приговор Свердловского областного суда от 16.09.2019 года. Дело № 2-23/2019.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.11.2019 № 45-АПУ19-25 / Документ опубликован не был.

ГАЛИЦКАЯ Елизавета Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИНАЧЕВ Герман Ринатович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГЕРАЩЕНКО Никита Артурович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛЯШЕВА Алёна Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПОПОВА Валерия Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В данной работе представлен всесторонний анализ эволюции правовых норм исполнительного производства в Российской империи, начиная с эпохи Петра Великого и до периода правления Екатерины Великой. Исследование углубляется в исторические аспекты этих преобразований, отмечая важность реформ и их влияние на статус лиц, занимающихся исполнительным производством. Особое внимание уделяется анализу ключевых изменений, направленных на улучшение процессов имущественных взысканий и введения баланса между правами и обязанностями. Рассматривается введение должностей судебных приставов и их роль в правовой системе, а также проводится аналитическое сравнение с международными практиками, выявляя отличительные особенности российской юрисдикции.

Ключевые слова: развитие правовых норм, исполнительное производство, история российского права, реформы Петра Великого, юридические инновации екатерининской эпохи, судебные приставы, баланс прав и обязанностей, Российская империя, сравнительный анализ правовых систем.

GALITSKAYA Elizaveta Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MINACHEV German Rinatovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GERASHCHENKO Nikita Arturovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LYASHEVA Alyona Anatoljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

POPOVA Valeriya Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL NORMS OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN EMPIRE

This paper presents a comprehensive analysis of the evolution of the legal norms of enforcement proceedings in the Russian Empire, starting from the era of Peter the Great and up to the reign of Catherine the Great. The study delves into the historical aspects of these transformations, noting the importance of reforms and their impact on the status of persons involved in enforcement proceedings. Special attention is paid to the analysis of key changes aimed at improving the processes of property penalties and the introduction of a balance between rights and obligations. The introduction of bailiff positions and their role in the legal system is considered, as well as an analytical comparison with international practices is carried out, revealing the distinctive features of Russian jurisdiction.

Keywords: development of legal norms, enforcement proceedings, history of Russian law, reforms of Peter the Great, legal innovations of the Catherine era, bailiffs, balance of rights and obligations, the Russian Empire, comparative analysis of legal systems.

История исполнительного производства в России представляет собой уникальный путь развития, который тесно связан с ключевыми моментами исторической эволюции государства. Это путешествие начинается с эпохи Петра Великого, который заложил основы современного правового устройства, и продолжается вплоть до реформ Екатерины Великой, которые значительно повлияли на правовую систему империи. В процессе этих трансформаций исполнительное производство в России претерпело ряд существенных изменений, отражающих как внутренние, так и внешние вызовы, с которыми сталкивалась страна.

Фактическая часть: Во времена Петра Великого были заложены основы для создания централизованной государственной власти, что в свою очередь потребовало формирования эффективной системы исполнительного производства. Значительные усилия были направлены на упорядочивание правовых норм, регулирующих процесс взыскания долгов и исполнения судебных решений. Это был период, когда впервые были введены должности судебных приставов, которые играли ключевую роль в исполнении судебных решений.

Переход к эпохе Екатерины Великой ознаменовался новыми правовыми инициативами и реформами, которые привели к дальнейшему развитию системы исполнительного производства. В это время были внедрены принципы пропорциональности при взыскании долгов, что существенно повысило эффективность и справедливость процесса. Екатерина Великая также внесла значительные изменения в правовую систему, улучшив статус и полномочия судебных приставов.

История исполнительного производства в Российской империи отражает более широкий процесс социальных и политических трансформаций, происходивших в стране. Эти изменения не только способствовали укреплению правовой системы, но и отражали глубокие социальные перемены, происходящие в российском обществе. Они также демонстрируют, как правовая система адаптируется к меняющимся политическим, экономическим и социальным условиям, сохраняя при этом уникальные черты российской правовой традиции.

С середины XVIII века Россия совершает значительные шаги к модернизации своего правового аппарата, что особенно

заметно в сфере исполнительного производства — ключевого элемента правоприменительной практики, имеющего огромное значение для укрепления правопорядка и гарантирования прав и свобод граждан. Именно в этот период закладываются основы современного исполнительного права, инициируются изменения, направленные на оптимизацию процедур и повышение эффективности правосудия [1].

От Петровских времен, когда воинские уставы урегулировали деятельность лиц, обеспечивающих исполнение судебных решений, и до Екатерининской эпохи, ознаменованной масштабными административными реформами и разделением властей, — исполнительное производство претерпевает серьезные изменения. Это было время, когда законодатель стремился к установлению четкого разграничения компетенций и повышению ответственности исполнителей, что наглядно демонстрируют документы и летописи той эпохи.

На протяжении всего исследуемого периода особое внимание уделялось не только формированию эффективной системы взыскания долгов, но и укреплению законности и защите прав собственности. В то же время фактические примеры из архивных материалов показывают, как теоретические положения превращались в живую практику, иногда подтверждая закономерности и выявляя пробелы в системе.

Рассматривая международный контекст, можно проследить, как российские правовые традиции в области исполнительного производства развивались параллельно с западными, иногда перенимая опыт, иногда — идя своим уникальным путем. Сравнение с такими системами, как шерифы в США и судебные исполнители во Франции, подчеркивает как схожие, так и отличительные черты российского правопорядка.

Это исследование представляет собой попытку синтезировать исторические данные, юридические традиции и практики исполнительного производства, чтобы оценить их влияние на современное состояние российской правовой системы и представить комплексный взгляд на эволюцию одного из ключевых сегментов государственного механизма.

Законодательное урегулирование деятельности судебных исполнителей в России получило свое начало в эпоху Петра I, когда были заложены основы современной системы исполнения судебных решений. Военный устав той поры, в частности его вторая половина, и Указ «О форме суда», изданный 5 ноября 1723 года, стали основополагающими документами, определяющими порядок и процедуры в данной сфере.

С периода с 1700 по 1729 годы, власти страны внедряли правовые нормы, нацеленные на усиление эффективности процесса взыскания долгов. Было введено нововведение, которое предписывало пропорциональное распределение активов должника среди кредиторов, что являлось важным шагом в сторону справедливости и равноправия участников процесса. Обер-фискалы, получившие обязанность присутствовать при инвентаризации и оценке имущества, обеспечивали дополнительный контроль над корректностью этих процедур. Механизм публичной продажи имущества должников был также детализированно отрегулирован, что способствовало более открытому и честному процессу исполнения.

В 1722 году произошло значимое событие для сферы исполнительного правоприменения — основание прокуратуры, которая, согласно своим полномочиям, не только вела дела, но и следила за их быстрым и точным исполнением.

Трансформация исполнительного производства в автономную фазу гражданского судопроизводства происходила постепенно. Этот процесс ускорился в конце XVIII века, во времена правления Екатерины II, когда была проведена обширная административная реформа. Она внесла четкое разделение на административную власть, функционировавшую на принципах единоначалия, и судебную власть, где доминировал принцип коллегиальности. Введение должности судебного пристава в состав кассационных департаментов Правительствующего Сената, судебных палат и окружных судов обозначило новую ступень в развитии системы исполнения судебных решений. Судебные приставы, отныне становились звеном, обеспечивающим взаимодействие судебной системы и исполнительной власти, выполняя решения судов, передачу повесток и прочих судебных поручений.

Интересным моментом истории является деятельность приставов при консисториях, выполняющих административные и судебные функции, например, в Тобольской консистории, где с 1770 по 1816 год служили такие заметные фигуры, как Афанасий Серебряников и другие. Заслуживает внимания и эпизод с до-

несением пристава Егора Павлова о краже Иваном Судаковым печати для изготовления поддельных документов в 1779 году [2].

Тем не менее, специализация должностей приставов не всегда касалась непосредственно исполнительного производства. Так, в 1781 году были учреждены должности соляного и винного приставов, задачи которых касались контроля за акцизной торговлей, не затрагивая исполнительное правоприменение.

В 1782 году появилась должность уездного стряпчего, которая предполагала организацию работы судебных инстанций, ведение дел и наблюдение за исполнением судебных постановлений. А с принятием «Устава благочиния или полицейского» в 1785 году, исполнительное производство получило окончательное разграничение с деятельностью суда, тем самым определив своё место в структуре правоприменения того времени.

Анализ исторического развития исполнительного производства в России демонстрирует процесс постепенного выделения этой отрасли в самостоятельную систему, четко регулируемую законодательством и имеющую свою специализированную инфраструктуру. Основополагающее значение в этом аспекте имеют уставы и указы Петра Великого, которые впервые ввели в действие правила, направленные на систематизацию процессов взыскания долгов, распределения активов должников и оценки их имущества. Эти нормативные акты легли в основу формирования правовой базы, регламентирующей деятельность исполнительных органов.

Важную роль в развитии исполнительного производства сыграло учреждение прокуратуры в 1722 году, которое взяло на себя обязанности не только по рассмотрению дел, но и по контролю за их исполнением. Это стало важным шагом к централизации контрольных функций и повышению дисциплины в процессе исполнения судебных решений [5].

Принципиальные изменения в структуре исполнительной власти произошли во времена Екатерины II. Административная реформа внесла разграничение между административной и судебной властями, установив при этом коллегиальный принцип в судопроизводстве и единоначалие в административной сфере. Создание должности судебного пристава, которое стало результатом этих преобразований, существенно повлияло на ускорение процесса исполнения судебных решений, обеспечивая непосредственное взаимодействие между судебными инстанциями и исполнительными органами.

Рассмотрение роли уездных стряпчих и судебных приставов показывает их ключевое значение в обеспечении правопорядка и исполнения закона. Учреждение специализированных должностей, таких как соляной и винный приставы, хоть и не было напрямую связано с исполнительным производством, отражает тенденцию к детализации функций властных структур и укреплению контроля за различными сферами жизни общества.

Особое внимание следует уделить «Уставу благочиния или полицейскому» 1785 года, который финализировал процесс выделения исполнительного производства в отдельную отрасль, обозначив его как важный элемент в системе правоприменения. Это стало знаковым событием, окончательно оформившим структуру и процедуры, которые затем претерпевали эволюцию и усовершенствование, но сохранили свои корни, уходящие в глубь веков.

Пристайный библиографический список

1. Прошение пристава Тобольской консистории Афанасия Серебряникова о производстве его сына Михаила Серебряникова в пономари // Ф-И 156. — Оп. 2. — Д. 1517. — С. 23.
2. Дело по прошению сына отставного пристава А. Скрябина об определении его в Тобольскую духовную консисторию сторожем // Ф-И 156. — Оп. 7. — Д. 2067.
3. Указ Тобольской духовной консистории об отпуске пристава Федора Ушакова в далматовский успешный монастырь для работы // Ф-И 156. — Оп. 3. — Д. 73.
4. Именной указ от 5 марта 1711 года «О порядке заседаний и делопроизводства в правительствующем сенате и о должности обер-фискала // ПСЗ РИ-1. — Т. IV. — № 2319.
5. Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. — М.: Юридическая литература, 1986. — С. 404-450.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-396-398

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Института права Самарского государственного экономического университета

КИТАЕВА Алина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры профессиональных дисциплин Факультета подготовки государственных и муниципальных служащих Самарского юридического института ФСИН России

ДАВЛЕТОВ Руслан Раилевич

аспирант кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Института права Самарского государственного экономического университета

ГУБАРЕВА Елена Николаевна

студент 5 курса Института права Самарского государственного экономического университета

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Коррупция в органах государственной власти является проблемой национальной безопасности государства, она влияет на все сферы жизни общества и напрямую связана с доверием граждан публичной власти. Поэтому борьба с данным видом коррупции входит в приоритетные задачи государства по предотвращению государственных угроз. В статье рассматриваются детерминанты коррупции в судебной системе и нормативное регулирование борьбы с коррупцией. Приводятся статистические данные, исследуется международное антикоррупционное взаимодействие и подход отечественного законодателя к данной проблеме.

Ключевые слова: национальная безопасность, органы публичной власти, судебная система, коррупция.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty of the Institute of Law of Samara State University of Economics

KITAEVA Alina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Professional disciplines sub-faculty of the Faculty of Training of State and Municipal Employees of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

DAVLETOV Ruslan Railevich

postgraduate student of Theory of law and public law disciplines sub-faculty of the Institute of Law of Samara State University of Economics

GUBAREVA Elena Nikolaevna

student of the 5th course of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

ON COMBATING CORRUPTION IN THE DOMESTIC JUDICIAL SYSTEM

Corruption in public authorities is a problem of national security of the state, it affects all spheres of society and is directly related to the trust of citizens in public authorities. Therefore, the fight against this type of corruption is among the priorities of the state to prevent state threats. The article examines the determinants of corruption in the judicial system and the regulatory regulation of the fight against corruption. Statistical data are provided, international anti-corruption cooperation and the approach of the domestic legislator to this problem are investigated.

Keywords: national security, public authorities, judicial system, corruption.

Большим шагом в процессе борьбы с коррупцией в органах государственной власти стало принятие в 2008 году Федерального закона «О противодействии коррупции» [1], которым были обобщены основные начала предупреждения коррупции, правовые и организационные положения, профилактические меры. Помимо требований, предъявляемых к государственным служащим, в целях предупреждения коррупции, данным законом устанавливается публичность и открытость деятельности государственных органов и неукоснительное соблюдение принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность, что является ключевым положением противодействия коррупции в судебной системе. Впоследствии нормы, касающиеся суда конкретизированы в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [2].

Стоит отметить, что важное значение в противодействии коррупции имеет моральный облик государствен-

ного служащего и судьи, что подробно регламентирует Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих [3]. Соблюдение положений данного кодекса является одним из критериев оценки качества профессиональной деятельности государственного служащего. Среди антикоррупционных норм можно выделить диспозиции ст.ст. 14-17, 21-24, устанавливающие антикоррупционные обязанности, ответственность, меры необходимые к применению. Для соблюдения данных требований создаются специальные комиссии, которые являются органами контроля. Нельзя не отметить, что данный кодекс предусматривает моральную ответственность в ст. 29, то есть обращается к нравственности госслужащего, что является одним из способов саморегуляции поведенческой стороны.

Все приведенные выше источники реализуют антикоррупционные меры в судебной системе России. Они

устанавливают весьма широкий перечень ограничений в публичной сфере. А многие ученые называют жесткий отбор кандидатов на должности судей одной из ключевых профилактических антикоррупционных мер. Рассмотрим, насколько эффективно работают данные антикоррупционные акты, изучив существующую статистику по коррупции в данной сфере.

По данным опроса «Спутник» за 2021 год на вопрос какие сферы и институты в наибольшей степени поражены коррупцией 23 % респондентов выбрали ответ «все общество в целом», а 16 % остановилось на судебной системе и прокуратуре (в 2018 году это было 14 %), что является довольно низким уровнем доверия данным органам власти.

По данным ВЦИОМ «насколько опрошенным видны результаты противодействия коррупции за 2021 год» больше всего респондентов (33 %) ответило, что результаты есть, но они незначительны. То есть индекс борьбы с коррупцией, согласно данным опроса, составляет всего 11 из 100. Интересным для данного исследования представляются ответы на вопрос «Что нужно изменить в первую очередь, чтобы снизить уровень коррупции в России?», опрос проходил на базе интернет-платформы «ВЦИОМ-онлайн» – 34 % выбрало, что нужно изменить отношение к коррупции среди людей во власти, 23 % – что данное отношение нужно менять среди большинства граждан, 20 % – выступили за изменение законодательства. Как видно из опроса граждане видят основным сдерживающим фактором формирование гражданского общества и правосознания, наряду со все большим стремлением к гласности и прозрачности судебного процесса [4].

Также необходимо отметить, что Россия в международном рейтинге по индексу восприятия коррупции стабильно занимает довольно низкие места, так в 2021 году РФ оказалась на 136 месте из 180 возможных и набрала 29 баллов из 100. Хотя в данных исследованиях и есть доля субъективности (они публикуются организацией, признанной нежелательной в России) и ориентироваться на них в полном объеме не представляется возможным, и отрицать, что в области антикоррупционной политики есть нерешенные проблемы нельзя. Мы видим, что со стороны населения доверие публичной власти остается на невысоком уровне, а реформирование и модернизация судебной системы кардинально не изменили коррупционную составляющую.

Исследовав статистику, можно сделать вывод, что судебная система остается уязвимой для коррупции, так как антикоррупционная программа в данной ветви власти реализована лишь частично и не все механизмы противодействия здесь эффективно работают.

Россия до 2022 года была активным участником международного диалога по противодействию коррупции, и входила в группу государств по противодействию коррупции – ГРЕКО, выполняла соответствующие рекомендации и предоставляла отчеты. В 2019 году прошел четвертый раунд оценки выполнения Россией рекомендаций данной организации по предупреждению коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров.

Рассмотрим, насколько РФ выполнены антикоррупционные мероприятия в отношении судей [5]. Согласно этому докладу удовлетворительно выполнено четыре из девяти рекомендаций по предупреждению коррупции в отношении судей:

– определение критериев честности в процессе отбора, назначения и продвижения судей и обеспечение их до-

ступности для общественности – важный критерий, так как уменьшение субъективности требований при отборе кандидатов – это необходимый элемент борьбы с коррупцией. Необходимо бороться с ситуациями, когда невозможно четко установить причину отказа квалификационных коллегий судей кандидату на замещение должности судьи;

– увеличение срока пребывания в должности мировых судей до пожизненного – это укрепляет независимость судей, без которой борьба с коррупцией в судебском корпусе невозможна;

– разработка практического руководства по вопросам сообщения судьями о подарках, полученных ими от третьих лиц и повышение эффективности антикоррупционного обучения судей, создание доступной для мировых судей системы обучения и консультирования по соответствующим вопросам – действительно, чтобы избежать нарушения принципа независимости, нужно детальное регулирование запретов и должного поведения судей. Осуществление правосудия нереально без высокой правовой квалификации судьи и его высоконравственной жизненной позиции, потому что обучение судьи является вопросом защиты прав и свобод человека и гражданина.

Частично выполнены две рекомендации:

– предоставление сторонам разбирательства возможности обжалования отказа в ходатайстве об отводе судьи без ущерба для проведения разбирательства в разумные сроки: эксперты учли разработанный законопроект, предусматривающий соответствующую возможность, но выразили свою готовность засчитать данную рекомендацию выполненной полностью только после его принятия. Однако в настоящий момент отказ в удовлетворении ходатайства об отводе судьи самостоятельному обжалованию не подлежит, то есть обжаловать его можно только с подачей жалобы на приговор или иное судебное решение, вынесенное по существу уголовного дела. Это потенциально может служить коррупциогенным фактором и привести к нарушению прав сторон затягиванием процесса;

– повышение прозрачности системы представления сведений о доходах судей в отношении всех источников доходов: рекомендация выполнена частично, так как у судей нет обязанности раскрывать все виды источников доходов. Важной мерой антикоррупционного воздействия является контроль общественности, который возможен лишь при прозрачности имущественного положения судьи и членов его семьи.

В Государственной Думе была предложена инициатива по принятию закона, разрешающего средствам массовой информации доступ к сведениям о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера супруга (супруги) и несовершеннолетних детей судьи, но рассмотрение законопроекта № 140592-8, внесенного в 2022 году, было перенесено. У исследователей мнения по поводу предоставления данного права средствам массовой информации расходятся. Так В. Груздев отмечает, что помимо совершенствования антикоррупционных мер это повышает доверие к судебной системе, М. Баршевский – член Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией считает, что «нет никакой необходимости публиковать сведения об имуществе судей, это только создает дополнительную возможность для давления на них и шантажа, а с коррупцией в первую очередь борются контролирующие органы, которые получают всю необходимую информацию» [6].

Невыполненными ГРЕКО посчитала три из девяти рекомендаций:

– пересмотр процесса подбора судей для сохранения независимости судебной власти от исполнительной и усиление роли судебной власти в процессе отбора кандидатов (ГРЕКО выражала сомнения по поводу решающей роли Президента РФ в процессе назначения судей). По нашему мнению, наличие специального этапа проверки Президентом РФ при назначении кандидата на должность судьи повышает административное влияние на судебную систему и затягивает срок назначения. Квалификационные коллегии судей вполне могут провести все необходимые проверки по кандидату без вмешательства других органов;

– возвращение в Кодекс судейской этики исключенных из него положений о беспристрастности и неподкупности (относительно близких родственников, заинтересованных в разбирательстве, действий, которые могли бы привести к конфликту интересов, личных отношений со сторонами процесса). ГРЕКО выразила несогласие с Советом судей, который решил не включать удаленные ранее пункты в Кодекс судебной этики, так как счел их дублирующими нормы процессуального права. Можно согласиться с необходимостью регламентации, так как Кодекс судейской этики является основным справочным документом для судей, и чем меньше в нем будет неурегулированных ситуаций и неясностей, тем более прозрачным будет разрешение конфликта интересов. Предполагается, что в дублировании с целью более полного раскрытия принципов и обязанностей нет ничего негативного;

– ограничение иммунитета судей деятельностью, связанной с их участием в отправлении правосудия: организация также не согласна с выводом Совета судей о том, что нынешняя система иммунитета судей является удовлетворительной. По мнению ГРЕКО, форма неприкосновенности, касающаяся процедуры возбуждения уголовного дела в отношении судей, выходит за рамки функционального иммунитета и является излишней.

Здесь имеется в виду, что по законодательству РФ необходимо получить согласие судейского сообщества для привлечения к уголовной ответственности судьи за любое преступление. Полагаем такой иммунитет слишком «широким», так как он полностью исключает возможность давления на судью и является гарантом принципа неприкосновенности и независимости.

Проанализировав исполнение рекомендаций ГРЕКО можно сделать вывод о некоторой полезности для совершенствования отечественного антикоррупционного законодательства данных положений. Хотя наше государство в большей степени и ориентируется на национальные планы, а некоторые рекомендации можно назвать довольно спорными и неприменимыми в полной мере к Российской Федерации. Основными направлениями минимизации коррупции в судебной системе по-прежнему являются корректировка законодательства, а именно совершенствование отбора кандидатов, модернизация статуса судьи, расширение доступа к правосудию, сужение объема дискреционных полномочий управленческого аппарата судебной системы, установление общественного контроля за органами правосудия и др.

Пристатейный библиографический список

1. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) / Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2023).
2. О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-I (ред. от 10.07.2023) / Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2023).
3. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 (протокол № 21) / Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Восприятие коррупции населением: актуальные тренды, данные опросов ВЦИОМ / Данные опросов на базе вероятностной всероссийской интернет-панели «ВЦИОМ-онлайн» и всероссийских телефонных опросов общественного мнения «Спутник». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2021_10_anti-korrupcia/2021-10_Diagr.pdf, <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korrupczija-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 30.10.2023)
5. Доклад о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО в рамках четвертого раунда оценки, посвященного теме предупреждения коррупции в отношении парламентариев, судей и прокуроров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_otchet_o_vypolnenii_rossiesy_rekomendatsiy_greko (дата обращения: 30.10.2023).
6. Столичные судьи не решились сообщить о своей недвижимости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/yur-news/?> (дата обращения: 30.10.2023).

ЛЯШЕВА Алёна Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГАЛИЦКАЯ Елизавета Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИНАЧЕВ Герман Ринатович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПОПОВА Валерия Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГЕРАЩЕНКО Никита Артурович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭРА ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Данная статья исследует процесс цифровой трансформации в судебной системе Российской Федерации, подчеркивая его роль в современной эпохе и как часть мирового движения к цифровым инновациям. Она описывает ключевые аспекты и этапы внедрения информационно-коммуникационных технологий в судопроизводство, включая ранние применения видеоконференций в судебных процессах и законодательные усилия по упрощению процедур через цифровые документы и онлайн-судебные заседания. В статье также освещается, как цифровизация способствует улучшению доступности, открытости и эффективности судопроизводства, а также рассматривает вызовы в области кибербезопасности и защиты личных данных.

Ключевые слова: цифровое новаторство, судебная система РФ, информационные технологии, видеоконференции, цифровые документы, правовые реформы, доступность судебного процесса, прозрачность судопроизводства, кибербезопасность.

LYASHEVA Alyona Anatoljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GALITSKAYA Elizaveta Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MINACHEV German Rinatovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

POPOVA Valeriya Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GERASHCHENKO Nikita Arturovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE ERA OF DIGITAL INNOVATION IN THE JUDICIAL SYSTEM

This article explores the process of digital transformation in the judicial system of the Russian Federation, emphasizing its role in the modern era and as part of the global movement towards digital innovation. She describes the key aspects and stages of the introduction of information and communication technologies in court proceedings, including the early applications of videoconferencing in court proceedings and legislative efforts to simplify procedures through digital documents and online court sessions. The article also highlights how digitalization contributes to improving the accessibility, openness and efficiency of legal proceedings, as well as addresses challenges in the field of cybersecurity and personal data protection.

Keywords: digital innovation, the judicial system of the Russian Federation, information technology, video conferencing, digital documents, legal reforms, accessibility of the judicial process, transparency of proceedings, cybersecurity.

С конца XX века, когда начались первые шаги по интеграции информационных технологий в судопроизводство, цифровизация судебной системы России перешла от экспериментальной стадии к необходимому элементу судебной практики. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в судебную практику началось с использования видеоконференцсвязи в судебных заседаниях. Это был важный шаг в направлении модернизации процесса, позволяющий участникам судебного процесса участвовать в заседаниях удаленно. Далее, статья подчеркивает законодательные изменения, которые были направлены на упрощение и ускорение судебных процедур через внедрение электронных документов и онлайн-судебных заседаний. Эти изменения значительно повысили эффективность и доступность правосудия [1].

Кроме того, в статье обращается внимание на важность прозрачности судопроизводства в эпоху цифровизации. Цифровые технологии обеспечивают более открытый доступ к судебным процессам для широкой публики, что способствует повышению доверия к судебной системе. Однако, вместе с преимуществами цифровизации, появляются и новые вызовы, в частности, связанные с кибербезопасностью и защитой персональных данных

участников судебного процесса. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на эти вызовы, цифровая трансформация судебной системы России является неотъемлемой частью глобального движения к цифровым инновациям и играет ключевую роль в современном правосудии.

За последние десятилетия был накоплен значительный опыт использования электронных средств коммуникации, что позволило не только ускорить обмен информацией и документами, но и сделать судебную систему более открытой и доступной. Введение видеоконференцсвязи ознаменовалось переходом к новому этапу взаимодействия суда и участников процесса, расширением возможностей для заочного участия в заседаниях, что стало особенно актуальным в период пандемии [2].

Обсуждаемые сегодня законодательные инициативы, в том числе проект № 232773-8, подчеркивают стремление законодателя обеспечить совместимость традиционных процессуальных процедур с современными технологическими трендами. Это не только вопрос удобства, но и качественно новый уровень защиты процессуальных прав участников судопроизводства. Развитие цифровых каналов коммуникации между судами и гражданами, внедрение электронных документов и дистанционных техноло-

гий способствуют формированию прозрачной и оперативной судебной системы, отвечающей требованиям времени.

В разговорах о цифровом преобразовании нас часто приводят к теме модернизации судебной системы. Этот процесс не только неизбежен, но и крайне важен, учитывая как непрерывный технологический прогресс, так и обстоятельства, вынуждающие общество адаптироваться к новым реалиям.

Всплеск интереса к информационно-коммуникационным технологиям в судебной системе был особенно заметен во время пандемии. Из-за установленных ограничений и отсутствия других возможностей российским судам пришлось перейти на дистанционные методы работы. Судебные процессы, переведенные в онлайн-формат, обеспечили непрерывность правосудия в условиях, когда прямые контакты были минимизированы [3].

Заметно, что использование видеоконференцсвязи в российской судебной практике имеет уже более чем двадцатилетнюю историю. Отправной точкой здесь стал 18 ноября 1999 года, когда при рассмотрении уголовного дела в кассационной инстанции впервые использовалась данная технология для участия обвиняемого, содержащегося в челябинском СИЗО, в судебном процессе. Следственный изолятор, где он находился, был значительно удален от зала суда, что и обусловило применение видеосвязи.

С 2001 года, после принятия нового Уголовно-процессуального кодекса РФ, видеоконференции стали законодательно закрепленным способом участия под стражей находящихся осужденных в судебных заседаниях вышестоящих инстанций, что подтверждается статьей 376 УПК РФ.

Анализируя динамику изменений, нельзя не отметить, что к 2011 году возможности видеосвязи расширились, охватывая такие процессуальные действия, как допрос свидетелей, причем использование этой технологии также было направлено на обеспечение их безопасности.

Прорывным стало внедрение положений, позволяющих представлять в суд документацию в электронном формате, включая электронные подписи. Такие изменения, закрепленные в статье 474.1 УПК РФ, значительно упростили процесс подачи и обращения с документами, позволяя делать это дистанционно и оперативно.

Необходимость интеграции электронных технологий в правосудие была подчеркнута и на высшем уровне, как это было сделано В. М. Лебедевым на пленарном заседании Совета судей РФ в мае 2022 года, и повторено на Всероссийском съезде судей в ноябре того же года. Упор был сделан на необходимости перевода судебных архивов в цифровой формат и использования электронной почты для отправки извещений о судебных заседаниях [4].

Текущие тенденции развития судебной системы отражаются и в законодательной работе. Так, на рассмотрение Государственной Думы был представлен проект № 232773-8 от 22 ноября 2022 года, предусматривающий изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части использования видеоконференцсвязи и электронных документов в уголовном судопроизводстве. Предполагается, что нововведения коснутся ряда статей, включая 241, (241.1), 278.1 и 474.1. Согласно оценке Правового управления, проект вызвал позитивную реакцию и не содержал концептуальных замечаний.

Этот процесс цифровизации судебной системы не только укрепляет правосудие, делая его более доступным и прозрачным, но и открывает новые горизонты для дальнейшего развития правовой культуры в целом.

Анализируя новый законопроект, мы получим возможность оценить, насколько оперативно и грамотно будет усовершенствована действующая законодательная база в части предоставления гражданам доступа к правосудию. Особое внимание уделяется интеграции цифровых технологий в процессе правоприменения, что является неотъемлемым аспектом в создании более открытой и доступной судебной системы. Важность такого подхода заключается в способности обеспечить более эффективное и удобное взаимодействие участников судебных процессов, в том числе в рамках уголовного судопроизводства.

Современные вызовы правосудия невозможно представить без внедрения инновационных технологий. В связи с этим возникает ряд вопросов о потенциале применения так называемого «электронного помощника судьбы». Это нововведение может кардинально изменить подход к оценке доказательств и даже к определению меры наказания, что должно быть обоснованно и сопоставимо с совершенным правонарушением [5].

Позиция В. Д. Зорькина по этому вопросу заслуживает особого внимания. Он категоричен в вопросе необходимости внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство, признавая при этом, что перспектива полной замены человека машиной в ближайшем будущем кажется маловероятной. Подчеркнута важность баланса между технологическим прогрессом и необходимостью сохранения человеческого измерения в правосудии.

Анализ и дальнейшее развитие законодательства в контексте цифровизации правосудия становятся актуальным направлением для обеспечения справедливого и доступного судопроизводства. Обсуждение этих изменений открывает новые горизонты для углубленного понимания роли и места современных технологий в системе правосудия, а также для выявления потенциальных рисков и возможностей, которые они несут.

Цифровизация судебной системы — это глобальный тренд, и Россия здесь не исключение. Переход на цифровые технологии не только упрощает процедуры и экономит ресурсы, но и открывает новые возможности для обеспечения прав и свобод граждан. Рассмотрим это на примере судебной практики и законодательства Российской Федерации.

С момента первого использования видеоконференцсвязи в 1999 году Россия преодолела значительный путь в области цифровой трансформации судопроизводства. Согласно статистическим данным, количество дистанционных судебных заседаний возросло в разы с момента их введения. Если в начале 2000-х использование видеоконференцсвязи было скорее исключением, то сейчас оно становится нормой.

Внедрение цифровых документов также имеет важное значение. Оно существенно уменьшает объем бумажной работы, что экономит время судов и сторон процесса. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, после внедрения возможности подачи документов в электронном виде, скорость обработки дел увеличилась примерно на 30%.

Интересный момент, который стоит отметить, заключается в изменении законодательства. Например, согласно проекту № 232773-8, дополнения касаются не только процессуальных моментов, но и вопросов, связанных с правами обвиняемых и свидетелей. Это говорит о том, что цифровая трансформация также ориентирована на укрепление правовых гарантий участников судопроизводства.

Важно отметить и то, как цифровые технологии влияют на прозрачность судопроизводства. Возможность вести онлайн-трансляции судебных заседаний, что рассматривается как одно из направлений цифровизации, способствует повышению доверия общества к судебной системе. Это дает возможность широкой публике стать свидетелями правосудия в реальном времени.

Однако, несмотря на все преимущества, цифровая трансформация судебной системы также предъявляет новые требования к обеспечению безопасности данных и конфиденциальности. С учетом того, что информационные технологии развиваются стремительно, вопросы кибербезопасности и защиты персональных данных стоят на переднем плане. Регулирование этих аспектов должно идти параллельно с технологическим развитием, что, в свою очередь, требует постоянного обновления законодательства и внедрения передовых защитных механизмов.

Пристатейный библиографический список

1. Григорьев В. Н., Победин А. В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве, как средство развития уголовно-процессуальной формы. В сборнике: Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - 2019. - С. 74-83.
2. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Журнал: JUS CRIMINALE. - 2019. - № 5. - С. 91-104.
3. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Электронное правосудие: проблемы теории и практики. - Москва: Статут, 2019.
4. Черданцев А. Ф. Информационные технологии в механизме правоприменения. - Москва: Юрлитинформ, 2018.
5. Мельников В. П. Использование информационных технологий в арбитражном процессе. - Москва: Юрлитинформ, 2021.
6. Сафарян С. Ю. Вопросы цифровизации в деятельности судов общей юрисдикции // Журнал «Государство и право». - 2020.

ВЕСЁЛИН Василий Владимирович

старший преподаватель кафедры криминалистической техники Учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

ВНУКОВ Вячеслав Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики Института права Волгоградского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы организации баллистических учетов в системе экспертно-криминалистических подразделений МВД России, предложены возможные варианты их решения, позволяющие, по мнению авторов повысить эффективность технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия.

Ключевые слова: пулегильзотека, автоматизированная баллистическая идентификационная система, следы применения огнестрельного оружия, клоны стрелянных пуль и гильз, экспертно-криминалистические подразделения.

VESYOLIN Vasilii Vladimirovich

senior lecture chair of Criminalistic techniques sub-faculty of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

VNUKOV Vyacheslav Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Volgograd State University

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF THE FUNCTIONING OF BALLISTIC RECORDS IN ORDER TO UNCOVER AND INVESTIGATE CRIMES

The article examines some problematic issues of organizing ballistic records in the system of expert and forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and suggests possible solutions to them, allowing to increase the efficiency of technical and forensic support for the detection and investigation of crimes committed with the use of firearms.

Keywords: bullet cartridge collection, automated ballistic identification system, traces of the use of firearms, clones of spent bullets and cartridges, forensic units.

Одним из важных направлений повышения эффективности борьбы с преступностью является совершенствование информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений. Важную роль в информационной составляющей этих процессов играют различные экспертно-криминалистические учеты, том числе и баллистические. Развитие технического оснащения органов внутренних дел позволяет существенно расширить имеющиеся потенциальные возможности практических органов, в том числе посредством совершенствования существующей сегодня системы баллистических учетов с использованием современных технологий и программно-аппаратных комплексов.

Ведение баллистических учетов осуществляется в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел с конца прошлого столетия и за это время они доказали эффективность своего использования в раскрытии и расследовании преступлений, поскольку позволяют идентифицировать конкретный экземпляр огнестрельного оружия, использовавшийся при совершении преступления и выявить факт применения одного и того же экземпляра огнестрельного оружия, использовавшийся при совершении разных преступлений. В 2016 году в нормативно-правовые акты МВД России были внесены существенные коррективы, изменившие структуру организационной системы баллистических учетов при которой объект сначала проверялся по массиву пуль, гильз и патронов с нарезным стволом, изъятых

с мест происшествий на уровне региона, а затем направлялся для проверки и постановки на федеральный уровень, где проверялся по массиву пуль, гильз и патронов с нарезным стволом, изъятых с мест происшествий, а затем по массиву контрольных пуль и гильз утраченного служебного, гражданского оружия с нарезным стволом, боевого ручного стрелкового оружия. Существенным недостатком функционирования такой системы были сроки проверки объектов после их направления для постановки на федеральный уровень. Данное обстоятельство существенно снижало эффективность и оперативные возможности правоохранительных органов и стало причиной создания межрегионального уровня ведения данного вида учета, дислоцированного по федеральным округам. Данные массивы обладают значительно большим количеством объектов в сравнении с региональными пулегильзотеками, при этом они не такие объемные, как федеральная пулегильзотека, соответственно проводимая по ним проверки занимает гораздо меньшее время. Однако, одновременно с созданием межрегиональных пулегильзотек, было принято решение о ликвидации региональных пулегильзотек, что внесло определенные организационные сложности и увеличило сроки, необходимы для доставки объектов в города дислоцирования межрегиональных АБИС. Поэтому в рамках оптимизации функционирования данного вида учета предполагается необходимым введение трехуровневой системы их функционирования, что, по нашему мнению, окажет положительное влияние на сроки раскрытия и

расследования преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия. Тем более, что такая система уже функционировала в экспертно-криминалистических центрах регионов Северо-Кавказского федерального округа, где отменен положительный опыт ее организации.

Актуален также и вопрос, связанный с отсутствием объектов идентификационных баллистических учетов сразу на всех уровнях их ведения. На сегодняшний день объект учета (пуля, гильза) после проведения проверки на межрегиональном уровне направляется на федеральный уровень, где находится 5 лет (при этом в большинстве случаев на межрегиональном уровне остается только сканированное изображение следов на пуле, гильзе или патроне), по истечении которых направляется обратно на межрегиональный уровень, где хранится до достижения 15 лет с момента выявления преступления. Однако отсутствие единообразных требований к процессу фиксации информационно-следового комплекса на натуральных объектах, систематизированных в виде методических рекомендаций, не позволяет применять однозначный подход к отображению необходимой информации.

Вариантом решения данной проблемы может явиться использование полимерных клонов стрелянных пуль и гильз, на которых с достаточно высокой степенью достоверности воспроизводятся идентифицирующие признаки огнестрельного оружия в следах, имеющихся на стрелянных пулях и гильзах. Так, на сегодняшний день разработан и внедрен в практическую деятельность экспертно-криминалистических подразделений комплекс для получения прототипов (клонов) пуль и гильз со следами от частей оружия «КЛОН». По заявленным разработчиками данным, указанный комплекс предназначен для создания точных копий-слепок (прототипов, клонов) пуль и гильз со следами от частей оружия и позволяет воспроизвести следы от частей и деталей оружия, имеющие размеры до 8 мкм [1]. Так при наличии данных клонов на всех уровнях ведения идентификационных баллистических учетов в течении довольно короткого срока провести все необходимые проверки объектов массиву пулегильзотеки с высокой достоверностью полученных результатов. Однако в регионах данная технология еще не получила своего практического внедрения.

Еще одним проблемным вопросом является использование автоматизированных баллистических идентификационных систем разного типа в рамках ведения баллистических учетов. Проблема заключается в том, что все используемые АБИС производятся разными коммерческими предприятиями и не всегда возможно совмещение информации, аккумулируемой в них. Данное обстоятельство исключает возможность передачи закодированных изображений объектов для оперативной проверки по массиву конкретного субъекта РФ по электронным каналам связи, в случае наличия оперативной информации о факте применения конкретного экземпляра огнестрельного оружия на территории данного субъекта. Предполагается, что необходимо использовать АБИС одного типа во всех ЭКП, осуществляющих формирование ведения и использование данного вида учета.

Говоря об автоматизированных баллистических идентификационных системах, нельзя не отметить еще и тот факт, что на сегодняшний день они в достаточном количестве находятся в субъектах РФ, в которых ведение пулегильзотек прекращено. А так как АБИС является узкоспециализированной техникой, которую практически невозможно приспособить для решения задач других видов криминалистических экспертиз, то в настоящее время они попросту не используются.

Возможным вариантом решения указанной проблемы может явиться использование данных систем для формирования и ведения пулегильзотек охотничьего гладкоствольного и травматического оружия. По нашему мнению, это будет способствовать повышению уровня раскрываемости преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, т.к. охотничье гладкоствольное оружие, как и оружие ограниченного поражения в значительном количестве имеется у населения и также может использоваться при совершении преступлений. При этом механизм слеодообразования от частей и деталей оружия рассматриваемой категории на стрелянных гильзах аналогичен механизму образования следов на гильзах, стрелянных в огнестрельном оружии. Однако, правоохранительные органы не располагают информацией о следовом комплексе, позволяющем идентифицировать охотничье гладкоствольное и травматическое оружие по стрелянным гильзам.

В связи с этим представляется возможным на региональном уровне создать гильзотеки травматического и охотничьего оружия, находящегося в пользовании у гражданских лиц и использовать для проверки объектов по ним уже имеющееся на вооружении данных регионов, автоматизированные баллистические идентификационные комплексы.

Представленный перечень проблем является далеко не исчерпывающим, однако предложенные пути их решения, по нашему мнению, существенно повысят эффективность использования баллистических учетов в рамках раскрытия и расследования преступлений

Пристатейный библиографический список

1. Гордеев В. Ф., Рыжиков Д. А. Научно-техническое сопровождение раскрытия и расследования преступлений // Специальная криминалистическая техника: сб. докладов международной Науч. практ. конф. - М., 2017. - С. 22-24.

КАБАКОВА Екатерина Сергеевна

преподаватель кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В КРИМИНАЛИСТИКЕ

В криминалистике одной из главных задач является определение внешности человека на основе имеющихся данных и доказательств. Однако, проблема описания внешности становится все более сложной и актуальной в свете современных технологий и возможностей манипуляции информацией. В данной статье мы рассмотрим одну из отраслей криминалистики – габитоскопию, рассмотрим некоторые проблемы, с которыми сталкиваются специалисты при описании внешности человека. А также опишем основные анатомические и функциональные характеристики описания человека.

Ключевые слова: описание внешности; признаки внешности; элементы внешности; идентификация; габитоскопия; словесный портрет; криминалистический портрет; установление личности лица; внешний облик человека.

KABAKOVA Ekaterina Sergeevna

lecturer of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

PROBLEMS OF DESCRIBING A PERSON'S APPEARANCE IN CRIMINOLOGY

In criminology, one of the main tasks is to determine a person's appearance based on available data and evidence. However, the problem of describing appearance is becoming more complex and relevant in the light of modern technologies and information manipulation capabilities. In this article, we will look at one of the branches of criminology – habitoscopy, consider some of the problems that specialists face when describing a person's appearance. We will also describe the main anatomical and functional characteristics of the description of a person.

Keywords: description of appearance; signs of appearance; elements of appearance; identification; habitoscopy; verbal portrait; forensic portrait; identification of a person; appearance of a person.

Габитоскопия – это важная область криминалистической техники, изучающая внешний облик человека, его формирование и методы сбора, анализа и использования информации о внешности в целях розыска, раскрытия и предотвращения преступлений.

Существует криминалистический метод описания признаков внешности человека, называемый словесным портретом. Он основан на единых терминах и систематическом подходе и используется для регистрации, розыска и идентификации подозреваемых.

Описание внешности начинается с указания пола, возраста, роста и телосложения, затем переходит к анатомическим и функциональным особенностям. Отсчет осуществляется сверху вниз: сначала описывается фигура в целом, голова и лицо, а затем более детально идут элементы лица, шея, плечи, спина, грудь, руки и ноги.

В описании каждого элемента указываются его форма, размер и цвет. Форма может быть округлой, овальной или прямоугольной, например, для описания лица. Размеры элементов часто описываются как большие, средние или маленькие, например, для головы, глаз, губ или рта. Цвет обычно указывается для волос (черные, темно-русые, светло-русые, белокурые, рыжие, седые) и глаз (черные, карие, серые, зеленые).

При описании признаков внешности человека в словесном портрете необходимо использовать отчетливые и однозначные термины, чтобы исключить неопределенность и неясности.

Описание основных анатомических характеристик:

1. Определение гендерного признака происходит на основе указания мужского или женского пола.

2. Возраст определяется путем изучения документов, проведения визуальной оценки или судебно-медицинской экспертизы.

3. Рост может быть разделен на низкий (менее 160 см), средний (160-174 см) и высокий (более 175 см).

4. Физическое развитие может быть characterized как худое, среднее или полное.

5. Голова может иметь маленький, средний или большой размер.

6. Волосы могут быть классифицированы по длине (короткие, средние или длинные), форме (прямые, волнистые или кудрявые) и цвету.

7. Размер лба может быть высоким, средним или низким.

8. Глаза могут быть большими, средними или маленькими.

9. Нос может быть большим, средним или маленьким.

10. Плечи могут быть широкими, средними или узкими.

11. Руки могут быть короткими, средними или длинными.

12. Ноги могут быть длинными, средними или короткими, а форма может быть прямой, О-образной или Х-образной.

Описание основных функциональных характеристик:

1. Осанка может быть прямой, сутулой или сторбленной.

2. Речь может быть быстрой, средней, медленной, картавой или шепелявой. [1].

Особые и заметные особенности являются ключевыми признаками идентификации, поэтому их следует подробно описывать и характеризовать. К таким признакам могут относиться шрамы, татуировки, родимые пятна, врожденные или приобретенные деформации определенных частей тела. Это относительно редко встречающиеся признаки, которые легко увидеть невооруженным глазом. При описании важно указывать их местонахождение, цвет, размер, форму, содержание (в случае с татуировками), выраженность и другие детали.

При создании описания внешности по методу словесного портрета необходимо учитывать принцип полноты. Однако это не означает, что в каждом случае нужно давать полные характеристики для каждого признака. При включении

определенных признаков в описание следует руководствоваться целями составления портрета и выбирать комплекс признаков, который максимально отражает индивидуальность субъекта [2].

Внешний облик большинства людей характеризуется признаками, близкими к средним значениям. Поэтому важно обращать внимание на пропорции лица и его элементов, а также на взаимное расположение этих элементов относительно горизонтали, вертикали и друг друга. При анализе можно выявить асимметрию, которая часто присутствует у всех людей в разной степени. Особое внимание следует уделять признакам, которые добавляют выразительность внешности и позволяют быстро выделить описываемого человека из большой группы.

Подробность описания в ходе оперативно-розыскных мероприятий зависит от условий наблюдения и профессиональной подготовки того, кто составляет описание. В любом случае важно упомянуть признаки, которые могут помочь в установлении личности.

Криминалистика обращает особое внимание на анатомические особенности внешности, которые являются наиболее надежными и эффективными для определения личности. Эти особенности уникальны и могут быть изучены как визуально, так и математически. Кроме того, они легко могут быть запечатлены на рисунках. Однако на сегодняшний день существует проблема, связанная с соответствием словесного портрета реальности и повышением эффективности его использования в практической деятельности правоохранительных органов.

В современных исследованиях анатомических характеристик лица человека упускается важный аспект – учет изменений внешности. Это приводит к получению поверхностных и непостоянных характеристик. Для решения этой актуальной проблемы необходимо использовать современные технологии изменения внешнего облика. Брови, согласно большинству исследователей, могут быть классифицированы по форме (прямые, дугообразные, извилистые, ломаные, треугольные), положению (горизонтальные, косовнутренние, косонаружные), взаиморасположению (среднее, сближенное, разнесенное), высоте (средние, высокие, низкие), ширине (средние, широкие, узкие), а также по длине, густоте и цвету [3]. Все эти характеристики могут быть использованы в раскрытии преступлений. Однако, существует проблема соответствия описанию внешности и повышения его эффективности для правоохранительных органов. Применение достижений косметологии в габитоскопии и анализе внешних признаков лица может помочь в решении этой проблемы.

С другой стороны, функциональные признаки внешности, требующие длительного наблюдения и легко изменяемые, не получили должного внимания в исследованиях. Также система сопутствующих признаков внешности человека требует дальнейшего изучения. В конечном счете определение личности основывается на эпизодическом использовании функциональных и сопутствующих признаков. Однако, такие признаки могут иметь важное значение в оперативно-розыскной практике, особенно если внешний облик характеризуется средними анатомическими чертами. В таких случаях функциональные и сопутствующие признаки позволяют более полно и наглядно представить внешний облик человека, что важно при установлении его личности.

Одной из главных проблем является нехватка точного и объективного языка для описания физических характеристик. Часто бывает необходимо передать детали внешности, которые могут быть сложными для описания и требуют использования метафор и сравнений. В таких случаях возникает риск искажения информации или неправильного понимания описания.

Более того, свидетели часто особо отмечают внешние детали субъекта, утрачивая при этом важные аспекты, которые

могут играть решающую роль при проведении расследования преступлений. В то же время множество наблюдений могут быть субъективными и недостаточно объективными, что приводит к неточности описаний.

Кроме того, нужно учитывать, что запоминание внешних деталей пострадавшими или свидетелями происходит в стрессовых ситуациях, что может привести к искажению восприятия. Различные факторы, вроде эмоционального состояния, страха и паники, могут значительно повлиять на точность и полноту описания. В большинстве случаев свидетель зафиксировывает только основные признаки внешности, такие как цвет волос и глаз, рост и комплекцию. Более детальный габитоскопический портрет требует систематического и всестороннего подхода к описанию, что не всегда возможно.

Вторая проблема связана с изменчивостью внешности человека. Любой из описанных признаков может измениться со временем, например, волосы могут быть покрашены или отрастить бороду, лицо может быть модифицировано пластическими операциями и другими действиями. Это создает сложности при проведении комплексных идентификационных процедур на основе описания.

Тем не менее, преимущества габитоскопии выходят за рамки этих проблем. Она может быть эффективным дополнительным методом идентификации в случаях, когда другие способы невозможны или недоступны. Принимая во внимание все эти трудности, криминалисты прибегают к использованию различных методов и инструментов, чтобы максимально точно передать внешний вид подозреваемого. Один из таких методов является создание роботов-фотороботов на основе показаний очевидцев, а также применение программного обеспечения для реконструкции внешности [4].

Несмотря на использование различных подходов, описание внешности иногда может быть неполным или содержать ошибки. Поэтому криминалистам приходится прибегать к более сложным методам, таким как анализ ДНК или других биологических материалов, чтобы точно установить личность подозреваемого или преступника.

Проблемы, связанные с описанием внешности в криминалистике, являются важными и требуют внимательного подхода. Необходимо использовать разнообразные методы, чтобы максимально минимизировать риск искажения информации и повысить точность воспроизведения внешнего облика. Это имеет критическое значение для успешного расследования преступлений.

По мнению автора, при составлении описания внешности по методу словесного портрета следует стремиться к максимальной полноте. Однако это не означает, что в каждом случае необходимо предоставлять полное описание каждого признака. Следует сосредоточиться на целях составления портрета и включать в описание те признаки, которые имеют наибольшую индивидуальность.

Пристайный библиографический список

1. Топорков А. А., Словесный портрет: Практическое пособие. — М.: Юрист, 1999.
2. Словесный портрет. Признаки описания внешности человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9467835/page:19/> (дата обращения: 10.12.23).
3. Снетков В. А., Винниченко И. Ф., Житников В. С., Зинин А. М., Овсянникова М. Н. Криминалистическое описание внешности человека: учеб. пособие / Под ред. В. А. Снеткова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1984.
4. Зинин А. М. Установление личности по чертам внешности (некоторые проблемные вопросы) // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Академия управления МВД РФ. – 2000.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-405-407

МУСАЛАЕВА Зубейда Бураковна

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ЮСУПКАДИЕВА Садикат Нурмагомедгаджиевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Активное развитие информационных технологий в повседневной жизни человека привело к одновременному появлению киберпреступности. Огромную актуальность в настоящее время получила судебная компьютерно-техническая экспертиза как отдельный род инженерно-технической экспертизы, которая проводится с целью содействия в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в цифровом пространстве. В статье рассмотрены основные теоретические положения судебной компьютерно-технической экспертизы (СКТЭ), в частности ее понятие, сущность, предмет, объекты, задачи, цели, а также проанализированы основные виды СКТЭ.

Ключевые слова: судебная экспертиза, криминалистика, судебная компьютерно-техническая экспертиза, киберпреступность.

MUSALAEVA Zubeida Burakovna

postgraduate student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

YUSUPKADIEVA Sadikat Nurmagomedgadzhiyevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THEORETICAL PROVISIONS OF FORENSIC COMPUTER-TECHNICAL EXAMINATION

The active development of information technology in human everyday life has led to the simultaneous emergence of cybercrime. Forensic computer-technical examination has now become of great relevance as a separate type of engineering and technical examination, which is carried out to assist in the detection and investigation of crimes committed in the digital space. The article discusses the main theoretical principles of forensic computer technical expertise (FCTE), in particular its concept, essence, subject, objects, tasks, goals, and also analyzes the main types of SCTE.

Keywords: forensic examination, criminology, forensic computer forensics, cybercrime.

Весь мир окутывает цифровизация и компьютеризация, которая активно продолжает развиваться уже последние 80 лет. Существует такая точка зрения, что данное явление носит только позитивный характер для общества, государства и науки, так как создаются передовые технологии, с которыми становится проще жить, а также с помощью которых можно решать множество проблем в сфере здравоохранения, экономики, политики и просто повседневной жизни. Но следует заметить, что любое новшество может нести и негативный характер.

За последние годы наблюдается стремительное развитие компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий, которые в значительной степени увеличивают темпы роста и прогресса и в других областях, таких как экономика, образование, промышленность, наука и пр. Такая тенденция неизбежно приводит к внедрению и использованию цифровых технологий во всех сферах жизни общества от коммуникации до управления, что обуславливает многократное увеличение объемов компьютерной информации, а также форм, средств и методов её обработки. По данным Росстата число персональных компьютеров в обследованных организациях в период с 2005 по 2020 годы увеличилось с 5709.6 тыс. шт. до 15791.4 тыс. шт.¹, а число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения с 2011 по 2020

годы увеличилось с 47.8 до 99.6, то есть с 17 420 161 до 33 581 615 человек². Кроме того, доля домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер, в общем числе домашних хозяйств за период с 2013 по 2017 годы увеличилось с 69,7 % до 74,4 % [1], что свидетельствует о широком распространении компьютерных и информационных технологий среди населения России. Также, согласно стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы приоритетным направлением развития внутренней политики является развитие информационных и телекоммуникационных технологий, формирование информационного пространства и инфраструктуры.³

Такая тенденция кроме позитивных сторон имеет и отрицательные стороны в виде распространения цифровых технологий в криминальной среде. Новые возможности для преступной деятельности привели к появлению киберпреступлений, то есть преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации и преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, к которым относятся: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных ком-

1 Использование цифровых технологий организациями по Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и видам экономической деятельности (с 2003 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/50440#>.

3 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

пьютерных программ (ст. 273 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (ч. 2 ст. 280 УК РФ) и др. За последние несколько лет с каждым годом наблюдаются двухкратные темпы увеличения количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, а за 2020 год на них приходится одно из четырех регистрируемых в преступлениях (363 тыс.) [2].

Такие преступления носят нестандартный и латентный (скрытый) характер, что значительно усложняет их расследование и предупреждение. Вместе с тем, указанные преступления причиняют наиболее значительный материальный ущерб, так как многие из них связаны с банковской и экономической деятельностью, а также они являются угрозой общественной безопасности. По данным статистического анализа, преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации за 2015 и 2021 годы, за 2015 год выявлено 2382 таких преступления при том, что раскрыто из них было всего 1213 (51 %) [3, с. 15], а за 2021 год было зарегистрировано 517722 при том, что раскрыто из них 118920 (25 %) [3, с. 6]. Так, количество такого рода преступлений за указанные шесть лет увеличилось в 217 раз, а их раскрываемость снизилась в два раза. Если учитывать тот факт, что огромное количество подобного рода преступлений остаётся не выявленным, то положение дел в данной области оставляет желать лучшего.

Дальнейший анализ статистики показывает, что за 2020 год 22 % краж совершены с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, а по сравнению с прошлым годом их число увеличилось практически вдвое (+93,9 %, 121,2 тыс.). Кроме того, почти в два раза больше по сравнению с 2019 годом выявлено мошенничеств, совершенных с использованием электронных средств платежа (+95,6 %, 23,5 тыс.) [3, с. 6].

Кроме того, наблюдается цифровизация и общеуголовных преступлений, таких как мошенничество, кража, незаконное изготовление и оборот порнографических материалов, незаконный оборот наркотических средств и пр. В связи с этим всё чаще объектами оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий становятся электронные носители информации, которые помимо прочего являются главным средством фиксации и хранения следов компьютерных преступлений и которые также часто являются объектами судебных экспертиз.

Вышеуказанные факторы определяют приоритетность раскрытия указанных видов преступлений и необходимость повышения качества, эффективности и своевременности их расследования и предупреждения. Это обуславливает появление такой новой отрасли знаний, как компьютерная криминалистика, и таких новых категорий как «цифровые следы», «следообразование в компьютерных системах», а также появление сравнительно новой компьютерно-технической экспертизы. Использование цифровых технологий при совершении преступлений приводит к возникновению огромного количества цифровых следов, сохраняющихся на электронных носителях информации и несущих в себе множество сведений, имеющих значение для дела. Так, эффективность раскрытия преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, зависит в первую очередь от сформированности и целостности понятийного аппарата и теоретической базы компьютерной криминалистики, во-вторых от степени разработанности методов и средств собирания цифровых следов, которые являются главным источником доказательств по указанным преступлениям, в-третьих от уровня разработанности методики и средств криминалистического исследования электронных носителей информации и цифровых следов. В то же время, можно отметить многочисленные пробелы теоретической базы, крайне низкую степень разработанности методов и средств собирания цифровых следов, а также устаревший характер и недостаточный уровень разработанности методики компьютерной экспертизы носителей данных и цифровых следов.

Киберпреступность представляет серьезную угрозу как для физических, так и для юридических лиц, которые так или иначе пользуются компьютерной техникой на повсед-

невной основе как для личного, так и для профессионального пользования.

Множество научных деятелей и практиков уделили внимание разработке теоретической и методической составляющей судебной компьютерно-технической экспертизы, к ним можно отнести: Е. Р. Россинскую, А. И. Усова, К. Е. Дёмина, Т. В. Аверьянову, Ю. В. Гаврилина и т.д., в их работах прослеживается работа, связанная с разработкой научно-практических и методических проблем, касающихся киберпреступлений, а также способов и методов их изучения, раскрытия и расследования.

На основе изучения научных трудов к основным теоретическим положениям судебной компьютерно-технической экспертизы следует отнести: понятие судебной компьютерно-технической экспертизы; ее сущность; предмет; объекты; задачи, а также классификацию. Все перечисленное поможет составить базовую картину понимания данного рода экспертизы.

На сегодняшний день учеными выделяется несколько толкований понятия судебной компьютерно-технической экспертизы, и многие из них считаются неполными и нуждаются в дополнении. Так, нередко можно встретить определение судебной компьютерно-технической экспертизы лишь как разновидности инженерно-технической экспертизы, что всесторонне не отражает ее сущности. Понятие, представленное А. И. Усовым, считается наиболее лаконичным и оптимальным на сегодняшний день. Он указывает: «Компьютерно-техническая экспертиза – самостоятельный род судебных экспертиз, относящийся к классу инженерно-технических экспертиз проводимая в целях: определения статуса объекта как компьютерного средства, выявления и изучения его следовой картины в расследуемом преступлении, а также получения доступа к информации на носителях данных с последующим всесторонним ее исследованием» [4].

Компьютерно-техническая экспертиза – это «самостоятельный род судебных экспертиз, относящийся к классу инженерно-технических экспертиз, проводимой в целях выявления и изучения следовой картины в расследуемом преступлении, путем комплексного исследования компьютерных средств: технической (аппаратной) части компьютерных средств; программного обеспечения; объектов сетевых информационных технологий; информации, содержащейся в компьютерной системе» [5].

Что же касается объекта судебной компьютерно-технической экспертизы, то стоит учитывать, что наибольшей проблемой на сегодняшний день является неопределенность и путаница с объектами, которые подлежат экспертному исследованию. В большинстве случаев, лица, готовящие и совершающие киберпреступления, отличаются высоким уровнем образования, теоретическими и техническими знаниями в сфере информационных и телекоммуникационных технологий, а также нестандартным мышлением, которые помогают в использовании компьютерной техники во все более уникальных способах, тем самым постоянно расширяя количество объектов, подлежащих исследованию.

Данному вопросу в современной литературе уделила А. И. Семикаленова в работе «Современные проблемы определения объекта судебной компьютерно-технической экспертизы», указывая, что в научной и учебной литературе представленному вопросу не уделяется должного внимания. В своей работе она, ссылаясь на работы Р. С. Белкина, определяет одним из сложных объектов судебной компьютерно-технической экспертизы информационно-компьютерную систему, которая включает в себя аппаратные, программные, информационные и сетевые компоненты, важной составляющей которой также является сопроводительная документация [6].

При этом, разные авторы дополняют данную классификацию и относят к объектам судебной компьютерно-технической экспертизы, следующее:

- персональные компьютеры и др. типичные компьютерные устройства;
- компьютерная информация, которая расположена на электронных носителях;
- различные системы обработки информации;
- сетевые аппаратные средства, которые включают в себя рабочие станции, сервера и активное оборудование;
- системное программное обеспечение, а именно операционная система, служебная системная информация, программы-утилиты;

- средства сотовой связи и нетипичные компьютерные средства;
- прикладное программное обеспечение, состоящее из текстовых редакторов, графических редакторов, систем управления данными, электронных таблиц и редакторов презентаций;

- информационные данные, т.е. текстовые, графические, звуковые и другие документы, созданные в форматах мультимедиа и др.

Важно помнить, что полное, тщательное и качественное изучение и исследование представленных на экспертизу объектов является основополагающим фактором успешного достижения целей расследования, а также решения всех возможных задач, поставленных перед экспертом.

Россинская Е. Р. и Е. И. Галяшина определили основную и общую цель судебной компьютерно-технической экспертизы и подчеркнули, что «судебные компьютерно-технические экспертизы проводятся с целью определения статуса объекта как компьютерного средства, выявления и изучения его роли в расследуемом преступлении, а также получения доступа к информации на носителях данных с последующим всесторонним исследованием [7].

Достижение целей экспертного исследования возможно только при соблюдении правил и условий решения задач, как идентификационных, так и диагностических, которые формулируются в виде поставленных перед экспертом вопросов в последовательности от общих к частным.

К общим задачам можно отнести:

- определение статуса объекта как компьютерного средства;

- изучение и исследование технической составляющей компьютера;

- получение доступа к информации на цифровых носителях данных и ее исследование;

- обнаружение и восстановление утерянной, отсутствующей или уничтоженной информации;

- установление и восстановления цифрового следа преступника;

- обнаружение виртуальных следов в сети Интернет и установления лица, осуществляющего преступную деятельность и др.

Говоря о частных задачах компьютерно-технического исследования, необходимо отметить, что данная группа вопросов напрямую зависит от классификации судебной компьютерно-технической экспертизы и для их раскрытия нужно детально рассмотреть каждый отдельный ее вид.

Вопрос классификации также не прошел бесследно на протяжении всего времени изучения и разработки основных положений в научной литературе. На протяжении этого времени не существовало единства мнений по типизации и в различных научных трудах указывалась классификация в разнообразных видах, формах и количествах. Так, например, Б. Н. Андреев, П. Н. Пак, В. Н. Хорст выделяли два вида: программно-техническую (экспертиза данных и программно-обеспечения) и техническую экспертизу компьютеров и их конфигураций [8]. Россинская Е. Р. выделала четыре вида: аппаратно-компьютерную, программно-компьютерную, информационно-компьютерную, компьютерно-сетевую [9], в свою очередь Т. В. Аверьянова дополняла данную классификацию следующими видами: инженерно-психологической и экспертной функционирования компьютеров в составе сети. Но на сегодняшний день, самой распространенной является классификация, предложенная Е. Р. Россинской.

В зависимости от технологических особенностей и специфических свойств объектов исследования выделяют четыре основных вида компьютерно-технической экспертизы: аппаратно-компьютерную, программно-компьютерную, информационно-компьютерную (экспертиза данных) и компьютерно-сетевую экспертизу, каждый из которых имеет свой круг объектов и перечень решаемых задач. Однако возможно назначение и комплексной экспертизы, в рамках которой последовательно будет разрешаться ряд задач, относящихся к различным видам компьютерной экспертизы.

Судебная компьютерно-аппаратная экспертиза проводится для установления фактов и обстоятельств, имеющих значение для расследуемого дела, на основе исследо-

вания аппаратных (технических) средств и компонентов компьютерной техники и системы.

Следующим видом является судебная программно-компьютерная экспертиза, проводимая в целях установления фактов и обстоятельств расследуемого события в ходе исследования функционального предназначения, требований, алгоритма и структурных особенностей, текущего состояния системного, прикладного и инструментального программного обеспечения компьютерной системы.

Третьим видом является судебная информационно-компьютерная экспертиза (данных), проводимая в целях разрешения диагностических и идентификационных вопросов, связанных с цифровой (компьютерной) информацией путём поиска, обнаружения, исследования и оценки информации, созданной пользователем или программой для осуществления информационных процессов в компьютерной системе. Данный вид компьютерной экспертизы является наиболее значимым и актуальным ввиду возможности представления большого количества криминалистически значимой для построения доказательственной базы информации за счёт решения широкого круга диагностических и идентификационных вопросов.

Следующий вид компьютерной экспертизы это – судебная компьютерно-сетевая экспертиза, проводимая в целях установления фактов и обстоятельств расследуемого события в ходе исследования сетевых и телекоммуникационных технологий, а также других компьютерных средств, реализующих какую-либо информационно-сетевую функцию (в том числе в сети Интернет).

Подводя итоги, можно отметить особенную актуальность судебной компьютерно-технической экспертизы, так как данное исследование представляет собой возможность решения комплекса узконаправленных задач в широкой сфере цифрового мира. Развитие нанотехнологий активно прогрессирует именно поэтому, изучение и понимание в первую очередь теоретических основ производства компьютерно-технической экспертизы поможет специалистам-криминалистам в данной области развиваться и четко понимать суть и процесс работы над ней, так как именно наличие минимальных технических и теоретических знаний о современных компьютерных технологиях помогают не только успешно расследовать и раскрывать преступления, но также развивать и улучшать методику их исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Сабельникова М. А., Абдрахманова Г. И., Гохберг Л. М., Дудорова О. Ю. и др. Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – С. 13.
2. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2020 г.» // Генеральная Прокуратура Российской Федерации. – М., 2020. – С. 6-7.
3. Статистический сборник «Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года» // ФКУ ГИАЦ МВД РФ. – М., 2016.
4. Зубаха В. С., Усов А. И., Саенко Г. В., Волков Г. А., Белый С. Л., Семикаленова А. И. Общие положения по назначению и производству компьютерно-технической экспертизы: Методические рекомендации. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. – С. 25.
5. Шелупанов А. А., Смолина А. Р. Форензика. Теория и практика расследования киберпреступлений. – М.: Горячая линия - Телеком, 2020. – С. 13.
6. Семикаленова А. И. Современные проблемы определения объекта судебной компьютерно-технической экспертизы // Журнал Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 7 (47). – С. 111-115.
7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2023. – С. 378.
8. Андреев Б. В., Пак П. Н., Хорст В. Н. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 65.
9. Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. – М., 2001. – С. 121.

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикота

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Авторами предпринята попытка освещения проблемных вопросов уголовного и уголовно-процессуального характера, возникающих в результате расследования уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотических средств дистанционным способом. Показаны типичные ситуации, возникающие при документировании противоправной деятельности организованной группы, специализирующейся на незаконном обороте наркотических средств с использованием тайников. Особенность данного вида преступлений заключается в том, что они совершаются конспиративно, участники действуют через сеть «Интернет» с использованием анонимных ников. Квалификация подобных деяний, формирование доказательственной базы представляет определенную сложность.

Ключевые слова: организованная группа, дистанционный способ сбыта наркотических средств, приемы конспирации, использование сети «Интернет», тайники для закладок.

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES RELATED TO THE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS REMOTELY

The authors have attempted to highlight problematic issues of a criminal and criminal procedural nature arising from the investigation of criminal cases related to the illegal sale of narcotic drugs remotely. Typical situations that arise when documenting the illegal activities of an organized group specializing in the illicit trafficking of narcotic drugs using caches are shown. The peculiarity of this type of crime is that they are committed conspiratorially, the participants act through the Internet using anonymous nicknames. The qualification of such acts, the formation of the evidence base is a certain difficulty.

Keywords: organized group, remote way of selling narcotic drugs, conspiracy techniques, use of the Internet, hiding places for bookmarks.

Совершение незаконного оборота наркотических средств участниками различных организованных групп совершается скрытно, конспиративно, в условиях неочевидности. Отмеченные способы совершения преступлений объясняются тем, что преступникам известны методы оперативной работы правоохранительных органов и они постоянно совершенствуют способы сокрытия преступлений. Также в целях безопасности многие участники организованной группы, осуществляющих сбыт наркотических средств, не знают друг друга, чтобы в случае задержания они не смогли выдать остальных соучастников. Довольно распространенным способом приискания соучастников для совершения незаконного оборота наркотических средств является поиск соучастников через открытые и закрытые сети «Интернет». Завербованные участники осуществляют свою деятельность посредством общения через «Интернет», выполняют указания руководителей, оставляют закладки в тайниках, при этом завербованный соучастник организованной группы ничего не знает о численности, структуре и руководителях группы [1, с. 65]. Лично он знает одного-двух соучастников, с которыми находится в постоянном контакте. В случае его задержания, он может выдать только одного-двух соучастников, но не всю группу (сообщество). Такой способ взаимодействия участников организованной группы обеспечивает им максимальную анонимность, скрытность и конспирацию.

Подбор рядовых соучастников организованной группы через сеть «Интернет», осуществляется анонимно, используются различные ники, которые исключают возможность персонализации вербовщика. В случае получения согласия лица осуществлять сбыт наркотических средств с использованием тайников, новому соучастнику разъясняются правила конспирации, его обязанности и порядок получения вознаграждения за сбыт наркотических средств. При подобной организации преступного сообщества, задержанные соучастники органи-

зованной группы ничего конкретного о своих соучастниках сообщить не могут, так как их общение проходило в сети с использованием анонимных ников.

В описанной выше ситуации доказать существование организованной группы, наличие в группе иерархии, правовых признаков организованной группы, причастности задержанного к организованной группе достаточно сложно, успех раскрытия подобных преступлений напрямую зависит от результативности оперативного аппарата. Доказательственная база по данной категории дел формируется на основе результатов ОРД. В редких случаях задержанные по подозрению в сбыте наркотических средств дистанционным способом с использованием сети Интернет соглашаются на сотрудничество со следствием.

Общим признаком для всех участников организованной группы является их обязанность следовать установленным правилам общения между собой, строжайшее соблюдение правил конспирации. Купля-продажа наркотических средств осуществляется через систему быстрых платежей безналичным способом на подставных лиц [2, с. 43]. При этом организованная группа обладает достаточными материальными и финансовыми средствами для производства, транспортировки, хранения и сбыта наркотических средств. По смыслу ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, действия участников организованной группы по сбыту наркотических средств подлежат квалификации как исполнитель преступления. Судебная практика исходит из того, что участники организованной группы признаются соисполнителями независимо от того, знают ли они друг друга, общались ли они между собой и т.д., факт незнания всех участников группы не имеет уголовно-правового значения для квалификации действий соучастников. Вместе с тем, совершение сбыта наркотических средств дистанционным способом с использованием системы «Интернет» невозможно без создания и действия организованной группы.

Одним из сложных вопросов квалификации деяний сбытчиков наркотического средства является ситуация о том, как правильно оценивать каждый эпизод сбыта через систему тайников и закладок: как самостоятельное преступление или как единое продолжаемое преступление, состоящее из множества тождественных деяний, охваченных единым умыслом. Для квалификации подобных деяний необходима единая судебная практика, но она пока не выработана. Поэтому в различных субъектах РФ преобладают два основных подхода [3, с. 96]. Первый подход заключается в том, что если сбыт осуществляется с разрывом во времени, различным покупателям, по каждому эпизоду имелся свой умысел, то подобные деяния подлежат квалификации как самостоятельные преступления, т.е. образуют множественность преступлений. Второй подход судебной практики и суда второй инстанции сводился к тому, что сбыт наркотических средств с использованием тайников следует квалифицировать как одно преступление, охватывающее несколько эпизодов. Обосновывая свою позицию, суд указал, что сбыт наркотических средств осуществлялся одним и тем же способом, т.е. совершались тождественные действия, все эпизоды преступного деяния охватывались единым умыслом и выполнялись в одно время и на территории одного административного образования.

Если сбыт наркотических средств осуществлялся с разрывом во времени, на территории нескольких административных образований, реализовывались несколько партий наркотического сырья, то содеянное в подобных случаях следует квалифицировать как совокупность преступлений. В свою очередь, следственная практика исходит из следующего посыла. Если виновный оставляет в тайниках наркотическое средство с целью сбыта в один промежуток времени и на одной территории, то содеянное подлежит квалификации как единое продолжаемое общественно-опасное деяние. Напротив, если имеет место сбыт наркотических средств с разрывом во времени, на различных территориях, то содеянное подлежит квалификации как совокупность двух и более самостоятельных преступлений. Отдельный подход выражается в реализации обособленной партии наркотического средства, если виновный реализовывает обособленную партию наркотического средства, но с разрывом во времени и на различных территориях, то содеянное также подлежит квалификации как единое преступление [4, с. 98].

Сложность в квалификации деяния, связанного с незаконным сбытом наркотических средств, вызывает момент окончания преступления. Большинство составов преступлений, предусматривающих ответственность за сбыт наркотических средств, по своей конструкции относятся к формальным составам преступлений, что означает окончание преступления с момента совершения всех необходимых действий, связанных с передачей покупателю наркотического средства, независимо от того получил ли последний фактически наркотическое средство [5]. Способ передачи наркотического средства покупателю может быть избран любой, в том числе, путем закладки наркотического средства в тайник. Во всяком случае покупателю обязательно доводится информация о месте нахождения тайника, если по каким-либо причинам сбытчик не может сообщить покупателю место нахождения тайника с наркотическим средством, то содеянное следует квалифицировать по ст. 30, ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (покушение на незаконный сбыт). Способ сообщения о месте нахождения тайника также может быть различен, главное, чтобы покупатель обладал информацией, где находится купленное им наркотическое средство. В настоящее время сбытчики используют различные компьютерные программы, которые способны доводить информацию о месте нахождения тайника с наркотическим средством без участия человека. Для способа дистанционного сбыта наркотического средства преступление считается оконченным с момента сообщения информации о месте нахождения тайника покупателю. Было бы полезным, если наработки следственной и судебной практики получили нормативное закрепление в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ или приказах МВД и СК для следственных подразделений.

Следующим обстоятельством, вызывающим сложность в квалификации содеянного, является ситуация, когда сбытчик заложил наркотическое средство в тайники, часть наркотического средства была реализована покупателям, а другая часть была изъята сотрудниками полиции в результате задержания подозреваемого. Оценка ситуации может иметь два варианта.

Первый вариант, часть эпизодов деяния образуют оконченное преступление, а другая часть приготовление к преступлению, так как информация о месте нахождения тайника не была доведена до покупателя. Второй вариант, часть эпизодов деяния образуют оконченное преступление, а другая часть также образует оконченное преступление, так как информация о месте нахождения тайника была доведена до покупателя, но по не зависящим от них обстоятельствам получить в свое распоряжение приобретенное сырье они не смогли.

Для борьбы с незаконным оборотом наркотических средств одним из способов выявления участников организованной группы является оперативное мероприятие «проверочная закупка». Проведение этого мероприятия предполагает изъятие наркотического средства и направление его на исследование, а вместо наркотического средства для продолжения оперативных мероприятий используют различные вещества, имеющее внешнее сходство с наркотическим средством. В этой ситуации действия покупателя, где он изымает из тайника заменитель наркотического средства (бутафория) образует оконченный состав сбыта в виде приобретения. Но для описываемой ситуации требуется, чтобы сбытчик поместил в тайник действительно наркотическое средство, сообщил о закладке покупателю, т.е. выполнил объективную сторону преступления. После чего наркотическое средство может быть изъято сотрудниками полиции и заменено неким аналогом. Если сбытчик изначально под видом наркотического средства пытался продать иное вещество, внешне похожее на наркотическое средство, то содеянное подлежит квалификации как мошенничество. Действия покупателя подлежат квалификации как покушение на приобретение наркотического средства [6, с. 37]. Для квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, правовое значение имеют вид наркотического средства, размер, способ происхождения и изготовления. Отсюда, если сбытчик не знал о произведенной замене наркотического средства на иное вещество, не обладающее свойствами наркотика, и выполнил все необходимые действия объективной стороны преступления по сбыту, то содеянное подлежит квалификации как покушение на сбыт наркотического средства. Действия лиц, направленных на незаконный оборот наркотических средств с использованием каких-либо веществ в качестве заменителя при производстве оперативных мероприятий не исключает уголовной ответственности как сбытчика, так и покупателя, при условии, что они не осознавали о подмене наркотического средства на макет. В завершении нашей статьи хочется отметить, что возможность замены наркотического средства на иное вещество, внешне сходное с наркотическим средством, при производстве оперативно-розыскных мероприятий должно получить нормативно-правовое закрепление.

Пристатейный библиографический список

1. Коровин Н. К. Особенности расследования незаконного оборота наркотических средств с использованием сети интернет // Международный научно-исследовательский журнал. - 2018. - № 10-2 (76). - С. 65-67.
2. Афзалетдинова Г. Х. К вопросу об особенностях совершения сбытов наркотических средств и психотропных веществ организованной группой // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. - 2020. - № 1. - С. 42-47.
3. Гарманов В. М. Уголовно-правовая оценка сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как единого продолжаемого преступления или совокупности преступлений // Научный портал МВД России. - 2010. - № 1. - С. 95-100.
4. Ерохин Д. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Сибирское юридическое обозрение. - 2019. - № 16 (1). - С. 96-102.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».
6. Власов П. Е. Актуальные проблемы квалификации и расследования незаконного оборота наркотических средств. - М., 2023. - С. 37.

ОБУХОВ Игорь Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

В статье приводится значимость работы участковых уполномоченных полиции в профилактике преступлений террористического характера. Приводятся данные количества предотвращенных преступлений террористического характера со стороны правоохранительных органов. Акцентировано внимание на знании участковыми уполномоченными полиции криминалистических особенностей формирования следов, указывающих на подготовку, совершение и сокрытие следов преступлений. Указывается на многообразность преступлений террористического характера, создающих широкий спектр криминалистических признаков. Знание, участковыми уполномоченными полиции, признаков рассматриваемой категории преступлений, является неотъемлемой частью их профилактической деятельности. Также в статье указывается на важность взаимодействия участковых уполномоченных полиции с другими службами и подразделениями.

Ключевые слова: профилактика преступлений террористического характера, поддержание общественного порядка и безопасности на обслуживаемом административном участке.

OBUKHOV Igor Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

THE USE OF FORENSIC KNOWLEDGE BY DISTRICT POLICE OFFICERS IN THE PREVENTION OF CRIMES OF A TERRORIST NATURE

The article highlights the importance of the work of district police commissioners in the prevention of terrorist crimes. The data on the number of terrorist crimes prevented by law enforcement agencies are given. Attention is focused on the knowledge of the precinct police commissioners of the criminalistic features of the formation of traces indicating the preparation, commission and concealment of traces of crimes. It is pointed out that there are a variety of terrorist crimes that create a wide range of forensic features. The knowledge of the signs of the considered category of crimes by the district police officers is an integral part of their preventive activities. The article also points out the importance of the interaction of district police officers with other services and departments.

Keywords: prevention of terrorist crimes, maintenance of public order and security in the serviced administrative area.

Обухов И. А.

В современном мире проблема терроризма становится все более актуальной и острой. Террористические акты могут происходить в любом месте, в любое время, и их предотвращение требует от правоохранительных органов больших усилий.

Согласно информации из доклада директора ФСБ России А. В. Бортникова, по итогам работы в 2023 году, только за текущий год «...Российскими спецслужбами и правоохранительными органами пресекались попытки украинских спецслужб формировать законспирированные террористические ячейки и вербовать маргинальную часть населения для совершения подрывов, поджогов и других преступлений террористической направленности. Скоординированными действиями силовых структур на стадии подготовки предотвращено 228 преступлений террористической направленности, в том числе 146 терактов. Пресечена деятельность 73 законспирированных ячеек и более 180 организованных преступных групп, занимавшихся незаконным оборотом оружия, ликвидировано 146 подпольных оружейных мастерских. На общую сумму свыше 110 млн рублей заблокированы счета более 4 тыс. лиц, причастных

к финансированию терроризма и украинских вооруженных формирований...»¹.

В таких условиях охрана государства и правопорядка возможна только благодаря слаженной работе многих правоохранительных органов. Свой значимый вклад в эту работу вносит служба участковых уполномоченных полиции.

Одной из основных задач участкового уполномоченного является поддержание общественного порядка и безопасности на обслуживаемом административном участке. В условиях угрозы террористических актов это становится особенно важным. Участковый должен быть готов к быстрому реагированию на подозрительные ситуации, обнаружению и предотвращению возможных террористических актов. В предотвращении таких преступлений им помогает использование криминалистических знаний и методов позволяю-

1 Директор ФСБ России провёл итоговое заседание Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба // Национальный антитеррористический комитет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-provyol-itogovoe-zasedanie.html> (дата обращения: 12.12.2023).

щих выявлять следы преступлений, устанавливая личность преступника, анализировать ситуацию на месте происшествия и многое другое.

Многообразность преступлений террористического характера [1, с. 18-21] создает широкий спектр криминалистических признаков, которые могут проявляться на этапах их подготовки, совершения и сокрытия следов. Положительными примерами использования знаний о признаках подготавливаемых террористических преступлений, служат факты их предотвращения в 2023 году в России. Так, в ноябре 2023 года, в г. Москва был задержан мужчина 1983 года рождения, который получил от неустановленного лица вознаграждение за совершение террористического акта путем подрыва одной из цистерн железнодорожной станции в Московском регионе. С целью приготовления к совершению вышеуказанного преступления подозреваемый прибыл на участок местности, расположенный в одном из лесопарков в городе Москве, где забрал из заранее обозначенного ему тайника взрывчатое вещество, предназначенного для изготовления им самодельного взрывного устройства. После этого направился на одну из улиц Юго-Западного административного округа в городе Москве, где должен был изъять из тайника детонатора, предназначенный для изготовления самодельного взрывного устройства. Однако довести до конца свой преступный умысел, направленный на совершение теракта, он не смог, так как после изъятия детонатора из тайника был задержан².

В Воронеже в ноябре 2023 года, задержан гражданин России, 1986 года рождения, завербованный боевиками одной из украинских террористических организаций, планировавший по их указанию осуществить подрыв самодельного взрывного устройства на территории городского военного комиссариата с последующим выездом на Украину для участия в боевых действиях против Вооруженных Сил России. После его задержания по месту проживания задержанного изъяты компоненты для изготовления СВУ, а в используемых им средствах коммуникации обнаружена интернет-переписка с вербовщиками, изобличающая преступную деятельность³.

Подобных преступлений, к сожалению, не становится меньше. В этой связи участковый обязан использовать знания криминалистики, для выявления признаков преступлений террористического характера, сбора и анализа следов преступления, а также основ оперативно-розыскной деятельности. В этой связи участковый должен знать особенности производства осмотра места происшествия, фиксации следов преступлений, сбора и анализа информации, относящейся к событиям преступления.

Одним из ключевых аспектов использования криминалистических знаний участковыми уполномоченными является профилактическая работа. Особое внимание должно уделяться умению налаживать психологический контакт с находящимся на обслуживаемом административном участке населением, а также работать со свидетелями и потенциаль-

ными очевидцами событий преступления. Активное взаимодействие с населением, проведение профилактических бесед, информирование о наступлении потенциальных угроз (от возможных террористических актов) – все это помогает предотвращать преступления, в том числе террористического характера. Криминалистические знания позволяют участковым уполномоченным анализировать ситуацию на своем участке, выявлять потенциальные угрозы и принимать меры по их предотвращению.

Важным аспектом работы участковыми уполномоченными является также сотрудничество с другими правоохранительными органами. Криминалистические знания помогают им эффективно взаимодействовать с коллегами из других служб, обмениваться информацией, координировать свои действия для предотвращения террористических актов.

Таким образом, использование знаний основ криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики играет важную роль в деятельности участковыми уполномоченными полиции. Помогает им эффективно выполнять свои обязанности по поддержанию общественного порядка и безопасности на обслуживаемом административном участке, предотвращать наступление преступных результатов, в том числе от преступлений террористического характера. Совершенствование знаний в области криминалистики, со стороны участковыми уполномоченными полиции, должно создавать хорошие условия для защиты общества и государства от преступных проявлений.

Пристатейный библиографический список

1. Обухов И. А., Ким Д. В. Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции: монография. - Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. - 188 с.
2. Логинова Н. Г., Судницын А. Б., Абрамова Л. Л. Взаимодействие следователя с органами дознания: законодательное регулирование и правоприменительная практика: учебное пособие. - Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2021. - 104 с.
3. Криминалистическая тактика: учебно-практическое пособие / Д. Л. Кокорин [и др.]. - Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД РФ, 2020. - 78 с.

2 Взят под стражу мужчина, планировавший совершение теракта на территории Московского региона // Национальный антитеррористический комитет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-provyol-itogovoe-zasedanie.html> (дата обращения: 12.12.2023).

3 ФСБ России в Воронеже на этапе подготовки предотвращен теракт // Национальный антитеррористический комитет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-kontrterroristicheskie-operacii/fsb-rossii-v-voronezhe-na.html> (дата обращения: 12.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-700-701

АБРАМОВА Светлана Радиковна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

АБРАМОВ Иван Романович

студент направления подготовки «Информационная безопасность» Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

СИБАГАТУЛЛИНА Разиля Мунаваровна

доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И КУЛЬТУРА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Актуальность исследования заключается в том, что информационная безопасность, обеспечение соответствия техническим требованиям и стандартам формирует самостоятельную культурную среду IT-инфраструктуры цифровой среды, которая требует самостоятельного исследования. Объект исследования – цифровая экономика. Предмет исследования – культурная среда в рамках обеспечения безопасности IT-инфраструктуры. Цель исследования – содержательно рассмотреть информационную безопасность и культуру как неотъемлемые элементы устойчивой IT-инфраструктуры. В статье аргументируется, что истинная значимость этого вопроса заключается в том, что простое внедрение соответствующих инструментов само по себе не обеспечивает полной безопасности без активной культуры, которая масштабирует внедрение, контроль регулярно улучшая информационную безопасность. Рассматривается каким образом организации формируют культуру, в первую очередь направленную на соблюдение требований в области информационной безопасности в IT и как одновременно формируется понимание о том, что информационная безопасность и культура неизбежные элементы современной IT-инфраструктуры. В данной статье выделяются пять главных характеристик организаций, культура которых институционализована и которые формируют эффективную культурную среду современной IT-инфраструктуры.

Ключевые слова: культурная среда, безопасность, цифровая среда, цифровизация, электронные данные.

ABRAMOVA Svetlana Radikovna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

ABRAMOV Ivan Romanovich

student of the «Information security» training course of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

SIBAGATULLINA Razilya Munavarovna

associate professor of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

INFORMATION SECURITY AND CULTURE IN THE DIGITAL ECONOMY

The relevance of the study lies in the fact that information security, ensuring compliance with technical requirements and standards forms an independent cultural environment of the IT infrastructure of the digital environment, which requires independent research. The object of research is the digital economy. The subject of the study is the cultural environment within the framework of ensuring the security of IT infrastructure. The purpose of the study is to meaningfully consider information security and culture as integral elements of a sustainable IT infrastructure. The article argues that the true significance of this issue is that simply implementing the appropriate tools alone does not provide complete security without a proactive culture that scales adoption, controls, and regularly improves information security. The article examines how organizations form a culture primarily aimed at compliance with information security requirements in IT and how at the same time an understanding is formed that information security and culture are inevitable elements of modern IT infrastructure. This article highlights five main characteristics of organizations whose culture is institutionalized and which form an effective cultural environment of modern IT infrastructure.

Keywords: cultural environment, security, digital environment, digitalization, electronic data.

Культура информационной безопасности содержательно отражает стремление организации обеспечивать защиту своей информации и данных в цифровой среде хозяйствования, что включает в себя не только соблюдение требований и стандартов, но, что более важно, направлена на создание культурной среды, в которой требование к защите данных организации от любого несанкционированного доступа является естественным. «Наряду с такими средствами формирования культуры информационной безопасности как подготовка и распространение бесплатных информационных материалов, рекомендации и руководства, правительства многих стран все больше внимания уделяют разработке лучших практик по конкретным техническим и эксплуатационным вопросам таким, как онлайн-аутентификация, цифровые подписи, беспроводная связь, управление рисками и реагирование на инциденты информационной безопасности» [1, с. 28]. Организации владеют разнообразной конфиденциальной информацией: от рецептов пищевой промышленности до спецификаций проектирования оборонного производства, регулируемых государством и независимо от цели информации, ее конфиденциальность

и защита приобретают первостепенное значение. Культура информационной безопасности обеспечивает понимание и принятие каждым сотрудником своей роли в защите конфиденциальной информации, увеличивая тем самым общую безопасность информации в организации: «Итак, информационная культура рассматривается как феномен общественного и личностного развития, который меняет своё содержание в зависимости от уровня развития личности и окружающей действительности (общественного пространства)» [2, с. 10].

Культура информационной безопасности представляет собой набор знаний, навыков и умений, которые формируются в целях обеспечения безопасного использования информационного пространства гражданами Российской Федерации, включает в себя как профессиональную, так и бытовую сферу деятельности граждан. В рамках профессиональной деятельности культура информационной безопасности тесно связана с вопросами корпоративной информационной безопасности, а в бытовой сфере с личной информационной безопасностью. Среди особо важных аспектов культуры информационной безопасности необходимо отметить

необходимость соблюдения правил информационной безопасности в органах государственной власти, что особенно актуально в свете текущей геополитической обстановки, когда требуется соблюдение указанных правил со стороны лиц, занимающих должности в государственной гражданской и муниципальной службе в ходе исполнения своих должностных обязанностей. При разработке и формировании культуры информационной безопасности особое внимание должно быть обращено на сегментацию граждан Российской Федерации на различные группы, чтобы обеспечить более точное и эффективное распространение информации о основных правилах информационной безопасности.

Множество элементов способствует созданию и укреплению культуры информационной безопасности, при этом выделить пять ключевых элементов, которые, на взгляд авторов являются наиболее важными.

1. Право собственности и интеллектуальное право

Заказчики часто хотят переложить ответственность за создание культуры информационной безопасности на кого-то другого, при этом опыт показывает [3], что такой подход неработоспособен. Инициатива должна принадлежать самой организации, а внешние ресурсы могут быть задействованы для реализации частей плана, но основная инициатива должна исходить изнутри организации, каждый сотрудник организации должен понимать свою роль и нести ответственность за защиту информации, что формирует культурную среду IT-инфраструктуры.

2. Поддержка корпоративной культуры и дисциплина

Эффективность формирования культурной среды в рамках информационной безопасности напрямую связан с поддержкой и развитием корпоративной культуры и поддержании дисциплины на всех уровнях организации. Руководители должны формировать у сотрудников ценность культуры информационной безопасности и придерживаться существующих эффективных практик: «*Информационная культура личности, являясь определенным слепком информационной культуры общества, в то же время специфична в силу отражения личностных особенностей освоения и усвоения социального опыта человеческой цивилизации на ее конкретном историческом этапе развития*» [4, с. 85].

3. Неформальное лидерство

В успешно функционирующих культурах информационной безопасности всегда присутствует как минимум один внутренний лидер. Этот человек, хотя и не обязательно специалист, должен стать сторонником инициативы масштабирования культурной среды и принимать на себя руководящую роль внутри компании, объясняя важность информационной безопасности и роль каждого сотрудника в обеспечении безопасности данных организации. В итоге гарантируется, что культура информационной безопасности становится неотъемлемой частью деятельности организации, а каждый сотрудник понимает и принимает важность своей роли в обеспечении безопасности информации.

4. Оценка и управление рисками

Для того чтобы информировать членов своей команды о значимости их роли в снижении риска, организация должна произвести оценку и понимание места риска в широком спектре возможных информационных угроз. В случае организаций, работающих в сфере стратегической и национальной безопасности (например, оборонной промышленности) ее риски, вероятно будут выше. Организации с высокой степенью вовлечения в национальную безопасность обычно связаны с большими рисками, специализированные технологические компании также подвержены более высоким рискам, следовательно, компания, специализирующаяся на производстве в рамках стратегических секторов национальной безопасности для оборонно-промышленных секторов национальной экономики, подвергается более высоким рискам в рамках промышленного шпионажа других стран. Частный бизнес с ограниченным доступом к личной информации или информации о кредитных картах, скорее всего, будет подвержен меньшим рискам (хотя, конечно, существует определенный уровень риска, этот риск уменьшается базовыми требованиями к конфиденциальности личной информации). Для медицинской компании конфиденциальность является также важной проблемой и основные проблемы информационной безопасности, вероятно, будут связаны с защитой личных данных. Важно выяснить, как снизить систематические риски и эффективно ими управлять. Изучение структур и требований стандартов, возможно уже существующих в ор-

ганизации (например, NIST 800-171, HIPAA или PCI-DSS), а также выявление пробелов в информационной безопасности и использование уже установленных инструментов играют важную роль в данном процессе. Информационная безопасность, это непрерывный процесс, поскольку угрозы и риски постоянно меняются и во многих случаях компании обращаются за помощью к третьей стороне, чтобы получить новый взгляд на оценку и управление угрозами.

5. Ресурсы

Еще один важный аспект формирования успешной культурной среды в рамках информационной безопасности заключается в выделении достаточных ресурсов для поддержки данной инициативы. Опрос финансовых учреждений, проведенный Deloitte¹, выявил, что респонденты тратят от 0,2 до 0,9 процента своего годового дохода или 6-14 процентов своего ИТ-бюджета только на информационную безопасность, данные показатели являются средними для компаний, уже активно занимающихся вопросами информационной безопасности.

В свете быстрого роста угроз информационной безопасности, в том числе вызванного изменяющейся геополитической обстановкой, необходимо достижение скорейших положительных результатов от проводимых мероприятий по повышению информационной безопасности:

1. Повышение доверия к цифровым сервисам, включая государственные сервисы.

2. Обучение граждан Российской Федерации новым нормам поведения, основанным на правилах личной информационной безопасности.

3. Разработка и реализация мероприятий для систематического повышения осведомленности по информационной безопасности у лиц, замещающих должности в государственной гражданской и муниципальной службе Российской Федерации.

4. Снижение актуальности угроз информационной безопасности и повышение эффективности их противодействия.

5. Установление взаимодействия между органами государственной власти, неправительственными и коммерческими организациями с целью повышения информационной грамотности граждан Российской Федерации в вопросах информационной безопасности.

6. Создание дополнительных каналов коммуникации с каждой конкретной категорией граждан Российской Федерации для эффективного распространения информации о важности соблюдения правил личной информационной безопасности. Это может включать использование неформальных каналов связи и учет текущих интересов граждан.

Культура информационной безопасности представляет собой непрерывный процесс, который всегда требует улучшения и адаптации к постоянно меняющимся угрозам. Основным фактором успеха здесь является обучение и образование сотрудников, а также создание в организации такой среды, которая признает и высоко ценит важность безопасности информации. Разработка культуры информационной безопасности в цифровой среде требует комплексного подхода, включающего обучение, пропаганду и сотрудничество различных структур и групп населения, только таким образом можно добиться эффективной защиты информации и повышения осведомленности граждан по вопросам информационной безопасности.

Приставленный библиографический список

1. Малюк А. А., Полянская О. Ю. Зарубежный опыт формирования в обществе культуры информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. – 2016. – Т. 23. № 4. – С. 25-37. – EDN XIELKN.
2. Файзуллин Ф. С., Гарипова Ф. М., Кашапова Р. А. Формирование информационной культуры студентов-экономистов // Дискуссия. – 2022. – № 6 (115). – С. 6-16. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-6-115-6-16. – EDN URUVMA.
3. Redondo T. The digital economy: Social interaction technologies—an overview. – 2015.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.corporatecomplianceinsights.com/deloitte-survey-sec-cybersecurity-rules-2023/>

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

СВИРИДОВ Руслан Евгеньевич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассматривается правовая основа применения специальных средств сотрудниками уголовно-исполнительной системы, приводятся статистические данные о случаях их применения. Авторы на основе анализа применения специальных средств сделали выводы о важности применения комплексных мер по эффективному их применению сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Даны рекомендации, как правильно обучать сотрудников правомерному применению специальных средств. В исправительных колониях и тюрьмах совершаются нападения осужденных на сотрудников в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Как показывает практика, в ходе нападения осужденных сотрудникам наносятся телесные повреждения. Сотрудниками службы безопасности исправительных колоний для пресечения противоправных действий осужденных применяют специальные средства. Эффективность мероприятий по пресечению криминальных ситуаций во многом зависит от того, насколько сотрудники учреждений подготовлены к действиям в этих ситуациях, и умения использовать физическую силу и специальные средства.

Ключевые слова: специальные средства, сотрудники уголовно-исполнительной системы, правовые основы, СИБЗ, бронезащита, бронемашин, газовое оружие, ПР-73М.

GOFMAN Alexander Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

SVIRIDOV Ruslan Evgenjevich

lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

SPECIAL MEANS AND LEGAL BASIS FOR THEIR USE

The article examines the legal basis for the use of special means by employees of the penitentiary system and provides statistical data on cases of their use. Based on an analysis of the use of special means, the authors drew conclusions about the importance of using comprehensive measures for their effective use by employees of the penitentiary system. Recommendations are given on how to properly train employees in the lawful use of special equipment. In correctional colonies and prisons, convicts attack employees in connection with the performance of their official duties. The effectiveness of measures to suppress criminal situations largely depends on how prepared employees of institutions are to act in these situations, and the ability to use physical force and special means.

Keywords: special means, employees of the penal system, legal framework, PPE, armor protection, armored vehicles, gas weapons, PR-73M.

Нормативными актами не предусмотрена организация непрерывного дежурства за пределами учреждения структурного специального подразделения, сотрудники которого могли бы на начальном этапе пресечь противоправные действия осужденных. Созданные при ФСИН России отряды специального назначения не способны к быстрому реагированию из-за потери времени для прибытия в исправительные учреждения, в которых возникла необходимость принятия специальных мер по пресечению криминальной ситуации. Перечень специальных средств, стоящих на вооружении в подразделениях УИС, достаточно велик, но, как правило, сотрудники учреждений могут экипироваться в основном средствами индивидуальной бронезащиты, резиновыми палками, наручниками, баллончиками со слезоточивым веществом, электрошоковыми устройствами, в некоторых случаях газовым оружием и противоударными щитами. Применение же средств разрушения преград, светозумовых устройств, специальных карабинов, боевой и специальной техники возложено в основном на подразделения специального назначения.

Служебная подготовка сотрудников УИС должна содержать разделы по правилам и технике применения специальных средств. Начинать следует с изучения и ознакомления со специальными средствами индивидуальной бронезащиты, к которым относятся средства защиты головы, туловища и конечностей. Правильное их использование и подгонка обеспечивают более надежную защиту и комфортное ношение.

Класс защиты должен соответствовать каждой конкретной ситуации (в условиях массовых беспорядков, групповых неповиновений – от холодного оружия, ударов палками, металлических предметов; в условиях вооруженного побега – от соответствующего вида огнестрельного оружия).

Одним из самых простых специальных средств является резиновая палка. Самая распространенная из них ПР-73М, которая представляет собой резиновый стержень длиной 60 см и толщиной 3,4 см. Эта палка удобна для действия на улице, где можно развернуться. В закрытых помещениях ее использовать ограничено из-за ее длины. В условиях ограниченного пространства (помещения, транспорт и т.д.) используется палка ПР-89, состоящая из гибкого резинового стержня и металлической рукоятки. Палка может уходить во внутрь, что уменьшает ее длину и делает удобной при переноске. Резиновые палки при переноске могут находиться на ремне или на руке. В положении на ремне должна быть обеспечена надежная фиксация палки (от возможности ее сорвать или выпадения), но вместе с тем возможность легкого и быстрого извлечения. При переноске в руках – обязательным креплением ремешком (веревкой) за запястье, простой или скрученной петлей. При применении резиновой палки рекомендуется крепление ее за ремешок скрученной петлей. В этом положении обеспечивается более надежное ее удержание, и вырвать из руки палку практически невозможно, не оторвав ремень. В служебную подготовку сотрудников необходимо включать

проведение практических занятий с резиновыми палками, которые должны содержать отработку приемов задержания, способов нанесения ударов (сверху, по ногам, наотмашь, «тычком»). Особое внимание следует уделить удару «тычком», упреждающему удару. Занятия целесообразно проводить в средствах бронезащиты (каска, бронежилеты), а также с использованием противоударных щитов.

Для пресечения неповиновения и ограничения физического сопротивления используют наручники различных моделей. Современные модели наручников, как правило, имеют блокировку, которая не даст им затягиваться сверх меры и выдерживает разрыв более 150 кг. Их недостаток – сравнительно большой вес и габариты, кроме того, каждые два часа необходимо проверять степень затяжки. Поэтому были разработаны одноразовые наручники, выполненные из пластиковой ленты. Чтобы снять, их приходится разрезать. Такие наручники удобны при ликвидации массовых беспорядков, т.к. их можно взять в большом количестве. Существуют «напальчники» (скользят большие пальцы рук), которые по своей конструкции мало чем отличаются от наручников, но гораздо меньше по размерам, поэтому носить их удобнее. При проведении практических занятий по одеванию наручников следует уделить внимание быстрому и правильному их применению.

Для активного воздействия на правонарушителя путем вызова болезненного раздражения слизистой оболочки глаз и верхних дыхательных путей используется еще одно классическое средство – слезоточивый газ. На вооружении стоят три основные рецептуры: «Черемуха» – обычный слезоточивый газ; «Сирень» – газ, действующий даже на нарушителей в состоянии алкогольного и наркотического опьянения; «Разеда» – мощное средство, которое, кроме слезоточивого компонента, содержит экстракт красного перца и вызывает спазмы и удушье. Использование слезоточивых веществ в аэрозольных упаковках имеет ряд недостатков. Во-первых, радиус их действия небольшой, во-вторых, во время применения может быть поражен сам сотрудник. В настоящее время разработан специальный аэрозольный распылитель «Жасмин», который позволяет при любых погодных условиях практически бесшумно выстрелить струей активного вещества на расстоянии пять метров.

При ликвидации более сложных криминальных ситуаций могут быть использованы средства обеспечения специальных операций. Для оказания воздействия на нарушителя мощным световым и акустическими импульсами используются шумовые гранаты «Заря» и «Пламя». При их взрыве преступника ослепляет яркая вспышка и оглушает громкий хлопок. Для проникновения в закрытые помещения могут использоваться малогабаритные взрывные устройства «Ключ» и «Импульс». При помощи их можно проделать проходы в стальных дверях и других препятствиях. При ликвидации криминальных ситуаций могут использоваться специальные карабины (КС-23) для отстрела спецбоеприпасов, боевая и специальная техника.

В случае ранения или смерти осужденных, заключенных, иных лиц в результате применения физической силы и специальных средств начальники учреждений, исполняющих наказания, сообщают об этом в прокуратуру. В результате опроса, проведенного среди слушателей факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, которые в нашем институте проходят курс дисциплины «Первоначальная профессиональная подготовка», было установлено, что большинство из них не имеют понятия о некоторых видах специальных средств и в своей практике используют в лучшем случае резиновые палки, аэрозольные упаковки слезоточивого газа и наручники. А практических занятий по отработке вопросов, связанных с применением специальных средств, вообще не проводилось.

Как показал анализ ответов на второй блок вопросов, сотрудники чувствуют себя более уверенно и комфортно,

если они экипированы специальными средствами защиты, а в кризисных ситуациях – средствами индивидуальной бронезащиты. Кроме того, они отметили, что важную роль играют такие факторы, как дефицит времени для принятия решения, угроза жизни или здоровью со стороны спецконтингента исправительных учреждений, а также они считают действующую нормативную базу несовершенной и требующую уточнения [3].

Следует согласиться с М. Ю. Конаревым в том, что в высших образовательных организациях ФСИН России необходимо создать условия для закрепления у обучающихся и сотрудников основ порядка применения физической силы и специальных средств, готовность применять актуальные нормативные акты и уверенно действовать в рамках, возложенных на них должностных обязанностей. А в рамках служебной подготовки в подразделениях и органах УИС больше уделять внимание обучению сотрудников, повышению их профессиональных умений и навыков по правомерному применению специальных средств [1].

Для более эффективного применения специальных средств необходимо включить в служебную подготовку сотрудников раздел, связанный с отработкой практических вопросов по их использованию. Осваивать данную тему необходимо в следующей последовательности: 1) специальные средства, их тактико-технические характеристики и способы применения; 2) приемы обращения с резиновой палкой (удары палкой, защита от ударов, приемы задержания); 3) приемы использования противоударного щита для защиты от ударов и вытеснения нападающих правонарушителей; 4) строевые приемы со снаряжением; 5) комплексное выполнение ударов резиновой палкой, защита щитом, строевые приемы в составе подразделений [2].

Знание сотрудниками своих полномочий при применении физической силы и специальных средств, их тактико-технических характеристик, порядка и особенностей применения является основным в таких вопросах, как правомерность применения физической силы и специальных средств, сохранение жизни и здоровья сотрудников при ликвидации криминальных ситуаций, выполнение указанных задач с наименьшими затратами сил и средств, обеспечение применения наименьшего вреда при применении физической силы и специальных средств. Только грамотный сотрудник сможет в сложных условиях обстановки не только тактически правильно применить специальные средства, но и нарушив при этом закон, но и принять грамотное и обоснованное решение на экипировку личного состава и применение специальных средств.

Приставейный библиографический список

1. Конарев М. Ю. Проблемы гражданско-правовой ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы России за неправомерное применение физической силы, специальных средств и оружия, и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2017. – Т. 25 (1-4). – № 3. – С. 390-393.
2. Пантелеев В. А. Негативные факторы, влияющие на сотрудников уголовно-исполнительной системы при применении физической силы, специальных средств или оружия // Гуманитарные научные исследования: сетевое издание. – 2019. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2019/05/25910>.
3. Тимошук А. С. Оперативно-правовые вопросы обеспечения безопасности государства и общества в условиях информатизации // Правовые вопросы обеспечения экономической безопасности государства в условия информатизации общества. – Ростов н/Д: ДГТУ, 2018. – С. 385-392.

ЖУК Константин Денисович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЫРДЫЛИНА Юлия Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДОЛГОВ Данил Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ФРОЛОВ Владимир Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИЗОТОВА Екатерина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РОЛЬ ОДКБ И ШОС В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ УГРОЗАМИ

В данной статье анализируется деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в контексте обеспечения региональной безопасности и противодействия транснациональным угрозам, таким как терроризм, экстремизм и наркотрафик. Особое внимание уделяется анализу эффективности мер, предпринимаемых организациями в ответ на кризисные ситуации, а также оценке их роли в укреплении международного сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и киберпреступностью.

Ключевые слова: ОДКБ, ШОС, региональная безопасность, транснациональные угрозы, терроризм, экстремизм, наркотрафик, международное сотрудничество, киберпреступность, кризисные ситуации.

ZHUK Konstantin Denisovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YRDLINA Yulia Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DOLGOV Danil Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

FROLOV Vladimir Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

IZOTOVA Ekaterina Alekseevna

Student of the Far Eastern Federal University

THE ROLE OF THE CSTO AND THE SCO IN ENSURING REGIONAL SECURITY AND COMBATING TRANSNATIONAL THREATS

This article analyzes the activities of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the context of ensuring regional security and countering transnational threats such as terrorism, extremism and drug trafficking. Special attention is paid to analyzing the effectiveness of measures taken by organizations in response to crisis situations, as well as assessing their role in strengthening international cooperation in combating drug trafficking and cybercrime.

Keywords: CSTO, SCO, regional security, transnational threats, terrorism, extremism, drug trafficking, international cooperation, cybercrime, crisis situations.

В современном мире, где транснациональные угрозы, такие как терроризм, экстремизм и наркотрафик, представляют серьезный вызов для международной безопасности, роль региональных организаций, таких как ОДКБ и ШОС, становится особенно актуальной. Эти организации, объединяя усилия стран Центральной Азии и других регионов, стремятся обеспечить стабильность и безопасность, противостоять современным угрозам и способствовать международному сотрудничеству. В данной статье рассматривается роль ОДКБ и ШОС в решении актуальных задач региональной безопасности, а также оценивается эффективность их действий в борьбе с наркотрафиком, терроризмом и экстремизмом. Важность этих организаций подчеркивается их активными шагами в координации международных усилий, направленных на противодействие новым вызовам и угрозам в современном мире.

Коллективное противодействие экстремизму и терроризму стоит в центре многогранной деятельности Шанхай-

ской организации сотрудничества (ШОС), уделяя этому направлению повышенное внимание, как было подчеркнуто в стратегии ШОС до 2025 года, принятой на саммите в Уфе в 2015 году. В этой стратегии выделяется необходимость интенсивного сотрудничества в борьбе с международными террористическими организациями, особенно в контексте противодействия вовлечению граждан стран-членов ШОС в террористические и экстремистские группировки.

Основная цель стратегии заключается в эффективном взаимодействии государств-членов для пресечения потоков перемещения лиц, прошедших террористическую подготовку, и выявления тех, кто вернулся после участия в деятельности международных террористических группировок. Региональный антитеррористический структурный подразделение ШОС, ПАТС, играет ключевую роль в этом процессе, занимаясь созданием специализированных баз данных и «Единого розыскного реестра», который включает в себя ин-

формацию о лицах, объявленных в международный розыск по подозрению в террористической деятельности.

РАТС также активно участвует в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, содействует научному сотрудничеству и обмену опытом в сфере борьбы с международным терроризмом. С 2013 года РАТС проводит научно-практические конференции, участие в которых принимают не только государства-члены ШОС, но и региональные и международные организации.

Кроме того, ШОС регулярно проводит антитеррористические учения, включая специализированные мероприятия под эгидой РАТС, миротворческие миссии и совместные пограничные операции. Эти учения охватывают различные аспекты, от логистики до управления и контроля антитеррористических действий.

Важной составляющей многостороннего сотрудничества является и деятельность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Основная миссия ОДКБ - создание системы коллективной безопасности для защиты территориальной целостности и суверенитета её членов. В рамках ОДКБ осуществляется совместная охрана границ, военно-экономическое сотрудничество и повышение обороноспособности стран-участниц [3].

С течением времени ОДКБ расширила свою политическую роль, приспособившись к новым вызовам, таким как терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик и угрозы внутренних нестабильностей. Ключевыми элементами реализации стратегии коллективной безопасности стали Коллективные силы оперативного реагирования и Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона, которые регулярно проводят совместные учения, направленные на повышение координации и эффективности совместных действий. Анализ деятельности ОДКБ и ШОС в области региональной безопасности и борьбы с трансграничными угрозами показывает, что эти организации сталкиваются с рядом сложных вызовов и проблем.

Основной проблемой ОДКБ является недостаточная эффективность при реагировании на кризисные ситуации в регионе. Примером этого служит государственный переворот в Киргизии в 2010 году, когда ОДКБ не смогла предпринять эффективные действия. Это подчеркивает ограничения, связанные с принципом невмешательства во внутренние дела государств-членов, а также различия в политических интересах и стратегиях отдельных стран.

Однако в области борьбы с наркотрафиком, ОДКБ демонстрирует большую активность и результативность. Операции, такие как «Канал» и «Канал-Неман», показали существенные успехи в пресечении незаконного оборота наркотиков, изъятии крупных партий наркотических средств и ликвидации наркотрафиков. Это указывает на эффективность сотрудничества стран-членов в конкретных направлениях, таких как борьба с наркотрафиком.

Также стоит отметить, что вопреки критике, ОДКБ и ШОС демонстрируют важную роль в региональной стабилизации и безопасности. ШОС, в частности, активно работает над противодействием терроризму и экстремизму, создавая механизмы для обмена разведывательной информацией и координации действий в экстренных ситуациях. Это подчеркивает важность многосторонних платформ для обеспечения безопасности в регионе [5].

Коллективные силы быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР ЦАР) объединяют 5 тысяч военнослужащих из Киргизии, Таджикистана, Казахстана и России. Они сосредоточены на предотвращении пограничных столкновений и военных конфликтов в назначенном регионе. В отличие от КСБР ЦАР, Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) ориентированы на борьбу с терроризмом и экстремизмом, включая в свой состав спецподразделения.

С 2018 года в ОДКБ активно разрабатывается проект по созданию Единой объединённой системы противоздушной и противоракетной обороны. Однако на практике коллективные силы ОДКБ не применялись для решения кризисов, вызывая критику относительно отсутствия эффек-

тивных механизмов коллективной безопасности. Это связано с неоднородностью политических позиций и отсутствием единой значимой угрозы, которая могла бы сплотить членов организации [1].

Государственный переворот в Киргизии в 2010 году выявил недостатки в действиях ОДКБ, поскольку организация не вмешалась в конфликт, сославшись на принцип невмешательства. Это произошло несмотря на этнополитическую напряжённость и потенциальную угрозу дестабилизации в Центрально-Азиатском регионе.

ОДКБ также сталкивается с проблемой отсутствия единой системы противоздушной и противоракетной обороны, что снижает эффективность реагирования на конфликтные ситуации. Несмотря на демонстрацию потенциала на учениях, КСОР пока не были проверены в реальных условиях.

Особое внимание в деятельности ОДКБ уделяется борьбе с наркотрафиком, основным источником финансирования террористических группировок в регионе. Регион находится в зоне «Северного маршрута» афганского наркотрафика и близок к маршрутам из Ирана и Турции. Важной частью усилий ОДКБ является Координационный совет по противодействию незаконному обороту наркотиков, который занимается улучшением законодательства и координацией действий государств-членов.

Операция «Канал», начатая в 2008 году, является ключевым элементом в борьбе с наркотрафиком. Она направлена на пресечение транзита наркотиков с территории Афганистана и разрушение экономических основ наркобизнеса, включая финансирование террористических структур. В ходе операции используются различные методы, включая контролируемые поставки, служебно-розыскные собаки и специальная техника.

В 2022 году также была проведена операция «Канал-Неман», в рамках которой изъято значительное количество наркотиков, разоблачены наркотрафикеры и выявлены сайты, через которые осуществлялась продажа наркотиков. Операция «ПРОКСИ», направленная на пресечение преступлений в сфере информационных технологий и противодействие продаже наркотиков через Интернет, также является важной частью антинаркотических усилий ОДКБ.

ОДКБ активно работает над укреплением межгосударственного сотрудничества и координации действий в борьбе с современными угрозами, включая наркотрафик и киберпреступность, хотя её действия в других областях, таких как коллективная безопасность, остаются предметом дискуссий и критики.

Приставленный библиографический список

1. Василенко В. И., Василенко В. В., Потеенко А. Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности. Политико-правовой аспект. Монография. – М.: Проспект, 2018. – 192 с.
2. Дикарев А. Д., Лукин А. В. Камень в фундаменте российско-китайской дружбы. Сборник научных трудов памяти Алексея Федоровича Мочульского. – М., 2018. – 301 с.
3. Баранов А. Ю. ШОС и политика США в Центральной Азии. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 164 с.
4. Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС. Модели регионализма в сфере безопасности. – М.: Навона, 2009. – 200 с.
5. Василенко В. И., Василенко В. В., Потеенко А. Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). – М.: Проспект, 2014. – 192 с.

ТОЛБОВА АЙША РИЗВАНОВНА

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, Махачкала

ВАГАБОВА ДИАНА ВАЛЕРЬЕВНА

студент 2 курса направления Правового обеспечения национальной безопасности кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Дагестанского государственного университета, Махачкала

СВЕДЕНИЯ, ОТНЕСЕННЫЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ: ПОНЯТИЕ И ПЕРЕЧЕНЬ

В данной научной статье исследуется понятие государственной тайны и ее роль в современном мире. Автор проводит анализ перечня сведений, которые относятся к государственной тайне, и выделяет основные категории таких сведений. Также рассматриваются современные вызовы, связанные с определением и защитой государственной тайны, включая проблемы конфиденциальности в эпоху цифровой информации. В заключении предлагаются рекомендации по дальнейшему развитию политики в области государственной тайны.

Ключевые слова: государственная тайна, сведения о государственной тайне, понятие государственной тайны, перечень государственной тайны.

TOLBOEVA Aisha Rizvanovna

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

VAGABOVA Diana Valerjevna

student of the 2nd course of the direction of Legal Support of National Security of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

INFORMATION CLASSIFIED AS A STATE SECRET: THE CONCEPT AND LIST

This scientific article explores the concept of state secrets and its role in the modern world. The author analyzes the list of information that relates to state secrets and identifies the main categories of such information. Modern challenges related to the definition and protection of state secrets, including privacy issues in the era of digital information, are also considered. In conclusion, recommendations are proposed for the further development of the policy in the field of state secrets.

Keywords: state secret, information about state secrets, the concept of state secrets, list of state secrets.

Понятие государственной тайны является одним из важнейших институтов современного государства. Оно позволяет государству обеспечивать свою безопасность, защищать интересы государства и общества от угроз внешней и внутренней безопасности. В то же время, определение государственной тайны и ее перечень являются сложной задачей, требующей сбалансированного подхода, чтобы избежать злоупотреблений и сохранить принципы прозрачности и открытости.

Затрудняет поиск всего объема сведений, подпадающих под государственную тайну и тот факт, что подавляющий правовой массив нормативных актов находится под грифом секретности, ввиду важности и специфики исследуемой категории. Анализ открытых законодательных источников позволил нам сделать вывод о том, что в основном законе о государственной тайне имеются самые важные, основные направления сведений, необходимых засекретить. Прерогатива развертывания перечня сведений лежит на государственных органах, непосредственно полномочных вести деятельность, связанную с той или иной конфиденциальной сферой.

Таким образом, развернутый перечень сведений, относящихся к государственной тайне, готовится экспертной комиссией соответствующего полномочного органа государственной власти, после чего проект на утверждение передается межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Апробированный проект перечня сведений утверждается указом Президента Российской Федерации. В конечном итоге, актуальным источником сведений, отнесенных к государственной тайне, служит именно этот указ.

1. Понятие государственной тайны

Государственная тайна — это категория информации, которая является секретной и важной для государства, а разглашение этой информации может нанести ущерб национальным интересам и безопасности. Понятие государственной тайны различается от страны к стране, так как каждое государство имеет свои собственные интересы и уровень конфиденциальности, который требуется соблюдать.

2. Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне

Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, включает различные категории информации, которые охраняются государством. К таким сведениям относятся:

– Сведения о национальной безопасности, включая военные секреты, информацию об оружии массового поражения и военных операциях.

– Сведения об экономической безопасности, включая информацию о финансовых операциях и торговых секретах.

– Информация о государственной политике, включая международные договоры и переговоры.

– Информация, касающаяся защиты прав и свобод граждан.

3. Современные вызовы

В современном мире существуют ряд вызовов, связанных с определением и защитой государственной тайны. Одним из них является доступ к информации в эпоху цифровых технологий. С развитием интернета и электронных коммуникаций возникли новые возможности для получения и распространения информации, что усложнило задачу государства по защите государственной тайны. Киберпреступники и хакеры находят все более умные способы взлома защищенных систем и доступа к конфиденциальной информации.

Другой проблемой является баланс между открытостью и конфиденциальностью. С одной стороны, открытость и прозрачность являются важными принципами демократических государств, которые требуют доступа к информации для общественного контроля и участия. С другой стороны, некоторая информация должна оставаться в секрете для обеспечения безопасности государства. Правильное определение государственной тайны и баланс между открытостью и конфиденциальностью - сложная задача для государственных органов.

Также немаловажной проблемой выступает низкий уровень правовой дисциплины и морали сотрудников государственных органов. Об этом говорит плачевный показатель в 66,2% количества утечки информации, составляющей государственную тайну. Утечке информации противостоит работа службы по противодействию техническим разведкам иностранных государств, однако недостаточно иметь мощную техническую базу защиты информации, когда имеет место безответственность должностных лиц, допущенных к государственной тайне. На наш взгляд, корнем проблемы здесь выступает низкий уровень профессионализма, морали и правосознания сотрудников государственной власти, и утечка сведений, составляющих государственную тайну связана именно с халатностью лиц, к ней допущенных.

Еще одной проблемой при изучении института государственной тайны выступает отсутствие единого кодифицированного источника, который бы закреплял полномочия федеральных органов исполнительной власти по обеспечению защиты государственной тайны. При изучении полномочий, например, Федеральной службы безопасности России по вопросам защиты государственной тайны, нам пришлось сформировать собирательный образ полномочий, исследовав при этом огромное количество нормативных, внутренних и индивидуальных актов управления. Отсутствие отражения полномочий в одном акте служит площадкой для произвола со стороны должностных лиц.

Определение и защита государственной тайны остаются актуальными вопросами. Государства должны разработать эффективную стратегию и политику в области государственной тайны, учитывая современные вызовы информационной безопасности. Это может включать укрепление киберзащиты, совершенствование законодательства о государственной тайне, а также повышение осведомленности граждан о важности сохранения конфиденциальности информации. Только так государства смогут обеспечить свою безопасность и защитить национальные интересы.

4. Рекомендации по развитию политики государственной тайны

С учетом современных вызовов и проблем государственной тайны, рекомендуется следующее:

Значение государственной тайны необходимо признавать и защищать. Она играет важную роль в обеспечении национальной безопасности и защите интересов государства. Однако, в современном мире существуют новые вызовы и проблемы, которые требуют обновления и адаптации политики государственной тайны.

Ежедневно происходит огромное количество операций с информацией, и возможность утечки данных становится все более реальной. Поэтому важно разрабатывать и внедрять новые технологии и методы защиты информации, которые будут способны предотвращать несанкционированный доступ, взломы и утечки данных.

Кроме того, контроль и мониторинг использования информации должны быть усилены, особенно в сферах, связанных с национальной безопасностью и обороной. Это поможет выявлять возможные угрозы и предотвращать потенциальные нарушения государственной тайны.

Обучение и подготовка государственных служащих играют также важную роль в эффективной защите государ-

ственной тайны. Регулярные тренинги и обучающие программы помогут повысить осведомленность о правилах и процедурах, а также о последних тенденциях и угрозах в области информационной безопасности.

Во избежание утечки государственной тайны по причине халатности государственных служащих необходимо ужесточить допуск должностных лиц к государственной тайне, о чем и приняты последние изменения в соответствующее постановление Правительства. На крайней конференции Президент Владимир Владимирович Путин выступил с предложением об усовершенствовании процедуры допуска к государственной тайне в части усложнения его получения. В связи с этим начался незамедлительный пересмотр процедуры, о чем приняты изменения, пока не вступившие в силу.

Также следует регулярно обновлять и адаптировать перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, с учетом современных угроз и вызовов. Быстро меняющаяся информационная среда требует постоянного обновления и адаптации политики государственной тайны.

Наконец, повышение осведомленности общественности о значении государственной тайны и необходимости ее защиты играет важную роль в обеспечении эффективной политики государственной тайны. Люди должны понимать, что защита информации является общегосударственной задачей и важным элементом национальной безопасности.

В целом, развитие и реализация эффективной политики государственной тайны представляют сложную задачу, требующую постоянного обновления, адаптации и совершенствования. Только так мы сможем эффективно защищать интересы государства и обеспечивать национальную безопасность.

Заключение

Государственная тайна имеет важное значение для обеспечения безопасности и интересов государства. Но в современном информационном обществе возникают новые вызовы в определении и защите государственной тайны. Необходимо разработать сбалансированный подход, который учитывает требования безопасности и прозрачности. Реализация рекомендаций по развитию политики государственной тайны позволит эффективно реагировать на современные угрозы и сохранять конфиденциальность в цифровую эпоху.

Пристатейный библиографический список

1. Закон «О государственной тайне» от 21.07.1993 г. № 5485-1(последняя редакция).
2. Указ Президента РФ от 11.08.2003 № 960 (ред. от 27.02.2023) «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 1995 г.
4. Королев А. А. Соколова С. Ю. Основы защиты информации, составляющей государственную тайну // Учебное пособие. – 2006. – С. 90-92.

ТЫЧИНИНА Екатерина Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИЩУК Анжелика Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СЕЛИНА Татьяна Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТЕПАНОВА Анна Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРИЩЕНКО Виолетта Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДИНАМИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ

В данной статье проводится анализ современных протестных движений, их влияния на политическую арену и социальную сферу. Исследуются ключевые факторы, способствующие возникновению и распространению массовых протестов, включая социально-экономические условия, роль информационных технологий и взаимодействие с международным контекстом. Отдельное внимание уделяется анализу стратегий мобилизации, а также роли молодежи в этих движениях. Статья подкреплена примерами из истории, демонстрирующими разнообразие методов и подходов к организации протестных акций, а также их последствия для общества и государства.

Ключевые слова: протестные движения, социально-политические преобразования, молодежь и активизм, информационные кампании, общественное недовольство, реформы и демократия, политический конфликт, глобальные влияния.

TYCHININA Ekaterina Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MISHCHUK Angelika Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SELINA Tatyana Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STEPANOVA Anna Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GRISHCHENKO Violetta Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DYNAMICS AND CONSEQUENCES OF MODERN PROTEST MOVEMENTS

This article analyzes modern protest movements, their impact on the political arena and the social sphere. The key factors contributing to the emergence and spread of mass protests are investigated, including socio-economic conditions, the role of information technology and interaction with the international context. Special attention is paid to the analysis of mobilization strategies, as well as the role of youth in these movements. The article is supported by historical examples demonstrating the variety of methods and approaches to organizing protest actions, as well as their consequences for society and the state.

Keywords: protest movements, socio-political transformations, youth and activism, information campaigns, public discontent, reforms and democracy, political conflict, global influences.

Протестные движения часто возникают как реакция на социально-экономическую несправедливость, коррупцию и политическое унетение. Они становятся катализатором общественных преобразований, выражая коллективные требования к справедливости и демократии. Информационные технологии играют ключевую роль в мобилизации участников и распространении информации о протестах. Социальные сети и интернет-платформы обеспечивают быстрый обмен информацией и координацию действий, что делает массовые движения более гибкими и эффективными.

Протестные движения последних лет приобретают значимость в контексте глобальных социально-политических изменений. Они характеризуются массовыми выступлениями и стремлением к преобразованию политической системы. Отличительной чертой таких движений является уникаль-

ный подход к организации и проведению протестов, целями которых не только выражение общественного недовольства, но и активное воздействие на политические процессы и властные структуры. Методы мобилизации варьируются от мирных собраний до активных форм политического влияния.

Молодежь часто становится основной движущей силой протестов. Энергичная и мотивированная, молодежь приносит новые идеи и подходы, которые могут радикально изменить характер и направление движений. Помимо уличных акций, протестные движения включают в себя разнообразные формы деятельности, от культурных мероприятий до образовательных кампаний, направленных на повышение осведомленности общественности и привлечение внимания к насущным проблемам.

Однако, помимо позитивных аспектов, протестные движения могут приводить к политической нестабильности и социальным конфликтам. В некоторых случаях, когда протесты принимают насильственный оборот, они могут привести к человеческим жертвам и разрушению. Важно понимать, что каждое протестное движение уникально и зависит от множества факторов, включая исторический, культурный и политический контекст страны.

Исследование цветных революций, с одной стороны, разоблачает влияние информационных технологий и социальных сетей на мобилизацию масс, с другой — показывает роль молодёжи как основной движущей силы этих событий. В разработке данной темы важно анализировать не только внутренние факторы, но и внешнее влияние, что открывает понимание многоуровневых процессов, стоящих за кажущейся стихийностью революционных избраний. Это исследование стремится обеспечить всесторонний анализ цветных революций, раскрывая их сложную природу и многогранные последствия для мировой политической арены.

Основная цель так называемых цветных революций заключается в реализации государственного переворота, что подразумевает силовое захватывание и удержание власти. Эти события, часто окрашенные в метафорические «цвета», нацелены на трансформацию властных структур и модификацию политического уклада страны.

Цветные революции кажутся на первый взгляд спонтанными и народными, но их отличает высокий уровень организации и иногда драматизации, напоминающей постановку. Их эффективное осуществление обычно требует двух ключевых факторов: политической нестабильности внутри государства и организованной протестной молодёжной сети.

Политическая нестабильность, может быть, как следствием накопившихся проблем внутри государства, так и результатом внешнего влияния, направленного на подрыв действующего режима. В ситуациях, когда политическая обстановка относительно стабильна, могут быть предприняты действия для искусственной дестабилизации через различные каналы, включая массовую информацию, экономические санкции и политический давление.

Организованное молодёжное движение играет роль главного инструмента давления на власти, мобилизуя массы и создавая образ прогрессивной борьбы за свободу и демократию. Однако за этими процессами зачастую стоят продуманные стратегии и технологии, разработанные специалистами в области политического консалтинга и социальных наук, которые представляют собой «экспорт демократии».

Именно эти аспекты цветных революций делают их объектом пристального анализа политологов. Существует предположение, что идеологические и методологические основы цветных революций берут своё начало из англосаксонской модели демократии, а их распространение связывают с политикой Североамериканских государств. Отсюда проистекает и предположение о наличии «североамериканского следа» в развитии подобных событий.

Анализ причинных механизмов цветных революций обнаруживает дихотомию двух главных гипотез: одна предлагает их спонтанный характер, а другая указывает на преднамеренное режиссирование этих событий. Такие гипотезы существуют параллельно и подвергаются активной научной дискуссии. Исследование каждого случая цветной революции выявляет определенные узнаваемые характеристики, которые подчеркивают присутствие определенных технологий влияния.

Рассматривая детальные признаки цветных революций, можно выделить несколько ключевых аспектов:

1. Внешнеполитический подход англосаксонских стран часто прослеживается в методологии этих событий, отражая уникальный стиль внешнеполитического воздействия этих держав.

2. Есть заметное соблюдение универсального «шаблона» развертывания революций. Эти события следуют почти идентичным этапам развития, что предполагает использование стандартизированного подхода.

3. Использование молодежных протестных движений осуществляется посредством рефлексивного управления, исторически связываемого с американскими методами влияния.

4. Возникновение лидеров революций часто происходит по схожему сценарию, который включает в себя выборку кандидатов по определенным критериям и активное их продвижение.

5. В некоторых случаях отсутствие ясно выраженной революционной идеологии может указывать на искусственность революционного процесса. Это может быть связано с несоответствием предлагаемых «западных» ценностей культурному и социальному контексту тех стран, где эти революции происходят.

В контексте использования военной силы цветные революции воспринимают ее как инструмент последней инстанции. Тем не менее, подобные события могут создавать предпосылки для последующего военного вмешательства.

Пятиэтапная модель цветной революции демонстрирует последовательное развитие событий.

Начало революции обычно связано с созданием организованного протестного движения, которое служит основным двигателем перемен.

Этот этап включает создание сети конспиративных ячеек, каждая из которых возглавляется лидером с небольшим числом активистов. Такие сети, схожие по своей структуре с организационной техникой, используемой в террористических сетях, объединяют тысячи активистов. Многие активисты проходят специальное обучение в центрах по поддержке демократизации перед тем, как занять руководящие позиции.

В теневого уголка городской жизни зарождается сеть, которая неожиданно прорывается на улицы мегаполисов, реагируя на сигнал, известный как «инцидент». Это событие, вызывающее резкий общественный отклик и часто организуемое преднамеренно, должно породить широкое общественное волнение. Основная его цель - максимально захватить внимание народа и стать предметом всенародного анализа и бурных обсуждений, что способствует распространению коллективного беспокойства и стимулирует самоорганизацию населения.

Когда инцидент возникает и привлекает общественное внимание, затаившаяся протестная сеть выходит на свет. Активисты, действующие в рамках этой сети, начинают работать как катализаторы, которые инициируют неорганизованные массовые движения, мобилизуя все большие слои общества. Такой подход увлекает людей в вихрь протеста, часто движимых страхом за собственное будущее и обострённым чувством тревоги. В результате психологическое состояние людей достигает предельной напряжённости, становясь уязвимым для массовых панических реакций и общей истерии, когда логика отступает перед инстинктивными рефлексиями. Таким образом, общество

на грани преобразуется из собрания отдельных личностей в однородную массу [4].

На следующем этапе формируется «политическая толпа». Для её сбора выбирается обширное пространство, достаточное для размещения больших масс людей, в истории известное как «майдан» или площадь [3].

Расширяя контекст, стоит отметить, что площади как места сбора больших масс людей использовались на протяжении всей истории цивилизации - от агор древнегреческих городов-государств до главных городских площадей, где происходили ключевые события во время Великой Французской революции. Современные средства коммуникации, включая социальные сети и «твиттерные революции», лишь усиливают возможности для конфликтной мобилизации, создавая условия для быстрого распространения идеологии и координации действий протестующих на новом, беспрецедентном уровне.

По своей сути, цветные революции олицетворяют собой не только стремление к изменениям в политической сфере, но и культурное и технологическое преобразование в обществе.

В научных исследованиях протестных движений и цветных революций можно увидеть повторяющийся паттерн, где динамика событий часто зависит от уровня информированности и активности населения. С ростом доступности информации и коммуникаций, в частности благодаря интернету и социальным сетям, становится возможным мгновенное распространение идеологии и мобилизация массовых движений. Например, исследования показывают, что т.н. «Арабская весна», начавшаяся в конце 2010 года, была в значительной степени подогрета возможностями социальных сетей.

Другим ключевым моментом является роль молодежи в этих процессах. Из-за высокого уровня безработицы среди молодежи и низкого качества жизни, молодые люди часто становятся движущей силой протестов. Например, во время Революции роз в Грузии в 2003 году и Оранжевой революции на Украине в 2004 году, молодежные организации играли ведущую роль в мобилизации общественного недовольства и организации массовых акций.

Не стоит забывать об экономических аспектах. Экономические сложности и коррупция во властных структурах часто становятся катализатором для возникновения протестных настроений. В случае с «Революцией достоинства» в Украине 2013–2014 годов, проблемы с политической коррупцией и ухудшение экономического положения населения способствовали разжиганию протестных настроений [1].

Также стоит учитывать международное измерение цветных революций. Зачастую внешние силы могут оказывать влияние на развитие событий, предоставляя поддержку определенным политическим группам или даже способствуя распространению протестной идеологии. Это подчёркивает глобализированный характер современной политики, где границы между внутренней и внешней политикой стираются.

Цветные революции, хотя и разнообразны по географическому и культурному контексту, демонстрируют сходство в тактиках и стратегиях. Примеры таких революций включают «Розовую революцию» в Грузии (2003), «Оранжевую революцию» на Украине (2004–2005) и «Тюльпановую революцию» в Киргизии (2005). В каждом из этих случаев, массовые протесты организовывались с акцентом на коррупцию, нарушения

в выборных процессах и нарушение демократических принципов.

Помимо политической сферы, цветные революции имеют значительное влияние на социальные структуры. Исследования показывают, что активное участие в протестах часто способствует формированию гражданской идентичности и укреплению гражданского общества. Однако, такое же исследование может выявить и негативные аспекты, такие как рост социального недовольства и поляризацию общества.

В контексте использования сетевых принципов интерес представляет сравнение цветных революций с тем, как организованы современные террористические сети. Оба вида сетей используют децентрализованную модель управления, которая обеспечивает гибкость и устойчивость перед лицом внешнего давления и репрессий.

Медиатехнологии также сыграли ключевую роль в организации цветных революций. Согласно исследованиям Pew Research Center, рост доступа к интернету и социальным медиа в начале 2000-х годов совпал с возникновением массовых протестных движений, что указывает на значительную роль цифровых платформ в мобилизации и координации протестов.

Пристатейный библиографический список

1. Виноградова Е. А. Информационные войны в Латинской Америке // Тренды и управление. – 2014. – № 4. – С. 372-384.
2. Курилкин А. В. Эволюционное развитие психологической борьбы: от пропаганды к психологическим операциям // Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 472-474.
3. Петренко А. И. Теоретические основы организации противодействия использованию арсенала сил, средств и методов информационно-психологической войны в политических целях // Тренды и управление. – 2014. – № 2. – С. 154-167.
4. Карпович О. Г. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России // Национальная безопасность / Nota bene. – 2015. – № 1. – С. 73-87.
5. McFaul M. "Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution." // International Security. – 2007. – Vol. 32. – № 2. – P. 45-83.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-710-711

ЯНГУРАЗОВА Земфира Ахметовна

доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры экологии и безопасности жизнедеятельности Института природы и человека Уфимского университета науки и технологий

НУРУТДИНОВ Азамат Анварович

кандидат технических наук, доцент кафедры безопасности производства и промышленной экологии Института химии и защиты в чрезвычайных ситуациях Уфимского университета науки и технологий; доцент кафедры управления качеством в производственно-технологических системах Челябинского государственного университета

ЩЕРБАКОВ Андрей Тимофеевич

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЪЕКТОВ НЕФТЕХИМИИ

Нефтехимический процесс представляет собой процесс с высоким риском и сопровождается возможностью аварий, рисков, а иногда и катастроф, поэтому обеспечение безопасности и предотвращение рисков всегда были ключевыми вопросами в нефтехимической отрасли. Объект исследования – нефтехимическая отрасль. Предмет исследования – промышленная безопасность. В данной статье исследуется вопрос технологий безопасности процессов нефтехимического производства, представлены основные риски промышленной безопасности. Также в данной статье систематически обобщаются технические проблемы и проблемы в аспектах технологий безопасности нефтехимических производств, что помогает выявить существующие недостатки и определить идеи для дальнейшего развития. Аргументируется, что объекты нефтехимии должны иметь надежные системы контроля безопасности на местах, обучать персонал безопасным методам работы и готово и эффективно реагировать на инциденты.

Ключевые слова: нефтехимия, национальная экономика, требование промышленной безопасности, опасность, риск.

YANGURAZOVA Zemfira Akhmetovna

Ph.D. in biological sciences, professor, professor of Ecology and life safety sub-faculty of the Institute of Nature and Man of the Ufa University of Science and Technology

NURUTDINOV Azamat Anvarovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Industrial safety and industrial ecology sub-faculty of the Institute of Chemistry and Emergency Protection of the Ufa University of Science and Technology; associate professor of Quality management in production and technological systems sub-faculty of the Chelyabinsk State University

SHCHERBAKOV Andrey Timofeevich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

INDUSTRIAL SAFETY OF PETROCHEMICAL FACILITIES

The petrochemical process is a high-risk process with the potential for accidents, risks and sometimes catastrophes, so safety and risk prevention have always been key issues in the petrochemical industry. The object of study is the petrochemical industry. The subject of the research is industrial safety. This article examines the issue of safety technologies for petrochemical production processes and presents the main industrial safety risks. This article also systematically summarizes the technical problems and problems in the safety technology aspects of petrochemical production, which helps to identify existing shortcomings and identify ideas for further development. It is argued that petrochemical facilities must have reliable on-site safety monitoring systems, train personnel in safe work practices, and be prepared and effective to respond to incidents.

Keywords: petrochemistry, national economy, industrial safety requirements, danger, risk.

Введение

Крекинг сырой нефти или природного газа стал основой нефтехимической промышленности, занимая значительный сектор национальной экономики, так как данный процесс позволяет получать ценные продукты для национальной промышленности, такие как: ацетилен, бензол, метан, этан, пропан и водород, которые находят широкое применение в различных областях. С учетом растущего спроса на полимеры, мировой рынок нефтехимии оказывается в постоянном геополитическом напряжении, часто не удовлетворяя существующие потребности, что приводит к интенсификации производства со снижением требований к промышленной безопасности. Прогнозируется, что к 2025 году объем мирового рынка нефтехимической продукции достигнет 958,8 миллиардов долларов США, а годовой темп роста составит 8,5% [1]. Эта промышленность неотъемлемо влияет на повседневную жизнь, поскольку ее продукция используется для производства бензина, косметики, моющих средств, удобрений, синтетических тканей, асфальта и пластмасс.

Нефтехимия как отрасль хозяйствования также вызывает значительное беспокойство из-за его потенциального негативного воздействия на окружающую среду и здоровье человека, технологические опасности включают различные риски, такие как утечки, разливы, аварии, атмосферный дефицит кислорода, химические опасности, пожары, взрывы и шум. Для

минимизации этих опасностей необходимо использование систем непрерывного и систематического управления промышленной безопасностью представляется крайне важным, такой подход позволяет выявлять опасности, анализировать связанные с ними риски и обеспечить безопасную рабочую среду для сотрудников.

Основная часть

В контексте безопасности и здоровья в нефтехимической промышленности, планирование должно охватывать протоколы предупреждения и контроля физических, химических, биологических и радиологических опасностей: «Основной документ в области обеспечения безопасности опасных производственных объектов – это Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Именно он содержит основные требования промышленной безопасности, а в приложениях содержится классификация опасных производственных объектов» [2, с. 227-228]. Прежде чем начинать эксплуатацию объекта нефтехимии важно провести всесторонний анализ рисков, такой как исследование выявления опасностей (англ. HAZID), количественная оценка риска (англ. QRA) и т. д.

На нефтеперерабатывающих и нефтехимических объектах основными рисками промышленной безопасности является прежде всего возгорание и источники возгорания, это:

- Электрические дуги и искры.
- Фрикционные искры.
- Горячие поверхности.
- Сварочные работы.
- Окурки от сигарет.
- Статические разряды.
- Неправильное обращение с батареями.
- Термитное действие.
- Пирофорные реакции, возникающие при контакте натрия с водой.
- Химические реакции.
- Механические искры.
- Удары молний.
- Выхлопы двигателей внутреннего сгорания.

Стандартные процедуры обращения с опасными материалами должны включать отключение всех электротехнических работ в случае разлива легковоспламеняющихся веществ, использование защитного оборудования и ресурсов, а также управление эвакуацией, также важно следить за процедурами управления изменениями в операциях. Установка противопожарных/взрывоопасных перегородок в зонах, где возможны случайные выбросы легковоспламеняющихся жидкостей, а также осведомленность о специальных мерах экстренной помощи в случае заражения человека химическими веществами, также играют ключевую роль в обеспечении промышленной безопасности объектов нефтехимии: «Опасность, приводящую к загрязнению природной среды, поражению людей токсичными веществами при взрывах и пожарах, к возникновению хронических профессиональных заболеваний, правомернее и логичнее было бы называть токсической опасностью, вычленив ее из других видов химической опасности» [3, с. 138]. Нефтехимические вещества, такие как нафтен и бензол, играют важную роль в органической химии, используя в производстве удобрений, пестицидов и промышленных растворителей, хотя эти химические вещества имеют свою полезность и могут быть безопасными при правильном обращении, нарушение условий их хранения может привести к выбросу летучих и легковоспламеняющихся веществ, которые могут подвергнуться быстрому возгоранию при очень высоких температурах. Предоставление систем раннего предупреждения, таких как контроль давления в системах транспортировки газа и жидкости, а также детекторы дыма и тепла, является важным компонентом промышленной безопасности. Регулярная проверка механической целостности технологического оборудования и инженерных коммуникаций несет в себе превентивную значимость. Обучение персонала, включая простые тренинги по технике безопасности и использованию средств индивидуальной защиты при работе с нефтехимическими продуктами, также играет важную роль в обеспечении безопасности.

Стандартные процедуры обращения с опасными материалами включают отключение всей электротехники в случае разлива легковоспламеняющихся веществ, использование защитного оборудования и других ресурсов для ограничения разлива и организацию эвакуации для обеспечения безопасности всех находящихся в зоне риска: «Говоря о совершенствовании законодательной и нормативной базы, заместитель руководителя Ростехнадзора отметил, что в России приняты и продолжают разрабатываться нормативные акты, ужесточающие ответственность за ненадлежащее использование недр и связанные с этим другие нарушения» [4, с. 18].

Обучение сотрудников правилам безопасности при обращении с этими химическими веществами во время нормальной работы обязательно, необходимо обучить всех работников тому, как действовать в случае аварийной ситуации. Поскольку многие нефтехимические продукты могут привести к ожогам кожи или повреждению глаз, все работники, имеющие дело с такими продуктами, должны быть осведомлены о специальных мерах неотложной помощи при контакте с химикатами, также важно также обучить сотрудников, чтобы они знали ближайшие места для экстренной мойки, а также научить их минимизировать возможный ущерб, например, обильным промыванием кожи или глаз большим количеством воды, и, в случае вдыхания, проветриванием пострадавшего помещения.

Стандартные требования безопасности в области пожарной защиты включают множество аспектов, начиная от планировки и расстояния до применения средств спасения: промышленные объекты стремятся к адекватной планировке и определению расстояний, чтобы ограничить возможные поте-

ри от техногенной опасности. Различные типы материалов и химикатов, используемых в процессах, имеют решающее значение при определении конструкций объекта нефтехимии. Нефтехимические предприятия должны учитывать тепловые характеристики химических реакций, что важно для правильного размера и функционирования труб, насосов, компрессоров и сопутствующего оборудования, способного работать при различных давлениях. Функциональные дренажные системы необходимы для предотвращения случайных разливов легковоспламеняющихся материалов, а также для предотвращения плавления или распространения выброшенных химикатов. Эффективный способ тушения пожара заключается в удалении источника топлива из зоны возгорания, что часто достигается с помощью запорных клапанов, которые могут быть активированы вручную или электрически. Наличие регулярной проверки и обслуживания запасных выходов — это стандартная процедура, обеспечивающая безопасный доступ для служб быстрого реагирования и эвакуации.

Информационные кампании по реагированию на чрезвычайные ситуации и учения помогают подготовить персонал к возможным сценариям пожаров. Они также помогают определить требования безопасности и провести качественную оценку рисков, включая создание возможных сценариев пожара. Таким образом, стандартные требования промышленной безопасности на нефтехимических объектах представляют собой комплексный подход, основанный на опыте и критическом анализе, и направлен на обеспечение безопасности персонала и оборудования. Правильный комплект оборудования играет ключевую роль в решении таких задач, как:

- Остановки/ремонт
- Ремонт и обслуживание
- Инспекции
- Портативное освещение с улучшенной яркостью, широким охватом света и общей экономией.
- Портативное распределение мощности из различных конфигураций и практические аспекты, включая амортизирующие свойства и полную защиту предохранителями.
- Портативная взрывоопасная вентиляция: правильно сконструированная система вентиляции способна преобразовать неблагоприятную и опасную среду в безопасное рабочее место при работе в опасных зонах, требуется наличие фильтров и воздухопроводов для обеспечения повышенной безопасности и эффективности рабочего процесса.
- Портативный взрывобезопасный обогрев: качественное оборудование для обогрева, сертифицированное на предмет взрывозащиты, является необходимым для поддержания эффективной работы и снижения риска поломки оборудования, защищая компрессоры, трубопроводы и насосы, а также обеспечивая удобство установки и эксплуатации.

Заключение

Безопасность имеет первостепенное значение на нефтехимическом предприятии, поскольку обращение с небезопасными материалами и технологиями может представлять огромный риск для сотрудников и окружающей среды. Объекты нефтехимии должны иметь надежные системы контроля безопасности на местах, обучать персонал безопасным методам работы и готово и эффективно реагировать на инциденты.

Пристатейный библиографический список

1. Global Petrochemicals Market - Growth, Trends, and Forecasts (2023-2028).
2. Кулаков П. А., Шишкина А. Ф., Карасев Е. М. Управление функционированием объектов нефтехимии на основе менеджмента риска // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 227. – EDN TGQEYZ.
3. Кирсанов В. В. К вопросу о систематизации и конкретизации профилактической работы по повышению уровня промышленной безопасности предприятий нефтехимического комплекса // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16. № 24. – С. 138-142. – EDN RSAZDB.
4. Аношин Е. А., Пиляев Н. А. Промышленная безопасность объектов нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности // Безопасность труда в промышленности. – 2007. – № 9. – С. 17-18. – EDN JTLORJ.

ВЛАДИМИРОВ Сергей Константинович

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

КАМАЛЕТДИНОВ Рустам Рифгатович

магистрант Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Стерлитамаке

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В данной статье проанализирована необходимость модернизации российского технического образования для подготовки специалистов, способных осуществлять профессиональные контакты на иностранном языке в различных сферах и ситуациях. Авторы рассмотрели цель обучения иностранным языкам в технических вузах, заключающуюся в достижении уровня, достаточного для практического использования иностранного языка в профессиональной деятельности. Согласно статье для повышения эффективности учебного процесса преподавателям следует разрабатывать новые организационные формы и методические приемы. Акцент сделан на двунаправленном образовательном подходе. Кроме того, исследованы два подхода: английский для конкретных целей и интегрированное обучение. В статье представлены возможные пути оптимизации и модернизации методики обучения иностранным языкам. Большое внимание уделяется процессу интеграции иноязычного и профессионального компонентов, необходимых для формирования конкурентоспособной модели выпускника-специалиста на мировом рынке труда. Делается вывод, что новый подход к выбору содержания обучения предполагает профессионально-ориентированное преподавание иностранного языка.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, учебный процесс, методика обучения, профессионально-ориентированное преподавание, конкурентоспособность.

VLADIMIROV Sergey Konstantinovich

magister student, Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University in Sterlitamak

KAMALETDINOV Rustam Rifgatovich

magister student, Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University in Sterlitamak

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technology and Engineering of the Ufa State Petroleum Technological University in Sterlitamak

PROFESSIONALLY ORIENTED TEACHING OF A FOREIGN LANGUAGE IN A TECHNICAL UNIVERSITY

The article analyzes the need of modernization of Russian technical education for training specialists who are able to carry out professional contacts in a foreign language in various fields and situations. The authors considered the purpose of teaching foreign languages in technical universities. It is to achieve a level sufficient for the practical use of a foreign language in professional activities. According to the article, in order to increase the effectiveness of the educational process, teachers should develop new organizational forms and methodological techniques. The emphasis is on a bidirectional educational approach. In addition two approaches have been investigated: English for specific purposes and integrated content language teaching. The article presents possible ways to optimize and modernize the methodology of teaching foreign languages. Much attention is paid to the process of integration of foreign language and professional components necessary for the formation of a competitive graduate-specialist model in the global labor market. It is concluded that a new approach to choosing the content of education involves professionally-oriented teaching of a foreign language.

Keywords: professional activity, educational process, teaching methods, professionally-oriented teaching, competitiveness.

Основная цель современного высшего образования – вырастить многоплановую творческую личность, целостно воспринимающую мир, способную активно участвовать в профессиональной и социальной сферах, обеспечивающую динамичное и устойчивое развитие человечества, в отличие от узкоквалифицированных специалистов.

Расширение международных связей между отраслями и отдельными предприятиями, все более широкое использование в практике предприятий импортного оборудования и зарубежных технологий позволяет говорить о возрастающей роли языковой подготовки в процессе формирования специалиста. Специалисты всех уровней должны быть профессионально мобильны, обладая, с одной стороны, глубокими профессиональными знаниями, а

с другой стороны, осознавая необходимость постоянного их совершенствования.

Все вышеуказанное требует подготовки специалистов, владеющих не только специальными знаниями, но и дополнительными знаниями, которые в современных условиях развития общества приобретают общекультурный характер. Это обеспечивает его конкурентоспособность на рынке труда, возможность занять престижную и высокооплачиваемую должность. Поэтому одним из требований к выпускнику любого уровня является наличие специальной иноязычной подготовки - его владение иностранным языком в пределах, определяемых коммуникативными потребностями его будущей профессиональной деятельности. Давыдов В. В. Утверждал: «если студенты овладевают иностранным языком как

средством общей культуры, то они быстрее и эффективнее овладевают языком как средством профессиональной культуры» [1].

Главной задачей иноязычной подготовки специалиста в профессиональной школе является развитие его коммуникативных способностей, то есть обучение языку как реальному средству межкультурного общения, причем общения, как в письменной, так и в форме прямой устной речи. Цель иноязычной подготовки студентов двусторонняя: с одной стороны, это общекультурное развитие личности, а с другой — профессиональное развитие, чтобы студент мог стать профессионалом. Будущий специалист, вне зависимости от особенностей своей специальности, должен уметь правильно понимать и использовать любой вид информации, будь то грамотное оформление документов или ознакомление с некоторыми техническими особенностями оборудования, его установкой и эксплуатацией. Соответственно, вуз должен выполнять задачи по подготовке специалистов, способных эффективно решать задачи, связанные со знанием иностранного языка в профессиональной деятельности. Это зависит от уровня подготовки специалиста, от установления оптимальных связей между субъектами профессионально-гуманитарного цикла.

Образовательные учреждения переориентируются на подготовку кадров с учетом потребностей регионов, в которых они расположены, реализуя принцип регионализации профессионального образования, что означает для них, прежде всего, переход от подготовки квалифицированных кадров относительно узкого круга специальностей к подготовке специалистов с профессиональной мобильностью. Которые обеспечивают способность к быстрой адаптации в условиях непрерывного информационного потока, постоянного обновления техники и технологий, повсеместной компьютеризации производства, совершенствования организации труда и развития социально-культурной сферы.

Целью обучения иностранным языкам в технических вузах является достижение высокого уровня для практического использования их в будущей профессиональной деятельности. Владение иностранным языком является лишь одним из аспектов профессионально направленного преподавания предмета. Иностранный язык расширяет понятие профессиональной направленности, предусматривая профессиональную направленность содержания учебных материалов, деятельности, включающей методы, формирующие профессиональные умения. Профессиональная направленность деятельности требует:

1) интеграции дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими дисциплинами;

2) перед преподавателем иностранного языка поставить задачу обучения будущего специалиста на основе межпредметных связей;

3) использование комбинированных методов обучения [2].

Помимо глубоких знаний по специальным дисциплинам, современным техническим специалистам необходим опыт работы на компьютере, развитые коммуникативные навыки, высокий уровень владения иностранным языком. Реализация воспитательной функции иностранного языка в высшей технической школе открывает перед будущими инженерами возможность получения необходимой профессиональной информации не только из отечественных, но и зарубежных источников, что особенно важно для формирования их профессиональной компетентности.

Иностранный язык также имеет значительные возможности для развития восприятия, памяти, воли и др.

В настоящее время в связи с появлением новых носителей международной информации и методов ее обработки специалистам различных областей приходится оптимизировать соотношение между отечественными и зарубежными информационными потоками по экономическим и энергетическим показателям. Задания данного типа являются основой для развития иноязычной речевой деятельности выпускников любого неязыкового вуза.

Согласно Г. В. Абрамовичу «Коммуникативная компетентность это мера вовлеченности человека в коммуникативную деятельность» [3]. При таком подходе новая парадигма высшего образования принимается как культуроразвивающий, культурно-творческий процесс.

Так, при культуроцентрическом подходе ключевыми принципами в подготовке специалиста являются принципы гуманитаризации, комплексности, целостности и интеграции. Следует особо подчеркнуть значение общей культуры личности, которая, по нашему глубокому убеждению, является профессиональной основой подготовки любого специалиста.

Активное владение профессиональным иностранным языком рассматривается как полноценный компонент профессиональной подготовки будущих специалистов, составная часть их квалификации, направленная на формирование профессиональных и универсальных компетенций специалиста. В.В. Давыдов считал: «Это основа для формирования профессиональных (общепрофессиональных) компетенций, которые определяются совокупностью знаний, умений, профессионально-личностных качеств, необходимых любому специалисту для реализации его профессиональной деятельности» [1].

Анализ задач профессиональной деятельности будущего инженера позволил построить схему обучения иностранному языку с учетом следующих положений:

– определение коммуникативных признаков для большинства типов текстов по специальности и средств выражения этих признаков, т.е. коммуникативных моделей;

– определение коммуникативных признаков устной речи и средств выражения этих признаков;

– сравнение этих средств выразительности и подбор моделей для их пассивной и активной тренировки;

– определение наиболее полного перечня коммуникативных признаков и моделей устной речи по изучаемой специальности и разработка системы упражнений для их активной тренировки;

– анализ различных коммуникативно-ориентированных типов текстов по специальности, отбор отдельных типов текстов для учебных целей, определение их основных коммуникативных признаков, моделей и разработка эффективной системы упражнений для тренировки выбранных структурных единиц;

– создание «базы предварительных знаний» для развития речевых навыков и умений, то есть подбор и тренировка словообразовательных, лексических и грамматических структур, необходимых для чтения, аудирования и говорения;

– устное общение от монолога к диалогу и, наоборот, с использованием задач и игр проблемно-поискового характера.

При развитии навыков устной речи на иностранном языке по специальности необходимо помнить, что ее монологическая составляющая не уступает диалогической. Поэтому при обучении следует переходить к увеличению объема монологической реплики в диалоге, а затем к чисто монологическим формам устной речи.

При работе над текстом, как основной учебной единицей в обучении иностранному языку, необходимо учить учащихся определять основную тему текста и его логическую структуру, то есть распределение элементов «тема-тема», что является основой акта общения по специальности. Главное, уметь потом правильно задать вопрос (логически и грамматически) и ответить на поставленный вопрос, то есть уловить и поддержать беседу, запомнить основные проблемы и логику их изложения [4].

Дальнейшая работа в этом направлении будет осуществляться через разработку форм, методов, приемов и средств развития профессионально значимых качеств на уроках английского языка на основе реализации межпредметных связей в специальных дисциплинах, моделирования возможных ситуаций личностного и профессионального общения.

Изучая анализ Э. Р. Латыповой, можно сделать вывод, что в результате процесса глобализации и информатизации в профессиональной сфере ценятся специалисты, свободно

владеющие одним или несколькими иностранными языками. Для того чтобы специалисты были участниками мирового делового и научного сообщества, необходимо наладить процесс интеграции профильных дисциплин и иностранных языков в высшее образование [5].

В результате развития теории коммуникативного обучения это направление меняется в сторону формирования творческой и активной личности, привлечения специальных знаний и умений, способствующих его профессиональному развитию в различных областях науки.

Следует отметить, что коммуникативность и проблемность определяются как основные принципы профессионально-ориентированного образования [6]. При этом развивается теория развития психической деятельности в ситуации повторного общения и теория развития личности в условиях речевой деятельности, принцип общения. Создаваемые в процессе обучения условия для коллективного общения (научного, профессионального, воспитательного) обеспечивают формирование социальных, профессиональных, управленческих способностей и компетенций будущих специалистов [7].

Содержание темы и контекстуальный подход, относящиеся к разряду понятий обучения профессионально ориентированному чтению, играют существенную роль в выборе содержательной стороны текстов, играющих существенную роль в приобретении новых научно-технических знаний студентов [7].

Теория контекстного обучения рассматривается как форма активного обучения, предназначенная для использования в высшей школе и направленная на профессиональную подготовку студентов. В соответствии с этой теорией обучение должно осуществляться посредством систематического использования профессионального контекста [8]. В связи с профессионально ориентированным обучением чтению на иностранных языках в то же время большое значение имеет контекстуальный подход к обучению лексическим, грамматическим, фонетическим навыкам. В этой системе обучения на первом месте должно стоять содержание текста, а на втором – языковая форма.

Койл Д., Деппелер Дж., Лореман Т., Смит Р. и Флориан Л. рассматривают иностранный язык как профессионально значимую дисциплину, имеющую средства формирования профессиональных способностей обучающихся. Так, предлагается объединить дисциплину «Иностранный язык» с профилирующими дисциплинами в концепции профессионально-ориентированной подготовки. Иными словами, в профессионально-ориентированной подготовке ставится задача активно и на основе этих связей осуществлять междисциплинарные связи в системе высшего образования [9].

Фундаментальные принципы интегрированного обучения по содержанию и языку основаны на таких компонентах: содержание, общение, познание, культура (содержание, общение, познавательный и культурный компоненты). Существенный компонент (содержание) является его основой. Обучение языку ориентируется на знание учащимися лексических и грамматических компонентов. Описано, что когнитивный компонент означает создание эффективной учебной среды, способствующей развитию познавательных способностей учащихся.

Таким образом, сходств рассматриваемых подходов много, и они хорошо понятны через уровни своих принципов.

Различия между рассмотренными подходами заключаются в следующем: 1) в целеполагании; 2) в характере совместной деятельности преподавателей профильных дисциплин и иностранных языков; 3) при организации учебного процесса: предпочтение отдается сначала формированию языковой и речевой компетенции, а затем смысловой интерпретации, пониманию и обсуждению; при втором подходе обучение ведется от текста к языку (предпочтение в первую очередь отдается понятийному пониманию основного содержания текста).

Результатом формирования коммуникативной компетенции должна стать готовность будущего специалиста к та-

кому восприятию иностранной устной и письменной речи, которая была бы достаточной для формирования у него полноценной профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность – главный результат высшего образования, ее формирование должно осуществляться всеми предметами, она должна пройти все ступени образования.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что приоритетное направление системы совершенствования образования в настоящее время связано с разработкой теоретико-методических основ проектирования технологий обучения, обеспечивающих разностороннее развитие иноязычных коммуникативных навыков обучающихся, а также их способность быстро и эффективно обрабатывать информацию на иностранном языке эффективными способами и средствами. Все это определяет воспитание новых личностных качеств, активной жизненной позиции, рационального отношения к окружающему миру, развитие как коммуникативной компетентности, так и профессионального мышления и мировоззрения учащихся.

Система подготовки специалистов в неязыковом вузе должна соответствовать складывающимся общественным отношениям, формировать у студентов способность адаптироваться к меняющимся экономическим и обновляющимся профессиональным информационным процессам, самостоятельно и творчески решать профессиональные и коммуникативные задачи. Этого можно достичь в результате реформирования системы образования в целом за счет повышения активности профессиональной подготовки специалистов и совершенствования обучения всем видам речевой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения / Рос. Акад. образования, Психологический ин-т, Междунар. Ассоциация «Развивающее обучение». – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
2. Гальскова Н. Д., Василевич А. П., Коряковцева Н. Ф., Акимова Н. В. Основы методики обучения иностранному языкам. – М.: Кнорус, 2017.
3. Абрамович Г. В. Концепция иноязычной компетентности как цель и результат профессионально технического образования // Научные записки. Серия: Психолого-педагогические науки. – Нежин: Издательство НГУ им. Гоголя, 2005. – 257 с.
4. Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учебно-методическое пособие - Изд. 2-е, испр. – Москва: Высшая школа, 2005. – 253 с.
5. Латыпова Э. Р., Зуфарова З. Х. Общение и законы коммуникации в ВУЗе. В сборнике: Наука, общество, технологии: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2022. – С. 170-173.
6. Серова Т. С. Информация, информированность, инновации в образовании и науке [Текст]: избранное о теории профессионально-ориентированного чтения и методике обучения ему в высшей школе: сборник научных статей. – Пермь: Изд-во Пермского нац. исслед. политехнического ун-та, 2015. – 441 с.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1982-1984. – Т. 2: Проблемы общей психологии / Под. ред. В. В. Давыдова. – 1982. – 504 с.
8. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке [Текст]. – Москва: Просвещение, 1978. – 159 с.
9. Койл Д., Деппелер Дж., Лореман Т., Смит Р. и Флориан Л. Осмысление, изучение языка и его использование: комплексный подход. Инклюзивная педагогика во всей учебной программе. Международные перспективы инклюзивного образования, 2015. – 235-258 с.

ГАЛЛЯМОВА Диана Айратовна

аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета

КЁНИГ Анна Юрьевна

магистрант кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета

МУРАТОВА Эльвина Венеровна

магистрант кафедры социальных и политических коммуникаций Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЛЬ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В современном мире социальная сфера состоит из определенных отношений и условий, формирующих характер и поведение людей. Она охватывает интересы различных общностей, включая трудовые отношения, повседневную жизнь, культуру, здравоохранение и совокупное обеспечение. По мере развития общества появляются новые социальные принципы, модели поведения и политика, что делает социальную деятельность все более важной, следовательно, организациям и учреждениям не только отдельно взятой сферы, но и любой организации каким-либо образом, взаимодействующей с обществом, необходимо адаптироваться к развивающемуся миру и предвидеть будущие тенденции.

Ключевые слова: социально-инновационные процессы, тенденции развития образования, научно-образовательные центры (НОЦ), передовые инженерные школы (ПИШ), информационная безопасность, осознанное потребление, общественное сознание.

GALLYAMOVA Diana Ayratovna

postgraduate student of Social and political communications sub-faculty of the Institute of Oil and Gas Business of the Ufa State Petroleum Technical University

KOENIG Anna Yurjevna

magister student of Social and political communications sub-faculty of the Institute of Oil and Gas Business of the Ufa State Petroleum Technical University

MURATOVA Elvina Venerovna

magister student of Social and political communications sub-faculty of the Institute of Oil and Gas Business of the Ufa State Petroleum Technical University

SOCIAL AND INNOVATIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIA: THE ROLE AND TRENDS OF DEVELOPMENT IN MODERN EDUCATION AND THE FORMATION OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

In the modern world, the social sphere consists of certain relationships and conditions that shape the character and behavior of people. It covers the interests of various communities, including labor relations, daily life, culture, health care and social welfare. As society develops, new social principles, behaviors and policies appear, which makes social activities more and more important, therefore, organizations and institutions not only of a particular sphere, but also of any organization interacting with society in any way, need to adapt to the developing world and anticipate future trends.

Keywords: socio-innovative processes, trends in the development of education, scientific and educational centers (REC), advanced engineering schools (PISH), information security, conscious consumption, public consciousness.

Рассматривая инновационные процессы в системе высшего образования, можно сделать вывод, что территориальные приоритеты научной политики в большинстве стран были переориентированы в направлении развития инновационных экосистем – систем, способных обеспечивать коммерциализацию знаний, накапливаемых существующей сетью научных и вузовских центров исследований и разработок. Этот процесс чаще всего происходит посредством поддержки национального инвестирования в подобного рода проекты, при этом особое внимание уделяется обеспечению сотрудничества научного потенциала с реальными отраслями индустрии. В рамках национального проекта «Наука» в России с 2019 года создаются научно-образовательные центры мирового уровня (далее – НОЦ) – поддерживаемые субъектами Российской Федерации объединения без образования юридического лица федеральных государственных образовательных организаций высшего образования и (или) научных организаций с предприятиями, действующими в конкретном секторе экономики в соответствии с программой деятельности центра»¹. Научно-образовательные центры по-

зиционируются как платформы для перекрестного взаимодействия всех уровней образовательного процесса, научных исследований и деловой инициативы, энергично ускоряющие технологические инновации и прогресс.

Научно-исследовательские и научно-образовательные учреждения международного уровня ставят перед собой задачу осуществления исследований на самом высоком уровне и стремятся к этой цели, размещая все необходимые активы, включая экспертов высокой квалификации, передовое оборудование и материалы, такие как реактивы, в одном месте для обеспечения максимальной эффективности и отдачи. Они работают в основном в рамках университетов и создаются на основе принципа excellence, т. е. превосходства [5], что подразумевает выявление и поддержку выдающихся достижений в науке и образовании.

Изучая российский подход к формированию научно-образовательных центров, мы обнаруживаем проникновение инноваций и передовых технологий в промышленный сектор благодаря передаче технологий, инициируемой фундаментальными образовательными учреждениями и научными институтами. Именно такие организации, включающие

1 Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – Режим до-

ступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 25.11.2023).

национальные исследовательские университеты, опорные университеты, среди которых можно выделить, например, Уфимский государственный нефтяной технический университет, а также учреждения, входящие в Проект «5-100», и которые фигурируют в международных рейтингах, обеспечивают передовые исследования и разработки, необходимые для инновационных процессов. Они выступают стержнем экосистемы, в которой синтезируется высочайший уровень теоретических знаний и практической созидательной деятельности, чем и обусловлено достойное представительство на как национальной, так и глобальной арене.

Как показывают исследования И. В. Купцовой и Н. Е. Лактаевой, в основе концепции НОЦ МУ лежит идея создания уникальной экосреды, способствующей беспрепятственному ведению научной и инновационной деятельности. В 2019 году Республика Башкортостан стала ключевой площадкой для создания Евразийского научно-образовательного центра (НОЦ), выполняющего задачи немалой значимости для региона. С целью развития человеческого капитала и содействия синергии между экономическими и гуманитарными отношениями, центр нацелен на совершенствование инвестиционного притока, технологической обновленности и, как результат, укрепления связей между наукой и промышленностью. Через разнообразные модели взаимодействия, данная инициатива не только способствует созданию новаторских продуктов высокого технологического уровня, но и углубляет вклад России в евразийские интеграционные проекты. Главная цель Евразийского НОЦ - объединить науку, образование и бизнес для создания высокотехнологичных продуктов через разные типы и формы партнерства.

Ещё одним инновационным решением в области образования стало создание Передовых инженерных школ (ПИШ) — это образовательные структуры, которые формируются на базе ведущих вузов России и работают в тесном сотрудничестве с промышленными партнерами, научными центрами и международными организациями. Студенты ПИШ получают не только фундаментальные знания по своей специальности, но и практические навыки работы с современным оборудованием, программным обеспечением и материалами.

Таким образом, в социальном смысле научно-образовательные центры мирового уровня и передовые инженерные школы нацеливаются на формирование и стимулирование развития современного человеческого капитала регионов в самом широком смысле этого понятия и обеспечение синергетического эффекта, актуального для экономического прорыва и достижения стратегических социальных задач развития страны.

Ещё одним актуальным направлением в современном российском социуме является осознанное потребление.

Осознанное потребление – это разумное использование готовых продуктов, природных ресурсов и ответственный подход к приобретению новой продукции. Главной целью осознанного потребления является сокращение негативного влияния человеческой деятельности на окружающую среду и ее дальнейшее сохранение. Данная потребительская философия транслирует идею, что человеку не нужно столько готовых товаров, сколько ими среднестатистически обладает один человек.

В 2019 году больше половины россиян назвали экологию приоритетным направлением развития страны². Покупатели стали ответственно выбирать продукцию, поддерживая бренды, которые следуют экологическим тенденциям и отказываются от вредных технологий производства. Молодые российские бренды, которые в перспективе могут стать лидерами в своих отраслях, стараются внедрять экологическую повестку в разные среды своей деятельности.

Стоит отметить возросшее внимание к безопасности в киберпространстве. Интернет давно стал частью жизни не только обычного человека, но и уже компании ведут активные блоги в социальных сетях. Однако с ростом взломов и утечек, пользователи стали больше уделять безопасности в интернете.

Информационная безопасность помогает защитить конфиденциальные данные от несанкционированного доступа, их использования, раскрытия, нарушения, изменения

или уничтожения. Эта защита необходима для поддержания доверия, соблюдения правил и бесперебойного функционирования организаций и частных лиц в эпоху цифровых технологий.

По исследованиям Positive Technologies в 2022 был всплеск атак на российские организации³. Однако исследователи столкнулись с интересной тенденцией: хакеры не использовали новые механики для взломов, а применяли уже давно практикующие механики. Особенно атакам подвергались государственные учреждения и СМИ.

Также одной из тенденций стало увеличение количества преступных АРТ-группировок, основной целью которых стал не заработок с шантажа жертв, а публичный слив данных для вызова репутационного ущерба жертве. Причем большая часть данных группировок деанонимизировали себя в социальных сетях, раскрыв причастность в совершенных преступлениях. Таким образом злоумышленники пытались вызвать общественный резонанс и панические настроения в обществе. Это позволяет говорить нам о том, что информационная безопасность уже является не только защитой активов компаний, но и инструментом управления общественного настроения. Данный тренд будет расти и уже его последствия заставляют многие компании уделять должную защиту информационной безопасности не только из-за возможности потери конфиденциальных данных, но и для исключения репутационных рисков.

Таким образом, мы выделили три главных направления социально-инновационных процессов современной России. Инновационные решения в сфере образования нацелены на формирование и стимулирование развития современного человеческого капитала для достижения стратегических социальных задач развития страны. Большую роль играет также обеспечение должного уровня информационной безопасности не только для государства, но и российского бизнеса в целом. Уделяется внимание и развитию собственных отечественных продуктов под российскими брендами такими как Positive Technologies, UserGate, Инфотекс и т.д. Для российского общества все также актуальной остается тема осознанного потребления, что следует учитывать при развитии бизнеса.

Пристатейный библиографический список

1. Гареев Э. С., Ахмадуллин И. И., Валитова Н. Э., Габдрахманова Л. Н., Габдулхакова Р. В., Козлова Ю. Б., Костылева Е. Г. Теория и практика рекламы и связей с общественностью. Учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» Часть 1. Связи с общественностью и реклама: организация, правовое и научное обеспечение профессиональной деятельности. - Уфа, Издательство УГНТУ, 2018. - 345 с.
 2. Габдулхакова Р. В., Козлова Ю. Б., Грогуленко Н. В. Роль интернет-коммуникаций в продвижении имиджа города // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 01 (152). - С. 429-431.
 3. Kouba M., Козлова Ю. Б. Оптимизация средств коммуникации в современном постиндустриальном обществе / В сборнике: Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции посвященной 70-летию юбилею УГНТУ. - 2018. - С. 269-272.
 4. Кениг А. Ю., Козлова Ю. Б. Возможности и перспективы NFT как актуального направления рекламы. - Современный PR: теория, практика, образование: Материалы XIV Международной научно-практической конференции 28 апреля 2023 года. – Уфа: Издательство УГНТУ, 2023. - С. 137-140.
 5. Borlaug S. B. Moral hazard and adverse selection in research funding: centers of excellence in Norway and Sweden // Science and Public Policy. - 2016. - Vol. 43. - № 3. - P. 352-362. DOI: 10.1093/scipol/scv048.
- 2 Обзор GfK: Экология - от осознания к действию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gfk.com/ru/press/obzor-gfk-ehkologija-ot-osoznaniya-k-deistviyu> (дата обращения: 05.12.2023).
- 3 Сборник исследований по практической безопасности Positive Research. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/positive-research-2023/> (дата обращения: 1.12.2023).

ГОВЕРДОВСКАЯ Елена Валентиновна

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики, заместитель директора по непрерывному образованию Пятигорского медико-фармацевтического института

ДЕЛАРИУ Владимир Владимирович

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, Волгоградского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

КОВАЛЕВА Марина Дмитриевна

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гигиены и экологии, Волгоградского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации

ИНТЕРИОРИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ВРАЧА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается проблема формирования правовой культуры врача в условиях образовательной среды вуза как процесса интериоризации студентами-медиками правового статуса врача. На материале социологических опросов ВЦИОМ продемонстрированы риски маргинализации в молодежной среде, обусловленные низким уровнем правосознания примерно у каждого пятого респондента.

Анализ данных авторского социологического исследования выявил ряд факторов риска девиаций правовой культуры будущих врачей, среди которых отмечается недостаточный уровень знаний о нормативной регуляции в области охраны здоровья граждан, смешение правовых норм и этических правил, убежденность в нормативной дефиците прав врача, как асимметрии его правового статуса. Сделан вывод о необходимости интеграции правовой подготовки в систему непрерывного медицинского профессионального образования, как профилактики правовых конфликтов в медицине.

Ключевые слова: правовая культура, профессиональная группа врачей, правовой статус, молодежь.

GOVERDOVSKAYA Elena Valentinovna

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Humanitarian disciplines and bioethics sub-faculty, Deputy Director for Continuing Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute

DELARUE Vladimir Vladimirovich

Ph.D. in sociological sciences, professor, professor of General psychology sub-faculty of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

KOVALEVA Marina Dmitrievna

Ph.D. in sociological sciences, professor, professor of Hygiene and ecology sub-faculty of the Volgograd State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

INTERIORIZATION OF THE LEGAL CULTURE OF A DOCTOR IN AN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article examines the problem of forming the legal culture of a doctor in the educational environment of a university as a process of internalization by medical students of the legal status of a doctor. Based on sociological surveys by VTsIOM, the risks of marginalization among young people are demonstrated, due to the low level of legal awareness among approximately every fifth respondent. Analysis of the data from the author's sociological research revealed a number of risk factors for deviations in the legal culture of future doctors, among which there is an insufficient level of knowledge about regulatory regulation in the field of protecting the health of citizens, a confusion of legal norms and ethical rules, and a belief in the regulatory deficit of a doctor's rights, as an asymmetry of his legal status. The conclusion is made about the need to integrate legal training into the system of continuing medical professional education as a means of preventing legal conflicts in medicine.

Keywords: legal culture, professional group of doctors, legal status, youth.

Актуальность. Обеспечение функций правового государства предполагает комплиментарную ответственность органов политической власти и граждан, реализуемую при поддержании верховенства закона [1].

Правосознание граждан формируется в условиях транспарентности и причастности к законотворческому инициативам и под влиянием правоприменительной практики [3]. Убежденность в неукоснительности соблюдения правовых норм, их безусловной справедливости составляет основу правовой культуры граждан, которая в свою очередь выполняет регулятивную функцию, являясь объективным критерием действующего права [5]. Особое значение имеет формирование правовой культуры профессиональной группы медицинских специалистов, деятельность которых обеспечивает конституционное право граждан на охрану здоровья (ст. 7

Конституции РФ)¹. В то же время именно в этом поле общественных отношений отмечаются дискуссионные вопросы и пробелы текущего национального законодательства, связанные с легитимизацией врачебных ошибок, расширением прав пациентов, нормативного регулирования донорства и др. В этой связи представляет исследовательский интерес изучение интериоризации правовой культуры врача на этапе ее формирования – в условиях образовательной среды вуза.

Цель исследования – изучение формирования правовой культуры врача в условиях образовательной среды вуза как процесса интериоризации студентами-медиками правового статуса врача.

¹ Конституция РФ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.12.2023).

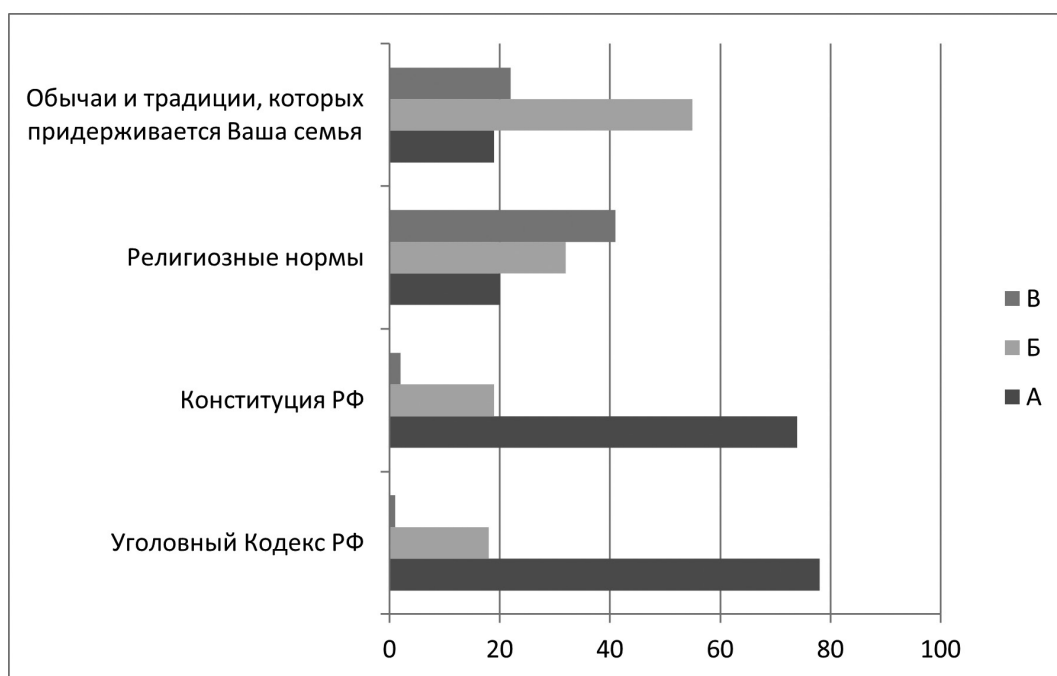

Рисунок 1. Иерархия источников регулирования в социуме по представлению молодежной группы

Материалы и методы. В работе использованы материалы современных исследований в междисциплинарном поле юридических и социологических наук, правовых источников базы КонсультантПлюс и открытой базы данных ВЦИОМ. Эмпирическую базу исследования составили результаты фокус-группы (N=12) и социологического опроса, проведенного онлайн с использованием google form на модели студентов Волгоградского государственного медицинского университета (N=220, средний возраст 18,6±2,8 лет). В отношении респондентов соблюдались нормы конфиденциальности и автономии.

Обсуждение полученных результатов. Формирование правовой культуры обусловлено влиянием разновекторных инвайроментальных факторов, и является частью общего процесса социализации [2]. В этом контексте представляет интерес отношение молодежи в целом к нормативному регулированию в социуме. Согласно результатам социологического опроса ВЦИОМ 2022 г, для проведения которого использовалась квотная выборка, репрезентирующая население РФ в возрасте от 14 до 35 лет, может быть эксплицирована своеобразная иерархия норм и правил поведения российской молодежи?

На первое место по значимости респонденты поставили нормы Уголовного кодекса и Конституции РФ, следование которым для себя большинство респондентов считает неукоснительным (74-78 %) и только статистически ничтожное число респондентов готово игнорировать (рис. 1). Соблюдение религиозных норм считает для себя обязательным не более 20 % выборки, так же как и каждый пятый оценивает семейные традиции и правила.

Прим.: По оси ординат – число респондентов в процентах. По оси абсцисс: источники регулирования и отношение к ним респондентов: А – Необходимо соблюдать в любом случае, Б – в зависимости от ситуации/ от обстоятельств, В – Не считаю их для себя обязательными, предложенные как варианты ответа на вопрос: «Как Вы считаете, всегда ли должны соблюдаться законы, нормы и правила (даже если они кажутся Вам не совсем справедливыми или устаревшими)?»

В свою очередь религиозные нормы готовы игнорировать 40 % респондентов, а семейные правила – только 20 %, что позволяет следующим образом определить иерархию значимости источников регуляции для молодежи:

- Уголовное законодательство (т.е. соблюдение норм под угрозой наказания).
- Конституция РФ (как соблюдение норм конституционного строя).
- Семейные нормы (правила воспитания, традиции).
- Религиозные правила (характеризуют конфессиональную принадлежность респондентов).

Обращает внимание, что представители молодежной социальной группы, считающие себя верующими более комплаентны к нормативной регуляции (рис. 2). В группе агностиков при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, всегда ли должны соблюдаться законы, нормы и правила (даже если они кажутся Вам не совсем справедливыми или устаревшими)?» оказалось, что большинство респондентов (72 %) не считают их для себя обязательным. В группе верующих – 40 % считают необходимым их соблюдать в любом случае.

Прим.: По оси ординат – распределение респондентов на группы в зависимости от вариантов соблюдения норм и законов по критерию религиозной приверженности. По оси абсцисс: число респондентов в процентах

Таким образом, несмотря на общий высокий уровень правосознания в молодежной среде, тем не менее, примерно пятая часть социальной группы демонстрирует ее низкий уровень и имеет риски маргинализации.

На этом фоне студенты, безусловно, представляют собой наиболее интеллектуальную и сознательную часть молодежного социума, что позволяет предположить у них достаточный уровень правового комплаенса. В то же время представляет интерес, степень осведомленности студентов медицинского вуза о нормативной регуляции в выбранном профессиональном поле. Прямые вопросы, направленные на выяснение знаний базовых нормативных документов в области охраны здоровья граждан (Конституция РФ, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и др.) показали наличие общих представлений студентов в рассматриваемом поле. При этом вопросы, связанные с соблюдением врачеб-

2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 09.11.2023).

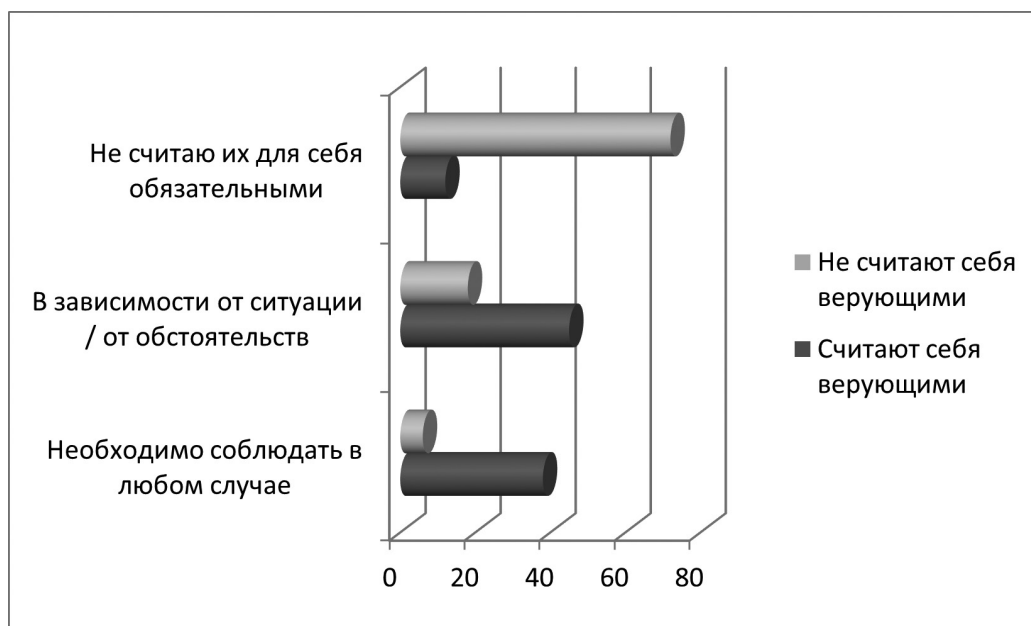

Рисунок 2. Необходимость соблюдения нормативной регуляции в обществе молодежной среде в зависимости от религиозной приверженности в молодежной среде

ной тайны, показали отсутствие правового подхода к этому понятию у 76,4 %.

Наиболее спорно студенты относятся к эвтаназии. На вопрос: «Как Вы считаете, возможна ли легализация эвтаназии в РФ» 45,7 % респондентов выбрали вариант ответа «да, это каждый имеет право сделать выбор». Применение качественного социологического метода – фокус группы подтверждает размытость представления будущих врачей о легитимном подходе к эвтаназии в РФ. Так, 7 из 12 участников фокус группы высказали предположения в пользу эвтаназии, например: «Однако всё же есть такие случаи, в которых эвтаназия была бы для человека благом, ведь на некоторых стадиях определенных болезней или при каких-либо несчастных случаях становится ясно видно, что уже ничего нельзя сделать, этот человек обречён на страдания, поэтому и категорически исключать возможность применения «благотворительной смерти» я не могу». Рассуждая о возможных случаях применения эвтаназии, ее методах и техниках, никто из участников не рассматривал содержание этого понятия как уголовного преступления в рамках текущего законодательства.

Респонденты в своем большинстве отметили, что права врачей требуют законодательного расширения (92,7 %), значительно уступают обязанностям врачей по своему объему (86,7 %). По материалам фокус группы отмечается негативное воздействие опыта пандемии COVID-19, во время которой врачи, как профессиональная группа оказалась в наиболее уязвимом положении к возможному инфицированию, и по мнению участников не получила достаточной правовой защищенности государства в этот период. Респонденты предлагали во время таких чрезвычайных ситуациях смягчать наказание за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей, диагностические дефекты и дисциплинарные нарушения.

Таким образом, по результатам проведенного исследования был выявлен ряд факторов риска девиации правовой культуры будущих врачей, среди которых отмечается недостаточный уровень знаний о нормативной регуляции в области охраны здоровья граждан; смешение правовых норм и этических правил; убежденность в нормативной дефиците прав врача, как асимметричности правового статуса [3], [6], [7].

Заключение. Интериоризация правовой культуры врача в условиях образовательной среды вуза сопряжена с ри-

сками формирования ее девиаций, что требует интеграции правового обучения врача в учебный процесс не только на младших курсах, что реализуется в рамках образовательных программ для специальностей «лечебное дело», «педиатрия», «стоматология», но и на старших выпускных курсах и в ординатуре, где появляется опыт медицинской практики, обуславливающий более высокую востребованность правовых знаний. Включение правовой подготовки в систему непрерывного профессионального образования можно рассматривать как профилактику правовых конфликтов в медицине, в том числе такого нового негативного явления, как «пациентский экстремизм», появление и распространение которого во многом связаны с невысоким уровнем правовой культуры врачей.

Пристайный библиографический список

1. Балюк Г. И. Взаимосвязь правовой культуры и социалистической демократии. - К.: Знание, 1984. - 48 с.
2. Доника А. Д. Социологический прогноз комплаентности молодежи к современным векторам государственной политики. Монография. - Тамбов, 2023. - 88 с.
3. Ерохина А. В. Современный контент автономии и ответственности в клинической медицине // Международный журнал экспериментального образования. - 2017. - № 4-1. - С. 53-54.
4. Левина С. В. Теоретические аспекты воспитательной функции права // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. - 2010. - № 1. - С. 346-350.
5. Славова Н. А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. - 2020. - № 3. - Том 1. - С. 48-55.
6. Омаров Р. А. Принцип автономии пациента в клинической медицине // Международный журнал экспериментального образования. - 2017. - № 3-2. - С. 218.
7. Шкарин В. В. Волгоградский опыт гуманитарного образования в медицинском вузе // Биоэтика. - 2020. - № 1 (25). - С. 22-27.

ГУЛЕВИЧ Маргарита Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДРУЖКОВА Александра Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЛИЗНЕЦОВ Андрей Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ОСТРОЖНИКОВ Андрей Александрович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КАН Наталья Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СИНЕРГИЯ ЦИФРОВЫХ И ТРАДИЦИОННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ ПРАКТИК В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

Исследование освещает взаимодействие между современными цифровыми и проверенными временем традиционными маркетинговыми методами в контексте академических институтов. В работе рассматривается, как сочетание инновационных цифровых инструментов, включая академические блоги, видео и социальные медиа, с классическими каналами, такими как печатные издания и академические конференции, влияет на повышение видимости и влияния научных учреждений. Авторы анализируют эффективность интеграции различных маркетинговых подходов для продвижения научных достижений и укрепления связей с общественностью, а также выявляют ключевые факторы, способствующие успешной коммуникации в современном научном мире.

Ключевые слова: академический маркетинг, цифровые коммуникационные стратегии, академические блоги, видеоматериалы, соцсети, классический маркетинг, медиаинтеграция, академические учреждения, эффективность коммуникации.

GULEVICH Margarita Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DRUZHKOVA Alexandra Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BLIZNETSOV Andrey Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

OSTROZHNIKOV Andrey Alexandrovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KAN Natalya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SYNERGY OF DIGITAL AND TRADITIONAL MARKETING PRACTICES IN ACADEMIC INSTITUTIONS: NEW HORIZONS AND EFFECTIVENESS

The study highlights the interaction between modern digital and time-tested traditional marketing methods in the context of academic institutions. The paper examines how the combination of innovative digital tools, including academic blogs, videos and social media, with classic channels such as print media and academic conferences, affects the visibility and influence of scientific institutions. The authors analyze the effectiveness of integrating various marketing approaches to promote scientific achievements and strengthen public relations, as well as identify key factors contributing to successful communication in the modern scientific world.

Keywords: academic marketing, digital communication strategies, academic blogs, videos, social networks, classical marketing, media integration, academic institutions, communication effectiveness.

В современном мире, где цифровые технологии стремительно изменяют ландшафт коммуникаций, академические учреждения сталкиваются с неотложной задачей адаптации своих маркетинговых стратегий для поддержания актуальности и видимости в обществе. Эта работа исследует, как интеграция традиционных маркетинговых подходов с новыми цифровыми инструментами может повысить эффективность коммуникаций в научных организациях.

В последние годы цифровые маркетинговые стратегии, такие как использование социальных сетей, академических блогов и видеоконтента, значительно расширили границы возможного в области распространения научных знаний и исследований. Они предоставляют платформы для мгновенного обмена информацией, привлекают новые аудитории и увеличивают вовлеченность общественности в научные дискуссии. Однако, традиционные методы коммуникации, такие как печатные публикации и академические конферен-

ции, по-прежнему сохраняют свою значимость, предоставляя глубокий и тщательно проверенный контент.

Эффективная интеграция цифровых и традиционных маркетинговых стратегий требует глубокого понимания их взаимодействия и влияния друг на друга. Такой подход позволяет создавать синергию между различными каналами распространения информации, увеличивая общую эффективность коммуникационных усилий. Например, научные блоги и социальные сети могут использоваться для предварительного обсуждения тем, которые затем будут представлены на конференциях, тем самым расширяя диалог с аудиторией и повышая интерес к предстоящим событиям. Также, видеоконтент может служить дополнением к традиционным печатным материалам, делая научные исследования более доступными и понятными для широкой публики.

Сложность и важность этой задачи обусловлены тем, что успешное сочетание различных маркетинговых инстру-

ментов требует не только технических знаний, но и понимания особенностей академической среды, ее ценностей и целей. Ключевым фактором здесь является создание сбалансированного и гармоничного маркетингового плана, который сможет эффективно использовать достоинства каждого подхода, оставаясь при этом верным академическим принципам и этике.

Научные исследования занимают центральное место в формировании ценностей на разных уровнях - от индивидуального до национального. Тем не менее, процессы создания стоимости через научные разработки еще многим неизведанные. В современном мире маркетинг разделяется на два основных направления: традиционное и инновационное, которое включает в себя цифровые методы. Традиционный маркетинг опирается на классические каналы продвижения, в то время как цифровой маркетинг использует интернет-технологии, обеспечивая двустороннюю коммуникацию между компанией и потребителем.

Однако в контексте научных организаций, особенно некоммерческих, маркетинговые стратегии отличаются. Здесь ключевым аспектом является не прибыль, а увеличение видимости организации, привлечение финансирования и достижение миссии в области науки. Важным инструментом в этом процессе является стратегическая коммуникация, направленная на взаимодействие с целевыми аудиториями.

Международный опыт показывает, что активное взаимодействие с коммуникационными партнерами, в том числе с финансирующими организациями, стимулирует развитие научных исследований. Применение современных маркетинговых технологий в научной среде помогает привлекать внешних партнеров и инвесторов, используя, в частности, принципы краудсорсинга.

Примером эффективным инструмента продвижения в научной среде является публикация статей в научных журналах, которая используется как в международном, так и в российском контексте. Социальные сети также играют значительную роль в продвижении научных организаций, предоставляя платформу для прямого диалога с аудиторией и исследования их потребностей, а также для проверки социальной значимости научных исследований.

В контексте социальных сетей аккаунты научных организаций становятся мостом для связи с представителями СМИ и научного сообщества. Например, опыт Общества Фраунгофера в Германии показывает, что даже небольшое количество подписчиков может быть важным, если они являются экспертами в своей области [5].

Маркетинг в научной сфере представляет собой многоуровневый процесс, включающий как традиционные, так и цифровые методы, целью которого является не только продвижение науки, но и создание значимого диалога с общественностью и финансирующими организациями.

В последние годы, в эпоху цифровизации, научные организации сталкиваются с новыми вызовами и возможностями в области маркетинга и коммуникации. Цифровые технологии значительно расширили арсенал инструментов, доступных для научных учреждений, чтобы донести свои идеи до широкой публики. Среди этих инструментов научные блоги, видеоконтент и социальные сети играют важную роль.

Согласно исследованию Pew Research Center, 67 % взрослых американцев получают хотя бы часть своих новостей из социальных сетей. Это подчеркивает важность присутствия научных организаций в этих платформах для достижения максимальной аудитории. К тому же, в социальных сетях возможно создание интерактивного контента, который может улучшить понимание научных концепций.

Научные блоги предлагают уникальную возможность для ученых и исследовательских учреждений представлять свои результаты в более доступной форме. Блоги позволяют углубиться в детали исследований и облегчить диалог с читателями, что способствует повышению интереса к науке. По данным исследования, проведенного Nature, научные блоги становятся все более популярными среди ученых как способ общения с общественностью [2].

Видеоконтент, в свою очередь, представляет собой эффективный инструмент для объяснения сложных научных концепций. YouTube, как крупнейшая платформа для видео, стала значимым ресурсом для научных организаций. Согласно статистике YouTube, количество просмотров научно-обра-

зовательных видео выросло на 120 % в период с 2017 по 2020 год.

Важно отметить, что применение этих новых инструментов не исключает использование более традиционных методов, таких как печатные издания и конференции. Комбинация различных каналов коммуникации обеспечивает достижение более широкой аудитории и усиливает эффективность маркетинговых усилий. В исследовании, проведенном Elsevier, было выявлено, что сочетание цифровых и традиционных методов коммуникации повышает видимость научных работ и способствует более широкому распространению идей.

В последние годы ведение научных блогов стало ключевым инструментом маркетинга для научных организаций и отдельных ученых за рубежом, согласно 65 % опрошенных. Этот подход позволяет научным сообществам представлять результаты исследований, комментировать актуальные научные работы и предлагать альтернативу традиционным СМИ. Блоги также становятся платформой для видеоблогов и подкастов, расширяя аудиторию и достигая молодежи, которая все чаще ищет информацию в аудиовизуальных форматах [3].

Помимо блогов, видеоконтент также набирает популярность среди 52 % зарубежных научных организаций. Онлайн-видео позволяют донести сложные научные концепции до широкой аудитории, сохраняя точность и научную строгость. Видеоконтент становится эффективным инструментом для объяснения сложных процессов и повышения наглядности исследований.

Кроме того, 56 % организаций используют информационные буклеты, а 51 % - отчеты о деятельности в формате «white paper» для привлечения внимания к своей научной работе. Хотя конференции и вебинары менее распространены, они остаются важным способом для представления научных достижений и продвижения бренда организации [2].

Цифровые технологии в маркетинге научных организаций не исключают использование традиционных медиа. Важно стремиться к синергии, а не к конкуренции, и интегрировать различные инструменты маркетинга, включая офлайн-СМИ. Выбор маркетинговых стратегий должен соответствовать стратегическим целям и целевым аудиториям организации.

Анализ зарубежного опыта показывает, что научные организации должны применять комплексный подход в продвижении, сочетая различные каналы и инструменты маркетинга. Наиболее эффективными инструментами являются публикации в научных журналах, продвижение в социальных сетях, научные блоги, видеоконтент, информационные буклеты и отчеты «white paper». Этот опыт может быть полезен для продвижения научных организаций в России.

Научные организации, использующие комплексный подход к маркетингу и коммуникации, способны эффективно распространять научные знания и укреплять свое влияние в обществе. Это позволяет не только улучшить общественное восприятие науки, но и привлекать новые инвестиции и поддержку для исследовательских проектов.

Пристатейный библиографический список

1. Neuberger C., Nuernbergk, C. and Rischke, M. Weblogs und Journalismus: Konkurrenz, Ergänzung oder Integration? // Media Perspektiven. – 2022. – Vol. 37. – P. 96-113.
2. Mea M. From Science to Policy and Society: Enhancing the Effectiveness of Communication // Frontiers in Marine Science. – 2016. – Vol. 3. – P. 168.
3. Harris, L. and Rea, A. Social Networks: The Future of Marketing for Small Business // Journal of Business Strategy. – 2020. – Vol. 30. – P. 24-31.
4. Ivanov, D. and Petrova, S. Digital Transformation in Retail: Balancing on the Edge of Disruption // Journal of Retail and Consumer Services. – 2021. – Vol. 58. – Article 102287.
5. Smirnova, M. and Nekhoda, E. Corporate Social Responsibility in the Russian Market: Scope and Challenges // Russian Management Journal. – 2018. – Vol. 16. – № 3. – P. 345-366.

КРЫЛОВ Сергей Валерьевич

старший преподаватель кафедры физической и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС В ХОДЕ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В статье обсуждается необходимость совершенствования педагогических методик преподавания тактико-специальной подготовки в ведомственных образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Формирование профессиональной компетентности тактико-специальной направленности будущих сотрудников пенитенциарной системы важно для бесперебойного функционирования учреждений и органов в условиях осложнения оперативной обстановки и возникновении угроз чрезвычайного характера.

В работе систематизирован педагогический опыт и представлены методики повышения эффективности усвоения обучающимися материала дисциплины. Предлагается использовать демонстрационные мультимедийные материалы, занятия по теоретической части, имеющие характер активного обсуждения и беседы, отработку практических навыков в условиях повышенной реальности, моделирования и проектирования внештатной обстановки, использования реальных специальных средств активной обороны, индивидуальной защиты и прочее.

Научное изучение и осмысление педагогических основ процесса формирования профессиональной компетенции сотрудников УИС в ходе тактико-специальной подготовки и выработка рекомендаций по совершенствованию курса имеют ключевое значение для успешного функционирования всей пенитенциарной системы и защиты личности сотрудника от посягательства со стороны спецконтингента.

Ключевые слова: тактико-специальная подготовка, методика обучения, педагогические основы, профессиональная компетентность, практические и теоретические занятия, индивидуальная работа, самообразование.

KRYLOV Sergey Valerjevich

senior lecturer of Physical and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

PEDAGOGICAL BASES OF THE PROCESS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE EMPLOYEES OF THE PS DURING TACTICAL AND SPECIAL TRAINING

The article discusses the need to improve pedagogical methods of teaching tactical and special training in departmental educational institutions of the penal system. The formation of professional competence of the tactical and special orientation of future employees of the penitentiary system is important for the smooth functioning of institutions and bodies in conditions of complication of the operational situation and the emergence of threats of an emergency nature.

The paper systematizes pedagogical experience and presents methods for improving the efficiency of students' assimilation of discipline material. It is proposed to use demonstration multimedia materials, classes on the theoretical part having the character of active discussion and conversation, practicing practical skills in conditions of heightened reality, modeling and designing an emergency situation, using real special means of active defense, individual protection, and so on.

The scientific study and understanding of the pedagogical foundations of the process of forming the professional competence of the staff of the penitentiary system during tactical and special training and the development of recommendations for improving the course are of key importance for the successful functioning of the entire penitentiary system and the protection of the employee's identity from encroachments by the special agent.

Keywords: tactical and special training, teaching methods, pedagogical foundations, professional competence, practical and theoretical classes, individual work, self-education.

Введение

Одной из важнейших задач пенитенциарных образовательных учреждений является подготовка сотрудников, психологически готовых и способных высокопрофессионально и компетентно выполнять свои задачи в условиях повышенной опасности и возникновении чрезвычайных обстоятельств в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Спецконтингент является сложно управляемой категорией граждан, сотрудник в любой момент должен быть потенциально готов реализовать свои умения в области тактико-специальных знаний. Тактико-специальные навыки необходимы для урегулирования дестабилизации оперативной обстановки в учреждении, пресечения совершения со стороны осужденных новых преступлений, что в конечном итоге выражается в эффективности функционирования всей пенитенциарной системы в целом.

Подготовка сотрудников УИС к действиям при возникновении чрезвычайных обстоятельств является обязательным компонентом в формировании их профессиональной компетентности и является обязанностью Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) [1]. На этапе обучения основам пенитенциарной службы, данная задача возлагается на ведомственные учебные учреждения, преподавательский состав кафедры физической и тактико-специальной подготовки.

Результаты исследования и их обсуждение

Для того, чтобы успешно выполнять свои служебные обязанности, будущему сотруднику необходимо освоить не только комплекс правовых дисциплин, овладеть боевыми приемами борьбы, ознакомиться с огнестрельным оружием и специальными средствами, но и совместить накопленные знания в профес-

сиональной компетенции для эффективного решения задач оперативно-служебной деятельности. Служба в пенитенциарных учреждениях зачастую бывает осложнена неподконтрольным поведением спецконтингента, и такие ситуации, как правило, требуют от сотрудника быстрого анализа сложившейся обстановки и выбора наиболее оптимальной тактики поведения, которая может потребовать применения силового воздействия и специальных средств. Именно четкость, слаженность и оперативность таких действий формирует дисциплина «Тактико-специальная подготовка».

Главным элементом процесса формирования тактико-специальной компетентности сотрудников УИС является руководящий и профессорско-преподавательский состав образовательного учреждения.

Начальники ведомственной организации, факультета, курса закладывают основы дисциплинированности, соподчинения, неукоснительного выполнения приказов и распоряжений вышестоящего руководителя, что укрепляет морально-нравственные характеристики личности как сотрудника пенитенциарной системы.

Основы боевого слаживания, тактики применения специальных средств для эффективного выполнения служебных задач при возникновении чрезвычайных обстоятельств в учреждении, формируются уже педагогическим составом кафедры физической и тактико-специальной подготовки. Данные лица должны обладать не только высоким профессиональным уровнем, но и положительным нравственным обликом. Грамотный, компетентный и профессиональный педагог – гарант успешного усвоения дисциплины, желания обучающихся перенять опыт и умения наставника в области тактико-специальных знаний.

Главной целью любого преподавателя должно быть не только усвоение базовых учебных вопросов дисциплины, но и формирование именно высокой профессиональной компетентности курсантов с наивысшими качествами, способствующими успешному выполнению служебных задач.

Содержание, организация и методика занятий должны быть комбинированными и включать в совокупности как теоретические, так и практические занятия. Форма устного изложения учебного материала должна быть максимально доступной, понятной и наглядной. В процессе лекций по тактико-специальной подготовке приветствуется использование мультимедийных презентаций с демонстрацией фото и видео материалов, личной демонстрации педагогом отдельных моментов. Наглядное ознакомление курсантов с основными средствами, тактико-специальными приемами и методами, необходимыми для решения служебных задач, будет способствовать более успешному усвоению теоретической части учебного предмета и эффективному их применению на практике.

Дальнейшее изучение теоретического материала должно проходить не только в форме проверки «заученности» курсантами основных понятий и терминов дисциплины, но и иметь характер беседы, дискуссий, активного обсуждения. Главное не заучить материал, а разобраться в нем, усвоить и осознать, только тогда он основательно закрепится в сознании обучающегося. К тому же, наличие вопросов свидетельствует о высоком стремлении курсанта к обучению и общему интересу к дисциплине.

Стоит учесть, что тактико-специальная подготовка является специфичной дисциплиной, несущей в себе много всего нового, того, с чем обучающийся никогда ранее не сталкивался. Уровень предшествующей подготовки тактико-специальным умениям и навыкам у курсантов отсутствует, поэтому активное использование вышеперечисленных методик будет способствовать более успешному усвоению нового учебного материала и формированию профессиональной компетентности будущего сотрудника пенитенциарной системы.

Важную часть в обучении занимают практические занятия, проводимые в форме тренировочных упражнений, тактико-специальных учений. Практические занятия должны наращивать навыки ориентирования в сложившейся ситуации, противодействия спецконтингенту путем использования и применения специальных средств, как индивидуально, так и коллективно. Именно здесь курсант может попробовать применить свои знания в ходе отработки поставленной учебной задачи. Отработка тактических приемов должна сопровождаться повышенной реальностью, моделированием и проектированием внештатной обстановки, использованием реальных специальных средств активной обороны и индивидуальной защиты. Попробовав и ощутив на себе весь арсенал необходимых средств, сотрудник более уверенно будет применять полученные от этого навыки в ходе выполнения служебных задач.

Практическая работа должна проводиться по методу многократного повторения, от легких элементов тактических действий, с постепенным усложнением стоящих перед курсантом задач. Именно систематическое повторение определенной модели поведения способствует их устойчивому закреплению в сознании обучающегося, который в дальнейшем, при возникновении необходимости сможет без труда скоординировать свои действия и применить умения на практике.

Необходимо активизировать тактическое мышление курсанта. Специальные средства, используемые в служебной деятельности сотрудниками УИС, будут оправдывать свой потенциал только при умении с ними обращаться, грамотном использовании в сложившейся оперативной обстановке. В процессе систематического повторения тактических упражнений необходимо привить сотруднику навыки их внезапного применения с целью обезвреживания агрессора и защиты своей жизни и здоровья. Упражнения следует проводить как индивидуальные, для отработки личных умений и навыков курсанта, так и коллективные, включающие работу в шеренге, флангом.

Не стоит забывать про то, что все действия сотрудника, в том числе и тактико-специальные, должны быть законными. Тактико-специальная техника подразумевает под собой применение определенных силовых действий, оружия и специальных средств в отношении правонарушителя, который в первую очередь, является также человеком. Его жизнь и здоровье охраняется конституционными основами российского государства, как и любой другой личности. Сотрудник пенитенциарной системы должен знать основания, при наличии которых оперирование полученными в ходе тактико-специальных занятий навыками будет правомерно. Грамотный педагог должен не только научить действовать в определенной ситуации, но и действовать законно. Соответственно, необходимо взять усвоение курсантами законо-

дательных основ применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в пенитенциарных учреждениях, как базис тактико-специальной дисциплины [2].

Накопление навыков тактико-специального направления должно проходить не только в процессе занятий, нужно указывать на важность самосовершенствования своих навыков и форм.

Конечно же, педагог должен постоянно совершенствоваться и свой уровень профессиональной компетенции, осваивать новые инновационные методики учреждений УИС является особо актуальной научной задачей, требующей поиска новых технологий формирования профессиональной компетентности будущих сотрудников пенитенциарных учреждений и органов.

Сотруднику УИС при остром осложнении оперативной обстановки в учреждении, возникновении чрезвычайных обстоятельств, для обезвреживания агрессора в лице спецконтингента, нужно обладать комплексом специальных тактико-специальных умений и навыков.

Выводы

Таким образом, совершенствование педагогических методик преподавания тактико-специальной подготовки в ведомственных образовательных учреждениях УИС является особо актуальной научной задачей, требующей поиска новых технологий формирования профессиональной компетентности будущих сотрудников пенитенциарных учреждений и органов.

Сотруднику УИС при остром осложнении оперативной обстановки в учреждении, возникновении чрезвычайных обстоятельств, для обезвреживания агрессора в лице спецконтингента, нужно обладать комплексом специальных тактико-специальных умений и навыков.

Их освоение, в силу своей специфики, является для курсанта нелегкой задачей и требует от преподавателя высокого мастерства и уверенных знаний в области дисциплины.

Более эффективному формированию профессиональной компетентности обучающегося в ходе тактико-специальной подготовки будут способствовать следующие методики:

- комбинированная форма проведения занятий, включающая как теоретическую, так и практическую часть;
- использование на занятиях мультимедийных презентаций с демонстрацией фото и видео материалов, личной демонстрации педагогом отдельных моментов;
- изучение теоретического материала в форме беседы, дискуссий, активного обсуждения, что будет способствовать лучшему усвоению учебных вопросов;
- отработка практических навыков как в коллективной, так и в индивидуальной форме;
- отработка тактических приемов в условиях повышенной реальности, моделирования и проектирования внештатной обстановки, использования реальных специальных средств активной обороны и индивидуальной защиты;
- практическая работа по методу многократного повторения, от легких элементов тактических действий, с постепенным усложнением стоящих перед курсантом задач;
- активизация тактического мышления курсанта;
- изучение законодательных основ, пределов применения силовых действий, оружия и специальных средств в отношении правонарушителя;
- стимуляция самосовершенствования курсантом своей профессиональной компетенции.

Не маловажное значение имеет высокое профессиональное мастерство самого педагога, его положительный нравственно-моральный облик, стремление к освоению инновационных технологий образования, направленность на поиск новых форм взаимодействия с обучающимися.

В целом, научное изучение и осмысление педагогических основ процесса формирования профессиональной компетенции сотрудников УИС в ходе тактико-специальной подготовки и выработка рекомендаций по совершенствованию курса имеют ключевое значение для успешного функционирования всей пенитенциарной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 27.08.2012 № 169 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2012. – № 41.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. Федерального закона от 29.12.2022 № 590-ФЗ) // Российская газета. – 9 января. – 2023.

ФОМИНА Дарья Сергеевна

магистрант (педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук) кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЕГОРОВА Ольга Игоревна

магистрант (педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук) кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ГЛАДИЛОВА Елена Алексеевна

магистрант (педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук) кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Цифровые технологии оказывают влияние на все области жизни социума. Сфера образования не становится исключением. Внедрение в образовательный процесс цифровых технологий оказывает значительное влияние на разработку новых способов, методов организации и оптимизации учебного процесса. В данной работе рассматриваются стадии развития педагогического образования в эпоху цифровизации. Раскрывается её эффективность, проблемные вопросы и пути их решения.

Ключевые слова: педагогическое образование, цифровизация, цифровая образовательная среда, учебный процесс, информационно-коммуникационные технологии.

FOMINA Darya Sergeevna

magister student (pedagogical education in the field of social sciences and humanities) of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

EGOROVA Olga Igorevna

magister student (pedagogical education in the field of social sciences and humanities) of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

GLADILOVA Elena Alexeevna

magister student (pedagogical education in the field of social sciences and humanities) of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

THE DEVELOPMENT OF TEACHER EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Digital technologies have an impact on all areas of social life. The field of education is no exception. The introduction of digital technologies into the educational process has a significant impact on the development of new ways, methods of organizing and optimizing the educational process. This paper examines the stages of development of teacher education in the era of digitalization. Reveals its effectiveness, problematic issues and ways to solve them.

Keywords: pedagogical education, digitalization, digital educational environment, educational process, information and communication technologies.

В эпоху внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества цифровизация планомерно становится обязательным элементом российского образования. Она влияет не только на преобразование учебных процессов, но и способствует оптимизации организационных. Например, для оповещения и проведения родительских собраний учитель теперь может воспользоваться специальными мессенджерами. Это значительно ускоряет и упрощает процесс взаимодействия.

Специалисты Института образования НИУ ВШЭ выделяют три стадии развития российского педагогического образования. Первая стадия началась в середине восьмидесятых - начале девяностых годов. В данный период происходили изменения, которые были связаны с широким распространением информационно-коммуникационных технологий. Они впоследствии привели к информационной революции. Движущими силами здесь выступали распространение вычислительной техники – персональных компьютеров и появление Интернета, не только в качестве закрытого источника информации, но и открытого, который мог обеспечить обмен файлами дистанционно. Так появилась возможность коммуникации между университетами [1, с. 25].

Вторую стадию датируют с середины 2000-х до 2018 года. В указанный период времени информационно-коммуникационные технологии постепенно начинают укореняться в учебный процесс. Цифровые устройства и программы применяются уже не только на информатике, но и для проведения других уроков с использованием трансляций и компьютерных презентаций. Сюда входят просмотр обучающих роликов, проведение контрольных срезов, лабораторных работ, что дает возможность значительно разнообразить учебный процесс, повысить интерес учащихся к познанию и исследованию окружающего мира. В результате мы получаем более качественное оказание образовательных услуг.

С 2009 года, на основании распоряжения Правительства Российской Федерации, повсеместно во всех образовательных

учреждениях были введены электронные дневники и журналы успеваемости. Это предполагало облегчение и оптимизацию ведения документооборота для учителей, так как цифровая система автоматически высчитывает средний балл, генерирует отчетную информацию. Тем не менее, многие учителя до сих пор продолжают использовать смешанную систему, ведя попутно и бумажную версию, что в свою очередь становится очень ресурсозатратным. Родителям позволяет данное нововведение в онлайн режиме участвовать в жизни ребенка, отслеживать все изменения в расписании, домашнем задании и успеваемости. Все стало доступно в один клик.

В 2015 году произошел резкий скачок от информационной эпохи в цифровую или, иначе говоря, диджитальную. Начиная с этой точки отсчета, благодаря цифровизации образовательное пространство стало прозрачнее, а информационные технологии позволили по-иному осмыслить и рассмотреть показатели результативности работы педагогических кадров. Формирование нетрадиционных методов и стилей обучения, способствовало выработке необходимых компетенций учеников. В данных реалиях определяющими тенденциями стали автоматизация и игрофикация в образовательном процессе, первоочередность компетенций, когнитивная и цифровая революции, а также массовизация высшего образования [1, с. 2].

Отсчет последней третьей стадии начался примерно с 2018 года, когда шла полным ходом цифровая трансформация, заключающаяся в применении цифровых технологий во всех процессах образования.

Толчком к углубленному переходу к процессу цифровизации в образовании послужило начало пандемии COVID-19. Родителям, ученикам и в первую очередь учителям стало необходимо адаптироваться в новых условиях жизни, учась взаимодействовать не только контактно, но и дистанционно, неизбежно

сталкиваясь при этом с проблемными ситуациями, вызванными резким переходом в виртуальную реальность.

Пандемия COVID-19 выступила фактором, катализирующим уже запущенные развитием IT-технологий процессы цифровизации. В приоритете были освоение и разработка новых платформ дистанционного обучения, технологий для создания новых, соответствующих действительности учебных материалов и методик преподавания, решение задач, диктуемых новыми обстоятельствами, что привело к полной трансформации педагогического образования в сторону адаптивности, индивидуализации и инклюзивности, направленной на конкретный запрос и потребности обучающихся, максимально раскрывая потенциал каждого из них.

В настоящее время изобретено и введено в обиход большое количество SMART-учебников, настраивающихся под соответствующий уровень знаний ученика. Выводится индивидуальная траектория обучения, которая реализуется за счет ведения входного и текущего контроля с автоматическим предоставлением образовательного контента, который опирается на потребности учащегося, привносит в обучение интерактивность. Данная опция осуществляется с помощью двухсторонней интеграции с социальными сетями, а также с авторами учебника, другими читателями и специалистами [4].

Адаптивное обучение помогает включаться в учебный процесс и обучающимся с ОВЗ. Использование подобных технологий повышает успеваемость и интерес таких учеников к мобильным приложениям, 3D-моделированию, вычислительной технике и инженерным дисциплинам.

В рамках поддержки развития цифровизации педагогического образования государство разрабатывает проекты, направленные на формирование новейшей и безопасной цифровой образовательной среды, которая способна обеспечить высокое качество и доступность образования всех существующих видов и уровней.

Одним из таких проектов выступает проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» («Современная цифровая образовательная среда»), цель которого – создать условия для непрерывного образования на базе цифровой платформы. Сроки реализации его намечены с 2018 года по 2025 год.

Вкладом в развитие цифровизации в образовании служит и воплощение в жизнь проекта «Цифровая школа» в рамках проекта «Современная цифровая образовательная среда», целью которого является обеспечение равного доступа всех школьников к качественному образованию, что в свою очередь создает условия для интеграции в цифровую экосистему.

Исходя из выше сказанного, первостепенным становится изменение содержания образовательных отношений, трансформации роли учителя, переход к индивидуальной траектории обучения. В связи с этим возникла необходимость формирования системы повышения квалификации преподавателей и экспертов, создания порядка оценки качества онлайн-курсов с участием пользователей.

Внедрение универсальных платформ, работающих по принципу единого окна, позволило массово разрабатывать и внедрять онлайн-курсы на всех уровнях образования. Одной из таких платформ стала образовательная платформа «Сферум» созданная при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации. Данная система позволила сделать процесс обучения более гибким и технологичным, предоставив всем субъектам педагогического образования расширение горизонтов и унификации процесса получения знаний. Одним из главных достоинств данной программы является отсутствие рекламы и платных функций, высокий уровень безопасности данных профиля, расположение всей необходимой информации в одном месте [5].

Следует также отметить возможность использования «Сферум» через VK Месседжер, что позволяет обучающимся и преподавателям в рамках обучения всегда иметь под рукой средство связи и взаимодействия друг с другом при выполнении домашних заданий, донесения учебных материалов и проведения онлайн занятий. Также сервис открывает новую возможность двусторонней коммуникации между родителями и учителями путем организации и участия в общеклассных мероприятиях, поддерживать связь друг с другом по вопросам учебного характера. Применяя данные цифровые технологии участники, оптимизируют процесс получения образования и взаимодействия в учебных целях, тем самым экономя время и ресурсы.

По данным Мониторинга экономики образования 2020, проводимым Институтом образования НИУ ВШЭ, более 80 % учителей являются пользователями социальных сетей и приложений для общения. Используя «Сферум» в своем профессио-

нальном обиходе, педагоги могут создавать специализированные общие чаты для учителей, где есть возможность поделиться опытом и получить поддержку коллег [2, с. 105].

Кроме того, цифровизация выступает эффективным способом сокращения разрыва в качестве образования между сельскими и городскими школами. Использование новых технологий, внедрения компьютеров и образовательных платформ позволяет получить участникам образовательного процесса доступ к лучшим образовательным ресурсам. Качество образования от этого только выигрывает.

Тем не менее, в сельских школах продолжает сохраняться проблема материально-технического оснащения, ввиду отсутствия или недостаточности финансирования. В силу этого необходимо активно привлекать партнеров-спонсоров к расширению финансовых ресурсов в отдаленных малокомплектных школах. Также хорошим подспорьем послужит разработка и претворение в жизнь новых проектов и грантов в области повышения качества и доступности образования. Их можно получить путем активного привлечения к участию администраций школ в грантовых конкурсах, направленных на улучшение финансового положения.

Повсеместное внедрение центров образования естественнонаучной и технологической направленностей «Точка роста», которые реализуются в рамках федерального проекта «Современная школа», национального проекта «Образование», способствует постоянному совершенствованию и расширению условий развития качества образования, раскрытию потенциала ребенка освоению им на современном оборудовании предметов и программ дополнительного образования в школах, находящихся в сельской местности и малых городах [7, с. 2].

На сегодняшний день цифровизация продолжает активно интегрироваться в педагогическое пространство. Разрабатываются и реализуются новые законы, национальные проекты и программы, направленные на рациональное использование имеющихся ресурсов, что способствует активному творческому поиску, разработке новых методик преподавания, постановке целей и достижения конечных результатов. Используя всестороннюю интеграцию с образованием и преподаванием, вырабатывается навык цифровой грамотности, который является одной из основных компетенций специалиста XXI века.

Таким образом, цифровые технологии дают возможность получения образования в любом месте и в любое время, делая его мобильным, доступным, привлекательным, инклюзивным. Цифровой формат обеспечивает свободную циркуляцию информационных потоков, дающую чувство включения, дополненной реальности и визуализации. Все это развивает как умственные способности, так и творческую составляющую личности. В нашем исследовании описаны новые и действующие программы, при этом необходимо обращать внимание и дорабатывать проблемные области, возникающие при реализации этих программ.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрахманова Г. И., Васильковский С. А., Вишневский К. О. и др. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник. - М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. - 124 с.
2. Бермус А. Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики Pedagogy. Theory & Practice. 2022. Выпуск 1. Том 7. С. 1-10. Issue 1. Volume 7. P. 1-10.
3. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edmarket.digital/> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Понятие и сущность цифровизации системы образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-tsifrovizatsii-sistemy-obrazovaniya> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Сферум. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sferum.ru/?p=start> (дата обращения: 01.12.2023).
6. Цифровизация образования в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/a/144216> (дата обращения: 03.12.2023).
7. Цифровые технологии в образовании: как современные инструменты помогают учителям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/digitalineducation> (дата обращения: 01.12.2023).

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович

кандидат юридических наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Уфимского университета науки и технологии

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ФОРМЫ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена анализу общетеоретических аспектов построения юридических лиц и их значению для формирования системы спортивных организаций. Автор обращает внимание на то, что для построения системы спортивных организаций, а также эффективного осмысленного её использования важно опираться на следующие критерии: а) является ли организация именно юридическим лицом; б) относится ли она к коммерческим или некоммерческим; в) является ли она корпорацией (т.е. есть ли членские отношения). Особую роль в сфере спорта играют некоммерческие организации, базовым правилам которых автор уделяет особый интерес. Исследовав критерии построения системы юридических лиц, делается вывод о важности того, чтобы состав прав и обязанностей участников соответствующей корпорации был скоординирован с нормами базовой ст. 65.2 ГК РФ, содержащей универсальный перечень прав участников любой корпорации.

Ключевые слова: спорт, спортивная организация, юридическое лицо, организационно-правовая форма, некоммерческая организация, корпорация.

ASADULLIN Murad Rinatovich

Ph.D. in Law, associate professor of Political science and public relations sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

THEORETICAL ASPECTS OF THE LEGAL FORM OF SPORTS ORGANIZATIONS

The article is devoted to the analysis of general theoretical aspects of building legal entities and their importance for the formation of a system of sports organizations. The author draws attention to the fact that in order to build a system of sports organizations, as well as its effective meaningful use, it is important to rely on the following criteria: a) whether the organization is a legal entity; b) whether it belongs to commercial or non-commercial; c) whether it is a corporation (i.e. whether there is a membership relationship). Non-profit organizations play a special role in the field of sports, the basic rules of which the author pays special attention to. Having studied the criteria for building a system of legal entities, it is concluded that it is important that the composition of the rights and obligations of participants in the relevant corporation be coordinated with the norms of the basic Article 65.2. of the Civil Code of the Russian Federation, which contains a universal list of the rights of participants in any corporation.

Keywords: sport, sports organization, legal entity, organizational and legal form, non-profit organization, corporation.

Формально вопрос о субъектах в спорте в Российской Федерации освещает значительное количество норм ФЗ о спорте. Отчасти к ним относятся и правила ст. 2, где кратко указаны отдельные понятия (по замыслу законодателя это своеобразный «спортивный тезаурус»), и положения ст. 5, поименованной «субъекты физической культуры и спорта в Российской Федерации», а также ряд других статей данного закона. Однако, сразу же бросается в глаза явная логическая несогласованность многих терминов, несоответствие гражданско-правовому регулированию и заметная оторванность от ведущих направлений развития спорта сегодня. В связи с масштабным развитием индустрии спорта следует ожидать, что достаточно скоро в науке будет проведена серьезная ревизия и структуры, и терминологического аппарата этого ФЗ о спорте, исправлены смысловые и филологические неточности. Назрела необходимость сверки значимых понятий законодательства о спорте с общей линией современного правового регулирования, включая изменения в гражданско-правовой регламентации и уровне развития цивилистической доктрины.

Организации, разумеется, могут существовать и вне правовой формы (к примеру, «дворовая» команда любителей волейбола). Однако без включения в систему правового регулирования, без придания данному сообществу четких правовых рамок (формы) оно фактически лишено возможности легитимно объединять имущество для достижения своих целей, выступать от своего имени в обороте, иметь права и обязанности как самостоятельная юридически значимая фигура и т.д.

Поэтому встает вопрос о выборе организационно-правовой формы и регистрации данного гражданского сообщества, члены которого намерены заниматься спортом, или действия ему, как юридическому лицу.

Структура и дифференциация юридических лиц основана на ряде принципиально значимых правовых категорий, отражающих не столько область деятельности, сколько дру-

гие аспекты. В этом смысле указание на то, что организация является «спортивной» мало что раскрывает. К сожалению, ФЗ о спорте данный момент не то, чтобы игнорирует, но далеко не всегда замечает данное обстоятельство. Например, часто употребляемое в данном законе выражение «спортивная организация» неинформативно, а слово «федерация» вовсе не является организационно-правовой формой, без чего нельзя понять многие её значимые (правовые) качества.

Для построения системы спортивных организаций, так и эффективного, осмысленного её использования, важно опираться на следующие критерии: а) является ли организация именно юридическим лицом; б) относится ли она к коммерческим или некоммерческим организациям; в) является ли она корпорацией (т.е. существуют ли членские отношения).

Далее лишь пунктирно отметим значение государственной регистрации организации, необходимость выделения «органа» или «органов управления», механизма распределения рисков и несения ответственности.

Не пройдя регистрацию в качестве особого юридического лица, спортивная организация не становится полноценным субъектом правоотношений. В этом контексте вряд ли есть смысл в ст. 5 ФЗ о спорте называть те структуры, которые не являются юридическими лицами, например, «специальную олимпиаду России». Уточним, что традиционно «специальными олимпиадами» называют спортивные олимпиады для лиц, имеющих ментальные отклонения. У них также есть органы, которые занимаются организацией, но только в силу этого обстоятельства само мероприятие не превращается в субъект права.

Более серьезные проблемы возникают при «внутренней» систематике корпораций. Так, корпорации явно различаются уже тем, что имущественная база, активный капитал и средства для решения стоящих задач не совпадают. В одних случаях это внесение вклада в уставный капитал (хозяйственные общества), с помощью чего определяется и доля участия,

размер которой имеет решающее значение для объема прав. В других – участие в корпорации не имеет столь тесной связи с вкладом либо он вообще не предусматривается, а средства для достижения поставленных целей каждый раз собираются различным образом (не обязательно с участием) и не отражаются на объеме права участия. В корпорациях не наблюдается исторически возникший и в целом адекватный для некоммерческих организаций формат «общего имущества для общих целей», когда благами из результатов деятельности может воспользоваться неопределенная по составу группа «пользователей». А ведь именно эта модель чаще всего реализуется в спортивных НКО. Более того, если следовать логике корпоративного устройства, то модель корпорации концептуально не годится для деятельности, которая традиционно осуществляется некоммерческими организациями. И на самом деле, если основные права участников корпорации вытекают и определяются исключительно правом участия и размером доли, то никто из лиц, не являющихся членом корпорации, не может (не должен) их приобрести. Разумеется, даже в таком случае не исключается деятельность в пользу не участников корпорации, но у нее заметен «привкус вторичности»: лица, для которых осуществляется основная деятельность, находятся за пределами корпоративных отношений, не формируют ее политику и не определяют конкретные действия корпорации. Если же корпорация совершает действия с предпочтением сторонних интересов (не в пользу своих членов), это потенциально может служить основанием для предъявления исков членов корпорации к лицу, осуществляющему функции единоличного органа или к членам иных органов управления (п. 1,2 ст. 65.2. ГК РФ).

В сфере спорта есть и коммерческие организации, которые в целом действуют в рамках организационных моделей, описанных в параграфе 2 гл. 2 ГК РФ (коммерческие корпоративные организации), но есть и унитарные юридические лица, а, кроме того, допускается ряду некоммерческих организаций вести активную экономическую деятельность, которая иногда именуется «предпринимательской», а иногда «приносящей доход деятельностью» [1].

Особую роль в сфере спорта играют некоммерческие организации, базовым правилам которых следует уделить особое внимание. Все социальные системы, определенные законодателем как «некоммерческие организации», одинаково есть юридические лица (хотя, разумеется, есть и такие формирования, которые просто не зарегистрированы, так, например, многочисленные юные команды). Любая классификационная система предполагает концептуальную однородность систематизируемых элементов, что применительно к рассматриваемому случаю выражается в признании классификационными единицами лишь юридических лиц, обладающих правоспособностью (ст. 49 ГК РФ). По смыслу закона допустимо существование таких форм объединений граждан, которые не являются юридическими лицами, участников связывает лишь устав (ст. 3,5 Федерального закона от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях»¹).

Важнейшим критерием для построения системы юридических лиц является установление определенной организационно-правовой формы для конкретной организации. После принятия седьмого блока поправок в ГК РФ стало безусловным признание принципа «закрытого перечня» (*numerus clausus*) организационно-правовых форм не только в отношении коммерческих, но и некоммерческих организаций (п. 2 ст. 50 ГК РФ).

Данное понятие («организационно-правовая форма») тесно связано с довольно длительным этапом модернизации гражданского законодательства и итогами подготовки Концепции развития гражданского законодательства [2]. Это необходимая характеристика юридических лиц, которая позволяет более-менее системно построить дифференциацию всех таких организаций и в этом смысле является исключительно цивилистическим понятием, хотя неизбежно должна применяться и в других отраслях права.

Перечень таких форм является исчерпывающим, поскольку не может быть организационно-правовых форм, не названных законодателем. Общий смысл этой категории состоит в том, что в результате использования данного приема законодательной техники оказываются нормативно за-

креплены базовые модели создания, функционирования и прекращения деятельности участников гражданских отношений, и даны внешние параметры юридических способов закрепления и использования имущества соответствующим хозяйствующим субъектом [3]. Сведения, сконцентрированные в указании на организационно-правовую форму, позволяют исходно понять – как организованы внутренние отношения, являются ли учредители собственниками имущества, будут ли участники организации отвечать по её обязательствам и т.п.

Важным нормативным элементом системы юридических лиц является наличие или отсутствие членских отношений. Данный критерий позволяет различать корпоративные и унитарные организации, граница между которыми тесно связана с возникновением правоотношений особого рода – корпоративных [4]. В п. 1 ст. 65.1. ГК РФ предусмотрено два критерия для корпораций: а) их учредители (участники) обладают правом участия (членства); и б) они формируют высший орган данной корпорации.

Относительно критериев, в силу которых организации объявляются корпорациями, и о возможно применять это понятие в отношении НКО были высказаны некоторые сомнения. Так, если корпоративный характер усматривать в возможности участников управлять организацией, то было замечено, что в ряде унитарных организаций учредители также осуществляют управление, например, согласно ст. 123.25. ГК РФ предусмотрено, что управление автономной некоммерческой организацией осуществляют ее учредители в соответствии с уставом. В литературе называются и другие случаи, когда рычаги управления остаются у учредителей. Так, Ю. Г. Лескова ссылается на нормы ст. 123.27 ГК РФ, где предусмотрено, что учредитель может выполнять функции органа управления или членов коллегиального органа управления соответствующей религиозной организацией [5]. Но представляется, что использование одного и того же либо сходного признака для характеристики явлений в разных классификационных системах само по себе не порочит ни данные системы, ни признак (в данном случае – управление юридическим лицом его учредителями), а к высказанной критике следует относиться сдержанно.

В рамках отдельного вида юридических лиц, выделенного по определенному критерию, конечно же, может проводиться и часто проводится более глубокая внутривидовая систематизация. Например, в п. 9 ст. 14 ФЗ о спорте предусмотрено, что не менее семидесяти пяти процентов голосов высшего руководящего органа общероссийской спортивной федерации должно принадлежать аккредитованным региональным федерациям. С этим положением можно спорить, но логика очевидна: дать возможность местным спортивным организациям как-то влиять на работу федерации.

Таким образом, дихотомически разрешаемый вопрос о том, является ли юридическое лицо корпорацией или унитарной организацией не мешает применять к ее деятельности и некоторые другие критерии. Здесь, видимо, важнее, что состав прав и обязанностей участников соответствующей корпорации должен быть скоординирован с нормами базовой ст. 65.2. ГК РФ, содержащей универсальный перечень прав участников любой корпорации.

Пристатейный библиографический список

1. Демиева А. Г. Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // *Ежурге.* - 2020. - № 2. - С. 43-52.
2. Концепция развития гражданского законодательства. - М.: Статут, 2009.
3. Серова О. А. Теоретико-методологические и практические проблемы классификации юридических лиц современного гражданского права России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2011. - 67 с.
4. Виллемс И. Х. Экспертное заключение по проекту главы четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // *Вестник гражданского права.* - 2011. - № 2. - С. 255-268.
5. Лескова Ю. Г. Реформирование института юридического лица: вопросы применения правил ГК РФ // *Актуальные вопросы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом* (22 апреля 2016 г.). - М.: Юстицинформ, 2015. - С. 22-24.

1 Федеральный закон от 19.05.1995 г. «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ // СЗ РФ. - 1995. - № 21. - Ст. 1930.

ДОВБЫШ Савелий Алексеевич

студент 2-го курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЗОРИНА Полина Андреевна

студент 2-го курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена исследованию исторического аспекта становления и дальнейшего совершенствования электронного правосудия в Российской Федерации. Авторами обзревается функционирующие на данный момент в России информационные системы в указанной области. В заключение формулируются наиболее актуальные проблемы, связанные с реализацией электронного правосудия в Российской Федерации, а также пути их решения.

Ключевые слова: электронное правосудие, информационная система, Интернет, суд.

DOVBYSH Saveliy Alexeevich

student of the 2nd course of the School of Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZORINA Polina Andreevna

student of the 2nd course of the School of Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ELECTRONIC JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY OF FOUNDATION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

The article is devoted to the research of the historical aspect of the development and further improvement of e-justice in the Russian Federation. The authors review the information systems functioning in Russia at the moment in this area. In conclusion, the most actual problems related to the implementation of e-justice in the Russian Federation are formulated. The authors conclude that it is possible to introduce artificial intelligence as an element of e-justice in the process of judicial process as soon as possible.

Keywords: e-justice, information system, the Internet, court.

XX и XXI века — это время информационных революций, потрясений и глобальных преобразований. На сегодняшний день научно-технический прогресс способствует внедрению информационных технологий во многие сферы общественной жизни, об этом, в частности, свидетельствуют: повсеместная цифровизация экономики и рынка финансовых услуг, внедрение во множестве стран электронного государственного управления, распространение цифрового маркетинга и, что особенно важно в контексте нашего исследования, создание и внедрение «электронного правосудия». Указанные нововведения в свою очередь активно влияют на развитие человечества, способствуют расширению связей между государством и гражданским обществом. Более того, активное совершенствование процесса государственного управления, происходящее путем внедрения высоко интеллектуальных технологий в сфере информатизации, позволяет обеспечить снижение сроков и улучшение качества оказания государственных услуг. В частности, интернет-технологии предоставляют новые возможности, в том числе при реализации права на судебную защиту, позволяя обеспечить доступ граждан к правосудию, а также качественную и эффективную работу как судов, так и иных правоохранительных органов.

Отечественная судебная система не отстает от мировых лидеров в области цифрового правосудия и активно внедряет новые достижения. Так, предоставленная возможность электронной подачи документов в суд выступает наиболее показательным признаком поэтапного перехода судов в Российской Федерации к «электронному правосудию».

В Российской Федерации отсутствует законодательно закрепленная дефиниция «электронного правосудия». Однако еще в 2015 году указанный термин был включен и раскрыт Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в «Перечень основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента»¹. Согласно указанному

Перечню под «электронным правосудием» понимается способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления указанной дефиниции, она применяется на практическом и доктринальном уровнях, получила широкое распространение.

Продолжительное время электронное правосудие существовало лишь в рамках арбитражных судов, что обуславливалось сторонами, участвующими в арбитражном процессе: как правило, в качестве них выступают субъекты предпринимательской деятельности: юридические лица, индивидуальные предприниматели. В отношении же физических лиц, выступавших чаще всего как участники процесса в судах общей юрисдикции, необходимость внедрения электронного правосудия отсутствовала в силу того, что гражданин в большинстве своем не обладает навыками взаимодействия с судом и государственными органами в электронной форме из-за различных причин. Тем не менее, прерогатива арбитражных судов в виде электронного правосудия прекратила действовать в виду объединения Верховного суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) и Высшего арбитражного суда Российской Федерации, что привело к созданию единого центра судебной власти. Данное решение повлекло за собой сокращение отставания судов общей юрисдикции от арбитражных судов. В силу чего ВС РФ в 2017 году в своём Постановлении² сформулировал предложения, касающиеся цифровизации судебной системы: им было предложено внедрение системы автоматического распределения дел между судьями и проведение судебных заседаний с помощью применения систем видео-конференц-связи, что значительно бы упростило и ускорило процесс вынесения решений по тому или иному делу.

пользование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента».

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».

1 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 (ред. от 28.08.2019) «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих ис-

Первого января того же года начала свое действие Государственная автоматизированная система «Правосудие» (далее — ГАС «Правосудие»), позволяющая подавать документы в суды общей юрисдикции в электронном виде.

Позднее, ситуация, связанная с пандемией в 2020 году, показала необходимость скорейшего перехода к электронному правосудию с целью недопущения ограничения доступа в суды, вызванных пандемией коронавируса. Теперь в соответствии с положениями ч. 7 ст. 4 АПК РФ исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд не только на бумажном носителе, но и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. В связи с чем в арбитражном процессуальном праве появился новый институт — веб-конференц-связь, который позволил решить проблему ограничения доступа в суды, вызванную пандемией, и предотвратить огромное скопление дел в судах и отложение их рассмотрения в связи с невозможностью проведения заседаний в очном формате. Так, веб-конференц-связь в отличие от видео-конференц-связи исключает необходимость присутствия участников процесса в здании суда и позволяет участвовать в судебном заседании онлайн с любого устройства при соблюдении условий верификации на специализированном веб-ресурсе. Доля судебных заседаний в режиме веб-конференц-связи значительно превышает долю заседаний с использованием видео-конференц-связи, что говорит о ее востребованности³.

Далее считается целесообразным обозреть системы электронного правосудия, обеспечивающие судебный процесс, к числу которых относятся: ГАС «Правосудие», автоматизированная информационная система (далее — АИС) ВС РФ⁴, система «Мой арбитр»⁵, АИС «Мировые судьи». Но, прежде чем переходить к этому, стоит определиться с тем, что следует понимать под информационной системой судопроизводства. В соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 система автоматизации судопроизводства — это программно-технический комплекс, обеспечивающий ведение судебного делопроизводства, закрепление в электронном виде результатов и хода осуществляемых судом и другими участниками судопроизводства процессуальных действий.

Итак, ГАС «Правосудие» — это информационная система, где с помощью личного кабинета (www.sudrf.ru), размещенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» реализуется участниками процесса права на подачу в суд документов в электронном виде⁶.

АИС ВС РФ также предусматривает аналогичную возможность, однако в рамках ВС РФ, а именно при осуществлении гражданского и уголовного судопроизводства, документы в электронном виде могут быть поданы через личный кабинет, созданный в информационной системе официального сайта ВС РФ, либо через личный кабинет Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее — ЕПГУ). В случае же с арбитражным судопроизводством документы в электронном виде могут быть поданы через личный кабинет, созданный в информационной системе «Мой арбитр», либо через личный кабинет ЕПГУ.⁷

Информационная система «Мой арбитр» — это система, с помощью личного кабинета, размещенного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» реализуется участниками процесса права на подачу в суд документов в электронном виде в рамках арбитражного судопроизводства.⁸

Функционирование АИС «Мировые судьи» до сих пор нормативно не урегулировано: законодателю лишь предстоит это осуществить. Вместе с тем, анализируя информацию, размещенную на официальном портале Мировой юстиции Оренбургской области⁹, удается найти определение рассматриваемому понятию. Так, АИС «Мировые судьи» — это комплексная информационная система судебного делопроизводства по гражданским, уголовным, административным делам, делам об административных правонарушениях, предназначенная для автоматизации деятельности судебных участков мировых судей. Исходя из данных, представленных на том же официальном портале, указанный программный комплекс осуществляет документирование процессов судебного делопроизводства в соответствии с законодательными актами и инструкциями по делопроизводству в судах общей юрисдикции, отвечает за создание унифицированного банка данных по делам и судебным решениям, а также за ведение электронного архива судебных решений. Кроме того, информационная система обеспечивает оперативное предоставление полной и достоверной информации о нагрузке мирового судьи и его аппарата, качества их работы, информацию по движению дел.

Что касается гражданского, административного и уголовного судопроизводства, документы в электронном виде могут быть поданы через личный кабинет, созданный в информационной системе официального сайта ВС РФ, либо через личный кабинет федеральной государственной информационной системы ЕПГУ. Под личным кабинетом в данном случае понимается информационный ресурс, размещенный в информационной системе, предназначенный для реализации участниками судебного процесса прав и обязанностей, предусмотренных процессуальным законодательством, в том числе права на подачу в суд документов в электронном виде.

Для того, чтобы направить обращение в электронном виде в суд, достаточно, в соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57, заполнить специальную форму, размещенную на официальных сайтах судов в сети Интернет, учитывая порядок подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утвержденный Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ в пределах своих полномочий, что уже на данном этапе позволяет сделать вывод об упрощении процедуры подачи документов в суд, что в свою очередь способствует реализации права граждан на судебную защиту и обеспечивает их доступ к правосудию.

На основании вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что информационные технологии имплементируются в судебную систему, что позволяет модернизировать процесс отправления правосудия. Однако, в связи с этим возникает ряд проблем, чаще всего связанных с технической частью данного вопроса. К таковым можно отнести: использование устаревших подходов к реализации систем, и как следствие этому отсутствие общего интерфейса обмена данных; недостаточный уровень подготовки аппарата суда.

Говоря о каждой из вышеуказанных проблем предметно, в первую очередь стоит рассмотреть проблему использования устаревших подходов к реализации систем и отсутствие общего интерфейса обмена данных. ГАС «Правосудие», созданная в 1998 году, является «узким горлышком» при необходимой стыковке с более современными элементами информационных систем, которое влечет необходимость буквальному перепечатыванию информации, что является усложнением судебной работы. Отсюда же вытекает другая проблема — отсутствие общего интерфейса обмена данных. Обнаруживается, что причиной этому является отсутствие общего требования и нормы по конвертации документов в определенный формат хранения информации и стандартов электронного документооборота. Это в свою очередь провоцирует возникновение уже другой проблемы — невозможность качественного межведомственного взаимодействия ввиду слабой связи между отдельными

поддачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»).

9 Внедрение нового программного комплекса // Судебный участок мирового судьи в административно-территориальных границах Сакмарского района. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sak.kodms.ru/news/vnedrenie-novogo-programmnogo-kompleksa> (дата обращения: 01.01.2024).

3 Электронное правосудие: исторические и современные аспекты формирования нормативной базы (Кошечев Н. К.) («Государственная власть и местное самоуправление», 2023, № 6).

4 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 03.12.2010 № 270 «О внесении изменений в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде».

5 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

6 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 17.11.2021) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

7 Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (с изменениями на 20 марта 2023 г.).

8 Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка

элементами системы. Более того, на данный момент времени отсутствует действующее положения законодательства, регламентирующие электронный документооборот между судебными органами и органами исполнительной власти. С учетом реализации целевой программы «Электронная Россия», в ходе которой был издан Федеральный закон РФ № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», появилась система межведомственного электронного взаимодействия. Однако не решенной остается проблема взаимодействия суда с органами прокуратуры, следственного комитета, Федеральной службой судебных приставов, которая преимущественно происходит в бумажном виде.

Следующей, более очевидной, но не менее важной проблемой электронного правосудия, является недостаточный уровень подготовки аппарата суда. Под аппаратом суда в данном случае понимаются и сотрудники, и техническая оснащенность самого суда как такового. Говоря о сотрудниках, главной проблемой является отсутствие понимания работы с подобного рода информационными технологиями, а главное ее специфики. Как известно, юрист в России — это сугубо гуманитарная специальность, где информационному праву до сегодняшнего дня уделялось ничтожно малое количество времени, потому, и без того сложная работа дополняется целым рядом незнакомых «обычному» юристу технических терминов и понятий, что не всегда сильно старшему поколению и в большинстве своем и осуществляет отправление правосудия.

Переходя к технической готовности самого суда, стоит сразу же уточнить, что специфика веб и видеоконференцсвязи предполагает хорошее качество звука, видео и, как следствие, — качественное восприятие его участниками процесса. Все вышеизложенные требования могут быть реализованы посредством высококачественного соединения между устройствами. Часто случаются проблемы с соединением порождают замедление процесса, выражающееся в необходимости прервать заседание для восстановления веб- и видеоконференцсвязи. Более того, оснащение судов качественным оборудованием реализовано не везде, что также является основанием для замедления процесса, даже с учетом хорошего соединения.

С целью решения вышеизложенных проблем, авторами предлагаются следующие варианты, которые позволят завершить качественную имплементацию цифровых технологий в процесс отправления правосудия.

Итак, недостаточная техническая оснащенность судов может быть устранена крайне ординарно — путём обеспечения судов материально-техническими средствами, к которым и относятся истребуемые для решения рассматриваемой проблемы, камеры, компьютеры и качественное интернет-соединение. Интересным в данной связи будет тот факт, что в настоящее время к основным направлениям материально-технического обеспечения судебных участков относятся: символика, мантии, средства безопасности и только на последнем месте иные, к числу которых как раз-таки и относятся компьютерная техника. Вместе в тем, в соответствии Федеральным Законом от 10 февраля 1999 г. «О финансировании судов Российской Федерации», положения которого гласят, что Суды Российской Федерации вправе самостоятельно распоряжаться средствами, выделяемые им на материально-техническое обеспечение, явствует тот факт, что в случае, если компьютерная техника того или иного Суда не соответствует предъявляемым программой требованиям для стабильной работы — консультант отдела информационного и материально-технического обеспечения деятельности суда при составлении сметы вправе указать дополнительные иные материально-технические средства, поскольку это входит в перечень его полномочий. Далее, считаем немаловажным уделить отдельное внимание аппарату, а именно с его сотрудниками. По нашему мнению, центральная проблема нынешних сотрудников суда — это недостаточная осведомленность о том каким путем, какими средствами и способами реализуется электронное правосудие. Опять же, решение данной проблемы крайне примитивно — всеобщее комплексное обучение кадров в области электронного правосудия.

В свою очередь отсутствие общего интерфейса обмена данных, как одна из обозначенных проблем, решается куда сложнее: для этого потребуется масштабная техническая работа соответствующих сотрудников, связанная с определением и разработкой стандартного формата предоставления данных, который будет способен воспринимать каждый компьютер. Ко всему прочему, необходима и разработка протокола обмена, отвечающего требованиям безопасной передачи информации. В случае, если все вышеизложенное будет реализовано качествен-

но, то электронное правосудие будет осуществляться с помощью использования одной программы.

Последняя освещенная нами проблема — это некачественное межведомственное взаимодействие ввиду слабой связи между отдельными элементами системы. Важно отметить, что прецедента в данной сфере прослеживается, она находит свое отражение в Федеральной целевой Программе «Развитие судебной системы России», в которой как раз-таки содержится положение о необходимости внедрения в систему принудительного исполнения судебных актов современных технологий, позволяющих обеспечить эффективное исполнение судебных решений. Кроме того, разработан и утвержден «План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации», в соответствии с которым предлагается установить порядок электронного и автоматизированного взаимодействия между участниками процесса. Вероятно, такое взаимодействие будет иметь большой коэффициент полезного действия в том случае, если все это найдет выражение в более активной цифровизации и автоматизации элементов предварительного и послесудебного контроля.

Резюмируя все вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что электронное правосудие в России развивается крайне неэффективно: наша страна не выступает в роли догоняющей, а идет на равне с другими странами, практикующими электронное правосудие.

Пристатейный библиографический список

1. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента».
2. Электронное правосудие: исторические и современные аспекты формирования нормативной базы (Кощеев Н. К.) («Государственная власть и местное самоуправление», 2023, № 6).
3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 03.12.2010 № 270 «О внесении изменений в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде».
4. «Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252» (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».
5. «Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 17.11.2021) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»».
6. «Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (с изменениями на 20 марта 2023 г.).
7. «Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 (ред. от 20.02.2018) «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (вместе с «Порядком подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»»).
8. Внедрение нового программного комплекса // Судебный участок мирового судьи в административно-территориальных границах Сакмарского района. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sak.kodms.ru/news/vnedrenie-novogo-programmnogo-kompleksa> (дата обращения: 01.01.2024).
9. Компьютеры вскоре заменят судей // ВЕСТИ.RU [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.vesti.ru/hitech/article/619618> (дата обращения: 01.01.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-708-709

ИЛИКЕЕВА Юлия Айдаровна

доцент кафедры истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

магистрант Института информатики, математики и робототехники Уфимского университета науки и технологий

ФАЙЗУЛЛИН Альфред Рафисович

магистрант Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

Актуальность исследования определяется тем, что на данный момент для Российской Федерации вопросы, связанные с управлением и развитием регионов, играют определяющую роль в устойчивости национальной экономики. Объект исследования - национальная экономика. Предмет исследования - устойчивое развитие регионов с позиции функции управления. Цель исследования - рассмотреть содержательные аспекты устойчивого развития регионов. В статье раскрывается, что развитие отдельных регионов сильно зависит от социально-экономических, природно-климатических и культурно-исторических условий. Изменения в экономической и социальной среде, а также в структуре российского общества, привели к тому, что многие проблемы, которые раньше стояли на федеральном уровне, теперь перешли на субъектный уровень регионов. Результатом структурной реформы власти стало возникновение большого числа регионов, которые не могут полностью использовать свой экономический потенциал, поэтому необходимо преодолеть барьеры, препятствующие воспроизводству депрессивных процессов и разработать стратегию управления который сделает развитие регионов более устойчивым и качественным.

Ключевые слова: устойчивое развитие, национальная экономика, стратегия развития, целевые показатели, качество жизни.

ILIKEEVA Yuliya Aidarovna

associate professor of Russian history, historiography and source studies sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

GILYZOVA Alisa Ildarovna

magister student of the Institute of Computer Science, Mathematics and Robotics of the Ufa University of Science and Technology

FAYZULLIN Alfred Rafisovich

magister student of the Institute of Computer Science, Mathematics and Robotics of the Ufa University of Science and Technology

STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

The relevance of the study is determined by the fact that at the moment for the Russian Federation, issues related to the management and development of regions play a decisive role in the sustainability of the national economy. The object of research is the national economy. The subject of the study is the sustainable development of regions from the perspective of the management function. The purpose of the study is to consider the substantive aspects of sustainable development of regions. The article reveals that the development of individual regions strongly depends on socio-economic, natural-climatic and cultural-historical conditions. Changes in the economic and social environment, as well as in the structure of Russian society, have led to the fact that many problems that previously stood at the federal level have now moved to the subjective level of the regions. The result of the structural reform of power has been the emergence of a large number of regions that cannot fully use their economic potential, therefore it is necessary to overcome the barriers that prevent the reproduction of depressive processes and develop a management strategy that will make the development of the regions more sustainable and of higher quality.

Keywords: sustainable development, national economy, development strategy, target indicators, quality of life.

Достижение устойчивого развития России в целом зависит от гармоничного прогресса всех ее регионов и сбалансированности межрегиональных связей. Стратегии устойчивого развития отдельных регионов призваны определить их долгосрочное развитие в соответствии с общим стратегическим курсом страны, направленным на улучшение уровня и качества жизни граждан на основе перехода к инновационной экономике, не наносящей вред окружающей среде: «Само по себе недостаточное обеспечение городских и сельских территорий водой, отвечающей требованиям безопасности, может отрицательно повлиять не только на здоровье граждан и экологическую обстановку, но и понизить урожайность, а также качество сельхозкультур, выращиваемых в российских регионах» [1, с. 130]. Устойчивость развития региональной системы зависит от ее территориально-потенциала, включающего природно-климатические, социально-экономические и материально-технические ресурсы.

Управление в Российской Федерации, а также в большинстве стран мира, организовано на нескольких уровнях: федеральном, региональном и местном и каждый уровень выполняет свои определенные функции и полномочия. Поэтому многие социально-экономические проблемы могут быть решены только при совместных усилиях различных уровней государственного управления в таких областях, как экономическое развитие, обеспечение жилищно-коммунального хозяйства, благоустройство территорий, транспорт и дорожное хозяйство, образование, здравоохранение и социальная защита населения. Большинство проблем наиболее эффективно решаются на местном (муниципальном) уровне управления, то есть на уровне муниципалитетов, поскольку это позволяет учитывать специфику территорий, их ресурсы и условия, а также особенности и интересы местного населения. Органы муниципального управления выступают важным звеном в системе государственного управления. Для достижения стратегических целей и приоритетов региональ-

ного развития важно обеспечить согласованное взаимодействие между регионом и муниципальными образованиями, поэтому устойчивость социально-экономического развития региона в значительной мере зависит от региональной политики в отношении муниципальных образований.

Региональная политика развития муниципальных образований включает в себя деятельность региональных органов власти по определению и реализации целей и приоритетов территориального развития, механизмов стимулирования, поддержки и содействия развитию муниципальных образований в целях обеспечения комплексного и устойчивого развития региона. Решение критических вопросов в сфере социально-экономического развития региона предполагает проведение комплекса взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых как в сельских поселениях, так и в сельских населенных пунктах, входящих в состав городских поселений в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹.

Эффективность региональной политики развития муниципальных образований проявляется в действиях, предпринимаемых органами государственной власти по реализации территориальной политики, межбюджетных отношений, форм и методов стимулирования муниципальных образований, которые приводят к конкретным и измеримым результатам, таким как улучшение параметров социально-экономического развития территорий, повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг. Управление устойчивым развитием региона представляет собой комплекс государственного управления, осуществляемого на федеральном и региональном уровнях с целью обеспечения стабильного и планомерного развития территорий страны. Оно ориентировано на обеспечение устойчивого развития регионов, что включает в себя социальные, экономические и экологические аспекты: «Координация деятельности научно-производственных платформ, синергетический эффект интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции позволяет решить секстет задач» [2, с. 42]. Сущность устойчивого развития региона предполагает рассмотрение аспектов, влияющих на его состояние и в этом контексте, региональными субъектами Российской Федерации, рассматриваемыми в качестве объектов государственной политики, являются территориальные образования, вытекающие из общественного разделения труда и территориальной организации страны. Осуществление управления устойчивым развитием региона предполагает учет различных параметров, характеризующих данный региональный объект: его комплексность, целостность, особенности специализации, а также наличие механизмов управления в виде административно-политических органов: «Управленческие решения в любой системе, в том числе в такой большой как экономика региона, могут приниматься только на основе анализа состояния объекта управления, знание о котором достигается за счет проведения соответствующего мониторинга» [3, с. 16].

На уровне регионов специалисты выделяют ряд причин, обуславливающих необходимость обеспечения устойчивости развития, среди них: уникальность и сложность регионов как территориальных единиц, их исторические особенности, оптимальная структура и значительный опыт государственного регулирования в прошлом. Управление устойчивым развитием региона предполагает комплексный подход к решению проблем, стоящих перед региональными структурами и в условиях активного внедрения экономических реформ, значимость управления устойчивым развитием регионов увеличивается, поскольку на них перекладывается значительная часть ответственности за экономические процессы. Важно отметить, что управление устойчивым развитием региона предусматривает не только развитие его экономической базы, но и улучшение качества жизни населения, а также учет различных сфер жизнедеятельности.

При организации управления устойчивым развитием региона важно учитывать отсутствие однозначной связи между общим развитием региона и его экономическим развитием, так как устойчивое развитие региона определяется не только экономическими показателями, но также направлено на обеспечение высокого уровня и качества жизни граждан, учитывая позитивную динамику показателей, характеризующих различные сферы жизнедеятельности. Управление устойчивым развитием региона требует ориентации на обеспечение социальной жизнеспособности системы, выражающейся в способности к жизнедеятельности и развитию в конкретных условиях функционирования, а также подразумевает обеспечение государственными властями федерального и регионального уровня сохранения и развития важных параметров уровня и качества жизни граждан в пределах минимальных границ безопасности или выше этих границ, учитывая внутренние и внешние воздействия, способные оказать негативное влияние на развитие региона и социальное благополучие его населения. То есть, основной целью управления устойчивым развитием региона, это достижение социального эффекта, а не экономического: «Под социальным эффектом в общем виде понимается положительное последствие от реализации инвестиционного проекта для социальной группы, которое выражается в улучшении качества уровня жизни при увеличении объема или предложения новых услуг, повышении доступности, своевременности, регулярности их предоставления и т.п.» [4, с. 56]. При управлении устойчивым развитием региона необходимо учитывать факторы, оказывающие на него влияние, среди таких факторов можно выделить уровень развития инфраструктуры, транспортных связей, наличие кредитных учреждений и страховых организаций, экологические условия, наличие культурно-образовательных учреждений, уровень развития сельского хозяйства и промышленности, наличие природных ресурсов, а также деятельность общественных организаций и другие аспекты.

Таким образом можно сделать вывод, что управление устойчивым развитием региона направлено на обеспечение системной жизнеспособности территориальных образований при учете внутренних и внешних воздействий, способных оказать влияние на их развитие и благополучие населения. Управление устойчивостью регионального развития требует учета множества факторов, таких, как развитие инфраструктуры, финансовая обеспеченность, экологическая устойчивость, культурно-образовательная среда, уровень развития сельского хозяйства и промышленности, а также наличие природных ресурсов.

Приставный библиографический список

1. Шибаева Н. А., Парфененко У. А. Программно-целевое Управление устойчивым развитием водохозяйственного комплекса региона // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. – 2022. – № 9. – С. 128-132. – EDN FHYWCB.
2. Жамалов Т. И., Хасцаев И. Р. Управление устойчивым развитием биотехнологического комплекса региона в системе научно-образовательных центров мирового уровня // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. – 2023. – № 2 (44). – С. 38-43. – EDN ENODUB.
3. Коноваленков С. В. Управление устойчивым развитием региона в условиях цифровой экономики // Управление устойчивым развитием. – 2020. – № 6 (31). – С. 14-22. – EDN PERHFX.
4. Хайруллин В. А., Ахундов Э. Р., Кузнецов Д. В., Зенцов В. Н. Оценка социального и бюджетного эффекта при реализации инвестиционных проектов затратного типа в строительстве. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Бук», 2021. – 226 с. – ISBN 978-5-00118-689-2. – EDN UJFKO.²

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=lqyx2x8hgg6525814.

ЛИ Максим Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАХТИНА Виктория Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НАГАИ Кира Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРОМЧЕВСКАЯ Карина Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИЧУРОВА Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО

Данная статья проводит всесторонний анализ влияния глобализации на различные аспекты современного общества, акцентируя внимание на экономических, культурных, социальных и экологических аспектах. Исследуя труды известных социологов, включая Ульриха Бека, Зигмунта Баумана и Антони Гидденса, статья освещает тему глокализации - слияния глобальных и локальных процессов. Особое внимание уделяется тому, как глобальные процессы преобразуют повседневную жизнь, при этом целью статьи является предоставление всестороннего анализа влияния глобализации на развитие современного общества.

Ключевые слова: социально-культурные трансформации, глобально-локальное взаимодействие, экономические тенденции, экологические вызовы, риск-общество, космополитические процессы, современные социальные динамики.

LEE Maxim Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BAKHTINA Victoria Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NAGAI Kira Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GROMCHEVSKAYA Karina Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MICHUROVA Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE INTERACTION OF GLOBALIZATION AND LOCALIZATION: CURRENT TRENDS AND THEIR IMPACT ON SOCIETY

This article provides a comprehensive analysis of the impact of globalization on various aspects of modern society, focusing on economic, cultural, social and environmental aspects. Exploring the works of famous sociologists, including Ulrich Beck, Zygmunt Bauman and Anthony Giddens, the article highlights the topic of glocalization - the fusion of global and local processes. Special attention is paid to how global processes transform everyday life, while the purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the impact of globalization on the development of modern society.

Keywords: socio-cultural transformations, global-local interaction, economic trends, environmental challenges, risk society, cosmopolitan processes, modern social dynamics.

Глобализация — это не просто экономический или политический процесс, это комплексное явление, затрагивающее культуру, общество, экологию и личную жизнь каждого человека. Например, усиление международной торговли и инвестиций приводит к интенсификации экономических связей между странами, что, в свою очередь, способствует более быстрому распространению культурных и социальных идей. Этот процесс глобальной интеграции приводит к созданию новых форм социальных структур и отношений.

Культурный обмен, ускоренный глобализацией, способствует распространению идей, норм и ценностей, что может привести к эрозии традиционных культурных норм. В то же время это также открывает возможности для создания новых форм культурного самовыражения, где локальные и глобальные элементы переплетаются, формируя уникальные культурные ландшафты.

Социальные изменения, вызванные глобализацией, также затрагивают вопросы идентичности и принадлежности. Люди становятся более мобильными, что приводит к увеличению межкультурных взаимодействий и формированию мультикультурных обществ. Это, в свою очередь, порождает новые вызовы и возможности для социальной интеграции и взаимопонимания.

Экологические последствия глобализации также нельзя игнорировать. Международная торговля и глобальное производство увеличивают использование природных ресурсов и воздействие на окружающую среду. Эти изменения требуют глобального сотрудничества для разработки устойчивых решений, направленных на снижение воздействия на окружающую среду и борьбу с изменением климата.

В конечном счете глобализация представляет собой сложный и многогранный процесс, оказывающий значительное влияние на все стороны нашей жизни. Понимание этого влияния и адаптация к нему - ключевые задачи для исследователей, политиков и общества в целом, стремящихся сформировать более справедливый и устойчивый мир.

Глобализация является одной из самых значимых тем современной социологии, охватывая ключевые аспекты социальных изменений в современном мире. С каждым годом связь между людьми, организациями и государствами укрепляется, а взаимозависимость растет. Хотя глобализация присутствует в нашей повседневной жизни, мы редко задумываемся о ней, воспринимая как естественный процесс. Однако следует отметить, что глобализация стимулирует стирание культурного разнообразия, ведя к постепенной утрате странами своей идентичности

и национального колорита. Происходит слияние культур, формируются определенные образцы и «стандарты», способствующие появлению однородности. Глобализация - неизбежный процесс в современном мире, затрагивающий жизнь общества. Границы и барьеры для создания единой системы постепенно стираются.

В нашей повседневной жизни глобализация оказывает заметное влияние на каждого человека. Несмотря на кажущуюся обыденность жизни, влияние глобализации присутствует в личной жизни каждого человека, меняя наш образ мышления и образ жизни. Одним из наиболее значимых аспектов глобализации является исчезновение традиционных и национальных характеристик общества. Глобализация проявляется в обмене культурным опытом, что приводит к созданию единых международных стандартов в общении и ведении бизнеса. Примером глобализации могут служить социальные сети, которые вошли в нашу жизнь, заставляя нас одеваться одинаково, слушать одну и ту же музыку. Через социальные сети мы связаны со всем миром, познавая культурные традиции других стран и внося новые элементы культуры в свою жизнь.

Российские социологи Волков и Хархордин выделяют две основные характеристики повседневных практик: «фоновый характер и раскрывающую способность». Первая черта подразумевает ежедневное, рутинное исполнение любой практики, вторая — включение практик в культуру, помогая человеку раскрыть свою социальную идентичность и роль в определенной культуре. Также человек может выступать в разных социальных ролях.

На макроуровне дискурс глобализации сосредоточен на общих изменениях в мире, но на микроуровне глобализация также присутствует, проявляясь через повседневные практики и проникая во все сферы жизни людей.

Польский социолог Зигмунт Бауман, автор многих социологических работ, использует термин «жидкая модерность». Это эпоха неопределенности и небезопасности, где прошлое и настоящее находятся в резонансе. В жидкой модерности традиционные институты, такие как семья и религия, размываются, все становится гибким и зависит от отношения конкретного человека к этим вещам. Государственные институты не способны восстановить полный порядок в глобальном смысле, так как отсутствует единство и происходит дерегуляция. Межличностные отношения также становятся мягкими и гибкими. Примером «жидкой модерности» может служить выбор людьми образования, когда они могут учиться сразу в двух или более институтах по разным специальностям, включая дистанционное обучение.

Антони Гидденс в своей книге «Бегущий мир: как глобализация переформирует наши жизни» исследует феномен глобализации и ее влияние на общество. Глобализация рассматривается как динамичный процесс, охватывающий всех и вся. В результате формируется глобальное космополитическое общество, ориентированное на будущее. Гидденс также анализирует изменения в институте семьи и брака под влиянием глобализации, где разводы становятся обыденностью, а зарегистрированный партнерство приобретает популярность, как показывают статистические данные Eurostat [3].

Стоит подробнее остановиться на реальных примерах и последствиях глобализации, а также на том, как она взаимодействует с локальными культурами и социальными структурами.

Во-первых, рассмотрим экономическую сторону глобализации. В последние десятилетия мир наблюдает значительное усиление международной торговли и инвестиций. По данным Всемирной торговой организации, общий объем мировой торговли товаров и услуг в 2019 году достиг 19 триллионов долларов США, что в разы превышает показатели начала 2000-х годов. Это способствовало росту экономик многих стран, особенно развивающихся.

Во-вторых, важно упомянуть влияние глобализации на культуру. Культурный обмен между странами ускорился благодаря глобальным коммуникациям и медиа. Однако это также привело к опасениям о потере уникальных культурных идентичностей. Например, по данным ЮНЕСКО, каждые две недели исчезает один язык, что приводит к сокращению культурного разнообразия.

Третьим важным аспектом является влияние глобализации на социальную структуру. С одной стороны, она способствует увеличению мобильности рабочей силы и улучшению условий жизни во многих регионах. С другой стороны, это может привести к усилению социального неравенства. По данным Всемирного банка, в 2019 году число людей, живущих в крайней нищете, сократилось до 8,2 % населения мира, однако разрыв в доходах между богатыми и бедными слоями населения продолжает увеличиваться во многих странах.

Четвертый аспект касается экологических последствий глобализации. Масштабное промышленное производство и увеличение потребления ресурсов привели к усилению экологических проблем, таких как глобальное потепление и загрязнение окружающей среды. По данным Всемирного метеорологического организации, средняя глобальная температура за последние 50 лет увеличилась примерно на 0,13°C каждое десятилетие.

Наконец, рассмотрим феномен глокализации, который представляет собой сочетание глобального и локального. Он выражается в том, что, несмотря на глобальное распространение культурных, экономических и социальных практик, локальные особенности сохраняются и даже укрепляются. Этот феномен можно увидеть, например, в том, как глобальные бренды адаптируют свою продукцию к местным вкусам и предпочтениям [1].

Германский социолог Ульрих Бек в своей книге «Общество мирового риска» рассматривает осознание риска, возникающего из-за общих глобальных проблем, которое является одной из главных особенностей глобализации. Глобализация рисков несет «социальный бумеранг-эффект», то есть люди сами притягивают к себе опасности, созданные ради прибыли. Риски преодолевают границы государств и приобретают глобальное значение. Универсальные угрозы для всех обществ сопровождают постиндустриальное социальное производство, независимо от местоположения страны. Примером такого «эффекта бумеранга» может служить авария на Чернобыльской АЭС в 1986 году, последствия которой затронули многие города и огромное количество людей. Также Бек отмечает, что современные риски не имеют временных или социальных ограничений, как, например, пандемия коронавируса Covid-19, которая изначально была локальной, но быстро распространилась по всему миру [2].

Бек также исследует феномен космополитизации, считая, что она трансформирует нашу повседневную жизнь. Стираются национальные и иные границы, появляется концепция постоянного социального кризиса. Происходит взаимопроникновение локальных, национальных, этнических и религиозных культур, которые сливаются в единый мир с прозрачными границами. Примером такого космополитизма может служить ресторан индийской кухни, возникший не в Индии, а в Лондоне и постепенно распространившийся по всему миру.

Влияние глобализации на образ жизни и досуг также значительно, поскольку оно входит в повседневные практики. Образ жизни становится более глобальным благодаря глобализации потребления, моды и СМИ. Роберт Стеббинс в 1982 году разработал концепцию «серьезного досуга», который представляет собой систематическое занятие любительской деятельностью, хобби или волонтерством, обогащающим и удовлетворяющим, где участники находят карьеру в приобретении и выражении сочетания их особых навыков, знаний и опыта [5].

Феномен глокализации также заслуживает внимания в контексте глобализации. Это процесс социального, культурного и экономического развития, характеризующийся существованием многонаправленных тенденций. На фоне глобализации, вместо ожидаемого слияния, сохраняется идентичность. Местные различия, напротив, начинают проявляться ярче. Роланд Робертсон и Томас Фридман изучали это явление, подчеркивая, как интернет способствует процессу глокализации, например, через создание веб-сайтов на родных языках или сохранение фольклора.

Приставленный библиографический список

1. Giddens A. Runaway world: How globalization is reshaping our lives. - London: Profile, 1998.
2. Beck U. "Living in the world risk society" // Economy and Society Volume. - 2006. - P. 329-345.
3. Khokhlova, A. "Liquid" everyday life: transformation of cultural practices under globalization conditions. St. Petersburg University // Sociology. - 2013. - № 1. - P. 95-102.
4. Habibul Haque Khondker. "Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept" // Bangladesh e-Journal of Sociology. - 2004. - Vol. 1. - № 2. - July.
5. Castells, M. The Rise of the Network Society. - Oxford: Blackwell Publishers, 1996.
6. Sorokin P. A. and Merton R. K. "Social Time: A Methodological and Functional Analysis" // The American Journal of Sociology. - 1937. - Vol. 42. - № 5. - P. 615-629.

ЦЕЛИЩЕВА Татьяна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАГЗЯНОВ Владислав Петрович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЮРКЕВИЧ Эвелина Александровна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БОТВИНКО Диана Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДОВГУШЕВА Анна Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМАТИКА И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Данная статья представляет собой глубокий анализ эволюции гражданского общества в России, с акцентом на растущую роль общественных объединений. Исследование базируется на социологических данных, отражая восприятие и участие граждан в деятельности этих организаций. Рассматриваются ключевые факторы, формирующие гражданскую активность, а также взаимоотношения между общественностью и государственными структурами. Статья выявляет текущие проблемы и предлагает стратегии для укрепления взаимодействия между гражданами и государственными учреждениями, а также для повышения правовой грамотности и активности населения.

Ключевые слова: эволюция гражданского общества, общественные объединения, социальная активность, государственно-общественные отношения, правовая осведомленность.

TSELISHCHEVA Tatyana Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAGZYANOV Vladislav Petrovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YURKEVICH Evelina Alexandrovna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BOTVINKO Diana Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DOVGUSHEVA Anna Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE TRANSFORMATION OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA: DYNAMICS, PROBLEMS AND DEVELOPMENT STRATEGIES

This article provides an in-depth analysis of the evolution of civil society in Russia, with an emphasis on the growing role of public associations. The study is based on sociological data, reflecting the perception and participation of citizens in the activities of these organizations. The key factors shaping civic engagement, as well as the relationship between the public and government agencies, are considered. The article identifies current problems and suggests strategies to strengthen interaction between citizens and government agencies, as well as to increase legal literacy and public activism.

Keywords: evolution of civil society, public associations, social activity, state-public relations, legal awareness.

В последние годы гражданское общество в России переживает значительные изменения, что вызывает интерес у исследователей социальных процессов. Особое внимание уделяется роли общественных объединений, которые становятся ключевыми игроками в области социальных и политических трансформаций. Эти изменения сопровождаются ростом гражданской активности, что видно из увеличения количества общественных организаций и их влияния на политические процессы и гражданское участие [1].

Социологические исследования последних лет показывают, что гражданская активность в России расширяется не только за счет количества участвующих в ней людей, но и через разнообразие форм и направлений деятельности. Это включает в себя участие в местных инициативах, волонтерство, участие в работе НКО и других общественных организаций. Кроме того, наблюдается укрепление связей между гражданским обществом и государственными институтами, что способствует более эффективному решению социальных и политических задач.

Однако, несмотря на эти положительные тенденции, существуют и значительные проблемы. К ним относятся ограничения на деятельность некоторых общественных объединений, а также

слабая правовая осведомленность и пассивность части населения. Эти факторы затрудняют полноценное участие граждан в общественной жизни и ограничивают потенциал гражданского общества.

Гражданские институты играют решающую роль в формировании и развитии современного общества. Эти институты представляют собой разнообразные формы и направления деятельности, через которые граждане могут реализовать свои инициативы и вносить вклад в решение актуальных социальных вопросов. Включая общественные, религиозные, образовательные, благотворительные организации, профессиональные союзы, бизнес-ассоциации, культурные и политические объединения, а также средства массовой информации, эти институты обеспечивают платформу для активного обсуждения и сотрудничества между обществом и государством [2].

Эффективное взаимодействие в рамках гражданского общества требует выполнения ряда условий, включая развитие демократических институтов, повышение гражданской активности и политической культуры, легитимность власти, развитие местного самоуправления, соблюдение принципов законности и достаточный авторитет гражданских институтов.

В контексте российского общества общественные организации становятся ключевым элементом гражданского общества. Создаваемые на добровольной основе, эти организации объединяют граждан для достижения общих целей, защиты интересов и реализации социальных инициатив. Они могут включать политические партии, молодежные и детские объединения, творческие союзы, культурно-просветительские фонды, объединения ветеранов и научные сообщества [3]. Эти организации играют важную роль в развитии гражданского общества, предоставляя платформу для взаимодействия между гражданами и государством, способствуя социальному развитию и укреплению демократии.

Несмотря на создание правовой основы для деятельности общественных организаций, фактическая гражданская активность остается на относительно низком уровне. Это противоречие между законодательными возможностями и реальным участием граждан в общественной жизни подчеркивает необходимость более глубокого анализа социальных, культурных и образовательных аспектов.

Одним из основных факторов, сдерживающих активность граждан, является недостаточный уровень правовой осведомленности и политической культуры. Это подтверждается тем фактом, что значительная часть населения чувствует себя оторванной от политических процессов и не верит в эффективность своего участия. Кроме того, существует убеждение, что политикой должны заниматься профессионалы, что свидетельствует о недоверии к возможности гражданского влияния на управленческие процессы.

Интересным является рост участия граждан в коллективных петициях и общественных организациях, что может указывать на начало сдвига в общественном сознании. Это может быть связано с ростом использования интернета и социальных сетей, которые обеспечивают более легкий доступ к информации и платформы для общественного взаимодействия. Тем не менее, эта тенденция пока не достигла массового масштаба [4].

С другой стороны, важным фактором является исторический контекст России, который характеризуется сильной централизацией власти и ограниченной ролью гражданского общества в политических процессах. Это историческое наследие продолжает влиять на отношение граждан к участию в общественной жизни и их восприятие роли государства.

Формирование общественных объединений нацелено на достижение социальных целей, играя ключевую роль в современном обществе. Эти организации выполняют множество функций, в том числе представление интересов различных групп населения, участие в принятии управленческих решений, общественный контроль за соблюдением прав и свобод граждан, а также формирование общественного мнения.

Недавние исследования, включая опросы ВЦИОМ, показывают, что общественные организации признаются важными и полезными, особенно среди молодежи и людей с высшим образованием. По данным исследования 2021 года, более трети россиян (38%) признают важность этих организаций, а 62% уверены, что они способствуют укреплению доверия между гражданами и государством. Молодые люди до 44 лет чаще высказываются в поддержку общественных организаций, подчеркивая их роль и необходимость.

Кроме того, исследования показывают изменение восприятия этих организаций за последние годы. Например, если в 2007 году только 31% россиян считали, что общественные организации способны защищать права человека, то к 2020 году этот показатель вырос до 62%. Также увеличилось количество россиян, участвующих в деятельности общественных организаций, особенно в благотворительных и волонтерских проектах. 72% опрошенных считают, что общественные организации могут эффективно осуществлять общественный контроль за деятельностью государственных органов.

Эти данные свидетельствуют о возрастающем влиянии общественных организаций в России и их важности для развития гражданского общества, подчеркивая роль молодежи и образованных граждан в этом процессе.

Изложенные данные указывают на то, что с течением времени общественные организации не только развиваются, но и набирают авторитет в обществе. Это приводит к увеличению активного участия граждан в их деятельности и восприятию этих объединений как эффективного средства воздействия на власть и участия в управлении социальными проблемами. Однако, как показывают опросы, большинство участников вовлечены преимущественно в благотворительную деятельность, что свидетельствует о неиспользованном потенциале этих организаций,

частично обусловленном низким уровнем гражданской активности и правовой культуры.

Согласно социологическим исследованиям, ВЦИОМ, к концу 2021 года политическая и гражданская активность населения упала до минимального уровня с 2004 года. Только 22% россиян заявили о своем участии в выборах в 2021 году, по сравнению с 55% в 2004 году. При этом 45% признались, что никогда не участвовали в общественной и политической жизни страны. Тем не менее, произошли некоторые улучшения: увеличилась доля тех, кто участвует в коллективных петициях и общественных организациях.

Низкая активность граждан объясняется нехваткой времени, убеждением в том, что политикой должны заниматься профессионалы, и уверенностью в неэффективности своих действий. Это влияет на качество взаимодействия общества и государства в рамках гражданского общества. Анализируя причины, эксперты указывают на комплексное влияние исторических, культурных и правовых факторов [6].

В России сформированы организационные и правовые механизмы функционирования гражданского общества, включая свободу общественных объединений и право граждан на участие в их деятельности. Существует опыт работы общественных палат и механизмов общественного контроля. Для дальнейшего развития положительного отношения к гражданским институтам и укрепления доверия к ним необходимо использовать имеющиеся возможности, основанные на принципах законности, равноправия и социального партнерства.

В связи с усиливающимся значением общественных объединений в российском гражданском обществе акцентируется необходимость дальнейшего развития и поддержки этого института. Население признает их важность, особенно в контексте влияния на государственные решения и процессы общественного контроля.

Примечательно, что молодежь и люди среднего возраста демонстрируют повышенный интерес к общественным объединениям, как показывают опросы. Следовательно, целесообразно сосредоточить усилия на повышении уровня правовой грамотности и гражданской активности среди этих групп. Важно разрабатывать и внедрять программы правового воспитания, направленные на формирование активного и осознанного отношения к гражданской инициативе среди молодежи. Параллельно необходима активная информационная кампания, направленная на повышение осведомленности общества о важности участия в гражданских инициативах и механизмах общественного контроля [5].

Кроме того, важно развивать эффективные коммуникации между общественными организациями и властными структурами. Для этого целесообразно использовать разнообразные каналы коммуникации: от личных встреч до электронных обращений через сайты органов власти. В условиях информационного общества такая многоуровневая коммуникация способствует повышению прозрачности и открытости государственного управления, укрепляет доверие и стимулирует гражданскую активность.

Эти меры могут значительно усилить роль и эффективность общественных объединений в России, способствуя развитию гражданского общества, укреплению демократических процессов и повышению общественного доверия к государственным институтам.

Пристайный библиографический список

1. Растимешина Т. В., Антонов Ф. С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – № 1. – С. 168-180.
2. Взаимодействие гражданского общества и государства в России: правовое измерение / Под ред. О. И. Цыбулевской. – Саратов: Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, 2013. – 404 с.
3. Гавриленко В. И. К вопросу о понятии и сущности гражданского общества: конституционно-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4. – С. 139-145.
4. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития // Социум и власть. – 2016. – № 3. – С. 7-16.
5. Putnam R. D. "Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy." – Princeton University Press, 1993. – 280 с.
6. Keane, J. "Civil Society: Old Images, New Visions." // Stanford University Press. – 1998. – 224 с.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна

кандидат культурологии, доцент кафедры административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

НЕОБХОДИМОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В данной статье приводятся дискуссионные вопросы о необходимости идеологии в современной России и реальные проблемы современной российской идеологии; обосновывается значение идеологии для современной России; определены источники новой идеологии РФ; дается характеристика идеологии, которая нужна нашей стране; показано, что российская идеология должна учесть отечественный и мировой опыт, чтобы рассчитывать на длительное, устойчивое и успешное развитие; указано, какие аспекты могут быть использованы в качестве государственной идеологии; делается акцент на том, что идеология не может повторять содержательных ошибок прошлого, как и не может абсолютно порывать с цивилизационной идентичностью; определены задачи и тезисы для реализации новой российской идеологии и приведена формула для идеологии; обозначены ключевые признаки необходимой для России идеологии; делаются выводы, что современная идеология должна включать позитивные моменты, имевшиеся во всех предшествующих эпохах, идеология для России должна стать идеологией всего Русского мира, интегрирующей в себе идеологию национального масштаба.

Ключевые слова: российская идеология, цивилизационная идентичность, суверенитет, патриотизм, идеологемы, общность, идентичность, Русский мир.

FURMAN Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in cultural studies, associate professor of Administrative law sub-faculty of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saint-Petersburg

NECESSITY OF THE EXISTENCE OF IDEOLOGY IN THE MODERN RUSSIAN STATE

This article provides discussion questions about the need for ideology of modern Russia and real problems of modern Russian ideology; substantiates the importance of ideology for modern Russia; identifies the sources of the new ideology of the Russian Federation; characterizes the ideology that our country needs; shows that Russian ideology should take into account domestic and world experience in order to count on long-term, sustainable and successful development; indicates what aspects can be used as a state ideology; emphasis is placed on the fact that ideology cannot repeat the content errors of the past, nor can it absolutely break with civilizational identity; tasks and theses for the implementation of a new Russian ideology are defined and a formula for ideology is given; key features of the ideology necessary for Russia are outlined; conclusions are drawn that modern ideology should include positive aspects that existed in all previous eras, ideology for Russia should become the ideology of the entire Russian world, integrating the ideology of the national and international ideology.

Keywords: Russian ideology, civilizational identity, sovereignty, patriotism, ideologems, community, identity, Russian world.

Фурман Т. Г.

Необходима ли идеология современному Российскому государству – казалось бы, что на этот вопрос положительный ответ дал Президент РФ в Указе «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

Однако политологи, социологи и историки продолжают сегодня вести активные споры о необходимости идеологии. Однако, очевидно в любой ситуации, что для ее появления должны сложиться необходимые социально-экономические и исторические предпосылки. Только этим можно объяснить факт принятия за мировоззренческую основу большим количеством людей какой-либо идеологии.

Сейчас Запад передал Украине те же 5000 танков, и мы не проигрываем и, в связи с этим встает вопрос – нужна ли современному Российскому государству какая-либо идеология.

Как указывает В. Т. Дронов [2], российская идеология не может повторять содержательных ошибок прошлого, как не может абсолютно порывать с цивилизационной идентичностью.

Следовательно, первая реальная проблема современной российской идеологии – неизбежный конфликт новой и прежней идеологии: прежняя – потеряла свой авторитет, новая – не получила всеобщего признания.

Новая российская идеология должна учесть отечественный и мировой опыт, чтобы рассчитывать на длительное, устойчивое и успешное развитие – это можно назвать первым уроком, который следует извлекать.

Вторая проблема, оставленная историей современной России, идеологическая поддержка официально нелегитимных действий для проведения социальных изменений.

Общество стремится ограничиться частными социально-инженерными предприятиями реформистско-модернизационного характера.

Поэтому применение ненасильственных действий в сравнении с насильственными в значимых социальных изменениях считается более оправданным, если ненасильственные действия возможны вообще.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

Третья проблема российской идеологии сегодня – сформулировать и сформировать позитивный и притягательный образ современной России. Новую мировую идеологию иногда называют идеологией лидерства.

В свое время З. Бжезинский [1] сформулировал идеологическую задачу иначе: нужно выиграть борьбу за мировое лидерство. Очевидно, что встает вопрос о наличии или отсутствии идеологических противников у России в век «всеобщего партнерства». Отношение России с миром не исчерпывается противостоянием социализма и капитализма, как это изображалось ранее.

Помимо типов индустриального общества, сохраняются культурно-цивилизационные архетипы, отражаемые в идеологиях. Создаваемые Западом идеологемы России представляют ее односторонне, карикатурно и часто недружественно. Поэтому должен быть сформирован идеологический образ России, адекватный ее духовному культурному богатству в прошлом и в настоящем.

Новая российская идеология создается не на пустом месте. Во-первых, в ней сохраняется убеждение в великой, а порой и решающей роли идей в успехе и процветании общества. Примеры из российской истории показывают, что при некоем чрезмерном расхождении идеологических образов и реальности идеология гибнет без массовой поддержки сознанием, а за ней гибнет и социальный строй. Остаются материальные и культурные следы, но не жизнеспособная цивилизация.

Вторым источником новой идеологии РФ является опыт XX века. Традиции здесь, по крайней мере тройкие – социалистические, демократические и имперские. Правда, в мире нередки перерождения демократической идеологии в имперскую.

Новая российская идеология должна реализовать задачу укрепления цивилизационного самосознания общества, взяв за основу более длительный исторический и прогностический периоды.

Третий источник новой идеологии России – необходимость ее поддержки массовым сознанием общества. Очевидно, что подобное возможно лишь при значительной роли в обществе идеологии среднего класса. Не столько элиты или пролетариат, сколько средний класс должны стать идеологическим центром. Без этого трудно достичь гражданского согласия в плюралистическом полиэтничном и регионально дифференцированном российском обществе.

Как указывает Н. Новиков², идеология нам нужна для сохранения нашей общности и идентичности. Потерять себя легко, а заново найти – почти невозможно. Продолжение блуждания в идеологических потемках чревато утратой нашей страной государственности и своего цивилизационного пути.

Обосновывая значение идеологии для современной России С. В. Шачин³ указывает, что необходимо сформулировать программу такого коллективного действия, которое меняло бы сами организационные принципы социальной системы, а не персональный состав ее руководства, и именно это будет первым приближением к определению идеологии.

Президент страны в конце 2019 г. в рамках большой ежегодной пресс-конференции обратился к такой теме, как патриотизм. Глава государства упомянул, что рассматривает

его как единственно возможную идеологию демократического общества современной РФ.

По мнению В. В. Путина, при этом деполитизированная идеология патриотизма направлена должна быть, в первую очередь, на укрепление фундаментальных основ России.

Формулируя идеологию национального масштаба, президент отметил, что граждан РФ отличает постоянно возвращающаяся к историческим периодам сложных испытаний и бед историческая память⁴.

Вместе с тем патриотизм не может быть такой идеологией, так как он безнационален и не привязан к конкретному культурно-историческому типу.

Современная идеология должна включать позитивные моменты, имевшиеся во всех предшествующих эпохах, а также во всех (в т.ч. социализме и либерализме) идеологических направлениях. Но лишь в той степени, в которой они а) совместимы с нашей традиционной духовно-культурной основой; б) адаптируемы под современную эпоху; в) соответствуют решаемым страной стратегическим задачам.

Ключевыми признаками необходимой для России идеологии выступают ее следующие характеристики:

- преемствует идеологические и культурные константы (и традиционного, и советского общества;

- отличается от либеральной демократии, которую стремится коллективный Запад сегодня навязать всему миру, представляет собой адекватную альтернативную модель современной социально-политической системы;

- не тождественна ни одной из существовавших и существующих сегодня идеологий. При этом следует отметить, что любая идеология ограничена с исторической точки зрения, однако, предлагает оригинальный, самобытный синтез наиболее значимого в каждой современной идеологии;

- поддерживает диалог в контексте многополярного мира с иными цивилизациями, раскрывая сущность российских цивилизационных особенностей;

- приглашает к творческому, свободному построению истинно справедливого, честного, духовного общества, для которого не характерны искусственная аксиоматика и догматизм, граждан РФ⁵.

Таким образом, это нацеленная на будущее – это открывающая идеология.

Пристатейный библиографический список

1. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ.: Е. А. Нарочницкая, Ю. Н. Кобяков]. - М.: Международные отношения, 2010. 262 с.
2. Дронов В. Т. О новой российской идеологии: за и против // Известия Российского государственного педагогического университета. - 2010. - № 137. - С. 144-151.
3. Исаев А. В., Драбкин А. В. Великая Отечественная война 1941-1945. - М.: Яуза, 2023. - 704 с.

2 Новиков Н. Почему России так необходима государственная идеология. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2022/11/21/pochemu-rossii-tak-neobkhodima-gosudarstvennaya-ideologiya.html?ysclid=lqdn8uk28648969624>.

3 Шачин С. В. К обоснованию идеологии для современной России: опыт размышлений с позиции диалектического метода. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3397690/?ysclid=lqdc0oixf539494545>.

4 Путин сформулировал национальную идеологию. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ruskline.ru/news_rl/2022/10/05/putin_sformuliroval_nacionalnuyu_ideologiyu?ysclid=lqdcp8orxx305157498.

5 Полный текст выступления Владимира Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023: о чем говорил президент России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27564/4833298/?ysclid=lqdebjmt5d659146085>.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна

кандидат культурологии, доцент кафедры административного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

В данной статье исследованы структурные изменения политических элит. Указано, что в научной литературе предлагается большое количество классификаций политических элит, а также появляется новая терминология для обозначения ее отдельных элементов и структурных уровней. Анализируются подходы решения данной проблемы, что позволяет раскрыть структуру политической элиты и внести конкретику в терминологический аппарат элитологии; указаны отличительные черты политической элиты: самостоятельность; высокий социальный статус; значительный объем государственной власти и информации; участие в осуществлении власти; организаторские способности и талант, сплоченность, осознание интересов группы, развитая сеть неформального общения и др.; сделан вывод, что политическая элита каждого общества в данный период представляет собой общность людей, различающихся по личному составу, функциональной принадлежности и формальным правам. Как следствие, невозможно понять состав политической элиты страны без изучения ее институциональной структуры.

Ключевые слова: политические элиты, черты элиты, общество, современность, глава государства, окружение, демократическое государство.

FURMAN Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in cultural studies, associate professor of Administrative law sub-faculty of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Sankt-Petersburg

RUSSIAN POLITICAL ELITE: SOME ASPECTS OF DEVELOPMENT

This article explores the structural changes of political elites. It is indicated that the scientific literature offers a large number of classifications of political elites, and also new terminology appears to designate its individual elements and structural levels. Approaches to solving this problem are analyzed, which makes it possible to reveal the structure of the political elite and introduce specifics into the terminological apparatus of elitology.

The distinctive features of the political elite are indicated: independence; high social status; a significant amount of government power and information; participation in the exercise of power; organizational skills and talent, cohesion, awareness of the interests of the group, a developed network of informal communication, etc.

It is concluded that the political elite of each society in a given period is a community of people differing in personnel, functional affiliation and formal rights. As a consequence, it is impossible to understand the composition of a country's political elite without studying its institutional structure.

Keywords: political elites, elite features, society, modernity, head of state, environment, democratic state.

Фурман Т. Г.

Термин «элита» в научный обиход ввел именно Парето, сейчас это понятие стало одним из самых главных в политико-социологической мысли. Однако, ставя элиту на первое место в общественном развитии, он также и занижает смысл этого слова, приземляя его. В результате нейтрального отношения вместе со статистическим подходом понятие «элита» приобрел очень многообразное толкование. Если до этого им обозначались только верхи высшего слоя, то Парето применяет его ко всем социальным слоям и классам, независимо от сфер жизнедеятельности.

Понятие об элите не может быть абсолютным без выяснения ее значимости в обществе. Главное значение – это регулировка власти главенствующим классом, которое ложится на правящую элиту и ее «инструменты». В связи с этим важнейшей задачей, поставленной перед правящей элитой, есть удержание устойчивости функционирующей системы общественных отношений. Согласно мнению Г. Н. Смирнова [11], исполняя данные функции, правящая элита приобретает условную независимость во взаимоотношениях с главенствующим классом.

Политическая элита, разумеется, неоднородна. Как считал В. В. Радаев [9], в ней выделяются сегменты (специализированные группы): идеологические административные,

военные, экономические, интеллектуальные и т.д. по видам деятельности. Элита также состоит из властвующей и контрэлиты (системной оппозиции).

По мнению Е. А. Склярва [10], в любом обществе и государстве существует элитарная прослойка общества, возникающая вследствие определенного набора факторов, таких как:

- 1) социально-психологические различия людей, обладающих разными способностями, а также желанием или его отсутствием в принятии участия в политической жизни страны;
- 2) существование закона, регулирующего явления разделения труда, предусматривающего набор условий, характеризующих его эффективности;
- 3) наличие у управленцев больших возможностей использования разнообразных привилегий и социальных гарантий;
- 4) отсутствие возможности на практике контролировать деятельность политических руководителей;
- 5) отсутствие у основной массы людей интереса в участии в политической жизни по причине наличия других интересов, не относящихся к политике и др.

Вышеперечисленный набор факторов в совокупности с некоторыми другими привело к появлению элитарной прослойки общества. Если же рассматривать структуру самой политической элиты, то можно увидеть, что она также разделена на правящую, (элита, держащая в руках государственную власть, а именно политическая элита), оппозиционную (другое значение «контрэлита»), высшую, к юрисдикции которой относится принятие всех важных для жизни государства решений, среднюю – так называемый барометр общественного мнения (составляет приблизительно 5% от общей массы населения), административную (сюда относятся бюрократические служащие). Помимо этого, есть элита, принадлежащая к различным классам, партиям и тому подобное. Несмотря на такое деление политической элиты, разные ее категории активно взаимодействуют и оказывают влияние друг на друга.

В то же время необходимо отметить, что современное демократическое государство под названием Российская Федерация ставит перед собой цель не уничтожение элитарной прослойки, а в первую очередь, пытается решить проблему, связанную с формированием полезной обществу, обладающей высокой квалификацией и нацеленной на результат политической элиты, одновременно разрабатывая методы качественного ее обновления с целью решения проблемы отчуждения от российского народа и не давая ей возможности трансформироваться в отдельную привилегированную группу, в руках которой находится управление страной. Другими словами, по мнению О. В. Крыштановской [6], это означает, что государство ставит перед собой цель создать необходимые институты, с помощью которых у народа появилась бы возможность контролировать данную прослойку общества на предмет эффективности ее деятельности.

Перед тем как приступить к изучению структуры формирования политической элиты в российском обществе, необходимо выяснить кто же принадлежит к этому виду новой политической элиты в Российской Федерации. Изучение данного вопроса является довольно важным с целью определения дальнейших перспектив действующий политической власти, а также для анализа достигнутых ими показателей. С целью правильного определения ответа на данный вопрос необходимо, в первую очередь, рассмотреть состав формирования общественного движения, главной целью которого является борьба с коммунистическим режимом на протяжении нескольких лет. Перечень социально-политических групп, приведенных ниже, принимал активное участие в данном демографическом потоке [8] Это люди:

- принадлежавшие к интеллигентному обществу, которые, в силу своей профессиональной деятельности, подверглись репрессиям со стороны существующего в СССР режима и имели четкое представление о его бесперспективности;
- борющиеся против коммунистического режима по причине исповедания демократии и относящиеся к различным слоям общества;
- которые в большей или меньшей степени пострадали от старого режима. Сюда относятся не только люди, подвергшиеся репрессиям, признанные диссидентами и попавшие в политическое заключение, но также и все другие, которые подверглись вмешательству со стороны власти, в результате чего их жизнь была сломана режимом тоталитаризма;
- отдельные индивидуумы, относящиеся к интеллектуально развитым людям, входящие в элиту партии. Именно благодаря им удалось начать «революцию в сознании», поскольку у них был доступ к СМИ, с помощью которых они осуществляли нападение на официальную мифологию;
- представители элитной прослойки общества, характеризующиеся демократическими, реформистскими и рыночно-ориентированными взглядами на жизнь;
- люди, относившиеся к категории прагматиков. Такие были абсолютно во всех управленческих структурах, им, по

сути, было все равно какой на данный момент режим власти – они беспокоились только о своем положении, так называемые «демократы по обстоятельствам»;

– аутсайдеры – строившие собственную карьеру, представители самых разнообразных слоев населения, возникновение демократических движений для которых было «на руку», поскольку они пользовались ими как своего рода социальным «лифтом».

Анализ действующей элитной прослойки показал, что находящаяся при власти «верхушка» дезинтегрирована и дезориентирована. Те общие положения, на основании которых осуществляют свою деятельность разные слои элиты, невозможно назвать сильными, кроме того, они воюют между собой за установление единоличного господства, пытаются полностью ликвидировать противника из верхушки. Можно сказать, что данная борьба ведется не на жизнь, а на смерть, в процессе ее осуществления происходит подавление общественных функций и разлом целей, преследуемых государственной властью, а также происходит переориентирование группировок, из которых состоит политическая элита.

По взгляду со стороны на современную российскую элиту может сложиться впечатление, что она сильно консолидирована и привержена своему Президенту, однако в реальности ситуация не так однозначна – элитное общество все больше разобщается и характеризуется высокой степенью конфликтности.

Сегодня российская политическая элита разделена на пять основных эшелонов, осуществляющих индивидуальные функции, присущие российской управленческой системе. Каждый из них обладает собственной подвижностью, характеризуется четкими или завалированными направлениями исповедуемой идеологии и степенью власти.

Окружение Президента – состоит из личной службы секретариата, личной охранной службы и окружения, работающего рядом с ним. Основными их функциями является ежедневное обеспечение текущей деятельности Президента, то есть они создают все условия для того, чтобы он работал продуктивно и не испытывал психологического дискомфорта. По сути, данный персонал представляет собой личный кадровый резерв Президента, из которого он выбирает наиболее значимые и близкие к нему фигуры для продвижения на политической арене. В качестве наиболее значимого примера такого продвижения можно привести становление по посты губернаторов сотрудников Федеральной службы охраны Российской Федерации. Состав «свиты» претерпел значительные изменения в последние несколько лет – старые кадры, работающие с В. В. Путиным с 2000 года, покинули «свиту», их заменили новые, более молодые кадры, которые, по мнению Президента, обладают высоким потенциалом. Данные кадры рассматриваются в качестве основных «страховок» Президента после того, как он покинет свой пост. Очевидно, что при продвижении определенных лиц на высокие государственные посты, Президент в отставке будет отдавать предпочтение преданных ему кадров.

Категория «друзей и соратников» представляет собой личную опору Президента и характеризуется как ресурсная база нынешнего правящего режима. Данная категория персонала сопровождала Президента в период назначения его на данную должность, помогая ему «расчищать» политическую элиту, симпатизирующую тогдашнему Президенту Б. Ельцину. Тем не менее в течение двух десятилетий произошли радикальные изменения в составе и положении ее членов. Теперь они разделены на три подгруппы, с абсолютно разной политической судьбой.

К первой подгруппе относятся государственные олигархи, приближенные к Президенту люди, которым в первые годы деятельности Президента были переданы под управление крупные активы, входящие в состав государственной собственности. Несмотря на существующее мнение о том, что

они играют значимую роль при принятии государственно значимых решений, на самом деле, они не принимают в этом никакого участия, не располагают никакой государственной властью, а сфера их интересов лежит в собственной корпоративной деятельности. Ко второй подгруппе относятся государственные управленцы, а именно чиновники, которым удалось выстроить карьеру в системе государственной власти. Количество их постоянно уменьшается, однако оставшиеся отличаются личной приверженностью действующей власти. К еще одной категории относятся, так называемые «друзья» Президента. Данная категория представлена частными бизнесменами, имеющими определенный уровень влияния на процесс разработки государственной политики.

В качестве самой активно развивающейся категории президентской элиты можно выделить политических технократов. Именно высокопоставленные деятели данной категории являются основной опорой Президента при осуществлении реализации госполитики. По сути, они являются «рабочими лошадками», предназначение которых заключается в стабилизации управленческой системы. Данные люди не были приближенными к Президенту на момент назначения его на данный пост, однако завоевали доверие Президента своим профессионализмом и недопущением серьезных промахов. Даже в процессе осуществления Президентом ротации кадров, произошедшей совсем недавно, данные люди остались на своих постах, хотя, по сути, не являются незаменимыми и на их пост вполне могут быть назначены другие кадры.

К третьей группе относятся охранители, так называемые, стражи режима. Несмотря на схожесть функций с силовиками, они не являются таковыми. Силовики – это люди, которые стоят во главе управления силовыми структурами России. Рассматривая именно охранителей необходимо отметить, что их деятельность имеет два направления. Первое направление – это оказание влияния на публичный дискурс. В качестве второго направления можно отметить сильное влияние на повестку путем разработки и реализации более жестких законодательных актов.

К четвертой группе относятся исполнители, являющиеся, по сути, винтиками системы. Их классификация осуществляется по двум критериям: а) они не несут особой ценности для Президента; б) они являются комфортными случае, если не допускают серьезных промахов.

К числу исполнителей, относящихся к категории технократов, принадлежит почти половина вице-премьеров в России, кроме того, сюда же относятся почти все министры и огромное количество губернаторов, за исключением мэра Москвы С. Собянина, главы Чеченской Республики Р. Кадырова и губернатора Санкт-Петербурга Беглова. Также к данной категории относится система судов, исключение составляют только главы высших судов.

Характеризуя готовность государственного режима России к кардинальным изменениям, можно сказать, что он готов как раз в той степени, в которой имеет возможность защитить себя от разнообразных внутренних рисков, которые могут спровоцировать появление революционных настроев. Также он готов настолько, чтобы защитить себя от внешнего вмешательства и такого явления как «раскачивание лодки». На сегодняшний день происходит реформирование российского политического режима с целью обеспечения ему большей прочности, то есть он идет по пути снижения персонализации. При этом, если действующий Президент покинет свой пост, режим неизбежно будет изменен, а зачатки данных изменений зарождаются уже сейчас.

Таким образом, политическая элита является реальностью современного этапа развития цивилизации.

Новая российская элита прошла фазу «первичной стабилизации» и во многом была «репрессирована». Элита из открытого состояния постепенно возвращается в закрытое

состояние. Открытое Москвой «аристократическое» течение идет полным ходом.

Делая вывод из всего вышесказанного необходимо заключить, что существующая на сегодняшний день российская политическая элита не прилагает достаточных усилий, которые бы способствовали объединению российского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Давиденко А. Б. Сущность и типология политических элит России // Студенческий вестник. – 2020. – № 20-7 (118). – С. 26-27.
2. Звеньева А. Голубая элита России. – М.: Алгоритм, 2017. – 240 с.
3. Кислицын С. А. Контрэлиты, оппозиции и фронды в политической истории России. – Москва: Гостехиздат, 2015. – 103 с.
4. Колядин А. М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
5. Краснолуцкий Г. Н. Политическая альтернатива России: элитизм или элитаризм? // Управленческое консультирование. – 2011. – № 1. – С. 89-99.
6. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М., 2004. – С. 85-87.
7. Охотников М. А. Трансформация и особенности политических элит в современной России // В сборнике: Системная трансформация – основа устойчивого инновационного развития, Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2021. – С. 365-367.
8. Петухов В. Демократия участия и политическая трансформация России. – М.: Academia, 2014. – 176 с.
9. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. – М., 2016. – 368 с.
10. Скларова Е. А. Истоки формирования западноевропейской политической элиты. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. СКАГС. – 2020. – № 1. – С. 220-224.
11. Смирнов Г. Н. Политология в вопросах и ответах. – М.: Проспект, 2016. – 288 с.
12. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. Учебник для студентов ВУЗов. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 167 с.
13. Хигли Д. Демократия и элиты // Полития. – 2006. – № 2. – С. 22-31.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-704-705

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

магистрант Института информатики, математики и робототехники Уфимского университета науки и технологий

ХУНАФИНА Елена Анатольевна

доцент кафедры экономики и предпринимательства Башкирского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации

ГИРФАНОВА Ирина Насхетдиновна

доцент кафедры экономики и предпринимательства Башкирского кооперативного института (филиал) Российского университета кооперации

ПЛАНОВОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ ХОЗЯЙСТВО В РАМКАХ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Актуальность исследования определяется современными проблемами рыночных подходов к организации экономических систем в рамках капиталистической системы хозяйствования, что требует нового осмысления принципов плановости и коллективности в рамках социальной системы хозяйствования. Объектом исследования выступает социальная экономика. Предметом исследования выступает плановое и коллективное хозяйство. Цель исследования – рассмотреть, как плановое и коллективное хозяйство в рамках социальной экономики способно выступать эффективной альтернативой рыночному механизму хозяйствования. В статье рассматриваются исторические аспекты возникновения социальной экономики, централизованное и децентрализованная система планирования. Раскрывается теория оптимального функционирования социальной экономики. Делается вывод, что коллективизм является важной составляющей социальной экономики и не противопоставляется развитию личности, а является его предпосылкой реализации потенциала каждого гражданина, в отличие от рыночного механизма хозяйствования.

Ключевые слова: социализм, коллективизм, централизованное планирование, децентрализованное планирование, государственное планирование.

GILYAZOVA Alisa Ildarovna

magister student of the Institute of Computer Science, Mathematics and Robotics of the Ufa University of Science and Technology

HUNAFINA Elena Anatoljevna

associate professor of Economics and entrepreneurship sub-faculty of the Bashkir Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

GIRFANOVA Irina Naskhetdinovna

associate professor of Economics and entrepreneurship sub-faculty of the Bashkir Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

PLANNED AND COLLECTIVE ECONOMY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE THEORY OF SOCIAL ECONOMICS

The relevance of the study is determined by modern problems of market approaches to the organization of economic systems within the framework of the capitalist economic system, which requires a new understanding of the principles of planning and collectivity within the framework of the social economic system. The object of the study is social economics. The subject of the study is planned and collective farming. The purpose of the study is to consider how a planned and collective economy within the framework of a social economy can act as an effective alternative to the market economic mechanism. The article discusses the historical aspects of the emergence of the social economy, centralized and decentralized planning systems. The theory of optimal functioning of the social economy is revealed. It is concluded that collectivism is an important component of the social economy and is not opposed to the development of the individual, but is its prerequisite for realizing the potential of each citizen, in contrast to the market economic mechanism.

Keywords: socialism, collectivism, centralized planning, decentralized planning, state planning.

Концепция плановой экономики представляет собой такую форму экономической организации, в рамках которой происходит распределение товаров и услуг, инвестиций, производство и распределение капитальных активов в соответствии с экономическими планами. Обозначенные планы могут включать в себя всю экономику государства или ограничиваться определенными категориями товаров и услуг. В социальной экономике применяются разнообразные формы экономического планирования, включая централизованные, децентрализованные, коллективные подходы. Степень централизации или децентрализации в процессе принятия решений и постановки планов зависит от конкретного механизма планирования, который используется в конкретной ситуации. В рамках данной статьи авторы рассматривают плановый централизованный экономический механизм коллективной формы хозяйствования.

Исторически, в эллинистическом и постэллинистическом исторических периодах принудительный характер государственного планирования был преобладающим условием для торговли в сельских районах Египта, Индии, а также

в некоторых менее развитых регионах, таких как владения Селевкидов, Пергамское царство, Южная Аравия и Парфянская империя [1]. В контексте исторического опыта России, развитие плановой экономики на коллективной форме хозяйствования начал свой курс действий на формализацию в рамках официальных структур власти в 1921 году, когда советское правительство учредило Государственный плановый комитет (Госплан), однако, период «Новой экономической политики» (НЭП 1921–1928 гг.) [2] оказал влияние до внедрения плановой системы регулярных пятилетних планов в 1928 году. Лев Троцкий выступал одним из ранних сторонников экономического планирования в период НЭПа и утверждал, что специализация, концентрация производства и использование планирования могут значительно повысить промышленный рост до уровней не только в два или три раза превышающие предвоенный уровень в 6%, а возможно, и выше [3].

После Второй мировой войны (1939-1945) Франция и Великобритания проводили дирижизм - управление экономикой государственными, но непринудительными методами. Шведское правительство разрабатывало модели обще-

ственного жилья, сделав акцент на городском планировании в рамках проекта под названием «Программа миллиона», реализованного в период с 1965 по 1974 годы. В период революции в Испании, децентрализованный подход к экономическому планированию проявлял себя на протяжении всей революции, особенно в Каталонии, в период Испанской революции 1936 года [4].

Социальная экономика, также известна как коллективная форма хозяйствования на плановой основе представляет собой тип плановой экономики, в рамках которого инвестиции и распределение потребительских и капитальных товаров осуществляются в соответствии с общеэкономическим планом, разработанным и оперативно координируемым через распределенную сеть различных экономических агентов или даже самих производственных единиц. Децентрализованное планирование обычно рассматривается как альтернатива централизованному планированию, особенно в контексте экономического планирования советского типа, характерного для плановой экономики СССР, где экономическая информация агрегируется и используется для разработки плана производства, инвестиций и распределения ресурсов единственным центральным органом власти. Централизованное планирование может найти свое применение как в условиях смешанной экономики, такой вид экономического планирования предполагает присутствие процесса коллективного принятия решений как внутри экономики в целом, так и внутри самих предприятий в форме коллективного хозяйства.

Поддерживая централизованное и совместное экономическое планирование, приверженцы этой концепции видят его как альтернативу рыночному механизму хозяйствования, обусловленному конкуренцией частных индивидуальных интересов. Различные вариации централизованного планирования основываются на понятии оптимума, а не равновесия, которое является ключевой идеей рыночного подхода.

В теории оптимального функционирования социальной экономики раскрывается, что оптимальные цены и оптимальный производственный план определяются совместно в процессе выбора наилучшего варианта развития производства. Цены, соответствующие оптимальному плану, обладают важным свойством: балансируют спрос на продукцию с возможностями ее производства, то есть, представляют собой равновесные цены, или цены плановой сбалансированности. Поскольку здесь речь идет о преднамеренно регулируемом процессе производства и потребления товаров на основе планового управления экономикой, соответственно акцент делается на плановый спрос и плановое предложение продукции коллективом. Обычно строятся соответствующие зависимости цен (затрат) на производство продукции от объемов ее производства.

Понятие «дополнительных затрат» занимает важное место в теории оптимального функционирования социалистической экономики, и его открытие В. В. Новожиловым [5] имеет важное значение в истории отечественной экономической науки. Эти «дополнительные затраты» относятся к задачам народнохозяйственного планирования, где глобальным критерием оптимальности является минимизация затрат. Логика рассуждений состоит в том, что из различных плановых вариантов (например, увеличение производства) выбирается тот, который приводит к наименьшему увеличению затрат народного хозяйства в целом, но для этого, по Новожилову, недостаточно просто рассчитать себестоимость производства определенной продукции, так как различные ограниченные ресурсы производства могут служить для одного и того же цели с неравной экономической эффективностью. Поэтому необходимо выяснить, какие потери будет нести общество, если на данном объекте будут использованы менее эффективные ресурсы, т.е. лишены этих ресурсов другие объекты.

Необходимо отметить, что целью коллективной формы хозяйствования является не только достижение высоких темпов роста производства и повышение материального уровня жизни, а также улучшение материального благосостояния трудящихся является ключевой целью социализма, важно понимать, что это стремление является центральным элементом плановой экономики на коллективной основе, не только потому, что материальное благосостояние отражает

важный аспект человеческого бытия, но и потому, что оно является материальным основанием всестороннего развития личности, увеличения ее материальных и духовных богатств, ее культурных интересов и социальных отношений. Коллективное хозяйство делает оправданным такие методы повышения материального благосостояния, которые активно способствуют формированию социалистического образа жизни. Активность трудящихся в коллективной форме хозяйствования обусловлена не только увеличением материального благосостояния, но и уверенностью в завтрашнем дне, в непрерывном и всестороннем прогрессе плановых показателей и результативности, в личном участии в достижении плана и в том, что доля вознаграждения работника в распределении результатов достижения плановых показателей зависит от его собственного труда.

В условиях капитализма на рабочих воздействует страх бедности, страх перед безработицей и потерей работы, которому подвержены все участники рыночного хозяйства, таким образом, капиталистическая система подавляет участников, стремясь лишить их возможности самостоятельного выбора и принятия решений. Идеи рыночной экономики исторически демонстрирует свою ошибочность как в вопросе обеспечения непрерывного экономического роста, так и прежде всего в создании необходимых условий для развития социальной справедливости.

Объективная цель производства всегда одновременно является субъективной целью собственника производственных ресурсов, и коллективная форма собственности предполагает, что все члены общества равнозначно являются владельцами производственных ресурсов и это не просто формальное владение, а реальные экономические отношения. Отношения общенародной собственности не предоставляют привилегий или возможностей монополизировать часть общественного богатства для того, чтобы на этой основе присваивать чужой труд. Целью социалистического производства может быть лишь удовлетворение материальных и культурных потребностей людей.

Коллективизм является важной составляющей социальной экономики, однако не противопоставляется развитию личности, а является его предпосылкой реализации потенциала каждого гражданина. Естественно, что общественные интересы имеют приоритет перед коллективными и индивидуальными, но только в смысле того, что их реализация является фундаментальной предпосылкой существования и прогресса всего общества, а следовательно, и реализации индивидуальных интересов. Цель коллективной формы хозяйствования и смысл плановой экономики заключается в удовлетворении материальных и духовных потребностей людей, в развитии их личности, а не только в удовлетворении потребностей общества.

Пристайный библиографический список

1. Blaug M. The Early Mercantilists: Thomas Mun (1571-1641), Edward Misselden (1608-1634) and Gerard de Malynes (1586-1623) // Books. – 1991.
2. Клецкина О. Г. Новая экономическая политика: некоторые аспекты современных научных исследований // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31. № 4. – С. 764-776. – DOI 10.35634/2412-9534-2021-31-4-764-776. – EDN IMYJPO.
3. Мягкова Е. М., Репников А. В. Новая экономическая политика в публикациях архивных документов 1991-2021 годов // Вестник ВНИИДАД. – 2021. – № 5. – С. 70-82. – EDN OTAVHT.
4. Покидченко М. Г. История возникновения дирижизма и перспектива его использования в России // Философия хозяйства. – 2017. – № 2 (110). – С. 221-229. – EDN ZFB1QT.
5. Новожилов В. В. Измерение затрат и их результатов в социалистическом хозяйстве // Применение математики в экономических исследованиях. – 1959. – Т. 1. – С. 158.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-702-703

АБРАМОВ Иван Романович

студент Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ГИЗАТУЛЛИНА Венера Габдулхаковна

старший преподаватель кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

РЕДНИКОВ Дмитрий Валерьевич

старший преподаватель кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ПЛАНОВАЯ ЭКОНОМИКА

Актуальность данного исследования заключается в выяснении роли социального капитала как одного из основных элементов процесса экономического развития в рамках плановости построения хозяйственной системы. Объектом исследования является экономическая система. Предмет исследования – социальный капитал, как стоимостный показатель социальной общности. В исследовании делается вывод, что экономическое развитие представляет собой динамичную социальную деятельность, которая включает в себя материальные и качественные изменения в жизни сообщества на протяжении определенного периода времени. В рамках процесса экономического развития происходят структурные преобразования, которые создают материальную базу для расширения производственных возможностей и повышения производительности индивидуума и общества. Это может быть эффективно реализовано по аналогии с плановой системой хозяйствования через расширение участия в обеспечении основных потребностей, как материальных, так и нематериальных, для обеспечения благополучия как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Однако в российской экономике существуют проблемы, связанные с необходимостью выявления структурных ошибок и неравновесия различных экономических секторов.

Ключевые слова: коллективизм, гражданское общество, национальная экономика, рынок, личная выгода.

ABRAMOV Ivan Romanovich

student of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

GIZATULLINA Venera Gabdulkhakovna

senior lecturer of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

REDNIKOV Dmitriy Valerjevich

senior lecturer of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

THE CONCEPT OF SOCIAL CAPITAL AND PLANNED ECONOMY

The relevance of this study lies in clarifying the role of social capital as one of the main elements of the process of economic development within the framework of the planned construction of an economic system. The object of research is the economic system. The subject of the study is social capital as a cost indicator of a social community. The study concludes that economic development is a dynamic social activity that involves material and qualitative changes in the life of a community over a period of time. As part of the process of economic development, structural transformations occur that create the material basis for expanding production capabilities and increasing the productivity of the individual and society. This can be effectively implemented in a similar way to a planned economic system through increased participation in providing basic needs, both material and non-material, to ensure well-being at both the individual and social levels. However, in the Russian economy there are problems associated with the need to identify structural errors and imbalances in various economic sectors.

Keywords: collectivism, civil society, national economy, market, personal benefit.

Социальный капитал представляет собой гибридную теоретическую конструкцию, которая исследуется специалистами из различных социальных наук, включая экономику, социологию, политологию и другие. Концепт социального капитала применим к любой дисциплине, которая изучает человеческую общность и сотрудничество, а также их эволюцию, в связи с этим, различные теоретические парадигмы, такие как либеральная, социальная идеология были использованы для объяснения и понимания социального капитала. Первоначальные теоретические разработки обычно связываются с тремя авторами, каждый из которых подошел к понятию социального капитала с уникальной перспективой и сформулировал различные теоретические и концептуальные выводы:

- Теория капитала, предложенная Пьером Бурдьё;
- Подход рационального выбора, разработанный Джеймсом Коулманом;

– Демократическая или гражданская перспектива, представленная Робертом Патнэмом.

Понимание основных теорий социального капитала помогает ориентироваться в обширном множестве теоретических точек зрения, которые сейчас преобладают в литературе. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что понятие социального капитала часто искажается противоречивостью определений и концептуализации и умение идентифицировать и аргументировать точку зрения помогает понять содержание социального капитала как категории экономического знания, посвященной социальному капиталу.

В литературе можно найти различные определения гражданского общества, которые обычно относятся к организациям и ассоциациям, существующим вне сферы рынка и государственного сектора. В общем понимании гражданское общество представляет собой сферу, в которой функциони-

руют социальные общности, созданные и поддерживаемые людьми, действующими без получения личной выгоды, с целью обеспечения благополучия как для себя, так и для других. Некоторые авторы, такие как Дж. Льюис утверждают, что через гражданское общество, особенно через третий сектор, люди формируют и поддерживают социальные связи и социальное взаимодействие, фактически формируя добровольное коллективное хозяйство [1]. В долгосрочной перспективе эти общности на добровольной основе способствуют социальной координации и консолидации общества посредством альтруизма и без обязательств. Таким образом, «этот разнообразный спектр деятельности, услуг и ассоциаций, формируемых гражданским обществом» [2], является источником формирования социального капитала. Третий сектор национальной экономики является не только фактором, способствующим развитию социального капитала, но и имеющим важное значение для его роста в рамках совместных коллективных действий, исторически осуществляемых в плановой экономике.

Социальный капитал зависит от уже существующей сложившейся общественной формации. Нынешняя социальная политика России, направленная на преодоление социальных различий и интеграцию маргинализованных групп в «сообщество», основана на идее, что создание социального капитала (то есть установление связей) укрепит гражданское общество: «...главными элементами любого социального государства, к которым, согласно Конституции РФ, относится Россия, является социальная политика, основанная на социальной (гражданско-правовой) защите государством проживающих в нем граждан, направленная на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека в нем» [3, с. 77]. Однако такой подход может привести к социальной нестабильности, а не к укреплению гражданского общества, если не сформировано коллективная основа социального восприятия. Политические и экономические системы играют важную роль в формировании характера гражданского общества и использовании социального капитала, так в современной рыночной экономике с идеями неоллиберализма могут рассматриваться в качестве значительной опасности для российского общества, так как он может использовать социальный капитал в экономических целях. В настоящее время отсутствие коллективизации как социального действия и экономического факторы развития формирует необоснованное использование социального капитала в международном развитии как средства борьбы с социальными проблемами, вызванными неоллиберальным экономическим развитием. Наличие высокой стоимости социального капитала является практически необходимым условием для развития современной либеральной экономической повестки. Низкий уровень социального капитала приводит к жесткой и неэффективной политической системе и высоким уровням коррупции. Государственные институты нуждаются в социальном капитале, чтобы функционировать должным образом, и, хотя его избыток может привести к избыточной регулировке, недостаток социального капитала является еще более нежелательным.

Концепция социального капитала является крайне многогранной и содержит несколько аспектов, что осложняет ее понимание, однако, из всех этих различных аспектов выделяется основная идея: участие в коллективе может оказывать положительное влияние как на индивидуальное благополучие, так и на коллективное в рамках плановости экономических процессов. Рассмотрение происхождения подобной общей идеи требует пересмотра господствующих идей рыночного хозяйства, основанного на индивидуальном и частном интересе. Важно заметить, что определение социального капитала может показаться неоднозначным: некоторые аспекты его структуры, способствующие выполнению действий внутри данной структуры, фактически не относятся к понятию «капитал», более того, если рассматривать социальный капитал, по как что-то аналогичное другим видам капитала, следует отметить, что он имеет существенные отличия от них именно по своему способу формирования. В отличие от других форм капитала, социальный капитал не производится с позиции роста стоимости, а, скорее, является абстрактным понятием. Социальный капитал отличается от других видов капитала тем, что те, кто извлекает из него пользу, не могут законно владеть им, тем не менее, именно эта фундаментальная разница выделяет нематериальные и неотъемлемые характеристики социального капитала. Те, кто извлекает из

социального капитала пользу, не могут владеть им, что делает социальный капитал общественным благом и атрибутом структуры, а не индивидуальных лиц.

Коллективная и географическая близость различных экономических агентов играют значительную роль в развитии их способности к формированию Социального капитала. Объединение предприятий в результате агломерации способствует формированию связей между экономическими агентами, принадлежащими к определенному сектору национальной экономики, что упрощает коммуникацию, выработку общих целей и ценностей, а также повышает эффективность формирования социального капитала с позиций роста его стоимости. Согласно отдельным исследованиям [4], фирмы с более высокой способностью формировать новые социальные связи извне могут преодолевать социальные ограничения, которые могли бы препятствовать им использовать внешние источники формирования стоимости. Более того, нахождение предприятий в регионах со сложной сетью взаимосвязанных отраслей также способствует увеличению инновационной активности бизнеса. Доказано, что такая связь благоприятно взаимодействует с уже имеющимися внутренними ресурсами фирмы, включая социальный капитал. Экономические агенты с высокой способностью к установлению социальных связей могут достигать сопоставимых результатов в инновациях, несмотря на различия в других параметрах, те самым подчёркивая важность не конкурентных, а коллективных действий: «Понимая взаимосвязь между социальной экономикой и социальным капиталом и осуществляя целенаправленную политику, государство может способствовать социальной сплоченности общества, повышению общего благосостояния и достижению устойчивого социально-экономического прогресса внутри сообществ и обществ в целом, что особенно важно в условиях негативных внешних факторов давления на Россию, обусловленных недружественными действиями ряда западных стран» [5, с. 17].

В настоящее время существует необходимость в дополнительных данных о том, как географическая и коллективная близость экономических агентов воздействуют друг на друга, а также их влияние на способность к усвоению знаний и реализации инноваций. Кроме того, остается непонятым, какие из положительных внешних эффектов, обусловленных географической и коллективной близостью, более благоприятны для роста предприятий и их инновационной активности.

Таким образом, функция социального капитала заключается в ценности его аспектов для субъектов, представляя собой ресурсы, которые могут быть использованы для реализации их коллективных интересов, что подразумевает характер плановости национальной экономики. Важно отметить, что различные аспекты социальной структуры не равноценны по своему значению и тому, как их ценят члены одного и того же общества, кроме того, значение этих аспектов может изменяться в зависимости от контекста.

Приставленный библиографический список

1. Lewis J. Civic tradition & planning processes: a comparative study of two resource communities in Northern Ontario: дис. – University of British Columbia, 2004.
2. Adams A. Social capital and voluntary sports clubs: investigating political contexts and policy frameworks: дис. – Loughborough University, 2009.
3. Новичкова Ю. Г., Ананьин П. А., Грунина В. А., Новичков И. А. Основные направления социальной политики Российской Федерации как важнейшие элементы гражданско-правовой защиты российского общества: достижения и проблемы // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 2 (218). – С. 74-77. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_2_74. – EDN ZMOLDF.
4. Sánchez-García E. et al. Cognitive social capital for knowledge absorption in specialized environments: The path to innovation // Heliyon. – 2023. – Т. 9. – № 3.
5. Равочкин Н. Н., Мударисов П. З., Кашаев Н. Х. Социоэкономика и социальный капитал как предмет философской полемики // Дискуссия. – 2023. – № 3 (118). – С. 6-19. – DOI 10.46320/2077-7639-2023-3-118-6-19. – EDN BHZOLK.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-459-461

БАРЛЫБАЕВ Урал Адигамович

кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и бизнес-администрирования Уфимского университета науки и технологий

МУСИН Урал Рамазанович

кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и бизнес-администрирования Уфимского университета науки и технологий

НУСРАТУЛЛИН Ильмир Виллович

кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и бизнес-администрирования Уфимского университета науки и технологий

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В РЕГИОНЕ

В статье представлены результаты анализа динамики креативной экономики в Республике Башкортостан. Интерес проведения анализа креативных индустрий на уровне региона вызван ее состоянием и потенциалом роста данного сектора экономики, и какие тенденции там будут прослеживаться в ближайшие годы. Важным ограничением количественной оценки креативных индустрий на уровне субъекта РФ является отсутствие сформированной методологической базы для проведения соответствующего анализа данного сектора региональной экономики. В связи с этим в рамках исследования использован отраслевой подход, позволяющий определить «потенциальный» вклад креативных индустрий в социально-экономическое развитие региона. В ходе исследования выявлено, что данная сфера имеет возможности обеспечить довольно значительный вклад в социально-экономическое развитие региона. В Республике Башкортостан соответствующий вклад в социально-экономическое развитие может быть обеспечен организациями, занимающимися профессиональной, научной и технической деятельностью.

Ключевые слова: креативная экономика, креативная индустрия, регион.

Barlybaev Ural Adigamovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Project management and business administration sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

Musin Ural Ramazanovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Project management and business administration sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

NUSRATULLIN Ilmir Vilovich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Project management and business administration sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

CREATIVE INDUSTRIES IN THE REGION

The article presents the results of an analysis of the dynamics of the creative economy in the Republic of Bashkortostan. The interest in analyzing the creative industries at the regional level is caused by its state and the growth potential of this sector of the economy, and what trends will be observed there in the coming years. An important limitation in the quantitative assessment of creative industries at the level of a constituent entity of the Russian Federation is determined by the lack of a developed methodological framework for conducting an appropriate analysis of this sector of the regional economy. In this regard, the study used an industry approach to determine the "potential" contribution of creative industries to the socio-economic development of the region. The study revealed that this area has the potential to provide a fairly significant contribution to the socio-economic development of the region. In the Republic of Bashkortostan, an appropriate contribution to socio-economic development can be provided by organizations engaged in professional, scientific and technical activities.

Keywords: creative economy, creative industry, region.

Креативная индустрия считается одним из перспективных направлений роста и развития экономики региона, где ее вклад будет только увеличиваться в условиях последовательного перехода к цифровизации экономики. В связи с этим возникает необходимость оценки данного сектора экономики региона, ее вклада в социально-экономическое развитие субъекта РФ. В исследованиях многих ученых указывается об отсутствии полноценно сформированной методологии оценки креативной экономики и ее элементов. В связи с этим проведена оценка креативной экономики региона на основе отраслевого подхода [4], [6].

В работе для экономической оценки данного сектора в регионе был использован подход [4] в разрезе отраслей эко-

номики с применением понижающего коэффициента для показателей, составляющий 0,26 [6].

Динамика показателей социально-экономического развития Республики Башкортостан показывает положительную тенденцию по большинству данных (таблица 1).

Динамика показателя валового регионального продукта Республики Башкортостан характеризует повышение экономики региона даже в условиях внешних ограничений (коронакризис 2020 г., специальная военная операция 2022 г.). Спад численности населения региона, в том числе трудоспособного населения, во многом связана с миграционными процессами и естественной убылью, которая в 2022 году составила 4077,6 тыс. человек. Эффективность экономики реги

Таблица 1. Динамика основных показателей социально-экономического развития Республики Башкортостан за 2020-2022 гг.* [5]

Показатели	Ед. измерения	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Валовой региональный продукт	млрд. руб.	1694,2	2000,0	2200,0**
Численность населения	тыс. чел.	4013,8	4091,6	4077,6
Валовой региональный продукт на душу населения	тыс. руб.	420,8	499,0	537,0
Численность трудоспособного населения	тыс. чел.	2221,8	2328,5	2296,8
Среднедушевые денежные доходы	руб.	30409,0	32621,2	35250,6
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	руб.	38738,1	42848,2	49459,7
Инвестиции в основной капитал	млрд руб.	380,8	422,6	512,4

* Источник: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/>.

** ВРП за 2022 год – источник: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/releases/2023/oct12b>.

Таблица 2. Динамика валовой добавленной стоимости по хозяйственным видам деятельности Республики Башкортостан за 2019-2021 гг.* [5]

Показатели	Ед. измерения	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Понижающий коэффициент		
					2019	2020	2021
Валовой региональный продукт	млрд. руб.	1803,3	1694,2	2000,0	-	-	-
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	млрд. руб.	18,0	13,6	18,0	4,7	3,5	4,7
Деятельность в области информации и связи	млрд. руб.	41,5	40,7	46,0	11,8	10,6	12,0
Деятельность профессиональная, научная и техническая	млрд. руб.	66,7	71,2	86,0	17,3	18,5	22,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	млрд. руб.	9,0	11,9	14,0	2,3	3,1	3,6
Валовая добавленная стоимость в креативной экономике	млрд. руб.	-	-	-	36,1	35,7	42,7
Доля креативной экономики в ВРП	%	-	-	-	2,0	2,1	2,1

* Источник: – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/>.

она определяется показателем ВРП на душу населения, которая показывает рост производительность труда за последние три года в регионе. Уровень жизни населения в Республике Башкортостан определяют такие показатели, как денежные доходы и среднемесячная заработная плата, во взаимосвязи с показателем ВРП на душу населения показывают положительную динамику. Рост показателя инвестиций в основной капитал характеризует перспективность улучшения экономической ситуации в регионе.

В исследованиях [1], [3], [4], [6] выделяются следующие виды хозяйственной деятельности, относящие к креативной экономике:

- деятельность гостиниц и предприятий общественного питания;
- деятельность в области информации и связи;
- деятельность профессиональная, научная и техническая;
- деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Анализ валовой добавленной стоимости по данным видам хозяйственной деятельности показывает, что доля креативных индустрий в ВРП Республики Башкортостан с 2019

по 2021 гг. составляло 2,0 – 2,1%. Среднее значение в рамках мировой экономики составляет 3%, и доля креативной экономики в ВВП России близка к среднемировому.

В структуре валовой добавленной стоимости креативной экономики региона значительный вклад вносит деятельность организаций, связанные с профессиональной, научной и технической работой и в динамике доля данной сферы только увеличивается. Во многом потенциал роста креативной индустрии в регионе будет связано профессиональной, научной и технической деятельностью. Для структурной перестройки экономики региона в долгосрочной перспективе этого недостаточно, необходимо активизировать рост валовой добавленной стоимости креативной индустрии. Вероятно, существуют рыночные ограничения не позволяющие обеспечить динамичный рост этих сфер деятельности.

В рамках исследования рассмотрим численность работников, занятых в организациях, связанные с креативной индустрией в Республике Башкортостан (таблица 3).

Доля занятых в креативной экономике региона немного ниже общероссийского значения и значительно уступает городам федерального значения, как Москва и Санкт-

Таблица 3. Динамика среднесписочной численности работников организаций по видам экономической деятельности за 2020-2022 гг.* [5]

Показатели	Ед. измерения	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Понижающий коэффициент		
					2020	2021	2022
Среднесписочная численность работников организаций по видам экономической деятельности – всего	тыс. чел.	1061,3	1030,1	974,6	-	-	-
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	тыс. чел.	20,1	20,2	17,9	5,2	5,3	4,7
Деятельность в области информации и связи	тыс. чел.	22,5	21,6	20,0	5,9	5,6	5,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	тыс. чел.	43,7	43,7	42,5	11,4	11,4	11,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	тыс. чел.	18,0	18,2	18,9	4,7	4,7	4,9
Среднесписочная численность работников в креативной экономике	тыс. чел.	-	-	-	27,2	27,0	25,9
Доля занятых в креативной экономике	%	-	-	-	2,56	2,62	2,67

* Источник: <https://02.rosstat.gov.ru/>

Петербург. В структуре численности креативной индустрии наибольшую долю имеет деятельность профессиональная, научная и техническая. В деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, а также в деятельности в области информации и связи формируется понижающая динамика численности работников, в частности, это связано «экономией» на оплате труда и снижением инвестиционной активности.

Во всех видах хозяйственной деятельности креативной индустрии наблюдается динамичный рост среднемесячной зарплате. В таких сферах, как информация и связь, и деятельность профессиональная, научная и техническая среднемесячная начисленная оплата труда выше средне-регионального, что повышает привлекательность данных креативных индустрий для работы квалифицированных работников. В оставшихся сферах могут возникнуть сложности с привлечением квалифицированных кадров в условиях наблюдаемого дефицита трудовых ресурсов в масштабах страны.

Отрицательная динамика наблюдается по показателю инвестиций в основной капитал в сфере информации и связи, что негативно скажется в перспективе на доходах данных организаций. Значительный рост инвестиционной привлекательности формируется в профессиональной, научной и технической деятельности, а также в организациях в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

В рамках исследования для количественного измерения креативных индустрий в Республике Башкортостан на основе отраслевого анализа статистических данных позволило определить долю креативной экономики в регионе. Анализ показал, что она составляет 2,0 – 2,1%, что ниже российского уровня. Оценка показателей развития креативных индустрий в Республике Башкортостан указывает, что наиболее динамично развивающийся сферой является деятельность профессиональная, научная и техническая.

Пристатейный библиографический список

1. Гамбеева Ю. Н., Смей В. М. Роль креативных индустрий в социально-экономическом развитии территории // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 6 (452). – С. 89-96.
2. Залевская М. А., Морданов М. А. Состояние и перспективы развития креативных индустрий: опыт Югры // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 1. – С. 77-91.
3. Королева И. Б., Соколова И. Л. Креативные индустрии в России и мире: состояние, тенденции и проблемы управления развитием // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13. – № 3.
4. Развитие креативных индустрий в России: ключевые индикаторы / Научный дайджест. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2021/08/05/1425538088/Human_Capital_NCMU_Digest_1_Creative_Industries_2021.pdf.
5. Республика Башкортостан: статистический справочник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. – Уфа, май 2023 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://02.rosstat.gov.ru/>.
6. Смирнов С. Н., Николаенко Е. А. Статистика креативной экономики в России // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 4 (52). – С. 61-76.
7. Шкарина В. С. Особенности развития креативных индустрий в современной экономической политике // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 94. – С. 133-144.

ГАМИЛОВА Диляра Агеламовна

кандидат экономических наук, доцент, директор Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИЛЪИНА Лариса Айдаровна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры учета, анализа и экономической безопасности Самарского государственного экономического университета

КАРАВАЕВ Арсений Александрович

аспирант кафедры учета, анализа и экономической безопасности Самарского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассмотрены основные типы цифровых технологий относительно получаемых эффектов, описаны тенденции в реализации стратегий цифровой трансформации в нефтегазовой сфере и кратко представлен обзор текущего состояния компаний в части обеспечения конкурентоспособности за счет цифровых решений.

Ключевые слова: цифровая трансформация, нефтегазовый комплекс, умное месторождение.

GAMILOVA Dilyara Agelamovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of the Ufa High School of Economics and Management of the Ufa State Technical Petroleum University

ILJINA Larisa Aidarovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, professor of Accounting, analysis and economic security sub-faculty of the Samara Economic State University

KARAVAEV Arseniy Alexandrovich

postgraduate student of Accounting, analysis and economic security sub-faculty of the Samara Economic State University

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TRANSFORMATION STRATEGIES

The article describes the main types of digital technologies in relation to the resulting effects, describes trends in the implementation of digital transformation strategies in the oil and gas sector, and briefly provides an overview of the current state of companies in terms of ensuring competitiveness through digital solutions.

Keywords: digital transformation, oil and gas complex, smart field.

«Цифровая трансформация» (Digital Transformation) – глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с тотальной заменой аналоговых технических систем на цифровое и широкомасштабное применение цифровых технологий.

Цифровая трансформация отличается от автоматизации комплексностью влияния на организацию, вплоть до изменения бизнес-модели, изменения содержания продукта, принципиального изменения бизнес-процессов и процессов создания стоимости.

Большое количество компаний понимают потенциал внедрения цифровых технологий в отдельные элементы производственной или бизнес-цепочки, но не могут представить какую реальную пользу принесет глобальная цифровая трансформация.

Сложность изменений и, как следствие, сложность оценки цифровой трансформации в связи с развитием цифровых технологий может быть описана на следующем рисунке 1.

Сферы приложения цифровых технологий весьма различны, но все они так или иначе могут быть объединены в рамках цифровых платформ, что позволяет получить кроме локальных еще интеграционные, синергетические эффекты.

Так информационные технологии позволяют получать аналитическую информацию и разрабатывать типовые алгоритмы действий на стандартные ситуации, и обеспечивать

индивидуальный подход в каждом конкретном случае, например, узнавать постоянного посетителя на АЗС «в лицо» и обсуживать в полном соответствии с его личными предпочтениями.

Потенциал применения цифровых решений в нефтегазовой отрасли весьма широки и наиболее динамичны, в том числе благодаря наличию достаточных финансовых ресурсов. Так идея умного месторождения получила развитие еще в 2004 году в рамках проекта компании Shell, направленного на оптимизацию принимаемых решений на основе объединения технологий измерения, контроля и управления в реальном времени, формирования потока информации, позволяющего оперативно реагировать на ситуацию. По экспертным оценкам ВР, умные скважины позволяют снизить себестоимость эксплуатации месторождений примерно на 20 % повысив при этом коэффициент извлечения нефти на 2–7 %.

Кроме того, растет спрос на услуги сервисных геофизических компаний, которые обрабатывают гигантские массивы данных, интерпретируя результаты сейсмических исследований.

В переработке получили распространение системы расширенного управления процессами (АРС – Advance Process Control), позволяющие строго придерживаться установленного режима и эффективно реагировать на

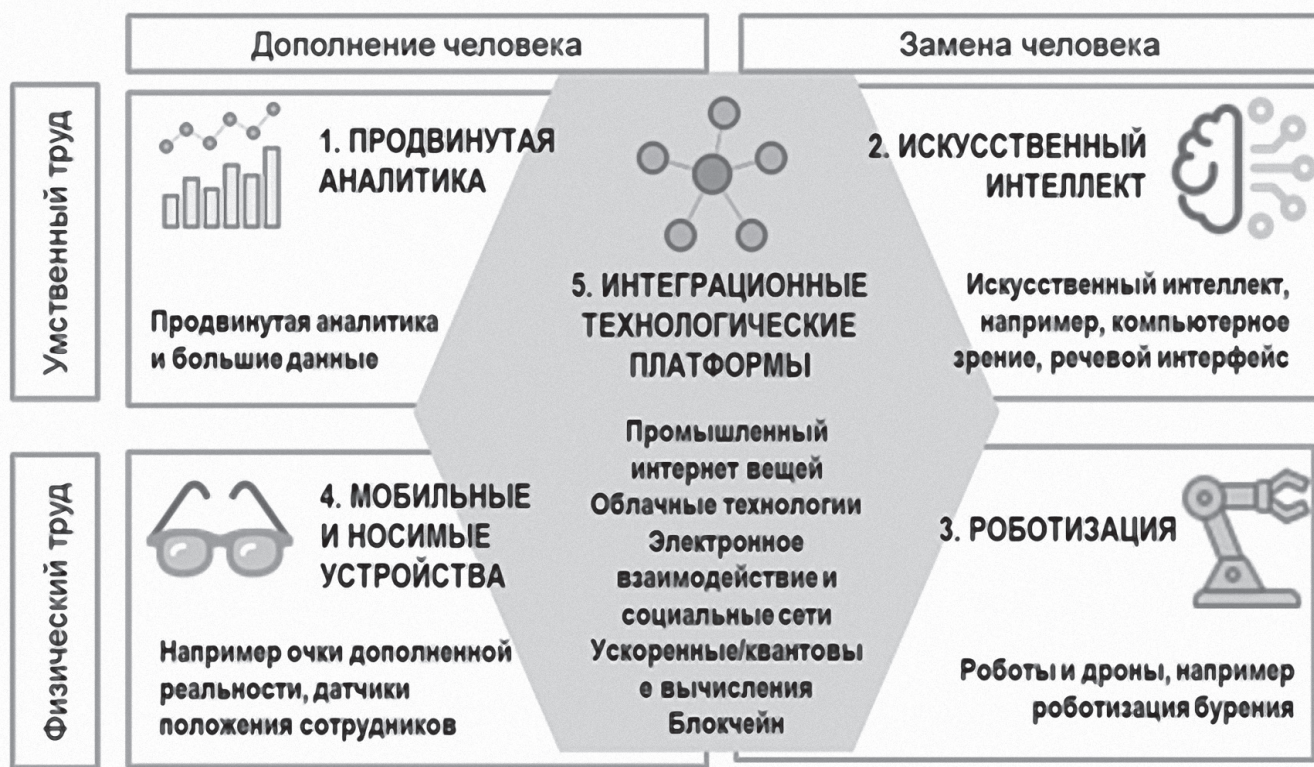

Рисунок 1. Типология цифровых технологий

отклонения от нормы. По данным специалистов ЕУ преимущества использования концепции IIoT (Industrial Internet of Things, промышленный интернет вещей), сутью которой является моделирование данных с применением нейронных сетей и методов машинного обучения, на установках атмосферной и вакуумной перегонки одного из российских НПЗ позволило улучшить качество прогнозирования на 15 % и повысить точность достижения ожидаемого результата до 90 %.

В бытовом сегменте применение цифровых решений дает возможность повысить конкурентоспособность и эффективность за счет эффективного реагирования на ситуацию, объективному отражению которой способствуют мониторинг и комплексный анализ массива данных, поступающих от каждого элемента системы – вплоть до каждой бензоколонки. Цифровизация дает ценную маркетинговую информацию, позволяет оптимизировать набор и качество предоставляемых услуг, сделать общение с клиентом более комфортным. Следующий шаг – полностью автоматизированные АЗС.

Анализируя цифровые стратегии основных международных игроков нефтегазового сектора, можно выделить несколько основных тенденций:

- Компании активно инвестируют в технологии ранних стадий посредством корпоративных венчурных фондов;
- ИТ-подразделения преобразуются в центры роста и развития, уходя от модели центра затрат;
- ВИНК проходят одну из ключевых стратегических развилочек, связанных с выбором модели внутреннего развития, аутсорсингом или гибридом;
- Активное использование партнерств при разработке цифровых решений, особенно в связке ВИНК-нефтесервисная компания.

В России все ВИНК активно занимаются вопросами внедрения цифровых технологий от внедрения локальных решений в виде цифровых расходомеров или предиктивной аналитики по обрывам ремней станков-качалок до комплексных решений уровня «умное месторождение» или «цифровой завод».

Ключевыми игроками в отрасли безусловно являются ПАО «Газпром нефть» и «Роснефть», которые активно внедряют локальные решения и реализуют ряд комплексных проектов. Однако, даже успешно реализованные проекты в компаниях не масштабируются до уровня дочерних обществ компаний. Это может быть связано с рядом причин:

1. Различия в этапах жизненного цикла разрабатываемых месторождений, а также уникальности нефтеперерабатывающих заводов требуют индивидуальных цифровых решений с учетом срока окупаемости, что при отсутствии пакетных продуктов удорожает процесс разработки и внедрения.

2. Территориальная разобщенность дочерних обществ и как следствие их различия в геологических, технологических и организационных условиях влияет на восприятие изменений и скорость внедрения цифровых решений.

Однако стоит отметить целенаправленность компаний в части внедрения цифровых решений.

ПАО «Газпром нефть» в технологическую стратегию в качестве одного из основных приоритетов развития наравне с технологиями бурения и разработкой трудноизвлекаемых запасов включила программу «Электронная разработка активов» – ЭРА, которая охватывает все основные направления деятельности от разведки до обустройства месторождений. Реализация данной программы, включающей уже около 30 проектов, началась в 2012 г., а в качестве

площадки для отработки технологий будущего выбрали «Газпромнефть-Хантос», где появился центр управления добычей (ЦУД), который дает возможность комплексно управлять эффективностью всего предприятия. Одной из ключевых систем ЦУД стал самообучающийся комплекс «цифровой двойник», обеспечивающий автоматизированный подбор наиболее оптимальных режимов работы элементов всего комплекса и позволяющий заранее идентифицировать нештатные ситуации и предлагать превентивные решения. На НПЗ компании активно используются виртуальные анализаторы качества – математические модели, позволяющие прогнозировать качественные показатели без их фактического замера, на основании ранее выполненных лабораторных тестов.

ПАО «Роснефть» за период нарастающего санкционного давления значительно заместила импортное программное обеспечение в секторах добычи, бурения и геологоразведки. Это позволит ей снижать удельные операционные затраты на 2–3 % в год, сократить сроки бурения скважин на 5 %, повысить эффективность КРС на 20 % и заместить не менее 100 % добываемых жидких углеводородов. В свою очередь, несмотря на масштабную работу в направлении цифровых решений, в компании не хватает организационной сфокусированности на разработке и внедрении. Учитывая исключительные размеры компании, важнейшим фактором успеха является выделение центров изменений.

В целом можно ожидать реализацию следующего сценария развития стратегий цифровой трансформации в нефтегазовом секторе и соответствующих последствий для смежных игроков.

1. Российские нефтяные компании имеют достаточный ресурсный потенциал и понимание выгод внедрения цифровых решений в свою операционную деятельность. В условиях серьезных ограничений по импорту ВИНК будут активно развивать собственные разработки, создавать новые структуры или перегруппировывать имеющиеся.

2. Ставка в части апробации делается на объектах, не имеющих значимого стратегического значения с целью снижения возможных негативных последствий, однако встает вопрос как осуществлять масштабирование решений. Очевидно, что компании предпочитают делать пилоты на новых месторождениях, однако сильная дифференциация условий на разных объектах является сдерживающим фактором, усиливающимся дефицитом сотрудников, понимающих суть цифровых изменений.

3. Крупнейшие игроки нефтесервисного сегмента и поставщики оборудования традиционно конкурировали за счет низкой цены, а не уникальных технологических решений. Многие из них системно недоинвестированы, что сильно ограничивает их в возможностях кооперации с ВИНК в части цифровых решений, ослабляет их конкурентную позицию и может привести к следующему циклу сделок слияний и поглощений или альянсов на рынке нефтесервиса.

4. Вероятно появление на рынке цифровых решений для нефтегазовой отрасли необычных игроков, например, Яндекс, Мегафон, Росатом и других компаний-лидеров цифровизации в России. Это возможно в силу сквозного характера большого количества цифровых решений: большие данные, технологии передачи данных, распределенного реестра, квантовые вычисления, робототехник и т.п.

5. Слабо развитая в России практика венчурных фондов корпораций и активной работы на стадии посевных инвестиций в перспективные технологические стартапы, получит развитие через кэптивных фонды, акселерационные программы или коллаборации с ведущими университетами страны.

Вызовы, стоящие перед ВИНК, воспринимаются ведущими компаниями страны как задачи, требующие серьезных организационных и финансовых усилий. Формируется понимание связанности отдельных цифровых решений и их интеграционного потенциала в контуре всей компании.

Пристатейный библиографический список

1. Десять показателей, входящих в оценку «цифровой зрелости» отрасли «Промышленность» [Минцифры России, 2020б].
2. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», федеральные проекты «Нормативное регулирование цифровой среды» и «Цифровые технологии» [Президиум Совета при Президенте РФ, 2019].
3. Ведомственный проект «Цифровая промышленность» (проект) [Минпромторг России, 2020].
4. План мероприятий («дорожная карта») «Технет 4.0» (передовые производственные технологии) Национальной технологической инициативы [Президиум Совета при Президенте РФ, 2017; МРГ при Правкомиссии, 2021].
5. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 239, [1] с. – ISBN 978-5-7598-2510-4 (в обл.). – ISBN 978-5-7598-2270-7 (e-book).
6. Газпром нефть (2021б). Научно-технический кластер «Газпром нефти» в Санкт-Петербурге (дата обращения: 10.03.2021).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-706-707

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

магистрант Института информатики, математики и робототехники Уфимского университета науки и технологий

УРАЗОВА Ляйсан Ураловна

ассистент кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий;

РЕДНИКОВ Дмитрий Валерьевич

старший преподаватель кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ЕДИНСТВО ПРОТИВОРЕЧИЙ

Состояние национальной экономики характеризуется, прежде всего, экономическим ростом, который при всех его достоинствах может не обеспечивать экономического развития. Объект исследования – национальная экономика. Предмет исследования – экономический рост и экономическое развитие как состояние национальной экономики. Цель исследования – в статье предпринимается попытка теоретического анализа сходства и различия экономического роста и экономического развития для определения возможностей реального роста национальной экономики. В статье аргументируется, что экономический рост определяется количественной мерой, при этом экономическое развитие охватывает более широкий аспект экономики, которые учитывает не только увеличение производства, но и улучшение уровня жизни граждан. Экономическое развитие акцентирует внимание на социально-экономических факторах, в то время как просто количественное увеличение производства является менее значимым, тем самым подтверждается противоречивость отношений экономического роста и экономического развития.

Ключевые слова: экономический рост, экономическое развитие, национальная экономика, количественный показатель, качественный показатель.

GILYAZOVA Alisa Ildarovna

magister student of the Institute of Computer Science, Mathematics and Robotics of the Ufa University of Science and Technology

URAZOVA Laysan Uralovna

assistant of Public administration sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

REDNIKOV Dmitriy Valerjevich

senior lecturer of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of History and Public Administration of the Ufa University of Science and Technology

ECONOMIC GROWTH AND ECONOMIC DEVELOPMENT: THE UNITY OF CONTRADICTIONS

The state of the national economy is characterized, first of all, by economic growth, which, for all its advantages, may not ensure economic development. The object of research is the national economy. The subject of the study is economic growth and economic development as the state of the national economy. The purpose of the study is that the article attempts to theoretically analyze the similarities and differences between economic growth and economic development to determine the possibilities for real growth of the national economy. The article argues that economic growth is determined by a quantitative measure, while economic development covers a broader aspect of the economy, which takes into account not only an increase in production, but also an improvement in the standard of living of citizens. Economic development focuses on socio-economic factors, while a simple quantitative increase in production is less significant, thereby confirming the contradictory relationship between economic growth and economic development.

Keywords: economic growth, economic development, national economy, quantitative indicator, qualitative indicator.

Количественный показатель экономического роста учитывает увеличение выпуска продукции в денежном выражении в определенный период времени, а важнейшим показателем экономического роста выступает валовой внутренний продукт (ВВП), который позволяет измерить фактический размер экономики. ВВП отражает уровень увеличения производства товаров и услуг в количественном отношении по сравнению с предыдущим периодом: «Так же, изучение экономического роста позволяет понять причины различий в уровне жизни и темпах экономического роста как внутри отдельно взятой страны в разные временные периоды, так и между различными странами за определенный период времени» [1, с. 334]. При этом экономический рост прямо не обеспечивает экономического развития: «Если экономический рост обеспечивается за счет ценовой конъюнктуры, то о развитии не может быть и речи. Если же экономический рост обеспечивается за счет ценового фактора и за счет увеличения выпуска товаров и услуг (особенно нематериальных и неэнергоёмких), то налицо экономическое развитие» [2, с. 4]. Таким образом, в данной статье авторы попытаются провести теоретический анализ различий

содержания экономического роста и экономического развития.

Основными факторами роста ВВП выступают: - Человеческие ресурсы; - Природные ресурсы; - Развитие технологий; - Накопление капитала; - Политические и социально-экономические факторы. При этом экономическое развитие охватывает более широкий аспект экономики, которые учитывает не только увеличение производства, но и улучшение уровня жизни граждан. Экономическое развитие акцентирует внимание на социально-экономических факторах, в то время как просто количественное увеличение производства является менее значимым. Экономическое развитие в отличие от экономического роста является качественной мерой, которая измеряет улучшение технологий, реформы в сфере труда, повышение уровня жизни и широкомасштабные институциональные изменения в экономике.

Индекс человеческого развития (англ. HDI) эффективно используется для измерения роста экономики, данный индекс имеет достаточно субъективную природу оценки, охватывая различные аспекты, связанные с уровнем жизни, ВВП

на душу населения, условиями проживания, государственными учреждениями, возможностями трудоустройства, самооценкой населения и другими реформами и изменениями на местном уровне экономики.

Экономический рост представляет собой увеличение стоимости производства в экономике, что отражается в ежегодном росте ВВП или ВНП страны в процентном отношении. Он указывает на значительный прирост национального продукта на душу населения за определенный период, где темпы роста общего объема производства должны превышать темпы роста населения. Экономический рост часто соотносится с экономическим развитием, которое определяется как повышение экономического благосостояния страны или определенной территории ради благосостояния ее жителей, но важно отметить, что экономический рост является необходимым, но недостаточным условием для экономического развития.

Основные различия между экономическим ростом и развитием можно объяснить следующим образом:

- Экономический рост представляет собой положительное изменение реального объема производства страны в определенный период времени, а экономическое развитие, с другой стороны, предполагает повышение уровня производства в экономике вместе с развитием технологий, повышением уровня жизни и т. д.

- Экономический рост является автоматическим процессом, в то время как экономическое развитие является результатом планирования и достижения определенных количественных целевых показателей.

- Экономический рост позволяет увеличивать такие показатели, как ВВП и доход на душу населения, а экономическое развитие, в свою очередь, способствует улучшению ожидаемой продолжительности жизни, уровня детской смертности, грамотности и уровня бедности.

- Экономический рост измеряется по положительным изменениям национального дохода, в то время как экономическое развитие отражается в увеличении реального национального дохода.

- Экономический рост является краткосрочным процессом, учитывающим годовой рост экономики. Экономическое развитие, напротив, является долгосрочным процессом.

- Экономический рост применим к развитым странам для измерения качества жизни, но также применим к развивающимся странам как важное условие развития. Развитие охватывает более широкий спектр статистических данных, чем просто ВВП на душу населения. Оно учитывает, как это фактически влияет на жизнь людей. Разработка мер будет учитывать следующие аспекты:

1. Реальный доход на душу населения – этот показатель основан на ВВП на душу населения. 2. Уровни грамотности и образования. 3. Уровни здравоохранения, такие как количество врачей на 1000 человек. 4. Качество и доступность жилья. 5. Уровни экологических стандартов. 6. Продолжительность жизни. 7. Абсолютная бедность – способность людей обеспечивать себе достаточное питание и необходимые средства жизни, такие как жилье. Экономический рост является ключевым фактором для повышения доходов и возможности людей покупать больше продуктов, при этом экономический рост не всегда приводит к улучшению уровня жизни каждого. Беднейшие слои общества не могут использовать преимущества экономического роста из-за ограниченной возможности их участия, поэтому важным вопросом является справедливое распределение выгод экономического роста между разными группами общества.

Стандарты образования также играют важную роль, так может быть смешанная связь между ВВП и уровнем грамотности, и необходимы дополнительные усилия для использования доходов от роста для улучшения образовательных стандартов. Образовательная база и уровень квалификации трудовой силы могут иметь значительное влияние на общую производительность, следовательно, базовый уровень грамотности и образования могут существенно определять производительность труда. Также не стоит упускать из виду важность трудовой мобильности, поскольку способность рабочей силы переключаться с менее продуктивных секторов, таких как сельское хозяйство, на более продуктивные отрасли может способствовать общему экономическому росту.

Экономический рост может иметь негативные последствия для окружающей среды и уровня жизни людей, например увеличение производства может привести к повышенному загрязнению, может вызвать неблагоприятные экологические последствия, такие как вырубка лесов. Транспорт и инфраструктура также играют значительную роль в экономическом развитии, улучшение инфраструктуры и транспорта является необходимым условием развития общественного пространства. Ряд ключевых факторов оказывает влияние на экономический рост в странах, находящихся на этапе развития. Важными элементами в этом процессе являются уровень инфраструктуры, включая транспортную и коммуникационную сеть, степень коррупции, измеряемая в том числе долей фактически собираемых и направляемых на государственные нужды налогов, образовательные стандарты и уровень производительности труда, а также внутренние инвестиции.

Прямые иностранные инвестиции также играют существенную роль в определении экономического развития, целенаправленный внешний финансовый обмен может способствовать улучшению инфраструктуры и общего уровня жизни в стране: «*Модели экономического роста позволяют отслеживать изменения национального дохода в зависимости от потребления, капиталовооруженности, инвестиций*» [3, с. 46]. Уровень сбережений и инвестиций внутри страны имеет значение. Более высокие уровни сбережений могут обеспечивать дополнительные ресурсы для инвестиций, что способствует общему экономическому росту. Более того, важно учитывать, что теоретически экономический рост может происходить независимо от экономического развития, это означает, что увеличение ВВП может происходить, но большинство населения не видят реального улучшения своего уровня жизни. В частности, экономический рост может приносить пользу лишь небольшой части населения, например увеличение добычи нефти может привести к росту ВВП страны, однако выгоды от этого роста могут концентрироваться в руках отдельных компаний, что не приводит к заметному улучшению жизненного уровня большинства населения.

Также следует учитывать проблемы, связанные с коррупцией, так как несмотря на повышение общего ВВП, выгоды от экономического роста могут направляться на банковские счета политиков и бизнес-элиты. Рост производства может также повлечь за собой негативные последствия для окружающей среды, создавая проблемы общественному здоровью и экологии – пример того, как экономический рост может привести к ухудшению жизни значительной части населения. Кроме того, экономический рост может вызывать проблемы со скоплением населения и транспортных средств, увеличивая пробки и, таким образом, снижая уровень комфорта и качества жизни. Также следует учитывать военные расходы: увеличение ВВП за счет выполнения оборонных нужд может привести к сокращению расходов на здравоохранение и образование, что также может отрицательно сказаться на общем уровне жизни, замедляя экономическое развитие. Таким образом, важно учитывать не только сам фактор экономического роста, но и его социальные и устойчивые последствия для общества и окружающей среды.

В ходе проведенного выше исследования можно сделать вывод, что экономическое развитие является значительно более широким понятием, чем экономический рост. Экономическое развитие включает в себя экономический рост как одну из его составляющих, то есть, экономическое развитие охватывает различные показатели, которые используются для оценки прогресса в экономике в целом, в то время как экономический рост основывается на конкретных показателях, таких как валовой внутренний продукт, индивидуальный доход и т.п.

Приставленный библиографический список

1. Копанев М. Ю. Экономический рост и развитие // *Мировая наука*. – 2019. – № 4 (25). – С. 333-335.
2. Дадашев А. 3. Экономический рост и экономическое развитие // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2017. – Т. 2. № 1. – С. 3-5.
3. Андреева Е. Г., Сухова А. Н. Экономический рост. Модели экономического роста // *Омский научный вестник*. – 2011. – № 6 (102). – С. 46-50.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-467-469

ЗАЩИТИНА Елена Константиновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, г. Таганрог

РОЛЬ ТОРГОВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В НАРАЩИВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИИ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ*

Торговые союзы и объединения традиционно выступают важным катализатором повышения экономической устойчивости стран-участниц и играют большую роль при реализации многостороннего сотрудничества, в том числе в части расширения экспорта образовательных услуг и наращивании конкурентных преимуществ системы образования как отдельных участников, так и внутри объединения. В данном исследовании на примере таких союзов и объединений как БРИКС, СНГ, ЕАЭС и формата «Россия-Африка» рассмотрены основные элементы развития образования и наращивания экспорта образовательных услуг, которые могут быть реализованы внутри торговых объединений: предоставление условий свободного перемещения студентов и преподавателей между странами-участницами объединений и союзов; рост качества образования и унификации его результатов за счет разработки единых стандартов, критериев оценки и обмена информацией о лучших практиках; развитие инфраструктуры образовательных учреждений и финансирование программ экспорта образовательных услуг; расширение географии распространения образовательных услуг, создание благоприятных условий для образовательных организаций.

Ключевые слова: торговые союзы и объединения, экспорт образовательных услуг, мировая экономика, сотрудничество в сфере образования и науки.

ZASHCHITINA Elena Konstantinovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Business economy sub-faculty of the Institute of Management in Economics, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog

THE ROLE OF TRADE ASSOCIATIONS IN INCREASING THE COMPETITIVENESS OF THE EDUCATION SYSTEM AND DEVELOPING THE EXPORT OF EDUCATIONAL SERVICES

Trade unions and associations traditionally act as an important catalyst for increasing the economic sustainability of participating countries and play a major role in the implementation of multilateral cooperation, including in terms of expanding the export of educational services and increasing the competitive advantages of the education system, both of individual participants and within the association. This study, using the example of such unions and associations as BRICS, CIS, EAEU and the Russia-Africa format, examines the main elements of the development of education and increasing the export of educational services that can be implemented within trade associations: providing conditions for the free movement of students and teachers between countries -participants of associations and unions; increasing the quality of education and unifying its results through the development of uniform standards, evaluation criteria and exchange of information on best practices; development of the infrastructure of educational institutions and financing of programs for the export of educational services; expanding the geography of distribution of educational services, creating favorable conditions for educational organizations.

Keywords: trade unions and associations, export of educational services, world economy, cooperation in the field of education and science.

Одним из основных вариантов взаимодействия между странами является реализация межгосударственной политики в рамках построения взаимодействия между странами в формате торговых союзов и объединений. Они способствуют не только развитию экономических отношений, но и играют большую роль при реализации многостороннего сотрудничества, в том числе в части расширения экспорта образовательных услуг и наращивании конкурентных преимуществ системы образования как отдельных участников, так и внутри объединения за счет всесторонней поддержки и создания благоприятных условий для выстраивания более тесных взаимосвязей в сфере образования и науки между странами.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-3407.2022.2 «Трансформация мирового рынка услуг высшего образования: вызовы и новые возможности для глобальной и национальной экономики».

Защитина Е. К.

В настоящее время существует большое число разнообразных торговых союзов и объединений, которые могут быть классифицированы по следующим критериям: по статусу участников (международные межправительственные организации и международные неправительственные организации); по кругу и количеству участников (всемирные, межрегиональные и региональные или групповые); по порядку вступления (открытые и закрытые); по предмету деятельности (политические, торговые, узкоспециализированные, финансово-кредитные и экологические); по выполняемым функциям (информационные, консультативные, нормотворческие, операционные и посреднические); по характеру полномочий (межгосударственные и надгосударственные); по компетенциям (общей и специальной компетенции); по способу создания (на основании международного договора или созданные классическим путем и созданные на основе деклараций и совместных заявлений) [1].

Среди основных элементов развития образования и наращивания экспорта образовательных услуг, которые могут быть наилучшим образом развиты внутри торговых союзов и объединений, традиционно можно выделить следующие:

1. Предоставление условий свободного перемещения студентов и преподавателей между странами-участницами объединений и союзов. Также внутри союзов и объединений появляется больше условий для обмена лучшими практиками, создания трансграничных образовательных программ и университетов, сопоставлению систем образования и образовательных результатов, расширения круга образовательных программ и повышению эффективности международного образовательного сотрудничества.

2. Рост качества образования и унификации его результатов за счет разработки единых стандартов, критериев оценки и обмена информацией о лучших практиках. Благодаря этому повышается качество образования странах с менее развитой системой образования и укрепляется их репутация на мировой арене, снижаются затраты на разработку образовательных программ и адаптацию выпускников на рынке труда, а также повышается уровень соответствия образовательных программ текущим требованиям мирового рынка в том числе за счет создания благоприятных условий для развития национальных систем образования.

3. Развитие инфраструктуры образовательных учреждений и финансирование программ экспорта образовательных услуг. Благодаря созданию совместных фондов появляется возможность реализации различных грантовых программ как для вузов-участников, так и для студентов и преподавателей, которые стимулируют развитие экспорта, способствуют привлечению иностранных студентов, а также проведению профильных научных мероприятий и созданию сообществ.

4. Расширение географии распространения образовательных услуг. Так, благодаря созданию условий по различным типам кооперации между странами (в том числе производственной кооперации, включающей в себя международный обмен не только работами и услугами, но и результатами интеллектуальной деятельности и нематериальными активами), происходит повышение представленности образовательных услуг стран-участниц (в том числе благодаря информационной и маркетинговой поддержке) и как следствие рост доли обучающихся, участвующих в программах мобильности, а также образовательных программ, реализуемых в сетевой форме.

5. Создание благоприятных условий для образовательных организаций. Важным фактором развития экспорта образовательных услуг является осуществление форм государственной поддержки участников образовательного рынка, а также создание доверительных отношений, основанных на защите их интересов и содействии в разрешении широкого спектра вопросов.

В связи с вышеперечисленными элементами, а также тем, что образование является определенным катализатором при развитии экономики, а также важной составляющей при достижении целей устойчивого развития, в настоящее время возможно наблюдать примеры различных межгосударственных объединений в сфере образования, которые появляются при инициировании и развитии торгово-экономических союзов и объединений. Приведем ряд примеров союзов и объединений, участницей которых является Российская Федерация.

1. Развитие экспорта образовательных услуг в рамках БРИКС.

На настоящее время БРИКС является одним из наиболее динамично развивающихся международных региональных объединений. В первую очередь, это обусловлено тем, что с 1 января 2024 году к уже существующим в нем странам (Бразилии, России, Индии, Китаю и ЮАР) добавятся шесть новых стран, среди которых Аргентина, Египет, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Эфиопия, что позволит достичь 37 % в мировом объеме ВВП и 46 % в мировой численности населения (на настоящий момент эти показатели составляют 31,5 % и 40 %, соответственно) [2]. Данные цифры были озвучены в рамках XV саммита БРИКС

вместе с информацией о том, что еще 17 стран подали формальные заявки на присоединение к БРИКС, включая Алжир и Казахстан. Уже с 2021 года БРИКС по экономическим показателям и вкладу в мировую экономику превзошел группу ведущих экономически развитых стран мира (G7), включающих в себя США, Германию и Великобританию.

На различных площадках БРИКС помимо экономических вопросов сотрудничества обсуждается важность сотрудничества в области образования и науки, заключающееся в создании совместных научных центров и альянсов, стимулировании обмена знаниями, а также учебными и научными программами, что должно позволить укрепить и улучшить позиции национальных образовательных систем стран-участниц на мировой арене, а также способствовать повышению качества образования, росту инноваций и развитию науки.

В целом сотрудничество в области науки и образования развивается по следующим направлениям: обмен студентами, преподавателями, исследователями и исследованиями; создание совместных образовательных программ и научных центров; развитие цифрового образования и инноваций [3]. Так, на настоящий момент в рамках БРИКС действует формат регулярных встреч министров науки, технологий и инноваций (в рамках реализации действующего Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций), и форумов: с 2009 года Академический форум, с 2016 года Форум молодых ученых, с 2022 года Форум популяризаторов науки; создан сетевой университет БРИКС (представлен 56 ведущими университетами стран-членов, из которых 9 из Бразилии, 12 из России, 12 из Индии, 11 из Китая и 12 из ЮАР [4, 5]) и Национальный комитет по исследованию БРИКС; функционирует Альянс по сотрудничеству в сфере среднего профессионального образования, способствующий развитию профессиональных навыков в том числе через площадку WorldSkills, а также лучшие образовательные технологии продвигаются через Ассоциацию научно-образовательных центров стран БРИКС.

Данные инициативы способствуют как росту количества публикаций (так, число совместных публикаций за 7 лет с 2015 года увеличилось в среднем в 1,94 раза), так и росту академической мобильности внутри стран БРИКС за счет взаимного признания полученных академических квалификаций, которое было закреплено во II Йоханнесбургской Декларации [6, 7].

2. Развитие экспорта образовательных услуг в рамках ЕАЭС.

Евразийский экономический союз составляют 5 стран: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Российская Федерация. Несмотря на то, что доля стран-участниц в мировом ВВП невелика (3,7 %), данный формат имеет большое значение для повышения конкурентоспособности стран-участниц за счет развития торговых связей и формирования единых рынков, в том числе рынка трудовых ресурсов. При этом развитие науки и образования долгое время было не вынесено в отдельные сферы сотрудничества, а рассматривалось в основном в виде вспомогательного механизма при реализации целей евразийской интеграции.

В конце 2020 года Решением Высшего Евразийского экономического совета развитие в сфере образования было выделено в качестве одного из стратегических направлений развития, в первую очередь в связи с большой долей студентов обучающихся в странах Союза. Так, по последним данным входящая мобильность студентов из стран ЕАЭС в Россию составляет порядка 30 %, а исходящая (из России в остальные страны ЕАЭС) – 11 %. В настоящее время в Стратегии 2025 по развитию науки и образования в ЕАЭС закреплены следующие основные меры: «развитие сетевых форм взаимодействия при реализации образовательных программ высшего образования; развитие дистанционного образования; проработка вопросов сближения квалификаций специалистов различных профессий; создание единой информационной системы; проведение анализа сопоставимости систем и программ образования государств-членов» [8], которые должны привести к увеличению к 2030 году доли в мировой торгов-

ли в 1,4 раза до 3,3 % и доли в мировом ВВП 1,08 раз до 4 % [9]. Уже можно отметить первые инициативы в рамках вышеназванных целей: так, в 2022 году создан Евразийский сетевой университет, объединяющий в настоящий момент 23 университета взаимодействующих на принципах использования цифровых технологий и онлайн обучения [10]; также заявлено об инициативе учреждения стипендии им. Чокана Валиханова с целью развития академической мобильности (аналог – программа Эразмус, функционирующая для развития академической мобильности в странах Европейского Союза).

3. Развитие экспорта образовательных услуг в рамках СНГ.

В состав Союза независимых государств на настоящий момент входит 9 стран, среди которых: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Узбекистан. С января 1997 года с целью развития сотрудничества в области образования и науки действует Концепция формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ и Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства [11]. В рамках реализации данных документов создан Межгосударственный комитет по распространению знаний и образованию взрослых и Совет по сотрудничеству в области образования; проходят Съезды учителей и работников образования государств СНГ. Среди основных достижений по созданию единого образовательного пространства стран СНГ следует выделить: подписание соглашения о совместном признании дипломов о высшем образовании и о повышении квалификации педагогических работников; создание перечня научных и образовательных центров, с которыми сотрудничает Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ, и перечней вузов, чьи дипломы признаются в каждом из государств – участников СНГ; а также развитие с 2008 года Сетевого университета СНГ.

Развитие экспорта образовательных услуг в рамках реализации отдельных двухсторонних форматов взаимодействия.

В последнее время наибольшее развитие получил формат «Россия – Африка», в рамках которого состоялось два крупных Саммита, на площадках которых в том числе активно обсуждались вопросы расширения и восстановления сотрудничества в сфере образования, науки и расширения экспорта образовательных услуг. Одной из крупных инициатив в сфере образования стало создание в 2021 году консорциума «Российско-Африканского сетевого университета», в который входят ведущие образовательные и научные центры двух стран, а также представители реального сектора экономики. Под эгидой данного университета уже проводятся летние школы (Летний многопрофильный университет «Россия – Африка», конференции, подписываются соглашения о взаимном признании образования, а также происходит увеличение квот для обучения в России студентов из стран Африки (например, на 2024 год квота для обучения студентов из Мавритании будет увеличена в 5 раз).

Представленные примеры говорят об эффективности построения не только экономического и политического взаимодействия, но также социального и гуманитарного сотрудничества (в том числе в сфере образования) между странами в рамках расширения эффективности деятельности торговых объединений и союзов. В целом можно отметить, что деятельность в сфере образования и науки (в том числе экспорт образовательных услуг) является основополагающей при реализации всех форм сотрудничества в рамках торговых союзов и объединений, ведь, с одной стороны, оно позволяет наращивать инновационный и кадровый потенциал стран, являющийся основой их экономической устойчивости и конкурентоспособности, а с другой – нуждается в отдельном развитии и создании благоприятных условий для построения взаимодействия в рамках международного образовательного сотрудничества и формирования конкурентных преимуществ национальных систем образования за счет обмена лучшими практиками, наращивания объемов экспорта

образовательных услуг, улучшения инфраструктуры и формирования единых образовательных пространств.

Пристатейный библиографический список

1. Павлов П. В., Защитина Е. К., Карагодин А. В. Пути и инструменты реструктуризации экономики России посредством институтов развития: монография; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 267 с.
2. Как вырастет вес БРИКС в мировой экономике после расширения / Информационный портал РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/25/08/2023/64e76eff9a794732ef6cee82?from=copy>.
3. БРИКС и образование: сотрудничество в сфере науки и образования / Международная сеть TV BRICS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tvbrics.com/news/brics-i-obrazovanie-sotrudnichestvo-v-sfere-nauki-i-obrazovaniya/>.
4. BRICS network university. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nu-brics.ru>.
5. Алексеев О.А. Сетевой университет БРИКС и его роль в выстраивании новой архитектуры многостороннего взаимодействия в области образования и науки // ALMA MATER (Вестник высшей школы). – 2017. – № 9. – С.38-42.
6. Agreement Boosts Academic Mobility Across BRICS Borders // BRICS information portal. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infobrics.org/post/39418>.
7. Краснова Г. Состояние и перспективы многостороннего научного сотрудничества в рамках БРИКС // Портал Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-brics/?sphrase_id=109038393.
8. Левченко А. Возможна ли евразийская интеграция в сфере образования // Портал Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhna-li-evraziyskaya-integratsiya-v-sfere-obrazovaniya/>.
9. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaunion.org/comision/departament/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php.
10. Евразийский сетевой университет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esuniversity.org>.
11. Информация о сотрудничестве государств – участников СНГ в сфере образования // Исполнительный комитет Содружества независимых государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/6870>.

КОРЯГИНА Альбина Рафиковна

аспирант 2 года обучения Казанского кооперативного института – филиала Российского университета кооперации

СТРЕЛКОВА Ольга Владимировна

основатель маркетингового агентства ООО Бизнес Маркетинг, г. Москва

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ ВНЕШНЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Статья рассматривает возможности применения маркетинговых инструментов оценки внешнего воздействия на развитие туристических территорий. Определяется роль туристско-рекреационной отрасли в регионах СКФО. Приводятся результаты PEST-анализа как маркетингового инструмента оценки степени воздействия государственного регулирования туристской индустрии на приоритетные кластерные инициативы в регионе. Дается характеристика ключевых политических, экономических, социальных и технологических факторов, оказывающих воздействие на развитие туристических территорий СКФО. Предлагаются потенциальные пути нивелирования внешнего воздействия установленных факторов на развитие туристических территорий СКФО.

Ключевые слова: PEST-анализ, кластерные инициативы, маркетинговые инструменты, развитие, туристические территории.

KORYAGINA Albina Rafikovna

postgraduate student of the 2nd year of study of the Kazan Cooperative Institute - branch of the Russian University of Cooperation

STRELKOVA Olga Vladimirovna

founder of the marketing agency Business Marketing LLC, Moscow

MARKETING TOOLS FOR ASSESSING EXTERNAL IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF TOURIST AREAS

The article examines the possibilities of using marketing tools for assessing external impacts on the development of tourist areas. The role of the tourism and recreational industry in the regions of the North Caucasian Federal District is determined. The results of PEST analysis as a marketing tool for assessing the degree of impact of government regulation of the tourism industry on priority cluster initiatives in the region are presented. The characteristics of the key political, economic, social and technological factors influencing the development of tourist territories of the North Caucasus Federal District are given. Potential ways to level out the external impact of established factors on the development of tourist areas of the North Caucasus Federal District are proposed.

Keywords: PEST analysis, cluster initiatives, marketing tools, development, tourist areas.

На государственном уровне ведется целенаправленная планомерная и комплексная работа по развитию туризма в РФ, создание привлекательного инвестиционного климата путем развития туристических кластеров с использованием эффективных механизмов государственной поддержки. Объединившая единой государственностью две части света Европу и Азию Российская Федерация является обладателем огромной территорией, с разнообразными природными условиями и ресурсами, огромным культурно-историческим наследием, имеет широкие возможности по осуществлению организации туристской деятельности, так как сильно выражена дифференциация регионов по наличию и составу природных, историко-культурных и социально-экономических рекреационных ресурсов в достаточной степени способствует этому. В Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) отрасль туризма является приоритетным направлением, а кластерный подход – это основной механизм развития туристской индустрии Северного Кавказа.

Общезвестный факт, что существование кластерного образования не может быть изолированным и обособленным. Оно выступает как система открытого типа, тонко реагирующая на воздействие факторов внешней среды [4]. Одним из действенных инструментов оценки такого воздействия является PEST-анализ, проведенный нами в контексте оценки степени воздействия государственного регулирования туристской индустрии на приоритетные кластерные инициативы в регионе (таблица).

Среди политических факторов особое место занимают процессы стандартизации и сертификации в сфере туризма, что в нынешних условиях становится более актуальной проблемой. Именно благодаря этим процессам государство регулирует функционирование туристической отрасли, тем самым способствуя продвижению и реализации туристских

продуктов. Данные аспекты предопределяются положениями соответствующего федерального закона (№ 48-ФЗ [7]). При этом следует отметить, что формирование Единого федерального реестра турагентов [2] еще не завершено.

Немаловажен и тот факт, что туристическая сфера напрямую воздействует и на множество других отраслей экономики. Отсюда следует необходимость оценки экономических факторов, которые прямо воздействуют на то, как сфера туризма будет развиваться и функционировать. Тем не менее, на наш взгляд, одним из рычагов экономического регулирования эффективного функционирования отрасли остается создание регламентов и стандартов в области оценки инвестиционной привлекательности туристско-рекреационного комплекса с учетом природно-климатических и историко-культурных особенностей субъекта.

Социально-экономические изменения, создание доступной среды, возрождение и укрепление позиций церкви и религии создают для туристской отрасли возможности по формированию таких видов туризма как: социальный и религиозный туризм, детский и культурно-познавательный, сельский и водный туризм. Следовательно, это говорит о формировании альтернативных бизнес-моделей, которые влекут за собой выработку новых методов измерения и оценки циркулярности. Соответственно, такие виды бизнес-моделей в первую очередь взаимосвязаны с другими отраслями и затрагивают различные области гражданского права. В связи с этим возникает необходимость в выработке системы норм и стандартов, регламентирующих деятельность этих видов туризма, о чем также свидетельствуют результаты опросов респондентов, занятых туристическим бизнесом.

Одним из немаловажных факторов для туристической индустрии являются социальные факторы, включающие в себя структуру подготовки кадров для индустрии туризма, которая в

Таблица 1. Результаты PEST-анализа как маркетингового инструмента оценки степени воздействия государственного регулирования туристской индустрии на приоритетные кластерные инициативы в СКФО

Факторы политического характера	Факторы экономического характера
Законодательная база и программы поддержки туризма на уровне государства	Инвестиционная привлекательность туристского сектора оценивается с помощью стандартизации
Более мягкий административный контроль	Туристическая система менеджмента подвергается стандартизации и сертификации
Применение процедур стандартизации и сертификации	Стандартизированные альтернативные модели ведения бизнеса, измерительные методы и методы оценки циркулярности
Деятельность субъектов туристической сферы регулируется государством	Предоставление налоговых льгот
Факторы социального характера	Факторы технологического характера
Качество услуг и должный уровень сервиса обеспечивается стандартизацией и метрологией	Развивающиеся и внедряемые технологии (информационные и др.)
Мероприятия, обеспечивающие безопасность в туристической сфере, регламентируются	Новые продукты и услуги на рынке
Туристический персонал имеет соответствующий квалификационный уровень	Цифровые туристические технологии подвергаются унификации и регламентации

Российской Федерации складывалась стихийно, исходя из потребностей отрасли в период перехода страны к рыночной экономике. Тем не менее, на протяжении последних двадцати лет ведется постоянная работа по разработке и внедрению системы непрерывного профессионального туристского образования. Подготовку по направлениям «Туризм», «Сервис», «Гостиничное дело», «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм» реализуют более двухсот шестидесяти учреждений среднего профессионального образования и более семиста учреждений высшего образования.

Согласно сведениям, аккумулируемым Службой занятости СКФО, потребность в специалистах с высшим образованием в туристической сфере не слишком велика (всего лишь 15 %) [1]. Значительное количество выпускников вузов вынуждено покинуть туристский бизнес или работать на должностях, где не требуется высшее образование. Отсюда следует наличие диспропорциональности в спросе и предложении рабочей силы в сфере туризма. Еще одной особенностью является и то, что значительная доля туристического персонала (60 %) относится к нелинейному типу. Однако, по данным Российского союза туристической индустрии [6], средние образовательные учреждения выпускают лишь 20 % таких специалистов. Тем временем переподготовка и повышение квалификации стали пользоваться спросом и активно развиваться и составляет около 23 %.

В разрезе технологических факторов все большую популярность приобретает повсеместная цифровизация, без элементов которой невозможно освоение новых туристических рынков и внедрение инновационных моделей ведения турбизнеса. Однако данный процесс сопровождается рядом сложностей и задействует практически всех участников туристической сферы. Основной фактор развития и функционирования туротрасли в условиях цифровых трансформаций – это информационное обеспечение туристской деятельности, то есть информация, которую может получить потенциальный потребитель [3], [5]. К такой информации можно отнести онлайн-бронирование с полным перечнем услуг, включаемых в пакет турпоездки, облачными системами автоматизации туристского бизнеса, в том числе и аналитические облачные технологии, унифицированные системы управления туристской деятельностью и т.д.

В качестве вывода можно отметить следующее. Для развития туристических территорий целесообразно использовать характерные и уникальные для каждого российского региона преимущества: богатую историю, культурные достопримечательности, природные ресурсы, самобытность проживающих в нашей стране народов. Кроме того, необхо-

димо повысить качество туристских услуг до уровня мировых стандартов, принять действенные меры по обеспечению доступности отдыха населения России, ввести обязательную классификацию гостиниц, создать национальную систему бронирования, охватывающую как индивидуальные, так и коллективные средства размещения. Важным звеном является создание туристской инфраструктуры и улучшение материально-технического обеспечения туристского комплекса. Большую роль при этом играет применение маркетинговых инструментов оценки внешнего воздействия и ее результаты.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад «О развитии туризма в Российской Федерации» // Ассоциация туроператоров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.atorus.ru/node/49927> (дата обращения: 11.12.2023).
2. Единый Федеральный реестр турагентов, субагентов // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/agents/> (дата обращения: 11.12.2023).
3. Зайцев А. Г., Спасская Н. В., Такмакова Е. В. Влияние институциональной среды маркетинговой деятельности на инвестиции и потребление // Управленческий учет. – 2017. – № 4. – С. 92-97.
4. Машегов П. Н., Зайцев А. Г., Лебедев М. А. Стратегии формирования элементов инновационных предпринимательских экосистем (на примере инженерного обеспечения малых инновационных предприятий) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. № 5. – С. 180-186.
5. Рзаева Р. Э., Кулакова Л. И. Цифровое развитие туристической сферы // European science. – 2019. – № 7 (49). – С. 31-35.
6. Российский союз туристической индустрии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rostourunion.ru/> (дата обращения: 11.12.2023).
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.03.2021 № 48-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380345/ (дата обращения: 11.12.2023).

КУЗНЕЦОВ Михаил Юрьевич

заведующий отделом ординатуры и аспирантуры Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента при Департаменте здравоохранения г. Москвы

ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассмотрены проблемы внедрения цифровых технологий в деятельность службы занятости населения. Современные службы занятости не могут не участвовать в глобальных трендах цифровизации и их деятельность становится все более технологизированной. В работе, со ссылкой на исследование Международной организации труда, показаны типы технологий, используемых для облегчения предоставления услуг, включая традиционные телефонные и цифровые колл-центры для регистрации и доступа к информации, веб-приложения и онлайн-порталы вакансий для подбора работы, а также социальные сети, такие как Facebook и Instagram. Отмечено, какие преимущества несут в себе цифровые сервисы с точки зрения повышения эффективности деятельности службы занятости в рамках широкого спектра ее услуг для населения.

Ключевые слова: безработные, служба занятости населения, обучение, содействие занятости.

KUZNETSOV Mikhail Yurjevich

Head of the Department of Residency and Postgraduate Studies at the Scientific Research Institute of Health Organization and Medical Management at the Moscow Department of Health

THE DIGITAL FUTURE OF THE EMPLOYMENT SERVICE

The article discusses the problems of introducing digital technologies in the activities of the employment service. Modern employment services cannot but participate in the global trends of digitalization, and their activities are becoming more technologized. The paper, with reference to a study by the International Labour Organization, shows the types of technologies used to facilitate the provision of services, including traditional telephone and digital call centers for registration and access to information, web applications and online job portals for job selection, as well as social networks such as Facebook and Instagram. It is noted what advantages digital services bring in terms of increasing the efficiency of the employment service within a wide range of its services for the population.

Keywords: unemployed, employment service, training, employment promotion.

Технологии и цифровизация являются двумя наиболее важными мегатенденциями нашего времени. Их сочетание является центральной движущей силой, влияющей на многие аспекты повседневной жизни граждан, включая то, как они ищут работу и как компании набирают новых работников [5]. Государственные службы занятости населения не могут не участвовать в глобальных трендах цифровизации, и их деятельность становится все более доступной и прозрачной именно потому, что они используют цифровые технологии для повышения производительности и эффективности в предоставлении услуг населению. Даже до продолжающейся пандемии COVID-19, которая стимулировала рост внедрения технологических решений, услуги, поддерживаемые технологиями, считались важным фактором расширения охвата государственных служб занятости и повышения общей эффективности.

Услуги, основанные на технологиях, имели решающее значение для государственных служб занятости в плане активизации, усиления и расширения поддержки лиц, ищущих работу, работников и работодателей во время кризиса занятости, вызванного беспрецедентной пандемией коронавируса. Онлайн-регистрация для поиска работы, колл-центры с сокращенным временем ожидания и другие средства подбора персонала, поддерживаемые машинным обучением, так или иначе улучшают предоставление услуг.

Внедрение технологий, однако, не является линейным процессом, который происходит одинаковым образом во всех странах. В то время как некоторые государственные службы занятости, находились на ранней стадии цифровизации, когда разразился глобальный кризис COVID-19, другие приняли подход, ориентированный в первую очередь на

Кузнецов М. Ю.

цифровые технологии, задолго до этого. Государственные службы занятости, ориентированные на оцифровку рутинных процессов, полагались на технологии для предоставления по крайней мере одной основных услуг к моменту начала кризиса с COVID-19. Такие услуги варьировались от тех наиболее простых и традиционных задач, таких как регистрация клиентов или доступ к информации о рынке труда, до тех, которые требуют более специализированных процессов и технологий, включая подбор вакансий, инструменты самооценки, консультирование и ведение дел.

В 2020 году Международная организация труда (МОТ) проводила глобальное обследование практик, используемых в деятельности служб занятости населения, которое показало, что типы технологий, используемых для облегчения предоставления услуг, были весьма разнообразными, включая традиционные телефонные и цифровые колл-центры для регистрации и доступа к информации, веб-приложения и онлайн-порталы вакансий для подбор работы, а также социальные сети, такие как Facebook и Instagram [4].

Сотрудники государственных служб занятости также использовали новые средства подбора персонала, поддерживаемые алгоритмами и машинным обучением, например, разговорные чат-боты, отвечающие на запросы клиентов, проактивные сервисы, предлагающие участие в программах повышения квалификации, или инструменты для предварительного отбора кандидатов на работу. Глобальное исследование МОТ показало, что все государственные службы занятости оцифровали или автоматизировали по крайней мере одно основное обслуживание, полностью или частично, на момент обследования. Технология, используемая для

предоставления цифровых или автоматизированных услуг, действовала в качестве интерфейса между государственными службами занятости и клиентами в начале пандемии, предоставляя средства, с помощью которых соискатели работы и работодатели могли получить доступ к услуге или ее сегментам или использовать их.

Однако национальные системы государственных служб занятости находились на разных стадиях зрелости, эффективности и результативности для удовлетворения потребностей клиентов и ожидания, начиная от статичных потоков информации на веб-страницах и заканчивая автоматизированным предоставлением на основе предыдущей регистрации или предпочтений клиента. Тем не менее, даже в развивающихся странах, где цифровые сети работают плохо, расширение возможностей мобильной связи позволило получить доступ к поддержке государственных служб занятости в режиме онлайн. Глобальное исследование также показало, что семь из десяти ответивших государственных служб занятости из стран с уровнем дохода ниже среднего управляли сегментами служб регистрации и подбора работы онлайн.

Государственные службы занятости используют различные подходы к освоению и внедрению технологий предоставления услуг. Согласно результатам глобального обследования во всех регионах МОТ:

- 52 % ответивших государственных служб занятости предпочли использовать технологии только для оказания отдельных услуг;

- 28 % приняли модели оказания услуг, преимущественно поддерживаемые технологиями;

- 20 % отдали предпочтение методам оказания услуг лицом к лицу [4].

В разбивке по группам стран с доходом те государственные службы занятости, которые внедряют преимущественно технологический подход предоставления услуг осуществлялось в основном в странах с высоким уровнем дохода (30 %). Вопреки ожиданиям, аналогичная доля государственных служб занятости из стран с уровнем дохода ниже среднего (29 %) также опробовали эту модель предоставления услуг. Подавляющее большинство государственных служб занятости, использующих технологии для предоставления только отдельных услуг, находились в странах с уровнем дохода выше среднего (60 %).

Новая модель служб занятости предполагает, что большое количество будущих соискателей будут обслуживаться в цифровом формате, а поставщики услуг по трудоустройству будут поддерживать группы, которым требуются расширенные услуги «лицом к лицу». При ожидаемом соотношении лиц, ищущих работу, к консультантам в соответствии с новой моделью 80:1 будут обращаться 80 соискателей работы в день [2].

Хотя адаптация к новой модели служб занятости сопряжена с рядом проблем, очевидно, что технологии будут играть ключевую роль, позволяя поставщикам услуг максимально эффективно взаимодействовать с соискателями работы. Благодаря интеллектуальному применению технологий, от централизации данных до прогнозных аналитики, они смогут быть намного более эффективными в предоставлении высокопроизводительных услуг, обеспечивающих достижение желаемых результатов. Следует отметить, что в будущем аналитика сделает провайдеров услуг в сфере занятости более эффективными операторами, а службы занятости населения (СЗН) более результативными предприятиями [3].

Например, аналитика может оказать помощь по всем вопросам, начиная с наиболее подходящего направления для поиска работы консультантом, заканчивая тем, кто больше всего подвержен риску увольнения с работы, барьерами, с которыми сталкиваются отдельные участники, и способами, с помощью которых услуги СЗН могут быть более персонализированными и адаптированными к каждому человеку. Сегодня поставщики услуг по трудоустройству могут выяснить отношение участника к трудоустройству с помощью короткого онлайн-опроса, а затем распределить их по услугам,

которые соответствуют их менталитету и максимизируют их шансы найти и сохранить работу.

Очень часто деятельность консультантов СЗН заключается во вводе данных, бумажной волоките, соблюдении нормативных требований и малозатратном ручном взаимодействии. Это оставляет меньше времени для ценного личного взаимодействия с непосредственно безработными или работодателями, которое может привести к более быстрым и эффективным результатам, в которых они нуждаются, а также создает систему с меньшим количеством человеческих характеристик, чем можно желать или ожидать.

Используя технологии для менее дорогостоящих видов деятельности, поставщики услуг будут все чаще получать возможность автоматизировать трудоемкий труд и освобождать место для компонентов рабочего дня, которые обеспечивают выполнение важных задач. Убрав со стола процессы с низкой стоимостью, они смогут сосредоточиться на создании большего количества кадровых служб, которые, скорее всего, будут напоминать так называемую консерж-перестройку.

На современном рынке труда поставщики услуг на практике часто связываются с работодателями каждую неделю или две недели в течение первых шести месяцев по телефону в рамках процесса «общего звонка». Хотя во многих случаях это хорошо воспринимается участниками и приводит к более высоким результатам, могут быть способы тонкой настройки с помощью технологий [1].

Более эффективное мышление позволит провайдерам автоматизировать аспекты поддержки после трудоустройства или передать ее на аутсорсинг самим участникам. Например, просто отправляя запланированный SMS-контакт каждые две недели и используя онлайн-ресурсы для поддержки клиентов на протяжении всего их трудового пути, телефон может стать скорее исключением в этом процессе, чем правилом.

Будущее служб занятости будет означать продвижение услуг среди лиц, ищущих работу, и работодателей, которые будут ожидать от своего поставщика услуг по трудоустройству большего участия и эффективности.

Однако соискателям с более глубокими потребностями также потребуется возможность действовать самостоятельно с помощью цифровых средств самообслуживания, предоставляемых их поставщиками услуг по трудоустройству. Поставщики интеллектуальных услуг по трудоустройству будущего с энтузиазмом отнесутся к возможности расширения самообслуживания в областях, в которых кандидатам нужны цифровые услуги, и восполнят пробелы там, где им это не нужно.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецов М. Ю., Ананченкова П. И. Образовательная поддержка женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком // Труд и социальные отношения. - 2017. - Т. 28. - № 2. - С. 104-115.
2. Попова С. С., Бойко С. А., Гохштанд Е. В., Недров А. А., Шевчук А. Р. Цифровизация службы занятости населения // Государственное управление. Электронный вестник. - 2021. - № 86. - С. 264-283.
3. Соколов О. С., Кузнецов М. Ю. Цифровые сервисы для безработных – новая форма услуг службы занятости населения (на примере платформы «Работа России») // Труд и социальные отношения. - 2023. - Т. 34. - № 1. - С. 54-64.
4. ILO. The Future of Work in the Digital Economy, paper prepared for the Employment Working Group under the 2020 Russian presidency of the BRICS (Geneva). 2020.
5. United Nations. 2020, Report of the UN Economist Network for the UN 75th Anniversary Shaping the Trends of Our Time. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.org/development/desa/publications/report-of-the-un-economist-network-for-the-un75th-anniversary-shaping-the-trends-of-our-time.html.

МАШЕГОВ Петр Николаевич

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры информационного менеджмента и информационно-коммуникационных технологий имени В. В. Дика Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

КОРЯГИН Владимир Владимирович

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ФОРМАЛИЗАЦИЯ КРИТЕРИЕВ УРОВНЯ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОЕКТОВ ПО ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЮ

При проведении конкурсов на получение государственного финансирования участие в реализации государственных целевых программ, предусматривающих получение преференций различного типа, возникает проблема поиска компромисса между стремлением к максимальной локализации производства и возможности удовлетворения текущих потребностей внутреннего рынка. В статье представлен вариант формализации критериев уровня локализации, направленный на решение данной проблемы. Расчеты выполнены на примере импортозамещения продукции гемодиализа.

Ключевые слова: импортозамещение, локализация производства, государственное регулирование.

MASHEGOV Petr Nikolaevich

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of V. V. Dick Information management and information and communication technologies sub-faculty of the Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

KORYAGIN Vladimir Vladimirovich

postgraduate student of the Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

FORMALIZATION OF CRITERIA FOR THE LEVEL OF LOCALIZATION WHEN SELECTING IMPORT SUBSTITUTION PROJECTS

When conducting tenders for state financing, participation in the implementation of state targeted programs providing for various types of preferences, the problem arises of finding a compromise between the desire for maximum localization of production and the possibility of meeting the current needs of the domestic market. The article presents a variant of formalization of localization level criteria aimed at solving this problem. The calculations were performed using the example of import substitution of hemodialysis products.

Keywords: import substitution, localization of production, government regulation.

Характерной проблемой современной России является вопрос рационального и эффективного использования государственных средств. С учетом внешних факторов, которые связаны с экономическими действиями запретительного характера, введенными со стороны иностранных государств в отношении РФ, возникает необходимость в организации производств и увеличении объема выпуска импортозамещаемой продукции. Как правило, под санкции попадает продукция (технология), которая имеет критически-важное значение для государства, и по которым невозможно в кратчайшие сроки наладить аналогичное производство, не уступающее по качеству и стоимости зарубежному аналогу [1], [2], [3]. Огромная роль в реализации политики импортозамещения и локализации производства возлагается на госзаказ. Общая сумма денежных средств, вращающихся в госзакупках, составляет около 28,8 трлн. руб. [4]. Для каждого потенциального предлагаемого проекта в рамках реализации политики импортозамещения с последующим получением преференций в рамках в рамках государственного заказа, необходима комплексная экспертная оценка. Не все и всегда можно и нужно производить внутри одного государства. Необходимо учитывать наличие ресурсов и технологий, способных осуществить импортозамещение того или иного продукта. Можно использовать критерии оценки, которые позволят в той или иной степени оценить потенциал импортозамещения в отрасли.

В настоящее время в РФ существуют несколько документов, регламентирующих правила оценки эффективности отбора приоритетной продукции для реализации программ импортозамещения в промышленности:

– Постановление Правительства РФ от 31.03.2018 г. № 392 «Об утверждении Правил оценки эффективности, особенностей определения целевого характера использования бюджетных средств, направленных на государственную поддержку инновационной деятельности»; главными принципами оценки эффективности использования средств государственной поддержки являются: учет приоритета достижения целевых показателей в развитии отдельных отраслей, сфер экономики; учет достигнутых и запланированных показателей; принцип интегральности и принцип ретроспективности [5];

– Минпромторг РФ сформировал критерии отбора приоритетной продукции для реализации программ импортозамещения в промышленности, следует из презентации ведомства «О мерах по инвестиционному обеспечению технологического суверенитета РФ в сфере промышленности»; отобрано шесть приоритетных для импортозамещения секторов [6];

– Отдельные субъекты РФ разрабатывают собственные условия и порядки отбора проектов для финансирования по программе импортозамещение (например, в Челябинской области разработаны стандарты по отбору проектов по программе развития импортозамещения, которые определяют общие требования и критерии, являющимися основаниями для отбора проектов [7]).

Действующие правила и условия отбора проектов для реализации программы импортозамещения в рамках локализации производства включают лишь общие универсальные требования к критериям оценки. При определении при-

Таблица 1. Показатели 1-го уровня К1

№	Базовый показатель	0-1	Комментарий
1	объем, закупаемый госзаказом	–	установление минимальной суммы, от которой проект принимается в анализ (например, сумма закупок от 500 млн. руб./год); что позволит сохранить существование небольших участников сегмента госзакупок
2	наличие/отсутствие отечественных аналогов, продуктов/технологий	–	относительная конкурентоспособность в сравнении с лучшими образцами [3]
3	наличие/отсутствие сырья и производственных компонентов, необходимых для производства продукта	–	например, производить в России латексные перчатки нет никакого смысла по причине отсутствия сырьевой базы для производства)
4	степень локализации производства	–	чем полнее цикл производства и глубже ее локализация, тем это приоритетнее для импортозамещения; недопустимо производить несколько простых позиций из ассортимента импортного производителя, которые дают 80% дохода, а остальные закупать за границей либо заниматься упаковкой продукции или ее стерилизацией, маскируя это под процесс импортозамещения
5	наличие производственных мощностей, технологий и научной базы	–	
6	численность населения, которая использует данный продукт [3]	–	
7	время, которое понадобится для реализации [3]	–	
8	количество отраслей, работа которых критично зависит от данных продуктов [3]	–	
9	возможность выхода на зарубежные рынки [3]	–	
10	закупается ли эта продукция из списка дружественных/недружественных стран	–	РФ является участником глобальной экономики, региональных рынков, поэтому это важно для укрепления сотрудничества и развития взаимоотношений
11	$\Sigma K1 = (1 + 2 + N) / N$	0,....	

оритетности учитываются базовые отрасли промышленности, экономики и ОКВЭД, включающий определенные виды продукции [10]). Данные критерии позволяют провести экспресс-оценку по необходимости импортозамещения той или иной отрасли или вида продукции. Но в рамках одной отрасли или вида продукции может быть ситуация, когда по одной продуктовой линейке существует зависимость от иностранных поставщиков, может быть 100 %, а по другой – наличие конкурентоспособных отечественных аналогов. Для проведения экспертизы проектов в рамках реализации политики импортозамещения и локализации производства, необходим метод оценки, который будет включать критерии по максимальному количеству показателей, и учитывать разные цели оценки. Это могут быть следующие показатели 1-го уровня (таблица 1).

Исходя из вышеизложенного, делаем вывод, что необходимо разработать показатель оценки предлагаемого к производству продукта, который в дальнейшем получит преференции в государственном заказе. Назовем показатель коэффициентом необходимости локализации производства (Кнлп). Данный коэффициент будет являться произведением двух множителей, учитывающих разные параметры оценки необходимости локализации: $K_{нлп} = K1 * K2$, где K1 – это среднеарифметическое показателей первого уровня (для каждого критерия из списка показателей первого уровня, вводим шкалу оценки от 0 до 1, с шагом 1/10, где: 0 – это минимальный параметр K1; 1 – это максимальный параметр K1); K2 – это отдельный критерий (показатель второго уровня) – коэффициент социальной значимости предлагаемой к локализации продукции.

Иногда объем выпускаемой продукции, емкость рынка продукции, наличие производственных мощностей играют не решающее значение. Так, производство самолетов для гражданской авиации или производство социально-значимых лекарственных средств в РФ. Поэтому для принятия объективного решения, которое будет обеспечивать потребность государства в стратегически важных продуктах и услугах, необходимо ввести учитывающий этот аспект параметр. Коэффициент K2 будет оказывать повышающую роль в общей системе отбора. Для показателя второго уровня вводим шкалу оценки от 1 до 2, с шагом 1/10, где: 1 – минимальное значение, которое не будет уменьшать значение Кнлп, а будет сохранять и оставлять прежним K1 при любом значении; 2 – максимальное значение, которое будет повышать Кнлп в случае минимального значения K1. Общая предлагаемая формула для расчета коэффициента необходимости локализации производства: $K_{нлп} = K1(0-1) * K2(1-2)$.

Для окончательного принятия решения о необходимости принятия проекта органом (ОК) в работу, который в дальнейшем получит преференции в государственном заказе, предлагается ввести минимальное значение Кнлп = 0,8. Максимальное значение соответственно будет равняться 2,0. При расчете данного коэффициента может возникнуть противоречивая ситуация, при которой значение K2 будет довольно высоким, а значение K1 по общим параметрам будет несущественным. В итоге мы получим ситуацию, когда значение Кнлп будет ниже минимального проходного пара-

Таблица 2. Области значения Кнлп в зависимости от значений множителей

K2											K1
2,0	0,00	0,20	0,40	0,60	0,80	1,00	1,20	1,40	1,60	1,80	2,00
1,9					0,76	0,95					1,90
1,8	Область Кнлп 1				0,72	0,90					1,80
1,7					0,68	0,85					1,70
1,6					0,64	0,80	Область Кнлп 2				1,60
1,5						0,75	0,90				1,50
1,4							0,84				1,40
1,3	Область Кнлп 3						0,78				1,30
1,2							0,72	0,84			1,20
1,1							0,66	0,77	0,88	0,99	1,10
1,0	0,00	0,10	0,20	0,30	0,40	0,50	0,60	0,70	0,80	0,90	1,00
	0	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1,0

Таблица 3. Расчет К1 заместительной почечной терапии (ЗПТ) по показателям 1-го уровня

№	Показатели	Оценка	Комментарий по оценке
1	объем, закупаемый госзаказом	1	126,582 млн. долл. США [8]
2	наличие/отсутствие в настоящий момент отечественных аналогов	1	отсутствует
3	наличие/отсутствие сырья и производственных компонентов	1	все сырьевые пластики, металлы находятся в достаточном количестве
4	степень локализации производства	0,8	требуется глубокая степень локализации для производства оборудования и расходных материалов
5	наличие производственных мощностей, технологий и научной базы	0,3	наличие научной базы, отсутствие оборудования, мощностей для производства
6	численность населения, которая использует данный продукт	1	до 1 млн. чел. нуждаются в ЗПТ, 50 тысяч пациентов получают процедуру на постоянной основе [9]
7	время, которое понадобится для реализации	0,4	требуется значительное время для создания оборудования способного производить продукцию полного цикла
8	количество отраслей, работа которых критично зависит от данных продуктов	0,7	будет способствовать развитию технологий химической промышленности, металлообработки, электронных компонентов
9	возможность выхода на зарубежные рынки	0,7	на страны ближнего зарубежья, Азиатского региона
10	закупается ли эта продукция из списка дружественных/недружественных стран	0,7	закупается в основном из списка недружественных стран
11	$\sum K1 = (1+2+N)/N$	0,76	

метра 0,80. В таком случае интересы государственного заказа по социально значимым и стратегически важным продуктам при осуществлении политики импортозамещения могут быть не приняты во внимание.

Рассмотрим таблицу 2, показывающую различные значения коэффициента необходимости локализации производства, в зависимости от значений его множителей. Анализируя таблицу 2, мы можем разделить потенциальные значения **Кнлп** на три области.

Область 1 – исключительная зона стратегических интересов государства, при которой оценка с точки зрения базовых параметров может быть крайне низкой, соответственно произведение **К1** и **К2** будет выдавать значение менее 0,80. В области этих значений при расчете **Кнлп** предлагается следующее: при $K2 \geq 1,60$ и $K1 < 0,50$ – коэффициентом по показателям первого уровня пренебрегаем, а учитываем только стратегические интересы государства. Получаем: $Kнлп = K1(0-1)(\text{пренебрегаем}) * K2(1-2)$, т. е., $Kнлп = K2(1-2)$;

Область 2 – зона максимального совпадения интересов государства и всех участников рынка, работающих в области государственного заказа. Зона наиболее приоритетного и первоочередного принятия решения по импортозамещению и локализации продукта, услуги, отрасли. В области этих значений при расчете **Кнлп** предлагается следующее: $K2 \geq 1,60$ и $K1 \geq 0,50$, при этих параметрах обеспечивается минимально-необходимое значение $Kнлп = 0,8$, и данный коэффициент высчитывается по общей формуле: $Kнлп = K1(0-1) * K2(1-2)$;

Область 3 – зона с наименьшей оценкой, при попадании **Кнлп** в область 3, проект автоматически снимается с рассмотрения.

Рассмотрим коэффициент необходимости локализации производства продукта, имеющего нулевой уровень и степень локализации в РФ, на примере заместительной почечной терапии (ЗПТ). Рассчитаем **К1** по показателям первого уровня на примере таблицы 3.

Анализ таблицы 3 показывает, что по К1 импортозамещение продукции гемодиализа по объему закупаемой продукции, по степени локализации производства, наличию сырьевой базы и численности населения, которые используют данный продукт, имеет существенное значение для участников государственного заказа. Но с учетом низких оценок по некоторым критериям, связанных с наличием внутри РФ мощностей, технологий, со временем, необходимым для реализации проекта, получаем значения К1 ниже, чем минимально установленный порог для принятия положительного решения.

Оценим показатель 2-го уровня К2 для данной продукции. Исходя из информации таблицы 3, можно сделать вывод, что в случае полного запрета на ввоз данной продукции, общее влияние на государство будет не критичным. Но с учетом того, что в данной продукции нуждаются большое количество пациентов и в случае усиления санкционного давления и полного запрета на ввоз данной продукции, наше государство может попасть в ситуацию, при которой десятки тысяч граждан, окажутся в критическом положении. Соответственно принимаем $K2=1,5$, как среднее между минимальным и максимальным значением по шкале. Получаем следующий коэффициент необходимости локализации производства для гемодиализной продукции: $K_{нлп}=K1(0,76)*K2(1,5)=1,14$. Исходя из таблицы 3, $K_{нлп}=1,14$ попадает в область 2, в зону максимального совпадения интересов государства и всех участников рынка, работающих в области государственного заказа.

Таким образом, предложенный коэффициент необходимости локализации производства, сможет учитывать при выборе проекта по импортозамещению, как основные базовые критерии оценки организации производства в Российской Федерации, так и параметры, влияющие на экономическую независимость и безопасность государства. Используя такое многообразие оценки проектов, можно добиться значительно большей эффективности текущей программы по импортозамещению и локализации производства с минимальными рисками при принятии решения.

Пристатейный библиографический список

- Исаева Е. В. Оценка потенциала импортозамещения отраслей отечественной промышленности и принцип отбора проектов по импортозамещению // *Экономические науки*. – 2018. – № 169. – С. 58-60.
- Машегов П. Н., Зайцев А. Г., Лебедев М. А. Стратегии формирования элементов инновационных предпринимательских экосистем (на примере инженерного обеспечения малых инновационных предприятий) // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2016. – № 5. – С. 180-186.
- Зайцев А. Г. Формирование эффективной системы регионального маркетинга на основе методологии институциональной теории. – Орел, 2010. – 193 с.
- Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год» (утв. Коллегией Счетной палаты РФ 22.06.2021 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>.
- Постановление Правительства РФ от 31.03 2018 г. №392 «Об утверждении Правил оценки эффектив-
- ности, особенностей определения целевого характера использования бюджетных средств, направленных на государственную поддержку инновационной деятельности, а также средств из внебюджетных источников, возврат которых обеспечен государственными гарантиями, и применяемых при проведении такой оценки критериев». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/juAraHhQ13voSAhA7cKpmKm1KN2SRg21.pdf>.
- Минпромторг определил приоритеты господдержки в импортозамещении. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opora.ru/news/media-about-us/minpromtorg-opredelil-prioritety-gospodderzhki-v-importozameshchenii/>
- Стандарт фонда условия и порядок отбора проектов для финансирования по программе «импортозамещение». Редакция 1.0. №ФРПЧОРС-006. Челябинск, 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://frp74.ru/about/files/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82%20%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0%20%D0%98%D0%9C%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%9E%D0%97%D0%90%D0%9C%D0%95%D0%A9%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95.pdf>.
- Анализ рынка аппаратуры и расходных материалов к аппаратуре для гемодиализа в России. Аналитический отчет DISCOVERY RESEARCH GROUP. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drgroup.ru/535-analiz-rynka-oborudovaniya-dlja-gemodializa-v-rossii.html>.
- Импортозамещения в этой сфере у нас нет. Диализные сети – о том, что ждет индустрию и пациентов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vademec.ru/news/2022/03/04/importozameshcheniya-etoy-sfere-u-nas-net-uchastniki-rynka-uslug-dializa-o-tom-chto-zhdet-industri/>
- Базиков А. А., Зайцев А. Г., Синяков Д. А., Базикова В. Л. Рыночная экономика: теория и практика. – Орел, 2006. – 225 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-478-480

НОВИЧЕНКО Антон Игоревич

кандидат технических наук, доцент кафедры технического сервиса машин и оборудования Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья рассматривает актуальную проблему, касающуюся необходимости развития информационной безопасности в условиях становления нового экономического строя. В контексте этих изменений подробно обсуждается важность поддержки и развития отечественного законодательства, регулирующего информационную безопасность, а также формирование устойчивой цифровой среды. С учетом непрерывного развития информационных технологий, цифровая экономика становится неотъемлемым компонентом нового экономического уклада. В результате возникает основная проблема, связанная с обеспечением безопасности информации и пользователей систем с искусственным интеллектом в пределах данной концепции.

Ключевые слова: законодательство, цифровая экономика, информационная безопасность, новый экономический уклад, искусственный интеллект.

NOVICHENKO Anton Igorevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Technical service of machines and equipment sub-faculty of the Russian State Agrarian University – K. A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy

GENERAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION IN THE FIELD OF DIGITAL ECONOMY FORMATION

The article addresses the pressing issue of the need to develop information security in the context of the emergence of a new economic order. In the context of these changes, the importance of supporting and developing the domestic information security market, as well as the formation of a sustainable digital environment, is discussed in detail. Taking into account the constant updating of information technologies, the digital economy becomes an integral component of the new economic order. As a result, the main problem arises, which is related to ensuring the security of information within this concept.

Keywords: legislation, digital economy, information security, new economic order, artificial intelligence.

Анализируя современную динамику развития экономики и общества, особенно в контексте цифровой экономики, наш основной фокус направлен на исследование информации как важного фактора производства. В современном обществе информация играет существенную роль в создании новых возможностей и способствует прогрессу экономических продуктов и услуг [1, 2].

В декабре 2016 года была представлена инновационная программа, направленная на развитие цифровой экономики в России. Данное направление основывается на сотрудничестве с научно-исследовательскими организациями и центрами. В настоящее время понятие «цифровая экономика» еще не имеет четкого законодательного определения и представляет собой абстрактное явление, которое включает в себя передовые технологии, новейшие программы и высокотехнологичное оборудование. Тем не менее, развитие цифровой экономики остается одним из приоритетных направлений для страны. В будущем, скорость и качество цифровизации будут иметь значительное влияние на международное положение России [2].

В соответствии с Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, который посвящен Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период с 2017 по 2030 годы, можно заключить, что цифровая экономика определяется как прогресс информационного общества и экономики в информационном секторе, где ключевую роль играет информация в электронном формате. Предполагается, что развитие информации в качестве фактора производства приведет к существенным изменениям в экономике и деловой сфере.

Тем не менее, важно определить границы цифровой экономики при ее формировании [3]. На основе этих фактов была разработана и принята Национальная программа «Цифровая экономика» по протоколу от 28 мая 2019 года [4].

Программа выявляет следующие задачи:

1. Разработка инфраструктуры информационного обмена, обработки, сохранения и обеспечения безопасности данных;
2. Улучшение инфраструктуры, предназначенной для всех организаций и домашних хозяйств;
3. Гарантирование стабильной финансовой поддержки проектов в сфере цифровой экономики;
4. Предпочтение отечественного технического оборудования при его использовании.

Сфера услуг претерпевает изменения и переходит на новый уровень. В настоящее время все больше расчетов, предоставление образовательных услуг и лицензированное распространение медиа контента осуществляются через Интернет в дистанционном режиме. С развитием информационных технологий и увеличением доступа к технологическим инструментам для широкой аудитории, этот процесс становится все более популярным и востребованным. своего пика в настоящее время. Цифровые инструменты и программное обеспечение все более активно применяются для решения сложных задач и улучшения качества исследований [2]. Научные и прикладные области в полной мере осознают преимущества, которые могут быть получены с использованием цифровых технологий. Они позволяют сократить время на обработку данных и проведение экспериментов, а также повысить точность и результативность исследований. Кроме того, цифровые технологии позволяют создавать и хранить огромные объемы информации, что облегчает доступ к ней и делает процесс работы более эффективным. Все это делает использование цифровых технологий неотъемлемой частью современной науки и практики и способствует дальнейшему развитию и успеху в этих областях. наивысшего уровня

развития [5–8]. Однако, несмотря на широкий набор преимуществ, которые предлагает цифровая экономика, возрастает как количество угроз, так и положительных аспектов. Перед специалистами по кибербезопасности стоит важная задача – гарантировать сохранность информации в сфере цифровой экономики, а также защитить интересы физических и юридических лиц в онлайн-среде [2, 9].

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем в цифровом пространстве является киберпреступность в скрытой сети интернета. Злоумышленники используют информацию для совершения незаконных действий, таких как манипуляции данными, создание фальшивых веб-страниц и подражание благотворительным организациям, торговля поддельными паспортными данными и незаконные операции с украденными финансовыми средствами. Компании, занятые в сфере информационных услуг и интернет-торговли, а также государственные органы сталкиваются с серьезными проблемами из-за деятельности киберпреступных группировок. Задачей информационной безопасности является юридическая защита коммерческой и конфиденциальной информации предприятий и государства [2, 10].

Мошенничество, связанное с манипулированием и передачей искаженной информации, оказывает серьезное воздействие на мировую цифровую экономику [11]. Кроме того, компрометация конфиденциальной информации может привести к потере доверия клиентов и партнеров, а также нанести ущерб репутации компании. В свете этого становится ясно, что защита конфиденциальной информации является критически важной задачей для организаций. Необходимо улучшить системы безопасности и принять дополнительные меры для защиты данных от потенциальных угроз. Это включает в себя установку современных систем шифрования, обучение сотрудников правилам безопасности и постоянное обновление программного обеспечения для предотвращения уязвимостей. Организации должны быть готовы к таким ситуациям и предпринимать все необходимые меры для защиты своих данных и предотвращения утечек персональных данных [2]. Однако, необходимо признать, что в современной эпохе интернета и быстрого распространения информации, полностью исключить правонарушения практически невозможно.

Россия прилагает усилия для укрепления системы информационной безопасности и предпринимает соответствующие действия для развития и внедрения новых проектов. Для реализации задач, поставленных в рамках Национальной программы «Цифровая экономика», на федеральный проект «Информационная безопасность» выделены 22,333 млн. рублей из федерального бюджета и 11,710 млн. рублей из внебюджетных источников до 2024 года [12].

Службы безопасности информации должны гарантировать наличие подходящих и квалифицированных сотрудников с разнообразными знаниями в области защиты информации. Все цифровые продукты и связанные с ними операции должны строго контролироваться опытными профессионалами [13]. На данный момент рынок России наблюдает рост в закупках систем информационной безопасности от местных компаний, что является положительной тенденцией.

Применение инновационных и нестандартных подходов в использовании информации является значимым средством для достижения быстрого прогресса в технологической сфере. Все государства проявляют глубокий интерес к данному аспекту [14]. В России активно осуществляется множество успешных проектов в области цифровой экономики, несмотря на присутствующие трудности и сложности этого развития. Технологии развиваются в нескольких основных направлениях:

1. Реализация унифицированной системы передачи информации.
2. Развитие цифровизации государства.

3. Создание национальной платформы для использования биометрических данных.

4. Разработка киберполигонов с целью обучения безопасности информации.

5. Развитие квантовой криптографии.

В свете распространения и развития информационных технологий возникает необходимость пересмотреть ключевые инструменты обеспечения кибербезопасности в сфере цифровой экономики. Улучшение механизмов защиты становится необходимым условием для существования цифровой экономики [15].

При изучении основ цифровой экономики следует обратить внимание на киберфизические системы (CPS), которые способны обрабатывать и хранить большие объемы данных, взаимодействовать с облачными технологиями и связывать физическое и виртуальное пространство. Развитие цифрового пространства становится неизбежным, требуя активного развития таких систем. Эта область технологий включает в себя разнообразие инновационные и перспективные процессы, которые осуществляются в обширном масштабе. Понимание и применение этих сложных технологий являются важными в науке и инженерии, где кибернетические подходы играют ключевую роль. Поэтому научно-исследовательские институты и компании сегодня активно занимаются изучением и развитием киберфизических систем [16].

Основная цель киберфизических систем заключается в идеальной и непрерывной согласованности электронных устройств с физической средой, чтобы обеспечить максимальную эффективность цифровой экономики. В этом контексте, широкое использование технологии Big Data является особенно актуальным. Для обеспечения правильной работы киберфизических систем, технология Big Data позволяет синхронизировать огромные объемы данных в режиме реального времени. Кроме того, киберфизические системы включают в себя Интернет вещей, робототехнические системы и системы управления производством. Особенности киберфизических систем, которые выделяют их из общей массы современных технологий:

1. Бесперебойный обмен информацией.

2. Присутствие центра управления, который гарантирует автоматизацию процессов.

3. Деятельность в едином цифровом пространстве, с важными элементами, такими как серверы, средства обеспечения безопасности данных и антивирусные программы.

Однако, возникает значительная проблема в области безопасности данных при использовании киберфизических систем. Они полностью зависят от сети «Интернет» и неспособны работать без ее подключения.

Системы, применяемые в цифровом пространстве, могут использоваться в масштабных и значимых проектах, охватывающих различные сферы производства и услуг. Поэтому надежность, целостность и безопасность цифровых и физических продуктов будут прямо зависеть от уровня защищенности сети. В связи с этим, необходимо определить основные факторы, которые способствуют успешному функционированию цифровой экономики.

1. Разработка инструментов для криптографических методов.

2. Осуществление контроля внутренних параметров безопасности.

3. Обеспечение максимальной защиты от неавторизованного доступа.

4. Регулярный анализ качества сетей.

5. Проверка и сертификация оборудования, которое мы используем.

6. Обеспечение безопасности автоматических управляющих центров в случае аварий.

В цифровой экономике, для обеспечения эффективности и долговечности киберфизических систем, необходимо использовать механизмы оценки, прогнозирования и управ-

ления. Киберфизические системы должны быть защищены от различных видов угроз, однако основной акцент на вид защиты следует определять в зависимости от специфики деятельности организации. Например, организации с финансовым или интеллектуальным потенциалом должны обеспечить максимальный уровень защиты своей инфраструктуры. В обоих случаях, основным риском является утечка информации, будь то публичная или конфиденциальная. Поэтому основным предметом в области информационной безопасности будет защита данных от кражи, искажения или уничтожения.

Осознавая всеобщую значимость законодательного регулирования процессов развития информационных технологий в рамках цифровой экономики, Росстандарт внедрил в 2021-2022 годах обширный набор нормативных актов, которые устанавливают правила для работы интеллектуальных информационных систем. Всего было разработано 61 документ [17].

На основе изложенного можно заключить, что в настоящее время в большинстве стран мира особое внимание уделяется вопросу обеспечения информационной безопасности в цифровой экономике. Широкое внедрение IT-технологий позволит достичь нужного уровня развития нового экономического сектора. Однако следует помнить, что высокотехнологичные инновации и технические решения требуют значительных финансовых вложений. Поэтому необходимо умело регулировать стоимость производства продуктов с использованием информационных платформ и систем. Цифровая экономика и связанные с ней перспективные проекты являются главной целью для создания новой экономической среды в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Харченко А. А., Конюхов В. Ю. Цифровая экономика как экономика будущего // Молодежный вестник ИрГТУ. 2017. № 3. С. 17.
2. Назарова О. Г., Клименко А. Д. Информационная безопасность в период становления цифровой экономики в России // Экономика. Социология. Право. 2020. № 2 (18). С. 35-41.
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.011.2023).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.05.2023).
5. Горностаев В. И. Повышение эффективности эксплуатации парка машин в природообустройстве с помощью информационно-экспертных систем: специальность 05.20.01 «Технологии и средства механизации сельского хозяйства»: диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук. Москва, 2018. 202 с.
6. Анисимов А. В., Горностаев В. И., Новиченко А. И. Исследование сложных организационно-технологических систем в АПК методом статистических испытаний с применением распределенных вычислений // Международная научная конференция молодых ученых и специалистов, посвященная 100-летию И. С. Шатилова: Сборник статей, Москва, 06–07 июня 2017 года. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2017. – С. 317-318.
7. Новиченко А. И., Горностаев В. И. Решение задач оптимизации парка машин и технологического оснащения АПК с применением технологий мульти-агентного подхода // Доклады ТСХА: Сборник статей, Москва, 01 января – 31 2015 года. Том Выпуск 288, Часть II. – Москва: Российский государственный аграрный университет - МСХА им. К.А. Тимирязева, 2016. – С. 281-284.
8. Горностаев В. И., Евграфов В. А., Новиченко А. И. [и др.] Функциональное моделирование технологических систем в задачах оценки эффективности механизированных процессов в природообустройстве // Научное обозрение. – 2016. – № 24. – С. 85-89.
9. Лапина М. А., Бачило И. Л., Остроушко А. В., Карпухин Д. В., Полякова Т. А. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления: монография. – Москва: Юстиция, 2016. – 208 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://book.ru/book/920754> (дата обращения: 13.09.2023). – Текст: электронный.
10. «План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18.12.2017 № 2)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.09.2023).
11. Гафнер В. В. Информационная безопасность: Учебное пособие. – Рн/Д: Феникс, 2010. – 324 с.
12. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 06.09.2023).
13. Виниченко М. В., Кириллов А. В., Мельничук А. В., Макушин С. А. Проблемные вопросы развития технологий управления: монография. – Москва: Ру-сайнс, 2017. – 279 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://book.ru/book/921308> (дата обращения: 06.09.2023). – Текст: электронный.
14. Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин: материалы II Международного научного форума. Выпуск 3 / Государственный университет управления. – Москва: Издательский дом ГУУ, 2018. – 486 с.
15. Силаева В. В., Муравьева М. А., Назарова О. Г. Проблемы и перспективы развития инновационной политики на национальном и региональном уровнях. В сборнике: Современный стиль управления. – Чебоксары. 2016. – С. 154-172
16. Куприяновский В. П., Намиот Д. Е., Синягов С. А. Киберфизические системы как основа цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. – 2016. – Т. 4. № 2. – С. 18-25. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiber-fizicheskie-sistemy-kak-osnova-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 14.09.2023). – Текст: электронный.
17. Росстандарт: Стандарты по направлению «Искусственный интеллект». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 25.12.2023). – Текст: электронный.

НУРИЕВ Булат Дамирович

кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления

СКВОЗНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И СИСТЕМА РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА (БЛОКЧЕЙН)

В статье анализируется законодательство Российской Федерации, регламентирующее применение двух наиболее распространенных видов сквозных цифровых технологий – больших данных и блокчейна. Автором рассматриваются нормативно-правовые акты, принятые на федеральном и региональном уровнях. В работе подчеркивается, что в российском законодательстве регулирование использования больших данных и блокчейна пока еще носит фрагментарный и несистемный характер, что требует особого внимания специалистов в области цифрового права. Автором констатируется, что на региональном уровне нормативно-правовые акты, имеющие отношение к вопросам использования больших данных и блокчейна, во многом дублируют друг друга, не учитывая особенности и специфику социально-экономического развития территории. Правовые нормы различных уровней власти нередко противоречат друг другу, тем самым нарушают систему делегирования полномочий. Автор полагает, что отсутствие общего понимания тех угроз, которые несут цифровые инновации, несоблюдение принципов системности и сбалансированности в цифровом законодательстве, а также наличие разночтений в положениях ряда нормативно-правовых актов несут с собой серьезные риски для национальной безопасности.

Ключевые слова: сквозные цифровые технологии, большие данные, блокчейн, цифровое право, полномочия уровней публичной власти, цифровые трансформации, законотворчество.

NURIEV Bulat Damirovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Public and municipal administration sub-faculty of the State University of Management

END-TO-END DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION: BIG DATA AND A DISTRIBUTED REGISTRY SYSTEM (BLOCKCHAIN)

The article analyzes the legislation of the Russian Federation regulating the use of the two most common types of end-to-end digital technologies - big data and blockchain. The author examines the normative legal acts adopted at the federal and regional levels. The paper emphasizes that in Russian legislation, the regulation of the use of big data and blockchain is still fragmented and non-systemic in nature, which requires special attention from specialists in the field of digital law. The author states that at the regional level, regulatory legal acts related to the use of big data and blockchain largely duplicate each other, without taking into account the peculiarities and specifics of the socio-economic development of the territory. Legal norms of different levels of government often contradict each other, thereby violating the system of delegation of authority. The author believes that the lack of a common understanding of the threats posed by digital innovations, non-compliance with the principles of consistency and balance in digital legislation, as well as the presence of discrepancies in the provisions of a number of regulatory legal acts carry serious risks to national security.

Keywords: end-to-end digital technologies, big data, blockchain, digital law, powers of public authorities, digital transformations, lawmaking.

ВВЕДЕНИЕ

Ключевым вопросом в сфере национальной цифровой безопасности, как полагают многие российские и зарубежные исследователи, является неконтролируемое применение сквозных цифровых технологий (далее - СЦТ). Напомним, что все цифровые технологии, перечень которых постоянно меняется и пополняется, условно делятся на две группы [1]. В первую группу входят так называемые специализированные цифровые технологии, сфера применения которых сравнительно узка. Например, использование биоинженерных цифровых технологий ограничивается в основном рамками медицины и ветеринарии. Ко второй группе причисляют сквозные цифровые технологии, отличительной особенностью которых являются широкие возможности в практическом применении. Данные цифровые технологии именуются сквозными. В группу СЦТ принято включать искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, систему распределенного реестра или блокчейн, а также сайты, мессенджеры и социальные сети.

Достаточно сложно выделить какой-либо отдельно взятый вид СЦТ исходя из степени эффективности или полезности его применения. На первый взгляд, социальные сети и мессенджеры занимают лидирующее положение в силу того, что повседневную жизнь каждого человека, независимо от его возраста и уровня образования, уже невозможно представить без данных видов инноваций. Действительно, искусственный интеллект или интернет вещей находят более широкое применение пока в среде специалистов. Однако уровень их воздействия на жизнь общества в целом не уступает, а, возможно, и превышает показатели иных СЦТ. При проведении данного исследования мы исходили из другого критерия. В качестве объекта исследования нами были выбраны большие данные и система распределенного реестра, так как неконтролируемое их применение несут существенно более серьезные риски для национальной безопасности. Данное обстоятельство объясняется тем, что такой важный признак, как децентрализованность, выраженный в анонимности пользователя и трансграничности осуществляемых сделок,

более однозначно прослеживаются в процессе использования именно данных видов СЦТ.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Весь комплекс правовых проблем использования больших данных и блокчейна в условиях сегодняшнего дня, наш взгляд, условно можно объединить в следующие группы. Во-первых, крайне важно определить их правовой статус. Полагаем, что от этого будет зависеть решение целого ряда сопряженных проблем, таких, например, как выявление вещных прав на цифровую информацию и правосубъектность некоторых видов СЦТ. Действительно, сегодня большие данные – это и так называемые цифровые двойники, и огромный массив правонарушений в сфере использования информации, содержащей государственную, врачебную, судебную тайну, и неправомерное пользование чужими персональными данными и т.д. Добавим, что касается правосубъектности СЦТ, в частности искусственного интеллекта, то этот вопрос уже решается на законодательном уровне в некоторых странах. Во-вторых, крайне важно определить правила идентификации субъектов, участвующих в транслировании цифровой информации. Есть понимание, что данная задача практически не решаема. Однако дискуссия специалистов и ученых по данному вопросу видится крайне необходимой. В-третьих, особую актуальность приобретает вопрос определения содержания цифровых правоотношений. В контексте с данным положением добавим, что регламентирование так называемых смарт-контрактов – это дело не столь отдаленного будущего.

Однако вышеизложенный подход в анализе применения СЦТ возможен только в том случае, если объекты правового регулирования уже прочно утвердились в правовой системе. Говоря другими словами, для того, чтобы дать детальный анализ всего комплекса правоотношений, регламентирующих использование того или иного вида СЦТ, необходима наработка обширной законодательной базы по каждому типу цифровой технологии. Учитывая тот факт, что российский законодатель относительно недавно приступил к нормотворчеству в данной сфере, в силу чего, только лишь с большой долей условности можно констатировать формирование отечественного цифрового права, нами был использован несколько иной подход. Нами был проанализирован весь массив законодательства, в котором прямо или косвенно затрагивается вопрос применения больших данных и блокчейна. Полученная информация была систематизирована исходя из вида СЦТ и уровня публичной власти, в границах полномочий которой был принят тот или иной документ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты проведенного нами исследования условно можно систематизировать исходя из вида СЦТ – больших данных и блокчейна, а также используя принцип деления уровней государственной власти – федеральный уровень и уровень субъекта Российской Федерации.

Большие данные в системе федерального законодательства

На момент подготовки данной работы отдельного нормативно-правового акта федерального уровня, регламентирующего использование больших данных, в Российской Федерации принято не было. Заметим, что в юрисдикциях тех государств, которые считаются наиболее продвинутыми в сфере применения новейших цифровых инноваций, данному виду СЦТ уделяется самое пристальное внимание. Так, например, в странах Европейского Союза уже на протяжении

последних нескольких лет ведется плодотворная работа по формированию законодательной базы, регулирующей оборот больших данных, что не уходит от внимания российских специалистов [2].

Согласно информации, полученной из портала «Нормативные правовые акты в Российской Федерации», учредителем которого является Министерство юстиции РФ, на момент подготовки материала на федеральном уровне было утверждено более девяноста документов, в которых затрагивается вопрос использования больших данных. Из них подавляющее большинство – это Постановления и Распоряжения Правительства Российской Федерации, которые регламентируют деятельность различных органов государственной власти страны и иных государственных и полугосударственных структур.

Пожалуй, своего рода исключением можно назвать Указ Президента Российской Федерации № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», который был утвержден 02.07.2021 г. [3]. В данном документе в разделе, посвященном научно-технологическому развитию страны, говорится о том, что достижение цели научно-технологического развития Российской Федерации должно осуществляться путем решения целого ряда важных задач. При этом, развитие перспективных высоких технологий, в том числе и больших данных, обозначено как одно из приоритетных направлений.

В результате проведенного анализа было выявлено, что большинство документов федерального уровня имеют самое прямое отношение к трем основным направлениям социально-экономического развития страны:

- *Подготовка кадров в сфере цифровизации.*

Акцентирование внимание на данном вопросе было вполне ожидаемым, учитывая тот факт, что органами государственной власти Российской Федерации уже на протяжении нескольких последних лет проблеме повышения цифровой компетенции населения и подготовки соответствующих кадров уделяется самое пристальное внимание. В качестве примера можно привести Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1688-р от 24.06.2022 «Об утверждении Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года» [4]. В разделе «Основные мероприятия Концепции» говорится о необходимости включения в программы подготовки педагогических кадров «цифрового контента (включая учебники и тренажеры), средовых решений, используемых в современной цифровой школе, инструментов использования в профессиональной деятельности больших данных».

- *Инновационное развитие Российской Федерации.*

Безусловно, некоей системообразующей идеей выстраиваемой в настоящее время архитектуры цифровой безопасности страны можно назвать такое важное направление законотворческой деятельности, как правовое обеспечение инновационного развития. Из постановлений Правительства Российской Федерации, на наш взгляд, особое внимание заслуживает документ № 518 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» от 31.03.2021 г. В данном нормативно-правовом акте говорится о том, что формирование открытых баз (банков) больших данных, содержащих первичную информацию для проведения научных исследований, является одним из ожидаемых результатов реализации программы. Нельзя обойти вниманием и Постановление Правительства РФ «Об утверждении правил

предоставления субсидий российским организациям на возмещение части затрат на разработку цифровых платформ и программных продуктов в целях создания и (или) развития производства высокотехнологичной промышленной продукции», принятое 30.04.2019 г. В документе технологии обработки и анализа больших данных включены в понятие «программный продукт», за внедрение которых при условии выполнения целого ряда условий возможно предоставление субсидий. Безусловно, особое место занимает Постановление Правительства № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» от 29.12.2022 г., в котором технологии работы с большими данными включены в перечень тех инноваций, в отношении которых, как предполагается, будет применен так называемый экспериментальный правовой режим.

• *Инновационное развитие регионов страны и отраслей производства.*

Принципы территориальности и региональной специализации достаточно широко используются в прогнозировании и планировании социально-экономического развития страны. Для Российской Федерации оба данных подхода актуальны в силу федеративного устройства государства и широкой специализации системы народного хозяйства. Из всего того огромного массива документов, которые были приняты в течение последних нескольких лет, нами были выделены наиболее значимые, отчетливо демонстрирующие актуальность определенной сферы и определенного региона для федерального законодателя.

Пожалуй, одним из наиболее наглядных примеров федерального законодательства, соответствующего территориальному принципу, является Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1089-р от 30.04.2022 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года». В разделе «Развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры» данного документа говорится о том, что «одной из общегосударственных функций является расширение практики сбора, анализа и использования при принятии решений ведомственных и частных данных с географической привязкой (больших данных)». Как видно, данное положение апеллирует к необходимости совершенствования деятельности органов публичной власти с помощью новейших технологий.

Однако именно отраслевой подход является доминирующим. Возможно, это связано с тем, что решение ряда вопросов в сфере цифровизации негласно делегировано на уровень субъектов Федерации, что, безусловно, требует отдельного анализа специалистов. В число приоритетных для развития отраслей включен авиационный транспорт. Так, Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1693-р от 25.06.2022 «Об утверждении комплексной программы развития авиатранспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» предусматривает необходимость «ориентироваться не столько на существующие иностранные аналоги, многие из которых были разработаны 10 и более лет назад, а учитывать и применять самые современные отечественные решения на базе сквозных цифровых технологий (искусственный интеллект, большие данные, Интернет

вещей и биометрическая идентификация)». В документе подчеркивается, что данная необходимость вызвана стремлением повысить уровень «цифрового суверенитета в гражданской авиации Российской Федерации».

Как известно, развитие системы здравоохранения также является одним из приоритетных. В этой связи нельзя не упомянуть Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3980-р от 9.12.2021 г. «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения». В разделе «Приоритеты, цели и задачи цифровой трансформации» этого документа законодателем предусмотрена «разработка и реализация государственной политики в сфере обязательного медицинского страхования, в том числе на основе анализа больших данных о состоянии здоровья населения России». В целом, в сфере медицины использование СЦТ, как правило, рассматривается в контексте с обработкой первичных электронных медицинских документов.

Итак, анализ нормативно-правовых актов, принятых на федеральном уровне, демонстрирует, что, во-первых, четкая и однозначная трактовка больших данных в настоящее время отсутствует, что, как видится, отнюдь не способствует дальнейшей проработки столь важного вопроса на законодательском уровне. Во-вторых, учитывая крайне широкий спектр применения больших данных, огромные возможности, которые открывает грамотная регламентация использования данного вида СЦТ, отечественный законодатель пока еще узко видит это столь перспективное направление. Так, например, если в странах Европейского Союза, законодательно закреплено понятие «цифровой альтруизм», подразумевающее добровольное предоставление пользователем ресурса собственных личных данных, то в отечественных условиях это направление пока не обсуждается [2]. В-третьих, от внимания российского законодателя пока еще ускользают те угрозы, которые несет с собой неконтролируемое использование больших данных.

Блокчейн в системе федерального законодательства

Блокчейн – в глазах рядового обывателя пока еще достаточно трудная для понимания цифровая технология. Тем не менее, скорость популяризации данного вида СЦТ в мире очень высока, о чем констатируют как российские [5], так и зарубежные исследователи [6]. Для активного внедрения блокчейна требуется не только высокий уровень цифровой грамотности, но и соответствующее оборудование, отвечающее самым современным требованиям. По мнению ряда экспертов, уровень внедрения системы контроля над применением распределенного реестра в России в таких сферах деятельности, как государственное управление, банковское и страховое дело, СМИ, образование, розничная и оптовая торговля, пока остается на относительно невысоком уровне [7].

Прежде чем перейти к анализу принятых на сегодняшний день нормативно-правовых актов заметим, что наиболее известная цифровая инновация – криптовалюта, как известно, реализуется на платформе технологии распределенного реестра. При этом, тот массив нормативно-правовых актов, которые имеют прямое или косвенное отношение к криптовалюте, нами будет обойден вниманием в данной работе. Точно такая же позиция автора и в отношении получающих в последнее время широкое распространение и иных сделок, осуществляемых на основе блокчейна – краудфандингу, краудсейлингу и т.д. Также подчеркнем, что российский законодатель дал определение категории «распределенный

реестр» в Федеральном Законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. В ст. 1, ч. 7 данного документа говорится, что «под распределенным реестром понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма)».

Как и в случае с большими данными, в Российской Федерации на момент подготовки данного материала не было принято отдельного нормативно-правового акта, регламентирующего применение системы распределенного реестра. Вместе с тем, согласно данным портала «Нормативные правовые акты в Российской Федерации», зарегистрирован ряд документов федерального уровня, имеющих статус «действующий». Почти все из них регламентируют отраслевое развитие народного хозяйства. Например, в Распоряжении Правительства Российской Федерации № 20-р от 17.01.2020 г. «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года», говорится о необходимости «разработать и промышленно освоить технологии шифрования и криптозащиты, включая аппаратную реализацию технологий блокчейна». Особое внимание, на наш взгляд, заслуживает Распоряжение Правительства Российской Федерации № 3684-р от 31.12.2020 «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период», в котором говорится о том, что в стране назрела необходимость развития «математических методов для эффективного управления распределенными вычислительными средами на основе технологий распределенного реестра». Подводя итоги по данному разделу, подчеркнем, что, если не брать во внимание вопросы регламентирования оборота цифровых денежных знаков, на уровне федерального законодательства проблемы применения блокчейна пока еще не находят должного внимания.

Большие данные и блокчейн в системе регионального законодательства

Известно, что цифровые инновации не только способствуют росту экономики, благосостоянию населения, повышению эффективности государственного и корпоративного управления. Как было сказано выше, неконтролируемое внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества, в том числе и в те сферы, которые не регламентируются федеральным законодательством, сопряжено с самыми серьезными рисками для безопасности государства и его граждан. В этих условиях вполне ожидаема дискуссия на предмет разграничения полномочий различных уровней властей, если такое разграничение в цифровой сфере вообще возможно как с точки зрения нормотворчества, так и с позиции практического применения СЦТ. В данной работе мы не станем углубляться в проблему нивелирования уровней государственной власти в условиях новой реальности, признавая, тем не менее, за ней ключевую роль в построении всей архитектуры национальной цифровой безопасности. Наш акцент будет смещен в сторону иной также немаловажной проблемы – «цифровых полномочий» в отношении применения больших данных и блокчейна и необходимости их закрепления в правовом поле.

Общеизвестно, что, концепция информационной безопасности апеллирует к уровню федерального нормотворчества. В ст. 22 Указа Президента Российской Федерации № 646

от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» говорится, что «стратегическими целями обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры» [8]. Безусловно, поток социально значимой информации в виртуальном пространстве должен стать объектом пристального внимания федерального законодателя. Полагаем, что уже в ближайшей перспективе возникнет необходимость определения категории «социально значимая цифровая информация», которое займет, пожалуй, основное место в документах, определяющих стратегию обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации.

При этом мы исходим из того, что ряд вопросов цифрового права могут и должны регулироваться законодательством субъектов Российской Федерации. Так, например, некоторые внедренческие процессы, в частности, механизм адаптации туристического сектора к цифровым нововведениям, действительно, будут более эффективны при условии их регламентирования региональным законодателем. Думается, что к подобным видам нормотворчества можно отнести реализацию многих инициатив региональных властей по совершенствованию системы предоставления различных услуг населению, проживающего на той или иной территории: формирование региональной сети розничной торговли, организация досуга жителей, проведение культурно-образовательных мероприятий и др.

В результате проведенного анализа нормативно-правовых актов, принятых на уровне субъектов Российской Федерации, имеющих прямое или косвенное отношение к большим данным и блокчейну, нами было выявлено достаточно много таких документов. Примечательно, что подавляющая часть из них – это дублирующие друг друга положения, «кочующие» из одного документа в другой. Весь массив актов условно можно систематизировать исходя из принципа предмета регулирования, так как именно в отношении предмета правоотношения законодателем предусмотрено применение больших данных и блокчейна. Таких предмета два:

- *Инновационно-стратегическое развитие территории.*

В документах подобного типа дается, пожалуй, наиболее взвешенное обоснование необходимости внедрения цифровых инноваций. Напомним, что формирование региональной стратегии развития субъектов Российской Федерации предусмотрено Федеральным Законом № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который был принят в июне 2014 г. В качестве наиболее подходящего примера можно привести Постановление Правительства Новгородской области № 67 от 14.02.2023 «О государственной программе Новгородской области «Развитие цифровой экономики в Новгородской области на 2023-2030 годы», в котором говорится о том, что «в период до 2030 года требуется повсеместное и глубокое внедрение во все отрасли экономики и социальную сферу сквозных цифровых технологий», в числе которых указываются большие данные и блокчейн.

- *Инновационное развитие отраслей народного хозяйства территории.*

Также как и на федеральном уровне, в субъектах Российской Федерации применение больших данных и блокчейна

рассматривается в контексте с отраслевым развитием региона. Заметим, что при этом большее внимание уделяется развитию туризма, что видится вполне оправданным. Из всего массива нормативно-правовых актов данной группы в качестве примера можно привести Постановление Правительства Калужской области №842 от 07.11.2022 г. «Об утверждении стратегии развития туризма в Калужской области на период до 2030 г.», в котором говорится о том, что «информационной базой для разработки Стратегии является комплексный анализ развития сферы туризма и гостеприимства Калужской области за последние 10 лет, включая оценку туристско-рекреационных ресурсов территории, проведенное маркетинговое исследование с использованием больших данных».

В целом же, на наш взгляд, не смотря на то факт, что на уровне субъектов Российской Федерации законодатель активно использует цифровую терминологию, положения многих нормативно-правовых актов во многом однотипны и дублируют друг друга.

ВЫВОДЫ

Полагаем, что к основным выводам по проведенному нами исследованию можно отнести следующие положения.

- На протяжении нескольких последних лет, как показывает анализ законодательной базы, в России ведется активная законодательная деятельность в сфере регламентирования применения СИТ. Мы являемся свидетелями становления отечественного цифрового права. Однако, следует признать, что назрела необходимость разработки и принятия профильных нормативно-правовых актов, регулирующих использование каждого вида СИТ по отдельности. На момент проведения данного исследования российским законодателем дано лишь определение системы распределенного реестра, о чем было сказано выше. Особо подчеркнем, что бесконтрольное применение больших данных и блокчейна, а также отсутствие проработанного системного подхода законодателя к данной проблеме сопряжены с существенными рисками для государства, общества и отдельного гражданина.

- Несмотря на активную законодательскую деятельность, действующее законодательство, регулирующее применение больших данных и блокчейна, пока еще во многом фрагментарно и не сбалансировано. В нем отсутствует системность и четкое видение основных направлений, которые в перспективе будут определять вектор развития цифрового права. К сожалению, мы наблюдаем, что на региональном уровне нередко встречается дословное дублирование отдельных правовых норм. Впрочем, подобная ситуация характерна для многих правовых систем ближнего и дальнего зарубежья.

- Полномочия всех уровней публичной власти в Российской Федерации должны быть учтены при дальнейшем формировании национальной законодательной базы. Безусловно, концептуальной платформой должны послужить конституционные нормы, а также положения нормативно-правовых актов, формирующих всю архитектуру национальной безопасности.

Основной посыл данного исследования таков. Назрела острая необходимость грамотного решения в правовом пространстве всего комплекса вопросов, связанных с использованием больших данных и блокчейна, которое откроет перед обществом соответствующие возможности для роста благосостояния населения и ускорения социально-экономического развития страны.

Пристатейный библиографический список

1. Смирнов Е. Н., Поспелов С. В., Нуриев Б. Д. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции // *Дискуссия*. - 2021. - №4. - С.21-28
2. Поспелов С. В. Нуриев Б. Д. Большие данные в e-коммерции Европейского союза: проблемы правового регулирования // *Государственное регулирование экономики: политико-экономические аспекты. Сборник научных трудов по материалам 7-ой Международной научно-практической конференции*. М.: Государственный университет управления. – 2022. – С.84-89.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 26.12.2023).
4. Утверждена концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/76083.html> (дата обращения: 26.12.2023).
5. Михайлов С. В., Пономарева Н. В., Прудникова Л. Б. Блокчейн в современном понимании // *Философия права* – 2019. – № 1 (88). – С.60-64.
6. Anna Cristina Aguilar Viana. Digital transformation in public administration: from e-Government to digital government // *International Journal of digital law*. – 2021. – № 1. – С. 29-44.
7. Развитие технологии блокчейн в России в 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crypto.ru/blokchain-v-rossii/> (дата обращения: 26.12.2023).
8. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/> (дата обращения: 26.12.2023).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-486-488

САЙГИН Олег Игоревич

магистрант Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

КУЗНЕЦОВА Елена Викторовна

кандидат технических наук, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНЫХ РАБОТ ОБЪЕКТА, ИНТЕГРИРОВАННОГО В ПЛОТНУЮ ГОРОДСКУЮ ЗАСТРОЙКУ

Проектирование объекта, вписывающегося в плотную городскую застройку, требует тщательного планирования. В условиях ограниченного пространства и высокого спроса на объекты недвижимости, организация проектных работ становится решающей задачей для обеспечения эффективности и функциональности городской агломерации. Одним из значимых преимуществ статьи является актуальность исследуемых вопросов. В данной статье будет представлена система организации проектных работ объекта, интегрированного в плотную городскую застройку.

Ключевые слова: городская застройка, компактность, проектирование, управление, анализ.

SAYGIN Oleg Igorevich

magister student of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

KUZNETSOVA Elena Viktorovna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Ufa Higher School of Economics and Management of the Ufa State Petroleum Technical University

ORGANIZATION OF PROJECT WORK FOR THE INTEGRATED OBJECT IN A DENSE URBAN DEVELOPMENT

Designing an object that fits into dense urban development requires careful planning. In conditions of limited space and high demand for real estate, organizing design work becomes a crucial task to ensure the efficiency and functionality of the urban agglomeration. One of the significant advantages of this article is the relevance of the issues being explored. This article will present a system for organizing design work for an object integrated into dense urban development.

Keywords: Urban development, compactness, design, management, analysis.

Современное строительство в настоящее время испытывает значительные сложности в поиске свободных для возведения строительных объектов площадок, что требует реализации объектов точечной застройки в условиях плотно сформированной сложившейся городской среды.

Центр каждого большого города состоит из множества видов жилой застройки, включая исторические здания, благоустроенные жилые дома малой этажности 40-50-х годов, большинство из которых находятся в критическом состоянии, кварталы крупнопанельных зданий 70-80-х годов и новые здания, которые находятся в окружении сложившейся городской среды.

Проектирование в условиях плотной городской застройки сопряжено с многочисленными проблемами. Одной из самых серьезных проблем является ограниченное пространство. При высоком спросе на землю важно проектировать компактные, но функциональные объекты, увеличивающие эффективность использования участков земли малой площади с сохранением существующих зданий, особенно исторической застройки. Дизайн также должен быть гибким, чтобы приспособливаться к будущим изменениям городского ландшафта.

Объект не должен нарушать движение транспорта или загораживать обзор ранее возведенных сооружений. Он также должен быть эстетичным и дополнять окружающие постройки.

На данный момент тенденции возведения объектов капитального строительства в крупных городах таковы, что более масштабно строительно-монтажные работы ведутся

именно в центральной части населенных мест. Характерной особенностью современного городского строительства является необходимость тщательного изучения подземного пространства. Это связано, с одной стороны, с привлекательностью для инвесторов размещения объектов в районах с уже полностью развитой инфраструктурой и большой численностью населения, а с другой стороны, с исторически сложившейся престижностью объектов недвижимости в центральных районах городов [1, с. 2].

Новейшие технологические разработки, инновационные строительные материалы и современное оборудование позволяют строить уникальные здания и сооружения с нестандартными конструктивными решениями в стесненных условиях. Однако для проектирования и успешной реализации проектов, связанных с интеграцией новых объектов в компактную городскую застройку, необходимо организовать эффективную систему управления проектами.

Прежде всего, необходимо провести анализ городской среды и выбрать оптимальное место для размещения нового объекта. При этом необходимо учитывать не только функциональные требования, но и принципы эстетики и сохранение исторического облика города.

Далее, следует разработать детальный проект и провести его экспертизу, включающую в себя оценку перспективности объекта, соответствие проекта целям, актуальным стандартам и требованиям безопасности.

Чтобы преодолеть трудности проектирования в условиях плотной городской застройки, необходимо тщательно спланировать организацию проектных работ. Авторы выде-

ляют следующие основные этапы организации проектных работ:

Первым шагом в организации проектных работ является определение цели проекта, объема, целевой аудитории и ожидаемых результатов. Определение масштаба и целей проекта, обеспечивает четкое направление проведения проектных работ и помогает обеспечить соответствие проектных работ целям проекта.

Далее необходимо проведение анализа. Полноценный анализ на основе актуальных данных является важным шагом в процессе разработки проекта интегрированной застройки. Он предполагает сбор и анализ большого объема информации, которая включает в себя не только местоположение и размеры проекта, но и такие факторы, как топография местности, климатические условия, гидрологические и геологические особенности местности, а также наличие сетей инженерной инфраструктуры в границах проекта.

Анализ проекта также может включать в себя оценку потребностей и требований будущих жителей и пользователей объекта, анализ конкурентного окружения и оценку социокультурного и экономического влияния проекта на окружающую среду.

Результаты анализа помогают определить возможности и ограничения, существующие для данного проекта, а также наиболее эффективные и оптимальные проектные решения, которые будут соответствовать конкретным условиям места и потребностям его будущих пользователей и жителей.

Разработка концепции дизайна является важным этапом в процессе проектирования объекта интегрированной застройки. На основе анализа проекта, концепция дизайна должна учитывать масштабы и цели проекта, а также учитывать ограничения и возможности участка.

Концепция дизайна обычно включает в себя визуальное представление предлагаемого объекта, его общую форму, функцию и эстетику. Она должна быть разработана в диалоге с заказчиком и будущими пользователями объекта, чтобы обеспечить соответствие проекта их потребностям и ожиданиям.

Концепция дизайна может содержать различные виды элементов, таких как планировочные и цветовые решения, материалы и отделку, озеленение и элементы инфраструктуры. Она должна также учитывать аспекты эргономики и удобства использования объекта, чтобы обеспечить комфортность и безопасность будущих пользователей. При этом, авторы настаивают, необходимо учитывать интересы пользователей ранее возведенных объектов недвижимости, окружающих вновь возводимый объект. Известно, что в России наиболее проблемными являются вопросы загруженности автомобильных дорог городов и практически повсеместное отсутствие необходимых в достаточном количестве мест для парковки автомобилей. Поэтому в ходе осуществления проектных работ для точечно-возводимых объектов необходимо предусматривать расширение в случае необходимости существующих автомобильных дорог и обеспечение вновь возводимых объектов площадками для парковки автомобилей клиентов или жильцов новостройки. В целом, разработка концепции дизайна должна обеспечивать гармоничное сочетание функциональности и эстетики объекта.

Доработка дизайна является необходимым этапом в процессе проектирования интегрированной застройки. Важно понимать, что концепция дизайна представляет собой первоначальный проект, и его доработка направлена на улучшение и оптимизацию проекта, учитывая мнение всех

заинтересованных сторон и обеспечивая его соответствие местным нормам и требованиям.

Разработка проектно-сметной документации является очень важным этапом в процессе разработки проекта строительства интегрированной застройки.

Строительная документация состоит из детально проработанных чертежей, спецификаций, технологических карт и других графических элементов проекта, а также пояснительных записок к ним, которые определяют процесс строительства. В ней должны быть отражены все детали и требования к реализации проекта, которые необходимы для того, чтобы здание было построено в соответствии с заданием на проектирование и существующими строительными нормами.

Строительная документация также включает в себя спецификации материалов и оборудования, которые будут использоваться при строительстве. Это помогает обеспечить детализацию и точность в планировании, закупке и своевременной поставке на объект всех необходимых материалов и оборудования, а также минимизировать возможные перерасходы или задержки в строительном процессе.

Для возведения зданий в условиях плотной городской застройки необходимо поддерживать эксплуатационные свойства существующих ранее возведенных зданий и сооружений вокруг зоны застройки. Для этого выполняется геотехническая оценка влияния нового строительства на изменение напряженно-деформированного состояния оснований и фундаментов существующей застройки, в том числе и инженерные коммуникации, влияние на окружающий грунтовый массив, возможное повышение или понижение уровня грунтовых вод [2, с. 59].

Очень важно, чтобы строительная документация была полной, точной и понятной. Важно, чтобы информация была предоставлена таким образом, чтобы у подрядной организации было однозначное понимание необходимой для реализации проекта технологии производства работ, качественных и количественных характеристик применяемых материалов, строительных машин и механизмов, квалификации рабочих. Это поможет избежать возможных ошибок при строительстве, задержек при производстве работ и перерасхода бюджета проекта.

При проектировании необходимо учитывать не только регион строительства, но и возможность выполнения строительных работ в период отрицательных температур окружающего воздуха. При расчетах важно учитывать расположение ближайших объектов и геологическое строение грунта. Нарушения технологических правил могут привести к повреждениям зданий, расположенных в зоне влияния нового строительства и вблизи строительных котлованов. Риски отсутствия утепления котлована, разработки грунта вблизи существующих фундаментов, применение тяжелых ударных механизмов и воздействие интенсивных динамических воздействий необходимо исключить путем разработки соответствующих проектных решений в соответствующих разделах проектной документации.

Сметная документация как элемент проекта, представляет собой метод планирования будущих инвестиций в реализацию проекта. В настоящее время в зависимости от источников финансирования могут применяться базисно-индексный, ресурсно-индексный и ресурсный методы расчета сметной стоимости проекта. ФАУ «Главное управление государственной экспертизы» настаивает на переходе к ресурсному методу расчета сметной документации, хотя это практически невозможно реализовать на данном этапе вре-

мени повсеместно в связи с отсутствием текущих цен в Федеральной государственной информационной системе ценообразования в строительстве (ФГИС ЦЦ) по регионам.

В целом, разработка полной и точной проектно-сметной документации является необходимым этапом в процессе планирования и последующего производства строительно-монтажных работ по проекту. Она помогает обеспечить точное и своевременное выполнение строительных работ, что в свою очередь способствует успешной реализации проекта интегрированной застройки.

Следующим этапом является этап финансирования проекта, который может быть организован как за счет заемных средств, так и за счет собственных инвестиций.

Кроме того, важно организовать бесперебойную взаимосвязь и работу всех участников проекта: заказчика, проектировщиков, банков, поставщиков товарно-материальных ценностей, подрядчиков и контролирующих органов. Для этого необходимо выработать четкое расписание проектных и последующих строительно-монтажных работ, определить точные сроки их выполнения, а также задать критерии качества работ.

Планирование коммуникаций и последующее управление ими включает в себя содействие своевременному и качественному обмену информацией при принятии решений, внесению изменений, сбору и рассылке исходных данных, чертежей и прочей документации, с последующим архивированием и возможностью быстрого извлечения.

Ключевым фактором успешного осуществления проекта в строительстве является обеспечение актуализированной базой данных, документацией и отчетностью всех участников строительного проекта [4, с. 271].

По мере выполнения проектных работ необходимо учитывать возможные изменения в городской инфраструктуре такие как появление новых дорог, коммуникаций, зданий или общественных мест, которые могут повлиять на расположение объекта, его технические характеристики и дизайн. Эти изменения требуют от проектной команды быстрого реагирования и модификации проекта. Эффективное оперативное управление проектами на стадии производства проектных и последующих строительно-монтажных работ предполагают интеграцию информационных систем календарного и сетевого планирования с управленческими процедурами и организационной структурой управления [5, с. 56]. Авторы отмечают особую актуальность сетевого планирования для проектирования и реализации сложных, особо значимых для поселения объектов. Данный метод планирования должен явиться наиболее распространенным, а сетевые графики производства работ должны быть настольным документом заказчика, проектировщика, подрядчика, субподрядчиков и поставщиков товарно-материальных ценностей. В проектной и подрядной строительно-монтажных организациях авторы рекомендуют представлять сетевые графики наиболее значимых объектов в местах, где наблюдается максимально активное передвижение сотрудников в течение рабочего дня. В организации необходимо вменить в обязанности секретарей ежедневное вынесение на сетевую модель отметок об актуальном ходе производимых работ. Это позволит работникам организации визуально анализировать выполнение производственного плана и в случае отставания от нормативных графиков активизировать деятельность отделов проектной организации, офиса строительно-монтажной организации, бригад и строительно-монтажных участков в целом. Таким образом, адаптация к изменению городской инфраструкту-

ры и условий – это важный аспект проектирования и последующей реализации объектов интегрированной застройки. При проектировании необходимо учитывать возможные изменения и создавать гибкие проекты, которые могут быстро адаптироваться к новым условиям, чтобы обеспечить успешную реализацию проекта.

Внедрение всех обозначенных авторами мер поможет в успешном проектировании и последующей реализации проекта интеграции нового строительного объекта в плотную городскую застройку, отвечая целям и задачам реализации проекта и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Саядян Т. В., Шумеев П. А., Шеина С. Г. Проблемы строительства высотных зданий в условиях плотной городской застройки [Текст] // Актуальные проблемы технических наук в России и за рубежом/Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Новосибирск, 2015. С. 127.
2. Коптилова А. С. Особенности строительства в условиях плотной городской застройки [Текст] - Молодой ученый (Международный научный журнал). 2017. № 49. Часть 1. ISSN 2072-0297.
3. Сотников С. Н., Симагин В. Г., Вершинин В. П. Проектирование и возведение фундаментов вблизи существующих сооружений [Рисунок]. М.: Стройиздат, 1986. С. 14.
4. Соловьева И. А., Авдеева Л. А., Халикова М. А. [и др.]. Технико-экономическое обоснование и управление проектами: учебник. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. 305 с. – ISBN 978-5-7831-2002-2. – EDN NKBPJC.
5. Гриффит А. Системы управления в строительстве [Текст]. Самара: Олимп-Бизнес, 2006. 321 с.

ТИНЯКОВА Виктория Ивановна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления проектом Государственного университета управления

ЛУГОВКИНА Ирина Анатольевна

аспирант Государственного университета управления

АНАЛИЗ МИРОВОГО ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ И ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Обоснована важность активного применения цифровых технологий в деятельности благотворительных организаций. Проанализировано современное состояние рынка криптовалюты в разных странах мира, его законодательное регулирование, описан процесс внедрения цифровой валюты и его предпосылки. Даны рекомендации по использованию цифрового рубля в деятельности благотворительных организаций с целью увеличения доходов.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительная организация, цифровизация, криптовалюта, цифровой рубль.

TINYAKOVA Viktoriya Ivanovna

Ph.D. in economical sciences, professor, professor of Project management sub-faculty of the State University of Management

LUGOVKINA Irina Anatoljevna

postgraduate student of the State University of Management

ANALYSIS OF WORLD EXPERIENCE USING CRYPTOCURRENCY AND ASSESSING THE PROSPECTS OF THE DIGITAL RUBLE IN THE FIELD OF CHARITY

The importance of the active use of digital technologies in the activities of charitable organizations is substantiated. The current state of the cryptocurrency market in different countries of the world and its legislative regulation is analyzed, the process of introducing digital currency and its prerequisites is described. Recommendations are given on the use of the digital ruble in the activities of charitable organizations in order to increase income.

Keywords: charity, charitable organization, digitalization, cryptocurrency, digital ruble.

Цифровизация экономики предполагает внедрение цифровых и информационно-коммуникационных технологий в экономику, что способствует снижению стоимости производимых товаров и предоставляемых услуг практически для всех институциональных единиц, а также увеличению их доступности и значительному повышению скорости доработки под новые ожидания и потребности потенциальных пользователей. С наступлением так называемой цифровой эпохи активное применение цифровых технологий возможно исключительно в рамках концепции цифрового менеджмента.

Если рассматривать такой сектор экономики, как благотворительность, то стоит отметить, что некоммерческие организации (НКО), осуществляющие деятельность в сфере благотворительности аналогично с финансовыми и страховыми компаниями, а также осуществляющими коммерческую деятельность (имеется в виду электронная коммерция) в настоящее время относятся к области цифровой экономики, так как используют электронные платежи и краудфандинг, а свои услуги предоставляют в основном онлайн. Цифровая экономика включает в себя деятельность, связанную с блокчейном и криптовалютой, и здесь существуют значительные перспективы дальнейшей цифровой трансформации деятельности благотворительных организаций: внедрение цифрового рубля и его использование в финансовых потоках способно решить ряд проблем организаций, осуществляющих деятельность в сфере благотворительности, уже в недалёком будущем.

Криптовалюта – вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределённом реестре циф-

ровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций (Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ) и учитываемый в распределённом реестре цифровых транзакций. Криптовалюта – это деньги, которые существуют только в электронном виде. Одни из наиболее популярных криптовалют в современном мире – это Bitcoin, Ethereum, Litecoin и Ripple. Цифровые деньги в настоящее время активно используют страны Центральной и Южной Азии (Индия занимает 1-е место в мировом рейтинге стран, обычные граждане которых применяют криптовалюту в повседневной жизни согласно рейтингу «The 2023 Global Crypto Adoption Index Top 20», – далее Рейтинг [1]), Латинской Америки, Европы, а также ряд африканских государств. По состоянию на 2023 год США занимает 4-е место в двадцатке рейтинга, Китай – 11-е, Россия – почётное 13-е место, уступив одно место Турции и обогнав Великобританию (14-е место). Что касается общего объёма транзакций, то США занимают 1-е место (свыше 1 трлн. долл.), далее следуют Индия (свыше 250 млрд. долл.), Турция (170 млрд. долл.) и Россия (менее 170 млрд. долл.).

Число стран с прямым запретом на использование криптовалюты относительно невелико, и включает в себя Алжир, Марокко, Афганистан и Пакистан (по религиозным соображениям), также Боливию (деятельность с криптовалютой приравнивали к финансовым пирамидам и объявили вне закона с 2014 г.), Вьетнам (вопреки законодательству население страны активно работает с цифровыми монетами из-за отсутствия серьёзного наказания за правонарушение, благодаря чему Вьетнам занимает 3-е место в рейтинге), Индонезию (полное эмбарго на криптовалютные операции с целью не

допустить обвала индонезийской рупии), Ливан, Намибию, Непал (запрещён майнинг, обмен и торговля, нарушителей ожидают тюремные сроки), и Эквадор (в стране установлен запрет на оборот любых криптовалют, за исключением выпускаемых правительством), Ливию, Кувейт, Катар и Бангладеш (для предотвращения «отмывания» денег все операции в криптовалюте с 2014 г. приравнены к нелегальному обороту с ответственностью за нарушение закона до 12 лет тюремного заключения). В Исландии криптовалюта объявлена незаконной после экономического кризиса в 2008 г. (разрешена только «добыча» цифровых монет, что привело к возникновению мощных дата-центров для майнинга). В Кыргызстане начиная с 2022 г. разрабатывается и вводится новое законодательство для регулирования блокчейн-технологий и криптовалюты, однако прямая продажа товаров и услуг в обмен на криптовалюту запрещена. Аналогичная ситуация сложилась и в РФ после вступления в силу Федерального закона 25.07.2022 г. № 331-ФЗ, запрещающего принимать цифровые финансовые активы в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги.

Саудовская Аравия (57-е место в Рейтинге) в 2018 г. официально запретила торговлю криптовалютами, а Валютное управление Саудовской Аравии предостерегло от использования криптовалют, назвав их незаконными. Но в настоящее время наблюдается пересмотр подхода к цифровым активам с рассмотрением возможности формального регулирования криптовалют в стране [2]. Аналогично относившаяся к «серой зоне» Турция собирается предпринять шаги в области лицензирования (с установлением минимального капитала, стандартов кибербезопасности, рекомендаций по хранению активов и подтверждению резервов) и налогообложения криптовалютных бирж с 2024 г., что связано с бурным ростом криптоиндустрии на фоне растущей инфляции [3]. Сальвадор первым в мире объявил биткойн законным платежным средством, – закон вступил в силу 7 сентября 2021 г. и с этого дня с помощью биткойна в стране можно оплачивать товары, услуги, а также налоги, – несмотря на критическое отношение к произошедшему МВФ (специалисты фонда напомнили о рисках принятия криптовалюты в качестве платежного средства и отметили, что те перевешивают потенциальные выгоды) [4].

Власти различных государств склонны отдавать предпочтение цифровой валюте центрального банка страны, так как использование в их качестве классических криптовалют не обеспечивают необходимый для монетарных властей уровень контроля над всей платежной системой, таким образом снижая преимущества внедрения цифровой валюты. Ряд исследовательских проектов центральных банков, исследующих цифровые валюты и возможность их применения для конкретных целей, стартовали в ряде стран ещё в 2016 г. Предпосылки для этого сложились ещё ранее: как пример можно привести Центральный банк Эквадора, который в 2014 г. запустил проект под названием «Dinero elónico» (электронные деньги), позволяющий частным лицам осуществлять мобильные платежи через систему, управляемую центральным банком, однако система не смогла привлечь значительное количество пользователей и была прекращена в 2016 г. [5].

Одновременно с увеличением доли в финансовых операциях используемой криптовалюты Bitcoin и лежащей в её основе технологии распределенного реестра (distributed ledger technology или DLT), ряд центральных банков начали разви-

вать внутренние проекты, подразумевающие использование DLT применительно к национальным валютам. В Голландии Банк Нидерландов в 2015 г. начал проводить внутренние эксперименты с монетой на основе DLT под названием Dukaton. Банк Англии, Банк Канады, Валютно-кредитное управление Сингапура и другие центральные банки примерно в это же время провели аналогичные эксперименты внутри страны и пришли к выводу, что технология DLT недостаточно разработана для использования в крупных платежах центральных банков. В марте 2016 г. управляющий Банка Англии, экономисты которого ещё в 2014 г. первые в мире обосновали идею о возможности выпуска цифровых валют, о последствиях цифровых валют центрального банка (central bank digital currencies или CBDCs) [6].

Начиная с 2016 г. исследовательские проекты по цифровым валютам были запущены центральными банками ведущих стран мира. Банк Канады запустил проект Jasper, денежные власти Сингапура – проект Убин (как и проект Jasper, он был направлен на межбанковские платежи). В январе 2017 г. Валютное управление Гонконга представило собственный проект LionRock. Европейский Центральный банк (ЕЦБ) и Банк Японии представили первый известный пример сотрудничества между двумя центральными банками по CBDC в 2017 г. в рамках проекта Stella, ориентированного на трансграничные платежи. Денежные власти ОАЭ и Саудовской Аравии, Гонконг и Таиланд также объявили о трансграничном сотрудничестве в рамках CBDC. Разработки в области розничных CBDC впервые были проведены и открыто представлены для ознакомления Центральным Банком Швеции Риксбанк, инициировавшим общественную дискуссию о доступе населения к платежным инструментам центрального банка. Со временем этот проект «электронной кроны» получил дальнейшее развитие. В феврале 2020 г. Риксбанк объявил, что проведёт пилотный проект с Accenture, направленный на разработку предложения по техническому решению для электронной кроны.

Объявленный несколько позже, проект Народного банка Китая, возможно, является самым продвинутым проектом CBDC в настоящее время. Несмотря на то, что КНР ввёл строгие ограничения на криптовалюту (в 2013 г. Народный банк Китая запретил банкам обрабатывать транзакции с биткойнами), он стал первой страной, разработавшей и протестировавшей цифровую валюту центрального банка, называемую цифровым юанем. КНР разрабатывает цифровую валюту, называемую цифровым юанем, также известную как e-yuan, e-CNY, цифровой юань или цифровой юань, с 2014 г. CBDC функционируют так же, как и снятие наличных в банке. Транзакции совершаются мгновенно и с меньшими затратами, поскольку посредники, а именно банки, не обязаны участвовать в обмене. Но транзакции более безопасны, чем наличные, что обеспечивается цифровой подписью, цифровыми сертификатами, зашифрованным хранилищем. Применение данных технологий делает невозможным незаконное дублирование, подделку, фальсификацию, проведение двойных расходов и отказ от транзакций. На текущий момент цифровой юань всё ещё находится на пилотной стадии, преимущественно в крупных прибрежных городах, но продвигается к официальному запуску на всей территории материкового Китая [7].

CBDC, такие как цифровой юань – это не то же самое, что криптовалюты. Операции по обмену криптовалют были запрещены в Китае в 2017 г., а транзакции – в 2021 г., во многом потому, что их сложно регулировать. Криптовалюты, та-

кие как Биткойн, работают на основе технологии блокчейн, которая, по сути, представляет собой децентрализованный неизменяемый реестр, предназначенный для обхода существующих финансовых учреждений. CBDC являются фиатными деньгами, следовательно, подлежат государственному контролю. Стоимость цифрового юаня предсказуема, так как он привязан к той же корзине валют, что и юань, тогда как стоимость криптовалют определяется относительно нестабильным спросом и предложением. Для такого централизованного государства, как Китай, CBDC в более привлекателен, чем криптовалюта [7].

Разработка цифрового рубля как дополнительной формы валюты была предложена Банком России в 2020 г., а уже в июле 2023 г. Президентом РФ В. Путиным был подписан Федеральный закон № 339-ФЗ, который вводит в оборот дополнительную форму российской национальной валюты – цифровой рубль. Оператором платформы цифрового рубля был назначен Банк России, который разработал правила обращения цифрового рубля. Также Банк России несёт ответственность за сохранность новой формы национальной валюты. Цифровой рубль – это дополнительный инструмент для переводов и платежей, предусматривающий пополнение электронного кошелька с собственного банковского счёта, вывод цифровых средств на обычный счёт, а также оплату по QR-коду. Невозможность открыть вклад и получить процентный доход на остаток цифровых денежных средств, а также получить в цифровых рублях кредит, нивелируется рядом выгод, а именно: доступ к электронному кошельку предоставляется через любой банк клиента, все операции с цифровыми рублями будут абсолютно бесплатными для физических лиц, а для юридических лиц тарифы будут гораздо меньше текущих банковских (до 1-го января 2025 г. все операции с цифровыми рублями бесплатны), цифровой рубль можно использовать без доступа в интернет, и, самое главное, гарантируется высокий уровень безопасности средств. В перспективе в цифровых рублях рассматриваются и социальные выплаты от государства.

Применительно к финансовым потокам НКО следует обратить внимание на следующее: в цифровых рублях не получится открыть вклад и получить кредит, а на остатки денег в цифровых кошельках не будут начисляться проценты. У благотворительных организаций отсутствует заинтересованность в удерживании полученных денежных средств с целью извлечения дохода от их краткосрочного размещения, а это значит, что помощь будет оказываться оперативнее, и денежные средства будут быстрее доходить до конечного благополучателя. Информированность о вышесказанном жертвователей будет способствовать повышению уровня доверия к деятельности благотворительных организаций и стимулировать их к перечислению денежных средств в форме цифрового рубля.

Также среди преимуществ цифрового рубля следует отметить единые тарифы, что позволяет снизить издержки на проведение транзакций и увеличить конечную сумму, остающуюся в распоряжении НКО, что несомненно способствует увеличению объёма оказываемой благотворительной помощи (расходы благотворительной организации на комиссии различным платежным системам может достигать 5 и более млн. руб. в год, и это связано прежде всего со спецификой финансовых потоков некоммерческих организаций, где денежные средства поступают от физических лиц посредством sms-сообщений и перечислений через банковский счёт). Снижение издержек на администрирование бюджет-

ных платежей – это следующее достижение цифровой валюты, безусловно, влияющее на конечный объём оказываемой благотворительной помощи как непосредственно государственными благотворительными фондами, так и с помощью привлечения СО НКО бюджетных денежных средств. Немаловажный момент для всех участников благотворительной деятельности, способствующий её эффективности – это высокий уровень сохранности и безопасности средств, представленных в цифровой валюте.

Таким образом, использование цифрового рубля в расчётах НКО обеспечивает стабильную финансово-хозяйственную деятельность благотворительных организаций и уровень лояльности к ним жертвователей. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что внедрение цифрового рубля способно увеличить объём доходов некоммерческих организаций и будет напрямую способствовать развитию благотворительной деятельности в России.

Пристатейный библиографический список

1. The Chainalysis 2023 Geography of Cryptocurrency Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://go.chainalysis.com/geography-of-cryptocurrency-2023.html> (дата обращения: 18.11.2023).
2. Cryptopolitan. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cryptopolitan.com/ru> (дата обращения: 18.11.2023).
3. Турция ужесточает правила криптовалюты в следующем году – основное внимание бирж. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cryptodnes.bg/ru/turciq-zatqga-kripto-regulaciite-dogodina-borsite-osnoven-fokus/> (дата обращения: 18.11.2023).
4. Приравняли к деньгам. Как и зачем власти Сальвадора используют биткойн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/12318537?ysclid=lp5php0ery840031463> (дата обращения: 18.11.2023).
5. “Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies” Raphael Auer, Giulio Cornelli and Jon Frost. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bis.org/publ/work880.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
6. Bank of England. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankofengland.co.uk/> (дата обращения: 18.11.2023).
7. China is doubling down on its digital currency. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2023/06/china-is-doubling-down-on-its-digital-currency/> (дата обращения: 18.11.2023).

ХАЛИКОВА Эльвира Анваровна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОЗЫКИН Александр Дмитриевич

соискатель Уфимского государственного нефтяного технического университета

САФРОНОВ Данил Юрьевич

соискатель Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ В ПРОЕКТНОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

В научной статье рассмотрен авторский подход к финансово-экономическому моделированию проектов, используемому на основе бизнес-планирования и позволяющий автоматически произвести расчет ключевых показателей эффективности проекта. Предлагаемое цифровое решение также можно использовать для организации постинвестиционного мониторинга проекта с целью контроля финансовых потоков.

Ключевые слова: проектный менеджмент, проект, финансово-экономическое моделирование, финансовая модель, программный модуль «BusinessPLAN Плюс»

KHALIKOVA Elvira Anvarovna

Ph.D. in economical sciences of the Ufa State Petroleum Technical University

SOZYKIN Alexander Dmitrievich

competitor of the Ufa State Petroleum Technical University

SAFRONOV Danil Yurjevich

competitor of the Ufa State Petroleum Technical University

MODERN DIGITAL SOLUTIONS FOR FINANCIAL AND ECONOMIC JUSTIFICATION IN PROJECT MANAGEMENT

The scientific article discusses the author's approach to financial and economic modeling of projects, used on the basis of business planning and allowing for automatic calculation of key project performance indicators. The proposed digital solution can also be used to organize post-investment monitoring of the project in order to control financial flows.

Keywords: project management, project, financial and economic modeling, financial model, software module "BusinessPLAN Plus".

На современном этапе развития в структуре проектного менеджмента обязательным элементом для принятия решения инвестиционного-финансового характера является технико-экономическое и финансовое обоснование проекта. С этой целью на этапе проектирования проводится расчет финансовой модели проекта, включая формирование рыночной модели, стратегию реализации проекта, формирование капитальных и операционных затрат и оценку экономической эффективности.

Как правило, расчетная часть не обходится без использования современного цифрового инструментария, позволяющего путем введения исходных параметров проекта автоматически рассчитать финансово-экономические показатели.

В научной статье предложено авторское решение для автоматического формирования цифровой базы проекта, на основе которой принимаются управленческие решения по реализации проекта. В основе предлагаемого цифрового решения лежит разработка программного модуля, построенного на основе концепции бизнес-планирования и финансового моделирования.

Программный модуль обладает широким функционалом, который позволяет менеджерам и управленцам контролировать и мониторить ключевые финансовые показатели бизнес-плана, проводить оперативные корректировки и принимать управленческие решения на основе анализа данных. Интуитивно понятный интерфейс программного модуля обеспечивает возможность создания подробных бизнес-

планов, проведения всестороннего анализа рынка, оценки финансовых прогнозов и рисков.

На главном меню пользователь может выбрать из каталога готовые шаблоны финансовых моделей и бизнес-планов, либо создать свой шаблон с учетом специфики статей затрат CAPEX и OPEX.

Пользователь последовательно вводит исходную информацию о проекте, его ключевых финансовых параметрах, сведения о налоговом окружении, определяет горизонт финансового планирования, вводит стоимость приобретаемых объектов, данные о численности персонала и базовом уровне оплаты труда, нормы и нормативы расходов операционных и прочих статей по проекту.

В программном модуле задолжен алгоритм расчета финансовых показателей и формирования финансовых планов проекта, который схематично представлен на рисунке 1.

Для алгоритмизации процесса финансового планирования проекта, заложенного в программе «BusinessPLAN Плюс», были разработаны коды на языке программирования Python.

Фрагмент автоматического построения бюджета доходов и расходов и бюджета движения денежных средств на примере бизнес-проекта коммерческой структуры представлен в настоящей статье.

```
self.table_widget_fin_model_bdr = QTableWidgetItem()
self.btn_bdr = QPushButton('Рассчитать БДР')
self.table_widget_fin_model_bdr.setColumnCount(6)
```

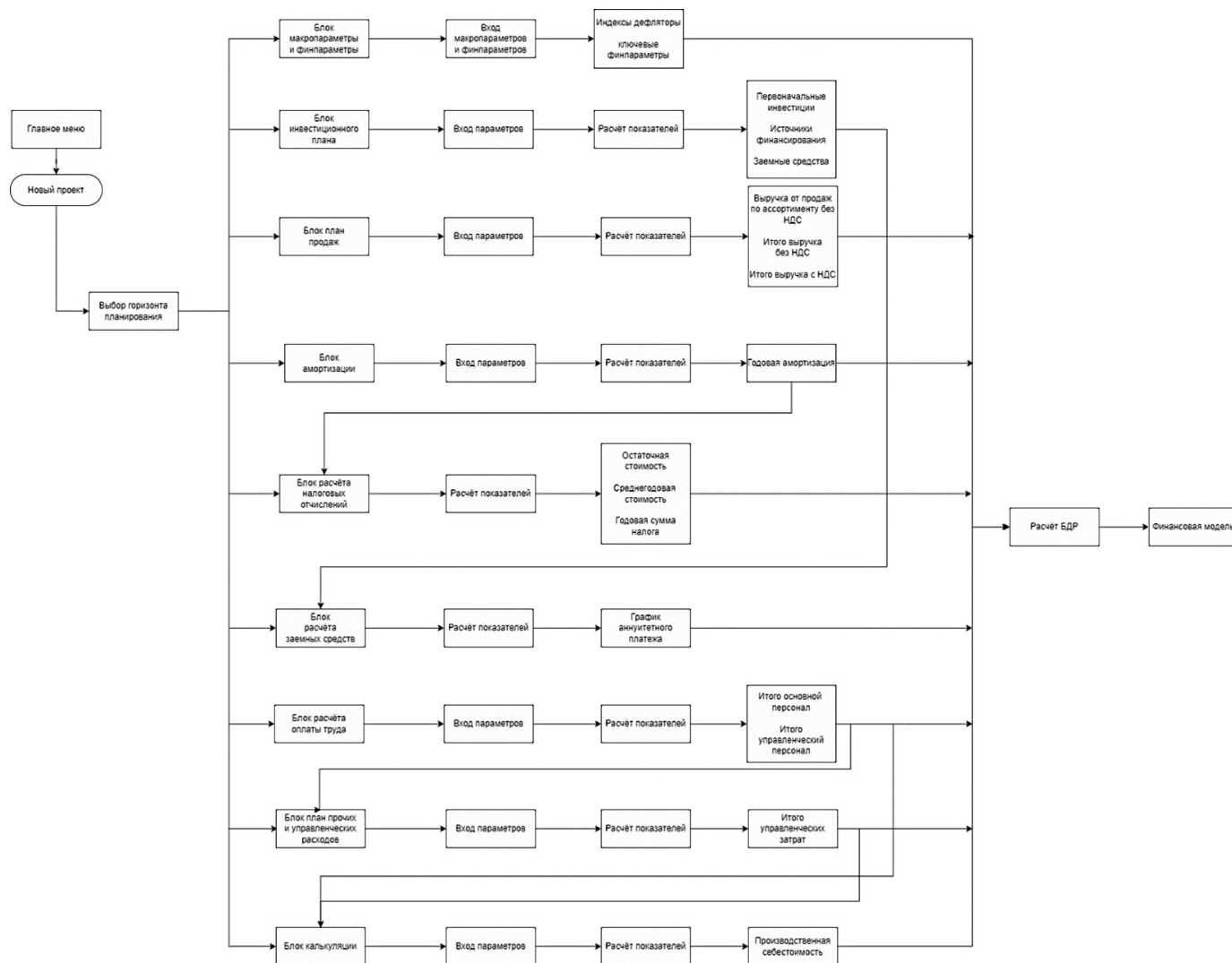

Рисунок 1. Алгоритм финансово-экономического планирования в проектном менеджменте на базе программного модуля «BusinessPLAN Плюс»

```

self.table_widget_fin_model_bdr.setRowCount(24)
bdr_rows = ['БДР проекта (руб.)',
            'Операционная деятельность',
            'Выручка',
            'Операционные расходы',
            'Сырье',
            'Вспомогательные материалы',
            'Транспортные расходы',
            'Общепроизводственные расходы',
            'Фонд оплаты труда',
            'Страховые взносы',
            'Сертификация и повышение квалификации персонала',
            'Амортизация основных средств и НМА',
            'Техническое обслуживание производственного оборудования',
            'Аренда помещения',
            'Прочие управленческие расходы',
            'Коммерческие расходы',
            'Налог на землю',
            'Проценты к уплате',
            'Прибыль до налогообложения',
            'Налог на прибыль',
            'Чистая прибыль (БДР)',
            'Рентабельность по чистой прибыли',
            'ЕБИТДА',
            'Рентабельность по ЕБИТДА']
bdr_years = ['2023', '2024', '2025', '2026', '2027', 'Итого']

self.table_widget_fin_model_bdr.setHorizontalHeaderLabels(bdr_years)
self.table_widget_fin_model_bdr.setVerticalHeaderLabels(bdr_rows)
self.table_widget_fin_model_bdds = QTableWidgetItem()
self.btn_bdds = QPushButton('Расчитать БДДС')
bdds_rows = ['БДДС проекта (тыс. руб.)',
            'Операционная деятельность',
            'Выручка с НДС (10%)',
            'Сырье с НДС (НДС - 10%)',
            'Вспомогательные материалы с НДС (НДС - 20%)',
            'Фонд оплаты труда со страховыми взносами',
            'Текущие затраты с НДС (НДС - 20%)',
            'Текущие затраты, не облагаемые НДС (сертификация, транспортные расходы)',
            'Налог на землю',
            'НДС к уплате',
            'Налог на прибыль к уплате',
            'Поступления по инвестиционной деятельности']
    
```

Ключевые показатели и фин. параметры	2023	2024	2025	2026	2027	Итого
Налоги						
Инвестиционный план						
План продаж						
Расчет амортизации						
Налог на имущество						
Займы						
Оплата труда						
План упр. и прочее расходы						
Калькуляция						
Финансовая модель						

	2023	2024	2025	2026	2027
БДР проекта (руб.)					
Операционная деятельность					
Выручка	457710000.0	2512500000.0	4450800000.0	6665587500.0	8353800000.0
Операционные расходы	16081551.1262	16161815.604	16206407.105	16217554.96025	16250998.526
Сырье	78228.81	142234.2	177792.75	186682.3875	213351.3
Вспомогательные материалы	17826.6	32412.0000000...	42615.0	42540.75	48618.0
Транспортные расходы	2043.71619999...	3719.484	4649.355	4881.82275	5579.226

	2023	2024	2025	2026	2027
БДС проекта (тыс. руб.)					
Операционная деятельность					
Выручка с НДС (10%)					
Сырье с НДС (НДС - 10%)					
Вспомогательные материалы с НДС (НДС - 20%)					
Фонд оплаты труда со страховыми взносами					
Текущие затраты с НДС (НДС - 20%)					
Текущие затраты по обязательствам НДС (гашение налоговых обязательств)					

Рисунок 2. Фрагмент финансовой модели программного модуля

'Собственные средства предприятия',
 'Привлечение кредита',
 'Возмещение НДС',
 'Выбытие по инвестиционной деятельности',
 'Затраты на кап. вложения и закупку сырья',
 'Кредитные ресурсы',
 'FCF',
 'FCF по операц. деятельности',
 'FCF по инвест. деятельности',
 'Коэффициент дисконтирования',
 'DCF',
 'DCF накопленным итогом']

```

self.table_widget_fin_model_bdds.setColumnCount(6)
self.table_widget_fin_model_bdds.setRowCount(24)
self.btn_bdr.clicked.connect(self.calc_fin_model_bdr)
self.table_widget_fin_model_bdds.
setHorizontalHeaderLabels(bdr_years)
self.table_widget_fin_model_bdds.
setVerticalHeaderLabels(bdds_rows)
self.lytGeneral10 = QFormLayout()
self.lytGeneral10.addRow(self.table_widget_fin_model_
bdr)
self.lytGeneral10.addRow(self.btn_bdr)
self.lytGeneral10.addRow(self.table_widget_fin_model_
bdds)
self.lytGeneral10.addRow(self.btn_bdds)
  
```

Преимуществом программного модуля является то, что управленец в зависимости от поставленной задачи может самостоятельно устанавливать горизонт планирования по годам, разрез для формирования прогнозных данных, вводить необходимые строки с показателями (дополнять статьи доходов и затрат с учетом отраслевой специфики деятельности компании). Все планы формируются в табличной форме, имеющее наглядное восприятие аналитических данных.

Также использование программного модуля «BusinessPLAN Плюс» позволяет компаниям более точно прогнозировать и планировать свою деятельность, учитывая сложности и особенности современной внешней среды, и принимать обоснованные и эффективные управленческие решения для достижения устойчивого роста и развития.

В заключении следует отметить, что современные цифровые решения позволяют не только пользователям выбрать нужный шаблон финансового плана с учетом специфики бизнеса, но и самостоятельно его сгенерировать с учетом индивидуального запроса пользователей информации для принятия инвестиционно-финансовых решений о реализации проекта.

Приставейный библиографический список

1. Алиев В. С. Практикум по бизнес-планированию с использованием программы Project Expert. – М.: Инфра-М., 2017. – 288 с.
2. Лузина Е. С., Новикова Н. Б., Выгузова К. В. Система управления проектами Project Expert: учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург: УрГУПС, 2011 – 80 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-495-497

ЧУМЛЯКОВ Кирилл Станиславович

кандидат технических наук, доцент кафедры транспортных и технологических систем Тюменского индустриального университета

ЧУМЛЯКОВА Дарья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета

ИГНАТЮК Юлия Леонидовна

кандидат философских наук, доцент кафедры интеллектуальных систем и технологий Тюменского индустриального университета

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ АРКТИКИ В СТРАТЕГИЯХ НЕАРКТИЧЕСКИХ СТРАН

Статья посвящена исследованию арктических отношений и перспектив интернационализации Арктики. Установлено, что неарктические страны все более активно заявляют об интернационализации этого макрорегиона. Драйверами такого процесса в Арктике являются освоение природных ресурсов, развитие международной прибрежной инфраструктуры, судостроения, перспективы использования Северного морского пути, научные исследования и т.д.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, интернационализация, международная транспортная инфраструктура, международные транспортные коридоры, интеграция.

CHUMLYAKOV Kirill Stanislavovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport and technological systems sub-faculty of the Tyumen Industrial University

CHUMLYAKOVA Darya Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and production organization sub-faculty of the Tyumen Industrial University

IGNATYUK Yuliya Leonidovna

Ph.D., associate professor of Intelligent systems and technologies sub-faculty of the Tyumen Industrial University

INTERNATIONALIZATION OF THE ARCTIC IN THE STRATEGIES OF NON-ARCTIC COUNTRIES

The article is devoted to the research of Arctic relations and prospects for the internationalization of the Arctic. It has been established that non-Arctic countries are increasingly declaring the internationalization of this macro-region. The drivers of this process in the Arctic are the development of natural resources, the development of international coastal infrastructure, shipbuilding, prospects for using the Northern Sea Route, scientific research, etc.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, internationalization, international transport infrastructure, international transport corridors, integration.

На повестке дня мирового сообщества регулярно возникают вопросы, связанные с необходимостью преобразований в системе международных институтов, развитием международного сотрудничества и прочим совершенствованием процессов взаимодействия стран [5], [9]. Одним из таких вопросов является международное сотрудничество и взаимодействие в Арктике. В современных геополитических и геоэкономических условиях интерес к этому макрорегиону все больше возрастает, причем со стороны не только арктических стран, но и со стороны неарктических государств, таких как Китай, Индия и др. [3], [10]. Неарктические страны инвестируют ресурсы в арктические проекты, тем самым, уверенно интегрируются в экономическую и политическую деятельность в макрорегионе.

Одной из актуальных тем в научном сообществе является изучение процесса интернационализации, в том числе применительно и к авторскому объекту исследования [1], [2], [4], [7], [8], [11]. В этой связи, рассмотрим, как этот процесс отражается в национальных стратегиях неарктических стран, определим, каким образом может быть реализована интернационализация Арктики с учетом особенностей национальных стратегий, их основных направлений и приоритетов арктической политики в вопросах международного сотрудничества.

Координацией вопросов устойчивого развития и освоения Арктики, а также продвижением международного со-

трудничества и взаимодействия между арктическими странами, занимается Арктический совет, включающий в себя восемь арктических государств, среди которых США, Канада, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, Швеция и Россия. Несмотря на наличие такого общего международного объединения, как правило, каждая из этих стран действует исходя из собственных интересов [10]. В текущей мировой ситуации, ускоряющей конкуренцию в Арктике, у неарктических стран имеется благоприятная возможность укрепления своих позиций во взаимодействии с арктическими странами в этом макрорегионе. Совместное развитие Арктики, ее финансовых, технологических и прочих проектов, может быть реализовано на основе принципов взаимного признания, сотрудничества и устойчивости.

Итак, помимо перечисленных выше стран, входящих в Арктический совет, в работе по устойчивому развитию приполярных районов Арктики активно желают участвовать другие, как европейские, так и азиатские страны. Свои амбиции, доктрины и стратегии по развитию Арктики имеют Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Нидерланды, Швейцария, Польша, Китай, Индия, Сингапур, Южная Корея, Япония.

Из всех стран наиболее близкой к Арктике может быть названа Великобритания, а продвижение ее экономических интересов в арктическом направлении является одним из важнейших в последнее время. Основы арктической по-

литики впервые были представлены в 2013 г. под названием «Adapting To Change: UK policy towards the Arctic», в 2018 г. появилась обновленная версия документа «Beyond the ice: UK policy towards the Arctic». В начале 2023 г. страной была представлена новая стратегия по Арктике, согласно которой предполагается еще большее усиление участия Великобритании в интернационализации макрорегиона. Согласно стратегическому документу, прагматичные интересы сводятся к обеспечению доступа к природным ресурсам углеводородного сырья (далее – УВС) и транспортным маршрутам макрорегиона, а также усиление политического присутствия и интеграции с США, Канадой и западными арктическими странами в таких областях, как безопасность, климат и экология, наука и технологии, защита прав коренных малочисленных народов. Свобода судоходства и доступ к арктическим маршрутам в соответствии с положениями международного морского права является одной из декларируемых целей политики в сфере интернационализации Арктики.

В последние годы четко прослеживается возрастание интересов Германии в интернационализации Арктики. Имея статус наблюдателя в Арктическом совете с 1998 г., основные направления государственной политики и арктическая стратегия формировались в последнее десятилетие. В своей стратегии Германия уделяет все больше внимания таким арктическим вопросам, как экология, экономическое развитие, различные аспекты безопасности, в том числе укрепление сырьевой и энергетической безопасностей. Страна выступает за взаимовыгодную добычу УВС, расширение участия немецких нефтегазовых корпораций в освоении Арктики, стратегическое партнерство в интернационализации Арктики и Северного морского пути (СМП), в частности, в формате развития двусторонних отношений со странами-участницами Арктического совета.

Стремление к устойчивому влиянию на всестороннюю интернационализацию Арктики также отражено в арктической стратегии Франции. Основные принципы французской арктической политики и ключевые арктические интересы отражены в семи разделах национальной программы освоения Арктики, принятой в 2016 г. Основные положения французской стратегии представляются общими для большинства неарктических стран, к примеру, научные исследования и экономическое сотрудничество, экология и безопасность, освоение УВС и развитие северных морских транспортных коридоров для их вывоза и транспортировки и т.д. Вместе с тем, французская стратегия в Арктике имеет свои особенности. Так, стратегия освоения Арктики предусматривает многостороннее сотрудничество и многоуровневое участие Франции в различных арктических межрегиональных структурах и интеграционных объединениях. Франция поддерживает вовлеченность в процесс интернационализации Арктики в ключе собственных национальных интересов, интересов Европейского союза и глобальном аспекте, призывая к активному участию в развитии макрорегиона другие неарктические страны, в том числе далеко территориально расположенные от Арктики азиатские страны.

Как Германия и Франция, свою национальную программу в Арктике приняла Италия, которая также может считаться одной из ведущих неарктических стран, имеющих свои интересы в Арктическом регионе. Помимо приоритетов международного сотрудничества в области научных исследований и охраны окружающей среды, страна поддерживает интернационализацию Арктики в нефтегазовой сфере, это проявляется в ее внешней политике в сотрудничестве ита-

льянских нефтегазовых компаний с иностранными компаниями, например, норвежскими и российскими. Италия решительно намерена закрепиться в регионе в качестве партнера по разработке арктических шельфовых месторождений, а также посредника между ведущими арктическими странами. Кроме того, страна имеет интересы в сфере возобновляемой энергетики.

Среди прочих западных стран, являющихся странами-наблюдателями в Арктическом совете и проявляющих активность в интернационализации Арктики, а именно в разработке открытых и перспективных месторождений арктического шельфа, добыче и экспорте УВС, отметим Испанию и Нидерланды. Обе страны являются морскими державами, в настоящее время страны в силу разных причин являются энергозависимыми, при этом имеют богатый опыт освоения месторождений УВС, промышленные возможности и обладают технологиями, в том числе глубоководного бурения, которые могут быть адаптированы к арктическим условиям. Страны обладают необходимой инфраструктурой, которая может быть задействована в интернационализации Арктики. Морские порты Нидерландов могут сыграть важную роль в эксплуатации СМП и освоении новых морских северных маршрутов, а Испания может стать крупным импортером арктического транзита через порты Роттердама и Амстердама. В целом, потенциал арктической политики этих стран постепенно растет, и этот процесс ещё не завершен.

Швейцария занимает больше нейтральную позицию по интернационализации Арктики, вместе с тем, сильное внешнеэкономическое положение страны в мире, обладание современными технологиями и научными знаниями в различных областях, например, в укладке магистральных трубопроводов по дну моря (Швейцария уже принимала участие в реализации газового проекта «Северный поток-2»). Эти обстоятельства через инвестиции и многостороннее участие в формировании нефтегазовой инфраструктуры открывают благоприятную возможность включения страны в процессы интернационализации макрорегиона.

Для Польши, которая является страной-наблюдателем, участие в интернационализации Арктики больше сводится к получению дополнительного доступа к ресурсам макрорегиона. Так, страна находится в состоянии поиска взаимовыгодных форматов взаимодействия с разными странами, при этом приоритетными для сотрудничества являются североευропейские арктические страны и США. Польша имеет исследовательский опыт в Арктике, между тем у страны нет собственной, утвержденной национальной арктической стратегии.

Говоря об арктических стратегиях неарктических стран, отметим азиатские страны и, прежде всего, сверхдержаву, которая уже давно вызывает конкурентное напряжение и опасение у большинства арктических стран и стран Европейского союза. Как страна, заинтересованная в освоении Арктики и участии в арктических проектах, Китай в интернационализации Арктики видит огромный коммерческий и стратегический потенциал – это доступ к огромным запасам УВС, использование СМП и формирование новых торговых путей и инфраструктуры [6]. Страна обладает большими экономическими, финансовыми и технологическими ресурсами, и это позволяет ей претендовать на одну из ведущих ролей в Арктике. Китай сотрудничает со всеми своими партнерами, его арктическая стратегия декларирует взаимовыгодное сотрудничество, стремление к взаимовыгодному

устойчивому развитию макрорегиона и усилению роли неарктических стран в Арктике.

Намерения на увеличение своего присутствия в Арктике имеет Индия, обладающая с 2013 года статусом постоянного наблюдателя в Арктическом совете. Страна является одним из крупнейших потребителей углеводородов в мире, это обстоятельство ее подталкивает к активизации национальной арктической политики и наращиванию своего потенциала, пока незначительного в сравнении с Китаем. Так, индийские нефтяные компании уже активно участвуют и изучают возможности дальнейшего расширения добычи УВС на арктическом шельфе совместно с российскими компаниями, предположительно сотрудничество двух стран будет только усиливаться. В целом, Индия сотрудничает в вопросе интернационализации Арктики и открыта для взаимодействия со всеми арктическими и неарктическими странами, в том числе и со своим азиатским конкурентом Китаем.

Другие азиатские страны также активны в проявлении интересов в интернационализации Арктики. Так, арктическую политику реализуют Сингапур, Южная Корея и Япония. Эти страны-наблюдатели имеют политическое признание в международном морском праве и большой опыт в судостроении и развитии морской и прибрежной инфраструктуры, поэтому особую экономическую привлекательность для них имеет СМП. Страны могут стать выгодными союзниками для арктических государств в областях судостроения, строительства танкеров для транспортировки УВС, возведения морских платформ и т.д. При этом одним из главных партнеров в освоении ресурсов Арктики и судоходства по СМП рассматривается Россия.

Резюмируя, отметим, что в стратегической перспективе интерес к интернационализации Арктики у неарктических стран будет устойчивым. Следует ожидать усиления научных исследований макрорегиона, выход на новый качественный уровень межгосударственного сотрудничества и взаимоотношений в сферах освоения УВС, развития СМП и международной прибрежной инфраструктуры, судостроения и т.д. В целом неизбежно вовлечение неарктических стран в обсуждение экономических, технологических и прочих вопросов, связанных с интернационализацией Арктики, которое должно быть основано на принципах равноправного сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Адамкулова Ч. У., Даминава Н. Н. Интернационализация малого и среднего бизнеса: возможности и ограничения в условиях глобализации // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. – 2019. – № 11. – С. 47-50.
2. Архипова В. В. Валютная интернационализация: анализ международного опыта и выбор пути для России // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. № 7. – С. 43-54. – DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-7-43-54.
3. Гладун Е. Ф. Неарктические государства выходят в Арктику. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goarctic.ru/work/nearkticheskie-gosudarstva-vykhodyat-v-arktiku/> (дата обращения: 08.03.2023).
4. Голдин В. И. Арктическая геополитика: современные тенденции и перспективы // Клио. – 2014. – № 1 (85). – С. 129-133.

5. Загорский А. В. Интернационализация Арктики // Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 24 октября 2012 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/files/File/ru/sc/2012/24102012_tez.pdf (дата обращения: 08.03.2023).
6. Комлева Н. А. Арктическая стратегия приарктических государств: общее и особенное // Арктика и Север. – 2011. – № 2. – С. 19-25.
7. Панибратов А. Ю. Стратегии интернационализации строительных компаний: предпосылки, направления и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2010. – № 1. – С. 61-86.
8. Петров М. Б., Чумляков К. С., Чумлякова Д. В. Инструменты регулирования интернационализации транспортных коммуникаций на Евразийском континенте // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1 (152). – С. 464-466. – DOI 10.46320/2073-4506-2021-1-152-464-466.
9. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский; отв. ред.: Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. – Москва: ИМЭМО РАН, 2022. – 130 с. – DOI 10.20542/978-5-9535-0568-0.
10. Чумляков К. С., Чумлякова Д. В. Интернационализация Арктики и национальные интересы арктических стран // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 6. – С. 59-63. – DOI 10.17513/fr.43472.
11. Aperyanyan Ye. The Internationalization of Higher Education in Armenia // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. – 2021. – Vol. 12. No. 1 (33). – P. 79-87. – DOI 10.46991/BYSU:F/2021.12.1.079.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-498-499

ЗАЩИТИНА Елена Константиновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, г. Таганрог

ПАВЛОВ Павел Владимирович

доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экономики предприятия Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета, г. Таганрог

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО РЫНКА УСЛУГ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТУРА*

В настоящее время под влиянием изменения геополитического контура в мире наблюдается трансформация приоритетов на мировом рынке услуг высшего образования, включающая в себя в том числе создание новых образовательных и научных центров, появление новых интеграционных форм и объединений, а также перераспределение потоков академической и преподавательской мобильности. В связи с этим целью статьи является выявление и описание основных тенденций, которые происходят в настоящее время в мире.

Ключевые слова: мировой рынок услуг высшего образования, изменение геополитического контура, мировая экономика.

ZASHCHITINA Elena Konstantinovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Business economy sub-faculty of the Institute of Management in Economics, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog

PAVLOV Pavel Vladimirovich

Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in Law, professor, professor of Business economy sub-faculty of the Institute of Management in Economics, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University, Taganrog

TRANSFORMATION OF THE GLOBAL MARKET FOR HIGHER EDUCATION SERVICES UNDER THE INFLUENCE OF CHANGING GEOPOLITICAL CONTOURS

Currently, under the influence of changes in the geopolitical contours in the world, there is a transformation of priorities in the global market of higher education services, including the creation of new educational and scientific centers, the emergence of new integration forms and associations, as well as the redistribution of academic and teaching mobility flows. In this regard, the purpose of the article is to identify and describe the main trends that are currently occurring in the world.

Keywords: global market for higher education services, changing geopolitical contours, world economy.

Мировой рынок услуг высшего образования традиционно неотделим от мировой экономики и тех тенденций, которые оказывают на нее влияние, будь то развитие индустриализации (в настоящее время наблюдается формирование нового этапа индустриального развития – Индустрии 5.0), переход от цифровизации к цифровой трансформации, формирование экономики знаний и появление человекоцентричных моделей за счет стремительного роста стоимости нематериальных активов и их доли в общем объеме компаний, функционирующих как на национальных, так и на международных рынках; или преобладающее влияние внешних факторов, например, экономических и политических, способствующих смене геополитического контура и переходу к новому многополярному миру и концепции Глобализации 2.0.

Тенденции, происходящие на мировом рынке услуг высшего образования, привлекают исследователей различных предметных областей, включая экономистов, политологов,

социологов, педагогов (экспертов в сфере образования) за счет того, что, изменения, «происходящие на наших глазах», и связанные с определенной трансформацией политической, финансовой, экономической и социальной структуры мировой экономики и как следствие ее секторов, оказывает большое влияние и на структуру, динамику и общую конъюнктуру мирового рынка услуг высшего образования.

В связи с этим эксперты выделяют новые виды размеров (масштабов), заинтересованных сторон, агентов влияния и структуру возможностей для мирового рынка высшего образования, включающие в себя следующие типы [1]:

- размеры (масштабы): глобальный, межрегиональный, межнациональный, локальный, индивидуальный (например, индивидуальные траектории развития и стратегии личностного роста);
- заинтересованные стороны: экономические, политические, культурные, коллективные и индивидуальные;
- агенты влияния: государство (правительство), учреждения высшего образования и их факультеты, сотрудники и студенты, негосударственные субъекты, предприятия реального сектора экономики, гражданское общество, аномальные геополитические пространства;
- структура возможностей: регулирование, идеи и обсуждения, социальные медиа, движения за социальную справедливость.

Защитина Е. К.

Павлов П. В.

* Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-3407.2022.2 «Трансформация мирового рынка услуг высшего образования: вызовы и новые возможности для глобальной и национальной экономики».

Также интересным является выделение тенденций и особенностей трансформации мирового рынка услуг высшего образования, среди которых можно выделить следующие:

1. Стремительный рост конкуренции между странами с развивающейся и развитой экономикой. Намечившаяся тенденция на рост экономических показателей и большую устойчивость стран с развивающейся экономикой (в том числе Китай, Россия, Индия, Бразилия) продолжается и в сфере возрастающей конкуренции их образовательных систем, которые становятся все более популярны и востребованы во всем мире за счет качества и большей доступности образования (в том числе в рамках предоставления более низкой цены по сравнению с развитыми странами).

2. Продолжающаяся цифровая трансформация и экспоненциальный рост использования современных технологий. Цифровая трансформация в настоящий момент происходит уже во всех сферах мировой экономики, включая высшее образование. Помимо использования современных технологий в традиционном обучении и трансформации бизнес-процессов образовательных учреждений (в том числе появления систем электронного документооборота, анализа больших данных для сбора цифрового следа и принятия управленческих решений) начинает появляться все больше организаций (не являющихся учреждениями высшего образования), предлагающих онлайн-курсы для развития профессиональных навыков и гибких навыков людей, в связи с этим активное развитие получает концепция «обучения в течение всей жизни» (это стирает возрастные границы обучающихся). В связи с растущей конкуренцией и расширяющимися объемами образовательного рынка (как с точки зрения возрастной составляющей, так и географической) традиционные образовательные учреждения также начинают увеличивать гибкость предоставляемых образовательных программ, предлагая их реализацию в гибридном или онлайн-формате с использованием современных технологий и процессов, происходящих при цифровой трансформации, в том числе технологий интернета вещей, искусственного интеллекта, дополненной и виртуальной реальности, контент-фильтрации и др. При этом продолжает наблюдаться определенный дисбаланс и неравенство в тех странах, где доступ к получению образования продолжает быть ограничен, теперь уже по причине недостаточного развития телекоммуникационных технологий и электросетей, а также открытым остается вопрос поддержания качества образования, реализуемого в онлайн-форматах.

3. Развитие международного сотрудничества с новыми партнерами. Эта тенденция связана с предыдущей и базируется на том, что в настоящее время в связи с тем, что происходит пересмотр партнерских отношений во всех сферах деятельности, для вузов открываются новые образовательные рынки, которые ранее были не так популярны. Это приводит к тому, что с целью продолжения международной деятельности в части предложения транснациональных образовательных программ, поддержки академических обменов и обменов визит-профессорами, а также развития научных исследований, вузы начинают активно искать партнеров в других странах, что формирует новое глобальное образовательное сообщество.

Таким образом в мире начинают формироваться новые центры образования, которые начинают развиваться за счет роста инвестиций и приводит к изменению баланса сил на мировой арене и на мировом рынке услуг высшего образования.

4. Изменение географии миграционных потоков. В связи с тем, что в настоящий момент ряд стран пересматривает свои партнерские отношения и двухсторонние связи, происходит изменение и география потоков образовательной миграции, обусловленная появлением новых «одобренных» правительствами стран и вузов, появлением различных стипендиальных программ для поддержки иностранных обучающихся и миграционных послаблений, а также факторами внешней среды.

Подобное изменение геополитического контура приводит не только к перераспределению потока студентов между странами, но и к еще большей конкуренции между странами за студентов, что способствует повышению качества образования, формированию новых предложений и конкурентных

преимуществ, а также трансформации форматов образования.

На этом пункте хочется остановиться немного подробнее. Так, например, в 2023 году продолжилось снижение числа студентов из Китая в университетах США по причине эскалации напряженности между США и Китаем, а также появлением антиазиатских настроений среди граждан США [2]. Данная ситуация может сказаться и на значительных финансовых потерях, так как Китай традиционно занимает лидирующее место (более 35 %) по количеству студентов, обучающихся в США, а остальные страны, входящие в ТОП-5, значительно отстают. Так, студенты из Индии составляют около 13 % от общего числа иностранных студентов, из Южной Кореи – 5 %, Канады – 3 %, Саудовской Аравии – 2,7 % [3].

Подобная проблема наблюдается и в Великобритании (является второй страной по доле студентов из Китая – 14,3 % в общей численности китайских студентов, обучающихся за рубежом, и 25 % в структуре иностранных студентов из Китая), где с целью поддержания доли студентов из Китая начинают развиваться различные нетрадиционные форматы обучения, включая онлайн-образование.

Также растет напряжение во взаимоотношениях между Индией и Канадой, где обучается 40 % индийских студентов. Эскалация напряженности и снижение числа иностранных студентов из Индии в Канаде только на 5 % может привести к существенным потерям экономики Канады в 2024 году в 524 млн долл. США [2].

Что касается политики различных стран в отношении поддержания студенческой мобильности, то наравне с Великобританией, значительно увеличившей стоимость визовых услуг, Австралия, наоборот вводит на законодательном уровне меры поддержки и защиты прав иностранных студентов, а Российская Федерация существенно наращивает количество квот Правительства РФ для иностранных обучающихся. Так, в 2021 году было выделено 18 тыс. квот, в 2022 году – 23 тыс. квот, а в 2023 году – 30 тыс. квот [4].

В заключении следует отметить, что мировой рынок услуг высшего образования наиболее сильно подвержен факторам внешней среды и происходящей трансформации геополитического контура. При этом, с одной стороны, для стран это становится определенным триггером для развития национальных систем образования, повышения конкурентных преимуществ и заключения новых партнерских связей, а с другой – может вызвать существенные финансовые потери в случае, если национальная система (и отдельные учреждения высшего образования) не сможет быстро адаптироваться к изменениям мировой экономики.

Приставленный библиографический список

1. Moscovitz H., Harden-Wolfson E. Conceptualising the new geopolitics of higher education // Conceptualising the new geopolitics of higher education. Globalisation Societies and Education. - 2023. doi 10.1080/14767724.2023.2166465.
2. 2023: A transformative year in global education amid policy shifts and geopolitical tensions / MSM Reporter. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://msmreporter.com/2023-a-transformative-year-in-global-education-amid-policy-shifts-and-geopolitical-tensions/>
3. Global Flow of Tertiary-Level Students / Institute for statistics UNESCO. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.
4. К 2023 году Россия увеличит квоту для иностранных студентов до 30 тысяч мест / Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46932/#:~:text=Количество%20мест%2C%20выделяемых%20иностранным%20гражданам,не%20превышала%2018%20тысяч%20мест.>

БАДИ Ашраф

аспирант кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

РУДНЕВА Юлия Ринатовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

РОЛЬ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В УПРАВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

В работе проведен анализ четырех фундаментальных подходов в управлении инновационной деятельности: системного, ситуационного, функционального и проектного, с точки зрения воздействия их применения на результативность инновационной деятельности. Также обсуждается эффективное сопоставление организационных форм инновационной деятельности и подхода к управлению.

Ключевые слова: инновационная деятельность, конкурентоспособность, системный подход, проектный подход, организационные формы инновационной деятельности.

BADI Achraf

postgraduate student of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

RUDNEVA Yuliya Rinatovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

THE ROLE OF THE PROJECT APPROACH IN MANAGING INNOVATION ACTIVITIES OF ENTERPRISES

The work analyzes four fundamental approaches to the management of innovation: systemic, situational, functional and project-based, from the point of view of the impact of their application on the effectiveness of innovation. Effective mapping between organizational forms of innovation and management approach is also discussed.

Keywords: Innovation activity, competitiveness, system approach, project approach, organizational forms of innovation.

Ключевыми для динамики экономических показателей являются факторы интенсивные, реализация которых невозможно без создания и внедрения инновационных процессов и продуктов. Для предприятий внедрение в производство инноваций является достаточно важным направлением, которое определенно оказывает влияние на макроэкономические показатели.

Множество новых решений создаются в рамках бизнеса и предприятий либо еще только намечены к реализации в будущем. Но далеко не каждая новая идея может быть применена в нужном направлении и в необходимых для этого масштабах. Как следствие, это может привести к растрате времени, средств, сил. Появление новшеств на предприятиях позволяет обнаружить противоречия между существующими старыми и свежими нововведениями, между возникающими вновь и отмирающими. Отсюда появляется необходимость в управлении социальными и психологическими составляющими аспектами новшеств. В наши дни, буквально каждое предприятие абсолютно любой отрасли национальной экономики должно быть способно решать задачи изменений и совершенствования своего производства, что безусловно повысит конкурентное преимущество одних компаний перед другими. Цель каждой конкретной инновации определяется конкурентной проблемой, и эта цель должна быть для всех участников одной.

В связи с этим повышается актуальность вопросов, связанных с эффективной организацией инновационных

процессов, обеспечивающей единую направленность деятельности всех участников и рациональное распределение имеющихся ресурсов. Рассмотрим четыре основных подхода: системный, ситуационный, функциональный и проектный.

Системный подход рассматривает предприятие как сложную организационную систему. Направлением составных элементов такой системы признается достижение конкретных заданных целей совершенствования организации. Его отличительной особенностью является учет различных влияющих на управленческое решение факторов, а также исследование их взаимосвязи с развитием инновационной среды. Кроме того, системный подход учитывает синергетический эффект, т.е. взаимное усиление действия различных факторов на результат.

Системный подход позволяет добиться повышения потенциала предприятий в бизнесе, поддерживая научно-исследовательские учреждения, помогает содействию между организациями различной направленности, что в итоге способствует экономическому росту и социальному прогрессу.

Применение **ситуационного** подхода базируется на альтернативности достижения одной и той же цели во время принятия и реализации управленческого решения с учетом непредвиденных обстоятельств. В процессе функционирования предприятия сталкиваются с различными условиями внешней и внутренней среды, что диктует применение разных способов управления объектом. При этом

Таблица 1. Предлагаемое сопоставление подходов к управлению инновациями с организационными формами реализации инновационной деятельности

Организационные формы реализации инновационной деятельности	Подходы к управлению инновациями			
	Функциональный	Системный	Проектный	Ситуационный
Новые фирмы в рамках старых компаний	+	+	+	+
Венчурные фирмы	-	-	+	+
«Инкубаторные программы»	+	+	+	+
Внутрифирменный уровень организации	+	-	+	-
Временные творческие коллективы	-	+	+	+
Консорциум	-	-	+	-
Учредительский центр	-	+	+	+
Центр нововведений	-	+	+	+
Центр промышленной технологии	-	+	+	+
Университетско-промышленный центр	-	+	+	+
Промышленный двор	+	+	+	+
Инженерные центры при университетах	-	+	+	+
Научный парк	+	+	+	+
Технологический парк	+	+	+	+

наибольшую эффективность будет отражать тот метод, который больше всего соответствует данной ситуации, то есть, максимально к ней приближенный. Ситуационный подход реализуется с учетом образующихся в управлении непредвиденных обстоятельств.

Функциональный (функционально-компетентностный) подход по своей сути базируется на функциях управления и процессе принятия решений по управлению инновациями. Поэтому функциональный подход можно интерпретировать как процесс контроля за осуществлением инновационной деятельности посредством функций управления. Для функционального подхода характерна глубокая регламентация процедурных аспектов управления инновациями. Сущность функционального подхода состоит в том, что он представляет собой совокупность функций, которые необходимо выполнить для удовлетворения потребности (создания инновации). Создаются альтернативные объекты для выполнения различных функций, затем выбирается наименее затратный объект. Этот подход должен применяться в совокупности с другими подходами, прежде всего с системным. Современные ведущие фирмы мира, применяя функционально-компетентностный подход, создают совершенно новые оригинальные изделия, максимально удовлетворяющие новые потребности [1].

И наконец, рассмотрим **проектный** подход в управлении инновационной деятельностью на предприятиях. Основной принцип проектного подхода заключается в том, что каждая инновация может быть создана и реализована в рамках конкретного проекта.

Проектный подход к управлению инновационным характеризуется следующим:

1 Определенность. Это осуществляется путем определения цели инновации и ожидаемых результатов.

2 Комплексность, т.е. создаются условия для учёта не только микроэкономических, но также мезо- и макроэкономических.

3 Специальная рабочая группа. Она создается для реализации проекта и включает сотрудников с квалификацией, опытом и подготовкой в соответствии с требованиями проекта. При высокой сложности проекта возможно привлечение более узких специалистов.

4 Точность. Достигается путем установления сроков начала и окончания проекта, выделения ресурсов и определения этапов реализации.

5 Возможность контроля. Проект реализуется через планы поэтапной реализации. Такой поэтапный подход позволяет вносить изменения в организационные планы.

Такой подход предоставляет организации возможность сбора большого количества ресурсов, информации и источников. При создании проекта выделяется рабочая группа специалистов, технические характеристики которых соответствуют требованиям проекта.

Одной из основных характеристик данного подхода является также наличие детального плана реализации инновации, который разбит на этапы. Эти этапы могут использоваться в качестве инструмента контроля реализации проекта, гарантируя, что проект реализуется в соответствии с планом. Также, в случае возрастания сложности в проекте, привлекаются соответствующие специалисты их квалификация с текущими изменениями.

В целом реализация проектов на практике предполагает отбор на конкурсной основе. Проектный подход включает в себя принцип множественных сравнительных вариантов. Эти варианты должны быть сопоставимы.

Вышеперечисленные особенности проектного подхода отражают его реальные преимущества, так как он соот-

ветствует задаче проведения серьезных перемен на предприятии.

На основании проведенного анализа возможности применения подходов к управлению инновациями в различных организационных формах реализации инновационной деятельности была проведена их систематизация и составлена таблица 1.

Выбор подхода к управлению инновациями очень важен для успеха инновационного процесса, а организационная форма субъекта, реализующего инновацию, считается существенным фактором при выборе соответствующего подхода, поскольку различие в организационной форме влияет на этапы внедрения инновации и факторы, влияющие на ход процесса реализации. Как показано в таблице, поскольку цели, методы, компетенции, ресурсы и расположение различаются в зависимости от организационной формы учреждения, невозможно сравнивать цели коммерческих компаний с целями исследовательских центров и университетов, поскольку первая направлена на получение прибыли и доли рынка, а коммерческая осуществимость инноваций считается основным стимулом для внедрения инноваций. Для университетов и государственных научных центров она направлена на достижение социальных целей и повышение благосостояния общества.

Заметим, что функциональный подход и проектный подход больше подходят для инноваций, происходящих внутри компаний и направленных на достижение конкретных целей, тесно связанных с фактором финансовой прибыли, времени и рынка, а также размер компании и ее организационная структура, так как крупные компании стремятся внедрять наибольшее количество инноваций на постоянной основе, и именно это можно реализовать быстрее за счет одного проекта или группы проектов вместе. Лучше применить функциональный подход или проектный подход, так как они наиболее подходят для этих организационных форм. Функциональный подход основан на взаимосвязи различных функций компании. В случае создания совместных мини-компаний между крупными компаниями, данный функциональный подход позволяет установить взаимосвязь между материнской компанией и создаваемой компанией для реализации инновационного процесса.

Проектный подход считается наиболее подходящим для такого типа организационной формы, когда компании реализуют инновации в виде проектов, независимо от основной деятельности. Основным преимуществом проектного подхода является независимость в целях, бюджете, рабочем коллективе и плане работы, независимо от основной деятельности компании.

Можно сказать, что проектный подход применим практически везде, но при реализации инновационных проектов, имеющих конкретные цели и определенные временные ограничения. Он не будет эффективным для фундаментального этапа инновационной деятельности, требующего длительных исследований в различных направлениях с неопределенным результатом.

Системный подход и ситуационный подход могут в значительной степени опираться на организационные формы, направленные на достижение социальных и государственных целей в виде университетов и научно-иссле-

довательских центров. Следует отметить, что любой из них может быть использован для управления инновациями внутри предприятий.

Одним из ключевых преимуществ проектного подхода является его способность объединять межфункциональные команды и заинтересованные стороны из разных отделов организации. Такое сотрудничество гарантирует учет различных точек зрения, что приводит к более инновационным и эффективным решениям. Кроме того, проектный подход помогает выявлять и управлять рисками, связанными с инновационной деятельностью. Разбивая инновационный процесс на более мелкие, управляемые задачи, можно выявить и смягчить потенциальные риски на раннем этапе, что снижает вероятность провала проекта. Кроме того, проектный подход способствует эффективному распределению ресурсов и управлению временем. Это помогает оптимизировать производительность и сократить ненужные задержки.

В заключение можно сказать, что проектный подход является важным инструментом управления и развития инновационной деятельности на предприятиях. Это обеспечивает эффективное сотрудничество, управление рисками, распределение ресурсов и постоянное совершенствование. Применяя проектный подход, предприятия могут расширить свои инновационные возможности и обеспечить устойчивый рост.

Пристатейный библиографический список

1. Полетаев В. Э. Бизнес в России: инновации и модернизационный проект: Монография. - М.: ИНФРА-М, 2018. - 195 с.

БАГРАМ Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПИВКИН Максим Юрьевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛОГУНОВА Анастасия Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЦЕЛИЩЕВА Анастасия Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НОСИК Дмитрий Евгеньевич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА ЧЕРЕЗ БЛОКЧЕЙН И AI: ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Данное исследование освещает роль и влияние блокчейна и искусственного интеллекта (AI) на глобальный энергетический ландшафт. Статья разглядывает ключевые инновации и вызовы, связанные с применением этих технологий в энергетике, акцентируя внимание на улучшении управления энергоресурсами, повышении прозрачности операций и исследовании новых путей для инноваций. Анализируя примеры из разных стран, статья оценивает как текущее применение, так и будущий потенциал блокчейна и AI в улучшении эффективности и безопасности энергетического сектора.

Ключевые слова: трансформация энергетического сектора, блокчейн в энергетике, AI и энергетика, глобальные тенденции в энергетике, инновационные энергетические технологии, управление энергоресурсами, безопасность энергетических систем, эффективность энергопотребления.

BAGRAM Alina Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PIVKIN Maxim Yurjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LOGUNOVA Anastasiya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TSELISHCHEVA Anastasiya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NOSIK Dmitriy Evgenjevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION OF THE ENERGY SECTOR THROUGH BLOCKCHAIN AND AI: GLOBAL PERSPECTIVES AND CHALLENGES

This study highlights the role and impact of blockchain and artificial intelligence (AI) on the global energy landscape. The article examines the key innovations and challenges associated with the application of these technologies in the energy sector, focusing on improving energy management, increasing transparency of operations and exploring new ways for innovation. Analyzing examples from different countries, the article evaluates both the current application and the future potential of blockchain and AI in improving the efficiency and security of the energy sector.

Keywords: transformation of the energy sector, blockchain in energy, AI and energy, global trends in energy, innovative energy technologies, energy resource management, security of energy systems, energy efficiency.

Цифровые технологии, такие как блокчейн и искусственный интеллект (AI), оказывают значительное влияние на энергетический сектор. Блокчейн предлагает новаторские решения для управления и распределения энергоресурсов, обеспечивая прозрачность и надежность транзакций. Эта технология позволяет отслеживать происхождение энергии, что особенно важно при переходе к возобновляемым источникам. Кроме того, блокчейн может улучшить торговлю энергией, облегчая прямые сделки между производителями и потребителями.

Искусственный интеллект способствует оптимизации потребления и производства энергии, повышая общую эффективность и снижая затраты. AI используется для анализа больших данных о потреблении энергии, позволяя пред-

сказывать спрос и оптимизировать распределение ресурсов. Также он играет ключевую роль в разработке интеллектуальных энергосистем, которые автоматически адаптируются к изменениям в потреблении и производстве.

Примеры успешного внедрения этих технологий можно найти по всему миру. В некоторых странах блокчейн-платформы уже используются для управления энергосетями и торговли энергией. В то же время AI помогает энергокомпаниям улучшать прогнозы и обеспечивать более надежное и эффективное производство и распределение энергии.

Однако существуют и вызовы. Например, внедрение блокчейна в энергетические системы требует значительных инвестиций и технических изменений. Кроме того, существуют вопросы безопасности и масштабируемости, которые необходимо

решить. По поводу AI вызывают беспокойство вопросы конфиденциальности и безопасности данных, а также потребность в больших объемах данных для обучения алгоритмов [3].

Несмотря на эти вызовы, потенциал блокчейна и AI в энергетике остается огромным, особенно в контексте стремления к устойчивому развитию и уменьшению воздействия на окружающую среду. Эти технологии обещают сделать энергетические системы более эффективными, надежными и доступными для потребителей по всему миру [5].

Блокчейн, как инновационная технология, предлагает ряд преимуществ для энергетического сектора. Он позволяет обеспечить прозрачность и безопасность транзакций, что критически важно для сферы, где оборот составляет миллиарды долларов. Например, исследование, проведенное Ernst & Young, показало, что внедрение блокчейна в энергетику может снизить операционные издержки до 30%. Блокчейн также способствует децентрализации рынка энергии, позволяя потребителям и производителям напрямую взаимодействовать, минуя посредников. Это может привести к снижению цен на электроэнергию для конечных потребителей [2].

Искусственный интеллект (AI) в энергетике обеспечивает повышение эффективности и оптимизацию процессов. AI может прогнозировать спрос и предложение в энергетике, что позволяет более эффективно распределять ресурсы. Например, компания Google использовала машинное обучение для оптимизации работы своих центров обработки данных, снизив расход энергии на охлаждение на 40%. Кроме того, AI способен обеспечивать мониторинг и техническое обслуживание энергетических сетей, предотвращая аварии и сбои в их работе, что повышает надежность и безопасность энергоснабжения [1].

Однако, несмотря на перспективы, эти технологии сталкиваются с определенными препятствиями. В случае блокчейна, это сложности интеграции с существующими системами и правовыми нормами. А для AI основными барьерами являются этические и конфиденциальные вопросы, связанные с обработкой больших объемов данных. К тому же инвестиции в эти технологии требуют значительных начальных затрат и времени на внедрение.

В эру цифровизации экономики, цифровая энергетика трансформирует не только технологический ландшафт, но и компетенции, подходы к рыночным структурам и их участникам. В России развивается новый электроэнергетический сектор с уникальными методами производства и управления генерационными объектами и электросетями, адаптируясь к текущим реалиям.

Одним из прорывов в современной экономике является блокчейн. Эта технология состоит из цепочек блоков с зашифрованной информацией, распределенной между множеством компьютеров. Она обеспечивает прозрачность и надежность данных. Например, в 2018 году Росреестр использовал блокчейн для регистрации договоров, повышая эффективность и безопасность процессов [4].

В энергетике блокчейн может обеспечить точную верификацию данных о потреблении ресурсов, повышая эффективность и снижая риски мошенничества. Однако экономическая целесообразность и уровень доверия к этой технологии в энергетике еще предстоит оценить.

Искусственный интеллект (AI) также играет ключевую роль в оптимизации энергетической отрасли. Он помогает в экономии ресурсов, управлении «умными» домами и городами, обеспечивает эффективную транспортировку энергии и снижает аварийность в энергетических сетях. AI может использоваться для добычи ресурсов в сложных условиях и предотвращения несанкционированного доступа к энергетическим сетям.

Итак, энергетика, традиционно консервативная область, стоит на пороге изменений, обусловленных внедрением AI и блокчейна. Эти технологии предлагают новые возможности для повышения эффективности, оптимизации расходов и времени, а также для улучшения работы в целом.

В Европе, например, блокчейн активно используется для создания децентрализованных энергетических сообществ. Проекты вроде Brooklyn Microgrid в Нью-Йорке демонстрируют, как жители могут продавать излишки энергии, произведенной солнечными панелями, своим соседям через платформу на базе блокчейна. Это не только повышает эффективность использования возобновляемых источников энергии, но и способствует укреплению местных экономических связей.

В области искусственного интеллекта, компании вроде DeepMind (подразделение Google) демонстрируют потенциал AI в оптимизации потребления энергии. Их алгоритмы способны предсказывать потребление энергии и оптимизировать работу ветряных электростанций, что увеличивает их эффективность и снижает затраты.

Сингапур является еще одним примером, где правительство активно инвестирует в проекты искусственного интеллекта для управления городской инфраструктурой, включая энергетику. Проекты, направленные на создание «умных» городов, используют AI для управления потоками энергии и оптимизации распределения ресурсов, что улучшает общую энергоэффективность городской среды.

В Китае также активно внедряются AI-решения для мониторинга и управления энергетическими сетями, что позволяет своевременно обнаруживать и устранять неполадки, сокращая время простоя и повышая надежность энергоснабжения.

Международный опыт применения блокчейна и AI в энергетике уже приводит к значительным положительным изменениям. Однако необходимо учитывать, что успех этих технологий зависит от многих факторов, включая правовую и экономическую среду, уровень технологического развития и общественное восприятие.

Цифровая трансформация в энергетике, включая внедрение блокчейна и искусственного интеллекта, открывает новые горизонты для оптимизации и совершенствования отрасли. Эти технологии предлагают улучшенное управление ресурсами, повышенную эффективность и снижение операционных затрат. Несмотря на некоторые вызовы, связанные с внедрением и интеграцией, их потенциал и значительные преимущества делают их ключевыми элементами для будущего развития и устойчивости энергетической отрасли.

Приставленный библиографический список

1. Here's how AI will accelerate the energy transition / World Economic Forum. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2021/09/this-is-how-ai-will-accelerate-the-energy-transition/>
2. Волкова Ю. С. Большие данные в современном мире. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2016. - Т. 11. - С. 1171-1172
3. Блокчейн в российской энергетике: преимущества и перспективы цифровизации отрасли - Bits Media. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bits.media/blokcheyn-v-rossiyskoy-energetike-preimushchestva-i-perspektivy-tsifrovizatsii-otrasli/>
4. Синяк Н. Г., Каклаускас А., Зинькина Д. В., Хабиб А., Шариф Н., Бондаренко А. В. Использование больших данных в оценке экономического потенциала организаций. // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. - 2015. - № 7. - С. 287
5. Статья «Bigdata: The next frontier for innovation, competition and productivity». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/big-data-the-next-frontier-for-innovation>.

ДОНСКОЙ Василий Андреевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИМАК Александр Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОРОЗОВА Анжелика Альбертовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРИМАК Владислав Вадимович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КУЧУК Максим Игоревич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ С ПОМОЩЬЮ БЛОКЧЕЙНА: СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Эта статья исследует инновационные цепочки блоков, их текущее состояние и потенциал для трансформации различных секторов, а также изучает стратегии нормативного управления. Основное внимание уделяется принципам работы цепочек блоков, их влиянию на прогресс цифровой экономики, а также обсуждению стратегий стандартизации и нормативного управления, необходимых для их интеграции и эффективного использования в разнообразных отраслях. Анализируются вызовы, связанные с несовместимостью различных систем цепочек блоков, и рассматриваются трудности, с которыми сталкиваются законодатели и технологические специалисты в процессе стандартизации и законодательного урегулирования этой технологии.

Ключевые слова: цепочки блоков, криптовалюты, нормативное управление, стандартизация, цифровая экономика, технологический прогресс, законодательство, безопасность информации, экономические возможности, инновации.

DONSKOY Vasily Andreevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PRIMAK Alexander Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOROZOVA Angelika Albertovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PRIMAK Vladislav Vadimovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KUCHUK Maxim Igorevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION USING BLOCKCHAIN: INTEGRATION STRATEGIES AND LEGAL ASPECTS

This article explores innovative block chains, their current state and potential for transformation of various sectors, as well as examines regulatory management strategies. The main focus is on the principles of block chains, their impact on the progress of the digital economy, as well as discussion of standardization and regulatory management strategies necessary for their integration and effective use in a variety of industries. The challenges associated with the incompatibility of various block chain systems are analyzed, and the difficulties faced by legislators and technology specialists in the process of standardization and legislative regulation of this technology are considered.

Keywords: block chains, cryptocurrencies, regulatory management, standardization, digital economy, technological progress, legislation, information security, economic opportunities, innovations.

В последнее десятилетие цепочки блоков, изначально ассоциированные с криптовалютами вроде Биткойна, вышли за рамки финансовой индустрии, превратившись в ключевую технологию, способную радикально преобразовать множество отраслей от здравоохранения до юриспруденции. Этот технологический прорыв предлагает уникальные преимущества в виде повышенной безопасности, прозрачности и эффективности обработки данных. Особое значение цепочки блоков приобрели в контексте цифровой экономики, предлагая новаторские решения для управления данными и транзакциями.

С другой стороны, растущее проникновение этой технологии ставит перед обществом и законодателями новые вы-

зовы. Основная проблематика заключается в необходимости разработки стандартов и правовых рамок, которые бы позволили максимально раскрыть потенциал блокчейна, при этом обеспечивая защиту прав пользователей и безопасность данных. Такие вопросы, как несовместимость различных блокчейнов и регулирование криптовалютных операций, требуют всестороннего анализа и разработки эффективных решений.

В этом контексте важно учитывать, что цепочки блоков представляют собой не только технологическую инновацию, но и новую экономическую парадигму, которая может радикально изменить существующие бизнес-модели и правовые

подходы. Передовые страны уже активно внедряют блокчейн в государственное управление, здравоохранение и образование, демонстрируя положительные результаты этой интеграции. Это подчеркивает необходимость глобального сотрудничества и обмена знаниями для разработки универсальных стандартов и законодательных решений в области блокчейн-технологий.

Blockchain, переводящееся с английского как «цепочка блоков», представляет собой уникальную технологию, служащую для создания распределенного реестра. Этот реестр эффективно управляет хранением, передачей и учетом информации. Основной принцип блокчейна заключается в том, что каждый новый блок данных, содержащий информацию о транзакциях, последовательно встраивается в цепочку предыдущих блоков, образуя постоянно растущую структуру.

Работа блокчейна основана на принципах прозрачности и децентрализации. Например, при осуществлении транзакции, участники системы могут анализировать ее хронологию, подтверждая право владения активами и их передачу. После проверки, при отсутствии нарушений, транзакция фиксируется в блокчейне. Важной особенностью является то, что вся цепочка данных хранится на компьютерах участников системы, что обеспечивает ее распределенный и открытый характер.

Сфера применения блокчейна значительно расширилась после появления криптовалют, особенно Биткойна. Сегодня эта технология находит применение в самых различных областях, от финансов и страхования до здравоохранения и интеллектуальной собственности [1, с. 143-155].

В государственных учреждениях блокчейн применяется для упрощения обработки документов, например, при подсчете результатов голосования, благодаря чему снижаются административные затраты.

В здравоохранении технология блокчейна решает проблему фрагментации информации о пациентах, объединяя данные из разных источников в единую систему. Это упрощает взаимодействие между врачами и пациентами, обеспечивая доступ ко всей истории болезни из любой точки мира.

В области интеллектуальной собственности блокчейн помогает авторам защищать свои права и получать вознаграждение за свои труды. Например, инициативы вроде Open Music Initiative позволяют авторам музыки получать справедливое вознаграждение за свое творчество.

Тем не менее, вопросы законодательного регулирования использования блокчейна остаются актуальными. Например, в России еще не существует специальных нормативных актов, регулирующих применение этой технологии, что создает определенные правовые риски и неопределенности. Учитывая быстрое распространение блокчейн-технологий, необходимо разрабатывать соответствующие законодательные механизмы для их эффективного и безопасного использования [4, с. 27-32].

На текущем этапе развития блокчейн представляет собой не только основу для криптовалют, но и мощный инструмент для обеспечения прозрачности, безопасности и эффективности в различных секторах.

Фактически, согласно отчету Gartner, общий объем добавленной стоимости, создаваемой блокчейном, к 2030 году оценивается в 3.1 триллиона долларов США. Это подчеркивает огромный экономический потенциал технологии. Однако для реализации этого потенциала требуется эффективное правовое регулирование [6].

С точки зрения правового регулирования, основным вызовом является динамичность и технологическая сложность блокчейна. Традиционные правовые системы часто не могут поспевать за быстро меняющимися технологиями. Например, вопросы, связанные с правами на данные и их использованием в блокчейне, все еще находятся в стадии обсуждения во многих юрисдикциях.

Более того, существующая проблема несовместимости между разными блокчейнами создает дополнительные трудности. Например, исследование, проведенное IBM, показало, что 66 % банков ожидают ширококомасштабное внедрение

блокчейна в течение трех лет, но столкнулись с проблемой интеграции с существующими системами [5].

Стандартизация, как одно из возможных решений, может сыграть ключевую роль в облегчении внедрения блокчейна. Примером успешной стандартизации является разработка ISO/TC 307, которая охватывает стандарты для блокчейна и распределенных реестровых технологий [5].

Тем не менее, возможность стандартизации также подвергается критике. Критики указывают на то, что стандартизация может ограничить инновационный потенциал блокчейна, фиксируя определенные технические и операционные параметры.

В контексте развития блокчейн-технологий, будущее правового регулирования остается неопределенным, однако возможны несколько направлений. Одним из путей может стать создание отдельного законодательного акта или формирование новой отрасли права, специально посвященной блокчейн-технологиям. Альтернативой является внесение изменений в существующее законодательство, дополняя его специфическими нормами для регулирования блокчейна. Однозначного ответа на вопрос о предпочтительном пути пока нет, учитывая отсутствие установившихся стандартов и типовых решений в этой области.

Важным аспектом в интеграции блокчейна в современное цифровое пространство является проблема многообразия и несовместимости существующих блокчейнов. Ожидается, что процесс стандартизации способен содействовать совместимости новых блокчейн-технологий с традиционными информационными системами. Хотя стандарты не могут полностью заменить законодательное регулирование, они могут стать критически важным этапом на пути к созданию адекватной правовой базы, соответствующей требованиям цифровой реальности. В отличие от жестких законодательных норм, стандарты рассматриваются как более гибкие и общие руководящие принципы.

Создание стандартов может ускорить интеграцию блокчейн-технологий в повседневную жизнь, облегчая путь для их эффективного применения и предотвращая риски, связанные с их неправильным использованием. Этот процесс требует внимательного рассмотрения и сбалансированного подхода, чтобы обеспечить гармоничное сочетание гибкости стандартов и строгости законодательного регулирования.

Для полноценного использования возможностей блокчейна и минимизации рисков требуется комплексный подход, включающий как правовое регулирование, так и техническую стандартизацию. Это должно сопровождаться активным диалогом между законодателями, технологическими экспертами и отраслевыми игроками, чтобы обеспечить устойчивое и эффективное развитие технологии блокчейна.

Пристатейный библиографический список

1. Былинкина Е. В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 143-155.
2. Свон М. Блокчейн: схема новой экономики // Пер. с англ. – М.: ОлимпБизнес (Библиотека Сбербанка. Т. 69). – 2017. – С. 24.
3. Минбалеев А. В., Сафронов Е. Г. Правовая природа блокчейн // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2018. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-blokcheyn>.
4. Алексеев Р. А. Перспективы и проблемы применения технологии блокчейн на выборах в России и за рубежом // Русская политология. – 2018. – № 4 (9). – С. 27-32.
5. Кейси Майкл Дж., Винья, Пол. Возраст криптовалют: Как Биткойн и Блокчейн меняют мировую экономику / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019.
6. Константинова В. Н. Блокчейн в цифровой экономике: перспективы развития и правовые аспекты // Журнал «Право и экономика». – 2019. – № 6. – С. 22-30.

Ли Линьлин

старший преподаватель, Хэйхэйский университет

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Данная работа публикуется в рамках научного проекта фундаментально-операционных расходов исследований в области высшего образования провинции Хэйлунцзян 2021 года на тему «Исследование пути строительства китайско-российской зоны трансграничного туристического сотрудничества в провинции Хэйлунцзян в постэпидемическую эпоху», номер проекта: 2021-KYYWF-0712

Зона трансграничного туристического сотрудничества - это новый способ развития приграничного туризма в новую эпоху, который представляет собой уникальный способ интеграции высококачественных туристических ресурсов в приграничных районах двух стран и совместного разграничения определенной территории для развития туризма на основе стабильных и гармоничных международных отношений. Китайско-российская приграничная зона - один из самых ранних регионов Китая, где началось трансграничное туристическое сотрудничество. Настоящая статья начинается с анализа проблем, существующих в строительстве зоны трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией, и предлагает соответствующие контрмеры для их решения. Статья публикуется в рамках научного проекта фундаментально-операционных расходов исследований в области высшего образования провинции Хэйлунцзян 2021 года на тему «Исследование пути строительства китайско-российской зоны трансграничного туристического сотрудничества в провинции Хэйлунцзян в постэпидемическую эпоху», номер проекта: 2021-KYYWF-0712.

Ключевые слова: Китай-Россия, зона трансграничного туристического сотрудничества, приграничный туризм.

Li Linlin

senior lecturer, Heihe University

SOME PROBLEMS OF CREATING A ZONE OF CROSS-BORDER TOURISM COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA

The zone of cross-border tourism cooperation is a new way of developing cross-border tourism in a new era, which is a unique way of integrating high-quality tourist resources in the border areas of the two countries and jointly delimiting a certain territory for the development of tourism based on stable and harmonious international relations. The Sino-Russian border zone is one of the earliest regions of China where cross-border tourism cooperation began. This article begins with an analysis of the problems existing in the construction of a cross-border tourism cooperation zone between China and Russia, and suggests appropriate countermeasures to solve them. The article is published as part of the scientific project of fundamental and operational expenses of research in the field of higher education in Heilongjiang Province in 2021 on the topic «Research on the way to build a Sino-Russian zone of cross-border tourism cooperation in Heilongjiang Province in the post-epidemic era», project number: 2021-KYYWF-0712.

Keywords: China-Russia, cross-border tourism cooperation zone, cross-border tourism.

С дальнейшей реализацией инициативы «Пояс и путь» строительство зон трансграничного туристического сотрудничества постепенно становится центром внимания в приграничных районах. В декабре 2015 года Государственный совет издал Мнения о ряде политик и мер по поддержке развития и открытия ключевых приграничных районов, в которых предлагается создать зоны трансграничного туристического сотрудничества. Подписание Китаем, Монголией и Россией в 2016 году «Набросков плана строительства экономического коридора Китай-Монголия-Россия» дало китайско-российскому трансграничному туристическому сотрудничеству больше возможностей для развития на основе экономического коридора Китай-Монголия-Россия. План развития китайско-российского сотрудничества в Дальневосточном федеральном округе на 2018 год (2018-2024 годы) еще более углубил развитие китайско-российского трансграничного туристического сотрудничества.

Зона трансграничного туристического сотрудничества – это новый путь и носитель для развития приграничного туризма, а также важная инициатива государства по поддержке развития приграничных территорий, укреплению

внешних обменов, развитию гражданского взаимодействия и достижению процветания границы на основе гармоничных и стабильных приграничных отношений. С одной стороны, создание зон трансграничного туристического сотрудничества позволило эффективно решить проблему длительного фрагментарного и хаотичного состояния трансграничного туристического сотрудничества и способствовало стандартизированному и устойчивому развитию трансграничного туристического сотрудничества. С другой стороны, оно открыло новый способ приграничного экономического сотрудничества, способствующий экономическому и социальному развитию границ, повышению занятости и улучшению геоэкономической ситуации.

1. Проблемы строительства зон трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией.

1.1 Необходимо срочно решить проблему мобильности факторов спроса и предложения.

Зоны трансграничного туристического сотрудничества – это не только реинтеграция и развитие уникальных приграничных ресурсов, но и продолжение приграничной

экономической и торговой деятельности, а также одно из углубляющихся проявлений приграничного экономического сотрудничества. Суть зоны трансграничного туристического сотрудничества должна заключаться в «безграничной туристической зоне», функционирование которой основано на свободном движении всех элементов туристической индустрии. Свободный поток туристов может расширить туристический спрос, а многообразие туристических предложений может способствовать эффективной реализации проектов и строительству туристических объектов в Зоне. Только когда в Зоне будет реализован свободный поток факторов спроса и предложения, она станет «безграничным регионом туризма» в подлинном смысле этого слова.

1.2 Существует острая необходимость в развитии ключевых компетенций в продукции Кооперативного региона.

Зоны трансграничного туристического сотрудничества используют трансграничные границы в качестве средства передвижения, а восприятие различных культурных впечатлений – в качестве основной достопримечательности, через материализованный образ туристического продукта, позволяя туристам получить различные туристические впечатления в один и тот же период времени в безбарьерных условиях, что отличается от традиционной туристической деятельности. Ключ к реализации этого изменения сценария лежит в творческом подходе и разработке продуктов в зоне сотрудничества. Поэтому туристические продукты в зоне сотрудничества должны быть ориентированы на рынок, подчеркивая культурные различия при разработке основных маршрутов.

1.3 Настоятельная необходимость достижения консенсуса по вопросам гармонизации и применимости законов в Зоне.

Формы туризма в зонах трансграничного туристического сотрудничества более сложны. В отличие от прошлого, когда в приграничном туризме преобладал групповой выездной туризм, механизм трансграничного туризма распространяется от приграничной зоны одной страны до конкретного региона между двумя соседними странами. В регионе существуют различные правовые системы, которые применяются только на территории страны пребывания. «Зона трансграничного туристического сотрудничества должна основываться на единой и скоординированной системе правового сотрудничества для поддержания рыночного нормативного порядка в зоне и обеспечения законных прав и интересов отечественных и иностранных туристов» [5]. Поэтому соответствующим ведомствам двух стран необходимо проводить консультации по вопросам сотрудничества и применения международных законов, а местным органам власти – регулярно обобщать конкретные правовые вопросы, возникающие в зоне сотрудничества, и формировать регулярные методы и мнения для решения проблем. В то же время она может опираться на существующую сервисную платформу для предоставления правовой информации и сервисных функций и обеспечить стабильную и стандартизированную систему юридического обслуживания для зоны трансграничного туристического сотрудничества как в плане юридического сотрудничества, так и в плане коммуникационных услуг.

1.4 Неадекватные механизмы обмена информацией о туристическом рынке в зоне сотрудничества.

Между приграничными регионами Китая и России в целом, а также между соответствующими приграничными

регионами Китая и России до сих пор не сформирован региональный общий механизм обмена рыночной информацией, включающий данные и информацию, связанные со строительством индустрии трансграничного туризма в каждом регионе, кредитные файлы инвестиционных предприятий и т.д. Регионам трудно эффективно продвигать друг друга и развиваться вместе из-за асимметричной рыночной информации, что наносит ущерб продвижению строительства рынка трансграничного туризма между Китаем и Россией и совместному развитию индустрии трансграничного туризма Китая и России в каждом регионе.

2. Меры противодействия строительству зоны трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией.

2.1 Совершенствование механизма сотрудничества в сфере интернет-туризма.

«При создании зон трансграничного туристического сотрудничества правительства Китая и России могут подражать механизму двусторонних правительств Китая и Вьетнама с помощью платформы интернет-сотрудничества GMS» [2]. Правительства Китая и России создали публичные интернет-платформы для увеличения продаж онлайн-продуктов и содействия продажам туристических продуктов в Китае и России. С помощью публичной интернет-платформы обнарудутся различные льготные условия, которыми могут воспользоваться предприятия приграничного туризма; четко прописаны процедуры и процессы таможенного въезда и выезда на границе между двумя странами; поощряется передача информации и обмен ею между предприятиями приграничного туризма двух стран. С помощью общественной интернет-платформы правительства Китая и России осуществляют онлайн-наблюдение за туристическими предприятиями. Проводится работа по устранению барьеров на пути трансграничного туризма между Китаем и Россией за счет открытых, справедливых и прозрачных интеллектуальных услуг. Одним словом, правительства Китая и России совершенствуют механизм сотрудничества в сфере интернет-туризма, который играет вспомогательную роль в создании зон трансграничного туристического сотрудничества.

2.2 Совместное создание специальных туристических продуктов и укрепление совместных маркетинговых усилий китайских и российских туристических предприятий.

Сочетание региональных особенностей и разработка туристических продуктов и проектов в соответствии с местными условиями способствует улучшению туристического опыта туристов и увеличению продолжительности пребывания в дестинации, что, в свою очередь, приведет к росту туристического потребления и доходов. Строительство зон приграничного туристического сотрудничества должно стать прорывом в совместном развитии туристических маршрутов, расширении масштабов туристических продуктов и обогащении системы поставок туристических продуктов, появлении единого туристического бренда во внешней рекламе, а также разработке дифференцированных и взаимодополняющих туристических продуктов для внутрирегионального туристического рынка. Туристические предприятия должны: наращивать усилия по разработке специальных туристических продуктов и обогащать культурный подтекст туристических продуктов; полностью изучить региональные ресурсы куль-

турного туризма, уточнить позиционирование культурного туризма, подчеркнуть региональные культурные особенности, рассказать культурные истории, создать позитивные впечатления от культурного туризма; а также избежать однородности и конкуренции на низком уровне в туристических продуктах [3].

Ускорение создания туристического бренда и укрепление совместного туристического маркетинга. «Создание туристического бренда – это ключ к повышению конкурентоспособности трансграничного туристического сотрудничества, увеличению доходов от туризма и достижению высокого качества развития зон трансграничного туристического сотрудничества. Брендинг трансграничного туристического сотрудничества должен быть основан на сортировке региональных туристических ресурсов и выделении генов и ценностных коннотаций регионального туристического бренда, чтобы сформировать единый и отличительный образ туристического бренда, туристическую тему и туристический логотип» [6]. Целесообразно также проводить работу по: укреплению совместного маркетинга туристических брендов и углублению инновационных маркетинговых инструментов для туристического рынка, таких, как: маркетинг отношений, сетевой маркетинг, событийный маркетинг и трансграничный маркетинг, на основе традиционных инструментов туристического маркетинга, с акцентом на интеграцию каналов, стратегий, контента, технологий, больших данных и других составных элементов.

2.3 Создание надежной системы регионального сотрудничества.

Зона трансграничного туристического сотрудничества – это высокорегиональная, комплексная и широкомасштабная территория. Поэтому «зоны приграничного туристического сотрудничества нуждаются в экономической, политической и культурной поддержке для преодоления препятствий на пути их развития» [4]. Эти собственные барьеры не могут быть решены только за счет государственной поддержки. Зоны трансграничного туристического сотрудничества должны быть основаны на туристических предприятиях и в полной мере учитывать роль туристических предприятий на туристическом рынке. Это делается для того, чтобы: «улучшить распределение ресурсов туризма и в полной мере использовать роль регионального сотрудничества путем укрепления отношений регионального сотрудничества и обогащения системы регионального сотрудничества» [1]. Правительство должно приложить большие усилия для привлечения средств и иностранных инвестиций, чтобы повысить экономическую мощь зоны приграничного туристического сотрудничества и продвигать проекты зоны туристического сотрудничества. Туристические предприятия должны прилагать большие усилия для сотрудничества в реализации государственной политики, укрепления отношений регионального сотрудничества и стимулирования жизнеспособности рынка, чтобы зона туристического сотрудничества в целом могла достичь ожидаемых преимуществ.

2.4 Усилить подготовку персонала в сфере туризма.

Туристские таланты – это интеллектуальная поддержка развития зон трансграничного туристического сотрудничества, а также ключ к улучшению качества туристических услуг и впечатлений туристов в зонах приграничного туристического сотрудничества. Поскольку трансграничное тури-

стическое сотрудничество затрагивает большое количество стран, различные истории и культуры, национальности и религии, требования к туристическим талантам в основном включают в себя языковые навыки общения, культурную грамотность для содействия общению между людьми, а также профессиональные навыки и способности к применению с учетом международной перспективы. Подготовка туристических талантов – это долгосрочный и непрерывный образовательный процесс, который должен сочетать в себе школьное образование и непрерывное обучение, а также фокусироваться на двусторонних обменах и взаимодействии между персоналом.

Пристатейный библиографический список

1. Ван И-Е. Исследование развития китайско-российского приграничного туризма в провинции Хэйлунцзян [D]. Магистерская диссертация Муданьцзянского нормального колледжа. – 2020: 19.
2. Ли Фэй. Зона трансграничного туристического сотрудничества: новая модель развития приграничного туризма в освоении [J]. Наука туризма. – 2013 (10): 15-19.
3. Ли Сюэ. Обсуждение строительства китайско-российской зоны трансграничного туристического сотрудничества [J]. Внешняя торговля и экономика. – 2018 (2): 32-35.
4. Сунь Шихань. Исследование китайско-российского приграничного туристического сотрудничества в контексте высококачественного совместного строительства «Одного пояса и одного пути» [D]. Магистерская диссертация Харбинского нормального университета. – 2023: 21.
5. Ху Фушэн. Размышления о строительстве зоны трансграничного туристического сотрудничества в контексте инициативы «Пояс и путь» [J] // Журнал туризма. – 2017 (5). – С. 1-3.
6. Чжан Гуаньюй, Шэнь Синцзюй, Лю Сусанна. Исследование международного регионального туристического сотрудничества в контексте строительства Экономического пояса Шелкового пути [J] // Журнал Сычуаньского нормального университета (издание по общественным наукам). – 2015 (3). – С. 53-58.

МАГЗЯНОВ Владислав Петрович

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЦЕЛИЩЕВА Татьяна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БОТВИНКО Диана Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЮРКЕВИЧ Эвелина Александровна

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДОВГУШЕВА Анна Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АДАПТАЦИЯ СБЕРБАНКА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СТРАТЕГИИ И РЕШЕНИЯ

В данном исследовании рассматривается, как Сбербанк, ведущий финансовый институт России, адаптируется к изменяющейся глобальной экономической ситуации и политическим вызовам. Акцентируется внимание на его стратегических переменах, направленных на укрепление стабильности банка через инвестирование в государственные облигации и активную поддержку малого и среднего бизнеса. Освещаются реакции на текущие геополитические события, включая международные санкции и последствия пандемии COVID-19, а также анализируется, как эти события повлияли на инвестиционный портфель и общую стратегию Сбербанка, подчеркивая его роль как надежного игрока в условиях экономических и политических вызовов.

Ключевые слова: Сбербанк, стратегическая адаптация, глобальные экономические изменения, политические вызовы, государственные облигации, поддержка бизнеса, малый и средний бизнес, стабильность в финансовом секторе, банковский сектор России, пандемия COVID-19.

MAGZYANOV Vladislav Petrovich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TSELISHCHEVA Tatyana Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BOTVINKO Diana Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YURKEVICH Evelina Alexandrovna

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DOVGUSHEVA Anna Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SBERBANK'S ADAPTATION TO THE NEW ECONOMIC REALITY: STRATEGIES AND SOLUTIONS

This study examines how Sberbank, Russia's leading financial institution, is adapting to the changing global economic situation and political challenges. Attention is focused on its strategic changes aimed at strengthening the stability of the bank through investing in government bonds and actively supporting small and medium-sized businesses. It highlights reactions to current geopolitical events, including international sanctions and the consequences of the COVID-19 pandemic, and analyzes how these events have affected Sberbank's investment portfolio and overall strategy, emphasizing its role as a reliable player in the face of economic and political challenges.

Keywords: Sberbank, strategic adaptation, global economic changes, political challenges, government bonds, business support, small and medium-sized businesses, stability in the financial sector, the Russian banking sector, the COVID-19 pandemic.

Современный экономический и политический ландшафт мира, особенно в контексте последних лет, представляет собой мозаику постоянно меняющихся вызовов и возможностей. В этих условиях ключевыми игроками, чьи стратегии и решения оказывают значительное влияние на экономическую стабильность и развитие, являются крупные финансовые институты. Особое внимание заслуживает Сбербанк России, который играет важнейшую роль в финансовой системе страны. Этот банк не просто отражает, но и активно участвует в формировании экономической повестки страны, адаптируясь к меняющимся условиям внутреннего и международного характера.

Сбербанк, столкнувшись с рядом серьезных вызовов, таких как международные экономические санкции, геополитические напряжения и последствия мировой пандемии COVID-19, демонстрирует уникальную способность к стратегической адаптации и инновациям. Это включает переориентацию на государственные облигации и усиление поддержки малого и среднего бизнеса, что является ключевым элементом его стратегии устойчивого развития. Такой подход не только помогает банку минимизировать риски, связанные с

нестабильностью рынка, но и способствует экономическому росту и социальной стабильности в России. Эта гибкость и способность к адаптации делают Сбербанк важным участником не только в банковском секторе, но и в широком контексте экономической политики страны.

Международная инвестиционная позиция (МИП) банковского сектора России является ключевым элементом общей МИП страны, представляя собой подробный статистический отчет о величине иностранных активов и обязательств российского банковского сектора за определенный период. В составе МИП банковского сектора выделяются такие компоненты, как прямые и портфельные инвестиции, производные финансовые инструменты и другие формы инвестиций. Эти элементы присутствуют как в активах, так и в обязательствах сектора [1].

Анализируя чистую МИП банковского сектора РФ, можно отметить, что она остается положительной, занимая значительную долю относительно иностранных активов российских банков. Это указывает на склонность российских банков к более активному размещению средств в иностранных активах по сравнению с иностранными банками, инвестирующими

ми в российские активы. Подобное распределение обусловлено высоким уровнем риска, связанным с вложениями в российскую экономику, что влияет на инвестиционную привлекательность этих активов для иностранных инвесторов.

В структуре МИП банковского сектора РФ наблюдается интересное распределение элементов. В активах преобладают такие позиции, как кредиты (43%) и депозиты (21%), в то время как в обязательствах доминируют депозиты (53%) и прямые инвестиции (14%), а кредиты практически отсутствуют. Это говорит о предпочтениях иностранных банков к инвестированию в капитал российских предприятий и нежелании предоставлять кредиты российским банкам из-за потенциальных рисков [2].

Интересный момент касается инвестиционной привлекательности России для иностранных банков. Несмотря на высокие ставки по депозитам и возможности инвестирования в капитал предприятий, существует значительный риск неплатежеспособности, усилившийся в связи с введением санкций в 2022 году. Это привело к заморозке активов российского банковского сектора и потенциально может вызвать отказ иностранных банков платить по кредитам или возвращать депозиты. В таком случае Россия может рассмотреть возможность заморозки депозитов иностранных банков, особенно если они принадлежат банкам из недружественных стран.

В последние годы российская экономика столкнулась с рядом вызовов, включая введение международных санкций, изменения в мировых ценах на энергоносители и пандемию COVID-19, что оказало существенное влияние на банковский сектор. Эти факторы спровоцировали рост волатильности на финансовых рынках и повысили риски для банковских инвестиций.

Сбербанк, как крупнейший банк в России, адаптировал свою стратегию под эти изменения. Например, акцент на инвестициях в государственные облигации обусловлен не только стремлением к сохранности капитала, но и реакцией на нестабильную экономическую среду. Также стоит отметить, что доля Сбербанка в кредитовании малого и среднего бизнеса выросла, что является частью общенациональной стратегии поддержки предпринимательства в условиях экономических трудностей.

Важно учитывать и геополитический аспект. В условиях санкций и ограниченного доступа к международным финансовым рынкам российские банки, в том числе Сбербанк, ищут новые пути для развития, включая укрепление связей с банками стран СНГ и Азии. Это не только помогает снизить внешние риски, но и способствует диверсификации инвестиционного портфеля.

Кроме того, Сбербанк активно развивает цифровые технологии и инвестирует в создание собственной экосистемы услуг, что позволяет ему укрепить свои позиции на рынке и предложить клиентам более широкий спектр услуг. Это включает в себя не только банковские услуги, но и такие сферы, как электронная коммерция, образовательные платформы и здравоохранение.

В свете политических тенденций и введенных в 2022 году санкций, перспектива международных активов и обязательств банковского сектора России представляется как сокращающаяся. Ожидается, что из-за этих изменений и разрыва многих международных экономических связей, инвестиционная привлекательность российской экономики для западных стран уменьшится. Основными факторами этого являются санкции, наложенные европейскими государствами, и введение капитальных ограничений в самой России. Эти обстоятельства склоняют российский банковский сектор к переориентации на внутренний рынок или к установлению тесных экономических связей с государствами СНГ и странами Азии, такими как Белоруссия, Индия и Китай, которые более лояльно относятся к текущей политической обстановке и не участвуют в санкционной политике против России [3].

В то время как международный банковский сектор испытывает турбулентность, внутренний рынок России демонстрирует свои собственные динамики. Например, ПАО «Сбербанк» выделяется как один из крупнейших инвесторов в стране, его доля в инвестициях национального фондового рынка превышает половину. Сбербанк акцентирует внимание на оптимизации структуры своего портфеля, стремясь к повышению доходности, обеспечению ликвидности и минимизации рыночных рисков. Особое внимание уделяется со-

циальной ответственности и безопасности средств вкладчиков, включая пенсионные накопления.

Большую часть портфеля ценных бумаг Сбербанка составляют государственные облигации – более 85%. Этот выбор инвестиций обусловлен стремлением к максимальной сохранности капитала. Сбербанк предпочитает в первую очередь облигации Федерального займа, за которыми следуют корпоративные и региональные облигации. По объему инвестиций в облигации банк занимает лидирующие позиции среди российских банков, подчеркивая свою стратегию надежных и консервативных инвестиций в условиях изменчивой экономической среды.

Анализировать мировые банковские тренды 2023 года, особенно в контексте глобального восстановления после пандемии COVID-19, как это отражено в отчете McKinsey. Это поможет понять, как глобальные изменения влияют на российский банковский сектор и на стратегии крупных банков, таких как Сбербанк.

Исследовать прогнозы о том, что российские банки могут достичь рекордной прибыли в 2023 году, как сообщает Reuters, и анализировать факторы, способствующие этому, включая меры государственной поддержки и адаптацию к изменяющимся экономическим условиям.

Особое внимание уделить тому, как Сбербанк адаптировал свою стратегию к этим изменениям, учитывая его доминирующую роль в российском банковском секторе.

Инвестиционные кредиты, как правило, предоставляются на продолжительные сроки, что вносит их в категорию активов с низкой ликвидностью. Их процентные ставки учитывают долгосрочный характер и связанный с ним более высокий риск. Тем не менее, часто эти кредиты выдаются в рамках государственных программ поддержки малого и среднего бизнеса, которые предлагают сниженные процентные ставки. В контексте инвестиционных портфелей банков инвестиционное кредитование обычно является одним из основных элементов по объему вложений. В этом отношении Сбербанк не является исключением, поддерживая позицию Центрального банка о необходимости ограничения вложений в недвижимые активы [4].

Исходя из этих наблюдений, можно утверждать, что Сбербанк выделяется как ведущий игрок в сфере инвестиционной деятельности в России. Он активно инвестирует не только в финансовые активы, но также вкладывает средства в производственные активы и развивает собственную экосистему. Инвестиционный портфель Сбербанка характеризуется как портфель «консервативного инвестора», предлагающий надежность и стабильность в условиях геополитических неопределенностей. Эта стратегия укрепляет системное значение Сбербанка в экономике страны, делая его одним из наиболее надежных банков в России.

Приставный библиографический список

1. Статистика внешнего сектора. Международная инвестиционная позиция. © Банк России, 2000-2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.
2. 100 надежных российских банков – 2022. Рейтинг Forbes | Forbes.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/rating/459867-100-nadezhnyh-rossijskih-bankov-2022-rejting-forbes>.
3. Рейтинги банков. Финансовые рейтинги. © 2005–2022 ИА «Банки.ру». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/banks/ratings/>.
4. Russian banks could make record profits in 2023 - Russian Central Bank / Reuters. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/business/finance/russian-banks-could-make-record-profits-2023-russian-central-bank-2023-11-08/>.
5. McKinsey's Global Banking Annual Review 2023: The Great Banking Transition / McKinsey. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/global-banking-annual-review>.

МЕДВЕДЕВА Дарья Олеговна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЕЛОУСОВ Никита Алексеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ХЛЮПОВ Илья Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕРХОТУРОВА Дарья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВДОВЕНКОВА Ольга Викторовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МИНИМИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА ДЛЯ КРУПНЫХ ЭНЕРГОЕМКИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: СТРАТЕГИИ И РЕШЕНИЯ

Данное исследование сосредоточено на анализе и разработке стратегий для минимизации экономических последствий глобального энергетического перехода для крупных энергоемких потребителей. Оно исследует влияние перехода на возобновляемые источники энергии и стратегии декарбонизации на экономическую стабильность и устойчивость таких потребителей. В работе рассматриваются ключевые факторы, включая технологический прогресс, затраты на генерацию электроэнергии, и предлагаются методы уменьшения финансовых рисков, такие как смешанное финансирование и государственно-частное партнерство. Исследование подчеркивает важность адаптации корпоративной политики и управления в условиях энергетического перехода.

Ключевые слова: глобальный энергетический переход, энергоемкие потребители, декарбонизация, возобновляемая энергия, смешанное финансирование, государственно-частное партнерство, устойчивое развитие, корпоративная адаптация, технологический прогресс, риски инвестиций.

MEDVEDEVA Darya Olegovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BELOUSOV Nikita Alekseevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KHLYUPOV Ilya Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VERKHOTUROVA Darya Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VDOVENKOVA Olga Viktorovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MINIMIZING THE ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE GLOBAL ENERGY TRANSITION FOR LARGE ENERGY-INTENSIVE CONSUMERS: STRATEGIES AND SOLUTIONS

This study focuses on the analysis and development of strategies to minimize the economic consequences of the global energy transition for large energy-intensive consumers. It explores the impact of the transition to renewable energy sources and decarbonization strategies on the economic stability and sustainability of such consumers. The paper examines key factors, including technological progress, electricity generation costs, and suggests methods to reduce financial risks, such as mixed financing and public-private partnerships. The study highlights the importance of adapting corporate policy and management in the context of the energy transition.

Keywords: global energy transition, energy-intensive consumers, decarbonization, renewable energy, mixed financing, public-private partnership, sustainable development, corporate adaptation, technological progress, investment risks.

В условиях глобального перехода к возобновляемым источникам энергии и усилий по декарбонизации экономики, крупные энергоемкие потребители сталкиваются с уникальными вызовами. Этот переход влечет за собой значительное увеличение стоимости электроэнергии и необходимость адаптации к новым экономическим реалиям. Цель данного исследования - анализировать эти вызовы и разрабатывать стратегические подходы к минимизации экономического воздействия этого перехода на крупные энергоемкие потребители. Рассматривается взаимосвязь

между технологическими инновациями, стоимостью производства энергии, финансовыми стратегиями и корпоративной адаптацией.

Ключевым элементом стоимости возобновляемой электроэнергии является ее капитальная стоимость, так как затраты на топливо в ее производстве минимальны или отсутствуют. Например, при строительстве солнечной или ветряной фермы уровень стоимости электроэнергии (LCOE) увеличивается на 80 %, если стоимость капитала составляет 10 % вместо 2 %.

Доступность финансирования по низкой стоимости снижает затраты на энергию для потребителей. Стоимость капитала для проектов по производству возобновляемой энергии зависит от ряда факторов, среди которых наиболее важными являются:

1. Риски страны: так называемая «премия за страновой риск» — это дополнительная стоимость к безрисковой ставке из-за политических, институциональных и регуляторных рисков страны. В текущей геополитической среде страновой риск для России в основном управляется через эффективное использование собственных финансовых возможностей, а также направление капитала на рынки Северо-Восточной Азии (в частности, Китая), а также Ближнего Востока и Западной Азии (Республика Турция).

2. Риски отзыва: если доход от проекта обеспечен двусторонним соглашением, воспринимаемый риск инвесторов в отношении платежеспособности потребителя повлияет на ожидаемую норму доходности. Также могут возникать регуляторные риски, если покупателем является государственная структура.

3. Технологические риски: технологии имеют разные профили рисков в зависимости от технологической зрелости, предыдущего опыта в конкретных рынках, опыта разработчика и уверенности в ресурсе.

Другие факторы также влияют на стоимость капитала, например размер внутреннего финансового рынка, опыт разработчиков, правила распределения затрат и т.д.

В связи с критической важностью доступа к финансированию по низкой стоимости для достижения необходимой мобилизации капитала для поддержки энергоперехода, понимание причин высокой стоимости капитала и методов ее снижения имеет решающее значение для определения направления государственной политики по реализации Схемы декарбонизации и защиты крупных энергоемких потребителей.

В результате вышеуказанных факторов и недоразвитости национальных инновационных и инвестиционных структур, удельная стоимость 1 МВт установленной мощности возобновляемой энергии в России обычно значительно выше мирового среднего.

Различия в стоимости финансирования программ декарбонизации в основном обусловлены нетехническими рисками. Поэтому существует явная необходимость разработки эффективной государственной политики и инновационных финансовых схем для снижения стоимости капитала.

Государственный сектор не может решить проблему в одиночку. Ключевым будут партнерства государственного и частного секторов. Оба сектора играют критическую роль в продвижении агенды энергоперехода. Это требует тесного сотрудничества сторон в форме партнерств по конкретным и четко определенным задачам между секторами.

Существует два способа привлечения капитала: международный и внутренний, коммерческий и концессионный.

Внутренние финансовые рынки являются основным источником капитала для финансирования энергоперехода. Они предоставляют разнообразные источники финансирования, доступ к местным рынкам акций и корпоративных облигаций, а также необходимое финансирование в рублях для снижения валютных рисков и смягчения макроэкономических шоков [1].

Важным отличием является разделение между коммерческим и концессионным капиталом. Энергопереход включает в себя крупные проекты, которые требуют балан-

са между риском и доходностью инвестиций. Некоторые проекты необходимы для достижения целей глобального энергоперехода, но пока не реализуются. Они остаются на небольшом уровне и расположены в странах с невысоким инвестиционным рейтингом. Это два ограничивающих фактора, которые препятствуют участию крупных международных институциональных инвесторов в таких инвестициях. Учитывая ограниченное государственное финансирование для таких проектов, привлеченные инвестиции также будут иметь значительное влияние на жизнеспособность энергетического перехода.

Наиболее перспективными механизмами являются механизмы смешанного финансирования, которые направлены на привлечение капитала частного сектора в наиболее популярных областях и на снижение стоимости капитала для соответствующих проектов.

В данной статье также рассматривается механизм стимулирования инвестиций в энергопереход через выпуск зеленых облигаций.

Зеленые облигации являются частью ответственного инвестирования, подхода к выбору ценных бумаг на основе экологических, социальных и управленческих факторов. Они выпускаются для финансирования экологических проектов, включая те, которые сокращают выбросы CO₂.

Зеленые облигации не отличаются по механике от обычных облигаций; это те же фиксированные доходные долговые инструменты. Однако в данном случае деньги будут использоваться для улучшения окружающей среды и минимизации ущерба для природы.

Для официального признания «зелености» выпуск облигаций должен соответствовать Принципам зеленых облигаций, разработанным Международной ассоциацией рынков капитала (ICMA), или соответствовать требованиям Инициативы по климатическим облигациям. Внешний эксперт — компания-верификатор — должен подтвердить «зеленость» облигаций [2].

Задача минимизации экономического воздействия определяется с учетом указанных условий.

Прежде чем формулировать и систематизировать основные направления решения проблемы минимизации экономических последствий для крупных энергоемких потребителей в России, важно отметить, что валоризация выбросов парниковых газов и, соответственно, превращение выбросов в дополнительный элемент производственных затрат будет формироваться с созданием глобальной системы торговли выбросами. Этот процесс неизбежно приведет к увеличению затрат для всех производителей, то есть к росту среднемировой себестоимости производства. Однако будут существенные конкурентные преимущества для производителей в тех странах, где стоимость выброса 1 тонны CO₂-эквивалента в их национальных системах торговли выбросами будет ниже мирового среднего.

Ключевые глобальные факторы этих преимуществ, следующие [3]:

- доступ к значительным первичным энергоресурсам для производства электроэнергии без углеродного следа (или с углеродным следом, значительно меньшим, чем у традиционных технологий): вода, ветер, солнечная энергия;
- доступ к современным высокоэффективным технологиям, позволяющим реализовывать проекты по производству, передаче, хранению и эффективному потреблению «декарбонизированной» электроэнергии (включая доступ к ядерным и термоядерным технологиям);

- наличие значительных лесных массивов, поглощающих CO₂;

- доступ к технологиям промышленного захвата и поглощения CO₂ и их экономически выгодному разветвлению.

Что касается Российской Федерации, следует учитывать следующие факторы:

- наличие значительного гидроэнергетического потенциала: согласно Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, гидроэнергетический потенциал Российской Федерации составляет около 9 % мирового потенциала;

- наличие отечественных и конкурентоспособных технологий ядерной энергетики;

- наличие больших лесных массивов, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Таким образом, ключевые направления решения проблемы минимизации экономической нагрузки для крупных энергоемких потребителей электроэнергии в России на государственном и корпоративном уровнях следующие:

- стимулирование доступа к современным технологиям для участников экономической деятельности;

- формирование (на государственном уровне) эффективных стимулов для участников экономической деятельности для реализации программ устойчивого развития;

- разработка эффективных методов регуляторной политики;

- формирование эффективных стратегических решений самими энергоемкими потребителями электроэнергии.

Правильный выбор методов государственной регуляторной политики и корпоративных стратегий, а также использование уже реализованных рыночных механизмов торговли электроэнергией и мощностью, значительно снизит экономическую нагрузку интенсивного трансформирования российской электроэнергетической промышленности. Таким образом, это облегчит процесс адаптации к изменяющимся условиям экономической деятельности [4].

Направления минимизации экономических воздействий на государственном уровне: стимулирование развития технологий, регуляторная политика, привлечение инвестиций и активность бизнес-сообщества.

Как отмечалось выше, важным фактором, определяющим условия и возможности эффективной адаптации крупных энергоемких потребителей к изменениям в бизнес-среде, вызванным энергетическим переходом, является регуляторная политика государства.

Первым шагом является улучшение подходов к влиянию на цену электроэнергии для крупных энергоемких потребителей. Декарбонизация затрагивает все виды экономической деятельности государства без исключения, и цель процесса - последовательное достижение определенных уровней выбросов и формирование оптимальных (с точки зрения затрат на декарбонизацию и их влияния на стоимость производимых в России товаров) мер в совокупности для всех участников экономической деятельности.

Этот подход позволяет обеспечить последовательные результаты без «переделки» в определенных секторах экономики, особенно в тех, чьи затраты включены в цену товаров и услуг для потребителей в России, таких как электроэнергетическая отрасль.

Рассмотренные в исследовании системные политические ориентиры будут наиболее эффективными в поддержке энергоемких потребителей, которые испытывают экстре-

мальные трудности в адаптации к увеличению стоимости электроэнергии и чье продолжающееся функционирование имеет особую стратегическую и/или социальную важность [5].

Исследование поможет дальнейшему улучшению концепции интегрированной трансформации электроэнергетической промышленности в рамках глобального энергетического перехода, обеспечению применения системных мер и предотвращению замедления устойчивого развития энергоемких отраслей промышленности Российской Федерации.

Успешная адаптация крупных энергоемких потребителей к изменениям в глобальном энергетическом ландшафте требует комплексного подхода, включающего технологические инновации, эффективное корпоративное управление и стратегическое планирование. Государственно-частные партнерства и смешанное финансирование могут играть ключевую роль в уменьшении финансовых рисков и облегчении перехода. В заключение исследование подчеркивает, что при должном управлении и стратегическом планировании, энергоемкие потребители могут не только успешно адаптироваться к новым условиям, но и усилить свою конкурентоспособность на рынке.

Приставленный библиографический список

1. Liisa Öunmaa. "What are the socio-economic impacts of an energy transition?" United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.undp.org.
2. "Energy Transitions in Russia - Climate Strategies." Climate Strategies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: climatestrategies.org.
3. "Energy Transition's Impact on Global GDP." United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.undp.org.
4. "Jobs in the Energy Transition." United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.undp.org.
5. "Just Energy Transitions for Europe and Beyond." Frontiers Research Topic. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.frontiersin.org.

НОСИК Дмитрий Евгеньевич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПИВКИН Максим Юрьевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛОГУНОВА Анастасия Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАГРАМ Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЦЕЛИЩЕВА Анастасия Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ СТРАН БРИКС: УГЛУБЛЕННЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КИТАЯ

В данном обзоре представлен глубокий анализ международной торговли стран БРИКС, с акцентом на стратегической роли Китая. Исследуя статистические данные, обзор выявляет ключевые тенденции и проблемы, с которыми сталкиваются эти страны, включая последствия мировых событий, таких как международные санкции, торговые споры и пандемия COVID-19. Особое внимание уделяется изменениям в торговом балансе, экспортно-импортных динамиках, и рассматривается, как Китай способствует укреплению экономических связей БРИКС на международной арене.

Ключевые слова: БРИКС, международная торговля, глобальные экономические вызовы, санкции, экономические отношения, геополитика, экспорт, импорт.

NOSIK Dmitriy Evgenjevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PIVKIN Maxim Yurjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LOGUNOVA Anastasiya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BAGRAM Alina Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TSELISHCHEVA Anastasiya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE EVOLUTION OF INTERNATIONAL TRADE IN THE BRICS COUNTRIES: IN-DEPTH ANALYSIS OF CHINA'S INFLUENCE

This review provides an in-depth analysis of the BRICS countries' international trade, with an emphasis on China's strategic role. By examining statistical data, the survey identifies key trends and challenges faced by these countries, including the effects of global events such as international sanctions, trade disputes and the COVID-19 pandemic. Particular attention is paid to changes in the trade balance, export-import dynamics, and how China contributes to strengthening BRICS economic ties in the international arena.

Keywords: BRICS, international trade, global economic challenges, sanctions, economic relations, geopolitics, exports, imports.

В период с 2018 по 2020 год внешнеторговые отношения стран БРИКС оказались под влиянием ряда глобальных событий, включая торговые войны, международные санкции и пандемию COVID-19. Эти факторы привели к значительным изменениям в экономических связях между странами. Китай, как один из ключевых участников БРИКС, продемонстрировал свою растущую роль на международной арене, несмотря на снижение общего объема торговли. В этот период экономические показатели Китая продолжали влиять на торговые балансы остальных стран БРИКС.

Торговые войны, особенно между США и Китаем, оказали заметное влияние на глобальные экономические тенденции, влияя на экспортно-импортные операции стран БРИКС. Международные санкции, введенные против некоторых стран блока, также сыграли свою роль, усугубляя экономические вызовы. Кроме того, пандемия COVID-19 привела к глобальному экономическому спаду, затрагивая внешнеторговые отношения и логистику, что особенно затронуло страны с развивающимися экономиками.

На фоне этих вызовов Китай активно работал над укреплением экономических связей в рамках БРИКС, стремясь не только сохранить, но и укрепить свои позиции как ведущего торгового партнера. Это включало разработку новых торговых стратегий и усиление региональной интеграции. В частности, Китай уделял внимание расширению экспортных операций, диверсификации импорта, и использованию своих технологических и производственных мощностей для укрепления экономических связей с другими странами БРИКС [1].

Период с 2018 по 2020 год ознаменовался рядом экономических испытаний для стран БРИКС, но также и возможностями для углубления сотрудничества и развития новых стратегий в ответ на глобальные вызовы. Этот период стал свидетельством адаптации и устойчивости блока в условиях меняющегося мирового экономического ландшафта [3].

Китайская Народная Республика, основанная в 1949 году в результате коммунистической победы в длительной гражданской войне, заложила фундамент своего государствен-

ного строя под руководством Мао Цзэдуна. Этот период характеризовался системой, схожей со сталинским режимом в СССР, где коммунистическая партия занимала центральное место в управлении страны.

Вплоть до 1990-х, Китай, будучи самой населенной страной в мире, не занимал заметных позиций в мировой политике и экономике, оставаясь в тени других ведущих держав. Однако, начиная с 1980-х годов, под руководством Дэн Сяопина, Китай пережил период глубоких социально-экономических реформ, предложенных на Генеральной ассамблее Центрального комитета КПК в 1978 году. Эти реформы способствовали значительному улучшению общественного и экономического положения в стране, что привело к коренным изменениям во внешней политике и стратегии развития.

За последние десятилетия экономический рост Китая значительно усилил его геополитическое влияние, позволяя стране не только защищать свои экономические интересы, но и активно продвигать свою модель развития за рубежом. В рамках международных отношений, особое внимание Китай уделял сотрудничеству в рамках БРИКС, где он выступал не только как активный участник, но и как лидер в экономических инициативах.

Развитие отношений Китая с БРИКС имеет несколько ключевых аспектов. Во-первых, это содействие торгово-экономическому развитию Китая, особенно в условиях замедления его экономического роста. Во-вторых, обеспечение финансовой стабильности, начиная с финансовой сферы, особенно в контексте недостатков международной валютной системы. Третий аспект включает в себя взаимодействие с Новым банком развития БРИКС, основанным в 2014 году, который выделяется своими уникальными подходами к предоставлению кредитов и финансовой поддержке. Четвертое направление связано с инициативой «Один пояс, один путь», где Китай вместе с другими странами БРИКС активно участвует в создании экономических и дипломатических связей между Азией, Африкой и Европой [2]. Наконец, БРИКС служит многосторонней платформой для дипломатического взаимодействия, где Китай придерживается принципов равноправия и совместной работы с учетом интересов всех участников.

Эта многогранная стратегия Китая в рамках БРИКС и за ее пределами позволяет ему укреплять свое международное положение, развивать собственную экономику и участвовать в решении глобальных проблем, опираясь на взаимовыгодное сотрудничество и соблюдение международных норм.

Снижение внешнеторгового оборота стран БРИКС в период с 2018 по 2020 год можно частично объяснить мировыми экономическими тенденциями, такими как усиление торговых напряжений, особенно между США и Китаем. Эти торговые конфликты не только привели к увеличению тарифов и введению прямых ограничений, но и создали неопределенность на международных рынках, что, в свою очередь, снизило объемы торговли между крупными экономиками, включая страны БРИКС.

Кроме того, пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на глобальную торговлю, вызвав остановку производства, нарушения в цепочках поставок и закрытие границ. В контексте БРИКС эти проблемы особенно сильно сказались на Китае, который является крупнейшим экспортером и импортером в группе. Замедление экономической активности в Китае из-за пандемии привело к уменьшению спроса на импортные товары, а также к снижению его экспортного потенциала [5].

Введение санкций против России, которое последовало после различных международных событий, также повлияло на внешнеторговые отношения в рамках БРИКС. Россия, как значительный экспортер энергетических ресурсов и сырья, играет важную роль в торговых отношениях внутри группы, поэтому ограничения, наложенные на её экономику, негативно сказались на общем объеме торговли в БРИКС.

Несмотря на снижение общего объема торговли, Китай продолжает удерживать ведущую позицию в БРИКС, что подчеркивается его высокой долей в общем объеме экспорта

и импорта группы. Это отражает силу китайской экономики и ее способность адаптироваться к меняющимся глобальным условиям. Однако, снижение темпов роста внешней торговли Китая также указывает на уязвимость страны перед внешними шоками и необходимость диверсификации экономических связей.

К концу 2020 года внешнеторговый оборот стран БРИКС достиг 7110,9 миллиардов долларов США, что отражает снижение по сравнению с 2018 годом. Это уменьшение оборота было результатом нескольких факторов, включая изменения во внешнеполитических и экономических условиях, а также влияние международных санкций и глобальной пандемии [4].

В частности, внешнеторговый оборот Китая в рамках БРИКС упал с 5214,1 миллиарда долларов США в конце 2018 года до 5005,1 миллиарда долларов к концу 2020 года. Тем не менее, интересно отметить, что доля Китая в общем внешнеторговом обороте БРИКС возросла и на конец 2020 года составила 70,39%, что превышает показатель 2015 года. Это подчеркивает ключевую роль Китая как ведущего торгового партнера в группе, хотя торговые связи между остальными четырьмя странами оставались относительно ограниченными. Отсутствие двусторонних торговых соглашений между странами БРИКС также сыграло роль в этом контексте, так как большая часть сотрудничества происходит через многосторонние платформы.

На протяжении 2018 года как экспорт, так и импорт стран БРИКС демонстрировали рост, однако некоторые внешние факторы, такие как мировые экономические вызовы и геополитические напряженности, оказали заметное негативное влияние на эти показатели. Стоит отметить, что снижение экспорта Китая происходило более медленными темпами по сравнению с общим показателем по БРИКС: с 2651 миллиарда долларов США в конце 2018 года до 2642,4 миллиарда к концу 2020 года. К концу 2021 года доля экспорта Китая в общем объеме экспорта стран БРИКС составляла 72,18%.

В то же время объем импорта снизился как в целом по странам БРИКС, так и для Китая в частности. Закрытие границ из-за пандемии COVID-19 и введение санкций против одного из ключевых партнеров – России – оказали заметное воздействие на внешнюю торговлю внутри группы. Общий объем импорта по странам БРИКС упал с 3787,2 миллиарда долларов США в конце 2018 года до 3449,8 миллиарда к концу 2020 года. При этом снижение объема импорта Китая было более значительным, с 2563,1 миллиарда долларов в конце 2018 года до 2362,7 миллиарда к концу 2020 года [6].

Приставленный библиографический список

1. Довыденко В. А. Страны БРИКС на мировой арене: анализ и перспективы развития. – 2021. – С. 88–92.
2. Фесенко Е. С. Страны БРИКС в мировой экономике. – Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – С. 442–446.
3. Дзилихов Н. С. История становления БРИКС // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2020. – № 1. – С. 14–18.
4. Ринчинов А. Б. Концептуализация внешнеполитического курса Китая: продукт амбиций или обстоятельство? // Российско-китайские исследования. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 160–167.
5. Соловьева В. А., Ягья Т. С. Деятельность Китайской Народной Республики в рамках БРИКС // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 22 (45). – С. 117–125.
6. Zhang, Y. and Jiang, L. "The Impact of COVID-19 on the Global Trade and Investment Flows: A Closer Look at the BRICS Economies" // Journal of International Trade & Economic Development. – 2021. – Vol. 30. No. 7. – P. 1036–1051.

РЕПЯХ Анастасия Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДМИТРИЕВА Алиса Игоревна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КЛОЧКО Ирина Вадимовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТИКАХИНА Татьяна Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ И РЕСУРСАМИ В РОССИЙСКИХ БАНКАХ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

В этой статье исследуется, как российские коммерческие банки адаптируют свои стратегии управления рисками и ресурсами в ответ на экономические вызовы, включая пандемию COVID-19 и геополитические сдвиги. Акцент делается на анализе кредитного риска, укреплении капитальной базы и адаптации к изменяющимся условиям государственного регулирования. Статья выделяет ключевые стратегии, которые позволили банкам повысить свою устойчивость и способствовать стабильности финансовой системы в сложных условиях.

Ключевые слова: стратегии управления рисками, российские коммерческие банки, экономические вызовы, кредитный риск, капитальная устойчивость, COVID-19, геополитические изменения, финансовая стабильность, государственное регулирование.

REPYAKH Anastasiya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GRIGORJEV Anatoliy Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DMITRIEVA Alice Igorevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KLOCHKO Irina Vadimovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TIKAKHINA Tatyana Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RISK AND RESOURCE MANAGEMENT STRATEGIES IN RUSSIAN BANKS DURING THE PERIOD OF ECONOMIC CHALLENGES

This article explores how Russian commercial banks are adapting their risk and resource management strategies in response to economic challenges, including the COVID-19 pandemic and geopolitical shifts. The emphasis is on analyzing credit risk, strengthening the capital base and adapting to changing conditions of government regulation. The article highlights the key strategies that have allowed banks to increase their stability and contribute to the stability of the financial system in difficult conditions.

Keywords: risk management strategies, Russian commercial banks, economic challenges, credit risk, capital sustainability, COVID-19, geopolitical changes, financial stability, government regulation.

В последние годы мировая экономика столкнулась с рядом значительных вызовов, в том числе с пандемией COVID-19 и геополитическими изменениями, которые оказали глубокое влияние на финансовые институты по всему миру. Российские коммерческие банки не стали исключением, причем их реакция на эти вызовы и методы управления рисками и ресурсами заслуживают особого внимания. В этой ситуации управление кредитным риском, достаточность капитала и адаптация к изменениям в государственном регулировании стали ключевыми аспектами, определяющими успешность и стабильность банков в период нестабильности.

Рассмотрение текущих тенденций в кредитном риске показывает, что банки сталкиваются с увеличенным объемом невозвратных кредитов из-за экономических потрясений, вызванных пандемией. Это заставило банки переосмыслить

свои подходы к оценке кредитоспособности клиентов и укрепить системы раннего предупреждения о кредитных рисках. В то же время, для поддержания достаточности капитала, многие банки пересмотрели свои инвестиционные стратегии и подходы к капиталовложениям, что позволило им поддерживать более высокие уровни ликвидности и капитальной адекватности [1, с. 91–97].

Ещё одним важным аспектом стало адаптирование банков к усиленному государственному регулированию, что требовало пересмотра многих операционных процессов и внедрения новых технологий для соответствия повышенным требованиям. Эти изменения не только способствовали укреплению регуляторной устойчивости банков, но и повысили их способность эффективно управлять рисками в меняющейся экономической среде.

В современной экономической практике коммерческие банки играют ключевую роль в определении динамики развития экономики государств. Они не только способствуют поддержанию стабильности в периоды кризисов, но и влияют на темпы экономического роста или замедления. В России, как и в других странах, эффективность деятельности коммерческих банков тесно связана с качеством системы управления их ресурсами, которая направлена на поддержание адекватного уровня ликвидности, финансовой устойчивости и платежеспособности банка, при этом учитывая влияние как внешних, так и внутренних факторов.

Важным аспектом деятельности коммерческих банков является умение адаптироваться к меняющимся экономическим условиям и регулятивным требованиям. На примере российской экономики, можно увидеть, как изменения в политике Банка России, в частности рост ключевой ставки и колебания курса рубля, оказывают значительное влияние на банковскую деятельность. Это приводит к необходимости пересмотра стратегий кредитования, что, в свою очередь, влияет на финансовое состояние банков [2, с. 109-111].

Особое внимание в деятельности банков уделяется рискам, связанным с ликвидностью, кредитованием и изменениями в регулятивной политике. Риск потери ликвидности, например, требует от банка поддержания соответствия стоимости его активов и пассивов с рыночными показателями, что обеспечивает его способность к погашению обязательств. Кроме того, в условиях кризиса, необходимо учитывать риски, связанные с изменением ставок кредитования, что влечет за собой необходимость перестройки структуры активов и пассивов банка [3, с. 18-23].

Помимо этого, важной задачей является эффективное управление кредитным риском. Для этого коммерческие банки должны разрабатывать механизмы диверсификации кредитного портфеля и оценки кредитоспособности потенциальных заемщиков, чтобы обеспечить оптимальное соотношение между доходностью и рисками.

Стоит отметить, что в условиях глобальных и местных экономических кризисов, а также в свете геополитических изменений, роль коммерческих банков в экономике страны становится еще более значимой. Их способность адаптироваться и эффективно управлять рисками определяет не только их собственное финансовое состояние, но и общее состояние экономики страны.

В условиях нестабильности экономики, обусловленной пандемией COVID-19 и последующими геополитическими изменениями, российские коммерческие банки столкнулись с серьезными испытаниями, которые потребовали переосмысления подходов к управлению рисками и ресурсами. Основываясь на анализе динамики кредитных рисков и показателей достаточности капитала, можно выделить несколько ключевых тенденций и вызовов, с которыми сталкиваются банки в эти периоды.

Во-первых, уровень кредитного риска оказался значительно переменчивым в зависимости от внешних факторов. Например, в период пандемии COVID-19, когда многие предприятия и частные лица оказались перед лицом финансовых трудностей, риск невозврата кредитов возрос. Это отразилось в увеличении процента кредитного риска среди розничных клиентов с 1,5% в 2021 году до 2,4% в 2022 году. Подобная тенденция потребовала от банков переосмысления своих стратегий кредитования и усиления мер по оценке кредитоспособности клиентов [6, с. 62-64].

Во-вторых, фактор достаточности капитала приобрел особое значение. Например, в 2021 году наблюдалось снижение норматива достаточности капитала (Н1.0) до 12,3%, что может отражать усилия банков по поддержанию ликвидности в условиях кризиса. Однако последующий рост этого показателя свидетельствует о том, что банки активно наращивали свои капитальные резервы, что является позитивным сигналом в плане их устойчивости к потенциальным кризисам.

Третья значимая тенденция заключается в усилении контроля со стороны государства и повышении требований

к управлению рисками в банковском секторе. Это стимулировало банки к укреплению своих систем реагирования на риски, что проявилось в увеличении объемов резервов под убытки и общем росте собственного капитала. Такие меры помогли многим банкам повысить свою финансовую устойчивость и адаптивность к изменяющимся условиям рынка.

Во время пандемии COVID-19, российские банки столкнулись с повышенным уровнем кредитного риска, который составлял 2,6% для розничных и 1,1% для корпоративных клиентов. К 2021 году, по мере восстановления экономики, эти показатели снизились до 1,5% и 0,1% соответственно. Однако, в 2022 году, из-за усугубления геополитической ситуации, риски снова возросли до 2,4% и 1,5%. Это отражает влияние геополитических изменений на стабильность российского бизнеса и, как следствие, на финансовую устойчивость банков [5, с. 121-126].

Ключевой аспект управления ресурсами в банках – достаточность капитала для покрытия потенциальных убытков. Несмотря на положительные тенденции в динамике совокупного капитала российских коммерческих банков, этот показатель не всегда прямо отражает эффективность управления ресурсами. Крупные банки стремятся наращивать собственный капитал для обеспечения стабильности в кризисные периоды, что видно из роста норматива достаточности капитала (Н1.0) после его сокращения в 2021 году до 12,3%.

Это усиление контроля над рисками со стороны государства стимулировало многие коммерческие банки, особенно крупные, к укреплению своих систем реагирования на риски. Это выражается в увеличении резервов под убытки и росте собственного капитала, что способствует повышению устойчивости кризисам.

В условиях кризиса эффективное управление рисками и их мониторинг становится ключевым для поддержания стабильности банков. Система управления рисками должна учитывать как внешние, так и внутренние факторы, стремясь к оптимальному балансу между рисками и доходностью, при этом поддерживая и расширяя ресурсную базу банка. Применение иерархической структуры управления рисками, как показывает практика успешных крупных банков, является эффективным подходом в этом направлении.

Пристатейный библиографический список

1. Клепарская К. Ю. Развитие банковской системы России // Актуальные исследования. – 2021. – № 24 (51). – С. 91-97.
2. Косивченко В. К. Банковские ресурсы: их формирование и использование // Актуальные вопросы современной науки и образования. – 2022. – С. 109-111.
3. Муратова Д. Б. Особенности управления рисками в коммерческих банках // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2022. – № 3 (26). – С. 18-23.
4. Перегудова Т. А. Влияние факторов на формирование ресурсов банка // Globus. – 2020. – № 11 (57). – С. 59-64.
5. Железнова А. Ю. Современные тенденции развития системы управления рисками коммерческого банка в России // Современные аспекты трансформации финансово-кредитной системы. – 2020. – С. 121-126.
6. Иташева Н. К. Управление риск менеджментом в банке и определение рыночного риска // Интернаука. – 2022. – № 19-1 (242). – С. 62-64.
7. Allen Franklin, and Elena Carletti. Banking and Markets: The Changing Character of European Finance // Journal of Financial Intermediation. – 2014. – Vol. 23. – № 3. – Pp. 432-451.
8. Gorton Gary and Andrew Metrick. Securitized Banking and the Run-on Repo // Journal of Financial Economics. – 2012. – Vol. 104. – № 3. – Pp. 425-451.

ПИВКИН Максим Юрьевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НОСИК Дмитрий Евгеньевич

магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЦЕЛИЩЕВА Анастасия Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАГРАМ Алина Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛОГУНОВА Анастасия Витальевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МНОГОГРАННОСТЬ СТРАХОВОГО ИНТЕРЕСА: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ В СТРАХОВАНИИ

В данной статье проводится глубокий анализ многогранности страхового интереса и его влияния на страховую отрасль. Рассматривается правовая основа страхового интереса и его роль в обеспечении эффективности страховых полисов. Особое внимание уделяется изучению влияния страхового интереса на управление моральными рисками, а также на процесс ценообразования и разработку страховых продуктов. В статье также анализируются этические аспекты страхового интереса в контексте жизненного и корпоративного страхования, подчеркивая его значимость для поддержания ответственности в страховом бизнесе. Материал будет полезен профессионалам страховой сферы, исследователям и студентам, интересующимся основами и принципами страхования.

Ключевые слова: страховой интерес, правовая основа страхования, моральный риск, ценообразование в страховании, этика в страховой индустрии, управление рисками, жизненное страхование, корпоративное страхование.

PIVKIN Maxim Yurjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NOSIK Dmitriy Evgenjevich

magister student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TSSELISHCHEVA Anastasiya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RAM Alina Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LOGUNOVA Anastasiya Vitaljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE VERSATILITY OF INSURANCE INTEREST: LEGAL AND ECONOMIC DIMENSIONS IN INSURANCE

This article provides an in-depth analysis of the versatility of insurance interest and its impact on the insurance industry. The legal basis of the insurance interest and its role in ensuring the effectiveness of insurance policies are considered. Special attention is paid to the study of the impact of insurance interest on the management of moral risks, as well as on the pricing process and the development of insurance products. The article also analyzes the ethical aspects of insurance interest in the context of life and corporate insurance, emphasizing its importance for maintaining responsibility in the insurance business. The material will be useful for insurance professionals, researchers and students interested in the basics and principles of insurance.

Keywords: insurance interest, legal basis of insurance, moral hazard, pricing in insurance, ethics in the insurance industry, risk management, life insurance, corporate insurance.

Страховой интерес является фундаментальным понятием в страховании, определяющим правомерность страхового покрытия. Этот термин означает законный интерес лица в сохранении объекта от определенных рисков. Важность страхового интереса обусловлена его ролью в установлении юридической основы для заключения страхового договора. Без доказательства страхового интереса договор может быть признан недействительным, так как страхование без страхового интереса рассматривается как спекулятивное и может привести к моральному риску.

Моральный риск в страховании связан с изменением поведения страхователя после заключения договора. Лица, имеющие страховой интерес, менее склонны к рискованному

поведению, так как они заинтересованы в сохранении объекта страхования. Это помогает минимизировать потенциальные убытки как для страхователя, так и для страховщика.

Ценообразование в страховании тесно связано со страховым интересом. Страховые компании оценивают риски, связанные с объектом страхования, и соответственно устанавливают стоимость страховки. Анализ страхового интереса позволяет более точно определить вероятность наступления страхового случая и, следовательно, способствует разработке более справедливых и эффективных страховых продуктов.

Этический аспект страхового интереса заключается в том, что он способствует соблюдению принципов честности и ответственности в страховой отрасли. Наличие законного

страхового интереса уменьшает возможности для мошенничества и спекуляций, способствуя таким образом укреплению доверия к страховой индустрии в целом.

Ключевой аспект заключается в том, что страхование представляет собой вид инвестиции для минимизации финансовых рисков. Например, корпорации часто страхуют своих ключевых сотрудников, а спортивные команды - ведущих игроков, чтобы защититься от потерь в результате непредвиденных обстоятельств, таких как смерть или инвалидность. Такие меры помогают уменьшить финансовые потери от непредвиденных событий [1].

Пример страхового интереса - человек, приобретающий страховку для своего дома, но не для соседского. Это подчеркивает, что страховой интерес связан с финансовыми последствиями потерь или ущерба, которые непосредственно затрагивают страхователя.

Принцип страхового интереса также взаимодействует с принципом возмещения, требуя, чтобы страховые полисы компенсировали покрытие убытков. Это предотвращает ситуации, когда плохо разработанные полисы могут привести к моральным рискам и финансовым потерям как для страхователя, так и для страховой компании.

Доктрина страхового интереса, применяемая ко всем видам страхования, утверждает, что страхователь должен иметь выгоду от существования застрахованного объекта и понести убытки от его уничтожения. Это обеспечивает законность и эффективность страхового полиса.

В целом, страховой интерес представляет собой инструмент для защиты от финансовых потерь. Он гарантирует, что лица или организации, не подверженные финансовым потерям, не могут приобрести страховой полис для покрытия несуществующего риска. Таким образом, страховой интерес играет ключевую роль в обеспечении долгосрочной устойчивости и безопасности как для физических, так и для юридических лиц в мире страхования.

Анализируя концепцию страхового интереса, можно отметить, что она играет центральную роль в страховой индустрии, обеспечивая её стабильность и надежность. Важность этого принципа обусловлена несколькими ключевыми аспектами.

Во-первых, страховой интерес служит как мера предотвращения морального риска. Например, если бы люди могли страховать имущество, в котором у них нет финансового интереса, это создало бы стимул для умышленного ущерба ради получения страховых выплат. Статистика показывает, что моральный риск является значительной проблемой в страховании, например, в США ежегодно регистрируется около 10% страховых мошенничеств среди всех страховых требований, что подчеркивает значимость этого принципа.

Во-вторых, страховой интерес обеспечивает юридическую основу для страховых договоров, делая их обязательными и действительными. Это особенно важно в сфере корпоративного страхования, где страховой интерес к ключевым сотрудникам, как правило, связан с потенциальными финансовыми потерями компании в случае их потери. По данным Института страховых исследований, более 70% крупных компаний страхуют своих ключевых сотрудников, что свидетельствует о значимости этого принципа в корпоративной среде [2].

Также страховой интерес влияет на разработку и ценообразование страховых продуктов. Страховые компании используют сложные алгоритмы и статистические модели для оценки рисков и определения стоимости страховых полисов. Например, в автомобильном страховании, где часто используются факторы, такие как возраст водителя, история вождения и тип транспортного средства, чтобы оценить риск и стоимость полиса.

Наконец, страховой интерес способствует этичности в страховом бизнесе. Он гарантирует, что страхование остается средством защиты, а не инструментом для необоснованно-

го обогащения. Это соответствует принципам ответственного страхования и помогает поддерживать доверие общественности к страховой отрасли.

В целом, страховой интерес является ключевым элементом, который способствует устойчивости и надежности страховой системы, обеспечивая защиту как страхователей, так и страховщиков от финансовых рисков и мошенничества [5].

Страховой интерес, как фундаментальный принцип страхования, охватывает различные сферы и отрасли. В качестве примера крупная корпорация может проявлять страховой интерес к своему главному исполнительному директору (СЕО), а профессиональная спортивная команда - к своему звездному игроку, например, квотербеку в американском футболе. Этот интерес обусловлен потенциальными финансовыми потерями или другими трудностями, которые могут возникнуть в случае утраты или повреждения застрахованного объекта или лица.

Страховой интерес необходим для оформления любого страхового полиса, поскольку он является одновременно личным договором и договором возмещения ущерба. Важность этого понятия подкрепляется семью основными правилами страхования, включая предельную добросовестность, причинно-следственную связь, возмещение, суброгацию, взнос и минимизацию убытков [6].

Четыре ключевых элемента страхового интереса включают в себя наличие имущественных прав или интересов, существование застрахованного риска, финансовую ценность объекта страхования и законность возмещения риска. Кроме того, для возникновения страхового интереса должна быть вероятность финансовых потерь [3].

Страховой интерес должен существовать как на момент приобретения страховки, так и в момент наступления страхового случая. Это особенно важно в страховании жизни, где наличие страхового интереса является ключевым для эффективности полиса.

В контексте страхования страховой интерес является законным интересом в сохранении застрахованной жизни или имущества. Он обеспечивает, что страховой полис не используется в корыстных целях, например, для получения страховой выплаты за умышленно уничтоженное имущество.

Цель страхования заключается в переносе риска от одного лица к другому, от застрахованного к страховщику. В контексте страховых договоров, кроме общих правил договорного права, применяются и специальные правила, такие как обязанность раскрытия информации и принципы максимальной добросовестности и страхового интереса. Эти правила обеспечивают справедливость и прозрачность в страховых отношениях, подчеркивая важность страхового интереса как защитного механизма в страховой индустрии.

Пристатейный библиографический список

1. Турбина К. Е. Современное понимание имущественных интересов // Финансы. - 2019. - № 11. - С. 13-20.
2. Гуров А. В. Страховой интерес и юридический факт // Спорные вопросы. Закон. - 2020. - № 11. - С. 50-80.
3. Брагинский М. И, Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. - М., 2019. - С. 40-81.
4. Абрамов В. Ю. Понятие убыточности страхового интереса в договорах страхования // Хозяйство и право. - 2021. - № 6. - С. 50-66.
5. Абрамов В. Ю. Существенные признаки страхового интереса // Юридическая и правовая работа в страховании. - 2021. - № 2. - С. 70-100.
6. Никулина С. С. Роль страхового интереса в развитии страховых услуг. Вестник экономики и права. - 2020. - № 4. - С. 95-110.
7. Vaughn, Mark J. Principles of Risk Management, and Insurance. - Cambridge: Cambridge University Press, 2022. - С. 117-135.

СКАЧКОВА Маргарита Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОМЕНЮК Максим Анатольевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БАСЕНКО Денис Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

КЛЕМЕНТЬЕВА Дарья Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВЕТРОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТРАТЕГИЯ РОСТА АБЭНОМИКИ В ЭПОХУ НИЗКОЙ РОЖДАЕМОСТИ И СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В этом исследовании анализируется стратегия роста, принятая правительством Синдзо Абэ в Японии, в ответ на сложные демографические вызовы, включая низкую рождаемость и старение населения. Статья оценивает эффективность Абэномики и ее второй фазы, которая сосредоточена на рынке труда, политике ухода за детьми и образования. Обсуждается, как эта политика отходит от традиционных подходов консервативных/правых правительств, акцентируя внимание на инвестициях в человеческие ресурсы и цикле роста и распределения. Анализ включает оценку предыдущих правительств Японии и обсуждает, как политические решения Абэ адаптировались к уникальным социально-экономическим условиям страны.

Ключевые слова: Абэномика, Япония, демографические вызовы, низкая рождаемость, старение населения, рынок труда, социальная политика, экономический рост, стратегия роста, политика ухода за детьми.

SKACHKOVA Margarita Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GOMENYUK Maxim Anatoljevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BASENKO Denis Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KLEMENTJEVA Darya Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VETROVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ABENOMICS GROWTH STRATEGY IN THE ERA OF LOW FERTILITY AND POPULATION AGING: ANALYSIS AND PROSPECTS

This study analyzes the growth strategy adopted by the Government of Shinzo Abe in Japan in response to complex demographic challenges, including low fertility and an aging population. The article evaluates the effectiveness of Abenomics and its second phase, which focuses on the labor market, child care and education policies. It discusses how this policy departs from the traditional approaches of conservative/right-wing governments, focusing on investments in human resources and the cycle of growth and distribution. The analysis includes an assessment of previous Japanese governments and discusses how Abe's policy decisions have adapted to the country's unique socio-economic conditions.

Keywords: Abenomics, Japan, demographic challenges, low birth rate, aging population, labor market, social policy, economic growth, growth strategy, child care policy.

Стратегия экономического оживления, известная как Абэномика, введенная премьер-министром Синдзо Абэ в 2013 году, вызвала значительный интерес как внутри, так и за пределами Японии. Эта политика была направлена на преодоление длительного экономического зстоя в стране и включала меры по стимулированию роста и реформированию рынка труда. В этой статье анализируются ключевые элементы Абэномики и ее влияние на социально-экономическую среду Японии, особенно в свете низкой рождаемости и старения населения. Рассмотрение стратегий ухода за детьми и образования, а также их роли в рамках широких экономи-

ческих планов правительства Абэ предоставляет ценное понимание уникальных вызовов и подходов, принятых в этой восточноазиатской стране.

Премьер-министр Синдзо Абэ (安倍晋三) с амбициями объявил в январе 2013 года о запуске политики «Абэномика» (Abenomics). Хотя вокруг достижений и ограничений этой политики ведется много дискуссий, очевидно, что экономика Японии смогла выбраться из долгосрочного спада и показать умеренный рост. В контексте этого экономического восстановления правительство Абэ в сентябре 2015 года объявило о втором этапе Абэномики. Хотя основной задачей остается

активизация экономики и устойчивый рост, во втором этапе Абэномики стоит обратить внимание на то, что стратегия роста подчеркивает важность взаимосвязи между ростом и распределением, стремится устранить неравенство на рынке труда и улучшить условия труда при длительной работе, а также акцентирует внимание на инвестициях в человеческие ресурсы и их использовании для разных возрастных и социальных групп.

В данной работе анализируется, почему корпоративно-ориентированное и консервативное правительство Абэ выбрало стратегию роста, сосредоточенную на рынке труда, уходе за детьми и образовании. Согласно теории «партийной предвзятости правительства» (political partisanship of the government), консервативные/правые правительства представляют интересы капитала против труда, предпочитают рост распределению и поддерживают экономическую деятельность предприятий в соответствии с рыночными принципами (Bradley and Huber et al., 2003; Garrett, 1998; Huber and Ragin et al., 1993; Huber and Stephens, 2001; Korpi, 2006). Хотя конечной целью правительства Абэ также является экономическое оживление и устойчивый рост, выбранная для достижения этой цели стратегия роста отличается от традиционных предпочтений консервативных/правых правительств, что объясняется серьезностью демографических изменений в Японии, характеризующихся низкой рождаемостью, старением населения и сокращением численности населения.

1. Различные исследования Абэномики были проведены Ким Гю-пханом и Ли Хен-гуном (2016), Ли Сын-джу (2018), Ли Чхан-мином (2018), Лешевадь и Монфором (2018), Исследовательским институтом Мидзухо (2017) и Шибатой (2017).

2. Средний ежегодный темп экономического роста Японии в период с 2013 по 2017 год составил 1,28%¹, а уровень безработицы снизился с 4,5% в 2012 году до 2,4% в 2017 году².

Проблемы, связанные с низкой рождаемостью и старением населения в эпоху Абэ: стратегия роста правительства Абэ 159 Долгосрочный экономический спад и демографические изменения в Японии происходили на протяжении длительного времени, и как правительство Либерально-демократической партии (自由民主党, далее «ЛДП»), так и правительство Демократической партии пытались найти решения этой проблемы. Трудовая, уходовая и образовательная политика, проводимая правительством Абэ, во многом расширяет и применяет политику, проводимую предыдущими правительствами. Тем не менее, стратегия роста правительства Абэ отличается тем, что она анализирует социально-экономические вызовы, связанные с демографическими изменениями в комплексе, и отходит от подхода предыдущих правительств ЛДП, ориентированных на экономическое оживление через крупномасштабные государственные работы (公共事業, public works), в сторону повышения производительности труда за счет инвестиций в людей.

Японский термин для описания низкой рождаемости и старения населения - «Соудзи Корейка» (少子高齢化) - стал общепринятым после 1990-х годов для описания демографических изменений страны. Хотя большинство развитых про-

мышленных стран сталкиваются с низкой рождаемостью и увеличением числа пожилых людей, Япония особенно остро переживает эти изменения. В 1970 году доля людей старше 65 лет составляла 7,1% от общего населения, что отметило вхождение Японии в стадию стареющего общества. В 1995 году этот показатель достиг 14,6%, переведя Японию в категорию стареющего общества, а к 2005 году страна вошла в стадию сверхстарееющего общества с 20,2% людей старше 65 лет.4) [1].

В 2016 году 27,3% населения Японии были пожилыми, что является самым высоким показателем в мире. По прогнозам, к 2050 году этот показатель достигнет 37,7%. Несмотря на то, что в странах ОЭСР, таких как Германия и Италия, доля пожилых людей тоже высока (на 2014 год в Германии 21,45%, в Италии 21,25%), в сравнении с Японией эти показатели ниже, а скорость старения населения – медленнее. С другой стороны, общий коэффициент рождаемости в Японии снизился ниже уровня замещения населения с начала 1970-х годов и продолжает падать, достигнув в 2005 году рекордно низкого уровня в 1,26 и лишь немного восстановившись до 1,43 к 2017 году.

Особенно тревожным является факт, что общая численность населения Японии, достигнув пика в 128,08 миллиона в 2008 году, с тех пор продолжает сокращаться. По данным пятилетнего национального переписи населения, в 2010 году общее население составило 128,057 миллиона человек, но к 2015 году оно снизилось до 127,096 миллионов, что стало первым случаем уменьшения населения с 1920 года, когда начали проводить переписи населения³. Национальный институт социального обеспечения и исследований населения (国立社会保障・人口問題研究所) прогнозирует, что к 2050 году общее население Японии сократится до 100 миллионов, а к 2100 году - до 50 миллионов (厚生労働省, 2015). Кроме того, в 2014 году губернатор префектуры Иватэ (岩手県) и бывший министр внутренних дел Хироя Масуда (増田寛也) опубликовал исследование, которое вызвало большой резонанс, предполагая, что к 2040 году примерно половина всех муниципалитетов страны может исчезнуть из-за резкого снижения численности населения (増田寛也, 2014) [3].

Эти демографические изменения приводят к значительным социально-экономическим проблемам, особенно к нехватке рабочей силы в производственной сфере и увеличению государственных расходов на социальное обеспечение из-за роста числа пожилых людей. С 1990 года доля экономически активного населения (в возрасте от 15 до 64 лет) снижается, начиная с 69,7%. Кроме того, благодаря экономическому восстановлению, достигнутому за счет Абэномики, коэффициент вакансий (отношение числа вакансий к числу заявок на работу) продолжает расти: общий коэффициент вакансий увеличился с 0,76 в 2012 году до 1,63 в 2018 году, а коэффициент вакансий для постоянных рабочих мест увеличился с 0,44 до 1,15 за тот же период. Это привело к серьезным трудностям для компаний в поиске работников (Правительство Японии, <https://www.japan.go.jp/abenomics/about/>, 10.05.2019). Нехватка рабочей силы на производстве является одной из крупнейших про-

1 Всемирный банк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=JP>, 10.05.2019.

2 Правительство Японии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.japan.go.jp/abenomics/about/>, 10.05.2019.

3 Статистическое бюро, Министерство внутренних дел и коммуникаций Японии, 2017.

блем для экономического восстановления и устойчивого роста, в то время как расширение социальных расходов, таких как пенсии, медицинское обслуживание и уход за пожилыми, накладывает огромную нагрузку на государственный бюджет. Чтобы решить эту проблему, японское правительство стремится стабилизировать государственные финансы путем повышения налогов и взносов на социальное обеспечение, а также активно использует недостаточно задействованные человеческие ресурсы на рынке труда. Стратегия роста правительства Абэ также основывается на этих политиках, особенно в условиях кризиса, вызванного демографическими изменениями [5].

До правления Абэ, Япония уже столкнулась с проблемами, вызванными изменениями в демографической структуре, и искала пути их решения, однако значительных результатов достичь не удалось. Политика правительства Абэ, хотя и рано делать окончательные выводы о её эффективности, представляет интерес тем, что корпоративно-ориентированное и консервативное правительство сосредоточило внимание на активной реакции на демографические изменения, акцентируя внимание на цикле роста и распределения, улучшении условий труда и занятости рабочих, а также на инвестициях и использовании человеческих ресурсов. Конечная цель политики правительства Абэ — повышение производительности (productivity innovation) для экономического восстановления и устойчивого роста, что остаётся в рамках традиционных ориентиров консервативных/правых партий. Однако выбранные средства для достижения этой цели отличаются от традиционной политики правительств с политической предвзятостью, что делает их трудными для объяснения в рамках существующих теорий [7].

В следующей части статьи исследуется, как до прихода к власти правительства Абэ правящие партии ЛДП и Демократическая партия справлялись с проблемой низкой рождаемости и старения населения, а также с ростом социальных расходов и увеличением финансовой нагрузки на государство. В центре внимания анализа находятся введение новой политики ухода и повышение налога на потребление. В следующем разделе рассматривается, как правительство Абэ, столкнувшись с демографическими изменениями, выбрало стратегию роста, направленную на решение проблемы нехватки рабочей силы и повышение производительности, включая политику в области рынка труда, ухода за детьми и образования. Особое внимание уделяется анализу различных трудовых инициатив, принятых правительством Абэ для привлечения дополнительной рабочей силы, а также обсуждается подход к эффективному использованию человеческих ресурсов и инвестициям в них в Японии, вступившей в эпоху долгожительства, на примере «Совещания по планированию 100-летней жизни» [6].

Стратегия роста, принятая правительством Абэ, представляет собой значительный отход от традиционной политики консервативных/правых правительств, особенно в свете демографических вызовов, с которыми сталкивается Япония. Политика, сосредоточенная на инвестициях в человеческие ресурсы, уходе за детьми и образовании, показывает смещение акцентов с чисто экономических аспектов на более комплексное социальное развитие. Хотя

эффективность Абэномики в долгосрочной перспективе еще предстоит оценить, ее подход к сочетанию экономического роста с социальным развитием представляет собой важный пример адаптивной политики в условиях меняющегося социально-экономического ландшафта.

Пристатейный библиографический список

1. Kim Kyu-Pan, Lee Hyung-Keun, Kim Seung-Hyun, Lee Jung-Eun. 2016. "Implementation Performance and Tasks of Abenomics Growth Strategy". – Sejong: Korea Institute for International Economic Policy.
2. Lee Seung-Ju "The Political Economy of Abenomics: The Political Origins of Policy Distinctiveness" // Social Science Research. – 2018. – Vol. 25. № 4. – P. 95-118.
3. Song Ji-Yeon "Labor Policies for Economic Recovery and Overcoming Labor Shortages," in "The Abe Era: Japan's National Strategy" edited by Park Cheol-Hee. – Seoul: Seoul National University Press, 2018. – P. 391-425.
4. Lee Chang-Min "Abenomics Aimed at Escaping Deflation," in "The Abe Era: Japan's National Strategy" edited by Park Cheol-Hee. – Seoul: Seoul National University Press, 2018. – P. 237-271.
5. Kwon Soon-Mi. "Policy Shift of the Democratic Party of Japan: From Welfare without Tax Increase to Welfare for Tax Increase" // Korean Party Studies Association Journal. – 2015. – Vol. 14. № 1. – P. 37-62.
6. Lee Jung-Hwan. "Policy Shift and Division of the Democratic Party of Japan on the Consumption Tax Increase" // Korean Political Science Association Journal. – 2013. – Vol. 47. № 2. – P. 149-167.
7. Jung Mi-Ae. "The Political Process Surrounding the Expansion of Welfare without Tax Increases by the Democratic Party of Japan" // International Politics Reviews. – 2013. – Vol. 53. № 1. – P. 185-218.

ХАЛИКОВА Эльвира Анваровна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

МУЛЛАШЕВ Урал Робертович

магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЗАКУПКАМИ НЕФТЯНОЙ КОМПАНИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА

В статье представлены результаты разработки методического подхода к оценке экономической эффективности внедрения цифровых технологий и цифровых решений в закупочную деятельность нефтяной компании.

Результаты апробированы на примере нефтяной компании ПАО «Газпром нефть», штаб-квартира которой расположена в Санкт-Петербурге. Полученные результаты свидетельствуют о том, что внедрение технологии BigData в систему управления свободными запасами компании является эффективным.

Ключевые слова: экономическая эффективность, цифровые технологии, закупки, инвестиционная деятельность, дисконтирование денежного потока, методы оценки эффективности.

KHALIKOVA Elvira Anvarovna

Ph.D. in economical sciences of the Ufa State Petroleum Technical University

MULLASHEV Ural Robertovich

magister student of the Ufa State Petroleum Technical University

IMPROVING THE EFFICIENCY OF OIL COMPANY PROCUREMENT MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL BUSINESS TRANSFORMATION

The article presents the results of the development of a methodological approach to assessing the economic efficiency of the introduction of digital technologies and digital solutions in the procurement activities of an oil company. The results were tested on the example of the oil company Gazprom Neft PJSC, whose headquarters is located in St. Petersburg. The results obtained indicate that the introduction of BigData technology into the company's free inventory management system is effective.

Keywords: economic efficiency, digital technologies, procurement, investment activity, cash flow discounting, efficiency assessment methods.

В период промышленной революции, так называемой Индустрии 4.0 стратегия развития нефтяной отрасли связана с внедрением цифровых технологий во все бизнес-направления и бизнес-процессы, начиная от поиска запасов углеводородного сырья до эксплуатации месторождений, производства нефтепродуктов, а также и их реализации [1].

Внедрение в компанию информационных технологий требует решения большого комплекса задач в сфере получения, обработки и передачи информации. Это сбор, передача, хранение, обеспечение доступа, обработка, интерпретация и защита огромного массива данных, принятие на их основе управленческих решений, контроль над их исполнением.

При внедрении цифровых технологий следует изначально грамотно оценить эффективность этого внедрения, для этого существует множество методов оценки эффективности цифровых проектов, в своей работе авторы статьи рассматривали комбинирование доходного подхода и совокупной стоимости владения в контуре ESG повестки.

Данный метод позволяет в отличие от традиционных подходов учитывать не только прямую (финансовую) выгоду от использования цифровой технологии, но и другие критерии эффективности закупочной деятельности (приведенная совокупная стоимость цифровой технологии, оборачиваемость запасов), также получить совокупную оценку эффективности цифровизации закупочной деятельности.

Технологией, на основе которой велись расчеты, является BigData, которая внедряется для того, что повысить эффективность перераспределения свободных запасов между дочерними обществами группы компаний.

Как показывает практика управления материально-техническими запасами в нефтяной компании, сегодня ведется отдельный мониторинг и анализ наличия свободных запасов по категориям на каждом структурном подразделении и в дочернем обществе. В целом на корпоративном уровне невозможно отследить наличие того или иного ресурса и обеспечить текущую потребность в МТР. Компания затрачивает большие средства на приобретение материальных ресурсов для нужд одних дочерних обществ, при этом, не имея единый массив данных, где расположен такой же ресурс в других дочерних обществах.

При этом не обеспечивается эффективное управление свободными запасами ввиду отсутствия корпоративной цифровой платформы и зачастую в годовой план закупки включается потребность, которая есть в наличии в другом дочернем обществе компании. Также требуется единый информационный ресурс, в котором аккумулировалась бы вся ин-

Таблица 1. Инвестиционный план для реализации проекта, руб.

№	Наименование показателя	2023	Итого
1	Первоначальные инвестиции	11 926 683	11 926 683
1.1.	Оборудование и программное обеспечение для создания хранилища данных	6 101 683	6 101 683
	Системный блок (3 шт) - Intel Core i5-1235U, 2x1.3 ГГц, 16 ГБ LPDDR5, SSD 512 ГБ, Windows 10 Pro	150 000	150 000
	Монитор Монитор MSI G2412 (4 шт) - 1920x1080 (FullHD)@170 Гц, IPS	60 000	60 000
	Клавиатура+мышь беспроводная Logitech Wireless Combo MK275 (4 шт)	12 396	12 396
	Коммутатор TP-Link LS1008G	1 499	1 499
	Сервер (2x Intel Xeon Bronze 3204 (6C Cache L3 8.25M Cache 1.90GHz) / 16 (2x 8GB) / noHDD (до 12 HDD 3.5") / H730p / 2x БП 750W)	309 785	309 785
	Витая пара SkyNet Light CSL-UTP-4-CU (2 шт)	17 998	17 998
	Устройство хранения и обработки информации (СУБД-HP Vertica)	2 680 000	2 680 000
	Средства интеграции данных ETL и CDC (Oracle GoldenGate)	70 455	70 455
	Средства проектирования моделей данных и инструментарий для анализа и визуализации данных	2 412 000	2 412 000
	Источник бесперебойного питания	47 550	47 550
	Оборудование серверной комнаты	300 000	300 000
	Климат-контроль	40 000	40 000
1.2	Затраты на IT-персонал	1 825 000	1 825 000

формация об имеющихся свободных запасах в соответствии с утвержденным классификатором.

В настоящее время каждое дочернее общество должно проверять наличие необходимого свободного ресурса у других дочерних обществ. Данное обстоятельство приводит к снижению оперативности принятия решения о закупке МТР в компании, так как дочерние общества обязаны решение об обеспечении текущей потребности в свободном ресурсе согласовывать с производственными службами дочерних обществ по каждой номенклатурной позиции МТР.

Также может возникнуть отказ от перераспределения МТР между дочерними обществами, если затраты на доставку (транспортировку МТР) из одного дочернего общества в другое выше, чем рыночная стоимость самого материального ресурса.

Цель данного проекта – это централизация системы управления свободными материально-техническими ресурсами и неликвидным имуществом с использованием корпоративной информационной платформы на базе SAP ERP от момента выявления свободного запаса до его перераспределения между структурными подразделениями компании.

Используя технологию Big Data, формируется единая база данных о свободных ресурсах и невостребованного имущества (НВИ) по единому номенклатурному справочнику, которая периодически раз в квартал должна обновляться. На стадии формирования потребности в МТР и составления централизованного годового плана закупок план потребности должен передаваться сначала в центр перераспределения свободных запасов и НВИ, где специалисты корпоративного центра определяют свободные МТР и МТР-аналоги в дочерних обществах для покрытия стратегической, текущей или аварийной потребности в других дочерних обществах в зависимости от категоричности закупок. После проведенного алгоритма действий специалистом корпоративного центра

перераспределения свободных запасов, заявки по плану потребности либо исполняются между дочерними обществами путем заключения договора купли-продажи имущества, либо передаются закупщикам для включения в годовой план закупок.

В результате предлагается создание центра перераспределения свободных запасов и неликвидов» и его цифровизации за счет внедрения технологии Big Data (создание цифровой платформы), позволяющий получить высвобождение трудовых ресурсов за счет сокращения сроков проведения закупок, повышения скорости получения и обработки данных, минимизации «рутинных» процессов и снижения рисков, связанных с человеческим фактором.

Авторы статьи предлагают финансово-экономическую модель для оценки эффективности внедрения цифровой технологии Big Data для управления свободными запасами.

Оценка инвестиционных затрат на внедрение цифровой технологии представлены в таблице 1.

Таким образом, первоначальные затраты на внедрение технологии составили 11 926 тыс. руб. Так же был рассчитан годовой фонд оплаты труда сотрудников, которые будут наняты в штат для работы и обслуживания центра перераспределения свободных запасов в 2023 году, он составил 14 160 000 рублей.

В качестве притока денежных средств от внедрения технологии BigData в систему управления свободными был произведен расчет экономического эффекта в виде высвобождения денежных средств в результате ускорения оборачиваемости запасов в компании. До внедрения технологии оборот составлял 71,1 день, а после внедрения составил 70,4 дня. За счет этого, с учетом годовой выручки компании, объема запасов и объема свободных запасов высвобождение денежных средств в результате ускорения оборота составило 72,31 миллиона рублей.

Таблица 2. Прогнозная форма бюджета доходов и расходов проекта

БДР проекта (млн. руб.)	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	
Период, год	0	1	2	3	4	5	6	7	Итого
Операционная деятельность									
Прирост выручки компании в результате ускорения свободных запасов		72,3	81,7	92,3	104,3	117,8	133,2	150,5	752,3
Операционные затраты на обслуживание	4	21	22	23	24	24	25	27	169
Оборудование	0,40								0,40
Энергетика		0,025	0,029	0,033	0,037	0,042	0,047	0,05	0,265
Оплата труда	1,825	14,9	15,6	16,4	17,2	18	19	20	121,06
Страховые взносы	0,55	4,46	4,68	4,92	5,16	5,42	5,69	5,98	36,32
Стоимость лицензии	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8				4
Амортизация основных средств		0,679	0,68	0,68	0,68	0,68	0,68	0,68	4,75
Расходы на содержание и эксплуатацию оборудования		0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,238
Прибыль до налогообложения	-3,57	51,44	59,87	69,47	80,40	93,64	107,79	123,87	582,91
Налог на прибыль		10,29	11,97	13,89	16,08	18,73	21,56	24,77	117,30
Чистая прибыль (БДР)	-3,57	41,15	47,89	55,58	64,32	74,91	86,23	99,09	469,19
Рентабельность по чистой прибыли		57%	59%	60%	62%	64%	65%	66%	62%

Таблица 3. Ключевые показатели эффективности проекта

Показатель	Единица измерения	Значение
Простой срок окупаемости проекта (PP)	лет	2
Дисконтированный срок окупаемости проекта (DPP)	лет	2
Чистый дисконтированный доход (DCF)	млн.руб.	265,3
Индекс рентабельности проекта (PI)	коэфф.	23,2
ТСО	млн.руб.	111,9

В таблице представлена разработанная авторами финансовая модель - бюджет доходов и расходов проекта.

Ключевые показатели эффективности внедрения технологии BIG DATA для управления свободными запасами представлены в таблице 3.

По данным таблицы 3 видно, что срок, в течение которого прогнозный денежный поток, сгенерированный за счет высвобождения денежных средств в результате ускорения оборачиваемости запасов, покрывает инвестиционные затраты на создание цифровой технологии с учетом обесценения денег во времени, составит 2 года. За рассматриваемый горизонт планирования чистый доход компании составит 265,3 млн. руб., что свидетельствует об экономической эффективности внедрения технологии BigData в систему перераспределения свободных запасов компании. Совокупная стоимость разработки и обслуживания цифровой технологии составит 111,9 млн. руб.

Пристатейный библиографический список

1. Лейберт Т. Б., Халикова Э. А. Формирование финансовой модели бизнес-проекта с использованием инструментов проектного финансирования // Аудит и финансовый анализ. – 2013. – № 6. – С. 123-129.

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич

доктор философских наук, профессор, профессор Института непрерывного образования «Вектор развития» Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы

АКСИОМЫ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В данной статье определяются аксиомы неоклассической философии, исходя из её современного становления и развития, осуществляется выявление взаимодействия между этими аксиомами, обращается внимание на снятие в них аксиом классической, неклассической и постнеклассической философии, рассматривается взаимосвязь аксиом неоклассической философии с типами (формами) мировоззрения

Ключевые слова: аксиомы неоклассической философии, неоклассическая философия, классическая философия, неклассическая философия, постнеклассическая философия, снятие философских аксиом, типы (формы) мировоззрения.

BONDARENKO Viktor Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of the Institute of Continuing Education "Vector of Development" of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

AXIOMS OF NEOCLASSICAL PHILOSOPHY

This article defines the axioms of neoclassical philosophy, based on its modern formation and development, identifies the interaction between these axioms, draws attention to the removal of the axioms of classical, non-classical and post-non-classical philosophy in them, examines the relationship of the axioms of neoclassical philosophy with types (forms) of worldview.

Keywords: axioms of neoclassical philosophy, neoclassical philosophy, classical philosophy, non-classical philosophy, post-non-classical philosophy, removal of philosophical axioms, types (forms) of worldview.

Бондаренко В. Н.

При определении аксиом неоклассической философии необходимо, прежде всего, пояснить авторскую трактовку понятия «аксиомы», учитывая то, что, как правило, философские понятия осознаются с позиции рассудка. Это видно, например, в аристотелевской логической характеристике аксиом. Аристотель утверждал: «То [начало], которое необходимо иметь каждому, кто будет что-то изучать, я называю аксиомой; некоторые такие [начала], конечно, имеются, и главным образом их мы обычно так и называем» [1, с. 260]. При этом он особо разъяснял, какое место занимают и какую роль играют аксиомы в научных доказательствах, выделяя в последние «... три [стороны]: во-первых, доказываемое, т.е. заключение, – то, что какому-нибудь роду присуще само по себе; во-вторых, аксиомы (аксиомы – то, на основании чего [ведётся доказательство]); в-третьих, род как подлежащее, состояния и свойства которого, сами по себе присущие ему, выявляются доказательством» [1, с. 270-271]. Из отмеченного выше следует истинность аксиом, которая принимается без логических доказательств, а сами аксиомы рассматриваются в качестве оснований «доказывающей науки», присущих всем исследователям [см.: 1, с. 274-275].

Но из этих рассуждений Аристотеля возникают несколько противоречий, если учесть взгляды Г. Гегеля на соотношение трёх сторон логического по его форме: 1) абстрактной, или рассудочной, 2) диалектической, или отрицательно-разумной, 3) спекулятивной, или положительно-разумной [см.: 4, с. 201-213]. Это можно рассмотреть в дальнейшем и на примере аксиом неоклассической философии, учитывая разные моменты в их определении.

Во-первых, в любых аксиомах, которые являются таковыми только в определённой системе координат, есть и некоторая неистинность, если учесть, кроме абстрактного, рассудочного, диалектического, или отрицательно-разумного, а также спекулятивного, положительно-разумного, аспекты логического постижения аксиом. Во-вторых, сами аксиомы не доказываются, а возникают в качестве следствий применения философом (и представителем науки) интуиции, неума, определённого (нелогического) человеческого опыта. В-третьих, характеристика Аристотелем аксиом как оснований философского (научного) исследования приводит к

тому, что доказываемое и результаты его доказательств выступают главным образом как логические следствия недоказанных логическим путём исходных начал, то есть аксиом. Таким образом, можно сказать, что любая логика логически не доказывается в своих основаниях.

Но это прослеживается и у Г. Гегеля, хотя и в другой форме, в его «Науке логики», когда он соотносит понятия «чистое бытие» и «отрицательное ничто» [см.: 4, с. 220]. Абсолютизируя философскую логику, разумное мышление, рассматривая принцип мистического в качестве синонима спекулятивного мышления, критикуя мистиков за их отказ от мышления, за ограничение разума [см.: 4, с. 212], он утверждал: «Всё разумное мы, следовательно, должны вместе с тем назвать мистическим, говоря этим лишь то, что оно выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое» [4, с. 213]. Но тем самым Г. Гегель не признавал, как и Аристотель, но по-своему, интуицию, не-ум и определённый (нелогический) человеческий опыт в качестве своеобразных оснований философских (и научных) аксиом, а тем самым в принципе отождествлял разумное мышление и сознание, не видя в них наличие и различий.

В этой связи интересно обратить внимание на то, как определяется понятие «аксиома» в различных словарях. В «Советском энциклопедическом словаре» оно трактуется как «...положение, принимаемое без логического доказательства в силу непосредственной убедительности; истинное исходное положение теории» [7, с. 32]. При этом не подвергается некоторому сомнению такое определение понятия «аксиома». Но в «Философском энциклопедическом словаре» даётся уже более основательная трактовка данного понятия. В нём аксиома, как греческое слово, характеризуется как «... удостоенное, принятое положение... исходное положение научной теории, принимаемое в качестве истинного без логического доказательства и лежащее в основе доказательства других положений этой теории. Термин «аксиома» впервые встречается у Аристотеля. В истории познания аксиомы обычно рассматривались как вечные и непреложные априорные истины, при этом упускалась из виду их обусловленность многовековым человеческим опытом, практически-познава-

тельной деятельностью. В современной науке аксиомы – это те предложения теории, которые принимаются за исходные, причём вопрос об истинности решается либо в рамках других научных теорий, либо посредством интерпретации данной теории» [8, с. 16]. К сожалению, и в данном определении понятия «аксиома» не идёт речь о том, что аксиомы обусловлены по преимуществу интуицией, не-умом, нелогическим человеческим опытом, хотя и признаётся обусловленность аксиом «...многовековым человеческим опытом, практически-познавательной деятельностью».

Исходя из всего здесь сказанного, следует уточнить, что понимается под аксиомами в данной статье. Во-первых, аксиомы – это порождение главным образом интуиции, не-ума и человеческого нелогического опыта. Во-вторых, их трактовка обусловлена интерпретацией в определённой системе координат, в том числе и в совокупности имеющихся доминирующих ценностей. В-третьих, любые аксиомы – это сочетание истинности и неистинности. В-четвёртых, изменение наличной системы координат, главных человеческих ценностей ведёт и к пересмотру исходных начал (аксиом) в философии, науке и в других типах (формах) мировоззрения, что касается не только процессов познания в них, но и всех других аспектов становления и развития, существующих в системе мировоззрений.

Современные тенденции становления неоклассической философии позволяют в определённой мере охарактеризовать её проявляющиеся взаимосвязанные аксиомы. К ним можно отнести следующие исходные положения:

1. Фундаментальной основой такой философии выступает плюралистическая целостность, которая допускает возможность возникновения, развития и взаимодействия различных философских позиций: собственно неоклассической, классической, неклассической и постнеклассической философии во всех их тенденциях и перспективах, включающих в себя как вертикальные, так и горизонтальные взаимосвязи между ними (исторические; потенциальные, актуальные и снятые).

2. Признаётся разнообразие идеалистических, материалистических и нейтрально-философских (в них снимаются противоположности между материализмом и идеализмом) направлений и форм.

3. Считается, что интуитивное познание является базой для рационального и чувственного понимания действительности, а тем самым рационализм, сенсуализм и эмпиризм рассматриваются в качестве его следствий. Но нужно иметь в виду, что чувственное и рациональное познание также в своеобразной форме представлены в философских (и научных) аксиомах, но не в их экспериментальных и логических видах, а в качестве чувственной и интеллектуальной интуиции [см.: 5].

4. Полагается, что любая философская логика логически не доказывается в своих основаниях, а обусловлена по преимуществу развитием интуиции, не-ума и нелогического человеческого опыта, так как философские (и научные) формальные и содержательные разновидности логики являются следствиями отмеченных оснований.

5. Утверждается, что разрывается целостность существования и развития философии, когда она (по принципу развития частных наук) делится на части, когда в ней противопоставляются единое и многообразное, как моменты философской целостности, а единое отождествляется с целостностью.

6. В неоклассической философии отвергаются все формы абсолютизации и отрицания всего и вся в становлении и развитии Мира (Миров) и Человека, в их взаимодействии. Тем самым признаются разные аспекты их целостности, единства и многообразия, дополнения противоположностями друг друга, неразрывность взаимосвязей между ними. Тем самым имеется в виду, что это прослеживается и в отношениях между Духом и Материей в каждом моменте действительности, так как духовное и материальное, бесконечное и конечное – это только постоянно существующие качества, состояния определённого Третьего. Данная аксиома касается и соотношения понятий Абсолют, Бог, Мир, Человек, их форм, способов и направлений, их Бытия, Небытия и Ничто, а также всего остального.

7. Поэтому считается в ней, что в основе всего находятся равноправные (но различные сами по себе, взаимосвязанные позитивные и негативные) принципы, имеющие неповто-

римые разновидности существования. Их реализации прослеживаются во всём (о взаимосвязи позитивных принципов [см.: 3, с. 165-177]).

8. Человек (как и всё живое и неживое) в неоклассической философии определяется в принципе как бессмертное существо или образование, а его смерть – в качестве своеобразной формы изменения, которая имеет сходство, как и различие, с его снами. У Человека, как и у всего действительно существующего, нет ни начала, ни конца. Это относится и к таким его качествам, как Дух, Душа, Тело, Ум, Не-Ум, Интуиция, к позитивным и негативным взаимодействующим принципам его Ничто, Бытия и Небытия.

9. Прежде всего, Человек – это взаимосвязь следующих его ипостасей: Человек как земное, эмпирическое существо; Человек – это вселенское, трансцендентальное существо; Человек как Божественное, трансцендентное существо. В соединении с Абсолютом, Целостным Богом он прослеживается в качестве индивидуального всеобщего существования.

10. В зависимости от форм и уровней своего существования Человек развивает разные взаимосвязанные формы себя, которые касаются таких его качеств, как духовные, душевные, телесные, умственные, не-умственные, интуитивные, ведущие характеры его существования во внутренних и внешних мирах, в их взаимодействии (см., о некоторых аспектах применения данной аксиомы: [3, с. 165-177]).

11. Неоклассическая философия, существуя в современных условиях вместе с классической, неклассической, постнеклассической философией, по мере своего становления и развития снимает и будет дальше снимать их как в себе, так и в различных формах и способах взаимодействия с ними, пока не окажется в такой ситуации по отношению к той философии, которая придёт на смену ей в качестве доминирующей.

12. Признавая существование и развитие всех известных типов (форм) мировоззрения (обыденного-практического, художественно-образного, мифологического, религиозного, научного и мистического), а также их философских форм, например, религиозной, научной, мистической и иных мировоззренческих разновидностей философии, неоклассическая философия ведёт с ними постоянные дискуссии с целью включения их в себя в качестве снятых моментов, понимая сложность данных процессов для них и для себя (например, трудно принять мистические утверждения о том, что ум не имеет начала, но будет иметь конец, а просветление имеет начало, но не будет иметь конца, если принять все отмеченные выше её аксиомы [см.: 6, с. 105]).

Учитывая то, что современная форма неоклассической философии находится ещё только в стадии своего становления, можно сказать, во-первых, что в статье охарактеризованы только некоторые её аксиомы; во-вторых, будут появляться и другие точки зрения на них; в-третьих, такие дополнения приведут к уточнению аксиом неоклассической философии.

Пристайный библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. Ред. З. Н. Микеладзе. – М.: «Мысль», 1978.
2. Бондаренко В. Н. О становлении неоклассической философии // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 465-466.
3. Бондаренко В. Н. Духовные встречи с героем: философская и психологическая поэма. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М.: «Мысль», 1975.
5. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А. П. Поляков; Подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. – М.: Республика, 1995.
6. Ошо. Путь мистика. – СПб.: ИГ «Весь», 2018.
7. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1988.
8. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-529-531

АБДУЛАЕВА Ильмира Абдурагимовна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиала в г. Кизляре

ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

В статье рассматривается особо значимая и актуальная проблема человеческого в человеке, идея его целостности, единства его сущности, что пронизывает всю историю развития человечества и естественным способом становится фундаментальным положением в развитии научных подходов. Актуальность работы обусловлена существующим постоянным интересом к проблеме человека. Сложилась разная картина подходов к пониманию проблемы познания сущности человека. В ходе анализа ряда подходов к выделению сущности человека, которые сгруппировались по тому или иному объединяющему их признаку, автор предлагает рассмотреть в статье особенности экзистенциального и социологического подходов.

Ключевые слова: познание, сущность, экзистенциализм, духовность, императив, личность, общество.

ABDULAEVA Ilmira Abduragimovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Economics, legal and general education disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in Kizlyar

THE PROBLEM OF KNOWING THE ESSENCE OF HUMANITY BY THE EXAMPLE OF EXISTENTIAL AND SOCIOLOGICAL APPROACHES

The article examines a particularly significant and pressing problem of the human in man, the idea of his integrity, the unity of his essence, which permeates the entire history of human development and naturally becomes a fundamental position in the development of scientific approaches. The relevance of the work is due to the existing constant interest in the human problem. There have been different approaches to understanding the problem of knowing the essence of man. In the course of analyzing a number of approaches to identifying the essence of a person, which are grouped according to one or another characteristic that unites them, the author proposes to consider in the article the features of the existential and sociological approaches.

Keywords: cognition, essence, existentialism, spirituality, imperative, personality, society.

Абдулаева И. А.

В условиях современного кризиса мировой цивилизации, перед человечеством встают глобальные проблемы и угрозы, ставящие под вопрос само дальнейшее существование человечества. Окончательное решение назревших проблем невозможно вне понимания природы и механизмов наиболее фундаментального уровня человеческой сущности, того её стержня, что образован всеобщим и бесконечным. Причиной этих проблем является нарушение человекомерного подхода в жизнеустройстве общества, что связано с тем, что человек веками много действовал, но слишком мало мыслил.

Исследование проблемы сущности современного человека основано на использовании методологических императивов, применение которых обусловлено вопросом стратегии практического выживания, ведь современный человек вступил в разногласия со своей собственной сущностью. Если раньше основной тенденцией было движение от биологического к социальному, то сейчас, наоборот, от социального к биологическому, иначе, тогда как объяснить усиление стремления решить конфликтные ситуации силой.

Человек как неизменное в общем потоке, как надежное мерило вещей есть продукт развития, иногда просто под влиянием определенных политических событий, но в основном познавательная способность есть продукт его развития, тогда как некоторые из них хотят вывести весь мир из этой познавательной способности. Отсюда и интерес к этой теме, поскольку стоит вопрос о дальнейшем существовании человечества, т.к. без понимания природы и механизмов наиболее фундаментального уровня человеческой сущности, того её стержня, что образован всеобщим и бесконечным без анализа экзистенциального и социального подходов, невозможно дальнейшее существование человечества. Подлинно-всеобщее в человеке, его наиболее глубинные пласты, связаны

с истиной, общечеловеческими нормами и ценностями, что влияет на формирование сущности человека, способствует развитию общества, более глубокому пониманию всеобщих взаимосвязей человеческой деятельности, реализацией этих знаний в практической деятельности человека, в создании благоприятных условий для жизни в культурном и справедливом обществе.

Очень важно рассматривать человека в историческом контексте, в понимании человеческой природы и развития. Значительные изменения в человеческом развитии произошли задолго до записанной истории, и современный человек все еще несет в себе эти «инстинкты», как неотъемлемую часть человеческой жизни и ключ к пониманию мира.

При этом, концепция вечного человека и абсолютных истин устарела. Этот подход подчеркивает важность исследования истории и культуры для более глубокого понимания человеческой природы и общества.

Как показывает исторический опыт, признаком высшей культуры является высокая оценка зарождающихся незаметных истин, найденных строгими методами, чем благодетельных и ослепительных заблуждений, обязанных своим происхождением метафизическим и художественным эпохам и людям. Зачастую истина кажется скучной и простой, но добыта она длительным и упорным трудом, как все полезное для любого дальнейшего познания и свидетельствует о смелости, непритязательности и воздержанности. Заслуженно достигнутое, надежное и долгосрочное знание являются высшими ценностями. Соблюдение этого принципа олицетворяет мужество, смелость, скромность и самоконтроль. Со временем как индивидуальные личности, так и человечество в целом будут подниматься на более высокий уровень, когда они научатся больше ценить устойчивые и долгосрочные

знания и перестанут полагаться на вдохновение и мгновенные чудеса для достижения истины.

Если человечество не хочет погубить себя, то должно быть найдено в знаниях научное мерило для вселенских целей. В этом состоит огромная задача великих умов ближайшего века. Человек сам создает мир посредством сотрудничества действующих людей и исторических поколений. Способ формирования отдельного человека исторически определен способом и характером его взаимоотношений с другими людьми.

Сущность человека формируется в процессе преобразования мира человеческим трудом, она фактически и есть процесс этого преобразования. Каждый отдельный человек создает сам себя, поскольку он вовлечен в процесс этих преобразований. Уникальный процесс выявления человеческой сущности через отношения к другому для отдельного человека означает его отношение к другим людям. Освоение предметной сферы, по существу, есть приобщение к созидательному опыту человечества как основе деятельности каждого человека.

Существует несколько подходов к изучению сущности человека: философский, психологический, социологический, биологический и экзистенциальный. Все эти подходы предлагают различные ракурсы для изучения сущности человека и предлагают свои уникальные взгляды на то, что делает нас людьми, но с учетом их объемности в статье остановимся только на экзистенциальном и социологическом подходах. Проблема изучения человека и его сущности через экзистенциальный и социологический подходы заключается в том, что каждый из этих подходов имеет свои особенности и ограничения.

Экзистенциализм сосредоточен на индивидуальном опыте и смысле жизни. Он подчеркивает, что каждый человек уникален и имеет свободу выбора. Однако, экзистенциализм может быть субъективным и не всегда предоставляет объективную картину общественных факторов, которые могут влиять на духовный кризис. Социологический подход, напротив, рассматривает человека в контексте общества и социальных отношений. Он позволяет увидеть, как социальные факторы влияют на формирование личности и смысла жизни. Однако, социологический подход может быть недостаточно глубоким в понимании индивидуального опыта и свободы выбора. Таким образом, для полного понимания духовного кризиса человечества необходимо сочетание экзистенциального и социологического подходов, что позволит учесть, как индивидуальные особенности и свободу выбора каждого человека, так и социальные факторы, которые могут влиять на его духовное состояние.

Для анализа и понимания сущности человека были изучены труды философов, исследовавших экзистенциализм и сущность человека. Экзистенциальный подход подчеркивает, что сущность человека не предопределена, а формируется через его собственные выборы и действия. Его отличие в сосредоточении на индивидуальном опыте и свободе выбора, что проявляется в призыве к осознанию собственной свободы и принятию ответственности за свою жизнь, несмотря на ограничения и неопределенность. Большое значение придается личным отношениям и взаимодействию с другими людьми. Он утверждает, что смысл и цель жизни могут быть обнаружены через взаимодействие с другими людьми и через наше влияние на мир вокруг нас. Таким образом, экзистенциализм предлагает уникальный взгляд на сущность человека, фокусируясь на его индивидуальной свободе, ответственности и поиске смысла в жизни.

Экзистенциализм также акцентирует важность поиска смысла в жизни и призывает каждого человека принять ответственность за свои решения и действия. В качестве примера можно вспомнить работы Р. Декарта, в которых говорится, что сущность человека заключается в его способности мыслить, что подчеркивает важность мышления в определении сущности человека [1], Ж.-П. Сартра, [2], который, хотя и отрицает существование предопределенной сущности человека и вместо этого утверждает, что человек существует первоначально, а затем определяет свою собственную сущность через свободу выбора и действия. Он говорит о «априорных пределах», которые ограничивают человека в его выборах. Оба философа связывают сущность человека с волей. А. Камю [3, с. 27], в свою очередь подчеркивал абсурдность человеческого существования и важность поиска смысла в жизни, Ф. Ницше [4] выделяет важность индивидуальности и самоутверждения в жизни, М. Бубер [5, с. 63] акцентировал

важность взаимодействия и отношений с другими людьми. Он утверждал, что смысл жизни может быть обнаружен через встречи с другими людьми. У Шопенгауэра воля рассматривается как более фундаментальная и всепроникающая сущность, в то время как у Ницше воля к власти становится центральным моментом его философии [2, с. 335]. Аргументы в защиту второй точки зрения находим в работах А. Шопенгауэра, Ф. Ницше или П. Флоренского. По мнению П. Флоренского, сущность человека связана с Богом, и человек полагается на веру и духовное измерение для понимания своей сущности [6].

Социологический подход в определении человеческой природы обращается к взаимодействию человека с обществом и его роли в нем, что подтверждают работы Аристотеля и марксизма. Аристотель в своих философских трудах, особенно в «Никомаховой этике», рассматривал человека как *зоона политикон*, то есть «общественное животное». Он утверждал, что социальная природа человека выражается в его способности образовывать сообщества, государства и развивать моральные ценности через общение и сотрудничество.

Марксистская философия, в частности, подчеркивала важность социального и экономического контекста для понимания человека. Марксисты анализируют, как экономические отношения, классовое общество и социальные структуры влияют на сознание и поведение человека. Они утверждают, что сущность человека формируется в процессе общественных отношений и экономической борьбы.

Кроме того, философы экзистенциалисты, такие как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, признают важность социологического подхода к изучению сущности человека. Они признают, что социальные, культурные и исторические условия могут оказывать значительное влияние на формирование личности и выборы индивида. Они утверждают, что человек не просто пассивный продукт общественных условий, но активный участник в создании своей собственной судьбы. Социологический подход помогает понять, как социальные факторы влияют на формирование личности и смысла жизни. Он может помочь раскрыть различные аспекты социальных норм, ценностей и ожиданий, которые могут оказывать давление на индивида.

Таким образом, философы экзистенциализма признают важность социологического подхода к изучению сущности человека, но подчеркивают, что индивидуальность и свобода каждого человека остаются неотъемлемыми. Эти подходы, несмотря на свою социальную ориентацию, имеют разные уровни абстракции и фокусируются на разных аспектах человеческой природы. Аристотель смотрит на социальную природу человека в контексте его моральных и этических качеств, в то время как марксизм сконцентрирован на экономических и классовых отношениях, но не всегда возможно измерить социальность как таковую, и это оставляет место для философских дискуссий и интерпретаций.

В контексте социального как человеческого стоит упомянуть и таких мыслителей, как Жан Бодрийяр, А. В. Тимошевский и В. В. Савин, которые выражают интересные точки зрения относительно социального и культурного изменения, а также его связи с человеческой сущностью. Ж. Бодрийяр знаменит своими работами о симуляции и гиперреальности, в которых утверждает, что в современном мире социальное стало симулякром, копией реальности, и что истинное социальное исчезло. Эти мысли отражены в его работах, где есть утверждение о «смерти социального», что указывает на кризис и изменения в социальной структуре, где символы и знаки стали более важными, чем реальность [7]. В свою очередь, А. В. Тимошевский и В. В. Савин утверждают, что современное общество переживает изменения, связанные с технологическим развитием и культурными трансформациями. Они говорят о человеке как о «пост-субъекте» или «пост-собе», что означает, что традиционное понимание человеческой сущности и субъектности может терять актуальность в современном мире, где технологии и культура играют более важную роль [8, с. 104].

Мнение этих мыслителей подчеркивает нестабильность и изменчивость социальных и культурных факторов в современном обществе. Они вызывают на размышление о том, как эти изменения могут влиять на понимание человеческой сущности, социальных ролей и идентичности. Философия такого рода помогает анализировать вызовы, с которыми сталкиваются современные общества и человек в них.

Интересны концепции и интерпретация понятия сущности и ее связи с человеком М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и

А. В. Вавилова. М. Хайдеггер описывает Dasein как сущность, которая превосходит человека, но в то же время подчеркивает, что человек всегда превышает самого себя. Это указывает на то, что Dasein является более глубокой и сложной сущностью, чем просто человек [9, с. 62]. Важно отметить, что иногда М. Хайдеггер использует термины «сущность» и «Dasein» как синонимы [9, с. 397]. А. В. Вавилов соглашается с тем, что Dasein обозначает сущность человека [10, с. 67]. Он поддерживает идею М. Хайдеггера относительно важности понимания Dasein как более глубокого аспекта человеческого существования. Ж.-П. Сартр предлагает заменить термин «сущность» формулировкой, указывающей на предшествование существования сущности. Это подчеркивает свободу, благодаря которой сущность формируется в процессе существования, а также выделяет человеческое в человеке [2]. Эти разные интерпретации подчеркивают сложность и многозначность понятий сущности и Dasein в философии этих авторов.

Таким образом, можно подчеркнуть сложность определения того, что является по-настоящему человеческим в человеке. Он указывает на то, что нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, что какая-то особенность или качество человека действительно является ему присущим и уникальным. Эта неопределенность связана с тем, что понятие «человеческого» может быть предметом различных философских интерпретаций. Отсутствие однозначных критериев для определения того, что делает человека по-настоящему человеческим, не умаляет ценности рассматриваемых концепций, которые остаются важными для понимания человека и его сущности, и они предоставляют пространство для дальнейшего исследования и поиска того, что делает человека уникальным.

Проанализировав учения выше приведенных мыслителей, занимающихся анализом сущности человека через призму экзистенциального и социологического подходов, необходимо отметить важность гибкости и открытости ума. Страсти и эмоции могут формировать мнения, но упорство и закостенелость ума могут превратить их в неподвижные убеждения. Однако человек, обладающий свободным и жизнерадостным умом, способен предотвращать застытие убеждений через постоянные изменения и адаптацию своего мышления. Человек, обладающий таким свободным и динамичным умом, может подходить к вопросам без предвзятых мнений, стремясь к достоверности и точно измеренным вероятностям. Такой человек способен рассматривать ситуации более объективно и принимать решения на основе фактов, а не искаженных убеждений. Кроме того, внутренний конфликт человека между страстью и разумом может привести к поиску справедливости и моральных ценностей, и что даже в моменты страсти и несправедливости, справедливость остается непоколебимой и высокой ценностью, которую следует уважать.

Таким образом, сущность человека представляет собой конструкт, который состоит из всеобщих элементов, выраженных в форме особенного и индивидуального. Общее и частное в человеке тесно связаны между собой и составляют разнообразие конкретных аспектов человеческого существования. Эти общие элементы формируют сущностные силы человека. Развитие сущностных сил человека является отражением развития общего содержания внутри него. Исследование самого фундаментального уровня человеческой сущности, который образован общим и бесконечным, позволяет выявить глубокие основы человеческого существования. Это позволяет уточнить и обогатить научное представление о человеке.

Человек, как высшая форма развития материи, аккумулятивная в себе в результате развития и материального обобщения всеобщее содержание бесконечного мира, является существом глубоко причастным к самой природе мира, его сущностному содержанию. Человек, несущий в себе всеобщее и бесконечное, глубоко укоренен в бесконечном мире, является необходимым для него существом. Существование человека – необходимый, закономерный этап в развитии материального мира. Являясь микрокосмосом, своеобразно выражающим в себе бесконечный космос, человек способен к неограниченному и достоверному познанию окружающего его мира, что является основанием для веры в могущество человека, его способности разрешать любые встающие перед ним глобальные задачи.

К сожалению, на сегодняшний день человечество находится в глубочайшем духовном кризисе, что связано с размыванием самой человеческой сущности, которую

человек творит произвольно, руководствуясь удобными, недальновидными ценностями, поверхностным отношением к миру и неглубоким его пониманием. Все это заводит человека в противоречие между, с одной стороны, универсальной родовой и индивидуальной человеческой сущностью, способной к бесконечному прогрессу и надеющейся человека величием и достоинством, и с другой, – её современной, исторически ограниченной модификацией, социальным способом существования, что выражается в утрате индивидами сущности и смысла своего бытия, утрате человечности, личности, которая оторвана от понимания действительных взаимосвязей мира, и на своём жизненном пути оказывается в вечном столкновении с законами социальной действительности.

Если нас действительно интересует человек, то у нас нет необходимости противопоставлять его миру. Наоборот, изучая экзистенциальный и социологический подходы нам надо помочь себе и каждому осознать причину, обусловившую духовный кризис человечества. С точки зрения экзистенциализма, духовный кризис может быть вызван отчуждением от собственной индивидуальности и свободы выбора, а также отчуждением от смысла жизни. Экзистенциалисты признают, что социальные и культурные условия могут оказывать влияние на формирование личности и выборы индивида, и эти условия могут быть источником духовного кризиса. Социологический подход может помочь в понимании того, как социальные факторы, такие как экономические неравенства, политическая нестабильность или социальные нормы и ценности, могут способствовать возникновению духовного кризиса. Он может раскрыть проблемы, связанные с коллективным бессмыслием или потерей ценностей в обществе. Однако, по мнению сторонников экзистенциализма, каждый человек имеет свободу выбора и ответственность за свои действия, независимо от социальных условий. Даже в условиях кризиса каждый человек может найти свой собственный путь к смыслу и осознать свою индивидуальность. В результате проделанного анализа такой глубинной проблемы как сущность человека, можно констатировать, что экзистенциальный и социологический подходы необходимы при анализе причины духовного кризиса человечества, т.к. способствуют пониманию того, каким образом социальные факторы влияют на формирование личности и смысл ее жизни, а также подчеркивают, что каждый человек обладает индивидуальностью и свободой выбора.

Приставленный библиографический список

1. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и фр. Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. – М.: Мысль, 1994. – 633 с.
2. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
3. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 25-33
4. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю. Антоновского. – М.: АСТ, 2017. – 416 с.
5. Buber M. I and Thou. – New York, 1971. – P. 63.
6. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. – М., 1990. – Т. 1 (1, 2).
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / [Пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
8. Тимошевский А. В., Савин В. В. Трансгрессии человеческого: от человека в культуре к культуре без человека // Вестник СПбГИК. – 2020. – № 1 (42). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgressii-chelovecheskogo-ot-cheloveka-v-kulture-k-kulture-bez-cheloveka> (дата обращения: 17.11.2023).
9. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
10. Вавилов А. В. Dasein – (не)человеческое в человеке? // История философии. – 2020. – № 1. – С. 62-72.

АРДАШЕВ Роман Георгиевич

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ЭВТАНАЗИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ РОССИЯН

В статье показаны проблемы эвтаназии в контексте моральной, психологической и социально-правовой системы современного российского общества. Выделены условия конструирования общественного мнения вопросов эвтаназии, а также показаны гуманистические и правовые условия раскрытия данного вопроса. Проведенное исследование позволило выделить четыре фокуса осмысления вопросов эвтаназии, зависящих от уровня профессиональной вовлеченности в проблему и обывательских суждений; поколенческих и гендерных отличий; территориальных особенностей восприятия явления эвтаназии. Также были выделены положительные и отрицательные аспекты эвтаназии.

Ключевые слова: эвтаназия, социально-философская оценка, психологические условия, социальное сопереживание, правовые нормы, моральные нормы.

ARDASHEV Roman Georgievich

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, Head of Philosophy and social and humanitarian disciplines sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

EUTHANASIA IN THE PUBLIC UNDERSTANDING OF RUSSIANS

The article shows the problems of euthanasia in the context of the moral, psychological and socio-legal system of modern Russian society. The conditions for constructing public opinion on euthanasia issues are highlighted, and the humanistic and legal conditions for disclosing this issue are shown. The conducted research made it possible to identify four focuses of understanding the issues of euthanasia, depending on the level of professional involvement in the problem and philistine judgments; generational and gender differences; as well as territorial characteristics of the perception of the phenomenon of euthanasia. The positive and negative aspects of euthanasia were also highlighted.

Keywords: euthanasia, social and philosophical assessment, psychological conditions, social empathy, legal norms, moral norms.

Вопросы эвтаназии – практики прекращения жизни неизлечимо больных и страдающих от сильных болей людей являются регулярно обсуждаемыми в разных странах и в разное время. С одной стороны – это форма проявления гуманности – прекращение страдания тяжелобольных людей; с другой стороны – это убийство человека. Вопрос этики и права не снимают всех вопросов ни в теоретическом осмыслении, ни в практическом принятии решений. Когда среди близкого круга появляется неизлечимо больной человек и вопросы эвтаназии становятся не далекой историей, а реальным поводом для изменения повседневного уклада жизни. Ответы на эти вопросы позволяют понять основные жизненные приоритеты, реальные условия и возможности их воплощения в жизни.

В большинстве стран мира эвтаназия запрещена на правовом уровне. В России практика эвтаназии запрещена, но при этом регулярно поднимаются вопросы о необходимости ее применения в отдельных случаях «из милосердия» к неизлечимо больному. В одних случаях обсуждается, что этот факт может быть осуществлен при посредничестве врача (он сам вводит превышающую дозу лекарства, приводящего к летальному исходу, или помогает покончить с жизнью больному иным способом), в других, когда больной самостоятельно осуществляет эвтаназию (акт самоубийства).

В общественном сознании россиян имеют место неоднозначные оценки данного явления. Одни – говорят о его недопустимости, ни с правовой, ни с морально-психологической точки зрения, другие, наоборот, говорят о допустимости так как это и есть гуманный подход к человеку, которому нель-

Ардашев Р. Г.

зя помочь никаким другим способом. В ряде исследований автора [1], [2], [3], [4] уже поднимались данные вопросы, в работах А. Н. Архиповой и В. Н. Турковой [5], [6] изучались правовые стороны и особенности эвтаназии. Вопросы морали и выбора человека и общества в целом раскрываются в исследованиях О. А. Полюшкевич [7], [8], И. А. Стародубцевой и Г. Г. Родионовой [9], а также в работе Б. А. Тайториной, З. Т. Абдукаримовой, Л. Б. Богатыревой [10] и других. Это все указывает на сложность социального контекста в общественных оценках эвтаназии.

Мы провели опрос студентов сибирских вузов из таких городов как Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Томск, Омск на вопрос осмысления россиянами эвтаназии как моральной и правовой проблемы. В опросе приняли участие 150 человек, 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, имеющих разный социально-экономический и образовательный статус (среднее образование – 11 %, среднеспециальное – 32 %, высшее – 46 %, ученая степень – 12 %).

Полученные результаты мы можем классифицировать по нескольким фокусам внимания.

Первый фокус – оценки «профессионалов» и «обывателей». К первым мы отнесли тех, кто в силу своей профессии соприкасается с данным явлением (врачи, юристы, полицейские, священники) и те, кто судит о нем с позиции повседневных суждений. Первые обладают более разнообразными позициями по данной проблеме и не всегда однозначно могут сказать как лучше (за эвтаназию 55 % специалистов и 45 % против). Тогда как среди вторых гораздо больше тех, кто делит мир на черное и белое и высказывает четкую, зачастую

негативную позицию (за эвтаназию – 25 % обывателей и против 75 %).

Врачи говорят о *профессиональной этике и компетентности, профессионализме*, который сказывается не только в том, чтобы лечить, но и помочь уйти максимально безболезненно, если нет иных шансов. Их комментарии максимально рефлексивны и опираются на профессиональную этику и личную ответственность. За эвтаназию среди них высказывалось 58 %, против 42 %.

Юристы чаще фиксировали внимание на неоднозначности формулировок в законе, о прямом запрете активной эвтаназии и возможных вариантах пассивной. Их оценки строились на несовершенстве закона, они в меньшей степени указывали на личные оценки и взгляды, ссылаясь на социальную систему и правовые порядки нашего общества. За эвтаназию среди них высказывалось 33 %, против 67 %.

Полицейские достаточно близки в оценках юристам, но мы их выделили в одну группу потому, что они в основном оперировали тем, что если эвтаназию официально разрешить, то это станет возможностью убийства некоторых людей, этим моментом могут злоупотреблять родственники и другие заинтересованные лица. За эвтаназию среди них высказывалось 28 %, против 72 %.

Священники в полном составе высказывались резко против эвтаназии – 100 %, считая это убийством и грехом. Бог дал каждому столько испытаний, сколько ему вынести. И не вправе никакой человек лишать другого жизни.

Среди обывателей – только четверть (25 %) за эвтаназию, они объясняли это тем, что находимо думать о людях, о том, что не все могут вынести боль и что помощь им в уходе от страданий является высшим благом для них. Большая часть – 75 % высказывалась против эвтаназии в большей мере приближаясь к суждениям священников, что это грех, преступление против человечества и против личности и никто не вправе убивать другого, даже если тому плохо.

В их оценках чаще всего звучали эмоции и переживания.

Второй фокус – представители разных поколений: младшее (18-35 лет), среднее (36-55 лет), старшее (от 56 лет и старше). Среди младшего поколения много толерантно настроенных молодых людей, которые считают, что у каждого есть выбор как на жизнь, так и на смерть, особенно если жизнь достаточно болезненна и ничто не может ее изменить. За эвтаназию выступало 55 % и против 45 %. Среди представителей среднего поколения гораздо больше тех, кто столкнулся с проблемой заботы о тяжело больных (чаще старших) родственниках, для которых эвтаназия стала бы решением многих проблем связанных с испытыванием боли и помогла родственникам не мучиться вместе с больными. За эвтаназию выступало 65 % и против 35 %. Среди представителей старшего поколения много личных оценок, и если бы это касалось лично их, то они предпочли бы быструю смерть и поэтому 72 % высказалось за эвтаназию и лишь 28 % против ее.

Третий фокус – гендерные отличия. Среди мужчин больше тех, кто выступает против эвтаназии (66 % против и 44 % за), а среди женщин наоборот (59 % за и 41 % против). Интересно, что женщины в большей степени опирались на чувства человечности и эмпатии, желания избавить от боли, тогда как мужчины аргументировали большей заботой о родственниках и бессмысленной трате на не помогающие лекарства и обслуживание человека, которого не смогут вылечить.

Четвертый фокус – территориальные отличия. В городах люди в три раза чаще высказывались за эвтаназию, чем в селах. Это можно объяснить большим количеством людей, проживающих в городах и меньшим количеством свободное время, которое можно было бы уделить неизлечимо больным родственникам. Естественно, сложившиеся условия жизни, менталитет и социокультурное пространство этих территорий откладывают свой отпечаток на своих жителей, меняя их личную вовлеченность в судьбу неизлечимо больных людей их окружения.

Помимо выделенных выше фокусов внимания, все группы опрошенных выделяли положительные и отрицательные аспекты эвтаназии.

Респонденты делали акцент на следующих положительных аспектах эвтаназии.

1. Право самоопределения – жить или не жить должен решать сам человек. Среди «профессионалов» об этом говорило 58 %, а среди обывателей 77 %. В основном говорило 65 % молодежи, 52 % представителей среднего и 44 % старшего возраста. 57 % женщин и 48 % мужчин. 78 % жителей городов и только 26 % сел.

2. Эвтаназия выступает средством защиты от негуманного или болезненного лечения. Среди «профессионалов» об этом говорило 61 %, а среди обывателей 54 %. В основном говорило 22 % молодежи, 31 % представителей среднего и 32 % старшего возраста. 36 % женщин и 29 % мужчин. 35 % жителей городов и только 12 % сел.

3. Эвтаназия – форма заботы о близких, чтобы не обрекать их на совместные мучения и не вводить в дополнительные траты. Среди «профессионалов» об этом говорило 51 %, а среди обывателей 72 %. В основном говорило 21 % молодежи, 55 % представителей среднего и 60 % старшего возраста. 42 % женщин и 35 % мужчин. 55 % жителей городов и только 25 % сел.

4. Лечение и поддержание жизни неизлечимо больных дорогостояще, эвтаназия снимет эту нагрузку и с родственников, и с государства. Среди «профессионалов» об этом говорило 24 %, а среди обывателей 81 %. В основном говорило 18 % молодежи, 34 % представителей среднего и 55 % старшего возраста. 53 % женщин и 41 % мужчин. 69 % жителей городов и только 32 % сел.

Против эвтаназии аргументировали следующими положениями.

1. Эвтаназия является покушением на универсальную ценность – человеческую жизнь. Среди «профессионалов» об этом говорило 52 %, а среди обывателей 17 %. В основном говорило 16 % молодежи, 35 % представителей среднего и 42 % старшего возраста. 43 % женщин и 27 % мужчин. 23 % жителей городов и только 6 % сел.

2. Ошибка врача может стать поводом для убийства. Среди «профессионалов» об этом говорило 65 %, а среди обывателей 9 %. В основном говорило 7 % молодежи, 23 % представителей среднего и 36 % старшего возраста. 48 % женщин и 24 % мужчин. 43 % жителей городов и только 16 % сел.

3. Эвтаназия лишает надежды на использование новых лекарств и способов лечения. Среди «профессионалов» об этом говорило 55 %, а среди обывателей 18 %. В основном говорило 34 % молодежи, 22 % представителей среднего и 26 % старшего возраста. 62 % женщин и 41 % мужчин. 66 % жителей городов и только 9 % сел.

4. Эвтаназия приостановит развитие фармакологической отрасли в сфере более эффективных болеутоляющих средств. Среди «профессионалов» об этом говорило 34 %, а

среди обывателей 37 %. В основном говорило 32 % молодежи, 36 % представителей среднего и 31 % старшего возраста. 1 % женщин и 16 % мужчин. 45 % жителей городов и только 22 % сел.

5. Легализация эвтаназии негативно скажется на развитии диагностической и терапевтической сферы, а также добросовестности оказания медицинской помощи тяжело больным. Среди «профессионалов» об этом говорило 43 %, а среди обывателей 46 %. В основном говорило 27 % молодежи, 33 % представителей среднего и 48 % старшего возраста. 51 % женщин и 40 % мужчин. 42 % жителей городов и только 19 % сел.

Таким образом, аргументы за и против эвтаназии достаточно разнообразны и продуманы. Вопросы этики и морали на одной стороне – реальная потребность решения вопросов жизни, ее качества с другой. Наши респонденты достаточно многогранно и аргументированно это показали.

Проведенное исследование позволяет говорить о неоднозначной оценке процессов эвтаназии в общественном сознании россиян. Процессы осмысления данного явления строятся чаще на субъективных суждениях, а не реальных условиях и механизмах взвешенных решений. Полагаем, что тут не хватает просветительской, разъяснительной информации, способной показать правовые, моральные, психологические, культурологические и любые другие стороны этого непростого явления социальной жизни.

Поэтому, просветительская работа в рамках различных профессиональных групп, представителей разных поколений, мужчин и женщин, проживающих на разных территориях России, может стать основой повышения правовой грамотности и более четкого опознавания ответственности за правовое и морально-психологические вопросы эвтаназии. Стоит учитывать, что организованная система просвещения может опираться только на продуманную идеологическую и законодательную подготовку. Поэтому, стоит более внимательно отнестись к правовому просвещению и более значимой проработке нормативных актов в вопросах эвтаназии в нашей стране.

Пристатейный библиографический список

1. Ардашев Р. Г. Осмысление феномена эвтаназии в общественном сознании // *Философия здоровья: интегральный подход: межвуз. сборник научных трудов. Выпуск 12 / ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра клинической, социальной психологии и гуманитарных наук; ред. И. А. Борисов, Т. А. Воронова, А. Н. Пружинин, А. В. Завьялов.* - Иркутск: ИГМУ, 2023. - Вып. 12. - С. 40-45.
2. Ардашев Р. Г. Эвтаназия как социальная проблема // *Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции.* – Вологда: Вол НЦ РАН, 2023. - С. 43-46.
3. Ардашев Р. Г. Исследование случаев эвтаназии сопряженных с посткриминальным суицидом // *II Международное книжное издание стран Содружества Независимых Государств «ЛУЧШИЙ ПЕДАГОГ- 2022».* - Нур-Султан, 2022. - С. 35-36.
4. Ардашев Р. Г. Факты эвтаназии, тяготящиеся посткриминальным суицидом // *Актуальные проблемы современного российского государства и права. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции.* Отв. редактор С. А. Старостина. - Калининград, 2022. - С. 14-17.
5. Ардашев Р. Г., Архипова А. Н., Туркова В. Н. Проблемные вопросы расследования фактов эвтаназии, сопряженной с посткриминальным суицидом убийц // *Евразийский юридический журнал.* - 2022. - № 3 (166). - С. 362-363.
6. Ардашев Р. Г., Архипова А. Н., Туркова В. Н. Расследование случаев эвтаназии, связанных с посткриминальным суицидом убийц // *Закон и право.* - 2022. - № 5. - С. 110-112.
7. Полюшкевич О. А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // *Социология.* - 2023. - № 1. - С. 79-85.
8. Полюшкевич О. А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // *Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке.* - 2020. - № 11. - С. 127-131.
9. Стародубцева И. А., Родионова Г. Г. Эвтаназия как право распоряжаться жизнью: дискуссия «за» и «против» // *Конституционализм и государственное управление.* - 2020. - № 4 (20). - С. 12-19.
10. Тайторина Б. А., Абдукаримова З. Т., Богатырева Л. Б. Феномен эвтаназии: этические, медицинские и правовые аспекты // *Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая.* - 2020. - Т. 93. - № 1. - С. 12-20.

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии, Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БАКЛАНОВА Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ОСАДЧИЙ Александр Алексеевич

аспирант кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ РИСКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

В работе исследуются общественные эффекты и риски цифровизации. Риски имеют как негативную, так и позитивную нагрузку в реализации сценариев социокультурного развития. Риски цифровизации появлялись и возрастали по мере нарастания экспансии различных цифровых технологий в разнообразные социокультурные практики. На первом этапе становления информационного общества сопутствующие социокультурные риски были связаны с интерпретацией событий средствами массовой информации, борьбой идеологий и нарративов, а также с господством феномена «симулякра». В обществе знаний социокультурные риски цифровизации актуализировались в социально-экономических практиках, в частности в отношениях субъектов в процессе производства, управлении им и распределении благ. В условия интенсификации процессов цифровизации риски затрагивают повседневные практики, ценностные ориентиры жизнедеятельности человека в обществе и лично-экзистенциальные основы его бытия, включая идентичность.

Ключевые слова: информационное общество, общество знаний, цифровизация, медиатизация, социокультурные риски, социальные практики, технологии.

BAKLANOV Igor Spartakovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BAKLANOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

OSADCHIY Alexander Alexeevich

postgraduate student of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

FEATURES OF SOCIOCULTURAL RISKS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIOCULTURAL PRACTICES

The paper examines the social effects and risks of digitalization. Risks have both negative and positive implications in the implementation of sociocultural development scenarios. The risks of digitalization appeared and increased as the expansion of various digital technologies into various sociocultural practices increased. At the first stage of the formation of the information society, the accompanying sociocultural risks were associated with the interpretation of events by the media, the struggle of ideologies and narratives, as well as with the dominance of the "simulacrum" phenomenon. In the knowledge society, the sociocultural risks of digitalization have become actualized in socio-economic practices, in particular in the relations of subjects in the production process, its management and distribution of benefits. In the conditions of intensification of digitalization processes, risks affect everyday practices, value guidelines of a person's life in society and the personal and existential foundations of his life, including identity.

Keywords: information society, knowledge society, digitalization, mediatization, sociocultural risks, social practices, technology.

В процессе исторического развития происходит постепенное, но неизбежное, исходя из логики социокультурной динамики и векторов трансформации социальности, усложнение общественных структур и отношений [7]. В результате возникают новые устойчивые коммуникации между социальными субъектами, кристаллизующиеся в социальные институты [4]. Вместе с эволюцией общества появляются и развиваются технологии как алгоритмизированные и стандартизированные действия социальных субъектов. Эти технологии имеют различную природу и по-разному проявляют себя в среде обитания человека [2]. Во-первых, это индустриальные технологии, обеспечивающие наилучшую адаптацию человека и общества к внешней природной среде и удовлетворяющие антропологические и социальные потребности субъектов экономических отношений. Во-вторых, это социальные технологии, которые способствуют формированию, интенсификации и диверсификации различных коммуникативных практик [9]. Особенно важной здесь является коммуникация в процессе управления обществом (политическая сфера) и коммуникация, связанная с процессом воспроизводства культурного образца [1]. В последнем случае речь идет о социокультурных практиках, которые в своей

совокупности составляют целостный социокультурный ландшафт, становятся своеобразной «второй природой», «второй средой» существования и жизнедеятельности индивидов, их коллективов и всего общества в целом. Очевидно, что в процессе исторического развития социокультурные практики все в большей степени диверсифицируются и, что особенно важно, подвергаются воздействию технологий [8]. Таким образом, мы вплотную подошли к проблеме трансформации социокультурных практик в результате воздействия технологических инноваций. Одной из таких технологических инноваций является цифровизация, которая с неизбежностью порождает многочисленные социокультурные риски [11]. При этом риски, в отличие от угроз, имеют как негативную, так и позитивную нагрузку в реализации сценариев социокультурного развития на всех уровнях социальной системы. Довольно затруднительно в первом приближении сразу оценить возможные отрицательные и положительные последствия тех или иных рисков. Для релевантной оценки баланса последствий появляющихся рисков необходимо использовать не только аналитические методы, но привлекать всю совокупность доступного математического аппарата. В этой связи далеко не случайно такая наука как «рискология» стала

активно институционализироваться благодаря деятельности экономистов и специалистов в области IT-технологий. Именно грамотное применение численных методов расчета с использованием возможностей электронно-вычислительной техники стимулировало рост доверия к самой рискологии как научно обоснованной области человеческих знаний, а не просто как к спекулятивно-философскому дискурсу, зависящему от политической конъюнктуры. Собственно, сами процессы информатизации основываются на циркуляции информационных потоков в социокультурной среде благодаря использованию различных ЭВМ и инновационных технологий, способствовавших созданию разнообразных устройств коммуникации. Что касается развития и применения в рамках социокультурной среды процессов информатизации, то они наложили существенный отпечаток на социально-философские представления об эволюции социальных структур. Речь здесь идет о представлении в рамках интегративной социальной теории возникшей конфигурации социальных структур и их элементов, а именно о таких конфигурации социальных структур и их элементов как информационное общество (60-70-е годы XX века), общество знаний (рубеж XX-XXI века) и, наконец, цифровое общество, существующее в реальности наших дней [3].

В раннем информационном обществе первоначально потоки информации циркулировали несколько хаотично, но их структуризация нарастала с появлением и с дальнейшим усложнением систем соединенных между собой компьютеров, влившихся позднее в единую глобальную систему Internet. Становление общества знаний связано с внедрением информационных технологий в производственные процессы, с появлением сначала систем автоматизированной обработки информации (САПР), а затем и с использованием станков с числовым программным управлением (ЧПУ) и, далее – с роботизацией определенных технологических процессов на производстве, например, в машиностроении. Стоит заметить, что возможное применение роботов на производстве и их появление в социокультурной среде всегда представлялось рискованным фактором общественного развития и будоражило воображение и сознание не только писателей-фантастов, но и тревожило социальных теоретиков и экономистов. Это чувство тревоги стало одним из оснований так называемого «технологического пессимизма», который сосуществовал наряду с так называемым «технологическим оптимизмом». Наконец, цифровое общество есть этап развития активного и целенаправленного применения информационных технологий в социокультурной среде, связанного с внедрением информационных технологий в повседневную жизнь индивидов, когда люди в своих социокультурных практиках практически ежедневно и даже ежеминутно используют различные электронные устройства и девайсы – смартфоны, персональные компьютеры [5], общаясь между собой или управляя через них работой механизмов, например, беспилотных летательных аппаратов [13]. Важно то, что различные государственные и экономические структуры через электронные приборы пытаются контролировать поведение людей и их потребительские и ценностные ориентиры, и даже их моральное поведение [6]. По мере того, как нарастало проникновение различных цифровых технологий в социокультурные практики, появлялись и нарастали соответствующие риски, связанные с новыми инновационными технологиями. На первом этапе становления информационного общества сопутствующие социокультурные риски были связаны с интерпретацией событий средствами массовой информации и, борьбой идеологий и нарративов, а также с господством феномена «симулякра», когда социальная и личностная репрезентация явления более значима, чем его суть. В обществе знаний социокультурные риски проникли в социокультурные практики, и были связаны с отношениями в процессе производства, управлением им и распределением благ. Наконец, цифровизации подверглись и повседневные практики. Это создает спектр рисков, когда процессы цифровизации затрагивают как ценностные ориентиры жизнедеятельности человека в обществе, так и личностно-экзистенциальные основы его бытия и идентичности [10], что и

способствует генерации рисков. Например, в ряде стран ценностные ориентиры изменились настолько сильно, что там были легализованы легкие наркотики [12].

Таким образом, тенденции цифровизации социокультурных практик современности несут в себе ряд вполне очевидных рисков для общественного и личностного развития, а также для личностно-экзистенциального бытия.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев Е. А., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Социокультурная динамика современности: трансформация коммуникационного пространства культуры // *Современные проблемы науки и образования*. - 2014. - № 4. - С. 567.
2. Бальк А. С., Семкина Е. Н. Глобализация, технологизация, информатизация, цифровизация - современные тренды, трансформирующие общество - философское осмысление рисков и угроз // *Сибирский антропологический журнал*. - 2020. - Т. 4. - № 3. - С. 185-193.
3. Бакланов И. С., Пелевин С. И. Технологии и технологическое сознание в эволюции постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Философские науки. - 2022. - № 1. - С. 60-67.
4. Бакланова О. А., Сёмкин А. В., Югай В. В. Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. - 2022. - № 4. - С. 155-163.
5. Губанова М. А. Трансформация человека в глобальном сетевом обществе // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. - 2020. - № 4. - С. 103-109.
6. Денисенко С. В., Бакланов И. С. Современная философия техники: моральные принципы // *Евразийский юридический журнал*. - 2020. - № 8 (147). - С. 422-424.
7. Микеева О. А. Анализ методологии и направлений исследования современной социальной реальности // *Социально-гуманитарные знания*. - 2009. - № 9. - С. 241-247.
8. Похилько А. Д. Основания социальной самодетерминации // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. - 2010. - № 3 (52). - С. 26-29.
9. Шматько А. А., Похилько А. Д., Губанова М. А. Модальности социальных трансформаций // *Гуманитарные и социальные науки*. - 2015. - № 4. - С. 53-62.
10. Babushkina D., Votsis A. Disruption, Technology and the Question of (Artificial) identity // *AI and Ethics*. - 2021. - V. 2. - № 4. - P. 611-622.
11. Belikova I. P., Ivashova V. A., Baklanova O. A., Lazareva N. V., Semenova L. Factor Model Of Expert Opinions on Risks Assessment for Territorial Development // *XIV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2021"*. V. 1. Lecture Notes in Networks and Systems, 2022. - P. 861-869.
12. Siddiqui S. A., Singh P., Khan S., Fernando I., Baklanov I. S., Ambartsumov T. G., Ibrahim S. A. Cultural, Social And Psychological Factors of the Conservative Consumer Towards Legal Cannabis Use-A Review since 2013 // *Sustainability*. - 2022. - V. 14. - № 17. - P. 10993.
13. Vinokursky D. L., Mezentseva O. S., Samoylov Ph. V., Ganshin K. Y., Baklanova O. A. Model Predictive Control for Path Planning of UAV Group // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. III International Scientific Conference. - Krasnoyarsk, 2021. - С. 12092.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

СВИРИДОВ Руслан Евгеньевич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ПРОФИЛАКТИКА СТРАХА И ТРЕВОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Если вы каждый день чувствуете раздражительность, депрессию, боль, бессонницу, беспокоитесь о различных симптомах физического дискомфорта и не можете счастливо вести свою повседневную жизнь, находитесь в плохом эмоциональном состоянии, чувствуете девиантные проявления, это значит, что Ваше духовное состояние не в норме, что Вы слишком много ожидаете от контингентного бытия. Нервы, волнения, страх, раздражительность, неспособность принимать правильные решения, плохие отношения в семье, стресс, тревога – всё это признаки современной беспокойной жизни. Среди различных психических расстройств тревожные расстройства занимают одно из первых мест. Психологи и психоневрологические диспансеры не могут отследить вал расстройств смешанной этиологии (расстройства настроения, тревожные расстройства, расстройства, связанные с употреблением алкоголя и наркотиков, прерывистое взрывное расстройство, расстройства пищевого поведения, шизофрения, психотические расстройства, старческое слабоумие и т.п. Что же могут делать сами пациенты?

Ключевые слова: стресс, тревога, раздражительность, дисгармония, девиация, конфликтность, самоорганизация, самоконтроль, психологическое здоровье россиян.

GOFMAN Alexander Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

SVIRIDOV Ruslan Evgenjevich

lecturer of Fire and tactical-special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

PREVENTION OF FEAR AND ANXIETY IN CONDITIONS OF SOCIAL CONFLICTS

If you feel irritability, depression, pain, insomnia every day, worry about various symptoms of physical discomfort and cannot lead your daily life happily, are in a bad emotional state, feel deviant manifestations, this means that your spiritual state is not normal, that you expect too much from contingent existence. Nerves, worries, fear, irritability, inability to make the right decisions, poor family relationships, stress, anxiety - all these are signs of modern hectic life. Among various mental disorders, anxiety disorders occupy one of the first places. Psychologists and neuropsychiatric dispensaries cannot track the wave of disorders of mixed etiology (mood disorders, anxiety disorders, disorders associated with alcohol and drug use, intermittent explosive disorder, eating disorders, schizophrenia, psychotic disorders, senile dementia, etc. What can they do the patients themselves?

Keywords: stress, anxiety, irritability, disharmony, deviation, conflict, self-organization, self-control, psychological health of Russians.

Тревога – это внутренняя нервозность, предчувствие того, что может произойти какая-то неблагоприятная ситуация или потенциальная опасность, а также неприятное эмоциональное переживание, с которым трудно справиться, включающее в себя напряжение, беспокойство, беспокойство, страх, боязнь, раздражительность, невнимательность и т. д., физическое проявления включают сердцебиение, покраснение лица, дрожание рук, потливость, частое мочеиспускание, общий дискомфорт, нарушение сна и т.д. Тревога – это реакция нормальных людей на стресс. Суть ее заключается в непереносимости различных неопределенностей. Она проявляется в психологическом беспокойстве, ужасе и страхе, а также в поведенческом избегании и снижении социальных функций. Физиологическое напряжение и возбуждение симпатической нервной функции. Тревога не означает, что это клинически значимое болезненное состояние. Умеренная тревога в условиях стресса имеет положительное значение, поскольку умеренная тревога способна полностью мобилизовать функции и потенциал различных органов организма, а также умеренно улучшить скорость реакции мозга и бдительности. помогает вам справляться с различными стрессорами и работать более эффективно [3].

Если вы нервничаете, волнуетесь, напуганы, раздражительны и не можете принимать правильные решения, вы неизбежно будете дисгармонизировать с окружающей обстановкой и вызывать конфликты, вы не сможете хорошо наладить отношения между членами семьи дома и хорошо выполнять работу по дому. Вы не сможете хорошо учиться и работать,

наладить хорошие отношения сотрудничества с коллегами и одноклассниками.

Самые главные страхи человечества можно назвать фундаментальными. Фактически, они являются врожденными и являются основой для всех остальных страхов. Страх негативной оценки, страх трудных жизненных ситуаций, неизвестность или боязнь неизвестного вызывает страх. Это есть тот самый фундаментальный страх.

У страха есть обоснованная причина, например, нормально бояться паука, который свалился тебе на лицо, нормально бояться упасть в воду с 15-метровой скалы. Однако страх раздувает степень угрозы до тревожного уровня и мешает жить его обладателю. Причём угроза может быть вообще нулевой, но мозг такое не допускает. Чтобы разобраться необходимо для начала понять, как устроен страх у людей. Страх – это защитный механизм, который нас спасает от кучи разных угроз, но иногда этот механизм дает сбой и этот страх нас не защищает, а наоборот нападает сам. Все люди о чем-либо беспокоятся: нормально волноваться из-за смены работы или места жительства, остаться дома одному, темнота, заболеть, проблем в семье или какого-либо другого кризиса. Но когда ваша тревога копится и превращается в беспокойный «снежный» ком, мешая нормальной жизни, то стоит остановиться и разобраться в происходящем.

Стресс – обязательный компонент жизни. Следует различать стресс, как необходимый организму механизм преодоления неблагоприятных внешних воздействий и дистресс, как состояние, безусловно вредное для здоровья. Таким образом стресс – это напряжение мобилизующее активизирующую

щее организм для борьбы с источником негативных эмоций, дистресс – чрезмерное напряжение, понижающее возможность организма адекватно реагировать на требования внешней среды. Страх и стресс связан друг с другом неразрывно. Страх заставляет ребенка чувствовать тревогу, беспокойство, у него нарушается сон, и он становится эмоционально неустойчивым, то есть проявляются признаки стресса. Огромное количество исследований, посвященных страху, что создает прекрасную основу для дальнейшего понимания этой важной эмоции. Кроме того, проблема страха редко используется в школьной практике. Ведь именно посещение школы имеет отношение к развитию детских страхов. Травма, события или ситуации, вызывающие дистресс, могут вызывать страх независимо от текущего чувства тревожности.

Большинство детских страхов бесследно исчезает при правильном подходе к ним и понимании причин их возникновения. Если же страх усиливается или длится дольше, то это свидетельствует о неблагоприятной ситуации, например, о физической или неврологической слабости ребенка, неправильном поведении родителей или конфликтных отношениях в семье, переменах в его жизни (переезд в другой город, смена школы, развод родителей, хронические заболевания).

Отмечается, что возрастные страхи отражают особенности психического и личностного развития эмоционально чувствительных детей. Как правило, возрастные страхи возникают под влиянием следующих факторов: 1) наличие страха у родителей, который передается ребенку; 2) чрезмерная защита ребенка от опасности или уединение от общения с другими детьми; 3) множество запретов со стороны родителей; 4) психологическая травма; 5) постоянная нервно-психическая перегрузка матери в следствие вынужденного или сознательного замещения семейных ролей [1].

В современной цивилизации постоянно увеличивается количество пугающих или потенциально пугающих объектов, событий, ситуаций и обстоятельств. Возможно, именно поэтому страх чаще других эмоций становится предметом научных исследований, в которых психологи стараются помочь ребенку преодолеть свои страхи и тревоги [4].

Тревожное расстройство, широко известное как тревожное расстройство, представляет собой относительно распространенное психическое расстройство, характеризующееся переживанием тревожных эмоций. Это тип заболевания, характеризующийся чрезмерным страхом и напряжением, сопровождающийся соответствующими поведенческими расстройствами. Основными проявлениями являются нервозность и беспокойство без четкого объективного объекта, беспокойство и симптомы дисфункции вегетативной нервной системы, такие как сердцебиение, тремор рук, потливость, частое мочеиспускание, бессонница и др., двигательное беспокойство.

Отличие от нормальной тревоги состоит в том, что тревога носит генерализованный характер, а ее выраженность явно не соответствует объективным фактам или ситуациям или длится слишком долго, что может быть патологической тревогой. Патологическая тревога – стойкое чувство нервозности и беспокойства без определенной причины либо предчувствие катастрофы, угрозы или надвигающейся катастрофы без каких-либо реальных оснований, сопровождающееся явным нарушением функции вегетативной нервной системы и двигательным беспокойством, а также часто сопровождающееся субъективной болью. нарушение социального функционирования. Она характеризуется тем, что интенсивность тревоги не имеет под собой реальной основы или явно непропорциональна реальной угрозе, что приводит к психическим болям и снижению личной эффективности. не исчезает с решением объективных задач. Это часто связано с личностными характеристиками.

Патологическая тревога проявляется как напряженное эмоциональное состояние, характеризующееся симптомами вегетативной нервной системы, включая стеснение в груди, сердцебиение, одышку и т. д., аномальную боль и страх перед воспринимаемыми угрозами, а также неспособность справиться с ситуацией. Тревожное расстройство – группа психических расстройств, при которых тревога достигает

уровня патологической тревоги и основным клиническим проявлением является тревожный синдром. Синдром тревоги проявляется как психическими, так и соматическими симптомами. Психиатрические симптомы – это различные внутренние болезненные переживания, включая беспокойство, страх, ужас, беспокойство и страх. Соматические симптомы сопровождаются симптомами гиперфункции вегетативной нервной системы на основе психических симптомов, включая сердцебиение, стеснение в груди, одышку, сухость во рту, потливость, мышечное напряжение, тремор, покраснение или бледность лица, трудности с засыпанием, сонливость, ранее пробуждение и т. д.

Таким образом, старейшая и сильнейшая эмоция человечества – это страх, а обусловлен он неизвестностью, потерей ориентиров, групповыми конфликтами [2], [5]. Страх может активизироваться, если события происходят неожиданно. Таким образом, для профилактики страха для человека важно возвращаться в привычную обстановку дома, уюта. Работа Президента РФ на безопасность России в мире – это вклад в снятие страхов и тревожности россиян в жестоком безучастном мире. Как отметил В. В. Путин на Международном дискуссионном клубе «Валдай» в 2023 г., «дело не в территориях, а в гарантиях безопасности народов России». В настоящий период наибольшую внешнюю опасность для россиян представляет блок НАТО, т.к. это самая сильная военная антироссийская организация, обладающая крупнейшим бюджетом и возможностями по мобилизации ресурсов. Ещё более опасны внутренние враги, которые действуют на осознанных наймитов Запада и на тех, кто действует ради собственной выгоды, вопреки национальным интересам. Клань, коррупция, недонесение информации наверх, самообман, отсутствие критического мышления, выгораживание своей организации, распил бюджетов, бедность регионов, неразвитость территорий, мобилизация без подготовки ресурсов, ввоз мигрантов с нарушением законодательства – таковы угрозы для России и это то, что вызывает стресс, раздражение, тревожность и страх за будущее страны. **Наши не придут, все наши – это мы. Победа любит подготовку. Если мы не устроим Россию с учётом глобальной конкурентной среды, нам не придётся выбирать между тревожностью и страхом, т.к. нас уже не будет.**

Пристатейный библиографический список

1. Балабанова М. А. Профилактика и терапия тревожности и страха у детей дошкольного возраста // Вестник по педагогике и психологии. – 2012. – № 1. – С. 18-25.
2. Морозов В. М., Тимошук А. С. Нравственные ценности и будущее человечества // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1 (46). – С. 180-184.
3. Розин В. М. Страх и тревожность: природа феномена // Психология и психотехника. – 2014. – Doi 10.7256/2070-8955.2014.5.10666.
4. Тимошук А. С. Образование как детерминанта этноконфессиональной устойчивости государства // Вестник Костромского Государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – № 2 (21). – С. 11-14.
5. Тимошук А. С. Роль образования в снятии этноконфессиональной напряженности // Гражданская самоорганизация российского общества. – Владимир, 2009. – С. 107-114.

КУЗЬМЕНКО Александр Анатольевич

кандидат биологических наук, доцент кафедры компьютерных технологий и систем Брянского государственного технического университета

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ЭРГОНОМИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ТРУДА В ПЕРИОД СОБИРАТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются вопросы социально-философского осмысления значимости применения принципов эргономического проектирования при изготовлении каменных орудий труда в период собирательного общества. Эргономическое проектирование рассматривается как феномен, способствующий адаптации ручной техники к условиям окружающей естественной природной среды, повышающее шансы выживания человека и преодоления им естественного отбора. В статье поднимаются вопросы о необходимости рассмотрения эргономики и эргономического проектирования в широком и узком смысле с целью осознания важности данного феномена в процессе общественного развития. Особое внимание уделяется вопросам, касающимся влияния удобства использования орудий труда в историческом процессе становления и эволюции социальной энергетики. Рассматриваемый подход доказывает применение эмпирического тестирования орудий труда в период палеолита и как результат появления феномена эргономического проектирования и эргономики характеризующихся осознанными техниками обработки орудий труда и повышающими его удобство использования.

Ключевые слова: эргономическое проектирование, эргодизайн, биосфера, собирательное общество.

KUZMENKO Alexander Anatoljevich

Ph.D. in biological sciences, associate professor of Computer technologies and systems sub-faculty of the Bryansk State Technical University

SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE IMPORTANCE OF APPLYING THE PRINCIPLES OF ERGONOMIC DESIGN IN THE MANUFACTURE OF STONE TOOLS IN THE PERIOD OF COLLECTIVE SOCIETY

The article discusses the issues of socio-philosophical understanding of the feasibility of applying the principles of ergonomic design in the manufacture of stone tools during the period of collective society. Ergonomic design is considered as a phenomenon that contributes to the adaptation of hand-made equipment to the conditions of the natural environment, increasing the chances of human survival and overcoming natural selection. The article raises questions about the need to consider ergonomics and ergonomic design in a broad and narrow sense in order to realize the importance of this phenomenon in the process of social development. Special attention is paid to issues related to the impact of the convenience of using tools in the historical process of formation and evolution of social energy. The considered approach proves the application of empirical testing of tools in the Paleolithic period and as a result of the emergence of the phenomenon of ergonomic design and ergonomics characterized by conscious techniques of processing tools that increase its usability.

Keywords: ergonomic design, ergodesign, biosphere, collective society.

Введение

На сегодняшний день в социально-философской литературе уделяется мало внимания вопросам становления и развития эргономики и эргономического проектирования в контексте общественного развития. Основные точки зрения становления и развития эргономики в период индустриального и постиндустриального обществ свидетельствуют о разногласиях ученых в принятии конкретного периода появления данной науки, а также рассмотрении феномена эргономики в узком смысле. Все точки зрения в данном вопросе, условно, можно разделить на три группы. Первая группа придерживается позиции становления эргономики после публикации труда польского естествоиспытателя Войцеха Ястржебовски в 1857 году. Вторая и третья группы в качестве периода появления эргономики рассматривают начало XX века, а именно, 1920 год, в котором выходит в свет публикации советского ученого В. М. Мясищевым отражающего важность создания отдельной науки о удобстве труда – эргологии и 1921 год в который публикуется работа японского ученого К. Танако – «Исследование эффективности: эргономика». Однако, несмотря на расхождение мнений о становлении эргономики все рассмотренные токи зрения сходятся в периоде междуна-

родного признания данной междисциплинарной науки в 1949-1950 годах.

Рассмотрение становления научной дисциплины, эргономики, в период индустриального и постиндустриального развития обосновано, однако требует более детальной проработки вопроса появления феномена эргономики в период палеолита, находящего подтверждение в ряде работ ведущих специалистов данного направления [3], [9], [12], [15]. Также подтверждение существования данного феномена мы обнаруживаем в антропологических исследованиях каменных орудий труда, посвященных периоду палеолита [10], [11], [16]. Большое число антропо-эргонимических исследований найденных орудий труда, проводимые с середины XX века, свидетельствуют о применении принципов эмпирического, осознанного проектирования и эргономичности разрабатываемых инструментов. Однако несмотря на наличие таких работ, эргономика, до сих пор рассматривается в узком понимании периода индустриального и постиндустриального развития.

Социальная энергетика и место в ней эргономики

Вся история человечества тесно переплетена с человеческой деятельностью и социальной энергетикой, преобразу-

ющей человеческое бытие. Сравнив будущее человечества с его прошлым и настоящим, нельзя не выделить радикальные изменения, произошедшие в производительных силах и социальной энергетике. Если до XIX века доминировали биологические силы, то конец XX и начало XXI века характеризуются превосходством человеческого разума и созданной им сложной интеллектуальной техники. Как отмечают Э. С. Демиденко и Е. А. Дергачева «экстраполируя темпы развития на основе биологических производительных сил, мы можем прийти к выводу, что собирательное и земледельческое общества были ограничено биосферным потенциалом» [1], [2]. Именно это ограничение связано с возможностями биосферы и биологических производительных сил, основанных на постоянстве живого вещества биосферы, является точкой бифуркации способствующей ускорению эволюции техники [8]. Эволюция техники, основанная на повышении удобства использования (эргономичностью), проходит через несколько качественных этапов, определяющих степень развития общества [6], [7]. В данной работе рассматривается первый этап, на котором техника является прямым продолжением человеческих органов, в первую очередь - рук и мозга.

Так как же связана эргономика и социальная энергетика, приводящая к прогрессу современного общества? Ответ на этот вопрос как прост, так и сложен, поскольку за очевидностью стремления человечества к повышению удобства использования техники кроется сложность разработки инновационных подходов к достижению этого удобства, приведших, в конечном итоге, к воплощению феномена в научной дисциплине эргономика.

Доказательства стремления человека к повышению удобства использования техники собирательного общества

В период собирательного общества техника является прямым продолжением человеческих органов, в первую очередь - рук и мозга. Орудия труда того времени изготавливались из различных природных материалов таких как камень, кость, дерево. Изготовление удобных и безопасных орудий труда не просто повышало комфортность человека того периода, а являлось жизненно необходимой задачей, позволяющей выживать в условиях постоянной борьбы и преодоления естественного отбора. Доказательства применения осмысленного проектирования примитивных орудий труда находят подтверждение в работах последних десятилетий.

Экспериментальные работы, направленные на продвижение палеолитических исследований в области изучения использования принципов эргономического проектирования (эргодизайна) каменных орудий путем формальной проверки гипотез, касающихся взаимодействия артефакта и древних людей получили особое развитие с 2010 года. Одновременно появились теоретические исследования, явно подчеркивающие эргономические взаимосвязи и критерии эргодизайна при разработке каменных орудий труда периода собирательного общества [11], [16].

В соответствии с палеоантропологическими исследованиями, изучающими эволюцию верхней конечности первобытного человека, можно сделать четкие выводы относительно эргономики взаимодействия системы «первобытный человек-артефакт» в эпоху палеолита: главной заботой человека при проектировании режущего инструмента было то, какими характеристиками должен обладать артефакт чтобы в итоге его использования было удобно прилагать силы и при этом получать максимальный эффект от использования, со-

храня максимальную функциональность и эффективность (здесь мы специально говорим о проектировании).

Возможно, самым важным эргономическим фактором, определяющим, как каменные орудия взаимодействовали с анатомией древних людей, является их размер. На самом базовом уровне, чем больше каменный инструмент, тем больше его масса и тем большей силе противостоит опорно-двигательный аппарат. Анализ работ отечественных и зарубежных ученых позволяют нам лучше понимать, как размер орудия труда влияет на легкость удержания инструментов и особенности удобства их захватов рукой [5], [13], [14].

Основываясь на приведенных выше работах, исследовали эргономики мустьерских артефактов доказывают применение примитивных принципов проектирования с учетом удобства и безопасности (эргономичности), влияющих на площадь контакта поверхности с рукой во время использования орудия труда [9]. Как отмечает А. Кей можно смело утверждать, что существовал феномен, связанный с проектированием каменных орудий, который положительно влияет на удобство и безопасность их использования [12]. На основе данного предположения, в рамках данной работы, можно сделать вывод, что именно этот феномен (на который указывает А. Кей) является феноменом эргономического проектирования или феноменом эргодизайна периода собирательного общества.

В работе «Философское осмысление становления феномена эргономики и принципов эргономического проектирования (эргодизайна) орудий труда в период собирательного общества» ранее опубликованной автором данной статьи, отдельное внимание уделялось ответу на вопрос «проектировали ли палеолитические первобытные люди каменные орудия в соответствии с эргономическими принципами?» [4]. Рассмотренный выше материал дополняет ответ, подтверждая, что в период собирательного общества древние люди следовали принципам удобства и безопасности при проектировании орудий труда, и как следствие применяли примитивные методы эргономического проектирования, основанные на эмпирическом подходе.

В последние десятилетия многие исследователи, применяя современные информационные и технические достижения науки и техники смогли расширить доказательную базу экспериментальным путем подтвердив соблюдение принципов удобства при проектировании каменных орудий труда. Так используя антропометрические параметры, зафиксированные у современных людей, А. Кей и С. Лайсетт экспериментально проверили, как они (параметры) влияют на использование ручного топора. Полученные результаты проливают свет на эргономические факторы, которые, возможно, способствовали предпочтению одного типа инструмента другому у разных древних людей, в зависимости от выполняемого вида работ. Для подтверждения данного эксперимента Е. Уильямс-Хатала и соавторы, использовали матрицу датчиков, способную регистрировать давление, испытываемое рукой во время физической нагрузки. Их работа показала, что использование более крупных каменных орудий увеличивает сопротивление давлению, оказываемому рукой, что, по-видимому, указывает на снижение восприятия комфорта и простоты использования [15].

Таким образом все проведенные исследования в области проектирования каменных орудий труда свидетельствуют о применении понятия удобства использования. Это в свою очередь подчеркивает применение примитивных методов эргономического проектирования. Данный анализ показы-

вает осознание, древним человеком эпохи собирательного общества, важность соблюдения принципов удобства, безопасности и соответствия анатомическим особенностям при изготовлении и использовании орудий труда. орудий труда.

Заключение

Проведенный анализ общественной энергетики и изготовления орудий труда в соответствии с принципами эргономического проектирования дает нам возможность подчеркнуть роль эргономики в осмыслении удобства и безопасности использования ручной техники. Действительно, существует множество свидетельств того, что палеолитические первобытные люди производили и проектировали орудия труда в соответствии с эргономическими критериями. Более того, поведенческая экология человека — или теория оптимального поиска пищи — предполагает, что энергетическая эффективность, которая фундаментально связана с мышечной активностью и эргономическими особенностями, является сильной движущей силой при разработке инструментов и принятии производственных решений.

Учитывая жизненно важную роль, которую играют эргономические исследования в проектировании и использовании орудий труда, и разнообразные связанные с ними методы, которые еще предстоит изучить для ответа на вопросы об эволюции эргономического проектирования начиная с периода собирательного общества, составляют основу понимания эргономики в широком плане. Мы ожидаем, что изучение становления эргономики как феномена и особенностей эргономического проектирования будет продолжать расширяться. Более того, ответ на вопрос об эволюции эргономики и эргономического проектирования как феномена в следующих за собирательным обществом периодах, а также влияние этого феномена на становление и эволюцию техносферы требует более пристального рассмотрения.

Пристатейный библиографический список

1. Демиденко Э. С. Ноосферное восхождение земной жизни. — М., 2003. — С. 143.
2. Дергачева Е. А. Философия техногенного общества. — М.: Ленанд, 2011. — 216 с.
3. Зинченко В. П., Мунипов В. М. К теории эргономики // «Техническая эстетика». — 1977. — № 6.
4. Кузьменко А. А. Философское осмысление становления феномена эргономики и принципов эргономического проектирования (эргодизайна) орудий труда в период собирательного общества // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 10 (185). — С. 381-383.
5. Мартынов А. И. М 29 Археология: Учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2002. — 439 с.
6. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. — М., 2001. — С. 69.
7. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. — М., 2001. — С. 112.
8. Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. — М., 1990. — С. 444.
9. Baena J. P., Navas C. T., Diaz S. P., Bustos-Perez G., & Romagnoli F. To grip or not to grip: An experimental approach for understanding the use of prehensile areas in Mousterian Tools // Boletín de Arqueología Experimental. — 2016. — № 11. — P. 200-218

10. Borel A., Cheze L., & Pouydebat E. Sequence analysis of grip and manipulation during tool using tasks: A new method to analyze hand use strategies and examine human specificities // Journal of Archaeological Method and Theory. — 2017. — № 24. — P. 751-775.
11. Key A. J. M. Integrating mechanical and ergonomic research within functional and morphological analyses of lithic cutting technology: Key principles and future experimental directions // Ethnoarchaeology. — 2016. — № 8 (1). — P. 69-89.
12. Key A. J. M., & Lycett S. J. Investigating interrelationships between Lower Palaeolithic stone tool effectiveness and tool user biometric variation: Implications for technological and evolutionary changes // Archaeological and Anthropological Sciences. — 218. — № 10. — P. 989-1006.
13. Marzke M. W. (1997). Precision grips, hand morphology, and tools // American Journal of Physical Anthropology. — 1997. — № 102 (1). — P. 91-110.
14. Marzke M. W. Tool making, hand morphology, and fossil hominins. Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B // Biological Sciences. — 2013. — № 368 (1630). — P. 20120414.
15. Williams-Hatala E. M., Hatala K. G., Gordon M., Key A., Kasper M., & Kivell T. L. The manual pressures of stone tool behaviors and their implications for the evolution of the human hand // Journal of Human Evolution. — 2018. — № 119. — P. 14-26.
16. Wynn T. (2021). Ergonomic clusters and displaced affordances in early lithic technology // Adaptive Behavior. — 2021. — № 29 (2). — P. 181-195.

МАДЖУГА Анатолий Геннадьевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения Института развития образования Республики Башкортостан, г. Уфа

КЫШТЫМОВА Ирина Михайловна

доктор психологических наук, профессор Иркутского государственного университета

КИРИЛЛОВА Ксения Андреевна

ассистент кафедры спортивных и подвижных игр Нижневартковского государственного университета

ТОЧИЕВА Лейла Ибрагимовна

старший преподаватель Ингушского государственного университета, г. Магас

ЦЕННОСТИ КАМЕРТОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Концепт «ценности камертонной культуры» рассмотрен в ряду семантически близких понятий, обоснована его значимость. Охарактеризованы источники трансляции ценностей камертонной культуры и формы развивающей работы с обучающимся в условиях образовательного процесса. Уточнено содержание понятия «инкультурация», приведены данные экспериментальной проверки гипотезы, о ее продуктивности для процессов становления личности.

Ключевые слова: ценности, ценностные универсалии, камертонная культура, инкультурация, ценностная эклектика, ценности камертонной культуры.

MADZHUGA Anatoliy Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Pedagogy, psychology and health care sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan, Ufa

KYSHTYMOVA Irina Mikhaylovna

Ph.D. in psychological sciences, professor of the Irkutsk State University

KIRILLOVA Kseniya Andreevna

assistant of Sports and outdoor games sub-faculty of the Nizhnevartovsk State University

TOCHIEVA Leila Ibragimovna

senior lecturer of the Ingush State University, Magas

THE VALUES OF TUNING FORK CULTURE AND THEIR ROLE IN THE PROCESSES OF PERSONALITY FORMATION

The concept of "values of tuning fork culture" is considered in a number of semantically similar concepts, its significance is substantiated. The sources of translation of the values of tuning fork culture and the forms of developing work with students in the conditions of the basic educational process are characterized. The content of the concept of "inculturation" is clarified, the data of experimental verification of the hypothesis of its productivity for the processes of personality formation are presented.

Keywords: values, value universals, tuning fork culture, inculturation, value eclecticism, values of tuning fork culture.

Система ценностей, разделяемых личностью, является важным компонентом её мировоззрения и определяет реализуемые модели жизнедеятельности, задаёт вектор социально значимого поведения. Проблема, которая рассматривается в статье, приобретает особую актуальность в рамках Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, приоритета «Защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [9].

В условиях социальной неопределенности и активности процессов изменения, доминирующих в обществе идеологием, важное значение, имеет определение содержания ценностей обучающихся и выявление психолого-педагогических методов их формирования. Значение ценностей «в эру разрушающихся и исчезающих традиций», когда «все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты» [12, с. 295] было предметом глубокой, основанной на трагическом жизненном опыте, научной рефлексии В. Франкла. Он пока-

зал, что в условиях эклектичности разделяемых в обществе идей функцию защиты личности от ценностных конфликтов выполняет «иерархический порядок ценностей» [12, с. 290], а задачей образования считал развитие у обучающихся способности «обнаруживать» ценности, а «не придумывать» их, ибо ценности – «универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество» [12, с. 188], и они «больше, чем выражение самости человека» [12, с. 292]. «Обнаружение» ценностей предполагает, что они уже созданы, закреплены в общественном сознании, реализованы в социальном опыте, материализованы в культурных артефактах; при этом статус разных ценностей в обществе не-одинаков.

В системе ценностей личности удельный вес её компонентов различен. Согласно принципу ценностной иерархичности, универсальные, выработанные обществом и закреплённые в нем «коллективным договором» ценности, присваиваемые личностью в процессе её социализации, выполняют регулятивную функцию, определяя возможность принятия (иерархического согласования) иных (локальных, ситуативных) ценностей и их место в системе. Поэтому ос-

новополагающей психолого-педагогической задачей сегодня является определение актуальных ценностных универсалий, выведение целевых установок воспитания школьника из зоны абстрактных этических категорий. Для решения этой задачи важно уточнить источник образования ценностных универсалий, который В. Франкл определял как «общество или даже все человечество» [12, с. 288].

В этом контексте, существенный интерес представляют труды К. Д. Ушинского, который в качестве такого источника рассматривал народ. Ученый развивает представление о значении для становления личности коллективно выработанных ценностей – таких, которые соответствуют критерию народности. Размышляя об ограничениях воспитания, принимающего во внимание лишь «природные задатки» ребенка, он отмечает слабости и противоположного подхода – воспитательной системы, ориентирующейся только на «один принятый идеал» [10, с. 162]. Разрешение противоречия К. Д. Ушинский видит в интеграции этих двух подходов на основе «народности», под которой одновременно понимается и «общая для всех прирожденная наклонность» [10, с. 164], и коллективно выработанные нормативные установки воспитания. Значение принципа народности объясняется фундаментальным механизмом национальной идентичности: «Как нет человека без самолюбия, так нет человека без любви к отечеству, и эта любовь дает воспитанию верный ключ к сердцу человека и могущественную опору для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [10, с. 164]. В работах К. Д. Ушинского подчеркивается естественность и основанная на многовековой практической верификации валидность используемых народом педагогических методов: «...воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа» [10, с. 165]. Эти концептуальные идеи приобретают особую актуальность в условиях начинающегося сегодня осознания негативных последствий произошедшей в последние десятилетия девальвации традиционных смысловых ориентиров, медиаопосредствованной замены их глобалистскими и индивидуалистскими ценностями.

Осмысление ценностных универсалий как порождаемых определенной культурой и нормативных для ее представителей нашли также отражение в понятиях «базисный культурный сценарий» и «фундаментальный дискурс» [7], под которыми понимаются устойчивые модели социальной организации, поведения и деятельности людей, продуктивные для становления и творческой реализации их личности.

Фундаментальная теоретическая основа для обоснования и разработки механизмов формирования продуктивных ценностных установок личности актуализирована в трудах Ю. М. Лотмана и В. С. Библера, в которых осмыслено значение «ядра» культуры как ее центрального структурного образования; С. Л. Рубинштейна, который характеризовал культуру как «резервуар», в который человек на протяжении истории откладывает, сохраняя, все лучшее» [8, с. 380].

Введение нами в научный оборот концепта «камертонная культура» было связано с необходимостью решения практически значимой психолого-педагогической задачи – нахождения ответа на вопрос о том, как «узнаются», где обнаруживаются ученым ценностные универсалии, и каким способом он может построить программы их развития у школьников [5], [6]. Метафорическое использование слова «камертон» обусловлено его значением эталона, по степени

соответствия которому определяют качество звука музыкальных инструментов, их «настроенность» на идеальное исполнение музыкальных произведений. Ценности камертонной культуры характеризуются такой эталонностью, их присвоение человеком в процессе инкультурации обуславливает его личностную зрелость, способность к принятию значимых решений на основе «идеального» ценностного прогноза. Камертонные ценности создаются в культуре, и в ней же проходят «фильтрацию» – проверку историческим временем. Эти ценности передаются с помощью артефактов (текстов, произведений): музыкальных, литературных и созданных посредством иных знаковых систем. Такие ценностные источники – тексты называются прецедентными (хрестоматийными, классическими), они характеризуются не только значимой ценностной семантикой, но и эстетическими (формальными, синтаксическими) достоинствами. Важной их особенностью является, во-первых, способность апеллировать к индивидуальному и, одновременно, коллективному сознанию человека, транслировать смыслы высоких иерархических уровней: «национально-культурного», «гуманистического», «духовного», «эсхатологического» [1], [11], [14], [15]. Во-вторых, эти тексты содержательно многообразны, в них отражены сложные процессы поиска человеком ценностного идеала, его внутренние противоречия и борьба на этом пути, глубина возможных падений и наслаждение сопричастностью к процессу реализации значимых ценностей – сила прецедентных художественных текстов (музыки, литературы, живописи, кино, театра) заключается в близости изображенного в них художественного мира жизненному миру каждого человека. Прецедентный текст является артефактом, передающим в эстетической форме значимый для человека опыт поиска универсальных, идеальных жизненных ценностей и их реализации. Определение прецедентных текстов как источников ценностей камертонной культуры позволяет использовать принцип инкультурации в качестве основания разработки программ развития личности обучающегося. Под инкультурацией понимается процесс присвоения ценностей камертонной культуры, опосредствованный восприятием (чтением, слушанием, видением) прецедентных текстов. Неслучайно такие тексты названы И. Бродским «системой нравственного страхования», а их исключение человеком из зоны своей жизнедеятельности («не-чтение книг») – тяжким преступлением против себя [2, с. 471].

Разработанные и реализованные в разное время в процессе экспериментальных исследований программы развития личностных смыслов, нравственных установок, гражданских ценностей и патриотизма личности показали, что апелляция к прецедентным текстам, выражающим камертонные ценности, их совместное обсуждение в условиях полилога позволяют органично, не нарушая организацию привычного для обучающихся образовательного пространства, достигать поставленных психолого-педагогических целей [8], [13]. В связи с этим, наряду с *эстетико-семиотическим подходом*, который определяет представление о закономерностях развития человека как существа природного, социального и духовного; представление о содержании образования как усваиваемом опыте, представляемом в единстве значений и смыслов, в процессе изучения ценностей камертонной культуры, целесообразно использовать ещё один методологический подход – *полисубъектный*. В основе полисубъектного подхода лежит полисубъектное взаимодействие, которое заключается в организации совместной деятельности и общения педагога и обучающегося, где партнеры принимают

факт существования друг друга со всеми достоинствами и недостатками. Результатом полисубъектного взаимодействия является интегральная характеристика – полисубъектность, которая может быть охарактеризована совокупностью трех важнейших признаков, отражающих связь с такими реальностями, как познание (способность к рассмотрению себя и общности как целостности); отношение (способность к осознанию системы отношений между субъектами) и преобразование (направленность деятельности на развитие себя и Другого) [3].

Полисубъектность в образовательном процессе предполагает решение важной задачи: помощь обучающемуся в становлении его как полноценного субъекта саморазвития. По мнению Е. Н. Кролевецкой, идеи полисубъектного подхода в педагогических исследованиях базируются на двух системообразующих принципах: 1) принцип диалога и полилога; 2) принцип субъектности и полисубъектности. Согласно первому принципу, смыслы деятельности и смыслы коммуникации с другими, взаимно дополняющие друг друга, осознаются в многомерном диалоге, рождая смыслы развития «Я» (индивидуального «Я» и «Я» как части «Мы»). В рамках второго принципа, признаётся право субъекта на собственную образовательную цель, собственное отношение к содержанию, методам, формам и средствам педагогической деятельности; активную вовлеченность в различные образовательные ситуации, их проживание в соответствии с личными целями и мотивами; преобразовательные действия по собственному замыслу [4].

На каждом этапе развития полисубъектности происходит движение от объектных характеристик личности к субъектным, приращение и усложнение многомерной субъектности участников образовательного процесса. Следует отметить, что развитие полисубъектности человека – это поступательное изменение, усложнение личностных, социокультурных характеристик личности как субъекта познания, субъекта ценностного отношения, субъекта деятельности (общения, взаимодействия), субъекта развития, последовательное проживание ценностных отношений к себе, совместной деятельности, Другому, которое происходит в образовательной среде как по вектору «индивидуальное Я», так и по вектору «Я как часть Мы». Обозначенные в рамках двух базовых принципов полисубъектного подхода закономерности, играют важную роль в процессе формирования ценностей камертонной культуры [6].

В. М. Розин считает, что ценностями камертонной культуры являются духовные ценности, поведение человека, обуславливающие такие реалии, как язык, культура, история (традиции), общение, свободный выбор [7]. Основу формирования камертонной культуры личности в нашей стране составляют базовые ценности российского общества: патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, человечество, наука, семья, труд и творчество, традиционные российские религии, искусство и литература, природа. Отметим, что базовые ценности представляют собой конечные, целевые ценности человека, которые являются основой для формирования множества инструментальных (оперативных, текущих) ценностей, направляющих жизнедеятельность человека.

Именно поэтому, в процессе лонгитюдного исследования, была проверена гипотеза о влиянии на личность школьников процессов инкультурации – трансляции ценностей камертонной культуры. Эксперимент проводился в условиях основного образовательного процесса – формирующая про-

грамма реализовывалась при организации уроков русского языка, литературы, иностранного языка и биологии в общеобразовательной школе. Тексты для развивающей работы, при их тематическом (определяемым образовательными целями) разнообразии отвечали критерию «прецедентности», а метод взаимодействия с обучающимися – критерию диалогичности. По окончании эксперимента была выявлена значительная динамика показателей уровня развития личностных смыслов и ценностных установок у всех его участников, при достоверных различиях с показателями контрольной группы [5]. Например, согласно результатам исследования ценностных предпочтений, которое проводилось методом ранжирования, обучающиеся экспериментальной группы наделяют высоким семантическим статусом ценности: «покаяние»; «вера» и «воля», которые являются универсалиями камертонной культуры. Школьники, не участвующие в эксперименте, высоко оценили ценности более низких иерархических уровней: «гордость», «красота», «авторитет», «артистизм», «богатство», «веселье». Такая же динамика обнаружена при анализе результатов оценки пословиц: участники эксперимента дали высокую оценку пословицам: «Каждому Бог воздаст по делам его», «С лица воды не пить» и «Взялся за гуж, не говори, что не дюж»; обучающиеся контрольной группы выразили большее согласие с суждениями: «Цель оправдывает средства», «Работа не волк, в лес не убежит», «Не подмажешь – не поедешь», «Человек человеку волк», «Доверяй, но проверяй».

Следует отметить, что ценностная эклектика развивающей среды, определяемые рыночными отношениями и транслируемые через средства массовой информации прагматические и индивидуалистические установки как условия социальной успешности обуславливают проблемы в формировании продуктивных личностных ценностей, это актуализирует важность ориентации образовательного процесса на «ядерные» культурные ценности. Теоретический анализ литературы по проблеме исследования, даёт нам основание утверждать, что процесс развития культуры всегда сопряжен с переоценкой ценностей, которая начинается с формирования принципиально нового эталона, через призму которого рассматриваются предметы, обладающие ранее установленными ценностными характеристиками. Как правило, структура ценностной системы общества отражает особенности восприятия людьми действительности, представляя собой результат интеграции рационального и чувственного отношения человека к реальности. В процессе упорядочения ценностной системы общества можно выделить два основополагающих принципа. В аспекте первого принципа, значимым, является процесс иерархизации, связанный с выделением доминантных ценностей, по отношению к которым, все другие ценности, имеют, второстепенную роль. Не менее важный принцип, позволяющий упорядочить ценности, состоит в их распределении по разным сферам деятельности. Таким образом, ценности придают обществу необходимую степень порядка и предсказуемости, так как через систему ценностей, аккумулированных в культуре, осуществляется регуляция деятельности человека. Именно поэтому, ценности выступают в качестве «стержневой характеристики» личности, без которой она не способна к самостоятельному существованию.

На уровне системных представлений, структура ценностей общества, представляет собой совокупность базовых ценностей, которые составляют ядро ценностной системы общества, и периферийные ценности. Важно подчеркнуть, что так называемые «ядерные» ценности, представляют собой концептуальную основу системы ценностей, могут быть

обозначены, как необходимое условие формирования и функционирования системы ценностей конкретного общества. «Ядерные» ценности имеют определенную культурную привязанность, выступают «своеобразным геномом, культурно-генетическим кодом» личности, в соответствии с которым культура функционирует и развивается. Учитывая, что ценности существуют в тесной взаимосвязи с социальной структурой общества, они могут быть рассмотрены в качестве «социокультурного кода», представляющего собой совокупность базовых ценностей ядра, определяющих культурно-генетический код, и социальных структур, в рамках которых данные ценности могут функционировать и воспроизводиться без их изменения. Наличие социокультурного кода, ещё раз подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость системы ценностей общества (а именно – её базовую основу) и его социальной структуры.

По нашему мнению, именно «ядерные» ценности составляют основу процессов инкультурации, которые связаны с включением индивида в культурное окружение, обеспечивают трансляции ценностей камертонной культуры. В этой связи, принцип инкультурации был положен в основу психолого-педагогического эксперимента, направленного на формирование патриотизма и гражданских установок у солдат срочной службы. Для достижения поставленных целей в образовательную программу для военнослужащих по призыву были внесены изменения, предполагающие знакомство участников эксперимента с текстами камертонной культуры (литературными и музыкальными), посвященными проблеме отношения к Родине, в условиях полилога, актуализирующего смысловую рефлексию, и дискуссий. Анализ динамики диагностируемых, с помощью объёмного пакета методик показателей смыслового развития личности военнослужащих, их ценностных установок показал эффективность реализованной формирующей программы [13].

Таким образом, камертонная культура – это строгая система мировоззренческих, религиозных представлений, этических норм, эстетических и нравственных ценностей, органичных национальной культуре, составляющих ее идеальное ядро. Она формируется в процессе развития общества в зависимости от психологических, климатических, географических, исторических детерминант существования людей конкретной общности и выполняет, как функцию социальной, так и психологической защиты современного общества, обеспечивая условия для продуктивной коммуникации и общественного развития. Значение концепта «ценности камертонной культуры» определено его практической значимостью: прецедентные тексты, являющиеся источниками ценностей камертонной культуры, прошли «апробацию» временем и соответствуют критерию психологической безопасности; их тематическое многообразие даёт возможность выбора для решения актуальной развивающей задачи; моделирование процессов инкультурации органично условиям современного образовательного процесса.

Пристайный библиографический список

1. Братусь Б. С. Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности // А. Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А. Н. Леонтьева / Ред. А. В. Запорожец и др. – М., 1983. – С. 212-220.
2. Бродский И. А. Нобелевская лекция // Избранные стихотворения, 1957-1992. – М., 1994. – С. 464-487.

3. Кролевецкая Е. Н., Кормакова В. Н., Макотрова Г. В. [и др.]. Компетенции педагога XXI века: развитие полисубъектности: учеб. пособие. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – 256 с.
4. Кролевецкая Е. Н. Полисубъектность будущего педагога: концепция и технология развития. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – 356 с.
5. Кыштымова И. М. Психосемиотика креативности. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – 579 с.
6. Маджуга А. Г., Воронцов С. Г., Головнева Е. В., Салимова Р. М. Камертонная культура человека: концептуальные подходы к изучению феномена // Перспективы науки и образования. – 2019. – № 6 (42). – С. 20-30. doi: 10.32744/pse.2019.6.2.
7. Розин В. М. Личность и ее изучение. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
8. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
9. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, приоритета «Защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 12.11.2023).
10. Ушинский К. Д. Русская школа / Сост., предисл., коммент. В. О. Гусаковой / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 688 с.
11. Фельдман Я. А. Теория уровней и модель человека. – М.: Доброе слово, 2005. – 224 с.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
13. Шахова И. С. Развитие патриотизма у солдат по призыву в период армейской службы // Известия Иркутского госуниверситета. Серия Психология. – Т. 25. 2018. – С. 89-103.
14. Kidd M. A. Archetypes, stereotypes and media representation in a multi-cultural society // Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2016. – Vol. 236. – P. 25–28. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.12.007.
15. Nagel J. Constructing Ethnicity – Creating and Recreating Ethnic-Identity and Culture // Social Problems. – 1994. – Vol. 41, is. 1. – P. 152–176. DOI: 10.1525/sp.1994.41.1.03x0430n.

ПЕТЛИЦЫН Роман Андреевич

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского социального института, г. Ставрополь

ХВОСТОВА Светлана Григорьевна

аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск

ЯКШИН Сергей Викторович

аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университет (НПИ) имени М. И. Платова, г. Новочеркасск

РИСКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИННОВАЦИЙ, ТРАДИЦИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

В статье рассматриваются риски, возникающие в процессе взаимодействия инноваций, традиций и социальных норм. В современном мире социокультурные риски технологического развития разрастаются качественно и количественно, усложняют практики взаимодействия инноваций, традиций и социальных норм, вызывают к жизни множество угроз и вызовов для человека и общества. В процессе эволюции общества и технологического развития происходит перенос социальной значимости от религиозных норм к моральным и правовым нормам, но этот процесс неравномерен. Медиа технологии, которые явились результатом технологического развития, усиливают процессы разрастания социальных мифов в современном обществе. Использование социальных мифов в рамках социокультурных практик имеет высокий рискогенный потенциал. В условиях развития технологий разнообразится проявление позитивных и отрицательных последствий социокультурных рисков.

Ключевые слова: общество, риск, социальные нормы, инновации, традиции, технологии, социальные мифы.

PETLITSYN Roman Andreevich

postgraduate student of Social and humanitarian disciplines sub-faculty of the North Caucasus Social Institute, Stavropol

KHVOSTOVA Svetlana Grigorievna

postgraduate student of Social and humanitarian sciences sub-faculty of the M. I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novochechassk

YAKSHIN Sergey Viktorovich

postgraduate student of Social and humanitarian sciences sub-faculty of the M. I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novochechassk

RISKS OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF SOCIETY: INTERACTION OF INNOVATIONS, TRADITIONS AND SOCIAL NORMS

The article examines the risks that arise in the process of interaction between innovations, traditions and social norms. In the modern world, sociocultural risks of technological development are growing qualitatively and quantitatively, complicating the practices of interaction between innovations, traditions and social norms, and giving rise to many threats and challenges for individuals and society. In the process of the evolution of society and technological development, there is a transfer of social significance from religious norms to moral and legal norms, but this process is uneven. Media technologies, which are the result of technological development, enhance the growth of social myths in modern society. The use of social myths within sociocultural practices has a high risk potential. With the development of technology, the manifestation of positive and negative consequences of sociocultural risks is diversifying.

Keywords: society, risk, social norms, innovation, traditions, technology, social myths.

Социально-философское осмысление процесса увеличения рисков, вызовов и угроз современного технологического развития актуализировалось после чернобыльской катастрофы 1986 года, и было реконструировано У. Беком в его концепции «общество риска» [3]. Отечественные исследования в данном направлении также активно проводятся в различных направлениях [6], [7], [8], среди которых особое значение приобрело изучение возникающих рисков социокультурного развития, особенно в пространстве взаимодействия инноваций, традиций, социальных норм и ценностей [1], [2]. Данная проблема может изучаться в аспекте прерывности и непрерывности воспроизводства поведенческого образца социальных субъектов. Техника и технологии являются факторами социального развития [5], но внедрение в канву инновационных технологических элементов способствует появлению рисков, угроз и вызовов, существующим порядкам и практикам, устойчивости социокультурного развития. Примечательно, что устойчивость социокультурного

развития может иметь различные характеристики на разных уровнях социальной организации. Небольшие локальные сообщества и коллективы людей могут свято охранять свои традиции и противиться внедрению инноваций, исходя из своих моральных принципов и религиозных убеждений [9]. По мере разрастания численности общностей и коллективов нарастает прагматическая значимость внедрения инноваций для существования данных сообществ субъектов. Это связано с тем, что на больших территориях и в больших коллективах довольно затруднительно поддерживать ориентацию на единые, строго унифицированные правила поведения социальных субъектов, в силу наличия у них индивидуальных особенностей, различий в жизненном опыте и в доступе к базовым ресурсам и ценностям [14]. Для регуляции поведения людей в рамках общества активно формируются различные религиозные, моральные и правовые нормы. Примечательно, что в процессе эволюции общества и технологического развития происходит перенос «социального веса» и социаль-

ной значимости от религиозных норм к моральным и правовым нормам [13]. Чем больше общество устремлено в своем существовании к будущему, тем большую значимость в нем приобретают нормы морали и права, тем больше они усложняются, распространяются на новых субъектов и объекты (биоэтика, права животных, экологическая этика). Наоборот, чем больше общество устремлено в прошлое, пытается всеми силами закрепить традицию в социокультурной среде, тем большую значимость приобретают религиозные нормы [4]. И речь в данном случае не идет о той социокультурной системе, где мирно сосуществуют разнообразные религиозные и моральные нормы при безусловном примате универсальных правовых норм (такую социокультурную систему Юрген Хабермас назвал «постсекулярным обществом» [10], [11]). Речь идет именно о росте в рамках социальной системы религиозного фундаментализма и даже обскурантизма как довольно враждебного отношения к науке и просвещению. В качестве примера такого ярко выраженного общества можно назвать Афганистан, захваченный талибами, и где в социокультурной среде, по сути дела, возрождены средневековые традиции доминирования норм религии над нормами морали и права. Безусловно, в таком обществе, ориентированном на прошлое, под вопрос ставится не только применение социальных инноваций, появившихся в эпоху становления общества Модерна как общества промышленного капитализма (например, выход женщин из сферы домохозяйства и их активное экономическое участие в сфере массового промышленного производства), но даже проблемным становится применение новых инновационных средств коммуникации, например, смартфонов.

Вместе с тем, стоит отметить, что в обществах, устремленных и открытых будущему также с применением и с нарастанием широты использования в экономической, политической и социокультурной среде различных технологических и социальных инноваций, нарастают разнообразные риски развития как количественно, так и качественно. Это происходит в силу того, что растет число и разнообразие процессов, происходящих в рамках социальной системы, а также структурно разрастается как количество каналов коммуникации как между субъектами социальной системы, так и каналов взаимодействия между элементами данной социальной системы с внешней средой, прежде всего с внешней природной средой. Но внешняя среда для современных локальных сообществ — это не только природа, но и другие локальные сообщества и мировой глобальный социум, в котором несмотря на нарастание в последнее десятилетие процессов социально-политической локализации и частичной экономической фрагментации, в планетарном масштабе экономические порядки неуклонно продолжают унифицироваться. Вот почему современные процессы глобализации интенсифицируют нарастание социокультурных рисков и угроз для локальных сообществ. И именно поэтому некоторые из них так рьяно сопротивляются внедрения социокультурных и технологических инноваций. Мультипликативный эффект, то есть эффект умножения рисков и угроз, связан с экспоненциальным ростом технологического развития в современном обществе. Иначе говоря, разрастание рисков происходит количественно в силу увеличения числа каналов взаимодействия с внешней природной средой и качественно по причине диверсификации и усложнения современных технологий. Но число каналов коммуникации также связано с появлением множества новых субъектов общества, которые активно выходят на современную социально-политическую сцену истории.

Рискогенным фактором социокультурного развития является также возрастание значимости процессов медиатизации, которые явились результатом технологического развития. Медиа технологии воздействуют путем внедрения информации с целью желаемого для социальных, экономических и политических структур изменения поведения индивидов в рамках определенных социокультурных практик. То есть медиаструктуры вторгаются в социокультурные практики и могут внедрять определенные новые образцы поведения и формировать новые моральные нормы. Это может пред-

ставлять собой как внедрение идеалов так называемой западной массовой, кичевой, клиповой культуры, так и попытка архаизировать общественное сознание и сознание индивидов путем внедрения так называемых псевдотрадиционных ценностей и усилением значимости религиозных норм. Медиа технологии усиливают процессы разрастания социальных мифов в современном обществе. Само использование социальных мифов в рамках социокультурных практик современности также имеет высокий рискогенный потенциал, но очевидно, что изначально любые социокультурные практики практически никогда не могут обойтись без социальных мифов для организации социального порядка [12].

Итак, в современном мире социокультурные риски технологического развития разрастаются качественно и количественно, усложняют практики взаимодействия инноваций, традиций и социальных норм, вызывают к жизни множество угроз и вызовов для человека и общества. Заметим, что в условиях развития технологий разнообразится проявление позитивных и отрицательных последствий социокультурных рисков.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
2. Бакланов И. С., Баластрова К. Н. Специфика ценностных ориентаций в условиях формирования общества знаний // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2017. - № 6. - С. 66-69.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому Модерну. - М., 2000. - 384 с.
4. Бернкоевич Т. В. Техника в культуре: воплощение божественного и преображение природного (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, Ф. Дессаур) // Аспирантский вестник Поволжья. - 2020. - № 7-8. - С. 31-36.
5. Денисенко С. В., Бакланова О. А., Бакланов И. С. Техника как фактор социального развития // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 8 (147). - С. 445-447.
6. Душина Т. В., Микеева О. А. «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума // Личность. Культура. Общество. - 2009. - Т. 11. - № 4 (51-52). - С. 196-202.
7. Лукьянов Г. И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности // Философия и культура. - 2011. - № 11 (47). - С. 59-65.
8. Лукьянов Г. И., Чернышева Д. С. Понятие риска в опыте социально-философской рефлексии современности // Вестник ВИАПП. - 2021. - № 2. - С. 39-44.
9. Теняков А. В., Нагапетова А. Г., Похилько А. Д. Традиции, новации и инновации в социокультурном развитии // Гуманитарные и социальные науки. - 2019. - № 5. - С. 51-60.
10. Хабермас Ю. Постсекулярное общество - что это? // Российская философская газета. - 2008. - № 4, 5.
11. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. - М., 2011. - 336 с.
12. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhina A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - Т. 7. - № 2. - P. 41-47.
13. Burlova Yu., Baklanova O. Normative Conditioning of the Consciousness of the Society Subject: Sociocultural Approach // Science Almanac of Black Sea Region Countries. - 2022. - № 4 (32). - P. 3-9.
14. Gubanova M. A., Pohilko A. D., Ponarina N. N., Nagapetova A. G., Baklanova O. A. Posthuman In Global Information Society // Revista Inclusiones. - 2020. - V. 7. - № 4. - P. 362-368.

РАВОЧКИН Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В. Н. Полецовка

ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИЙ В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ (ЧАСТЬ 1)

В статье представлен философский анализ изменений коммуникации в реалиях цифровой эпохи. Для раскрытия заявленной цели автор обращается к работам классиков и современных мыслителей. Зафиксированы основные векторы трансформации коммуникации. В заключение первой части работы подводятся промежуточные итоги исследования.

Ключевые слова: коммуникация, цифровизация, общество, техника, интеллект.

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of History, philosophy and social sciences sub-faculty of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; associate professor of Pedagogical technologies sub-faculty of the V. N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University

TRANSFORMATIONS OF COMMUNICATIONS IN THE DIGITAL WORLD: PHILOSOPHICAL ANALYSIS (PART 1)

The article presents a philosophical analysis of changes in communication in the realities of the digital era. To reveal the stated goal, the author turns to the works of classics and modern thinkers. The main vectors of communication transformation have been recorded. At the conclusion of the first part of the work, the interim results of the study are summed up.

Keywords: communication, digitalization, society, technology, intelligence.

Вопрос о сущности коммуникации как формы трансляции информации имеет длительную историю и множество совершенно разнородных решений. Существует ряд концепций, представители которых сводят сущность коммуникации исключительно к технической среде: трансляция информации реализуется в различных формах и способах передачи при использовании разнообразных средств. В некоторых других концепциях под данным понятием понимается любая (не обязательно основанная на технике) форма трансляции информации. Самоочевидно, что между коммуникацией, выступающей либо как (1) социальный феномен, либо как (2) совокупность знаков связи между животными, можно провести некоторые разграничения. Обращает на себя внимание, что последняя зачастую интерпретируются как «совокупность сигналов, обладающих высокой ситуационной специфичностью и сформировавшиеся в процессе эволюции именно как специализированное средство передачи информации» [5, с. 409]. Полагается, что социальная природа коммуникации определена исключительно человеческой, индивидуальной либо коллективной, природой, что делает процесс трансляции информации фундированным рациональностью. Представленная логика позволяет говорить, что сигнальные способы связи между животными основаны на инстинктивных способах взаимодействия – и это не позволяет участникам такого информативного обмена выбирать способы и механизмы ее трансляции. Человек же способен ставить перед собой цели и выбирать наиболее (как ему представляется) эффективные механизмы передачи любых форм информации.

Также следует отметить, что в научной литературе существует дискуссия, посвященная тому, как соотносятся между собой понятия «коммуникация» и «общение». Некоторые исследователи склонны отождествлять два данных понятия, сводя их этимологическое значение к греческому термину *κοινωνία* и его латинскому аналогу *communio*.

Представленные понятия «означали общение, совместную жизнь и, можно сказать, издревле выражали самую суть понятия общества» [7, с. 48]. В таком ракурсе коммуникация и все возможные ее формы и способы сводятся исключительно к трансляции информации вне зависимости от того, насколько они эффективны, полезны и значимы для субъектов, участвующих в данном процессе. Кроме того, не проводится различия между формами, имеющими цель, и теми, в которых отсутствует целеполагание. Иная точка зрения по поводу дифференциаций между социальным феноменом коммуникации и процессом общения заключается в том, что специфика первого усматривается в информационно-инструментальной природе взаимодействия, где отражены исключительно одобряемые и приемлемые обществом формы и способы контактирования [2]. Отмечается прагматический аспект коммуникационного процесса. Полагается, что данное свойство детерминирует возможность и необходимость определенных вариантов взаимодействия и ответной реакции. Использование конкретных форм трансляции информации делает такую коммуникацию эффективной, целенаправленной и способной обеспечить ее участникам необходимый результат.

Вне зависимости от трактовки сущности коммуникации в современной литературе отмечается социальная природа коммуникации. Кроме того, полагается, что техническая сторона общественного развития приводит к трансформации коммуникационного процесса. В рамках представленной логики цифровизация современного общества детерминирует появление новых форм коммуникационных связей и отношений в различных сферах социальной интеракции. Заметим, что активное развитие и внедрение цифровых, электронных и иных технологий в коммуникационные процессы привело к трансформациям ключевых компонентов коммуникационных процессов и изменению их функционального назначения. Один из аспектов заключается в том, что изменился

субъектный состав процесса коммуникации. На основании развития технических средств произошло расширение субъектов данного процесса за счет включения в число коммуникантов совокупности нечеловеческих участников. Речь идет обо всем многообразии роботов, искусственном интеллекте и прочих технологических новинках современного социума. Так, одним из актуальных форм взаимодействия в коммуникативной сфере становится использование чат-ботов и технологии Chat-GPT, которые в достаточно широком спектре сфер деятельности реально замещают человека как субъекта взаимодействия.

В рамках научных разработок указывается, что чат-боты могут выступать активными участниками коммуникационного процесса. Ученые, изучающие сущность данного феномена, высказывают положение о том, что «чат-боты, основанные на искусственном интеллекте, как более технически сложные чат-боты, способные вести полноценный коммуникационный обмен устно или через переписку, признаются полноценным представителем хозяйствующего субъекта и высказанная позиция или алгоритм воспринимается как официальная» [9, с. 73]. Важно понимать, что такие технологические решения имеют определенный ресурс, связанный в первую очередь с тем, что содержательная и смысловая обработка запросов на сегодняшний момент недоступна таким сервисам. Однако следует полагать, что чат-боты действительно могут быть реальными участниками коммуникационного процесса хотя бы на том основании, что заранее запрограммированный искусственный интеллект куда быстрее способен обрабатывать огромные массивы данных и выполнять рутинные обязанности по разрешению, к примеру, стандартных запросов в различных областях социальной интеракции. Так, к примеру, такие субъекты могут быть использованы: (1) в формах юридической консультации по поиску и подбору стандартной информации; (2) в некоторых простейших формах экономической деятельности по обработке типовых запросов со стороны потребителей товаров и услуг (известен пример использования искусственного интеллекта на первичных стадиях обращения клиента мобильных операторов к провайдерам или же в службу поддержки банков); (3) в социальной сфере в рамках поиска и подбора подходящих вакансий на замещение различных должностей.

Иным примером таких форм взаимодействия можно считать так называемую технологию «Интернет вещей», согласно которой современные машины могут без участия человека осуществлять информационный обмен с другими участниками дорожного движения. IT-технологии помогают формировать дополненную реальность для транспортных средств и, тем самым, способствовать минимизации дорожно-транспортных происшествий. Кроме того, исследователи полагают, что «неодушевленные приборы стали активными центрами принятия решений. Одновременно они создают возможность для накопления и структурирования и анализа различной информации о поведении людей в различных сферах социальной жизни, путем анализа их покупок, кредитных историй и т.п., а порой – фактически устраняют необходимость человеческого взаимодействия» [8, с. 126]. Мы видим, что цифровые основания современного общества становятся основанием для трансформации субъектного состава участников коммуникационного процесса. Можно смело говорить, что часть коммуникантов – это искусственно созданные субъекты, те, которые запрограммированы на выполнение заранее заданных видов действий. Чаще всего такие формы активности и «принятые решения» носят ско-

рее технический характер, основанный на необходимости делегирования части формальных и технически, «муторных», а иногда – сложных действий. В рамках представленной логики трансформаций важным моментом является изменение технической и технологической стороны коммуникационного процесса. Это приводит к необходимости передачи части заданных форм действия механизмам и искусственному интеллекту, что имеет ряд последствий как для отдельного человека, так и для всего общества в целом. Так, важным следствием является трансляция стереотипных моделей поведения, форм существования человека в системе общественных отношений [3]. Речь идет о том, что коммуниканты привыкают к использованию стандартных форм действий, что делает их поведение стандартным и массовым.

Известные концепции Г. Лебона и Х. Ортеги-и-Гассета содержат в себе положение о стандартизации и массовизации образа человека включают в себе идею о трансляции стандартных моделей поведения. Как итог, можно перенести логику трансформации технической стороны коммуникационного процесса на межличностное и межгрупповое общение и коммуникацию. Человеческое тело, модели поведения становятся такими же элементами технической стороны социальных связей и отношений, как и приборы, которыми мы пользуемся каждый день. Одновременно с этим следует говорить о множестве трендов технической стороны коммуникационной деятельности в цифровом обществе. К таковым действительно можно отнести наличие горизонтальных связей и отношений, то есть такое положение дел, в котором отсутствует вертикаль взаимодействия. Значимым оказывается равнозначность и равноуверенность субъектов коммуникации [6]. Так, ученые высказывают положение о принципиальной разнице таких подходов к коммуникативной деятельности. Ученые показывают, что «в случае иерархической структуры информация распространяется от узла к узлу. Например, «Коля 3» может получить информацию от первоначального источника «Петя 1» либо через «Коля 1», либо через «Миша 1». Непосредственной передачи информации от «Петя 1» к «Коля 3» нет. Очевидно, что в обоих случаях передача информации может происходить с большими лагами по времени» [10]. Наличие любой иерархии требует времени для распространения информации. Использование горизонтальных связей и отношений в коммуникативном процессе приводит к ускорению процесса передачи информации.

Другой спецификой коммуникации цифровой эпохи становится возрастание влияния шумов на любую процедуру трансляции знания. Речь идет о том, что в ряде концепций понимания коммуникации (например, идеи Г. Ласуэлла, К. Шеннона и У. Уивера) значимым элементом является совокупность шумов, которые так или иначе мешают передаче данных [10]. Причиной появления шумов можно считать совокупность каналов, каждый из которых имеет сопротивление (аналог физическому явлению в электродинамике и электростатике), а также множество факторов, которые оказывают влияние на процесс передачи информации со стороны. Как итог, получаемые данные могут быть изменены до неузнаваемости и проинтерпретированы совершенно иначе, в сравнении с тем, как они подавались изначально. Наряду с шумовыми изменениями, происходят и иные технические преобразования. К таковым можно отнести преобразование статуса и форму существования источника коммуникации. В классической ее форме субъект-источник всегда определен, он понятен и однозначен, в то время как в цифровой ком-

муникации он может быть даже неизвестен. Более того, источник трансляции информации может оказаться даже техническим прибором, информационной системой на базе искусственного интеллекта. Одновременно с этим, посылаемое сообщение может подстраиваться под реципиента: «разработанные алгоритмы современных браузеров персонализируют поиск в Интернете. Разными могут быть не только порядок выстраивания ссылок в результатах поиска, но и их количество» [1, с. 62]. Все это значительно расширяет формы и методы влияния информации на ее потребителя. Наконец, на примере известных концепций био-политики Ж. Деланда, Дж. Агамбена, М. Фуко и некоторых других мыслителей современности можно сделать вывод о распространении горизонтальных связей и отношений в общественных системах. Политическая коммуникация, вместе с этим, распространяется уже не через привычные каналы трансляции информации, а в первую очередь через аналоговые, такие как Интернет, воображаемые и виртуальные сообщества, использующие принцип удовлетворения конкретных потребностей человека. Важной тенденцией трансформации коммуникационных потоков в цифровом мире становится использование персонализированной информации. Речь в данном случае идет о том, что анализ Интернет-соединений и запросов позволяет сформировать контекстную рекламу и таким образом влиять на человека и его модели поведения за счет использования знаний о его потребностях. С другой стороны, известная логика философов-постмодернистов позволяет трактовать нарратив как рассказ от первого лица и, как итог, сформировать право каждого коммуниканта на формирование образа того, о чем они говорят [6]. Возникает избыточно субъективированный процесс коммуникации, результат которого определяется не желанием достигнуть истины или хотя бы договориться между собой, а стремлением каждого рассказчика показать себя в лучшем свете.

Одновременно с этим реализуются и иные технические процессы, связанные с тем, что изменяются формы подачи информации на уровне технических приемов. Так, если ранее вокруг приемника информации собирались участники коммуникации, то в цифровую эпоху данный процесс встраивается в новые формы, становится контекстуальным, встроенным в индивидуализированные формы потребления социально значимого контента. Средства массовой коммуникации и информации с неизбежностью приобретают новые формы и способы влияния. Так, одним из форм проявления становится так называемая контекстная реклама. Кроме всего прочего, коммуникационный процесс в цифровой среде существенно трансформируется в контексте получения и обработки информации, а также уверенности потребителя информации в том, что он обладает полноценной свободой доступа к информации. Ученые высказывают справедливое предположение о том, что доступ к интернет-источникам нами не контролируются, а значит, получение новых или альтернативных форм информации до определенной степени неконтролируем самим ее потребителем. Вместе с тем, важно понимать, что потребление информации связано с необходимостью ее переосмысления, критического ее анализа.

Пристатейный библиографический список

1. Азарян Д. А., Прончев Г. Б. Современные интернет-технологии и безопасность личности // Юный ученый. – 2016. – № 3. – С. 61-63.
2. Ерохин В. С., Ерохина Н. В. Коммуникация как социальный феномен // Манускрипт. – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 500-504.
3. Ерохин В. С. Тенденции трансформации социальных практик и персональной идентификации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – № 1. – С. 9-13.
4. Земская Ю. Н. Об изменениях коммуникационного ландшафта в эпоху интернета и социальных сетей // Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 187-190.
5. Иваницкий В.В. Коммуникация у животных: теория и факты // Русский орнитологический журнал. – 2009. – Т. 18. – № 470. – С. 407-425.
6. Левин С. М. Нарративный подход, фикция и реальность // Философский журнал. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 184-187.
7. Назарчук А. В. Эволюция понятия коммуникация в социальной мысли XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. – 2012. – № 1. – С. 48-54.
8. Прочнев Г. Б. Трансформация моделей социальной коммуникации в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – Т. 28. – № 4. – С. 122-138.
9. Усольцева Н. А., Усольцев Ю. М. Чат-бот как элемент правовой реальности // Юридическая наука. – 2020. – № 9. – С. 72-75.
10. Lasswell H. The structure and function of communication in society, the communication of ideas. Institute for Religious and Social Studies, 1948. – P. 37-51.
11. Osipova N. G., Elishev S. O., Pronchev G. B. Mass information media and propaganda mouthpiece as a tool for manipulating and social inequality factor among the young people // Astra Salvensis. – 2018. – Vol. 6. – P. 541-550.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-551-552

ШАРИПОВ Азамат Ражапович

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью Уфимского университета науки и технологий

БАЙНАЗАРОВ Ирандык Наилович

кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по учебной и научной работе мореходного факультета Камчатского государственного технического университета

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВЛИЯНИЯ ЯЗЫКА НА СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются и анализируются некоторые аспекты влияния языка на состояния национального самосознания. Для такого анализа было рассмотрено соотношение владения родным языком и наличием национального самосознания. Были произвольно выбраны отдельные народы в алфавитном порядке по таблице переписи населения в РФ 2021 года. Так, значительная часть того или иного народа не владеет родным языком, что не мешает относить себя к своему народу. Анализ показал, что национальное самосознание не зависит от владения национальным языком.

Ключевые слова: язык, национальное самосознание, ассимиляция, национальная идентичность.

SHARIPOV Azamat Razhapovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

BAYNAZAROV Irandyk Nailovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Deputy Dean for educational and scientific work of the Nautical Faculty of the Kamchatka State Technical University

ABOUT SOME ASPECTS OF THE INFLUENCE OF LANGUAGE ON THE STATE OF NATIONAL IDENTITY

The article examines and analyzes some aspects of the influence of language on the state of national identity. For this analysis, the relationship between proficiency in the native language and the presence of national identity was considered. Individual peoples were randomly selected in alphabetical order according to the 2021 Russian Federation Census table. Thus, a significant part of this or that people does not speak their native language, which does not prevent them from identifying themselves as their own people. The analysis showed that national identity does not depend on proficiency in the national language.

Key words: language, national identity, assimilation, national identity.

Существует достаточно много известных высказываний особенно философов, писателей и поэтов в отношении национального языка, о его значительной роли в формировании народа, нации, что безусловно заслуживает внимания. Отметим лишь отдельные цитаты некоторых из великих мыслителей, поэтов и писателей, сказавших своё слово о языке и его значении для народа.

Так, ещё с эпохи античности Пифагор отметил, что «Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык» [1]. В данной цитате древнегреческий философ, мистик и теоретик музыки, математик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев VI-V в. до н.э. Пифагор будучи талантливым во всём отметил по сути, что в национальном языке заключена сущность и природа народа.

Другую не менее важную сторону знания языков отметил французский философ-просветитель XVIII века, поэт, трагик, сатирик, прозаик, публицист и историк Франсуа Мари Аруэ известный как Вольтер. В частности, он отметил «Знать много языков — значит иметь много ключей к одному замку» [2]. По сути, Вольтер отметил значение разных языков для развития народов.

Александр Сергеевич Пушкин в свою очередь писал конкретно о русском языке, что «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими» [3]. Так великий русский поэт А. С. Пушкин оценил русский язык, на котором писал свои литературные произведения!

В таком же духе писали про значение русского языка и другие известные русские писатели. Например, Иван Сергеевич Тургенев писал, что не только для него, но и для всего русского народа означает русский язык «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [4].

Актуальную проблему для русского языка отметил русский писатель, литературный критик, публицист - Николай Семенович Лесков, который с горечью отмечал, что «Новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую печать беспрестанно и часто совсем без надобности, и — что всего обиднее — эти вредные упражнения практикуются в тех

самых органах, где всего горячее стоят за русскую национальность и ее особенности» [5].

В подобном ключе писал публицист, русский литературный критик и теоретик, Виссарион Григорьевич Белинский «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус» [6]. Отметим, что данная проблема экспансии иностранных слов в русский язык актуальна и в современной Российской Федерации, что обусловлено теми же причинами, что и в прошлые исторические периоды истории страны, особенно в эпоху Петра Перового, а именно появлением новых технологий и прогрессом НТР.

Жизненную сущность языка отметил в своих высказываниях писатель, русский педагог, один из основоположников научной педагогики - Константин Дмитриевич Ушинский, писавший «Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ» [7] и Густав Густавович Шпет - русский философ, педагог, психолог, переводчик философской и художественной литературы, теоретик искусства. Он как полиглот, знавший 17 языков, писал «Язык есть как бы внешнее явление духа народов, — их язык есть их дух, и их дух есть их язык» [8].

Лев Николаевич Толстой очень тонко описал, духовную сущность языка «Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело» [9].

Кратко, но очень ёмко обозначил значение языка для народа советский писатель Михаил Александрович Шолохов, который сказал: «Величайшее богатство народа — его язык» [10].

Один из величайших мыслителей XX века австрийско-британский философ Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн. Авторитетный специалист в области философии языка, философии математики, философии разума и логики писал о языке «Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох, и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами» [11]. По сути — это замысловатая цитата по аналогии с развитием древнего поселения первобытных людей отражает историю и судьбы языков,

которые имеют древнее основание, зачастую архаичное и общее для многих народов, понимаемые как «языковые семьи» [12, р. 139.]. В которые в дальнейшем встраивались новые слова и заимствования из других языков, как развитие современных городских кварталов.

Не менее известный германский философ-экзистенциалист XX века, Мартин Хайдеггер оказавший существенное влияние на онтологию и континентальную философию отметил различия языков по их сути «Для восточноазиатских и европейских народов существо языка остается совершенно различным» [13].

В завершение далеко не полных, а только отдельных цитат, отдельных мыслителей, писателей и поэтов необходимо привести в статье поэтические отрывки из стихотворений двух поэтов-друзей, советской эпохи.

О значение родного языка писал башкирский поэт, писатель и драматург Мустай Карим, вот отрывок из его стихотворения «Тоска»

«...О язык моей матери, веры святой!
Если в долгой разлуке к тебе я стремиться не буду,
Если я на тебя ежедневно молиться не буду, -
Пусть утрачу дар речи и все дорогое забуду,
Пусть лишусь языка, поражен немотой.» [15].

И отрывок из стихотворения «Родной язык» известного аварского советского поэта, прозаика, публициста Гамзатова Расула Гамзатовича

«...
И, смутно слыша звук родимой речи,
Я оживал, и наступил тот миг,
Когда я понял, что меня излечит
Не врач, не знахарь, а родной язык.
Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.
Я за него всегда душой болею,
Пусть говорят, что беден мой язык,
Пусть не звучит с трибуны ассамблеи,
Но, мне родной, он для меня велик ...» [15].

Перевод с аварского языка на русский язык (Наум Исаевич Ромбах русский советский поэт, переводчик народной поэзии и классических поэтов Кавказа и Востока)

Историю появления данного стихотворения пояснил Г. И. Магомедов, филолог, доктор педагогических наук, профессор ДГУ, что «Всем известны периоды забвения и падения престижа родных языков, а также ошибки и просчеты, допущенные в прошлом в языковой политике. Так, с 50-х годов XX в. под видом «интернационализации и консолидации народов» русский язык постепенно становился чуть ли не единственным в общении людей, а пропаганда национальных языков рассматривалась как проявление национализма... Именно в этот период, когда после каждой переписи населения с удовлетворением отмечали растущее количество дагестанцев, не знающих родного языка и считающих таковым русский язык, Расул Гамзатов написал свое знаменитое стихотворение «Родной язык», в котором он открыто, недвусмысленно, смело заявил: И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть!» [16].

Выше были приведены некоторые цитаты из разных эпох и некоторых известных авторов, которые отмечали природу языка и его значение для существования народа. Указанные авторы – философы, поэты, писатели, люди творческие, непосредственно связанные с языком. Теперь обратимся к статистике и, по сути, к социологии данных основанных не на эмоциональном, а на эмпирическом материале и реальных данных, по теме данной статьи. Проанализируем результаты переписи населения в Российской Федерации на предмет знания и владения родным языком и наличия национального самосознания опрошенных во время проведения переписи населения в 2021 году.

Для данного анализа невозможно в рамках одной статьи рассмотреть соотношение владения родным языком и наличием национального самосознания по всем народам современной Российской Федерации, поэтому были произвольно выбраны следующие народы по таблице в алфавитном порядке – башкиры, евреи, ингуши, татары, чеченцы, чуваша.

Посмотрим сколько представителей данных народов указали, что они знают и владеют родными для них языками к

общей численности этих народов в масштабе Российской Федерации, а не отдельного субъекта страны.

Для анализа были использованы:

Том 5 «Национальный состав и владение языками» и соответствующие таблицы

Таблица 1. Национальный состав населения

Таблица 3. Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию

Таблица 4. Владение языками и использование языков населением

Численность лиц, владеющих соответствующим языком в РФ	Общая численность соответствующего народа в РФ
Башкирский 1,086,423	1,571,879
Иврит 10,569 Идиш 1,146	82,644
Ингушский 333,151	517,186
Татарский 3,261,155	4,713,669
Чеченский 1,493,748	1,674,854
Чувашский 700,222	1,067,139

Данные переписи показывают, что национальное самосознание не зависит от владения национальным языком!

Отметим, что значительная часть того или иного народа не владеет родным языком, что не мешает относить себя к своему народу, но данный процесс является естественным процессом культурной и языковой ассимиляции, что характерно для любого общества, в любой исторической эпохе – язык большинства имеет большее распространение, чем языки национальных меньшинств!

Пристатейный библиографический список

1. Пифагор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38609>.
2. Вольтер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38589>.
3. Пушкин А. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38519>.
4. Тургенев И. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38560>.
5. Лесков Н. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38605>.
6. Белинский В. Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38531>.
7. Ушинский К. Д. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/460508>.
8. Шплет Г. Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38541>.
9. Толстой Л. Н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/460513>.
10. Шолохов М. А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38596>.
11. Витгенштейн Л. И. И. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38571>.
12. Lyle Campbell. Historical Linguistics. An Introduction. – Edinburgh: University Press, 2013. – P. 139.
13. Хайдеггер М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://time365.info/aforizmi/aforizm/38591>.
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2015/01/11/pedagogicheskoe-nasledie-narodnogo-poeta#:~:text=B%20комплексном%20воспитании%20личности%20Мустай,всех%20нравственных%20и%20моральных%20воззрений>.
15. Вечер лирики. - Москва: Искусство, 1965.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dagpravda.ru/kultura/toboj-zhivu-i-toboj-gorzhus/#:~:text=P.%20Гамзатов%20так%20писал%20о,мира%2C%20и%20я%20благодарен%20ему>.
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том5_tab4_VPN-2020.xlsx.

ШМАТЬКО Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом Кубанского государственного технологического университета

ШМАТЬКО Ольга Николаевна

магистрант направления «Философия» Северо-Кавказского федерального университета; кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

В статье проводится исследование факторов формирования и специфических функций исторического сознания как комплексного явления, включающего поддержание и трансляцию исторической памяти, а также генерацию исторического мышления у субъектов общества, обладающих способностью критически воспринимать окружающую реальность и происходящие процессы. Через процесс преемственности и социального наследования субъекты общества перенимают и передают знания, ценности, традиции и опыт предыдущих поколений. Историческое сознание участвует в формировании мировоззрения, поддерживая и развивая идеологические системы, сохраняя культурную память и способствуя познанию индивидами и их группами социального мира. Историческое сознание помогает субъектам общества на основе осмысления своей роли в исторических процессах создать эффективные стратегии реализации будущего.

Ключевые слова: историческое сознание, историческая память, культурно-историческое наследие, коммуникация субъектов, формирование идентичности, социальная философия, общество.

SHMATKO Alexander Alexandrovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of Sociology, jurisprudence and human resources sub-faculty of the Kuban State Technological University, Krasnodar

SHMATKO Olga Nikolaevna

master's degree student of the studying "Philosophy" of the North Caucasus Federal University; Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Stavropol State Agrarian University

FACTORS OF FORMATION AND FUNCTIONS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

The article conducts a study of the formation factors and specific functions of historical consciousness as a complex phenomenon, including the maintenance and transmission of historical memory, as well as the generation of historical thinking among subjects of society who have the ability to critically perceive the surrounding reality and ongoing processes. Through the process of continuity and social inheritance, subjects of society adopt and transmit the knowledge, values, traditions and experience of previous generations. Historical consciousness participates in the formation of a worldview, supporting and developing ideological systems, preserving cultural memory and facilitating the knowledge of individuals and their groups of the social world. Historical consciousness helps subjects of society, based on understanding their role in historical processes, to create effective strategies for realizing the future.

Keywords: historical consciousness, historical memory, cultural and historical heritage, communication of subjects, identity formation, social philosophy, society.

Процессы социально-философской рефлексии над историческим сознанием открывают множество исследовательских возможностей для анализа в аспекте рассмотрения его социокультурных оснований, выявления факторов формирования и его функций. Осмысление его роли в культуре и общественной жизни позволяет нам более глубоко понять специфику исторического сознания и его влияние на духовную и практическую сферы общества [4]. Это помогает индивидам понять, как историческое сознание способствует сохранению и передаче ценностей в социокультурной среде. Социальные акторы могут использовать философский подход для более глубокого понимания этого явления и его роли в формировании нашего коллективного наследия. Историческая память представляет собой совокупность знаний, представлений, мифов и интерпретаций о прошлом, которые хранятся в коллективном сознании общества [12]. Она передается из поколения в поколение и сформирована на основе определенных моральных, эстетических и политических ценностей [3]. Историческое сознание, в свою очередь, представляет собой способность индивида и общества воспринимать, осмысливать и интерпретировать историче-

скую память [13]. Оно является более активным процессом, затрагивающим не только прошлое, но и настоящее, и будущее. Историческое сознание помогает субъектам общества понять и реконструировать исторические процессы, их причины и последствия, а также способствует формированию личной и коллективной идентичности с помощью ценностных оснований социокультурной коммуникации [2]. Историческое сознание является основой для понимания и интерпретации прошлого, а также для формирования настоящего и будущего. Через процесс преемственности и социального наследования субъекты общества перенимают и передают знания, ценности, традиции и опыт предыдущих поколений [1]. Именно этот процесс обеспечивает сохранение и накопление культурно-исторического наследия, а также позволяет осознать свою причастность к достижениям прошлого в современной социокультурной среде, подверженной высокой урбанизации [7]. Социальное наследование выражается в передаче информации, норм, ценностей и культурных практик от старшего поколения к младшему. Это происходит с помощью образования, рода, семьи, и других социальных институтов, которые играют

Шматько А. А.

Шматько О. Н.

важную роль в формировании исторического сознания и социокультурного контекста жизнедеятельности субъектов [8]. Иначе говоря, историческое сознание и социальное наследование тесно связаны друг с другом и обуславливают важность сохранения и продолжения культурно-исторического процесса. Они помогают людям определить свою идентичность, понять свою роль в обществе и способствуют развитию культурного наследия. Обыденное и массовое сознание, а также социальная психология являются базовыми компонентами исторического сознания, каждый из которых играет свою особенность и роль выполняет определенную в формировании исторического сознания. Они отражают взгляды, представления и оценки, которые существуют в обычной жизни людей и накоплены в процессе их повседневной деятельности. Эти компоненты отражают исторический процесс, потому что история пронизывает все аспекты жизни людей и влияет на их мышление и понимание окружающего мира [6]. Также историческое сознание включает в себя следующие «блоки»-компоненты. Во-первых, теоретический «блок» состоит из научных и философских представлений об истории. Историческая наука изучает прошлое, используя различные методы и подходы, чтобы понять и объяснить процессы, произошедшие в прошлом. Философия истории и теология истории также играют важную роль в формировании исторического сознания, предлагая различные интерпретации исторических событий и процессов с помощью философских и религиозных концепций, отражающих эсхатологические мотивы и сюжеты [5]. Во-вторых, художественно-образный «блок» включает в себя различные жанры профессионального искусства, такие как литература, живопись, скульптура, музыка и фольклор. Они выражают исторические события и эмоции, помогая нам почувствовать и понять прошлое на эмоциональном уровне. Художественные произведения могут быть историческими источниками и представлять определенное время и культуру [11]. В-третьих, политико-идеологический «блок» включает в себя политическое, правовое и моральное сознание, которые непосредственно влияют на исторические исследования и рассуждения. Он представляет собой систему ценностей, идеологий и политических убеждений, которые формируют наше восприятие и понимание истории. Все эти группы компонентов взаимосвязаны и влияют друг на друга, создавая сложное и многогранный образ исторического сознания. Сочетание разных подходов и точек зрения позволяет нам лучше интерпретировать прошлое и его значения для настоящего и будущего.

Историческое сознание играет важную роль в общественной жизни, так как оно формирует мировоззрение и ценностные ориентации людей. Одна из функций исторического сознания - информационная. Историческое сознание предоставляет нам информацию о прошлых событиях, людях и культуре. Оно помогает нам понять и оценить события и явления настоящего, а также прогнозировать будущее [10]. Историческое сознание также имеет аксиологическую функцию, помогая оценить прошлые события и деяния людей, а также сделать выводы из этих оценок. Оценочная функция исторического сознания позволяет нам строить свое отношение к прошлому и настоящему, а также формировать свою позицию в обществе. Идеологическая функция исторического сознания заключается в использовании истории в качестве аргумента в политических, социальных и культурных дискурсах и диалогах. Историческое сознание помогает поддерживать идеологические системы и активно и продуктивно формировать национальную или этническую идентичность [9]. Культурно-воспитательная функция исторического сознания связана с формированием культурной памяти и идентичности. Оно помогает нам узнать свое прошлое, идентифицировать себя с определенным этапом истории и сохранять культурное наследие. Важно, что гносеологическая функция исторического сознания заключается в изучении истории как науки в образовательных учреждениях [14]. Она способствует реинтерпретации прошлого, анализу причинно-следственных связей и развития исторических процессов в динамике всемирного и цивилизационных масштабов. Наконец, методологическая функция исторического сознания включает использование

исторического анализа, исследования и методов в других науках и деятельности.

Таким образом, специфические функции исторического сознания включают сохранение и передачу исторической памяти, формирование исторического мышления, а также способность к критическому мышлению и самоанализу. Историческое сознание также играет важную роль в общественной жизни, участвуя в формировании мировоззрения, понимании прошлого и настоящего, поддерживая и развивая идеологические системы, сохраняя культурную память и способствуя познанию индивидами и их группами социального мира. Историческое сознание помогает людям как субъектам общества осмыслить свою роль в исторических процессах, понять связь между прошлым и настоящим, и сделать выводы для создания эффективных стратегий реализации будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А. Проблема субъекта исторического познания: философский анализ // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2018. - Т. 1. - № 1. - С. 24-35.
2. Бакланова О. А., Семкин А. В., Югай В. В. Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2022. - № 4. - С. 155-163.
3. Золотарев С. П., Смагина Г. В. К вопросу об историческом сознании и традиции: социально-философский аспект // Kant. - 2023. - № 2 (47). - С. 142-149.
4. Золотарев С. П. Историческое сознание как форма общественного сознания // Вестник Калмыцкого университета. - 2022. - № 2 (54). - С. 99-105.
5. Лагунов А. А., Бакланов И. С., Иванова С. Ю. Христианская эсхатология и социальные утопии: к 100-летию со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. - 2022. - Т. 26. - № 1. - С. 110-119.
6. Похилько А. Д., Губанова М. А., Лоба В. Е., Абдулаева И. А. Диалогизмы социально-исторического сознания // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2023. - № 1. - С. 173-183.
7. Туфанов Е. В., Кравченко И. Н., Шматько О. Н. К некоторым аспектам социальной жизни в процессе урбанизации общества // Вестник Калмыцкого университета. - 2020. - № 3 (47). - С. 52-59.
8. Шматько А. А. Исторический опыт в структуре исторического сознания: репрезентация и социально-философская рефлексия // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2021. - № 6 (121). - С. 27-31.
9. Шматько А. А., Похилько А. Д., Губанова М. А. Модальности социальных трансформаций // Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - № 4. - С. 53-62.
10. Шматько О. Н. Историко-правовые вопросы государственной охраны объектов культурного наследия в России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2022. - № 4. - С. 148-154.
11. Шматько О. Н. Место и роль музея в культурно-образовательном пространстве вуза // Вестник АПК Ставрополя. - 2014. - № 2 (14). - С. 252-25
12. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhina A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - Т. 7. - № 2. - С. 41-47.
13. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Shmatko A. A., Gubanova M. A., Pokhilkov A. D. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformation of Postmodernity // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - Т. 7. - № 1. - С. 373-378.
14. Ivashova V. A., Tufanov E. V., Kravchenko I. N., Shmatko O. N., Yurchenko S. N. Preferences for physical education and sport activities among the young people on university campus // Journal of Pharmaceutical Negative Results. - 2022. - Vol. 13. - Special Iss. 6. - P. 947-952.

ЕГОРОВА Ольга Игоревна

магистрант направления «Педагогическое образование в области социально-гуманитарных наук» кафедры логики, философии и методологии наук Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ЗУЕВА Елизавета Константиновна

аспирант направления «Философская антропология, философия культуры 47.06.01ФФ» Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

FOMINA Darya Sergeevna

magister student of the direction «Pedagogical education in the field of social sciences and humanities» of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ И РОЛИ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Проблема цифровой культуры в России является актуальной в современном мире в связи с быстрым развитием информационных технологий и их влиянием на все сферы общественной жизни. Цифровая культура охватывает широкий спектр аспектов, от доступа к информации и коммуникаций до цифровых навыков и принятия цифровых инструментов в повседневной жизни. Изучение цифровой культуры в России требует системного подхода и внимания со стороны государства, образовательных учреждений, культурных институтов и общественности в целом. Цифровая культура представляет философский интерес как новая среда, в которой человечество обретает новые возможности, но также сталкивается с новыми вызовами и проблемами, требующими глубокого философского анализа.

Ключевые слова: цифровая культура, современное образование, философский анализ, цифровизация, инновация.

EGOROVA Olga Igorevna

magister student of the direction «Pedagogical education in the field of social sciences and humanities» of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

ZUEVA Elizaveta Konstantinovna

postgraduate student of the direction «Philosophical anthropology, philosophy of culture 47.06.01FF» of the I. S. Turgenev Oryol State University

FOMINA Darya Sergeevna

magister student of the direction «Pedagogical education in the field of social sciences and humanities» of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty of the I. S. Turgenev Oryol State University

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM FIELD AND THE ROLE OF DIGITAL CULTURE IN RUSSIA

The problem of digital culture in Russia is relevant in the modern world due to the rapid development of information technologies and their influence on all spheres of public life. Digital culture covers a wide range of aspects, from access to information and communication to digital skills and the acceptance of digital tools in everyday life. The study of digital culture in Russia requires a systematic approach and attention from the state, educational institutions, cultural institutions and the public in general. Digital culture is of philosophical interest as a new environment in which humanity gains new opportunities, but also faces new challenges and problems that require deep philosophical analysis.

Keywords: digital culture, modern education, philosophical analysis, digitalization, innovation.

В современном мире технологии, основанные на использовании информации в цифровой форме, активно применяются во всех сферах социальной, профессиональной и бытовой жизнедеятельности человека. В соответствие с этой тенденцией происходит цифровая трансформация рынка труда, сферы культуры, образования. В России существует проблема недостаточной цифровой грамотности населения, что может привести к искажению информации, распространению недостоверной информации, а также к уязвимости в сфере кибербезопасности. Низкий уровень цифровой грамотности также ограничивает возможности доступа к образованию, культурным ценностям и экономическому развитию.

Кроме того, цифровая культура оказывает влияние на социокультурные процессы, образование и культурное наследие. Недостаточное освоение цифровых технологий и способов использования цифровой информации может

привести к утрате национальных ценностей и идентичности. Цифровая культура в образовании сегодня играет важную роль, поскольку современные студенты имеют доступ к множеству цифровых ресурсов и технологий. Она позволяет им не только учиться более эффективно, но и развивать навыки, необходимые в цифровом мире. Это включает в себя умение оценивать информацию в сети, развитие компьютерной грамотности, умение работать в онлайн-средах и многое другое [1, с. 36]. Благодаря цифровой культуре развивается критическое мышление и более глубокое понимание технологий, которые будут важны для них в будущем.

Цифровая культура может способствовать развитию будущего в разных сферах:

Образование: позволяет сделать образование более доступным и эффективным, предоставляя доступ к онлайн-курсам, электронным библиотекам и другим образователь-

ным ресурсам. Это позволяет развивать умения и знания, необходимые для успешной карьеры в будущем.

Инновации: способствует развитию инноваций и новых технологий, что создает новые возможности для экономического роста и улучшения качества жизни. Благодаря цифровой культуре происходит развитие различных отраслей, таких как медицина, транспорт, сельское хозяйство и другие.

Связь и сотрудничество: усиливает связь и сотрудничество между людьми, компаниями и государствами, что способствует развитию международных отношений и обмену идеями. Это важно для решения глобальных проблем и создания устойчивого будущего.

Культурное разнообразие: способствует сохранению и продвижению культурного разнообразия, предоставляя доступ к мировой культуре и истории через интернет и другие цифровые ресурсы [2, с. 3].

Одной из ключевых областей, в которой цифровая культура оказывает влияние, являются социальные коммуникации. Этот важный аспект жизни людей переживает изменения под воздействием новых форм нормативных и ценностных регулятивов, формирующихся в рамках цифровой культуры.

В рамках цифровой культуры формируются новые формы социальных коммуникаций — цифровой этикет, этика сетевого общества. Цифровой этикет — это новая форма нормативов в сфере социальных коммуникаций, которая определяет правила и нормы поведения людей в цифровом пространстве. Он включает в себя рекомендации по поведению в социальных сетях, электронной почте, мессенджерах и других цифровых платформах. Цифровой этикет учит, как вести себя в онлайн-диалогах, как общаться с уважением к собеседнику, как избегать конфликтов и негативных ситуаций. Это важно, так как виртуальное общение стало неотъемлемой частью нашего общения, и важно знать, как вести себя правильно в этом пространстве. Кроме того, в цифровом обществе формируется новая этика, связанная с обработкой и защитой данных, свободой слова, доверием в информацию, приватностью и другими аспектами, которые ранее не были столь актуальны в контексте общения.

Ценностные ориентиры цифровой культуры определяют, каким образом люди воспринимают и оценивают цифровые коммуникации, какие ценности и принципы они придерживаются, в общем, как они строят свои взаимоотношения в цифровом пространстве.

Цифровая культура не только вносит изменения в существующие формы социальных коммуникаций, но и формирует новые ценности и нормы, которые должны быть осознаны и усвоены всеми участниками общества. Важно осознавать, что цифровая этика не отличается от общественной этики, она только приспосабливается под особенности цифровой среды. Тем не менее, это необходимо для того, чтобы общение в сети было основано на уважении, этике и правилах, позволяющих создавать комфортное и безопасное пространство для всех его участников. Существуют и отрицательные воздействия цифровых технологий:

1. Зависимость и утрата личной свободы: цифровые технологии могут привести к зависимости от гаджетов и социальных сетей, а также угрожать частной жизни людей из-за возможности слежения и неконтролируемого распространения личной информации.

2. Угроза кибербезопасности: с развитием цифровых технологий увеличивается угроза кибератак, вредоносного программного обеспечения и киберпреступности, что приводит к потенциальному ущербу для человека и общества.

3. Потеря рабочих мест: автоматизация и цифровизация экономики могут привести к уменьшению спроса на трудовые ресурсы и потере рабочих мест в традиционных отраслях.

Цифровизация в образовании обозначает широкий спектр проблем, среди которых следует выделить следующие:

Качество контента: не всегда цифровые ресурсы в образовании предлагают высококачественный и проверенный контент, что может привести к недостаточной учебной пользе.

Неравенство доступа: студенты из менее обеспеченных семей или регионов могут столкнуться с проблемами доступа к высокоскоростному интернету и современной компьютерной технике, что создает неравенство в образовательных возможностях.

Кибербезопасность: использование цифровых технологий в образовании требует усиленного внимания к защите персональных данных и информационной безопасности.

Необходимость обучения учителей: внедрение цифровых технологий требует специальной подготовки педагогов для эффективного использования электронных ресурсов в учебном процессе. Однако, в целом, цифровые технологии имеют значительный потенциал для улучшения качества жизни и развития цивилизации, при условии ответственного и сбалансированного подхода к их использованию.

Современное образование становится все более технологичным и электронным, и преподаватели должны быть готовы к этим изменениям. Подготовка педагогов к эффективному использованию электронных ресурсов в учебном процессе имеет ряд важных причин. Во-первых, электронные ресурсы предоставляют широкие возможности для улучшения качества образования. С их помощью преподаватели могут использовать различные методики обучения, интерактивные задания, мультимедийные материалы, что делает учебный процесс более увлекательным и эффективным [7]. Однако для использования всех этих возможностей необходимы специальные знания и навыки, которые педагоги могут получить только через специальную подготовку. Во-вторых, электронные ресурсы позволяют индивидуализировать обучение. С их помощью преподаватели могут создавать персонализированные программы для каждого ученика, учитывая его способности, интересы и уровень знаний [3, с. 25]. Но для эффективного осуществления индивидуализации необходимы специальные навыки работы с электронными ресурсами. Кроме того, эффективное использование электронных ресурсов помогает подготовить учащихся к будущей профессиональной деятельности, в которой широкое использование технологий является необходимым условием.

Специальная подготовка учителей и преподавателей к эффективному использованию электронных ресурсов в учебном процессе является важной и необходимой. Она позволит повысить качество образования, улучшить учебный процесс, развить индивидуализацию обучения и откроет новые возможности для подготовки учащихся к будущей жизни и работе [5, с. 25]. Для решения этих проблем необходимо ак-

тивное внедрение цифровых технологий в образовательную практику, обеспечение равного доступа к образовательным ресурсам и развитие профессиональных навыков педагогов в области цифровой образовательной технологии. Уровневая структура цифровой культуры может включать в себя различные уровни знаний, навыков и компетенций, начиная от базовой цифровой грамотности (например, умение пользоваться компьютером и интернетом) до более специализированных знаний, например, в области программирования, цифрового маркетинга, аналитики данных и т.д. Кроме того, уровневая структура может включать в себя темы, связанные с этикой в цифровой среде, цифровой безопасностью, защитой данных и приватностью.

Изучение и разработка уровневой структуры цифровой культуры могут помочь образовательным учреждениям, правительствам и организациям разработать более эффективные программы обучения и политики, направленные на повышение цифровой грамотности и компетенций населения [6, с. 6]. Также это поможет организациям более точно выстраивать свои планы развития в этой сфере

Цифровая культура представляет собой новый этап развития человеческой культуры, связанный с использованием информационных технологий и цифровых устройств. Она влияет на многие аспекты жизни людей, включая общение, образование, творчество, экономику и политику. С точки зрения философии, цифровая культура вызывает ряд важных вопросов и дебатов.

Во-первых, цифровая культура изменяет наше восприятие реальности и информации. С развитием интернета и социальных сетей, мы сталкиваемся с огромным объемом информации каждый день. Философы интересуются тем, как это влияет на наше мышление, восприятие мира и способность к критическому мышлению.

Во-вторых, цифровая культура вызывает вопросы о приватности, безопасности и свободе в сети. Эти вопросы рассматриваются с точки зрения насколько цифровой мир отличается от аналогового и какие новые этические проблемы он вызывает [4].

Также философы обращают внимание на вопросы социального влияния цифровой культуры, такие как цифровое неравенство, цифровая дискриминация и использование цифровых технологий для контроля социальных процессов.

Наконец, цифровая культура вызывает философские размышления о будущем человеческого общества и технологического развития. Какие ценности и цели мы преследуем, используя цифровые технологии? Какие угрозы и возможности они представляют для человечества?

Проблема цифровой культуры в России требует системного подхода и внимания со стороны государства, образовательных учреждений, культурных институтов и общественности в целом [8, с. 2]. Необходимо развивать цифровую грамотность, обеспечивать доступ к информационным ресурсам и пропагандировать осознанное использование цифровых технологий для сохранения культурного наследия и развития общества.

Таким образом, развитие цифровой культуры имеет большой потенциал для формирования будущего, способствуя инновациям, развитию образования и сотрудничеству, сохранению культурного разнообразия и обеспечивая новые возможности для роста и развития.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев А. Ю. Когнитивно-антропологические проблемы исследования электронной культуры // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2014. Вып. 7. С. 35-40.
2. Бермус А. Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики Pedagogy. Theory & Practice. Выпуск 1. Том 7. С. 1-10. 2022 Issue 1. Volume 7. P. 1-10
3. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edmarket.digital/> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление Интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21-37.
5. Понятие и сущность цифровизации системы образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-tsifrovizatsii-sistemy-obrazovaniya> (Дата обращения: 01.12.2023).
6. Сферум. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sferum.ru/?p=start> (дата обращения: 01.12.2023).
7. Цифровизация образования в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tadviser.ru/a/144216> (дата обращения: 05.12.2023).
8. Цифровые технологии в образовании: как современные инструменты помогают учителям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ioe.hse.ru/digitalineducation> (дата обращения: 01.12.2023).

ЛАРЮШКИН Сергей Александрович

аспирант кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина

ПОЧИТАНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ИДЕАЛОВ СВЯТОЙ РУСИ: К ВОПРОСУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация: В статье проведен концептуальный анализ почитания новомучеников в контексте идеи Святой Руси. Данная концепция понимается как национальный идеал и включает в себя центральные христианские аспекты (христоцентричность, сотериологичность, эсхатологичность, обожение), осуществляемые в реальной жизни в виде духовно-нравственных норм, социальной этики и своеобразия государственности. Выявлено своеобразное отношение русского народа к почитанию своих святых со времён Древней Руси до современности; показано, что в концептуальном плане почитание новомучеников сохраняет эту самобытность, суть которой сводится к тому, чтобы во всех сферах жизнедеятельности (церковной, государственной, социальной, бытовой и т.п.) отстаивать веру и достигать обожения. В политическом плане центральной идеей Святой Руси является симфония властей, в социальном аспекте Святая Русь предполагает наличие в своем концептуальном поле святых и грешников, поэтому духовный подвиг новомучеников является результатом разрушения всех духовно-национальных и внутривластных констант, иллюстрирует изменения христианского мировоззрения российского социума, выступает гарантом сохранения духовных и национальных традиций.

Ключевые слова: Святая Русь, новомученики, национальные идеалы, самобытность, святость, симфония властей, духовная картина мира.

LARYUSHKIN Sergey Alexandrovich

postgraduate student of Philosophy and theology sub-faculty of the Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

VENERATION OF NEW MARTYRS IN THE CONTEXT OF THE IDEALS OF HOLY RUSSIA: ON THE ISSUE OF NATIONAL IDENTIFICATION

The article presents a conceptual analysis of veneration of new martyrs in the context of the idea of Holy Russia. This concept is understood as a national ideal and includes the central Christian aspects (Christocentricity, soteriology, eschatology, deification), implemented in real life in the form of spiritual and moral norms, social ethics and peculiarity of statehood. The peculiar attitude of the Russian people to the veneration of their saints from the times of Ancient Russia to the present day is revealed, and it is shown that conceptually the veneration of the new martyrs preserves the originality, the essence of which is expressed in the fact that in all the spheres of life (ecclesiastical, state, social, domestic, etc.) faith is defended and deification is achieved. In political terms, the central idea of Holy Russia is the "symphony", the synergy of governing powers, in social terms, Holy Russia assumes the presence of saints and sinners in its conceptual field, so the spiritual feat by the new martyrs is the result of the destruction of all the spiritual & national and internal political constants, and also illustrates the changes in the Christian worldview of the Russian society, acts as a guarantor of the preservation of spiritual and national traditions.

Keywords: Holy Russia, new martyrs, national ideals, originality, sainthood, "symphony" of governing powers, spiritual worldview.

В периоды крупных исторических перемен в жизни народа вопрос его национального и цивилизационного самоопределения приобретает особую остроту, затрагивая практически все стороны жизни — этническую, культурную, историческую, религиозную, социальную и т.д. В такое время народное сознание усиленно ищет идентификационные признаки своей самобытности, черты своего национального облика, обращается к исторической памяти, стремясь подчеркнуть в ней надежды на лучшее будущее.

В XX веке Россия подверглась сильнейшим испытаниям, в которых едва не потеряла свой цивилизационный код. Катастрофическим событием явилась революция 1917 года с дальнейшим установлением тоталитарного строя, что в корне изменило образ жизни людей, утвердило иное мировоззрение. В 1941 году новое общество, истерзанное классово-гражданской борьбой и гражданской войной, понесло тяжелейшие испытания в войне с фашизмом, потеряв десятки миллионов жизней. Ещё одно событие века, потрясшее общество, — переворот 1991 года, ознаменовавшийся очередным разрушением политического строя, нравственной деградацией, демографической ката-

строфой, экономическим кризисом, локальными войнами и т.п.

Беглый взгляд на период катастроф XX столетия создаёт тревожное впечатление, что русский народ словно периодически забывает о своём мессианском призвании, разрушая вековые устои своего государства, увлекаясь чуждыми для России идеями, теряя национальную идентичность. Хроника событий этого минувшего века как будто свидетельствует, что русские национальные идеалы, сформировавшиеся со времён Древней Руси, оказались в глубоком забвении.

Однако подобные выводы являются результатом либо поверхностного и одностороннего осмысления действительности, либо откровенно диссидентских рассуждений. Русская история свидетельствует не только о кризисных явлениях и катаклизмах (их достаточно в истории любого народа). Она свидетельствует, в первую очередь, о непрестанном поиске народом своего национального облика, своего духовно-творческого бытия, своей неповторимой национальной идеи.

В России такой идеей выступала концепция Святой Руси со своим центральным идеалом святости. На этом идеале сформировались такие мировоззренческие признаки, как

Ларюшкин С. А.

теоцентричность, христоцентричность, а также сотериологичность и эсхатологичность. Концепция Святой Руси характеризуется провиденциальным взглядом на историю, мессианизмом, традиционализмом и соборностью, лежащей в основании социальной и трудовой деятельности. Идеал Святой Руси содержит духовно-этические христианские понятия добротолубия, нестяжательности, приоритета общего над частным, патриотизма, жертвенности.

Проф. В. В. Лепяхин, анализируя идею Святой Руси в её проявлениях в фольклорных и религиозных текстах, в философской мысли, выделяет 20 параметров религиозного и историософского характера Святой Руси, в которых имеются такие направления, как чисто религиозный, предполагающий наличие Бога и святых, понятие о вечности; аксиологический аспект, отражающий реализацию нравственного евангельского закона; национальный аспект, утверждающий самобытность истории и характера русского народа; вселенский аспект, в котором отражается понимание русского мессианства; социальный аспект, содержащий идею симфонии властей, понимание земной деятельности как служения Богу [2]. Всё это позволяет рассматривать Святую Русь, по словам проф. С. В. Перевезенцева, как «важнейший фактор исторического развития России» [4, с. 93].

Центральными понятиями концепции Святой Руси являются Бог и Его праведники, святые. На этих понятиях формируется весь сакрально-исторический облик этой концепции, в которой святые выступают связующим звеном между земной Россией и Святой Русью. С первых времён своего крещения Русь явила православию множество угодников Божиих всех агиологических типов из всех сословий. Святые были и остаются для верующего человека ориентирами в духовной жизни и примером благочестия, авторитетом в решении нравственных коллизий и социальных проблем. Образ жизни святых, как русских, так и вселенских, их духовное наследие в виде аскетического опыта и поучений направляли верующего человека к одной-единственной цели — Царству Небесному. На пути к этой цели святые являются помощниками человеку, ходатаями перед Богом; их духовные подвиги являют славу Божию, то есть являют Его реальное присутствие рядом с человеком. Такой онтологический взгляд на мир позволяет человеку воспринимать себя как реального участника истории, будучи её активным субъектом. По этой причине имена многих русских святых в той или иной мере связаны с историей Отечества, и это указывает на то, что с отечественной историей связана и история русской святости. По словам проф. Л. Е. Шапошниковой, наиболее религиозные народы наиболее ярко проявляют свою индивидуальность [6, с. 94].

XX век явил миру новый сонм святых — мучеников. Осмысление их подвига в духовной жизни современного православного христианина и в истории современной России должно определяться место новомучеников во всём облике Святой Руси и истории русской святости.

Данное утверждение позволяет рассмотреть следующие аспекты в подвиге новомучеников и в их почитании.

Во-первых, сам факт массового прославления новых святых говорит о стремлении Церкви сохранить ту святость, которая во все времена находилась в основании мировоззрения русского человека, — Лик Христов. Гонения начала XX века отличались по своей форме и методам от гонений первых веков христианства: христиане советского времени обвинялись, большей частью, не по религиозным причинам, а по политическим, им предъявлялись обвинения, преимущественно, за контрреволюционные действия. Шло уничтожение Русской Православной Церкви как социального института, «церковники» ликвидировались как класс, церковное имущество отбиралось, верующие подвергались притеснениям. В силу этого мученическая кончина христиан XX столетия многими исследователями ставится под сомнение, так как сам её характер имеет непосредственное сходство со смертью обречённой жертвы. Однако в таком случае факт мученичества советского периода не воспринимался бы как феномен, о канонизации святых того времени не заходила

бы и речь. Под политические обвинения человек подпадал уже за свою религиозность и был обречён на притеснения или смерть, но от него в любых ситуациях требовалось испытание совести, стояние в истине, вера и верность Христу. Именно в такой обстановке тотального отчуждения всего духовного и церковного, в морально-нравственном хаосе поиск и сохранение Лица Христова являлись главной задачей верующего человека. У проф. А. Л. Беглова есть замечание, что в условиях сегрегации повседневная религиозная жизнь верующих становилась подвигом, заключающемся в постоянном духовно-нравственном выборе. «Этот выбор означал принятие маленькой или более существенной жертвы и — что важно — готовность к ещё большей жертве» [1]. Такой исповеднической христоцентричностью жизни верующих людей сохранялась Церковь и, как следствие, духовный потенциал русской христианской цивилизации.

Необходимо обратить внимание на одну особенность евангельской истории: Христос присутствует с человеком во всей его жизни, в любых ситуациях — в храме, в путешествии, на брачном пире, на трапезе, во время рыбной ловли, на отдыхе у Марфы и Марии и т.п. Из этой повседневности Спаситель, в свою очередь, призывает каждого человека быть там, где Он, Христос, совершает спасение: на реке Иордан при Крещении, на горе Искушений, на Нагорной проповеди, на Тайной Вечери, на Голгофе и, наконец, при Своём Воскресении, Вознесении и во время сошествия Святого Духа. Такое всеприсутствие Христа в мире и соприсутствие человека со Христом является отличительной особенностью христианского богообщения. Такой образ общения с Богом отражён в подвигах святых всех веков. В житиях древнерусских святых и в жизни новомучеников можно отчётливо наблюдать, как повседневная ситуация выступает в качестве духовного поприща. Большинство русских мучеников со времён крещения Руси приняли смерть не перед гонителем-иноверцем, требовавшим отречение от Христа, а по иным мотивам, например по тем же политическим (кн. Борис и Глеб, кн. Андрей Боголюбский, кн. Ярополк Изяславович Волынский, царевич Димитрий Угличский и др.), либо по человеческой злобе без явной политической или духовной причины (прмчч. Василий и Феодор Печерские, прав. Василий Мангазейский, блгв. княгиня Евпраксия Псковская и др.) Отдельно стоит указать на тех, кто пал на поле брани, выполняя воинский (кн. Георгий Всеволодович, кн. Василько, кн. Роман (Ольгович) Рязанский и др.). В такой, казалось бы, «приземлённости» подвига мучеников можно видеть стремление народа видеть Христа в подвигах святых, в естественном течении повседневной жизни, освящать её присутствием Спасителя, покориться Его воле и Промыслу, иметь христианское терпение, веру в Бога и любовь к человеку, постоянно испытывать совесть в христианском нравственном законе.

В результате этого в лике угодников Божиих оказываются не только церковные подвижники, как это было у греков, но и мирские люди, в первую очередь князья, которые почитались как заступники народа. Отстаивание веры проявлялось во всех сферах жизни — в церковной, политической, социальной, бытовой. Такая тесная связь профанной сферы и сакральной отражала самобытный взгляд русских на святость в целом: она «теснейшим образом начинает связываться с идеалами именно национальной жизни» [4, с. 20], что, собственно, становится отличительной чертой в почитании русских святых.

Жизнеописания новомучеников содержат схожие с древнерусскими мучениками черты в совершении духовного подвига, когда социально-политические обвинения в их адрес становились условием для исповедания Христа. Этот факт показывает, что почитание новомучеников совершается в рамках национально-религиозных представлений о святости и о святых, а сам образ святых XX века стремится занять своё место в картине мира Святой Руси, сохраняя в подвиге образ кроткого и страдающего Христа, который, по словам мыслителя Г. П. Федотова, «вошёл в сердце русского народа навеки, как самая заветная его святость» [5, с. 50].

Концепция Святой Руси, как это видно из её названия, предполагает взаимоотношения между жизнью духовной

и жизнью материальной, между Церковью и государством. Такое тяготение к взаимности может осуществляться только по одному принципу — по принципу симфонии, в которой Церковь заботится о духовной стороне жизни социума, а государство заботится о материальной стороне. Это являлось выражением служения Богу — и Церкви, и государством. Такое служение Богу должно пониматься и среди сословий, когда князь или царь заботится о народе как слуга Божий, а народ, служа Богу, служит царю.

Безусловно, симфонии властей, как и гармонии существования внутренней и внешней жизни человека и всего общества, никогда не достигалось в полной мере, однако сам факт неуклонного стремления к такой модели устройства социума лишней раз доказывает её онтологичность христианскому мировоззрению. Любое нарушение данной симфонии отражается, так или иначе, на жизни социума, выливается в социальные нестроения. В этом плане, кровь русских мучеников, убиенных, как правило, по эгоистическим мотивам, свидетельствует о внутреннем духовном кризисе внутри общества, и подвиг страстотерпцев становится частью трагических страниц истории Отечества.

В частности, кровь новомучеников свидетельствует о той трагедии русского народа, которая совершалась на протяжении многих веков до революции 1917 года. Это трагедия каждодневного отступления от Христа, трагедия перемены образа мысли и образа жизни, когда Христос перестал быть жизнеопределяющим ориентиром.

Понятие греха не является чуждым элементом концепции Святой Руси, так как данная идея не носит идиллического или утопического характера, не представляет собой некий идеал государства, справедливого и счастливого, ни идеал благополучного экономического развития или политической гармонии. Святая Русь — это прежде всего религиозно-христианский идеал, рожденный на русской почве, и в этом идеале находят себе место святой и грешник, равно как и богатый и бедный, и властелин и угнетённый. Можно сказать, что Святая Русь — это средоточие антонимичных переживаний, свойственных христианству. Христианская антиномия является понятием динамичным, поэтому, когда мы говорим о святых, то всегда подразумеваем подвиг, то есть движение, заданное Христом, — движение к покаянию.

В этом контексте новомученики выступают и как ходатаи пред Богом, покровители, и как обличители народной совести, так как они, с одной стороны, своими страданиями указывают на ту самую остановку в движении ко Христу, которая и привела к смене мировоззрения, а с другой стороны, новомученики показывают, что не только они являются нашими соотечественниками и сродниками из недалёкого прошлого, но и их гонители — тоже нашего родства. Причём последних было преимущественно большинство. Из одного народа вышли и святые исповедники веры, и «строители новой жизни». Данный факт в особенности обостряет антиномию в почитании новомучеников, обращая духовный взор современных христиан к глубинам своей веры и совести, к тому правильному почитанию Христа и Его святых, которое совершается в свете Голгофской трагедии. В этой трагедии не может быть ничего неистинного и неискреннего, одностороннего, идеализированного или, наоборот, приземлённого, но всё реалистично — и сакральная сторона события, и материальная: реальными были муки Христа, Его смерть, реально и Воскресение, победа над смертью. Поэтому в почитании новомучеников, рассматриваемых как спасительная жертва, должно содержаться два аспекта — глубокая вера и покаянное чувство.

Образ Святой Руси, её идеалы находят своё место в русском народе любого времени, при любом политическом строе. Безусловно, с неодинаковой глубиной воспринимается данная концепция в разные времена, однако история показывает её жизнеспособность. Новомученики близки своей современностью к сегодняшнему российскому обществу, что имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Положительную, потому что их исповедание совершалось в близких к нам исторических реалиях, узнаваемых нами. Од-

нако, с другой стороны, именно это и отделяет нас от них, так как историческая достоверность их жизни и смерти невольно профанирует высоту их подвига, не позволяя во всей полноте усвоить его значимость. Можно сказать, что не совершилось ещё в полной мере встречи российского социума с современными русскими святыми, и в данном случае нам близка мысль Г. П. Федотова о «безмолвии» Святой Руси, равно как и «безмолвии» новомучеников.

Поэтому именно сейчас необходимо духовное усилие русского народа, в первую очередь церковного, чтобы подвиг новомучеников сохранил свою значимость в иконичности современной Святой Руси, сохраняя остроту её эсхатологичности и антиномичности и призывая всех нас к одной-единственной задаче, которую поставил Христос человеку — соработничество Богу. Такое соработничество Богу, предстояние пред кротким и страдающим Христом осуществлялось во все века крещеной Русью, было явлено в подвиге святых и сформировало основные черты русской святости — терпение, величие Христовой униженности, любовь к Богу и сострадание к ближнему. К этим ориентирам обращается русский человек из самой грубой и противоречивой повседневной действительности.

Такие черты содержатся в духовном подвиге новомучеников и являются неотъемлемой частью духовной картины мира идеи Святой Руси. В этой картине мира отразились национальные представления о духовных судьбах русского народа, его духовных трагедиях и воскресении, о его невидимом и неведомом мире. Всеобщее почитание новомучеников, когда верующий человек будет молитвенно беседовать с ними о спасении, ещё ждёт своего часа. В настоящее же время Церковь делается всё, чтобы создать потенциалы для такой беседы, а следовательно, продолжения истории Святой Руси в новых именах христовых свидетелей. В прославлении новомучеников «Русская Православная Церковь вновь указала русскому народу путь к спасению, раскрыла глубинный духовный смысл XX в., столь трагического в истории России, и со всей убедительностью показала, что величайшие страдания русского народа в этом веке не были бессмысленными, что они были посланы как испытание в борьбе с мировым злом» [3].

Пристатейный библиографический список

1. Беглов А. Л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psmb.ru/a/k-osmysleniyu-fenomena-novomuchenikov-i-ispovednikov-rossiyskih.html> (дата обращения: 22.11.2023).
2. Лепяхин В. В. Образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси. Часть 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/340.html> (дата обращения: 22.11.2023).
3. Перевезенцев С. В. Святая Русь как идеал и земная реальность России, выраженная в подвигах святых. Часть II. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svyatye.online/articles/glavnoe/sergey-perevezentsev-svyataya-rus-kak-ideal-i-zemnaya-realnost-rossii-vyrazhennaya-v-podvigakh-svyat> (дата обращения: 21.12.2023)
4. Перевезенцев С. В. Святая Русь в отечественной истории. Вторые Арзамасские Соборные встречи (16-18 октября 2003 года Праведники земли русской). Историко-краеведческий семинар. Материалы / Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ. 2003. – 271 с.
5. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. – М.: Московский рабочий, 1990. – 270 с.
6. Шапошников Л. Е. Специфика русской святости. Вторые Арзамасские Соборные встречи (16-18 октября 2003 года Праведники земли русской). Историко-краеведческий семинар. Материалы / Арзамасский государственный педагогический институт им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ. 2003. – 271 с.

ТОЛКАЧЕВ Роман Владимирович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

САФОНОВА Ася Юрьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БЛИЗНЕЦОВ Александр Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СТАНКЕВИЧ Арина Сергеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МЕЗИН Максим Кириллович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЕВРАЗИЙСТВО В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ОТ ПАССИОНАРНОСТИ ГУМИЛЁВА ДО ПОЛИТИКИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Эта статья освещает эволюцию идеи евразийства с начала 20-го века до современности, с особым акцентом на философию Льва Гумилева и влияние его теории пассионарности на формирование неоевразийства. Рассматривается влияние этих идей на российскую внутреннюю и внешнюю политику, а также на общее направление геополитического развития в постсоветском пространстве. Анализируются как поддержка этих идей со стороны политических лидеров, так и критика со стороны научного сообщества. Особое внимание уделяется роли неоевразийства в создании многополярного мира и прагматическом подходе к интеграции постсоветских государств.

Ключевые слова: евразийство, Лев Гумилев, пассионарность, неоевразийство, геополитика, многополярный мир, Россия, постсоветское пространство, прагматическое евразийство.

TOLKACHEV Roman Vladimirovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SAFONOVA Asya Yurjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BLIZNETSOV Alexander Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

STANKEVICH Arina Sergeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MEZIN Maxim Kirillovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

EURASIANISM IN THE MODERN CONTEXT: FROM GUMILEV'S PASSIONARITY TO THE POLITICS OF MULTIPOLARITY

This article highlights the evolution of the idea of Eurasianism from the beginning of the 20th century to the present, with a special focus on the philosophy of Lev Gumilev and the influence of his theory of passion on the formation of neo-Eurasianism. The influence of these ideas on Russian domestic and foreign policy, as well as on the general direction of geopolitical development in the post-Soviet space, is considered. Both the support of these ideas from political leaders and criticism from the scientific community are analyzed. Special attention is paid to the role of neo-Eurasianism in creating a multipolar world and a pragmatic approach to the integration of post-Soviet states.

Keywords: Eurasianism, Lev Gumilev, passionarity, neo-Eurasianism, geopolitics, multipolar world, Russia, post-Soviet space, pragmatic Eurasianism.

В настоящей статье представлен всесторонний анализ концепции евразийства, начиная с её зарождения в эмигрантской среде в начале 20-го века и до её современных интерпретаций. Основное внимание уделено влиянию философии Льва Гумилева и его теории пассионарности, которая оказала значительное воздействие на формирование неоевразийского движения и на российскую политическую мысль в целом. Акцентируется внимание на том, как эти идеи проникают в современную политику и влияют на отношения России с мировым сообществом. Помимо обзора идейных оснований евразийства, статья также анализирует критику этих взглядов и рассматривает потенциальные последствия их применения в современной геополитике.

В начале 20-го века, среди русской эмиграции зародилось уникальное идейное течение — Евразийство. Это направление представляло собой взгляд на территорию бывшей Российской империи, включая и последующий СССР, как на уникальную цивилизацию, отличную от европейской и азиатской. Сторонники Евразийства утверждали, что основой национальной идентичности этой области должен быть весь спектр народов, населяющих её, формируя таким образом полиэтничную евразийскую нацию.

Термин «Евразийство» обозначает философско-политическое направление, возникшее в 1920-30-х годах среди русской эмиграции. Основная идея Евразийства заключается в признании российской цивилизации как независимой гео-

политической единицы, не относящейся ни к Европе, ни к Азии.

Истоки Евразийства можно проследить в славянофильстве, возникшем в середине 19-го века в России. Славянофилы, противопоставляясь западникам, выступали за сохранение русской самобытности и православной идентичности, отрицая индивидуализм и подчёркивая роль православной церкви в жизни общества. Они также критически относились к индустриализации и городскому развитию.

Однако Евразийство отличается от славянофильства, особенно в отношении к славянскому культурно-историческому типу и панславизму. Евразийцы критиковали антибольшевистскую деятельность некоторых эмигрантских организаций, таких как РОВС, основанного белой армией в эмиграции [3].

Основателями Евразийства являются Николай Трубецкой, Пётр Савицкий, Георгий Флоровский и другие. Их первые работы, такие как сборник статей «Исход к Востоку» и альманах «Евразийский временник», оказали значительное влияние на развитие идеи. Однако к 1938 году движение Евразийства постепенно заглохло из-за внутренних расхождений и невозможности найти общий компромисс.

В СССР Евразийская идея практически не рассматривалась, так как не соответствовала марксистско-ленинской идеологии, но некоторые аспекты советской внешней политики совпадали с евразийской концепцией, особенно после Второй мировой войны.

В конце 1980-х годов возникло неоевразийство, основывающееся на работах Льва Гумилева и других мыслителей. Это направление подчёркивает идею единства России и Евразии и отрицает западные ценности. Однако, несмотря на его влияние, неоевразийство остаётся предметом дискуссий и критики среди исследователей и политологов.

Анализируя концепцию пассионарности Льва Гумилева и её влияние на современное неоевразийство, можно увидеть, как исторические и философские идеи взаимодействуют с политическими процессами. Гипотеза Гумилева о пассионарности, как внутренней энергии народов, вызванной внешними природными факторами, и её роль в формировании государственности и культуры, нашла отклик в современных политических и идеологических течениях, особенно в контексте постсоветской России.

С начала 2000-х годов, особенно после 2012 года, наблюдается возрождение интереса к идеям евразийства в российской политике. Это связано с ухудшением отношений между Россией и Западом, что создало благоприятные условия для поиска альтернативных геополитических и культурных идентичностей. Гумилевские идеи о пассионарности использовались для подчёркивания уникальности российской цивилизации и её отличия от Запада.

Неоевразийство, с его акцентом на создание Евразийского союза, также воспринимается как попытка политической и культурной интеграции постсоветского пространства. Александр Дугин, один из ключевых представителей этого течения, видит в евразийстве основу для построения многополярного мира, где Россия будет играть центральную роль. Дугин подчёркивает значение культурного и цивилизационного разнообразия России, объединяющего славянские, тюркские, финно-угорские и мусульманские элементы.

Однако важно отметить, что идеи Гумилева и неоевразийства вызывают споры среди исследователей. Критики указывают на отсутствие научной обоснованности гипотезы о пассионарности и потенциальную опасность использования таких идей для оправдания экспансионистской и империалистической политики. Некоторые политологи также считают, что неоевразийство может способствовать авторитаризму и подрыву демократических ценностей.

В контексте мировой политики идеи неоевразийства и пассионарности Гумилева могут рассматриваться как попытка России определить свою уникальную роль и место в глобальном порядке, а также как поиск способов укрепления своего влияния в постсоветском пространстве. В то же время они подчёркивают сложность и многогранность российской

идентичности, отражая глубокие исторические, культурные и геополитические изменения последних десятилетий.

Философская концепция Льва Гумилева основывалась на уникальной гипотезе, согласно которой внешние, в основном природные явления, например изменения в солнечном излучении, могли вызывать у народов, обитающих в соответствующих регионах, всплеск активности и творчества. Гумилев называл это явление «пассионарностью» — нечто вроде внутренней энергии, пробуждающей у народов стремление к завоеваниям, государственному развитию, а также к достижениям в науке, технике и искусстве [4].

Эти идеи, долгое время оставшиеся на периферии научного внимания, приобрели новую актуальность в свете ухудшения отношений между Россией и Западом в период после 2012 года, особенно после событий 2014 года. Сам Гумилев был цитирован Владимиром Путиным в его обращении к Федеральному Собранию в 2012 году, подчёркивая важность «пассионарности» для национального развития и независимости.

Неоевразийство, как философское направление, развивалось на основе классических принципов евразийства, претерпевая их трансформацию и адаптацию к новым историческим условиям и вызовам. Эти принципы стали фундаментом для идеологической и политической программы, выражающейся в стремлении к «тотальному патриотизму» и кардинальному переосмыслению исторического пути России.

Александр Дугин, ключевая фигура современного евразийства, выдвинул идею создания Евразийского союза, рассматривая его как политическое и экономическое объединение, основанное на уникальном цивилизационном принципе. Этот проект предполагает, что Россия является отдельной цивилизацией, где помимо восточнославянских и православных элементов значительную роль играют тюркские, финно-угорские, и мусульманские культурные и социальные традиции. В рамках этой концепции Дугин видит Россию как центральный элемент многополярного мира, противостоящего доминирующему положению США и их атлантистским союзникам [5].

Понятие Евразийского союза впервые было предложено Нурсултаном Назарбаевым в 1994 году и олицетворяло идею экономической интеграции и общей обороны постсоветских государств. Эта концепция позже нашла отражение в создании Евразийского экономического союза и Организации Договора о коллективной безопасности.

Евгений Винокуров, российский экономист, развил идею «прагматического евразийства», акцентируя внимание на необходимости свободного движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала между странами Евразийского союза. Его концепция подчёркивает важность экономического сотрудничества и регионального интеграционного процесса как для внутреннего развития, так и для международной безопасности и стабильности.

Пристатейный библиографический список

1. Бердяев Н. А. Славянофильство и славянская идея // Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности) / Составление, вступительная статья и комментарии А. А. Галактионова. — М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1918. — С. 135-142. — 240 с.
2. Андреев В. Ф. Северный страж Руси: Очерки истории средневекового Новгорода. — Л.: Лениздат, 1989. — ISBN 5-289-00256-1.
3. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные источники и место в истории русской мысли // Вопросы философии. — 1966. — № 3.
4. Соболев А. В. Евразийство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин. — М.: Мысль, 2000-2001. — ISBN 5-244-00961-3.
5. Ларуэль М. Россия как цивилизация: Империалистская идеология неоевразийцев // Российская политика и международные отношения. — 2008.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-563-566

ФОМИН Андрей Александрович

аспирант кафедры культурологии и изобразительного искусства Ивановского государственного университета, Шуйский филиал

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭТОСЕ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Одним из серьезных вызовов современности является крайний нравственный релятивизм, система двойных стандартов. Крайне важным видится возвращение к духовным конститутивам, что актуализирует обращение к концепту этоса. В статье прослеживается эволюция понимания этоса. Делается обоснованный вывод не только о полисемантической термина, но и необходимости его уточнения. Констатируется постепенное усложнение термина в истории философской мысли, при этом ставится под сомнение глобальность этоса, хотя и не отвергается его универсальность. Автор приходит к выводу о важности определения национального этоса, прежде всего этоса русского воина.

Ключевые слова: этос, этика, нравственные ценности, этос русского воина.

FOMIN Andrey Alexandrovich

postgraduate student of Cultural studies and fine arts sub-faculty of the Ivanovo State University, Shuya branch

THE EVOLUTION OF IDEAS ABOUT ETHOS AND ITS MODERN INTERPRETATION

One of the serious challenges of our time is extreme moral relativism, a system of double standards. It is extremely important to return to the spiritual constitutive, which actualizes the appeal to the concept of ethos. The article traces the evolution of the understanding of the *ethos*. A reasonable conclusion is made not only about the polysemanticity of the term, but also the need to clarify it. The gradual complication of the term in the history of philosophical thought is stated, while the globality of the *ethos* is questioned, although its universality is not rejected. The author comes to the conclusion about the importance of defining a national *ethos*, first of all, the *ethos* of the Russian warrior.

Keywords: *ethos*, ethics, moral values, *ethos* of the Russian warrior.

Фомин А. А.

Нравственный релятивизм современности ставит вопросы возможности существования духовных оснований, этических конститутивов, «кодекса чести», а также степени их универсальности. В этой связи актуально обращение к понятию этоса, его прочтению в истории философии и уточнению в реалиях сегодняшнего дня для России.

Античная парадигма этоса: от жилища к обычаю. Понятие «этос» появляется в античной мысли и имело тогда два прочтения. Первое носит отнюдь не философский, а вполне обывательский характер. У Гомера «ἦθος» – это, прежде всего, «дом», «место обитания» и даже «звериное логово» [1, р. 766]. В значении места как синонима жилища этот термин употребляют Гесиод, Геродот и Платон. Впрочем, тот же Гесиод начинает употреблять «этос» в значении «обычай» и, даже, «нрав» [2, с. 38-41].

Именно это – второе – прочтение станет философски наполненным в античном понимании этоса. Исследователи считают, что первым подобную интерпретацию изучаемого понятия осуществил Гераклит, понимавший под этосом природу всех явлений и процессов, включая самого человека [3, с. 86]. Следует согласиться с А. А. Гусейновым, который подчеркнул значительность семантического смещения от «места» к «нраву» или «характеру» [4, с. 4]. Гераклит, быть может, впервые связал природу с человеческим духом [5, с. 65].

Аристотель – создатель этики – использует не только термин «ἦθος», но и почти полностью созвучный ему «ἔθος». Великий мыслитель вкладывает в последнее слово значение «привычка». Вероятно, следует согласиться с лингвистами,

отмечающими ощущение древними тесной связи между двумя понятиями [6, р. 15].

Аристотель отводит привычке важнейшее место при взращивании добродетели, ибо нравственная добродетель возможна именно благодаря ей – привычке. Ведь что есть добродетель? Не просто мысль, не просто представление о том, что есть благо, а деятельностное стремление к нему. Этика Аристотеля предельно практична. В «Никомаховой этике» философ пишет, что «цель [человеческой жизни] заключается в известных действиях», что цель это – практика, действия, а даже не сама добродетель. А действия взращиваются и укореняются привычкой [7, с. 5-13]. Поэтому для Аристотеля понятие «ἔθος» первично. Именно через привычку он выводит «ἦθος» – нрав. Так рождается практическая философия – этика.

С определенной натяжкой можно говорить об этосе как характере, который формируется привычкой, более широко – традицией. Некоторые исследователи даже говорят о приобретении этосом (в античном прочтении) ритма эмоциональной жизни [8, с. 36]. А. Ф. Лосев в своей «Истории античной эстетики» подчеркивал, что в понимании древних этос – это, прежде всего, «индивидуально-психический уклад человека» [9, с. 46].

Этос как универсальный закон. Всплеск интереса и нового осмысления термина наступает в эпоху философии рационализма. В 1843 г. Дж. Ст. Милль опубликовал «Систему логики», в которой изъявил желание основать новую науку об образовании характера, которую назвал этологией. Ученый подчеркивает, что эта наука есть искусство воспи-

тания, причем, как индивидуального, так и национального характера. Причем, это точная наука о человеческой природе, чьи законы действительные Милль обосновывает необходимостью нововведения поврежденностью нравов и упадком традиции. Ученый дает и этимологическое обоснование, закладывая в корень греческое слово «ἦθος», которое интерпретирует как характер [10, с. 646]. Современный исследователь И. А. Авдеева указывает, что в одном направлении с Дж. Ст. Миллем следовал В. Вундт [11, с. 252], впрочем, в своих работах термин «этос» он не использовал.

Достаточно широко оперировал понятием «этос» М. Вебер. Более того, он ввел новый термин – «хозяйственный этос», который он стремился связать с «рациональной этикой аскетического протестантизма». Ученый прослеживает эволюцию этосов в истории Западной Европы и, фактически, приходит к представлению о «профессиональном» этосе. Исследователь особенно подчеркивает важность формирующих жизненное поведение людей религиозных и этических элементов, составляющих тот моральный кодекс человека, который и является для М. Вебера этосом [12, с. 55-56]. Именно эти установки (кодексы), сформированные в духе протестантской этики, и позволили, согласно ученому, создать питательную среду для развития «духа капитализма».

М. Шелер видел в этосе закон ценностных предпочтений. При этом ученый, в отличие от М. Вебера, дифференцирует понятие этоса. Философ отдельно выделяет этос субъекта – «порядок любви и ненависти, форма строения этих господствующих страстей, прежде всего – в том слое, который стал образцом». Эта система определяет и мировоззрение, поступки и действия субъекта. При этом субъект понимается философом расширительно: человек, социальная страта, народ. Развивая мысль, М. Шелер говорит о «фактическом этосе» – правилах предпочтения одних ценностей другим, что, опять-таки, определяет мировоззрение субъекта. «Это имеет силу для индивидов и рас, наций, культурных кругов, народов и семей, партий, классов, каст, сословий», то есть является универсалией [13, с. 35, 341, 353].

Важно, что М. Шелер говорит не просто о предпочтениях, но и об их обусловленности, в том числе и структурой инстинктов, в основе которых лежит некая «бипсихическая конституция», которая различна у народов и рас и изменяется в результате смешений. Впрочем, философ все-таки делает акцент на ценностной составляющей этоса, который часто отождествляет с введенным им понятием «ordo amoris».

В поисках «глобального этоса». Тенденция М. Вебера к выделению «профессионального этоса» нашла свое продолжение в трудах Р. Мертон, который в 1942 году ввел понятие «этоса науки». При этом ученый подчеркивает наличие очевидной связи между этосом пуританства и формирующимся социальным институтом науки.

Р. Мертон утверждает, что этос науки предполагает функционально необходимое требование, чтобы теории или обобщения оценивались с точки зрения их логической последовательности и созвучия фактам. Этос науки относится к эмоционально окрашенному комплексу правил, предписаний, нравов, верований, ценностей и предпосылок, которые считаются обязательными для ученого. Некоторые этапы этого комплекса могут быть методологически желательными, но соблюдение правил продиктовано не только методологическими соображениями. Этот идеал, как и социальные кодексы в целом, поддерживается чувствами тех, к кому он применяется. Трансгрессия сдерживается интернализирован-

ными запретами и неодобрительными эмоциональными реакциями, которые мобилизуются сторонниками этоса.

Исследователь пишет о конфликте между этосом науки и другими социальными институтами, который возникает, когда социальные последствия научных знаний считаются нежелательными. Говоря об этосе науки, Р. Мертон подчеркивает, что это нормы, которые выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они узакониваются с точки зрения институциональных ценностей. Эти императивы, передаваемые наставлением и примером и подкрепляемые санкциями, в той или иной степени усваиваются ученым, формируя, таким образом, его научное сознание.

Хотя этос науки не был кодифицирован, из него можно сделать вывод из морального консенсуса ученых, выраженного в употреблении и привычке, в бесчисленных трудах о научном духе и в моральном негодовании, направленном против нарушений этоса. В заключении автор перечисляет четыре набора институциональных императивов, образующих этос науки – универсализм, коммунизм, незаинтересованность, организованный скептицизм. Позже он добавит к ним смирение и оригинальность [14, р. 181, 258, 266, 268-270, 303].

Впрочем, далеко не все исследователи приняли позицию Р. Мертона. При этом, как замечает Н. Сторер, критика «была сосредоточена не столько на том, что он ошибочно определил компоненты этого этоса, сколько на вопросе о том, действительно ли эти нормы определяют повседневное поведение ученых» [15, р. xviii]. Кроме того, понимание этоса Р. Мертоном еще более разделило этику и этос как идеальное и должное, но все-таки существующее. Всю вторую половину XX столетия велась дискуссия по поводу предложенного ученым прочтения этоса [16], [17].

Наиболее интересна позиция Дж. Зимана, который предложил свой набор императивов, определяющих современный этос науки, который касается не столько самого ученого, сколько его карьеры и профессиональной деятельности: локальная, заказная, определенная извне и решающая конкретные задачи работа, приносящая ученому право собственности на ее результаты. По мнению автора этос корпоративизма пришел на смену академического этоса, о котором писал Р. Мертон [18, р. 178-179].

Американский ученый К. Гирц в 1973 году рассматривает этос как тип, характер, стиль жизни народа. Одновременно, это и определенный набор настроений и мотиваций, который создает картину мира. Исследователь говорит только об этосах народов и подчеркивает, что они отличаются друг от друга [19, с. 107, 137, 155].

Польский исследователь М. Оссовская вступила в полемику с М. Вебером при определении, что есть этос. Впрочем, не все согласны с такой постановкой вопроса [20]. М. Оссовская дает четкое определение этоса, под которым понимает «стиль жизни какой-то общественной группы, общая (...) ориентация какой-то культуры, принятая в ней иерархия ценностей, которая либо выражена *explicite*, либо может быть выведена из поведения людей». Ученый настаивает, что термин этос применяется только к группам и никак к индивидам. А сам термин, по мнению ученой, является одним из основных в социологии культуры. Таким образом продолжается тенденция разведения этики как дисциплины теоретической и этоса, который уже не просто сумма принципов, установок и норм, а сама жизнь, ее стиль, который, возможно типизировать на основе истории [21, с. 26].

Венгерская исследовательница Е. Анчел ассоциирует этос с правосудием, которое препятствует воспроизведению общественной несправедливости. Она видит его как нечто большее, чем мораль, заложенная в человеке. При этом исследователь подчеркивает, что «именно то, что в основе этоса лежит элемент, объединяющий всех людей, делает немислимый отказ от морали». Этос объединяет людей, но при этом его негласным источником является то самое объединение людей. Человек не руководствуется этосом в повседневной жизни. Этос проявляется лишь тогда, когда традиция общности утрачивается либо ей что-либо угрожает [22, с. 15-16, 33, 42, 105].

В. Д. Плахов рассматривает этос как детерминирующее действие на поведение людей. Он предлагает выделить в этосе содержание, форму и механизм, чье единство и интегральное проявление обеспечивают реальное действие этоса. Исследователь выделяет в этосе иерархические уровни: социальные нормы (нормативное сознание и нормативное поведение), этологические стереотипы, паттерны и фреймы. Ученый также предполагает собственную типологию этосов: доминирующие, ординарные и экстраординарные [23, с. 120-121].

А. А. Гусейнов ставит вопрос о «глобальном этосе» отмечая, что это западная идея, российский ученый вносит свои коррективы в его прочтение. По мысли исследователя, «глобальное общество требует единого этоса, новой единой этической культуры – единой не только по универсальным основаниям, но и по символически значимой структуре, конкретным нормам и механизму формирования». Для этого, как считает А. А. Гусейнов, необходима эмансипация этических норм от религиозно-мировоззренческих и политико-идеологических контекстов [24, с.58]. При этом сам этос как категория ученый определяет как «ценностную структуру общественных нравов, их системное единство; цельность субъекта (индивида, народа, общества) на уровне ментальных установок, жизненных образцов, общественных привычек» [25, с. 154].

Тему глобального этоса поддержал А. И. Неклесса. Этос для него – «категория различения и целеполагания. Это внутренне согласованный реестр («этический консенсус») ценностей бытия и норм поведения в мире, основанный на признании, каталогизировании, утверждении определенной иерархии смыслов. В своем пределе это, следовательно, проблема смысла и цели бытия, то есть – мировоззрения». Исследователь говорит о неравноценности существующих этосов и предпринимает попытку их классификации. Ученый выделяет национальные (этические) и прозелитические, претендующие на универсализм этосы. Ход современной глобализации по мнению автора таков, что вряд ли стоит говорить о скором становлении глобального этоса, нового мирового порядка. Скорее в перспективе мировая анархия. Свои идеи А. И. Неклесса высказал еще в 1998 году [26].

Р. Г. Апресян продолжает начатый рядом исследователей курс на разделение этики и этоса, допуская «возможность выделения в цельном явлении профессиональной морали рефлексивной, рационализированной, кодифицированной части под названием профессиональной этики и стихийной части под названием профессионального этоса» [27].

Современное понимание этоса: от глобальности к дифференциации и обратно. Начало третьего тысячелетия связано с возросшим исследовательским интересом к проблематике этоса. Наметилась тенденция к своеобразной «дифференциации» этоса. Уточнение термина, иной раз

приводит к изучению новых феноменов, которые, так или иначе, осмысливаются через данную категорию. Так Г. С. и Д. Г. Смирновы вводят понятие аскеозного этоса или этоса (само)ограничения, который, чаще всего, обнаруживал себя в персоналистическом измерении истории. А вот этос современной цивилизации с трудом поддается категоризации. Он находится под натиском по крайней мере двух феноменов – эстетизации и технизации. Развивая эту мысль, авторы приходят к выводу, что «этос как социальный конструкт соединяет, с одной стороны, должное и сущее, а, с другой стороны, задает определенные границы, которые в антропологическом измерении бытия предстают в виде ограничений, а иногда и самоограничений» [28, р. 211, 215-216].

П. В. Дидов говорит о воинском этосе в православной традиции и определяет его как «эталонный образец, который закладывается в основные универсалии высоконравственного поведения, оказывая влияние на социокультурный прогресс». В православной традиции воинский этос «представляет собой действенную этическую стратегию и тактику, гармонично сочетающую в себе светский и духовный планы бытия». Воинский этос в Православии выступает в качестве этической универсалии, согласно которой в значительной степени формируется внутренняя и внешняя жизнь христианина [29, с. 9, 114].

С. В. Коротеев рассуждает об этосе Петербурга и понимает данный термин как одну из ключевых характеристик духовного модуса культуры, представляющую собой становящееся и воспроизводимое явление духовной сферы жизни определенного социума, в частности, городского. Это своеобразный фундамент, нравственная основа человеческой общности, определяющая ее характер, стиль и направленность жизни, принятую в ней иерархию ценностей [30, с. 32].

И. А. Авдеева рассматривает этос как понятие, совмещающее в себе социальный и аксиологический аспект. Этос интерпретируется автором как сфера «реально-должного в деятельности как группы субъектов, так и отдельного субъекта – представителя группы» [31, с. 255].

Е. В. Коваль изучает этос информационного общества, вводит понятие «информационного этоса», под которым понимает «совокупность духовно-практических регулятивов, формирующихся в процессе профессиональной, досуговой и коммуникативной деятельности людей, так или иначе связанных с новыми информационными технологиями» [32, с. 7].

Д. Д. Григорьева изучает социальные репрезентации этоса через призму рекламы. Исследователь определяет этос как опытный продукт реестра ценностей, который избирательно актуализируется для принятия решений в условиях экзистенциального выбора. Исследователь выделяет глобальный и российский этосы. Особенности последнего усматривается как появление новых культурных стилей, маркеров, социальных стереотипов, введение инноваций, а также стремление идентифицировать себя с эталоном образа жизни, устойчивой социокультурной идентичностью. Ученый пытается раскрыть способы формирования современного российского этоса через функционал рекламы [33, с. 12, 15-16].

Этос современной России. Поиск «духовных скреп» российского общества сопряжен с поиском национальной идеи, которая получает вполне определенные контуры. Особенно важно не допускать нравственного релятивизма, двойных стандартов внутри страны, одной стороны. И не поддаваться искушению самим прибегнуть к двойным стандартам и отказу от собственных принципов в угоду конъюнктуре,

с другой. Совершенно очевидно, что идея глобального этоса – скорее абстрактная цель, чем реальность. Мир с единой аксиологией оказался иллюзией, «конца истории» не случилось, а самые базовые этические ценности подвергаются сомнению, по крайней мере, в цивилизационном пространстве Запада. Поэтому можно говорить об универсальном этосе, который не может стать глобальным. В этом противоречии, на наш взгляд, одна из причин современного мирового кризиса. Очевидные до недавнего времени «правила поведения» перестали быть таковыми в мировом измерении. Тем важнее сохранить универсальность этоса в национальном пространстве. В этой связи кажется несвоевременным девальвировать этос узконаправленного прочтения. Конечно, и этос города, и этос информационного пространства, и все остальные его прочтения имеют право на существование и определенную ценность. Но в условиях необходимости консолидации общества, которая предельно актуализировалась с началом СВО, важен этос как универсалия. В этой связи необходимо определение базовой системы этических норм, которые проявляются в условиях предельной напряженности, как это часто было в отечественной истории. Именно поэтому следует обратиться к этосу российского воина как корневому в формировании универсального национального этоса.

Пристатейный библиографический список

- Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon // Revised by Sir Henry Stuart Jones. – Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Платонов-Поляков Р. С. Семантика слова «ἦθος» в древнегреческой культуре VIII – IV вв. // Этическая мысль. – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 26-52.
- Голик Н. В. Тайна этоса // Религия и нравственность в секулярном мире: Материалы научной конференции. – СПб.: СПб философское общество, 2001. – С. 86.
- Гусейнов А. А. Великие моралисты. – М.: Республика, 1995. – 350 с.
- Гомперц Т. Греческие мыслители. – СПб: Алетейя, 1999. – Т. 1. – 606 с.
- Schwartz E. Ethik der Griechen. – Stuttgart: K. F. Koehler Verlag, 1951. – 269 s.
- Аристотель. Никомахова этика. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
- Голик Н. В. Этос и его ритм. // Социальная аналитика ритма. Сборник материалов конференции. – СПб.: СПб философское общество, 2001. – С. 36.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 тт. Т. 5. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.
- Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 832 с.
- Авдеева И. А. Этос как этико-философская проблема в контексте современных исследований // Вестник ТГУ. – 2013. – Вып. 7. – С. 250-256.
- Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
- Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
- Merton R. K. The Sociology of science. Theoretical and Empirical Investigations / Ed. By N.W. Storer. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1973. – 609 p.
- Storer N. W. Introduction // Merton R.K. The Sociology of science. Theoretical and Empirical Investigations / Ed. By N.W. Storer. – Chicago: University of Chicago Press, 1973. – Pp. XI-XXXI.
- Демина Н. В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. – 2005. – № 4. – С. 5-47.
- Лазар М. Г. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. – 2010. – Т. 1. – № 4. – С. 124-139.
- Ziman J. Prometheus bond. Science in a dynamic steady state. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1994. – 289 p.
- Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
- Палеев Р. Разные образы человека (Мария Оссовская vs Макс Вебер) // Философская антропология. – 2017. – Т. 3. – № 1. – С. 64-79.
- Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
- Анчел Е. Этос и история. – М.: Мысль, 1988. – 126 с.
- Плахов В. Д. Россия: этологическая культура и современность // Гуманитарная культура как фактор преобразования России: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: СПбГУП, 1998. – С. 120-122.
- Гусейнов А. А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? // Гуманитарная культура как фактор преобразования России: Материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: СПбГУП, 1998. – С. 57-59.
- Гусейнов А. А. Философия. Мораль. Политика. – М.: Академкнига, 2002. – 300 с.
- Неккесса А. И. Этос глобального мира. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/etos> (дата обращения: 03.12.2023).
- Апресян Р. Г. Профессиональная, прикладная и практическая этика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/apr.html#_ftnref3 (дата обращения: 03.12.2023).
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. Этос (само)ограничения: ноосферная аспектизация // Этически исследования. – 2020. – Бр. 5. – Кн. 3. – С. 210-222.
- Дидов П. В. Воинский этос в православной традиции: дис. ... канд. филос. наук. – СПб.: РГПУ, 2014. – 135 с.
- Коротеев С. В. Этос Петербурга: дис. ... канд. филос. наук. – СПб.: РГПУ, 2007. 178 с.
- Авдеева И. А. Этос как этико-философская проблема в контексте современных исследований // Вестник ТГУ. – 2013. – Вып. 7. – С. 250-256.
- Коваль Е. В. Этос информационного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2011.
- Григорьева Д. Д. Современные социальные модусы репрезентации этоса: реклама: дис. ... канд. филос. наук. – Тверь, 2018. – 158 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-12-187-567-569

ШАРИПОВ Азамат Ражапович

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью Уфимского университета науки и технологий

БАЙНАЗАРОВ Ирандык Наилович

кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по учебной и научной работе мореходного факультета Камчатского государственного технического университета

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ИТОГАМ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2021 ГОДА

В статье рассматривается и анализируется современное состояние национального самосознания на основании итогов переписи 2021 года в Российской Федерации. оказало влияние так называемая двойная идентичность, вопреки традиционного определения национальности по отцу или матери ребёнка в смешанных семьях.

Ключевые слова: национальное самосознание, ассимиляция, национальная идентичность, перепись населения.

SHARIPOV Azamat Razhapovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Ufa University of Science and Technology

BAYNAZAROV Irandyk Nailovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Deputy Dean for educational and scientific work of the Nautical Faculty of the Kamchatka State Technical University

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF NATIONAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION ACCORDING TO THE RESULTS OF THE 2021 POPULATION CENSUS

The article examines and analyzes the current state of national identity based on the results of the 2021 census in the Russian Federation. Thus, census data showed that almost 17 million citizens of the country demonstrate a lack of national identity. Possible reasons for this phenomenon are the globalization of the information space and the possibilities of Internet communications. In addition, the abolition of the indication of nationality in the Russian passport played a role. Also, the erosion of national identity was influenced by the so-called double identity, contrary to the traditional definition of nationality by the father or mother of the child in mixed families.

Keywords: national identity, assimilation, national identity, population census.

В данной статье для анализа современного состояния национального самосознания народов Российской Федерации будут использованы результаты переписи населения, которые прошли в 2021 году. Перепись населения в стране проходила в условиях санитарных ограничений из-за пандемии коронавируса, что безусловно отразилось и на способах её проведения и результатах, которые некоторыми исследователями подвергаются критике¹. Тем не менее, мы будем исходить из того, что данные переписи достоверны и будем использовать её результаты для анализа современного состояния национального самосознания. В переписи 2021 года в большом объёме появились двойные идентичности. Рассмотрим данные Росстата Всероссийской переписи населения 2021 года «Национальный состав населения»². Так как невозможно рассмотреть по всем народам в силу огромного массива данных, рассмотрим только по отдельным народам Российской Федерации в виде выборки и по алфавиту.

По переписи была установлена «общая численность населения – 147,182,123 человек, из них указавшие национальную принадлежность – 130,587,364 человек»³.

Соответственно появились такие категории населения, как «нет национальной принадлежности – 542,201 человек»⁴. Далее «лица, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана – 16,594,759 человек»⁵, так же «отказавшиеся отвечать на вопрос о национальной принадлежности - 7,004,052 человек»⁶.

Как видно из данных по переписи населения страны достаточно большое количество граждан вообще не считают нужным для себя указывать свою национальную идентичность, тем самым демонстрируют полное отсутствие национального самосознания.

1 Россию не застали дома. Новая газета (8 сентября 2021 г.).

2 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

3 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

4 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

5 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

6 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

Хорошо это или плохо? Сразу же напрашивается ответ «конечно плохо», но если проанализировать данный феномен, то возникает следующий вопрос о причинах такой индифферентности порядка около 17 миллионов граждан страны.

Возможно одной из таких причин является глобализация информационного пространства, сети интернет прежде всего. Кроме того, возможно свою роль сыграла отмена так называемой «5 графы в паспорте»⁷ означающее указание в документах национальной идентичности по принадлежности к определённой национальной общности людей.

Теперь рассмотрим, как определяли свою национальную принадлежность отдельные народы Российской Федерации и тут оказывается, что многие народы имеют размытое национальное самосознание на две и более идентичности.

Так аварцы определяли себя в сочетании с локальными аварскими общинами Дагестана, различием транскрипции обозначения национальности, так и в связи со смешанными браками. Мы видим такие идентичности, как «(аварал, аваро-американцы, аваро-даргинцы, аваро-кумыки, аваро-лезгины, аваро-татары, аваро-украинцы, аваро-чеченцы, аварцы белокавказские, закатальцы, маару-лал, телетлинцы, гляратинцы, хунзахцы, чародинцы) с численностью в 1,012,074 человек»⁸.

Схожая как с аварцами ситуация с двойной идентичностью у башкир, так мы видим территориальную идентичность, различием транскрипции обозначения национальности и наличия смешанных браков «(бакалинцы, башкир кыпсак, башкир усерган, башкиро-русские, башкиро-татары, башкирцы, башкорт, башкурт, бушман, гайнинцы, зауральские башкиры, казаки с языком башкирским, мин, татаро-башкиры с языком башкирским, тептяри с языком башкирским, уранцы) с численностью в 1,571,879 человек»⁹.

Отличительной особенностью идентичности евреев является конфессиональный фактор как определяющий, а также исторически сложившиеся диаспоры в различных странах. Как результат при относительно небольшой численности видно множество разных идентичностей «(армяно-евреи, армянские евреи, ашкеназ, ашкеназы, белорусские евреи, велижские евреи, восточные евреи, евреи-мордва, европейские евреи, идиш, идишисты, иудаисты, иудеи, ортодоксальные евреи, польские евреи, русские евреи, семиты, сефарды, хасиды) – 82,644 человек. Среднеазиатские евреи (бухарские евреи, иври, яхуди – 18 человек. Грузинские евреи – 14 человек. Горские евреи

(горские, горские таты, дагестанские евреи, джалганцы, джуур, таты-горцы) – 266 человек»¹⁰.

Ингуши будучи вайнахами наряду с чеченцами демонстрируют общую тенденцию различий идентичности по транскрипции названия народа, так и территориальной локализации «(галга, галгаи, евлоицы, калгаи, карабулакцы, мелхи с языком ингушским, мелхистинцы, нарт-орстхойцы, орстхоевцы, орстхойцы, ортсхой, орстхо, орстхой, орцхо, орштхой, аланы с языком ингушским, вайнахи с языком ингушским, чечено-ингуши с языком ингушским) – 517,186 человек»¹¹.

Название казаки происходят «от тюркского слова, значившего свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга»[1, с. 158]. Изначально до 16 века казаками были тюрки преимущественно с территории Золотой Орды. В дальнейшем в результате пополнения казачества за счёт беглых русских крестьян от крепостной зависимости и ассимиляции тюрков постепенно сложился современный облик казаков. Что нашло своё отражение в их идентичности, как «(амурские казаки, астраханские казаки, вилокорусские казаки, волжские казаки, гребенские казаки, донские казаки, забайкальские казаки, запорожские казаки, казаки-некрасовцы, казаки-черкасы, казарла, кубанские казаки, кубанско-донские казаки, нижнедонские казаки, новоазовские казаки, оренбургские казаки, православные казаки, ростовские казаки, русские казаки, севрюки, сибирские казаки, терские казаки, уральские казаки, уссурийские казаки, уссурийцы, яицкие казаки) в количестве 50,490 человек»¹².

Согласно «статье 68 конституции Российской Федерации»¹³ русские – это государствообразующий народ, который при этом исходя из данных переписи населения демонстрирует удивительное разнообразие в котором прослеживается история становления и развития русского народа «(албазинцы, ведрусы, вилежане, великороссы, горяне, гураны, древляне, кержаки, кривичи, кубанцы, кулутуры, липчане, мещеряки, молokane, нууча, русаки, русичи, русско-устынцы, семейские, сибиряки, скобари, староверы, чалдоны, челдоны, якутяне) общей численностью в 105,579,179 человек»¹⁴.

На примере татарского народа, демонстрирующего множество различных идентичностей, имеющих исторические корни, как общее название, данное европейцами, так и русскими по отношению к тюркоязычному населению Золотой Орды. Наличия большого количества смешанных браков «(армянские татары, башкиро-татары с

7 См. например [dic.academic.ru/dic.nsf/lower/16381 определение термина в «Юридическом словаре»], 2000.

8 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

9 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

10 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

11 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

12 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

14 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

языком татарским, башкирские татары, бигер, бухарские татары, волго-уральские татары, волжские татары, гайнинцы-татары, горьковские татары, гребенские татары, дагестанские татары, закамские татары, исашные татары, казанские татары, караинские татары, касимовские татары, крымско-казанские татары, кубанские татары, кубинотатары, кукморцы, литовские татары, пермские татары, поволжские татары, польские татары, польско-литовские татары, татар, татарлар, татаро-башкиры, татаро-русские с языком татарским, татарчувабелорусы, татары-мишари, татмурты, тептер, тептяри, типтяр, тоболо-иртышские татары, уфимские татары, чуматары с языком татарским, нугай с языком татарским) в количестве 4,713,669 человек. Астраханские татары (алабугатские татары) в 29 человек. Кряшены (керешен, крещенцы, крещеные, крещеные татары, крещёны, кряшены-русские, кряшены-татары) в 29,978 человек. Мишари (мещеряки с языком татарским, мижер, мишар, мишары, мишэр) в 787 человек. Сибирские татары (бараба, барабинские татары, бухарцы, заболотные татары, калмаки, сибир, сибирь, тарские татары, тобольские татары в 6,297 человек»¹⁵.

Чеченцы как вайнахи имеют собственные деления на тейпы, без каких-либо иных различий. При этом имеет место различия по транскрипции названия народа и влияние смешанных браков «(армянские чеченцы, аьккхий, вайнахи, грозненцы, мелхи, нохчий, нохчо, орстой с языком чеченским, чечено-ингуши, чечено-кумыки, чечено-осетины, чинхой) в количестве 1,674,854 человек. Чеченцы-аккинцы (акинцы, аккинцы, ауховцы, чеченцы-акинцы) в количестве 54 человек»¹⁶.

Чуваши демонстрируют единство без территориальной локализации, при различиях в транскрипции названия народа. Это «(болгаро-чуваши с языком чувашским, сувары, чаваш, чувтары, чутары) в количестве 1,067,139 человек»¹⁷.

Чукчи так же, как и чуваши имеют лишь различия в транскрипции названия своего народа «(англо-чукчи, лураветлан, лыгъоравэтлган, чаучу) в количестве 16,200 человек»¹⁸.

Валерий Александрович Тишков — советский и российский историк, этнолог, социальный антрополог, академик РАН, доктор исторических наук, профессор и бывший директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН внёс значительный вклад в то, чтобы в переписях населения у граждан появилась возможность указывать двойную идентичность. То, что мы видим в таблице по разным по численности народам

страны, включая русский народ, заставляет задуматься о продуманности подобной двойной идентичности.

В современной Российской Федерации на самом высоком уровне заявлено о необходимости «сохранения традиционных ценностей»¹⁹, которые по сути не предполагают размывание национальной идентичности и отсутствие национального самосознания! Результаты последней переписи населения показывают нам что-то аналогичное так называемой «западной бездуховности» в плане размытия «Я» и допущения того, что может довести до абсурда в плане идентичности.

В заключение отметим, что национальное самосознание — это одна из многих разновидностей идентичностей, которые возникают у человека с рождения, такие как индивидуальность, семья, пол, возраст, профессия, отношение к религии и т.д. Возможно не страшно, то, что около 17 миллионов человек в нашей стране не считают важным для себя кто они по национальности. Национальности возникли относительно недавно с точки зрения истории человеческих цивилизаций. Возможно, что всегда были, есть и будут те, кто не знает, кто он по национальности и знать не хочет! Только не понятно, почему создаются искусственные рамки «двойной идентичности»? Почему нельзя было указывать три, четыре, пять и т.д. идентичностей? Конечно, это был риторический вопрос и если серьёзно, то традиционные ценности того или иного народа в мире предполагают определение национальной идентичности по одному из родителей или по матери ребёнка, или по отцу ребёнка. Хотелось бы, чтобы к следующей переписи населения в стране были учтены традиционные ценности по определению национальной идентичности.

Пристатейный библиографический список

1. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch: в 4 т. / Авт.-сост. М. Фасмер; пер. с нем. идоп. чл.кор. АН СССР О. Н. Трубачёва. - Изд. 2-е, стер. - М.: Прогресс, 1986. - Т. I: Е - Муж. - С. 158.

15 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

16 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

17 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

18 Росстат. Всероссийская перепись населения 2020 Том 5. «Национальный состав и владение языками». Таблица 1. Национальный состав населения.

19 Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» 10 ноября 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.